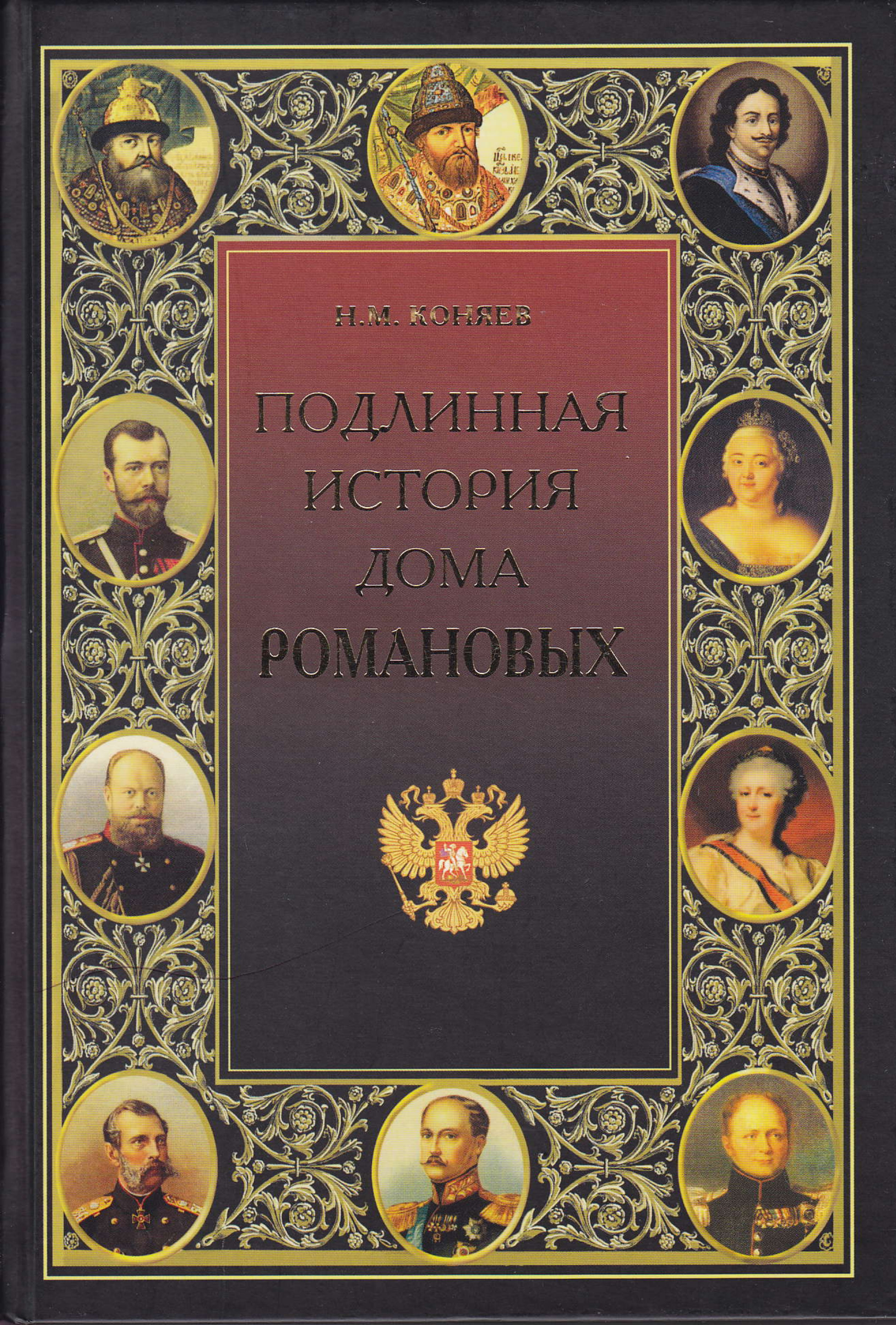

Н.М. КОНЯЕВ
ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ
ДОМА
РОМАНОВЫХ

Первый тип государственного герба России первой пол. XIX в.
Второй тип государственного герба России первой пол. XIX в.
Государственный герб Руси конца XVII в.
Государственный герб Руси XVI в.
Государственный герб Руси конца XV — начала XVI в.
Орел из Ксир
монастыря
451—

Государственный герб
Российской империи
1895 г.
Государственный герб
России 1799 г.
Государственный герб
Росии середины
XVIII в.
Государственный герб Руси
второй пол. XVII в.
Государственный герб Руси
первой четверти
XVII в.
ропотамского
я на Афоне.
453 г.г.

Н.М. КОНЯЕВ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ

МОСКВА

2006

ББК 63.3(2)
К65

Коняев Н.М.

К65 Подлинная история Дома Романовых / Н.М. Коняев. — М. : Вече, 2006. — 672 с.

ISBN 5-9533-0216-9

Петербургский автор Н.М. Коняев предпринял грандиозное исследование «белых пятен» в истории Московской Руси и Российской империи. Три столетия правила Россией династия Романовых, и, казалось бы, страна и мир хорошо знали этих монархов. Однако за прошедшие века сформировалось множество легенд и мифов, которые «вращивались» в историю как исторические факты. Подлинные же события, невыгодно рисующие роль Романовых, старательно замалчивались и искажались. И прежде всего это касается отношений Романовых с Русской православной церковью, неприятия ими русского национального характера, обычаев русского народа. Дворянская историография обычно обходила «острые углы», замалчивала самые характерные эпизоды этой русофобской борьбы, что велась фактически до начала правления Николая I.

Сквозь магический кристалл русской истории мы вдруг видим тайну расцвета династии Романовых. Лжесвидетельство, предательство, святотатство, — деяния, столь характерные для первых Романовых, отражаясь в последних царствованиях, меняют свой знак, приобретают противоположные качества. Начиная с Павла I, а особенно с Николая I, происходит нравственное преображение Романовых. Последним Романовым удается преодолеть все своеволия, заменив их необходимостью исполнения своего долга.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-9533-0216-9

Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие; ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.

А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Все это происходило с ними, как образы, а описано в наставление нам, достигшим последних веков...

Апостол Павел
Первое послание к коринфянам

Четыреста лет назад, 26 октября 1601 года, стрельцы в Москве подожгли усадьбу Федора Никитича Романова.

Самого Федора Никитича насильно постригли в монахи и заключили тогда в Антониево-Сийский монастырь...

Жену «замчали» в Заонежский Толвуйский погост...

Дочку Татьяну и сына Михаила сослали в Белоозеро...

Братьев тоже сослали...

Александра Никитича Романова — в Усолье-Луду на Белом море... Михаила Никитича — в Пермскую землю...

Ивана Никитича — в Пелым...

Василия Никитича — в Яренск...

Еще более жестоко поступили с челядью. Многих холопов Романовых подвергли страшным пыткам...

Считается, что расправа с Романовыми была вызвана болезненной подозрительностью Годунова, и предлогом послужил ложный донос о заготовке Федором Никитичем Романовым ядовитых «кореньев».

Это не совсем так.

Стрельцы, действительно, искали у Романовых коренья, но не те, что были предназначены якобы для изготовления отравы, а вполне реальные корни задуманного заговора, который должен был ввергнуть Русь в ужасы Смуты...

Увы...

Сыск ничего не дал.

Григорий Отрепьев успел скрыться с романовского двора.

Со стороны, из глубины переулка, наблюдал он, как пылает усадьба его благодетелей. Жутковато переливались в темноте всполохами пожара его глаза — первого царя со двора Романовых...

ЗАВЕЩАНИЕ ПУШКИНА
(вместо предисловия)

Считается, будто жесткая идеологическая цензура — чисто советское изобретение.

Это не совсем так.

Если мы сравним рекордсменов советского «непечатания»: Михаила Булгакова, Андрея Платонова, Николая Гумилева с запрещенными писателями дореволюционной поры, то разница будет такая же, как между юношами-третьеразрядниками и гроссмейстерами.

Книга «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого была напечатана триста пятьдесят лет спустя после создания, «Житие протопопа Аввакума» — спустя двести лет.

Я привожу примеры лишь самых главных русских книг. Книг, которые все столетия запрета продолжали жить сотнями и тысячами копий тогдашнего самиздата.

И когда мы посмеиваемся над панегириками советских литераторов В.И. Ленину, И.В. Сталину или Л.И. Брежневу, не будем забывать, что это наивный детский лепет по сравнению с тем культом, которым окружала себя династия Романовых.

Придуманные десятилетия спустя легенды и мифы вращивались в историю, как исторические факты, а подлинные события, невыгодно рисующие роль Романовых, старательно замалчивались и искажались.

И прежде всего это касается отношений Романовых с Русской православной церковью, неприятия ими русского национального характера, обычаев русского народа.

1.

Перипетии этой жестокой борьбы, что велась фактически до начала правления Николая Первого, дворянская литература и историография старательно обходила.

Не случайно «История государства Российского» Н.М. Карамзина обрывается перед избранием Михаила Романова на царство.

Увы...

Честное сердце автора «Истории государства Российского» не вмещало того, что произошло в правление первых Романовых. Чтобы рассказать обо всех перипетиях их борьбы вначале с православием, с Россией, а потом и со своей собственной семьей, нужно было обладать совсем другим темпераментом, нежели был у автора «Бедной Лизы».

Тем не менее уже и у Н.М. Карамзина отношение к оценке роли Романовых в русской истории не было однозначным. Это ведь он и сказал: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России — виною Петр!»

2.

Более определенное и глубокое понимание роли Романовых в русской истории находим мы у Александра Сергеевича Пушкина...

Впрочем, иначе и не могло быть.

«Пушкин... — по словам Н.В. Гоголя, — есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа».

Чудесным образом Пушкину удалось соединить в своем творчестве высочайшую европейскую культуру, с ее культом человеческой личности, и русскую, возведенную на фундаменте Православия духовность, казалось бы, безвозвратно утраченную Россией после реформ первых Романовых. В Пушкине соединилась культура дворянская и культура народная; Святая Русь, разрушенная Романовыми, и Россия, выстроенная Петром и его преемниками.

Ф.М. Достоевский, завершая свою знаменитую речь, сказал удивительные слова: «Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, меньше недоразумений и споров, чем видим теперь».

Мысль эта справедлива не только для лета 1880 года, когда была высказана, но и для наших, начала третьего тысячелетия дней. Вот только в отличие от Ф.М. Достоевского оправданий собственным недоразумениям и спорам нам найти труднее. Мы уже не можем сказать, что Пушкин «бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну...»

Сейчас, когда опубликован весь Пушкин, мы видим то тут, то там заботливо и мудро расставленные вешки, ориентируясь по которым мы если и не постигаем саму тайну Пушкина, то можем догадаться, на отвержении каких лжеистин строится наполненный горним светом мир пушкинской поэзии.

3.

Такие вешки находим мы, например, в записи остроумного, на французском языке, разговора с великим князем...

«Вы истинный член вашей семьи... — сказал тогда Пушкин великому князю, — tous les Romanof sont revolutionnaires et niveleurs (все Романовы революционеры и уравнители)»*.

Или, например, в письме к Чаадаеву...

«Русское духовенство до Феофана было достойно уважения, — пишет в нем Пушкин, — оно никогда не осквернило себя мерзостями папства и, конечно, не вызвало бы реформации в минуту, когда человечество нуждалось в единстве».

Речь здесь идет о бывшем иезуите Феофане Прокоповиче — видном деятеле Петровской эпохи, составившем по указанию Петра I «Духовный регламент», который и лег в основание учиненной Петром реформы Русской православной церкви.

Пушкин в отличие от многочисленных церковных и нецерковных историков четко и ясно указывает, что деятельность Феофана переломила жизнь Русской церкви.

До Феофана русское духовенство, по Пушкину, достойно уважения. А после Феофана? Ответ ясен из самого построения фразы. Отмена патриаршества, а заодно и тайны исповеди, осуществленные Петром Первым и Феофаном Прокоповичем, подорвали саму основу, на которой стояла православная Русь.

* Пушкин А.С. Госиздат «Худ. литература». М., 1936. Т. 6. С. 421.

Оговоримся при этом, что Пушкин говорил так только о современной ему Церкви, уже ощутившей удары, которые были нанесены Петром и Феофаном, и еще не успевшей до конца оправиться от них...

Столь же существенно и замечание Пушкина по поводу революционности первых Романовых. Они боролись за русский престол и принимали царский венец, но не столько для управления русским народом, сколько для насильственного революционного реформирования его...

4.

Подобных знаков, расставленных на пушкинских страницах, достаточно много, и в каком-то смысле эти беглые замечания Пушкина можно считать его завещанием нам.

В составленной, по просьбе императора Николая Первого, Записке «О народном воспитании» Пушкин говорил:

«История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений. К чему давать младенствующим умам направление одностороннее, всегда непрочное? Но в окончательном курсе преподавание истории (особенно новейшей) должно будет совершенно измениться. Можно будет с хладнокровием показать разницу духа народов, источника нужд и требований государственных; не хитрить; не искажать республиканских рассуждений, не позорить убийства Кесаря, превознесенного 2000 лет, но представить Брута защитником и мстителем коренных постановлений отечества, а Кесаря честолюбивым возмутителем...»*

Речь тут идет не только о римской истории, вернее, совсем не о римской истории...

* Пушкин А.С. Госиздат «Худ. литература». М., 1936. Т. 6. С. 432.

Пушкин говорит, завершая свою Записку: «Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целью искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве...»*

Справедливо предположить, что Пушкин распространял и на русскую историю призыв «не позорить убийство кесаря». Он считал, что и в русской истории не надобно прибегать ко лжи и искажениям, даже если это и надобно для воспитательных целей.

Руководствуясь этими пушкинскими пожеланиями, мы и попытаемся снова вглядеться в хорошо знакомые события русской истории...

5.

Замечателен призыв Пушкина начинать изучение истории *с голого хронологического рассказа происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений*...

Этот совет может показаться слишком простым и даже очевидным. И он и в самом деле прост.

Только нужно помнить, что овладение пушкинской простотой требует глубоких знаний, мужества, а главное — свободы.

Пока человек не перестанет быть рабом своих симпатий, предпочтений и дорогих его сердцу обольщений, он не способен будет пойти по указанному великим Пушкиным пути.

А зачем это нужно? Зачем нам отходить от наработанных дворянской историографией схем? Это ведь и для души спокойнее и для национального самолюбия приятнее, когда, обходя все острые углы, сосредотачиваем мы внимание на грандиозных успехах, достигнутых наследниками Петра Первого в военном и государственном строительстве.

Успехи эти, действительно, неоспоримы... Весь вопрос в цене, которой были оплачены эти успехи. И, конечно, вопрос в цели...

Русским трудом и русской кровью воздвигалась могущественнейшая империя, чтобы основная часть населения, сами русские, находились в рабстве в своей собственной стране.

Национальная энергия преимущественно оказалась направлена на приобретение все новых и новых территорий, а на обустройство и развитие того, что уже есть, сил зачастую не оставалось...

Для того чтобы попытаться стряхнуть с себя завораживающий, но гибельный дурман такого развития страны, такого предназначения народа, мы и должны освободиться от лживых, хотя, может быть, и удобных схем...

6.

Сейчас, действительно, *счастливое* время. Наступил тот редкий момент свободы, когда события нашей истории могут быть проанализированы не с точки зрения идеологов Политбюро, не в соответствии интересам дома Романовых, а объективно, с точки зрения православной истории нашего Отечества.

В Первом послании к коринфянам Апостол Павел пишет:

«Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие; ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.

А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. ***Все это происходило с ними, как образы***, а описано в наставление нам, достигшим последних веков...»

Слова эти — воплощенная Истина.

И коли образы прошлого даются в поучение нам Богом, то справедливо предположить, что все, кто пытается перекрасить эти образы, представить их иными, принадлежат к лагерю противника Божия. Сатана всегда противостоял Богу, тьма — свету, ложь — правде.

* Пушкин А.С. Госиздат «Худ. литература». М., 1936. Т. 6. С. 433.

Если вдумаемся в слова Апостола, то поймем, что грех не в том, чтобы *открытыми* глазами вглядываться в подлинные облики персонажей истории, различая в них неприятные нам черты, грех в том, чтобы, теша свои иллюзии, оставить русскую историю в злом плену наработанных за много столетий схем.

Не для того нужно противопоставить легендам и мифам правду о том же Петре Первом, чтобы очернить образ главного переустроителя русской жизни, а для того, чтобы избавиться от нелепого, много столетий подряд навязываемого нам убеждения, будто можно совершить что-то хорошее и полезное для страны, если ненавидишь ее обычаи, если осмеиваешь ее веру, если презираешь любое проявление русскости...

Мы должны понять, что если бы не был укоренен в русское общественное сознание нелепый миф о благодетельности правления Петра Первого для России, может быть, и не приходили бы к власти в нашей стране такие деятели, как Ленин и Троцкий, Горбачев и Ельцин...

Мы должны ясно осознать, что без постижения своей истории мы никогда не сможем понять, что же все-таки хочет от нас, русских, Господь, никогда не сможем выбраться на *свой, истинный* путь, с которого стараются сбить нас.

Однако злое влияние обаянников продолжает действовать на нас, и никакого нравственного очищения не может произойти с нами, пока мы не увидим в свете Истины подлинные лица этих людей.

И когда начинают вестись разговоры о какой-то новой национальной идее, всегда нужно помнить, что ее нельзя возвести на мифах и заблуждениях. Как известно, нация это не то, что народ думает сам о себе, а то, что Бог думает про него...

7.

Завершая вступление к нашей книге, хочется напомнить евангельскую историю, в которой злому гонителю христиан Савлу явился Господь и сказал:

— Тяжело тебе, Савл, против рожна идти...

Русскую национальную идею, на мой взгляд, сейчас можно уподобить этому Савлу.

Порою мы удивляемся, что и до революции, и при большевиках, и сейчас, когда вчерашняя партноменклатура возглавила строительство капитализма, на любом — не зависимо от общественного строя — отрезке нашей истории, для воплощения национальной идеи в жизнь зачем-то требуют правители и идеологи от народа терпения, напряжения сил.

Но без этого и невозможно, пока наша национальная идея остается Савлом. Это ведь Господь говорит, тяжело, дескать, тяжело тебе, Савл, против рожна идти...

Очень тяжело...

А главное — не нужно идти...

И совершенно безразлично должно быть для нас, какой будет Россия: коммунистической или капиталистической, демократической или монархической. Важно, чтобы она стала, наконец, русской и православной.

И не так страшны потери, как гипноз потерь.

Как только русская идея превратится из Савла в Павла, мы перестанем осознавать себя побежденными и тогда и одержим, может быть, самую главную в своей истории победу... Тогда мы и сумеем восстановить и промышленность, и сельское хозяйство, и армию.

«Анания пошел и вошел в дом и, возложив на него руки, сказал: брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа.

И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его; и вдруг он прозрел и встав крестился...»

Вчитываешься в строки Деяний апостолов, и кажется, что не только в Дамаске два тысячелетия назад происходило это, но и сейчас происходит с каждым из нас...

И мы должны сделать все, чтобы отпала «чешуя от глаз», и, прозрев, увидели бы мы то, что должны увидеть...

Часть первая

ЗАХАРЬИНЫ СТАНОВЯТСЯ РОМАНОВЫМИ (ПУТЬ К ВЛАСТИ)

Если возвести стену между прошлым и настоящим, не будет будущего.

Глава первая

«ШУРЬЁ»

Возвышение Романовых началось 13 декабря 1546 года, когда Иван IV Васильевич объявил митрополиту Макарию, что решил жениться.

«Великому Князю исполнилось 17 лет от рождения, — пишет Н.М. Карамзин. — Он призвал Митрополита и долго говорил с ним наедине. Митрополит вышел от него с лицом веселым, отпел молебен в храме Успения, послал за Боярами... Еще народ ничего не ведал, но Бояре, подобно Митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину и с нетерпением ждали открытия счастливой тайны.

Прошло три дни. Велели собраться Двору: Первосвятитель, Бояре, все знатные сановники окружали Иоанна, который помолчав, сказал Митрополиту: «Уповая на милость Божию и на Святых заступников земли Русской, имею намерение жениться: ты, отче, благословил меня. Первою моею мыслию было искать невесты во иных Царствах; но, рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтись нравом с иноземкою: будет ли тогда супружество счастьем? Желаю найти невесту в России, по воле Божией и твоему благословению». Митрополит с умилением ответствовал: «Сам Бог внушил тебе намерение столь вожделенное для твоих подданных! Благословляю оное именем Отца небесного». Бояре плакали от радости...»

16 января 1547 года в Успенском соборе Ивана IV Васильевича венчали на царство, а 3 февраля «царя всея Руси» обвенчали с юной Анастасией, дочерью вдовы Захарьиной.

1.

Так получилось, что после свадьбы зашумели на Москве пожары...

12 апреля погорели Китай-город и Торг, а 20 апреля пожары забушевали уже за Яузой. Но главные пожары были впереди, и, словно бы предвещая их, зазвенела земля — упал с колокольни Благовещенского собора большой колокол. Еще появились на Москве «сердечники» — чародеи, «вынимавшие из людей сердца...»

И вот наступил страшный день — 24 июня...

«Загорелся храм Воздвиженья Честного Креста, — говорит летописец, — за Неглинной, на Арбатской улице, на Острове, и бысть буря велика, и потече огнь якож молния, и пожар силен промче во един час Занеглименье. И обратися буря на град больший...»*

Вспыхнули кровли на палатах и деревянные избы, в огне погибла казна, ору-

* «Больший град» — Кремль.

жейная палата, царская конюшня. Сгорел расписанный фресками Андрея Рублева Благовещенский собор.

Святитель Макарий руководил спасением особо чтимых икон из горящих храмов, потом огонь окружил и митрополита, отрезая пути к отступлению, и пришлось спускаться из Тайницкой башни на веревках. Веревка лопнула, святитель «разбился...»

Опустошив Кремль, пожар с новой силой набросился на уцелевшие районы города. Железо там «яко олово разливашеся, и медь яко вода растаяваше». Всего сгорело в июньском пожаре 25 тысяч дворов, погибло около двух тысяч жителей.

И поползли, поползли распускаемые князем Скопиным-Шуйским и дядей молодой царицы Григорием Юрьевичем Захарьиным слухи, что виновниками пожаров являются Глинские.

Говорили, что это бабка царя Анна Глинская со своими детьми и людьми «волховала: вынимала сердца человеческие да клала в воду, да той водой, разъезжая по Москве, кропила, и оттого Москва выгорела, а у самих Глинских усадьбы не пострадали в огне».

26 июня в Москве уже не пожар вспыхнул, восстание...

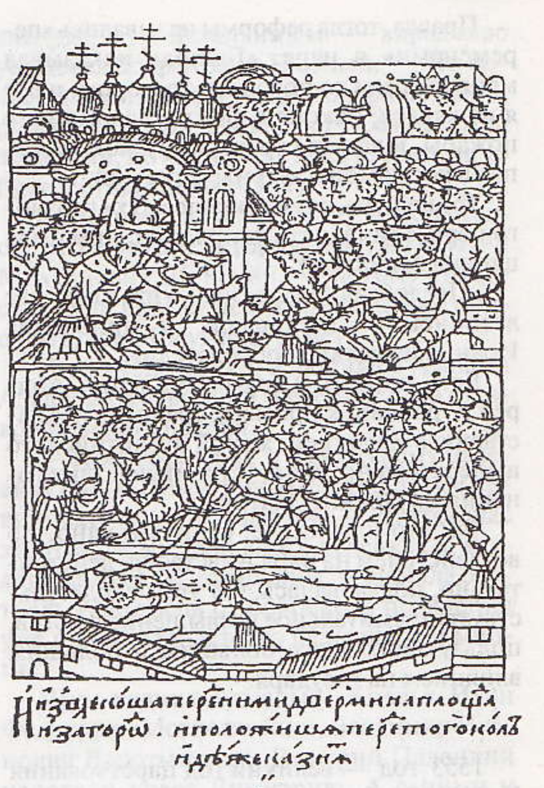
Убили дядю царя — князя Юрия Глинского. Михаил Глинский бежал в Литву. Хотя мятежную чернь царь и велел покарать, но зачинщиков бунта не тронули, предав, как пишет Н.М. Карамзин, одному суду Божию...

Еще тверже, еще увереннее встали у престола царские *«шурьи»* — Юрьины-Захарьевы...

Отметим, что это был первый совместный проект Шуйских и Юрьиных-Захарьевых-Романовых. На протяжении ближайших десятилетий этим родам предстоит действовать то сообща, то друг против друга, но все время борясь за место у трона и за сам трон.

И Шуйским, и Романовым суждено сидеть на русском троне...

Их противостояние завершится в 1612 году в Варшаве, где встретятся в польском плену царь Василий Шуйский и

Восстание в Москве 26 июня 1547 г.
Убийство Юрия Глинского.
Миниатюра Лицевого летописного свода

патриарх Филарет Романов. Василий Шуйский, завершая правление своей династии и саму династию, умрет в польской тюрьме, а Филарет (Романов) вернется в Москву, где начнет со своим сыном Михаилом правление династии Романовых...

Но это еще впереди, а пока Юрьины-Захарьевы только еще утверждаются возле трона.

Как говорят историки, утверждались они в борьбе с «мятежным господством Бояр» за царское единовластие, «чуждое тиранства и прихотей...» Заметим, что борьба эта с самого начала была не совсем чистой.

Любопытно и другое. Возвышение династии Юрьиных-Захарьевых совпало с началом реформ Иоанна IV Васильевича Грозного.

Правда, тогда реформы назывались «переменами» в царе. «Господь наказывал меня за грехи то потопом, то мором, и все я не каялся, наконец, Бог наслал великие пожары, и вошел страх в душу мою и трепет в кости мои, смирился дух мой...»

Тринадцать лет «смирялся дух» грозного царя, тринадцать лет рядом с ним была царица Анастасия.

«Предобрая Анастасия, — извещает нас летопись, — наставляла и приводила Иоанна на всякие добродетели».

Есть, однако, и другие суждения. Андрей Курбский, к примеру, сравнивает Анастасию с Евдокией, женой византийского императора Аркадия, устроившей злые гонения на Иоанна Златоуста.

Так это или иначе, судить трудно, но воздействием на царя Анастасия, действительно, пользовалась. Об этом свидетельствует стремительное возвышение шурьев, пользующихся все большим и большим влиянием на государя.

2.

1553 год — великий год царствования Иоанна Грозного. Это год третьего похода Ивана IV Васильевича на Казань. В походе участвовало 150 тысяч человек. 2 октября Казань пала.

1553 год можно считать и годом крещения рода Захарьиных-Юрьевых в дворцовой борьбе за власть, которую повели «шурьи» с «ближним окружением» царя — Алексеем Адашевым, протопопом Сильвестром и их окружением.

Немного в нашей истории деятелей, относительно которых, по словам биографа, «нельзя подобрать, кажется, свидетельства не в его пользу».

Но Алексей Адашев был именно таким человеком. И в этой оценке его едины и современники, и историки.

«И был он, — говорит о нем Андрей Курбский, — общей вещи зело полезен, и отчасти в некоторых нравех, ангелом подобен...»

«Сей знаменитый временщик явился вместе с добродетелию царя и погиб с нею...» — утверждает Н.М. Карамзин.

С этим человеком, по праву считающимся образцом древнерусского филантропа и гуманиста, и схлестнулось «шурьё» в борьбе за влияние на царя.

После взятия Казани Адашев советовал царю постоять там с войском до весны, чтобы окончательно усмирить татар, мордву, башкир и черемисов, но Анастасия была на последних месяцах беременности, и царь, как горестно сообщает Андрей Курбский, «совета мудрых воевод своих не послушал, послушал же совета шурьи своих, они бо шептаху ему во уши, да споспешитца ко царице своей, сестре своей...»*

4 октября Иван IV Васильевич заложил в Казани церковь во имя Благовещения Богородицы и вернулся с войском в Москву.

Казанского победителя встречало такое множество народа, что поля не вмещали людей.

«От реки от Яузы и до посаду и по самой град по обе страны пути бесчислено народа... велиими гласы вопиющий, ничтоже ино слышати токмо: "Многа лета царю благочестивому, победителю варварьскому избавителю христьянскому"».

Радость обретения Казанского царства сливалась с семейным торжеством в царском доме. 11 октября царица Анастасия благополучно разрешилась от бремени сыном Димитрием.

«Как скоро Анастасия могла встать с постели, Государь отправился с нею и с сыном в Обитель Троицы, где Архиепископ Ростовский, Никандр, крестил Димитрия у мощей Св. Сергия, — пишет об этих днях Н.М. Карамзин. — Насыщенный мирскою славою, *Иоанн заключил торжество государственное Христианским* (выделено нами. — *Н.К.*): два Царя Казанские, Утемиш-Гирей и Едигер, приняли Веру Спасителя. Первого, еще младенца, крестил Митрополит в Чудове монастыре и нарек Александром: Государь взял его к себе во

* У Данилы Романовича Захарьина были причины торопиться с возвращением. Во время Казанского похода в Москве умерла его супруга.

дворец и велел учить грамоте, Закону и добродетели. Едигер сам изъявил ревностное желание озариться светом истины, и на вопросы Митрополита: "не нужда ли, не страх ли, не мирская ли польза внушает ему сию мысль?" ответствовал решительно: "нет! люблю Иисуса и ненавижу Магомета!" Священный обряд совершался на берегу Москвы-реки в присутствии Государя, Бояр и народа. Митрополит был восприемником от купели. Едигер, названный Симеоном, удержал имя Царя; жил в Кремле...».

Однако, как и бывает всегда, когда правитель стремится *заключить торжество государственное Христианским,* враг рода человеческого ополчился на Ивана Грозного. Пришли из Казани печальные вести о восстании «луговых» людей и гибели вместе со своим воеводой войска Бориса Салтыкова, выступившего на усмирение бунтовщиков.

От огорчения Иван IV Васильевич серьезно занемог «огненным недугом...»

3.

Братья царицы, то ли действительно опасаясь, что царь не выживет, то ли, развивая интригу, предложили ему: написать духовную и потребовать, чтобы все бояре, а главное, двоюродный брат царя — удельный князь Владимир Старицкий, присягнули их племяннику, младенцу Димитрию.

Трудно сказать, насколько сам Иван Грозный опасался своей смерти. Скорее всего, и опасения были, было и желание испытать бояр, но главное, очень хотелось избавиться от опеки слишком мудрого Алексея Адашева, слишком прозорливого протопопа Сильвестра... Мысль шурьев Ивану Грозному понравилась.

Насколько велик был страх перед шурьями, показывает донос окольничего Михаила Михайловича Салтыкова на князя Дмитрия Ивановича Немого-Оболенского, сказавшего Салтыкову:

— Бог знает, что делается! Нас бояре приводят к присяге, а сами креста не целовали, а как служить малому мимо старого? А ведь нами владеть Захарьиным.

— Я вас привожу к крестному целованию, велю вам сыну моему Дмитрию присягнуть, а не Захарьиным! — вкрадчиво увещевал бояр Иоанн Грозный. — Но более с вами я не могу много говорить. Дмитрий и в пеленах для вас есть Самодержец законный, но коли вы не имеете совести, то будете ответствовать Богу.

— Мы не целовали креста, — попытался отговориться осторожный князь Иван Михайлович Шуйский, — потому что Государя не видели перед собою... Как присягать, если Государя тут нет?

Ну, а отец царского любимца Алексея Адашева окольничий Федор Адашев отговорок искать не стал.

— Тебе, государю, и сыну твоему царевичу князю Димитрию мы усердствуем повиноваться, — сказал он. — Другое нас заботит... Сын твой еще в пеленках, а владеть нами будут Захарьины — Данила братиею. А мы ведь от боярского правления уже в твое малолетство беды видели многие.

Шум возник немалый. Князья Иван Федорович Мстиславский, Владимир Иванович Воротынский, Дмитрий Палецкий целовали крест Димитрию. А с ними и Иван Васильевич Шереметев, и Михаила Яковлевич Морозов, и дьяк Иван Михайлович Висковатый, и, конечно же, Захарьины — Данило Романович и Василий Михайлович. Беспрекословно присягнул, к огорчению Захарьиных, и Алексей Адашев, разгадавший направленную против него интригу.

Однако Захарьины поспешили донести царю, что принимал присягу Алексей Адашев с неохотою, а протопоп Сильвестр и вообще попытался защищать от нападок бояр князя Владимира Старицкого.

Это известие и огорчило Иоанна Грозного, и порадовало. Обидно было, что любимцы, которых он и поднял к вершинам государственного управления и которые только ему и обязаны были всем, что имели, с неохотою поддержали его. Ну а порадовало тем, что теперь у него появилось моральное право избавиться от опеки, отдалиться от высокомудрых друзей. На что нужны друзья, когда рядом шурьи есть?

Приведение бояр к присяге
во время болезни царя Ивана Грозного
в 1553 г. Миниатюра Царственной книги.
XVI в.

Между тем удельный князь Владимир Андреевич Старицкий прямо отрекся целовать крест.

— Знаешь сам, что станется на твоей душе, — сказал ему Иоанн Грозный. — Если не хочешь креста целовать, мне до того дела нет.

И когда ушел брат, обратился Иван Васильевич к боярам:

— Бояре! Болен я, мне уж не до того, а вы, на чем мне и сыну моему Димитрию крест целовали, потому и делайте. Если станется надо мною воля Божия и умру я, то не забудьте, на чем вы мне и сыну моему крест целовали. Не дайте сына моего извести, лучше бегите с ним в чужую землю, куда Бог вам укажет...

Теперь уже и самые упорные противники Захарьиных-Юрьевых сообразили, что дело нечисто, и надобно бояться не шурьев, а царя, который, выздоровев, припомнит, кто супротивничал его воле... На этот раз отправились присягать все. И там-то, в передней избе, и ждало долгодумов очередное унижение. Князь Иван Турунтай-Пронский даже заплакал, увидев, кто стоит у креста.

— Твой отец, — сказал он Воротынскому, — первый изменник был, а ты теперь к кресту приводишь!

— Я изменник, — отвечал Воротынский, — а тебя привожу к крестному целованию, чтобы ты служил государю нашему и сыну его, царевичу Димитрию; ты прямой человек, а государю и сыну его креста не целуешь и служить им не хочешь.

Турунтаю оставалось только молча поцеловать крест.

Похоже, что Захарьины уже и не рады были своей затее. Больно круто заворачивалось дело.

Иоанн Грозный заметил этот страх и сказал, обращаясь к ним:

— А вы, Захарьины?! Чего испугались? Или думаете, что бояре вас пощадят? Вы от них будете *первые мертвецы*!

Не рискну трактовать эти слова как пророчество, но некий магический смысл явно присутствует в них. Из причудливой смеси царевичей Димитриев (первого и второго), Лжедмитриев (первого и второго) и выплавлялась династия *первых мертвецов*...

4.

Иоанн Грозный выздоровел. Исполняя данный во время болезни обет, он отправился с царицею и сыном Дмитрием на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь.

Вначале царь заехал в Троице-Сергиевский монастырь и провел здесь три дня, беседуя с Максимом Греком.

Преподобный попытался отговорить государя от столь дальней поездки.

— Аще, — сказал он, — и обещался ехати, просить святого Кирилла о заступничестве перед Богом, но обеты таковые с разумом не согласны. И вот почему... Когда доставал ты прегордое и сильное басурманское царство, немало христианского воинства храброго тамо от поганых падоша. Жены и дети осиротели и матери обнищали, во слезех многих и скорбех пребывают. Будет гораздо лучше наградить их и ус-

-троить, собрав в царственном граде, чем исполнять неразумные обряды. Бог везде сый, все исполняет и всюду зрит недреманным своим оком...

Долго беседовал преподобный Максим с Иваном Грозным о том, что не только святого Кирилла душа, но души всех прежде бывших праведников, которые изображены на небесах и которые предстоят теперь Престолу Божиему с очами духовными самого острого, особенно сверху, зрения, молятся Христу о всех людях, живущих на земле, особенно о тех, кто раскаивается в грехах, кто по собственной воле отвращается от беззаконий своих к Богу, ведь Бог и святые Его внимают молитвам нашим не по месту их творения, но по нашей доброй воле и по усмотрению.

— Если послушаеши меня, — сказал преподобный, — здрав будеши и многолетен со женою и отрочати...

Но замкнуто было сердце царя для слов святого. Шурья «нашептаху ему во уши», что Максим Грек говорит так, исполняя заказ «ближнего круга» — Алексея Адашева и протопопа Сильвестра.

Между прочим, историки тоже замкнули свой слух для глаголов святого, доверившись «нашептанным» словам Захарьиных-Юрьевых. Даже Н.М. Карамзин пишет, что Максим говорил, «вероятно, по внушению Иоанновых советников».

Между тем, как сообщает Андрей Курбский, преподобный Максим Грек не успокоился. Через пресвитера Андрея Протопопова, князя Ивана Мстиславского, постельничего Алексея Адашева и его, князя Андрея Курбского, велел передать царю главное свое предсказание...

«Аще, — рече, — не послушаеши мене, по Бозе советующаго, и забудеши крови оных мучеников, избиеных от поганов за правоверие, и презриши слезы сирот оных и вдовиц, и поедеши со упрямством, ведай о сем, иже сын твой умрет и не возвратится оттуды жив».

Но и эти слова святого прошли мимо загороженных шепотом шурья ушей Иоанна Грозного.

Не испугавшись грозного пророчества, Иван IV Васильевич велел ехать в Песношский Николаевский монастырь. Там, в *Дмитрове*, уже ждали суда, на которых и поплыли реками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною, в Кирилло-Белозерский монастырь.

Назад в Москву возвращались уже через *Ярославль и Ростов*. Возвращались в слезах. Везли тело умершего в дороге царевича Димитрия.

Мы выделили названия городов, потому что эти города напрямую связаны с «дмитриевским» периодом предстоящей русской истории. Словно грозное эхо пророчества преподобного Максима Грека звучит повторение этих имен в годы Смуты.

Иоанн Грозный, следуя своеволию и нашептыванию Захарьиных-Юрьевых, пренебрег благословением святого и, не вняв даже его пророчеству, потерял сына царевича Димитрия, которому, между прочим, уже присягнули все, как царю.

И «не стало царевича Дмитрея, назад едучи к Москве, и положили его в Архангеле, в ногах у В.К. Василья Ивановича...» — говорит Никоновская летопись.

Максим Грек. Рисунок на рукописи 1590-х гг.

Царевич Димитрий был первым сыном Иоанна Грозного.

Последним сыном тоже был царевич Димитрий. Его убьют в Угличе. Одни считают, что произошел несчастный случай, и царевич сам себя зарезал, упав на свой ножичек во время игры, другие — и таких историков большинство — полагают, что было совершено убийство. Одни винят в этом преступлении Бориса Годунова, другие — таких очень мало — Романовых.

Об этом убийстве разговор впереди, а пока скажем, что на престоле ни одному из настоящих Дмитриев не суждено было сесть. Сел на русском престоле назвавшийся царевичем Дмитрием человек со двора бояр Романовых — Григорий Отрепьев...

Жесткая и неумолимая закономерность прослеживается в смене кандидатов на царский престол.

Царевич-младенец, которому уже была принесена боярами присяга, умирает по предсказанию святого. Царевич-отрок, которого убили, чтобы открыть — Годуновым или Романовым? — путь к Престолу, прославлен, как святой. Самозванец, объявивший себя царевичем. Власть. Святость. Обман. Призрачность власти.

Кажущееся бессилие и неизбежное торжество святости. Неодолимость лжи и обмана, которая неизбежно рассыпается в результате в прах.

Можно бесконечно выстраивать подобные ряды, вглядываясь в череду этих Димитриев нашей истории.

Это отнюдь не случайность, а знак той истории, которая создается вопреки всем интригам и своеволиям. И бессмысленно рассуждать, что, дескать, напрасно Захарьины-Юрьевы побуждали Иоанна Грозного принуждать бояр и удельных князей к той присяге.

Может быть, и не напрасно.

На судьбе Захарьиных-Юрьевых-Романовых, кандидатов в *первые мертвецы,* присяга племяннику отразилась очень благотворно. Эта интрига еще сильнее приблизила их к Иоанну Грозному.

Ну, а смерть — что ж... На все, как говорится, воля Божия.

5.

Иногда и обида делает сердце зорким. В каком-то дивном озарении печально знаменитый князь Андрей Курбский назвал Захарьиных-Юрьевых клеветниками и нечестивыми погубителями всего Русского царства.

Он говорил это, основываясь на собственных наблюдениях за ними и пользуясь весьма ограниченным материалом начального периода правления Иоанна Грозного. Что же дало ему основание для такого вывода? Интрига, связанная с присягой царевичу Димитрию?

Едва ли. Курбский был слишком умен, чтобы не понимать, что многие царедворцы, оказавшись в положении Захарьевых-Юрьевых, повели бы себя таким же образом.

Кроме того, на положении страны эта присяга никак не отразилась.

Ответ, как нам кажется, надо искать в происходившей тогда в окружении Ивана Грозного борьбе за стратегию внешней и внутренней политики России на будущее.

Портрет Ивана Грозного. XVII в.
Национальный музей. Копенгаген

Некоторые исследователи предполагают, что разногласия между Захарьиными и Адашевым начались, когда решался вопрос, с кем вести войну.

«Адашев и Сильвестр не одобряли войны Ливонской, — пишет Н.М. Карамзин, — утверждая, что надобно прежде всего искоренить неверных, злых врагов России и Христа; что Ливонцы, хотя и не Греческого Исповедания, однако ж Христиане и для нас не опасны; что Бог благословляет только войны справедливые, нужные для целости и свободы Государств. Двор был наполнен людьми преданными сим двум любимцам; *но братья Анастасии* (выделено нами. — *Н.К.*) не любили их, также как и многие обыкновенные завистники, не терпящие никого выше себя».

Это подтверждается и другими историками. Алексей Адашев настаивал на войне с Крымом, в то время как выходцы из Пруссии Захарьины всегда, подобно стрелке компаса, указывающей на север, ломились к Балтийскому морю зачастую вопреки реальным интересам и возможностям Руси.

Как показало самое ближайшее будущее, трудно было найти более трудный и более мучительный для России путь, чем тот, который избрал Иоанн Грозный в результате интриг Захарьиных-Юрьевых...

Разумеется, роль их тут преувеличивать не надо.

Иоанн Грозный с каждым годом все более совершенствовался в искусстве «перебирания людишек», и смешно было бы надеяться, что он будет относиться как-то иначе даже и к своему любимому «шурью».

Чтобы удержаться у власти, Романовичи должны были научиться угадывать тайные помыслы грозного царя и требовать осуществления именно их, а не каких-то других планов.

Тем более что подошло 13 июля 1560 года, когда в день Собора Архангела Гавриила, словно в напоминание о пожарах, бушевавших в Москве в год свадьбы Иоанна Грозного и Анастасии Захарьиной, снова загорелся Арбат.

Анастасия так испугалась повторения «свадебного» пожара 1547 года, который тоже начался в церкви Воздвижения на Арбате, что слегла.

7 августа царицы не стало.

Но Романовичи уже постигли все тайны дворцовой жизни и, угадывая, что Государю хочется освободиться от стесняющей его добродетельности Алексея Адашева, саму смерть сестры сумели использовать для окончательного свержения фаворита Грозного.

Они уверили царя, что это протопоп Сильвестр и Алексей Адашев и извели своими чарами царицу Анастасию.

«Что мне от вас бед, всего того не исписати, — писал Иоанн Грозный Андрею Курбскому. — А и с женою вы меня про что разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моей, ино бы Кроновы жертвы не было».

Иоанн Грозный через несколько дней после потери тридцатилетней «юницы» начал вести переговоры о сватовстве к Екатерине — сестре Сигизмунда-Августа, а когда сватовство не удалось, женился на дочери черкесского князя Темрюка, принявшей в крещении имя Марии.

Эта стремительность в устройстве свадебных дел не очень-то сходится с переживаниями Ивана Грозного по поводу потери «юницы» и заставляет заподозрить, что его горесть была рассчитана на публику, и высказывалась она, когда уже «воскурилось гонение великое», чтобы оправдать жестокость расправы с прежним любимцем.

Имения Адашева описали на государя, а самого его заключили в тюрьму и начали розыск, закончившийся истреблением всех Адашевых и их родственников.

Любопытно, что, когда митрополит Макарий* потребовал призвать и выслушать

* Святитель Макарий, митрополит Московский почил 31 декабря 1563 года. Когда погребали его в Успенском соборе, «было лицо его как свет сияющее». Прославлен святитель Макарий был на Соборе Русской православной церкви 1988 года, одновременно с преподобным Максимом Греком.

Алексей Адашев и священник Сильвестр. Рисунок XIX в.

обвиняемых, Данила Романович Захарьин со своими приспешниками сумел убедить всех, что Сильвестр и Адашев «...ведомые сии злодеи и чаровницы велицы, очаруют царя и нас погубят, аще придут!».

В результате удалось так запугать бояр, что Адашева и не допрашивали, а осудили заочно вместе со всей его многочисленной родней.

Так после кончины царицы Анастасии начиналось влияние Захарьиных-Юрьевых-Романовых.

Н.М. Карамзин утверждает, например, что, хотя и оставались Захарьины-Юрьевы возле Иоанна Грозного во все время правления, но о кровь опричнины они не замарались. «Никиту Романовича Юрьева уважали как брата незабвенной Анастасии и дядю Государева, любили как Вельможу благодушного, не очерненного даже и злословием в бедственные времена кровопийства».

Может быть, это и верно, но с той только оговоркой, что все ужасы правления Иоанна Грозного отчасти благодаря интригам Захарьиных и начались. Именно тогда, когда удалось окончательно устранить от царя сторонников протопопа Сильвестра и Алексея Адашева, и приблизились к трону Алексей Данилович Басманов и сын его Федор, Афанасий Иванович Вяземский, Григорий Лукьянович Малюта-Скуратов.

Ну а влияние Романовичей и их место у трона упрочилось. Теперь они были родными дядями наследников престола царевичей Ивана и Феодора. В 1562 году, когда по указу Ивана Грозного при семилетнем царевиче Иване образовали регентский совет, в него вошли и Романовичи.

6.

Даниил Романович умер 27 октября 1564 года, и место царского дворецкого занял его младший брат, любимый шурин царя Иоанна Грозного — Никита Романович Юрьев-Захарьин.

Он был дважды женат. Первый раз на Варваре Ивановне Ховриной, но она умерла 18 июня 1552 года, и Никита Романович женился во второй раз в 1555 году — на княжне Евдокии Александровне Горбатовой-Шуйской.

От первого брака сыновей не было*, зато Евдокия Александровна Горбатова-

* Как утверждается в «Истории родов русского дворянства», составленной П.Н. Петровым, от Варвары Ивановны Ховриной имел Никита Романович дочерей — Анну и Евфимию и сына Федора, будущего патриарха Филарета. Однако, как доказывают изыскания Г.В. Мещеринова, Федор Никитич был рожден во втором браке.

Шуйская подарила любимому «шурью» Иоанна Грозного шестерых наследников.

Появление первых детей Никиты Романовича совпало по времени с наиболее масштабными успехами (укрепление Казани, взятие Астрахани, Полоцка) правления Иоанна Грозного.

Никитичи были детьми русских побед Иоанна Грозного. И это не просто поэтическая метафора, но и констатация реалий той жизни, когда успешность течения государственных и ратных дел многое определяла в успешном течении частной жизни сановников. Отзвуки победных литавр слышатся в судьбах Никитичей и Никитичен.

Анна вышла замуж за князя Федора Ивановича Троекурова. Евфимия — за князя Ивана Васильевича Сицкого. Марфа — за двоюродного брата царицы Марии Темрюковны, князя Бориса Канбулатовича Черкасского. Ирина — за Ивана Ивановича Годунова. Анастасия — за боярина, князя Бориса Михайловича Лыкова.

Пятеро* сыновей Никиты Романовича: Федор, Александр, Михаил, Иван, Василий, еще при царе Федоре закрепили свое высокое положение...

Боярин Федор Никитич — будущий патриарх Филарет, был необыкновенно красив, осанист и служил, как утверждают современники, образцом для подражания у московских щеголей...

Александр Никитич, получивший великолепное образование, уже в двадцать лет сиживал «в кривой лавке» во дворце во время приема послов, был он на Соборе, избиравшем в цари Бориса Годунова, который и пожаловал его в бояре, а потом сослал умирать в Усолье Луду на Белом море.

Михаил Никитич, окольничий, был высоким и отличался удивительной силой. Когда его привезли в Нароб, жилища для него не нашлось, и пристав приказал сторожам рыть яму прямо на том месте, где они остановились. Валил снег. Шестеро стражников пихали тяжелую кибитку и не могли сдвинуть с места. Тогда Михаил Никитич вылез, «в порыве горести» схватил возок и отбросил его от себя шагов на десять. Это происшествие так поразило наробцев, что они особенно тщательно укрепили настил над вырытой ямой, в которую и поместили несчастного ссыльного. В этой яме и просидел Михаил Никитич, не покидая ни в дождь, ни в страшные морозы, целый год, а потом умер, и на могиле его «израстоша два древа кедри, — едино у главы, второе же у ног».

Ивана Никитича в бояре пожаловал уже Григорий Отрепьев, когда венчался на царство. Иван Никитич входил в печально знаменитую Семибоярщину, участвовал он и в возведении на престол своего племянника — Михаила Федоровича Романова.

Василий Никитич до ссылки успел дослужиться только до стольника. Был он смел, отважен и непокорен.

Когда стрелецкий сотник Иван Некрасов, по дороге из Яренска в Пелым, начал выговаривать, дескать, «кому Божиим милосердием, и постом, и молитвою, и милостыней Бог дал царство, а вы злодеи изменники хотели достать царство ведовством и кореньем», Василий Никитич оборвал его.

— Свята та милостыня, что мечут по улицам, добра та милостыня, — дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала.

За непокорство и держал его стрелецкий сотник в цепях и в дороге, и в избе в Пелыме. В цепях, прикованным к стене, и умер он.

Эти Никитичи и начали называть себя не Захарьиными, не Юрьевыми, а Романовыми. Старшему из них — Федору — предстояло возвести на престол своего сына Михаила — первого царя Романова.

Потребовалось на это почти тридцать лет.

И были эти годы, когда Романовы восходили на престол, может быть, самыми страшными в истории России.

7.

Корни и стебли...

Род, из которого вышла царская династия, происходил от Андрея Кобылы, при-

* Лев Никитич, как и его сестра Иулиания Никитична, умер молодым.

ехавшего со своим братом Федором Шевлягою из Пруссии в XIV веке.

Пятый сын Андрея Кобылы был боярин Федор Кошка, оставивший четверых сыновей. У старшего из них, Ивана Кошки, тоже было четверо наследников, последний из них, Захарий, дал своему потомству наименование Захарьиных. Сыновья среднего сына Захария, Юрия, носили название Захарьиных-Юрьевых. Роман Захарьин-Юрьев и был отцом царицы Анастасии и брата ее Никиты. Сыновья его, Никитичи, звались уже просто Романовыми.

Кобылины. Кошкины. Захарьины-Юрьевы. Романовы. Поражает легкость, с которой меняются эти прозвища. Она сродни решительности, с которой изменяли свои фамилии революционеры.

И как тут не вспомнить снова уже поминавшийся нами разговор А.С. Пушкина с великим князем. А.С. Пушкин рассуждал, что наиболее революционно настроены в России дворяне.

— Кто были на площади 14 декабря? — сказал Пушкин. — Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много... Nous, qui sommes aussi bons gentilhommes que l'Empereur et Vous*...

Великий князь, как замечает сам Пушкин, был очень любезен и откровенен.

В чем заключалась его откровенность, высказанная в ответ на весьма сомнительный комплимент поэта, что и император, и великий князь являются хорошими дворянами, поэт не говорит, но как-то, видимо, эта откровенность приводила к ключевым пушкинским словам:

— Vous êtes bien de votre famille, tous les Romanof sont revolutionnaires et niveleurs**.

— Спасибо... — сказал великий князь, — так ты меня жалуешь в якобинцы! благодарю, voila une reputation qui me manquait...***

* Мы, которые являемся такими же хорошими дворянами, как император и вы...

** Вы истинный член вашей семьи, все Романовы революционеры и уравнители.

*** Вот репутация, которой мне недоставало...

Говоря о Романовых как о революционерах и уравнителях, Пушкин не знал, какой жестокой насмешкой будут казаться его слова нам, живущим два столетия спустя.

Романовым еще суждено было пройти путь к своей Голгофе, но и тот, что они прошли к власти, был сходен с путем, которым прошли русские революционеры.

Не об этом ли говорит в «Борисе Годунове» предок поэта, Гаврила Пушкин?

Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы.
А там — в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды — где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнанье...

И в словах этих, как и во всей драме, почти нет исторического вымысла.

Александр Никитич Романов был сослан в Усолье-Луду на берегу Белого моря, где и скончался в 1602 году.

Василий Никитич Романов умер 15 февраля 1602 года в Пелыме.

Иван Никитич Романов, сосланный в Пелым, три месяца был прикован к стене.

Михаил Никитич Романов умер в земляной яме в Ныробе Чердынского уезда.

Кажется, что речь идет не о родоначальниках царской династии, а о самых настоящих революционерах. Впрочем, ведь и с захваченной ими Россией Романовы поступили, как самые настоящие революционеры.

Вглядываешься в события истории и поражает ее причудливость и прихотливость.

Все Никитичи — в том числе и родоначальник царской династии — от второго брака.

Их могло и не быть, но они рождаются и рождаются, как мы говорили, в период наиболее ярких успехов правления Иоанна Грозного (от взятия Казани до начала Ливонской войны).

Интересно и то, что «демографический взрыв» в семье царского «шурья» совпада-

ет с прекращением (после кончины Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой) чадородия в царской семье, с долгой полосой политических и военных неудач.

Учитывая, что речь идет не просто о семьях, а о династиях правителей России, одна из которых (Рюриковичи) завершается, а другая (Романовы) начинается, не отметить этого совпадения нельзя.

И тут надо снова вернуться к вопросу о выборе Романовыми фамилии.

В принципе, если уж не хотелось братьям называться ни Захарьевыми, ни Юрьевыми, можно было назваться Никитинызми. Они же были сыновьями Никиты Романовича. Но родоначальник будущей династии и его братья, самоотверженно помогавшие ему, взяли для фамилии имя деда, а не отца.

И это тоже понятно.

Федору Никитичу Романову (патриарху Филарету) хотелось, чтобы династия будущих царей начиналась от царицы Анастасии. Хотелось, чтобы все помнили, что они были рождены братьями (двоюродными) последнего царя из династии Калиты. И все это верно, за исключением того, что новая династия начиналась от царицы. Нет. Она начиналась *возле* царицы.

Глава вторая

УБИЕНИЕ СВЯТОГО ЦАРЕВИЧА

Тиранство Иоанна Грозного, пробудившееся после падения Сильвестра и Адашева, летописцы называли *чуждою бурею*.

— Была она послана, — добавил Н.М. Карамзин, — как бы из недр ада.

Первые казни Грозного обрушились на родственников и друзей Алексея Адашева.

Казнили его брата, Данилу с двенадцатилетним сыном. Данила Адашев был талантливым полководцем, героем Крымского похода и Ливонской войны.

Казнили трех шуринов Адашева — Сатиных.

Казнили некую Марию, жену знатную с пятью сыновьями.

Казнили Ивана Шишкина с женой и детьми.

Зарезали князя Дмитрия Оболенского-Овчину. Царь прямо за обедом вонзил ему в сердце нож.

А князя Михаила Репнина зарезали в церкви.

Казнили князя Юрия Кашина.

Удавили воеводу Никиту Шереметева.

Перечень можно продолжать, но это было только начало. Спустя четыре года пришла, как говорит Н.М. Карамзин, «вторая эпоха казней».

Открыла ее казнь князя Александра Борисовича Горбатого-Шуйского. Знаменитому воеводе надлежало умереть с семнадцатилетним сыном Петром.

— Да не зрю тебя мертвого! — сказал отец и первым шагнул к плахе.

Сын его поднял отсеченную голову отца, поцеловал и сам шагнул к плахе.

В тот же день казнили шурина Горбатого — Петра Ховрина, окольничего Головина, князей Ивана Сухого-Кашина и Петра Ивановича Горенского.

Князя Дмитрия Шевырева посадили на кол, и он целый день, пересиливая муку, пел канон Иисусу.

Когда привычными стали самые страшные казни, пришло время казнить города...

Новгородцев избивали палицами, жгли составною мудростью огненною, целыми семьями, сбрасывали с моста в Волхов.

Воистину *чуждою бурею*, как бы из недр ада посланною возмутить, истерзать Россию, пронеслись над страной эти казни...

Можно рассуждать, что, вырезая старинные роды и целые города, Иоанн IV Васильевич пытался сломить и фактически сломил хребет удельной и местнической психологии.

Наверное, это так...

Но вместе с тем есть в этом рассуждении и изрядная доля лукавства.

Что толку уничтожать удельную психологию, если на смену старой знати поднималась новая, цепко держащаяся за власть аристократия. Она отличалась необыкновенным честолюбием, но умела жертвовать честью, когда этого требовали обстоятельства карьеры...

Местничество было злом для России, а эти люди?

При Иоанне Грозном не удержался ни мудрый Алексей Адашев, ни святитель Филипп Колычев, ни лиходеи Басмановы. Зато поднимались и крепли роды Романовых и Годуновых...

Иоанн Васильевич не подобрал их, а вывел, «перебирая людишек».

1.

Путь Годуновых в царские «шурья» был труднее, чем у Романовых.

Брак родственницы Годуновых Евдокии Сабуровой с царевичем Иваном оказался неудачным.

Меньше года длилось замужество Евдокии.

Грозный свекор, по совету «любимого шурья» Никиты Романовича, отправил невестку в монастырь.

А несколько месяцев спустя шведская пуля сразила в Ливонии могущественного тестя Бориса Годунова — Малюту Скуратова. Это для Годуновых было пострашней потери Евдокии.

Падение их казалось теперь неизбежным, но Годуновы устояли. Более того — царевич Федор женился на сестре Бориса Годунова — Ирине.

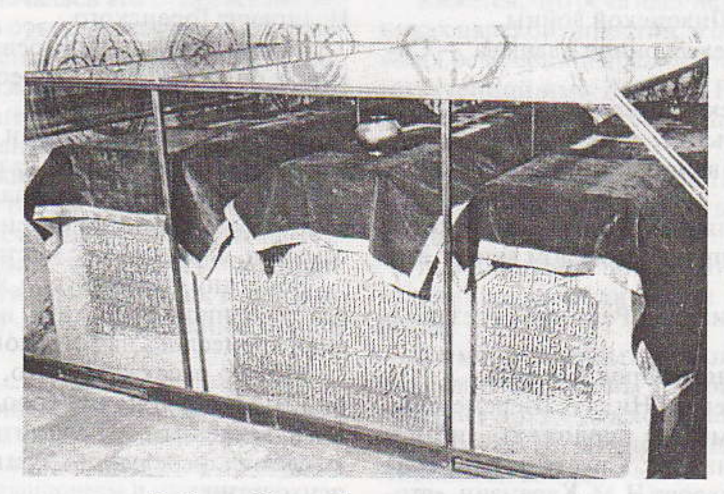
В следующее царствие Русь вступила с двумя кланами царских родственников. Они ровнехонько шли друг за другом. Борис Годунов занял при Федоре то же место, что Никита Романович занимал при Грозном — любимого шурина.

Зато сам Никита Романович превратился в дядю царю, а его сыновья, Никитичи, стали двоюродными братьями государя.

Не случайно, что именно между Романовыми и Годуновыми развернулась в дальнейшем основная борьба за власть...

Но это потом, а поначалу, чтобы уцелеть, Романовы и Годуновы действовали достаточно сплоченно. Умение позабыть о спорах и разногласиях, когда требовалось расправиться с общим врагом, помогло им выстоять после смерти Грозного.

Н.М. Карамзин, характеризуя Верховную думу, составленную умирающим Иоанном, говорит об уважении, которым пользовались представители пострадавшей в правление Грозного знати.

Гробница Ивана Грозного и его сыновей
в Архангельском соборе Московского Кремля

Князя Ивана Федоровича Мстиславского (Гедеминовича) почитали за знатность рода, в князе Иване Петровиче Шуйском (Рюриковиче) «чтили славу великого подвига ратного».

Отношение к неродовитым, выдвинувшимся при Грозном сановникам, было сложнее.

Откровенно ненавидели любимца Иоанна — хитрого Богдана Яковлевича Бельского. Бориса Годунова тоже опасались: «ибо он также умел снискать особенную милость тирана, был зятем гнусного Малюты Скуратова».

Ну, а «Никиту Романовича Юрьева *уважали как брата* незабвенной Анастасии *и дядю* Государева».

Эта характеристика точно отражает ориентацию Верховной думы.

Хотя распределение сил было достаточно сложным (работало множество сложнейших семейных связей), но в целом всю деятельность Думы определяла борьба родовой знати и новых выдвиженцев, «земцев» и «опричников».

Составляя Думу, Иоанн Грозный надеялся сохранить преемственность своей политики.

Тут он крупно ошибся...

Грозный царь умер, собравшись поиграть в шашки, вечером 18 марта 1584 года, а уже ночью Дума выслала из Москвы многих «услужников Иоанновой лютости», других арестовали, к родственникам царицы Марии Нагой приставили стражу.

Свояк Бориса Годунова Богдан Бельский, пытаясь утихомирить бояр, собрал подчиненные ему стрелецкие сотни и затворил Кремль.

Опасаясь, что он распустит Верховную думу и будет единолично править от имени царя, князья Шуйские подняли народ.

Шуйских поддерживала боярская аристократия и москвичи.

Бельского — худородные дьяки Щелкановы и стрельцы.

Сложнее определить, кого поддерживали родственники царя. Считается, что Никита Романович действовал против Бельского, а Борис Годунов якобы защищал свояка.

Это не совсем так.

И Никита Романович, и Борис Годунов были родственниками Федора Иоанновича, и ни одного из них не устраивало торжество Бельского, пытавшегося подчинить себе царя. Впрочем, торжество родовой аристократии их тоже не устраивало...

Почему?

Да потому, что в сравнении с Гедеминовичами и Рюриковичами Романовы и Годуновы были одинаково и безнадежно худородны...

Неизвестно, координировали ли Годуновы и Романовы свои действия, но они дружно и четко сыграли и против боярской оппозиции, и против «опричников» за свою собственную команду родственников царя.

Борис Годунов помешал свояку развить успех, когда была возможность распустить регентский совет, а Никита Романович, пустив в ход все свое знаменитое благодушие, блокировал попытки Шуйских развить успех восстания. Он уговорил смутьянов удовольствоваться высылкой Бельского из Москвы. Мятежники разошлись по домам, а Бельский отправился в Нижний Новгород.

Повторим, что система сдержек и противовесов в первые недели правления царя Феодора была сложной, но уже тогда стало ясно, что основная борьба за влияние на царя развернется не в Думе, а внутри царской семьи, между *шурьем*.

Никита Романович вскоре занял первое место в Верховной думе, но вскоре после венчания на царство Федора Иоанновича* его разбил паралич, и Борис Годунов решительно расправился с учреждением Иоанна Грозного, растворив его в древней Боярской думе.

И как всегда, — фирменный знак политики Годунова! — шурин царя Федора сумел сделать вид, будто падение Никиты Ро-

* 31 мая 1584 года, когда Федор Иванович венчался на царство, он, не дожидаясь конца церемонии, отдал Державу Борису Годунову.

мановича осуществлено исключительно руками знати. Родовитые бояре действительно приняли его за свою победу и, развивая успех, опрометчиво начали хлопотать о разводе царя с Ириной, чтобы сокрушить заодно и Годуновых.

Заговор был раскрыт, и его вдохновитель — митрополит Дионисий — отправился в Хутынский монастырь под Новгородом.

Год спустя Годунов расправился и с князьями Шуйскими.

Многих из них удавили, а князь Иван Петрович Шуйский, в котором «чтили славу великого подвига ратного», был пострижен в монастырь и «угорел» в своей келье в Белоозере...

Возможно, Годунов на всякий случай расправился бы и с Романовыми, но Никита Романович предусмотрительно выдал за внучатого племянника Годунова дочь Ирину, породнив своих сыновей — двоюродных братьев царя — с могущественным царским шурином и царицей.

Окончательный мир заключили в августе 1584 года, когда Никита Романович, чувствуя приближение смерти, взял с Годунова клятву «соблюдать» его детей и «вверил» ему попечение о них.

Годунову казалось потом, что он свое слово сдержал и во все царствование Феодора имел молодых Никитичей в «завещательном союзе дружбы...»

2.

«На громоносном престоле мучителя Россия увидела постника и молчальника, более для кельи и пещеры, нежели для власти державной рожденного... — пишет Н.М.Карамзин. — К счастью России, Федор, боясь власти как опасного повода к грехам, вверил кормило государства руке искусной... Сие царствование... казалось современникам милостью Божьей, благоденствием, златым веком: ибо наступило после Иоаннова».

«Царь Федор был мал, внешность монашескую имел, смирением был прославлен, о духовных делах заботился, на милость был щедр и нищим, просящим у него, по-

Царь Федор Иванович.
Парсуна. XVII в.

давал — обо всем земном не заботился, только о душевном спасении, — говорится и в «Летописной книге» С. Шаховского. — И за это Бог царство его миром оградил, врагов поверг к стопам его и время спокойное даровал».

Говоря о времени царя Федора, надо сказать, что именно в это царствование, помимо достаточно успешных экономических преобразований и победных военных компаний, произошло событие, которое по праву можно считать узловым во всей истории Святой Руси...

25 января 1589 года в Успенском соборе Кремля в приделе Похвалы Пресвятой Богородицы Константинопольским патриархом Иеремией был посвящен в сан первый русский патриарх Иов. Идея игумена Филофея о Москве, как третьем Риме, начинала обретать зримые очертания...

— Отныне возвеличением митрополита Руси в сан Патриарший, — сказала тогда царица Ирина, — умножилась слава Российского царства во всей вселенной. Этого давно желали князья русские и этого, наконец, достигли.

Необыкновенно глубокий смысл в этих словах русской царицы.

Символично, что именно на последних годах правления династии Рюриковичей и произошло то, чего «давно желали русские князья», к чему вели Русь святой равноапостольный князь Владимир, святой благоверный князь Александр Невский, святой благоверный князь Дмитрий Донской... Введение патриаршества — это итог правления династии Рюриковичей. Святая Русь обрела под их рукою не только государственную, но и духовную самостоятельность.

Однако еще большую глубину приобретают слова царицы Ирины, когда мы соотносим их и с последующими событиями...

Триста лет правления Романовых, пришедших на смену Рюриковичам, по сути, были столетиями борьбы новой династии с духовной самостоятельностью и своеобразием Руси. Триста лет пытались Романовы переустроить Русь по западному образцу, перелицевать ее духовность на протестантский лад.

И поразительно, но все этапы этой борьбы зримо обозначились в отношении Романовых к патриаршеству...

Вспомним, что патриархом стал сам основатель династии — Филарет Романов. Первый раз в этот сан его возвел самозванец, еврей Богданко. Второй раз — собственный сын.

Вспомним, что второй царь из дома Романовых, Алексей Михайлович, вступил в открытую борьбу с патриархом и сослал в ссылку патриарха Никона. Сын Алексея Михайловича, Петр Первый, вообще отменил патриаршество и попытался реформировать Православную Церковь на протестантский лад...

Исправить ошибки предков попытался император Николай Второй. Существует предание, что он изъявлял желание, передав трон преемнику, стать патриархом.

Это не осуществилось. Патриаршество было возрождено только после падения династии Романовых. И царю Николаю, как мы знаем, был предназначен не святительский подвиг, а подвиг царя-мученика...

Но всё это впереди, впереди и разговор об этих событиях, а пока отметим, что именно с введением патриаршества совпало начало активной антиправительственной деятельности бояр Романовых.

В 1591-м, голодном году, 15 мая, в Угличе убили царевича Димитрия.

Сразу поползли слухи о том, что царевича убили по приказу Годунова.

3.

Утро в тот день началось в Угличе ссорой государева дьяка Михаила Битяговского с братьями Нагими.

По указу царя Федора удельная семья утратила право распоряжаться доходами со своего княжества и получала деньги «на обиход» из царской казны. Выдавал их Михаил Битяговский и выдавал, как считали братья царицы, мало.

В то утро Михаил Нагой попросил денег «из казны» сверх государева указа. Битяговский отказал ему, началась ругань.

Огорченные Михаил и Афанасий отправились пьянствовать, а царица Мария села покушать.

Сына она отпустила поиграть со сверстниками на задний дворик, что находился между дворцом и крепостной стеной. За царевичем приглядывала мамка — боярыня Василиса Волохова и две няньки.

Обед еще не закончился, когда вдруг раздался крик.

Царица Мария выбежала на задний дворик и увидела убитого сына. Схватив с земли полено, Мария Федоровна начала избивать Василису Волохову. Она кричала, что царевича зарезал сын мамки-боярыни — Осип.

По приказу царицы ударили в колокол, созывая народ на помощь...

Главный дьяк Углича Михаил Битяговский — набат прервал его трапезу! — вначале попытался пробраться на звонницу, но звонарь заперся на колокольне и не слышал ничего или делал вид, что не слышит.

— Уйми шум, каб дурна какого не сделал! — закричал дьяк на пьяного Михаила

Нагого, тоже прибежавшего к дворцу из-за стола.

Михаил Нагой ничего не успел ответить.

— Вот они, душегубцы! — закричала царица, указывая на дьяка.

Разъяренные угличане выбили двери и растерзали укрывшихся в дьячей избе Битяговских.

С площади люди ринулись на подворье дьяка, «питье из погреба в бочках выпили», дом разграбили, а жену дьяка, детишек и укрывавшегося с ними Осипа Волохова потащили на площадь.

Бедную женщину и детишек от лютой смерти спас архимандрит Феодорит. Он «ухватил» их «и убити не дал».

Архимандрит видел в церкви и Осипа Волохова.

Весь израненный и окровавленный, он стоял неподалеку от тела царевича «за столпом», а Василиса Волохова на коленях упрашивала царицу «дати ей сыск праведной».

Но Мария Федоровна была неумолима. Едва старцы покинули церковь, она объявила толпе, что царевича убил Осип. Толпа разорвала юношу.

Любопытное описание убийства было приведено А.Ф. Бычковым в «Чтениях Московского общества истории и древностей».

«В седмой час дни, как будет царевич противу церкви царя Константина, и *(по повелению изменника злодея Бориса Годунова,)* приспевши душегубцы ненавистники царскому кореню *(Никитка Качалов да Данилка Битяговский)* кормилицу его палицею ушибли, и она обмертвев пала на землю, и ему государю царевичу в ту пору киняся перерезали горло ножем, а сами злодеи душегубцы вскричали великим гласом. И услыша шум мати его государя царевича и великая княгиня Мария Федоровна прибегла, и видя Царевича мертва и взяла тело его в руки, *и они злодеи душегубцы стоят над телом государя царевича, обмертвели, аки псы безгласны, против его государевой матери не могли проглаголати ничтоже;* а дяди его государевы в те поры разъехалися по домам кушати, того греха не ведая. И взяв она государыня тело сына своего царевича Димитрия Ивановича и отнесла к церкви Преображения Господня, и повелела государыня ударити звоном великим по всему граду, и услыхал народ звон велик и страшен яко николи не бысть такова, и стекошася вси народы от мала до велика, видя государя своего царевича мертва, и возопи гласом велиим мати его государева Мария Федоровна плачася убиваяся, говорила всему народу, чтоб те окаянные злодеи душегубцы царскому корени живы не были, и крикнули вси народы, тех окаянных кровоядцев камением побили».

Если изъять из этого отрывка подчеркнутые нами строки, многое здесь внушает доверие. Интересно же это описание тем, что в нем еще рельефнее проступают странности поведения Марии Нагой.

Она выбегает на крик царевича, видит его убитого, кормилицу оглушенную и, еще не разобравшись ни в чем, кричит на Битяговских, что это они убийцы. Более того, *убиваяся, говорит всему народу, чтоб те окаянные злодеи душегубцы царскому корени живы не были*. То есть она требует немедленной расправы над племянником и сыном угличского дьяка, не пытаясь выяснить, кто подучил их совершить это страшное преступление.

Все, что мы изложили, — факты, подтвержденные многочисленными свидетельствами и никем, кажется, неоспариваемые.

Споры идут по другому поводу.

Спорят, было ли происшествие в Угличе убийством или царевич погиб от неосторожного обращения с ножом?

Пытаются выяснить, кто все-таки был убийцей царевича Димитрия и кто заказал это убийство?

Ломают головы, почему Шуйский, проводивший следствие, впоследствии изменил свое мнение?

Не могут понять, какую роль в преступлении играли сами Нагие.

Но это сейчас...

Долгое время для наших историков таких вопросов просто не существовало. Они

твердо знали, *кто* убил царевича, *кто* заказал убийство, *как* это убийство было осуществлено.

«Начали с яда, — пишет Н.М. Карамзин. — Мамка царевичева, боярыня Василиса Волохова, и сын ея, Осип, продав Годунову душу, служили ему орудием, но зелие смертоносное не вредило младенцу, по словам Летописца, ни в яствах, ни в питии. Может быть, совесть еще действовала в исполнителях адской воли, может быть, дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая меру ея, к досаде нетерпеливого Бориса, который решился употребить иных смелейших злодеев...»

Согласно Карамзину мамка боярыня Волохова силой вывела царевича из горницы и провела к нижнему крыльцу, где уже ждали его Осип Волохов, Данила Битяговский, Никита Качалов.

— Государь! — взяв Димитрия за руку, сказал Осип. — У тебя новое ожерелие!

Царевич Дмитрий Иванович.
Портрет из «Титулярника». 1672 г.

— Нет, старое... — улыбаясь, ответил младенец.

И тут «блеснул над ним убийственный нож: едва коснулся гортани его и выпал из рук Волохова. Закричав от ужаса, кормилица обняла своего Державного питомца. Волохов бежал; но Данило Битяговский и Качалов вырвали жертву, зарезали и кинулись вниз с лестницы...»

Даже и на либеральном склоне XIX века, следуя летописям, готовым приписать Борису Годунову любое преступление, наши историки считали само собой разумеющимся, что убийство царевича Димитрия якобы было выгодно Борису Годунову, и поэтому и было (или могло быть) устроено им...

«Что Борису был расчет избавиться от Димитрия, — это не подлежит сомнению; роковой вопрос предстоял ему: или от Димитрия избавиться, или со временем ожидать от Димитрия гибели самому себе... — говорит Н.И. Костомаров. — Скажем более, Димитрий был опасен не только для Бориса, но и для царя Федора Ивановича. Димитрию еще пока был только восьмой год. Еще года четыре, Димитрий был бы уже в тех летах, когда мог, хотя бы и по наружности, давать повеления. Этих повелений послушались бы те, кому пригодно было их послушаться; Димитрий был бы, другими словами, в тех летах, в каких был его отец в то время, когда, находившись под властию Шуйских, вдруг приказал схватить одного из Шуйских и отдать на растерзание псарям».

Вообще, для историка такого уровня, как Н.И. Костомаров, непростительно уже само сопоставление царевича Димитрия с его отцом...

Когда Иван Грозный приказал псарям убить князя Андрея Шуйского, он был хотя и малолетним, но *законным* наследником короны, никому другому его корона не принадлежала и никто на нее открыто не претендовал. Царевич Димитрий не смог бы поступить так, потому что законным царем был его брат Федор.

Костомаров совершенно правильно отмечает, что «в Московской земле... к особе

властителя чувствовали даже рабский *страх и благоговение*; но все такие чувства *не распространялись на всех родичей царственного дома*». (Выделено нами. — *Н.К.*)

Если бы сам царевич Димитрий или его мать со своими братьями и попытались свергнуть законного царя Федора, именно вследствие того, что *страх и благоговение не распространялись на всех родичей царственного дома,* их попытка не могла бы иметь успеха. Тем более что царевич Димитрий вообще был лишен прав на престол*, и даже имя его запретили поминать в церкви в списке царственных особ.

Сильно преувеличиваются и опасения Бориса Годунова по поводу царевича Димитрия.

Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на положение Годунова не из последующих десятилетий, а из того 1591 года, когда им якобы и принималось решение об уничтожении царевича.

Тогда царю Федору было всего тридцать четыре года, и ничего не предвещало скорой его кончины. Надежды на продолжение династии тоже не окончательно были потеряны. Хотя уже десять лет длился бездетный брак, но любви друг к другу царственные супруги не потеряли, и значит, надобно было только молиться и ждать.

Между прочим, ожидания эти были вполне реальными...

В 1592 году царица Ирина родила дочь, великую княжну Феодосию**, которая подтвердила, что надежда на продолжение династии сохраняется.

Значит, и Борису Годунову еще рано было тогда опасаться угличского отрока. Пойти в 1591 году на совершение такого громоздкого преступления он мог только в состоянии умственного помрачения. Он ничего не выигрывал, а потерять рисковал все.

Годунов прекрасно понимал, что любое происшествие с царевичем Димитрием враги используют для его дискредитации, и, учитывая это, правильнее будет сказать, что едва ли был на Руси еще один человек, которому бы смерть Димитрия была так невыгодна, как Годунову...

Н.И. Костомаров, кажется, понимал это, но как часто бывало с ним, благоразумие порою изменяло ему, и пылкие слова заменяли взвешенные аргументы.

«Убийцы могли посягнуть на убийство Димитрия не по какому-нибудь ясно выраженному повелению Бориса; последний был слишком умен, чтобы этого не сделать; убийцы могли только сообразить, что умерщвление Димитрия будет полезно Борису, что они сами за свой поступок останутся без преследования, если только сумеют сделать так, чтобы все было шито и крыто...»

Но это же совсем несерьезно...

Хотя Димитрия и лишили прав на престол, он оставался родным братом царя Федора, который, кстати сказать, любил его. *Что* сделал бы благочестивый царь Федор и с преступниками, и с любимым шурином, если бы тот оказался замешанным в преступлении, догадаться не трудно. И современники безусловно знали это в отличие от историков девятнадцатого века, воспитанных в традициях просвещенного монархического афеизма...

Нелепо даже предположение, что мог найтись безумец, который решится на убийство, *сообразив, что умерщвление Димитрия будет полезно Борису,* без твердой гарантии оплаты, лишь в надежде, что *они останутся без преследования!*

Ну и конечно же, следуя этой логике, убийство царевича Димитрия можно приписать любому деятелю той эпохи...

Между прочим, Н.И. Костомаров и сам признает, насколько невероятно предположение об организации Борисом Годуновым убийства царевича.

«Борис, — замечает он, — правил самодержавно, чего хотел он, все то исполнялось, как воля самодержавного государя. Заговор мог составляться только против Бориса, а не Борисом с кем бы то ни было».

---

* Он родился в седьмом браке Ивана Васильевича, а церковь разрешала три.

** Княжна Феодосия умерла четырех лет от роду.

Вот эти, пусть и вырванные из контекста, рассуждения представляются нам более разумными, чем беспочвенные обвинения Годунова.

В Угличе, действительно, был составлен заговор... Только не Борисом Годуновым, а против Бориса Годунова.

4.

Расследование угличской трагедии проводилось с редкой по тем временам оперативностью. Уже 19 мая в Углич прибыла следственная комиссия, возглавляемая князем Василием Ивановичем Шуйским и бывшим дядькой царя Федора Андреем Петровичем Клешниным.

Комиссия эта выяснила два обстоятельства, в корне опровергающие версию, выдвинутую Марией Нагой.

Во-первых, оказалось, что ни она, ни ее братья не видели, *кто* убил царевича, они не присутствовали во дворе в момент убийства.

Во-вторых, было установлено, что сам дьяк Михаил Битяговский не мог принять участие в преступлении, ибо обедал в своем доме, когда ударили в набат. Его алиби подтвердил священник Богдан (духовник Григория Нагого), который обедал в тот день у Битяговских.

Если даже допустить, что материалы следствия под давлением Бориса Годунова были сфальсифицированы, то очевидно, что эпизода с дьяком Битяговским фальсификация не коснулась. Чтобы вывести из-под обвинения Бориса Годунова, незачем было обелять человека, который был уже убит и не мог свидетельствовать против Годунова.

Выяснилась и другая любопытная деталь...

Накануне приезда комиссии Шуйского Михаил Нагой глубокой ночью собрал верных людей и велел раздобыть оружие. Нашли кривой «ногайский» нож, два обыкновенных ножа и железную палицу. Потом зарезали в чулане курицу, облили оружие кровью и отнесли в ров, где лежали обезображенные трупы.

Подложные улики были заготовлены, чтобы сбить с толку следователей. Но обман оказался раскрыт. Первым повинился приказчик Раков. Михаил Нагой поначалу пытался отпираться, но тоже признался.

Многое можно понять... Можно понять ярость Марии Нагой, когда она бьет поленом боярыню Василису Волохову. Та не уследила за царевичем.

Зато с обвинением в убийстве Осипа Волохова — сложнее. Почему царица решила, что убийца он? Тем более что минуту спустя безутешная мать назовет убийцами Битяговских.

Если царица называет убийцами всех попадающих на глаза неприятных людей, то справедливо предположить, что сведение счетов занимает ее сильнее, чем переживания по поводу гибели сына.

Страница следственного дела о смерти царевича Димитрия в Угличе. 1591 г.

Необъяснимо и то, как дружно называют братья Нагие одни и те же имена мнимых убийц. Похоже, они пришли на место трагедии уже с готовой версией убийства, ибо согласовать детали на месте убийства просто не успевали.

И ведут себя Нагие, и царица, и ее братья, как люди, которые не столько потрясены разыгравшейся трагедией, сколько заинтересованы в сокрытии подлинных виновников, в уничтожении следов преступления.

Все эти свидетельства, касающиеся сговора Нагих в выборе мнимых убийц и поспешности, с которой они были уничтожены, представляются нам подлинными. Они вытекают из материалов дела, но прямо в нем не обозначены — не было проведено ни одного допроса Марии Нагой, не задавались эти вопросы и ее братьям! — и значит, о фальсификации речи идти не может.

Разумеется, сама мысль об участии Нагих в убийстве царевича Димитрия выглядит абсурдно. Зачем им было нужно это? Как они могли быть заинтересованы в этом убийстве?

Но так кажется нам, а в 1591 году в семье Нагих, возможно, и знали ответы на эти вопросы.

Во-первых, как мы уже говорили, Нагие не питали особой надежды на воцарение Димитрия. Не очень-то и стар еще был царь Федор...

Во-вторых, уже объявлено было, что брак Иоанна Грозного с Марией Нагой незаконный, и Нагие резонно считали, что этим дело не кончится, а последуют дальнейшие притеснения. Следствием была ненависть к Годунову, укравшему, как не без основания считали Нагие, счастье у их рода.

А еще была бедность, которая усиливалась день ото дня, и ради того, чтобы покончить с ней, Нагие были способны на многое...

Не связанные со следствием Шуйского источники подтверждают, что смерть царевича Димитрия не стала неожиданностью для Нагих. Нагие развернули после убийства царевича такую бурную деятельность, будто убийство царевича *планировалось* ими.

Английский посланник Джером Горсей, оставивший замечательные записки о событиях Смуты, в мае 1591 года находился неподалеку от Углича, в Ярославле.

Об угличской трагедии он узнал раньше, чем в Москве.

В ночь на 16 мая его разбудил громкий стук. Вооружившись пистолетами, Горсей выглянул на улицу и при свете луны узнал Афанасия Нагого.

Афанасий рассказал, что в Угличе убит царевич Димитрий.

Скоро, как свидетельствует Горсей, начали бить в набат, поднимая народ на восстание... Эту готовность Нагих поднять восстание тоже невозможно было фальсифицировать.

Восстания не произошло...

Новость не особенно-то взволновала ярославцев. Однако, потерпев неудачу в Ярославле, Нагие не успокоились. В последних числах мая мы видим братьев Нагих в Москве, где произошли крупные пожары.

Нагие распространяли слухи, что в поджоге Москвы, как и в убийстве царевича, повинны Годуновы.

В принципе Нагие повторили уже испробованный Романовыми в 1547 году прием. Тогда удалось с помощью пожаров устроить падение Глинских... Но Нагие, в отличие от Романовых явно не рассчитали сил. Годунову сразу же удалось задержать виновников пожара — московского банщика Левку с товарищами. На допросе Левка показал, что прислал к нему «Офонасей Нагой людей своих — Иванка Михайлова с товарищи, велел им накупать многих зажигальников, а зажигати им велел московский посад во многих местах».

5.

«И того дни (15 мая), царевич по утру встал дряхл с постели своей и голова у него, государя, с плеч покатилася, и в четвертом часу дни царевич пошел к обедне и после Евангелия у старцев Кириллова монастыря образы принял, и после обедни пришел к себе в хоромы, и платьицо переменил, и

в ту пору с кушаньем взошли и скатерть постлали и Богородицын хлебец священник вынул, и кушал государь царевич по единожды днем, а обычай у него государя царевича был таков: по вся дни причащался хлебу Богородичну; и после того похотел испити, и ему государю поднесли испити; и испивши пошел с кормилицею погуляти...»

Это единственная, кажется, зарисовка, приведенная А.Ф. Бычковым, где святой Димитрий изображен не припадочным, одержимым черной болезнью, сладострастно упивающимся жестокостями (это все говорилось о восьмилетнем мальчике!) отроком, а в более реалистических тонах, в более привычной царевичу обстановке...

Царевич Димитрий родился 19 октября. Прямое его имя — Уар.

Уар — святой мученик. Жил он в Александрии и был начальником Тианской когорты. Когда начались гонения на христиан, святой Уар обходил по ночам темницы, навещая заключенных христиан.

Однажды святой Уар попал в темницу, к семерым христианским учителям. Святой просил их помолиться, чтобы он избавился от страха и сподобился пострадать за Христа.

— Если ты страшишься исповедать Христа на земле, то не увидишь Его лица на Небе, — ответили учителя.

Святой Уар слушал их, и в нем разгоралась любовь к Богу...

Утром, когда один из мучеников скончался, святой Уар остался в темнице. Представ вместе с шестью учителями перед наместником, он заявил, что хочет пострадать вместо скончавшегося узника.

Святого Уара долго терзали, пока все внутренности его не выпали на землю. Святые молились за него и воодушевляли на подвиг. Наместник приказал увести их обратно в темницу.

— Учители мои! — возопил к ним святой Уар. — Помолитесь за меня последний раз Христу, ибо я уже разлучаюсь с телом, вас же благодарю за то, что вы привели меня к Вечной Жизни.

Когда святой Уар скончался, мучители вытащили его тело из города и бросили на съедение псам.

Одна благочестивая вдова, блаженная Клеопатра, под видом останков своего мужа перенесла мощи святого мученика в Палестину и положила в древней гробнице своих предков. Каждый день ходила она к гробнице, ставила свечи, а по ее примеру и другие христиане стали прибегать к молитвам святого Уара и получали при гробе его исцеления...

Судьба святого царевича Димитрия схожа с судьбою его небесного покровителя.

Независимо от того, замешаны ли Нагие в убийстве царевича, нравственное состояние их не может быть оценено слишком высоко. Последующие события Смуты, и главное то, что Мария Федоровна признала своим сыном Григория Отрепьева, подтвердило это.

А с другой стороны — царевич Димитрий... Святой, чистый отрок...

Какое напряжение может развиться в таком противостоянии, хорошо известно.

Считается, что слухи о жестокости царевича Димитрия распускались правительством Бориса Годунова... Рассказывали, что царевич якобы «находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают скот, видеть перерезанное горло, когда течет из него кровь, и бить палкою гусей и кур до тех пор, пока, они не издохнут», что он набрасывается с ножом на мать и кормилиц...

Если вспомнить о любви, которую испытывал царь Федор к младшему брату, очень трудно представить, что сановники из его окружения могли позволить себе распространять подобные нелепости. Вместе с тем уже в самом содержании слухов чувствуется отголосок семейных разборок, происходивших в угличской семье. Более вероятно, на наш взгляд, что слухи эти распространяли вечно пьяные братья царицы.

Комиссия Василия Шуйского явно не стремилась найти ответы на все вопросы, встающие в ходе расследования.

«Хто в те поры за царевичем были?» — снова и снова спрашивал Шуйский у маль-

чиков, игравших с царевичем в тычку, и «робятки», как явствует из документов, один за другим, не сговариваясь, повторяли, что «были за царевичем в те поры только они четыре человеки да кормилица да постельница».

К месту пришлись и разговоры о том, что царевич якобы страдал эпилепсией.

Как мы знаем, в результате следствие пришло к выводу, что никакого убийства не было, а просто нашла на царевича «болезнь черная... и он ножом покололся».

Василий Шуйский боялся поддержать облыжное обвинение Нагих, ибо тогда упала бы тень на могущественного Бориса Годунова. Шуйский боялся расследовать и степень участия в убийстве самих Нагих, поскольку такое расследование могло бы выйти на людей близких ему. Князь избрал самый мудрый путь. Он обвинил в убийстве самого убитого. И этот вывод устроил всех.

И свидетелей — с них снимались подозрения в злоумышлении.

И родню, которая так явно, так откровенно что-то скрывала.

И подлинных виновников преступления, которые в результате, нечаянно, получили в свои руки такое оружие, которого и не надеялись никогда получить.

6.

О причастности Романовых к убийству царевича Димитрия историки вообще не говорят, хотя обсуждение этого вопроса и не лишено смысла...

Во-первых, в некоторых деталях чувствуется подчерк Никитичей, а во-вторых, и это самое главное, если для Годунова смерть царевича не принесла ничего, кроме неприятностей, то Романовы в итоге обрели трон.

Разумеется, такие долгосрочные проекты являются результатом стечения столь многочисленных обстоятельств, которых никаким конкретным заговором достигнуть невозможно... Но никто ведь и не говорит, что целью организованного в 1591 году заговора (если такой заговор был) являлся захват трона.

Мы уже говорили, что все разговоры о замене царя Федора, все ожидания смены династии привнесены в 1591 год из последующего десятилетия. А тогда, в 1591 году, царю Федору было всего тридцать четыре года, и ничего еще не предвещало скорой кончины. И надежды на продолжение династии не были потеряны.

Годуновых вполне устраивало их тогдашнее положение, а еще более — открывающиеся перспективы. Про Романовых этого сказать нельзя.

В 1591 году силы Романовых и Годуновых были уже неравны, происходила как бы смена шурья.

Никита Романович был любимым шурином Иоанна Грозного. Место любимого шурина при царе Федоре занял Борис Годунов. Никитичи были двоюродными братьями царя Федора, но двоюродными братьями следующего государя, если у Федора будет потомство, стали бы уже сыновья Годунова.

Неизбежная сдача позиций не могла не беспокоить «пассионарных» Романовых... Люди вообще чувствуют себя не очень уютно, когда их шаг за шагом оттесняют с занятых высот.

Разумеется, нечто подобное много раз происходило с другими родами, но такие древние роды, как Шуйские, например, были защищены прививкой столетий придворной жизни. Их род возвышался и попадал в опалы уже много раз.

У незнатных Романовых защитной прививки смирения не было.

Далее мы еще будем подробно говорить о романовском холопе Григории (в миру — Юшке) Отрепьеве... Отца Юшки (Богдана Отрепьева) зарезал по пьянке в Немецкой слободе некий литвин, и Юшка попал на службу к Романовым.

Возможно, сыграло свою роль то обстоятельство, что родовое гнездо Отрепьевых располагалось на Монзе, притоке Костромы, и там же находилась костромская вотчина Романовых — село Домнино.

Вполне возможно, что тогда смышленый мальчуган и попался на глаза пассио-

Церковь Димитрия на крови в Угличе. 1692 г.

нарного Федора Никитича. Будущему патриарху показалось вдруг, что Юшка похож на царевича Димитрия.

Существует глухое предание, якобы бояре подменили царевича Димитрия и в Угличе воспитывался не Димитрий, а его дублер. Этот дублер и был убит 15 мая 1591 года.

Среди участников заговора называются фамилии Нагих, Романовых, Шуйских. Знаменитый наемник Жак Маржерет считал, например, что такие бояре, как Романовы, употребили все способы для избавления царевича Димитрия от погибели, которую якобы уготовал ему Годунов. Спасти царевича они могли, только подменив его и воспитав тайно, пока не настанет лучшее время и не разрушены будут планы Годунова.

«Сей цели, — пишет Жак Маржерет, — они достигли как нельзя лучше: кроме вер-

ных соучастников, никто не ведал о подлоге; царевич воспитывался тайно; по смерти же брата своего Федора, когда избрали царем Бориса, вероятно, удалился в Польшу вместе с расстригою, одевшись монахом, чтоб перейти русскую границу».

Разумеется, это только слухи, которые тогда ходили в кругах, близких к царскому дворцу.

Никаких прямых доказательств тому, что Федором Никитичем и его окружением был разработан план замены царевича, нет, более того, это и невозможно было практически осуществить. Совершенно ясно, что подмена, если бы она и была произведена, тут же и оказалась бы раскрытой. Грубая реальность русской дворцовой жизни слишком далека от прихотливых узоров авантюрно-приключенческого романа.

Но если чего-то не могло быть, это не значит, что мысль об этом не могла посетить чью-то многомудрую голову. Попробуем представить, как могла развиваться мысль Федора Никитича Романова.

Двоюродный брат, царь Федор, уходил из их рук.

Царевич Димитрий был совершенно чужим. Воцарение его, если бы оно случилось, явилось бы для Романовых полным крахом. Царевич Димитрий нужен был Романовым на престоле еще меньше, чем Федор. Вот если бы подменить Димитрия каким-нибудь своим Юшкой, который всем будет обязан ему! Но подмену сразу обнаружат, да на нее никто и не согласится, прежде всего сама мать царевича — Мария Нагая.

А что, если напугать ее, сказать, будто Годунов замыслил худое? Мария поверит, она захочет спасти сына. Однако все равно остаются соглядатаи Годунова. Постоянно с царевичем проводит время сын мамки — Осип Волохов. Часто наведывается к царевичу и сын дьяка Битяговского. Они узнают подмену и раскроют ее. Их надобно будет перекупить, но это ненадежно.

А главное, зачем все это ему, Романову? Зачем вооружать против брата царя Федора, царенка, который будет любить и жаловать других людей?

Очевидно, план Федора Никитича рождался по ходу дела...

Нетрудно было привлечь на свою сторону Нагих. Сразу с двух сторон (с одной — ненавистью к Борису Годунову, с другой — нищетой) горели Нагие...

Федор Никитич мог рассказать, что Борис Годунов злоумышляет убить царевича, а потому надо, подменив, спасти его, а чтобы обман не раскрылся, убить младенца, который заменит его, лучше, если это сделают близкие царевичу люди, им тоже можно объяснить, что так они спасают царевича, и, конечно, пообещать денег, а потом их тоже надо убрать, надо замутить народ, свергнуть Годунова и тогда и объявить, что Димитрий жив...

План Федора Никитича (если такой план существовал на самом деле!) позволяет связать воедино сохранившиеся свидетельства, объяснить необъяснимое поведение Нагих, а главное, он вполне мог быть осуществлен в реальной жизни, с той, правда, поправкой, что убивали не Юшку, а настоящего царевича Димитрия. Впрочем, у Федора Никитича и это должно было быть продумано. Димитрий на троне ему был не нужен...

Мария Нагая в горячке могла и не догадаться сразу, что подмена не состоялась, поспешила, как и было условлено, обрубить концы, а когда уразумела, что произошло, охваченная отчаянием, начала объявлять убийцами настоящих участников заговора. Братья Нагие, разобравшись, что их подставили, попытались фальсифицировать улики, а потом попробовали взбунтовать Углич, Ярославль, Москву...

Мог ли возникнуть замысел подобной комбинации? И у кого он мог возникнуть?

Нагие тут только соучастники, исполнители, жертвы обмана.

Шуйские еще не оправились от нанесенных им ударов, еще не освободились от присмотра, да и простоваты они были для проведения столь изощренной интриги.

Прямых свидетельств, правда, что царевич Димитрий был убит по проекту Романовых, нет.

Но ведь нет таких свидетельств и для обвинения Годунова...

Только слухи...

7.

Вообще же, не выходя из круга сугубо материалистических представлений, прояснить что-либо в этой исторической загадке трудно.

Вывод комиссии Василия Шуйского о самоубийстве угличского отрока не подкреплялся никакой доказательной базой.

Если царевич упал в эпилептическом припадке на свой ножичек, то где же этот ножичек? Его не нашли...

Кроме того, этот вывод следствия был опровергнут фактом святости царевича Димитрия, нетлением его мощей, чудотворениями, происходящими от его гроба...

Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдальцы
Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски, —

скажет патриарх Иов в драме А.С. Пушкина «Борис Годунов».

Верил ли сам Василий Шуйский в выводы своего следствия? При Борисе Годунове он утверждал, что царевич зарезался в припадке падучей болезни. Когда Годуновых не стало, утверждал, что решение комиссии было вынесено под давлением Годунова и является ошибочным. И в третий раз, будучи уже царем, Шуйский распорядился перенести святые мощи царевича Димитрия в Москву, признавая тем самым, что царевич был убит...

И все-таки рассуждения Н.М. Костомарова на эту тему представляются нам излишне запальчивыми...

«...Можно ли показание, данное будто бы детьми, игравшими с царевичем, о том, что царевич зарезался сам, принимать за искреннее показание этих детей, когда тот, кто передал нам это показание (Шуйский. — *Н.К.*), впоследствии объяснил, что царевич не сам зарезался, а был зарезан? Скажут нам: Василий лгал тогда, когда уничтожал силу следственного дела, но производил следствие справедливо. Мы на это ответим: если он лгал один раз, два раза, то мог лгать и в третий раз; а если он лгал для собственных выгод после смерти Бориса, то мог лгать для собственных же выгод и при жизни Бориса. Все три показания взаимно себя уничтожают, мы не вправе верить ни одному из них...»

Шуйский, действительно, несколько раз менял свое суждение по поводу этого дела, но в тех исторических жерновах, где угличский отрок, царевич Димитрий, превращался во Лжедмитрия, самозванца Гришку Отрепьева, а потом в святого царевича Димитрия, и прежде чем найти окончательное упокоение, снова во Лжедмитрия, еврея Богданко, — смололось нравственное сознание многих тысяч русских людей того времени, и Василий Шуйский среди них выглядит если и не адамантом, то, во всяком случае, некоей твердыней, и колебания его — это не движения флюгера под ветром, а сдвиги сотрясаемой изнутри тектонической породы.

Если бы расследование в Угличе велось энергичнее, может быть, удалось бы не только оправдать убитых по наущению Нагих невинных людей, но и обнаружить подлинных виновников трагедии. Увы... Московские пожары заслонили гибель царевича. Правительство воспользовалось пожарами, чтобы навсегда избавиться от Нагих.

Мать царевича постригли в монахини и отослали в Белоозеро. Братьев Нагих заключили в тюрьму. Удельное княжество в Угличе ликвидировали. Жители Углича, свидетельствовавшие по делу, превратились в пелымцев. А медный колокол, в который в тот страшный день били в набат, сослали в Тобольск*.

Но этим дело, как известно, не кончилось...

И не могло кончиться.

---

* Колокол этот вернется из ссылки только в 1892 году. Интересно, что возвращение его совпадет с «выходом» в историю второго связанного с Романовыми Григория. В 1892 году покидает дом и уходит на богомолье Григорий Распутин.

А.С. Пушкин хорошо понимал, что одним только видимым миром не ограничивается борьба, развернувшаяся вокруг угличской трагедии.

В его драме «Борис Годунов» самозванец (для произнесения этого монолога он, вопреки правилам записи драматических произведений, переименовывается в Димитрия) говорит:

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла...

То есть у Пушкина — Лжедмитрий, в самом прямом, а не переносном смысле, исчадие ада, и борьба с ним может быть осуществлена, как и говорит патриарх Иов, только святостью самого царевича Димитрия...

Вот мой совет: во Кремль святые мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет, яко прах.

Совет патриарха, как мы знаем, исполнен не был, и бесовщина вовсю разыгралась на Руси...

Рассказ об этом у нас впереди, а пока, следуя в указанном Пушкиным направлении и памятуя, как любят бесы игру с цифирью, попробуем перекинуть пятилетний отрезок времени от смерти Никиты Романовича Захарьина (падение влияния Романовых) до трагедии в Угличе в другую сторону.

Мы попадем в июль 1596 года. Тогда, 12 числа, родился у Федора Никитича Романова (будущего патриарха Филарета) сын Михаил, ставший первым царем из дома Романовых.

Глава третья

«ШУРЬЁ» ПРОТИВ «ШУРЬЯ»

Вот и отгорело, отбушевав яростным огнем Иоаннова царствия, дотлело угольками Федорова правления, Калитино племя...

7 января 1598 года умер, не оставив наследника, последний отпрыск великой династии.

«Слёз настоящее время, а не словес; плача, а не речи; молитвы, а не бесед... Хотел убо словом изрещи, но грубость разума запинает ми и язык утерпевает и души уныния наносит; хотех же и писанию предати, но руку скорбь удерживает ми... — писал о кончине царя Федора первый русский патриарх Иов. — Было это, говорю вам, в 106 году восьмой тысячи... Год этот — пучина нашей скорби, год нашего общего рыдания, год бездны нашего плача... Сегодня благочестивый государь, царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, услышав зов Божий и оставив земное царствие, восходит к Царству Небесному. С этой поры прекрасный и стародавний престол Великой России во вдовстве пребывает, а мать городов, великая, спасенная Богом, царствующая многолюдная Москва, скорбящей сиротой остается...»*

Еще шестого января, в Богоявление, в седьмом часу ночи стал царь Федор изнемогать и повелел призвать Патриарха со освященным собором. И тут же увидел подступившего к нему светлого мужа в святительских одеждах.

Он заговорил с ним, думая, что это Иов, но окружающие умирающего царя бояре никого не видели.

— Благочестивый царь! — заговорили они. — Кого ты, Государь, зриши и с кем глаголеши? Еще отец твой Иов патриарх не пришел.

---

* Иов. Повесть о житии царя Федора Ивановича.

— Зрите ли? — ответил царь. — Одра моего предстоит муж светел во одежде святительской, говорит со мною, повелевая идти с ним.

Пришел патриарх Иов, совершил богослужение, исповедал царя и причастил Святых Даров.

«И в девятый час тоя ж нощи благочестивый царь и великий князь Федор Иванович всея Руссии ко Господу отиде; тогда просветися лице его, яко солнце...»

1.

На опустевший престол претендовали знатнейшие русские роды, связанные корневым родством с династиями Рюриковичей и Гедеминовичей, и первенствовал тут, безусловно, князь Василий Шуйский.

Князья Шуйские давно уже приблизились к престолу.

Еще при царе Василии, отце Иоанна Грозного, выдвинулся Василий Васильевич Немой-Шуйский. Он женился на двоюродной сестре государя и после смерти Елены Глинской стал фактическим правителем страны, а, умирая, передал свое место брату Ивану Васильевичу Шуйскому, который и митрополитов своей волей менял, и царственного отрока Иоанна шпынял.

— Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет — ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ, — жаловался потом грозный царь. — Кто же может перенести такую кичливость? Как исчислить бессчетные страдания, перенесенные мною в юности?

И не вынес, не вынес державный отрок.

Едва только тринадцать лет стукнуло, как приказал псарям растерзать князя Андрея Михайловича Шуйского. Князь Федор Шуйский был тогда же отправлен в ссылку...

Но Шуйских еще много оставалось.

Князь Василий Иванович Шуйский и при дворе Грозного был, и при Федоре Иоанновиче не пропал... Кому же еще было претендовать на опустевший царский престол?

Однако реальная власть находилась в руках Годуновых — «сродичей царскому корени по сочетанию брака», — и ослабевшей за годы опричнины родовой аристократии противостоять шурью было трудновато... На стороне Годуновых, как сказали бы сейчас, был административный ресурс.

В официальной грамоте объявили, что Борис Годунов с детства был питаем от царского стола, что еще Иоанн Грозный «приказал» Годунову сына Федора и все царство, вот и Федор Иоаннович «учинил» после себя на троне жену Ирину, а Борису «приказал» царство.

Ирина от трона отказалась решительно и бесповоротно, и открывшийся перед масленицей Земский собор избрал царем Бориса.

Летопись зафиксировала, что только Василий Иванович Шуйский, старший из князей Рюрикова дома, противился его из-

Борис Годунов.
Портрет из «Титулярника». 1672 г.

бранию. Но сопротивление Шуйского, однако, никак не сказалось на результатах выборов. 512 посланцев земель и представителей знати проголосовали за Годунова.

«За Годунова был патриарх, всем ему обязанный, патриарх, стоящий во главе управления... — пишет С.М. Соловьев. — За Годунова было долголетнее пользование царскою властию при Феодоре, доставлявшее ему обширные средства: везде — в Думе, в приказах, в областном управлении — были люди, всем ему обязанные, которые могли все потерять, если правитель не сделается царем; пользование царскою властию при Феодоре доставило Годунову и его родственникам огромные богатства, также могущественное средство приобретать доброжелателей; за Годунова было то, что сестра его, хотя заключившаяся в монастыре, признавалась царицею правительствующею и все делалось по ее указу: кто же мимо родного брата мог взять скипетр из рук ее? Наконец, для большинства, и большинства огромного, царствование Феодора было временем счастливым, временем отдохновения после бед царствования предшествовавшего, а всем было известно, что правил государством при Феодоре Годунов».

Случилось это 17 февраля 1598 года.

Пожалуй, впервые в истории Руси обозначилось это роковое число.

17 мая 1606 года будет убит Лжедмитрий.

17 июля 1610 года будет свергнут царь Василий Шуйский.

17 августа 1610 года Москва присягнет царевичу Владиславу.

17 сентября 1610 года Семибоярщина впустит в Кремль поляков гетмана Жолкевского.

17 сентября 1612 года умрет в плену в Варшаве царь Василий Шуйский...

Можно было бы сказать, что все это происходило еще и в начале семнадцатого века, но так считаем мы, а при Годунове счет на Руси велся еще от Сотворения Мира, и шло по этому счету семьдесят второе столетие, или, как выразился Иов, 106 год восьмой тысячи, 7106 год...

20 февраля, после молебна, патриарх Иов с духовенством, боярами и народом отправился в Новодевичий монастырь, где с сестрой — царицей Ириной находился и Борис Годунов. Однако Борис отверг просьбы патриарха и отказался от трона. И только после долгих уговоров согласился принять царский венец.

— Буди святая Твоя воля, Господи... — сказал он и добавил, обращаясь к Иову: — Бог свидетель, отче, в моем царстве не будет нищих и бедных.

2.

Романовы, как свидетельствуют предания, уже тогда понимали великое значение имиджа. Немалые усилия затрачивались ими на обработку общественного мнения. Миф о кроткой супруге Иоанна Грозного Анастасии поддерживался в народной памяти тем упорнее, что Годуновы (женой Бориса была дочь Малюты Скуратова) еще крепче связывались, таким образом, с жестокостями и расправами Грозного.

Вскоре после кончины царя Федора, в пику официальной версии завещания, Романовы распространили слух, что, умирая, Федор якобы завещал царство «Никитичам».

Этого не могло быть хотя бы уже потому, что царь Федор без Бориса Годунова никаких решений не принимал, а кроме того, никак не мог завещать трон сразу пятерым братьям. Это ведь у Романовых потом двухместный трон появится*, а у прежних русских царей подобной мебели еще не водилось...

Слух был нелепым, и относиться к нему надо было как к знаку, что Романовы могут вступить в борьбу за русский престол... Или как к напоминанию, что Романовы такие же, как Годуновы, «сродичи царскому корени по сочетанию брака», и, с полным

* С 1682 года по 1696 год русский трон занимали сразу два государя — Иван V Алексеевич и Петр I Алексеевич.

Борис Годунов принимает царский сан. Рисунок А.Нидермана. Вторая пол. XIX в.

шурьёвским правом, могут претендовать на трон Московского царства.

Годунов понимал это и высоко оценил проявленную Никитичами «скромность». После венчания на царство он наградил и самих Романовых, и близких им людей. Помимо Федора Никитича, который уже входил в Думу, ввели туда Александра Никитича, Михаила Никитича, а заодно и зятя Никитичей — князя Черкасского.

Укрепив свои позиции на этом направлении, Борис Годунов попытался разобраться с партией знатнейших русских родов, и тогда Романовы посчитали, что мысль о преимуществе их рода окончательно созрела в народном сознании, и можно пускать в ход приготовленное для свержения Годунова «тайное оружие».

Знаменитый наемник Жак (Яков) Маржерет (или Маржарет) прожил в России бурную и насыщенную жизнь...

Вначале он находился на службе у Годунова, затем служил Лжедмитрию, а в конце даже попытался поступить к Дмитрию Пожарскому, но князь не принял его.

«Маржерет кровь христианскую проливал пуще польских людей и, награбившись государевой казны, пошел из Москвы в Польшу с изменником Михайлою Салтыковым. Нам подлинно известно, что польский король тому Маржерету велел у себя быть в Раде: и мы удивляемся, каким это образом теперь Маржерет хочет нам помогать против польских людей? Мнится нам, что Маржерет хочет быть в Московское государство по умышленью польского короля, чтоб зло какое-нибудь учинить. Мы этого опасаемся...» — писал Дмитрий. Пожарский в 1612 году.

Помимо всего прочего, Жак Маржерет попал и в персонажи пушкинского «Бориса Годунова...»

Воистину — редкостная для наемника судьба...*

Сочинение самого Маржерета «Состояние Российской империи и великого княжества Московии» является бесценным источником слухов, бродивших в Смутное время. Находим мы здесь и слухи о спасении царевича Димитрия.

Н.И. Костомаров считал, что Маржерет слышал о спасении Димитрия боярами и «по догадкам» мог называть Нагих и Романовых как людей, облагодетельствованных Лжедмитрием.

Может быть, Маржерет называл имена бояр «по догадкам», а может, и слышал где-то, что это они «спасали» царевича. В свидетельстве этом бесспорно одно — время появления слуха о спасении Димитрия — 1600 год...

Для России 1600 год памятен началом трехлетнего голода, а также неожиданно жестокой расправой Бориса Годунова с боярской оппозицией.

До сих пор при Борисе почти никого не казнили на Москве.

И вдруг царя словно бы подменили.

Царь, который, как утверждают современники, в начале своего правления был «естеством светлодушен, нравом милостив, паче же рещи — нищелюбив; от него же многие доброкапленные потоки приемше, и от любодаровитые его длани в сытость напитавшиеся: всем бо неоскудно — даяние простираше, не точию ближним, но и странным», — превратился в подобие Иоанна Грозного, устраняющего «совместников», казнящего недоброжелателей.

Первой жертвой гнева Бориса Годунова стал его свояк — Богдан Бельский.

Бельский, как мы говорили, в конце царствования Грозного был едва ли не самым могущественным человеком. Умирая, царь назначил его одним из правителей государства и, кроме того, воспитателем царевича Димитрия. Но после смерти Грозного Бельский неудачно пытался действовать в пользу царевича и был сослан в Нижний Новгород.

Теперь, когда разнесся слух, что Димитрий жив, Годунов первым делом вспомнил о его воспитателе, посланном строить крепость Борисов в дикой степи на берегу Донца Северского.

Борис Годунов отобрал у него все вотчины, а потом приказал своему доктору, шотландскому хирургу Габриэлю по волоску выщипать у боярина бороду, якобы в наказание за то, что, будучи в Борисове, на пиру свояк расхвастался и скаламбурил: «царь Борис — в Москве царь, а я в Борисове царь».

Но интересовал Годунова, разумеется, не каламбур свояка, а источник слухов о спасении царевича Димитрия.

Богдан Бельский выдержал пытку, не назвав имен...

С этих пор, говорит Жак Маржерет, Борис Годунов занимался только истязаниями и пытками...

Холоп, обвиняющий своего хозяина, получал от царя Бориса награждение, а хозяина холопа подвергали пытке, дабы исторгнуть признание, иногда — в том, чего он сам не видал.

Марфу Нагую (мать царевича Димитрия) вывели из монастыря и удалили из Москвы. В столице очень немногие из знатных родов спаслись от подозрений Бориса Годунова.

«Царь хотел все знать» — свидетельствует летопись.

Маржерет уточняет, *что* Борис хотел знать. Годунова встревожил слух о Димитрии; он догадался, что ему подготовляют Димитрия, и хотел во что бы то ни было отыскать и самого Димитрия, и тех, кто ему готовит это *тайное оружие*.

3.

Развернутые Романовыми боевые действия против Годунова совершались тайно и долгое время оставались неприметными для посторонних наблюдателей, но сделавшегося вдруг подозрительным Бориса Годунова Никитичам обмануть не удалось.

---

* О подвигах Жака Маржерета на службе у поляков подробно рассказывает в своей хронике Конрад Буссов.

К Семену Никитичу Годунову, возглавлявшему сыск, явился Второй Никитин Бартенев, служивший вначале у Федора Никитича Юрьева (Романова), а потом — казначеем у Александра Никитича, и сказал, что в казне у того приготовлено «всякого корения» для отравления царя Бориса.

Был произведен обыск, «коренье» нашли, и оно послужило началом «сыска», длившегося около полугода.

«Подобного проявления мрачной подозрительности и варварства в характере нельзя объяснить иначе, как тем, что Борис, вообще опасавшийся за свою корону и жизнь, в это время был встревожен чем-то важным, искал какой-то тайно грозившей ему опасности и потому прибегал к таким суровым средствам, — пишет Н.И. Костомаров. — На это, конечно, могут возразить, что наши летописцы, описывая тиранства Бориса, не говорят, однако, чтоб поводом к его свирепствам было спасение Димитрия, и Борис, отыскивая тайные замыслы врагов, не говорил, что они хотят выдумать против него страшилище в образе углицкого царевича... А что Борисовы преследования и гонения не совершались гласно ради Димитрия, то это в порядке вещей: Борису имя Димитрия было до такой степени страшно, что он не решался и не должен был решиться произносить его громко на всю Русь. Это был для него только слух. Объявить гласно, что он боится Димитрия, значило бы рисковать вызвать на свет этот призрак; тем более что сам Борис не мог быть вполне уверен, что Димитрий убит: он сам не был в Угличе; тех, кто убил его, не мог спросить, ибо их на свете не было; а на преданность Шуйского, производившего следствие, он никак положиться не мог. Да если б он и был вполне уверен, что в Угличе действительно совершилось убийство дитяти, которое считалось царевичем, то кто мог поручиться, что проникая его козни, заранее не подменили Димитрия, что не случилось именно то, чем морочили народ во время самозванца. Как тиран подозрительный, но вместе осторожный, Борис старательно укрывал — какого рода измены и замыслов он ищет; он только преследовал тех, кого, по своим соображениям, считал себе врагами, чтоб случайно напасть на след искомого. Для этого-то он и употреблял холопов, надеясь таким путем знать всю подноготную того, что происходит в подозрительных для него домах».

И что-то Борису Годунову, по-видимому, удалось узнать.

Разумеется, не про «коренья», а про слухи, распускаемые о царевиче Димитрии. И это и послужило причиной преследования коварных родственников...

26 октября 1601 года началась расправа Бориса Годунова со своими недавними союзниками.

Ночью стрельцы подожгли дом бояр Романовых.

Федора Никитича Романова заключили в Антониево-Сийский монастырь, что в девяноста верстах от Холмогор, и насильно постригли в монахи. Его жену «замчали» в Заонежский Толвуйский погост и тоже постригли.

Дочь Татьяну и сына Михаила (будущего царя) сослали с тетками в Белоозеро.

Кара была жестокой...

Однако, как свидетельствует предание, еще более жестоко поступили с ближними слугами Романовых. Почти все они были казнены.

Историки этому обстоятельству особого значения не придают, но может быть, именно в нем и скрыты сведения, какие именно *коренья* были отысканы в доме Романовых.

«Кореньями» этими мог быть подготовленный Федором Никитичем кандидат в самозванцы.

Как известно, самому кандидату удалось уйти. Он (по-видимому, еще в начале розыска) покинул Романовых и укрылся, приняв постриг, среди чернецов Чудова монастыря. Звали его теперь Григорием.

4.

Уже давно стали замечать недобрые знамения...

Нередко всходило на небо по две, а то и по три луны, два, а то и три солнца свети-

ли днем, по земле, по полям и лугам ходили огненные столпы.

То и дело поднимались невиданные доселе бури, сносившие кресты с церквей.

Среди белого дня голубые, красные и черные лисицы бегали по московским улицам.

Однако, как пишет Н.М. Карамзин, первые два года царствования Бориса Годунова «казались самым лучшим временем России с XV века или с ее восстановления». Россия была «на высшей степени своего нового могущества, безопасная собственными силами и счастьем внешних обстоятельств, а внутри управляемая с мудрою твердостью и с кротостью необыкновенною... Россия... любила своего Венценосца, желая забыть убиение Димитрия или сомневаясь в оном!»

Но то, что служило благу России, не шибко нравилось боярам, у них были свои представления о благе для Руси. Шляхетская вольность казалась заманчивей процветания могучего государства.

На руку вельможам сыграла и стихия. Весной 1601 года небо омрачилось густою темнотой, и два с лишним месяца не переставая шел дождь. Ударивший 15 августа жестокий мороз завершил дело. Почти по всей стране погиб хлеб. Цены сразу подскочили в пять раз.

Борис Годунов приказал открыть царские житницы и продавать хлеб по дешевой цене, но богачи начали скупать его и спекулировать. Начался голод.

«Клянусь Богом, — пишет в «Московских хрониках» Конрад Буссов, — истинная правда, что я собственными глазами видел, как люди лежали на улицах и, подобно скоту, пожирали летом траву, зимою сено. Некоторые были уже мертвы, у них изо рта торчали сено и навоз... Не сосчитать, сколько детей было убито, зарезано, сварено родителями, родителей — детьми, гостей — хозяевами и, наоборот, хозяев — гостями...»

«Ядуще же тогда многи псину и мертвечину и ину скаредину, ея же и писати нельзя...» — вторит ему отечественный летописец.

«Люди, — пишет Н.М. Карамзин, — сделались хуже зверей: оставляли семейства и жен, чтобы не делиться с ними куском последним. Не только убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга. Путешественники боялись хозяев, и гостиницы стали вертепами душегубства: давили, резали сонных для ужасной пищи! Мясо человеческое продавалось в пирогах на рынках! Матери глотали трупы своих младенцев!.. Злодеев казнили, жгли, кидали в воду; но преступления не уменьшались... И в сие время другие изверги копили, берегли хлеб в надежде продать его еще дороже!.. Гибло множество в неизъяснимых муках голода. Везде шатались полумертвые, падали, издыхали на площадях...»

Словно бы из смрада гниющих тел и возникла зловещая тень самозваного царевича Димитрия...

5.

Ну а судьба самих Никитичей, взрастивших страшную для России беду, тоже, как мы говорили, на первых порах сложилась невесело.

Федор Никитич Романов был заключен в Сийский монастырь.

«Привезен был боярин, по народному преданию, вечером... — рассказывает в книге “.Год на севере” С.В. Максимов. — Благовестили к вечерне. Кибитка остановилась у соборного храма. Пристав боярина, Роман Дуров, пришел в алтарь, оставив боярина Феодора у дверей. Кончилась вечерня. Игумен Иона со всеми соборными старцами вышел из алтаря и начал обряд пострижения, к нему подвели привезенного боярина.

Боярин уведен был на паперть. Там сняли с него обычные одежды, оставив в одной сорочке. Затем привели его снова в церковь, без пояса, босого, с непокрытой головой. Пелись антифоны, по окончании которых боярина поставили перед святыми дверями, велели ему творить три “метания”

Спасову образу и затем игумену...

— Что приидe, брате, припадая ко святому жертвеннику и ко святой дружине сей? — согласно Уставу спросил Иона.

Федор Никитич молчал.

— Желаю жития постнического, святый отче! — ответил за него пристав Роман Дуров.

— Воистину добро дело и блаженно избра, но аще совершиши е, добрая убо дела трудом снискаются и болезнию исправляются. Волею ли своего разума приходиши Господеви?

— Ей, честный отче! — отвечал за боярина пристав.

— Еда от некия обеты или нужды?

— Ни, честный отче! — опять прозвучал голос Дурова.

— Отрицаеши ли мира и яже в мире по заповеди господни? Имаши ли пребывати в монастыре и пощении даже до последнего своего издыхания?

— Ей богу поспешествующу, честный отче! — сказал Дуров.

— Имаши ли хранитися в девстве и целомудрии и благоговении? Сохраниши ли послушание ко игумену и ко всей яже о Христе братии? Имаши ли терпети всяку скорбь и тесноту иноческого жития царства ради небесного?

— Ей богу поспешествующу, честный отче! — прозвучал голос Дурова, и Федор Никитич заплакал от бессилия, как плакали и до него сотни раз насильно постригаемые в монашество князья и бояре...»

«Затем, — пересказывая монастырское предание, пишет С.В. Максимов, — следовало оглашение малого образа (мантии), говорилось краткое поучение, читались две молитвы. Новопостригаемый боярин продолжал рыдать неутешно. Но когда игумен по уставу сказал ему: "Приими ножницы и дождь ми я", — боярин не повиновался. Многого труда стоило его потом успокоить. На него, после крестообразного пострижения, надели нижнюю одежду, положили параманд, надели пояс. Затем обули в сандалии и, наконец, облекли в волосяную мантию со словами:

— Брат наш, Филарет, приемлет мантию, обручение великого ангельского образа, одежду нетления и чистоты во имя Отца и Сына и святаго Духа.

— Аминь! — отвечал за Филарета пристав».

Судьба других Никитичей сложилась еще трагичнее.

Сосланный в Усолье-Луду на берегу Белого моря, умер Александр Никитич Романов.

В том же 1602 году скончался в Пелыме Василий Никитич.

Михаил Никитич умер в земляной яме в Ныробе Чердынского уезда.

Назад в Москву суждено было вернуться только двоим Никитичам — Ивану Никитичу Романову, просидевшему в Пелыме три месяца прикованным к стене, и самому Филарету (Федору Никитичу).

Поместили новоначального инока в келье под соборным храмом.

Негде было укрыться здесь от холодных сквозняков в огромной — почти тринадцать метров длины, шесть метров ширины и два метра высоты — келье. Невозможно было согреть это полутемное, освещенное единственным окном помещение. Было еще оконце над дверями, но оно предназначалось не для света, а для того, чтобы следить за насельником...

Каково было оказаться в этой, наполненной грязноватыми сумерками и крысиным шорохом, келье человеку, считавшемуся главным московским щеголем, вообразить нетрудно. Филарет любил мирские радости, и все в нем восставало при мысли, что этих радостей он лишился навсегда.

Никаких известий в монастыре о судьбе семьи Филарет не получал. Хотя, конечно же, едва ли его утешили бы эти известия...

Бывшую жену Ксению Ивановну, а теперь инокиню Марфу, сослали в Заонежье, тещу (Шатову) — в Чебоксарский (Никольский) девичий монастырь; зятя, князя Бориса Черкасского, с шестилетним сыном Филарета, Михаилом, — на Белоозеро.

6.

«Твой, государев, изменник, старец Филарет Романов, мне, холопу твоему, в разговоре говорил... — доносил Борису Годунову пристав Богдан Воейков. — Бояре-де

мне великие недруги, искали-де голов наших, а иные-де научали на нас говорити людей наших; а я-де сам видал то не одиножды. Да он же про твоих бояр про всех говорил: “Не станет-де их с дело ни с которое; нет-де у них разумново; один-де у них разумен Богдан Бельский; к польским и ко всяким делам добре досуж...” Коли жену спомянет и дети, и он говорит: “Милые мои детки маленьки бедные осталися: кому их кормить и поить? А жена моя бедная на удачу уже жива ли? Чаю, она где близко таково же замчена, где и слух не зайдет. Мне уже што надобно? Лихо на меня жена да дети; ***как их вспомянешь, ино что рогатиной в сердце толкнет.*** (Выделено нами. — *Н.К.*) **Много они мне мешают; дай Господи то слышать, чтобы их ранее Бог прибрал; и аз бы** тому обрадовался; а чаю, и жена моя сама рада, чтоб им Бог дал смерть; а мне бы уже не мешали: я бы стал промышлять одною своею душою”».

Положение, в котором оказался бывший боярин Федор Никитич, а теперь — инок Филарет, не может не вызвать сочувствия, но не будем забывать и того, что невинным страдальцем Филарет не был. Эту наполненную грязноватыми сумерками и крысиным шорохом келью Филарет сам и выстроил себе.

Нельзя забывать и того, что Филарет сумел пережить временное несчастье, и оно сделало его еще хитрее и безжалостнее.

Учитывая это, попытаемся не только посочувствовать — *ино что рогатиной в сердце толкнет* — заточенному в Сийской обители Филарету, но и дать нравственную оценку его поведения.

Он стал монахом...

Можно говорить о том, что его постригли насильно. Можно говорить, что это несправедливо и нехорошо.

Все так.

Но постригли. Назад в мир у инока Филарета уже не было дороги, и надобно было смириться и принять судьбу, которая уготована ему.

Повторим, что по-человечески это не справедливо, но другого решения старорусское сознание не знало.

Но старорусское сознание не знало и самозванства...

И в этом миропонимание первого московского щеголя Филарета (Романова) существенно рознилось со строем мысли старорусского человека. И тени смирения не обнаружилось в иноке Филарете.

Еще более вызывающе он начал вести себя, когда достигла Сийского монастыря весть об успехах самозванца Григория Отрепьева.

«В нынешнем 7113 (1605) году марта в 16 день писал к нам Богдан Воейков, что февраля-де в 7 день, сказывал ему старец Илинарх да старец Леванид, февраля-де в 3 день в ночи старец Филарет его, старца Илинарха, лаял, и с посохом к нему прискакивал, и из кельи его выслал вон, и в келью ему, старцу Илинарху, к себе и за собою ходити никуды не велел. ***А живет-де старец Филарет бесчинством не по монашескому чину: всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птицы ловчия и про собаки, как он в мире жил, а к старцам жесток***, и старцы приходят к нему, Богдану, на того старца Филарета всегда с жалобой, что ***лает их и бить хочет. А говорит-де старцам Филарет старец: увидят они, каков он вперед будет.*** А ныне-де и в великий пост у отца духовного тот старец Филарет не был, и к церкви и к тебе на прощенье не приходит, и на клиросе не стоит».

Напомним читателю, что 13 октября 1604 года Григорий Отрепьев переправился через Днепр и начал поход на Москву.

21 октября он вошел без боя в Монастырский острог.

Еще через несколько дней под власть Лжедмитрия отдался Чернигов. В ноябре Лжедмитрия признали Путивль, Рыльск и Курск.

Успехи самозванца обеспокоили правительство Годунова, и оно вынуждено было объявить в январе 1605 года, что Лжедмитрий — это галицкий боярский сын Григорий Отрепьев.

Должно быть, когда добрела до Сийского монастыря эта весть, и начал Филарет *смеяться неведомо чему и говорить про мир-*

ское житие свое, про ловчих птиц и собак, которые были у него на Москве...

Филарету действительно было весело.

Когда несколько лет назад он обратил внимание на своего холопа Отрепьева, когда удивился начитанности его и недюжинному уму, ему и в голову не могло прийти, что это *дворовое диво*, которым они собирались попугать Бориса Годунова, превратится в реальную силу.

На Прощенное воскресенье (в 1605 году оно попало на 10 февраля), когда все православные испрашивают друг у друга прощения, независимо от того, какое место в обществе занимают, Филарет даже не пришел в церковь.

Теперь, когда «на авось» изготовленное им оружие начало действовать, он ни у кого не собирался просить прощения и сам тоже никому и ничего не собирался прощать.

7.

Странная зловещая перекличка возникает между тем, что происходило на западных рубежах страны, и тем, что потаенно пока совершалось в Сийском монастыре.

«А около-де монастыря ограды у вас нет, а меж келий-де от всякой кельи из монастыря к озеру из дровеников двери, и крепости-де ни которые около монастыря нет, — выговаривает игумену Сийского монастыря царская грамота, — а ограду-де монастырскую велели вы свезть на гумно, и он-де, Богдан (Воейков), тебе и келарю говорил, чтобы вы около монастыря ограду велели поставить и меж келий от дровеников двери заделать, и вы-де около монастыря ограды поставити и дверей заделати не велите, и сторожу-де ты, который стоит у ворот, ходити к нему и про прохожих про всяких людей сказывати ему и детем боярским не велишь».

Такое ощущение, что эти монастырские «крепости» не менее важны, чем та линия обороны, которая проходила под Кромами.

В конце января Василию Шуйскому удалось разгромить самозванца, но Лжедмитрий сумел уйти к Путивлю, где собрал новое ополчение и на Великом Посту развернул новое наступление.

7 марта на сторону самозванца перешли Елец и Ливны.

«Ты б старцу Филарету велел жити с собою в келье да у него велел жити старцу Леваниду и к церкве старцу Филарету велел ходить вместе с собою да за ним старцу, и береженье к нему держал, чтобы он был у тебя в послушанье и жил бы по монастырскому чину и не бесчинствовал и о том бы ему говорил, — говорит царская грамота. — Только буде он не причащался святыни в нынешной пост и то дело чуже крестьянства и во всем бы ему рассматривал, чтобы он жил во всем по иноческому обещанию, а от дурни его унимал...»

Увы...

Поздно было уже «унимать от дурни» Филарета — и некому...

Через две недели после Пасхи, 13 апреля, новый страшный удар обрушился на Россию — от апоплексического удара (кровь хлынула изо рта, носа и ушей) — умер Борис Годунов.

В апреле москвичи присягнули новому царю — Федору Годунову.

«Царевич Федор, сын царя Бориса, отрок прекрасный был, — пишет в «Летописной книге» С.И. Шаховской, — славился красотой, словно цветок диковинный на лугу, Богом украшенный, цвел, словно лилия в саду. Очи имел большие черные, лицо белое жемчужное, белизной сияющее, роста он был среднего, телом очень крепок. Отцом научен он был книжной премудрости, в ответах обстоятелен и весьма красноречив. Пустое и гнилое слово никогда не слетало с уст его. К вере и к наставлениям книжников относился ревностно».

Присягу этому отроку принесли Новгород, Псков, Казань, Астрахань, города Замосковья, Поморья, Сибири... Но тогда же, седьмого мая, П.Ф. Басманов, командовавший войсками, осаждавшими Кромы, объявил войску, что самозванец — это истинный царь.

Полки приняли присягу Лжедмитрию.

Эта измена армии и решила горестную судьбу династии Годуновых, эта измена и засосала Россию в страшный омут смуты.

10 июня князь В.В. Голицын удавил в Кремле царя Федора Годунова — юношу, с уст которого никогда «не слетало пустое и гнилое слово». Заодно он удавил и его мать...

Патриарх Иов не признал Лжедмитрия, и его свели с патриаршества и на убогой телеге увезли в Успенский монастырь в Старицу.

20 июня Лжедмитрий въехал в Москву.

Говорят, что первым делом Григорий Отрепьев изнасиловал в Кремле царевну Ксению Борисовну Годунову...

А была она, как пишет С.И. Шаховской, девушка, почти ребенок.

«Удивительного ума, редкостной красоты: щеки румяны, губы алы; очи у нее были черные, большие, лучезарные, когда в плаче слезы из очей проливала, тогда еще большим блеском они светились; брови были у нее сросшиеся, тело полное, молочной белизной облитое, ростом ни высока, ни низка; косы черные, длинные, как трубы по плечам лежали. Была она благочестива, книжной грамоте обучена, отличалась приятностью в речах. Воистину во всех своих делах достойна! Петь по гласам любила и песни духовные с охотой слушала».

Сохранила память о Ксении Годуновой и русская песня.

А сплачется на Москве царевна,
Борисова дочь Годунова:
«Ино, Боже, Спас милосердой!
За что наше царьство загибло:
за батюшкино ли согрешение,
за матушкино ли немоленье?..

А что едет к Москве Рострига,
да хочет теремы ломати,
меня хочет, царевну, поимати,
а на Устюжну на Железную отослатьи —

до сих пор плачет царевна в народной песне.

В песне царевна Ксения гораздо лучше, чем атеисты и либералы XIX—XX веков, знает, что произошло с Россией и в чем причина происшедшего.

Это батюшкино согрешение, это матушкино немоление.

Впрочем, в этом причина и всех других с такой завидной регулярностью обрушивающихся на нашу страну несчастий.

Глава четвертая

ПЕРВЫЙ ЦАРЬ СО ДВОРА РОМАНОВЫХ

Когда заходит речь о первом самозванце, исследователи пытаются ответить на три вопроса:

1. Был ли Лжедмитрий подлинным царевичем?

2. Шел самозванец на сознательный обман или заблуждался?

3. Кто стоял за спиной Лжедмитрия?

Если по первому пункту лишь очень немногие историки (В.С. Иконников и С.Д. Шереметев) рисковали отвечать утвердительно, то по второму разномыслия было значительно больше.

Н.М. Карамзин, например, считал самозванца мошенником, но не лишенным некоего благородства. Он полагал, что «мысль чудная» — решение воспользоваться легковерием россиян, умиляемых памятью Димитрия, поселилась и зрела в душе мечтателя, имея своей целью замысел — «в честь Небесного Правосудия казнить святоубийцу», то бишь Годунова.

Зато С.М. Соловьев и С.Ф. Платонов считали, что Лжедмитрий верил в свое царственное происхождение.

«Чтоб сознательно принять на себя роль самозванца, сделать из своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищем разврата, что и доказывают нам характеры самозванцев, начиная со второго».

Отчасти это верно, хотя сам вопрос не вполне корректен по своей постановке.

Ведь обманщик никогда не добьется успеха, пока хотя бы отчасти не поверит в собственный обман...

Нам кажется, что самозванец и верил, и не верил в то, что он — спасшийся царевич. Не будем забывать, что сама Мария Нагая узнала в нем сына*. Как же тут было не верить? Как было не сомневаться?

И вот тут-то и происходит нечто поразительное.

Отвечая на третий, самый важный, как нам кажется, вопрос, почти все русские историки (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, Н.И. Костомаров) проявляют удивительное единодушие.

«Царствовавший у нас в Москве под именем Димитрия был не настоящий Димитрий, но лицо обольщенное и подготовленное боярами, партиею, враждебною Борису, — говорил Н.И. Костомаров. — Люди этой партии настроили пылкого, увлекающегося юношу в убеждении, что он царевич Димитрий, спасенный в младенчестве по наказу его родителя царя Ивана, и выпроводили его из Московского государства. Это сделано было на русское авось. Они, конечно, не желали заменить Борисов род навсегда этим поддельным Димитрием; но им достаточно было поставить Годуновым страшное знамя, под которое можно было соединить против них народную громаду и ниспровергнуть род Годуновых с престола; а потом можно было обличить самозванца, выставить его обманщиком, сознаться в своем заблуждении и уничтожить его».

С.М. Соловьев тоже считал, что Григория Отрепьева выдвинули на роль самозванца московские бояре, сумевшие уверить его в царственном происхождении:

«Вопрос о происхождении первого Лжедмитрия такого рода, что способен сильно тревожить людей, у которых фантазия преобладает. Романисту здесь широкий простор, он может делать самозванцем кого ему угодно; но ***историку странно срываться с твердой почвы, отвергать известие самое вероятное и погружаться в мрак, из которого нет для него выхода*** (выделено нами. — *Н.К.*), ибо он не имеет права, подобно романисту, создать небывалое лицо с небывалыми отношениями и приключениями».

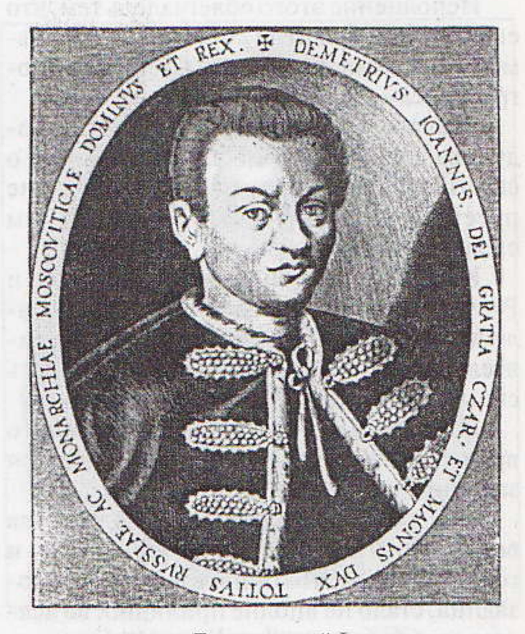
Мы подчеркнули слова великого русского историка про *мрак, из которого нет выхода*, поскольку в этих словах то, чего не сказали, вернее, не договорили зависящие от Романовых историки...

Кто эти московские бояре, взрастившие самозванца?

Только к концу XIX века легализовалось мнение, что Лжедмитрия выдвинули Романовы и бояре, близкие к их кругу. Фамилия Романовых замелькала во всех исследованиях, посвященных появлению самозванца, но по-прежнему без попытки осмыслить этот факт, столь много определяющий во всей последующей истории страны.

Кроме понятной осторожности по отношению к царствующей династии на уклончивость историков, естественно, влияло и отсутствие прямых доказательств.

В.С. Шульгин, комментируя суждение С.М. Соловьева о развитии смуты сверху,

Лжедмитрий I

* Варвара тоже узнала Отрепьева . Только не царевича, а своего, отданного в услужение боярам Романовым сына Григория.

резонно заметил, что «мысль эту при всей ее оригинальности и привлекательности обосновать фактами нельзя, поэтому высказывая ее, Соловьев невольно отступил от требований, которые им же самим справедливо предъявлялись (смотри процитированное нами высказывание *о мраке, из которого нет выхода. — Н.К.*) к исторической науке».

Оглядывая события Смуты с большей исторической дистанции, скажем, что это отчасти верно. Прямых доказательств тому, что Григорий Отрепьев был умышленно воспитан Романовыми в качестве самозванца, нет.

Но с другой стороны, нельзя не признать, что как раз отсутствие прямых свидетельств при обилии свидетельств косвенных и является самым главным доказательством причастности Романовых к изготовлению самозванца... За три столетия правления у Романовых было время, чтобы замести следы преступления, совершенного основателями династии на пути к власти, а те доказательства, которые уничтожить было невозможно, были перелицованы ими.

Исполнение этого облегчалось тем, что еще по ходу развития событий Смуты изменялись сами принципы освещения биографии самозванца.

Вначале московское правительство Годунова вообще старалось не упоминать о самозванстве. Конкретное содержание преступления заменялось расплывчатым словом: «заворовался».

Когда Лжедмитрия признали Краков и Рим, отрицать факт самозванства сделалось невозможно, но теперь у многих влиятельных особ появилась необходимость скрыть свою причастность к самозванцу.

Не будем забывать и того, что какое-то время Лжедмитрий официально считался законным русским царем.

Как мы знаем, Романовы были тогда возвращены из ссылки и возвеличены, и говорить о том, что они взрастили самозванца, стало не вполне прилично, во всяком случае на первых порах. Не наступило определенности и после смерти Отрепьева.

Придя к власти, Василий Шуйский долгое время щадил Романовых, оберегая от обвинений в сообщничестве с самозванцем. Хотя возможно, что руководствовался он при этом не только жалостью к пострадавшему роду.

Лишь потом, когда между Романовыми и Шуйским началась открытая борьба, появилась в официальных заявлениях антиромановская конкретика. Полякам было тогда сообщено, что Юшка Отрепьев «был в холопех у бояр Микитиных, детей Романовича, и у князя Бориса Черкасова, и заворовался, постригся в чернецы»*.

Историк Р. Скрынников справедливо заметил по этому поводу, что Шуйский и не мог поступить иначе, он адресовался к польскому двору, прекрасно осведомленному насчет прошлого собственного ставленника. Непрочно сидевшему на троне царю пришлось держаться ближе к фактам: любые измышления по поводу Отрепьева могли быть опровергнуты польской стороной.

Все изменилось, когда Романовы пришли к власти.

Документы, касающиеся их участия в Смуте и в подготовке самозванца, безжалостно уничтожались и перелицовывались.

Преследовался даже сам слух, что Григорий Отрепьев, объявивший себя царевичем, был взращен и воспитан среди челяди в недрах дома Романовых. Но, глуховато теряясь в веках, слух этот упорно возникает вновь и вновь.

Впрочем, не будем забегать вперед. Скажем пока о самом очевидном факте,

* Заметим попутно, что летописцы, составлявшие повествования о Смутном времени, достаточно чутко улавливали эти тенденции и не фальсифицировали предыдущие свидетельства, а как бы переосмысляли их в свете происходящих событий. Тогда и возникли разночтения. Разночтения эти — продукт изменения отношения к самозванцу общества и самих летописцев... И безосновательны попытки, основываясь на них, ставить под сомнение сами эти свидетельства.

уничтожить который не могла никакая цензура — без самозванца у нас никогда бы не было династии царей Романовых.

1.

Еще в январе 1605 года в грамоте патриарха Иова была изложена первая краткая биография самозванца.

«Этот человек звался в мире Юшка Богданов сын Отрепьев, проживал у Романовых во дворе, сделал какое-то преступление, достойное смертной казни, и, избегая наказания, постригся в чернцы, ходил по многим монастырям, был в Чудовом монастыре дьяконом, бывал у патриарха Иова во дворе для книжного письма, потом убежал из монастыря с двумя товарищами, монахами Варлаамом Яцким и Михаилом Правдиным».

Увы... И сейчас, четыреста лет спустя, о московском периоде жизни Отрепьева известно ненамного больше...

Мы уже говорили, что Григорий (в миру Юрий) был сыном галицкого сына боярского Богдана. Предки Отрепьевых, выехав на Русь из Литвы, осели в Галиче и в Угличе. Известно, что в 1577 году «новик» Смирной-Отрепьев и его младший брат, пятнадцатилетний Богдан, получили поместье в Коломне.

Богдан Отрепьев дорос до чина стрелецкого сотника, но жизнь его оборвалась не на войне, а во время драки в Немецкой слободе в Москве, где Богдана зарезал пьяный литвин.

Юрий (Юшка) был тогда «млад зело», и воспитывала его мать. Благодаря ее стараниям мальчик научился читать. Обучался он у зятя Варвары Отрепьевой — Семейки Ефимьева.

Неизвестно, как Юшка попал на службу к Романовым. Возможно, как мы говорили, сыграло свою роль то обстоятельство, что родовое гнездо Отрепьевых располагалось на Монзе, притоке Костромы, и там же находилась костромская вотчина Романовых — село Домнино.

Так или иначе, но еще в царствование Федора появился Григорий Отрепьев в Москве сначала у боярина Федора Никитича Романова, потом у его брата окольничего Михаила Никитича Романова. Затем мы видим Отрепьева на дворе близких родственников Романовых — князей Черкасских. Отрепьев, как пишет автор «Сказания о расстриге», был у Черкасского в чести.

«В детстве является он в Москве, — цитируя летописи, пишет С.М. Соловьев, — отличается грамотностию, живет в холопях у Романовых и князя Черкасского и тем самым становится известен царю как человек подозрительный».

С.М. Соловьев не уточняет, *когда*, а главное, *почему* Отрепьев становится известен царю как человек подозрительный. Тем, что холоп был грамотен? Но таких холопов было немало, сам факт грамотности не мог вызвать никаких подозрений. Причину подозрений надо искать в появившихся тогда слухах о спасении царевича Димитрия...

Подвергая Романовых жестокому «розыску», Годунов искал «коренья» этих слухов. Среди романовской челяди чаял он найти взращенного Никитичами кандидата во Лжедмитрии. И тут отличающийся

Патриарх Иов. Рисунок XIX в.

грамотностью холоп, разумеется, не мог не обратить на себя внимание.

Спасаясь от пыток — Борис Годунов с таким пристрастием допрашивал «ближних» слуг Романовых, что многие из них «помираху», — будущий самозванец бежал со двора князей Черкасских в Галич.

«Беда грозит молодому человеку, — пишет С.М. Соловьев, — он спасается от нее пострижением, скитается из монастыря в монастырь, попадает наконец в Чудов и берется даже к Иову патриарху для книжного письма».

Эти блуждания по провинциальным монастырям ничего загадочного не представляют, надо было укрыться от царского розыска. В Галиче и Суздале у Отрепьева сохранялись семейные связи, и он рассчитывал, что ему помогут.

Он не ошибся.

Летописцы сообщают, что Гришка Отрепьев жительствовал в галичском Железноборском монастыре, потом перешел в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Здесь, по преданию, его отдали под начало духовному старцу, но Отрепьев не задержался у него*.

Скоро богородицкий протопоп Евфимий «бил челом об нем в Чудове монастыре архимандриту Пафнутию**, чтоб его велел взяти в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятни (Замятня-Отрепьев), и архимандрит Пафнутий для бедности и сиротства взяв его в Чюдов монастырь».

«Летописная книга» С. Шаховского утверждает, что до водворения в столичном монастыре Григорий носил монашескую рясу очень недолго: «По мале же времени пострижения своего изыде той чернец во царствующий град Москву и тамо доиде пречистые обители архистратига Михаила».

Недолго жил Отрепьев и под надзором деда в Чудовом монастыре.

Архимандрит вскоре отличил его и перевел в свою келью. Там чернец, по его собственным словам, занялся литературным трудом, сложил похвалу московским чудотворцам Петру, Алексею и Ионе...

Очень скоро Пафнутий произвел его в дьяконы, а потом юный чернец переселился на патриарший двор.

«Патриарх-де, видя мое досужество, — хвастал он приятелям, — начал на царскую думу вверх с собою меня брать...»

Если это не просто хвастовство, а эти слова подтверждаются и другими свидетельствами, то приходится только дивиться проницательности Федора Никитича Романова, сумевшего угадать в своем холопе такие недюжинные способности.

«Но здесь речи молодого монаха о возможности быть ему царем на Москве навлекли на него новую беду: ростовский митрополит Иона донес об них сперва патриарху и, когда тот мало обратил на них внимания, — самому царю...» — говорит С.М. Соловьев.

Но, разумеется, и перевод Григория в Чудов монастырь, а главное — стремительную карьеру только что принявшего постриг монаха, объяснить одними только способностями невозможно. Совершенно очевидно, что инок Григорий не пренебрегал и помощью своих могущественных земных покровителей.

2.

Как и когда могла произойти метаморфоза дворового человека Романовых в царевича Димитрия?

Вглядимся в оставленный современниками портрет.

Самозванец был сокрушительно некрасив.

Рыжеволосый, низкорослый. Фигура по-мужицки кряжистая, без малейшего намека на талию. Одна рука заметно короче другой. На лице красовались две огромных бородавки — одна на лбу, другая на носу, под правым глазом.

«Красивы, — пишет современник, — были только темно-голубые глаза. Они то горели мрачным огнем, то метали мол-

---

* Некоторые летописцы упоминают о посещении Отрепьевым царицы Марии Нагой в монастыре на Выксе, но это маловероятно.

** Пафнутий станет потом Крутицким митрополитом.

нии, то искрились отвагой. В них отражалась смелая до дерзости душа и недюжинный ум».

Легко догадаться, что убогие радости, которые могла представить реальная жизнь бедному, незнатному, очень некрасивому юноше, не могли удовлетворить человека с его запросами.

Вероятно, как мы уже говорили, Юшка еще отроком попал в романовское Домнино, и если он в самом деле предназначался Федором Никитичем для плана дерзкого и необыкновенного, можно догадаться, какой дикий и нелепый сумбур царил в его голове.

Юшке рассказывали такие подробности царского быта и дворцовых отношений, знание которых никак не могло пригодиться простому холопу.

И наверняка ведь осторожный Федор Никитич таил, для чего он обучает холопа странным наукам, ради той же конспирации он не поднимал Отрепьева из холопского состояния, держал, как и остальную дворню...

Потом Юшка, уже не отрок, а юноша, был привезен в Москву.

Некрасивый, нескладный, юноша был невероятно самолюбив и весь жил мечтаниями, сладострастно погружаясь в выдумывание обстоятельств, биографии, положения, в которых он мог бы развернуться, чтобы всем стало видно его благородство и красота.

«Il y a beaucoup du Henri IV dans Дмитрий, — писал А.С. Пушкин. — Il est comme lui indifferent à la religion — tout deux se donnant dans des projets chimerigues — tout deux en butte aux conspirations»*.

Сжигаемый изнутри яростным огнем честолюбия, Отрепьев и предстал перед Романовым. Попробуем представить эту встречу...

Федор Никитич Романов и Юшка Отрепьев. Боярин и холоп...

Федор Никитич был недурно образован. Как утверждает в своих «Записках о Московии» Дж. Горсей, Федор Никитич хотел выучиться латыни, и по его просьбе Горсей составил латинскую грамматику, написав в ней русскими литерами латинские слова. Но главное, Федор Никитич слыл первым московским щеголем и удальцом. Он великолепно ездил верхом, красиво одевался.

В Москве, когда хотели сделать комплимент чьему-либо кафтану или охабеню, говорили: «Теперь ты совершенный Федор Никитич!»

Рядом с ним неказистый Юшка выглядел совсем убого.

Должно быть, Федор Никитич долго и пристально разглядывал стоящего перед ним холопа, и дерзкая, необыкновенная мысль сделать его «орудием» против Годунова постепенно угасала в нем. То, что в деревенской глуши казалось трудно исполнимым, становилось совершенно невозможным в Москве.

То, что чувствовал, должно быть, тогда Федор Никитич Романов, очень верно определил Н.М. Карамзин, сказавший про первого самозванца, что «низость в Государе противнее самой жестокости для народа...»

Неспешно текли мысли в боярской голове Федора Никитича.

Сожаления не было. Федор Никитич умел признавать ошибки...

И совсем иначе, лихорадочно перескакивая с одной мысли на другую, думал застывший перед боярином холоп. Сейчас ему объявят, сейчас он узнает, сейчас решится его судьба...

Душевные терзания усиливались, поскольку Федор Никитич Романов наверняка был не просто господином для Юшки, а кумиром. Наверняка Юшка был влюблен в него.

Федор Никитич представлял для Юшки тот идеал совершенства, о котором всегда

---

* Дмитрий многим напоминает Генриха IV. Подобно ему — он храбр, великодушен и хвастлив, подобно ему — равнодушен к религии; оба они из соображений политических отрекаются от своей веры; оба любят удовольствия и войну; оба предаются несбыточным планам. Оба являются жертвами заговоров.

он мечтал и достигнуть которого — он понимал это! — ему невозможно.

Обожание некрасивого, нескладного холопа, пригретого на его дворе, Федор Никитич не мог не заметить. И только чтобы посмеяться, ради шутки, задал вопрос.

Не важно, о чем был вопрос, но совершенно очевидно, что Отрепьев ответил толково, демонстрируя недюжинный ум, как он это делал, уже будучи царем, разрешая в Боярской думе сложнейшие вопросы.

И тут Федор Никитич, уже почти решивший судьбу Отрепьева, призадумался.

Планы у боярина великие были, людишки могли сгодиться всякие. Не получилась замена царевичу Димитрию, может, что-то другое выйдет? От отца научен был Федор Никитич не пренебрегать ничем.

А кроме того, необычны были и образованность, и ум холопа. Как же было не показать такого раба родне, друзьям?

А как предан был. Так и ел глазами, будто собака.

Но если беседа с Отрепьевым удивила Федора Никитича, то какую же бурю подняли в сознании мечтательного и честолюбивого юноши.

Вглядываясь в портрет самозванца, легко представить, как переживал юный Григорий разговоры, в которые поначалу только ради веселья вовлекал его обожаемый патрон, как мечтательно и самозабвенно обдумывал их в душной людской.

Не так уж и важно, намек или оговорка послужили толчком к тому, чтобы связалось то особое (оно могло ему казаться таким) положение, которое Григорий занимал в боярском доме, и трагедия, разыгравшаяся в Угличе...

Отрепьев был ровесником царевича...

Он жил рядом, когда случилась трагедия в Угличе... Тогда отец его Богдан и перебрался в Коломенское...

Что-то неясное зашевелилось в памяти...

Ну да...

Разговор, который уже слышал он...

— Это — Дмитрий?

— Похож?

— Кажись, тот другой будет.

— Не этот...

— Не этот... Этот тут...

— А который настоящий?

Кто говорил?

Не мог вспомнить Григорий...

Откуда-то из темноты памяти звучали голоса.

Когда, заикаясь от страха, попытался рассказать Григорий Федору Никитичу о своей странной фантазии, тот не засмеялся. Выслушал и, ничего не сказав, ушел.

Потом Отрепьеву сказали, что боярин велел идти жить к Михаилу Никитичу Романову. Испугался Григорий, что прогневал боярина, раз гонит со двора, но у окольничего Михаила Никитича приняли, будто и не холоп он был. Не в людской поселили, а отдельную хоромину выделили.

Странным стало отношение Романовых. Григорий был дворовым человеком, но с ним обращались как с хозяйским сыном, обучали его наукам, которые не надобны были холопу.

«Кто я?» — оставаясь один, думал Отрепьев.

Однажды он задал, осмелев, этот вопрос отличавшемуся дородством, ростом и необыкновенной силой Михаилу Никитичу.

— А ты разве не знаешь, *кто* ты? — спросил в ответ окольничий и ушел. Еще темнее в голове Григория сделалось. Так и не разобрать было, то ли укорил хозяин, что он, холоп, позабыл свое происхождение и место, то ли за другое укорил, за то, что в холопстве решил спрятаться от более высокого назначения.

Потом был неожиданный перевод в дом князя Бориса Черкасского, где тоже держали в великой чести, наконец — приказано было постричься в монахи.

Ничего не понимал Отрепьев. Не понимал, чем вызвано внимание патриарха Иова, поставившего его в писцы и посвятившего в сан иеродиакона.

Все окончательно смешалось в голове, когда обрушилась на Романовых опала.

Отрепьев ходил смотреть, как жарко и страшно горела 26 октября 1601 года по-

дожженная стрельцами усадьба Федора Никитича.

Как удары молота, отдавались скорбные вести о благодетелях.

Федора Никитича заключили в Антониево-Сийский монастырь и насильно постригли в монахи. Жену его «замчали» в Заонежский Толвуйский погост и тоже постригли.

Братьев сослали... Детей...

Неясный пронесся слух, будто Богородица не велела молиться за Годунова. Жарко стало тогда на осенних московских улицах, заходила, заколотила в жилах кровь...

В этой жаркой духоте очнулся монах Григорий. В висках стучала кровь...

«Кто же я?» — думал он.

3.

В принципе не так и важно, сам ли Григорий додумался, что он царевич Димитрий, материализовав циркулирующие по Москве слухи, или был сделан намек от посланца Романовых.

Важно, что Григорий готов был поверить в это, ему казалось, что он всегда знал об этом. Федор Никитич подготовил, а дьявол подсказал — выдать себя за наследника престола.

Известно, что тогда и начал чернец Григорий намекать на свое царственное происхождение.

Н.М. Карамзин пишет, что «юный диакон с прилежанием читал Российские летописи, и нескромно, хотя и в шутку, говаривал иногда чудовским монахам: “Знаете ли, что я буду царем в Москве?”»

Когда слух о непригожих речах Отрепьева дошел до ростовского митрополита Ионы, он немедленно доложил Годунову. Годунов приказал дьяку Смирному Васильеву схватить дерзкого инока и заточить в Кирилло-Белозерском монастыре.

И вот тут начинаются уже настоящие чудеса...

Дьяк, исполняя указание Годунова, вдруг занемог беспамятством, позабыл царский указ и дал Отрепьеву возможность убежать в Галич.

Чудов монастырь в Московском Кремле. Фото середины XIX в.

Из Галича Григорий перебрался в Муром, из Мурома* — в Борисоглебский монастырь. Там ему удалось раздобыть лошадь и вернуться назад в Москву. Из Москвы Григорий ушел уже под видом паломника...

«В 1601 или 1602 году, в понедельник второй недели Великого поста, в Москве Варварским крестцом шел монах Пафнутьева Боровского монастыря Варлаам; его нагнал другой монах, молодой, и вступил с ним в разговор, — пишет С.М. Соловьев. — После обыкновенных приветствий и вопросов: кто и откуда? — Варлаам спросил у своего нового знакомца, назвавшегося Григорьем Отрепьевым, какое ему до него дело? Григорий отвечал, что, живя в Чудовом монастыре, сложил он похвалу московским чудотворцам и патриарх, видя такое досужество, взял его к себе, а потом стал брать с собою и в царскую Думу, и оттого вошел он, Григорий, в великую славу. Но ему не хочется не только видеть, даже и слышать про земную славу и богатство, и потому он решился съехать с Москвы в дальний монастырь: слышал он, что есть монастырь в Чернигове, и туда-то он хочет звать с собою Варлаама. Тот отвечал Отрепьеву, что если он жил в Чудове у патриарха, то в Чернигове ему не привыкнуть: черниговский монастырь, по слухам, место неважное. На это Григорий отвечал: "Хочу в Киев, в Печерский монастырь, там старцы многие души свои спасли; а потом, поживя в Киеве, пойдем во святой город Иерусалим ко гробу Господню". Варлаам возразил, что Печерский монастырь за рубежом, в Литве, а за рубеж теперь идти трудно.

"Вовсе не трудно, — отвечал Григорий, — государь наш взял мир с королем на двадцать два года, и теперь везде просто, застав нет". Тогда Варлаам согласился идти вместе с Отрепьевым: оба монаха поклялись друг другу, что не обманут, и отложили путь до завтра, уговорившись сойтись в Иконном ряду. На другой день в условленном месте Варлаам нашел Отрепьева и с ним третьего спутника: то был чернец Мисаил, а в миру звали его Михайла Повадин, Варлаам знавал его у князя Иван Ивановича Шуйского*».

Легко и естественно пристраивается к этому рассказу С.М. Соловьева сцена в корчме на литовской границе из драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов»:

«Григорий (хозяйке). Куда ведет эта дорога?

Хозяйка. В Литву, мой кормилец, к Луевым горам.

Григорий. А далече ли до Луевых гор?

Хозяйка. Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские да сторожевые приставы.

Григорий. Как заставы? Что это значит?

Хозяйка. Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать, да осматривать.

Григорий *(про себя).* Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

Варлаам. Эй, товарищ! Да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка, дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

Мисаил. Складно сказано, отец Варлаам...

Григорий. Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

Хозяйка. А Господь его ведает, вор ли, разбойник — только здесь и добрым лю-

* Больше всего разночтений в летописях как раз в этом списке монастырей. Но, на наш взгляд, как раз отсутствие единообразия и доказывает, что свидетельства эти подлинные. Если бы они были фальсифицированы, авторы наверняка бы озаботились придать им единообразие. Ведь в принципе не трудно было бы договориться и отработать единый, без малейших разночтений текст биографии самозванца, но ни патриарх, ни бояре не придавали значения второстепенным подробностям пути Отрепьева. Они считали достаточным назвать те монастыри, которые были известны им из их собственных источников.

* Эти показания дают возможность говорить и о причастности Шуйских к изготовлению самозванца, и объясняют нерешительность Василия Ивановича Шуйского, проявленную при расследовании убийства царевича.

дям нынче прохода нет — а что из того будет? ничего, ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякой мальчишка доведет до Луевых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют прохожих да обирают нас бедных. (Слышен шум.) Что там еще? Ах, вот они, проклятые! дозором идут.»

Но, увы, увы... Это только драматургический прием, позволяющий автору глубже раскрыть характер героя, а на самом деле никакой погони за дерзким самозванцем выслано не было.

И это тоже удивительно, как и беспамятство, овладевшее дьяком Смирновым Васильевым. Все-таки Григорий Отрепьев был первым самозванцем на Руси... Ведь это потом уже самозванцы начнут расти, как грибы, а появление первого должно было бы вызвать интерес...

Н.М. Карамзин объясняет «чудо беспамятства» заступничеством дьяка Евфимия*, но навряд ли такое возможно. Попросить Евфимий, конечно, мог, только едва ли Смирнов Васильев послушал бы его. Тут требовалась просьба помощнее...

«Летописцу XVII века казалось, что сам дьявол замешался в это дело и заставил Смирного сперва тронуться просьбами другого дьяка Семена Ефимьева, а потом и совершенно забыть указ царский... — пишет и С.М. Соловьев. — Мы, разумеется, можем объяснить себе это дело не иначе, как тем, что промысл людей сильных бодрствовал над Григорьем и предохранял его от беды. Узнав об опасности, Отрепьев убежал из Чудова монастыря в Галич, оттуда — в Муром, в Борисоглебский монастырь, где настоятель дал ему лошадь для возвращения в Москву».

Бодрствовавший над самозванцем промысел людей сильных имеет вполне конкретный адрес. Вспомним, что поиски Отрепьева совпадают по времени с розыском, который велся по делу бояр Романовых.

Следствие было не закончено, и кому-то очень не хотелось, чтобы оно закончилось, чтобы поймали дерзкого чернеца, чтобы рассказал Григорий Отрепьев, *что* украл он, а главное, *кто* научил его этому...

4.

История самозванца после бегства в Польшу известна гораздо лучше, нежели московский период его жизни...

«В Киеве, снискав милость знаменитого Воеводы Князя Василия Константиновича Острожского, Григорий жил в Печерском монастыре, а после в Никольском и в Дермане; везде священнодействовал, как диакон, но вел жизнь соблазнительную, презирая устав воздержания и целомудрия... — рассказывает Н.М. Карамзин. — Между тем безумная мысль не усыпала в голове прошлеца; он распустил темную молву о спасении и тайном убежище Димитрия в Литве; свел знакомство с другим отчаянным бродягою, Иноком Крыпецкого монастыря Леонидом, уговорил его назваться своим именем, то есть Григорием Отрепьевым; а сам, скинув с себя одежду монашескую, явился мирянином, чтобы удобнее приобрести навыки и знания, нужные ему для ослепления людей...»

Карамзин рассказывает, что Отрепьев учился верховой езде и владению мечом в «шайке удалых запорожцев», которой предводительствовал Герасим Евангелик. Затем самозванца запомнили уже на Волынщине, где он изучает в школе латинскую и польскую грамоту. Затем — на службе у князя Адама Вишневецкого.

Здесь он, когда достаточно хорошо зарекомендовал себя, притворился больным и потребовал духовника.

— Умираю! — сказал он ему. — Предай мое тело земле с честию, как хоронят детей царских. Не объявлю своей тайны до гроба; когда же закрою глаза навеки, ты найдешь у меня под ложем свиток и все узна-

* Родственник самозванца, тот самый дьяк, который обучал малолетнего Отрепьева каллиграфии.

ешь; но другим не сказывай. Бог судил мне умереть в злосчастии.

Иезуит-духовник, разумеется, известил Вишневецкого о странной просьбе. Постель «умирающего» была обыскана, бумага, в которой повествовалось, что Отрепьев является царевичем Димитрием, прочитана.

Вишневецкий передал ее своему брату Константину, а тот своему тестю, сендомирскому воеводе Юрию Мнишеку.

Мало кто в Польше и в Риме действительно верил в подлинность Лжедмитрия.

— Вот и еще новый король португальский воскрес... — сказал римский папа Климент VIII, прочитав донесение нунция Рангони, извещавшее Ватикан об Отрепьеве.

Но на карьере самозванца это никак не отразилось...

Хотя Романовы и готовили его как орудие борьбы с Борисом Годуновым, польские паны сообразили, что это орудие можно использовать и в борьбе с православной Россией.

Марина Мнишек

В.О. Ключевский говорил, что Лжедмитрий был заквашен в Москве, а испечен в польской печке. Добавим, что пекли самозванца, не мудрствуя лукаво, по надежным, много раз проверенным рецептам...

Юрий Мнишек посулил самозванцу свою дочь Марину, а Лжедмитрий дал обязательство присоединиться к Римской церкви.

В начале 1604 года в Кракове Лжедмитрий публично отрекся от православия, а папский нунций в Польше Клавдий Рангони представил его королю...

Сигизмунд признал самозванца истинным царевичем Димитрием и назначил 40 000 злотых ежегодного содержания, но тут же (деньги зазря он тратить не собирался) приказал Мнишку и Вишневецким не мешкая собрать для самозванца рать из вольницы, чтобы вторгнуться в пределы России.

Рать была собрана, и 25 мая 1604 года самозванец дал будущему тестю клятвенную запись, что, утвердившись на московском престоле, женится на панне Марине. А как только женится, так сразу уступит в полное владение Новгородскую и Псковскую области.

16 октября 1604 года Лжедмитрий вступил с ополчением в пределы России... И сразу же папа Павел V признал его государем всей России и напомнил об обещании распространить католичество в России. Он подчеркнул, что только так новый царь московитов сможет возблагодарить Бога за оказанные ему благодеяния.

Тут, как мы видим, все просто и конкретно. Военная и экономическая поддержка — в обмен на предательство. Признание — в обмен на обещание предательства.

Но так было всегда. Во все эпохи подлое российское самозванство (не важно, лжецарями, революционерами или прогрессивными демократами нарекало оно себя) обращалось за помощью к Западу, и всегда Запад помогал им, чтобы с помощью этих выродков разрушить страну, одолеть которую в открытом противостоянии Западу не удавалось никогда...

И конечно же, каждый раз поражаешься той готовности, с которой титулованная

московская знать предает Россию во власть ее врагам.

Возвратившийся из ссылки Богдан Бельский, который, по мнению Филарета Романова, *один-де у них разумен*, торжественно поклялся, что царевич Димитрий был спасен и это сам Бельский укрывал его «на своей груди».

Но не один Бельский был так разумен.

18 июля привезли в Москву царицу Марфу (Нагую).

Самозванец встретил ее в селе Тайнинском, завел в шатер, раскинутый близ большой дороги, и о чем-то долго говорил наедине, а потом народ плакал, видя, как почтительный сын шагал рядом с материнской каретой. Марию поместили в Вознесенском монастыре, куда царь ездил к ней каждый день, рассказывая матушке о своих планах, о своих обязательствах перед Мариной Мнишек, перед ее отцом, перед польским королем и римским папой, и конечно же перед Романовыми.

По его указу в Москву были привезены все Романовы.

И мертвые, и живые... Мертвых с великими почестями похоронили в Новоспасском монастыре, а живые были облагодетельствованы...

Ивану Никитичу Романову даровали боярство, а Филарета Никитича возвели в сан ростовского митрополита.

«Его же тогда едва священным собором умолиша», — прибавляет хронограф.

Слово «умолиша» наполнено тут, как нам кажется, не только подобострастием по отношению к отцу царя, но и конкретным историческим содержанием.

Филарет Никитич, рассуждая в духе той табели о рангах, которую введет его правнук, Петр Первый, поведал царю-самозванцу, дескать, ему, смиренному иноку Сийского монастыря, в долгих молитвах открылось, что звание боярина соответствует митрополичьему. А поскольку бояришком он уже был, значит, как бы и митрополитом был. Теперь, коли самодержавный царь всея Руси Юшка явит великую милость и захочет его наградить, надобно накинуть званьишко. Надобно его, Филарета, патриархом поставить.

5.

Легко представить смущение, которое охватило первого царя со двора Романовых.

С одной стороны, Федор Никитич был его кумиром, без Федора Никитича не достиг бы он нынешнего величия, а с другой стороны, он еще месяц назад, по указанию иезуитов, уже возвел в патриархи всея Руси рязанского архиепископа Игнатия.

Это был грек, занимавший архиепископскую кафедру на острове Кипре. Долгое время он провел в Риме и, как полагают, принял там унию, а в 1595 году по направлению римской курии был командирован в Москву и с 1603 года управлял Рязанской епархией.

Игнатий первым из православных архиереев признал самозванца Димитрием и с царскими почестями встретил еще в Туле...

Как же теперь увольнять Игнатия? Никак нельзя. Но и объяснять эти политические резоны было непросто.

Поэтому и велел Отрепьев всем Собором умолять Филарета Никитича погодить с патриаршеством и занять пока какую-либо митрополичью кафедру.

Филарет Никитич внял этой мольбе. Подумавши, сказал, что берет Ростовскую кафедру. В этой епархии находились его вотчины.

Все облегченно вздохнули. Тут же Филарета Никитича Романова возвели в сан ростовского митрополита, вместо, как утверждают историки романовской школы, «удалившегося на покой митрополита Кирилла».

Насчет «удалившегося» — явное лукавство. Правильнее было сказать «удаленного...»

Для того чтобы освободить для обожаемого Никитича место, согнали с Ростовской кафедры достойнейшего иерарха Русской церкви — святителя Кирилла (Завидова), который был хиротонисан в митрополита Ростовского всего несколько месяцев назад — 18 марта 1605 года.

Митрополит Кирилл был грешен перед Лжедмитрием тем, что присутствовал при кончине царя Бориса Годунова, тем, что присягал Федору Годунову, тем, что вместе с патриархом Иовом не признал самозванца... Но главная вина святителя заключалась в другом — он занимал епархию, которая приглянулась Филарету Никитичу.

Говорят, что первый самозванец был посвоему добрым и мягким человеком. И, наверное, по-своему он жалел митрополита Кирилла.

Просто выхода у него не было.

Марине Мнишек самозванец отдавал Псковскую и Новгородскую области. Как же было не отдать человеку, который сделал его царем, приглянувшуюся епархию?

Прощаясь с новым ростовским митрополитом, Отрепьев попросил Филарета принять в дар от него и монастырь Святого Ипатия.

Митрополит Филарет внимательно оглядел бывшего раба.

Рыжеволосый, с бородавками на лице, нескладный, он ничуть не изменился с тех пор, когда Федор Никитич чуть было не забраковал его, но вот — в это невозможно поверить! — он восседал на троне Иоанна Грозного как хозяин, ходил по помещениям, в которые сам Филарет Никитич не мог войти без трепета.

Да что там помещения...

Филарет Никитич уже слышал о том, что Отрепьев изнасиловал красавицу-царевну Ксению Годунову...

Замышляя оружие против Бориса Годунова, об этом Филарет не думал...

Или думал?

Филарет не мог вспомнить...

Ипатьевский монастырь. Изображение на миниатюре. 1672 г.

— Будешь, Владыка, покоить там матушку свою и сына... — глядя на бывшего хозяина тусклыми голубыми глазами, проговорил новый государь.

Филарет поклонился в знак благодарности и не увидел, как исказились губы самозванца недоброй усмешкой — в придачу к Ипатьевскому монастырю семейство Филарета получало и Ипатьевский дом.

Впрочем, может быть, этого не знал и сам Отрепьев. Это знал только его настоящий хозяин...

В монастыре Святого Ипатия Филарет «по-святительски» соединился с женой и сыном... Как мы говорили, он не знал, не мог знать, что к пожалованному самозванцем Лжедмитрием Ипатьевскому монастырю получили они и Ипатьевский дом.

Это знаем мы...

И очень трудно тут удержаться от сопоставления.

В Ипатьевском монастыре, основанном Мурзою Четом — предком Бориса Годунова, с которым боролись Романовы, вырос первый царь романовской династии.

В Ипатьевском доме оборвется жизнь последнего Русского Государя — императора Николая Второго Романова.

Возле Ипатьевского дома витает тень Григория Распутина.

Возле Ипатьевского монастыря — тень Григория Отрепьева.

Такие странные и страшные совпадения. Могильной чернотой тянет от них.

Не тогда ли и были предопределены они, когда Филарет Никитич Романов принимал митрополичий сан из рук своего холопа?

Неведомо...

Добавим тут, что митрополит Кирилл (Завидов) достойно, как и подобает истинному святителю, пережил несправедливость.

Он поселился в Троице-Сергиевой лавре, где прежде был архимандритом. В начале 1612 года, когда патриарх Филарет отбыл в Польшу, ярославцы пригласили своего святителя снова занять освобожденную епархию.

Он и управлял ею до своей кончины. Это он благословлял поход на Москву Нижегородского ополчения Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского.

«По благословению великого господина преосвященного Кирилла, митрополита ростовского и ярославского и всего освященного собора, по совету и приговору всей земли, пришли мы в Москву...» — писал тогда в своей грамоте князь Дмитрий Пожарский, стоя под стенами Китай-города.

Дал ли бы благословение на такой поход Филарет Романов, если бы оставался ростовским митрополитом? Едва ли...

А митрополит Кирилл после мученической кончины патриарха Гермогена стал первым высшим духовным лицом России.

В этом качестве и довелось ему приглашать на царствие Михаила Федоровича — сына своего утеснителя, встречать его при въезде в Москву, участвовать в коронации...

Это тоже конечно же совпадение, но каким ясным и пронзительным светом смиренномудрия окрашено оно!

6.

Тяжело и беспощадно крутились запущенные Филаретом Никитичем жернова.

Царевич Димитрий... Самозванец Димитрий... Святой Димитрий...

На этих жерновах смалывались не только честь и совесть тех, кто толпился у трона, но и сама православная мораль...

Самозванца признали многие...

Воспитатель детей Иоанна Грозного — Богдан Бельский, мать царевича Димитрия — Марфа Нагая, прежний хозяин Отрепьева — Филарет Романов...

Можно понять, чем руководствовались эти люди.

Одни лжесвидетельствовали из страха, другими руководила ненависть к Годуновым, третьи рассчитывали на щедрую награду.

Однако чем бы ни руководствовались они, ложь не могла сделаться правдой, и, настаивая на своем, люди оказывались поражены духовной слепотой, уже не могли разобрать, в какую пропасть вели страну и вместе с нею и самих себя.

Это и произошло с умным и дальновидным Филаретом Романовым.

Н.И. Костомаров посвятил целую монографию «Кто был первый Лжедмитрий» доказательству, что первый самозванец и Григорий Отрепьев — разные лица. Горячих слов в этой работе еще больше, чем в исследовании, посвященном следственному делу об убиении царевича Димитрия, аргументов же практически нет.

Ну а о доказательствах идентичности первого самозванца и Григория Отрепьева Н.И. Костомаров старается не говорить или говорит вскользь, как о несущественном.

Среди несущественных доказательств — и свидетельство патриарха Иова.

Свидетельство это тем ценнее, что оно не выгодно было самому патриарху, и значит, свидетельствуя так, он искал лишь истины, а не выгоды. Здесь же оказались и оплаченные жизнями свидетельства иноков Чудова монастыря...

В нашу задачу сейчас не входит опровержение горячих слов в защиту патриарха Филарета. Защитить его невозможно, даже если бы Лжедмитрий и не был его холопом, Григорием Отрепьевым.

В любом случае Филарет *знал*, что Лжедмитрий — самозванец, и, принимая из его рук знаки митрополичьего достоинства, совершал клятвопреступление, более того, он *знал*, что совершает клятвопреступление.

Отметим сразу, что слово *«знал»* здесь включает в себя не только молчаливое согласие на обман, но и живейшее участие в этом обмане.

За спиною Григория Отрепьева стоял католический мир Запада. Страшная угроза нависла не только над престолом, но над самой православной сущностью нашей

Помилование Самозванцем князя Василия Шуйского перед казнью.
Рисунок А. Земцова. Вторая пол. XIX в.

страны. И Филарету Романову не так-то просто было научиться *не знать*, не видеть, не замечать это...

Чтобы описать то, что чувствовал и думал митрополит Ростовский Филарет, надобен русский Шекспир. Тут можно отыскать материал и для «Макбета», и для «Короля Лира».

Ну, ведь надо же...

Создать из своего холопа оружие против Бориса Годунова и в результате самому стать холопом у своего холопа...

А холоп, пожаловав Ивана Никитича бояриным, а Филарета Никитича — в митрополиты, считал, что вернул долг сполна. Если Филарет Романов еще чего-то хотел, ему надо было признать как своего господина не только бывшего холопа, но и новых хозяев самозванца — те римско-католические силы, что стояли за его спиной. Надобно было и самому тоже предать и Веру и Отечество.

Воистину, лучше было ослепнуть, чем пройти через такое...

Но не все русские были поражены слепотой.

Многие ясно различали надвигающуюся опасность и открыто встали на пути ее. Многие, кого захватывали жернова лжи и обмана, пытались вырваться из них, даже если и приходилось жертвовать для этого и богатствами, и покоем, и самой жизнью...

Мы уже говорили, как жестоко расправился самозванец с патриархом Иовом, обличившим его самозванство. В простой рясе чернеца на убогой телеге увезли избитого, истерзанного патриарха в Успенский Старицкий монастырь.

Но это был Иов. Его невозможно было сломить.

Желая придать выбору нового патриарха подобие законности, самозванец послал Игнатия в Старицу за благословением, но Иов отказался благословить «римския веры мудрование».

Самозванец угрожал Иову муками, но и тогда не устрашился первый русский патриарх.

«Один Бог ведает, — писал он в своей духовной грамоте, — сколько предавался я рыданию и слезам с того времени, как возложен был на меня сан святительства, ибо я чувствовал мои немощи, сознавал, что не имею довольно для того духовных сил...»

И патриарх Иов был не один. Умный и опытный царедворец, князь Василий Шуйский тоже поднял голос против самозванца.

Василия Ивановича Шуйского судили сенаторы, которые будучи боярами заседали с Шуйским в думах у русских царей. За то, что он не хотел служить самозваному царю, они приговорили бывшего товарища к смерти.

И снова повторил русский князь, что на русском престоле сидит самозванец, поскольку он, Шуйский, доподлинно видел убитого царевича Димитрия.

Можно, конечно, повторить тут горячие слова Н.И. Костомарова, дескать, если Шуйский *лгал один раз, два раза, то мог лгать и в третий раз и все три показания взаимно себя уничтожают,* но не будем забывать, что обличает Шуйский самозванца, будучи приговоренным к смерти, когда никакой пользы от *этих свидетельств* ему не было и не могло быть, если, конечно, не говорить о пользе спасения собственной души...

«В глубокой тишине, — пишет Н.И. Карамзин, — народ теснился вокруг Лобного места, где стоял осужденный Боярин (как бывало в Иоанново время!) подле секиры и плахи, между дружинами воинов, Стрельцов и Козаков; на стенах и башнях Кремлевских также блистало оружие, для устрашения Москвитян, и Петр Басманов, держа бумагу читал народу от имени Царского: "Великий Боярин, Князь Василий Иванович Шуйский, изменил мне, законному Государю вашему, Димитрию Иоанновичу всея России; коварствовал, злословил, ссорил меня с вами, добрыми подданными: называл Лжецарем; хотел свергнуть с престола. Для чего осужден на казнь: да умрет за измену и вероломство!" Народ безмолвствовал в горести, издавна любя Шуйских, и пролил слезы, когда несчастный Князь Василий, уже обнаженный палачем, громко воскликнул к зрителям: "братья! умираю за истину, за

Веру Христианскую и за вас!" Уже голова осужденного лежала на плахе... Вдруг слышат крик: стой! и видят Царского чиновника, скачущего из Кремля к Лобному месту, с Указом в руке: объявляют помилование Шуйскому!»

Момент подготовки Василия Шуйского к казни принципиально важен. Перед плахою русский князь свидетельствует, что умирает за истину. Это свидетельство привносит в верчение запущенных Романовыми жерновов смуты то духовное содержание, которое одно только и может остановить разрушение страны.

Василий Шуйский — царедворец, политик, дипломат. Создание партий, поиск компромиссов, заключение соглашений — его стихия. Политические расчеты двигали Шуйским во время следствия по делу царевича... Считается, что Шуйский прикрывал тогда Бориса Годунова, но это не очевидно. Вполне возможно, что, лжесвидетельствуя на царевича Димитрия и обвиняя его в самоубийстве, Шуйский обрубал ниточки, ведущие от этого злодеяния к боярским родам, взращивавшим идею самозванца...

Но Василий Шуйский не только интриган и политик.

Все биографы говорят о его тяготении к мистицизму. На Шуйского необыкновенно остро действовало всё, связанное с загробным миром. Князь суеверно опасался неблагоприятного воздействия потусторонних сил.

Поэтому появление Григория Отрепьева было воспринято Василием Шуйским не просто как политическая коллизия (подчеркнем тут, что русская общественная мысль с феноменом самозванства еще не сталкивалась!), а еще и в мистическом плане. Это было как бы восстание из гроба оклеветанного им, Шуйским, мертвеца.

И невнятное, почти вырванное у него признание, что он преднамеренно исказил материалы следствия, порождено было именно этим мистическим ужасом, а не одними только политическими расчетами. Но естественно, что снять тяжесть с души признание это не могло, оно только усилило угрызения совести. Оказалось, что он не может противостоять и обольщению...

Не объяснимо ни с какой другой точки зрения почти мгновенное преображение Шуйского в борца с самозванцем. Эта борьба, кстати сказать, совершенно выпадает и из стилистики поведения Шуйского.

Великий мастер придворной интриги, Шуйский наверняка бы дождался, когда обличения самозванца зазвучат из уст людей, которых невозможно связать с ним, и тогда уже и нанес бы удар противнику.

А Василий Шуйский двинулся в бой открыто, словно и не провел он долгих лет при дворах Иоанна Грозного, царя Федора, Бориса Годунова...

Объяснить этот «промах» можно только тем, что Шуйский действовал сейчас не как политик, а как человек, пытающийся оборониться от ужаса, поднимающегося в его душе. Он действует, словно ведет диалог, но не с реально действующими политическими силами, а с царевичем Димитрием. И его слова перед плахою, стоя уже во вратах вечности, тоже о царевиче Димитрии...

— Братия... Умираю за истину... За веру христианскую...

Мы не знаем содержания мистического переживания, происходившего в те мгновения в душе Шуйского. Но понятно, что думал Шуйский о ребенке, убийц которого скрыл в ходе следствия, к нему, царевичу Димитрию, обращал Шуйский слова последнего безмолвного моления.

И вот в это мгновение и совершилось чудо — прозвучал голос, объявляющий, что Димитрий милует его.

Не важно, что в реальности это самозванец помиловал Шуйского.

В душе Шуйского, обращенной в молитве к убиенному в Угличе царевичу, это прощение от самого царевича и исходило.

Между прочим, в Никоновской летописи содержится указание, что это Марфа Нагая упросила самозванца помиловать Шуйского. Как считает Н.М. Карамзин, «совесть терзала сию несчастную пособницу обмана: спасая мученика истины, Марфа надеялась уменьшить грех свой перед людьми и Богом...»

Мы говорили, что для незащищенного общественного сознания русского человека того времени сконструированные Романовыми жернова с царевичем Димитрием — самозванцем Лжедмитрием — святым Димитрием были особенно разрушительны.

Спасти в них могла только православная вера. Другого пути для спасения не существует. Вера спасла Василия Шуйского, вера помогла ему и сокрушить самозванца.

Не случайно поэтому центр сопротивления надвинувшемуся мраку смуты смещался из боярских хором в храмы, и на передовую линию выходили не политики и полководцы, а иерархи Церкви.

Когда Лжедмитрий обратился к ним за благословением на венчание с Мариной Мнишек и попросил не настаивать на переходе ее в православие, патриарх Игнатий угодливо проговорил:

— На твоей воли буди, государь!

Тогда и возвысил голос казанский митрополит Гермоген.

О православной вере были его слова:

«Сию веру многими снисканиями благоверный князь Владимир обрел, и святое крещение принял во имя Святыя и Живоначальныя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа, и от купели здрав изыде, славя Бога и многих людей крестив... Потому непристойно христианскому царю жениться на некрещеной! Потому непристойно христианскому царю вводить ее во святую церковь! Непристойно строить римские костелы в Москве. Из прежних русских царей никто так не делал».

Тихо стало в Грановитой палате, где происходило заседание Боярской думы, преобразованной самозванцем в подобие польского сената*. Глуховатый и несильный голос казанского митрополита раскатился по палате, загуляло под тяжелыми сводами гулкое эхо.

Показалось, будто кто-то повторил с высоты:

— Из прежних русских царей никто так не делал...

Побледнело лицо самозванца.

Великою силою обладает слово правды. Бесстрашно произнесенное, оно легко разрушает все хитросплетения лжи, все хитроумные уловки обмана. Более того, слово правды возвращает зрение людям, ослепшим, когда вокруг все выкрикивают лживые утверждения.

Вот и сейчас, когда зазвучал глуховатый и несильный голос Гермогена, ясно увидели все, кто посажен ими на московский престол...

Разумеется, видели они это и раньше.

Слишком многие помнили в Москве человека бояр Романовых — Отрепьева. И в Чудовом монастыре, куда старался не ходить самозванец, тоже не забыли своего чернеца.

Свидетельство Богдана Бельского, признание Марфы Нагой могли обмануть только тех, кто хотел обмануться...

Тягостное молчание, повисшее в Грановитой палате, прервал сам самозванец.

Пересыпая слова плохо скрытыми угрозами, он уговаривал Гермогена не противодействовать ему.

Но чем дольше говорил, тем явственнее становилось, что под сводами Грановитой палаты разносится голос дворового человека бояр Романовых.

Не царские речи вел Отрепьев.

И снова прозвучал глуховатый голос митрополита Гермогена:

— Заклинаю тебя оставить свои планы...

Страшен был гнев, который обрушил самозванец на Гермогена. Приказано было сослать митрополита назад в Казань, снять с него святительский сан и заточить в монастыре.

Однако Господь не попустил исполнения этого приказа. Еще не завершил Гермоген святительского служения. Еще многое предстояло совершить ему...

* В первые же дни по вступлении своем на престол Лжедмитрий сделал всех русских архиереев сенаторами. Сохранилась подробная роспись всем членам нового русского сената. Из нее видно, что духовную раду составляли патриарх, сидевший особо по правую руку государя, потом сидели митрополиты — Новгородский, Казанский, Ростовский и Сарский, далее — архиепископы...

7.

12 ноября 1605 года в Кракове было совершено обручение и бракосочетание Григория Отрепьева с Мариной Мнишек по римскому обряду. Вместо жениха в Кракове рядом с Мариной стоял посол самозванца — Власьев...

2 мая 1606 года в сопровождении двух тысяч поляков и литовцев Марина прибыла в Москву.

Короновали Марину Мнишек в Успенском соборе. Патриарх Игнатий возложил на Марину бармы, диадему и корону. По окончании коронования патриарх совершал литургию и после Херувимской песни возложил на Марину золотую Мономахову цепь и причастил ее Христовых Тайн по православному обряду.

Вслед за литургиею последовало и бракосочетание.

«Мы несомненно уверены, что как ты желаешь иметь себе детей от этой избранной женщины, — писал в письме к Лжедмитрию папа римский, — рожденной и воспитанной в благочестивом католическом семействе, так вместе желаешь привести народы Московского царства к свету католической истины, к святой Римской Церкви, матери всех прочих Церквей. Ибо народы необходимо должны подражать своим государям и вождям...»

Все было рассчитано у новых хозяев романовского холопа, и сразу после свадьбы Марина начала понуждать Отрепьева, чтобы он исполнил обещание, данное римскому папе.

И Отрепьев решился.

«Пора мне, — сказал он 16 мая князю Константину Вишневецкому, — промышлять о своем деле, чтобы государство свое утвердить и веру Костела Римского распространить. А начать нужно с того, чтобы побить бояр... У меня все обдумано. Я велел вывезти за город все пушки и дал наказ, чтобы в следующее воскресенье, 18 мая, выехали туда будто бы смотреть стрельбу все поляки и литовцы в полном вооружении, а сам я выеду со всеми боярами, которые будут без оружия. И как только начнут стрелять из пушек, поляки и литовцы перебьют бояр; я даже назначил, кому кого убить».

Теперь, казалось бы, бессмысленным становилось сопротивление святителя Гермогена... Бессильными становятся слова, когда заряжают пушки...

Но это не так.

Недолгим было торжество самозванца. Всего девять дней длился медовый месяц... Не удалось молодым насладиться подготавливаемой потехой.

Семнадцатого мая восставшие москвичи ворвались в покои самозванца.

«Нетерпеливый народ, — пишет Н.М. Карамзин, — ломился в дверь, спрашивая, винится ли злодей? Ему сказали, что винится — и два выстрела прекратили допрос вместе с жизнию Отрепьева. Его убили дворяне Иван Воейков и Григорий Волуев*...»

Потом тело Лжедмитрия выволокли из Кремлевского дворца и долго терзали и бросили в грязи посреди рынка.

Рядом с трупом самозванца со словами: «Вы здесь любили друг друга! Будьте же неразлучны и в аду!» — бросили и тело Басманова.

Худенькая, небольшого роста, Марина спряталась под юбку своей гофмейстерины. Ей еще рано было помирать. Еще ждала ее впереди постель второго самозванца — Богданко, казачий шатер Заруцкого...

Когда толпа тащила трупы Григория Отрепьева и Басманова на Красную площадь, поравнявшись с Вознесенским монастырем, вызвали царицу Марфу Нагую.

— Твой ли это сын?

— Вы бы спрашивали меня об этом, когда он был еще жив, — ответила царица, отрекшаяся от самозванца еще накануне, — теперь он уже, разумеется, не мой.

---

* Это тот самый герой, который несколько месяцев спустя предотвратил попытку тушинского патриарха Филарета Романова сбежать к полякам.

На Красной площади выставлены были оба трупа в продолжение трех дней: Лжедмитрий лежал на столе в маске, с дудкою и волынкою, Басманов — на скамье у его ног.

Басманова потом погребли на семейном кладбище у церкви Николы Мокрого, а самозванца — за Серпуховскими воротами.

Но сразу после похорон, в двадцатых числах мая, ударили сильные морозы, поползли слухи, дескать, виною — волшебство расстриги, и тогда москвичи, чтобы не погубить урожай на огородах, труп вырыли, сожгли и, смешав пепел с порохом, выстрелили из пушки на Запад — в ту сторону, откуда пришел самозванец.

Так и завершилось правление первого царя со двора Романовых.

Глава пятая

ПАТРИАРХ ТУШИНСКОГО ВОРА

За четверть века до описываемых событий, 8 июля 1579 года, в Казани произошло обретение Чудотворной Казанской иконы Божией Матери.

Великие чудеса явились от нее...

Уже на следующий день прозрел перед иконой слепой Никита...

Но икона Казанской Божией Матери даровала и чудеса духовного прозрения. Словно спадала пелена с глаз, и ясно видели люди, что надлежит делать, чтобы спастись самим и спасти Отечество.

И самое первое чудо, *совершенное Иконой*, — священник Ермолай, который первым поднял Чудотворный образ, чтобы показать народу.

Пятьдесят лет было ему тогда.

Большая часть жизни оставалась за спиною, но вот он взял в руки Чудотворный образ, и словно спала пелена с глаз современников, и сразу — во всей духовной мощи явился облик святителя Гермогена...

Мы уже говорили, как бесстрашно выступил он против попытки самозванца узурпировать православные обряды и обычаи, но главный святительский подвиг ему еще предстояло совершить...

И совершать его предстояло в духовном противостоянии недругам Руси и православия, какой бы сан и какое бы звание ни носили они...

1.

Еще валялись на Красной площади трупы Григория Отрепьева и Петра Басманова, а воровского патриарха Игнатия уже лишили сана и заключили в Чудовом монастыре. В вину ему вменялось нарушение православных обрядов во время коронации и бракосочетания самозванца с Мариной Мнишек.

Теперь надобно было избирать и нового царя, и нового патриарха.

Московским вельможам, замешанным в свержении Годуновых и службе романовскому холопу, хотелось выбрать царем такого же, как они, измаранного клятвопреступлениями боярина, который не мог бы потом попрекнуть их. Подходили для этого и обласканные самозванцем Романовы, и князь Василий Голицын, который удавил со стрельцами царя Федора Годунова и его мать — царицу Марию...

Но был еще и князь Василий Шуйский...

Портреты его у историков романовской эпохи всегда почему-то смахивают на карикатуру.

Одни историки рисовали Шуйского толстым («роста малого, толст» — утверждал Н.М. Карамзин), другие — тощим («худенький, приземистый, сгорбленный старичок» — говорил Н.И. Костомаров)... Но всегда, хотя будущему царю было чуть больше пятидесяти лет, изображали его стариком... Всегда — несановитым и некрасивым... Всегда — с большим широким ртом, с подслеповатыми, больными глазами...

Еще большую суровость проявляли историки в оценке моральных качеств Шуйского...

«Донельзя изолгавшимся и изынтриговавшимся» называл его В.О. Ключевский.

«Мелочной, скупой до скряжничества, — говорил про Шуйского Н.И. Костомаров, — завистливый и подозрительный, постоянно лживый и постоянно делавший промахи, он менее, чем кто-нибудь, способен был приобрести любовь подвластных, находясь в сане государя».

Спору нет...

Из-за небольшого роста князь Шуйский мог казаться полноватым, почти толстым...

Испорченные неумеренным чтением глаза, действительно, быстро уставали и часто бывали красными. Шуйский вполне мог казаться подслеповатым...

Он очень бережливо относился к государевой казне, иногда бывал мелко, не по-царски, скуп. Особенно удручала бояр скупость Шуйского, когда они сравнивали ее со щедростью Григория Отрепьева, который в три месяца своего правления сумел практически опустошить государеву казну, скопленную за несколько веков московскими государями...*

Все это так...

Сложнее с лживостью.

Разумеется, изображать человека, вся жизнь которого протекала возле трона, образцом прямоты и простодушия было бы неосмотрительно.

Но не будем забывать, что это ведь Василий Шуйский обличил самозванца. И это все меняет. Человека, поднявшегося за правду на плаху, уже невозможно назвать лжецом, даже если он и говорил когда-то неправду.

Кроме того, встречая суровые отзывы о царе Василии Шуйском, не нужно забывать, что большинство историков XIX века почитало либеральный атеизм главной духовной ценностью, а православное самосознание русского народа считало неискренним и лживым. Неискренностью они называли и тот мистицизм, без которого трудно представить себе Шуйского. Чрезвычайно умный и начитанный, он простонародно искренне верил в чудеса и чародейства. Это тоже трактовалось как лживость.

Подобные оценки, разумеется, далеки от истины. Гораздо более точной представляется характеристика, данная Василию Шуйскому А.С. Пушкиным: «Il montre dans l'histoire un singulier melange d'audace, de souplesse et de force de caractere*.

Чтобы обнаружить смелость и силу характера, а заодно разумность и предусмотрительность в действиях Шуйского, достаточно только отказаться от нелепой привычки вопреки исторической истине во что бы то ни стало защищать доброе имя Романовых.

«По убиении расстриги, — вздыхает ангажированный врагами Шуйского летописец, — бояре начали думать, как бы согласиться со всею землею, чтобы приехали из городов в Москву всякие люди, чтобы выбрать, по совету, государя такого, который бы всем был люб. Но Богу не угодно было нас помиловать по грехам нашим: чтобы не унялась кровь христианская, немногие люди, по совету князя Василия Шуйского, умыслили выбрать его в цари».

Так, наверное, и было...

Москвичи еще слишком хорошо помнили, что сановитый Голицын, командуя полком правой руки под Кромами, перешел на сторону самозванца и участвовал в бесчеловечной расправе над Годуновыми, а помаргивающий красноватыми глазами Шуйский бесстрашно обличал самозванца, стоя перед плахой на Лобном месте.

Москвичи не успели еще позабыть, как осанистый красавец Филарет (Романов) принимал знаки митрополичьего достоинства из воровских рук, а сгорбленный книгочей Шуйский поднимал против еретика

* Считается, что за три месяца своего правления Лжедмитрий Отрепьев издержал более семи миллионов рублей.

* Он представляет в истории странную смесь смелости, изворотливости и силы характера... (А.С. Пушкин. Т. 6, стр. 64.)

восстание, и это за ним шли в Кремль восставшие москвичи, чтобы уничтожить объявленного царем романовского холопа.

Верховные бояре тоже помнили, что в глазах народа эти достоинства превозмогут сановитость и осанистость, и решили перехитрить народ.

19 мая 1606 года бояре вышли к народу, что с раннего утра толпился на Красной площади, и предложили избрать патриарха, который встанет во главе временного правления и разошлет грамоты, созывающие «советных людей» из русских городов для выборов царя.

Расчет был простым. Бояре собирались поставить в патриархи Филарета, и этот свой патриарх помог бы избрать им и своего царя. Но и москвичи знали, что бояре пророчат в патриархи Филарета Романова, и прекрасно понимали, какие выборы царя устроит этот ставленник своего холопа-самозванца.

Поэтому-то голоса бояр потонули в недовольном гуле толпы, из которого вдруг взметнулся решительный голос:

— Прежде да изберется царь! Царь нужнее патриарха!

Народ одобрительно зашумел, и тут же было выкрикнуто имя князя Василия Ивановича Шуйского.

Больше в Москве после правления Григория Отрепьева выбирать было некого.

К сожалению, тогда московские бояре уже вошли во вкус шляхетской вольности, и, вынужденные под давлением народа согласиться на избрание царем Василия Шуйского, они обговорили это согласие значительным ограничением царских полномочий.

Согласно заключенному договоруцарь не имел власти лишать кого-либо жизни без приговора Думы, обязался не подвергать гонению вместе с виновными их невиновную родню. Наконец, царь обязывался не давать веры доносам. Если донос оказывался ложным, царь обязан был наказать доносчика.

Шуйский не мог не понимать, что подобное ограничение царской власти, поощряя боярские измены и мятежи, превратится в постоянный источник угрозы безопасности Руси.

Поэтому Шуйский попытался перехитрить бояр.

При венчании на царство, как пишет летописец, он всенародно присягнул, «чтобы ни над кем не сделать без Собору никакого дурна».

Мысль разумная. Присягая Собору, Шуйский сбрасывал с себя зависимость от Боярской думы. Но, разумеется, понимали это и бояре, которые зорко следили за новым царем, чтобы не потерять своей власти.

— Такого никогда, государь, на Руси не велось! — зашумели они. — Ты, государь, такой «новизны» не вводи...

Конечно же, если бы Шуйский был избран, как Годунов, у него, возможно, и хватило бы сил оборвать голоса предателей, но он ведь действительно в цари был лишь *выкрикнут*...

«Этому провозглашению толпы, только что ознаменовавшей свою силу истребле-

Царь Василий Иванович Шуйский

нием Лжедимитрия, никто не осмелился противодействовать, и Шуйский был не скажем избран, но выкрикнут царем, — говорит С.М. Соловьев. — Он сделался царем точно так же, следовательно, как был свергнут, погублен Лжедимитрий, скопом, заговором, не только без согласия всей земли, но даже без согласия всех жителей Москвы; умеренная, спокойная, охранительная масса народонаселения не была довольна в обоих случаях, не сказала своего «да»: гибельное предзнаменование для нового царя, потому что когда усердие клевретов его охладеет, то кто поддержит его? На московском престоле явился царь партии, но партия противная существовала: озлобленная неудачею, она не теряла надежд; к ней присоединились, т. е. объявили себя против Шуйского, все те, которым были выгодны перемены, и всякая перемена могла казаться теперь законною, ибо настоящего, установленного, освященного ничего не было».

Но нужно понимать и то, что если бы сторонники Шуйского не форсировали выборы, откровенное предательство семи — восьми? девяти? десяти? — боярщины явилось бы на Руси тоже на несколько лет раньше...

И наступил ли бы тогда для России 1612 год — неведомо...

2.

Современники не раз отмечали, что с воцарением Шуйского власти у бояр стало больше, чем у самого царя.

Увы, это так. И эта власть стала бы совсем неограниченной, если бы клятвопреступникам и цареубийцам удалось тогда возвести на патриарший престол ставленника Григория Отрепьева — Филарета (Романова).

Противостоять боярам в возвышении Филарета было еще труднее, чем ограничению царских полномочий, но тут на помощь царю Василию Шуйскому явился царевич Димитрий.

Мы рассказывали о том, что должен был переживать чрезвычайно склонный к мистицизму Шуйский, стоя перед плахой на Лобном месте.

Его исповедничество, его мысли, что спустя мгновение он, быть может, встретится с царевичем Димитрием в Царствии Небесном, его покаяние и молитва к нему, и тут же голос, возвещающий, что *Шуйский помилован Димитрием*, — все это не могло не оставить следа в душе будущего царя.

Василий Шуйский верил в святость царевича Димитрия, может быть, сильнее других, и ему первому и являлась помощь и заступничество святого... Так было, когда он стоял перед плахой на Лобном месте, так стало и теперь, когда он сел на троне московских царей.

Перенесение мощей царевича в Москву, — пожалуй, самое первое деяние нового царя. С перенесением мощей связано и чудо дарования Василию Шуйскому помощи в его борьбе с боярством.

Согласно общепринятому мнению затеяно перенесение мощей было ради предотвращения появления нового самозванца... Это суждение верно ровно настолько, насколько может быть верным атеистический взгляд на православные святыни. Атеизм признает их культурное и историческое значение, но и только.

Действительно, если рассуждать логически, гроб с останками умершего должен был убедить любого, что этот человек умер, а значит, другой человек, называющийся его именем, — самозванец.

Но для этого ведь надобно *верить*, что выставленные останки — действительно останки царевича Димитрия. Этой *веры* оказалось недостаточно на Руси, и самозванец появился-таки, и снова пошли за ним русские люди. Многие видели мощи царевича, но *не верили, не желали верить, не верить было удобнее...*

И чудо, дарованное святым царевичем, проявилось в другом.

«В то ж время, егда венчан бысть царским венцом на Москве царь Василей, — пишет в «Летописной книге» С.И. Шаховской, — посла на Углич болярина князя Ивана Михайловича Воротынского, да

преосвященного митрополита Филарета ростовского, и повеле им привести гроб царевича Дмитрея во царствующий град Москву на уверение людям...»

Совсем не с руки было Филарету отлучаться от выборов патриарха, но отказаться от царского поручения он не посмел.

Отказ вызвал бы нежелательные толки.

Действительно. Человек, обласканный самозванцем Лжедмитрием, не желает или боится ехать к мощам подлинного Димитрия. Это что-то да должно было значить.

И Филарет (Романов) поехал. Он покинул Москву как раз, когда должен был решаться вопрос о выборе патриарха.

Некоторые историки называют удаление Филарета из Москвы накануне выборов патриарха «обходным» маневром Василия Шуйского, но, как нам кажется, все было гораздо сложнее.

Нет никакого сомнения, что царь Василий Шуйский нашел бы способ удалить из Москвы Ростовского митрополита Филарета и помешать ему стать патриархом, но помог ему в этом — святой царевич Димитрий. И помощь эта могла бы быть гораздо действеннее, если бы Филарет (Романов) *верил* чуть-чуть сильнее.

В самом деле...

Поездка митрополита Филарета (Романова) в Углич — событие знаменательное и для биографии самого Филарета, и для истории России. Ведь здесь, в Угличе, почти повторяя ситуацию, которая произошла с Василием Шуйским на Лобном месте, произошла встреча человека с мощами святого, тень которого этот человек дерзостно и святотатственно пытался возродить в самозванце.

Внутренний драматизм события усиливался тем, что Филарет приехал к мощам святого Димитрия как иерарх Церкви, а в иерархи его возвел преступник, присвоивший имя святого Димитрия.

Русские бояре. Рисунок XVII в.

Понятно, что Филарет (Романов) не был подвижником православия, понятно, что и в святительских одеждах он оставался светским человеком, но не понимать, насколько кощунственна предстоящая ему миссия, он не мог.

В так называемой «Рукописи Филарета, патриарха Московского» подробно рассказывается об этой поездке... Любопытно, что Филарету долго не удавалось найти гроб *живоносного мертвеца*...

«Егда убо во град входят, тогда ощутиша граждане приход их, и внезапу стечеся весь град, мужи и жены... Цареву повелению едва повинующеся, и последнее целование *живоносному мертвецу* отдающе своему Государю, и надгробные песни с плачем и воплем испущаху, якож и при погребении праводного... *И ту первее преблагий Бог прослави угодника своего: снимающе убо, гроба его Святителие и Бояре не могуще обрести и желаемое ими многоцелебное тело узрети...*»

Долго не могли московские посланцы *многоцелебное тело узрети,* и только «во время святаго пения внезапу узреше из десные страны, яко дым восходящ дыхание благовонно...» Начали копать там, и «обретше некрадомое сокровище многобогатый гроб, вместивший тело блаженного царевича...»

Когда вскрыли гроб, увидели, что там лежит нетленное — пятнадцать лет прошло со дня похорон! — тело царевича Димитрия.

«Целы и невредимы мощи обретошася. Кроме взятых частей от требующия земли: и земля бо жаждет насладитися от плоти праведных, да сими освятится от скверноубийственных дланей. И не токмо бо плоть бысть в целости святого страдальца, но и ризы на теле его освятишася и истления избыша. И егда убиен бысть от безбожных изменник, и тогда ему прилучися держать в шуйце своей убрус шит златом и серебром пряденым, и тогда оставиша в руце его, и сие бяше цело и невредимо, яко у живаго в руже держимо: в друзей же приключишася плод, глаголемый орехи...»

В «Рукописи Филарета» не говорится о тех чувствах, что испытал сам митрополит Филарет, когда увидел словно бы живое лицо царевича, не потерявшее блеска жемчужное ожерелье, шитый платок в левой руке, орех, найденный у святого отрока, в правой руке и с ним положенный в могилу.

Но откуда тогда странное волнение, которое пронизывает весь этот текст? Может быть, от того, что снова дано было Филарету заглянуть почти на четыре столетия вперед, когда повторится история мощей царевича Димитрия со святыми мощами далеких праправнуков самого Филарета.

И снова, как при вручении ему Григорием Отрепьевым Ипатьевского монастыря, не смог Филарет прозреть, не хватило веры прозреть то, что назначено было прозреть.

3 июня царь, царица, мать царевича Димитрия — инокиня Марфа, митрополиты и множество народа торжественно встретили святые мощи у стен Москвы и перенесли в Архангельский собор Кремля. Они были поставлены здесь в открытой раке, что явить «их нетление, чтобы утешить верующих и сомкнуть уста неверных».

Здесь Филарет и узнал, что во время его отсутствия из Москвы решился вопрос о патриархе. На патриаршество избрали казанского митрополита Гермогена.

Митрополит Филарет внешне спокойно встретил это известие...

3.

Непрочною оказалась власть Василия Шуйского, но она и не могла быть прочной...

Еще не закопали у обочины дороги тело Григория Отрепьева, а уже поползли слухи, будто самозванцу удалось бежать. Эти слухи распускал подручный Григория Отрепьева, Михайло Молчанов.

Прошло немного времени, и сосланный в Путивль за близость к Лжедмитрию князь Григорий Шаховской поднял мятеж. К нему присоединился начальствовавший в Чернигове князь Андрей Телятевский. Стремительно разрасталась новая смута.

Михайло Молчанов отыскал тогда Ивана Болотникова, бывшего холопа Телятевского, и, убедившись, что и этот холоп, как Отрепьев, способен на многое, отправил его в Путивль к князю Шаховскому, где тот поставил Болотникова начальником над объединенными шайками, к которым прибивалось множество обездоленных крестьян.

Теперь дело было за самозванцем.

Михайло Молчанов отказался занять эту должность, но кандидатов в царьки хватало и без него.

«Человек, знаменитый в нашей истории под именем Тушинского вора... показался впервые в белорусском местечке Пропойске, где был схвачен как лазутчик и посажен в тюрьму, — сообщает С.М. Соловьев. — Здесь он объявил о себе, что он Андрей Андреевич Нагой, родственник убитого на Москве царя Димитрия, скрывается от Шуйского, и просил, чтобы его отослали в Стародуб. Рагоза, урядник чечерский, с согласия пана своего Зеновича, старосты чечерского, отправил его в Попову Гору, откуда он пробрался в Стародуб. Прожив недолго в Стародубе, мнимый Нагой послал товарища своего, который назывался московским подьячим Александром Рукиным, по северским городам разглашать, что царь Димитрий жив и находится в Стародубе. В Путивле жители обратили внимание на речи Рукина и послали с ним несколько детей боярских в Стародуб, чтобы показал им царя Димитрия... Рукин указал на Нагого; тот сначала стал запираться, что не знает ничего о царе Димитрии, но когда стародубцы пригрозили и ему пыткою... схватил палку и закричал: "Ах вы б... дети, еще вы меня не знаете: я государь!" Стародубцы упали ему в ноги и закричали: "Виноваты, государь, перед тобою"».

Есть известия, что царевичем Димитрием объявил себя Богданко — крещеный еврей из Шклова*.

«И вот снова в той же упомянутой уже Черниговской стороне явился новый злобесный и кровь лакающий пес... — говорит Хронограф 1617 года. — Простых людей устрашил, а змиеобразных, коварных и злых — тех привлек...»

И пошла, разрастаясь и захватывая все новые и новые территории, новая беда. Одни называют ее крестьянской войной Ивана Болотникова, другие движением самозванца Лжедмитрия Второго, третьи — польской агрессией.

Историки пытаются вычленить подходящие события, развести их по отдельным темам, но события путаются между собой, переплетаются и во времени, и по месту действия, и составом действующих лиц. Это не было ни крестьянское восстание, ни война самозванца, ни польская агрессия. Это была Смута, и произрастала она не из Варшавы или Кракова, не из Путивля или Чернигова, а из боярской Москвы.

И воистину Божий Промысл видится в том, что рядом со «слабым» царем — Василию Шуйскому не хватало силы разорвать боярскую удавку! — встал, словно бы высеченный из гранита, патриарх Гермоген.

Лжедмитрий II

* В грамоте царя Михаила к Морицу, принцу Оранскому, второй самозванец назван жидом. Петр Петрей в «Истории о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями...» говорит, что он был белорусом из местечка Сокол.

Трудно было найти более подходящего человека, который способен был бы вести корабль Русской православной церкви через бури вновь приближающейся смуты...

В свидетельствах современников можно найти жалобы на жесткость нрава патриарха Гермогена, непривлекательность в обращении, неумеренную строгость.

Учитывая, что жалобы исходят, как правило, из шляхетски-вольнолюбивых кругов московского боярства, понятно, что неумеренной строгостью называется тут обличение святителем пороков, поразивших русское общество, а непривлекательностью в обращении — всегдашнее следование святителя правде...

Опять-таки и жесткость нрава тут — тоже синоним.

Видимо, так называли бояре-клятвопреступники огонь православной веры, что ослепительно ярко вспыхнул в Гермогене, когда — первым! — осеняя народ, поднял он над головою чудотворный образ Казанской Божией Матери.

В одном только не ошибались современники: Гермоген не был похож на них.

Он, кажется, и не жил, вступив на святительский путь. Все его житие было только исполнением своего предназначения.

В октябре, когда войска Ивана Болотникова окружили Москву, Гермоген установил с 14 по 19 октября пост и благословил петь просительные молебны, чтобы отвратил Господь гнев от православных христиан и укротил междоусобную брань.

— Не за царевича Димитрия умираете вы! — увещевал Гермоген мятежников. — Но Божиим наказанием, за предательство веры!

И случилось чудо по молитвам святителя...

По ярославской дороге двигались к Москве двести стрельцов из Смоленска, Двины и Холмогор. Этот небольшой отряд повстанцы приняли за великое войско и, дрогнув, отступили от Москвы.

Призывая русский народ к единению, Гермоген понимал, что нельзя объединиться, пока тяготит народную совесть клятвопреступление. Чтобы разрешить народную совесть от этого греха, он вызвал из Старицы престарелого патриарха Иова...

Успенский собор был переполнен народом, когда 20 февраля сюда вошли оба патриарха. Гермоген, совершив молебное пение, встал на патриаршем месте.

Собравшиеся в храме подали Иову челобитье.

В нем говорилось, что православные клянутся служить верой и правдою царю Борису Годунову, что обещают не принимать назвавшегося Димитрием вора, но изменили присяге... А потом клялись Федору — сыну Бориса, и снова преступили крестное целование, не послушали патриарха Иова и присягнули самозванцу...

— Прости нам, первосвятителе, и разреши нам все эти измены и преступления... — читал с амвона архидьякон. — И не только одним жителям Москвы, но и жителям всей Руси, и тем, которые уже скончались!

— А что вы целовали крест царю Борису и потом царевичу Федору и крестное целование преступили, в тех всех и нынешних клятвах я, Гермоген, и я, смиренный Иов, по данной нам благодати вас прощаем и разрешаем, а вы нас Бога ради также простите в нашем заклинании к вам, и если кому какую-нибудь грубость показали, — прозвучали в ответ слова разрешительной грамоты.

Многие плакали тогда в Успенском соборе.

Слезы стояли и в глазах престарелого патриарха Иова. Облаченный в простую ризу инока, он благословлял народ.

— Чада мои духовныя! Впредь молю вас... такова... не творите... крестное целование... не преступайте... — с трудом выговаривая слова, заклинал он.

Через четыре месяца святейший патриарх Иов преставился, но дело, которое совершил он с патриархом Гермогеном, дало добрые всходы.

Нашлись у страны силы, чтобы унять мятеж...

Десятого октября Василий Шуйский овладел Тулой.

Злого бунтовщика Болотникова сослали в Каргаполь и утопили в проруби.

4.

После взятия Тулы Гермоген уговаривал Шуйского не медлить с подавлением мятежа в украйных городках, но бояре не позволили царю Василию последовать мудрому совету. Не нужно было боярам спокойствие в государстве, настояли они, чтобы Шуйский распустил войско на отдых.

И случилось то, что и должно было случиться.

Вбирая рассеявшиеся после разгрома Ивана Болотникова казачьи шайки, усиливаясь польскими отрядами Яна Сапеги и Александра Лисовского, войско самозванца нанесло поражение Василию Шуйскому и встало на подступах к Москве в Тушине.

Не только в князьях и боярах появилась тогда расшатанность, но и в простых людях.

«И разделились как чернь, так и знать... — свидетельствует летописец. — Один брат в Москве с царем Василием в осаде, а другой — в Тушине с вором. Отец — в Москве, сын — в Тушине. И сходились ежедневно они на битву, сын против отца и брат против брата».

Вскоре в Тушине объявилась Марина Мнишек.

«Я заставил Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить ее необычайный характер, — отмечает А.С. Пушкин. — У Карамзина он лишь бегло очерчен, но конечно, это была странная красавица; у нее была одна только страсть — честолюбие, но до такой степени сильное, бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, отведав царской власти, опьяненная призраком отдается одному проходимцу за другим, разделяя то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей хотя бы слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она переносит войну, нищету, позор и в то же время сносится с польским королем, как коронованное лицо с равным себе, и жалко кончает свое бурное и необычайное существование. Я уделил ей только одну из сцен, но я еще вернусь к ней, если Бог продлит мою жизнь. Она волнует меня, как страсть. Она — ужас что за полька, как говорила (кузина г-жи Любомирской)».

Ужас что за полька быстро сговорилась с тушинским вором о вознаграждении (300 000 рублей и Северское княжество с четырнадцатью городами — ее папаше) и 5 сентября тайно обвенчалась с царьком, публично признав в Богданко спасшегося супруга — царевича Димитрия.

Тогда же в Тушине была образована и своя Боярская дума. В нее вошли князья Д.Т. Трубецкой, Д.М. Черкасский, А.Ю. Сицкий, М.М. Бутурлин, Г.П. Шаховский.

Почти все они были родственниками Романовых, и теперь в Тушине не хватало для комплекта только самого Филарета.

За ним и отправился в Ростов польский отряд Яна Сапеги. По дороге к полякам присоединились переяславцы, которые не желали упустить случай поквитаться с ростовчанами.

Историки эпизод пленения ростовского митрополита описывают, не жалея героических красок...

«Ростовский митрополит Филарет Никитич с немногими усердными воинами и гражданами заключился в соборной церкви и, готовясь к смерти, причастился сам Святых Тайн, и велел священникам исповедать и причастить всех прочих. Двери церковные не выдержали напора врагов, началась резня; Филарет хотел было уговаривать переяславцев от Божественных Писаний, но его схватили, сняли с него святительские одежды и босого, в одной свитке, повели в Тушино, подвергая его на пути разным поруганиям» (Митрополит Макарий (Булгаков).

«Ростовцы... хотели бежать далее на север всем городом, но были остановлены митрополитом своим Филаретом Никитичем Романовым и воеводою Третьяком Се-

итовым, который собрал несколько тысяч войска, напал с ним на Сапегиных казаков и переяславцев, но был разбит, бежал в Ростов и там упорно защищался еще три часа. Одолев наконец воеводу, казаки и переяславцы ворвались в соборную церковь, где заперся Филарет с толпами народа, и несмотря на увещевания митрополита, вышедшего с хлебом и солью, выбили двери, перебили множество людей, поругали святыню...» (С.М. Соловьев).

Обращает внимание, как однообразно, почти без комментариев воспроизводятся летописные сюжеты...

Разве только Н.М. Карамзин отметил, что везли Филарета в Тушино в литовском платье и татарской шапке, а С.М. Соловьев подчеркнул тот прискорбный факт, что громили соборный храм в Ростове не ляхи, а свои, переяславцы.

Но это, кажется, и все вариации...

Между тем, хотя и скупы сообщения летописи, но поразмышлять там есть над чем. Здесь важны два момента.

Почему Филарет стремился остаться в незащищенном Ростове, где горожане *жили просто, совету и обереганья* не имея?

Сюжет летописи тут явно перекликается с рассказом о пленении Марины Мнишек. По дороге из Ярославля она прикинулась больной, чтобы задержаться, пока ее не «захватил» тушинский вор.

Второй момент, на котором стоило бы остановиться, это хлеб и соль, которыми пытается встретить митрополит Филарет ломящихся в церковь грабителей.

Н.М. Карамзин и митрополит Макарий стыдливо упускают эту подробность, а менее осторожные апологеты Романовых пускаются в объяснения, дескать, митрополит Филарет желал защитить Ростов от набега польской шайки и, привечая посланцев самозванца хлебом-солью, хотел утихомирить грабителей смирением своим.

Мы видели, как умел смиряться Филарет, когда избивал в Сийском монастыре прислуживавших ему чернецов. Опять-таки и в детской наивности, встречающейся порою у глубоко православных людей, Филарета заподозрить трудно.

Увы... Лукавят тут наши уважаемые историки. Поднося тушинцам хлеб-соль, Филарет не о спасении Ростова думал. Подобно своим давним знакомцам Мнишекам, радовался он, что наконец-то попадет к тушинскому вору...

Версии добровольного перехода Филарета (Романова) на сторону Тушинского вора несколько противоречит рассказ об унижениях, которым подвергался митрополит по дороге в Тушино. Однако тут мы должны вспомнить о «исторической», как выразился С.М. Соловьев, вражде Переяславля к Ростову. Возможно, что эту «историческую» вражду и пришлось испытать Филарету на себе. Да и едва ли простодушные переяславцы могли испытывать уважение к архиерею, переметнувшемуся к тушинскому царьку. Чему тут удивляться? За все надобно платить.

Но не долго мучился Филарет. В Тушине судьба его сразу переменилась. С распростертыми объятиями встретила Филарета тушинская родня.

Царек Богданко тоже проявил к Филарету Никитичу милость. Он провозгласил его — патриархом.

Хотя по другим источникам патриарший сан у шкловского еврея Филарету Никитичу пришлось покупать. Он отдал Богданко за патриаршество яхонт, который был вправлен в его митрополичий жезл. Этот яхонт, как уточняет Бер-Буссов, равнялся «ценою с полубочкой золота».

Так это или иначе, но Романовы сделали следующий шаг на пути к трону...

Возведение Филарета (Романова) в патриархи и дальнейшая служба его у шкловского царька — самая позорная страница в истории династии Романовых. Скрыть этот факт невозможно, но в дворянской историографии делалось все, чтобы загипнотизировать читателя и представить посредством псевдонаучных пасов черное белым.

Говорится, например, что грамоты, данные «нареченным» патриархом Филаретом, не могут быть доказательством, что Филарет действительно согласился взять на себя роль, назначенную царьком.

Ссылаются на Авраамия Палицына, который говорил, что Филарет пребывал у самозванца под строгим присмотром. Говорят, что законный патриарх — святитель Гермоген не считал Филарета врагом, а называл жертвой, пленником «вора».

Эти доказательства варьируются у разных историков так же сходно, как и обстоятельства ростовского пленения Филарета, и точно так же разваливаются, едва только начнешь присматриваться к ним.

Ну вот, например, грамоты, подписанные Филаретом в Тушино.

Сохранилась, кажется, единственная грамота Филарета, которую он дал в Тушино, и из нее видно, что Филарет называл себя и Ростовским митрополитом, и патриархом Московским и всея России, и считал — это принципиально важно! — что его власть распространяется на все захваченные Богданко области...

Какое же тут несогласие?

Точно так же и со свидетельством Авраамия Палицына...

Конечно, заслуги келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, особенно в возведении Романовых на престол, безусловны, но не будем забывать, что сам Палицын в Тушино при Филарете не бывал. О притеснениях, которым подвергался Филарет, Авраамий Палицын пишет едва ли не со слов самого Филарета.

И тут мы, пожалуй, и спорить не будем. Мы согласны, что Филарет имел все основания считать, будто его притесняют в Тушино...

Дело в том, что хотя в воровской думе и заседали настоящие московские бояре, нравы царили тут местечковые. И далеко не всегда умел Филарет Никитич сориентироваться. Оно, конечно, вроде и не дорого — яхонт за патриарший сан. Ну а если поторговаться? Может быть, и дешевле согласился бы царек уступить патриаршество? Но уже поздно. Назад, как говорили в Тушино, не кушают...

Еще более бессмысленно ссылаться для реабилитации Филарета на святителя Гермогена, говорившего в 1609 году: «А которые взяты в плен, как и Филарет митрополит и прочие не своею волею, но принуждением и на христианский закон не стоят и крови православных братий своих не проливают, таковых мы не порицаем, но и молим о них Бога, сколько есть сил, чтобы Господь от них и от нас отвратил праведный Свой гнев и полезная бы подал им и нам...»

Если мы сопоставим эти слова с началом грамоты:

«Аз, смиренный Гермоген, Божиею милостию Патриарх Богом спасаемого града Москвы и всея Руси, напоминаю вам, прежде бывшим господам и братиям, — ныне же, грех ради наших, сопротивными обретенным, не ведаем, как вас и назвать: ибо оставивши свет, — во тьму отошли, отступив от Бога, — к сатане прилепились, возненавидев правду, — ложь возлюбили...» — то увидим, что патриарх Гермоген не дает никакой оценки поступку Филарета, а лишь указывал ему на выход из трясины, в которую тот забрел.

Указывает на Путь из лжи к Правде.

Из тьмы — к Свету.

От сатаны — к Богу...

И, конечно же, говоря о необыкновенной снисходительности, проявленной святителем Гермогеном к воровскому патриарху Филарету, не будем забывать о том прозаическом обстоятельстве, что не было тогда, в 1609 году, у патриарха возможности заниматься разбирательством.

Не было и срочной нужды в этом.

Филарет Никитич, прикупив у Богданко сан патриарха, слава Богу, только изображал патриарха, а конкретных действий для реализации новых полномочий не предпринимал. С.Ф. Платонов справедливо отмечает, что поведение Филарета в Тушине «скорее всего заслуживает название оппортунизма и политики результатов».

Он действовал, как и вся боярская дума в Тушино, которая только изображала власть, поскольку все практические решения принимались поляками...

Забегая вперед, скажем, что в 1613 году, посадив на трон Романовых, тушинцам удалось, как говорят сейчас, легитимировать все пожалования Богданко. Это каса-

лось и земельных наделов, полученных за службу в Тушино, и званий. За Филаретом было сохранено звание патриарха. Хотя несколько лет, пока Филарет находился в польском плену, и пустовал патриарший престол, никто не занимал его после кончины замученного родственниками Филарета святителя Гермогена.

Завершая разговор о нравственной оценке тушинского периода деятельности Филарета (Романова), добавим, что все оправдания, которые приводятся в его защиту, свидетельствуют лишь, что он не оказался достойным святительского сана, в который возвел его первый самозванец.

И в этом обличают Филарета (Романова) все святители того времени.

Вспомним их.

Суздальский архиепископ Галактион был в 1608 году изгнан тушинцами из своего города и скончался в изгнании.

Коломенского епископа Иосифа литовские люди под предводительством пана Лисовского взяли в 1608 году в плен и привязывали к пушке, когда осаждали какой-либо город, чтобы устрашать других, но эта жестокость не устрашила самого епископа.

Патриарх Филарет. Портрет из «Титулярника». 1672 г.

Когда царские воеводы отбили его, он возвратился в свою епархию, где по-прежнему ревностно обличал изменников.

Тверского архиепископа Феоктиста долго мучили в Тушино — травили собаками и кололи пиками, но архиепископ не сдался. В марте 1610 года при попытке побега из Тушино его поймали и убили. Израненное, искусанное собаками тело его было найдено вблизи от дороги.

У Филарета все время сохранялась возможность совершить то, что ежедневно, ежечасно совершали в те страшные месяцы иерархи Русской православной церкви, то, что и он должен был совершить в соответствии со своим саном...

И в каком-то смысле ему было проще пойти по пути мученического подвига. В отличие от многих он знал и своего холопа Отрепьева, выдававшего себя за царевича Димитрия, и святого царевича тоже знал. Ему легко было определиться в борьбе святости и самозванства, правды и лжи, добра и зла, поскольку он совершенно точно знал, где Правда, а где ложь.

И, значит, сторону лжи он выбрал тоже вполне сознательно.

5.

Когда мы говорим о сдержанности оценок, данных святителем Гермогеном поведению Филарета, не будем забывать, как стремительно развивались тогда события и какие немыслимые комбинации порождала игра самолюбий и своеволий.

Очевидно, что патриарху Гермогену просто и недосуг было заниматься Филаретом — более важные и насущные для России и для православия проблемы занимали его...

Войска самозванца перекрыли в конце года подвоз хлеба, и в Москве начался голод. Торговцы взвинтили цены.

Печалясь о бедных, святитель Гермоген собрал в Успенском соборе купцов и бояр и заклинал не наживаться на народной беде. Но знать оказалась глуха к призыву о милосердии. Она вынашивала совсем другие планы.

И голод сделал свое дело.

25 февраля 1609 года в Москве вспыхнул мятеж.

— Царь Василий — незаконный государь! — кричали подосланные из Тушино заводилы. — Его избирала одна Москва! Иные города не ведают царя Василия! Не люб он нам! Хотим другого царя выбирать!

На этот раз патриарху Гермогену удалось образумить мятежников.

— До сих пор ни Новгород, ни Псков, ни Казань не указывали Москве... — сказал он. — Москва указывала всем городам! Царь Василий Шуйский избран и поставлен Богом! Вся земля целовала крест государю, присягала добра ему хотеть и лиха не мыслить! А вы, отступники, забыли крестное целование! Немногими людьми восстали вы на законного царя, хотите его с царства без вины свести. Мир этого не хочет и не ведает, да и мы в ваш совет не пристаем. И напрасно вы клевещете, будто через царя кровь льется и земля не умиряется. Делается это не царевым хотением, а по воле Божией, нашего ради народного нестроения и междоусобия.

Увещевания святителя подействовали на народ. Заводчики мятежа, видя, что народное возмущение может повернуться против них, поспешили убежать в Тушино к своему царику.

— Они ударились, как волны о камень, и рассыпались... — скажет потом сам патриарх Гермоген. — Как бурею, Господь рассеял их гневом своим!

Не только в Москве звучал решительный голос Святителя...

— Недостает слов, болит душа, болит сердце, все внутренности мои расторгаются... — писал патриарх Гермоген мятежникам, сидящим в Тушино. — Плачу и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте свои души и души своих родителей, жен, чад, сродников — восстаньте, вразумитесь и возвратитесь! Вспомните, на кого воздвигли оружие? Не на Бога ли и святых Его? Не на свое ли отечество, ныне вами попираемое?.. Вы оставили веру, в которой родились, воспитывались, крестились, в которой были крепче всех народов, а ныне явились безумнее всех! Вы разоряете церкви, ругаетесь над святыми иконами, проливаете родную кровь, землю обращаете в пустыню! Бога ради осознайте свои вины и обратитесь! Вспомните отцов своих...

Слова патриарха достигали своей цели, пробуждая стыд и раскаяние в ожесточившихся сердцах.

Это не значило, что мятеж и смута прекращались после получения посланий патриарха, но, как свидетельствуют современники, влияние увещеваний святителя было чрезвычайно велико.

Отчасти это подтверждается и успехом предпринятого в 1609 году наступления русско-шведского войска под командованием Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

Это был молодой, талантливый и решительный полководец.

Большие надежды возлагал на него патриарх Гермоген...

В сражениях под Торжком и Тверью Скопин-Шуйский разгромил тушинцев, освободил Александровскую слободу и снял осаду с Троице-Сергиевой лавры.

В первых числах марта 1610 года была снята осада и с Москвы.

12 марта Москва торжественно встречала своего 24-летнего освободителя.

Среди тушинцев началась паника...

Богданко бежал. Бежала и Марина Мнишек.

Михаил Ружинский поджег стан и двинулся к Иосифо-Волоколамскому монастырю.

Вместе с ним пытался уйти к новым господам и тушинский патриарх, но по дороге поляки столкнулись с отрядом Григория Волуева, и в результате Филарет Никитич оказался пленен.

Плененного изменника привезли в Москву, но опасаться здесь ему было некого. Те же бояре, что и в Тушино, держали верх в Москве, и никто не попрекнул Филарета совершенным воровством.

Никаких свидетельств, что Филарет снял с себя патриарший сан, купленный у Богданко, нет. Сведений о церковном покаянии, принесенном Филаретом за тушинское «воровство», тоже нет.

Недосуг было каяться.

Когда приехал Филарет в Москву, золотоглавая чествовала своего освободителя — Михаила Васильевича Скопина-Шуйского...

Великим и светлым было народное торжество в Москве.

Велика и черна была зависть в боярских сердцах к удачливому и отважному полководцу.

23 апреля он занемог «кровотечением из носа» и через две недели, на день памяти великомученика Георгия, умер.

Н.М. Карамзин говорит, что «болезнь» приключилась с юным героем на пиру у князя Дмитрия Шуйского, брата царя, а чашу с отравой ему подала жена Дмитрия, дочь знаменитого Малюты.

Поскольку Н.М. Карамзин сам приводит в примечаниях цитату из «Рукописи Филарета», где говорится, что освободитель Москвы разболелся «на крестинном пиру, у князя Ивана Михайловича Воротынского, егда крести сына своего князя Алексея*, и тако едва дойде до монастырню пазуху, потом пустися руда из носа и из рта, и пребысть похищение смертное», на первый взгляд не очень-то понятно, из какого источника почерпнуты сведения о пире Дмитрия Шуйского...

Схожую с карамзинской версию того, что чашу с отравой поднесла жена князя Дмитрия Ивановича Шуйского, мы находим в памятнике XVII века «Писании о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского», но и там, как и в «Рукописи Филарета», говорится, что отравление произошло на крестильном пиру у Воротынского.

Неувязка получается... Как это, находясь в чужом дому, на глазах у всех — совершались ритуальные крестильные действия — сумела кума приготовить «питье лютое, питье смертное» для кума?

Очевидно, эта несуразность и смутила Н.М. Карамзина и заставила его перенести пир в дом самой кумы, в хоромы князя Дмитрия Ивановича Шуйского...

Но отравили Михаила Васильевича на крестильном пиру у князя Ивана Михайловича Воротынского. С этим согласны и «Рукописи Филарета», и «Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского».

Боярин Иван Михайлович Воротынский — старый знакомец тушинского патриарха Филарета Никитича. С Воротынским ездил Филарет Никитич в Углич за мощами царевича Димитрия. У Воротынских был он накануне скорбных для России крестин.

Мы далеки от мысли обвинять Филарета Никитича в организации отравления освободителя Москвы, но так получается, что там, где оказывается тушинский патриарх, тотчас начинают множиться измены, предательства, убийства самых выдающихся русских героев.

Патриарх Филарет.
Портрет из «Титулярника». 1672 г.

* Крестник Михаила Скопина-Шуйского, князь Алексей Иванович Воротынский, женился на дочери И.Н. Романова Марфе, их сын был ближним боярином царя Алексея Михайловича. Но на нем и закончился род Воротынских.

И никуда нам не уйти от той простой и непреложной истины, что сквозь этих богатырей и прорубалась дорога Романовых к трону...

«Михаил выпил чашу... и был принесен в дом, исходя кровию, безпрестанно льющеюся из носа; успел только исполнить долг Христианина и предал свою душу Богу, вместе с судьбою Отечества!.. Москва в ужасе оцепенела».

Умирал князь Михаил Скопин-Шуйский две недели...

Незадолго до его кончины пришел инок из Борисоглебского монастыря под Ростовом.

— Вороти крест, княже... — передал он просьбу затворника Иринарха. — Другому этот крест потребен будет.

Князь Михаил вернул поклонный крест и просил отвезти отшельнику Иринарху даров от него...

Считается, что этим крестом преподобный Иринарх и благословил князя Дмитрия Пожарского, когда нижегородское ополчение шло к Москве в 1612 году.

6.

Польские источники называют Филарета одним из главных предателей Московского государства в руки Сигизмунда.

Это действительно так.

24 июля гетман Станислав Жолкевский разгромил войска Шуйского при Клушино и подошел к Москве.

С другой стороны к городу подступили войска Лжедмитрия.

Совещание русских изменников, выступающих на стороне поляков, и русских сподвижников Богданко, с двух сторон осаждавших Москву, в осажденной Москве и проходило.

Тушинский патриарх Филарет Романов, Василий Голицын и продолжающий служить Тушинскому вору боярин Дмитрий Трубецкой сговорились, что москвичи «ссадят» несчастливого царя Василия, а тушинцы зарежут Богданко, и после этого можно будет избрать нового царя.

К заговору был привлечен Захар Ляпунов.

17 июля он поднял мятеж...

Дворяне и дети боярские заполнили Кремль.

— Да сведен будет с царства Василий! — кричали они.

Патриарх Гермоген пытался остановить смутьянов, но мятежники заглушали слова святителя своими криками.

Царя Василия Шуйского вывели из дворца и насильно постригли в монахи. Иноческие обеты за него давал князь Тюфякин.

Со скорбью взирал на это безумие святой Гермоген.

— Ты говорил обеты иноческие! — сказал он Тюфякину. — Тебя и признаю монахом, а не царя Василия!

Потом добавил:

— Аще Владыка мой Христос на престоле владычества моего укрепит мя, совлеку царя Василия от риз и освобожу его!

Мятежники увезли превращенного в инока Варлаама царя Василия Шуйского в Чудов монастырь и заточили там.

Трагична судьба этого царя, трагична судьба всего древнего рода князей Шуйских.

Такой мощный, такой многочисленный род! Он прорастает в шестнадцатом веке к верховной власти и за несколько десятилетий, одну за другой, теряет все свои могучие ветви....

Жутковато читать скорбный мартиролог.

Убит... Утоплен... Затравлен... Задушен... Отравлен... Убит...

Теперь пришла очередь последних Шуйских — царя Василия Ивановича и его брата Дмитрия...

«Так Москва проступила с Венценосцем, который хотел снискать ея и России любовь подчинением своей воли закону, — писал Н.М. Карамзин, — бережливостию государственною, безпристрастием в наградах, умеренностью в наказаниях, терпимостию общественной свободы, ревностию к гражданскому образованию — который не изумлялся в самых чрезвычайных

бедствиях, оказывал неустрашимость в бунтах, готовность умереть верным достоинству Монаршему, и не был никогда столь знаменит, столь достоин престола, как свергаемый с онаго изменою: влекомый в келлию толпою злодеев, несчастный Шуйский являлся один истинно великодушным в мятежной столице...»

Власть перешла в руки Семибоярщины — отравителя Скопина-Шуйского князя И.М. Воротынского, брата тушинского патриарха Филарета — И.Н. Романова, Ф.И. Мстиславского, А.В. Трубецкого, А.В. Голицына, Б.М. Лыкова, Ф.И. Шереметева.

Первым делом московско-тушинские бояре выдали полякам последних Шуйских — царя Василия Ивановича и его брата Дмитрия.

29 октября 1611 года, подобно римскому триумфатору, сидя в богатой коляске, в которую впряжена была шестерка белых лошадей, окруженный пышной свитой, въехал в Варшаву коронный гетман Жолкевский. За ним влачился пленный русский царь Василий Шуйский и его брат — Дмитрий.

Поставив пленников перед троном Сигизмунда, Жолкевский сказал: «Вот он, великий царь московский, наследник московских царей, которые столько времени своим могуществом были страшны и грозны польской короне... Вот брат его Димитрий... Ныне стоят они жалкими пленниками, всего лишенные, обнищалые, поверженные к стопам вашего величества, и, падая на землю, молят о пощаде и милосердии!»

О том, что привел он в Варшаву не русского царя, а монаха, гетман Жолкевский упомянуть забыл.

Жестокое унижение пришлось пережить несчастным пленникам, которые еще не знали, что в плену и предстоит им закончить свои дни. Но это было унижение не только Шуйских, это было жестокое унижение всей Руси, на которую обрекла ее заворовавшаяся знать...

Теперь разгорелась борьба между главарем повстанцев Захарием Ляпуновым, ратовавшим за избрание на царство Василия Голицына, и партией Федора Ивановича Мстиславского, стоявшей за избрание царем королевича Владислава.

Тогда же воровской патриарх предложил избрать царем его четырнадцатилетнего сына Михаила...

Впрочем, ни Василию Голицыну, ни Филарету (Романову) не удалось противостоять партии Ф.И. Мстиславского, требовавшей избрания Владислава и соединения с Польшей.

7.

Страшная слепота поразила московских бояр.

Видели глаза, кого выбирают в цари, но не разбирали бояре, что делают, не ведали, что творят.

— Что всуе мететесь и вверяете души свои поганым полякам? — заклинал этих слепцов патриарх Гермоген. — Разве не знаете, что издавна наша христианская греческая вера ненавидима в странах иноплеменных?

Но не слышали его потерявшие от страха и жадности разум московские бояре. Сигизмунд обещал им шляхетские вольности, и, теряя последний стыд, верховники соглашались на все.

Они заключили с гетманом Жолкевским договор о приглашении на русский трон королевича Владислава.

Вот имена бояр, отвезших договор гетману: Ф.И. Мстиславский, А.В. Голицын, несколько членов Земского собора и, конечно же, И.Н. Романов, брат тушинского патриарха Филарета.

27 августа Москва присягнула Владиславу, а меньше чем через месяц, ночью, по сговору с Семибоярщиной поляки заняли Кремль, Китай-город, Новодевичий монастырь. Совершилось величайшее в истории нашей Родины предательство. Кучка бояр, трясущихся от страха за свои жизни, раскрыла ворота Кремля чужеземным захватчикам.

С этого момента начинается новая страница в биографии воровского патриарха Филарета. Вместе с убийцей Годуновых князем Василием Голицыным он был отправлен в посольство, чтобы привезти в Москву нового царя — королевича Владислава.

Печальна была дорога послов к Смоленску. Горели вдоль дороги сёла, едкий дым стлался над полями.

Своими глазами видели предатели, как и какой мир устанавливают их новые хозяева на русской земле — в пепел обратился Калязин монастырь, разгромлен Козельск...

В королевский стан под Смоленском послов не пустили, указали место на берегу Днепра, где они и должны были ожидать приема. Послы, ссылаясь на трудный путь, просили продуктов, но...

— Король здесь на войне и сам терпит нужду! — услышали в ответ.

Так началось знакомство бояр-изменников с благами шляхетской вольности, которой они так добивались.

Приняли послов только 12 октября, через пять дней.

— Всевечный Бог богов назначил степени для монархов и подданных, — важно объявил Сапега, выслушав их. — Кто дерзает возноситься выше своего звания, того Он казнит и низвергает. Бог казнил Годунова и низвергнул Шуйского — этих венценосцев, рожденных слугами!.. Идите... Вы узнаете волю королевскую!

Воля королевская не порадовала послов.

Им было объявлено, что прежде они должны склонить к капитуляции осажденный Смоленск.

— Пошто ему капитулировать? — спросили послы. — Ручаемся вам душами за боярина Шеина и граждан: они искренне, вместе с Россиею, присягнут Владиславу.

— Для чего же не Сигизмунду? — оскорбились поляки. — Вы оскорбляете короля своим недоверием, дерзая разделять отца с сыном. Смоленск должен присягнуть им обоим.

И сколько не бились послы, паны стояли на своём.

— Король, — говорили они, — даст вам Владислава, но прежде он должен занять Смоленск и совершенно усмирить Россию.

История посольства Голицына—Филарета скорбна, но поучительна.

Поляки принудили их вступить в переговоры с защитниками Смоленска, но предателям не удалось склонить героев на ту измену, которую бояре уже совершили в Москве, и поляки совершенно перестали считаться с послами...

Повторим еще раз, что, вглядываясь в события того времени, мы обнаруживаем странную закономерность. Всё то, что Филарет считал благом, оборачивалось горем для страны, все то, что он считал неудачей, оказывалось прямой выгодой.

Вот и сейчас...

Неудача посольства Филарета явилась благом для Руси. А упрямая несговорчивость Сигизмунда, желавшего самому править на Руси, и была той помощью, которую вымолили наши святые, чтобы спасти Русь. Ведь именно неумеренность амбиций Сигизмунда и уберегла тогда нашу страну от порабощения...

Как говорит Н.М. Карамзин, «судьба, благословенная для России, влекла ее к другому назначению, готовя ей новые искушения и новые имена для бессмертия!.. Сигизмунд со своими панами завидовал Гетману (Жолкевскому. — *Н.К.*)... хотел сам быть Царем или завоевателем России».

И опять-таки, как не задумываться над тем, что стоит только удалиться Филарету от Москвы, как и начинает сразу собираться земля, устраиваться государственная жизнь...

Зато, как только Филарет возвращается, все приходит в упадок — разрушается государственное управление, устраиваются заговоры, гибнут люди, которые особенно важны сейчас для России, возбуждаются самозванцы...

Нет, мы не утверждаем, будто Филарет (Романов) организовывал все заговоры, все убийства, все предательства. Филарет Ро-

манов в нашей истории — это не только исторический деятель. Как и Романовы — это не просто семья или династия. Это название болезни, поразившей тогда святую Русь. И действовала эта болезнь порою уже независимо от своих возбудителей.

Глава шестая

ПЕРВЫЙ ЦАРЬ ДОМА РОМАНОВЫХ

Да устраивалось все по молитвам святителей и праведников...

Через великие испытания к очищению шла Русь, и, пожалуй, никогда еще в нашей истории не обнажался так ясно и очевидно православный смысл пословицы о счастье, которого не было бы, если бы несчастье не помогло.

1.

Король Сигизмунд III потребовал, чтобы Москва присягнула разом и ему, и его сыну.

Бояре покрутили головами, почесали в затылках и согласились.

Им оставалось только уговорить патриарха Гермогена.

За это взялись Михаил Глебович Салтыков и Федор Иванович Мстиславский. Им казалось, что они сумеют если не уговорить патриарха, то хотя бы обмануть.

Но не удалось.

— Я таких грамот не благословляю писать! — взглянув на протянутые бумаги, твердо сказал святитель. — И проклинаю того, кто писать их будет.

Казалось бы, что может сделать один человек?

Гермоген находился в Москве, где всем распоряжались поляки и предавшиеся полякам бояре.

Но необорима сила человека, если он вооружен православной верой. Твердо, как скала, стоял патриарх Гермоген, и ни хитростью, ни угрозами не удавалось предателям добиться от него уступок.

Досадно стало тогда Салтыкову. Позабыв о почтительности, он выхватил нож и двинулся на Гермогена.

— Подписывай, владыка! — потребовал он.

— Не страшусь твоего ножа! — бесстрашно ответил патриарх. — Вооружаюсь против него силою Креста Христова! Ты же будь проклят от нашего смирения в сей век и в будущий!

Нет, не беспомощным был в эти трагические дни патриарх.

Великая сила исходила от него, и вся Россия смотрела на Гермогена, как на главного своего заступника, как на последнюю надежду. И пришел час святому Гермогену совершить свой подвиг во имя спасения православной Руси...

Этот час пробил 10 декабря, когда Петр Урусов — начальник татарской стражи — зарезал на охоте шкловского еврея Богданко.

Казалось бы, рядовое для смуты событие.

Резали и настоящих царей тогда, чего же говорить о мошенниках? Тушинский вор, царик, как называли его поляки, был не первым и не единственным самозванцем. Однако сейчас, когда Москва была оккупирована поляками, патриарх Гермоген понял, что настал момент, когда можно переломить ход роковых событий и превратить бесконечную и бессмысленную междоусобицу в освободительную войну.

Это он и сделал.

Скоро из Москвы полетели в большие и малые города грамоты: «Ради Бога, Судии живых и мертвых, будьте с нами заодно против врагов наших и ваших общих. У нас корень царства, здесь образ Божией Матери, вечной Заступницы христиан, писанный евангелистом Лукой, здесь великие светильники и хранители Петр, Алексий и Иона чудотворцы, или вам, православным христианам, все это нипочем? Поверьте, что вслед за предателями христианства,

Михаилом Салтыковым и Федором Андроновым с товарищами, идут только немногие, а у нас, православных христиан, Матерь Божия, и московские чудотворцы, да первопрестольник апостольской Церкви, святейший Гермоген патриарх, прям, как сам пастырь, душу свою полагает за веру христианскую несомненно, а за ним следуют все православные христиане».

И произошло чудо! Повсюду, в больших и малых городах Руси, начали собираться отряды. Ратные люди и торговцы, дворяне и землепашцы, вооружившись, кто чем мог, двинулись к Москве, чтобы освободить ее.

Казалось, сама земля Русская поднялась, чтобы очистить свою столицу от непрошеных гостей.

Тревога охватила изменников-бояр.

Сохранились грамоты, в которых предатели увещевали ярославцев и костромичей пребывать в верности польскому королевичу Владиславу, а зачинщиков (Минина и Пожарского?) послать к ним с повинною. Под этими грамотами твердо и четко выведена подпись боярина Ивана Никитича Романова.

Толку от этих грамот не было, и изменники взялись за патриарха Гермогена, который находился в их руках.

Снова приходила к святителю романовская родня.

— Это ты, владыка, писал по городам, чтобы шли к Москве! — кричал на святителя Михаил Глебович Салтыков. — Пиши теперь, чтобы не ходили.

— Напишу... — безбоязненно ответил патриарх Гермоген. — Только вначале и ты, и другие изменники вместе с королевскими людьми выйдите вон из Москвы!

— Экий ты неучтивый старик! — сказал Гермогену польский наместник в Москве Александр Гонсевский. — Скоро прибудет в Москву законный царь Владислав, и он будет судить тебя. Вели ратным людям, стоящим под Москвой, идти прочь, иначе уморим тебя злою смертью!

— Что вы мне угрожаете? — отвечал патриарх. — Боюсь одного Бога... Благословляю всех стоять против вас и помереть за православную веру. Вы мне обещаете злую смерть, а я надеюсь через нее получить венец. Давно желаю я пострадать за правду.

21 марта 1611 года патриарха Гермогена заточили в подземельях Чудова монастыря.

Поляки и продажные бояре стремились изолировать патриарха Гермогена, чтобы прекратить его призывы к освободительной войне.

Но кто в силах загасить светильник, возженный самим Господом?

Не уменьшилось, а возросло влияние Гермогена, когда заточили его в подземельях. Все новые и новые отряды русских людей устремлялись к Москве. Теперь уже шли они и на выручку своего святителя.

На всю Россию звучал в посланиях архимандрита Дионисия голос заточенного патриарха:

«Вспомните, православные, что все мы родились от христианских родителей, знаменались печатью, святым крещением...

Польский король Сигизмунд III.
Рисунок XIX в.

Св. патриарх Гермоген. Портрет из «Титулярника». 1672 г.

Возложив упование на силу Животворящего Креста, покажите свой подвиг, молите своих служивых людей, чтоб всем православным христианам быть в соединении и стать сообща против наших предателей и против вечных врагов Креста Христова польских и литовских людей!.. Бога ради отложите то на время, чтоб всем вам единодушно потрудиться для избавления православной веры от врагов, пока к ним помощь не пришла. Смилуйтесь и умилитесь, и поспешите на это дело, помогите ратными людьми и казною, чтобы собранное теперь здесь под Москвою воинство от скудости не разошлось! О том много и слезно всем народом христианским бьем вам челом!»

И услышала Россия. В каждом русском сердце зазвучали эти слова. И пришло избавление.

Самому святителю Гермогену — увы — не суждено было увидеть освобожденную Москву.

Еще когда только двинулось в победный поход нижегородское ополчение, изменники бояре снова попытались вынудить патриарха запретить нижегородцам идти на Москву.

— Да будут благословенны те, которые идут, чтобы очистить Московское государство! — ответил Гермоген. — Вы же, окаянные изменники, будьте прокляты!

После этого приказано было морить патриарха голодом. Раз в неделю в подземелье, где был заточен он, бросали сноп овса.

17 февраля 1612 года святой Гермоген окончил свою страдальческую жизнь, предал душу в руки Божии...

«Да будет над теми, кто идет на очищение Московского государства, милость от Господа, а от нашего смирения благословение... — писал патриарх Гермоген в последней своей грамоте, отправленной из заточения. — Стойте за веру неподвижно, а я за вас Бога молю...»

Что могли противопоставить этому бояре-изменники, что мог ответить на это патриарх тушинского вора?

2.

18 августа, отслужив молебен у Сергия Радонежского, ополчение Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина выступило на Москву... И было тогда знамение... Сильный ветер подул от Москвы навстречу!

«Дурной знак! — пишет С.М. Соловьев. — Сердца упали; со страхом и томлением подходили ратники к образам Св. Троицы, Сергия и Никона чудотворцев, прикладывались ко кресту из рук архимандрита, который кропил их святою водою. Но когда этот священный обряд был кончен, ветер вдруг переменился и с такою силою подул в тыл войску, что всадники едва держались на лошадях, тотчас же все лица просияли, везде послышались обещания: помереть за дом Пречистой Богородицы, за православную христианскую веру».

На берег Яузы вышли к ночи...

Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, который еще недавно заседал в Боярской думе у Тушинского вора, уже стоял с

казаками под стенами Москвы, звал Пожарского к себе в стан.

— Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стать вместе с козаками... — было отвечено ему.

На другой день, когда ополчение придвинулось к Москве, Трубецкой снова предложил встать вместе в одном остроге, у Яузских ворот, но получил прежний ответ.

«Таким образом, — пишет С.М. Соловьев, — под Москвою открылось любопытное зрелище. Под ее стенами стояли два ополчения, имевшие, по-видимому, одну цель — вытеснить врагов из столицы, а между тем резко разделенные и враждебные друг другу; *старое ополчение, состоявшее преимущественно из Козаков, имевшее вождем тушинского боярина, было представителем России больной* (выделено нами. — *Н.К.*)... *второе ополчение,* находившееся под начальством воеводы, знаменитого своею верностию установленному порядку, *было представителем здоровой, свежей половины России,* того народонаселения с земским характером, которое в самом начале Смут выставило сопротивление их исчадиям, воровским слугам, и теперь, несмотря на всю видимую безнадежность положения... собрало с большими пожертвованиями последние силы и выставило их на очищение государства. Залог успеха теперь заключался в том, что эта здоровая часть русского народонаселения, сознав, с одной стороны, необходимость пожертвовать всем для спасения веры и отечества, с другой — сознала ясно, где источник зла, где главный враг Московского государства, и порвала связь с больною, зараженною частию... Слова ополчения под Москвою: «Отнюдь нам с козаками вместе не стаивать» — вот слова, в которых высказалось внутреннее очищение, выздоровление Московского государства; чистое отделилось от нечистого, здоровое от зараженного, и очищение государства от врагов внешних было уже легко».

Об этом разделении нечистых и чистых, зараженного и здорового и молились великие подвижники Русской православной церкви, без этого бессмысленно было рассчитывать на Божию помощь...

Под стенами Москвы Божия помощь явилась ополчению Минина и Пожарского во всем своем величии и силе.

Напрасно гетман Ходкевич пытался снять осаду с Москвы или хотя бы пробиться к осажденным. Бессильными оказались и полководческий талант гетмана, и боевая выучка. Не помогло полякам даже предательство Д.Т. Трубецкого*...

«Мы не закрываем от вас стен... — надменно писали князю Дмитрию Пожарскому осажденные поляки. — Берите их, если они вам нужны... Отпустил бы ты, Пожарский, своих людей к сохам. Пусть холоп по-прежнему возделывает землю, поп служит в церкви, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей — царству тогда лучше будет, нежели теперь при твоем управлении, которое ты направляешь к последней погибели государства...»

Но уже через несколько недель все изменилось.

Необъяснимо, как произошло такое мгновенное разложение польской рати, но так и было.

Польские жолнеры добивали раненых, выкапывали тела из могил и поедали их. Началась охота на живых людей. Леденящий страх расползся по Кремлю...

А 22 октября 1612 года загудели колокола в московских церквях...

Это двинулись на штурм Китай-города ратники князя Дмитрия Пожарского.

Единым приступом были взяты стены, и поляки укрылись в Кремле, чтобы через три дня сдаться на милость победителей. Поляки, которые несколько дней назад насмехались над князем Пожарским и гражданином Мининым, сами запросили пощады...

Это ли не Божие чудо, которое было явлено сумевшему очиститься от предательства и измены русскому народу. Если бы удалось сохранить эту обретенную такой

* Когда ополчение Пожарского вступило в бой, казаки Трубецкого наблюдали за битвой и, посмеиваясь, говорили между собой: «Богаты пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана!»

великой ценой чистоту, далее и история страны, может быть, пошла бы по-другому.

И вот 25 октября распахнулись окованные железом створы Троицких ворот на Неглинную и, как и было условлено, выпустили вначале московских думных бояр, трепетно хранивших верность польскому королю и его сыну...

«Жаль было смотреть на них, — пишет Н.И. Костомаров. — Они стали толпою на мосту: не решаясь двигаться далее. Козаки подняли страшный шум и крик. "Это изменники! Предатели! — кричали козаки. — Их надобно всех перебить, а животы их поделить на войско!"»

Злые крики наотмашь хлестали изменников.

Ополченцы Пожарского и Минина удерживали народ, не давая растерзать предателей. Началась перебранка. Кое-где завязывались драки. Бояре, не двигаясь, стояли на мосту, ожидая решения своей участи.

Испуганно вздрагивая, жался к монахине Марфе (Романовой) съежившийся от страха и холода узкоплечий подросток. Ему было шестнадцать лет, но он казался гораздо моложе. Это был будущий царь Михаил Федорович Романов.

Сидя на коне, строго смотрел на бояр-предателей князь Пожарский. Рядом с ним поднято было тяжелое знамя с ликом Спаса.

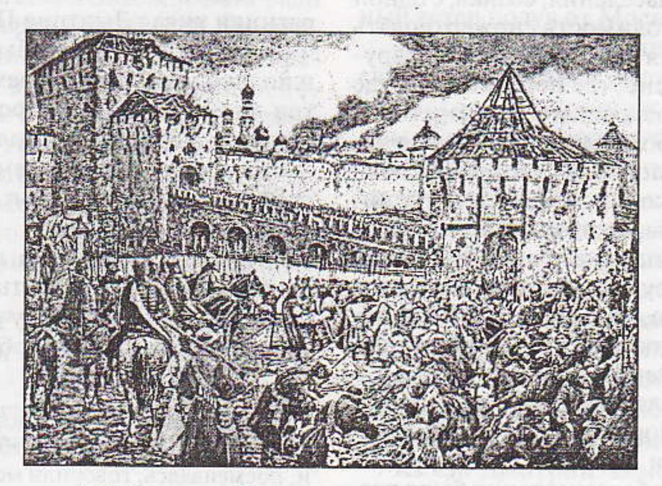
Большой знаток Смутного времени С.Ф. Платонов, рассказывая о князе Дмитрии Пожарском, заметил, что в древнерусском обществе было мало простора для самовыражения.

Это верно, но верно лишь с внецерковной точки зрения, а древнерусский человек вне церкви не мыслим. Без хоругвей, покачивающихся за его спиною, без знамени с ликом Спасителя немыслим и Дмитрий Михайлович Пожарский.

Пройдет еще несколько минут, и князь взмахнет рукою, подавая знак, и следом за Чудотворным образом Казанской Божией Матери, который, по благословению патриарха Гермогена, сопровождал ополчение на всем его пути до Москвы, потекут отряды ополченцев в освобожденный Кремль...

Они мечтали увидеть кремлевские соборы, жаждали припасть к московским святыням. Эта надежда и помогала вынести все тяготы похода.

Шли и думали, что главное — добраться до Московского Кремля, очистить его от захватчиков. Ведь там, за зубчатыми стенами, тепло сердечное, там — незаходящее солнце московских куполов.

Э.Э. Лисснер. Изгнание польских захватчиков из Московского Кремля

И вот одолели ворога...

Дошли...

Холодный ветер нес по московским площадям мусор отчаяния, сор и грязь голода. Сыро, серо и страшно было в Кремле...

Вглядимся еще раз в картину, открывшуюся глазам князя Пожарского и его ратников в утренние часы 25 октября 1612 года...

Толпились на Каменном мосту перепуганные бояре-предатели.

На голове у Федора Ивановича Мстиславского темнела пропитанная кровью повязка. Эту отметину накануне оставил ему жолнер, забравшийся в хоромы Федора Ивановича, чтобы съесть главу Боярской думы.

Хромой Иван Никитич Романов опустил голову.

Едва стоит на ногах и князь Борис Михайлович Лыков.

Испуганно смотрит на толпу казаков Иван Михайлович Воротынский, в доме которого отравили спасителя Москвы, князя Скопина-Шуйского.

Рядом с ним Федор Иванович Шереметев.

Жмется к матери — инокине Марфе (Ксении Ивановне Романовой) узкоплечий Михаил Федорович Романов.

Это самое верное польской короне московское боярство.

Все они, кроме Мстиславского и Воротынского, которым еще предстоит породниться с Романовыми, родственники воровского патриарха Филарета. Здесь его жена, сын, брат, здесь Шереметев, род которого тоже происходил от Андрея Ивановича Кобылы, здесь Лыков, женатый на сестре Филарета — Анастасии...

Ополчению удалось, наконец, оттеснить от Каменного моста казаков, они возвратились в таборы, после чего бояре смогли сойти с моста, ставшего постаментом их позора.

Вскоре все они разъехались по поместьям, расползлись по глухим норам, а инокиня Марфа с сыном Михаилом уехала в подаренный Григорием Отрепьевым Ипатьевский монастырь.

И летописцы, и историки утверждают, что такой жалкий вид имели вышедшие из Кремля Романовы, что сердце разрывалось от жалости к ним.

Это так...

Россию, пришедшую к стенам Кремля в 1612 году, не сумел совратить воровскими посулами Д.Т. Трубецкой, не запугали ее своей шляхетской гонорливостью поляки... Она, как справедливо заметил С.М. Соловьев, была *внутренне очищена, чистое отделилось от нечистого, здоровое от зараженного.*

И тогда Романовы обманули ее своим жалким видом сломленных, побежденных людей...

3.

Все события четырехсотлетней давности так близки и понятны нам, погруженным в нынешнюю русскую смуту, что многое из того, что происходило тогда, кажется, происходило с нами...

Узнаются слова, мысли, сомнения, узнаются характеры героев и предателей...

Даже ошибки и те, кажется, тоже узнаются...

И точно так же, как в нашем времени трудно понять, каким образом удалось кучке мерзавцев из Политбюро разрушить великое государство, так и в событиях, происходивших четыреста лет назад, зияют вопросы, на которые невозможно найти ответа.

Один из таких вопросов: почему в 1613 году избрали на царство Михаила Федоровича Романова, а — к примеру! — не Дмитрия Пожарского?

Когда *чистое отделилось от нечистого, здоровое от зараженного*, почему не сумели русские люди сберечь чистоты, обретенной молитвами праведников, подвигами героев, трудом народа?

Ведь князь Мстиславский, Романовы и все остатки Семибоярщины торопливо расползлись по своим поместьям, попрятались от страха, испытанного на Каменном мосту. Им, как деликатно выразился историк, неловко было оставаться в ней подле воевод-освободителей.

Так пусть бы и сидели там, исчезая в исторической тьме. Нет же! Почти насильно вытащили их из нор и привезли, чтобы сплели они новую сеть, в которую уловят Русь теперь уже на триста лет...

Как это похоже на наши дни, когда тасуется одна и та же колода бездарных, вороватых политиков! Из партии в партию, от одного президента к другому!

И только удивляешься, вглядываясь в события Смуты, как стремительно *нечистое* сумело вернуть себе господствующее положение.

Еще в ноябре, когда шло сражение, когда брали Москву, князь Дмитрий Пожарский был бесспорным, как говорят теперь, лидером. Он подписывал все государственные документы, и все соглашались, ибо он и был спасителем Отечества.

И вот прошло совсем немного времени, съехались в Москву в январе 1613 года выборные люди, и что же?

Донской казак. С рисунка XVII в.

Служилые люди, составлявшие основу ополчения Дмитрия Пожарского, по обычаю того времени, начали расходиться в свои уезды «по домам». Старорусские люди, они считали, что сделали свое дело, и освобождением Москвы поход, в котором они участвовали, завершен. Они не сомневались, что так же совестливо и бескорыстно будет исполнено дело начальствующими людьми.

Другое дело казаки...

Десятилетие, проведенное возле разных воров, научило их, надеясь на Божию помощь, не плошать самим. Они знали, что мало победить. Надобно посадить на трон *своего* человека.

Как говорит летописец, уже к концу года «люди с Москвы все разъехалися», остались только казаки да московские дворяне — та гремучая смесь, в которой рождались все заговоры и предательства последнего времени.

Князь Дмитрий Пожарский, разумеется, понимал, *что* происходит, но бессилен был противостоять московской подлости и хитрости. Когда он только попытался похлопотать о выдаче жалования служивым людям, составлявшим основу ополчения, его немедленно обвинили в попытке их подкупа...

«Многие же от вельмож, — указывает летописец, — желающи царем быти, подкупахуся многим и дающи и обещающи многие дары».

И случилось то, что случилось.

После роспуска городских дружин преобладание казаков стало очевидным, партия тушинских воров возобладала, и не случайно это было отмечено, как мы и говорили, самым первым решением Собора, пожаловавшим князю Д.Т. Трубецкому Важскую область.

Это не просто щедрое пожалование... Вага не совсем область, скорее государство. При Федоре Ивановиче она принадлежала Годунову, при Василии Шуйском — его брату, Дмитрию.

Пожалование Важской области знак, что главным человеком в Москве стал боя-

рин Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, служивший у тушинского вора, а не спаситель Отечества, Дмитрий Михайлович Пожарский.

Это знак, что ревизии итогов «приватизации» смутного времени не будет...

Еще 30 июня 1611 года, в самом начале освободительного движения, Земским собором было принято решение конфисковать земли у бояр-предателей. Тушинские приобретения подлежали отчуждению в пользу неимущих участников движения.

Теперь это решение отменялось.

Под дарственной грамотой на Вагу поставили подписи почти все члены Тушинской воровской думы. Здесь — подписи Федора Борятинского и Дмитрия Черкасского, Михаила Бутурлина и Игнатия Михнева — любимого спальника тушинского вора...

Вскоре Собор подтвердил официальным решением, что все приобретения и пожалования, сделанные от имени царя Владислава, аннулируются, но сохраняются основные владения членов Семибоярщины, а также пожалования Тушинского вора. Не зря ведь в конце-то концов, не щадя своей головы, столько лет предавали и продавали бояре Русь.

С этими итогами приватизации связано и нежелание бояр избирать царя из своей среды. Во-первых, раболепствовать перед иностранцем для них было привычнее, а главное, менее обидно, чем перед своим, еще недавно бывшим ровней тебе. Во-вторых, царь-иностранец если бы и стал плохо относиться к московским боярам, то равно плохо ко всем, и не стал бы заниматься перераспределением собственности между ними.

Эти резоны, составленные из жадности и корысти, зависти и ревности, самолюбия и глупости, показывают, насколько ничтожной после десятилетия предательств Родины и государей стала среда московской аристократии. Она выродилась, превратилась в исторический хлам, не способный, как и подтвердила дальнейшая история, уже ни к какому державному действию.

«Начальницы» хотели иноземного царя, говорит летописец, но «народы же ратные не восхотели ему быти...»

«Желание боярства, надеявшегося лучше устроиться при иноземце, чем при русском царе из их же боярской среды, — замечает С.Ф. Платонов, — встретилось с противоположным ему и сильнейшим желанием народа избрать царя из своих».

И когда стали решать на Соборе вопрос об избрании царя, первым постановлением Собора было *не выбирать царя из иностранцев.*

Постановление это можно было считать последней победой партии *чистого, здорового*... И хотя и не вернулись еще в Москву главные представители Семибоярщины, но и эта победа далась не легко.

Вырождение московского боярства и породило то агрессивное противодействие выдвижению князя Дмитрия Пожарского претендентом на царский престол. Как только прозвучало его имя, бояре сразу же распустили слух, будто князь истратил на подкуп выборщиков двадцать тысяч рублей*.

Впрочем, другие кандидаты на престол — назывались кандидатуры Шуйского и Воротынского — тоже отпали сами собою.

Противодействуя любой попытке выдвижения *чистых* русских патриотов, московское боярство обращалось в монолит, но внутри своего *нечистого* круга никакого единства у них не было.

Сподвижники Годунова и слуги Отрепьева, защитники Шуйского и сообщники Тушинского вора, недоброжелатели Владислава и убийцы Федора Годунова... Все эти люди и не могли объединиться ни в чем, кроме страха перед расплатой за совершенные преступления.

«Много избирающи искаху... — говорит летописец. — И тако препроводиша не малые дни».

* Знаток Смутного времени С.Ф. Платонов резонно замечает по этому поводу, что даже казна государева тогда не могла сосредоточить у себя такой суммы, не говоря о частном лице.

4.

Считается, что в результате основная борьба развернулась на Соборе между ставшим самым крупным русским землевладельцем князем Трубецким и партией Романовых.

Это не совсем так...

«Сознавая свое численное превосходство в Москве, казаки шли далее жалования и кормов, — справедливо отмечает С.Ф. Платонов. — Они, очевидно, возвращались к мысли о политическом преобладании, утерянном ими вследствие успехов Пожарского. После московского очищения... главную силу московского гарнизона составляли казаки: очевидна мысль, что казакам может и должно принадлежать и решение вопроса о том, кому вручить московский престол...»

Мысль эта укреплялась по мере усиления преобладания казаков, и с каждым днем все далее и далее отодвигались фигуры Д.М. Пожарского, Д.Т. Трубецкого, И.М. Воротынского и других, так или иначе зарекомендовавших себя деятелей, а на первый план выдвигались (усилиями казаков) безликие кандидатуры — Михаила Романова (сына воровского патриарха Филарета) и «ворёнка» Вани (сына Марины Мнишек и еврея Богданко).С точки зрения казаков (и не только казаков) эти кандидатуры были предпочтительнее хотя бы уже потому, что молодые люди — Михаилу едва исполнилось шестнадцать, а «ворёнок» не вышел из младенческого возраста — ничего не понимали и ничего не умели. Ими легче было управлять. В результате, избрав совершенно ненужного им царя, казаки все равно получали бы передышку, по крайней мере, на несколько лет.

И если в этом конкурсе и учитывались личные качества претендентов, то только в отрицательном смысле.

«Ворёнок» был сыном еврея и польской шлюхи.

Это неплохо, но и родственники Миши Романова так измараны, что и пятнышка чистого не найти на них... Отец двум ворам служил, а дядя, Иван Никитич Романов, энергичнее других «семибоярцев» настаивал на сдаче Кремля полякам... Трудно будет сыну такого отца, племяннику такого дяди, требовать наказания изменников.

Ума и у «ворёнка» пока нет, и у Михаила не шибко накопилось. Это казакам нравилось, и трудно им было отдать предпочтение кому-либо. Но против «ворёнка» — «Маринки с сыном не хотеть» — давало клятву все ополчение Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, и хотя казаки и не прочь были поквитаться с земцами, силы для этого не чувствовали.

Надо отдать должное умелой и слаженной работе команды Михаила Романова. Как велась обработка общественного мнения, видно из письма Федора Ивановича Шереметева Василию Васильевичу Голицыну...

«Выберем Мишу Романова, он молод и нам будет повален», — писал он...

Чтобы усилить свои позиции среди казаков, решено было напомнить о популярном в «воровской» среде Филарете.

2 февраля 1613 года Земское правительство направило к нему в Польшу гонца...

Серьезным успехом партии Романовых, свидетельствующим об объединении и консолидации сил, стало собрание на подворье Троице-Сергиева монастыря в Китай-городе.

На Троицкое подворье, как отметил Авраамий Палицын, явились «многие дворяне, и дети боярские, и гости многих разных городов, и атаманы, и казаки». Здесь и было разработано идеологическое обоснование избрания Михаила и технологическое обеспечение этого избрания.

Учитывая, что в плюсы идут не столько достоинства, сколько недостатки кандидата, с идеологическим обоснованием не мудрили. В Наказе ограничились ссылками на происхождение Михаила от царского корня, не забыв при этом помянуть, чей он сын... «Понеже он хвалам достойного великого государя Ивана Васильевича законныя супруги царицы Анастасии Романовны родного племянника Федора Никитича — сын».

Сын племянника супруги царя к царскому племени вообще-то не принадлежит, но в дальнейшем Михаил исправил этот недочет и, учитывая богатый опыт самозванцев, даровал Иоанну Грозному звание своего дедушки.

Более основательно подошли тогдашние политтехнологи к механике избрания Михаила. Кандидатуру его решено было продавливать всей массой сторонников, а главное — неожиданно, нахрапом.

Видимо, тогда и были назначены загадочные «представители народа», которым 7 февраля 1613 года удалось сломить Собор в пользу Михаила Федоровича Романова.

Как говорит хронограф, *какой-то* дворянин из Галича принес на Собор письменное заявление о правах Михаила на престол. Там говорилось, «како благочестивый царь Федор Иоаннович, отходя сего света, вручил скипетр и венец братану своему боярину Федору Никитичу», а значит, ближе всех по родству с прежними царями сейчас Михаил Федорович Романов, и его надобно избрать в цари.

— Кто принес такую грамоту, — раздались недовольные голоса, — кто, откуда?

Ответа не было, но тут же появился донской атаман и также подал бумагу.

— Что это ты подал, атаман? — спросил князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

— О природном царе Михаиле Федоровиче, — отвечал атаман.

Поначалу сторонники Дмитрия Трубецкого не придали значения кавалерийскому наскоку романовцев. Они решили утопить эту стремительную атаку в трясине боярской мысли и начали рассуждать: дескать, Михаил, конечно, рода великого, но молод, молод еще, а главное, и в Москве его нет, надобно вызвать в Москву, послушать, посмотреть...

— А чего смотреть-то... — неожиданно сказал боярин Василий Петрович Морозов. — Коли подходит Михаил, то надо у народу спросить, годится ли им Михаил в цари...

Морозова поддержали рязанский епископ Феодорит и архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф. И действуя так, как и было ему предписано, келарь Авраамий Палицын потребовал идти к народу и объявить ему «одинакое» мнение, поданное дворянином и донским атаманом...

Так Михаил Федорович был провозглашен царем.

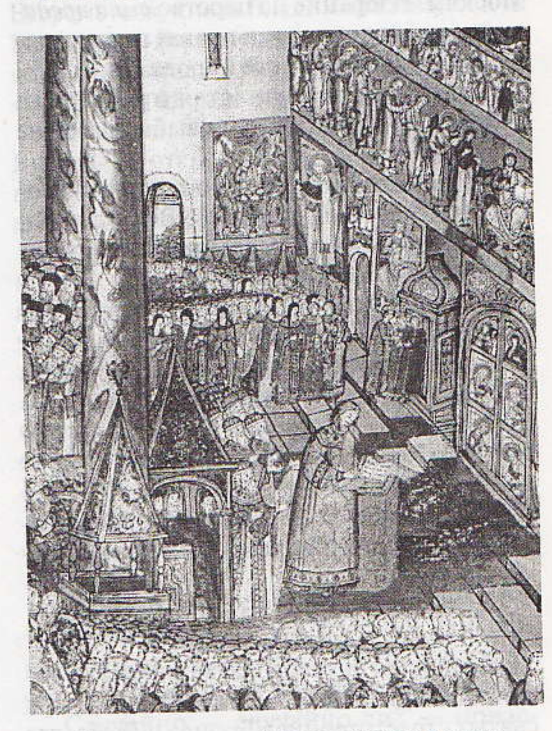
Впервые, кажется, в мировой истории выборы царя были произведены вслепую. Все выборщики помнили Михаила только по той картине на Каменном мосту, что открылась утром 25 октября 1612 года...

Жалкий, ничтожный юноша испуганно жался там к матери...

Но этот юноша подходил всем...

Михаила выбрали, потому что больше некого было выбирать из числа тех, кого выродившееся московское боярство соглашалось допустить к выборам.

Погрязшая в предательстве аристократия больше всего боялась, что царем будет избран кто-то из *чистых*, не измаравших

Коронация царя Михаила Федоровича в Успенском соборе Московского Кремля. Миниатюра 1673 г.

себя, как они, предательством Родины и государей.

Выбрать из числа самих себя бояре не могли не только из-за того, что каждому хотелось быть выбранному самому, но еще и потому, что *нечистое* еще не обладало тогда, в 1613 году, необходимой силой, чтобы сломить *очищенное.*

Они не могли избрать предателя. А *не предателя* избирать было страшно и опасно для себя.

Нашли компромисс. Избрали Михаила Романова — *сына предателя...*

До сих пор власть в России наследовали или захватывали. Оказывается, власть можно *вышурыть.*

Немедленно разослали гонцов собирать в Москву знатнейших бояр, позвали князя Мстиславского, позвали других семибоярцев.

Теперь они уже могли и не испытывать *неловкости подле воевод-освободителей* Москвы. Избрание на царство *сына предателя* восстанавливало в правах всех предателей и врагов русского народа.

О том, *что* эта династия принесет на царский трон, сановитые выборщики не думали.

21 февраля, в Неделю Торжества православия, в первое воскресенье Великого поста, состоялось торжественное заседание в Успенском соборе.

Рязанский архиепископ Феодорит, троицкий келарь Авраамий Палицын, новоспасский архимандрит Иосиф и боярин Василий Петрович Морозов взошли на Лобное место и спросили у народа, наполнившего Красную площадь, кого они хотят в цари?

— Михаила Федоровича Романова! — говорили заранее оплаченные Романовыми крикуны.

5.

Недобрым гулом докатывалось эхо событий Смутного времени до монастыря святых страстотерпцев Бориса и Глеба, где сидел в келье закованный в цепи преподобный отшельник Иринарх.

Все время Иринарх пребывал в непрерывной работе — вязал одежду для братии. Сам же одевался в рубище и вериги.

С каждым днем, приносящим новые известия о новых убийствах и клятвопреступлениях, прибавлял он груза, чтобы отмолить новой тяжестью и этот грех.

Уже и на плечах висели вериги, и на груди. На шее — железное путо, на ногах — цепи, на голову одет был тяжелый обруч. Ожерельями висели на груди медные кресты...

Появился второй самозванец еврей Богданко, и еще одну трехсаженную железную цепь повесил на себя Иринарх. Предался самозванцу ростовский митрополит Филарет — и еще увеличил тяжесть на себе преподобный затворник*...

Келья, где сидел он, была невелика, от стены до стены — рукою достать можно. В одном конце кельи — за монастырскую стену — оконце, в другом — дверь. Ни постели, ни печи никогда не было в келье.

Прикованный цепями, Иринарх безвыходно сидел в убогой келье, а молва о силе его святых молитв распространялась по всей Руси. Шли к Иринарху нищие и убогие, присылали за благословением князья...

Весной 1609 года, когда совсем тяжко стало на Руси, попросил у Иринарха благословения собирающийся в поход на Тушинского вора князь Михаил Скопин-Шуйский.

Свой крест послал юному князю борисоглебский затворник. Потом, когда московские бояре отравили князя, крест, воз-

* После кончины старца осталось праведных «трудов» его сто сорок два креста медных, семь пудов плечных, железная цепь в двадцать сажен, которую он надевал на шею, железные путы ножные, восемнадцать медных и железных оковцев, которые он носил на руках и на груди, связни, которые носил на поясе, весом в один пуд, палка железная, которою смирял свое тело и прогонял бесов... Как утверждают исследователи, преподобный Иринарх носил на себе, не снимая, 161 килограмм «праведных трудов».

вращенный умирающим князем Михаилом, Иринарх снова поставил в келье.

Некому было нести этот крест. Еще долго надо было молиться, чтобы появился герой, способный взять его.

В великом откровении прозвучали Иринарху Божественные Глаголы: «Если испросишь чего, будет дано тебе!» Но прошли долгие года тяжкого молитвенного труда Иринарха, прежде чем было дано то, что испрашивал преподобный Иринарх.

На пути к Москве Дмитрий Михайлович Пожарский и Косма Минин остановились в Ростове, чтобы побывать в Борисо-Глебском монастыре и лично получить благословение Иринарха.

Загремев цепями, поднял преподобный Поклонный крест.

— Да явит Господь милость свою, — сказал он, вручая святыню князю. — Да пособит очистить Москву от великия скорби.

Это был тот самый крест, что посылал Иринарх князю Михаилу Скопину-Шуйскому.

Царь Михаил Федорович.
Портрет из книги А.Олеария

— Дерзайте! — благословил Иринарх и гражданина Минина. — Не страшитеся ничего! Бог вам в помощь!

И еще одну цепь повесил на себя в Борисо-Глебском монастыре святой отшельник Иринарх, когда узнал об избрании в цари Михаила Романова.

В этих цепях и встретил он день 13 января 1616 года, когда отошел ко Господу...

Великая и чудесная сила обнаружилась в цепях преподобного. Когда больные возлагали их на себя, исцелялись...

Но некому стало нести на себе тяжесть грехов...

6.

Надобно еще было отыскать избранного царя и привезти в Москву.

Никто точно не знал, где находится новый государь, и посольство, состоявшее из архиепископа Рязанского и Муромского Феодорита, троицкого келаря Авраамия Палицына, боярина Федора Ивановича Шереметева, князя Владимира Ивановича Бахтеярова-Ростовского, окольничего Федора Головина, 2 марта отправилось в «Ярославль или где он, государь, будет».

Если ехать к Костроме со стороны Ярославля, откроются на левом берегу Волги белые стены и золоченые главы Ипатьевского монастыря.

Еще во времена Ивана Калиты отдыхал на этом месте татарский мурза Чет, и во сне явились к нему апостол Филипп и великомученик Ипатий Гангрский, чтобы просветить мурзу светом веры Христовой.

Пораженный видением, мурза принял во святом крещении имя Захарии и стал основателем династии Годуновых. Предки Бориса Годунова вполне могли называться Захарьиными, как и Романовы, ведущие свой род от Захария — отца царицы Анастасии.

Выходцы из Золотой Орды Захарьины-Годуновы сошлись с выходцами из Пруссии Захарьиными-Романовыми в смертельной схватке за русский трон.

Случайно — случайно ли? — монастырь, основанный предком Бориса Годунова, на месте явления ему святого Ипатия и

сделавшийся родовой усыпальницей Годуновых, был, подобно деревеньке, подарен Филарету Романову Григорием Отрепьевым. Сейчас в монастыре откармливалась после московского сидения инокиня Марфа и ее родственники Салтыковы.

Произошла некая мистическая подмена.

Понимали ли это участники действа, происходившего 14 марта 1613 года, когда посольство, сопровождаемое крестным ходом, при стечении народа отправилось в Ипатьевский монастырь просить Михаила на царство?

Это не так уж и важно...

Мистическая подмена совершилась, и все происходило как бы в независимости от воли отдельных людей. Сценарий действа в точности повторял призвание на царство Бориса Годунова.

«Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтоб тебе, великому государю, умилиться над остатком рода христианского, многорасхищенное православное христианство Российского царства от растления сыроядцев, от польских и литовских людей, собрать воединство, принять под свою государеву паству, под крепкую высокую свою десницу... — звучали вычитываемые с бумаги слова. — А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московском государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он, государь, про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей».

Согласно сценарию и Михаил, и инокиня мать отвергли предложение послов. Инокиня Марфа заявила, что московские люди «измалодушествовались», и ее сыну на таком государстве править не под силу.

Вслушиваешься сейчас в речи, прозвучавшие четыреста лет назад, и видишь, что далеко-далеко, на три столетия вперед улетали эти слова. Так получалось, что не о сыне Михаиле, согласно сценарию, плакала инокиня Марфа, а о своем далеком праправнуке, которому предстоит упасть под выстрелами, хлещущими из чекистских револьверов в подвале дома Ипатьева.

Далее по сценарию следовала сцена плача народного, в точности списанная с происходившей во время выборов Бориса Годунова в Новодевичьем монастыре сцены.

Долго, как и было записано в сценарии, послы «уговаривали» государя и его мать; наконец, Михаил дал свое согласие, а мать благословила его, и Михаил принял царский посох...

Почти буквальный повтор сценария избрания на царство Бориса Годунова был не случайным. Организаторы приглашения стремились подчеркнуть, что избрание Михаила столь же легитимно, как и избрание на царство Годунова.

У царя Василия Шуйского такой возможности не было и вот — преданный своими боярами, забытый всеми, он умер в тюрьме под Варшавой, а через несколько дней умер сидевший в соседней камере и его брат – Дмитрий...

Михаил умер, передав престол сыну — Алексею Михайловичу.

И много царей и императоров из семьи Романовых сидело на русском престоле, но конец династии был таким же, как у Годуновых. Впрочем, мы уже говорили: то, что произошло в восемнадцатом году в доме Ипатьевых, в Ипатьевском монастыре и было определено.

Разве случайно житие святого Ипатия, в память которого и был основан мурзой Четом монастырь, повествует, что *после уничтожения Святителем страшного змея** он был убит злыми последователями учения Новата.

Они устроили ему засаду в узком проходе на краю горной пропасти и на берегу болота (почти уральский пейзаж!). Как только подошел святой Ипатий к тому месту, они напали на него внезапно, устремившись подобно диким зверям, и, силь-

---

* Этому уничтожению мы сопоставили бы Предсоборное присутствие и Собор 1917 года, уничтожившие петровское устроение Русской православной церкви.

но изранив его, сбросили с высокого берега в болотную топь.

Святый, оставшись едва живым, простер руки немного к верху и, возведя очи на небо, молился за убийц своих, говоря:

— Господи! Не постави им греха сего.

И когда он так молился, говорит святитель Димитрий Ростовский, одна злая женщина, держащаяся Ариевой ереси, взяв увесистый камень, ударила им святого сильно по голове и убила его. Святая душа Ипатия, тотчас отрешившись от тела, отошла ко Господу. Убийцы, взяв тело святого, скрыли его в находящейся близ того места пещере.

Но их не замедлила постигнуть кара. На женщину напал нечистый дух. Она непрестанно била себя в грудь тем самым камнем, которым убила святителя. Другие мучители тоже сделались бесноватыми и сильно страдали, подобно большевикам в 1937 году.

Между тем земледелец, которому принадлежала пещера (он хранил здесь солому), ничего не зная о совершенном убийстве, пришел за постилкой для скота и вдруг услышал голоса поющих в пещере ангелов. Землевладелец разрыл солому и нашел зарытое в солому мертвое тело святого епископа Ипатия.

Когда жители города Гангр погребали своего пастыря, женщина-убийца следовала за телом и тем самым камнем, которым убила святого, била себя в грудь.

Странным образом эти картины первых веков христианства перекликаются с тем, что происходило в нашей стране в минувшем веке.

Правда, пока еще в нашем повествовании далеко до этого, пока еще Романовым только предстоит *уничтожить самим в себе страшного змея*, и на это уйдут долгие века.

7.

«По прежнему и по этому нашему указу велите устроить нам Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи, если лесу нет, то велите строить из брусяных хором царя Василья; вы писали нам, что для матери нашей изготовили хоромы в Вознесенском монастыре, но в этих хоромах матери нашей жить не годится».

Это, кажется, самое первое распоряжение нового царя...

Сохранился портрет монахини Марфы, которой негоже было жить в хоромах в Вознесенском монастыре.

Низко опущенные брови. Крупный, с горбинкой, нос. Сжатые в недоброй полуусмешке губы. Это не просто лицо монахини Марфы, урожденной Ксении Ивановны Шестовой, это лицо новой власти.

«Сделавшись царицей, — пишет С.Ф. Платонов, — Марфа взяла весь скарб прежних цариц в свои руки, дарила им боярынь, стала жить совершенно по-царски и занималась больше всего религией и благочестивыми делами как царственная монахиня; но имела также громадное влияние на дворцовую жизнь, направляла ее, выдвигала наверх свою родню, ставила ее у дел и тем самым давала ей возможность, пользуясь покровительством всесильной старицы-царицы, делать вопиющие злоупотребления и оставаться без наказания. В числе ее любимой родни были и Салтыковы (племянники царицы. — *Н.К.*), знаменитые своими интригами в первые годы царствия. Но изо всех креатур старицы Марфы, умевших устраивать свои дела, ни одного не являлось такого, который мог бы устраивать дела государственные и дал бы твердое направление внутренней и внешней политике».

Насколько мелочной и ничтожной была эта власть, видно по интригам Салтыковых.

Не то дивно, что они сумели расстроить свадьбу бесхарактерного царя Михаила с Марьей Хлоповой, а причина, из-за которой они поступили так.

Во время следствия, проведенного много лет спустя, Гаврила Хлопов, дядя Марии, рассказал, как произошла ссора.

Дело было в Оружейной палате Кремля. Царь рассматривал турецкую саблю и хвалил ее, а глуповатый Михаил Михайлович Салтыков сказал:

— Эка невидаль... И на Москве государевы мастера, коли приказать им, не хуже сделают!

Государь попросил Гаврилу Хлопова стать судьей в этом споре.

— Скажи! — сказал он. — Сделают ли такую саблю на Москве...

— Сделать-то сделают... — ответил Гаврила. — Только не такую...

— Ты ничего не смыслишь в этом, — в сердцах сказал Салтыков, — поэтому и говоришь так.

Гаврила Хлопов не удержался и тоже ответил Салтыкову грубостью. Слово за слово — возникла перебранка, а за нею и ссора, в результате которой и пала невеста царя. Перед венчанием Салтыковы обкормили ее сладостями, а когда девицу стало тошнить, призвали врача и объявили, что невеста неизлечимо больна. Вместо венца несчастная девушка вместе с родней была сослана в Сибирь.

Тем не менее начало правления царя Михаила ознаменовано событиями, которые помимо прямого смысла несут в себе глубокий символический смысл и могут служить своеобразной метафорой к правлению всей династии Романовых...

В самые первые месяцы нового правления освободителю Москвы князю Дмитрию Пожарскому было решительно указано на его место.

Дума тогда сделала расчет, который, как говорит В.О. Ключевский, велся просто: «Пожарский родич и ровня кн. Ромадановскому — оба из князей Стародубских, а Ромадановский бывал меньше М. Салтыкова, а М. Салтыков в своем роде меньше Б. Салтыкова — стало быть, кн. Пожарский меньше Б. Салтыкова...»

То, что Салтыковы все последние десять лет усердно предавали Россию*, бояре не рассчитывали...

* Михаил Глебович Салтыков, например, и защитников Троице-Сергиевой лавры уговаривал сдаться Яну Сапеге и Александру Лисовскому, обманывая их, будто война прекратилась, и царь Василий Шуйский уже захвачен Тушинским вором, и на впуске в Кремль поляков настаивал, и патриарха Гермогена терзал за его отказ признать королем Сигизмунда.

Дмитрий Пожарский, когда его «учли» перед Б.М. Салтыковым, возражать не стал, однако царского указа и боярского приговора не послушался. И тогда Салтыков вчинил против него иск о бесчестье, и царь Михаил выдал его головою своему родственнику. Стражники провели Дмитрия Пожарского от царского дворца к крыльцу Б.М. Салтыкова, с которым освободитель Москвы вздумал тягаться.

«Суд нелицеприятный, кротость без слабости, твердость без жестокости приобрели Михаилу всеобщую любовь высших сословий, — пишет романовский апологет Н.Г. Устрялов. — Низшим угодить было нетрудно: народ благословлял небо, даровавшее отечеству царя православного, царской крови, спасителя веры, прав, нравов и обычаев, более ничего не требовали».

Таким же знаковым событием начала правления Михаила стала казнь «ворёнка» Вани.

Четырехлетнего мальчика, имевшего несчастье стать на выборах конкурентом Михаила Романова, по его приказу *повесили* возле посаженного на кол атамана Ивана Мартыновича Заруцкого.

Учитывая, что Заруцкий, возможно, являлся Ваниным отцом (считается, что он был любовником Марины Мнишек), казнь обретает черты какого-то особого еще не виданного на Руси изуверства.

Тело под силой своей тяжести само нанизывалось на кол, и заостренный конец входил в тело через задний проход и, разрывая внутренности, выходил через грудь или между лопаток — человек жил сутки, а иногда и более...

Не сразу умер и «ворёнок» Ваня.

Ему было четыре года, и телу его не хватало веса, чтобы затянуть петлю. Несколько часов ребенок висел так, еще живой, и никто не знает, задохнулся он или — была зима, метель — замерз в петле.

Во всяком случае, оба они, и ребенок, и взрослый, долго еще были живы, и мучения другого дополняли собственные мучения. Воистину перед этой первой казнью, устро-

Герб Российской империи

Успенский собор Московского Кремля — место коронации русских царей и императоров

Михаил Федорович (1596—1645)

Сын боярина Федора Никитича Романова и Ксении Ивановны Шестовой. Основоположник царской династии Романовых. Вступил на царский престол 14 марта 1613 г.

Алексей Михайлович (1629—1676)

Сын Михаила Федоровича, первого русского царя из династии Романовых и его второй жены Евдокии Лукьяновны Стрешневой. Вступил на царский престол в 1645 г.

енной Романовыми, блекли зверства Иоанна Грозного.

Ванина мать, Марина Мнишек, вдова двух Лжедмитриев и атамана Заруцкого — эта «ужас что за полька» — умерла с горя в монастыре*.

Вроде бы нет связи между унижением русского героя и зверским убийством невинного младенца, названного «злым сорняком вражеских смут», но в этом сказался весь характер прорвавшейся к власти династии...

Мы не знаем наверняка, участвовали ли Романовы (и если участвовали, то в каком качестве?) в убийстве царевича Димитрия, но то, что начинала династия Романовых свое правление с убийства младенца — факт.

О том, что правление династии завершится тоже убийством ребенка — царевича Алексея, — ни Михаил, ни его матушка не знали. Романовы тогда вообще мало задумывались о будущем.

Все, что они делали в первые десятилетия своего царствования, они делали, кажется, не для государства, а только для устройства семейных дел. Государство было для них лишь инструментом устройства этих дел.

Кажется, впервые в русской истории, за исключением только, быть может, месяцев правления Григория Отрепьева, хозяева Кремлевского дворца начинают вести себя, мало заботясь о будущем, словно и не надеясь, что там найдется место им или их потомкам.

Глава седьмая

ОТЕЦ И СЫН

Любопытно, что вместе с московским посольством разыскивали Михаила Романова и поляки...

Подвиг, вдохновивший Михаила Глинку на создание оперы «Жизнь за царя», вполне мог произойти, хотя многие историки и отрицают это.

То, что Сусанин, доверенный человек Романовых, действительно существовал, доказывает грамота, данная царем Михаилом семье Сусанина.

Безусловно и то, что поляки искали Михаила.

Они считали, что русский престол принадлежит Владиславу и все конкуренты подлежат уничтожению или изоляции.

Напомним, что в 1612 году умер в варшавской тюрьме царь Василий Иванович Шуйский. Место русского царя в польской тюрьме освободилось.

Было у поляков — пересылки романовской партии с Филаретом начались еще в конце 1612 года — и время, и возможности (польские шайки тогда слонялись по Руси без счета) осуществить похищение нового царя.

Сложнее было с поисками.

Как мы знаем, в Домнино поляки не нашли ни Михаила Романова, ни его матери. Они уже переехали в Кострому, в Ипатьевский монастырь.

Почему Сусанин повел поляков в Ипатьевский монастырь через непроходи-

---

* Между прочим, шляхтич Белинский, находившийся в то время в Москве, попытался подменить «воренка» сыном погибшего шляхтича Дмитрия Лубы из Подляшья. Совершить подмену ему не удалось, но Белинский повез Дмитрия Лубу в Польшу и здесь объявил его сыном Марины Мнишек, внуком Иоанна Грозного. Король Сигизмунд отдал «царевича» на воспитание Льву Сапеге и назначил ему на содержание 6000 злотых. Однако по мере завершения русско-польской войны нужда во «внуке Иоанна Грозного» уменьшалась, содержание ему было уменьшено до 100 злотых, а потом прекращено совсем. И только в Москве интерес к самозванцу не угасал. В результате правительство Михаила Федоровича добилось выдачи Ивана Лубы. В Москву он был привезен как раз в те дни, когда умирал первый царь дома Романовых — Михаил Федорович.

мые дебри, рассказано в опере Михаила Глинки. Нам интереснее понять сейчас, почему поляки остановили свой выбор на Иване Сусанине.

Думается, что ответ прост. Имя Ивана Сусанина мог указать полякам сам Филарет.

Именно Филарет мог указать полякам на управляющего его Домнинским поместьем, поскольку только Сусанин (он же занимался снабжением их!) наверняка знал, где находится инокиня Марфа и ее сын Михаил.

Почему Филарет сделал это? Ответ на этот вопрос мы находим в разговоре Филарета с прибывшим из Москвы посольством.

1.

Царскому гонцу Желябужинскому было наказано тогда объявить Филарету, дескать, в Москве делается все доброе, все великие государи присылают с дарами и с поминками великими, прося царской к себе любви и дружбы...

Встреча Желябужинского с Филаретом произошла в доме канцлера Льва Сапеги в присутствии хозяина...

— Как Бог милует сына моего? — спросил Филарет и, едва дождавшись ответа, начал выговаривать послу свои обиды. — Не гораздо вы сделали, послали меня от всего Московского Российского государства с наказом к королю просить его сына Владислава на Московское государство; я и до сих пор делаю во всем вправду, а вы после моего отъезда выбрали на Московское государство государем сына моего, Михаила Федоровича... Вы в том передо мною не правы... Если уже вы хотели выбирать на Московское государство государя, то можно было и кроме моего сына, а вы это теперь сделали без моего ведома.

— Царственное дело ни за чем не останавливается, — дипломатично отвечал Желябужинский. — Хотя бы и ты, великий господин, на Москве был, то и тебе было переменить того нельзя, сделалось то волею Божиею, а не хотеньем сына твоего.

— То вы подлинно говорите, — вынужден был согласиться Филарет, — сын мой учинился у вас государем не по своему хотенью, изволением Божиим да вашим принужденьем... — И, повернувшись к Сапеге, прибавил: — Как было то сделать сыну моему? Сын мой остался после меня молод, всего шестнадцати лет, и бессемеен, только нас осталось — я здесь да брат мой на Москве один, Иван Никитич.

— Чего вы имя Божие призываете?! — грубо отвечал Сапега. — Всем известно, что это казаки донцы и посадили сына твоего на Московское государство государем.

— Что ты, пан канцлер, такое слово говоришь! — возразил Желябужинский. — То сделалось волею и хотеньем Бога нашего, Бог послал Духа своего Святого в сердца всех людей.

Действительно ли Желябужинский так смело говорил с канцлером Львом Сапегой, или он, составляя отчет для московских бояр, прибавил себе находчивости, неизвестно, но реакция Филарета, как нам представляется, передана тут точно.

В принципе, хотя Филарет и знал о выборах, на победу сына он не рассчитывал.

Это подтверждается и «конституционным», как едко заметил В.О. Ключевский, порывом Филарета. Узнав о созыве избирательного Собора в Москве, он писал тогда, что восстановить власть прежних царей — значит подвергнуть отечество опасности окончательной гибели, и он скорее готов умереть в польской тюрьме, чем на свободе быть свидетелем такого несчастья...

Ну и преуменьшать опасности, в которой оказался Филарет после избрания Михаила, тоже нельзя.

Воистину двусмысленное положение. Он выпрашивает у польского короля послать сына на царство в Москву, а тем временем царем становится его собственный сын.

Разговоры, что все это совершилось Божией волей, поляки, как мы видим, не принимали.

Любопытно, что Филарет, то ли сглаживая смелую находчивость Желябужинско-

го, то ли пытаясь разжалобить поляков, начал рассказывать приставу, пану Олешинскому, о гонениях, которые обрушил Борис Годунов на его семейство...

— Нас царь Борис всех извел: меня велел постричь, трех братьев велел задавить, только теперь остался у меня один брат Иван Никитич.

— Для чего царь Борис над ними это сделал? — спросил Олешинский у Сапеги.

— Для того, — отвечал Сапега, — чтоб из них которого брата не посадили на Московское государство государем, потому что это были люди великие и близки к царю Федору.

Ответ канцлера удовлетворил пана Олешинского.

— На весну пойдет к Москве королевич Владислав, а с ним мы все пойдем Посполитою Речью, — сказал он Желябужинскому. — Владислав королевич учинит вашего митрополита патриархом, а сына его — боярином.

— Я в патриархи не хочу! — быстро сказал на это Филарет.

И именно быстрота ответа и позволяет заподозрить, что план олешинского устройства семьи Романовых при Владиславе детально обсуждался ими. Просто Желябужинскому знать об этом плане было не нужно.

Мог ли Филарет пойти с поляками на сговор в организации похищения своего сына Михаила? Бог знает...

И вопросы личной безопасности стояли перед ним, и боязнь, что без него Михаил все равно не удержится на царском престоле... Ну а кроме того, как мы знаем, Романовы долго еще оставались «прусаками», и многие из них, как, например, император Петр Третий, почитали чин полковника прусской армии выше звания русского императора...

И сейчас для Филарета могло показаться, что лучше уж выбирать патриаршество для себя и боярство для сына. Лучше, как говорится, синица в руке, а не журавль в небе. Но удержать синицу Филарету Романову не дал никому не ведомый крестьянин Иван Сусанин.

Сколько раз еще такие Сусанины будут мешать Романовым обменивать журавлей на синиц...

2.

Как и у царя Василия Шуйского, власть Михаила Романова была ограничена.

Григорий Котошихин писал, что «царь Михаил Федорович, хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего».

Обязательства, которые были взяты с него, по словам Котошихина, состояли в том, чтобы «быть нежестоким и непальчивым, без суда и без вины никого не казнить ни за что и мыслить о всяких делах с боярами и думными людьми сопча, а без их ведома тайной явно никаких дел не делать».

В этой ситуации существенного ограничения монаршей власти возрастала роль патриарха.

Мы рассказывали, какое большое значение избранию в патриархи Гермогена, а не Филарета, придавал Василий Шуйский.

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский

Михаил тоже делал все, только уже для того, чтобы патриархом был избран его отец.

С 17 января 1612 года, после кончины Гермогена, не было в Русской церкви патриарха. Шли годы, а патриарший престол пустовал...

Нет сомнения, если бы царем был избран князь Дмитрий Пожарский, эта вакансия в церковной иерархии была бы немедленно заполнена.

Еще 29 июля 1612 года князь Дмитрий Михайлович Пожарский от имени всех чинов, собравшихся к Москве с ополчением, послал к Ефрему, митрополиту Казанскому, следующую грамоту:

«За преумножение грехов всех нас, православных христиан, Вседержитель Бог совершил ярость гнева Своего в народе нашем, угасил два великие светила в мире: отнял у нас главу Московского государства и вождя людям государя царя и великого князя всея Руси, отнял и пастыря и учителя словесных овец святейшего патриарха Московского и всея Руси. Да и по городам многие пастыри и учители, митрополиты, архиепископы и епископы, как пресветлые звезды, погасли, и теперь остались мы сиротствующими в поношение, и посмеяние, и поругание народам. Но еще не до конца оставил нас *Господь: даровал нам единое утешение, поставив тебя, великого господина, как некое великое светило на свещнице, сияющее в Российском государстве...* (выделено нами. — *Н.К.*) У нас теперь, великий господин, скорбь немалая, что под Москвою вся земля в собранье, а пастыря и учителя у нас нет, одна соборная церковь Пречистой Богородицы осталась на Крутицах, и та вдовствует. И мы по совету всей земли приговорили: в дому Пречистой Богородицы на Крутицах быть митрополитом игумену Сторожевского монастыря Исаие, он от многих свидетельствован, что имеет житие по Боге. И мы игумена Исаию послали к тебе, великому господину, в Казань и молим твое преподобие всею землею, чтоб не оставил нас в последней скорби, совершил игумена Исаию митрополитом на Крутицы и отпустил его под Москву к нам в полки поскорее, да и ризницу бы дал ему полную, потому что церковь Крутицкая в крайнем оскудении и разорении».

Но хотя на митрополита Ефрема и смотрела тогда вся Русская земля, как на главного архипастыря в России, период междупатриаршества продолжался более семи лет, пока не удалось вызволить из польского плена Филарета...

3.

Осенью 1618 года польский королевич Владислав предпринял поход на Москву. Защитники Москвы, которыми командовал Д.М. Пожарский, отбили этот штурм 1 октября с большими для поляков потерями.

Победа, одержанная Дмитрием Пожарским, дала возможность заключить Деулинское перемирие и в 1619 году произвести размен пленных.

«Для покоя христианского» поляки согласились написать «отпуск митрополита Филарета Никитича и князя Василья Васильевича Голицына с товарищами, полоняникам размену и городам очищение и отдачу на один срок, на 15 число февраля по вашим святцам, а по нашему римскому календарю февраля 25...»

Обмен состоялся на большой Дорогобужской дороге, в семнадцати верстах от Вязьмы. Вечером 1 июня митрополит Филарет приехал сюда к мосту через речушку Поляновка в возке, за которым шли Михаил Шеин, Томила Луговской и пленные русские дворяне.

Через речку было сделано два моста: одним должен был ехать Филарет с московскими людьми, а другим — Струсь с литовскими пленниками.

Девять лет назад, в сентябре 1610 года, Филарет покинул Русь, чтобы призвать на русский престол королевича Владислава. Исполнить замыселСемибоярщины ему не удалось, и теперь он возвращался назад в страну, где уже шестой год царствовал его сын... Посланному в посольство вместе с Филаретом князю Василию Васильевичу Голицыну вообще не суждено было увидеть родной земли, он умер по дороге, в Гродно...

Еще несколько метров по мосту, и завершится путь, в который франтоватый московский боярин Федор Никитич пустился тридцать лет назад.

Тогда он был молод и красив, тогда теснилась вокруг многочисленная романовская семья, дерзновенные мысли, великие замыслы роились в голове. Теперь он достиг всего, о чем только мечтал.

С трудом Филарет вышел из возка навстречу спешащему к нему Шереметеву.

«Государь Михаил Феодорович, — развернув грамоту, начал читать Шереметев, — велел тебе челом ударить, велел вас о здоровье спросить, а про свое велел сказать, что вашими и материнскими молитвами здравствует, только оскорблялся тем, что ваших отеческих святительских очей многое время не сподоблялся видеть».

Дослушав грамоту, Филарет спросил о здоровье сына-царя, потом благословил Шереметева.

— Как у тебя, Федор Иванович, здоровье?

Переночевали в острожке, а на другой день пошли в Вязьму.

В Можайске Филарета встречали рязанский архиепископ Иосиф, боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский, а 14 июня, не доезжая речки Пресни, встретил митрополита и сам царь.

Он поклонился отцу в ноги.

Патриарший престол вдовствовал после Гермогена: для дорогого отца берег патриаршее место заботливый сын. Филарет приехал, и все уже было готово, уже давно терпеливо ожидал прибытия Филарета иерусалимский патриарх Феофан, приехавший в Москву за милостынею.

24 июня 1619 года в Успенском соборе Филарет, «ибо знали, что он достоин такого сана, особенно же потому, что он был царский отец по плоти, да будет царствию помогатель и строитель, сирым защитник и обидимым предстатель», был посвящен второй раз в патриархи.

Вторичное поставление патриарха Филарета — история далеко не такая простая и очевидная, как представляется.

Сохранился лишь один достоверный документ — окружная грамота царя Михаила Федоровича от 3 июля 1619 года, где говорится, что патриарх приходил к нему и советовался об устроении русской земли (о проведении переписи). То есть ясно, что Филарет уже в Москве и в сане патриарха участвует в управлении государством. О поставлении его в патриархи в этой грамоте говорится вскользь.

А вот грамоты, данные иерусалимским патриархом Феофаном, который участвовал во втором избрании в патриархи воровского патриарха, а также Собором русских архиереев, выбиравших в 1619 году Филарета, составлены семь лет спустя.

Официальная версия утверждает, что первые грамоты погибли во время пожара, в 1626 году Филарет снова писал к патриарху Феофану и просил у него новой настольной грамоты взамен сгоревшей.

Феофан за небольшое вознаграждение исполнил просьбу Филарета Никитича, но написал новую грамоту не так, как хотел Филарет. Считается, что первая грамота, которая якобы сгорела, была полнее и излагала историю избрания Филарета так, как это и принято в изложенной нами официальной версии.

Поэтому Филарет, чтобы все-таки навести порядок в истории своего избрания, созвал Собор русских архиереев, чтобы они написали ему новую настольную грамоту вместо сгоревшей за своими подписями и печатями. В этой грамоте все было изложено, как надо.

Как бы то ни было, патриарх Филарет стал фактическим правителем России.

4.

«Сделавшись патриархом и великим государем, — пишет о Филарете в «Истории Русской Церкви» митрополит Макарий, — он был твердою опорою для своего юного сына, опытным советником и мудрым руководителем во всем, обуздал своеволие бояр, проявившееся в первые годы царствования Михаила Федоровича, укротил "сильников" земли, укрепил и возвысил

царскую власть. По современному свидетельству, Филарет не отличался богословским образованием, так как и не готовился с молодых лет на служение Церкви...»

Как мы уже говорили, первым делом патриарха Филарета было проведение переписи.

Объяснялось это заботой о людях Московского государства, многие из которых действительно потерпели разорение и нуждались в льготах, и еще многие терпели насилия и обиды от бояр и всяких чинов и нуждались в обороне, но, как и всегда в фискальных мероприятиях, благотворительность служила лишь прикрытием.

На самом деле перепись призвана была выявить тех, кто уклоняется от платежа податей.

Мероприятие само по себе разумное и необходимое, хотя, может быть, и не самое первоочередное.

Но тут уже сказался характер новых правителей страны.

Разухабистости и беззаконию русской Смуты, заваренной по сути дела ими же самими, они могли противопоставить только железный орднунг. И опять-таки, все было бы ничего, если бы с помощью порядка Романовы восстанавливали лишь государственное управление.

Увы...

Любимый ими прусский орднунг они пытались внести в само сокровенное бытие Святой Руси.

Митрополит Макарий в своей «Истории Русской Церкви» справедливо отмечает, что вторым вопросом, на который патриарх Филарет обратил свое внимание, был вопрос «о невинных страдальцах за исправление церковных книг».

В нашем повествовании нет никакой нужды вникать во все тонкости этого дела и рассуждать, насколько правильными были исправления в церковных книгах, сделанные старцем Арсением и священником Иваном Наседкой...

Скажем о другом...

Все те исправления, которые намеревались вносить те или иные справщики, надобно было выносить на Соборное усмотрение и утверждать Собором, а не решать такие вопросы самостоятельно.

И то, что Филарет оправдал Арсения Глухого и Ивана Наседку, по сути дела узаконило келейный порядок исправления церковных книг.

Какой национальной катастрофой обернулось это уже в следующем царствии, мы еще будем говорить. Пока же скажем, что сделано это было Филаретом не из соображений гуманности, а из-за тяготения Романовых все к тому же немецкому порядку.

Но если и было что-то, не поддававшееся жесткому зарегулированию, то это православие Святой Руси. Ни на миллиметр не отступая от догматики, в обрядовости православная жизнь на Руси приобрела немалое своеобразие, чрезвычайно раздражала этим приезжающих за милостыней иерархов восточных церквей...

Повторим, что мы не обвиняем Филарета в том преступлении, которое было совершено его внуком, царем Алексеем Михайловичем. Он только начал насаждение орднунга в православную жизнь Руси... Он не подозревал о том, какой трагедией, какой национальной катастрофой это обернется...

Патриарх Филарет сделал лишь самые первые шаги в этом направлении, и сами по себе они никакой опасности не представляли.

Филарет, например, упорядочил и регламентировал те церковные праздники и торжества, которые совершались в Москве при участии самого патриарха и царя. Речь в составленном Филаретом Уставе шла, помимо важнейших праздников, о престольных праздниках главных московских церквей, праздниках в честь Московских святителей, московских крестных ходах и т. д. Судя по тому, что замечания Устава иногда сводились к краткому упоминанию, откуда и куда совершается крестный ход, а иногда довольно подробно определяли все патриаршее священнослужение, описывали, как встречал патриарх царя и что говорил ему,

можно не сомневаться, что описанные в Уставе чины и порядки постепенно вводились еще при прежних патриархах.

Филарет Никитич был не только патриархом, но и «великим государем». И не по одному имени, но и в действительности. Вместе с сыном правил он Московским государством.

«Подданные, — пишет митрополит Макарий, — писали и подавали свои челобитные не одному царю, но вместе и великому государю святейшему патриарху, бояре делали свои доклады о государственных делах пред царем и патриархом, многие указы издавал царь, многие грамоты жаловал не от своего только имени, но и от имени своего отца, великого государя и патриарха. Иностранные послы представлялись царю и патриарху вместе в царских палатах, а если патриарх почему-либо там не присутствовал, то представлялись ему особо в патриарших палатах с теми же самыми церемониями, как прежде представлялись царю. Из переписки, какую вели царь и патриарх, когда один из них отлучался из Москвы на богомолье, видно, что они извещали тогда друг друга о текущих государственных делах и спрашивали друг у друга совета, что царь охотно принимал советы своего отца и иногда отдавал на его волю поступить, как признает нужным, и патриарх действительно распоряжался иногда по своему личному усмотрению без указаний от царя».

Патриарх Филарет управлял русским государством и Русской православной церковью четырнадцать лет.

В конце жизни он с царем Михаилом попытался освободить Смоленск, воспользовавшись смертью польского короля Сигизмунда.

Смоленск освободить не удалось.

1 октября 1633 года русская армия Шеина, осаждавшая Смоленск, была окружена армией королевича Владислава и капитулировала.

Получив это известие, 7 октября 1633 года, восьмидесяти лет от роду, патриарх Филарет скончался.

Существует предание, что якобы он за всю свою жизнь ни разу не огорчился. Воистину дивно, если еще раз вспомнить, какую жизнь прожил он.

Боярин и первый щеголь, двоюродный брат царя, в неумеренной жажде власти воспитывает самозванца и за это платится лишением всех богатств и пострижением в монахи. Но из рук этого взращенного им самозванца получает Филарет сан митрополита, из рук другого самозванца, неизвестного ему шкловского еврея — патриаршее достоинство. А потом были девять лет польской неволи и, когда уже казалось, что это навсегда, — известие об избрании на московский престол сына...

Умирая, Филарет сам указал и благословил себе преемника на патриаршей кафедре.

«В лето 7142 (1634) поставлен бысть на великий престол Московского государства в патриархи Пскова и Великих Лук Иосаф, архиепископ по изволению царя Михаила Федоровича всея Русии и по благословению Филарета патриарха, понеже был

Патриарх Филарет. Гравюра XIX в.

дворовой сын боярской (выделено нами. — *Н.К.*), во нравах же и житии добродетелен был, а ко царю не дерзновен».

И тут он оказался верен своей любви к орднунгу, и своему тяготению к продвижению на высоты власти *дворовых* людей.

Григорий Отрепьев, напомним, тоже был сыном боярским, его, Федора Никитича, дворовым человеком...

5.

Через два года после кончины Филарета был заключен с поляками вечный мир. Дабы закрепить вечный мир присягою, ездило в Польшу посольство князя Алексея Михайловича Львова-Ярославского.

Послы отобедали у нового польского короля, посмотрели «потеху», как приходил к Иерусалиму ассирийского царя воевода Алаферн, и как Юдифь спасла Иерусалим, и после потехи начали выпрашивать у короля в честь вечного мира тела Шуйских, царя Василия и его брата.

— Отдать тело не годится... — заартачились польские паны. — Мы славу себе учинили вековую тем, что московский царь и брат его лежат у нас в Польше... Надобно помников нам дать, иначе мы не согласны.

В наказе, данном послам царем Михаилом, говорилось:

«Если за тело царя Василия поляки запросят денег, то давать до 10 000 и прибавить, сколько пригоже, смотря по мере, сказавши однако: “Этого нигде не слыхано, чтоб мертвых тела продавать, а за тело Димитрия Шуйского и жены его денег не давать: то царскому не образец”».

Из этих расчетов и было дано тогда коронному канцлеру Якобу Жадику десять сороков соболей, и другие паны тоже получили соболей на 3674 рубля.

Тела Шуйских были погребены в каплице...

Посольские дьяки велели взломать пол и увидали под ним палатку каменную, а «в палатке три гроба, один на правой стороне, а два на левой, последние поставлены один на другом; одинокий гроб на правой стороне был царя Василья, на левой, наверху, — князя Димитрия, а под ним — жены его».

Сделаны были хорошо просмоленные новые гробы, в них и поставили старые гробы. Польский король, чтобы обить гроб царя Василия, прислал золотного турецкого атласа, кружев и серебряных гвоздей. На гроб князя Димитрия прислано было им зеленого бархата, а на княгинин гроб — зеленой камки.

«10 июня с утра в Кремле московском загудел реут, — пишет С.М. Соловьев, — и народ повалил к Дорогомилову навстречу телу царя Василия. От Дорогомиловской слободы до церкви Николы Явленного на Арбате тело несли на головах дети боярские из городов, а за телом шли Рафаил, епископ коломенский, архимандриты, игумены и протопопы, которые были назначены встречать тело в Вязьме; за телом шли послы, князь Львов с товарищами.

У церкви Николы Явленного встречал тело Павел, митрополит Крутицкий, и новоспасский архимандрит Иосиф, с ними всех церквей деревянного города попы и дьяконы со свечами и кадилами; тут же встречали бояре, князь Сулешов да Борис Михайлович Салтыков, да окольничий Михаила Михайлович Салтыков в смирном (траурном) платье служилые люди, гости и купцы, встречавшие вместе с боярами, были также все в смирном платье.

От Николы Явленного тело несли в Арбатские ворота Вздвиженкою к Каменному мосту (через Неглинную в Кремль) дворяне московские на плечах.

Патриарх Иоасаф со всем освященным собором встретил тело у церкви Николы Зарайского (что у Каменного моста деревянный храм), в ризах смирных, и, учиня начало по священному чину, пошел за телом, которое внесли в Кремль через Ризположенские ворота. Когда поравнялись со двором царя Бориса, то зазвонили во все колокола и тело внесли в Архангельский собор в передние двери от Казенного двора; государь встретил у собора Успенского, не доходя рундука, за государем были бояре, думные и ближние люди, все в смирном платье; в Архангельском соборе пели пани-

хиду большую, а погребение было на другой день, 11 июня».

Наверное, это число, 11 июня 1635 года, и надобно считать настоящим концом русской Смуты.

6.

Чем отличалась новая династия?

За ее плечами была Смута, участницей, виновницей и жертвой которой она и была.

И хотя и ограничена была власть царя Земским собором и Боярской думой, очень скоро происходят разительные перемены в московских верхах.

«Вокруг царей новой династии не видно целого ряда старых знатных фамилий, которые прежде постоянно держались наверху, — пишет В. Ключевский. — При царях Михаиле и Алексее нет уже ни князей Курбских, ни князей Холмских, ни князей Микулинских, ни князей Пенковых; скоро сойдут со сцены князья Мстиславские и Воротынские; в списке бояр и думных людей 1627 г. встречаем последнего кн. Шуйского и пока — ни одного кн. Голицына. Точно так же не заметно наверху фамилий нетитулованных, но принадлежащих к старинному московскому боярству: нет Тучковых, Челядниных, падают Сабуровы, Годуновы; на их местах являются все люди новых родов, о которых никто не знал или мало кто знал в XVI в. — Стрешневы, Нарышкины, Милославские, Лопухины, Боборыкины, Языковы, Чаадаевы, Чириковы, Толстые, Хитрые и пр., а из титулованных — князья Прозоровские, Мосальские, Долгорукие, Урусовы, да и из многих прежних добрых фамилий уцелели только худые колена».День за днем, год за годом оттесняются от управления страной наиболее знатные семьи. И это касалось не только противников Романовых, но всей русской аристократии.

«Бывали на нас опалы от прежних государей, — печалился ближайший сподвижник Романовых князь И.М. Воротынский, — но правительства с нас не снимали; во всем государстве справа всякая была на нас, а худыми людьми нас не бесчестили».

Боярину, как справедливо заметил историк, хотелось сказать, что отдельным лицам из боярского класса иногда больно доставалось от произвола прежних государей, но самого класса они не лишали правительственного значения, не давали перед ним хода худородным людям. Он выражал, так сказать, правительственную силу класса при политическом бессилии лиц.

Не хочется сочувствовать человеку, непосредственно причастному к отравлению Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, к Семибоярщине и возведению на русский трон Михаила Романова. Но не посочувствовать его отчаянию, когда он уразумел вдруг, что на опустевшие боярские места прорываются новые люди, непривычные к власти, не имеющие политического навыка, нельзя, потому что это и не его только отчаяние, а отчаяние всей страны.

Как часто, не щадя сил, жертвуя своею совестью, а порою и своей душой, добиваемся мы чего-то, что не очень-то и нужно нам... А добившись, видим, как страшно то, чего мы добились.

С Воротынским — род его, кстати, угас еще при первых Романовых — эта беда и случилась. Он имел несчастие не только дожить до окончательного закрепления власти за династией Романовых, но и увидеть, понять, что Романовым не нужны ни классы, ни общественные группы, которые бы поддерживали их.

Это прежние цари опирались, например, на служилых людей. Они вместе с этими людьми держали страну.

Романовы же искали людей, которые помогали бы им жить в этой стране, как будто это была не их страна.

Ни классы, ни общественные группы выдвинуть таких людей не могли. И стоило ли удивляться, как стремительно редеют стройные местнические ряды боярства...

«Государи XVII века начали править с помощью отдельных лиц, случайно выплывших наверх, — пишет В.О. Ключевский. — Эти новые люди, свободные от правительственных преданий, и стали носителями и проводниками новых политических понятий, которые в Смуту проникли в московские умы...»

7.

Конец царствия Михаила Федоровича был омрачен тенью нового самозванца.

Темно и неотчетливо растекались по Москве слухи о внуке Иоанна Грозного, сыне Марины Мнишек, царевиче Иване. Говорили, что повесили тогда в Москве не «воренка», а другого малыша, а «воренок» жив и готовится к походу на Москву.

Долго велись переговоры о выдаче нового самозванца, долго польское правительство уклонялось от этого, обещая сослать Лубу «за приставом» в Мариенбург, но московские послы требовали выдачи, грозили, что тогда договор между Польшей и Россией будет «не в приговор, и межи — не в межу». Наконец, поляки уступили. Осенью 1644 года Лубу привезли в Москву.

Это было, кажется, последнее деяние Михайлова царствования...

В апреле 1645 года самочувствие первого царя дома Романовых резко ухудшилось.

«Доктора — Венделин Сибелиста, Иоган Белоу и Артаман Граман — смотрели воду и нашли, что желудок, печень и селезенка по причине накопившихся в них слизей лишены природной теплоты и оттого понемногу кровь водянеет и холод бывает, оттого же цинга и другие мокроты родятся».

Лечили царя Михаила Федоровича «составным ренским вином», приправленным разными травами и кореньями, но вино не помогло очищению царской печени от слизей, и 14 мая доктора прописали другое лекарство.

26 мая доктора опять смотрели воду: «оказалась бледна, потому что желудок, печень и селезенка бессильны от многого сиденья, от холодных напитков и от меланхолии, сиречь кручины».

Доктора прописали царю составной сахар и велели мазать желудок бальзамом, но и бальзам не помог.

12 июля церковь празднует память преподобного Михаила Малеина.

Двоюродный брат преподобного Никифор Фока стал императором Византии, а сам Михаил Малеин после долгих подвигов иноческой жизни основал лавру, в которой взрос под его руководством преподобный Афанасий, основатель знаменитой лавры на Афоне.

12 июля были именины царя Михаила Федоровича. Он пошел к заутрене, но в церкви сделался припадок, и назад его уже принесли.

К вечеру болезнь усилилась, он начал стонать, жалуясь, что внутренности терзаются, велел призвать царицу, простился с женою и благословил шестнадцатилетнего сына Алексея Михайловича на царство.

— Тебе, боярину нашему, — сказал он, обращаясь к дядьке сына Борису Ивановичу Морозову, — приказываю сына и со слезами говорю: как нам ты служил и работал с великим веселием и радостию, оставя дом, имение и покой, пекся о его здоровье и научении страху Божию и всякой премудрости, жил в нашем доме безотступно в терпении и беспокойстве тринадцать лет и соблюл его, как зеницу ока, так и теперь служи.

Ночью, почувствовав приближение смерти, Михаил исповедался и приобщился Святых Тайн, после чего, в начале третьего часа ночи, скончался.

Было 13 июля 1645 года.

В этот день празднует Православная Церковь Собор Святого Архангела Гавриила.

Часть вторая

ТИШАЙШАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА (ВЛАСТЬ)

«What Russian after this can say a word to defend or to palliate the usurpation which has been set up in his country? His ownt Church has shut his mouth. But will the Russian government ten go back? Alas no! Governments which have once moved towards apostasy do not easily go back; they go on — to destruction»*.

Пальмер

Глава первая

РУССКАЯ ДОРОГА

Белые и черные реки текут с Урала. Белые текут на запад, а черные — на восток.

Пробираясь вдоль черных рек, просачивались из-за Камня орды пелымского князя Кихека, чтобы, «засыпая озерцы трупами», пройти по Пермской земле.

А по белым рекам поднимались к Уралу казаки. Семь имен насчитывают историки у атамана. Камешком в реке народной молвы каталось его имя, пока не выплеснулось на берег: Ермак.

В 1581 году, когда далеко на Западе задыхался осажденный войсками Стефана Батория Псков, когда в припадке ярости убивал Иоанн Грозный своего сына, казаки прошли по Чусовой в Серебрянку, волоком перетащили легкие струги через кручи уральского водораздела и спустились по Журавлику и Баранче в Тагил. Трудным был этот путь через тагильские перевалы, но другого не знали тогда казаки Ермака.

За годы, проведенные в Искере, Ермак не только сражался с остатками кучумовских отрядов, не только утверждал русскую государственность в Сибири, но и искал короткую и надежную дорогу через Камень.

Ровно полгода добиралась к Ермаку по Лозьвинскому пути отправленная Иоанном Грозным подмога. Далек, в две тысячи верст, оказался он, и меньше половины царских дружинников добрело до Искера.

Пытаясь отыскать удобную дорогу в Русь, гибнут сподвижники Ермака. Возле Казымского городка на Оби пал Никита Пан. Осенью следующего года гибнет со своим отрядом Иван Кольцо.

Разведывая горные перевалы на водоразделе Лозьвы и Вишеры, предпринимает Ермак Пелымский поход...

Но неприступными кручами Урал отделил Сибирь от России, и не было, кажется, и щелочки в этой каменной стене.

* «Могут ли русские сказать после этого слово, чтобы защищать или оправдывать узурпацию, которая совершена в их стране? Их собственная Церковь замкнула свои уста. Но, может, правительство русское захочет пойти назад? Увы, нет! Правительства, раз совершившие апостасию, нелегко идут обратно; они идут к разрушению».

Ермак Тимофеевич. Портрет XVIII в.

Гибель самого Ермака в день Преображения Господня, 6 августа 1585 года, не изменила естественного течения истории освоения Сибири. Через два года после его смерти поднимаются на Туре и Тоболе города — Тюмень и Тобольск.

Как обточенные речным течением гальки, по берегам сибирских рек рассыпались бесчисленные Ермаши и Ермаковки — русские деревеньки в Сибири.

Один за другим сходят с исторической сцены последние Кучумовичи. Кучум и сам еще кочует по ишимским степям, но вылазки его, исполненные бессильной ярости, страшны только для местного населения.

Пройдет несколько десятков лет, и даже местные жители забудут название бывшей сибирской столицы. Подрытый течением Иртыша, рухнет в мутноватую воду ханский город и исчезнет навсегда из памяти сибирских народов.

Сделавшись Россией, Сибирь вступала в новую эпоху, и новые отношения, сложившиеся на ее безграничных просторах, требовали прежде всего нового пути, который соединил бы Сибирь с Россией.

В 1595 году царь Федор Иоаннович издал указ, по которому надобно было искать «охочих людей», способных указать и проложить удобную дорогу в Сибирь.

О царе Федоре написано немало.

«Слабоумный» и «юродивый» — вот эпитеты, которые сопровождают последнего отпрыска Калитинской династии.

Подкрепляются эти эпитеты то цитатой из письма польского посла Сапеги: «Царь мал ростом... с тихим, подобострастным голосом, с простодушным лицом, ум имеет скудный или, как я слышал от других и заметил сам, не имеет никакого, ибо, сидя на престоле во время посольского приема, он не переставал улыбаться, любуясь то на свой скипетр, то на державу»; то высказыванием шведа Петрея, что царь Федор от природы почти лишен рассудка и часто бегает по церквам трезвонить в колокола.

О том, что это свидетельства послов враждебных России стран, что в этих письмах приведен не портрет царя Федора, а карикатура на врага, с которым предстоит воевать, стараются не упоминать.

Иные свидетельства о царе Федоре дают русские летописи. Долгожданным называют они последнего отпрыска Калитинской династии.

Федор Иоаннович и был истинно русским царем, православие значило для него больше, чем все ценности протестантского мира. Именно при нем обретает Русь патриаршество, при нем и совершается дело присоединения Сибири, которое немыслимо было бы осуществить в иной, не православной культуре.

Вчитываясь в строки указов Федора Иоанновича, нельзя не поразиться их уверенности в неисчерпаемости народных сил. А чем, собственно говоря, еще и может быть силен правитель, как не этой безграничной верой в неисчерпаемые силы своего народа?

Ощущая насущную нужду в короткой и удобной дороге между Русью и Сибирью,

царь Федор Иоаннович не создает специальных коллегий, не засылает воевод и прочих «специалистов», он просто приказывает «сыскать охотника».

Дорога нужна была для всего народа. Эта дорога была нацелена в будущее его истории, его исторической судьбы. Народ и должен был провести ее.

Поразительно, что из обилия вариантов правительство сумело выбрать единственно возможный и единственно осуществимый, но еще поразительнее, что всего через три года, в год кончины царя Федора Иоанновича, дорога была найдена и проложена.

«Вождем был оной дороги Артюшка Бабинов».

Кто он, этот соликамский крестьянин Артемий Сафронович Бабинов?

Снова и снова перечитываю я скупые строчки летописи, снова вчитываюсь в витиеватый текст царских «жалованных» грамот, пытаясь представить себе позабытого землепроходца... Известно, что был у него в Соли Камской дом, что сам он кроме землепашества занимался еще и промыслом. Ловил зверя в отрогах Уральского хребта и, наверное, многое знал о Камне еще и из промысловой жизни.

Дороги через Камень были...

Был известен испокон веков путь, называемый на местном наречии *мирляни* — «народный путь».

Он шел из Чердыни по реке Вишере, спускался в Тавду, из Тавды в Тобол, потом поднимался по Тоболу и Туре до Тюмени. В результате получалось от Соли Камской до Тюмени две тысячи верст.

Вела через Урал волчья тропа, по которой в 1582 году провел Ишберей в Москву посольство Ермака. Зимой по этому пути можно было ездить, но летом с трудом пробирались по тропе и пешие.

Артемий Сафронович Бабинов, наверное, знал об этих дорогах, но он искал другую. Нужна была не волчья тропа, не зимний санник промысловиков, а обычная дорога, по которой могли бы проехать крестьянские телеги.

Бабиновская дорога пошла от Соликамска через верховья Яйвы к речке Мостовой, принадлежащей уже к системе реки Туры. Протяженность ее — двести пятьдесят верст от Соликамска до Тобольска. На тысячу пятьдесят верст удалось сократить прежний Лозьвинский путь.

«А мостов мостили от Соликамской через речки, бueраки и грязные места до Верхотурья — поперечных семь по 50 сажен, а длинных 30 мостов по 130 сажен».

Чтобы яснее представить себе весь объем работ, нужно сложить длину этих мостов — она составит около девяти километров. А кроме этого, нужно было еще расчистить заросшие лесом берега, разобрать каменные завалы. И трудно поверить, что такая дорога была построена за три года, без всяких дотаций.

1.

Поразительное совпадение...

Открытие Бабиновской дороги совпало с венчанием на царство Бориса Годунова.

Новая дорога в Сибирь и новая династия... Ясная и открытая дорога в будущее...

Как только была открыта Бабиновская дорога, сразу двинулись в Сибирь русские крестьяне. Начиналось стремительное заселение Сибири.

Только в 1599 году, по документам Верхотурской приказной избы, по Бабиновской дороге прошло в Сибирь около тысячи крестьянских семей. Правительство царя Федора предусмотрело, кажется, все, чтобы не было «порухи» государеву делу.

Денежное вспомоществование выдавалось поселенцам дважды. Аванс в пять рублей они получали при сборах в дорогу, а остаток в пятнадцать рублей переводился в Соликамск. Здесь местные воеводы расходовали часть «подможных» денег на то, чтобы обеспечить каждого поселенца тягловым и продуктивным скотом. В покупках лошадей и коров воеводы отчитывались, а чтобы полностью исключить возможные злоупотребления, при закупке скота присутствовали и посадские представители, которые хорошо знали цены на местные товары и пользовались доверием среди населения.

Начавшееся с 1598 года движение крестьян в Сибирь и предопределило будущие успехи землепроходцев. Русские крестьяне по Енисею и Ангаре выходят в Якутию и на Амур, достигают берегов Тихого океана, продвигаются дальше, оседлывая острова, выбираются и на Американский материк.

В отличие от своих современников — испанских конквистадоров, русские землепроходцы осваивали Сибирь, не сжигая, а отстраивая новые города, выводя новые сорта ржи и пшеницы, которые могли расти в Сибири.

По мнению академика А. Окладникова, «активная творческая работа по освоению Сибири велась непосредственным производителем русского общества — крестьянином, творцом материальных и духовных благ».

Путь этим землепроходцам-крестьянам и открыла дорога, проложенная соликамским крестьянином Артемием Сафроновичем Бабиновым. Двести лет существовала она, и двести лет шел по этой дороге, неся на своей спине книгу, медведь с соликамского городского герба.

Остатки Бабиновской дороги сохранились и до наших дней. Необычайное волнение охватывает, когда поднимаешься на холм в селе Верх-Яйва Соликамского района и, приглядевшись, начинаешь различать следы старинного сибирского тракта. Спустившись под гору, он проходит через село вдоль правого берега Яйвы к перевозу, перебирается на левый, истончаясь, поднимается в гору и теряется в лесных сумерках.

Там начинается Сибирь...

Дорога... Снова вдумываешься в великий смысл этого слова, перечитывая Соликамскую летопись. Ее разыскал и опубликовал в середине прошлого века пермский краевед А. Дмитриев.

Бесхитростно перечисляет летописец события, происшедшие в крае. Прибыл на воеводство новый боярин, привезли колокол... Все события равновелики для летописца. Все они заслуживают того, чтобы быть отмеченными в истории.

Но, перечисляя события, случившиеся в округе, снова и снова возвращается летописец к дороге, проложенной его земляком в Сибирь.

Какую мысль пытался выразить соликамский летописец? Чем взволновало его это известие, если, забывая о положенном по уставу каноническом спокойствии и лаконичности, снова повторяет он одно и то же?

Гневом и карами Ивана Грозного отбушевало калитинское племя и тихо истлело угольками Федорова царствия. В 1598 году умер этот последний отпрыск династии. Умер, не оставив наследника.

Династический кризис больно отозвался в разоренной за годы опричнины и Ливонской войны стране. Верховное правительство уже не могло совладать с лавиной событий. Началась на Руси Смута...

Пройдет всего семь лет, и на русский престол взойдет дворовой человек Романовых, монах-расстрига Гришка Отрепьев.

Пошатнутся основы государственности, и вот уже страшный для Руси 1611 год: взят поляками Смоленск, шведы в Новгороде, Псков в руках самозванца Сидорки; объятая огнем, полыхает Москва, а польский отряд укрылся за стенами древнего Кремля.

Тогда и запишет эту недобрую, дошедшую до Соликамска весть летописец: «Москва и прочие города взяты. Святейший патриарх Гермоген преставился...»

Нет, не по забывчивости снова и снова повторяет летописец известие о Бабиновской дороге. Потому и волновала его эта мысль, что Бабиновская дорога ощущалась им, как дорога русской судьбы, дорога, которая из пожара и смуты шла, кажется, совсем в другой мир, где у страны велась другая хронология. Эта дорога связывала Святую Русь с пришедшей на смену Россией, и здесь совершенно иначе текло время...

Именно в страшные годы Смуты поднимались в Сибири русские города — Пелым, Березов, Сургут, Тара, Обдорск, Нарым. Именно в Смутное время, нимало не

сомневаясь в крепости государства, раздвигают замечательнейшие русские люди границы державы, уходя все дальше на восток.

Уверенна и непоколебима их поступь.

В 1598 году заложено Верхотурье.

В 1600 году основан Туринск.

В 1604 году — Томск.

В 1607 году — Туруханск...

Всего двадцать лет потребовалось, чтобы поднялись в Сибири Кузнецк и Енисейск, Ачинск и Красноярск, Канск и Ишимск, Киренск и Якутск, Олекминск и Верхоянск...

И все эти люди, которые прокладывали новые пути, закладывали и отстраивали новые города, распахивали нетронутые земли, — все они прошли по Бабиновской дороге.

Эта и была дорога Святой Руси...

2.

Из той сказочной дали была проложена она, где умирали русские богатыри и разливались могучими реками...

Где пала Дунаева головушка —
Побежала речка Дунай-река,
А где пала Настасьина головушка —
Протекала Настасья-река...

Полноводной рекой разлился былинный богатырь Дон Иванович. Людьми раньше были и Днепр, и Волга, и Западная Двина. Превратился в реку и павший в битве с татарами Сухман-богатырь.

Потеки Сухман-река
От моея от крови от горячия! —

умирая, воскликнул он, и побежала среди лесов Сухона, вбирая в себя малые ручейки и речки. Поднялись на берегах ее деревеньки и города, и среди них — знаменитый Великий Устюг.

Поднявшийся на крови могучего богатыря, этот город унаследовал его силу и мужество.

Великий Устюг сжигали камские булгары и новгородские ушкуйники, галицкий князь Василий Косой и казанские татары; жителей косила моровая язва.

Но ни нашествия, ни пожары, ни «великие потопления», ни мор не могли погубить город, и после каждой напасти он заново отстраивался, наполнялся людьми, рос и богател...

«Славен город Москва!» — кричали на вечерней перекличке стрельцы в караулах.

«Славен город Вологда! Славен город Устюг!»

А славился Великий Устюг цветными изразцами и финифтью, славился и торговлей своей, но более всего — смелыми да отчаянными людьми, мореходами и землепроходцами.

В начале XVII века в городе Великом Устюге жили ровесники Семен Дежнев, Василий Поярков, Михаило Стадухин. Чуть постарше их был Ярофей Хабаров, чуть помладше — Владимир Атласов.

Все они — подлинные правнуки былинного Сухмана, в жилах у каждого текла его богатырская кровь, каждому суждено было повторить судьбу своего прадеда — после бесконечных трудов и тягот стать кому островом, кому мысом, кому городом, кому бухтой, а кому так и огромным краем...

Всем им суждено было рассыпать свои имена по карте нашей Родины.

Обратим внимание, что все перечисленные нами устюжане-землепроходцы родились в начале XVII века, когда, опустошая страну, бушевала на Руси Смута.

Дежневу было меньше десяти лет, когда горела Москва, когда пали Смоленск и Новгород, когда польские отряды громили Москву и когда в Ярославль прибыл посол австрийского императора Юсуф Грегоревич для переговоров с князем Дмитрием Пожарским.

— Цесарь на Московское государство брата своего Максимилиана даст и с польским королем помирит вас вековым миром, — сулил он.

Пожарский кивал и, чтобы выиграть время, соглашался на все предложения, но пока велись переговоры в Вене, Москва

была уже освобождена, а на престол избрали Михаила Романова. На этот раз стране удалось обойтись без приглашения «варягов».

Дежнев был подростком, когда в феврале 1617 года подписали Столбовский мир со Швецией, позволивший России сосредоточить свои силы на борьбе с Речью Посполитой за возвращение исконных русских земель.

Долгой и трудной была эта война. Ни Деулинское перемирие, ни Поляновский мир не могли остановить ее...

В 1629 году, когда поступил Семен Дежнев на казачью службу, датчане сделали попытку блокировать пути в Белое море. Датский пират Енс Мунк по приказу Христиана IV принялся перехватывать торговые суда, идущие к Архангельску.

В 1633 году, когда русская армия под командованием князя Шеина попала в окружение под Смоленском и погибла, русские землепроходцы достигли устья Лены и по морю пробрались в Индигирку.

Когда заложили Охотск, когда Семен Дежнев совершил свое небывалое плавание из Северного Ледовитого океана в Тихий океан, когда экспедиция «оптовщика» Хабарова присоединила к России все Приамурье, на другом краю страны казаки Богдана Хмельницкого вели войну за освобождение Украины...

Конечно, не все известия об этих событиях достигали Сибири, и, конечно, приказчик Анадырского острожка Семен Дежнев, разглядывая 8 января 1654 года морозное солнце, уходящее за Анюйский хребет, не мог знать, что там, на западном рубеже государства, начинается великий день: Переяславская рада принимает решение о воссоединении Украины с Россией.

И, наверное, не особенно-то задумывался о государственных делах Ерофей Хабаров, когда следом за Дежневым подался в Сибирь, бросив в устюжской деревне свою жену Василису.

Просто обосновался на Лене, завел пашню, построил мельницу, оборудовал соляную варницу и сразу немыслимо разбогател, пока вновь назначенный воевода Головин не попал в должники к нему. Три тысячи пудов хлеба задолжал он оборотливому устюжанину и, чтобы сразу расплатиться, конфисковал у Хабарова варницу, а самого заточил в тюрьму.

Только весной 1649 года сумел оправиться от обиды и разорения Хабаров. Он убедил нового воеводу Дмитрия Андреевича Францбекова, и тот разрешил ему организовать за свой счет экспедицию на Амур. Племена, заселявшие берега реки, вошли в состав России.

«Все здесь есть, — рассказывал письменный голова Василий Поярков, побывавший на Амуре незадолго до Хабарова. — И виноград растет, и корабельный лес. Рай, одним словом».

За райский край, что присоединил Ерофей Хабаров к России, и сделали на него такие начеты, что послабже человек удавился бы от отчаяния, или спился бы, или просто сник и сгинул на правеже.

Но не таков был новый сын боярский.

Вернувшись в Сибирь, Ерофей Павлович узнал, что уже не четыре тысячи (столько в Москве насчитали!) должен он, а четыре тысячи восемьсот пятьдесят рублей и еще два алтына денег. Правда, смилостивился воевода якутский. Когда предоставил ему Ерофей Павлович поручительства надежных людей, разрешил частями выплачивать долг: ежегодно поставлять в Якутск из своего хозяйства по тысяче пудов хлеба.

И поставлял хлеб Хабаров в Якутск. Широко вел хозяйство в деревне на Киренге, прозванной местными жителями Хабаровкой. До амурского похода дважды разоряли Хабарова воеводы, теперь — только бы тыщу пудов поставлял! — никто уже не чинил препятствий.

Мирно трудился он. Иногда отрывался от работы, прислушиваясь, как поют за рекой:

Во сибирской во украине,
Во Даурской стороне,
В Даурской стороне,
А на славной на Амур-реке,
На усть Комары-реке

Казаки царя белова.
Оне острог поставили,
Есак царю собрали
Из-за сабельки вострыя,
Из-за сабли вострыя,
Из-за крови горячия...

Потирал тогда Ерофей Павлович свой заросший диким мясом шрам от китайской сабли, оставшийся на лице. Про него была сложена эта полюбившаяся сибирякам песня, про хабаровских казаков, за снаряжение которых до сих пор рассчитывался Ерофей Павлович.

Неведомо, удалось ли ему рассчитаться с казной. Зато точно известно, что он наделил еще при своей жизни хозяйством сыновей и внуков, что строил Ерофей Павлович Троицкую церковь в соседнем Киренском монастыре, которому и оставил после смерти на помин себя да жены своей Василисы и родителей деревню Хабаровку...

3.

Судьба землепроходца Ерофея Хабарова поучительна.

Но разве есть в жизни, творящейся по воле Господней, что-либо лишенное поучительности?

Ни Дежнев, ни Хабаров, ни Поярков, ни Стадухин не знали в подробностях того, что происходило на западных рубежах государства, да, может быть, и не думали об этом, занятые своим делом. Просто продвигались они все дальше и дальше на север и на восток.

Не знали... Не думали...

Но дело свое они знали крепко. А делом их было совсем и не присоединение новых земель. Конечно, каждому, кто отправлялся в неизведанный путь, давался наказ:

«Смотреть накрепко... и расспрашивать про те реки подлинно, как те реки словут и отколева вершинами выпали и... пашни у них (местных жителей) есть ли и хлеб родица ли».

Но это попутно, прежде всего казаки должны были думать о промысле пушнины. Только в 1626 году вышло на промысел по Тунгускам более полутысячи человек. Каждый промысловик добывал за сезон до трехсот соболей.

Только в Ленском остроге десятинная казна, поступавшая целиком в собственность царя, составила в 1638—1641 годах более двенадцати с половиной тысяч соболей, а всего мехов было вывезено из этого острога за два с половиной года на двести тысяч рублей.

И кто знает, не на эти ли «соболиные» деньги и содержалась армия, заслонявшая западные и южные рубежи государства. Землепроходцы, поднимавшиеся по «соболиным» рекам, не только продвигали к океану восточную границу, но помогали удерживать и западный рубеж.

И об этом-то, конечно, знали и думали казаки.

XVII век вообще характерен взлетом национального самосознания.

Семнадцатый, великий и трудный для нашей Родины век...

Начало его затянуто чадным дымом Смуты, а последние десятилетия озарены огнями народных восстаний.

Начало его озарено подвигом нижегородского ополчения под предводительством гражданина Минина и князя Пожарского; середина — борьбою Богдана Хмельницкого; конец — началом правления Петра I.

Плачем гениального Аввакума оглашен конец века.

Его голосом, его словами, донесшимися из горящего скита, плакала вся уходящая Русь, та Русь, что должна была погибнуть во имя новой рождающейся в огне и крови России.

Подъемом национального самосознания объясняются и подвиги землепроходцев. Трудно выделить наиболее значительные. Трудно назвать наиболее достойные имена. Каждый совершал свой подвиг, и каждый подвиг был необходим, становился звеном в цепи тех событий, что слились в единый всенациональный подвиг, выведший Россию на берега океана.

4.

«И сказывают они (юкагиры) про себя что де их бесчисленно — людей много... что волос на голове, а соболей де у них много, всякого зверя и рыбы в той реке много...»

Этой «скаской» начиналось освоение Колымы...

Летом 1643 года одиннадцать казаков — Михаил Стадухин, Семен Дежнев, Дмитрий Зырян, Фофанов, Шестаков, Гаврилов, Артемьев, Прокофьев, Немчин, Федоров, Коновалов поплыли на новую неведомую реку.

В самом устье Колымы на протоке, называемой ныне Стадухинской, казаки поставили зимовье. Затем это зимовье было перенесено вверх по реке и стало называться Верхне-Колымском.

«Колыма-река велика есть, — рассказывал потом в Якутске Стадухин, — идет в море так же, что и Лена, под тот же ветер, и по той Колыме-реке живут колымские мужики...»

Стадухин не скупился на краски, расписывая вновь открытую реку. Он знал, что от этих рассказов зависит многое. Ведь именно так и шло тогда освоение Дальнего Востока...

Из трудных и дальних странствий израненные, обмороженные землепроходцы привозили вместе с «соболиной» казной и «скаски», которые сразу становились известными всем. Завороженно внимали им промышленные люди, собираясь в далекий путь.

В 1645 году после возвращения Стадухина в Якутск здешняя таможенная изба пропустила «за море» для торгу и промысла на Колыме более полутысячи человек, столько же ушло и летом следующего года, а в 1647 году в Нижне-Колымском и Верхне-Колымском зимовьях открылась первая ярмарка.

Хлеб стоил здесь непомерно дорого — до десяти рублей за пуд, зато меха — столь же непомерно дешево. Новые и новые толпы промышленников стекались сюда, и тесно становилось землепроходцам на обжитой уже реке. Снова пора было собираться в далекий путь — за новыми землями, за новыми «скасками».

Сказками прибывала тогда Русская земля...

А в 1645 году в Нижнеколымске распространился слух о реке Погыче.

Подхваченный шатавшимися без дела казаками, этот слух обрастал легендами. Говорили уже, что и соболи-то на Погыче самые добрые — черные...

Не мешкая Стадухин поехал в Якутск, но слух обогнал его. Казалось, не люди, а ветер, шумящий в верхушках деревьев, разносит слухи. Когда в 1646 году Стадухин добрался наконец до Якутского острога, Иван Ерастов собирал здесь экспедицию на далекую Погычу. Уже и воевода одобрил затею, начертав на росписи: «Взять к делу и переписать, всякие снасти готовить, а чево в казне нет, то велеть купить таможенному голове».

С трудом удалось Стадухину перехватить инициативу.

Впрочем, и других конкурентов, желающих обогатиться в неведомых землях, было немало. Летом этого же года из устья Колымы пошли промышленные люди Есейка Мезенец и Семейка Пустозерец «на море гуляти в коче». Отважные мореплаватели дошли до Чаунской губы и попытались наладить меновую торговлю с местными чукчами. С грузом моржовых клыков вернулись они на Колыму.

Погычу промышленники не нашли, но «рыбий зуб», рассказы о необыкновенном обилии его подогревали ажиотаж, охвативший некоторых казаков.

Сказочные богатства мерещились им впереди.

5.

О заветной реке Погыче думал и Семен Дежнев. Поразительно, каким необыкновенно острым было в этом казаке чувство неведомого пространства.

Дежнев знал, что еще в 1639 году казаки вышли на берег Охотского моря. Может

быть, слышал он и сказку Колобова — казака из отряда Москвитина:

«А шли Алданом вниз до Май реки восьмеры суток, а Маею рекою вверх шли по волоку семь недель, а из Май реки малою речкою до прямого волоку в стружках шли шесть ден... И вышли на реку Улью на вершину, да тою Ульею рекою вниз стругом плыли восьмеры сутки и на той же Улье реке, зделав лодью, плыли до моря... пятеры сутки. И тут, на устье реки, поставили зимовье с острожком».

Об Охотском зимовье Дежнев знал.

Еще зимою 1641 года вместе с Андреем Горелым он пытался пробиться туда с Оймякона, но путь преградили ламунские тунгусы, и пришлось возвращаться назад, в отряд Михайлы Стадухина. Кстати, тогда и перебили всех казачьих лошадей пришедшие следом за Дежневым и Горелым тунгусы.

Дежневу не повезло, но три года спустя на Охотское зимовье пробрался казачий голова Василий Поярков. Правда, пришел он в Охотск совсем с другой стороны — с юга. Предваряя будущий поход Ярофея Хабарова, Поярков прошел по Зее и по Амуру и, выйдя в море, по морю добрался до устья Охоты. Соединился здесь с отрядом Ивана Москвитина.

Стремительно и неуклонно, смыкая своими путями пространство, исследовали землепроходцы устройство дальневосточной земли. Белым пятном оставался только северо-восток континента.

Дежнев знал, что река Охота, текущая на восток, впадает в море.

Но и Индигирка, по которой спускались они, тоже впадала в море, только уже на севере, хотя почти рядом с «вершиной» Охоты зарождается ее исток. Не значит ли это, что и вся земля, уходящая гигантским мысом на северо-восток, омывается водою океана?

На Колыме эта догадка подтвердилась слухами о загадочной Погыче, до которой никто пока не мог добраться.

Мезенец и Пустозерец не заметили и признаков этой реки: вдоль крутого, каменистого берега плыли они. Так, может быть, этот берег и есть край того гигантского камня, который служит водоразделом Индигирки и Охоты, Колымы и Погычи? Может быть, с него и сбегает Погыча, только в другую, как и Охота, сторону?

Уверившись в своей догадке, Дежнев подал летом 1647 года челобитную об отпуске его в «новую землицу ис прибыли». Он брал на себя ответственность за экспедицию и обязывался доставить в государеву казну двести восемьдесят пять соболей. Если бы это не удалось ему, казна имела право взыскать с него стоимость обещанной пушнины. Такие случаи бывали, дело доходило даже до описи имущества у казака.

Вместе с Дежневым активное участие в подготовке экспедиции принимал и купец Федот Алексеев Попов-Холмогорец.

Летом 1647 года корабли ушли в плавание. Но «в тое поры был на море лед непроходимый», и кочи вернулись назад.

На следующий год Дежнев и Алексеев уговорились идти снова, но положение неожиданно осложнилось. На должность приказчика острога, который поставит экспедиция, претендовал теперь и Герасим Анкундинов — беспокойный, пронырливый человек. Дежнева спасло то, что в плавании минувшего года, хотя само это плавание и оказалось неудачным, достаточно ярко проявились его организаторские способности, воля и смелость. Промышленники, составлявшие ядро будущей экспедиции, отстояли своего вожака.

12 июня 1647 года от пристани в Нижнеколымске отошло шесть кочей. Подул попутный ветер, наполняя паруса, весело побежали суденышки по студеному морю.

Чуть позже отплыл от пристани и седьмой коч.

Анкундинов все же пустился в плавание на свой страх и риск.

Шли, не останавливаясь, — и днем и ночью.

А и что ж не идти, если дул в паруса попутный ветер, если и ночью было светло и далеко видно вперед.

Ни Дежнев, радовавшийся удачному началу плавания, ни Анкундинов, все еще

злившийся, что упустил инициативу, не знали, да и не могли знать, что совсем скоро неважными станут все эти заботы, которыми жили они в Нижнеколымске. Не ведали они, что перед лицом грозных опасностей примирятся они, но и это их не спасет.

Никто не знал, что только каждому десятому удастся добраться до заветной Погычи, а девяти из каждого десятка суждено упокоиться или в морской пучине, или в глухих снегах.

Не знали, не могли знать этого отважные люди, устремившиеся в неведомое. Не знали они, что такой страшной сказки еще никому дотоле не приходилось складывать. За каждое слово этой сказки предстояло платить своими жизнями.

6.

Погода благоприятствовала плаванию. Впервые в истории казаку Семену Дежневу удалось обогнуть северо-восточный выступ континента и пройти из Северного Ледовитого океана в Тихий, совершить подвиг, который многие десятилетия так никто и не сможет повторить.

Семен Дежнев. Скульптура Б. Бродского

В 1662 году, уже вернувшись в Якутск, Дежнев напишет свою сказку — челобитную на имя царя Алексея Михайловича:

«И я, холоп твой, с ними, торговыми и промышленными людьми, шли морем, на шти кочах, девяносто человек; и прошед Анадырское устье, судом божиим те наши все кочи море разбило, и... людей от того морского разбою на море потонуло и на тундре от иноземцев побитых, а иные голодною смертью померли, итого всех изгибло 64 человека...»

Девяносто шесть человек ушло в плавание, а через Берингов пролив прошло только тридцать два. Дорогою ценой покупались великие географические открытия в XVII веке...

Но смело шли в неведомую даль русские люди, и по вечерам над бескрайним морем, в котором затерялись их утлые суденышки, поднималась кроваво-красная луна. Жутковато было наблюдать, как зловеще меняются ее очертания. Луна то сплющивалась в овал, то становилась похожей на человеческий череп.

Михайло Стадухин, двинувшийся следующим летом вслед за Дежневым, видел горестные следы пути своего сотоварища, которого он и не числил уже в живых.

Невдалеке от корякских юрт штормом разбило два дежневских коча. Измученные моряки с трудом добрались до берега и сразу же вынуждены были вступить в бой с коряками. Лишь немногим из них удалось отбиться. Коряки показали Стадухину место, где пытались перезимовать уцелевшие мореплаватели.

На низком, покрытом галькою берегу темнел сруб.

Пригнувшись, Стадухин с трудом протиснулся внутрь. В полутемном, более похожем на землянку, чем на избу, помещении лежали мертвые люди. Лица их уже покрылись зеленой плесенью.

Коряки рассказали Стадухину и о «камне-утесе», который тянется по берегу так далеко, что никто из людей не знает конца

этому камню. Стадухин подумал и приказал поворачивать кочи назад. Стадухин был практическим человеком, и для него, пусть и привычного к Заполярью морехода, риск дальнейшего плавания показался непомерно большим. Тем же летом Стадухин вернулся в Нижнеколымск.

А Дежнева не остановили первые неудачи.

Отважно продолжал он плавание, каждый день которого стоил казакам все новых и новых жертв. Через Берингов пролив прошло всего три судна. Два дежневских коча и один анкундиновский.

«Тот нос вышел в море гораздо далеко, — запишет многие годы спустя Дежнев. — А живут на нем чукчи добре много. А против того носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных. А лежит тот нос промеж сивер на полуношник, а с русскую сторону носа признана вышла речка, становье тут у чукоч делано, что башни из кости китовой, а нос поворачивает кругом, к Анадырь реке...»

Неприветливо встретил Тихий океан мореплавателей, рискнувших войти в него с северного хода.

Ураган обрушился на суденышки.

Коч Анкундинова выбросило на скалистый берег, и Дежневу с трудом удалось спасти часть команды. Между тем ветер не стихал, и ночью последние два коча потеряли друг друга.

Судьба судна, которое вел Федот Алексеев, не установлена.

Недолго длилось плавание и самого Дежнева.

Ветром прибило судно к Олюторскому полуострову...

Сами того не зная, мореплаватели проскочили обетованную Погычу — реку Анадырь и высадились уже на территории нынешней Камчатской области.

«Я, холоп твои, от тех товарищей своих остался всего двадцатью четырями человеки... А на Анадырь реку доволокся всего двенадцатью человеки».

Эти двенадцать человек и построили Анадырский острожек.

«А река Анадырь не лесна и соболей по ней мало... а иного черного лесу нет никакого, кроме березнику и осиника... от берегов лесу не широко, все тундра да камень... А государевых всяких дел писать не на чом, бумаги писчей нет... Милосердный государь, царь... пожалуй меня, холопа своего, за мое службишко к тебе, великому государю, и за подъемы, и за раны, и за кровь, и за морские разбои, и за всякое нужное терпение своим великого государя, хлебным и денежным жалованием за прошлые годы со 151 и по 170 год (с 1643 по 1662 год. — *Н.К.*) мой заслужной оклад сполна, чтобы мне, холопу твоему, в кабальных долгах на правеже убиту не быть и впредь бы твоей, великого государя, службы не отбыть и в конец не погибнуть! Царь, государь, смилуйся, пожалуй!»

Этим отчаянным: «Царь, государь, смилуйся, пожалуй!» — кончается и другая, и третья, и четвертая челобитная Семена Дежнева.

Обычные, стандартные формулировки, принятые при обращении к царю... Но как сходно с отчаяннейшим вскриком звучат они в дежневских сказках!

Прошедший сквозь бесконечные пространства тайги и тундры, сквозь непроходимые льды северных морей и жестокие штормы Тихого океана, этот отважный землепроходец, искусный мореплаватель и воин, сотни раз заглядывавший в лицо смерти, — этот человек боится погибнуть под кнутами «на правеже»!

Больно сжимается сердце, когда читаешь «скаски» Дежнева.

И сейчас, многие столетия спустя, ощущаешь волнение, которое охватывало его, когда пытался он вложить в немудреные слова свой долгий и трудный путь.

Голос Дежнева сбивается, путаются эпизоды. Не закончив один, Дежнев начинает рассказывать другой, а потом снова возвращается к первому. Мучительно трудно было вместить в слова все, что довелось пережить...

Из посвиста стрел, из завываний вьюги, из духоты изб и чумов складывались его сказки, как, впрочем, и сама русская речь.

Пройдут немногие годы, и младший устюжанин Владимир Атласов, заняв дежневскую должность приказчика Анадырского острога, предпримет свой поход на Камчатку.

Еще несколько десятилетий — и люди уже другой, Петровской эпохи, повторят открытие Дежнева. Самому Дежневу не дано было осознать величие совершенного им подвига, как, впрочем, не задумывались о значении своих подвигов и тысячи других землепроходцев, бесстрашно шедших когда-то впереди него.

Но пройдет столетие, и историк Миллер, участник Второй Камчатской экспедиции, отыщет в архивах Якутской приказной избы дежневские «скаски», и поразятся потомки величию и мужеству духа, явленного в судьбе простого казака...

И молодым офицерам молодого русского флота, командовавшим северными отрядами экспедиции — Семену Челюскину, Никифору Чекину, Дмитрию и Харитону Лаптевым, узнавшим о подвиге Дежнева, удастся совершить свой подвиг.

Дежнев не задумывался о грядущей славе, начиная свою службу приказчика в поставленном им самим остроге. Мертвые вершины Анюйского хребта отделяли его от родины, и по вечерам долго, наверное, смотрел он на них вслед уходящему солнцу... Оттуда, с родины, ждал Дежнев подмоги и избавления, твердо веря, что и сюда, на край земли, придут русские люди.

7.

В 1662 году Дежнев первый раз едет в Москву.

Знаменательно совпадение.

В этот же год возвращается в Москву из сибирской ссылки мятежный протопоп Аввакум. Шесть лет назад вместе с отрядом воеводы Афанасия Филипповича Пашкова его отправили в Даурскую землю, присоединенную к России походом Ярофея Хабарова. Самого Хабарова незадолго до этого, закованного в железо, увезли в Москву, где, впрочем, он был помилован и даже пожалован чином сына боярского.

Богдан Хмельницкий, протопоп Аввакум, Степан Разин, Семен Дежнев...

Казалось бы, и нет в этих четырех судьбах ничего общего, кроме того, что жили эти люди в одно время, кроме того, что поднимались они все из самой народной гущи, поднимались, чтобы навеки остаться в истории государства.

Различны и круг интересов их, и цели, достижению которых отдали они свои жизни.

Человек, воссоединивший Украину с Россией, — и один из крупнейших деятелей раскола; казачий атаман, потрясший с неведомой доселе силой основы государства, — и землепроходец, вышедший на северо-восточный рубеж державы...

Эти люди столь различны по своим убеждениям и деяниям, что просто не соединяются в сознании. Но вместе с тем каждый из них — живое свидетельство неисчерпаемости сил народа. Воистину велик народ, который был способен рождать таких исполинов!

Аввакум на год раньше Дежнева добрался до Москвы. Дежнева задерживали, тщательно и придирчиво проверяя, цела ли казна, которую он вез в столицу. Только в 1665 году он приехал в Москву.

Приветливо встретили Дежнева в столице. Челобитные его были удовлетворены. За девятнадцать лет службы Дежнев сполна получил все свое жалованье: сто двадцать восемь рублей, один алтын, четыре деньги.

Сумма показалась дьякам Сибирского приказа настолько значительной, что они не решились выплатить ее без разрешения царя и боярского приговора. Царь Алексей Михайлович разрешил выплату.

Треть суммы Дежнев получил деньгами, а две трети — сукном.

24 января он стал обладателем семидесяти метров сукна и тридцати восьми рублей денег. Получалось, что в год он зарабатывал по два рубля да по три с половиной метра сукна. Не слишком-то дорого обошлось казне приобретение «восточного

угла» державы. Особенно если вспомнить, что стоимость моржовой кости, собранной Дежневым на Анадыре и привезенной им в Москву, была оценена в семнадцать тысяч рублей.

Еще поверстали Семена Ивановича Дежнева за двадцатипятилетнюю службу, «за кровь, за раны, за ясачную прибыль» в чин казачьего атамана.

И еще раз ездил в Москву Семен Иванович...

Бушевала тогда на юге страны крестьянская война Степана Разина. Дежнев плыл по сибирским рекам, а в это время по Волге поднимались войска Степана Разина, и колокольным звоном, хлебом и солью встречали повстанцев Саратов и Самара.

Когда Семен Дежнев, с немалым — он вез соболиную казну — бережением перевалил через Камень, повстанцев разгромили и в июне 1671 года казнили в Москве Степана Разина. Жестоко расправились и с другими участниками восстания.

Плыли, покачиваясь на речной воде, плоты с виселицами. Черными стаями кружилось над плотами воронье.

Горькой и, может быть, самой трудной была эта последняя дорога якутского казака Семена Дежнева.

В конце 1671 года Дежнев сдал в Сибирский приказ «соболиную» казну и сразу заболел.

Здесь, в Москве, он и умер. Было ему тогда, в 1672 году, около шестидесяти лет.

В этот год родился Петр Первый...

Глава вторая
«УРЯДНИК СОКОЛЬНИЧЬЕГО ПУТИ»

День был переполнен солнцем и высоким небом, в бесконечную глубину которого медленными кругами уходила соколиная охота. Вот в малую точку превратилась птица, застыла там на недосягаемой вышине. И, казалось, напрягается, будто тетива, небесная синь, дрожит, и вот стрелою, пущенною с неба, устремился кречет на добычу, ударился сверху, но добивать не стал, снова пошел ввысь, натягивая небесную тетиву, застыл и снова — стрелою вниз.

Вот она, красная соколиная охота царская!

Утки падали сразу, сраженные страшными ударами, а с лебедями и гусями завязывались у соколов отчаянные единоборства. Не давая соколу ударить сверху, уходили птицы в высоту, исчезали из глаз охотников. Но стремительней их ввинчивался в небесную высь сокол и снова зависал над жертвой, как стрела в натянутой тетиве небесного лука, падал на птицу, неся неминучую смерть. С бессильно обвисшими крыльями валился из поднебесья лебедь, а сокол, перегнав задержавшуюся в небе добычу, опускался на рукавицу сокольничего, марая ее стекающей с когтей лебединой кровью, и замирал так, глядя на падающего к ногам царского коня лебедя. Круглые глаза были у сокола, неподвижно-черные.

Утешала эта полевая потеха душу государя. Веселила его сердце сия птичья добыча, высокий соколиный лет. И возвращаясь во дворец, глядя на сияющие в лучах вечернего солнца купола московских церквей, ощущал государь соколиную легкость и силу в своем теле. Молод и уверен в себе был Алексей Михайлович — первый рожденный царем государь из дома Романовых, великие дела предстояло совершить, и любовью и радостью была переполнена душа...

1.

Соколиная охота — это не просто развлечение молодого царя Алексея Михайловича, это образ его мысли, его мироощущения.

«Государь, царь и великий князь, Алексей Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал быть новому сему образцу и чину для чести и повышения его государевы красныя и славныя птичьи охоты, сокольничья чину. И по его государеву указу никакой бы вещи без благочиния и без устроения уряженого и удивительного не было, и чтоб всякой вещи честь, и чин, и образец писанием предложен был. Потому, хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна — никто же зазрит, никто же похулит, всякой похвалит, всякой прославит и удивится, что и малой вещи честь, и чин, и образец положен по мере. А честь и чин и образец всякой вещи большой и малой учинен потому: честь укрепляет и возвышает ум, чин управляет и утверждает крепость. Урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление, стройство же предлагает дело. Без чести же малится и не славится ум без чину же всякая вещь не утвердится и не укрепится, бесстройство же теряет, дело и воставляет безделье. Всякий же, читателю, почитай, и разумевай, и узнавай, а нас слагателя похваляй, а не осуждай».

Это наставление взято нами из «Книги, глаголемой урядник, новое уложение и устроение чину Сокольничьего пути», составленной при непосредственном участии самого Алексея Михайловича.

«Что всякой вещи потреба? — рассуждает государь. — Мерение, подобие образцу, составление, укрепление; потом в ней или около ее благочиние, устроение, уряжение. Всякая же вещъ без добрыя меры и иных вышеписанных вещей безделъна суть и не может составиться и укрепится. Паче же почитайте сию книгу, красныя и славныя птичьи охоты, прилежныя и премудрыя охотники, да многие вещи добрые и разумныя узрите и разумъете. Аще с разумом прочтете, найдете всякого утешного добра; аще же ни, наследите всякого неутешного зла».

И разве только об устройстве соколиной охоты мысли юного царя?

Мерение, подобие образцу, составление, укрепление — это программа его государственной деятельности, это то, в чем более всего нуждалась его составляемая из молитв и *сказок* держава.

2.

Если непредвзято посмотреть на жизнь Руси в XVI—XVII веках, мы обнаружим, что наряду с государственным строительством, ратными заботами, производительным трудом, как самостоятельная — организующая все и определяющая сила присутствует в этой жизни и святость.

Святость на Руси была тогда явлением обычным. Святого не трудно было встретить на русских дорогах, на улицах русских городов. Святые совершали молитвенные подвиги и юродствовали, обличая и сильных мира сего, если отступали они от православной морали. Святые возводили монастыри и писали книги, формируя, как сказали бы сейчас, национальную доктрину России...

Мысль Аристотеля, что первое дело государства есть забота о религии, реализовывалась в русской общественной мысли семнадцатого века не на уровне осознания полезности церкви, а — на уверенности в невозможности неправославного устроения Руси.

Святые были тогда везде, святость пронизывала и организовывала русскую жизнь, помогая преодолевать самые немыслимые трудности, освещая жизнь, какой бы беспросветной она не казалась. Святые приходили на помощь в самых различных обстоятельствах жизни, без участия святых и не мыслилась эта жизнь.

Из этой Святой Руси произрастал и царь Алексей Михайлович.

Уже само его рождение связано с молитвами святого...

Семейная жизнь отца Алексея Михайловича, царя Михаила Федоровича, вследствие интриг Салтыковых, о которых мы рассказывали, оказалась не очень-то счастливой. Первый брак с Долгорукой длился всего несколько месяцев. Второй раз Михаил Федорович женился только на двадцать девятом году, и от этого брака тоже долго не было наследника.

Вот тогда и был призван в Москву святой Елеазар Анзерский, чтобы помолился он о даровании наследника, и не отпускали святого из Москвы, пока не родился Алексей Михайлович.

Произошло это долгожданное событие в 1629 году.

Всея Руси самодержец родился, когда еще не оправилась толком после Смуты страна, когда молодой династии Романовых не исполнилось и шестнадцати лет.

Шестнадцать лет было и самому Алексею Михайловичу, когда во время молитвы умер его отец и когда Земский собор избрал Алексея Михайловича на престол.

Рожденный по молитвам святого, под присмотром святых и находился этот русский царь.

Однажды на охоте в звенигородском лесу насел на государя медведь. Тогда Алексей Михайлович и с жизнью уже прощался, ибо, думая вытащить нож, только пустые ножны ухватил.

Царь Алексей Михайлович.
Портрет из «Титулярника». 1672 г.

Слава Богу, святой Савва Сторожевский явился. Уложил топором зверя...

Тогда Алексей Михайлович не знал, кто его спаситель. Исчез тот, пока выбирался государь из-под мертвого зверя. И только 19 января 1652 года, когда обретены были мощи преподобного, почившего больше двух веков назад, взглянул Алексей Михайлович на его образ и сразу признал своего спасителя...

Он, святой Савва, в лесу к нему на помощь являлся...

И ведь все, все Господь вымоленному святым Елеазаром Анзерским царю дал. И здоровье, и силу, и сердце доброе, и разум, знающий меру всякому удовольствию.

Уже в молодые годы знал Алексей Михайлович, что «всякая вещь без меры бездельна суть и не может составиться и укрепиться...».

Вот бы и утешать свое сердце соколиною потехой, забавляться веселием радостным, выезжая в поле нелениво и бесскучно, чтобы не забывали соколы премудрую и красную свою добычу!

3.

В шестнадцать лет державою ли править?

В боярской ли думе председательствовать, внимая скучным речам? В бумагах ли пыльных копаться, когда молодое тело на вольный простор тянется?

И винить ли себя молодому государю, что легко и доверчиво переложил он все многотрудные обязанности царские на плечи дядьки своего, Бориса Ивановича Морозова?

Все как бы само собою совершалось.

Держава росла, прибывая великими соболиными реками.

Иконы чудотворные являлись повсюду.

Заводы строились.

Армия крепла — как раз в 1647 году, когда женился государь на Марии Ильиничне Милославской, новый Устав ввели в армии — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей».

Ну а главное — на глазах слабел страшный враг России — Польша...

Весною 1648 года началось восстание под предводительством Богдана Хмельницкого, и уже 16 мая в урочище Горохова Дуброва близ Корсуня повстанцы разгромили польско-шляхетскую армию коронного гетмана Николая Потоцкого и польского гетмана Мартына Калиновского.

И семейная жизнь, хоть и началась она, вроде как и у отца, с отставки невесты, упавшей в обморок на смотринах, складывалась удачно, потому как любимый наставник Борис Иванович Морозов другую невесту подыскал — Марию Ильиничну Милославскую. А себе в жены ее сестру взял.

И вот когда так хорошо, так складно все устраивалось, когда первые месяцы только и потешился с молодой женой восемнадцатилетний царь, государевы заботы крепкою мужицкой рукою схватили под уздцы его коня, требуя выдать на расправу ближних слуг.

И выдал их царь Алексей Михайлович.

И судью Земского приказа Леонтия Плещеева, и думного дьяка Назария Чистого, и окольничего Петра Траханиотова. Только свояка Бориса Ивановича Морозова и удалось отстоять, да и то спрятав в Кириллове монастыре.

И произошло это первое в правление Романовых восстание как раз в тот год, когда совершил свое знаменитое плавание Семен Дежнев, в тот год, когда совершил Ярофей Хабаров свой поход в Приамурье.

Все понимал Алексей Михайлович.

Понимал, что подвел, подвел его любимый наставник. Как с цепи сорвался — такая обуяла жадность. Соляным налогом всю страну обложил так, что и вздохнуть нельзя стало.

Удалить его от дел на время пришлось.

Хотя и не лежало молодое сердце к скучному бумажному делу, а надо было воедино свести законы, чтобы больше плещеевских беззаконий не случалось в Московском государстве, чтобы каждый подданный — от последнего стрельца до ближайшего боярина — меру своей власти знал.

Уже 16 июля 1648 года, сразу после пожара, в огне которого и Петровка, и Дмитровка, и Тверская, и Никитская, и Арбат начисто выгорели, советовался молодой государь с патриархом Иосифом, со всем Священным собором, с боярами, окольничими и думными дьяками, что надо бы прежних великих государей указы и боярские приговоры на всякие государственные и земские дела вместе собрать и, сообразуясь с правилами Святых апостолов и Святых

Э.Э. Лисснер. Восстание у стен Кремля 3 июля 1648 г.

отцов, а также с законами греческих царей, свести воедино в Соборное уложение, дабы Московского государства всяких чинов людям, от большого до самого малого, суд и расправа во всяких делах одинаковы были...

Под присмотром князя Никиты Ивановича Одоевского составили Уложения и утвердили на Соборе 1649 года. А в ноябре того же года пришло в Москву посольство от Богдана Хмельницкого, начались переговоры о воссоединении Украины с Россией.

Трудно Алексею Михайловичу в царскую лямку впрягаться было, но и всей стране нелегко приходилось.

Шумел восстаниями Новгород и Псков, изнемогали в неравной борьбе с польскими панами единокровные православные на Украине — вторая война Богдана Хмельницкого в 1651 году началась.

Зимними вечерами любил молодой государь послушать сказки, которые верховые нищие, в царском дворце жившие, рассказывали. Немало говорили странники Божии и о Польше. Поговаривали, будто в Варшаве на кладбище, где преступников казнят, у одного покойника полилась кровь из уха, а другой мертвец высунул из могилы руку, пророча большие беды для Польши.

В феврале 1651 года снова Земский собор собирали, думали, как с Польшей быть, начинать войну или нет. Решили ждать, еще маленько сил подкопить, пищалей побольше да пороха в Голландии закупить.

С Варшавой, однако, смелее говорить стали, потребовали у польского короля, чтобы всех, кто неправильно титул российского государя пишет и пропуски в нем допускает, покарал он лютой смертью.

Титул у Алексея Михайловича длинный был, на одном листе целиком не уместится — небось, и в Москве не каждый грамотей мог его правильно написать, но от польского короля строго потребовали, чтобы без ошибок писали. Через два года, 1 октября 1653 года, Земский собор, принимая решение о войне с Польшей, вспомнит о пропусках. Пропуски эти в титуле и объявят официально причиной войны.

«Мы, великий государь, — объявил тогда в Успенском соборе Алексей Михайлович, — положа упование на Бога и на Пресвятую Богородицу и на московских чудотворцев, посоветовавшись с отцом своим, с великим государем, святейшим Никоном патриархом, со всем освященным собором и с вами, боярами, окольничими и думными людьми, приговорили и изволили идти на недруга своего польского короля».

4.

Сколько великих князей, сколько царей русских ждали этого дня? Четыре столетия назад заполыхала в огне татарского нашествия древняя Киевская Русь... И сколько еще было нашествий, междоусобиц и смут на Руси — сосчитать невозможно. В огне пожарищ, среди дымящейся крови, текущей по российским полям, кто вспоминал, кто думал о древней матери русских городов — Киеве? Оказывается, помнили. Оказывается, жила четыре столетия подряд эта боль в русских людях — и в князьях, и в простых пахарях...

И вот пришел великий день.

Несколько лет шли переговоры, несколько лет думали полковники и есаулы Богдана Хмельницкого, несколько лет думали бояре и дьяки в Москве, и наконец решилось — 8 января 1654 года с раннего утра забили барабаны в Переяславле, собирая народ на великий круг на рыночную площадь.

И вошел в круг широкоплечий Богдан Хмельницкий, а с ним судьи, есаулы, писарь и все полковники казацкие, и, дождавшись, когда наступит тишина, начал читать гетман:

«Паны полковники, есаулы, сотники, все Войско Запорожское и все православные христиане! Ведомо вам всем, как Бог освободил нас из рук врагов, гонящих церковь Божию и озлобляющих все христианство нашего восточного православия. Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с

гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь Божию, дабы имя русское не помянулось в земле нашей. Это уже очень нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам больше жить без царя. Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтобы вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите.

Первый — царь турецкий, который много раз через послов своих призывал нас под свою власть.

Второй — хан крымский.

Третий — король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может.

Четвертый — православный Великой России государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными моленьями нашими себе просим. Того, которого хотите, выбирайте!

Царь турецкий — басурман. Всем вам известно, как братья наши, православные христиане, греки, беду терпят и в каком живут от безбожных утеснений. Крымский хан — тоже басурман, которого мы, по нужде в дружбу принявши, нестерпимые беды испытали! Об утеснениях от польских панов нечего и говорить: сами знаете, что жида и пса лучше, нежели брата нашего, паны почитали. А православный христианский великий государь, царь восточный, единого с нами благочестия, греческого закона, единого исповедания — едино мы тело церковное с православием Великой России, главу имея Иисуса Христа.

Этот великий государь, царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением Православной Церкви в нашей Малой России, шестилетних наших молений беспрестанных не презревши, теперь милостивое свое сердце к нам склонивши, своих великих людей к нам с царскою милостию своею прислать изволил...».

Заканчивая свою речь, обвел гетман своими черными, чуть раскосыми глазами собравшихся. Великое множество людей слушало его. Не только рыночная площадь была народом забита, но и ближние улицы. Везде, куда ни взгляни, народ. От толпищи снега не видно белого, словно и зимы не стало.

И сказал, возвышая голос, Богдан Хмельницкий:

— Если же кто с нами не согласен, то куда хочет иди — вольная дорога!

Мгновение, другое длилось молчание. Черная разлилась тишина... Щипал уши морозец. И вот, словно белым облаком, окуталась в едином выходе человечья масса...

— Волим под царя восточного, православного! Лучше в своей вере умереть, нежели ненавистникам Христовым достаться!

Отлетело в высоту облако белое. Истаяло в голубизне неба. И тихо стало. Так тихо, что слышно было, как скрипит снег под ногами переяславского полковника Тетери, идущего по кругу.

— Все ли так соизволяете? — спрашивал он.

— Все! Единодушно! — кричали в ответ. И снова, сбив иней с усов, заговорил гетман Хмельницкий.

— Будь так! — сказал он. — Да укрепит нас Господь Бог под крепкой рукою царскою!

И перекрестился.

И снова взмыло над толпой белое облако дыхания:

— Боже, утверди! Боже, укрепи! Чтоб вовеки едины мы были!

В тот же день в Успенской церкви, чтобы с землями и городами под высокой рукой государевой неотступно навеки быть, присягнули гетман и старшина.

На следующий день присягали сотники, есаулы, писари, казаки и мещане.

Присягали в Переяславле, присягали в Киеве. Вся Украина присягала великому государю Алексею Михайловичу — одно только духовенство украинское, православное, долго не желало принести присягу...

Цветастые речи произносил, обращаясь к царскому послу, Василию Васильевичу Бутурлину, киевский митрополит Сильвестр Коссов.

Дескать, целует вас в лице моем благочестивый Владимир, великий святой рус-

ский; целует вас святой апостол Андрей Первозванный, провозвестивый, что просияет здесь слава Божия; целуют преподобные Антоний и Феодосий Печерские и все преподобные, лета и живот свой о Христе в сих пещерах изнурявшие.

Никого из праведников Божиих, в Киевской Руси просиявших, не позабыл митрополит, от всех расцеловал царского посла, но о присяге говорить не захотел.

— Неужто, боярин, сам гетман государю присягнул? — дивился он. — Неужто все Войско Запорожское присягу принесло?! Слава Богу, коли так. Молиться буду за государево многолетие, за здоровье царицы и благоверных царевен. Храни, Господи, всю семью государеву.

— Надо бы, владыко, и Софийскому дому присягу принести! — настойчиво повторил Бутурлин.

— Пошто? — удивился Сильвестр Коссов. — Шляхта, слуги и дворовые люди у меня по найму работают. Не годится мне к присяге их посылать. И духовенству, боярин, тоже погодить надо с присягой. Что на Сейме скажут, коли присягнем?

Странно было Василию Васильевичу Бутурлину такие речи слушать. Хмельницкий присягнул, войско, народ... Одни только пастыри православной церкви, ради освобождения которой и затеивалась война, медлили.

Осторожно подбирая слова, прямо сказал это Василий Васильевич. Дескать, как государю-то всея Великой Руси доложить об этом?

Опустил глаза митрополит Сильвестр Коссов.

Сам он еще не разобрался, почему не лежит у него сердце к затеянному Богданом Хмельницким делу. Сам себе не мог признаться Сильвестр, что у него, православного душою, болит сердце урожденного шляхтича о польском государстве. Польша и на дух православия не переносила, но родной была...

Не мог сказать об этом Сильвестр Бутурлину. Не мог и признаться, что он сам пуще басурман России опасается.

— Погоди писать, боярин... — сказал вслух. — Сам понимаешь, что многие церкви наши остались на землях, которые сейчас под властью короны находятся. Что с теми священниками будет, если мы присягу принесем. Дай подумать.

Несколько дней ждал Бутурлин ответа. Так и не дождался. Тогда сам начал искать встречи. Но уклонился от встречи Сильвестр.

Доносили Бутурлину, что зашевелились иезуиты киевские. Недоумевал Бутурлин: чего еще митрополит затеял?

Впрочем, тогда недосуг было думать об этом, пора было выступать в поход на войну...

5.

Не в раз начинаются большие дела, а уж коли начались, если и захочешь — не остановишь...

Вскоре после Переяславской Рады двинулись войска.

27 февраля послали в Вязьму боярина Долматова-Карпова.

26 марта ушел в Брянск князь Алексей Никитич Трубецкой.

Гибелью всей армии завершился такой поход на Смоленск при отце Алексея Михайловича — царе Михаиле. Какой исход у нынешней войны будет? Даст Бог победу или снова побитыми сидеть, раны зализывая?

Победа силу стране дает, а поражение — слабость. Можно и новую армию потом собрать, а слабость все равно останется. Растечется по всем городам и весям, не дай Бог, снова породит смуту...

Торжественно провожали войска.

С поднятыми знаменами, сверкая оружием на морозном солнце, под бой барабанов шли через Кремль полки. Мимо дворца шли, под переходы в Чудов монастырь, на которых сидели царь и патриарх. Святой водой кропил Никон проходящих ратников.

Великая сила собиралась в поход. Шли дворяне и дети боярские, потребованные к службе. Гарцевали на конях казаки, шли регулярные стрелецкие полки, шла регулярная — рейтары и драгуны — конница.

Когда же пятнадцатого мая выступил в поход по Смоленской дороге и сам государь с войском, сразу опустела Москва...

Византийским орлом, расправившим могучие крылья, воспарила в поднебесье истории держава Алексея Михайловича.

Еще когда двигалось царское войско к Смоленску, получено было известие о взятии Дорогобужа.

11 июня 1654 года взяли Невель.
14 июня — Белую.
29 июня — Полоцк.
20 июля — Мстиславль.
24 июля — Дисну и Друю.
2 августа — Оршу.
9 августа — Глубокое.
20 августа — Озерище и Гомель.
24 августа — Могилев.
29 августа — Чечерск, Новый Быхов и Пропойск.
1 сентября — Усвяты.
4 сентября — Шклов...

А 23 сентября 1654 года взят был и Смоленск, город, за который всю жизнь бился отец Алексея Михайловича — царь Михаил Федорович.

Стоял ясный и холодный день. Ночной заморозок подсушил дорогу, по которой выходили из города сдавшиеся литовские воеводы. Проходя мимо государя всея Руси, они складывали перед ним свои древние, кичливые знамена.

Высоким было небо. Далеко курлыкали вверху, выстраиваясь в клин, журавли. Догорали в осеннем пожаре леса. Конь под Алексеем Михайловичем переступал с ноги на ногу, готовый сорваться, лететь вперед к новым победам.

Все сомнения первых недель войны остались позади. Повеселели воеводы и ратники, почувствовав силу, которую дает победа. И еще появилась уверенность, что старинные русские города берутся теперь Россией навсегда...

6.

В конце октября Алексей Михайлович выехал из Смоленска в Вязьму. Здесь он остановился. Дальше дороги ему не было. Дальше царствовала сейчас на Руси черная смерть...

Страшную картину царевы посланцы на Москве увидели.

В Успенском соборе один священник остался, да один дьякон, в Благовещенском — один священник только, а в Архангельском — и вообще никого... Царский дворец стоял снегом засыпанный, едва и пробрели посланцы по двору. Дворовых всего пятнадцать человек уцелело. В Чудовом монастыре сто восемьдесят два монаха померло, в Воскресенском — девяносто монахинь... У Бориса Ивановича Морозова на дворе триста сорок три человека умерло, у Алексея Никитича Трубецкого — двести семьдесят, у Якова Куденетовича Черкасского — четыреста двадцать три, у Никиты Ивановича Романова — триста пятьдесят два. А у Стрешнева из всей дворни один мальчик остался... То же в черных сотнях и слободах было. Из каждых десяти человек где один, где два в живых остались.

Подобные моровые поветрия не редкость для того времени.

И на Руси бушевали эпидемии, опустошая деревни, села и города, и в других странах...

Но сейчас подобным злобной дьявольской усмешке было это стечение обстоятельств. Отвоевав многие города, лишился государь своей столицы.

Темнело в глазах от гнева, сжимались в ярости кулаки.

До января жил государь в Вязьме...

Негодованием кипел Алексей Михайлович, когда слушал разговоры Никона о затеянной им церковной реформе.

А Никон свое твердил.

Дескать, переустройство церковное скорее надо вести, быстрее надо искоренить новшества, невежеством русским порожденные. Если привели бы обряды в соответствие с греческой церковью, может, и не упирался бы тогда киевский митрополит Сильвестр. Кому же хочется от истинной веры в блудню невежества уходить?

— Я, государь, разыскал тут саккос митрополита Фотия... — рассказывал Ни-

кон. — Символ веры там вышит... И что же, государь? Грамотеи наши даже его толком перевести не сумели. Слово «Господь» у древних греков было и существительным, и прилагательным. Но всякий раз отдельно употреблялось. А наши грамотеи его два раза перевели. Вот и получилось, что вместо «Духа Святаго, Господа Животворящаго» мы говорим с тех пор: «В Духа Святаго Господа Истиннаго, Животворящаго...» Нешто Господь не истинным может быть?

Не все сумел повторить Никон, что ему нанятые им справщики толковали, путался патриарх в тонкостях грамматики... Когда забывал что-то, то для убедительности посохом своим с яблоками об пол постукивал. Тогда панагии на груди патриарха покачивались, сверкали диаманты.

Но государь слушал рассеянно. Кивал речам патриарха, сам же о другом думал.

У его отца, царя Михаила Федоровича, советчиком был отец, патриарх Филарет.

А у него, сироты, только друзья в советчиках. Борис Морозов подсказывал, пока не обожгло его соляным бунтом. Теперь вот Никон, друг собинный...

Для этого и патриархом его сделал, для этого и нарек, как царь Михаил Филарета, титулом великого государя.

Что из того, что Филарет Михаилу родным отцом был. Алексею Михайловичу Никон вроде духовного брата приходится.

Святой Елеазар Анзерский его, Алексея Михайловича, вымолил у Бога, а Никона святой Елеазар в своем скиту на Анзерском острове в монашество постригал...

7.

1655—1658 годы — переломные не только в правлении царя Алексея Михайловича, но и всей России...

Это годы последних крупных военных успехов царя Алексея Михайловича.

В 1655 году, когда шведский король Карл X начал войну с Польшей и взял Варшаву, а затем и Краков, Алексею Михайловичу удалось овладеть Минском, Вильно, Ковно, Гродно, Люблином.

Патриарх Никон. Гравюра XIX в.

К сожалению, начавшаяся сразу после сокрушения Польши война со Швецией протекала гораздо менее успешно. В 1656 году взяли Дерпт и множество других городов, но Ригу, осаду которой вели долго и трудно, взять так и не удалось.

Неудачей обернулась и попытка введения медной монеты с принудительным курсом. Медный бунт заставил отказаться от столь заманчивой финансовой реформы. Из-за полного истощения казны пришлось прекратить и войну со Швецией.

Смерть Богдана Хмельницкого в 1657 году едва не привела к потере всей Украины, и только неимоверными усилиями удалось удержать левобережье Днепра и Киев.

Забегая вперед, скажем, что царю Алексею Михайловичу после столь блистательно проведенной кампании 1654—1655 годов в результате пришлось заключить в 1661 году Кардисский мир со Швецией, чтобы ценою уступок всех приобретений в Прибалтике купить обязательство шведов не поддерживать Польшу. И только потом уже, в 1667 году, удалось заключить Андрусовское перемирие с Польшей на 13 с половиной лет. Правобережье Днепра осталось под властью Польши, левобережье перешло к России. Россия удержала Смоленск и Киев.

В эти годы произошел явный перелом в войне.

Случайно (или не случайно?), но этот перелом совпал с трагедией Русской Церкви — церковным расколом, который вызвали проведенные патриархом Никоном в 1654—1656 годах церковные соборы.

И как тут не припомнить еще об одном, вроде и не значительном для истории государства событии — кончине в 1656 году преподобного Елеазара Анзерского, молитвам которого и обязан был Алексей Михайлович своим рождением.

Только уже под осажденной Ригой и пришла к Алексею Михайловичу запоздавшая на полгода весть о кончине святого Елеазара.

Еще узнал тогда Алексей Михайлович, что, оказывается, его «собинного» друга Никона прогнал святой Елеазар со своего острова, когда тот постриг принял...

— Уйди, говорил Никон, Христа ради. Видеть тебя не могу! — рассказывали Алексею Михайловичу.

Задумался царь Алексей Михайлович.

Неизвестно, поверил ли он наговорам, но отношения его с «собинным» другом с той поры начали портиться, пока в 1658 году не произошел окончательный разрыв.

Впрочем, что ж...

У Алексея Михайловича все было расписано, все определено...

«И будет по сему нашему государеву указу вся сия исправиши с радостию, и ты от нас, великого государя, наипаче пожалован будеши, — писал он в составленном им «Уряднике сокольничьего пути». — А будет учнешь быть не охоч и нерадетелен и во всяком нашем государеве деле непослушлив, ленив, пьян, дурен, безобразен и к подсокольничему и к своей братье, к начальным сокольникам непокорен, злословен, злоязычен, клеветлив, нанослив, переговорьчив и всякого дурна исполнен — и тебе не токмо связану быть путы железными или потписану за третью вину, безо всякие милостивые пощады быть сослану на Лену. И буде хочешь добра найти или зла, смотри на рукавицу, и там всякого явного добра и зла насмотрися, и радоватися начнешь, и усумневатися станешь. И тебе бы, видя нашу государеву милость к себе, нам великому государю работать безо всякого збойства и лукавства, а милость наша государева с тобою да умножитца.

А как верховой подъячей писмо прочтет, и новопожалованной начальной, выслушав речи, поклонитца государю до земли, и верховой подъячей соколенного пути, Василей Ботвиньев, поднесет новопожалованному Урядник — по чему ему государю речь говорить. И новопожалованный 5-й начальный, Иван Гаврилов, сын Ярышкин, учнет противу той речи государю свою речь говорить: "Готов тебе, великому государю, служить верою и правдою, и обещаюся во всякой правде постоянну и однослову быть

и тебя, великого государя, тешить, ездить, радеть и ходить со тщанием за твоею государевою охотою до кончины живота своего, кроме всякие хитрости. И исправя речь, государю поклоняетца дважды до земли.

А как челом ударит новопожалованный начальный государю, после речи своей по чину, и подьячей верховой, Василей Ботвиньев, то писмо, свертев на нем, положит в бархат и застегнет и, застегнув то писмо, станет подьячей на прежнем своем месте. А потсокольничей докладывает паки государя о совершении дела и молыт: «"Врели горь сотьло?" И государь молыт: "Сшай дар..."»

Не зря о Алексее Михайловиче полоцкий монах Симеон писал в своих виршах:

Витаем ти православный парю
праведное солнце,
Здавна бо век прогнули тебе
души наши и сердце.
Витаем ти царю от востока
к нам пришедшаго,
Белорусский же от нужды народ
весь свобождшаго.
Радуйся церкви наша святая и восточная,
Яже испущает словеса, всем медоточная.
Ибо ты первое духом святым начася здати,
Предь Алексея Михайловича
днесь расширяти.
Не бойся земли российская и
не устрашайся,
Дедич с востока пришел
ему низко поклоняйся.

Алексею Михайловичу вирши понравились. Велел он Симеону в Москву ехать. В Москве ему нужны были такие умные иноки. Святых своих хватало, а вот язык латинский мало кто знал...

Глава третья

РАСКОЛ

Вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» считаются сугубо русскими, ибо только у нас задают их с такой настойчивой требовательностью немедленного ответа.

И только в России если и получают ответ, то обязательно губительный и для тех, кто дает его, и для тех, кто его получает.

Впрочем, иначе и быть не могло.

Само по себе выяснение виновности и поиск выхода бессмыслен, пока не найден ответ на вопрос: *что* случилось, *что* все-таки произошло с нашей страной, *из-за чего* год за годом, поколение за поколением продолжают у нас задавать эти *русские вопросы* и не могут найти ответа на них...

1.

Что произошло в начале второй половины семнадцатого века в России, трудно понять и сейчас...

Ничтожны были причины событий, вошедших в историю под названием церковного раскола и приведших страну, быть может, к самой грандиозной национальной катастрофе.

Как мы знаем, наиболее яростные споры развернулись тогда вокруг сложения пальцев при крестном знамении, которое никакого догматического значения не имело и, следовательно, не могло служить поводом для церковных проклятий.

Триста лет спустя эту простую и очевидную мысль подтвердит Поместный Собор Русской православной церкви 1971 года, признавший старые русские обряды «равночестными» новым обрядам, а заодно отвергнувший и вменивший, "яко не бывшие", нарицательные выражения, относящиеся к старым обрядам, и в особенности к двуперстию...

Что же произошло тогда, *отчего* помутилось сознание участников тех событий до такой степени, что одни были готовы сжигать других, а эти другие с ликованием и радостью всходили на разложенные костры?

Митрополит Макарий говорит, что катализатором спешного проведения исправлений в церковных книгах стало известие Арсения Суханова о событиях, случившихся на Афоне. Там якобы монахи всех греческих монастырей, собравшись воедино, соборно признали двуперстие ересью, сожгли московские книги, в которых напечатано о нем, как книги еретические, и хотели сжечь самого старца, у которого нашли те книги.

«Все это еще более должно было встревожить царя и церковные власти в Москве и показать им, до чего могут довести те обрядовые разности, которые находили у нас греки и прямо называли новшествами...» — сказано в «Истории Русской Церкви».

Отметим, что тогда никакого подтверждения известие Арсения Суханова не имело, не удалось сыскать подтверждения ему и столетия спустя...

Учитывая то доверие, которым пользовался Арсений Суханов у Никона, можно предположить, что, передавая этот слух, он если и не исполнял заказ своего патрона, то по крайней мере отвечал на ожидание его.

Как бы то ни было, но признание ересью того или иного сложения пальцев само по себе свидетельствует только об убогости духовного опыта самочинных судей, и поэтому к осуждению — если это осуждение имело место! — надобно было отнестись с мудрым безразличием.

«Телесное делание, внешняя молитва есть не более как лист... — было сказано в «Уставе скитском» Нила Сорского, — внутреннее же, умная молитва, есть плод...»

В середине семнадцатого века эти слова великого русского святого невозможно было спрятать в книгохранилище, они гуляли по русским монастырям, по всей православной Руси.

«Во ино ж время мало приимшу мне сна лежаще на ложи моем, имуще во устах молитву, и обретохся на некоем месте при горе, недалече от церкви к восточной стороне с полпоприща, — рассказывал преподобный Елеазар Анзерский в своих записках об основании Троицкого скита на Анзерском острове. — И видех умныма очима чудное видение: седяще на престоле Господа Бога ветхи денми, яко же описуют иконописцы, с ним же видяще на престоле Сына Божия, на третием престоле Святаго Духа в голубине образе. Чюднаго же зрака их и сияния невозможно списати. Пред ними же стояще аггелы, имуще на себе одежду белу, яко снег, держаще в руку своею кадило, и нача кадити, яко же священники обычай имат по чину по трижды. И нача кадити прежде Отца и Бога, глаголюще тако "Слава Отцу и Сыну и святому Духу", и поклоняшеся до земли. Прииде же к Сыну Божию, нача кадить, глаголюще сице: "Славословлю тя, Сына, со Отцем и Духом Святым", и поклоняшеся. Прииде же ко святому Духу кадить, глаголюще: "Прославляю тя, святаго Духа, со Отцем и Сыном". Аз же грешный приложих к сим словесем: "Троица святая, спаси души наша ныне и во веки веком, аминь". И ощути сердце мое исполнено радости многи зело».

Можно допустить, что патриарх Никон не знал об «Уставе скитском», но не знать, каким образом обрел свое «умное око» преподобный Елеазар, постригший его в ангельский образ, Никон никак не мог. Какое-то понятие о внутреннем делании Никон должен был иметь, хотя и изгнал его преподобный Елеазар за неумеренную суету и ненужную хлопотливость с острова.

Поэтому и слова разысканной им в книгохранилище* грамоты Восточных патриархов об утверждении патриаршества в России не должны были особенно взволновать Никона...

«Так как православная Церковь получила совершенство не только в догматах бо-

* Как сообщается в предисловии изданного Никоном Служебника, по вступлении на патриаршую кафедру он «упразднися от всех и вложися в труд, еже бы Святое Писание разсмотрити, и, входя в книгохранильницу, со многим трудом многи дни в разсмотрении положи».

говедения и благочестия, но и в священно-церковном уставе, то справедливость требует, чтобы и мы потребляли всякую новину в ограде Церкви, зная, что новины всегда бывают причиною церковного смятения и разделения, и чтобы следовали мы уставам св. отцов, и чему научились от них, то хранили неповрежденным, без всякого приложения или отъятия», — было сказано там.

То, что Московский патриарх — «брат всех прочих православных патриархов» — должен быть согласен с ними во всем, было очевидным для ученика Елеазара Анзерского. Точно так же как очевидным было и то, что согласие с православными патриархами выражалось не в одинаковом сложении перстов, а в молитвенном единении...

Однако реакция Никона оказалась иной...

«Прочитав всю эту грамоту, — пишет митрополит Макарий, — Никон впал в великий страх, не допущено ли в России какого-либо отступления от православного греческого закона, и начал прежде всего рассматривать Символ веры. Он прочел Символ веры, начертанный греческими буквами на саккосе, который за 250 лет пред тем принесен был в Москву митрополитом Фотием, и сравнил с этим Символом славянский, как он изложен был в новых московских печатных книгах, и убедился, что в славянском Символе есть несогласия с древним греческим. Рассмотрел затем точно так же святую литургию, т. е. Служебник, и нашел, что иное в нем прибавлено, другое отнято или превращено, а после Служебника узрел и в других книгах многие несходства. После этого, проникнутый сознанием своего долга быть во всем согласным с Восточными патриархами и потреблять всякие новины, которые могут вести к несогласиям в Церкви, смутам и разделению, и убедившись лично, что такие новины у нас действительно есть в печатных церковных книгах и в самом даже Символе веры, Никон решился приступить к исправлению наших богослужебных книг и церковных обрядов».

Конечно, отчасти можно объяснить столь «неадекватную» реакцию Никона его малограмотностью, его столь характерной для всех самоучек боязливой почтительностью к учению. Но все же правильней предположить другое.

В лице Елеазара Анзерского, изгнавшего будущего патриарха с острова, Никона отвергла русская святость. Пути умного делания Никон предпочел карьеру и, достигнув высшего положения в церковной иерархии, подсознательно хотел заменить внутреннее совершенствование внешним учением; компенсировать то, что постигается только в посте и молитве, более правильным, чем у анзерских постников и молитвенников, написанием. Ему казалось, что, когда он что-то правильно запишет, как-то правильно перекрестится, тогда и откроется ему то, что *умными очами* видел преподобный Елеазар...

«Егда мне бывают многи скорби от бесов и злых человек, многажды невидимо глаголюще: “Не бойся бесов — Господь с тобою”. Иногда же глаголюще: “В терпении стяжите души ваша”. Многажды и от братии соловецких и пребывающе со мною наносяще мне скорби и не могущи терпети утешающе мя и невидимо глаголюще: “Вы бо силни есте и немощи немощных носите”».

Увы...

И этих слов преподобного учителя своего Елеазара Анзерского не помнил Никон.

Не в счастливый час проникся он *сознанием своего долга быть во всем согласным с Восточными патриархами*...

В несчастливый час выбирал он и помощников для достижения этого согласия...

2.

Помощниками в затеянном им деле исправления богослужебных книг и церковных обрядов Никон выбрал иеромонаха Епифания Славинецкого, еще в 1649 году вызванного из Киево-братского училища; уже упоминавшегося нами Арсения Суханова, так сильно встревожившего иерархов Русской церкви своими известиями, и,

наконец, печально знаменитого Арсения Грека.

Арсений Грек был, пожалуй, самой деятельной и самой примечательной фигурой, по крайней мере на начальном этапе исправления церковных книг...

Арсен был уже не молод. Пятый десяток шел ему, и позади осталась огромная — ее хватило бы и не на одного человека, — раскиданная по разным странам жизнь.

Причудлива и необыкновенна его биография.

Привез Арсения на Русь иерусалимский патриарх Паисий, и знакомство его с Никоном началось, когда тот был еще архимандритом Новоспасского монастыря, в котором находилась родовая усыпальница Романовых...

Почувствовав, что молодому перспективному архимандриту хочется найти объяснения своему отторжению от святости северных русских монастырей, иерусалимский патриарх сразу же пришел на помощь. Он внушил Никону мысль, что виною этому отторжению не сам Никон, а недостатки православного обряда, по которому живут и северные русские монастыри, и вся Русская православная церковь.

Терпеливо объяснял Паисий, что только современная Греческая Церковь столь же православна, как и древняя. Что не русские, а греки должны стать образцом для упорядочения церковной службы.

Впрочем, Никон не сразу поддался на патриаршие разговоры. Вначале он относился к Паисию довольно настороженно.

Никон знал, что называют Паисия за глаза попрошайкой, готовым ради подарков говорить все, что желают услышать от него хозяева.

Ходили и другие разговоры в Москве о Иерусалимском патриархе. Толковали, к примеру, о том, что это Паисий, сговорившись с государем волошским, подкупил турок, чтобы они убили Константинопольского патриарха Парфения. Турки посадили Парфения на судно и, зарезав, выбросили его тело в море.

Рассказывали, что будто бы уже по пути в Москву, в Киеве, дал Паисий Богдану Хмельницкому благословение на брак с панной Чаплинской — женой бежавшего в Польшу пана. Мало того, что при живом муже благословил венчаться, так ведь еще и со сродницей.

Никон и сам подмечал патриаршую хитрость. Одна только свита чего стоила! Три десятка человек привез с собою патриарх из Иерусалима. Кто там архимандритом был, кто священником, кто монахом, а кто племянником патриарха или купцом, за деньги пожалованными титулами архонтов (регентов), — никто не разбирал.

К тому же и по дороге добирал патриарх в свою свиту разного сброда, чтобы в Москве больше милостыни насобирать. Все они были названы патриархом священниками и клириками разных монастырей, и на приеме у патриарха Иосифа, и на приеме у государя каждому из них сделан подарок, каждому давались деньги для вкладов в иерусалимские монастыри. И все эти подарки и вклады патриарх Паисий себе забирал, и это Никону доподлинно известно было.

Все это видели. Низкое попрошайничество Паисия перед глазами стояло...

Но вот заговорил Паисий, и упала с глаз пелена.

Увидел Никон, что все патриаршие хитрости от великой нужды, в которой Восточная церковь пребывает, и хотя и вынужден заискивать и хитрить патриарх, — но мысли его не о суете мирской, а о церковном устроении, о единении вселенской Православной Церкви во главе с Москвою.

И так получилось, что патриарх Паисий и посвящал Никона в митрополиты Новгородские и Великолукские.

Случайность? Может быть, и случайность, но такое ведь не забывается. Еще ближе Никону патриарх Паисий стал.

А вот с Арсеном Греком, оставшимся тогда в Москве, беда произошла.

Вскоре послание от патриарха Паисия, покинувшего Москву, пришло. Писал патриарх, что, хотя и привез Арсена в Москву, но ничего толком не знал о нем, и только

сейчас ему стали известны кой-какие подробности...

«Еще да будет ведомо тебе, благочестивый царь, про Арсения, который остался в твоем царстве: испытайте его добре, утвержден ли он в своей благочестивой христианской вере. Прежде был он иноком и священником и сделался бусурманом, потом бежал к ляхам и у них обратился в униата, способен на всякое злое безделие — испытайте его добре и все это найдете. Мне все подробно рассказали старцы, пришедшие от гетмана, — велите расспросить, что мне рассказывали те старцы и люди Матвея, воеводы волошского, будет ли так или нет, как я писал к брату и сослужителю моему патриарху Иосифу. ***Лучше прекратите эту молву, пока он сам (Арсений) здесь, чтобы не произошло соблазна церковного*** (выделено нами. — *Н.К.*). А если я еще что проведаю подлинно, то напишу к Вашему величеству, ибо я должен, что ни услышу, о том навещать. Не подобает на ниве оставлять терние, чтобы она вся не заросла им: нужно удалять и тех, которые держатся ереси и двуличны в вере. Я нашел его в Киеве и взял с собою, а он не мой старец... Я того про него не ведал, а ныне, узнав о том, пишу к Вашему величеству, да блюдете себя от таковых, чтобы не оскверняли Церкви Христовой такие поганые и злые люди».

Отчего патриарх Паисий решил сдать своего протеже, неясно, но в Москве его слова не пропустили мимо ушей.

Арсен Грек был взят на допрос, и умелые руки князя Никиты Ивановича Одоевского и думного дьяка Михаила Волошенинова сразу же спустили с него натянутое для прикрытия благочестие.

25 июля 1649 года Арсен показал на допросе, что родом он грек турецкой области; отец его Антоний был попом и имел пятерых сыновей. Двое из них, Андрей и Иван, живут в мире, третий Димитрий — протопопом, четвертый Афанасий — архимандритом, а пятый — он, Арсен. На Москве имеются приезжие греки, которые из одного с ним города: одного зовут Памфилом, другого Иваном, они могут подтвердить его слова. Крещен Арсен был в младенчестве, и восприемником ему был того же города архиепископ. Грамоте и церковному кругу учился у отца, а потом брат его архимандрит Афанасий брал его с собою в Венецианскую землю для учения, и в Венеции выучил грамматике. Затем брат увез его для учения в Рим, где Арсен и был пять лет и учился в школе Аристотелеву учению и седьми Соборам. Когда же дошло до Восьмого и Девятого Соборов, то от него потребовали присяги с клятвою, что он примет римскую веру, ибо иначе того учения никому не открывают и учить не велят. Арсен прикинулся больным и уехал из Рима, чтобы не отпасть от греческой веры.

— У кого ты жил в Риме и от кого приобщался святых Христовых Тайн или принимал сакрамент? — был задан Арсену вопрос.

— Я жил в Риме у греческой церкви святого Афанасия Великого, где живет православный митрополит греческой веры с пятью или шестью греческими старцами, — сказал Арсен. — С ними и жил, и принимал причастие Христовых Тайн от того митрополита, а сакрамента в Риме не принимал. Митрополит тот держит только семь Соборов, а Осьмого и Девятого не держит и к папе не приобщается. Только когда папа велит ему быть на Соборе, он на Соборы к папе ходит и за папу Бога молит.

Арсену заметили, что «блядоловит» (лжет) он. Всему свету известно, что папа приводит в Риме всех иноверцев к своей вере посредством унии, и митрополит тот, коли жил в Риме, должен быть униатом. Арсену следовало бы принести чистое покаяние Богу и повиниться пред государем и сказать правду. Но он упрямо повторил, что в униатстве не был и сакрамента не принимал. Чтобы не приобщиться к римской вере, он из Рима переехал в венецианский город Бадов и три года учился философским наукам и лекарскому учению.

А из Бадова пришел в Царьгород к брату своему, архимандриту Афанасию, и хотел постричься. Но брат хотел его женить, и постричься ему не разрешили, объявили, что он в римской вере. И он сказал тогда,

что ни в Риме, ни в Венеции не бывал в римской вере, и пред всеми ту римскую веру проклял трижды. В результате он в 23 года принял постриг.

На другой год его поставили в диаконы, а вскоре за тем в попы. Потом епископ Каллист поставил его игуменом в Богородицкий монастырь на острове Кафа, и был Арсений там игуменом шесть месяцев. Из монастыря ездил в город Хиос купить книг о седми Соборах, но книг не добыл и с горя отправился в Царьгород, и, находясь у грека Антония Вабы, учил сына его грамматике.

Из Царьгорода приехал в Мутьянскую землю к воеводе Матвею и жил у него три месяца. От Матвея воеводы приехал в Молдавскую землю к воеводе Василию и жил у него два года. Из Молдавии переехал в Польшу, в город Львов, и тут ему сказали, что есть школа в Киеве, только без королевской грамоты, его в ту школу не примут. И поехал Арсен к королю Владиславу в Варшаву. Король был тогда болен каменною болезнью, а Арсен, которого рекомендовали королю как искусного врача, вылечил его, и Владислав дал в Киев к митрополиту Сильвестру Коссову грамоту, чтобы Арсена в школу приняли.

Долгим и путаным было это объяснение Арсена.

Следователи терпеливо слушали, а, когда Арсену уже начало казаться, что обман удался, заявили, дескать, государю сделалось известным, как Арсен, оставя чернечество и иерейство, был басурманом, а из басурманства был опять в униатстве.

— Униатом и басурманом я не бывал, — отперся Арсен Грек. — А если кто уличит, что я был униатом и басурманом, тогда пусть царское величество велит снять с меня кожу!

Арсену заметили, что басурманство свое он, без сомнения, таит, а когда оно обнаружится, ему нечем будет оправдаться.

Это несколько охладило пыл Арсена, но он продолжал выкручиваться, рассказывая, что константинопольский патриарх Парфений хотел поставить его епископом, но визирь помешал этому. Узнав, что Арсен долгое время жил в Венеции, визирь донес султану, будто Арсен привез большую казну, чтобы купить себе у патриарха кой-какие епископии и с ними приложиться к венецианам. Султан, у которого начиналась тогда война с Венецией, велел схватить Арсена.

— И было тогда мне многое истязание, — утирая слезы, рассказывал Арсен. — И платье с меня сняли и камилавку, надели чалму и кинули в тюрьму. Сидел я в той тюрьме недели с две и ушел в Мутьянскую землю, а басурманом нет, не бывал.

Тогда Арсену объявили, что о его униатстве и басурманстве писал государю и святейшему Иосифу сам патриарх Паисий, который слышал о том от киевских старцев, пришедших от гетмана.

Арсен заявил, что те киевские старцы сказывали про него патриарху Паисию ложь. А про свое мученье в тюрьме он рассказывал патриарху Паисию, и патриарх его во всем простил.

Арсену возразили, что патриарх Паисий, как это видно из его письма, вовсе о том не знал...

— Ты говоришь, пусть кожу с тебя снимут... Надо будет, и кожу спустим, а пока придется штаны с тебя спустить, и все басурманство твое явлено будет.

Видимо, эта угроза и сломила Арсена. Смиренно пал он на колени и покаялся в отступничестве. Говорил, что жить православным под басурманами тяжело, и не всякий тяжесть эту нести способен. Его, грешного, не сподобил Бог такой силой. Обасурманен он был неволею.

Но насчет покаяния, принесенного патриарху Паисию, продолжал держаться.

Рассказывал, что патриарх в том его простил, и благословил, и грамоту прощальную и благословенную ему дал, и та грамота патриарха и ныне у него, Арсена. И государя он не известил именно по этой причине, ведь патриарх Паисий простил его и служить ему велел.

Тем и окончилось расспросное дело Арсена Грека.

Следователи не спрашивали, а Арсен не рассказывал, что, убегая в Россию, он пы-

тался освободиться от тяготившей его зависимости от иезуитов...

Когда по заданию иезуитов Арсен отправился в Киев, Украина встретила его горьковатым дымом пожарищ и сладковато-тошнотным запахом разлагающихся трупов. Впрочем, здесь увидел Арсен и трупы, которые не разлагались. Более километра ехал Арсен по дороге с насаженными вдоль нее на колы повстанцами. Когда была совершена гетманом Вишневецким эта ужасная казнь? Бог знает... Под жаркими лучами солнца трупы людей ссохлись и под ветерком легко поворачивались на колах, погромыхивая костями.

Сажали на колы панов и казаки Богдана Хмельницкого, но у казацких палачей не хватало ни искусства, ни опыта. Скорчившиеся, расклеванные птицами останки болтались на месте их расправ.

Всю эту страшную дорогу от Варшавы до Киева прошел Арсен. Он всегда достигал цели, и достиг ее и на этот раз. Правда, на этот раз ему было страшно.

В Киеве надобно было Арсену ждать патриарха Паисия, суметь проникнуть в его свиту и ехать далее — в Москву. Осуществить это оказалось не трудно.

Жадный Паисий, стремясь поразить Москву пышностью, чем ближе подъезжал к Москве, тем охотнее зачислял в свою свиту всех, кто выказывал желание служить ему. Арсен был зачислен как патриарший уставщик.

Он все сделал, как предписывалось, и только одного не знали его неведомые и самому Арсену повелители. Не знали, что едет Арсен в свите патриарха Паисия в Москву не по чьему-то заданию, а по своей воле.

Страшный год, что провел он на Украине, изменил его.

Страх день за днем незаметно копился в душе, и вот Арсен вдруг обнаружил, что ему хочется спрятаться от совершавшихся вокруг ужасов, а главное, от тех могущественных людей, что, подобно брату Афанасию, внезапно появляются в жизни и, благодетельствуя, сразу же обрекают, неведомо зачем, на новые лишения и опасности.

Спрятаться Арсену — он это окончательно понял уже в Москве — очень хотелось. И только здесь, в этой бескрайней стране, куда покровители Арсена еще не нашли хода, и можно было спрятаться.

Тогда-то он и предпринял первый в своей жизни самостоятельный шаг.

Сдав, как и было условлено, все подарки, полученные в Москве, Арсен попросил у Паисия разрешения остаться и заняться учительством. Бережливый патриарх, которому не хотелось на обратном пути кормить свою многочисленную, сделавшуюся сейчас ненужной свиту, благословение дал.

Так что все правильно рассчитал Арсен, впрок пошли полученные уроки. Только одного не рассчитал он: у учителей тоже имелся опыт, и наказывать ослушников умели они быстро и верно... Письмо патриарха Паисия и было таким наказанием.

27 июля по указу государя описано было все имущество Арсена на Ростовском подворье, где он остановился. В основном это были греческие печатные книги... Кирилл Иерусалимский, Златоуст, Иоанн Дамаскин, Гомер, Аристотель, грамматики, лексиконы...

Самого Арсена сослали в Соловецкий монастырь «для исправленья православной христианской веры». Здесь и было составлено продолжение его биографии.

Арсен сознался на исповеди своему духовнику иеромонаху Мартирию, что в молодые годы, когда он обучался в латинских училищах, действительно переменял веру и был в унии, потому что иначе не принимали в училище. Но, возвратившись в Грецию, снова принял православие и даже посвящен был во священника, постригшись в монашество.

В Соловках прожил Арсен около трех лет «в добром послушании у инока Никодима» и успел научиться славянской грамоте и русскому языку.

Успел он на Соловках и полюбить русские православные обряды. Он даже и креститься стал не тремя, а двумя перстами, как крестились тогда иноки соловецкие.

— У нас много потеряно в неволе турецкой... — говорил Арсен, почти сбиваясь на

цитату из трудов инока Филофея. — Нет у нас ни поста, ни поклонов, ни молитвы келейной. А вы сберегли все.

Здесь, на Соловках, и встретил Арсена Никон.

Арсен сразу понравился ему. Ему и поручил Никон основную работу по подготовке нового издания Скрижали.

Так получилось, что Арсен, посланный иезуитами, был уполномочен *произвести соблазн церковный* самим русским патриархом.

3.

Хронология начальных событий раскола такова.

Пред наступлением Великого поста в 1653 году Никон разослал по всем московским церквам «Память», воспрещающую на святой Четыредесятнице класть многочисленные земные поклоны... «Но в пояс бы вам творити поклоны; еще и тремя персты бы есте крестились».

Как встретили эту «Память» в Казанском соборе, мы знаем из книги протопопа Аввакума.

«Мы же, — рассказывает Аввакум, — задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хощет быти: сердце озябло и ноги задрожали. Неронов мне приказал идти в церковь, а сам един скрылся в Чудов, седмицу в палатке молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: "Время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати". Он же мне, плачучи, сказал, таже Коломенскому епископу Павлу... потом Даниилу, костромскому протопопу, таже сказал и всей братии. Мы же с Даниилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю, много писано было. Он же не вем, где скрыл их, мнится, Никону отдал».

Некоторые историки утверждают, что столь резкое неприятие наиболее популярными в Москве протопопами «Памяти» было вызвано личною обидою за отстранение их от исправления церковных книг.

Вполне возможно, что сам Никон именно так и воспринимал их протест. Он усмотрел в нем попытку подорвать патриаршую власть, и, спровоцировав открытое выступление Неронова, пресек его со всей решительностью, на которую был способен...

В июле 1653 года в крестовой палате был созван Собор, на котором слушали жалобу муромского воеводы на протопопа муромского Логгина, будто он похулил образ Спасителя и образа Пресвятой Богородицы и всех святых.

Логгин, находившийся тут же, объяснил, что не только словом, но и мыслию не хулил святых образов. А жалоба касается его стычки с женой муромского воеводы.

Будучи в гостях у воеводы, Логгин спросил у подошедшей под благословение воеводши, не белена ли она?

— Ты чего, протопоп, хулишь белила? — защищая смутившуюся супругу, пошутил воевода. — Без белил не пишутся и образа.

— Если на ваши рожи такие составы положить, какими пишутся образа, то вы сами не захотите, — ответил не расположенный к шуткам Логгин и неосторожно добавил, что сам Спас, и Пресвятая Богородица, и все святые честнее своих образов.

Повод для жалобы был ничтожным, однако Никон, «не испытав истины, по отписке того воеводы осудил Логгина в мучение злому приставу».

— За что наказывать Логгина? — попытался защитить протопопа Иван Неронов. — Нужно прежде произвести розыск... Тут дело великое, Божие и царево, и самому царю поистине следует быть на сем Соборе.

— Мне и царская помощь не годна и не надобна, — отвечал Никон. — На нее и плюю и сморкаю.

— Патриарх Никон! — завопил Неронов. — Взбесился ты, что такие хульные слова говоришь на государское величество... Все святые Соборы и благочестивые власти требовали благочестивых царей и князей в помощь себе и православной вере.

В тот же день был подан царю Алексею Михайловичу донос на патриарха.

Никон в ответ обвинил Ивана Неронова в клевете.

Ростовский митрополит Иона, на которого ссылался Неронов, как на свидетеля, отперся. Неронов начал укорять и его, и Никона. Вспыхнула яростная перебранка, наговорено было много необдуманных, горячих слов.

Ивана Неронова обвинили в оскорблении и патриарха, и всего Собора, и на основании 55-го правила Святых Апостолов: «Аще кто из клира досадит епископу, да будет низвержен», определили послать протопопа на смирение в монастырь.

Но не угадал Никон.

Не запугала никого расправа с Нероновым. Скорее напротив. Думали задуть огонек, а раздули пламя. Грозный огонь вставал. Уже не только в Казанской церкви, а по всей Москве толковали, что в ересь совращен патриарх жидовином Арсеном и православных под проклятие Стоглавого собора вовлекает.

Как крестились досель, мало задумывались. Теперь, прежде чем осенить себя крестным знамением, каждый о перстах думал. Так сложишь пальцы — от патриарха проклятие. Этак — под проклятие Стоглава пошел.

Страшно жить стало.

Что-то нехорошее в летней жаре встало. По окрестным селам мор на скот пошел. Умирая, кричали дико животные. Далеко их предсмертный рев слышно было...

Аввакум тем летом с костромским протопопом Данилой челобитную государю подал.

«О, благочестивый царю! — писали протопопы. — Откуда се привнедоша в твою державу?»

Долго Алексей Михайлович над челобитной сидел. Понятно было: коли начался огонь, коли вырвался из рук, побежал по сухой траве, затаптывать надо скорее...

Челобитную Алексей Михайлович передал патриарху, но вопрос остался — *откуда се привнедоша в твою державу*?

Никон протопопов подверг пыткам, а потом сослал в дальние края на верную, как он рассчитывал, смерть.

«Вем, яко скорбно тебе, государю, от докуки нашей. Государь-свет, православный царь! Не сладко и нам, егда ребра наша ломают и, розвязав, нас кнутьем мучат и томят на морозе гладом. А все церкви ради Божия страждем... — писал в челобитной царю протопоп Аввакум. — Никон, егда мя взял от всенощного с двора протопопа Иоанна Неронова, по ево патриархову велению, Борис Нелединский со стрельцами, ризы на мне изодрали, святое Евангелие, с налоя збив, затоптали; и посадя на дорогу с чепью, по улицам, ростяня мои руки, не в одну пору возили...»

4.

Весною 1654 года, когда провожали в поход на Смоленск царя, Никон созвал в Крестовой палате Церковный собор. Председательствовали на нем «благоверный и христолюбивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя России самодержец, и премудрый великий государь святейший Никон, патриарх Московский и всея Великия и Малыя России...» Присутствовали пять митрополитов: Новгородский Макарий, Казанский Корнилий, Ростовский Иона, Крутицкий Сильвестр, Сербский Михаил; четыре архиепископа: Вологодский Маркелл, Суздальский Софроний, Рязанский Мисаил, Псковский Макарий; один епископ — Коломенский Павел; одиннадцать архимандритов и игуменов и тринадцать протопопов — всего, кроме председательствовавших, 34 человека, «ту же и царскому синклиту предстоящу».

Епископ Павел Коломенский, ознакомившись с вопросами, вынесенными на Собор Никоном, не сразу и сообразил, что задумал патриарх.

Надо ли оставлять открытыми Царские врата с начала литургии до великого хода? Можно ли двоеженцам читать на амвоне? Употреблять ли земные поклоны во время чтения молитвы Ефрема Сирина?

Вопросы эти, конечно, нуждались в разрешении, но ради них незачем было собирать Собор. Решения по ним патриарх мог принять и единолично.

И вместе с тем ни одного действительно существенного вопроса патриарх перед Собором не поставил.

Не рассеялись недоумения епископа Павла и после патриаршего слова, которым открылся Собор.

Долго и путано толковал Никон, что современная Русская церковь допускает в своих обрядах новшества, не согласные с древними русскими и современными греческими обрядами, что в церковных книгах накопилось немало ошибок, сделанных переписчиками, и надобно поэтому произвести исправления.

«Нет ничего богоугоднее, как поучаться в заповедях Божиих и крепко на них утверждаться, — говорил Никон. — По словам благочестивого царя Юстиниана, два величайшие дара даровал Бог людям по своей благости: священничество и царство, из которых одно служит Божественным, а другое правит человеческими делами... Но оба они, происходя от одного и того же начала, украшают человеческую жизнь, и они тогда только могут выполнять свое призвание, если будут заботиться о сохранении между людьми Божественных заповедей и церковных правил. Посему должно и нам блюсти заповеди, преданные от Господа и Спасителя нашего, от святых апостолов и от святых отцов, собиравшихся на седми Вселенских и православных поместных Соборах. Православная Церковь получила совершенство не только в догматах боговедения и благочестия, но и в священно-церковном уставе, поэтому справедливость требует, чтобы и мы потребляли всякую новину в ограде Церкви, чтобы следовали мы уставам святых отцов, и чему научились от них, то хранили неповрежденным, без всякого отъятия!»

Затем Никон зачитал грамоту Восточных иерархов, собиравшихся в Константинополе в 1593 году и утвердивших патриаршество в России.

— Посему я должен объявить вам нововводные чины церковные, — сказал Никон, закончив чтение. — В Служебниках московской печати положено, чтобы архиерейские молитвы, которыми архиереи разрешают многие грехи людские, священник пред совершением литургии читал от своего лица за самого себя, а в греческих Служебниках и в наших старых, писанных за сто, за двести, за триста лет и более, тех молитв не обретается. Положено еще пред началом литургии говорить отпуст (после часов) на всю церковь, чего ни в греческих, ни в наших старых не положено... Есть разности и в действиях за литургией и в ектениях. Посему прошу решения: новым ли нашим печатным Служебникам последовать или греческим и нашим старым, которые купно обои един чин и устав показуют?

— Достойно и праведно исправити противо старых — харатейных и греческих! — отвечали Никону.

— В Уставах наших написано отверзать Царские двери во время литургии только на малый выход и на великий, а у нас теперь они бывают постоянно отверсты от начала литургии до великого выхода, — сказал Никон. — Скажите: по Уставу ли действовать или по нашему чину?

— И мы утверждаем быть так же, как греческие и наши старые книги и уставы повелевают, — был ответ.

— В наших Уставах написано в воскресный день начинать литургию в начале третьего* часа, а у нас ныне, когда случается соборный молебен, литургия начинается в начале седмого и осьмого** часа. Что скажете: по уставу ли святых отцов начинать литургию или по нашему обычаю?

— Быть по уставу святых отцов!

— По седьмому правилу Седмого Вселенского Собора, при освящении церквей должно полагать в них мощи святых мучеников, а у нас в России только в антиминсе вшивают частицы мощей, под престолом же мощей не кладут... А в старых наших Потребниках есть указ о том, чтобы под престолом класть три части святых мощей. Что об этом скажете?

* По-нынешнему, девятого.

** Первого и второго.

— Быть по правилам святых отцов и по уставу!

Мысли, которые так долго излагал Никон, сомнения ни у кого не вызывали. Исправить ошибки, вкравшиеся в книги, решено было задолго до Никона, об этом хлопотали все прежние патриархи. И на церковных соборах тоже обсуждалось уже это. И справщики работали...

Другое дело, как исправлять, какие образцы взять... Униаты ведь тоже свои книги исправили...

Жарко горели купола соборов за слюдяными окнами, в Крестовой палате прохладно было. Сидели русские иерархи, рассуждали, можно ли двоеженцам позволять на клиросе петь...

Никон, сидя в кресле, столь схожем с царским троном, внимал этим рассуждениям, оглаживая временами свою бороду. Сверкали драгоценные камни на перстнях, унизывающих патриаршую руку.

Неспокойно было сверкание рубинов и бриллиантов. Казалось, будто искорки огня с черной бороды своей патриарх снимает. Тревожили эти неспокойные искры епископа Павла. Пытался разгадку найти тревоге.

«Патриарх Никон отнюдь не навязывал Собору своих мыслей... — говорит в «Истории Русской Церкви» митрополит Макарий. — Он только напомнил своим сопастырям, отцам Собора, их священный долг хранить неизменно все преданное святыми апостолами, святыми Соборами и святыми отцами и потреблять всякие новины в Церкви, а потом указал некоторые новины в наших тогдашних книгах и церковных обычаях и спрашивал, что делать.

И сам Собор единогласно решил: достойно и праведно исправить новопечатные наши книги по старым — харатейным и греческим. Против такого решения нельзя было ничего сказать, потому что лучшего способа для исправления наших церковных книг не представлялось.

Можно было только не соглашаться, что те или другие обряды, на которые указал Никон, суть новины, и такого рода несогласие действительно заявил один из присутствовавших на Соборе, епископ Павел Коломенский».

Легко представить, как однажды во время молитвы вдруг осенило епископа Павла. Ясно и совершенно отчетливо уразумел он, почему не вынес Никон на Собор самых главных, тревоживших всю церковь вопросов. Кто будет из митрополитов и епископов спорить с патриархом о двоеженцах? Слишком малозначителен вопрос! Другое дело — троеперстие. Тут уж мнения бы непременно разошлись, а какое бы взяло верх — один Господь ведает.

Поэтому-то и не стал выносить этот вопрос на Собор Никон, но, добившись согласия Собора на необходимость исправления ошибок в книгах и получив согласие на те несущественные изменения в чине церковной службы, что обсуждались сейчас на Соборе, рассчитывал распространить это согласие и на существенные перемены.

Осенив себя крестным знамением, под соборным Уложением епископ Павел Коломенский подписался так: «Смиренный епископ Павел Коломенский и Каширский, а что говорил на святем Соборе о поклонех, и тот Устав харатейной во оправдание положил зде, а другой писмяной».

И вот, сколько сил потрачено было Никоном, стольким пожертвовано, и что? Все Деяния Собора одной-единственной записью перечеркнул епископ Павел Коломенский, оговорившись, что хотя и подписывается он под Соборным уложением, но относительно земных поклонов во время чтения молитвы Ефрема Сирина остается при прежнем мнении.

Несущественная оговорка, но всю хитрую задумку Никона разрушила. Не единомысленным оказался Собор.

Шибко Никон разгневался. Сразу после Собора лишил он Павла сана архиепископского и священнического.

Говорили, что жестоко избили епископа по приказанию патриарха, но это не правда. Пальцем никто низвергнутого епископа не тронул. Отвезли Павла в Новгородский край патриаршие стражники,

завели в пустой дом, заперли двери и подожгли избу с четырех углов.

Дул ветер. Изба в полчаса сгорела вместе с епископом Павлом...

5.

«Епископа Павла, якоже слышу от боголюбцов, — писал Иван Неронов в письме к царскому духовнику Вонифатьеву, — и бездушная тварь, видев страждуща за истину, разседеся, показуя сим церковныя красоты раздрание».

Церковные историки пытаются объяснить *церковныя красоты раздрание* неумеренной ревностью патриарха Никона к православию, но подобные объяснения ничего не объясняют, ибо никакой насущной нужды в проведении церковной реформы тогда не было.

Более того... Деятельность Никона не имела никакого отношения к охране православности и церковного благочестия, поскольку и православность и церковное благочестие находились в России на столь высоком уровне, что изумляли гостей нашей страны.

В 1653 году побывал в Москве бывший Константинопольский патриарх Афанасий*, с довольно многочисленной свитою. Щедро одаренный, покидая Москву, Афанасий написал:

«Твоя царская премногая милость, как солнце, сияет во всю вселенную; ты, государь, ныне на земле царь учинился всем православным христианам, а великий господин святейший Никон, патриарх Московский и всея Руси, по благодати Божией глава Церкви и исправление сущей православной христианской веры и приводит словесных овец Христовых во едино стадо... Только тебя, великого государя, мы имеем столп и утверждение веры, и помощника в бедах, и прибежище нам, и освобождение. А брату моему, государь, и сослужителю, великому господину святейшему Никону — освящать соборную апостольскую церковь Софии, Премудрости Божией...»

Святитель Афанасий, Лубенский Чудотворец — святой. Он видел то, что открыто было перед Русью, перед ее царем и патриархом Русской православной церкви.

А вот воспоминания другого путешественника по России, сына антиохийского патриарха Макария, архидиакона Павла Алеппского, приехавшего на Русь в 1654 году.

«Какая эта благословенная страна, чисто Православная!

...Гордость им совершенно чужда, и гордецов они в высшей степени ненавидят. Так мы видели и наблюдали, Бог свидетель, что мы вели себя среди них как святые, как умершие для мира, отказавшиеся от всяких радостей, веселья и шуток, в совершеннейшей нравственности, хотя по нужде, а не добровольно...

Все жители в течение ее (первой седмицы Великого поста) не производят ни купли, ни продажи, но неопустительно присутствуют за богослужениями в своих церквах. Царские ратники обошли питейные дома, где продают вино, водку и прочие опьяняющие напитки, и все их запечатали, и они оставались запечатанными в течение всего поста. Горе тому, кого встречали пьяным или с сосудом хмельного в руках! Его обнажали в этот сильный холод и скручивали ему руки за спиной: палач шел позади него, провозглашая совершенное им преступление и стегая его по плечам и спине длинной плетью из бычьих жил: как только она коснется тела, тотчас же брызнет кровь...

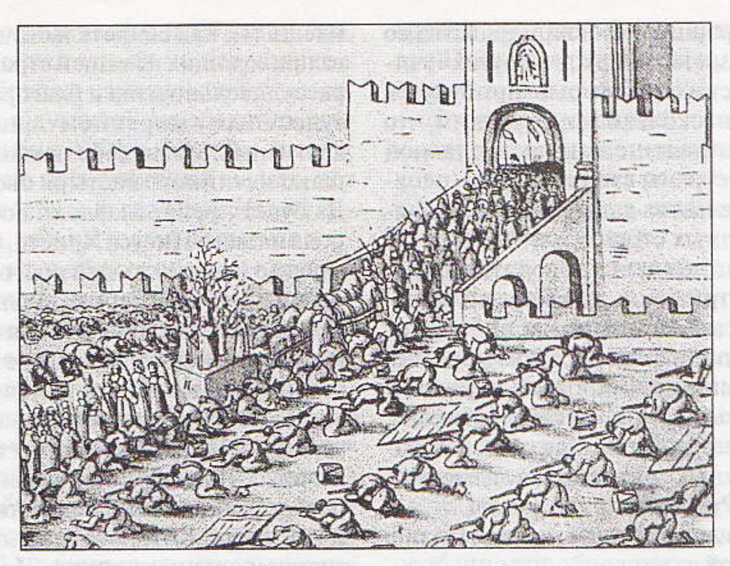
Мы заметили, что они казнят смертью без пощады и помилования за четыре преступления: за измену, убийство, святотатство и лишение девицы невинности без ее согласия...

Больше всего мы дивились их чрезвычайной скромности и смирению и их час-

---

* Афанасий три раза восходил на патриарший престол, но первый раз провел на нем 40 дней, второй раз — около года и в третий раз — только 15 дней. В последнее время Афанасий проживал в Волошской земле, в монастыре святителя Николая. Скончался на Украине 5 апреля 1654 года в Лубенском монастыре.

Празднование Вербного воскресенья в Москве. 1660-е гг.
Из книги А. фон Мейерберга «Путешествие в Московию...»

тым молениям с утра до вечера пред всякой встречной иконой. Каждый раз, когда они увидят издали блестящие кресты церкви, то хотя бы было десять церквей одна близ другой, они обращаются к каждой и молятся на нее, делая три поклона...

Московиты множеством своих молитв превосходят, быть может, самих святых, и не только простолюдины, бедняки, крестьяне, женщины, девицы и малые дети, но и визири, государственные сановники и их жены...

У всякого в доме имеется бесчисленное множество икон, украшенных золотом, серебром и драгоценными камнями, и не только внутри домов, но и за всеми дверями, даже за воротами домов; и это бывает не у одних бояр, но и у крестьян в селах, ибо любовь их к иконам и вера весьма велики. Они зажигают перед каждой иконой по свечке утром и вечером; знатные же люди зажигают не только свечи, но и особые светильники....

У всех них на дверях домов и лавок и на улицах выставлены иконы, и всякий входящий и выходящий обращается к ним и делает крестное знамение... Равно и над воротами городов, крепостей и укреплений непременно бывает икона Владычицы внутри и икона Господа снаружи в заделанном окне, и пред нею ночью и днем горит фонарь... Так же и на башнях они водружают кресты. Это ли не благословенная страна? Здесь, несомненно, христианская вера соблюдается в полной чистоте... Исполать им! О, как они счастливы!..

Что сказать о твердом и неослабном исполнении ими всех религиозных обязанностей! Что сказать о самых этих обязанностях, которых достаточно для того, чтобы волоса дитяти поседели, и которые, однако, тщательно выполняются и Царем, и Патриархом, и боярами, и боярынями, и царевнами! Разве они не чувствуют усталости? Разве они железные, что могут жить без еды и выстаивать длинные службы на морозе, не обнаруживая утомления? Без сомнения, эти русские — все святые, ибо превосходят своим благочестием даже пустынных отшельников. Богу угодно было сделать этот народ Своим — и он стал Божиим — и все его действия от Духа, а не от плоти...

Все это происходит оттого, что они знают о случившемся с греками и о потере ими Царства...»

Если мы сравним эти свидетельства со свидетельствами патриархов и других «учителей вселенских», которые прибудут в Россию через несколько лет, то увидим, что разница в восприятии ими православной жизни нашей страны столь огромна, словно эти свидетельства даны людьми, побывавшими в разных странах.

И тут можно, конечно, говорить о корыстолюбии патриархов и митрополитов, бросившихся в Россию, когда обнаружилось нестроение в ее церковном управлении, но все-таки причину этой перемены надобно искать не в них, а в самом Никоне.

Как ни парадоксально, но это он и вынудил восточных патриархов изменить свою оценку Русского православия.

Не раз и не два предостерегали Никона от его безумной затеи...

«Мы много благодарили и каждый день благодарим Бога, после того как получили грамоты твоего преблаженства чрез возлюбленного сына нашего Мануила, — писал Никону Константинопольский патриарх Паисий. — Из них мы узнали твое величайшее благоговение к Богу и пламенную ревность, какую имеешь ты относительно предметов нашей православной веры и чинов нашей Церкви. И это соединяешь ты, как свидетельствует общая молва приходящих из вашей страны, с крайнею рассудительностию и благоразумием, с безупречным смиренномудрием и всякими другими благими действиями, какие украшают истинного пастыря овец Христовых. Да будет препрославлено вовеки имя Господа нашего Иисуса Христа, что Он из рода в род воздвигает людей достойных служить назиданию Его Церкви и благоустроению Его стада. Да соблюдет тебя благодать Его на многие лета, да пасешь овец твоих богоугодно, как начал, до конца и да представишь стадо твое непорочным Пастыреначальнику Иисусу. Таким мы признаем тебя и с радостию отвечаем на твои вопросы по благодати, какую благоволит подать нам Дух Святой, Которого призываем всегда на всякое наше начинание. Но только молю твое преблаженство, что если какой-либо ответ наш покажется вам вначале не согласующимся с вашими обычаями, то не смущайтесь, а напишите к нам снова, чтобы узнать нашу мысль, да будем всегда соединены как во единой вере и во едином крещении, так и во едином исповедании, говоря всегда одно и то же едиными устами и единым сердцем и не разнясь между собою ни в чем...

В.И. Суриков. Боярыня Морозова. 1887 г.

Вижу из грамот твоего преблаженства, что ты сильно жалуешься на несогласие в некоторых обрядах, замечаемое в поместных Церквах, и думаешь, не вредят ли разные обряды нашей вере. Хвалим мысль, ибо кто боится преступлений малых, тот предохраняет себя и от великих. *Но исправляем опасение, ибо мы имеем повеление апостола бегать только еретиков, по первом и втором наказании, как развращенных (Тит. 3. 11), равно и раздорников, которые, хотя кажутся согласующимися с православными в главных догматах, имеют, однако ж, свои особенные учения, чуждые общему верованию Церкви. Но если случится какой-либо Церкви разнствовать от другой в некоторых уставах, не необходимых и не существенных в вере, т.е. касающихся не главных членов веры, а вещей маловажных, каковы: время служения литургии или какими перстами должен благословлять священник и под., то это не делает никакого разделения между верующими, лишь бы только непреложно сохранялась одна и та же вера.* (Выделено нами. — *Н.К.)*

Церковь наша не от начала приняла весь тот устав чинопоследований, какой содержит ныне, а мало-помалу. Прежде, как говорит св. Епифаний Кипрский, читали в церкви только одиннадцать псалмов, а потом больше и имели разные степени постов и мясоядений... И прежде святых Дамаскина, Космы (Маюмского) и иных песнотворцев мы не пели ни тропарей, ни канонов, ни кондаков. Но так как во всех Церквах непреложно сохранялась одна и та же вера, то эта разность в чинах не считалась тогда чем-либо еретическим. Посему и ныне не должно думать, будто извращается наша вера православная, если кто-либо творит последование, немного отличное от другого в вещах несущественных, т. е. не касающихся догматов веры, — только бы в нужном и существенном оно было согласно с соборною Церковию».

Митрополит Макарий, цитируя это письмо в «Истории Русской церкви», говорит, что оно «послужило, с одной стороны, новым подкреплением и оправданием решений этого Собора (1655 г. — *Н.К.*), а с другой — новою опорою и побуждением для Никона к ревностному продолжению начатого им дела».

Этот комментарий интересен только как пример отношения официальных церковных историков к расколу, их умения не видеть и не замечать того, что не заметить, кажется, невозможно.

О каком подкреплении и оправдании может идти речь, если патриарх Паисий прямо предостерегает Никона от осуждения и проклятий при проведении исправлений, если различия касаются *вещей маловажных, каковы: время служения литургии или какими перстами должен благословлять священник...*

Какую опору мог найти Никон в письме Паисия, если там прямо сказано, что особенности обрядов, за которые он сжег епископа Павла Коломенского, за которые мучил протопопов, *не делают никакого разделения между верующими, лишь бы только непреложно сохранялась одна и та же вера.*

6.

Эволюция, произошедшая во взгляде Никона на греков, во многом была обусловлена тем, что грекофильские взгляды исходили непосредственно от царя Алексея Михайловича и его окружения. Однако при этом Никон нисколько не притворялся. Перерождению его способствовало, как это ни странно, глубоко патриотическое отношение к Русской православной церкви, ощущение ее мессианского назначения.

Никон знал, как чтили Греческую церковь строители Русской церкви, как бережно и благоговейно принимали ее обряд, как бережно сохраняли его в веках среди войн и распрей, нашествий и разрух.

Единение Русской церкви с Греческой церковью было животворным и спасительным для гибнущего в татарских нашествиях молодого православного государства. Греческая Церковь питала тогда Русь духовным светом...

Никон остро ощущал эту живительную силу единения, и ему, когда он стал патриархом, показалось, что и он, подобно своим великим предшественникам, должен

поддерживать это живительное и светоносное единение. Но Никон отличался от своих великих предшественников тем, что они были святыми, и даже если и не знали чего-то, прозревали это духовными очами.

Никон — увы! — святым не был.

Он вообразил себе, как хорошо было бы уподобиться древним предшественникам своим, и почему-то позабыл вспомнить или не потрудился сообразить, что сама восточная церковь стала за эти века другой. В обрушившихся на нее гонениях она приобретала не только доброе, но и злое...

И правы все-таки были те патриоты Русской православной церкви, которые полагали, что надо держаться старины, поскольку тогда, в старину, и было взято у восточной Церкви лучшее и сохранено вопреки всем нововведениям.

И если бы вселенские патриархи действительно стремились к объединению церквей на основании чистоты начальной, «семисоборной» церкви, они должны были объединиться на основе обрядов Русского православия, поскольку семисоборная чистота сохранилась на Руси в наибольшей полноте, нежели ее сохранила сама восточная церковь.

Но это требовало от вселенских патриархов воистину святительской широты и проникновенности, а не той хитроватоалчной учительности, которой они одарили Русскую церковь.

Злобную жестокость вселенских патриархов Никону предстоит испытать на самом себе. А пока — сурово и грозно звучат на Соборе 1655 года слова Никона:

«Аще кто отсели, ведый, не повинится творити крестное изображение на лице своем, яко святая восточная Церковь прияла и яко ныне четыре вселенские патриархи, со всеми сущими под ними Христианы творят, и яко у нас, до напечатания слова Феодоритова, прежде православные творили... отлучается тот от Церкве вкупе с писанием Феодоритовым...»

Страшные были произнесены слова...

Тихо стало в Крестовой палате. Многие из собравшихся не хуже Арсена знали, что двумя перстами крестились на Руси задолго до внесения в Псалтирь слова Феодорита. От крещения Руси, от равноапостольного князя Владимира творили так крестное знамение.

Но молчали.

Тяжело было против вселенских патриархов, подтвердивших Никонову ложь, идти.

Еще страшнее идти против Никона.

Поднялся Антиохийский патриарх Макарий, озабоченный только, как утверждал его племянник дьякон Алипий, своими барышами, и возгласил, сложив три перста:

— Сими тремя великими персты всякому православному христианину подобает изображать крестное знамение, а иже кто по Феодоритову писанию и ложному преданию творит, той проклят есть!

И поднялся униженный Никоном Сербский патриарх Гавриил и повторил проклятие.

И Никейский митрополит Геронтий...

И русские митрополиты тоже, один за другим, повторяли проклятие...

Мало кто из присутствующих на Соборе догадывался тогда, что открывается самая прискорбная глава в истории Русской православной церкви. И никто не знал, как долго придется отмаливать русским святым страшный грех, в который ввергали сейчас нашу церковь патриарх Никон и подкупленные им вселенские учители.

Больше чем на месяц затянулся Собор. И вот надет был на Никона греческий белый клобук.

— Батюшка, добро... — похвалил Алексей Михайлович, возложив на патриарха клобук и камилавку.

И засияло лицо Никона. Знал он, что к лицу будет новый убор.

Еще персонально прокляли на Соборе Ивана Неронова.

7.

Когда во времена равноапостольного князя Владимира шли прения, какую выбирать веру, побывали в Киеве и иудеи.

— Мы веруем во единого Бога — Бога отцов наших Авраама, Исаака и Иакова... — рассказывали они.

— Каков же у вас закон? — спросил князь Владимир.

— Обрезываться. Не есть свинины и зайчатины. Хранить субботу.

— А где земля ваша?

— В Иерусалиме.

— Но вы ведь пришли из Волжской Булгарии!

— Да, — ответили послы. — Бог за грехи отцов наших лишил нас отечества и рассеял по всей земле.

— Как же вы пришли обращать нас в свою веру, будучи отвержены от Бога?! — рассердился князь Владимир. — Если бы Бог любил вас и ваш закон, он не расточил бы вас по чужим землям! Ужели такой участи вы желаете и нам?

Увы... Во времена Алексея Михайловича задать такой вопрос приехавшим за милостынею восточным патриархам и митрополитам не догадался никто.

А они входили во вкус навязанного им Никоном инспектирования Русской церкви и уже как бы соревновались между собою в вскрытии того, что они считали язвами.

Многие из них были малограмотны и даже не догадывались, что изменение обряда произошло в самой Греции, а не в России.

В одиннадцатом веке в Константинополе тоже служили по употребляемому сейчас в России Студийскому уставу. Преподобный Феодосий из Константинополя и привез устав в Киево-Печерский монастырь. Из Киева устав распространился по всем русским церквам и в нерушимой точности сохранился в течение всех веков.

На самом же греческом востоке Студийский устав постепенно сменился уставом Иерусалимским. В двенадцатом веке его приняли на Афоне, а к началу четырнадцатого века — и в самой Византии, а затем и в южнославянской церкви...

Бедствующая церковь греческого востока, хотя и чтила память преподобного Феодора Студита, но уже позабыла о его уставе.

После этого вставал вопрос, что же считать порчей книг?

Если следовать наставлению Никона: «Праведно есть и нам всяку церковных ограждений новизну истребляти...» — следовало бы вернуться к докиприановским* служебникам, еще более увеличивая различие с греческой службой...

Этого ли ждал от своих справщиков Никон?

Едва ли...

Можно как угодно трактовать события, но объективно получалось, что именно вожди раскола, а не иерархи ее, встали тогда на защиту поруганной Русской церкви.

Еще существеннее, что раскол становился тогда попыткой ответа на вопрос, должна ли Россия изменяться в угоду другим странам, другим идеологиям, или должна, исполняя свое предначертание, о котором говорил еще игумен Филофей, ощущать себя, как это и было на самом деле, третьим Римом.

Россия шла своим путем и могла и дальше идти им, но иерархи нашей церкви во главе с патриархом Никоном унизили национальное сознание, сломили его.

По сути, это они и заставили страну свернуть с собственного пути и следовать, рабски подражая другим странам.

Глава четвертая

ПАДЕНИЕ ПАТРИАРХА

Велик человек был патриарх Никон. Уважение, которое испытывал к нему государь, дивило и жителей Москвы и приезжих.

«Любовь царя и царицы к Никону превышает всякое описание, — пишет архидиакон Павел Алеппский. — При личном свидании с патриархом царь всегда испрашивает у него благословение и целует его

* Киприан — святой, Московский митрополит. Монашество принял на Афоне.

руку, а Никон в то же время целует царя в голову».

Запомнилось и новоселье, которое праздновал в 1655 году Никон.

Все архиереи, начиная с Антиохийского патриарха Макария, а за ними настоятели монастырей, приветствовали Никона и подносили иконы с хлебом-солью, а некоторые, кроме того, большие вызолоченные чаши, куски бархата.

Затем поднесены были дары от белого духовенства, от купечества, от государственных сановников и от других лиц.

Наконец, явился сам царь. Он поклонился Никону и поднес ему от себя лично три хлеба с солью и три сорока дорогих соболей, потом столько же хлебов и соболей от своего сына и царицы, от своих сестер, от своих дочерей — всего двенадцать хлебов и двенадцать сороков соболей.

Никон стоял в красном углу, а Алексей Михайлович спешно ходил чрез всю залу, брал из рук стольников, стоящих у дверей, свои подарки, и нес Никону.

— Сын Ваш, царь Алексей, кланяется Вашему святейшеству и подносит Вам! — объявлял он.

«От долгого хождения взад и вперед и ношения немалых тяжестей царь очень устал, — отмечает Павел Алеппский. — Все присутствовавшие были поражены таким изумительным смирением и услужливостью его пред патриархом».

Когда государь уезжал из Москвы, министры и наместник каждое утро обязаны были являться в присутствие, или совет, к патриарху для обсуждения дел. Входили все сразу, как только раздавался звон колокольчика. Патриарх обращался к иконам и тихо прочитывал «Достойно есть», между тем как министры кланялись ему в землю все вместе. Затем каждый из них подходил и кланялся патриарху отдельно и получал от него благословение.

Если случалось, что кто-то из вельмож запаздывал к тому времени, как раздавался звон колокольчика, то ему долго приходилось ждать на улице, иногда на сильном холоде, пока патриарх не давал особого приказа войти.

Разговаривал с боярами патриарх стоя. Министры делали ему доклад о текущих делах, и патриарх о всяком деле давал каждому свой ответ и приказывал, как поступить.

«Сколько мы могли заметить, — говорит Павел Алеппский, — бояре и сановники не столько боятся своего царя, сколько патриарха, и в некоторых случаях последнего боятся даже гораздо более. Прежние патриархи вовсе не вмешивались в государственные дела, но Никон при своих талантах, проницательности и различных знаниях достиг того, что равно искусен как в церковных, так и в государственных и даже мирских делах, потому что прежде был женат и долго жил в мире».

1.

Но все это было в прошлом...

К 1658 году от былой любви к Никону у Алексея Михайловича мало чего осталось.

Некоторые историки видят причину разрыва в неумеренных амбициях патриарха, которые, как и следовало ожидать, начали раздражать государя.

Многие историки считают, что причиной охлаждения стали ошибки Никона при проведении исправления церковных книг и обрядов.

Наверное, причина эта наиболее вероятна, с тем только уточнением, что на разрыв царя толкнула не крутость, с которою взялся Никон за исправление церковных обрядов, а попытка отыграть реформу назад. Об этом не принято говорить, но или осознав свои ошибки, или испугавшись катастрофических последствий их, Никон действительно попытался дать задний ход в церковной реформе. Он, например, помирился с Иваном Нероновым, ставшим старцем Григорием, и не только простил его, но и разрешил ему служить по старым книгам, заявив, что нет никакой разницы в этом.

Церковные историки, пожалуй, за исключением только Н.Ф. Каптерова, стараются этот момент обойти, а между тем он имеет принципиальное значение. Ведь,

если Никон был удален за попытки примириться с раскольниками, пусть и после всех совершенных им ошибок, роль Алексея Михайловича в истории церковного раскола приобретает иное, гораздо более зловещее значение.

Вполне возможно, что какую-то роль в охлаждении Алексея Михайловича к «собинному другу» сыграли, как мы уже говорили, и всплывшие после кончины преподобного Елеазара подробности изгнания Никона из Анзерского монастыря.

Так или иначе, но 6 июля 1658 года, когда в Грановитой палате давался обед в честь грузинского царевича Теймураза, Никона позабыли пригласить на парадный обед.

День этот проходил в Москве с необыкновенным торжеством.

Москвичам приказано было не торговать и не работать, а нарядиться во все праздничное. Алым шелком, красными и зелеными сукнами, золотой парчою изукрасились серенькие московские улицы. В глазах рябило. Ярко стало на улицах, словно вся Москва со всех сторон загорелась.

В Кремле еще ярче пылало, — драгоценные камни на одеждах переливались, золото сияло.

Возле Красного крыльца карета грузинского царевича остановилась. На крыльцо ближний боярин Василий Петрович Шереметев вышел. Отдал царевичу низкий поклон.

Освобождая царевичу путь, замахал палкой окольничий Богдан Матвеевич Хитров. Не смотрел, куда бьет, некогда. Положено, каб по полному чину встреча была.

Попало палкой и Борису Нелединскому, тому самому, который с сушила Аввакума уводил.

— Не дерись, Богдан Матвеевич! — вскричал Нелединский, за лоб хватаясь. — Ведь я с делом сюда пришедчи.

— Кто таков? — спросил Хитрово, хотя и узнал Нелединского.

— Патриарший человек, с делом присланный. Святейший спросить послал.

— Эка важность! — сказал Хитрово и теперь уже прицельно ударил патриаршего посланца по лбу. — Это тебе, каб патриархом не особенно дорожился. Сойди с дороги, червь!

Наконец очищен был путь. Через Святые сени ввели царевича в Грановитую палату.

Огромен был пятисотметровый зал. Льющееся в слюдяные окна июльское солнце сверкало в золоченой резьбе, освещало покрытые богатой росписью стены и своды палаты.

Вся Русь собралась здесь. Древнерусские князья и цари смотрели со стен на входящего в Грановитую палату царевича. А тот ступал по полу, застланному персидскими коврами, и щурился от сияния золота. Вокруг колонн, на которые опирались парусные своды, на всю девятиметровую высоту сложены были золотые и серебряные кувшины, и казалось, что на эту груду золота и опирается тяжелый потолок.

На горящем драгоценными камнями троне сидел царь. Богатые, расшитые самоцветами одежды сияли на нем. На голове горел драгоценными каменьями царский венец.

И как колонну, скрытую за грудами золотой и серебряной посуды, так и государя трудно было разглядеть из-за сияющего вороха бриллиантов и рубинов... Все в белом, по три в ряд стояли с обнаженными мечами вокруг трона царские телохранители — рынды.

Стольники в обшитых пепельными соболями одеждах разносили наполненные напитками золотые чаши. После этого подана была на столы первая смена холодных яств. Стерляди, белуги, осетры, лебеди белые с крыльями, журавли под шафранным взваром, куры, разнятые по костям под огурцом, косяки буженины, свиные лбы под чесноком, сандрики из ветчины.

Потом понесли яшмовые чаши с зажженным вином, начали подавать горячее.

Четыреста блюд сменилось на столах, когда принесли следующую смену — сласти.

И все эти четыреста блюд без патриарха кушали.

Нет-нет...

Уже не до обид, не до гордыни своей было Никону. Едва только поведал ему Нелединский о злоключениях, патриарх написал государю гневное послание.

Ответ пришел только на другой день.

«Сыщу и по времени сам с тобою буду видеться...» — писал государь.

А несколько дней спустя в Успенском соборе праздновали Положение ризы Господней, принесенной в Москву при Михаиле Федоровиче.

И снова не пришел в церковь государь. Его стольник Юрий Иванович Ромодановский объявил Никону после заутрени, что государь и на Святую Литургию велел не ждать.

— За что царь на меня гневается? — чужим голосом спросил Никон.

— Ты пренебрег его царским величеством! — ответил Ромодановский. — У нас один великий государь — царь, а ты тоже пишешься великим государем.

— Сам царь так восхотел, — растерянно сказал Никон. — У меня грамота есть, его царской рукой писанная... Я...

— Государь тебя почтил этим, как отца и пастыря! — перебил Ромодановский. — А ты не уразумел. Теперь государь приказал сказать тебе, чтоб впредь не писался ты и не звался великим государем.

Никон с Ромодановским больше спорить не стал.

«Се вижу, на мя гнев твой умножен без правды... — написал он в ризнице. — Того ради и соборов святых во святых церквах лишаешись. Аз же пришелец есмь на земли, и се ныне, дая место гневу, отхожу от места и града сего, и ты имяши ответ пред Господом Богом во всем дати».

Письмо дьяку Калинину отдал, чтобы царю отнес.

Управившись с этим делом, начал служить Никон свою последнюю в Успенском соборе литургию.

Когда закончилось освящение даров и пели «Достойно есть...», вернулся Калинин. Государь прочитал письмо и вернул назад без ответа.

Никон кивнул, услышав это.

После причастия, когда спели: «Буди имя Господне благословенно отныне и до века...» — Никон поучение сказал.

Многое видели древние стены Успенского собора.

Здесь на великое княжение и на царство русское венчались великие князья и цари, здесь происходили все наиболее важные для государства бракосочетания, здесь поставлялись митрополиты и патриархи, здесь, уходя на брань, получали воеводы благословение перед Чудотворной иконой Владимирской Божией Матери. Но нынешнего еще не видели древние стены храма...

Прочитав слово из Златоуста, Никон заговорил о самом себе. Речь эта сохранилась лишь в пересказах свидетелей.

Крутицкий митрополит Питирим вспоминал, что Никон говорил:

«Ленив я был учить вас, не стало меня на это, от лени я окоростовел, и вы, видя мое к вам неучение, окоростовели от меня. От сего времени не буду вам патриархом; если же помыслю быть патриархом, то буду анафема».

А вот Тверской архиепископ Иоасаф сознался, что не помнит, произнес ли Никон слово «анафема».

По сказке патриаршего ризничего диакона Иова, Никон говорил в своей речи к народу:

«Как ходил я с царевичем Алексеем в Колязин монастырь, в то время на Москве многие люди к Лобному месту сбирались и называли меня иконоборцем за то, что я многие иконы отбирал и стирал, и за то меня хотели убить. Но я отбирал иконы латинские, писанные с подлинника, что вывел немец из Немецкой земли, которым поклоняться нельзя». — И, указывая при этом в иконостасе соборной церкви на Спасов образ греческого письма, продолжал: — «Вот такому можно поклоняться, а я не иконоборец. После того называли меня еретиком: новые-де книги завел — и то чинится ради моих грехов. Я предлагал многое поучение и свидетельство Вселенских патриархов, а вы в непослушании и окаменении сердец ваших хотели меня камением побить. Но один Христос искупил

нас Своею Кровию, а мне, если побьете меня камением, никого своею кровию не избавить. И чем вам камением меня побить и называть еретиком, так лучше я от сего времени не буду вам патриархом».

Окончив свою речь, Никон стал своими руками разоблачаться: снял с себя митру, омофор, саккос. Многие со слезами молили его:

— Кому ты оставляешь нас, сирых?!

— Кого Бог вам даст и Пресвятая Богородица изволит, — отвечал Никон.

Надев черную мантию с источниками (следовательно, архиерейскую) и черный клобук, Никон поставил посох Петра чудотворца на святительском месте, взял простую клюку и пошел из церкви. Но прихожане, заперев двери, из церкви его не пустили, а послали Крутицкого митрополита Питирима известить обо всем государя. Государь отправил в собор своего знатнейшего боярина, князя Алексея Никитича Трубецкого.

Боярин прежде всего попросил благословения у патриарха, но патриарх боярина не благословил.

— Прошло мое благословение, — сказал он, — не достоин я в патриархах быть.

— В чем твое недостоинство и что ты сделал? — спросил Трубецкой.

— Ты хочешь, чтобы я покаялся тебе? — спросил Никон.

— То не мое дело, — ответил Трубецкой. — Не кайся.

«Затем дал мне патриарх письмо и велел поднесть великому государю, — докладывал Алексей Никитич Трубецкой, — да приказывал бить челом, чтоб государь пожаловал велел дать ему келью. Про всё то я великого государя известил, и он послал меня к патриарху в другой раз, велел отдать ему письмо назад и сказать, чтобы он патриаршества не оставлял и был по-прежнему, а келий на патриаршем дворе много, в которой он захочет, в той и живи. Никон, приняв письмо, отвечал: "Я слова своего не переменю, да и давно-де у меня о том обещание, что патриархом мне не быть". И пошел из соборной церкви вон».

Воистину, еще не видели такого стены Успенского собора...

2.

Нигде не стало мира в России.

28 июня 1659 года гетману Выговскому удалось заманить русскую конницу князей Семена Романовича Пожарского и Семена Петровича Львова под Конотопом в татарскую засаду. В один день погиб весь цвет русской кавалерии, совершившей победные походы 1654 и 1655 годов. Одних только пленных взяли татаре более пяти тысяч. Всех их по уговору с Выговским зарезали. Горами дымящихся трупов покрылись конотопские поля...

16 февраля 1660 года в Москве открылся Церковный собор.

— Отцы святые, преосвященные митрополиты, архиепископы и епископы, архимандриты, игумены и протопопы! — обратился Алексей Михайлович к собравшимся в золотой царской палате. — Изъявлением всесильного Бога, а наших грех ради, мать наша, святая соборная Церковь, вот уже год и семь месяцев не имеет жениха и пастыря, с тех пор как бывший ее пастырь самовольно оставил свой престол и отрекся от него. Это видели митрополиты Сарский и Подонский Питирим и Сербский Михаил, Тверской архиепископ Иоасаф, архимандриты, игумены и другие, которые были в тот день с Никоном в службе. От них взяты сказки за их руками, и те сказки мы пришлем к вам на Собор. И вам бы о Святом Духе рассудить о сем крепко, единодушно и праведно, без всякой ненависти и тщетной любви, по правилам святых апостолов и святых отцов, памятуя Страшный суд и воздаяние...

Ровно полгода, до 14 августа, рассуждали в Крестовой патриаршей палате восемнадцать архиереев, двадцать архимандритов, тринадцать игуменов и пять протопопов.

Почти полгода изучал Собор все обстоятельства ухода Никона. Опрашивали свидетелей, наводили справки, наконец, единодушно решили, что патриарший престол оставил Никон своей волей.

Попробовали миром решить дело.

Объявили, что «Правила св. отцов все согласно и невозбранно повелевают на ме-

сто епископа, отрекшегося своей епископии или оставившего ее без благословной причины более шести месяцев, поставить иного епископа».

Никон против мирового соглашения не возражал.

Посланный к нему в Крестный монастырь на Белом море стольник Пушкин возвратился и 6 марта дал письменную сказку о своих переговорах с Никоном.

— Когда ты изволил оставить патриаршеский престол... — говорил Никону Пушкин, — ты подал великому государю благословение выбрать другого патриарха, кого пожелает...

— Великому государю от меня благословение всегда, — отвечал Никон, — невозможно рабу не благословить своего государя. Но на такое дело, чтобы поставить патриарха без меня, я не благословляю. Мне дали митру патриархи Вселенские, и митрополиту возложить на патриарха митру невозможно. Я оставил престол, но архиерейства не оставлял, и все власти моего рукоположения и при поставлении своем дали в своем исповедании клятвенное обещание пред всею Церковью не хотеть им иного патриарха, кроме меня... Как же им без меня ставить новоизбранного патриарха? Если государь изволит мне быть в Москве, то я по указу его новоизбранного патриарха поставлю и, приняв от государя милостивое прощение, простясь с архиереями и подав всем благословение, пойду в монастырь...

Почему царь Алексей Михайлович не согласился на предложенный Никоном вариант — тайна велика есть.

Да... Никон выговаривал себе условия почетной отставки, но цена ее, по сравнению с той, которую пришлось заплатить через несколько лет, не шла ни в какое сравнение. В принципе вариант Никона устраивал всех, кто желал мирного разрешения конфликта...

И тут опять вынуждены мы задать вопрос, а желал ли царь Алексей Михайлович мирного разрешения проблемы?

«В прошлом 160 (1652. — *Н.К.*) году Божиею волею, и твоим, великого государя, изволением, и всего освященного Собора избранием был я поставлен на патриаршество не своим изволом... — писал Никон Алексею Михайловичу 25 декабря 1661 года, — я, ведая свою худость и недостаток ума, много раз тебе челом бил, что меня на такое великое дело не станет, но твой глагол превозмог. По прошествии трех лет (1655 год. — *Н.К.*) бил я тебе челом отпустить меня в монастырь, но ты оставил меня еще на три года. По прошествии других трех лет (1658 год. — *Н.К.*) опять я тебе бил челом об отпуске в монастырь, но ты милостивого своего указа не учинил. Я, видя, что мне челобитьем от тебя не отбыть, начал тебе досаждать, раздражать тебя и с патриаршего стола сошел в Воскресенский монастырь».

Как правило, церковные историки рассматривают просьбы Никона об отставке только как ходы в его интригах, но, право же, в таком подходе желания представить черное белым больше, нежели стремления к объективности.

Почему мы должны подозревать Никона в неискренности? Если в первые годы своего правления он еще мог рассчитывать, что царь Алексей Михайлович будет упрашивать его, то в 1658 году абсолютно никаких оснований для подобных надежд у Никона уже не могло быть.

Увы... Алексей Михайлович отверг предложение Никона о полюбовном разрешении конфликта. Собору он, разумеется, не поведал о причинах своего отказа, а велел дальше рассуждать, как законным способом лишить Никона патриаршества.

Но теперь и на Соборе уже не рассуждения об отрешении Никона от патриаршества пошли, а одни только разногласия.

Одни считали, что коли самовольно оставил Никон патриаршество, то значит, отрекся от сана и от престола отрешился.

Другие доказывали, что отречение только на словах было, что Никон все это время продолжал совершать архиерейские службы и, значит, в действительности от сана своего не отрекался, и об отрешении его от патриаршества еще долго рассуждать надо.

Так и не додумались ни до чего...

Никон тем временем перебрался с Белого моря в свой Новый Иерусалим — недостроенный Воскресенский монастырь. Еще когда во власти был, начал он строить под Москвой эту точную копию Святой Земли...

Немало даров дано было от Господа и Никону.

На великую высоту воздвиг Господь сына мордовского крестьянина Мины. Вровень с государем всея Руси поставил. Великие дела во славу Церкви Божией мог совершить Никон, дивным святительским светом озарив немереные просторы русской державы.

И что же вышло?

Уже который год сидел Никон в своем Новом Иерусалиме и ждал. Неведомо чего.

Иногда рассеивалась муть, и с печалью размышлял Никон, что все годы своего патриаршества только тем и занимался, что проклинал.

Проклял Логгина, Ивана Неронова, епископа Павла Коломенского. Потом всех двоеперстников разом... Страшно становилось, когда думал так.

Зачем проклинал? За что?

Задыхался Никон...

Но снова сгущалась муть, отступало удушье, снова становился похожим Никон на прежнего, известного всем Никона-патриарха. Снова ждал, когда наконец одумается государь, снова привычно и равнодушно проклинал тех, кто чем-либо не угодил ему.

Предал проклятию патриаршего местоблюстителя Питирима, осмелившегося в Вербное воскресенье во время шествия на осляти заменить его, патриарха Никона.

Проклял подрядчика Щепоткина, слишком дорого запросившего за колокольную медь.

Проклял окольничего Романа Федоровича Боборыкина, отсудившего у Воскресенского монастыря деревеньки Рычково и Кречково...

Три года тянулась тяжба и решилась в пользу Боборыкина. Когда Никон узнал об этом, он собрал братию в церкви и, положив под крест царскую грамоту, жалованную Воскресенскому монастырю, отслужил молебен, а потом возгласил клятвенные слова из 108-го Псалма против обидящих.

— Боже хвалы моей! Не промолчи! Ибо отверзлись на меня уста нечестивыя и уста коварные; говорят со мною языком лживым! Воздают мне за добро злом, за любовь мою ненавистью! — возглашал Никон, и слезы блистали на выпуклых глазах его. Про него, несчастного и покинутого Никона, был этот сложенный царем Давидом Псалом.

— Поставь над ним нечестиваго, и диавол да станет одесную его! — молил Никон Господа. — Когда будет судиться, да выйдет виноватым, и молитва его да будет во грех...

— Да будут дни его кратки, и достоинства его да возьмет другой! Дети его да будут сиротами, а жена его — вдовою! Да скитаются дети его, и нищенствуют, и просят хлеба из развалин своих!

Страшные слова звучали в храме.

Гремел голос Никона, обрушивающего проклятия на голову несчастного Романа Боборыкина.

Страшно было монахам.

Еще страшнее стало, когда сообразили, что, коли жалованная грамота царская под крестом лежала, может, и на голову государя падут изреченные проклятия.

Зашептались тревожно монахи.

Шепот быстро до Москвы добежал. Здесь, в боярских хоромах, уже во весь голос заговорили, что Никон дерзнул самого государя проклясть. Не по себе стало Алексею Михайловичу!

— Я грешен! — сказал он. — Но в чем согрешили мои бедные дети?

И заплакал государь.

В 1663 году у царя Алексея Михайловича было шесть дочерей и два сына.

Сыну Алексею суждено умереть в пятнадцать лет.

Федор до двадцати одного года доживет.

Две дочери в монастырь насильно пострижены будут.

Четверо — старыми девами до шестидесятилетнего рубежа доживут.

Если так посмотреть, то и впрямь не напрасно государь о своих детях плакал...

Были тогда и другие огорчения у государя.

17 июля 1660 года И.А. Хованский потерпел поражение от Сапеги в Минской губернии, и, печалуясь о гибели войска, не тешился Алексей Михайлович соколиной охотой. Десять дней, в самое золотое время, с 25 июня по 5 июля, скучали царские птицы — Атаман, Арап, Есаул, Копейка, Усач — в золоченых клетках...

3.

Странные дела стали твориться в России.

Вроде и не изменилось ничего. Тот же царь-батюшка на троне сидит, так же колокола в церквах звонят, та же нужда горькая, бедность вокруг. Только в воздухе помрачение какое-то встало...

12 февраля 1662 года приехал в Москву Газский митрополит Паисий Лигарид. Митрополит Филарет (Дроздов) относил его прибытие в Россию к самым большим несчастьям нашей церкви...

Греки и раньше в Москву любили ездить, а при Алексее Михайловиче восточные иерархи постоянно в белокаменной жили. Везли сюда святыни, в которых у них недостатка не было, назад золото увозили, соболей, дорогие одежды.

«Между этими выходцами, остававшимися на более или менее продолжительное время в Москве, очень мало было таких лиц, которые бы переселялись в Россию с целью принести какую-либо действительную пользу приютившей их стране... — пишет Н.Ф. Каптеров. — В Москве единоверных выходцев с востока принимали очень радушно, награждали щедрою милостынею и оказывали им всякое благоволение. К числу таких бродячих, не уживших-ся дома архиереев, которым “не подобает возлагать на себя ни епитрахили, ни омофора”, принадлежал и газский митрополит Паисий Лигарид».

Эта характеристика, данная автором замечательного исследования, посвященного истории раскола, представляется нам излишне благодушной.

Если бы Паисий Лигарид жил в наше время, его, возможно, занесли бы в Книгу рекордов Гиннесса. Кажется, ни один человек в мире не собрал столько проклятий от различных патриархов. Причудливая биография его еще ждет своего описателя...

Паисий Лигарид (Лихарид), в миру Пантелеймон, родился в 1610 году на острове Хиос. Образование получил в Риме в греческой иезуитской коллегии.

В Константинополе он наладился издавать труды Неофита Радина и Петра Аркудина. Книги выходили со стихотворными посвящениями папе Урбану VIII, от которого и получал Панталеон регулярный пенсион. Издательские труды эти не остались незамеченными. Вскоре Лигарид был удостоен степени доктора богословия.

Однако в 1644 году, когда патриархом стал Парфений II*, известный своей борьбой с иезуитами, Панталеону пришлось покинуть Константинополь.

Несколько лет Лигарид жил в Яссах, подрабатывая учительством и чего-то выжидая... Любопытно, что здесь, в Молдавии, и произошла его встреча с уже упоминавшимся нами Арсением Сухановым.

24 апреля 1650 года, когда Арсений Суханов спорил с греками о крестном знамении, Панталеон участвовал в диспуте и единственный из греков поддержал Арсения в вопросе о двоеперстии. Лигарид сказал тогда: «добро у них так, еще лучше нашего».

Когда же патриарх Паисий попросил сыскать от писаний святых о крестном знамении, Лигарид ответил: «немочно сыскать».

Неудивительно поэтому, что простоватый Арсений Суханов вскоре превратился в опекуна Паисия Лигарида.

16 ноября 1651 года, когда патриарх Паисий постриг Лигарида, Арсений Суханов и был его восприемным отцом, под его

---

* Был патриархом до 1646 года, его сменил Иоанникий II, Парфений сменил его в 1647 году и занимал престол до 1650 года.

начало и отдал патриарх инока Паисия Лигарида, поручив Арсению держать его под началом «крепко, как держат на Москве в великих монастырях».

Забегая вперед, скажем, что это Арсений Суханов и рекомендовал Лигарида патриарху Никону... Ну а приняв постриг, Паисий Лигарид недолго пробыл под началом Арсения Суханова. Вместе с патриархом Паисием* он уехал в Иерусалим, где на следующий год был посвящен в митрополита газского.

Карьера, даже и учитывая специфику устроения восточных церквей, слишком стремительная...

Некоторый свет на механику этой карьеры проливает переписка реформаторского пастора Клода с историком Д. Арно, опубликовавшим письма маркиза де Помпона, «чрезвычайного посланника его христианнейшего величества при дворе короля шведского».

В письме от 10 сентября 1667 года де Помпон сообщил о сведениях, которые он получил от Лилиенталя, шведского резидента в Москве.

«По национальности он (Лигарид. — *Н.К.*) грек и монах ордена святого Василия. Он учился в Риме и в Падуе, и возвратился оттуда в Константинополь, был поставлен там архиепископом г. Газы в Палестине. Успех, с которым он проповедовал греческую религию туркам, и некоторое преследование, которое он боялся навлечь на себя за это, заставили его удалиться в Молдавию и Валахию...»

Эти сведения были записаны Лилиенталем едва ли не со слов самого Лигарида, но гораздо более заслуживает внимания сообщение о положении, которое занимал Лигарид в Москве.

«Он поместился, — пишет Лилиенталь, — в его (царя) дворце и находится в большом уважении при этом дворе. Если бы он знал язык страны, он, вероятно, был бы избран патриархом».

* Иерусалимский Патриарх Паисий I находился на престоле с 1645 по 1661 год.

Все здесь преувеличение, но преувеличение, опять-таки сделанное с подачи самого Лигарида. Так Лигарид желал выглядеть в глазах других.

«Собор, который собирался в Москве, утвердил низложение патриарха, обвиненного в гнусных пороках, а также и в том, что он втянул свою страну в войну со Швецией и Польшей...»

Разговоры об авторитете Лигарида чрезвычайно развеселили пастора Клода.

«Неужели мы только от Помпона и знали, *кто* такой этот архиепископ? — спрашивал он, отвечая доверчивому другу историку, и тут же приводил свидетельство грека Граденигра, обращенного в латинство: — Паисий Лигарид воспитывался в Риме, и когда он ушел оттуда, то явился горячим защитником латинян».

В работе Л. Лавровского «Несколько сведений для биографии Паисия Лигарида, митрополита Газского» приведено также чрезвычайно интересное свидетельство английского доктора Базайра (Basire).

«В 1652 году, находясь в Иерусалиме, в храме гроба Господня, для молитвы и обозрения святых мест, я заметил Паисия Лигарида, идущего ко мне от патриарха Иерусалимского, по имени тоже Паисий, чтобы предложить мне хлеб, на котором были изображены все события жизни Иисуса Христа, от Благовещения до Вознесения. Оставляя меня, он просил прийти завтра на его духовное обручение — это было его выражение — т.е. на его поставление в сан митрополита газского.

14 сентября и я присутствовал при всей церемонии.

Патриарх сидел на очень высоком троне, со всех сторон покрытом богатыми турецкими коврами, ниже сидели митрополиты, еще ниже — епископы, архимандриты и пр.

Во время службы Лигарид прочитал исповедание веры. Пред своим посвящением два или три раза он бросал под ноги изображение, на котором был представлен город, стоящий на семи горах, а вверху двуглавый орел.

Присутствующие здесь латиняне были ужасно скандализированы этим, ибо

они хорошо понимали, что этот город был Рим...»

Доктор Базайр вспоминает, когда после обеда папский викарий, «человек умный и искренний», вступил с ним в беседу, вошел Лигарид и, бесцеремонно прервав разговор, попросил не возмущаться тем, что он сделал во время своего «обручения».

«Его оговорка была довольно забавна, ибо он уверял нас, что он менее всего думал о городе Риме, и что в этом обряде, который практикуется в церкви греческой, выражается ничтожность мира, изображаемого этим городом, а таким действием — отречение от этого мира. Однако это извинение не совсем хорошо было принято викарием, который был слишком умен для того, чтобы довольствоваться этим. После ухода Лигарида мы говорили, что он был отъявленный лицемер, и что в то время, как он говорил таким образом, он получал от папы ежегодный пенсион...»

Как явствует из этих воспоминаний, если бы объяснение происходило наедине, цель Паисия Лигарида, несомненно, была бы достигнута. Но викарий, возмущенный двуличностью папского стипендиата, оказался достаточно хитрым и постарался сделать объяснение это публичным. В результате — оно стало известно патриарху Паисию. Патриарх потребовал, чтобы Лигарид покинул порученную ему митрополию.

К этому времени и относится начало хлопот Лигарида о переезде в Россию. Действуя сразу и через своего духовного отца — Арсения Суханова и через однокашника по иезуитскому коллегиуму — Арсена Грека, Лигарид добился приглашения в Россию от патриарха Никона.

«Слышахом о любомудрие твоем от монаха Арсения и яко желаеши видети нас, великого государя. Тем и мы тебе, яко чадо наше по духу возлюбленное с любовию прияти хощем, — писал патриарх Никон 1 декабря 1656 года, — точию прием сия наша письмена, к царствующему граду Москве путешествовати усердствуй».

Любопытно, что уже тогда Лигарид был запрещенным архиереем.

Впрочем, получив приглашение, он не сразу поехал.

Несколько лет жил в Валахии, участвуя в дворцовых заговорах и дорабатывая объемистое историческое сочинение об иерусалимских патриархах. То ли ждал, пока стихнет скандал, связанный с отлучением от митрополии, то ли спешил завершить свой новый труд...

О характере этого сочинения можно судить по отзывам самих патриархов. Прочитав работу Лигарида, Константинопольский патриарх Мефодий III* и Иерусалимский патриарх Нектарий** предали Паисия Лигарида проклятию.

Только в начале 1662 года Лигарид начал собираться в Россию.

Он запасся удостоверительной грамотой Константинопольского патриарха Парфения IV***, в которой было написано, что он — митрополит газского Предтечева монастыря.

В дальнейшем выяснилось, что Парфений давать такую грамоту не имел права, поскольку газский Предтечев монастырь находился под юрисдикцией иерусалимского патриарха.

«Парфений IV человек неученый, неразумеющий законному правилу... — писал патриарх Досифей****. — А что он Парфений учинил газскому митрополиту, учинил яко неученый и неграмотный...»

Тем не менее 12 февраля 1662 года Лигарид был уже в Путивле, а 9 апреля 1662 года его принял государь.

Лигарид поднес ему в подарок модель гроба Господня, иорданскую воду и иерусалимские свечи. От царя он получил серебряный кубок, сорок соболей, камку и трид-

* Мефодий III был Константинопольским патриархом с 1669 по 1671 год.

** Нектарий был Иерусалимским патриархом с 1661 по 1669 год.

*** Парфений IV был Константинопольским патриархом с 1657 по 1660 год, вторично — с 1665 по 1668 год, в третий раз — с 1671 по 1672 год.

**** Досифей II был Иерусалимским патриархом с 1669 по 1707 год.

цать рублей денег, а после челобитной еще сто рублей и пятьдесят рублей соболями.

Хотя Лигарид приехал по приглашению Никона, но — вот она нравственная гибкость подлинного иезуита! — принял сторону царя. Он посоветовал Алексею Михайловичу привлечь для суда над Никоном восточных патриархов.

«Он прибыл в Москву (19 февраля 1669 года) в самое горячее время, когда дело о Никоне все больше и больше запутывалось, когда Московское правительство чувствовало свое полное бессилие так или иначе порешить это дело и потому крайне нуждалось в человеке, который бы помог ему выйти из затруднительного положения, — пишет Н.Ф. Каптеров. — Паисий Лигарид и был именно таким человеком, способным взяться за всякое дело, особенно которое сулило ему всевозможные выгоды, почет и влияние. Он сразу понял выгоды своего положения между двух борющихся сторон и, как и следовало ожидать от него, немедленно пристал к сильнейшей правительственной партии, стал душою и руководителем всех врагов Никона, дело которого, как он хорошо видел, было уже окончательно проиграно. Он скоро успел овладеть полным расположением и доверием к себе самого государя, у которого в некоторой степени даже занял место прежнего "собиннаго друга", так что Алексей Михайлович, по свидетельству самого Никона, стал слушать во всем Лигарида и почитать его как "пророка Божия". Это понятно: вкрадчивый, очень гибкий и льстивый гречанин, желавший только всячески угождать царю, представлял полную противоположность с суровым, гордым, неуступчивым и притязательным Никоном, и потому ему не трудно было приобрести расположение и любовь мягкого и привязчивого царя, нравственно измученного столкновением с Никоном, искавшего опоры, успокоения, оправдания своему поведению в этом деле. Никто не мог лучше Паисия успокоить встревоженного, неуверенного в своей правоте царя, оправдать его в своих собственных глазах, сообщить ему, колебавшемуся, нравственную устойчивость и решительность. Паисий пустил в ход всю свою ловкость и изворотливость, все свое остроумие и находчивость, весь запас своих научных знаний, чтобы во всем оправдать царя и, наоборот, во всем обвинить Никона».

Насчет ловкости и изворотливости Лигарида с Н.Ф. Каптеровым трудно не согласиться...

Но для нас важнее понять, действительно ли, обманывая Алексея Михайловича, Лигарид успокаивал «встревоженного, неуверенного в своей правоте царя», или же царь понимал, с кем он имеет дело, и использовал бесчестного мошенника в собственных целях.

Совершенно точно известно, что когда Паисий объявил себя патриаршим экзархом, Алексей Михайлович послал келаря Чудова монастыря Савву к патриарху Дионисию*. Тот разыскал бежавшего от турок патриарха Дионисия, и Дионисий самолично дал ответы на все волновавшие русских вопросы.

— Ехать в Москву я никак не могу... — сказал мудрый Дионисий. — Благословляю государя, чтобы он или простил патриарха, или другого поставил, смиренного и кроткого. Если он боится греха, то мы принимаем грех на свои головы. Царь — самодержец, ему все возможно... Стефан же грек у меня не бывал. Правда, хартофилакс** докучал мне, чтобы я написал грамоту — быть Газскому экзархом. Но я этого не позволил, и если такая грамота появилась у царя, то это плевелы, посеянные хартофилаксом. Паисий Лигарид — лоза не Константинопольского престола, я его православным не называю, ибо слышу от многих, что он палежник, лукавый человек.

Считается, что Паисий Лигарид вывернулся, уверив царя, что и сам был обманут хартофилаксом, который доставил ему грамоту... Однако справедливее предположить, что Алексею Михайловичу самому

* Дионисий III был Константинопольским патриархом с 1660 по 1665 год.

** Хранитель церковных книг и документов. Посланец Лигарида.

хотелось увериться в оправданиях Лигарида, ибо он был нужен для низвержения Никона и завершения реформы Русской православной церкви.

Во всяком случае, послание патриарха Дионисия не испортило отношений Лигарида с Алексеем Михайловичем.

Никаких последствий не вызвало и сообщение патриарха Досифея, обвинившего Паисия Лигарида в сношениях с такими еретиками, *каких в Иерусалиме нет ни в живых, ни в мертвых*...

Это кажется преувеличением, но если вспомнить, какую аферу провернул Лигарид в России, ощущение гротеска превращается в обыденную реальность...

Увы...

Приходится признать, что у русского царя и у газского мошенника оказалось общее дело, исполнение которого в глазах Алексея Михайловича компенсировало и проклятия патриархов, и даже страх Божий.

Ведь и в дальнейшем, уже твердо зная о проклятиях, Алексей Михайлович не сразу нашел силы отстранить Лигарида от дел, связанных с устройством и управлением Русской православной церковью.

4.

Накануне Собора, на котором вселенские патриархи должны были в Москве судить Никона, надумал государь Поместный собор провести, чтобы окончательно установить мир в церкви.

Собор этот еще в феврале открылся.

Вначале велено было самим архиереям исповедание принести.

Три вопроса Лигарид предложил...

Православны ли святейшие греческие патриархи? Книги греческие печатные и древние как исповедати долженствует? Еще нужно было высказать свое мнение о Соборе 1654 года... Ответы с архиереев требовали в письменном виде.

Заскрипели архиерейские перья...

«Аз смиренный Питирим, Божьей милостью митрополит Великого Новгорода и Великих Лук, исповедаю святейших греческих патриархов доднесь быти православными. Книги греческие печатныя и древния рукописныя... исповедаю быти православны и во всем приемлю. Собор, бывый... исповедаю и держу православным во всем».

«Аз смиренный Иона, Божьей милостью митрополит Ростовский и Ярославский...»

«Аз смиренный Павел...»

Одинаково отвечали митрополиты и архиепископы. Иначе и нельзя было ответить. Кто же восточных патриархов не почитает? Кто же Собор, в котором сам участвовал, не признает? Так были вопросы поставлены, что иных ответов и дать невозможно.

Когда собраны были ответы, когда определили состав суда, тогда начали свозить в Москву подсудимых.

1 марта Аввакума привезли с Мезени.

14 марта — старца Григория (Неронова).

23 марта сожгли на Козлацких болотах келью Ефрема Потемкина, а самого старца отправили под охраной в Москву.

Привезли дьякона Федора и попа Никиту Добрынина.

Ну а старец Епифаний на расправу своим ходом прибрел. Принес он царю писание, составленное им в уединенной келье. Думал, прочитает царь, откроются глаза у царя, перестанет губить царь веру православную на Руси.

В конце апреля, в Неделю святых женмироносиц, принимал государь в столовой царской палате съехавшихся на Собор архиереев и митрополитов.

— Радость сотвори нам Господь пришествием вашим! — сказал он.

Потом взял бумаги. По бумажке читал свою речь Алексей Михайлович. Текст речи сохранился в деяниях Собора.

«Неся бо Домовит небесный благоговзавитую ниву православия державы нашея чистого благочестия пшеницею, но враг завистный spiaszim nam, imze Bohom wryczisia straz jeia...»

Чинно сидели русские иерархи, внимая благоуханию взращенных Симеоном Полоцким цветов красноречия. Все простран-

ство государевой речи густо засадил своими цветами Симеон, но смысл все-таки был понятен. Хотел государь всея Руси, чтобы восстановлено было единство Церкви, а раскольники осуждены.

После приема в столовой царской палате, благословясь, принялись архиереи за дело.

Судили мятежников церковных в патриаршей Крестовой палате.

Первым предстал перед Собором Вятский архиепископ Александр.

«Многими книгами древними, хартейными и лепыми... — записывал Симеон Полоцкий, — доводи истину изъясняти. Он же, благодатию Божиею просвещен быв, абие написа покаянный список и прощение сподобився...»

Приняв покаяние архиепископа, произвел Собор Александра из подсудимых в судью. Рядом с другими сидел теперь архиепископ и сам судил заблудших.

Много веков назад святые Кирилл и Мефодий, создав славянскую азбуку, принесли нам Слово Божие. И возгорелся в языческих сумерках Русской земли ясный свет православия. Как к святыне, относились на Руси к этой азбуке. И монахи, и священники, и миряне.

Но этой азбуки — увы! — не знал Симеон Полоцкий, назначенный составлять Соборные Деяния. И впервые в истории Русской православной церкви Деяния Архиерейского собора оказались записаны латиницей.

Жутковато и сейчас читать это писанное на польский лад «Skasanie o Swkato' Sobore...»

Страшно это сказание...

«Poweleniem Blagothestiwogo Prawoslawnaho welkoho Caria j welkoho Kniasia wryczisia straz jeia, вся куколь душевредный, его же еще ревность умедлит исторгнути и искоренити, бедство будет о пшеницы да не озизаниться...»

Не равны были силы.

В Крестовую палату, огромные окна которой выходят на Успенский собор, вводят измученных долгими годами тюрем и ссылок, не шибко-то образованных попов и монахов. И они, прошедшие через многие испытания, подвергаются теперь испытанию авторитетом всей Православной церкви. Митрополиты и архиепископы клятвенно утверждают им, что изданные при Никоне книги в точности переведены с древних греческих книг. Как тут православному человеку, паче всего боящегося гордыни, не признать ошибок и не покаяться?

И не выдерживали этого испытания православные.

И каялись.

И, как злобная усмешка дьявола, делалась в черновике Симеоном Полоцким торопливая пометка: «Wypisac z ksiegi przykazney».

Игумен Златоустовского монастыря Феоктист принес покаяние Собору и умер в монастыре, «что на убогих дому».

Монах Ефрем Потемкин проповедовал на своих Козельских болотах о пришествии антихриста, лжепророчествовал о голоде на семь лет, но на Соборе, «аки от сна глубо-

Симеон Полоцкий.
Гравюра Н. Соколова. XIX в.

каго очнувши», начал обличать себя, «многия слез горьких излия токи».

Долго бились и с попом Никитой. Начали архиереи ему «отверзати очи и являти его невежество». Он же, окаянный, «уподобися аспиду, затыкающему ушеса своя». Но раскаялся и он. И «бысть на нем силою десницы Вышняго изменение из смраднаго козлища в тихое и незлобное овче...»

Но и тут не все каялись...

Мая 13-го числа предстал перед Собором «блядословный» Аввакум. Не убедили Аввакума свидетельства митрополитов и архиепископов о соответствии изданных Арсеном Греком книг древним греческим и славянским. Точно знал Аввакум, что это не так. И отвергся Аввакум от единства Святой православной церкви. Не смог присоединиться ко лжи даже ради единства церковного.

— До сих пор святые отцы нашей Церкви к правде и истине присоединялись, потому и нерушима стояла Восточная Церковь... — сказал он и далее, как записал Симеон Полоцкий, «злобу к злобе прилагая, укори в лицо весь святой Собор, всех неправославными нарицая».

Наверное, только теперь и поняли русские архиереи, сколь безжалостно точным был составленный Лигаридом сценарий Собора. Никакой возможности не оставалось для маневра, для особого мнения. Все заранее было определено.

«Аввакум иерейства лишен быти... — записывал Симеон Полоцкий решение Собора, — и анафеме предатися...»

И дьякон Федор не поддался на обман. «Изблева яд змеин из уст своих», он на вопрос, который должен был сразить его:

— Имеешь ли архиереев за православны пастыри?

— Бог их весть... — ответил.

Федора вместе с Аввакумом расстригли 13 мая 1666 года в Успенской церкви Кремля.

Зело мятежно было в обедню ту.

Открылись Царские врата.

«Иже херувимы...» — запели. Повели Аввакума на расстрижение. Анафеме предавать повели.

Только кто кого анафеме предавал, не сразу и разберешь. И на Аввакума проклятия говорились. И Аввакум проклинал. Со всех сторон навалились на протопопа и отхватили бороду. Волосы на голове тоже покромсали. Один хохол, как у поляка, оставили.

— Волки вы! — вырываясь, кричал Аввакум. — Оборвали, что собаки! Видете ведь, что дуруете, а отстать от дурна не можете! Дьявол омрачил вас!

Успенские священники тоже кричали. Сплошной крик с руганью в Соборе стоял. Только святые на древних Успенских фресках хранили молчание. Со скорбью смотрели на непристойную возню, и словно бы бледнели фрески, словно в дымку тумана отступали святые.

Зело мятежна в Успенском соборе обедня была. Зело мятежно было и в царском тереме. Заходилась в рыданиях царица Мария Ильинична, все глаза выплакала, умоляя государя не расстригать Аввакума.

— Прости его! — рыдала она. — Сведи меня с праздником! Пожалей и детей, и меня, бедную, и самого себя.

Прогнал государь царицу прочь. Сам темнее тучи ходил по терему.

Бесполезным или не бесполезным было упорство расколоучителей, нужна была или нет та жертва, которую приносили они?

Официальные историки церкви считают, что хотя и совершены были во время церковной реформы ошибки, но расколоучители все равно не правы. Они должны были смириться и подчиниться Церковным соборам.

Нам кажется, что это не совсем верно. Смирение, разумеется, замечательное свойство, но именно упорство первых расколоучителей, именно их жертвенность и противостояла «облигаридиванию» Русской церкви, которое при полнейшем попустительстве Алексея Михайловича могло совершиться тогда.

Напомним, что в 1666 году уже шесть русских епископов получили от Лигарида свое посвящение, еще недолго, и их стало бы больше, чем епископов Никонова посвящения.

И разве не жертвенность расколоучителей заставляла оробевших перед газским мошенником иерархов Русской церкви смягчать свои решения.

То примирение, которое происходило до 1666 года в Русской церкви, как церковные, так и старообрядческие историки обходят вниманием, но если изменить этому обычаю и все-таки познакомиться с материалами церковных соборов 1966 года, то не трудно увидеть, что возможности избежать раскола намечались. Двигаясь в этом направлении, можно было мирно выбраться из вражды.

«В своем воззвании к пастырям церкви собор 1666 года внушает всем пастырям держаться новоисправленных Никоном книг, при этом, однако, вовсе не упоминает о старых книгах, как неправых; вовсе умалчивает и о старом обряде, как испорченном, а только рекомендует обряд новоисправленный, не показывая его отношения к старому... — пишет Н.Ф. Каптеров. — Так, собор предписывает знаменовать себя в крестном знамении тремя перстами, но при этом вовсе не говорит, чтобы двоеперстная форма перстосложения, которой в то время держалось большинство, была неправославная, еретическая-армянская, как ранее торжественно уверял в этом антиохийский патриарх Макарий, не говорит, чтобы двоеперстие было недопустимо для православных».

5.

2 ноября 1666 года Москва встречала патриархов, прибывших для суда над Никоном.

Еще за городом ожидал высоких гостей Рязанский архиепископ Иларион. У Земляного вала — Крутицкий митрополит Павел с крестами, иконами и многочисленным духовенством. Павел сказал речь, которую тут же переводили на греческий язык.

Патриархи облачились в омофоры, епитрахили и митры. Приложившись к иконам и благословив духовенство, крестным ходом пошли в город.

У каменной ограды Белого города патриархов ждал Ростовский митрополит Иона, а возле Кремля, на Лобном месте, — Казанский митрополит Лаврентий. Перед Успенским собором — Новгородский митрополит Питирим.

Молебствие было коротким. Утомленных патриархов провели на Кирилловское подворье.

В субботу они отдыхали, а в воскресенье, 4 ноября, патриархов принял государь.

— Даст тебе Царь Христос благоденственное житие на укрепление тверди церковной, — уверили патриархи Алексея Михайловича, — на радость греческого рода и на славу бессмертную русского народа.

Уверению этому — увы! — не суждено было сбыться, но Алексей Михайлович не знал еще, что впереди у него Крестьянская война Степана Разина, Соловецкое восстание, бесконечные самосожжения раскольников...

В ответной речи он поблагодарил Бога, подвигшего патриархов предпринять такое дальнее путешествие в Россию для избавления Русской церкви от бедствий, поблагодарил и самих патриархов, перенесших все трудности пути, пожелал им щедрого за то воздаяния в настоящей жизни и будущей...

Нам неведомо, как вечная жизнь патриархов Макария* и Паисия** сложилась, но насчет воздаяния им в земной жизни пришлось хлопотать самому Алексею Михайловичу. Он очень много денег потратил из казны, добиваясь восстановления Макария и Паисия на престолах, с которых их согнали задолго до поездки в Москву. Но и об этом тоже не знал тогда ничего благочестивый государь Алексей Михайлович...

* Макарий был Антиохийским патриархом с 1648 по 1672 год.

** Паисий был Александрийским патриархом с 1663 по 1665 год. Потом хлопотами царя Алексея Михайловича снова возвращен и был патриархом вторично с 1668 по 1676 год.

На следующий день посланы были государем подарки патриархам, а 7 ноября начался суд над Никоном.

Дождался-таки Паисий Лигарид своего звездного часа.

Работа была поручена ему не шибко почетная — ознакомить патриархов с положением дел, но Лигарид любую работу умел сделать так, чтобы она и определяла дальнейший ход Собора.

Первым делом Паисий Лигарид перечислил оскорбления, которые нанес Никон вселенским патриархам. Александрийского патриарха Никон оскорбил, присвоив себе имя патриарха-папы. Иерусалимского — тем, что именовал себя патриархом Нового Иерусалима, как *по невежеству и бесстыдству своему* назвал свой монастырь. Константинопольского — захватом Киевской митрополии. Антиохийского — попыткой поставить Русскую церковь выше Антиохийской.

Затем Паисий Лигарид обвинил Никона в попытке уподобить себя Всевышнему. Отроков, прислуживающих ему при богослужении, Никон именовал херувимами и серафимами. В алтаре же сам Никон чесался гребнем. Был он, как заявил Лигарид, любостяжателен — закрывшись, любил пересчитывать свои деньги и драгоценные меха...

На заседании Собора 18 ноября блестяще и убедительно были отвергнуты претензии Алексея Михайловича назвать этот Собор Вселенским. Паисий Лигарид объяснил, что было семь дней творения, семь труб, от которых пал Иерихон, значит, и Вселенских Соборов тоже должно быть только семь.

Ну а если уж собирать Вселенский Собор, то с какой стати в Москве? Ни к чему было, считал Лигарид, поощрять московскую гордыню. Хватит москвичам и того, что к ним на Поместный собор приехали вселенские патриархи, они присутствуют здесь, чтобы судить русского патриарха Никона и Русскую церковь, уклонившуюся от православия.

Не очень-то понравилось Алексею Михайловичу это решение, но убедительными были аргументы Газского митрополита. Великий государь вынужден был согласиться. Обидно, конечно, что такая не очень-то православная страна досталась, а что поделаешь, где другую державу возьмешь?

5 декабря на седьмое заседание собрались в столовой избе государя. Когда привели Никона, встал Антиохийский патриарх Макарий и на всякий случай известил Никона, что они с Паисием пришли в Москву не милостыни просить, а судить.

— Мы все четыре патриарха — преемники святых апостолов. Я — преемник князя апостолов Петра. Мой брат Паисий — преемник Иакова, брата Господня. Все, что мы будем говорить, это от уст апостолов и евангелистов!

Затем слово взял патриарх Паисий.

— Никон! — вопросил он. — Зачем ты с клятвою от патриаршего престола из Москвы отошел?

Сурово и властно, как и подобает настоящему патриарху, говорил Паисий.

Но Никон тоже не прост был.

— Пошто ты спрашиваешь меня? — спросил он. — Кто ты такой?

— Разве ты не понял, что я, Александрийский патриарх, вселенский судья! — сказал Паисий.

— Тогда и суди себя по тому же правилу, как и нас, — заявил Никон. — В Александрии и Антиохии, как и в Москве, патриархов нет. Александрийский — в Каире живет. Антиохийский — в Дамаске. Ну а Московский — в Воскресенском монастыре.

Переглянулись вселенские патриархи.

— Никон! — вопросил Макарий. — Зачем ты велел писать себя патриархом Нового Иерусалима?

— Еще одна вина моя забыта... — смиренно покаялся Никон. — В прошлом собрании Рязанский архиепископ Иларион обвинял меня, будто я называл Макария и Паисия неистинными патриархами. Признаю, что говорил такое. Мне достоверно известно, что в Александрии и на Антиохийской кафедре другие теперь патриархи сидят. Пусть великий государь прикажет

свидетельствовать, что это не так, а патриархи пусть присягнут на Евангелии.

Тягостное молчание воцарилось в столовой избе. Беспощадно точный удар нанес Никон. И поклясться на Евангелии было нельзя, и не клясться невозможно. Долго переговаривались между собой патриархи. Макарий вроде готов был принести клятву, но Паисий опередил его.

— Мы — истинные патриархи! — объявил он громогласно. — Мы — не низверженные патриархи. Сами мы не отрекались от престолов. Разве турки чего без нас учинили. Но если кто-то дерзнул вступить на какой-либо наш престол по принуждению турок, то он не патриарх, а прелюбодей. А клясться на Святом Евангелии архиерею не подобает.

Мудро ответил отставной патриарх Паисий, только патриарха Никона ответ не удовлетворил.

— Свидетельствую Богом, — сказал он, — от сего часа я не стану говорить перед вами, пока Константинопольский и Иерусалимский патриархи сюда не будут.

Есть сведения, что Алексея Михайловича все-таки удивила фиктивность прибывших в Москву патриархов, и он потребовал от Паисия Лигарида объяснений.

— Гнев ваш, великий государь, вызван незнанием вопроса, — спокойно ответил Лигарид. — Патриарх Макарий никогда в Антиохии не бывал, живет в Египте, но в этом нет ничего удивительного. То же самое и с Паисием. Он действительно не занимает сейчас патриаршего престола. В настоящий момент Александрийским патриархом является Иоаким Первый. Но если государь употребит свое влияние и заплатит туркам достаточно денег, они выгонят Иоакима и восстановят на престоле Паисия. Это дело там обычное...

Потом он объяснил царю, что выхода у него все равно нет.

— К сожалению, великий государь, — сказал он, — это необходимо-таки сделать. В противном случае суд над патриархом Никоном не будет иметь никакой силы. А великий государь не может допустить этого. И не только из-за Никона. Русские иерархи признали, что Александрийский патриарх является судьей вселенной, а Антиохийский — пастырем пастырей и архиереем архиереев. Если теперь вы изгоните Паисия и Макария, вы обидите всю Восточную Греческую церковь. Великому государю надо-таки послать туркам деньги, чтобы выкупить престолы вселенских патриархов для Паисия и Макария.

В приложении к двухтомному исследованию Н.Ф. Каптерова «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» приведены грамоты, которые с богатыми дарами рассылал турецкому султану и восточным патриархам царь Алексей Михайлович, чтобы возвратить на престолы экс-патриархов.

12 декабря в Благовещенской церкви Чудова монастыря зачитали Соборный приговор по делу Никона.

Государя не было, но зато были отставные патриархи и все митрополиты и епископы. Симон Вологодский пробовал отговориться от участия в этом подлом деле болезнью, но его принесли в церковь на носилках.

Греческий текст приговора прочитал эконом Антиохийского патриарха Иоанн, а русский — архиепископ Иларион.

«Благословен Бог. Нам и Святому Духу и божественно коронованному Царю благоугодно... — звучал его голос, — и мы постановляем согласно решению Святейших патриархов наших братьев во Святом Духе и сослужителей, что Никон более не Патриарх Московский и не должен больше так называться...»

Между прочим, в приговор было включено и обвинение Никона в гибели Коломенского епископа Павла.

«Низверг один, без Собора, Коломенского епископа Павла! И, рассвирепев, совлек с него мантию и предал его тягчайшему наказанию и биению, от чего архиерею тому случилось быть как бы без разума, и никто не видел, как погиб бедный, зверями ли растерзан или впал в реку и утонул...»

Как только был дочитан приговор, приезжие патриархи вскочили и, бормоча на ходу молитвы, бросились к Никону. Начали срывать с него панагии, усыпанные

бриллиантами, и клобук с вышитым на нем огромными жемчужинами крестом.

Из-за дележки драгоценностей между Макарием и Паисием возник спор.

Печально смотрел на них Никон.

— Возьмите и мантию мою, бедные пришельцы! — сказал он. — Разделите на ваши нужды.

— Нет! — со вздохом ответил ему Макарий. — Мантию снимать с тебя великий государь не велел.

— Отчего не велел? — удивился Никон. — Это ваша добыча.

6.

Конец света в 1666 году так и не наступил. Московские считальщики на 1669 год его перенесли. Но до тех пор еще дожить надобно — напасти-то одна за другой валятся...

И вот ведь уже и своего нового патриарха Иоасафа поставили, а приезжие сидели в Москве, никуда не съезжали. И уже и с турками — слава Богу, хоть тут Лигарид не обманул! — договорились.

Не столько и денег отдали, а добыт фирман от султана, позволяющий Макарию и Паисию возвратиться на свои кафедры. Не дорожились турки этими кафедрами.

Только теперь не турки, а православные заартачились. Торговаться стали, дескать, и тем Паисий плох, и этим не хорош, если не приплатите к нему, никак невозможно принять... С Константинопольским и Иерусалимским патриархами переписка завязалась.

Христом Богом умолял Алексей Михайлович выманить Макария да Паисия из России. Своих мошенников полно.

Чтобы отплатить царю Алексею Михайловичу за его хлопоты, патриархи Паисий и Макарий не покладая рук трудились.

Газский митрополит составлял определение Собора, а патриархи архиереев здешних подписывать эти бумаги примучивали.

— Пошто хлопочете-то, святители? — пытался утишить вошедших в азарт учителей патриарх Иоасаф. — Осудили уже мы обряды церковные. Все ладно устроено. Тремя перстами велено крестное знамение творить.

— Вы и Никона от патриаршества отрешали, — отвечал Макарий. — А что вышло? Только верхушку у сорняков удаляете, а их с корнями вырывать надобно. Почитай-ка, святейший, лучше из сочинения архимандрита Дионисия, мы ему насчет перстов все написать велели.

Хмурился Иоасаф. Не нравилось ему рвение учителей, но ругаться с ними боялся. Еще не чувствовал силы. Погодить надо... Вздыхая, листал Дионисиеву книгу.

«Егда согбаем три первыя персты десныя руки, знаменуем, яко веруем и исповедуем во святей Троице едино Божество и едино существо, сиречь: един Бог триипостасный и единосущный, якоже сии трие первии персты десныя руки имеют токмо именование: первый, второй и третий; а который есть болши или менши, не можеши разумети или сказати... Три перста за Троицу, совокупление перстов ради единицы, сиречь, яко Троица и единица есть Бог... А вы глаголете: совокупити два персты: вторым и третием, а третий наклонен быти мало под вторым... Како дерзаете вы такие хульные слова на Бога глаголати? Како не боитеся, что распадется земля и поглотит вас, таких еретиков, и пойдете вы с душою и телом в муку вечную, в негасимый огонь? Ваше знаменование Троицы неподобно и неравно, слепцы вы от беззакония вашего. Ведь один перст болши, а четвертый менши, а пятый еще зело менший. Еще и числа их разны. Первый перст, и четвертый, и пятый, а непоряду, как у нас, — первый, второй и третий. О, мудрецы злобы! Како не зрите свет истины и блядствуете безместная?!»

Мудро Дионисий Грек писал...

Понять ничего невозможно, но сразу видно — великой учености человек, не то что свои невежи, по простоте навыкшие. Куда тут спорить?

И не спорил патриарх Иоасаф с приезжими учителями. Как было спорить, если на Соборе 1667 года присутствовало 30 епископов. 14 из них были иноземны-

ми, шестеро — епископами Лигаридова поставления...

Даже когда, выкорчевывая сорняки, до Стоглавого Собора добрались, промолчал патриарх Иоасаф. Покорно склонил голову, когда огласил Дионисий соборное решение:

«А собор иже бысть при благочестивом великом государе, царе и великом князе Иоанне Васильевиче, от Макария, митрополита Московского, и что писаша... еже писано неразсудно, простотою и невежеством...

И мы, Папа и Патриарх Александрийский и судия вселенский, и Патриарх Антиохийский и всего востока и Патриарх Московский и всея России, и весь освященный Собор, *тую неправедную и безрассудную* клятву Макариеву разрешаем и разрушаем...»

Страшно было Рязанскому архиепископу Илариону слова эти слушать. Кого в невежестве и безрассудстве попрекают? Ведь это про святителя Макария, создавшего Великие Четьи Минеи, на которых и возрастала Русская церковь, говорится!

— Теперь ты, владыко, подпись клади! — прервал его раздумья голос Дионисия.

— Святейшие! — сказал Иларион, обращаясь к патриархам. — Не надобно бы такое про великого святителя писать!

— Преслушающие же сию заповедь и правило наказаны да будут запрещением и отлучением! — сказал Александрийский патриарх Паисий.

— А кто пребудет в упрямстве своем до скончания своего, да будет и по смерти отлучен, и душа его с Иудою предателем и с распявшими Христа жидовы, и со Арием, и с прочими проклятыми еретиками. Железо, камения и древеса да разрушатся и растлятся, а той да будет не разрешен и не растлен, и яко тимпан во веки веков, аминь! — добавил Макарий.

Отчаянно взглянул Иларион на своего патриарха. Тот отвел глаза. Пришлось покориться и Илариону. Вместе со всеми русскими отцами Собора подписался Иларион под обвинением в невежестве и безумии русского чудотворца святителя Макария.

Осуждение Стоглавого Собора — кульминация в трагедии Русской православной церкви.

Полтора века исполнялось в 1667 году, как обрела она самостоятельность. Случилось это, когда Византия, принявшая Унию, потеряла свою государственную независимость. Русские святые и чудотворцы увидели связь между отступлением от догматов православия и утратой государственного суверенитета Византийской империи.

Наверное, можно спорить, насколько основательными были притязания, сформулированные игуменом Филофеем, на роль Москвы как третьего Рима. Но совершенно бесспорно, что за полтора столетия, сберегая незыблемыми догматы православия, определенные апостолами и святыми отцами, Русская церковь сохраняла свою руководящую роль в созидании православного царства Святой Руси.

Никакие военные и политические потрясения не поколебали значения церкви в народной жизни. В годы Смуты на русский престол был возведен католик Григорий Отрепьев, но Православная церковь не только устояла и в эту страшную годину, но и, согнав Отрепьева, упрочила свое положение.

Самой историей доказана была правильность пути, избранного Стоглавым Собором, Святителями и Святыми Русской церкви.

И в правильности этого пути нимало не сомневались ни Алексей Михайлович, ни Никон, поставленные волей политических обстоятельств перед необходимостью сблизить обрядность Русской церкви с обрядностью Западнославянской и Греческой церквей. Можно опять-таки обсуждать, компенсировали ли политические выгоды этой реформы те издержки, которые она вызывала, можно говорить о противоречии некоторых исправлений постановлениям Стоглавого Собора, но безусловно, что все разногласия носили внешний характер и легко преодолевались.

Тот же Никон, как свидетельствуют его отношения с Иваном Нероновым, начал

осознавать необходимость единоверия, разрешающего старый обряд наравне с новым.

И даже Собор 1666 года, предавший анафеме наиболее непримиримых староверов, не осмелился открыто назвать неправославными всех святых Русской церкви.

Это сделано было на Соборе 1667 года, проходившем под председательством вселенских патриархов Паисия и Макария.

По-человечески можно понять их подозрительное отношение к Русской церкви. И зависть, и корысть, и неумность — все присутствовало здесь. Но — это необходимо подчеркнуть! — их мнение не было мнением всей Восточной Церкви.

Даже формально Паисий и Макарий не имели права представлять на Соборе 1667 года восточных патриархов. Они были лишены своих кафедр не турками, а решением Константинопольского патриарха именно за согласие участвовать в суде над патриархом Никоном, решение судьбы которого Константинопольская и Иерусалимская патриархии считали сугубо внутренним русским делом.

Точно так же ни морального, ни юридического права не имели патриархи Макарий и Паисий для суда над Русской православной Церковью.

Мнение Восточной церкви по поводу реформ, затеянных Никоном, очень мудро и осмотрительно еще в 1655 году сформулировал Константинопольский патриарх Паисий. Он сказал, что только в главном и необходимом требуется единообразие и единство, в том, что относится к вере. А в «чинопоследовании» и во внешних богослужебных порядках, подчеркивал Константинопольский патриарх, разнообразия и различия не только допустимы, но и исторически неизбежны.

«Не следует думать, — писал этот мудрый святитель, — будто извращается наша православная вера, если кто-нибудь имеет чинопоследование, несколько отличающееся в вещах несущественных и не в членах веры, если только в главном и важном сохраняется согласие с кафолической церковью».

Повторим, что по-человечески понятны мотивы поведения патриархов Паисия и Макария. Серьезно рискуя своим положением, они приехали в Россию на заработки, и меркантильные соображения руководили ими во все время пребывания здесь. Обстоятельства благоприятствовали патриархам, и они ими воспользовались.

Стремясь задобрить Константинопольского патриарха, они сообщали, что потребовали у русских давать отчет Константинопольскому престолу в церковных делах, а кроме того, «обаче и обычной милостыни великому престолу, и прочим убогим престолам даянной, надеямся обновитеся, паче ж большей и довольнейшей быти».

И тут можно было бы усмехнуться убожеству целей, которые были поставлены патриархами Паисием и Макарием, если бы ради сиюминутных выгод не приносили патриархи в жертву не только саму Русскую церковь, судьба которой была безразлична для них, но и отношения ее с Восточным православием, ради которого якобы и старались они.

Нет!

Макарий и Паисий не только не смогли повернуть историю и подчинить Константинопольскому престолу Русскую церковь, но в результате еще более оттолкнули Россию от сближения ее с греками...

Не будем всецело приписывать Паисию и Макарию погубление православного царства Святой Руси, но вклад в это черное дело они внесли немалый.

Современному читателю могут показаться несущественными последствия совершенного Паисием и Макарием преступления против России.

В самом деле, рассуждает читатель, все это касается лишь церкви, а Россия — не только церковь...

Рассуждение это ошибочное.

Православная церковь и культура, Православная церковь и просвещение были синонимами для человека семнадцатого века.

Безоговорочно осуждая самобытность Русской православной церкви, вселенские

патриархи объявляли *невежеством* и все русское просвещение, и всю русскую культуру, существовавшую до сей поры.

Опять-таки можно говорить об изъянах русского просвещения (как, впрочем, и о достоинствах его), но, безусловно, что приравнивать его к невежеству было нелепостью. Совершенно неверно, будто в России не стремились овладеть полезными знаниями западной культуры. И стремились, и овладевали, хотя это и непросто было. Другое дело, что, осознавая необходимость заведения регулярных училищ, в которых бы велось фундаментальное изучение иностранных языков, весьма осторожно относились к подбору учителей, совершенно справедливо опасаясь, что под видом полезных знаний будут привнесены ими и разрушительные, враждебные Русской православной культуре идеи.

Насколько основательными были эти опасения, свидетельствуют события последующих столетий. Насаждаемая и принятая в господствующих классах культура оказалась настолько инородной для России, что основная масса населения оказалась неспособной воспринять ее. И только в девятнадцатом веке начинается постепенное сближение западнической культуры с русской, считавшейся в предыдущие века невежеством.

Трагические же последствия насильственного внедрения западной культуры в Россию мы ощущаем до сих пор. Не случайно ведь великий знаток русского языка писал:

«У нас же, более чем где-нибудь, просвещение — такое, какое есть, — сделалось гонителем всего родного и народного. Как в недавнее время еще первым признаком притязания на просвещение было бритие бороды, так вообще избегалась и прямая русская речь, и все, что к ней относится. Со времен Ломоносова, с первой растяжки и натяжки языка нашего по римской и германской колодке, продолжают труд этот с насилием и все более удаляются от истинного духа языка. Только в самое последнее время стали догадываться, что нас леший обошел, что мы кружим и плутаем, сбившись с пути, и зайдем неведомо куда. С одной стороны, ревнители готового чужого, не считая нужным изучить сперва свое, насильственно переносили к нам все в том виде, в каком оно попадалось и на чужой почве, где оно было выстрадано и выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоском; с другой — бездарность опошлила то, что, усердствуя, старались внести из родного быта в перчаточное сословие».

И еще об одном последствии урока, данного «вселенскими учителями» на Соборе 1667 года, необходимо сказать. Патриархи Паисий и Макарий сознательно обманывали русских архиереев, выдавая свои убеждения за убеждения всей Греческой церкви. Они не стеснялись тут и шулерского передергивания фактов, и откровенной лжи.

Расчет был простым.

И Макарий, и Паисий прекрасно знали, что ни патриарх Иоасаф, ни царь Алексей Михайлович, ни другие высокопреосвященные члены Собора не пойдут ради разоблачения их мошенничества на подрыв авторитета всей Вселенской Православной церкви, они сознательно спекулировали этим авторитетом.

К сожалению, этот «урок» греческой хитрости тогдашними иерархами нашей церкви оказался усвоенным наиболее успешно. Очень скоро, когда воспитанные протестантским Западом новые Романовы обрушат жестокие казни на Русскую православную церковь, не найдется среди архиереев ни Геннадия Новгородского, ни Иосифа Волоцкого, ни митрополита Филиппа...

7.

Велик был авторитет вселенских патриархов.

Не дерзал спорить с ними патриарх Иоасаф. Молчали и русские архиереи.

И все же голос в защиту Русской православной церкви прозвучал на Соборе!

«Лазарь же окаянный не содрогнувся. Не токмо в покаяние прииде или прощение требова, но во всем противно упорствовал,

но и весь Священный Собор неправославным нарече».

А 17 июля 1667 года предстал перед «вселенскими учителями» и Аввакум.

— От невежества все ваше упорство! — сверяясь с книгой Дионисия, начал поучать его патриарх Паисий. — От незнания риторики и диалектики. Ссылаетесь вы на Петра Дамаскина*, который двумя перстами учил знаменоватися крестом. Разумейте же... Во-первых, книга Петра Дамаскина не всем в нашей Греческой церкви приятна. Во-вторых, Петр Дамаскин только о двух перстах беседует, только о втором и третьем, которые знаменуют два естества Христова... О прочих же перстах и он не мудрствует... Главное же, надобно постигнуть, что хотя и дозволялось сложение двух перстов ради еретиков-единовольников, то потом было воспрещено. С многими вещами так поступлено. Одни святые отцы повелевали так, а другие повелевали лучше делать. И вам надобно не упорствовать в невежестве, а принять, как мы повелеваем. Все ли тебе понятно, невежа?

Молчал Аввакум.

— Что ты упрямишься?! — недовольно проговорил Макарий. — Вся ведь наша Палестина: и сербы, и албанцы, и волохи, и римляне, и ляхи — тремя персты крестится, один ты стоишь в своем упрямстве!

— Вселенские учители! — наконец ответил Аввакум. — Вам должно быть ведомо, что Рим давно упал и лежит не разгибаясь, а ляхи с ними же погибша, стали врагами православных христиан. Да ведь и у вас, учители, православие пестро от насилия турецкого Магомета. Нешто сами не видите, как немощны вы стали? И впредь приезжайте к нам учиться! У нас, Божией благодатию, самодержство. До Никона-отступника у наших князей и царей православие было чисто и непорочно и Церковь была немятежна. Это Никон-волк с диаволом трямя перстами креститься учат. А первые наши пастыри, якоже пятью персты крестились, такоже и нас благословили. Такоже и Собор при царе Иване в Москве бывый утвердил. А на Соборе том были знаменосцы: Гурий, смоленский епископ, Варсонофий тверской, казанские чудотворцы, Филипп, соловецкий игумен, и иные от святых русских!

Любопытно сопоставить эти рассуждения Аввакума с письмом Паисия Лигарида, отправленном спустя полгода папскому нунцию в Варшаве.

«Я сам, единственное лицо, которое могло бы проводить это дело, — писал 25 сентября 1668 года Лигарид, — и которое воспламенено самым горячим усердием видеть успех его... подавлен несчастьями, преследуем заговорами, окружен клеветами. Патриарх Иерусалимский Нектарий прислал плохое сообщение обо мне, что я поклонник Папы, как продавшийся ему и имеющий ежегодную пенсию в 200 золотых дукатов, как клирик Римской Церкви... Пусть святая Пропаганда рассмотрит внимательно этот пункт и определит, что вдохновит ее Святой Дух через милость и благодать нунция, которого я прошу повлиять в этом деле, помня, что патриарх Московский Иоасаф II сделает все, что может, чтобы лишить меня всякого места в рангах духовенства, выталкивая меня ***и отсекая всякую нить моей надежды быть выбранным в патриархи*** (выделено нами. — *Н.К.*). Прошу тебя, как отца, не оставить ни одного камня не перевернутым, чтобы сделать что-либо для меня».

В одном городе, в одно время прозвучали эти слова, но такое ощущение, что разделяют их века и бесконечные километры. Из разных миров написаны они.

Столь подробно описываем мы этот омерзительный тип Газского митрополита, чтобы показать, кто были учителя и судьи русского православия.

---

* Петр Дамаскин, святой, живший в III—IV веках, выдающийся христианский проповедник, был казнен агарянами в Дамаске. Когда ему вырезали язык, он не утратил способности говорить, более того, по преданию, речь его стала еще яснее. После этого святому выкололи глаза, отрезали руку и ногу и пригвоздили к кресту.

Но еще важнее другое.

К сожалению, царь Алексей Михайлович, первый урожденный царь дома Романовых, был в том мире, где находились Лигарид и жуликоватые экс-патриархи.

К сожалению, власти (государь и его окружение) не были даже обмануты, они прекрасно понимали, что Газский митрополит является мошенником, но это не послужило поводом для отстранения Лигарида. И это, конечно, самое страшное. И Алексей Михайлович, и его ближайшее окружение считало, что русских людей может судить любой заграничный авантюрист.

Это уже не маска, а подлинное лицо пришедшей к власти династии. Вместо династии русских царей на троне оказалась династия поработителей русского народа.

Вообще, вся история с исправлением служебников чрезвычайно похожа на манипуляцию наперсточников. Помимо прямого разрушительного воздействия реформаторов на православное сознание, было достигнуто много побочных результатов, тлетворное воздействие которых на русского человека было более опосредованным, и только сейчас, много веков спустя, оно начинает осознаваться.

Именно тогда удалось намертво связать русский традиционализм с малограмотностью. По сути, все раскольники были объявлены темными, необразованными людьми, хотя, безусловно, намного превосходили интеллектом и образованностью тогдашних реформаторов.

И тогда так было, и сейчас...

Для того чтобы прослыть образованным человеком, совершенно ни к чему загружать свою голову знаниями. Достаточно просто объявить, что тебе ненавистна русская старина, — и дело сделано. Все будут считать тебя необыкновенно умным и образованным...

Как после удачного набега, съезжали они с Москвы... Вереницею шли обозы с соболями, золотом, драгоценной костью, другим добром, которое выклянчили патриархи за эти годы, которое успели наторговать в Москве.

Урон, нанесенный отставными патриархами государевой казне, был сравним с вражеским нашествием. Он исчислялся десятками тысяч рублей.

А вот Паисию Лигариду не повезло. Его труды по наведению порядка в Русской православной церкви не нашли должной оценки.

30 мая 1672 года Паисия Лигарида почти силком погрузили на телегу и повезли в Киев, стоявший на границе Российской державы. Дальше Лигариду велено было самому до митрополии своей добираться.

И позабыл тогда Лигарид о русском невежестве, начал предрекать в своих посланиях Алексею Михайловичу, что освободит тот греков от турок и овладеет Константинополем, начал хлопотать о присоединении Валахии к России.

Но в Москве хорошо помнили, во что царской казне обошлись устроенные Лигаридом уроки вселенских учителей, и дипломатические инициативы Лигарида поспешили пресечь самым решительным образом. Немедленно увезли его в Москву, где несколько лет держали под строгим домашним арестом.

Попытался было предложить Лигарид свои услуги в составлении писем римским кардиналам, но ему велели уезжать.

На этот раз на дорогу ему было дано всего пятьдесят рублей. И снова только до Киева и добрался митрополит-авантюрист.

В Киеве 24 августа 1678 года и умер в нищете этот человек, собравший за свою жизнь, наверное, самую большую коллекцию анафем. Его проклинали патриархи Парфений II, Мефодий, Паисий, Нектарий. Проклинали в Константинополе и Иерусалиме. Кажется, только русские патриархи и позабыли проклясть Лигарида.

Недосуг им было. Другие заботы одолевали...

После его смерти просили вернуть из Иерусалима мощи святых, увезенные Лигаридом, но уже не сыскали, он успел их продать.

Глава пятая

РУССКИЕ СМЕРТИ

В 1669 году конец света тоже не наступил.

А ждать-то его ждали. Крестьяне целыми деревнями снимались с мест и уходили в пустыни...

Алексей Михайлович тоже ждал... Все к тому шло. Какая-то непонятная болезнь поразила в этом году семейство государя. Рыхлело все тело, грузно наливалось и расползалось под собственной тяжестью, так что уже и не чаял поправиться.

Смерть пришла в царскую семью в феврале 1669 года, с рождением тринадцатого ребенка.

Вначале новорожденная Евдокия умерла, а следом и сама Мария Ильинична. 18 июня преставился царевич Семен. Потом — шестнадцатилетний Алексей, наследник престола.

Видел Алексей Михайлович, что и оставшиеся сыновья Федор и Иван не крепки здоровьем.

В семье страшно было. В державе — еще страшнее.

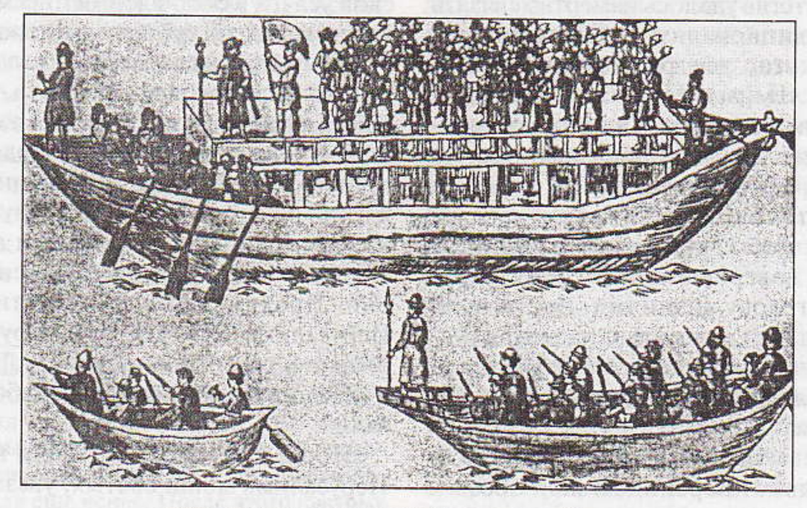
На юге бушевали воровские казаки Стеньки Разина. Уже не суда на Волге грабили, а большие города захватывали, как ляхи или басурманы!

В Астрахани — страх какой! — бояр и служилых людей предавали лютой казни. Одних с раската сбрасывали, других вверх ногами вешали, третьих на крюке, поддетом под ребро, умерщвляли. В Петров пост принуждали горожан мясо и молоко есть.

Встал на юге сатанинской силою Стенька Разин. Поднимались по Волге на стругах, город за городом брали. А на севере — тоже беда. Соловецкий монастырь восстал.

«Милосердный государь! — соловецкие монахи писали. — Помилуй нас, нищих своих богомольцев... Не вели преподобных Зосимы, Савватия, Германа и Филиппа предания нарушить и вели государь нам в том же предании быть, чтоб нам врознь не разбрестись и твоему богомолию, украйному и порубежному месту от безлюдства не запустеть».

Плакал государь, челобитие это читая. Всем сердцем, всей душою своей доброю милостивым хотел к богомольцам быть, да куда там... Антиохийский патриарх Макарий строгую грамоту с дороги прислал. Пи-

Отправление царских войск против Разина.
Рисунок XVII в.

сал, что в России, как он заметил, много раскольников и противников не только между невеждами, но и среди священников.

«Вели их смирять и крепким наказанием наказывать!» — внушал патриарх.

Как ослушаться святейшего?

Уже не скажешь сейчас, что самозванец он... Сам ведь Алексей Михайлович и хлопотал, столько денег потратив, чтобы на кафедре восстановить. Теперь чего же, теперь слушаться надо! Велик государь, вся сила у него, все державное веление, но что сила тут? Лучше слезами, усердием и низостью пред Богом помысел чинить, чем силой и славой!

И что поделаешь? Покориться надо...

Плакал Алексей Михайлович, заливался слезами, войско на осаду Соловецкого монастыря снаряжая.

На севере — соловецкие монахи, на юге — Разин, вся Русь между Богом и дьяволом...

Что делать?

Слухи по Москве ходили, будто у Степана Разина в ватаге, что по Волге подымается, два струга идут черных. На одном — мертвый царевич Алексей плывет, на другом — патриарх Никон.

«Если неразумная запретительная клятва восточных патриархов осуждением русского Первосвятителя, наложенная на весь русский народ, не снимется, добра ждать нечего», — писал Никон царю Алексею Михайловичу из Ферапонтово.

«Царь-государь! — писал из Пустозерска Алексею Михайловичу другой узник, Аввакум. — Из темницы, яко из гроба, тебе глаголю: помилуй единородную душу свою и вниди паки в первое свое благочестие, в нем же ты порожден еси и преже бывшими тебя благочестивыми цари, родители твои и прародители!»

И добра хотелось государю, и душу свою помиловать тоже хотелось.

Гасло в нем все. Страшно было. Смерти боялся теперь Алексей Михайлович...

1.

Впрочем, помирать Алексей Михайлович не спешил.

Когда страшно становилось, шел к ближнему боярину своему — начальнику московских стрельцов Артамону Сергеевичу Матвееву.

У него спокойно было...

Женат Артамон Сергеевич был на шотландке Гамильтон, и в дому у него — вроде как и не в России терем стоял! — русских тревог не слышалось.

И хозяйка дома Евдокия Григорьевна, хоть и с акцентом по-русски говорила, но очень Алексею Михайловичу нравилась. С племянницей Матвеева — Натальей Кирилловной Нарышкиной вдвоем государя от тревог развлекали.

На Наталье Кирилловне и решил жениться Алексей Михайлович...

Но женился он, как и положено государю. По обычаю...

Тогда на Руси царицею могла по обычаю стать любая девушка. Если, конечно, красотой уродилась, да здоровье доброе. А еще разум имеет. Если счастье ей государевыми очами улыбнется...

И повезли на смотр девушек. Из Владимира и Рязани, Новгорода и Костромы. Вначале близкие царю бояре девиц смотрели, потом самому царю показывали. Которой отдаст государь платочек с колечком, той и быть невестой царя.

Всем девицам, которые были в приезде для выбору, роспись делалась...

Иевлева дочь Голохвастова Оксинья...

Смирнова дочь Демского Марфа...

Васильева дочь Векентьева Каптелина, живет у головы московских стрельцов у Ивана Жидовинова...

Анна Кобылина, живет у головы московских стрельцов у Ивана Мещеринова...

Марфа Апрелева, живет у головы московских стрельцов у Юрья Лутохина...

Львова дочь Ляпунова Овдотья...

Князя Григорьева дочь Долгорукого княжна Анна...

Печатника Алмаза Ивановича внуки Анна да Настасья...

Тимофеева дочь Дубровского Анна...

Княж Михайловы дочери Гагарина, княжна Анна, княжна Марфа...

Матвеева дочь Мусина-Пушкина Парасковья...

Андреева дочь Дашкова...

Соломонида Редрикова...

Алексеева дочь Еропкина Настасья...

Елизарьевы дочери Уварова Домна да Авдотья...

Истопничева Иванова дочь Протопопова Федора...

Романовы дочери Бунина Ольга да Авдотья...

Кириллова дочь Нарышкина Наталья...

Андреева дочь Незнанова Дарья...

Из Великого Новгорода Никитина дочь Овцына Анна...

Петрова дочь Полтева Дарья из Суздаля...

Васильева дочь Апраксина Марья с Костромы...

Назарьева дочь Колемина Оксинья с Рязани...

Елисеева дочь Житова Овдотья...

Нестерова дочь Языкова Хомякова Марья из Владимира, живет у пушного клюшника у Михаила Михачева...

Петра дочь Скобелицына Офимья из Новгорода...

Из Вознесенского девича монастыря Иванова дочь Беляева Овдотья. Привез дядя ее родной Иван Шехирев да бабка ея Ивановская посестрия Егакова старица Ироида.

Артемьева дочь Линева Овдотья...

Шестьдесят девять отборнейших красавиц в кремлевских сенях уложили спать, и по ночам бродил государь в сопровождении «немца-дохтура», осматривая спящих девиц. Выбранная им Наталья Кирилловна тоже здесь была, но про то Алексей Михайлович и «немцу-дохтуру» ничего не сказывал.

Полгода государь девиц смотрел.

Полгода в кремлевских сенях спали Марьи, Натальи, Дарьи, Агафьи, Оксиньи, Анны, Марфы, Татьяны, Парасковьи, Василисы, Настасьи. Одна другой краше.

Но выбрал в царицы государь Кириллову дочь Нарышкину Наталью, воспитанницу Артамона Матвеева.

Скоро после свадьбы Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной поймали-таки Стеньку Разина.

2 июня 1671 года ударили колокола на московских церквах. Это в городские ворота въехала запряженная тройкой лошадей необычная повозка.

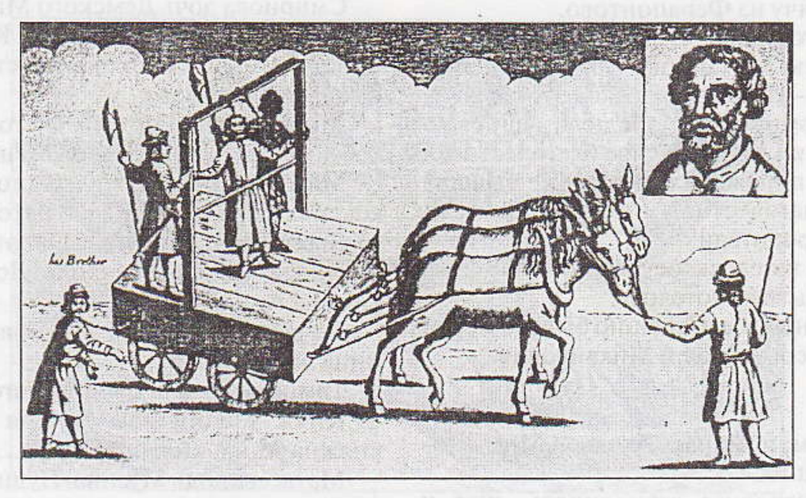
На повозке виселица стояла. В виселице — прикованный руками к столбам казак с кудрявой бородой.

Сзади повозки, прикованный цепью, спотыкаясь, брел другой казачок.

Это и были знаменитый атаман Степан Разин и его брат Фрол.

Однако еще четыре дня оставалось жить Степану Разину.

Четыре дня то на дыбу Степана под-

Ввоз Степана и Фрола Разиных в Москву.
Рисунок XVII в.

нимали, то огнем испытывали, то кнутом секли.

Допросы боярин князь Долгорукий снимал. Иногда и сам Алексей Михайлович в застенок наведывался.

Про шубу, которая столько шуму на Волге наделала, которую астраханский воевода Прозоровский отнял у вернувшегося из Персии Разина, спрашивали.

Про ясырь*, который митрополиту Иосифу Степан посылал. Про патриарха Никона.

— За что Никона хвалил, а нынешнего патриарха Иоасафа бесчестил? За что вселенских патриархов хотел побить?

В расспросе и с многих пыток, и с огня рассказал Степан, что приезжал к Симбирску старец от Никона, говорил, чтобы идти Разину вверх по Волге, а Никон со своей стороны пойдет, ибо тошно ему от бояр.

— Как звали старца?

— Сергием... — ответил Степан Разин. По его рассказу получалось, что настоящим богатырем старец Сергий был. В бою под Симбирском исколол своими руками сына боярского, и это Степан Разин сам видел.

Хрустели суставы вздымаемого на дыбу атамана. Свистел кнут, лоскутами срезая кожу. Брызгами летели на земляной пол капли крови. Паленым мясом пахло в застенке...

Фрол Разин пожиже своего брата на пытке оказался. Он тоже о старце твердил.

И другие разинцы видели старца и под Симбирском, и под Царицыным. Видели в Астрахани. И так получалось, что всюду одновременно старец был...

Долго расспрашивать Разина побоялись. Неспокойно в Москве было.

6 июня поставили Степана Разина и его брата Фрола на Лобном месте.

«Вор и богоотступник и изменник донской казак Степка Разин! — читал дьяк. — Забыв страх Божий и великого государя и великого князя Алексея Михайловича крестное целование и ево государскую милость, пошел с Дону для воровства на Волгу и на Волге многие пакости чинил... Отступя от святыя соборные и апостольские церкви, будучи на Дону, говорил про Спасителя нашего Иисуса Христа всякие хульные слова и на Дону церквей Божиих ставить и никаково пения петь не велел, и священников с Дону сбил, и велел венчаться около вербы... И невинную кровь христианскую проливали, не щадя и самих младенцев...»

Когда дьяк замолк, Разин поклонился на все четыре стороны.

— Простите, православные! — сказал и лег на плаху, раскинув ноги и руки, чтобы палачу было удобнее отсекать их. Сверкнул на солнце топор — по локоть отхватили правую руку Разина. Затем по колено была отрублена левая нога.

Закричал, забился на помосте ожидающий казни Фрол.

— Молчи, собака! — услышала вся толпа слова истекающего кровью Разина.

— Кончай! — закричал палачу дьяк.

Снова сверкнул топор — голова Разина откатилась от тела.

Уже мертвому отрубили ему правую ногу и левую руку. Потом разрубили на части туловище. Кишки выбросили собакам, а куски тела накололи на колья, поставленные вокруг Лобного места.

А Фрола, крикнувшего на эшафоте «слово и дело», еще пять лет пытали, допытываясь про старца Сергия, про вербу на донском острове, где зарыл Разин кувшин с тайными грамотами...

До конца года шел розыск и в Поволжье.

В одном Арзамасе казнили больше десяти тысяч повстанцев.

Еще страшнее карали жителей Астрахани и Царицына. Резали языки, секли пальцы, закапывали живыми в землю. Повсюду стояли виселицы, торчали колья с насаженными на них разинцами, валялись отрубленные головы и руки...

Искали повсюду старца Сергия.

Всех разинцев на допросах о старце спрашивали...

---

* Ясырь — пленные, угоняемые в неволю люди.

2.

Еще когда царицу выбирал Алексей Михайлович, начались приготовления к царской свадьбе и на севере Руси.

Долго увещевал государь соловецких монахов. Чего, в самом деле, за своих малограмотных чудотворцев Зосиму и Савватия стоять, крестились бы, как Антиохийский патриарх Макарий учит, и ладно бы.

Но упрямились соловецкие иноки.

Пятнами накипного лишайника на валунах разрасталась соловецкая боль...

«Вели, государь, — написали, — на нас свой царский меч прислать и от сего мятежного жития переселити нас на оное безмятежное и вечное житие...»

Плакал государь, снаряжая стряпчего Игнатия Волохова с тремястами стрельцами в монастырь. Жалко ему было старцев соловецких переселять насильно на вечное житие, а чего делать-то? Сами ведь просятся.

Патриарх Макарий, на которого столько денег из казны потрачено, велел. Дорого России Антиохийский патриарх стал. Дорого и указание его. Послал царь стрельцов, пусть уж казнят монастырь...

Только обманули Алексея Михайловича монахи: вместо того чтобы мирно переселяться, закрыли перед Волоховым монастырские ворота, и стрельцам не карать монахов пришлось, а осаду неприступной крепости держать. Три года осаждал Игнатий Волохов монастырь.

Вот беда-то. Непокорство, мятежи кругом встают.

Боярыню Морозову Алексей Михайлович не хотел трогать. Далекая, а родня все-таки.

Стрелецкого голову к боярыне Морозовой послал.

Обещал царь Морозову назад в первую честь возвести. Сулил карету прислать свою с аргамаками царскими. Обещал бояр прислать, чтоб на своих головах страдалицу понесли...

Не крестись тремя перстами, но точию руку показав, сложи те три персты вместе! Послушай, мати праведная, Федосья Прокопьевна, аз сам царь кланяюся головою своей, сотвори сие!

— Езживала я и в калганах, и в каретах... — отвечала Морозова. — На аргамаках и бахматах. Чего меня головами боярскими прельщать? И так худо на плечах держатся. Вот слыхала я от князя Ивана, что уготован есть для меня сруб на болоте, что велми добро и чинно дом тот устроен, и соломою снопами уставлен... Сие мне преславно. Желаю такого дара от царя получити!

Опять не удалось уговорить, решать надобно — что делать?

Иоаким, уж поставленный из Чудовских архимандритов в Новгородские митрополиты, сжечь Морозову предлагал.

Иоаким всего пятнадцать лет только в духовном звании был, до этого он, Иван Савелов, по военной части двигался. Привык, если что — сразу жечь... И грамоте только в монастыре выучился. Не понимал многого. Великий государь предложение его отверг. Зачем сжигать? Указал отвезти сестер в Боровской острог, посадить в земляную тюрьму и не давать ни еды, ни воды, пока креститься, как приказано вселенским патриархом Макарием, не будут.

Так и сделали.

«...Звезда утренняя, зело рано возсиявшая! Увы, увы, чада моя прелюбезная! Увы, други моя, сердечная! Кто подобен вам на сем свете, разве в будущем святые ангелы! Увы, светы мои, кому уподоблю вас? Подобны вы магниту-камени, влекущу к естеству своему всяко железное. Тако же и вы своим страданием влекуще всяку душу железную в древнее православие. Иссуше трава, и цвет ее отпаде, глагол же Господень пребывает во веки. Увы мне, увы мне, печаль и радость моя осажденная, три каменя в небо церковное и на поднебесной блещашеся!» — плакал в Пустозерске протопоп Аввакум, сведавший о мученической кончине Федосьи Прокопьевны Морозовой, княгини Евдокии Прокопьевны Урусовой, дворянской жены Марии Герасимовны Даниловой...

3.

Много новых наук приходило на Русь из Украины, из Польши, из немецкой стороны.

Вот и Симеон Полоцкий, которого высмотрел Алексей Михайлович, когда Полоцк брали, не только к исправлению церковных книг да к учительству способным оказался.

В ночь на 11 августа 1671 года он заметил вблизи Марса «звезду пресветлую» и предсказал царю Алексею Михайловичу, что «по небесным картам» в утробе Натальи Кирилловны зачался ребенок, «имя которому наречется Петр», и рождение которого будет 30 мая 1672 года*.

По этому поводу, после Нового года**, едва только закончился Успенский пост, перед отъездом из Преображенского, заботами лютеранского пастора Иоганна Готфрида Грегори была учинена комедия «Артаксерксово действо».

Великий государь со своей затяжелевшей супругой Натальей Кирилловной смотрел действо в особой хоромине, специально для представления и построенной в Преображенском.

Велико, как и Алексея Михайловича, было царство царя Артаксеркса. И со всех концов царства, как и Алексею Михайловичу, свозили самых красивых девушек, чтобы выбрал себе Артаксеркс новую царицу взамен прежней. Артаксеркс разумно поступил, выбрав Эсфирь.

На Наталью Кирилловну Эсфирь похожа была...

Опухший от жира, неподвижно смотрел Алексей Михайлович, как плетет на сцене коварный Аман заговор, убеждая Артаксеркса истребить евреев и вместе с ними советчика государя Мардохея.

И вот уже помчались во все концы царства гонцы, понесли страшную весть. И разорвал на себе одежды Мардохей и пошел к Эсфири, которая оказалась воспитанницей его, и рассказал о великом горе.

И хотя и запрещено было под страхом смертной казни являться незваным к Артаксерксу, но, чтобы спасти свой народ, вошла Эсфирь к царю, и подкосились от страха ее ноги, и без чувств упала Эсфирь перед царем. Точно так упала, как Евфимия, первая избранница Алексея Михайловича. Только не решился тогда Алексей Михайлович, подобно Артаксерксу, подойти, побоялся учителя своего Бориса Ивановича Морозова, не простер царский скипетр, защищая свою Эсфирь....

Слезы навернулись на голубые глаза государя. Осторожно взглянул на жену. Вытаращившись, смотрела Наталья Кирилловна на сцену. Красивыми были глаза у нее, добрыми и глупыми.

Вздохнул государь.

Наталья Кирилловна воспитанницей Артамона Матвеева была, как Эсфирь у Мардохея. Будет ли Артамон, как Мардохей, верным?

Снова заслушался государь, как упрашивает красавица Эсфирь Артаксеркса, чтобы повесили на воротах Амана врага ее народа и врага царя. И повесил Артаксеркс Амана. И возвеличил Мардохея, отдав ему перстень для запечатывания указов. И послал Мардохей запечатанные этим перстнем указы во все концы страны, чтобы убивали евреи всех враждебных им, и детей убивали, и жен. А князьям и начальникам областей приказано было помогать евреям убивать их врагов.

Только в Сузах, столице Артаксеркса, по указу Мардохея было убито за день пятьсот человек.

И сказал растроганный Артаксеркс возлюбленной Эсфири:

— Скажи желание твое! И оно будет удовлетворено...

И сказала Эсфирь царю:

— Пусть позволено будет иудеям, которые в Сузах, делать завтра то же, что сегодня! И десятерых сыновей Амановых пусть повесят на дереве!

И приказал Артаксеркс сделать так, и повесили сыновей Амана. А евреи на следующий день убили в Сузах еще триста своих врагов. А по всему царству за тот день было истреблено семьдесят пять тысяч. И напал на народы великий страх перед иудеями. А иудеи же возвеселились и пре-

* По другой версии предсказание это было сделано Дмитрием Ростовским — составителем свода «Жития Святых», переиздающегося вот уже триста лет.

** Новый год начинался первого сентября.

дались пиршеству и веселию, установив в эти весенние 14-й и 15-й дни месяца Адара веселый еврейский праздник Пурим, потому что «пурим» на их языке означает жребий.

Шумел на сцене веселый еврейский праздник Пурим...

Десять часов шумело в особой храмине действо, учиненное пастором Грегори Иоганном Готфридом. Великий государь, приученный выстаивать долгие церковные службы, выдержал и это, а беременная Наталья Кирилловна сомлела.

И дети царя тоже устали...

Ну, ничего. Надо и им маленько к образованию навыкать.

Федора-то Симеон Полоцкий уже научил польские книжки читать, так веселее наследник стал. Великое дело просвещение...

Не повредило и Наталье Кирилловне «Артаксерксово действо».

30 мая 1672 года зазвонили колокола по всей Руси — у Натальи Кирилловны и Алексея Михайловича родился первенец, будущий русский император Петр Первый, человек, которого назовут в России антихристом...

В год его рождения начались самосожжения раскольников...

4.

Все-таки удалось Алексею Михайловичу Русскую церковь устроить, как Антиохийский патриарх Макарий учил. Все теперь строго по-гречески делалось. Даже патриархи, и те не засиживались на престоле, как в прежние времена, а менялись почти так же часто, как в Константинополе.

После Никона уже и Иоасаф II в патриархах побывал, и Питирим. Теперь Иоаким патриархом стал.

Когда выбирали его, сомневались многие. Говорили, что шибко необразован митрополит. Десяти лет еще не прошло, как грамоте научился... Да и в духовном звании недавно. Всего пятнадцать лет назад из мира в монастырь пришел. Все-таки поставили. Нынче патриарху на Руси не духовное, а военное образование требовалось. А военный опыт у дворянина Савелова имелся...

Восемь лет уже безуспешно штурмовали царские войска Соловецкий монастырь. Вместо Волохова послали стрелецкого голову с тысячей стрельцов, но и Клементий Иевлев ничего не достиг.

Теперь иевлевских стрельцов сменило войско воеводы Ивана Мещеринова.

Патриарх Иоаким добро помнил военную науку. Войскам Мещеринова была придана артиллерия и стенобитные орудия, а главное, все командиры были иностранцами — майор Келин, ротмистр Гаврила Буш, поручики Василий Гутковский и Федор Стахорский. Многие из них и грамоте умели только немецкой, и потому в вере на них положиться можно...

В конце декабря расставили, как положено по регламенту, орудия и начали расстреливать Соловецкий монастырь. Несколько дней били из пушек ядрами и гранатами по святым церквам, стремясь поразить главную святыню монастыря — раку с мощами соловецких чудотворцев, преподобных отцов Зосимы, Савватия и Германа.

Стихла на третий день пальба. Кончился огневой припас у Мещеринова...

Началась в монастыре цинга, но и тогда устояла монастырская твердыня, сложенные из дикого камня стены монастыря словно бы из этой земли и вырастали.

И стоял монастырь, пока в метельную ночь 22 января 1676 года не провел монах Феоктист стрельцов туда через тайный ход.

В эту ночь и завершилась семилетняя осада. Тревога поднялась, когда уже вливались в распахнутые ворота темными волнами отряды стрельцов и рейтар.

И не было никакой схватки. Оставляя за собой чернеющие на снегу тела убитых монахов, уже растекалось войско по монастырю.

Ночь была ясная, морозная, озаряемая полярным сиянием. Все видели предусмотрительно оставленные Мещериновым за стенами монастыря пищальники...

В эту ночь, 22 января 1676 года, так и не дал поспать стрельцам Мещеринов. Семь лет государь великий этого дня ждал, надо было завершать дело с переселением, как положено.

Приглянувшихся ему иноков Мещеринов велел на крюк вешать. В бок монахам вонзался железный крюк, поддевался под ребро, и так и поднимали на виселицу человека.

Келин сердился. Ругался, что без толку это. Все равно на таком морозе не чувствуют боли монахи, не успеешь на виселицу поднять — уже замерз...

Верно говорил Келин. Только ведь не для одного мучительства казнь, а для острастки. Но когда заполнили озаряемую жуткими небесными огнями виселицу, другую ставить не велел.

Теперь связанных попарно монахов опускали в прорубь.

Эти трупы потом, когда пришло пронзительно белое лето, море выбрасывало на берег, и они лежали среди прибрежных камней и не разлагались.

Между низкорослых, кривых елок бродили сошедшие с ума стрельцы. Столько месяцев прошло, а они не спускали глаз с берега, караулили, чтобы не ожили выброшенные морем монахи.

А тогда долгой полярной ночью управились с казнями. Можно было теперь докладывать государю, что и эту семилетнюю войну закончили, и переселили всех куда положено.

Только хоть и торопился с казнями, а не успел.

Когда прибыло в Москву донесение Мещеринова, уже не было Алексея Михайловича, великого государя всея России. 29 января разорвалось изнутри его заплывшее жиром тело. Помер сорокавосьмилетний голубоглазый царь.

Кончина Алексея Михайловича во всех подробностях описана.

«Расслаблен бысть прежде смерти, и прежде суда того осужден, и прежде бесконечных мук мучим. От отчаяния стужаем, зовый и глаголя, расслаблен при кончине: "Господие мои, отцы соловецкие, старцы! Отродите ми, да покаюся воровства своего, яко беззаконно содеял, отвергся христианские веры, играя, Христа распинал, и панью Богородицею сделал, и детину голоуса — Богословом, и вашу Соловецкую обитель под меч поклонил, до пяти сот братии и больши. Иных за ребра вешал, а иных во льду заморозил, и бояронь живых, засадя, уморил в пятисаженных ямах. А иных пережег и перевешал, исповедников Христовых, бесчисленно много. Господие мои, оградите ми поне мало!"»

А изо рта, и из носа, и из ушей нежит течет, быдто из зарезанные коровы. И бумаги хлопчатые не могли напастися, затыкая ноздри и горло».

Такую вот страшную картину его кончины нарисовал в своей книге протопоп Аввакум.

— Пощадите! Пощадите! — умирая, кричал государь.

— Кому ты, великий государь, молился?! — спрашивали испуганные бояре.

— Соловецкие старцы пилами трут меня! — со стоном ответил Алексей Михайлович. — Велите войску отступить от их монастыря!

Но запоздало, запоздало это повеление.

Уже взят был монастырь иноземцами под командой Мещеринова. Уже переселены были по указу Алексея Михайловича соловецкие иноки на небеса. Сейчас и Алексея Михайловича ответ держать за кровавые свои преступления Господь призвал...

Так и не дождался награды Иван Мещеринов.

Следствие было начато, в ходе которого выяснилось, что Мещеринов еще и ограбил монастырь. При обыске его ладьи было изъято восемнадцать дорогих икон, украденных Мещериновым из соборной церкви...

Скорые кары обрушились после смерти Алексея Михайловича и на голову его верного Мардохея — Артамона Матвеева.

Все нажитые богатства были отобраны, сам Матвеев обвинен в чернокнижии и сослан вначале в Казань, а потом в Пусто-

зерск, где от его спутников и узнали пустозерские узники о страшной кончине своего православного царя.

5.

5 сентября 1678 года новый великий государь всея России, шестнадцатилетний Федор Алексеевич осматривал Новый Иерусалим.

Тетка его, Татьяна Михайловна, почитательница патриарха Никона, сама показывала племяннику монастырские строения, а там, где не поспели начать строительство, не жалела пояснений, из слов своих, как из кирпичей, воздвигая задуманные Никоном строения.

Помолились в Голгофской церкви... Постояли на истринском берегу. Осмотрели скит бывшего патриарха.

Велик был замысел Никона — воссоздать в Подмосковье священные места погребения и Воскресения Господня. Долго стоял шестнадцатилетний государь в незаконченном строительством храме Воскресения Господня, воздвигаемого по точным чертежам иерусалимского храма...

«Дитятком красным, церковным...» назвал царя Федора в своей челобитной сосланный в Пустозерск протопоп Аввакум. Страшные слова писал об отце Федора, покойном Алексее Михайловиче. Будто возвещено было Аввакуму от Спасителя, что в муках сидит батюшка.

Страшное известие, коли так.

Боязно было про батюшку царю Федору думать.

Такой богомолец был, а патриарха Никона в тюрьме запер, Аввакума в Пустозерский острог зарыл. Боярыню Морозову и княгиню Урусову голодом в яме заморил, Соловецкий монастырь мечу предал...

Воротить бы сейчас всех умученных им, наказать бы им, каб молились за батюшку — может, полегче ему будет. Только куда же воротишь?

Сам Аввакум в челобитной пишет, что «как бы царь-государь ему волю дал, то, что Илья-пророк перво бы Никона-того собаку рассек начетверо, а потом и никониян тех...»

Воротишь такого, потом самому унимать придется, на свою душу грех брать.

А Новый Иерусалим очень царю Федору полюбился. Повелел он продолжать строительство обители и часто теперь наведывался сюда помолиться Богу за батюшку, погоревать о судьбе устроителя этой обители патриарха Никона, все еще томящегося в заточении.

За два дня до прибытия царских посланцев оживился вдруг Никон и начал собираться в дорогу. Окружающие думали, что «в скорби и в беспамятстве сие творит», но царские посланцы действительно прибыли. Перенесли больного старика на берег Шексны, положили здесь в струг и повезли. Почти всю дорогу Никон лежал.

Торжественным было его возвращение. Сгоняемые стрельцами, собирались на берегах Волги толпы людей. Многие со страхом шли, боясь антихриста воочию увидеть. Но антихриста не было — слабый, немощный умом старик сидел в струге. Многие плакали, глядя на него. Нешто он сотворил такую беду? Трудно было поверить.

Когда вышли в Волгу, Никон совсем ослабел. Порою проваливался в забытье, бормотал что-то испуганное и непонятное.

Иногда казалось ему, что он совсем мал еще, что по-прежнему живет во власти злой мачехи, и ему хотелось убежать. Силою тогда удерживали, чтобы не выпрыгнул из струга. Порою чудилось Никону, что Елеазара Анзерского, святого, который изгнал его из своего скита, видит. Говорили, что святой Елеазар во время литургии, совершавшейся Никоном, вдруг увидел на ученике своем «змия черна и зело велика». Бледнело лицо Никона, когда казалось ему, что святого старца зрит. Спутники Никона тоже волновались. Казалось им, что отходит Никон.

17 августа 1681 года, когда приплыли к вечеру в Ярославль, беспокоен стал Никон. Начал тревожно озираться, будто кто-то пришел к нему...

Архимандрит Никита, провожавший Никона, понял все, начал читать отходную. Дочитал, когда уже скончался бывший патриарх Никон.

Мертвым привезли его в Новый Иерусалим. Здесь, в церкви Иоанна Предтечи, где еще до суда своими руками вырыл себе могилу Никон, и погребли его. Но еще почти три столетия не погребенным будет зло, которое принес Никон Русской церкви.

6.

Хотя и приохотил Симеон Полоцкий своего воспитанника польские книжки читать, хотя и издан был царский указ, чтобы, являясь к царю, польское платье надевали бояре, но все одно в России царю Федору царствовать пришлось. А в России царствовать — русским царем и будешь. Дела, которые батюшкой начаты, завершать нужно.

Раньше срока прибрал Господь батюшку. Сколько уже десятилетий за Украину воевали, а все не кончается война. Теперь у турок, которым передала Польша Украину, отбивать ее надо было.

Много дел, батюшкой незаконченных, осталось. Вот тюрьму в Пустозерске так и не достроили...

Еще когда только помер батюшка, сообщил в Новгородский Приказ пустозерский воевода, что присланных соловецких иноков сажать негде.

Из Разрядного Приказа велели тогда перевести Аввакума, Лазаря, Епифания, Федора в Кожеозерский монастырь. Но пока выясняли, где этот Кожеозерский монастырь, как везти туда заключенных, совсем запутались и решили оставить Аввакума с товарищами на месте.

Через два года великий государь своей грамотой известил об этом пустозерского воеводу. Еще сказано было, что надобно укрепить тюремные помещения, коли они обветшали.

На эту грамоту пустозерский воевода сообщил в Новгородский Приказ, что тюрьмы действительно разваливаются — насквозь прогнили закопанные в землю срубы, — но чинить их без лесу нет никакой возможности. Пустозерский воевода просил указать, «ис каких доходов те тюрьмы делать».

Долго в Новгородском Приказе чесали головы, обдумывая, что ответить. Где те доходы взять? В конце концов, решили заменить Гаврилу Яковлевича Тухачевского. Послали в Пустозерск стряпчего Андреяна Тихоновича Хоненева.

И вроде и ладно было придумано, а тюрьма все равно не построилась. В феврале 1681 года подал новый воевода отписку, что тюрьмы, где сидят Аввакум, Лазарь, Федор и Епифаний, все худы и пришли в негодность. Починить их нельзя, а строить новые не с чего.

В ответ указано было Хоненеву, чтобы «строил он тюрьму с великим береженном, каб из тюрьмы никто не ушел», а насчет средств, указывалось в грамоте, снесся бы Хоненев с Приказом Большой Казны...

Так и не удалось построить хорошей тюрьмы, как покойный Алексей Михайлович собирался.

Но если с тюремным строительством не ладилось дело, то с реформами все ладно шло.

23 января 1682 года — знаменательный день.

В передних сенях царского дворца развели огонь и сожгли все Разрядные книги. Благое дело было сделано. По приговору царя, патриарха и всего Собора покончили на Руси с местничеством. С одной стороны, хорошо. Путаницы меньше стало. Сколько ведь сил и времени отнимали расчеты, чей род знатнее. Теперь уже не надобно было смотреть на родовитость при назначении на службу, теперь любого проходимца можно было во главе любого дела поставить... Но это — с другой стороны...

Одновременно в эти дни заседал и Церковный собор.

Обсуждал патриарх Иоаким с архиереями, как дальше указания вселенских патриархов в жизнь проводить. Велено было Антиохийским Макарием по греческому образцу всю Россию разделить на митрополии, в подчинении которых находились бы мелкие епархии. Но тут уже не об обрядах церковных разговор, не о том, сколькими пальцами креститься, тут о власти говóря. И хотя настаивал царь с боярами, чтобы

приняли предложение Антиохийского патриарха, но уперлись архиереи. И так много чего вселенскими учителями переделано...

Ничего не добился царь Федор на этот раз от Собора.

— А с раскольниками как поступить теперь? — спросил великий государь.

— По государеву усмотрению... — благодушно ответили архиереи.

Вот она, доля царева, русская! Ничего по полной своей воле совершить не дадут, а грехи все на себя бери.

Лучше бы тюрьму новую пустозерским сидельцам построить, пускай бы сидели уж, пока Господь не приберет, раз батюшка туда посадил. Да вот, отвечают, что средств нет тюрьму новую строить. Что же делать тогда?

— По государеву усмотрению поступать...

За великие на царский дом хулы в Страстную Пятницу, 14 апреля 1682 года, сожгли в Пустозерске протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Федора, инока Епифания...

В тот же день отправил в Москву капитан Лещуков донесение об исполнении царского указа, но «дитятко красное, церковное» — так звал царя Федора Алексеевича Аввакум — лещуковского донесения прочитать не успело...

После расправы над соловецкими монахами царь Алексей Михайлович прожил всего шесть дней.

После сожжения пустозерских мучеников царь Федор Алексеевич прожил почти две недели. Вдвое дольше отца. Как-никак он и был вдвое моложе отца.

Двадцать один год исполнилось царю Федору, когда оборвалась его жизнь.

На опустевший русский престол при живейшем участии патриарха Иоакима был возведен Петр Первый...

7.

Царь Алексей Михайлович умер 29 января 1676 года. Его сын, Иоанн Пятый, царствовавший одновременно с Петром Первым, — 29 января 1696 года.

Что-то зловещее есть в совпадении чисел смерти отца и сына...

Но если мы вспомним, что и Петр Первый умирает 28 января 1725 года, то вверх тормашками улетит теория вероятностей. Ведь переведя эти даты на новый стиль, инициатором введения которого в России был все тот же Петр Первый, мы обнаружим, что смерти отца и двух его сыновей попадают на одно число — восьмое февраля.

Увы... Ангажированные Романовыми историки и писатели старательно не замечали злого рока, явно тяготевшего над императорским домом.

После Алексея Михайловича царствовало шестнадцать Романовых. Двое из них — царь Федор и император Петр Второй — умерли в юношеском возрасте. Пятеро были убиты.

Смерти Александра Первого, Николая Первого и отчасти Александра Третьего окружены загадками.

Еще четыре правления — правления женщин, две из которых — обе Екатерины — не имели ни капли романовской крови и занимали престол, мягко говоря, не вполне законно.

У истока династии, прошедшей путь от монастыря святого Ипатия до подвала дома Ипатьева в Екатеринбурге, стоял отец царя Михаила Федоровича, патриарх Филарет, поставленный в митрополиты самозванцем Григорием Отрепьевым, а в патриархи — Тушинским вором Богданко.

Внуком патриарха Филарета был изгнан патриарх Никон.

Правнуком — отменено патриаршество вообще.

Восстановление патриаршества самым непосредственным образом связано с падением династии. Святителя Тихона избрали уже после отречения Романовых от престола.

Трудно назвать случайностью совпадение смертей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича с казнями соловецких и пустозерских староверов, произведенных этими царями...

Но череда совпадений тут не заканчивается.

Введение Единоверия*, снявшего запрет на употребление старых обрядов (этого и добивались соловецкие иноки), совпадает по времени с прекращением вакханалии дворцовых переворотов.

Мистическая связь тут, несомненно, существует.

Но более важно другое.

Святые Русской православной церкви, пастыри ее и простые православные очень быстро сумели осознать пагубность решений Большого Московского Собора 1667 года, и молитвами их, по Промыслу Божьему, раскол начал преодолеваться задолго до издания соответствующих постановлений Священного синода. Способствовали этому, как это ни парадоксально звучит, гонения, обрушенные пропротестантски ориентированным поколением Романовых на всю Русскую православную церковь.

Преследования священников при Анне Иоанновне — их отдавали в солдаты и ссылали в Сибирь — сравнимы по своим размерам с большевистскими репрессиями.

Император Петр Третий, как известно, пошел еще дальше, отдав приказ «очистить русские церкви» от икон, а священникам обрить бороды и облачиться подобно лютеранским пастырям.

Развратная жена Петра Третьего, императрица Екатерина Вторая, подобных приказов не отдавала, но сумела уничтожить православных монастырей больше, чем их было уничтожено за все вражеские нашествия на Русь.

Удары, которые наносили Романовы по Русской православной церкви, сокрушили бы любую другую конфессию, но наша церковь устояла. Униженная и оскорбленная, она сумела перенести страшные гонения и уже в девятнадцатом веке дезавуировала решения церковных соборов 1656 и 1667 годов, а приняв единоверие, снова засияла, как и в прежние века, дивными молитвенниками и святыми.

Серафим Саровский и Игнатий Брянчанинов. Феофан Затворник и Иоанн Кронштадтский. Оптинские старцы...

Сонм новомучеников российских, которыми украсилась Русская православная церковь, когда, по примеру Петра Первого, решили большевики подчинить ее.

Великие подвиги были совершены тогда Русской Церковью в борьбе с мерзостью обновленчества, великие принесла она жертвы и устояла и в этой, такой неравной борьбе.

Всей этой жестокой войны с православием, которая велась практически до воцарения Николая Первого, дворянская литература и историография старательно не замечали, сосредотачивая внимание на грандиозных успехах, достигнутых Романовыми в военном и государственном строительстве. И тут трудно возражать, только вот какова была их цель?

Русским трудом и русской кровью воздвигалась действительно могущественнейшая империя, но воздвигалась для того, чтобы основная часть населения, сами русские, находилась в рабстве в своей собственной стране. Отметим тут, что только там и не было крепостного права, где сохранялось прежнее, дониконовское православие.

На севере... В Сибири...

Строительство империи обернулось в результате тем, что народ окончательно оказался расколот, и хотя после Екатерины Второй и предпринимались попытки преодолеть и *этот* раскол, ликвидировать его так и не удалось.

И не могло удасться.

Слишком разным стало все — язык, культура. Само православие и отношение к нему, и то, кажется, было различным у дворян и у крестьян.

Злой рок дома Романовых становился бедою всей страны. Великим святым и молитвенникам, подобным Серафиму Са-

* Правила в делах судебных и духовных, введенные митрополитом Платоном в 1800 году. Раскольники, вступающие в единоверие, освобождались от возложенных на них клятв. Ряд служб разрешалось им совершать по старопечатным книгам, но подчинялись они епархии.

ровскому, всей нашей Православной церкви, удалось отмолить его. Одновременно с введением единоверия начинается отход Романовых от соблазнов протестантства. Тогда же происходит и отмена крепостного права.

Понимали ли сами Романовы мистическую, роковую зависимость династии от преступлений, совершенных против православия Алексеем Михайловичем, Петром Первым и их преемниками? Несомненно.

Весь девятнадцатый век — это попытка Романовых исправить совершенные отцами династии ошибки. Подвиг последнего царя-мученика — вершина этих попыток и нравственное осуществление их. Кажется, единственному из Романовых, Николаю Второму удалось подчинить свою личную жизнь нормам православной морали, и вот оно чудо! — единственный, восходит он в сонм благоверных князей.

Однако, как отмечалось еще в ходе Предсоборного Присутствия в 1906 году, необходимо было «не одно разъяснение клятв патриарха Макария... а совершенная отмена этих клятв, как положенных от «простоты и неведения». Тогда же и постановили: «ходатайствовать перед Всероссийским собором об отмене означенной клятвы, как положенной по "недоброму разумению"».

Этот Всероссийский Собор Русской православной церкви, который, восстановив патриаршество, должен был снять и проклятие с раскольников, открылся 15 августа 1917 года в Успенском соборе Кремля. Открылся через две недели после того, как увезли в Тобольск семью Романовых.

Патриаршество Собор восстановил, а снять клятву, положенную на раскольников, не успели. 27 октября 1917 года загремели на улицах Москвы выстрелы. Начался расстрел кремлевских соборов, учиненный новыми вселенскими учителями.

И вот, словно в зеркальце недоброго фокусника, 17-й год двадцатого столетия превратился в 71-й год, когда удалось все-таки снять роковые для всей России и Православной церкви проклятия Собора 1667 года. Какими были годы, вместившиеся между двумя датами с переставленными цифрами, для Русской Церкви и русского народа — нет нужды говорить...

Три столетия потребовалось России, чтобы очиститься от греха, в который ввели нашу церковь алчные вселенские учителя.

2 июня 1971 года наконец-то прозвучали долгожданные слова:

«Мы, составляющие Поместный Собор Русской православной церкви, равносильный по своему достоинству и значению Московскому Собору 1656 года и Большому Московскому Собору 1667 года, рассмотрев вопрос о наложенных этими Соборами клятвах с богословской, литургической, канонической и исторической сторон, торжественно определяем во славу Всесвятого Имени Господа нашего Иисуса Христа:

1. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им.

2. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года об отвержении и вменении, яко не бывших, нарицательных выражений, относящихся к старым обрядам, и в особенности к двуеперстию, где бы они ни встречались и кем бы они ни изрекались.

3. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года об упразднении клятв Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православных христиан, и считать эти клятвы, яко не бывшие...

Да приведет Господь растоящаяся паки воедино, и в любви друг ко другу да исповедуем и славим едиными устами и сердцем Отца и Сына и Святого Духа, Троицу Единосущую и Нераздельную».

Аминь.

Глава шестая
ИГРУШКИ ПЕТРА ПЕРВОГО

30 мая 1672 года, в день преподобного Исаакия Далматского, у царя Алексея Михайловича родился сын.

По обычаю, принятому у русских царей, духовник, приходя к новорожденному, сразу нарекал ему имя, считая вперед на восьмой день. «Которого Святого день, и ему то же имя и будет». Попало на Петров день. Петром* и нарекли младенца, которому предстояло стать первым русским императором.

Шел 1672 год... Начались самосожжения старообрядцев... Монах Иов основал пустынь на реке Чире, сделавшуюся центром раскола на Дону. «Светлая Русь потемнела, а мрачный Дон воссиял и преподобными отцами наполнился...» В Пустозерской земляной тюрьме огненный протопоп Аввакум приступил к созданию своего «Жития...»

Объявили войну Турции...

А на год раньше?

На Лобном месте в Москве четвертовали Степана Разина. Возложив «чепь на выю», увезли в заточение боярыню Морозову. И еще жили воспоминания о Смуте, потрясшей Русское государство.

Официально считается, что Смута закончилась лишь в 1634 году, когда, после подписания Поляновского мира, королевич Владислав отказался от притязаний на русский трон, а в Архангельский собор Кремля торжественно внесли гроб царя Василия Шуйского, возвращенный из польского плена...

Не стихающие народные волнения, а главное, живые воспоминания о Смуте, когда Лжедмитрии появлялись один за другим, накладывали особый отпечаток на семейный быт русских царей. Никому, кроме самых близких, не полагалось видеть лица царских детей.

* В царском семействе Петров до императора Петра Первого не было.

«Царевичи же, во младых летех... — писал бежавший за границу дьяк Гр. Котошихин, — внегда случися им идти к церкви, и тогдо около их по все стороны несут суконные полы, что люди зрети их не могут, так как и в церкви стоят, люди видети их не могут, кроме церковников, а бывают в церкве завешены тафтою...»

В душных завесах из тафты, в особых хоромах, вход куда был разрешен лишь немногим приближенным, начиналось и детство императора России.

Говорят, что он начал ходить на шестом месяце.

1.

Когда Петру исполнился год, ему сделали деревянного коня на колесиках. Вырезал его из липы старец Ипполит, а затем коня обтянули жеребячьей шкурой.

Хотя и предназначалась игрушка для годовалого ребенка, все снаряжение делалось, как для настоящего скакуна. Деревянное седло обили войлоком и красным сафьяном, а упряжь в самых малых деталях копировала подлинную. Уздечку — все пряжки, наконечники и запряжники — сделали из серебра. А паперс — нагрудник — украсили серебряными запанами с изумрудами.

В Оружейной палате Московского Кремля до сих пор хранится «потешная» карета, которую сделали Петру, когда ему исполнилось два года.

От настоящей она отличалась только размерами. Лошади в эту карету тоже запрягались настоящие, только очень маленькие — особой «пигмейской» породы. Во время торжественных выездов карета занимала свое место в царском поезде.

Первые игрушки ребенка, которому предстояло стать Петром Великим, ничем не отличались от тех, которым и положено играть царским детям. Качель на веревках, обшитых червчатым бархатом. Цынбальца книжкой в сафьяновом алом переплете с

золотым неводом и серебряными застежками. Потешная баба деревянная во всем наряде.

Но Петр рос, и очень быстро все эти цынбальцы, бабы и качели заменяются игрушками с явным милитаристским уклоном.

Когда просматриваешь описи приобретаемых для двухлетнего царевича игрушек, возникает ощущение, что читаешь описание небольшого арсенала:

20 июня 1674 года — куплено для царевича девять луков с жильной тетивой, «жильничков»;

14 июля — живописец Иван Безмин расписал красками для царевича пять маленьких знамен, а еще через день — шесть игрушечных барабанов.

Приобретались бердыши, копья, топоры, булавы.

Как свидетельствует каталог «Юбилейной выставки в память державного основателя Санкт-Петербурга к 200-летнему юбилею Петербурга», в мае 1903 года в Летнем дворце были выставлены две пушки, подаренные, по преданию, еще царем Алексеем Михайловичем Петру для его потешных забав*.

Неизвестный художник конца XVII в.
Портрет царицы Натальи Кирилловны

Случайно ли такое обилие военных игрушек у маленького Петра? Конечно нет. Шла изнурительная война с Турцией, недавно закончилась война с Польшей. О войне все время говорили, о ней непрерывно думали.

И все-таки, как нам кажется, была и еще одна причина, по которой мать Петра — Наталья Кирилловна Нарышкина, поощряла увлечение сына военными игрушками.

Дело в том, что Петр был третьим сыном у Алексея Михайловича. От первой жены, Марии Ильиничны Милославской, у царя остались дочери и двое сыновей — Федор и Иван.

Они и должны были унаследовать трон**. И, хотя по закону о престолонаследии у Петра практически не было шансов сделаться царем, матери его трудно было смириться с такой участью своего первенца. Поэтому-то, как могла, она и поощряла увлечение сына оружием. Очень выгодно отличался ее жизнерадостный первенец от болезненных пасынков — Федора и Ивана.

Юный Петр, разумеется, не понимал тайных расчетов матери, он просто с увлечением играл, не замечая, что детская игра уже начинает сливаться с будущей жизнью, с историей всей страны...

* По преданию, из этих пушек всегда производился салют 6 августа (Преображение) и 6 декабря (день ротного праздника бомбардирской роты).

** «Ныне же у царя три сына, един приходит в возраст, а другие млады; и при своем животе похочет ли которого женить или отделить, — писал Гр. Котошихин. — Так же ежели случится по смерти его быти всем живым, или еще вновь прибудут, а единого из них оберут царем, а иным таким же ли отделением жити, как сперва началось, или как об них вновь умыслят...»

Петру не исполнилось и четырех лет, когда умер отец — царь Алексей Михайлович.

Умирая, он благословил на царство старшего сына, пятнадцатилетнего Федора.

Артамон Сергеевич Матвеев пытался склонить умирающего царя в пользу младшего сына и жестоко поплатился — вскоре его отправили в Пустозерск, в ссылку, где имел возможность рассказать о последних минутах жизни царя еще не сожженному пока протопопу Аввакуму.

Для Нарышкиных, и прежде всего для Натальи Кирилловны, это было ударом.

Она понимала, что без мудрого царедворца Матвеева надежда — посадить сына на трон — становится несбыточной... Надо сказать, что по закону о престолонаследии родные братья оказывались разделенными пропастью — один становился самодержавным властителем всей страны, остальные получали в кормление незначительные, «негосударственные» города.

Но конечно же, сам малолетний Петр не осознавал и не мог осознавать, что его звезда, появившаяся вблизи Марса в ночь на 11 августа 1671 года, еще не разгоревшись, готова была скатиться с небосклона.

Напротив... Перебравшись с матерью в Преображенское, Петр вдруг почувствовал, что стесняющие его правила и запреты начали слабеть, и теперь он может пользоваться куда большей свободой, нежели раньше.

Вскоре после смерти отца к Петру определили нового учителя — подьячего челобитного приказа Никиту Зотова*. Поскольку шансов на престол у Петра не оставалось, учением его не обременяли.

Петра учили по картинкам из «Царственной книги». Это была краткая летопись страны, в которой на 1613 листах размещалось более тысячи рисунков.

Учил Зотов и русской грамоте, но особых успехов и здесь будущий император не достиг. Всю жизнь потом он писал с ошибками, забывая отделять слова друг от друга.

И если и сумел получить Петр какие-то знания, то это случилось благодаря играм. Военные игры Петра усложнялись с каждым днем.

В Писцовых книгах за 1676 год можно найти такие записи:

«**Мая 15-го.** Велено сделать царевичу и великому князю Петру Алексеевичу в лубье саадашское саадан (колчан. — *Н.К.*) стрел, по счету 17 стрел, да 10 гнезд стрел яблоневых с белохвосцы перьями, да 10 гнезд стрел березовых с простым перьем.

Июня 2-го. Велено сделать два лука недомерочков (малого размера. — *Н.К.*) жильников.

Сентября 30-го. Для царевича куплен пояс сабельный шелковый, турецкого дела, к сабле потешной...

Декабря 20-го. Куплено кожи на пять барабанов...

Декабря 23-го. Поданы в хоромы потешные пистоли, карабины, пищали винтованные с замком деревянныя...»

Одному Петру такого обилия игрушечного оружия не требовалось, но в его играх уже начали участвовать сверстники — дети из знатных и наиболее близких Нарышкиным семей. Среди участников детских игр находим мы имена и будущих соратников Петра.

Как и дети, в малиновые суконные кафтаны на беличьем меху были одеты четыре карлика — Никита Комар, Василий Радионов, Иван и Емельян Кондратьевы. Подражая детям, участвовали они в игре и при этом следили изнутри игры за детьми, вовремя упреждая опасность. Мера предосторожности вполне понятная. Детское оружие Петра сохранилось, и когда видишь, насколько неотличимо оно, если позабыть про размер, от настоящего, то понимаешь, что оставлять детей с такими игрушками без присмотра взрослых просто было нельзя.

* Учить Петра грамоте начали еще в 1675 году. Тогда подьячий тайных дел Григорий Гаврилов написал для царевича азбуку. 27 ноября в соборе Николая Гостунского отслужили молебен и 1 декабря начались занятия.

2.

При вступлении на трон пятнадцатилетнего брата Петра — Федора Алексеевича главным лицом в государстве стал Иван Михайлович Милославский, принявший на себя руководство важнейшими приказами.

Чрезмерное усиление Милославского встревожило остальных бояр. Богдан Матвеевич Хитров и начальник Стрелецкого приказа Юрий Алексеевич Долгорукий повели свою интригу через самого царя. Они сумели сблизить с Федором верных им молодых людей — Ивана Максимовича Языкова и братьев Лихачевых. Благодаря этой троице царь Федор решил жениться на Агафье Семеновне Грушецкой.

Милославский, пытаясь расстроить невыгодный ему брак, оклеветал невесту, но клевета была разоблачена, и Милославскому запретили являться ко двору.

18 июля 1680 года царь Федор обвенчался с Грушецкой, а ровно через год — 14 июля — Агафья Семеновна умерла родами. Спустя несколько дней умер и ее сын Илья, который мог бы унаследовать престол.

Тогда молодые фавориты царя сблизились с партией Нарышкиных. В невесты царю была предложена четырнадцатилетняя крестница Артамона Сергеевича Матвеева — Марфа Апраксина. В декабре 1681 года состоялось обручение, и невеста упросила царя вернуть крестного из ссылки.

Нарышкины воспрянули духом, снова у Натальи Кирилловны затеплилась надежда посадить на трон после Федора, в обход болезненного царевича Ивана, своего сына.

Так, по-русски неспешно, составлялись заговоры, образовывались партии и гибли репутации.

А государственные дела шли своим чередом, и на них борьба партий при дворе — в этом-то и заключается целомудрие допетровских монархий! — кажется, никак и не отражалась.

3 января 1681 года заключили Бахчисарайский договор с Турцией. Турция признала переход левобережной Украины и Киева к России.

В Москве начали изготовлять свой шелк и бархат.

Открылось училище, в котором учили греческому языку.

Через восемьдесят лет, в 1741 году, когда в результате дворцового переворота на русский престол взойдет «дщерь Петрова» императрица Елизавета, в общественное сознание начнет усиленно внедряться культ Петра Первого, который будут затем поддерживать и сами Романовы, и, — это не странно, а вполне закономерно! — сменившие их в 1917 году большевики.

Сам принцип организации петровского культа требовал изображать предшествовавшее Петру царствование так, чтобы оно выгодно оттеняло преобразовательную деятельность Петра. Поэтому-то многие новшества, введенные при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, замалчивались, как бы передвигались на годы правления Петра.

Разумеется, противопоставлять «прогрессивность» Петра «консерватизму» Федора Алексеевича нельзя. Как и его прославленный брат, царь Федор достаточно смело пытался разрешать назревающие в стране проблемы, не особенно-то просчитывая последствия своих преобразований.

Отличие с Петром Первым, может быть, только в том и заключалось, что подобно отцу, царю Алексею Михайловичу, Федор стремился прикрыться в своих реформах соборным авторитетом. Как при Алексее Михайловиче, трагические, приведшие к расколу решения были приняты церковными соборами, так и при Федоре наиболее спорные, ведущие к непредсказуемым последствиям реформы приняты Земским собором.

По решению Собора была проведена военная реформа, а в начале 1682 года, словно расчищая путь будущим петровским реформам, уничтожено местничество.

До сих пор на Руси назначения осуществлялись не в соответствии со способностями людей, а согласно тому положению,

что занимали их предки. «Во всех делах разрядом не считаться», — пытался ввести еще Борис Годунов, но в практику это вошло именно при Федоре Алексеевиче.

19 января 1682 года в сенях Государственной палаты сожгли разрядные книги. Это — одна из важнейших дат русской истории.

Завершилась военная реформа и начиналась гражданская, необходимость которой назрела в обществе. Другое дело, что, как и многие реформы Романовых, она оказалась направленной против народа. Так получилось, что сожжение разрядных книг открыло путь к власти иноплеменным авантюристам.

Самому Федору Алексеевичу так и не удалось завершить начатую реформу.

14 апреля 1682 года «за великие на царский дом хулы» сожгли в Пустозерске гениального писателя протопопа Аввакума, а 27 апреля, не прожив и трех месяцев со своей второй женой Марфой Матвеевной Апраксиной, в четвертом часу пополудни царь Федор умер.

Неожиданная смерть венценосного брата переменила судьбу Петра. Хотя по старшинству на трон должен был заступить царевич Иван, патриарх Иоаким сумел склонить и Боярскую думу, и еще не разъехавшийся Земский собор на сторону младшего сына Алексея Михайловича.

Было тогда Петру десять лет...

3.

В тот год возле хорóм Петра была устроена площадка.

Там стоял деревянный шатер, рогатки и игрушечные пушки — нечто вроде военного лагеря. Из пушек можно было стрелять деревянными ядрами, обтянутыми кожей.

Здесь, в шатре, и застало десятилетнего Петра известие о смерти брата — царя Федора. Здесь и узнал Петр, что провозглашен Государем всея Руси.

Впрочем, на пути к трону стояла сестра — царевна Софья, а многоопытный Артамон Матвеев все еще не вернулся из ссылки, хотя уже 27 апреля ему был послан Указ: быть «из опалы» в Москве.

Софья не стала дожидаться его возвращения...

Во время погребения царя Федора в Успенском соборе она заголосила на людях, причитая: дескать, извели нашего любезного братца лиходеи, оставили круглыми сиротами, нет теперь у нас ни батюшки, ни матушки, никакого заступника, вот и не выбрали братца нашего Ивана Алексеевича на царство*... И теперь: «Умилосердитесь над нами, сиротами, или отпустите в чужую землю к королям христианским».

Вольно было причитать Софье...

В династических делах слезы ничего не решают, но в противостоянии Наталье Кирилловне, «этой медведице, — как называла ее Софья, — забежавшей Бог знает откуда в наше семейство», царевну поддерживали сильные и достаточно опытные члены «антинарышкинской» партии...

События первых чисел мая развиваются стремительно и непредсказуемо.

30 апреля. Стрельцы подали челобитные на полковников, особо притеснявших их.

7 мая. Велено полковников от приказов отставить и рассадить по тюрьмам, вотчины у них отобрать и взыскать стрелецкие убытки.

2 мая. Биты кнутом полковник Семен Грибоедов и Александр Карандеев. Остальные полковники — биты батогами.

12 мая. Наконец-то вернулся в Москву из ссылки Матвеев. Иван Михайлович Милославский, который, как считают историки, и раздувал стрелецкий мятеж, оказался единственным из московской знати, кто не приехал к Матвееву засвидетельствовать почтение. В тот день Милославс-

* От брака Алексея Михайловича с княжной Милославской было пять сыновей и восемь дочерей. Первенец Димитрий скончался в младенчестве. Второй сын Алексей умер в возрасте шестнадцати лет. За три месяца до него умер четырехлетний Симеон. Остались Федор и Иван. Были они, как считают некоторые историки, хилыми, страдали скорбутом...

кий, обложенный кирпичами, лежал в горячих отрубях и «лечился...»

15 мая. Стрелецкий мятеж. Александр Милославский и Петр Толстой пустили слух, дескать, Ивана-царевича Нарышкины задавили... Ударили в набат, стрелецкие полки потекли к Кремлю.

Пытаясь успокоить бунтарей, Наталья Кирилловна вышла на Красное крыльцо с Петром и Иваном, но мятежники, кажется, и не заметили этого.

Вначале был убит Долгорукий.

Учения потешных полков в Преображенском под командованием Петра I. Рисунок XVIII в.

Затем с Красного крыльца сбросили Матвеева, а «товарищи внизу приняли его на копья».

Афанасий Нарышкин пытался спрятаться в алтаре, но его вытащили оттуда и убили. Порешили и Петра Фомича Нарышкина, а, притомившись, разошлись по домам.

Однако на следующий день стрельцы снова собрались в Кремле и потребовали брата царицы — Ивана Нарышкина, думного дьяка Аверкия Кириллова, «дохтуров Степана жида да Яна».

На расправу были выданы все, кроме брата царицы, — его выдадут только 17 мая...

А в тот день, шестнадцатого, неведомо кем были произведены новые назначения. В Стрелецкий приказ назначили князя Ивана Андреевича Хованского, в Судный — его отца Андрея Ивановича. Иноземный, Рейтарский и Пушкарский приказы возглавил отлежавшийся в пареных отрубях боярин Иван Михайлович Милославский.

18 мая. Постригли в монахи деда царевича Петра — Кирилла Полуэктовича Нарышкина и под стражей увезли в Кирилло-Белозерский монастырь.

26 мая. Стрельцы потребовали, чтобы царевич Иван царствовал вместе с Петром, а царевну Софью провозгласили правительницей...

Даже сейчас, когда читаешь описания стрелецкого мятежа, потрясает нереальное соединение крайней озлобленности и какого-то детского добродушия и доверчивости.

Убив накануне молодого князя Долгорукова, стрельцы на следующий день отправились к его отцу извиняться. Старый князь стерпел, даже приказал угостить непрошеных гостей, но когда стрельцы ушли, не выдержал.

— Злодеи! — сказал он. — Щуку вы съели, да зубы ее остались. Придет пора, что сами развешены по городу будете!

«Верный» слуга, слышавший это, немедленно побежал за стрельцами и передал им слова князя. Стрельцы воротились и

убили старика, а дом разграбили. Труп Долгорукова они засыпали соленой рыбой из погреба...

Петр столкнулся со стрельцами только 15 мая, когда мать вывела его вместе с царевичем Иваном на Красное крыльцо.

Весь конец апреля и начало мая были заполнены у Петра подготовкой к новой, еще невиданной игре. Ведь «игрушки» он получал теперь — его уже объявили царем! — из Оружейной палаты, главного арсенала страны...

«Великий Государь, царь и Великий князь Петр Алексеевич указал из Оружейной палаты внесть к себе, великому государю, в хоромы два лука малых...

Мая 12-го. Указал в Оружейной палате прибрать 50 пищалей винтованных, 100 пищалей завесных, 50 карабинов и к тем пищалям купить мошны, трещетки, заправы да 20 натрусок (приспособления для хранения пороха. — *Н.К.*) корельчатых, и к ним снуры (фитили. — *Н.К.*), да пуль разных два пуда...»

Игра эта так и не состоялась. Пятнадцатого мая перекошенные яростью лица стрельцов навсегда, кажется, должны были заслонить от Петра детские игры.

С этого дня голова у него начала трястись, а плечи стало сводить судорогой...

25 июня в Успенском соборе короновали и Петра, и Ивана, но события продолжали развиваться стремительно и непредсказуемо.

Едва удалось загасить «прения о вере», которые могли разгореться новым мятежом, как поползли слухи, что князь Андрей Хованский задумал жениться на царевне Екатерине Алексеевне и собирается объявить ее правительницей...

Софья, захватив коронованных на царство братьев, бежала из Москвы.

Смута прекратилась только осенью, когда оба князя Хованские были казнены и начальником над стрельцами стал любезный сердцу Софьи Федор Шакловитый...

Все управление страной сосредоточилось в руках Софьи. Хотя внешне демонстрировалось, что правят венчанные на царство цари Иван и Петр.

«В приемной палате, обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под святыми иконами сидели оба царя, в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями... — записывал очевидец. — Старший брат (Иван. — *Н.К.*), надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно, младший смотрел на всех, — лицо у него открытое, красивое — молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью».

Кровь играла в Петре, и он стремился поскорее вернуться к прерванным стрелецким мятежом играм...

4.

Впрочем, теперь эти игры все больше и больше напоминали обычные военные учения...

В день рождения Петра, 30 мая 1683 года, в Воробьеве под руководством огнестрельного мастера Симона Зоммера была произведена первая потешная огнестрельная стрельба, а 4 июля стольник Гаврила Головкин выдал по требованию царя уже 16 пушек малых.

А в конце года Петру вздумалось составить в Преображенском особый полк.

Набирали в него добровольцев.

Первым записался в полк дворцовый конюх Сергей Леонтьев Бухвостов. Этот человек и стал первым петровским солдатом... Он участвовал в Полтавской битве, дослужился до чина майора, и еще при жизни Бухвостова Петр приказал Растрелли отлить его статую, которая стала первым памятником, поставленным в новой столице Российской империи*.

Впрочем, это будет еще не скоро, а пока Петр с увлечением отдался новой игре.

Командирами в Преображенском полку были иностранные офицеры, а сам Петр принял чин бомбардира и, как пишет историк М. Погодин, «начал знакомиться с подчиненностью, проходить по всем ступе-

---

* Сергей Леонтьевич Бухвостов умер в возрасте 86 лет в 1728 году в чине майора артиллерии.

ням службы, узнавать мало-помалу ее нужды и потребности, искать и находить средства для их удовлетворения, изворачиваться в стесненных обстоятельствах».

«Велено сделать к нему великому государю в хоромы, — записывал 13 января 1685 года царский писец, — две пушки деревянныя, потешныя, мерою одна в длину аршин, другая в полтора аршина и посеребрить, на станках и с колесы окованными, на станках клеймы, и в кругах орлы, и клейма литыя оловяные, и расписать их зеленым аспидом...»

Потом к Преображенскому полку прибавился и Семеновский...

Дни и месяцы пролетали в учебных сражениях, в походах...

Из Оружейной палаты беспрестанно вытребывались пищали, мушкеты, карабины, копья, стрелы...

Зимой 1685 года по чертежам немецких мастеров в Преображенском была выстроена «потешная» крепость — Пресбург, — на которой отрабатывались правила осады и штурма...

За несколько лет, незаметно для окружающих, Преображенский и Семеновский полки из «потешных» превратились в настоящие. В дальнейшем, кстати сказать, они стали главными полками русской гвардии, и служба в них считалась особенно почетной.

Летом 1689 года, когда наущаемые Софьей стрельцы собирались убить Петра, эти полки были уже грозной силой.

Стрелецкий мятеж удалось подавить.

Было Петру в ту пору семнадцать лет...

Но до этого рубежа он успел обзавестись еще одной «игрушкой».

В 1688 году в селе Измайлово, в амбаре, где был свален разный хлам, Петр отыскал ботик и 25 июня, в день обретения мощей святого чудотворца Сергия Радонежского, спустил его на воду Плещеева озера.

С этого ботика, как считается, и начался Российский флот.

И всего четверть века оставалось до Гангута...

5.

Поразительно, насколько естественно сливаются детские игры первого русского императора с его зрелой деятельностью, за которую и назвали его Великим.

Но если приглядеться внимательнее, то окажется, что тот ужас, что несло России правление Петра, тоже во многом из детства, из отроческих лет...

Потрясение, пережитое десятилетним царем 15 мая 1682 года, породило в душе подростка необъяснимую, почти подсознательную ненависть к русской старине, зачастую выливавшуюся в отрицание вообще всего русского.

Это неприятие русского усиливалось и за счет воспитания...

Так получилось, что офицерами в Преображенском полку были иностранцы. Общаясь с ними, юный Петр осваивал языки, знакомился с точными науками, которым традиционное воспитание царских детей почти не уделяло внимания.

Но здесь же, в полку, прививались одиннадцатилетнему ребенку и дурные наклонности. После каждого перехода, после каждого «потешного» боя офицеров звали к молодому царю Петру на обед. По обычаю, в конце обеда приглашенным подносился бокал вина. Выпив, дóлжно было откланяться и уйти. Однако иностранцы, плохо знакомые с этим русским обычаем, обойтись одним бокалом не могли.

«Им, — как пишет историк М. Погодин, — мало было и по два, и по три...»

Юный Петр, не стесняемый строгим надзором, тоже старался не отставать от «учителей» и уже к двенадцати годам приучился к алкоголю. Так что дикие, безобразные пьянки его — тоже из детства...

Петр Первый был, наверное, первым русским царем, который стал царем благодаря чудесному и роковому стечению обстоятельств, — ранняя смерть оставшегося бездетным Федора — и он оказался первым русским царем, которого не готовили к царскому венцу и который так фатально оказался не готовым к верховной власти.

Это может показаться противоречащим тому, что говорилось ранее об играх Петра, но никакого противоречия тут нет.

Все перечисленные игры развивали Петра физически и умственно, но ни в какой степени не готовили к тому величайшему смирению, которое должен проявлять царь, сообразуя и подчиняя свою волю интересам своей державы, своего государства, своего народа.

Этого смирения и не получил Петр, он совместил в себе безудержность нрава портового забияки с абсолютной неограниченной властью. Сама православная мораль, на которой основывалась вся жизнь Руси, для Петра Первого значила не очень много.

И тут, вероятно, можно винить царицу Наталью Кирилловну, воспитанную в шотландско-русской семье Артамона Матвеева, но главная причина — в трагедии раскола, в унижении, которому была подвергнута царем Алексеем Михайловичем и купленными им «вселенскими учителями» Русская православная церковь.

Почему-то считается, что пока жива была царица Наталья Кирилловна, Петр Первый не касался обычаев старины.

Если это и верно, то только отчасти и только оттого, что страсти и пороки Петра еще не приобрели тех размеров, которых они достигли по мере его возмужания...

Тем не менее «неправославный» нрав царя проявлялся и тогда. Известно, как в присутствии матери на упрек патриарха, что «негоже русскому царю в иноземной одежде у себя дома ходить», Петр посоветовал патриарху думать не о портных, а о делах церкви.

Известно и о похождениях Петра Первого в Немецкой слободе.

«Царь не вел образа жизни в соответствии с священным достоинством Царя и с этой высоты спустился до попойки в немецкой слободе и жизни простого мастерового, — справедливо отмечает профессор М.В. Зызыкин. — Церковь, с ее стремлениями спасения и с ее неизбежным при ее почитании влиянием на гражданскую жизнь, отходит на второй план, и, как следствие этого, является целый ряд изменений в обычаях. Раньше первосвятители и другие иерархи привлекались в совет Царя и по гражданским делам; они привлекались к участию в земских соборах и Боярской Думе; теперь Петр удаляет Церковных представителей от участия в делах государственных; он еще при матери сказал об этом патриарху и не призывает его к совету».

А его знаменитый «всешутейший, сумасброднейший и всепьянейший собор»?

«Он состоял под председательством набольшего шута, носившего титул князя-папы, или всешумнейшего и всешутейшего патриарха московского, кокуйского и всея Яузы, — пишет В.О. Ключевский. — При нем был конклав 12 кардиналов, отъявленных пьяниц и обжор, с огромным штатом таких же епископов, архимандритов и других духовных чинов, носивших прозвища, которые никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати. Петр носил в этом соборе сан протодьякона и сам сочинил для него устав, в котором обнаружил не менее законодательной об-

Неизвестный художник начала XIX в.
Петр I

думанности, чем в любом своем регламенте. В этом уставе определены были до мельчайших подробностей чины избрания и поставления папы и рукоположения на разные степени пьяной иерархии. Первейшей заповедью ордена было напиваться каждодневно и не ложиться спать трезвыми. У собора, целью которого было славить Бахуса питием непомерным, был свой порядок пьянодействия, "служения Бахусу и честнаго обхождения с крепкими напитками", свои облачения, молитвословия и песнопения, были даже всешутейшие матери-архиерейши и игуменьи. Как в древней церкви спрашивали крещаемого: "Веруеши ли?", так в этом соборе новопринимаемому члену давали вопрос: "Пиеши ли?" Трезвых грешников отлучали от всех кабаков в государстве: инако мудрствующих еретиков-пьяноборцев предавали анафеме. Одним словом, это была неприличнейшая пародия церковной иерархии и церковного богослужения, казавшаяся набожным людям пагубой души, как бы вероотступлением, противление коему — путь к венцу мученическому... Бывало, на первой неделе Великого поста его всешутейшество со своим собором устроит покаянную процессию: в назидание верующим выедут на ослах и волах или в санях, запряженных свиньями, медведями и козлами, в вывороченных полушубках...»

Патриарх Адриан. Гравюра. XIX в.

Как схожи эти «служения Бахусу» с русофобской атеистической пропагандой большевистских губельманов! Как страшно, что все это совершает русский царь! Как жутко, что это мерзкое кощунственное представление устраивает сын, едва только умирает его мать!

Нет, Алексей Михайлович не напрасно понуждал беременную Наталью Кирилловну девять часов подряд смотреть «Артаксерксово действо». Не пропали даром труды.

Наши историки, к глубокому прискорбию, анализируя отношения Петра Первого с православием, более пытались найти оправдания первому русскому императору, нежели разобраться в этом вопросе.

«Петр вырос не под таким сильным влиянием богословской науки и не в такой благочестивой обстановке, как росли его братья и сестры, — пишет С.Ф. Платонов. — С первых же шагов своей сознательной жизни он сошелся с "еретиками немцами", и хотя остался православным по убеждениям человеком, однако свободнее относился ко многим обрядностям, чем обыкновенные московские люди, и казался зараженным "ересью" в глазах старозаветных ревнителей благочестия. Можно с уверенностью сказать, что Петр от своей матери и от консервативного патриарха Иоакима (ум. 1690) не раз встречал осуждение за свои привычки и знакомство с еретиками. При патриархе Адриане (1690—1700), слабом и несмелом человеке, Петр встретил не более сочувствия своим новшествам, вслед за Иоакимом и Адриан запрещал брадобритие, а Петр думал сделать его обязательным. При первых решительных нововведениях Петра все протестующие против них, видя в них ересь, искали нравственной опоры в авторитете церкви и негодовали на Адриана, который малодушно молчал, по их мнению, тогда, когда бы следовало стать за правоверие. Адриан дей-

ствительно не мешал Петру и молчал, но не сочувствовал реформам, и его молчание, в сущности, было пассивной формой оппозиции. Незначительный сам по себе, патриарх становился неудобен для Петра, как центр и объединяющее начало всех протестов, как естественный представитель не только церковного, но и общественного консерватизма».

«Петр не был атеистом, напротив — он был несомненно человеком верующим, но его религиозность не носила того церковного характера, который был свойственен русскому благочестию времен Московской Руси... — говорит И.К. Смолич в «Истории Русской Церкви». — На взгляды юного Петра оказали также влияние его встречи с иностранцами из Немецкой слободы в Москве — его религиозность приобрела протестантский оттенок. Именно поэтому он *дистанцировался* от обрядового благочестия Московской Руси, в атмосфере которого провел свои детские годы».

«Петр не понимал, что такое Церковь, — писал Ю.Ф. Самарин, — он просто ее не видел; ибо сфера ее выше сферы практической, и потому он поступал, как будто бы ее не было, отрицал ее не злоумышленно, а скорее по неведению».

Примеры можно продолжать...

Независимо от степени остроумия, все они лишь демонстрируют арсенал оправданий, изготовленный историками, но сами по себе они ничего не объясняют. Разумеется, можно назвать демонстративные бесовские игрища на первой седмице Великого поста *дистанцированием от обрядового благочестия Московской Руси*, можно подменить то внутреннее ожесточение или, вернее, озверение, которое нарастало в Петре, объяснениями, дескать, патриарх становился неудобен для Петра, но заявить, что Петр отрицал церковь *не злоумышленно, а скорее по неведению,* можно только от незнания материала...

6.

Сохранилась записка Петра Первого, озаглавленная «О блаженствах против ханжей и лицемеров».

На одной стороне листа приведены заповеди, а на другой — сделаны рукою Петра пометки...

«Описав все грехи против заповедей, один токмо нахожу грех лицемерия и ханжества не обретающийся между прочих вышеописанных, что зело удивительно, — чего для?» — спрашивает Петр.

И сам же и отвечает: «Того ради, понеже заповеди суть разны и преступлении разны — против каждой; сей же грех все вышеописанные в себе содержит...»

Как мы видим, перед нами очень четкая протестантская и по форме и по духу программа отрицания православной (и католической тоже) церкви.

Первая заповедь гласит: «Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози иние, разве Мене».

«Против первой грех есть атеистство, который в ханжах есть фундаментом, — пишет Петр, — ибо первое их дело — сказывать видения, повеления от Бога и чудеса все вымышленные, которых не бывало; и когда сами оное вымыслили, то ведают уже, что не Бог то делал, но они, — какая ж вера в оных? А когда оной нет, то суть истинные атеисты». «Против второй (заповеди. — *Н.К.*) — страха Божия не имущий. О сем же и толковать не надобно, понежеде, когда лгут на Бога, какой уже страх Божий обрестися может... Против четвертой. Может быть, что натуральных отцов некоторые и почитают (но сие наудачу), но пастырей, иже суть вторые по натуральных отцы от Бога определены, как почитают, когда первое их мастерство в том, чтоб по последней мере их обмануть, а вяще тщатся бедство им приключить подчиненных пастырей оболганном у вышних, а вышних — всеянием в народе хульных про оных слов, подвигая их к бунту, как многих головы на кольях свидетельствуют».

Петр, как мы видим, даже и не пытается разобраться в существе заповедей, у него уже есть готовый ответ. Насколько он исчерпывающий, не так и важно, поскольку интересуют Петра не ответы, а обвинения, которые привязываются к этим ответам.

Атеизм есть фундамент ханжества — заявляет он.

И далее сразу терминологическая подтасовка — оказывается, что ханжество — это вера в чудеса, в прозрения...

Подразумевается, что чудес не бывает, все они вымышлены.

Ну а коли человек осмеливается придумать чудо и рассказывает о нем, значит, он не имеет страха Божия, значит, не верит в Бога.

27 июня, на следующий день после зверского убийства сына, Петр Первый составит инструкцию своим заграничным министрам, как следует описывать кончину Алексея.

После объявления сентенции суда царевичу «мы, яко отец, боримы были натуральным милосердия подвигом, с одной стороны, попечением же должным о целости и впредь будущей безопасности государства нашего — с другой, и не могли еще взять в сем зело многотрудном и важном деле своей резолюции. Но всемогущий Бог, восхотев чрез собственную волю и праведным своим судом, по милости своей нас от такого сумнения, и дом наш, и государство от опасности и стыда свободити, пресек вчерашнего дня его, сына нашего Алексея, живот по приключившейся ему по объявлении сентенции и обличении его толь великих против нас и всего государства преступлений жестокой болезни, которая вначале была подобна апоплексии. Но хотя потом он и паки в чистую память пришел и по должности христианской исповедовался и причастился Св. Тайн и нас к себе просил, к которому мы, презрев все досады его, со всеми нашими зде сущими министры и сенаторы пришли, и он чистое исповедание и признание тех всех своих преступлений против нас со многими покаятельными слезами и раскаянием нам принес и от нас в том прощение просил, которое мы ему по христианской и родительской должности и дали; и тако он сего июня 26, около 6 часов пополудни, жизнь свою христиански скончал».

Как? Это говорил сам Петр?

Главный грех — ханжество и лицемерие... Ибо первое дело ханжей — *сказывать видения, повеления от Бога и чудеса все вымышленные, которых не бывало; и когда сами оное вымыслили, то ведают уже, что не Бог то делал, но они...*

Про церковные чудеса, о которых и слышать не мог Петр, мы знаем, что многие из них точно были не вымышлены. Некоторые могли быть и придуманными, но чего больше в вымышлении их — лицемерия или прелести, неведомо.

А вот говорить, что *всемогущий Бог, восхотев чрез собственную волю и праведным своим судом, по милости своей нас от такого сумнения, и дом наш, и государство от опасности и стыда свободити, пресек вчерашнего дня его, сына нашего Алексея, живот,* зная, что сын умер под пытками, которым его подвергли по твоему приказу, это действительно верх лицемерия. Говорить такое мог только человек, действительно *страха Божия не имущий.*

Рассуждая по поводу заповеди «Чти отца твоего», Петр печалится, дескать, духовных отцов не почитают. А и как почитать, если *первое их мастерство в том, чтоб по последней мере их обмануть, а вяще тщатся бедство им приключить подчиненных пастырей оболганном у вышних...*

Можно, разумеется, проследить, каким похотливо-извилистым путем выходит петровская мысль на решающий аргумент, о котором *«многих головы на кольях свидетельствуют»,* но важнее — другое.

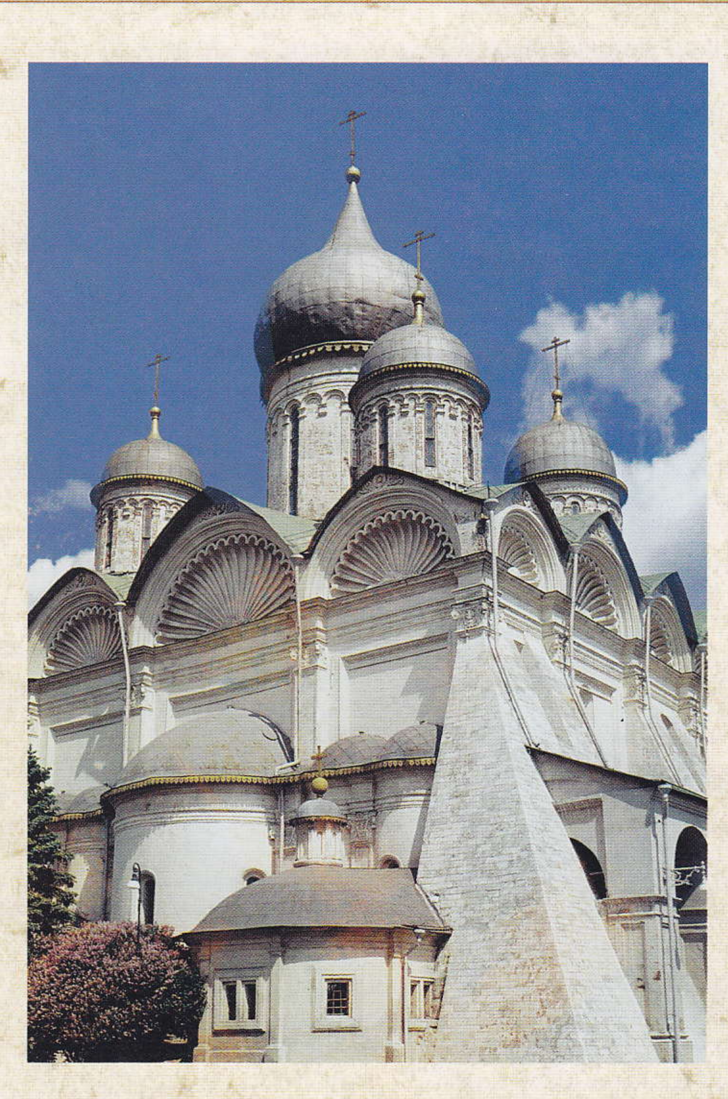
В принципе, если вспомнить о расправе, учиненной «вселенскими учителями» над Русским православием, когда миллионы православных русских людей ушли в раскол, ясно, что в израненной, истекающей кровью Русской церкви можно было обнаружить самые причудливые явления.

Но ведь надо вспомнить и то, кто насаждал в этой раненой, измученной церкви завезенное с Украины униатско-иезуитское ханжество. Зачем же забывать о том, что и сам Петр, продолжая линию своего отца, усиленно продвигал на все ключевые кафедры Русской православной церкви прошедших через иезуитские коллегиумы выходцев с Украины.

Федор Алексеевич (Федор III) (1661—1682)

Сын царя Алексея Михайловича и его первой жены Марии Милославской. После него царями стали его малолетние братья — родной брат Иоанн (Иван) V и сводный брат Петр I. Правительницей (регентшей) была его родная сестра царевна Софья Алексеевна (1682—1689)

Архангельский собор Московского Кремля

Петр I Великий Алексеевич (1672—1725)

Сын царя Алексея Михайловича и его второй жены Натальи Нарышкиной. Формально вступил на престол в 1682 г. Царь — с 1689 г. Первый российский император — с 1721 г.

Екатерина I Алексеевна (1684—1727)

Дочь литовского крестьянина Самуила Скавронского. До принятия православия носила имя Марта. Вступила на престол после смерти своего мужа Петра I Великого. Императрица с 1725 г.

Уместно будет вспомнить здесь, что Петр Первый, проявляя завидную терпимость к протестантизму, резко изменил свое отношение к раскольникам, как только понял, что раскол не является сектой. Раскольники борются не только с иерархией Русской православной церкви, но и отстаивают традиционные духовные ценности.

Резюмируя свои замечания, Петр пишет: «Наконец, Христос Спаситель ничего апостолам своим боятися не велел, а сего весьма велел: Блюдитеся, рече, от кваса фарисейска, еже есть лицемерие».

Кому как не Петру и помнить бы эту великую заповедь Спасителя. И не только в полемике, но и в практической деятельности.

Возможно, Петр и не замечал в себе ни фарисейства, ни лицемерия, ни ханжества. Он был протестантом не по букве, а по сути. Будучи достаточно начитанным в Священном писании, Петр брал из него только то, что подходило и было удобно для него, нимало не затрудняя себя необходимостью сообразовать выдернутое из контекста с духом христианства.

И делал это Петр, как мы видим из проанализированной нами записки, вполне сознательно. Все шаги на пути усмирения, подчинения, подавления Русской православной церкви были строго продуманы им.

Разумеется, эти шаги стали возможными только после унижения и погрома, которому подверг Русскую православную церковь Алексей Михайлович...

Но Петр не собирался останавливаться на достигнутом отцом, целенаправленно шел он к отмене патриаршества, расставляя на ключевых постах управления Русской православной церковью воспитанников иезуитов, и, наконец, издал позорнейший указ от 17 мая 1722 года об отмене тайны исповеди.

Если о замене патриарха Синодом, составленным из вчерашних иезуитов, можно дискутировать, то разрушительные для православного самосознания последствия Указа от 17 мая 1722 года очевидны.

Некоторые ревностные защитники идеи монархии договариваются до того, дескать, что тайна исповеди отменялась указом от 17 мая только касательно злоумышлений против монаршей особы, против государственного порядка, а об остальном священник не должен был сообщать в Тайную канцелярию...

Что тут ответить?

Разве только напомнить, что и ГПУ от сотрудничавших с ним священников-обновленцев тоже ждало сообщений не о супружеских изменах, а только о злоумышлениях против государственного порядка, против колхозов, против вождей революции...

И тут не аргументы в пользу Петра Первого придумывать надо, а просто разобраться, *что* нам дороже? Православие или Петр Первый, который вполне осознанно проводил губительные для православия и для православного самосознания реформы?

Очень трудно немножко верить в Бога, а немножко в идею, которая эту веру подрывает.

Даже если и называется идея — монархической...

Тем более что именно для идеи монархии и были губительными в самую первую очередь Петровские реформы.

Ведь царь на Руси — это не только верховный правитель, а прежде всего помазанник Божий, священный чин. И русские цари появлялись в схожих со священническими одеяниях не потому, что они удобно чувствовали себя в одежде из тяжелой парчи, а потому, что этого требовало их звание. Православие для русского царя не было его личным делом, православие — это содержание мистического договора, в который вступил он с Богом и со своим народом, это его жизненный путь, главный руководящий мотив его деятельности. Русский царь был связан с народом, над которым он царствовал, не пунктами неких кондиций, а православными верой и моралью.

Петр Первый не собирался отказываться от сана помазанника Божия, он хотел

отказаться лишь от обязанностей, связанных с этим саном. Это было невозможно, но Петр Первый — упорство его здесь было маниакальным, почти безумным! — всегда верил в то, что и *не бываемое бывает*.

Увы... Церковные реформы Петра Первого губительнейшим образом сказались на самой идее царской власти. И как не крути, а без указа от семнадцатого мая не было бы никогда и семнадцатого года...

7.

Из детства и стремление Петра превратить Россию в нечто похожее на Германию или Голландию, а своих подданных — в немцев или голландцев. Стремление заведомо неисполнимое, но тем не менее дорого стоившее стране.

Наверное, Петр Первый и сам понимал, что подсознательное стремление уничтожить ненавистную русскую старину, а народ России обратить в покорных рабов, для владения которыми он завезет из-за границы «культурных» иностранцев, — неисполнимо. Понимал. Не мог не понимать. Но в том-то и заключалась трагедия Петра, что, понимая все, не мог пересилить себя и смириться, а тем более признать свою ошибку.

И.Е. Репин. Царевна Софья в Новодевичьем монастыре. 1879 г.

Анализируя поступки и поведение Петра Первого, многие исследователи теряются: почти гениальные озарения соседствуют с провалами, свидетельствующими едва ли не о полной умственной деградации первого русского императора.

Действительно, бездарный Прутский поход, когда Петр сумел завести в окружение огромную русскую армию и фактически капитулировал, кажется, осуществлялся не героем Полтавы, а совсем другим человеком.

Некоторые объясняют череду этих «просветлений» и «затмений» болезнью Петра.

Может быть, это и верно.

Многие поступки Петра, его решения и прожекты зачастую находятся на грани безумия, и деятельность Петра в такие периоды превращается в сражение обезумевшего гордеца с Божьим Промыслом.

1690 год стал переломным и в царствовании Петра Первого, и в истории всей России.

После подавления очередного стрелецкого мятежа начальник Стрелецкого приказа Ф.Л. Шакловитый был казнен. В.В. Голицын сослан в Яренск. Правительница Софья заключена в Новодевичий монастырь. Власть перешла в руки Петра Первого. Теперь он получил возможность строить не только игрушечные корабли на Плещеевом озере, собирать не только «потешные» полки. Петр становится всевластным царем.

Одновременно с этим он становится и отцом. В 1690 году родился царевич Алексей.

В этом же году скончался патриарх Иоаким. Перед смертью он составил завещание, в котором умолял государей не до-

пускать православных христиан дружиться с еретиками-иноверцами. «Всякое государство свои нравы и обычаи имеет в одеждах и поступках, свое держат, чужого не принимают, чужих вер людям никаких достоинств не дают». Патриархом Московским и всея Руси избрали Адриана.

Еще этот год памятен мученической кончиной святого Гавриила младенца, Белостокского. Еврей Шутко — арендатор деревни Зверки Гродненской губернии, увел шестилетнего ребенка в местечко Белый Сток, где Гавриила распяли и кололи, пока не выпустили всю кровь. Тело ребенка вскоре нашли брошенным в поле. Через тридцать лет, в 1720 году, как раз в том году, когда Петр Первый ввел Духовный регламент, устанавливающий новый порядок управления церковью, — вся церковная власть, по образцу протестантских государств, сосредоточивалась в Духовном коллегиуме! — мощи Гавриила были обретены нетленными и помещены в Слуцкий Троицкий монастырь.

Глава седьмая

ТРАГЕДИЯ СЕМЬИ И ИМПЕРИИ

Воистину, по Божьему Промыслу, безумие, поразившее Петра Первого, прежде всего и наиболее ярко проявилось в его отношении к собственной семье.

Кажется, давался шанс увидеть, куда ведет путь, по которому пошел он, давалась возможность — остановиться, покаяться и исправиться.

Шансом этим Петр Первый не воспользовался.

1.

Петра женили на Евдокии Федоровне Лопухиной, когда ему было шестнадцать лет. С женитьбой можно было бы не спешить, но по расчетам Натальи Кирилловны это была не просто свадьба, а знак, что Петр вырос и уже не нуждается в опеке сестры Софьи.

Невесту Петру выбрала мать, однако разговоры о том, что едва ли Петр выбрал бы женщину, на три года старше его, если бы женился сам, и что именно это и послужило причиной будущего разрыва, едва ли основательны.

Начало супружества было спокойным и счастливым.

Прошло чуть больше года, и родился сын — царевич Алексей. Еще через год — следующий сын, Александр. За ним — Павел. Младшие сыновья умерли в младенчестве, но по тем временам это было делом обычным...

Иногда говорят, что Евдокия, закоренevшая в предрассудках, богомольстве и праздности, не удовлетворяла духовным запросам Петра, но как-то забывают при этом о ее возрасте. Говорить о закоренелости в богомольстве и предрассудках двадцатилетней женщины как-то не очень серьезно. Опять же и праздной назвать жену, которая едва ли не каждый год рожает по сыну, — тоже глупо.

Да... Евдокия Федоровна была бы образцовой московской царицей допетровской Руси. Выращенная в теремном заточении, она кроме семьи — детей и мужа — и церкви не хотела ничего знать...

Но напомним еще раз, что царице было всего двадцать с небольшим. Нет никакого сомнения, что если бы Петр захотел изменить ее, направить внимание на другие сферы жизни, Евдокия, без сомнения, сумела бы измениться, хотя бы в угоду обожаемому супругу.

Правда, если судить по письмам, особым умом Евдокия Федоровна не блистала.

Она писала Петру: «Здравствуй, свет мой, на множество лет! А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челом бьет».

Но ведь и другие избранницы Петра тоже не отличались высоким интеллектом. И даже Екатерина Алексеевна... Она, разумеется, превосходила Евдокию умением подать себя, опытностью в обращении с мужчинами, умением сделать свои мысли и желания мыслями Петра. Безусловно, Евдокия проигрывала ей своей бесхитростностью, но это тоже, как известно, проходит с возрастом.

И, конечно же, никак нельзя сказать, что счастливая соперница Евдокии — Анна Монс удовлетворяла *духовным запросам Петра.* Очень уж неказистыми должны были быть тогда эти запросы.

«Ларчик проще открывается, — справедливо заметил Н.И. Костомаров. — Петр поступил так же, как поступал обыкновенно русский удал добрый молодец, когда, по выражению песни, зазнобит ему сердце красна девица или "злодеюшка чужа жена" и станет ему "своя жена полынь горькая трава"... Не чувствовавши влечения к Евдокии при выборе ее в жены, Петр сживался с нею и, может быть, сжился бы навсегда, если бы не приглянулась Петру немка Анна Монс, с которой в Немецкой слободе свел его просветитель Лефорт, до того времени сам находившийся в связи с этой женщиной, а Петр не умел удерживать своих страстей и как самодержавный царь не считал нужным себе отказывать в удовлетворении своих побуждений».

Неизвестный художник начала XVIII в.
Портрет Евдокии Лопухиной

Хотя, конечно, насчет простоты секрета ларчика еще надо подумать... Приведенное Костомаровым объяснение никакого сомнения не вызывает, но очевидно и то, что объяснение очень хорошо применимо к мастеровому, к какому-нибудь купчишке, к солдату. Труднее отнести его к помазаннику Божию.

И тут надо сказать, что вместе с тяжелым царским платьем, стеснявшим его движения, Петр Первый скинул с себя и русскую жену — этот образец московских цариц.

Петр решил, что сумеет оставаться помазанником Божиим и превратившись в мастерового. Он оказался единственным русским царем, который пошел на разрыв с законной супругой и на заточение ее в монастыре не потому, что был озабочен продолжением династии, а лишь повинуясь своей похоти.

Кто же была счастливая соперница царицы Евдокии?

2.

Отец Анны, Иоанн Монс, был родом из Миндена на Везере, содержал там таверну. Приехал вначале в Ригу, потом, в 1676 году, перебрался в Москву, в Немецкую слободу. Здесь он, по одним источникам, торговал вином, по другим — сделался золотых дел мастером.

Старшая дочь Монса, Матрена Ивановна, вскоре вышла за Федора Балка, ставшего генерал-поручиком.

Младшая Анна стала любовницей знаменитого Лефорта.

Как говорил Гюйсен, Лефорт старался сделать и любовницу свою, и всю семью Монсов *соучастницей своего счастья,* и свел

Анну Монс со своим другом — двадцатилетним русским царем.

Сводничеством Лефорта и вызвана его ссора с братом царицы Анрамом (Абрамом) Лопухиным, в 1693 году. В ссору вмешался Петр Первый — он избил шурина.

Веселая и любвеобильная дочь виноторговца умела плясать до упаду и так ловко осушала бокалы, что совершенно покорила Петра.

«Это был тип женщины легкого поведения, обладающей наружным лоском, тем кокетством, которое кажется отсутствием всякого кокетства и способно обворожить пылкого человека, но само по себе заключает неспособность любить никого и ничего, кроме суеты и блеска житейской обстановки», — пишет Н.И. Костомаров.

По утверждению немецких источников, Анхен, напротив, была умна и добродетельна, не знала кокетства и пленяла мужчин сама того не желая.

Насчет добродетельности Анны Монс говорить трудно, как и о добродетельности любой другой проститутки. Как следует из показаний, зарегистрированных в Столбцах Преображенского приказа, вступив в связь с Петром, Анна Монс продолжала поддерживать связь и с Лефортом.

Петр Первый щедро вознаграждал свою пассию за постельные услуги.

Безнравственность его проявилась и в том, что любовные утехи с немецкой проституткой он оплачивал крестьянскими душами своих подданных. Известно, что в январе 1703 года Анна Монс получила в подарок село Дудино в Козельском уезде (295 дворов).

Добродетельной Анхен, однако, этого было мало. Она продолжала выпрашивать все новые и новые подарки.

«Благочестивый великий государь, царь Петр Алексеевич, многолетно здраствуй! О чем государь я милости у тебя, государя, просила, и ты, государь, поволил приказать Федору Алексеевичу Головину выписать из дворцовых сел волость, и Федор Алексеевич, по твоему государеву указу выписав, послал к тебе, государю, через почту, но о том твоего государя указу никакого не учинено... Умилостивися, государь...»

Еще страшнее, что Петр позволил Монсам заниматься гешефтом в государственных учреждениях. По свидетельству Гюйсена, «в присутственных местах было принято за правило: если madame и mademoiselle Montzen имели дело и тяжбы собственные или друзей своих, то о том делались особенные reflexion salva justitia, и вообще Монсам в делах до их имений должно было оказывать всякое содействие».

Возможно, это самое первое наблюдение за сплетением западного разврата с традиционным беззаконием московского абсолютизма, породившего при дворе Романовых чудовищные цветы государственного разврата.

Анна Монс всячески внушала Петру мысль о своей необыкновенной любви.

Любопытно сравнить ее письмо Петру в Азов в 1696 году с письмом царицы Евдокии.

«Только я бедная, на свете безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровье совсем, — со слезами и вздохами пишет та Петру. — Не презри, свет мой, моего прошения!»

«Если б у меня убогой крылья были, — пишет Анна Монс, — я бы тебе, милостивому государю, сама принесла цедриоль».

Конечно же по сравнению с письмом Евдокии в письме Монс все романтичнее (как-никак, на крыльях собирается лететь к своему возлюбленному) и по-немецки практичнее, не просто так в полет собирается Анна Монс, а чтобы «цедриоль» дорогому Питеру доставить...

Несмотря на свою необыкновенную любовь к Петру и столь же необыкновенную практичность, после смерти Лефорта, когда Анхен целиком освободилась для Петра, удовольствоваться этим она не захотела и почти сразу же закрутила роман с поступившим в 1703 году на русскую службу Кенигсеном.

К несчастью для Анны Монс, 15 апреля 1703 года в Шлиссельбурге «зело несчастливый случай учинился; первый доктор Лейл, а потом Кенигсен... утонули внезапно».

В кармане Кенигсена нашли любовное письмо Анны Монс. Этой измены — он только с Лефортом ее связь терпел! — Петр не простил.

С 1704 года Анна Монс находится под арестом. Только в 1706 году ей разрешили посещать лютеранскую церковь. Пострадала и Матрена Ивановна Балк, которая пособляла сестре в ее романе с Кенигсеном. За эти хлопоты Матрене Ивановне пришлось отсидеть три года в тюрьме.

Ну а Анна Монс все-таки вышла замуж.

Как хлопотал посланник Георг Иоганн фон Кейзерлинг за свою будущую супругу и ее семью, видно из его письма, написанного прусскому королю 11 июля 1707 года в Люблине.

«Вчера же перед началом попойки, я в разговоре с князем Меншиковым намекнул, что обыкновенно день веселия бывает днем милости и прощения, и потому нельзя ли будет склонить его царское величество к принятию в военную службу мною привезенного Монса (Виллима, брата Анны. — *Н.К.*). Князь Меншиков отвечал мне, что сам он не решится говорить об этом его царскому величеству, но советовал воспользоваться удобной минутой и в его присутствии обратиться с просьбой к царю, обещая свое содействие и не сомневаясь в успешном исходе. Я выжидал отъезда польских магнатов, — почти все они присутствовали на пиру.

Когда же я обратился к царю с моей просьбой, царь, лукавым образом предупрежденный князем Меншиковым, ответил сам, что он воспитывал девицу Монс для себя с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о ее родственниках ничего слышать не хочет.

Я возражал с подобающим смирением, что его царское величество напрасно негодует на девицу Монс и на меня, что если она виновата, то лишь в том, что, по совету самого же князя Меншикова, обратилась к его посредничеству, исходатайствовать у его царского величества всемилостивейшее разрешение на бракосочетание со мною.

Князь Меншиков вдруг неожиданно выразил свое мнение, что девица Монс, действительно, подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал, столько же, сколько и я...»

После этих слов князя началась перебранка, и кончилась она тем, что Меншиков и Петр, «ибо они, несмотря на то, что Шафиров бросился к ним и именем Бога умолял не оскорблять меня, напали с самыми жестокими словами и вытолкнули меня не только из комнаты, но даже вниз по лестнице, через всю площадь...»

Разумеется, Петру было досадно, что его любовница, ради которой он заточил в монастырь свою законную супругу, предпочла ему вначале Кенигсена, а сейчас желает утешиться с Кейзерлингом. Но он ведь сам и поставил себя в один ряд с этими людьми. Вообще, вся сцена прекрасно иллюстрирует нашу мысль о том, что, скинув с себя тяжелые и неудобные одежды, в которых совершалось царское служение, Петр превратился в портового забияку, обладающего никем не ограниченной властью.

В другом письме, отправленном 16 июля 1707 года, Кейзерлинг опишет, что конкретно произошло во время «нападения».

«Когда князь Меншиков не переставал обращаться со мною с насмешкой и презрением и даже придвигался ко мне все ближе и ближе, я, зная его всему миру известное коварство и безрассудство, начал опасаться его намерения по московскому обычаю ударом “под ножку” сбить меня с ног — искусством этим он упражнялся, когда разносил по улицам лепешки на постном масле и когда впоследствии был конюхом. Я, вытянутой рукой, хотел отстранить его от себя, заявив ему, что скорее лишусь жизни, нежели позволю себя оскорбить, и не считаю доблестным человеком того, кто осмелится меня позорить...»

Подозванным Шафировым офицерам удалось развести Кейзерлинга и Меншикова, но пока Кейзерлинг приводил себя в порядок, Меншиков вытолкал из залы его лакеев и снова подступил к посланнику с вопросом, зачем он хочет с ним ссориться?

«На что я отвечал, что я не начинал ссору и никогда не начну ее, но не позволю никому на свете оскорблять меня. Тогда он сказал, что если я не считаю его благородным человеком, то и он меня таковым не считает, что как я первый позволил себе его толкнуть, то и он может меня толкать, что, действительно, он тут же и исполнил, ударив меня кулаком в грудь и желая вывернуть мне руку; но я успел дать ему затрещину и выругать его особливым словом.

Тут мы схватились было за шпаги, но у меня ее отняли в толпе, как легко можно догадаться, по его же наущению.

В-четвертых, вслед за сим его царское величество в ярости подошел ко мне и спросил, что я затеваю и не намерен ли я драться?

Я отвечал, что сам я ничего и не драться не могу, потому что у меня отняли шпагу, но что если я не получу желаемого удовлетворения от его царского величества, то готов, во всяком другом месте, драться с князем Меншиковым.

Тогда царь с угрозой, что сам будет драться со мною, обнажил свою шпагу в одно время с князем Меншиковым; в эту минуту те, которые уже держали меня за руки, вытолкнули меня из дверей, и я совершенно один попал в руки мучителям или лейб-гвардейцам князя Меншикова; они меня низвергли с трех больших каменных ступеней, и мало того, проводили толчком через весь двор...

Мой слуга, поджидавший меня во дворе, готов присягнуть, что князь Меншиков сам кричал в окно, чтобы меня вытолкали со двора».

«Умоляю ваше королевское величество... — охваченный ужасом, писал Кейзерлинг, — как о великой милости, уволить меня, чем скорее, тем лучше, от должности при таком дворе, где участь почти всех иностранных министров одинаково неприятна и отвратительна».

Прусский король, однако, — не та политическая конъюнктура была! — не внял мольбам своего посланника. Кейзерлинг вынужден был извиниться за пьяную вспыльчивость перед Петром и Меншиковым, но при этом просил наказать лейб-гвардейцев, которые толкали его.

«Смиренно льщу себя надеждой, что ваше царское величество поступит с тою любовью к справедливости и с тем несравненным великодушием, прославленным всем светом, не только вознегодуете на позор, мною перенесенный, но и даруете должное удовлетворение, в виде примерного наказания преступников за оскорбление, сделанное в лице моем, величию всемилостивейшего моего государя и короля».

Лейб-гвардейцев Петру было не жаль. Ценою их унижения неприятный эпизод, более напоминающий драку в портовом кабаке, чем прием в резиденции русского царя, завершился.

Видимо, вскоре после этого Анне Монс была предоставлена свобода, и вскоре Георг Иоганн Кейзерлинг обвенчался с нею.

Кейзерлинг умер по дороге в Берлин, 11 декабря 1711 года.

«Любезный, от всего сердца любимый братец! — писала Анна Кейзерлинг своему брату Виллиму. — Нет конца моей печали на этом свете; не знаю чем и утешиться... Привези вещи и деньги покойного мужа, потому что лучше, когда они у меня, чем у чужих людей...»

Как видно, Виллим Монс не слишком-то хлопотал об устройстве дел сестры, поскольку в следующем письме она обрушивается на него с упреками.

«Я была до крайности поражена при известии, что ты занял уже до 700 рейхсталлеров. Боже мой! Неужели это значит поступать по-братски? Этак ты меня совсем разоришь! Подумал ли ты, сколько слез я проливаю во вдовьем своем положении и сколько у меня расходов?.. Слезы мешают мне писать. Призываю Бога на помощь, да исправит он тебя, быть может, ты станешь лучше обо мне заботиться».

С этими словами, кажется, и умерла в Москве в Немецкой слободе 15 августа 1714 года «сластолюбивая, — как пишет М.И. Семевский, — развратная эгоистка, расчетливая до скупости, алчная до корысти. Суеверная, необразованная, малограмотная...»

Последние годы она сожительствовала с неким Миллером.

После смерти Виллим Монс судился с ним из-за имущества Анны. По челобитью Виллима сожитель его сестры был взят на допрос в Преображенский приказ и посажен в тюрьму.

3.

Вот на эту развратную, малограмотную, скупую и алчную шлюху и променял Петр Первый свою жену.

Напрасно плакала она, напрасно пыталась раскрыть глаза Петру, что Монс приворожила его, что это Меншиков да Лефорт против ее семьи мудруют, что околдовали они царя кабацкой дочкой! Напрасно ссылалась она на авторитет церкви, дескать, сказывал Святейший патриарх, что не будет на Руси порядку, покуда произрастают безбожие и гнусные латинские ереси!

Все это только отдаляло от нее государя, только укрепляло его в решении избавиться от законной жены. Ведь Петр потому и привязался так к Анне Монс, что его и пленила, по меткому замечанию Н.И. Костомарова, в немке из Немецкой слободы иноземщина. Та иноземщина, которая и побуждала его сшить и надеть на подвластную ему Московскую Русь западноевропейскую одежду.

Еще перед отъездом заграницу, куда Петр брал с собою и брата Анны Монс, в марте 1697 года был раскрыт заговор стрелецкого полковника Ивана Евсеевича Циклера. Заговорщики собирались зажечь дом, в котором находился Петр, и на пожаре убить самого царя. Заговор был раскрыт, заговорщики арестованы и после пыток, которые проводил сам царь, казнены.

И.Е. Циклера, окольничего А.Ф. Сорокина и Ф.М. Пушкина казнили над вырытым из земли гробом Ивана Михайловича Милославского. Этот гроб был привезен на свиньях в Преображенское и поставлен возле плах так, чтобы кровь осужденных стекала в него.

И хотя никаких показаний против родственников Петру у заговорщиков вырвать не удалось, он немедленно сослал тестя, Федора Авраамовича Лопухина, в Тотьму, а шуринов — в Саранск и Вязьму.

В 1696 году Петр пишет Льву Нарышкину, чтобы тот уговорил Евдокию постричься. Однако двадцатисемилетняя царица заупрямилась, что чрезвычайно рассердило Петра.

Вернувшись в Москву, Петр вызвал Евдокию в дом почтмейстера Виниуса и беседовал с Евдокией несколько часов.

«Почему, — кричал он, топая на нее ногами, — повеления не исполнила? Как смела ослушаться, когда я приказывал отойти в монастырь, и кто тебя научил противиться? Кто тебя удерживал?»

Когда царица начала оправдываться, что на ее попечении был маленький сын, царевич Алексей, что она не знает, на кого ребенка оставить, сестра Петра — Наталья вырвала из ее рук Алексея и увезла в своей карете в Преображенское. А Евдокию повезли насильно в карете в Суздаль и заключили в Покровском девичьем монастыре.

Скоро сюда прибыл стольник Семен Языков. Архимандрит, который не соглашался производить постриг, был арестован. Евдокию насильно постригли в келье старицы Мартемьяны.

Не стало 30-летней царицы. Появилась старица Елена.

Заключение Евдокии в монастырь произошло 23 сентября 1699 года, а за неделю до этого, в день именин своей сестры Софьи, 17 сентября, Петр I начал стрелецкий розыск, поразивший современников беспредельной жестокостью.

30 сентября состоялась первая массовая казнь стрельцов. Стрельцов привезли из Преображенского к Покровским воротам* на телегах с зажженными свечами в руках, здесь им был зачитан петровский указ. Пятерым стрельцам Петр Первый лично отрубил головы в Преображенском.

* Любопытно сравнить, когда у Евдокии вырвали ребенка, его повезли в Преображенское, а саму царицу — в Покровский монастырь.

«А у пущих воров и заводчиков ломаны руки и ноги колесами: и те колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и те стрельцы, за их воровство, ломаны живые, положены были на те колеса и живы были на тех колесах не много не сутки, и на тех колесах стонали и охали...»

А 11 октября великий государь приказали предать лютой смерти еще 144 стрельцов...

А 12 октября казнили еще 205 стрельцов...

А 13 октября казнили 141 стрельца...

А 17 октября казнили 109 стрельцов...

А 18 октября 63 стрельцов казнили...

А 19 октября 106 стрельцов казнили...

А 20 октября никого не казнили, только пытали многих.

А 21 октября 195 стрельцов повешено перед кельей царевны Софьи в Новодевичьем монастыре. Троих великий государь приказал повесить прямо под окнами сестры. И в руки мертвецов челобитные, писанные к царевне, всунуть. И висеть трупам, покуда не истлеют и не сорвутся. А когда сорвутся, укрепить и снова повесить...»

Закончилось стрелецкое разорение раскассированием шестнадцати стрелецких полков. Стрельцов разослали по разным городам и там записали в посадские люди. Их запрещено было принимать в солдаты.

Разумеется, не случайно совпадают эти жестокие казни, насильственное заточение в монастыре жены и указы о бритье бород.

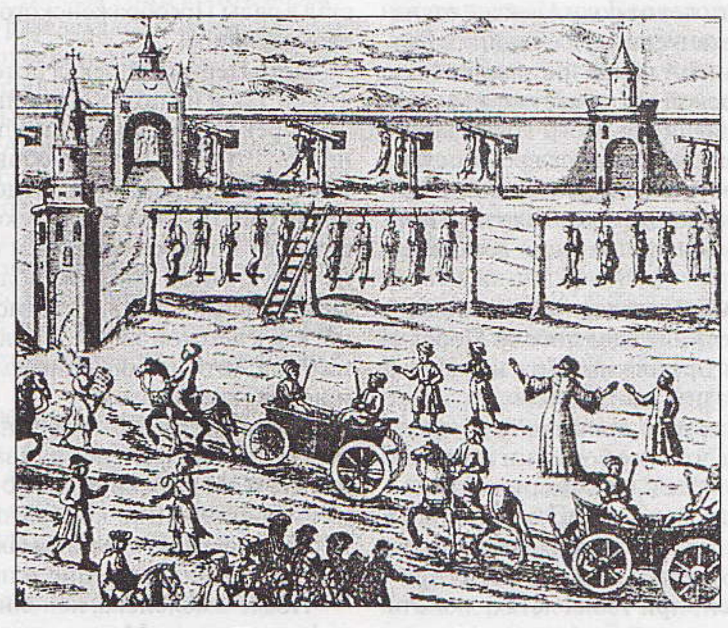
Петр меняет все. Жену. Армию. Страну. В следующем году он изменит само русское время, введя новый календарь.

Немудрено, что за этими великими преобразованиями Петр «позабыл», что и в монастыре надо бы устроить жену.

Евдокия единственная из русских цариц, которая не получила при пострижении в монастырь прислуги, которой не было назначено никакого содержания.

«Покамест жива, пожалуйста, пойте, да кормите, да одевайте нищую», — писала она жене брата.

Еще большие мучения, чем нищета и голод, доставляла Евдокии разлука с сыном. Поразительно, но и проходя через мучения, которым без всякой вины подверг ее муж, она не озлобливается на него.

Казнь стрельцов в 1698 г.

«Долго ли мне так жить, что ево, государя, не слышу и не вижу, ни сына моего, — напишет Евдокия боярину Стрешневу в 1705 году. — Уже моему бедствию пятый год, а от нево, государя, милости нет. Пожалуй, Тихон Никитич, побей челом, чтоб мне про ево государево здоровье слышать и сына нашего такожде слышати, пожалуй и о сродниках моих попроси, чтобы мне с ними видеться. Яви ко мне бедной милость свою, побей челом ему государю, чтобы меня пожаловал жить, а я на милость твою надеюся, учини милостиво, а мне ни чем тебе воздать, так тебе Бог заплатит...»

4.

Царевичу Алексею было тогда девять лет. Он хорошо понимал, что происходило тогда в доме.

Жил он под присмотром тетки, которая его ненавидела. Царевич Алексей никак не проявил недовольства отцом, обрекшим его на такую жизнь. У него хватило сил преодолеть свое горе. Он много и достаточно успешно учился.

Обучение Алексея совмещалось не столько с играми, как у отца, но и с реальной службой.

Одиннадцати лет от роду Алексей ездил с Петром в Архангельск, двенадцати лет был взят в военный поход и в звании солдата бомбардирской роты участвовал 1 мая 1703 года во взятии крепости Ниеншанц.

В четырнадцать лет во все время осады Нарвы царевич Алексей неотлучно находился в войсках. Когда город был взят, Петр сказал сыну речь в присутствии всех генералов:

«Сын мой! Мы благодарим Бога за одержанную над неприятелем победу. Победы от Бога, но мы не должны быть нерадивы и все силы обязаны употреблять, чтобы их приобресть. Для того взял я тебя в поход, чтобы ты видел, что я не боюсь ни труда, ни опасности. Понеже я, как смертный человек, сегодня или завтра могу умереть, то ты должен убедиться, что мало радости получишь, если не будешь следовать моему примеру. Ты должен, при твоих летах, любить всё, что содействует благу и чести твоего Отечества, верных советников и слуг, будут ли они чужие или свои, и не щадить никаких трудов для блага общего. Как мне невозможно с тобой всегда быть, то я приставил к тебе человека, который будет вести тебя ко всему доброму и хорошему. *Если ты, как я надеюсь, будешь следовать моему отеческому совету и примешь правилом жизни страх Божий, справедливость и добродетель, над тобой будет всегда благословение Божие; но если мои советы разнесет ветер и ты не захочешь делать то, чего желаю, я не признаю тебя своим сыном и буду молить Бога, чтобы он наказал тебя в сей жизни и будущей»* (выделено нами. — *Н.К.*).

«Всемилостивейший государь, батюшка! — восторженно отвечал Алексей. — Я еще молод и делаю что могу. Но уверяю ваше величество, что я, как покорный сын, буду всеми силами стараться подражать вашим деяниям и примеру. Боже сохрани вас на многие годы в постоянном здоровье, чтобы я еще долго мог радоваться столь знаменитым родителем».

19 декабря 1704 года на триумфальном шествии в Москве царевич Алексей у Воскресенских ворот поздравил Петра Первого с победою и по окончании приветствия стал в ряды Преображенского полка в строевом мундире.

Петр Первый упрекал потом сына за то, что он так и не полюбил войны.

Упрек этот несомненно справедлив. Но нелепо относить эту нелюбовь к недостаткам развития царевича. Недостатком развития было бы, если бы Алексей, с двенадцати лет познакомившийся с реальной, а не игрушечной войной, полюбил ее. Это Петр Первый продолжал относиться к войне, как к детской забаве, а для Алексея война была, хотя и необходимым, но трудным и неприятным делом.

Когда Алексею было семнадцать лет, он был послан в Смоленск для заготовки провианта и сбора рекрутов. И с этим поручением, исполнение которого заняло пять месяцев, судя по его письмам и донесениям, он справился вполне успешно.

После Смоленска, исполняя наказ Петра I о подготовке Москвы к возможной оса-

де (шло наступление шведов), Алексей руководил ремонтом и сооружением новых укреплений в Китай-городе и Кремле. Деятельность царевича отражена в полусотне писем, отправленных царевичем Алексеем Петру Первому из Москвы, готовящейся к возможной осаде.

В 1709 году царевич отвел в Сумы пять собранных им полков. Как пишет Гизен: «Царское величество так был тем доволен, что ему публично показал искренние знаки отеческой любви».

Алексею было тогда девятнадцать лет.

Исполняя порученные ему дела, царевич продолжал учебу. К двадцати годам он свободно владел немецким и французским языками... Он неплохо знал историю, любил читать труды отцов церкви. Точные науки давались ему труднее, но царевич достаточно успешно изучал и математику, и фортификацию...

Мы говорим все это для того, чтобы показать, что никаких объективных причин для недовольства сыном у Петра не могло быть. По уровню своего образования и реального опыта Алексей превосходил большинство русских царей.

Напомним, что сам Петр в этом возрасте еще только развлекался строительством ботика на Плещеевом озере.

Сам царь, собственно говоря, вполне был доволен сыном.

Петр делал Алексею внушения, поругивал его, даже бивал, но все это, учитывая взрывной темперамент первого русского императора, не выходило за рамки принятого при петровском дворе стиля обращения государя со своими приближенными.

Настоящий гнев Петра вызвало только свидание шестнадцатилетнего царевича с матерью.

Тогда, в 1706 году, Алексей самовольно навестил мать в Суздальском монастыре. Тетка Наталья Алексеевна немедленно «настучала» царю о проступке, и Алексей был призван в Жолкву, в Галиции, и получил нагоняй.

Так и продолжалось дело вплоть до 1711 года...

В этом году состоялось немало знаменательных событий, но три из них чрезвычайно важны для нашего повествования.

6 марта 1711 года. Тайное венчание Петра с Мартой, бывшей любовницей Шереметева и Меншикова, будущей русской императрицей Екатериной Алексеевной.

8—10 июля. Прутская трагедия. 40-тысячная армия Петра I окружена 270-тысячной армией турок. Только благодаря взятке, которую вице-канцлер П.П. Шафиров дал Махмет-паше, удалось заключить мир на сравнительно мягких условиях. Россия отдавала османам Азов, срывала Таганрог и Каменный Затон.

14 октября. В Торгу (Саксония) заключен брак царевича Алексея Петровича с Шарлоттой Христиной-Софией кронпринцессой Брауншвейг-Вольфенбюттельской.

Историки обыкновенно никак не комментируют сочетания этих трех дат, поскольку не видят взаимосвязи между ними, но нам кажется, что, по крайней мере, этическая взаимосвязь между этими датами несомненно имеется.

Но прежде чем говорить о этой связи, напомним, кем была новая, пока еще тайная супруга Петра Первого.

Чернобровая красавица появляется в русской истории 25 августа 1702 года, когда войсками Б.П. Шереметева был взят Мариенбург (Алуконе). Среди пленных оказалась и служанка пастора Глюка — Марта. Она обладала богатырским здоровьем и незаурядной физической силой, позволявшей ей легко переносить тяготы походной жизни. Поначалу Марта обреталась в качестве прачки у фельдмаршала Шереметева, а потом перебралась к Меншикову. В 1705 году 23-летнюю круглолицую красавицу привезли Петру Первому, и из Марты она превратилась в Екатерину Васильевскую.

Особенно хороши были глаза новой сожительницы Петра — черные, большие, живые, пронзительные...

28 декабря 1706 года у нее родилась дочь, и Петр начал называть ее в своих письмах маткой. Дочка умерла 27 июня

1708 года, и в письмах появляется новое прозвище Екатерины — «мудер».

И вот 6 марта 1711 года, отправляясь в поход, Петр Первый тайно обвенчался с нею...

Мы уже говорили, что царь, будучи помазанником Божиим, должен всей своей жизнью совершать служение Богу и народу, царем которому он является. И служение это в идеале предполагает не просто ограничение своеволия, но как бы полный отказ от личной жизни.

С материалистической точки зрения демонстративно выставленный напоказ роман Петра Первого со шлюхой из Немецкой слободы никак не связан с катастрофой русской армии под Нарвой в 1700 году, когда 8-тысячная шведская армия 18-летнего Карла XII разгромила 40-тысячное войско 28-летнего Петра.

Но с материалистической точки зрения не очень-то понятно и то, почему, узнав только о приближении армии Карла XII, Петр I в сопровождении Александра Меншикова и главнокомандующего фельдмаршала Ф.А. Головина трусливо бежит в Новгород, оставив перед решающим боем свою армию без управления — на верную гибель...

Сам Петр в «Истории Свейской войны» объяснял бегство из армии перед сражением тем, что надобно было «идущие достальные полки побудить к скорейшему приходу под Нарву, а особливо, чтоб иметь свидание с королем польским». Историки девятнадцатого века таким нелепым объяснением ограничиться не могли и придумывали, что Петр якобы собирался укрепить оборону Новгорода и Пскова.

А С.Ф. Платонов пишет прямо, дескать, «зная мужество и личную отвагу Петра, мы не можем объяснить его отъезд малодушием». С этим нельзя не согласиться. Трусом Петр Первый действительно не был.

Но чем же тогда объяснить его бегство?

Никаких материалистических объяснений этому нет.

Точно так же как нет приемлемого объяснения прутской трагедии.

В 1711 году за спиною Петра оставалась Полтава. Хотя Петру и пришлось заплатить за свое обучение военному ремеслу потоками русской крови, бездарно пролитой им в начале войны, но он все-таки выучился воевать. По общему мнению, и сама Полтавская битва, и предшествующие сражения и маневры были осуществлены Петром блестяще.

И вот после этого — нелепейшие просчеты и ошибки Прутского похода! Такое ощущение, как будто Петр, заведший в окружение свою армию на Пруте, никогда и не бывал под Полтавой.

Именно невозможность сыскать мало-мальски подходящее материалистическое объяснение этим двум самым большим и самым нелепым военным поражениям Петра и заставляет нас вернуться к мысли, что связь между этими поражениями и сумасбродным нарушением всех уставов и приличий, соблюдение которых необходимо для помазанника Божия, все-таки существует.

Более того. Попрание своего царского сана и последующая военная катастрофа следуют в такой пугающей близости друг к другу, что не заметить их невозможно.

И каким особым смыслом наполняется смирение царевича Алексея, с которым он исполняет повеление отца — жениться на подобранной ему Петром Первым принцессе.

В каком-то смысле эта женитьба одновременно и восстановление пошатнувшейся репутации России на международной арене, и в еще большей степени — попытка восстановления того мистического договора, который был разорван очередным сумасбродством Петра Первого.

Мы не знаем, каким полководцем оказался бы царевич Алексей. Его жизнь прервалась не на поле битвы, а в отцовском застенке. Было тогда царевичу двадцать восемь лет. Ровно столько же, сколько отцу, когда он трусливо бежал из-под Нарвы, бросив свою армию перед сражением.

В истории нет сослагательного наклонения, и бессмысленно гадать о том, чего никогда не было.

Да и не нужно это, чтобы увидеть торжество подлинно царского смирения ца-

ревича Алексея и портового сумасбродства императора Петра Первого. Для этого достаточно просто внимательно посмотреть на события реальной истории...

5.

Компанию на уничтожение сына Петр Первый развернул в 1715 году, не имея никаких объективных поводов для недовольства сыном. Царевич Алексей не был гением, но не был и ленивым идиотом, как его пытаются порою представить. Разумеется, он переживал за свою мать, сочувствовал ее положению, но этим только и ограничивалось его несогласие с отцом.

Поводы для недовольства Петра Первого надобно искать не в царевиче, а в новой семье императора.

Кухарка Марта кухаркой и оставалась, превратившись в Екатерину Алексеевну и поднявшись на русский трон.

Вильгельмина Байрейтская вспоминала, что, приехав к ним в 1719 году, «царица (Екатерина. — *Н.К.*) начала с того, что принялась целовать у королевы руки, причем проделала это много раз».

Екатерина не давала Петру никаких советов, только высказывала удовольствие и радость от сообщаемых новостей и, играя так, приобретала все большее и большее влияние на царя.

Мы уже говорили, что в письмах 1706—1709 года Петр называет Екатерину «маткой».

Считается, что у Петра и Екатерины было пятеро незаконнорожденных детей: Павел и Петр, оба умерли в 1707 году, в доме Меншикова; Екатерина (она умерла в 1708 году); Анна, ставшая матерью императора Петра Третьего; и Елизавета, ставшая сама императрицей...

Постепенно в письмах 1709—1711 годов обращение «матка» меняется на «мудер». В 1711 году Екатерина превращается в Катеринушку, в «друга моего». В 1716 году, когда Екатерина становится матерью Пиотрушки, впервые появляется обращение — Катеринушка, друг мой сердешный.

Словно сквозь зубы, сквозь годы петровской эпохи, выцеживают эти слова...

Письма беременной Екатерины Петру показывают, насколько по-женски умной была она. Пиотрушка еще не родился, а она уже сумела сделать его реальным участником жизни отца.

«Прошу, батюшка мой, обороны от Пиотрушки, понеже немалую имеет он со мною за вас ссору, а именно за то, что когда я про вас помяну ему, что папа уехал, то не любит той речу, что уехал, но более любит то и радуется, как молвишь, что здесь папа».

Упрекать Екатерину невозможно. Она — мать, и она действует, как мать. Пиотрушка — ее восьмой ребенок и на него возлагаются все надежды... Но слова Екатерины падают в такую почву, во тьме которой зарождается чудовищное преступление сыноубийства...

«Дорогой наш шишечка часто своего дражайшего папа́ упоминает и при помощи Божией, во свое состояние происходит и

Ж.-М.Наттье. Портрет Екатерины I. 1717 г.

непрестанно веселится муштрованием солдат и пушечною стрельбою...»

«Шишечка наш, при помощи Божией во свое состояние приходит...»

Семья царевича Алексея и семья Петра Первого — погодки*. Параллельно с появлением новых наследников в семье императора появляются дети и в семье царевича Алексея.

Рождение их Екатерина воспринимала как прямую угрозу своим детям и сумела устроить так, что как только появился у царевича Алексея сын (будущий русский император Петр Второй), и началась война на уничтожение царевича.

Отметим справедливости ради, что Петр Первый не сразу пошел в поход на сына. Более того, есть явные свидетельства, что он пытался уберечь семью сына от происков Екатерины и Меншикова.

В 1714 году перед разрешением от бремени кронпринцессы царь приставил к ней двух доверенных женщин, госпожу Брюс и князь-игуменью Ржевскую.

«Я не хотел бы вас трудить, — написал он невестке с корабля из-под Ревеля, — но отлучение ради супруга вашего, моего сына, принуждает меня к тому, дабы предварить лаятельство необузданных языков, которые обыкли истину превращать в ложь... дабы о том некоторой анштальт учинить, о чем вам донесет г. канцлер, граф Головкин, по которому извольте неотменно учинить, дабы тем всем, ложь любящим, уста заграждены были».

Кронпринцесса была и удивлена, и огорчена, но желанию свекра перечить не посмела.

«По указу вашему, у ее величества у кронпринцессы, я и Брюсова жена живем и ни на час не отступаем... — доносила Ржевская. — И я обещаюсь самим Богом, еже-ей-ей, ни на великие миллионы не прельщусь, и рада вам служить от сердца моего, как умею».

* Публичная свадьба Петра Первого состоялась в 1712 году.

«Что это значит? — приводя эти письма, задавался вопросом М. Погодин. — Какой анштальт учинить предполагал Петр? Какие подозрения и в ком возбуждала богобоязненная кронпринцесса? Не боялся ли он подлога в случае неблагополучного разрешения? Кажется, так поняла и кронпринцесса, в ответе своем именно сказавшая: "...и на уме мне не приходило намерение обмануть ваше величество и кронпринца!" Если же Петр боялся подлога, то, значит, рождение детей у сына занимало его сильно».

Но так было в 1714 году, когда кронпринцесса рожала дочь Наталью... Роды в 1715 году проходили совсем в другой обстановке.

«Замечали при царском дворе зависть за то, что она родила принца, — доносил Плейер, — и знали, что царица тайно старалась ее преследовать, вследствие чего она была постоянно огорчена... Деньги, назначенные на ее содержание, выдавались очень скупо и с затруднениями... Смерти принцессы много способствовали разнородные огорчения, которые она испытывала».

Об этом же и рассказывал в Вене и царевич Алексей...

«Отец ко мне был добр, но с тех пор, как пошли у жены моей дети, все сделалось хуже, особенно когда явилась царица и сама родила сына. Она и Меншиков постоянно вооружали против меня отца; *оба* они исполнены злости, *не знают ни Бога, ни совести»* (выделено нами. — *Н.К.*).

Обратимся к сухим фактам...

12 октября 1715 года. Родился великий князь Петр, сын царевича Алексея Петровича и его супруги принцессы Шарлотты Вольфенбюттельской, будущий русский император Петр II.

22 октября. Не оправившись после родов, кронпринцесса умерла.

28 октября. После похорон принцессы Петр, в доме царевича, во время поминок публично отдает сыну письмо с требованием «нелицемерно исправиться».

«Егда же сию Богом данную нашему отечеству радость (победы над шведами)

рассмотряя, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, *видя тебя наследства весьма на правление дел государственных непотребного* (Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отъял: ибо хотя не весьма крепкой природы, обаче не весьма слабой); паче же всего *о воинском деле ниже слышать хощешь, чем мы от тьмы к свету вышли* и которых не знали в свете, ныне почитают. Я не научаю, чтобы охоч был воевать без законные причины, но любить сие дело и всею возможностию снабдевать и учить: ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона... Аще кладешь в уме своем, что могут то генералы по повелению управлять, но сие воистину не есть резон, ибо всяк смотрит начальника, дабы его охоте последовать, что очевидно есть, ибо во дни владения брата моего не все ли паче прочего любили платье и лошадей, а ныне оружие? Хотя кому до обоих и дела нет, и до чего охотник начальствуяй, до того и все, а отчего отвращается, от того все. И аще сии легкие забавы, которые только веселят человека, так скоро покидают, кольми же паче сию зело тяжкую забаву (сиречь оружие) оставят! К тому же, не имея охоты, ни в чем обучаешься и так не знаешь дел воинских. Аще же не знаешь, то како повелевать оными можешь и как доброму доброе воздать и нерадивого наказать, не зная силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть. Слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон! Ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь не может...

Сие все представя, обращусь паки на первое, о тебе рассуждати: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписаное с помощию Вышнего насаждение и уже некоторое и возращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь все, что Бог дал, бросил)! Аще же и сие воспомяну, какова злого нрава и упрямого ты исполнен! Ибо сколько много за сие тебя бранивал, и не точию бранивал, но и бивал, к тому же сколько лет, почитай, не говорю с тобой, но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и все противно идет. Однако ж всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бедою, не ведая, что может от того следовать (истину Павел святой пишет: како той может церковь Божию управить, иже о доме своем не радит?) не точию тебе, но и всему государству.

Что все я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо избрал сей последний тестамент тебе написать и еще мало пождать, аще не лицемерно обротить. Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангрезный, и *не мни себе, что один ты у меня сын* (выделено нами. — *Н.К.*) и что я сие только в устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то как могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, чем свой непотребный».

29 октября. Рождение Петра Петровича — сына Петра I и Екатерины Алексеевны.

31 октября. Отказ царевича Алексея от притязаний на престол. Алексей просит отца отпустить его в монастырь.

Нет никакой нужды анализировать содержание упреков в письме Петра Первого.

Что такое «нелицемерно исправиться»?

Историки часто упрекают Алексея в притворстве, в равнодушии к отцовским делам. И вместе с тем никто из них не отрицает, что Алексей всегда старался угодить деспоту-отцу: прилежно учился, выполнял все приказы и поручения и никогда, как это говаривали в старину, не выходил из-под его воли.

Мы уже говорили, что царевич Алексей действительно не любил войны. Война никогда не была для него игрой, которую можно бросить в любой момент. Войну царевич воспринимал как тяжелую и грязную

работу. Он достаточно исправно, несмотря на молодые годы, исполнял ее, но радоваться крови и грязи войны так и не научился.

Однако Петру, который сам в двадцативосьмилетнем возрасте трусливо бросил на произвол судьбы всю свою армию перед сражением под Нарвой, упрекать сына за неготовность воевать по меньшей мере неосмотрительно. Это как раз проявление того поразительного ханжества и лицемерия, которых Петр Первый так не любил в других, но которых в самом себе никогда не замечал.

Ни о чем кроме поразительного ханжества Петра Первого и не свидетельствует его письмо сыну. Гораздо более интересными представляются нам слова: *не мни себе, что один ты у меня сын...*

Как показывают исследования, письмо было написано 11 октября, накануне рождения сына Алексея Петра, а отдал его Петр накануне рождения своего сына.

«В недоумение приходит всякий здравомыслящий и беспристрастный исследователь, — говорит М. Погодин. — Что за странности? Царь пишет письмо к сыну с угрозою лишить его наследства, но не отдает письма, и на другой день по написании рождается у царевича сын, новый наследник; царь держит у себя письмо и отдает только через 16 дней, в день погребения кронпринцессы, а на другой день после отдачи рождается у него самого сын!

Вопросы, один за другим, теснятся у исследователя.

Если Петр написал письмо в показанное число в Шлиссельбурге, то зачем не послал его тотчас к сыну? Зачем держал 16 дней, воротясь в Петербург?

Рождение внука должно б было изменить решение: если сын провинился, то новорожденный внук получал неотъемлемое право на престол!

Зачем бы определять именно число? Пролежало оно 16 дней в кармане, для чего же напоминать о том, для чего напирать, что письмо писано за 16 дней? Ясно, что была какая-то задняя мысль».

Вопреки обычаю, праву и здравому смыслу, Петр Первый предпринимает отчаянные усилия, чтобы не допустить на русский престол не только своего сына Алексея, но и внука — будущего императора Петра Второго. Все силы измученного болезнью, впадающего в припадки ярости императора оказываются направлены на то, чтобы отобрать престол у русской ветви своей семьи.

И, когда, пытаясь проследить связанные с этим события, видишь, как много энергии и изобретательности было растрачено Петром Великим в борьбе с собственными сыном и внуком, — становится страшно.

6.

К сожалению, даже когда были опубликованы все документы, связанные с делом царевича Алексея, наши историки (за исключением, может быть, только М. Погодина и Н. Костомарова) более были заняты попытками оправдать Петра Первого, нежели анализом подлинных причин трагедии.

Стремление вполне понятное.

Эти историки, следуя в кильватере политики культа Петра, и здесь, заранее, априори переносили всю вину за дальнейшие события на Алексея, дабы нечаянно не бросить тень на монументальный образ Петра Великого.

Между тем мотивы антипатии Петра Первого очевидны и легко объяснимы. Алексей был сыном от нелюбимой, более того — ненавистной жены. И какие бы способности ни проявлял он, как бы терпеливо ни сносил упреки и притеснения, — все это не имело значения для отца, не могло переменить его мнения о сыне.

В деспотически-самодержавном сознании Петра Первого личностное легко сливалось с государственным, переплеталось, подменяло друг друга.

В царевиче Алексее — сыне от ненавистной жены Евдокии Лопухиной — Петр Первый видел прежде всего то русское, духовное начало жизни, которое он стремился выкорчевать навсегда, по всей стране.

И даже если допустить, что Алексей и по характеру своему, и по душевному складу, и по воспитанию олицетворял только русскую косность — а это все-таки ничем не подкрепленное допущение! — то все равно: можно ли от живого человека требовать, чтобы он вот так, вдруг, переменил свою душу?

Потребовать-то, конечно, можно, только вот исполнить подобное требование не удавалось еще никому. Сам Петр наверняка понимал это.

И Алексей тоже понимал, что требование «нелицемерно исправиться» на самом деле содержит приказ самоустраниться, каким-то образом самоуничтожиться, освобождая дорогу только что родившемуся «шишечке».

Достойно и мужественно Алексей ответил отцу, 31 октября, что он отказывается от притязаний на престол и просит отпустить его в монастырь.

Но Алексей — не для Петра, а для уже родившегося «шишечки»! — опасен и в монастыре.

В царевиче Алексее видит измученная страна избавление от тягот и несправедливостей петровского режима. Алексей — надежда огромной империи, миллионов и миллионов людей. И кто даст гарантию — нашептывали Петру сановники, которые *не знают ни Бога, ни совести,* — что оскорбленная, растоптанная русская старина не выведет Алексея из монастыря после смерти Петра? Не провозгласит царем, отталкивая от престола обожаемого «шишечку»?

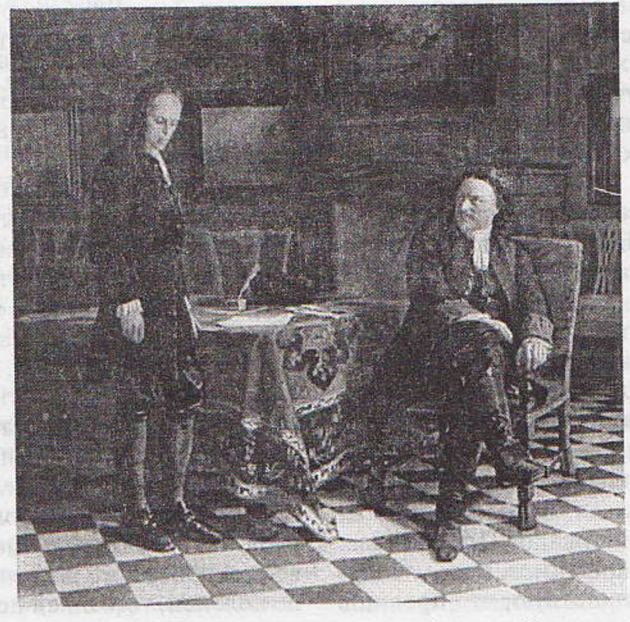
Нет, Петр и сам видел, что нет этой уверенности.

А раз так, значит, и действовать нужно иначе. Алексея необходимо не в монастырь заточить, а уничтожить физически. Тем более что вместе с ним будут уничтожены и надежды страны на возвращение к тому пути, по которому шла Святая Русь.

Совершить задуманное казалось непросто. Все-таки Алексей был законным наследником престола.

Но на стороне императора — самодержавная власть, бесконечная сила воли, зрелый ум, житейская опытность и, разумеется, дьявольская хитрость советников.

Интрига, задуманная Петром Первым и его сподвижниками, разыгрывается почти как на театральных подмостках.

Н.Н.Ге. Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе. 1871 г.

Петр отклоняет просьбу сына, запретив принять монашеский сан. Отправляясь за границу, он приказывает сыну «подумать...»

Психологически расчет очень точный. Петр знает и о мечтательности сына, и о его привязчивости.

И он не ошибся. Уже отрекшийся было от мирской жизни, Алексей начинает мечтать, строить планы.

Преградой на пути в монастырь становится и Евфросиния — женщина, которую он полюбил. Крепостная Н.К. Вяземского, воспитателя царевича Алексея, сумела не на шутку влюбить его в себя. Некоторые исследователи полагают, что Евфросиния была шпионкой Меншикова, и «светлейший» подсунул ее царевичу, исполняя давно задуманный план.

Как бы то ни было, но именно Евфросиния отвлекает царевича Алексея от спасительных — речь идет не только о нравственном, но физическом, политическом и даже историческом спасении — мыслей о монастыре.

Счастье сына, разумеется, не цель Петра Первого, а лишь средство достижения задуманного. Едва только разгораются в мечтательном Алексее надежды на счастье — какой безжалостно точный расчет! — курьер вручает ему новое письмо. Алексей немедленно должен ехать за границу или, не мешкая, отправиться в монастырь.

В самой возможности выбора и заключалась ловушка. Возможность бежать от деспота-отца, который — Алексей уже наверняка знал это! — и в монастыре не даст ему покоя, прельстила царевича.

Ловушка сработала.

Алексей принял решение — бежать.

Хитроумный капкан защелкнулся...

Дальше — вынуть добычу из капкана — было делом техники.

«Мой сын! — писал Петр Первый Алексею 17 ноября 1717 года. — Письмо твое, в 4-й день октября писанное, я здесь получил, на которое ответствую, что просишь прощения: которое уже вам перед сим, через господ Толстова и Румянцева, письменно и словесно обещано, что и ныне подтверждаю, в чем будь весьма надежен...»

В последний день января 1718 года Алексея привезли в Москву, а февраля — Петр Первый и не думал вспоминать о своих обещаниях простить сына! — был оглашен манифест об отрешении царевича от престола и сразу же произведены аресты среди его друзей.

В петровских застенках применялись такие изощренные пытки, что и мужественные, не раз смотревшие в лицо смерти стрельцы становились здесь болтливыми, словно бабы, и возводили на себя и на своих друзей любую напраслину.

14, 15, 16 марта в Москве рвали ноздри у друзей и близких царевича, резали языки, сажали их на колья...

Не забыли во время сыска и царицы Евдокии.

Обнаружилось, что она вела переписку, и переписка эта и корреспонденты были немедленно взяты в застенок.

Выяснилось возмутительное злоумышление. Оказывается, бывшая царица скинула монашеское платье и ходила в мирском! Выяснилось, что подвиг ее к этому епископ Досифей, который приезжал в монастырь, и «служил, и поминал ее царицею Евдокиею, и сказывал, что он от святых слышал гласы от образов, что нынешнего года, в котором ей сказывал, будет царицею по-прежнему...»

Епископ Досифей покаялся на пытке, что «сказывал он ей, бывшей царице, что она будет по-прежнему царицею и с сыном будет жить; а гласов о том от образов не слыхал и святые ему не явилися и того не сказывали; а он ей, бывшей царице, сказывал и о том к ней писал, будто он гласы от образов слышал и святые ему явилися и сказывали, что она будет по-прежнему царицею; и то он говорил и писал, утешая ее, для того, что она того желала; и она к нему писывала, и те письма он драл; а таких-де слов, что видал отца ее Федора Лопухина из ада выпущенного до пояса, а в другой ряд до коленей, того он ей не сказывал и денег за вышеписаное пророчество не бирал; а говорил ей для того, чтоб она Бога не отпа-

ла, для того, что она ему говаривала многажды, что она Богу молится много: Бог ее не слушает».

К тому же выяснилось, что был случай, когда бывшая царица пила чай вместе с майором Степаном Глебовым, и это переполнило чашу императорского терпения.

Майор был казнен, а старицу Елену (приближалось ее пятидесятилетие) 20 марта повезли в Ладожский Успенский монастырь.

20 марта 1718 года послан был сюда капитан Семен Маслов принять царицу.

«Приехав в Ладогу, пребывающую в состоящем девичьем монастыре, бывшую царицу у присланного при ней из Москвы от гвардии офицера принять и во всем ея содержании поступать не оплошно, — гласила данная ему инструкция. — Ради караулу при ней и около всего монастыря, употреблять данных шлютельбургского гарнизона капрала, и преображенских солдат, которые оттуда дадутся, а именно двенадцать человек.

3. Потребные ей припасы, без которых пребыть невозможно, без излишества, брать от ладожского ландрата Подчерткова, о чем к нему указ послан.

4. В монастырь не токмо мужеска, ни женска пола, никакого состояния и чина людей, також из монастыря, как ее бывшую царицу, так и прочих пребывающих в том монастыре монахинь и определенных для отправления Божией службы священников отнюдь не впускать.

5. Иметь доброе око, чтобы каким потаенным образом ей царице и сущим в монастыре монахиням, так же и она к монахиням никаких, ни к кому, ни о чем писем отнюдь не имели, чего опасаясь под потерянием живота, смотреть неусыпно и для лучшей в той осторожности велеть днем и ночью вкруг всего монастыря солдатам, скольким человекам возможно, ходить непрестанно, и того, чтобы кто тайне не учинил, смотреть накрепко».

Любопытно, что князь Меншиков, подписавший эту строгую инструкцию Маслову, позабыл сообщить ладожскому ланцкарту, что Маслову велено требовать от него припасы (черновая бумага осталась при делах неподписанной — по ней деньги велено было давать из наличных кабацких и таможенных доходов).

Маслов тратил свои деньги, но потом потребовал у ландрата «для совершения Божией службы свеч, ладану, вина церковного, на просфоры муки пшеничной, для нужды и записок бумаги, да для ея особы круп гречневых, уксусу, соли, икры зернистой или полосной, стола простого на поварню, бочек, квасных кадок, ушатов, ведр, чаш хлебных, блюд деревянных, горшков больших и малых, и иных хлебных и всяких столовых припасов, а для зимнего времени дров». Ландрат Подчертков послал рапорт на Высочайшее имя в С.-Петербург, но канцелярия не озаботилась ответить. Недосуг было.

В Петербурге и император, и светлейший князь были заняты пытками царевича Алексея.

Для следствия по делу царевича здесь была создана Тайная канцелярия, ведавшая, кстати, потом всеми делами, связанными с охраной престола...

19 июня 1718 года царевича начали допрашивать, и через неделю он умер под пытками в Трубецком раскате Петропавловской крепости.

По этому случаю на следующий день, 27 июня, Петр Первый устроил шумный бал, отмечая годовщину Полтавской победы...

Да и от чего было не радоваться ему, если — как ему казалось! — удалось победить сам Божий Промысел и, вопреки судьбе, оградить права на престол любимого «шишечки»!

Радовался император и месяц спустя, читая в Ревеле письмо своей супруги:

«О себе доношу, что я за детками, слава Богу, в добром здоровье. И хотя, пред возвращением моим в Питербурх, Пиотрушка был в здоровье своем к последним зубкам слабенек, однако ныне, при помощи божий, в добром здоровье и три зубка глазовых вырезались. И прошу, батюшка мой, обороны: понеже немалую имеет он со мною за вас ссору, а имянно за то, что ког-

да я про вас помяну ему, что папа уехал, то не любит той речи, что уехал, но более любит то и радуется, как молвишь, что здесь папа».

Петр веселился, не зная, что меньше чем через год «шишечка» умрет, и при вскрытии выяснится, что он был неизлечимо болен от рождения...

Не знал Петр и того, какой злой насмешкой над ним обернется его рабская преданность иноземщине, его безграничная любовь к любой грязи, лишь бы она имела заграничное происхождение.

Ради сожительства со шлюхой из немецкой слободы Петр Первый заточил в монастырь законную жену, но Анна Монс не оценила этого, при первом же удобном случае наставила грозному царю рога с саксонским посланником Кенигсеном.

Петр Первый порвал тогда с Анной Монс, посадив свою любовницу под арест, а сам немедленно сошелся с кухаркой Мартой, уже прошедшей через постели Шереметева и Меншикова.

Не задумываясь, Петр возвел ее в императрицы и посадил на русский трон. То, что Екатерина едва-едва научилась ставить свою подпись и разбирать написанное, его нисколько не волновало. Еще менее волновал его моральный уровень супруги.

По наущению ее Петр убил своего сына, царевича Алексея, и был вознагражден еще более грязной, чем во времена сожительства с Анной Монс, изменой супруги.

Случилось это в 1724 году, когда все начало февраля «по улицам Петербурга прогуливались и разъезжали голландские матросы, индийские брамины, павианы, арлекины, французские поселяне и поселянки и т.п. лица: то были замаскированные государь, государыня, весь сенат, знатнейшие дамы и девицы, генерал-адъютанты, денщики и разные придворные чины. Члены разных коллегий и сената в эти дни официального шутовства нигде, ни даже на похоронах не смели скидывать масок и шутовских нарядов; в них они являлись на службу, в сенат и в коллегии».

В духе этого непристойного шутовства была и измена императрицы.

Как ни странно, но героем его адюльтера был... Виллим Монс, брат Анны Монс, служивший камергером при дворе Екатерины.

В 1708 году Виллим по ходатайству его сестры Матрены Ивановны Балк (в ее доме в Эльбингене Петр поселил тогда Екатерину) был принят в армию. Виллим участвовал в битве под Лесным и Полтавой, служил генеральс-адъютантом у генерала Бора и в 1716 году был определен камер-юнкером ко дворцу императрицы.

«Ах счастье мое нечаянное... Рад бы я радоваться об сей счастливой фортуне, только не могу, для того что сердце мое стиснуто так, что невозможно вымерить и слез в себе удержать не могу! — писал пылкий любовник своему «высокоблагородному патрону, ее премилосердному высочеству». — Прими недостойное мое сердце своими белыми руками и пособи за тревогу верного и услужливого сердца».

Любовную пылкость, подобно своей сестре Анне, Виллим совмещал с не менее пылкой любовью к деньгам. Вместе с Матреной Ивановной Балк они поставили взяточничество на конвейер и брали за протекцию со всех, кто обращался к ним.

«Брала я взятки с служителей Грузинцевых, с купецкого человека Красносельцева, с купчины Юринского, с купца Меера, с капитана Альбрехта, с сына «игуменьи» князя Василия Ржевского, с посла в Китае Льва Измайлова, с Петра Салтыкова, с астраханского губернатора Волынского, с великого канцлера графа Головкина, с князя Юрия Гагарина, с князя Федора Долгорукова, с князя Алексея Долгорукова...»

Два дня, 13 и 14 ноября, диктовала Матрена Ивановна Балк на допросе имена своих дачников*.

В тот день, когда Петру стало известно об измене супруги с Монсом, он провел вечер в Зимнем дворце с Екатериной и ее друзьями. Здесь был и Монс. Он был в ударе, много шутил.

* Дачниками при Петре звали тех, кто давал взятки.

— Посмотри на часы! — приказал государь.

— Десятый! — сказал камергер.

— Ну время разойтись! — сказал Петр и отправился к себе в комнату.

Не успел Монс вернуться домой, как к нему пожаловал Ушаков. Арестовав Монса, он отвез его к себе на квартиру, где уже ждал император.

Петр приказал обезглавить брата Анны Монс, а потом утешался тем, что возил супругу смотреть на отрубленную голову любовника.

Мы рассказываем об этой истории не только ради того, чтобы прибавить пикантности повествованию. Это кружение Монсов вокруг русского престола — вначале в образе Анхен, а потом Виллима, совершенно в духе того сатанинского шутовства, до которого был такой охотник Петр Первый, совершенно в духе его кровавых игрищ и «маскерадов».

В духе этого сатанизма и спасение Виллимом Монсом из долговой тюрьмы Бирона. Петр ненавидел Россию и хотел отдать ее на растерзание Монсам. Но оказалось, что Монсы не так и страшны. Следом за ними позлее явились собаки, потом Бироны пришли на Русь...

Это Петр Первый и открыл им путь на Святую Русь...

«Что мешало в послепетровские времена вернуться к едва протекшим временам? — задавал вопрос А. Герцен. — Все петербургское устройство висело на нитке. Пьяные и развратные женщины, тупоумные принцы, едва умевшие говорить по-русски, немки и дети садились на престол, сходили с престола, горсть интриганов и кондотьеров заведовала государством.

Одна партия сбрасывает другую, пользуясь тем, что новый порядок не успевал обжиться, но кто бы ни одолевал, до петровских оснований никто не касался, а все принимали их — Меншиков и Бирон, Миних и сами Долгорукие, хотевшие ограничить императорскую власть не в самом же деле прежней боярской думой. Елизавета и Екатерина льстят православию, льстят народности для того, чтобы захватить трон, но, усевшись на нем, они продолжают его путь. Екатерина II — больше, нежели кто-нибудь».

Иностранцы в Немецкой слободе. Гравюра XVII в.

7.

Человек, передавший власть в России этим пьяным и развратным женщинам, тупоумным принцам, едва умевшим говорить по-русски, немкам и детям их, умирал долго и трудно...

Диагноз его болезни тщательно скрывался, но итальянский врач, лечивший Петра, считал, что «источником болезни послужил старый и плохо вылеченный сифилис».

Это подтверждается и результатами вскрытия, сделанного доктором Паульсоном. При вскрытии тела императора «увидели совершенный антонов огонь в частях около пузыря; некоторые же части так отвердели, что весьма трудно было прорезать их анатомическим ножом».

Как бы то ни было, но умирал Петр мучительно трудно, словно не в своей постели умирал он, а под пытками в Трубецком раскате Петропавловской крепости...

Бюст А.Д. Меншикова.
Скульптор Б.К. Растрелли.

«За год до его кончины весьма ослабел в своем здоровье и частые имел припадки... неумолчно кричал и тот крик далеко слышен был...»

Начиная с шестнадцатого января 1725 года предсмертный вой императора стало слышно и за стенами дворца.

Было уже темно, когда император очнулся от беспамятства.

В зальце с низким потолком, где лежал он, горели свечи. Какие-то люди толпились у дверей. Боль стихла, но по всему телу расползалась невесомая, предсмертная пустота. Вглядываясь в лица приближенных, Петр нахмурился.

Тут находился и светлейший Алексашка, которому запрещено было являться ко двору. Но не оставалось уже времени для гнева. С трудом разжав ссохшиеся губы, потребовал перо и бумагу.

«Отдайте все...» — начертал на листе. Перо выпало из мертвых пальцев, и фиолетовые чернила пятнами смерти расползлись по белой рубахе.

Меншиков перекрестился и, расправив плечи, вышел. Скорбела душа о херц каптейне, но гулко и нетерпеливо билось в груди сердце. Снова, как в прежние времена, отгоняя скорби, торопили дела, не оставляя времени для печалей. Все решали сейчас мгновения.

У дверей залы, где собрались господа сенаторы, Меншиков остановился. Судя по голосам, верх брала партия сторонников царевича Петра Алексеевича. Меншиков нахмурился и поманил пальцем генерала Бутурлина.

— Нешто конец? — подбегая, спросил тот.

— Пора начинать! — уронил Меншиков. — Государь император преставился.

И вошел в залу.

Смолкли при его появлении голосá. Уже который день ожидали этого мгновения сановники, но все равно, когда свершилось неотвратимое, известие потрясло их. Что будет теперь с каждым из сидящих здесь? Кто займет опустевший трон? Куда поведет разоренную войной и реформами державу? Как теперь жить-то оповадиться?

Сумрачными стали лица сенаторов. Опустил голову тайный советник Петр Андреевич Толстой. Это он выманил бежавшего заграницу Алексея и привез на расправу отцу. Мрачен стал генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин, поставивший свою подпись под приговором. Щерился неприятной усмешкой, словно пытался что-то откусить и не мог, составитель Духовного регламента псковский архиепископ Феофан Прокопович. Этого монаха-иезуита разыскал когда-то сам Меншиков.

— Мин херц! — втолковывал он Петру. — Надобно его поставить над попами нашими. И культуру знает, и заграничное обхождение.

— Стефан Яворский чем тебе, дураку, не гож? — ответил тогда император. — Тоже из католиков...

— Я тебе настоящего иезуита откопал, мин херц! Он и имя уже два раза менял, а перекрещивался незнамо раз сколько. Энтый-то надежнее будет. Враз дураков наших в сознание приведет.

Феофан оправдал доверие императора.

Составленный им Духовный регламент превращал Русскую православную церковь в обычный государственный департамент, и даже сама тайна исповеди была отменена, а священники были обязаны докладывать о всех открытых на исповеди злоумышлениях начальству.

Феофана, в случае избрания на царство сына царевича Алексея, тоже ожидала печальная участь. В своих проповедях иезуит-архиепископ разъяснял и доказывал, что император волен был поступить с царевичем по собственному усмотрению.

На Феофане и задержался сейчас взгляд светлейшего князя.

— Что скажешь, святой отец? — спросил он. — Чего Синод мыслит?

Феофан сцепил пальцы на своем увенчанном змеиными головами посохе.

— Покойный, вечнодостойныя памяти Петр Алексеевич... — сказал он, — не оставил завещания, в котором выражена его воля. Это прискорбно. Но он ясно указал свою монаршею волю. Торжественно короновав супругу, он ясно и недвусмысленно указал, кому надлежит унаследовать трон. Он говорил об этом и мне, своему верному слуге.

Перебивая его, возмущенно зашумели сторонники юного Петра Алексеевича. Послышались голоса о первородстве одиннадцатилетнего великого князя — прямого внука императора.

Меншиков не останавливал говоривших.

Краем глаза он наблюдал, как входят в залу подвыпившие офицеры гвардии и безбоязненно рассаживаются между сенаторами.

— В проруби этого супротивника матушки-императрицы надобно утопить! — наклонившись к своему товарищу, проговорил один из офицеров.

— Нужда есть в прорубь волочить... — учтиво икнув, ответил товарищ. — Можно и на месте голову разрубить, чтобы поумнела маленько.

И хотя негромко переговаривались офицеры, но пьяный разговор слышали все. И никто не решился прикрикнуть на них.

— Добро было бы все-таки возвести на престол Петра Алексеевича... — задумчиво сказал князь Дмитрий Михайлович Голицын. — А за малолетством оного поручить правление императрице Екатерине вместе с Сенатом. Тогда бы и опасности междоусобной войны избежали...

Великим дипломатом был пятидесятидвухлетний Гедиминович — киевский губернатор Дмитрий Михайлович Голицын. Как и покойный император, смотрел он на Запад, но в реформах видел совсем другой смысл. Петру важно было укрепить с помощью реформ режим своей личной власти, Голицын же считал, что реформы должны делаться во благо и для укрепления государства. Почему Петр не отрубил ему головы, не понимал и сам Дмитрий Михайлович. Но — и небываемое бывает! — роскошный, спадающий на плечи парик украшал сейчас неотрубленную голову, а на груди сияли ордена.

Великим дипломатом был князь Дмитрий Михайлович, но и граф Петр Андрее-

вич Толстой тоже в дипломатии толк знал...

— Князь Дмитрий Михайлович, неправо ты рассудил... — возразил он. — В империи нашей нет закона, который бы определял время совершеннолетия государей. Как только великий князь будет объявлен императором, весь подлый народ станет на его сторону, не обращая внимания на регентство. При настоящих обстоятельствах империя нуждается в государе мужественном, твердом в делах государственных, каковой умел бы поддержать значение и славу, приобретенные продолжительными трудами императора...

Толстой говорил долго, расписывая, что все необходимые государю качества счастливо соединились в императрице Екатерине. Гвардейские офицеры одобрительно кивали — не напрасно гарнизону, не получавшему жалованья шестнадцать месяцев, было обещано полное удовлетворение.

Князь Голицын хотел возразить, что Петр Андреевич не столько за империю переживает, сколько за свое собственное будущее, но поостерегся... И правильно сделал. Уже не пьяная болтовня офицеров, а рокот барабанов донесся в залу с улицы. Это выстраивались на площади оба гвардейских полка.

— Кто осмелился их привести без моего ведома?! — побагровев, закричал князь Репнин. — Разве я уже не фельдмаршал?!

— Я велел полкам прийти сюда! — безбоязненно ответил генерал Бутурлин. — Такова была воля императрицы, которой обязан повиноваться всякий подданный, не исключая и тебя, фельдмаршал.

В рокоте барабанов потонули последние разногласия. Перебивая друг друга, сановники начали умолять Екатерину, чтобы не оставила их сиротами, не отказывалась бы от престола, а взяла бразды самодержавного правления в свои руки.

Екатерине недосуг было. Все эти дни разрывалась она между постелями умирающего мужа и внезапно заболевшей дочери. Лицо ее с широкими черными бровями вразлет, с большими глазами, опухло от слез.

Когда Екатерину уведомили, что императрицей будет она, ее величество только кивнула. Всего пять минут назад, задрожав в беспамятстве от злого рокота барабанов, умерла следом за отцом шестилетняя цесаревна Наталья...

Вот так, под грохот барабанов, и взошла на русский престол ливонская крестьянка, служанка мариенбургского пастора Марта Скавронская. При штурме города ее захватили солдаты, у солдат выкупил фельдмаршал Шереметев и перепродал потом Меншикову. Уже от Меншикова она попала к царю и стала его супругой. Воистину — и небываемое бывает! — теперь она сделалась императрицей, властительницей страны, солдаты которой насиловали ее в захваченном Мариенбурге.

Когда Троцкий и Ленин говорили, что и кухарка должна уметь управлять государством, они ничего не придумали. У нас уже была портомойка, которая оказалась на русском троне, — это Екатерина Первая.

Дивились преображению и птенцы гнезда Петрова, и тайные приверженцы русской старины. Но и те, и другие слишком хорошо знали, что и небываемое очень даже часто бывает в перевернутой вверх дном державе... Только удивлялись себе — как-то спокойнее стало всем, когда был совершен выбор. Словно отпугнутая рокотом барабанов, удалилась тень царевича Алексея, замученного на пытке в Трубецком раскате Петропавловской крепости шесть лет назад.

Сюда, в Петропавловскую крепость, и принесли восьмого марта гробы с телами императора и его дочери — цесаревны Натальи, умершей в ту памятную ночь под грохот гвардейских барабанов.

— Что се есть? До чего мы дожили, о россияне?! Что видим? Что делаем? — заламывая руки, голосил Феофан Прокопович. — Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение?

Открытый гроб с телом императора стоял на том самом месте, где и надлежало ему быть опущену в землю, но пока Петропавловский собор существовал только в черте-

жах архитектора, и невысокая кладка стен не укрывала даже от метели, рассыпавшей по лицу мертвого Петра снежную пыль...

Когда Феофан закончил свою речь, тело государя посыпали землей, гроб закрыли, разостлали на нем императорскую мантию и оставили на катафалке под балдахином посреди недостроенной церкви. Долгие шесть лет предстояло оставаться Петру непогребенным, отравляя зловонием разлагающейся плоти воздух построенной им столицы.

Долгие годы не принимала земля его тело.

Глава восьмая

ИМПЕРИЯ БЕЗ ИМПЕРАТОРА

Когда, оговоренный Евфросинией, умирал под пытками царевич Алексей, его сыну — будущему русскому императору Петру Второму — не исполнилось и четырех лет.

Он рос под присмотром нянек, и никто не хлопотал о его развитии и воспитании.

У внука российского императора не было родителей, не было и могущественных покровителей. Проявление малейшего участия к несчастному сироте считалось опасным. Любой самый невинный шаг в этом направлении мог быть превратно истолкован подозрительным и безудержным в гневе императором.

Какая участь ожидала «ослушника», напоминали насаженные на колья головы «заговорщиков» — друзей царевича Алексея.

И страх сделал свое дело.

Малолетнего Петра избегали, сторонились, как чумы...

Впрочем, забот у придворных хватало и без сироты.

Шла реорганизация областного управления, и вместо одиннадцати губерний образовывалось пятьдесят провинций, учреждались новые коллегии и вводились новые регламенты; появились магистраты, велись сражения и переговоры о мире — и все время, каждый месяц издавались Указы, все строже закрепощающие русский народ.

Венцом этого закрепощения стало разрешение покупать русских крестьян на свои заводы и «купецким людям» иностранного подданства. За все немыслимые лишения и тяготы, за потоки крови, пролитой на полях петровских викторий, Петр наградил русский народ возможностью быть купленными в рабство иностранцами, которые приезжают в Россию.

Между более важными делами — некоторые исследователи считают, что это связано с быстро прогрессирующим у Петра сифилисом, — началась борьба с проституцией. «Винных баб и девок» велено было отправлять на мануфактуры вместе с русскими крестьянами.

Реформировали церковь, сосредоточив всю церковную власть, по образцу протестантских государств, в Духовном коллегиуме, а заодно отменили и тайну исповеди, еще раньше объявив недоносительство тягчайшим, караемым смертной казнью преступлением.

1.

О будущем императоре как бы и позабыли.

Учителями назначались случайные и малосведущие люди. Известно, например, что в четыре года к нему определили танцмейстера Нормана, который обучал ребенка чтению и письму. Этот же Норман — он прежде служил на флоте — сообщил юному царевичу начальные сведения о морской службе, сумев выработать в ребенке стойкое отвращение к морю вообще.

Приходится только удивляться, что, несмотря на скверное обучение, будущий император все же сумел в самом раннем дет-

стве овладеть серьезными зачатками знаний.

Когда, уже после смерти Екатерины Первой, его возвели на трон, Остерман, взявшийся за обучение одиннадцатилетнего императора, к немалому своему удивлению, обнаружил, что мальчик свободно владеет латынью, французским и немецким языками.

Ребенок вообще подавал большие надежды.

Еще в те времена, когда похвалы ему расценивались как «тягчайшее преступление», уже говорили, что он кроткого нрава, имеет доброе сердце и обладает ангельской красотой.

Уже тогда поражало всех необыкновенно быстрое физическое развитие Петра.

В четыре года он упражнялся в стрельбе из маленького ружьеца и вовсю палил из крохотных пушек «потешной» батареи.

Успехи юного Петра были столь очевидны и так, казалось бы, соответствовали требованиям, которые прежде предъявлял Петр Первый царевичу Алексею, что воспитатели, невзирая на страх, пытались обратить внимание императора на успехи внука.

Его приглашали на экзамен, устроенный для семилетнего царевича. Но император отказался прийти. Вместо этого им был издан новый закон о престолонаследии, отменивший «недобрый обычай», когда старший сын автоматически наследовал престол. Отныне Государь мог назначать преемника по своему усмотрению.

Ослепленный ненавистью к русской ветви своей семьи, Петр Первый и теперь, когда уже не стало «шишечки», не желал признать себя побежденным в безумной схватке с Божьим Промыслом.

Можно только предполагать, как сложилась бы жизнь Петра Второго и всей нашей страны, как бы дальше развивалась русская история, если бы сумел Петр Первый перебороть неприязнь, если бы сумел увидеть, что — вот же, вот! — исполняются во внуке самые заветные мечты, если бы сумел направить развитие ребенка в нужном для наследника престола направлении. Может, и не было бы тогда засилья временщиков, череды дворцовых переворотов. Но пересилить себя Петр Первый не сумел.

...И о ребенке снова словно бы позабыли.

Рассказывая о детстве Петра Первого, мы подробно описывали игрушки, которыми тот играл. Эти игрушки хранятся в музеях, описания их можно найти в различных документах.

От Петра Второго игрушек не осталось. Не так уж много было их и у сына замученного в Петропавловской крепости царевича Алексея.

Некому было заботиться об игрушках для наследника престола...

Сановники с ужасом смотрели на подрастающего Петра. Этот ребенок был смертельно опасен для них. Многим, как и Меншикову, чудился при взгляде на него холодный острог в Березове.

Но ребенок — не взрослый.

Ребенка труднее заманить в ловушку, чтобы при этом самому остаться в стороне, не оказаться обвиненным в его гибели.

«Птенцы гнезда Петрова» оказались достойными учениками своего патрона. Никакие мысли о России не отягощали их совесть, когда в обход законного наследника они возвели на русский престол бывшую кухарку пастора Глюка, портомойку Шереметева, малограмотную императрицу Екатерину.

Царствовала она два с половиной года и умерла 6 мая 1727 года от чахотки. Екатерина была еще жива, когда вокруг престола завязалась жестокая борьба. Победу одержала партия Меншикова. Только благодаря его интригам, на русский престол наконец-то взошел законный наследник, сын царевича Алексея.

Было ему одиннадцать лет.

Этим, кажется, и завершилось сражение обезумевшего Петра Великого с Божьим Промыслом.

Не группой заговорщиков, а на небесах была исправлена воля царя-деспота, гроб которого, долго еще не преданный земле,

стоял среди лесов строящегося Петропавловского собора...

На русском троне сел русский наследник.

2.

«За малолетством императора, — говорилось в завещании Екатерины Первой, — имеют вести администрацию обе наши цесаревны, герцог и прочие члены Верховного совета».

Герцог — Александр Данилович Меншиков, герцог Ижорский.

Кроме него в Совет входили Ф.М. Апраксин, Г.И. Головкин, П.А. Толстой, Д.М. Голицын, А.И. Остерман.

России был дан шанс избежать трагических лет засилья временщиков, бироновщины, но — увы! — всевластные «птенцы гнезда Петрова» сделали всё, чтобы страна не смогла воспользоваться этим шансом.

Как обучали юного императора, показывает распорядок, который А.И. Остерман составил для Петра на вторую половину 1727 года:

Понедельник. От 9 до 10 часов — читать историю
от 10 до 11 — отдыхать
от 11 до 12 — история
от 12 до 2 — обед и покой
от 2 до 3 — танцы, концерт
от 3 до 4 — география

Вторник. От 9 до 12 — с перерывом на час читать историю
от 2 до 3 — игра в волан
от 3 до 4 — математика
с четырех часов — стрельба в мишень

Среда. До полудня — заседание в Верховном совете
с двух часов — игра на бильярде
от 3 до 4 — древняя история

Четверг. До 12 часов — география
от 2 до 3 — танцы
от 3 до 4 — новая история
от 4 до 5 — концерт

На занятия одиннадцатилетнему мальчику отводилось в день не более трех часов. Остальное время император должен был отдыхать и развлекаться.

По вечерам он играл в карты с сестрой, будущей императрицей Елизаветой, днем частенько отправлялся на охоту.

Ребенка почти насильно втягивали во взрослые забавы, и это оказалось губительным и для его здоровья, и для характера.

Как пишет историк Н.И. Костомаров:

«Молодой царь, поставленный в водовороте разных партий, начал показывать в своем характере такие черты, что и иностранцы, следившие за ходом дел при дворе, находили, что в некоторых случаях Петр Второй напоминал своего деда Петра Первого именно тем, что не терпел никаких возражений и непременно требовал, чтоб все делалось вокруг него так, как ему хочется».

Еще более губительной для Петра была опека, которую взял на себя Александр Данилович Меншиков...

Надо сказать, что Меншиков, став генералиссимусом, переменился в своих симпатиях. Между прочим, вспомнил он и о бабушке императора, томящейся в Шлюссельбургской крепости.

В народе говорили, что царица была сожжена во время пожара на Конюшенном дворе в 1721 году, но нет, 19 июля 1727 года Меншиков получил от нее письмо.

«Генералиссимус, светлейший князь А.Д., — писала старица Елена. — Ныне содержусь я в Шлютельбурге, а имею желание, чтобы мне быть в Москве в Новодевичьем монастыре; того ради прошу предложить в Верховном тайном совете, дабы меня повелено было в оной монастырь определить и определено бы было мне нескудное содержание в пище и прочем и снабдить бы меня надлежащим числом служителей, и как мне, так и определенным ко мне служителям определено бы было жалованье, и чтоб оный монастырь ради меня не заперт был... Вашей высококняжеской светлости Июля 19 дня 1727 года богомолица монахиня Елена».

На этот раз прошение бабушки императора не затерялось в канцелярии светлейшего.

«Государыня моя святая монахиня! — сразу же ответил он. — Получил я от вашея милости из Ш. письмо, по которому за болезниию своею не мог в Верховный совет придтить и для того просил господ министров, чтобы пожаловали ко мне, и потому они изволили все пожаловать ко мне (21 июля. — *Н.К.*), тогда предложил я им присланное ко мне от вашей милости письмо и просил всех, чтобы вашу милость по желанию вашему определить в Москве в Новодевичий монастырь, на что изволи все склониться, что отправить в Новодевичий монастырь и тамо определить вам в удовольствие денег по 4500 руб. и людей вам по желанию, как хлебников и поваров, так и прочих служительниц: для пребывания вашего кельи дать, кои вам понравятся, и приказали вас проводить до Москвы бригадиру и коменданту Бужонинову; чего ради приказали ему быть сюда для приему указу в Москву к генерал-губернатору и о даче подвод и подорожных и на проезд денег 1000 руб.; о сем объявя вашу милость поздравляю, и от всего моего сердца желаю дабы вам с помощию Божию в добром здравии прибыть в Москву и там бы *ваше монашество* видеть и свой должный отдать вам поклон.

P.S. Жена моя и дети и обрученная государыня невеста и свояченица наша Варвара Михайловна вашей милости кланяются».

Письмо было отправлено 25 июля с ординарцем лейб-гвардии Семеновского полка бомбардиром Владимиром Грушецким, а 31 июля был дан Указ из Верховного тайного совета камер-коллегии отпустить «на некую дачу» 1000 руб.

2 сентября 1727 года царица приехала в Москву.

Но произошло это уже после падения Меншикова...

Увы...

Хотя, забросив государственные дела, герцог Ижорский и сосредоточился на том, чтобы обезопасить себя, но успеха это не принесло...

3.

Петра Второго возвели на престол в одиннадцать лет.

«После как Бог изволил меня, в малолетстве всея России Императором учинить, — говорил он на Государственном совете. — Настоящее мое старание будет, чтобы исполнить должность доброго Императора, то есть, чтобы народ мой подданный, богобоязненностью и правосудием управлять, чтоб бедных защищать, убогих и неправильно отягощенных от себя не отгонять, но веселым лицом жалобы их выслушивать и, по похвальному Императора Веспасиана примеру, никого от себя печального не отпускать...»

Но, конечно же, это были только слова.

Перемена в состоянии — избегаемый всеми, заброшенный ребенок превратился во властителя гигантской империи! — конечно же оказалась непосильной для него.

За те два с половиной года, что, как и мачеха, провел он на престоле, Петр ничего не успел сделать для приготовления себя к высшей в стране власти.

Еще неопытный и незрелый, он сделался игрушкой в руках властолюбивых вельмож и на двенадцатом году жизни насильно был обручен с Марией Александровной Меншиковой, а в четырнадцать, когда Долгоруким удалось свалить «светлейшего», — с княгиней Долгорукой.

Роковым оказалось для Петра Второго и сближение с соперником Меншикова молодым князем Иваном Долгоруким.

Ночи превращались в дни, царь возвращался на рассвете и ложился в семь утра. Начала проявляться семейная склонность к пьянству, что, по справедливому замечанию Н.И. Костомарова, «казалось вполне естественным и наследственным: дед его и отец были подвержены тому же пороку».

Борясь за влияние на императора, Долгорукие менее всего думали о развитии подростка, менее всего заботились об интересах державы.

Используя мальчишеское пристрастие Петра Второго к охоте, они всячески поощряли его в этой страсти, не останавливали ни от пьянства, ни от разврата.

Долгорукие не понимали, что, влияя на Петра Второго *так*, они сами себе готовят еще более страшную участь, чем та, что досталась Меншикову.

1728 и 1729 годы...

Неприметные, не ознаменованные никакими великими событиями годы русской истории... И вместе с тем события этих лет, хотя и через многие десятилетия, но очень приметно проявятся в истории, во многом определяя ход событий.

В 1728 году, за несколько дней до коронации тринадцатилетнего Петра Второго в Москве, родится Карл-Петер-Ульрих, внук двух непримиримых врагов — шведского короля Карла XII по отцу и русского императора Петра Первого по матери. Карлу-Петеру-Ульриху суждено будет стать русским императором Петром Третьим.

А в 1729 году в Померании, в семье коменданта прусской крепости, родится и его убийца — Софья-Августа-Фредерика, будущая русская императрица Екатерина Великая.

Но об этих событиях не ведали еще тогда в далекой России. И Александр Данилович Меншиков, рубивший во льду могилу для своей дочери, не догадывался даже, что не в вечной мерзлоте вырубает он могилу, а на самой границе двух эпох.

Проглянуло солнце на ненастном небе, засияли слабосильные лучи в алмазных брызгах разлетающейся ледяной крошки, заполыхали драгоценными каменьями, завалившими могильную яму. Не удержал слезу бывший герцог Ижорский, бывший светлейший Римского и Российского государств князь, бывший генералиссимус, адмирал, кавалер...

— Марьюшка моя дорогая... — прошептал дрожащими губами князь. — Императрица моя горемычная...

Не знал, не ведал светлейший князь, рубивший в березовской мерзлоте могилу, что и самого его похоронят в этом же льду, и в черном небе засияет над их могилами северное сияние...

Сполохи его, то тускнея, то разгораясь, побегут по небу, осеняя нерукотворной короной ледяные могилы. И сожмется сердце от немыслимо холодной и тоскливой красоты этой небесной короны у другой невесты Петра Второго — княжны Екатерины Алексеевны Долгоруковой. Здесь, среди холодных, дующих из голой тундры ветров, как и у Марии Меншиковой, завершится ее обручение с императором...

Неизвестный художник XVIII в.
Портрет Петра II

Впрочем, это произойдет лишь в 1730 году, когда уже устремится по темным ветвям генеалогических деревьев в поисках своего монарха Российская империя.

4.

А пока еще не кончилось правление последнего прямого (по мужской линии) наследника династии Романовых... Сквозь тронутые желтизной дубравы, сквозь полыхающие рощи, сквозь буреломистые чащобы, по просторным полям и по темным оврагам неслась, заливаясь веселым лаем собак, ревя рогами доезжачих, царская осень 1729 года. Облетали с деревьев листья, раскисали тропинки, заросшие орешником и рябиной, сеялись осенние дожди, но ничто не могло остановить царскую охоту.

Когда начинало темнеть и сумерки гасили золотое убранство подмосковного пейзажа, когда в сыроватой полутьме только нищенски чавкала грязь под копытами лошадей, разводили жаркие и высокие — до неба — костры, ставили шатры, и дивно, как в сказке, преображалась сиротливая лесная опушка.

Повсюду толпились люди в ярких, расшитых золотом одеждах. В дрожащем, неровном свете завороженно вспыхивали драгоценные камни... Поверх присыпанной еловыми лапами сырой земли расстилались дорогие ковры, расставлялась серебряная и золотая посуда.

Длинноногий, высохший за лето тринадцатилетний император подписывал в своем шатре указы, которые подавал ему молодой князь Иван Долгоруков. На глухих лесных опушках и вершились в ту осень все государственные дела.

— Сие — указ, каб подушных денег в работную пору не правили... — оглашал торжественно князь Иван. — А это указ о награждении полномочного министра Вашего Императорского Величества Саввы Владиславича Рагузинского, коий с китайскими министрами выгодный для Российской империи договор заключил, каб обе империи владели тем, чем владеют, и на будущие времена...

Князь Иван вытащил платок и, учтиво высморкавшись, добавил:

— В Петербурге находят, что надобно наградить графа... Пожаловать тайным советником и кавалером ордена Александра Невского... А это приговор суда, рассмотревшего дело Змаевича, адмирала, коий был отдан под суд за воровство на галерной верфи, коей заведовал... К смертной казни его и майора Пасынкова приговорили...

Петр машинально окунул в чернильницу перо, чтобы подписать легший перед ним указ, но тут же уронил его и вскрикнул от боли.

Это князь Иван, нагнувшись, укусил его за ухо.

— Ты что?! — хватаясь за ухо, закричал император.

— Простите, ваше императорское величество... — улыбаясь, сказал князь Иван. — Я хотел просто показать вам, как больно бывает человеку, когда ему голову рубят.

— Дурак! — сказал император, поднимая перо с забрызганного чернилами указа. — Я тебя так вздую, что небось еще и позавидуешь тем, которым головы отрубают. Много ль украли-то они?

— Суд недостачу выявил — триста рублей и тысячу бревен...

— Куды им бревен столько? — потирая ухо, спросил император и тут же добавил: — Передай, что я казнь отменяю. Пускай в чине понизят до выслуги и пошлют куда подальше... Чего еще?

— Еще от Лопухина рапорт на Ваше высочайшее имя. Жалуется, что флот исчезает вследствие вашего императорского величества удаления от него...

— При мне, што ль, корабли гнить не будут?! Пускай сами за кораблями лучше смотрят. А я, когда нужда потребует употребить корабли, то и пойду в море. А как дедушка, гулять на них — не намерен. Все, что ли?

— Еще от Остермана письмо, Ваше Императорское Величество.

Нахмурившись, император взял послание своего воспитателя и вице-канцлера. Письмо было написано по-немецки, и князь Ванька не мог разобрать его.

Писал Андрей Иванович о своем худом здоровье, горевал, что его императорское величество совсем забросили учебы, и как теперь нагонять, ему, больному, неведомо... Еще писал Андрей Иванович, что пришло донесение — в Березове померла от оспы Мария Александровна Меншикова. Бывшая невеста императора.

Нахмурился Петр, прочитав письмо.

О невесте своей он совершенно позабыл за эти годы. Но сейчас припомнилось, как сидели они рядом на концерте во дворце светлейшего князя, смотрели на танцующих карликов, и Машка изо всех сил пыталась сохранить серьезность, а потом все-таки не выдержала и засмеялась... И так явственно припомнилась императору

В.И.Суриков. Меншиков в Березове. 1883 г.

смеющаяся княжна, что стало грустно. Сколько ей лет нынче? Восемнадцать. Еще и не очень старая померла.

— Барон-то чего, ваше императорское величество? — заметив, как помрачнел государь, спросил Долгорукий. — Опять учебой нудит?

Император не ответил. Засунул письмо Остермана в карман и вышел из шатра к жарко и высоко шумящим посреди сгустившейся тьмы кострам.

Великая охота шла... Бывали ли такие еще на Руси — неведомо. Пятерых медведей закололи. Пятнадцать рысей добыли. Пятьсот лисиц затравили. Зайцев — больше четырех тысяч.

Высоко вверх улетали искры. В темноте подмерзшего неба мелко и остро сверкали звезды. Шумно было у костров. Гремела музыка. Говорили здравицы. За здоровье его императорского величества осушали кубки, за удавшуюся охоту.

Невдалеке от императора в Преображенском мундире сидела княжна Екатерина Долгорукая. Темные кудри рассыпались по эполетам, тревожно и близко блестели глаза.

На этом и завершилась невиданная, грандиозная охота, устроенная для юного императора в тульских лесах осенью 1729 года, которая длилась больше месяца.

9 ноября длинный караван прибыл в Москву. Впереди шагали озябшие верблюды. Скрипели колеса телег, заваленных убитыми зайцами. Скакали всадники на дорогих конях, окруженные сворами собак. Более шести сотен борзых и гончих участвовали в охоте...

Молодой государь был хмур и задумчив. Устроившись в Лефортовском дворце, он раздарил всех собак и приказал убрать ружья.

Перемены, происшедшие в императоре, бросались в глаза любому. Без всякого принуждения вернулся он к занятиям, сам теперь стремился вникнуть в государственные дела. Часто по ночам проводил совещания с Остерманом и другими членами Верховного Тайного совета.

Все видели, что император как-то посерьезнел вдруг, повзрослел.

И никто не знал, что жизни ему остается всего три месяца.

19 ноября торжественно было объявлено, что император вступает в брак с дочерью князя Алексея Григорьевича — семнадцатилетней Екатериной Долгорукая, а тринадцатого состоялось обручение, и Екатерину Алексеевну стали называть Ее императорским Высочеством...

Где-то между объявлением о помолвке и обручением в далеком Березове «приливом

крови» умер светлейший князь Римского и Российского государств, герцог Ижорский, генералиссимус Александр Данилович Меншиков.

Похоронив в голубом льду вечной мерзлоты свою дочь, княжну Марию Александровну, Меншиков решил начать свою жизнь заново. Выстроил церковь и ежедневно ходил туда молиться, исполняя обязанности дьячка. Жил он последние месяцы в посте и молитвах, беседуя с березовскими стариками о тщете мира сего, да о подвигах святых мучеников. Через столетие, когда будет вскрыта могила опального князя, тело его найдут нетленным, и в Березове возникнет местный культ почитания князя... Но это случится только через столетие.

Императору Петру Второму так и не суждено будет узнать о смерти человека, возведшего его на престол и столь сурово наказанного им...

5.

6 января 1730 года состоялось торжественное водоосвящение на Москве-реке. Фельдмаршал Василий Владимирович Долгорукий выстроил в каре войска. Приехал из Лефортовского дворца император и занял полковничье место.

Было холодно. Над крестом Иордани клубился морозный пар.

Сидя в седле, император внимательно разглядывал собравшихся.

Весь двор здесь, все иностранные посланники. Цветами радуги пестрели на белом снегу праздничные одеяния.

Кружилась голова... С трудом разглядел император в нарядной толпе свою невесту. Чудо как хороша семнадцатилетняя Катенька Долгорукова. Глаза сияли, щечки раскраснелись от мороза.

Опустил глаза император. Провел рукою в перчатке по гриве жеребца.

Кружилась голова. Жарко было на морозном воздухе.

Когда запели: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение: Родителев бо глас свидетельствование Тебе, возлюбленнаго Тя Сына именуя...» — император почувствовал, что все тело покрылось липким потом, и его начало трясти...

С трудом доехал до Лефортова дворца и здесь едва смог спуститься с седла. Его сразу же уложили в постель, и он провалился в беспамятстве.

«Потом — оспа!» — услышал он сквозь полузабытье, и снова встало перед ним лицо смеющейся Маши Меншиковой, лежащей сейчас в голубом льду на берегу студеной северной реки...

Петр вздохнул. Он вспомнил, что от оспы и умерла Меншикова, а теперь наступил его черед.

Два с половиной года правления Петра Второго историки оценивают весьма сурово, забывая, что это были годы правления ребенка.

Между совершением важных государственных дел — а в эти годы был заключен Буринский договор с Китаем об установлении границ, разрешено старательство в Сибири, изданы указы о прекращении кабального холопства, отменены магистраты и восстановлена власть воевод на местах, восстановлено гетманство в Малороссии — император Петр Второй болел детскими болезнями: корью и оспой...

Он и умер, как ребенок, когда, простудившись на водосвятии и уже начав выздоравливать, 17 января 1730 года распахнул окно в своей комнате.

И последними его словами были: «Запрягайте сани! Хочу ехать к сестре!», словно в последнее мгновение жизни пытался вернуться юный император в так и не прожитое им детство...

6.

Добрый обычай завел в своем Отечестве первый русский император — Петр Великий...

В ночь, когда помирает государь, сходятся в покое, невдалеке от постели умирающего, сановники и до хрипоты, до биения крови в голове артачатся.

Решают — кому теперь сесть на троне.

За каждым сановником сила стоит. За этим — армия, за тем — гвардейские пол-

Государственный канцлер Г.И. Головкин. Портрет работы И.Н. Никитина. 1720-е гг.

ки, за этим — семья, за тем — роды знатные...

Одни так говорят, другие — иначе, и договориться между собою не могут, потому как, если слабину покажешь и уступишь — пощады не будет. В лучшем случае — с властью доведется проститься, в худшем же... В худшем случае — можно и с жизнью расстаться, а не только с чинами и богатствами...

И так теперь всякий раз было. И после смерти Петра Первого спорили сильно, и когда Екатерина умерла — артачились. Нынче тоже согласия не предвиделось.

В душном покойчике, рядом со спальней умершего императора, сидели князья Долгорукие — Алексей Григорьевич да Василий Лукич, канцлер Головкин Гаврила Иванович, князь Дмитрий Михайлович Голицын... Остермана еще сюда — полный состав Верховного Тайного совета был бы... Но Андрей Иванович в заседание не пошел. От постели умершего не отходил — боялся, кабы какого подложного завещания в постель не подсунули.

— Куды мне, иностранцу, русского царя выбирать? — сказал он. — Которого господа верховники выберут, тому и буду служить.

Так ведь и не пошел, хитрец такой, в заседание. Зато пришел сибирский губернатор Михаил Владимирович Долгорукий и с ним оба фельдмаршала — Михаил Михайлович Голицын и Василий Владимирович Долгорукий.

Четверо Долгоруких напротив двоих Голицыных сидели, а председательствовал ими граф Головкин. Государя всея Руси избирали.

Разговор серьезный шел, степенно мнениями обменивались.

— Катьку нашу надобно императрицей изделать... — говорил Алексей Григорьевич Долгорукий. — Вечно достойныя памяти государь император ей ведь престол отказал, — и, вытащив из кармана подложное завещание императора, утер рукавом заслезившиеся глаза. — Вишь, Божий Промысл-то урядил как. Ежели император — Петр, а коли императрица — Екатерина...

— Полно народ-то смешить... — сказал на это князь Дмитрий Михайлович. — Вся Москва уже знает, что Ванька ваш заместо императора подписи наловчился ставить.

Долгоруких в заседании том было вдвое больше, чем Голицыных. Если вместе закричать, всех бы заглушили. Но поостереглись кричать. Шумно во дворце было. В такие ночи завсегда много народу к царскому дворцу жмется, но нынче, не в пример прежнему, особенно тревожно было.

На свадьбу императора и княжны Екатерины Долгорукой со всей России генералы и губернаторы, знатные фамилии и простое шляхетство съехались.

На свадьбу ехали, а попали на похороны. Как в русской сказке про дурака, перепутали. И хотя сама судьба такой конфуз устроила, маленько каждый себя дураком ощущал. Шибко уж похоже на сказку получалось. А когда люди в таком настроении

находятся, еще сильней их тревожить — боязно. Всякое могут учинить в отчаянности...

Потому и остереглись шуметь Долгорукие. Только крякнул князь Василий Лукич:

— Невесть что говоришь, Дмитрий Михайлович... Нешто бы мы пошли на такое?

Ему не ответили. Тихо стало в душноватом покойчике. Шурша, сыпалась пудра с париков. Из глубины дворца неясный шум доносился. То ли молились где-то, то ли бунтовать собирались. Узнать бы сходить, да нельзя. Никак нельзя до окончания выборов из покойчика отлучаться.

— Я вот чего, господа верховники, думаю... — заговорил князь Голицын. — Бог, наказуя Россию за ее безмерные грехи, наипаче же за усвоение чужеземных пороков, отнял у нее государя, на коем покоилась вся ее надежда.

Это верно князь Дмитрий Михайлович сказал.

За великие грехи пресечено мужское потомство Петра Великого...

Кивали головами верховники.

А Голицын неспешно продолжал речь, рассуждая, дескать, дочери вечно достойныя памяти императора Петра Великого от первого брака с Екатериной и думать негоже...

Кто такая императрица Екатерина была по происхождению? Ливонская крестьянка и солдатская шлюха! Ежели б не злодей Меншиков, который сам из подлого сословия происходил, и императрицей бы ей не бывать, и супругой императора тоже.

— Верно! — сказал Василий Владимирович Долгорукий. — Коли уж не Катьку нашу, тогда Евдокию-царицу на трон сажать надо.

— Несурьезно это, фельдмаршал... — покачал головой Голицын. — Я воздаю полную дань достоинствам вдовствующей царицы, но она только вдова государя. А есть у нас и дочери царя Ивана. Мы все знаем Анну Ивановну, герцогиню курляндскую. Говорят, у нее характер тяжелый, но в Курляндии неудовольствий на нее нет!

И столь неожиданным было предложение Голицына, что как-то растерялись все. Совсем не думано было про Анну Иоанновну...

— Дмитрий Михайлович! — пораженно проговорил фельдмаршал Василий Владимирович Долгорукий. — Твои помыслы исходят от Бога и родились они в сердце человека, любящего свою Отчизну. Да благословит тебя Бог... Виват нашей императрице Анне Иоанновне!

Тут и Василий Лукич Долгорукий, припомнив, что в прежние времена он в добрых отношениях с Анной Иоанновной находился, спохватился и тоже виват закричал.

И Остерман тут как тут оказался, начал ломиться в двери.

— Кого выбрали-то? — спросил.

— Анну Иоанновну.

— Виват! — закричал Андрей Иванович.

— Виват! — крикнули уже все хором. Только князь Дмитрий Михайлович молчал.

— А ты чего? — спросил у него брат, фельдмаршал. — Сам ведь и предлагал.

И тут снова Дмитрий Михайлович всех удивил.

— Воля ваша, господа верховники, кого изволите... — сказал он в наступившей тишине. — А только надобно и себя полегчить!

— Чего? — не поверив своим ушам, переспросил канцлер Гаврила Иванович Головкин. — Чего это сказал ты такое мудреное?

— Полегчить себя надо... — хладнокровно повторил Голицын. — Воли себе прибавить.

Мудр был Дмитрий Михайлович Голицын. Все книги прочитал, пока губернатором сидел в Киеве. Вот и говори, что пустое дело — книжки читать. Ведь до чего додумался! Мудро, однако. А главное — так заманчиво, что и думать о таком страшно.

— Ишь ты... — покачал головой Василий Лукич. — Да хоть и прибавим воли себе, только удержим ли волю эту?

— А чего же не удержим? — задорно спросил Голицын. — Я так полагаю, что

надобно нам к Ее величеству пункты написать.

И, не давая опомниться ошарашенным сотоварищам, кликнул правителя дел Верховного Тайного совета, Василия Петровича Степанова.

— Садись там, чернильница! — сказал Голицын, кивая на маленький столик. — Пиши, что тебе говорить будем.

Тут всех сразу прорвало.

— Не надо, чтоб нам головы секли!

— И имущества пускай не лишают без суда справедливого!

— И войну заводить, чтоб с общего совета...

— Да что писать-то, ваши сиятельства?! — в отчаянии воскликнул Степанов. — Про головы али про войну сначала?

— Экий ты дурак, братец! — вздохнул Дмитрий Михайлович. — Слухай, что Василий Лукич диктовать будет, а Андрей Иванович штилем правильным обрабатывать.

— Нихт! Нихт! — закричал Остерман. — Дело это так важное, что за иноземством своим я вступать в него не смею!

— Полно тебе, Андрей Иванович! — укорил его Василий Лукич. — Вице-канцлерскую должность тебе иноземство справлять не мешает, так и штилю тоже от него порухи не будет.

Остерман поупирался еще, но деваться некуда было. Наконец заскрипело перо Степанова, записывая:

«Чрез сие наикрепчайше обещаемся, что наинаглавнейшее мое попечение и старание будет не токмо о самодержавии, но и о крайнем и всевозможном распространении православныя нашея веры греческого исповедания; тако же по принятии короны российской в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника ни при себе, ни по себе никого не определять; еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный Верховный Тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оного согласия:

1. Ни с кем войны не всчинять;

2. Миру не заключать;

3. Верных наших подданных никакими податями не отягощать;

4. В знатные чины, как в стацкие, так и в военные сухопутные и морские выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, а гвардии и прочим войскам быть под ведением Верховного Тайного совета».

Остерман замолчал, задумавшись. Перестало скрипеть и перо Степанова. Слышны были только шаги в коридорах Лефортовского дворца.

— Каб головы-то не секли, не записали еще? — спросил князь Алексей Григорьевич Долгорукий.

— Да-да! — вспомнил Остерман. — Пиши: «у шляхтества живот, имения и чести без суда не отнимать».

— И чтоб вотчины и деревни... — добавил Василий Лукич, — не жаловать; в придворные чины, как русских, так и иноземцев, не производить.

Записали и это.

Подумав, запретили Анне Иоанновне и государственные доходы в расход употреблять, и при этом наказали всех в «неотменной своей милости содержать». Кажется, ничего не забыли.

Теперь подписывать письмо надобно было, решили, что подпишут его только шестеро прежних верховников. Первым перо протянули канцлеру Головкину. Зажмурил глаза князь и подписал. Остерман снова отнекиваться стал, но и его заставили подпись поставить.

«Кондиции» были готовы.

Перенося русский престол из петровской ветви семьи Романовых в ивановскую ветвь, «верховники» рассчитывали ограничить самодержавие монарха, и им это вполне удалось.

Везти кондиции в Митаву Василий Лукич Долгорукий и Михаил Михайлович Голицын вызвались. Еще, по настоянию канцлера, припрягли к ним родственника Головкина — генерала Леонтьева. Остерман своих родственников включать в делега-

цию не просил, за неимением таковых в России...

Только к утру и управились с государственными делами. Потирая кулаком слипающиеся глаза, отправился князь Дмитрий Михайлович в залу, где собрались сенаторы, члены Синода и генералы.

— Надобно сегодня торжественное молебствие сотворить в честь новой матушки-императрицы! — сказал Феофан Прокопович, когда было объявлено об избрании Анны Иоанновны.

— Погодь маленько... — остудил его Голицын.

— Чего годить-то, ваше сиятельство?

— Отдохнуть надо малость... — зевая, ответил князь.

7.

Так и закончилась эта ночь, 19 января 1730 года.

Историческая ночь...

В два часа, крикнув: «Запрягайте сани! Хочу ехать к сестре!» — отбыл в неведомую страну последний по мужской линии наследник династии Романовых, внук Петра Великого, император Петр Второй. А к утру пало и русское самодержавие.

Казалось тогда, что пало оно навсегда...

И это не было лишь чьим-то субъективным ощущением. По сути дела династия Романовых пресеклась на нем. Те цари, что будут править в России далее — по женской линии титулы не передаются! — не совсем Романовы.

Или же совсем не Романовы. Степень их законности определялась даже и не степенью родства с династией или наличием романовской крови, а отношением к ним гвардейских полков. И легитимными эти государи были ровно настолько, насколько легитимны штыки поддержавших их полков.

Первой на русский трон была приглашена дочь царя Ивана Алексеевича, выданная в 1710 году за Фридриха-Вильгельма герцога Курляндского...

Она кондиции подписала, но уже 25 февраля получила челобитную от дворянства с просьбой «подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить» и — вот она предтеча гвардейских переворотов! — исполнила просьбу дворян. Попытка верховников ограничить самодержавие оказалась сорванной.

4 марта, к великой радости дворян, Верховный Тайный совет был распущен, а русские «верховники», составившие кондиции, или казнены, или сосланы в Сибирь. Вместо Верховного совета учредили Кабинет, и фактическим правителем России сделался любовник императрицы — Бирон.

После смерти императора Петра Второго, загубленного корыстными и тщеславными «птенцами гнезда Петрова», Россия вступила в мрачную эпоху Бироновщины...

Эпоха эта, составленная из правлений женщин и их любовников растянулась до конца восемнадцатого века, пока ее не сменила династия, основанная императором Павлом...

Понимали ли сыновья и внуки императора Павла мистическую, роковую зависимость династии от преступлений, совершенных против православия Алексеем Михайловичем, Петром Первым и женским поколением династии?

Несомненно...

Хотя по крови новых Романовых только с очень большой натяжкой можно было назвать Романовыми, приняв с императорской короной эту фамилию, они попыталась возродить ее, очистить династию от грехов прошлого, искупить совершенные Романовыми перед Богом и перед народом преступления...

Казалось, все силы зла обрушились тогда на Романовых.

Императора Павла задушили. Александра Второго взорвали. Николая Второго расстреляли вместе с сыном. Смерти трех других императоров — Александра Первого, Николая Первого, Александра Третьего — окружены загадками...

У истока династии, прошедшей путь от Ипатьевского монастыря до подвала дома Ипатьева в Екатеринбурге, стоял патриарх Филарет — отец царя Михаила Федоровича.

Внуком патриарха Филарета, царем Алексеем Михайловичем, был изгнан патриарх Никон. Правнуком — Петром Первым — отменено патриаршество вообще.

Восстановление патриаршества самым непосредственным образом связано с падением династии. Святителя Тихона избрали уже после отречения Романовых от престола.

Весь девятнадцатый век — это попытка Романовых исправить совершенные отцами династии ошибки. Подвиг последнего царя-мученика — вершина этих попыток и нравственное осуществление их.

Кажется, единственному из Романовых, Николаю Второму удалось подчинить свою личную жизнь нормам православной морали, и вот оно чудо! — единственный, восходит он в сонм благоверных князей...

Часть третья

ПЕРЕЛОМ

А патента на герб и дворянство не имею и не имел, понеже в Африке такого обыкновения нет.

А.П. Ганнибал

Глава первая

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ ИСТОРИИ

Свои несчастья всегда кажутся страшнее, чем несчастья других, свои трудности, свои проблемы — более серьезными и важными. Так уж устроен человек, такова его природа, и отчасти это свойство человека переносится и на отношения его к своей стране, своей Родине.

1.

Многие страны во второй половине минувшего тысячелетия пережили череду кровопролитных войн и бурные социальные катаклизмы.

Все так...

Но все же, и понимая это, трудно отделаться от ощущения, что России выпал особенно трудный жребий...

Да... Велики были жертвы и потрясения английской и французской революций. Кромвель и Робеспьер, добиваясь своих целей, проливали потоки английской и французской крови.

Но ведь делали они это не ради своих политических и общественных взглядов, а во имя Англии и Франции, добиваясь благоденствия и величия своих стран...

Кромвель не стыдился того, что он — англичанин.

Марат и Робеспьер не забывали, что они — французы...

Совсем другое у нас...

Главной отличительной чертой наших революционеров были не политические убеждения, не уровень образования, даже не национальная принадлежность, а исступленная ненависть к России.

И дело тут не только в национальности, а в том, что эти евреи и родственники евреев, латыши и грузины, в отличие от подавляющего большинства своих соплеменников, исступленно ненавидели Россию...

И чему же удивляться, что такими потоками крови, такими немыслимыми страданиями обернулась для русских людей революция, что в результате «социалистических преобразований» была уничтожена вначале русская интеллигенция, а потом и русское крестьянство?

Кромвель, Марат и Робеспьер совершали перевороты и проливали кровь, чтобы добиться благоденствия и величия Англии и Франции... Ленин и Троцкий проливали русскую кровь, чтобы уничтожить Россию, они и относились к русским людям, как к дровам, которые надобно использовать для того, чтобы развести костер мировой революции.

Сказанное справедливо не только по отношению к революции.

Если считать контрреволюцией то, что произошло в *нашей стране* в 1991—1993 годах, то оказывается, что у нас и спасительный откат назад, в отличие от той же Англии или Франции, делается не во имя спасения страны, а для окончательного уничтожения ее.

Сейчас модно искать разгадку особой несчастливости русской истории в проис-

ках масонов. Не вдаваясь в оценку этого фактора (а он, на наш взгляд, конечно же весьма важен!), зададимся вопросом: почему именно в России деятельность масонов имела такие сокрушительные последствия? Почему не в Германии, не во Франции, где и зародилось масонство?

Неужели все дело, как утверждают наши исследователи из патриотического лагеря, только в особой антиправославной направленности масонства?

Хотя эта мысль и приятна для национального самолюбия, но мне кажется, что нельзя недооценивать и влияние среды, которая в России была (и остается!) благоприятной для действия темных разрушительных сил.

Да... Можно проливать горькие слезы, можно выкрикивать бессильные проклятья темным силам, обрушившимся на нашу страну. Но гораздо важнее понять: а почему, в силу каких обстоятельств была ослаблена в нашей стране сопротивляемость злым силам?

Ведь без постижения этого, без восстановления иммунитета к антирусской политике — бессмысленны любые разговоры о масонстве, более того — они опасны, поскольку только запугивают русских людей, не предлагая никакого пути борьбы или хотя бы противостояния темным силам.

2.

Ответов на эти вопросы — увы! — не найти в бесчисленных книгах, посвященных разрушительной деятельности в России тайных (вообще-то они давно уже никакие не тайные!) сил.

Но вспомним еще раз слова Апостола Павла из Первого послания к коринфянам: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие; ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.

А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. *Все это происходило с ними, как образы,* а описано в наставление нам, достигшим последних веков...»

Вдумываясь в эти великие слова, понимаешь, что все ответы на наши вопросы даны самой русской историей, и, чтобы услышать их, достаточно лишь беспристрастно взглянуть на исторические события и персонажи, преодолевая собственную духовную лень и навязанные воспитанием и образованием стереотипы мышления...

Во второй части книги, рассказывая о церковной реформе, которой была подвергнута на Соборах 1656 и 1667 годов православная жизнь Руси, мы отметили, что тогда была укоренена в общественном сознании мысль, будто Русская православная церковь не вполне православна.

Народное православное сознание не смогло смириться с этой антирусской ложью и ответило на нее церковным расколом.

К сожалению, царь Алексей Михайлович не захотел исправить положение, а наоборот, он использовал его для продвижения на высшие посты в церковной иерархии воспитанных иезуитами выходцев из Украины, тем самым окончательно закрепив раскол и ложное представление о некоей ущербности и неполной православности прежней Русской церкви*.

---

* Отметим тут, что Романовы в дальнейшем всегда покровительствовали иезуитам. Считается, что после первого раздела Речи Посполитой под власть России перешли около 20 иезуитских организаций: 4 коллегии (коллегиума) — в Динабурге (Витебская губ.), Витебске, Полоцке и Орше; 2 резиденции — в Могилеве и Мстиславле и 14 миссий. И даже когда в 1773 году Иезуитский орден был уничтожен папой Климентом XIV, императрица Екатерина II отказалась признать буллу папы и разрешила иезуитам сохранить свою организацию и владения на территории России. Россия стала единственным государством, где иезуиты еще не были запрещены.

3.

Точно так же и сын Алексея Михайловича, Петр I...

«Петр I... — справедливо заметил А.С. Пушкин, — доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть более, чем Наполеон... Все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось».

Создавая флот и замащивая русскими костями петербургские болота, проигрывая и выигрывая сражения, строя и срывая азовские города, насаждая изучение точных наук и искореняя духовное образование, основывая новые мануфактуры и разоряя прежнее хозяйство, он еще и глумился над русскими обычаями, русскими привычками, русской культурой. При Петре I появился указ, по которому в монахи могли поступать только увечные и убогие люди. И это на Руси — в стране, где святые всегда были солью русской земли, лучшими людьми своего времени...

Петр I не остановился на этом...

Он превратил в невольников, обратил в рабство собственный народ...

Хотя о русском рабстве и говорится немало, но как-то редко задумываются, когда, собственно, началось закрепощение русского человека. Отсчет начинают обыкновенно вести с 1590 года, пренебрегая той очевидностью, что хозяева поместий в конце XVI — начале XVII века владели лишь частью труда крестьян, населяющих их поместья*. А подлинное закрепощение начинается при Романовых, и происходит оно именно тогда, когда в Европе начинается освобождение крестьянства.

«В его (Петра. — *Н.К.*) время в некоторых государствах западных крепостное состояние земледельцев уже не существовало — в других принимались меры для исправления этого зла, которое в России, к несчастию, ввелось с недавнего времени и было во всей силе, — писал М.А. Фонвизин. — Петр не обратил на это внимания и не только ничего не сделал для освобождения крепостных, но, поверстав их с полными кабальными холопами в первую ревизию, он усугубил еще тяготившее их рабство».

Забегая вперед, скажем, что немка Екатерина II окончательно закрепит статус России как рабовладельческой империи, где, в отличие от других стран, в рабстве оказался тот самый народ, который и создавал своим трудом и кровью эту империю.

Сопротивление, разумеется, было...

Была крестьянская война Пугачева, когда, как справедливо отметил А.С. Пушкин, «весь черный народ был за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противуположны».

Немке Екатерине удалось утопить в крови пугачевское восстание и, произведя некоторые реформы в административном управлении, утвердить незыблемость построенной ее предшественниками империи.

«Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России».

Эти слова сказаны А.С. Пушкиным о Екатерине II, но их можно отнести ко всем Романовым до Николая I, когда, по словам того же А.С. Пушкина, «политическая наша свобода» стала «неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего со-

* Нечто похожее, между прочим, происходило в колхозах во времена Сталина и Хрущева, когда колхозники были лишены паспортов и не могли вследствие этого самовольно переезжать из одной местности в другую...

Император Петр I
(с гравюры Леруа). 1810-е гг.

единяет все состояния против общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы».

Отметим тут и еще одну примечательную деталь, которую старательно обходят своим вниманием историки. Практически все народы Российской империи, кроме славян, при правлении Романовых сохранили свою свободу...

Случайность? Едва ли...

Скорее это последовательная и целенаправленная политика.

4.

Осуществлялась эта политика шаг за шагом, а начало было дано Петром, когда приблизилась к завершению Северная война.

10 апреля 1717 года в реестре дел, рассмотренных Петром Первым, записано: «О разделении войск по крестьянам сухопутных и рекрут морских, кроме гвардии и провианта».

Смысл реформы заключался в переводе армии на содержание жителей. Все местности империи были расписаны между полками.

Для определения реального числа налогоплательщиков производилась перепись. Вместо «двора» — (семьи) вводилась новая налоговая единица — «душа». Душой назывался мужчина любого (новорожденные тоже) возраста.

Отметим сразу, что это не просто новая терминология, а концепция политики, ставящей своей целью не только ввергнуть в крепостное состояние максимум населения, но и закабалить саму русскую душу.

Во второй части мы рассказали о борьбе Петра I с православием, о его стремлении искоренить русские обычаи и православную веру.

Поэтому, помимо решения чисто экономических задач, новая податная реформа должна была решить и некие мистические задачи. Русский народ, почитающий себя рабом Господним, поголовно записывался в рабство, и ему давался господин-дворянин с полномочиями, почти приравненными к Господним...

Не случайно согласно сенатскому указу, изданному в июле 1721 года, приказано было «детей протопоповских, и поповских, и диаконских и прочих церковных служителей... положить в сбор с прочими душами». Множество церковнослужителей было обращено тогда в крепостное состояние.

Не случайно так напоминала затеянная перепись завоевание страны чужеземцами. И это не метафора, а голая правда.

Кровью залита Петровская перепись русского народа в рабство. Бóльших жестокостей наша страна не знала и во времена татарских нашествий.

Генерал Чернышев пожаловался тогда Петру I, что правило прибегать к пытке только с разрешения царя связывает инициативу ревизоров, и Петр разрешил офицерам, производящим ревизию, истязать людей по собственному усмотрению. И засвистели кнуты, запахло паленым человеческим мясом... У непокорных рвали

ноздри, ссылали их на галеры «в вечную работу...»

Северную войну Петр I вел более двадцати лет. Войну с Россией он выиграл гораздо быстрее. Поступления в казну увеличились тогда в три раза. Важным для Петра I было и то, что размещение полков и наделение офицеров правом производить любые экзекуции над штатским населением резко сократило возможности какого-либо сопротивления*.

Народ в буквальном смысле был обращен в невольников.

«В обязанности владельцев платить подати за крестьян и рабов заключалось, по-видимому, только перемещение ответственности с крестьян на владельцев; но за сим перемещением скрывалось страшное разобщение крестьянина с государством... — сказано в монографии И.Д. Беляева «Крестьяне на Руси». — Между им и государством стал господин, и, таким образом, крестьянин сделался ответственным только перед господином: с него спали государственные непосредственные обязанности, а с тем вместе он утратил и все права как член государства, ибо в его положении, подготовленном прежним временем, права без обязанностей были невозможны».

Не это ли и ослабило национальный иммунитет? Таким образом Петру удалось нанести сокрушительный удар по национальному самосознанию. Порабощение и унижение Русской православной церкви; жесточайшие расправы над всеми, кто высказывал малейшее уважение к русской старине; злобное преследование русской одежды; окончательное закрепощение русских крестьян...

А в противовес — неумеренное, незаслуженное возвышение иноплеменного сброда, хлынувшего со всех сторон в Россию, обезьянье копирование заграничных манер и обычаев... Все это привело к тому, что в общественном сознании укрепилась мысль о предпочтительности всего иностранного, о бесконечной и дремучей отсталости всего русского. *Быть русским стало* не только не выгодно, но как бы и *не совсем культурно*...

И не это ли и создало в результате благоприятную для действия темных разрушительных сил среду?

Не здесь ли и кроется источник всех бед и трагедий России, пережитых ею на склоне второго тысячелетия?..

5.

Дело не в том, чтобы любить или ненавидеть Петра и его преемников... Надо просто понять, что любить Россию и любить при этом первых Романовых невозможно...

И дело тут не в наших личных вкусах и предпочтениях... Мы должны ясно и отчетливо осознать, что невозможно сделать для русского народа ничего хорошего, если ты не любишь Россию, ее обычаи, ее характеры, ее культуру...

Мысль обыкновенная и даже банальная, если говорить о любой другой стране, но в нашей стране, особенно в либерально-демократических кругах, она вызывает яростное сопротивление...

И в результате вся борьба нашей интеллигенции за свободу страны оборачивается или 1917 годом с его Лениным, Троцким и ЧК, или перестройкой с ее горбачевыми, ельциными и чубайсами...

Но — странно! — и в оппозиционном «демократам» лагере мысль о том, что невозможно сделать для русского народа ничего хорошего, если не любишь Россию, воспринимается только в приложении к настоящему, соотнести эту мысль с Петром I не получается и у патриотов.

Не это ли, говоря о восхвалении Екатерины II, имел в виду А.С. Пушкин?

«Современные иностранные писатели, — писал он, — осыпали Екатерину чрезмерными похвалами: очень естественно, — они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать.

Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; «Наказ» ее читали везде и на всех

---

* В результате петровских реформ народонаселение некоторых губерний убыло на 25—40%.

языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами; но, перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя воздержаться от праведного негодования. *Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне; он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна»* (выделено нами — *Н.К.*).

Нам тоже непонятна *подлость русских писателей*, утверждающих, дескать, хотя, конечно, Петр I и ненавидел русские обычаи и русскую культуру, но ведь он создал флот, он прорубил окно в Европу...

Но даже если и флот создал, и окно прорубил?

Россия, как это доказали Ленин с Троцким и Ельцин с Горбачевым, такая большая страна, что если даже приказать, чтобы все было плохо, что-то обязательно получится в результате очень хорошо...

Но если в результате ослабленным, разрушенным оказался сам национальный иммунитет, то зачем нужен тогда флот, зачем нужно окно в Европу? Только для того, чтобы поскорее подцепить смертельную болезнь?

Увы, так и оказалось...

«По смерти Петра I... — писал А.С. Пушкин, — связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины мало-помалу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русской кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр... Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе».

6.

Бояре Романовы поднялись к царскому трону вместе с сестрой Анастасией, ставшей женой Иоанна Грозного.

С той поры и до того момента, как с четырнадцатилетним, распахнувшим в морозную ночь окно императором Петром Вторым прервалась мужская линия наследования престола в династии Романовых, миновало двенадцать правлений.

Иоанн Грозный... Царь Федор Иоаннович... Борис Годунов... самозванец Лжедмитрий... Василий Шуйский... Михаил Романов... Алексей Михайлович... Федор Алексеевич... Царица Софья... Петр I... Екатерина I... Петр II...

Это герои первой и второй части нашей книги.

Впереди — Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна, Петр III, Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, Александр II, Александр III, Николай II. Оставалось одиннадцать правлений. Двенадцатым должно было стать правление Михаила, в пользу которого отрекся от трона Николай II.

С царя Михаила начиналось правление династии Романовых, Михаилом и заканчивалось. Вместо Михаила, как мы знаем, правило Временное правительство...

В Ипатьевском монастыре совершился ритуал приглашения на царство первого Романова, в Ипатьевском доме совершено ритуальное убийство последнего царя династии...

А еще, как темные ангелы, обрамляя царствование династии, возвышаются по ее краям фигуры двух Григориев — Отрепьева и Распутина...

Больше всего поражает в династии Романовых выстроенность ее по законам кристаллической симметрии. Это как бы некий кристалл, в котором заключена судьба России...

Ось его проходит через правление Петра II. И не только потому, что Петр II — последний прямой наследник русского престола по мужской линии. Позади Петра II — правления, в которых Романовы, независимо от того, прорывались они к верховной власти или осуществляли эту власть, отличались удивительной энергетикой или, как принято говорить сейчас, пассионарностью.

Впереди — правления еще одиннадцати Романовых, не совсем Романовых и совсем не Романовых, правивших под фамилией Романовых... Жестокость и деспотизм можно обнаружить и в этих самодержцах, но присущей первым Романовым пассионарности в них уже нет.

Так и возникает кристаллическая симметрия...

Вблизи оси этого магического кристалла русской истории выделяются правления двух романовских пар.

С одной стороны — правление Петра I и Екатерины I... С другой — Петра III и Екатерины II.

Как будто для увеличения наглядности все меняется, как в зеркальном отражении. Сильный и энергичный Петр I и абсолютно безвольный Петр III. Достаточно слабая и бесцветная как правительница Екатерина I и волевая, решительная Екатерина II. Даже титул Великий, по законам зеркального отражения, переходит от Петра I к Екатерине II.

Подобные зеркальные отражения можно обнаружить и удаляясь от оси, но существенно даже не это.

Лжесвидетельства, предательства, святотатство — все эти деяния, столь характерные для первых Романовых, отражаясь в последних царствованиях, меняют свой знак, приобретают противоположные качества.

Происходит нравственное преображение Романовых.

Если свойственные первым Романовым негативные качества и проявляются, то все более и более вяло, пока не исчезают совершенно. Последним Романовым удается преодолеть все своеволия, заменив их необходимостью исполнения своего долга.

И, разумеется, это не может быть случайным совпадением...

7.

Такие пассионарные Романовы, как Филарет, дерзко переступали через нравственные нормы и Божии заповеди, а Петр I и вообще, сбросив с себя облачение русского царя, окончательно разорвал тот договор, что существует между царем, как помазанником Божиим, и народом...

Одиннадцать правлений Романовых, не совсем Романовых и совсем не Романовых, следующих за Петром II, при всем различии их, отмечены тем не менее стремлением восстановить разорванный Петром I договор...

Если рассуждать формально, Александр III по составу своей крови был менее русским, нежели все остальные русские императоры. И вместе с тем едва ли мы найдем среди его предшественников более русского царя...

Александр III даже в манерах, даже в привычках своих был более русским, чем все остальные русские императоры.

Исключение составляет только его сын — император Николай II.

Но он — явление совсем уже необычное.

Это первый и единственный русский император, ставший Святым...

И он, и его семья тоже заключены в тот магический кристалл русской истории, который называется правлением династии Романовых...

Глава вторая

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПОПЫТКА

19 января 1730 года, ночью, умер последний в роде Романовых прямой наследник русского престола — император Петр II... Несколько недель разделяют эту ночь с 25-м числом февраля, когда племянница Петра I императрица Анна Иоанновна разорвет листки кондиций...

Говорят, что творец первой российской Конституции, князь Дмитрий Михайлович Голицын, сказал тогда: «Пир был готов, но

званные оказались недостойными его; я знаю, что паду жертвой неудачи этого дела; так и быть, пострадаю за отечество; мне уже и без того остается недолго жить; но те, кто заставляют меня плакать, будут плакать дольше моего».

Более всего поражает в этих словах князя соединение достаточно точного предвидения с удивительной близорукостью по отношению к событиям, участником которых был сам.

Насчет горьких слез, которые предстоит пролить и тем, кто препятствовал, и тем, кто помогал Анне Иоанновне установить самодержавное правление, угадано верно. А вот с утверждением о готовности пира можно и поспорить.

Увы...

За те тридцать пять дней, что жила Российская империя без императора, никакого конституционного пира приготовить не удалось, и не могло удасться.

И продукты требовались для этого другие, и повара...

Поскольку заблуждение князя Д.М. Голицына и сейчас еще разделяют многие историки, напомним, как развивались события, когда под утро, составив черновой вариант кондиций, члены Верховного тайного совета разошлись отдохнуть...

В десять часов утра в Кремлевском дворце были собраны Синод, Сенат и генералитет. На этом собрании Д.М. Голицын объявил об избрании на престол Анны Иоанновны.

Сообщение ошарашило сановников. Во-первых, странно было для «птенцов гнезда Петрова», что русский престол переносится в старшую ветвь потомков царя Ивана, а, во-вторых, о кандидатуре Анны Иоанновны на русский престол всерьез никто и не думал...

1.

Средняя дочь царя Иоанна Алексеевича* и Прасковьи Федоровны Салтыковой,

Императрица Анна Иоанновна.
Портрет работы Г. Бухгольца. Сер. XVIII в.

будущая императрица Анна Иоанновна родилась 28 января 1693 года.

Старше ее была сестра — Екатерина Иоанновна, ставшая герцогиней Мекленбургской и бабушкой императора Ивана Антоновича*.

Анне было всего три года, когда умер отец, и ее с матерью и сестрами взял под покровительство дядя — Петр I. Царице Прасковье Федоровне, набожной по воспитанию, пришлось теперь делить время между церковными службами и театральными зрелищами, паломничествами и ассамблеями.

Для житья царицы с дочерями был отведен Измайловский дворец.

«За царевнами, — как пишет М. Семевский, — ухаживало множество мамушек и

* Иоанн (Иван) V, старший брат и соправитель Петра I в 1682—1696 годах. *(Прим. ред.)*.

* Младшая сестра Анны — царевна Прасковья Иоанновна *(Прим. ред.)*.

нянек; они гуляли с ними в тенистых садах, посещали хозяйственные заведения, стеклянный завод, славный своими изделиями; молились по церквам, забавлялись на прудах, которых насчитывалось до двадцати. Царевны пускали туда щук и стерлядей с золотыми сережками и сзывали рыб на корм по колокольчику. Подрастая, они привыкали в теремах своих к шитью и вышиванию шелком и золотом, но рукоделье не далось им; по крайней мере, нет известий, чтоб какая-нибудь из трех сестер сделалась искусницей в этом деле».

Эта идиллическая жизнь соседствовала, однако, с правлением Петра I, многие события которого происходили в непосредственной близости от семейства царя Ивана.

Казни стрельцов и опала, обрушившаяся на царских сестер из Милославской ветви семьи, сделали царицу Прасковью осторожною, почти боязливой. Чтобы угодить Петру, она прервала отношения с опальными родственницами. Имея возможность навещать заключенную царевну Софью, Прасковья старательно уклонялась от этих свиданий.

Впрочем, не только угодливостью своей близка Петру I оказалась царица Прасковья...

* * *

Пробило семь часов, когда царица подъехала к Тайной канцелярии и велела нести себя в подвалы, где содержали заключенных.

Раздавая милостыню в палате, наполненной раскольниками, царица с участием спросила:

— А где мой служитель, Василий Деревнин? Я хочу и ему дать милостыньку.

Колодники поспешили указать милостивой царице камеру.

— А, так ты вот где, гость! — заговорила, входя туда, царица. — Хотела я тебе милостыню дать, да не за что — пакости ты много мне наделал! Какое ты письмо на меня подал, где взял, куда девал?

— Нашел я его, государыня, на дворе у Василья Федоровича Салтыкова.

— На дворе, говоришь? — царица взмахнула тяжелой тростью и ударила Василия. — А дел куда?

От этой беседы царицу отвлек паж Воейков.

— Царевна Екатерина Ивановна ездила по твоему, государыня, приказу к Бутурлину. Иван Иванович обещал отдать Деревнина.

— Ступай опять к царевне, пусть попросит отдать мне Деревнина немедля; я буду ждать здесь...

Воейков убежал, а милостивая государыня вновь соизволила взяться за трость, и новые удары покрыли «плоть, лицо и спину» бывшего ее стряпчего.

Когда царица маленько притомилась, она велела нести ее в передние палаты и туда же вести заключенного.

— Ирода этого тоже туда ведите! — приказала она.

— Помилуй, благоверная государыня, — взмолился каптенармус Бобровский, — мне по артикулу — великий страх! Воля твоя, государыня, как изволишь, а я из-под караула его не отдам...

Нетерпеливая царица прикрикнула на служителей, и те отшвырнули Бобровского от двери.

— Запирай, замыкай дверь на выход, не выпускать колодника! — закричал каптенармус солдатам.

— Как ты смеешь не пускать меня? — изумилась Прасковья. — Что ж, ты за караулом будешь держать царицу?

— Я тебя, благоверная государыня, за караулом не держу, а колодника из канцелярии, как изволишь, не отдам, потому, по артикулу, мне страх немалый.

Процессия должна была остановиться. В негодовании Прасковья опустилась на скамью; к ней подвели трепещущего Деревнина.

— Обыщите его хорошенько, — приказывала Прасковья. — Поглядите, нет ли при нем ножа?

Ножа не нашли; но отыскался мешочек с деньгами: служители немедля вытрясли их в свои карманы.

— Всемилостивейшая государыня, — взмолился Деревнин, — грабят меня, деньги у меня выняли, я детище небогатый.

— Это я приказала взять у тебя деньги, — «успокоила» его царица. — Для чего ты не говоришь, где ты письмо взял?

И «мало помешкав, соизволила собственною ручкою и тростью бить стряпчего по плоти и по лицу многократно».

Скоро лицо несчастного покрылось ссадинами и ранами, по щекам заструилась кровь, но картина эта не смягчила гневную царицу.

— Жгите свечами лицо его, — приказала она. — Да бороду, бороду-то ему выжги!

Стряпчий попробовал было задуть свечку, но ему загнули назад голову, истопник Пятилет принялся жечь лицо, а швед Карлус занялся выжиганием бороды.

— Государыня, смилуйся и помилуй! — подьячий Тайной канцелярии Григорий Павлов упал в ноги Прасковьи, — повели не чинить жжение Деревнина, за ним дело есть государево, мы будем за него в ответе!

— Гони его прочь, — скомандовала царица, — да снимите со злодея моего рубашку!

Павлова оттолкнули. Деревнину оголили спину. Конюх Аксен, по приказу царицы, явился с кульком, в котором вместо милостыни были приготовлены кнутья.

Посреди палаты стоял, между прочим, деревянный козел; на него обратила внимание царица и приказала взволочить на козел обожженного Деревнина.

Тут в подземелье, в сопровождении пажа Воейкова, появилась царевна Екатерина Иоанновна. Картина зверской пытки не особенно взволновала молодую девушку. Спокойно взглянула она на растянутого за руки и за ноги обнаженного Деревнина и направилась к матери, которая с побагровевшим лицом и сверкающими глазами сидела на скамье.

Государыня тем временем снова взялась за трость, а, уставши, поручила Пятилету да Карлусу облить несчастного крепкой водкой и поджечь. От окончательной гибели Деревнина спасла только рачительность подручных царицы, у которых уже было замышлено, куда употребить водку, и потому расходовавших ее очень экономно.

* * *

Почему мы так подробно рассказали о пытке над Василием Деревниным, которую устроила царица Прасковья Федоровна и за которой спокойно наблюдала ее дочь, будущая герцогиня Мекленбургская, Екатерина Иоанновна. Потому что этот пыточный подвал тоже, как и пруды, населенные стерлядками с золотыми сережками, часть обстановки, в которой росла русская императрица Анна Иоанновна.

Необходимость прилаживаться, угождать, обманывать повлияла на будущую императрицу. Детство ее, как отмечают исследователи, прошло в условиях, при которых невозможно окрепнуть воле, нельзя выработаться характеру.

Обучалась она, кажется, только русской грамоте и немецкому языку. Учитель французского языка и танцев оказался негодным преподавателем, да к тому же и французского языка, похоже, не знал. Ничего хорошего из его уроков не вышло.

Зато немецкий язык Анне Иоанновне преподавал Иоган Христофор Дитрих Остерман, старший брат будущего кабинет-министра Российской империи. Был этот Остерман, как утверждают современники, величайшим глупцом, что не мешало ему считать себя человеком с большими способностями, вследствие чего он любил говорить загадками...

Одна из загадок была предложена им русской истории...

Это он представил царице Прасковье своего умного младшего брата Генриха Иоганна Фридриха Остермана.

— Как тебя зовут? — спросила Прасковья.

— Генрих! — отвечал бойкий немец. — Сын Ивана.

— Коли так... — сказала царица. — Ты и должен называться Андреем Ивановичем.

Так и был «крещен» будущий кабинет-министр.

Знакомство с Остерманами, пожалуй, самое полезное, что вынесла будущая императрица из своего обучения.

Впрочем, тогда она этого еще не знала.

Как не знала и сестра Анны, Екатерина, разглядывая обезумевшего от боли Василия Деревнина, что в таком же вот подвале, только не в Москве, а в Шлиссельбурге, закончит свою несчастную жизнь и ее внук — будущий русский император Иван Антонович...

2.

Семнадцати лет от роду Анна Иоанновна была выдана замуж за своего сверстника, племянника прусского короля, курляндского герцога Фридриха Вильгельма.

Об этом браке Петр I договорился с прусским королем в Мариенвердере еще в 1709 году. 10 июня 1710 года был заключен брачный договор, а 31 октября в Петербурге сыграли свадьбу.

Обряд венчания был совершен в полотняной походной церкви, поставленной во дворце князя Меншикова. Невеста была в белой бархатной робе, с золотыми городками и длинной мантией из золотого бархата, подбитой горностаем. На голове ее красовалась королевская корона. Жених был в белом, затканном золотом кафтане.

Здесь же во дворце был устроен и обед. Новобрачные сидели за свадебным столом под лавровыми венками... Тост сменялся тостом, и каждый сопровождался залпом пушек на плацу и на царской яхте «Лизета», стоящей на Неве под окнами дворца. Петр I был очень весел на этой свадьбе; в третьем часу пополуночи, когда прекратился бал, он сам повел в спальню молодого герцога.

На другой день Петр угостил молодых громадными пирогами. Когда пироги вскрыли, изнутри выскочили две разряженные карлицы. Петр отнес их на свадебный стол, и здесь карлицы исполнили менуэт.

Снова произносились тосты, снова палили пушки, а когда стемнело, на Неве зажгли фейерверк. Огненной потехой распоряжался сам государь, и — зловещее предзнаменование! — едва не поплатился за неосторожное обращение с огнем...

Несколько недель Петр I развлекал Фридриха то фейерверками, то пальбой, то катаньем в обществе дам, то гулянками. Герцог тут обнаружил несомненный талант — пил до невозможности, и 10 декабря 1710 года едва не погиб — наводнение чуть было не унесло дом, где лежал в пьяном беспамятстве курляндский жених.

Столь необыкновенное радушие Петра объяснялось тем, что Курляндия была тогда театром военных действий, и Петру представлялось весьма выгодным заплатить за ее приобретение всего 200 000 рублей приданого*...

Петру I редко удавались политические комбинации. Брак племянницы представлялся исключением, и этим, по-видимому, и объяснялось хорошее настроение императора.

Петр не знал, что в дальнейшем к 200 000 рублей России за этот брак придется доплатить еще и десятью годами бироновщины...

Не принес счастья этот брак и Анне Иоанновне. Когда в январе закончились растянувшиеся на два месяца свадебные торжества и молодым дозволили отбыть в Митаву, они смогли проехать всего сорок верст. 9 января юный герцог умер на мызе Дудергоф в сорока верстах от Петербурга. Считается, что он не рассчитал сил в петербургских баталиях с Бахусом...

Заливаясь слезами, семнадцатилетняя вдова вернулась к матери, но Петр I потребовал, чтобы она ехала в Митаву и жила там, окружив себя немцами.

«Государыня моя тетушка и матушка, царица Екатерина Алексеевна! — писала юная вдова из Митавы. — Сего числа приехал сюда из Петербурга посланный человек, а письма ко мне от государыни моей матушки не привез никакого... Прошу, матушка моя, на меня не прогневаться, что я ваше величество утруждаю моими письма-

* 160 тысяч рублей из этой суммы пошли на выкуп заложенных имений герцога.

ми. Ей, ей, матушка моя, дорогая тетушка! кроме Бога и дядюшки и тебя, свет мой, не имею на свете радости в моих печалях».

«Государыня моя тетушка и матушка, царица Екатерина Алексеевна!.. Вашего величества за милостивое писание, свет мой, государыня тетушка, всепокорно благодарствую, в котором изволили меня милостиво обнадежить. Во всем отдаю себя в милостивую вашу, государыня матушка-тетушка, волю, чтоб больше от них не была опечалена, и всепокорно прошу, матушка моя, дорогая тетушка, нас сирых содержать не в отменной вашей милостивой материнской протекции».

«Государыня моя тетушка, матушка царица Екатерина Алексеевна!.. Пред сим просила я у вашего величества, государыня тетушка-матушка, что посол польский ищет у министров вашего величества, чтоб меня отселя отозвать и впредь сюда не ездить. Того ради паки прошу у вашего величества, государыня матушка-тетушка, показать ко мне вашего величества высокую милость и попросить милости милостиваго государя дядюшки и батюшки, чтоб до такой печали меня допустить не приказал. А я здесь больше ни от кого ничего не требовала и не требую, как питаюсь по вашей милости от данных мне деревень; и драгун больше роты я здесь не требую, которых на своем провианте держать буду. Вашему величеству, государыня тетушка-матушка, известно, какие мне там есть злодеи, которые меня до смерти сокрушить могут. Прошу, матушка моя, слезно милости до того меня бедную не допустить».

«Всемилостивейшая государыня матушка-тетушка! Вашего величества писание получила о кончине государыни матушки моей, и что я не видала ея, государыни матушки, кончины, которая печаль весьма меня болезненно опечалила, по только моего разсуждения в надежде на милость государя батюшки-дядюшки и вашего величества государыни матушки-тетушки. И всепокорно прошу вашего величества государыни матушки-тетушки не оставить меня в прежней вашего величества неотменной милости, в которой милости остаюся с надеждою до моей смерти».

«Всемилостивейший государь батюшка-дядюшка! — писала она Петру Первому. — Известно вашему величеству, что я в Митаву с собою ничего не привезла, а в Митаве ничего ж не получила и стояла в пустом мещанском дворе; того ради что надлежит в хоромы, до двора, поварни, кареты и лошади и прочее, все покупано и делано вновь.

А приход мой с данных мне в 1716 году деревень деньгами и припасами — всего 12 680 талеров; из того числа в расходе в год по самой крайней нужде к столу, поварне, конюшне, на жалование и на либирею* служителям, и на содержание драгунской роты — всего 12 254 талера, а в остатке только 426 талеров.

И таким остатком как себя платьем, бельем, кружевами и по возможности алмазами и серебром, лашадьми, так и прочим в новом и пустом дворе, не только по моей чести, но и против прежних курляндских вдовствующих герцогинь — весьма содержать себя не могу. Также и партикулярный шляхетския жены ювели и прочие уборы имеют неубогие, из чего мне в здешних краях не безподозрительно есть.

И хотя я по милости вашего величества пожалованными мне в прошлом 1721 году деньгами и управила некоторые самые нужные домовые и на себя уборы; однако еще имею на себе долгу за крест и складень бриллиантовый, за серебро и за убор камор и за нынешнее черное платье 10 000 талеров, которых мне ни по которому образу заплатить невозможно. И впредь дня всегдашних нужных потреб принуждена в долг больше входить, а не имея чем платить, и кредиту нигде не буду иметь.

А ныне есть в Курляндии выкупныя ампты, за которыя из казны вашего вели-

* Вероятно, «ливрею». *(Прим. ред.).*

чества заплачено 87 370 талеров, которыя по контрактам отданы от 1722 года июля месяца в аренду за 14 612 талеров в год и имеют окупиться в шесть лет.

Я всепокорнейше прошу ваше величество сотворить со мною милость: на оплату вышеписанных долгов и на исправление домовых нужд пожаловать вышеписанныя выкупныя ампты мне в диспозицию на десять лет, в которые годы я в казну вашего величества заплачу все выданныя за них деньги погодно; а мне будет на вышеписанныя мои нужды оставаться 5 875 таперов на год».

Увы...

И эти письма не поясняют, зачем Петру I надобно было поселять племянницу в Митаве и окружать ее немцами. Известно, что Петр I планировал перевести в Митаву и царицу Прасковью, но зачем надо было ему размещать там семью покойного брата, не объяснил, и это до сих пор остается загадкой, как, например, и посольство к пиратам Мадагаскара, которое

Граф Мориц Саксонский. Портрет работы М.К. де ла Тура.. 1748 г.

он приказал снарядить незадолго до своей кончины.

Хотя, если вспомнить об отношении Петра I к русским обычаям, к русскому характеру, к русской культуре, хотя, если вспомнить, что, не любя все русское, Петр I и на немцев, приглашенных на службу, не вполне мог положиться, то становится понятно, что ему хотелось обзавестись *своими, родными* немцами... Решение Петра I вырастить из молоденькой племянницы-вдовы немку вполне вписывалось в его проекты.

Логика эта была безумной, но столько сил и энергии вкладывал Петр I в свои проекты, что иногда и оживали франкенштейны его больных фантазий...

Анна Иоанновна повеление дяди исполнила и два десятка лет прожила в Митаве, утешаясь в объятиях Михаила Бестужева-Рюмина, назначенного Петром Первым гофмейстером к ее двору.

Как утверждают историки, ее ум и сердце не были облагорожены воспитанием и образованием и с молодых лет не получили должного направления... Митавский разврат окончательно изуродовал характер будущей императрицы.

Слабым лучиком в этой тусклой и безрадостной жизни вспыхнули надежды на замужество с Морицем Саксонским, побочным сыном польского короля Августа II.

Анна Иоанновна успела даже влюбиться в графа Саксонского, однако светлейшему князю Меншикову вздумалось прибрать к рукам герцогство Курляндское, и он сам надумал жениться на бедной вдове. Планам этим не суждено было сбыться, но и намечавшийся брак Анны Иоанновны с графом Морицем оказался расстроенным.

Анне Иоанновне шел уже тридцать четвертый год, и теперь ей оставалось искать утешения только у своего нового фаворита — Эрнста Иоганна Бирона.

Полуголая, нечесаная, она валялась целыми днями на медвежьих шкурах. Говорили, что вместо воды для умывания она смазывает себя растопленным маслом...

3.

И вот теперь эта женщина по решению верховников должна была занять русский престол...

С этой новостью собрание, не заметив, проглотило бы и известие об ограничении самодержавной власти, но о кондициях Д.М. Голицын не сказал ни слова. И не мог сказать... Уже после собрания члены Верховного тайного совета занялись дополнением и редактированием пунктов, ограничивающих права будущей императрицы...

Эти пункты и повезли в Митаву представители верховников — Василий Лукич Долгорукий, Михаил Михайлович Голицын и генерал Леонтьев.

Все делалось втайне от Сената, Синода, генералитета, и, разумеется, были предприняты меры, чтобы московские события остались тайной и для императрицы. Дабы никаких известий помимо тех, которые привезет из Москвы делегация верховников, не попало в Митаву, на дорогах расставили заставы.

Это чрезвычайно важно.

Вводя ограничения самодержавной власти, верховники обманывали синодалов, сенаторов и генералов, которые должны были думать, будто кондиции дарованы самой императрицей. Собирались они обмануть и императрицу, которой заявили, что кондиции — требования всего народа России...

Некоторые исследователи полагают, что верховники сомневались в способностях Сената и Синода воспринять конституционные идеи, и называют это неверие ошибкой Голицына.

Насчет способностей — вопрос непростой, но то, что Голицын никакой ошибки не совершил, очевидно.

Какая тут может быть ошибка? Ведь если даже мы и называем кондиции — конституцией, то все равно необходимо уточнить, что это *тайная Конституция*.

Кондиции следует считать *тайной Конституцией* не только по способу введения, но и по сути. Все пункты их были известны только самим верховникам. И это не случайный просчет, а та основа, которую закладывали они в свою реформу. Кондиции должны были закрепить власть в стране в их руках, и никакая другая Конституция, как это доказала потом борьба верховников с «шляхетскими» инициативами, им была не нужна...

Провозглашая ограничение самодержавной тирании, кондиции ограничивали проявления тирании только по отношению к верховникам и открывали простор для их собственной тирании, делая власть Верховного тайного совета беспредельной.

На *провозглашаемый* вариант могли купиться исследователи типа П.Н. Милюкова, но современники не хуже реформаторов знали, какой вариант будет *осуществлен*, и понимали, что за стремлением верховников «себя полегчить» стоит лишь стремление вывести из-под контроля собственную власть, и более ничего.

Борьбу с «кондиционной» конституцией противники верховников повели в полном соответствии с обычаями эпохи.

Мы уже упоминали, что в выработке кондиций участвовал и «крестник» царицы Прасковьи, Андрей Иванович Остерман. Загадочно, почему, принуждая Остермана подписаться, верховники не вспомнили о его старинном знакомстве с будущей императрицей. И это тем более важно, что прежде всего Андрею Ивановичу Остерману и обязаны верховники крушением своих реформаторских планов и своих судеб.

Едва ли не сразу после оглашения известия об избрании на престол Анны Иоанновны А.И. Остерман возглавил оппозиционную реформаторам партию «самодержавников». Он совершенно справедливо рассчитал, что ограничение самодержавия Романовых не послужит для укрепления австрийского влияния в России, а притеснение Анны Иоанновны может обернуться и его, Остермана, притеснением...

Немедленно были снаряжены гонцы в Митаву, чтобы раскрыть обман, а в самой Москве выходец из иезуитов, архиепископ Феофан Прокопович, который, по словам Г. Флоровского, «всегда писал точно проданным пером», развернул активную агитационную кампанию по дискредитации верховников...

В отличие от снаряженных оппозиционерами русских гонцов (полковник П.С. Сумароков), немецкие вести Остермана благополучно достигли Митавы, и хотя Анна Иоанновна подписала кондиции, она уже уяснила себе, что верховники блефуют и на самом деле она избрана на царство без всяких ограничений своей власти.

Это и определило дальнейший ход событий...

4.

Между тем поначалу верховники могли торжествовать победу.

1 февраля в Москву вернулся генерал Леонтьев. Он привез из Митавы подписанные Анной Иоанновной кондиции и закованного в цепи гонца оппозиционеров полковника П.С. Сумарокова, которого удалось перехватить еще до его свидания с императрицей. Все шло по плану, и 2 февраля верховники собрали Сенат, Синод и генералитет, чтобы утвердить кондиции.

Тут произошел первый сбой — предложенный Верховным советом протокол так и остался не подписанным. Однако и это не остановило реформаторов. «Сего настоящего февраля 2-го дня получили мы с нашею и всего общества неописанною радостию ваше милостивейшее к нам письмо от 28-го минувшего генваря и сочиненные в общую пользу государственные пункты... — сообщили они в депеше Анне Иоанновне, — и того же дня оные при собрании Синоду, Сенату и генералитету оригинально объявлены и прочтены и подписаны от всех».

Параллельно с этим, верховники провели аресты оппозиционеров, на которых показал взятый на пытку полковник П.С. Сумароков.

Оппозиция тоже собирала силы, готовясь к контратаке.

Уже вечером 2 февраля в доме сенатора Василия Яковлевича Новосильцева прошло собрание шляхетства, на котором вырабатывалась стратегия ответного удара.

Василий Никитич Татищев предложил проект, по которому Верховный совет должен был быть распущен, ибо он действовал, скрывая свои планы от Синода, Сената и генералитета.

«А понеже, что они закон самовольно себе похитили... нам должно и необходимо нужно с прилежностью рассмотреть и потому представить, что к пользе государство надлежит, и оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснеть, а паче опасаться, что они, если видя нас в оплошности, на больший беспорядок не дерзнули».

Под этим проектом поставили свои подписи 249 офицеров.

Это была реальная сила. Значительная часть офицеров гвардии, не отвергая в принципе ограничения самодержавия, открыто выступили за смену Верховного тайного совета.

Под давлением этого крыла оппозиции верховники вынуждены были искать компромисс, но какой компромисс возможен на основе той лжи и тайны, что и составляла существо предлагаемых реформ? Положение усугублялось цейтнотом, в который попали реформаторы. 10 февраля Анна Иоанновна остановилась во Всесвятском под Москвой.

По справедливому замечанию В.О. Ключевского, новая императрица привезла в Россию только злой и малообразованный ум да ожесточенную жажду запоздалых удовольствий и грубых развлечений...

Она не способна была — и на этом тоже строился расчет верховников! — самостоятельно повести борьбу за власть. И для того и опекал императрицу Василий Лукич Долгорукий, чтобы не допустить к ней нежелательных советников.

Но тут верховники просчитались.

Андрей Иванович Остерман сумел установить связь с государыней по дамской линии. Направляемая этим опытным политиканом, Анна Иоанновна и совершила первые шаги в борьбе за власть.

Когда Преображенский полк и кавалергарды явились приветствовать новую императрицу, она объявила себя полковником

преображенцев и капитаном кавалергардов. Это было нарушением прямо оговоренного в кондициях пункта, по которому Анна Иоанновна не могла назначать начальствующих в войске лиц, но верховники не дерзнули принять вызов.

14 февраля 1730 года министры, сенаторы, представители генералитета и дворянства прибыли во Всесвятское, чтобы представиться новой императрице.

«Благочестивая и всемилостивейшая государыня! — обратился к Анне Иоанновне князь Дмитрий Михайлович Голицын. — Мы — всенижайшие и верные подданные Вашего Величества, члены российского Верховного совета, вместе с генералитетом и российским шляхетством, признавая Тебя источником славы и величия России, являемся вручить Тебе Твой орден Святого Андрея, первейший и самый почетный, а также и орден Святого Александра Невского, установленный императором Петром I по случаю славного мира с могущественным государством шведским, дабы Ты своевременно носила каждый из них и жаловала бы ими тех, кого признаешь достойными...»

— Ах да, — сказала Анна Иоанновна. — Я забыла надеть их!

И непонятно было, то ли по глупости она сказала так, то ли хотела показать, насколько мало нуждается в милостях верховников.

— Мы благодарим Тебя за то, что Ты соблаговолила принять *наше избрание Твоей особы* Всемилостивейшей императрицей для царствования над нами... — с нажимом сказал Голицын, и в его словах зазвучали угрожающие нотки. — Благодарим Тебя за то, что Ты удостоила *принять из наших рук корону* и возвратиться в отечество; с не меньшей признательностью благодарим мы Тебя и за то, что *Ты соизволила подписать кондиции, которые нашим именем предложили Тебе* наши депутаты на славу Тебе и на благо Твоему народу».

Дмитрий Михайлович Голицын умолк, наступила тишина, все ждали ответа императрицы.

Рослая и тучная, с мужеподобным лицом стояла она посреди залы. Отвергнет она претензии Голицына или признает их? От этого теперь зависело все...

Анна Иоанновна поступила, как присоветовал Остерман.

— Дмитрий Михайлович и вы, прочие господа из генералитета и шляхетства! — сказала она. — Да будет вам известно, что *я смотрю на избрание меня* вами Вашей *Императрицей как на выражение преданности, которую вы имеете ко мне лично и к памяти моего покойного родителя*.

Это был мастерский ход.

Напомнив, что она является дочерью старшего брата Петра, Анна Иоанновна превращала свое избрание в единственно возможный по закону акт. Она занимала трон как представительница старшей ветви царского дома. Не бедная курляндская вдова, облагодетельствованная верховниками, стояла сейчас перед министрами, сенаторами и генералами, а государыня более законная, чем Екатерина I, и даже Петр II.

— Я постараюсь поступать так, что все будут мною довольны... — продолжала свою речь императрица. — *Согласно вашему желанию я подписала в Митаве кондиции*, о которых упомянул ты, Дмитрий Михайлович, и вы можете быть убеждены, что я их свято буду хранить до конца моей жизни в надежде, в которой я и ныне пребываю, что и вы никогда не преступите границ вашего долга и верности в отношении меня и отечества, коего благо должно составлять единственную цель наших забот и трудов.

Этими словами императрица не только отвергала претензии верховников на ее благодарность, как «бедной вдовы», но и прямо угрожала им. Впервые открыто было объявлено, что вопреки прежним утверждениям верховников, кондиции, которые подписала она, подписаны *согласно их требованию*.

На следующий день, охраняемая кавалергардами, капитаном которых она объявила себя, Анна Иоанновна въехала в Москву.

Как утверждали современники, она и выглядела уже иначе, чем по прибытии из Митавы. Изящнее сделались руки, прелестнее глаза, величественнее фигура. Красивой Анну Иоанновну пока не решались назвать, но очарование испытывали уже многие...

Верховники планировали тайно ввести в России конституцию. Реальная власть тоже утекла из их рук как-то непонятно и тайно для них.

18 февраля Верховный тайный совет обсудил и утвердил форму присяги новой государыне. В текст (кондиции еще действовали) включили формулу о верности государыне и Верховному тайному совету, но, когда в день присяги, 20 февраля, Феофан Прокопович потребовал, чтобы ему дали текст для предварительного ознакомления, оказалось, что эта формула неведомо когда изменилась и упоминания Совета там нет...

Любопытно, что 20 февраля, окончательно подрывая свою власть, гвардейские полки к присяге Анне Иоанновне приводили сами реформаторы, командиры этих полков, фельдмаршалы Долгорукий и Голицын...

5.

Через пять дней наступил финал.

25 февраля 1730 года во дворце собрались представители трех партий: верховники-реформаторы; шляхетские конституционалисты, поддерживавшие ограничение самодержавия, но выступавшие против Верховного тайного совета, и самодержавники во главе с Остерманом, поддерживаемые офицерами гвардии...

Андрею Ивановичу Остерману накануне удалось провести блистательную интригу. Напугав конституционалистов-шляхтичей арестами, которые якобы собираются провести верховники, он привлек их на сторону своей партии.

Н.И. Костомаров так описывает сцену краха конституционных надежд.

Утром 25 февраля явилась во дворец толпа шляхетства. По одним известиям, число явившихся простиралось до восьмисот человек, по другим — до ста пятидесяти. На челе их был князь Алексей Михайлович Черкасский. Он подал государыне челобитную (по другому известию, челобитную прочитал Татищев); в ней изъявлялась благодарность за высокую милость ко всему государству, выраженную в подписанных ею пунктах, а далее сообщалось, что «в некоторых обстоятельствах тех пунктов находятся сумнительства такие, что большая часть народа состоит в страхе предбудущаго беспокойства, хотя они, с благоразсудным рассмотрением, написав свои мнения, представляли верховному тайному совету, прося безопасную государственного правления форму учредить; однако ж об этом не разсуждено, а от многих и мнений подписанных не принято и объявлено, что без воли императорского величества того учинить невозможно».

Челобитчики просили, «дабы всемилостивейше, по поданным от нас и от прочих мнениям, соизволили собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два из фамилий: рассмотреть, а все обстоятельства исследовать согласным мнением по большим голосам форму правления сочинить и вашему величеству к утверждению представить».

Когда челобитная была подана, в зале произошло волнение.

— Кто позволил вам, князь, присвоить себе право законодателя? — рассерженно спросил у князя Черкасского Василий Лукич.

— Вы вовлекли государыню в обман... — хладнокровно парировал князь Черкасский. — Вы уверили ее величество, что кондиции, подписанные в Митаве, составлены с согласия всех чинов государства. Это неправда. Они составлены без нашего ведома и участия.

Князь Василий Лукич посоветовал Анне Иоанновне удалиться в другой покой, чтобы там, на досуге, обсудить шляхетскую челобитную. Анна Иоанновна уже согласилась было, но тут с чернильницей и пером

подошла ее сестра, «дикая герцогиня» Екатерина Иоанновна*.

— Нет, государыня, — сказала она, — нечего теперь рассуждать! Вот перо — извольте подписать!

Императрица начертала на челобитной: «учинить по сему» и, возвративши бумагу князю Черкасскому, поручила немедленно обсудить предмет своего прошения и сразу сообщить ей результаты.

Все это происходило под несмолкающие крики гвардейцев.

— Мы не дозволим, чтобы государыне предписывались законы, — вопили они. — Государыня! Мы верные рабы вашего величества. Мы служили вашим предшественникам и теперь готовы пожертвовать жизнью, служа вашему величеству. Мы не потерпим злодеев. Ты должна быть такою же самодержавною, как были твои предки! Повелите — и мы к твоим ногам сложим головы злодеев!

— Я здесь не безопасна! — оглядываясь кругом себя, произнесла Анна Иоанновна и, обратясь к капитану преображенцев, сказала: — Повинуйтесь генералу Салтыкову, ему одному только повинуйтесь!

Назначение Салтыкова было одновременно и отрешением от должности начальствовавшего над гвардией фельдмаршала Василия Владимировича Долгорукого, но все совершалось так стремительно, что обдумать это событие верховникам не оставалось времени.

Стремясь предотвратить сговор конституционалистов-шляхтичей с верховниками, императрица велела шляхтичам идти на совещание, а верховников увела с собою обедать.

Совещалось шляхетство недолго. Не о чем было совещаться. Гвардейцы продолжали шуметь, обещая выбросить за окно всех противников самодержавия.

* «Die wilde Herzogin» («Дикая герцогиня») — столь пренебрежительно называли немецкие бароны московскую царевну Екатерину Иоанновну в период ее пребывания в Мекленбурге (1716—1722) замужем за Карлом Леопольдом *(Прим. ред.)*.

«Слишком явно было, — замечает Н.И. Костомаров, — что собрание, которому поручили совещаться, на самом деле находится под стражею. Ситуация напоминала собою басню, в которой кот убеждает пойманного соловья показать свое искусство».

В четвертом часу пополудни шляхетство вернулось в аудиенц-залу. Туда же, окончивши обед, вошла с верховниками императрица.

Князь Никита Трубецкой подал от шляхтичей новую челобитную. Прочел ее князь Антиох Кантемир. Как и прежняя, эта челобитная начиналась благодарностью императрице за подписание кондиций, поданных Верховным тайным советом, но заканчивалась просьбой «присланные к вашему императорскому величеству от Верховного тайного совета пункты и подписанные вашего величества рукою уничтожить».

— Мое постоянное желание было управлять моими подданными мирно и справедливо, — произнесла в ответ императрица. — Но я подписала пункты и должна знать: согласны ли члены Верховного тайного совета, чтоб я приняла то, что теперь предлагается народом?

Члены Верховного тайного совета молча склонили головы.

«Счастье их, — замечает современник, — что они тогда не двинулись с места; если б показали хоть малейшее неодобрение приговору шляхетства, гвардейцы побросали бы их в окно».

— Стало быть, — продолжала императрица, — пункты, поднесенные мне в Митаве, были составлены не по желанию народа!

— Нет! — раздались крики.

— Стало быть, ты меня обманул, князь Василий Лукич? — сказала государыня, обратившись к князю Долгорукому.

Он молчал. И императрица, взяв подписанные в Митаве кондиции, изодрала их и объявила, что желает быть истинною матерью отечества и доставить своим подданным всевозможные милости.

«Черствая по природе и еще более очерствевшая при раннем вдовстве среди

дипломатических козней», Анна Иоанновна стала самодержавной государыней. В тот же день она распорядилась доставить в Россию Бирона, хотя в Митаве и давала обязательство позабыть этого человека...

6.

Многие исследователи отмечали, что предприятие князя Голицына имело своим примером избрание на шведский престол сестры Карла XII Ульрики Элеоноры. Шведским аристократам удалось добиться тогда ограничения самодержавной власти.

«При избрании Анны Голицын помнил и мог принимать в соображение случившееся с Ульрикой Элеонорой: удалось там — почему не удастся здесь? — спрашивал В.О. Ключевский. — Шведские события давали только одобрительный пример, шведские акты учреждения — готовые образцы и формулы...»

Это риторический вопрос...

Там — это *там*, а здесь — это *здесь*...

Петру I казалось, что он строит европейское общество, а строилась восточная рабовладельческая империя...

Воспитанным Петром I верховникам чудилось, что они вводят конституцию, а *что* собирались ввести на самом деле, не знает никто...

Шляхтичам-конституционалистам казалось, что они борются с засильем олигархов, но на самом деле итогом совместных, хотя и направленных друг против друга действий стало призвание Бирона.

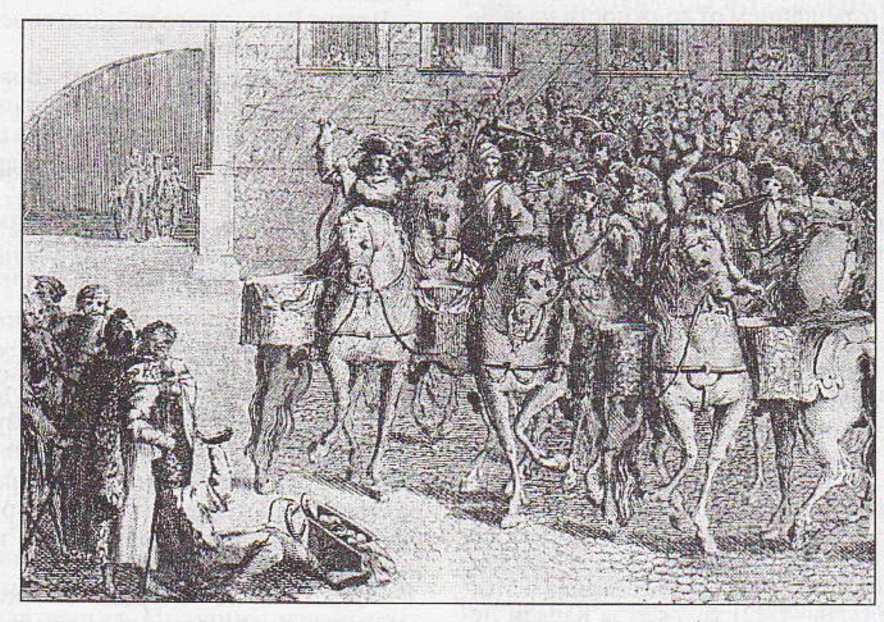
Бироновщина стала итогом первой русской конституционной попытки...

Но могли ли как-то иначе завершиться эти конституционные споры?

Часто высказывается мнение, что, несмотря на свои недостатки, конституция Д.М. Голицына все равно ввела бы Россию в принципиально другую (европейскую) ситуацию.

Это сомнительно, но даже если бы и случилось так, еще не известно чем бы обернулась для России подобная ситуация.

«Аристократия, — писал А.С. Пушкин, — после его (Петра I. — *Н.К.*) неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастию, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось веч-

Публикация о коронации Анны Иоанновны. С гравюры О. Эллингера. 1730 г.

ною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных».

Весьма сходно с А.С. Пушкиным оценивал затеянную верховниками «конституцию» и современник тех событий казанский губернатор Артемий Петрович Волынский, человек неглупый, а главное, хорошо знающий русскую жизнь.

«Слышно здесь, что делается у вас или уже и сделано, чтоб быть у нас республике, — писал он в те дни. — Я зело в том сумнителен. Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий: и так мы, шляхетство, совсем пропадаем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно, понеже ныне между главными как бы согласно ни было, однако ж впредь, конечно, у них без разборов не будет, и так один будет миловать, а другие, на того яряся, вредить и губить станут».

Второе возражение Артемия Петровича Волынского против «конституции» базировалось на его скептическом отношении к воспитанному петровскими реформами дворянству, которое наполнено «трусостию и похлебством, и для того, оставя общую пользу, всяк будет трусить и манить главным персонам для бездельных своих интересов или страха ради».

Волынский не знаком с «научно»-художественной обработкой наследия Петра I, которая проводилась в рамках культа, установленного императрицей Елизаветой, и его рассуждения несколько отличаются от романтических представлений позднейших писателей и историков (А.С. Пушкин тут исключение, которое только подтверждает правило). Волынский излагает ощущения современника петровской эпохи, и делает это не с позиций философа или моралиста, а как администратор-практик. И не сами петровские реформы оценивает он, а только практические последствия, к которым может привести исправление их...

Хотя Петр I и декларировал, что проводит свои реформы ради величия Российской империи, но обеспечивались эти реформы отношением к титульному народу, как к расходному материалу.*

Волынский понимает это и «трусостью и похлебством» служилых людей определяет не столько индивидуальные качества русских дворян, сколько результат воздействия на служивого человека установленной Петром I системы тотального подавление и унижения личности русского человека...

Эти «трусость и похлебство», несущие на себе родовые грехи петровских реформ, проявились в февральские дни вполне отчетливо. Это ведь рабское нежелание заботиться о своем будущем и подтолкнуло «шляхетство» поставить последнюю точку в истории с первой русской конституцией.

За эту покорность и благодарила Анна Иоанновна гвардейских офицеров на званом обеде. Да и как было не благодарить, если эти преданные рабы помогли ей посадить во главе Российской империи любезного ее сердцу Бирона.

Как с верными холуями, обращался с дворянством и Бирон.

«С первых же минут своей власти в России, — пишет С.Ф. Платонов, — Бирон принялся за взыскание недоимок с народа путем самым безжалостным, разоряя народ, устанавливая невозможную круговую поруку в платеже между крестьянами-плательщиками, их владельцами-помещиками и местной администрацией. Все классы общества платились и благосостоянием, и личной свободой: крестьяне за недоимку лишались имущества, помещики сидели в тюрьмах за бедность их крестьян, областная администрация подвергалась позорным наказаниям за неисправное поступление податей».

---

* Это отношение к русскому народу чрезвычайно роднило Петра I с Лениным и Троцким. Возможно, поэтому памятники Петру I и не уничтожались большевиками.

В.О. Ключевский рассказывает, что однажды польский посол выразил в беседе с секретарем французского посольства озабоченность, как бы русский народ не сделал с немцами того же, что он сделал с поляками при Лжедмитрии.

— Не беспокойтесь! — успокоил его Маньян. — *Тогда в России не было гвардии.*

При Лжедмитрии *в России не было гвардии*, и это и спасло Россию. К этому суждению нельзя отнестись просто, как к занимательному анекдоту. Остроумно и точно уловил секретарь французского посольства момент перехода русской гвардии в денационализированное состояние, когда она начинает жить не для страны, а сама для себя, подчиняя себе Россию.

Такой гвардии, такого дворянства, такого высшего сословия на Руси не было. Впрочем, в других странах — тоже...

И в этом, как это ни грустно, и нужно искать отгадку провала всех конституционных попыток в России, потому что, хотя и менялось все, и с середины XIX века роль гвардии дворцовых переворотов переняла интеллигенция, но денационализированность сохранялась и в ее представителях, как и стремление жить не для страны, а только для себя, подчиняя себе Россию.

Конституционная попытка 1730 года обернулась бироновщиной.

Конституционные реформы 1917 года — правлением Ленина и Троцкого.

Конституционные поиски 1990 года — ельцинщиной.

И это не случайно... Виною и этому тоже — Петр... Вернее, обожествление его, то некритическое отношение к его свершениям, которое было установлено в России его преемниками.

И если мы действительно желаем для своей страны добра, то должны, отбросив привычные стереотипы исторических симпатий и антипатий, без злобы и раздражения осознать этот простой и ясный факт.

Если бы реформы Петра Первого совершались на благо России, невозможно было бы и само появление Анны Иоанновны.

Воцарение Анны Иоанновны — это экзамен петровской реформы.

Бироновщина — ее оценка...

Снова, как и во всех петровских реформах, сработала жестокая и неумолимая логика — невозможно сделать ничего хорошего для России, если ненавидишь ее народ и ее обычаи.

7.

Сделанное нами уподобление эпохи Анны Иоанновны экзамену петровских реформ, а бироновщины — оценке на этом экзамене, как любое сравнение, должно содержать долю условности.

Но чем пристальнее вглядываешься в зловещую фигуру Эрнста Иоганна Бирона, тем очевиднее становится, что его появление в послепетровской России не случайность, а закономерность. И речь тут идет не только о тенденциях политики и установленной иерархии приоритетов, а о конкретном переплетении судеб.

Известно, что на службу к герцогине Анне Иоанновне Бирона пристроил курляндский канцлер Кейзерлинг, родственник прусского посланника барона Кейзерлинга, ставшего супругом первой любовницы Петра I Анны Монс.

Случайность?

Возможно...

Но вот еще один эпизод из биографии всесильного временщика. За пьяную драку в Кенигсберге*, в результате которой один человек был убит, тридцатитрехлетний Бирон попал в тюрьму и, возможно, там бы и сгинул, но его вытащили оттуда...

И кто же? Виллим Монс — брат любовницы Петра I Анны Монс, любовник Екатерины I. И это тоже, конечно, только совпадение, но никуда не уйти от осознания неоспоримого факта, что Бирона приготовила для России распутная жизнь Петра I и Екатерины I...

Некоторые историки пытаются навести глянец и на эпоху Анны Иоанновны, но получается худо, потому что более всего характерно для этого царствования даже и не жестокость, а необыкновенное обилие уродства.

---

* Одно время Бирон был студентом Кенигсбергского университета, но учебу бросил.

Уродливыми были тогда отношения между людьми, характеры, сам быт.

Уродливым было абсолютно полное подчинение императрицы Бирону. Как отмечают современники, он управлял Анной Иоанновной всецело и безраздельно, как собственной лошадью.

«К несчастью ея и целой империи воля монархини окована была беспредельною над сердцем ея властью необузданного честолюбца, — пишет Миних-сын. — До такой степени Бирон господствовал над Анною Иоанновною, что все поступки свои располагала она по прихотям сего деспота, не могла надолго разлучиться с ним, и всегда не иначе, как в его сопутствии, выходила и выезжала... На лице ея можно было видеть, в каком расположении дум находился наперсник. Являлся ли герцог с пасмурным видом — мгновенно и чело Государыни покрывалось печалью; когда первый казался довольным, веселье блистало во взоре; неугодивший же любимцу тотчас примечал явное неудовольствие монархини».

Привязанность Анны Иоанновны к Бирону была так уродлива, что тяготила самого временщика. Он не стеснялся публично жаловаться, что не имеет от императрицы ни одного мгновения для отдыха. При этом, однако, Бирон тщательно наблюдал, чтобы никто без его ведома не допускался к императрице, и если случалось, что он должен был отлучиться, тогда при государыне неотступно находились его жена и дети. Все разговоры императрицы немедленно доводились до сведения Бирона.

Жутковатую карикатуру придворной жизни дополняли толпы уродцев и карликов. В допросных пунктах, снятых с Бирона после ареста, сказано, что «он же, будто для забавы Ея Величества, а на самом деле по своей свирепой склонности, под образом шуток и балагурства, такие мерзкие и Богу противныя дела затеял, о которых до сего времени в свете мало слыхано: умалчивая о нечеловеческом поругании, произведенном не токмо над бедными от рождения, или каким случаем дальняго ума и рассуждения лишенными, но и над другими людьми, между которыми и честный народ находились, частых между оными заведенных до крови драках, и о других оным учиненных мучительствах и безотрадных: мужеска и женска полуобнажениях, иных скаредных между ними его вымыслом произведенных пакостях, уже и то чинить их заставливал и принуждал, что натуре противно и объявлять стыдно и непристойно».

И так везде...

Куда ни взгляни в этом царствии, все уродливо кривится, словно отраженное в кривом зеркале.

«Это царствование — одна из мрачных страниц нашей истории, и наиболее темное пятно на ней — сама императрица, — писал В.О. Ключевский. — Выбравшись случайно из бедной митавской трущобы на широкий простор безотчетной русской власти, она отдалась празднествам и увеселениям, поражавшим иноземных наблюдателей мотовской роскошью и безвкусием... Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из "клеотур" двух сильных патронов:"канальи курляндца", умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого канальи, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольда, обер-шталмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, какие мастерил другой Левенвольд, обер-гофмаршал, перещеголявший злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа...»

Мы говорили, что воцарение Анны Иоанновны — экзамен петровским реформам, а бироновщина — оценка на этом экзамене...

Еще можно сравнить это царствование с муками изнасилованной Петром Первым России. Среди переполняющего дворцовое

чрево уродства формировался самый гадкий монстр — новая русская аристократия.

Входя во вкус жандармской работы, русское дворянство превратилось в некую наднациональную прослойку, предателей своего народа, обреченных теперь всегда ощущать свою ничтожность и ущербность. Поэтому так легко подчинялись дворяне любому тиранству, творимому над ними. «Оставя общую пользу», каждый из них готов был теперь «трусить и манить главным персонам для бездельных своих интересов или страха ради».

Этой стремительной денационализации дворянства и гвардии немало способствовала и кадровая политика Бирона. И так-то в гвардии было немало нерусских офицеров, но при Анне Иоанновне преобладание их стало очевидным.

Вдобавок к Преображенскому и Семеновскому был сформирован Измайловский полк, полковником в который назначили обер-шталмейстера Левенвольда, а офицеров набрали из лифляндцев, эстляндцев и курляндцев.

Но разве не об этом и мечтал Петр Первый? Разве смутило бы его засилье немцев? И то, что Бирон слово «русский» употреблял только как ругательное? И жестокость, с которой Бирон уничтожал Россию, отдавая русских крестьян в полную собственность господам, зачастую плохо говорящим по-русски?

Во внутренней политике Бирона просматривается такая явная преемственность с реформами Петра Первого, что становится не по себе, когда вспоминаешь о приказе Петра, отданном Анне ехать в Митаву и окружить себя там немцами.

Такое ощущение, словно в каком-то гениально-злобном озарении предугадал Петр Первый Бирона, увидел в нем продолжателя своего главного дела и сам и назначил его в правители.

Разумеется, все это — субъективные ощущения.

Объективно другое... Совершающееся в годы царствования Анны Иоанновны разделение населения Российской империи на закрепощенных русских рабов и на трусливую, вненациональную касту господ объективно вытекало из всего хода петровских реформ.

«Между тем как в столицах и городах все сословия трепетали, из опасения раздражить подозрительного тирана самым неумышленным словом, — пишет Н.Г. Устрялов, — в селах и деревнях народ стонал от его корыстолюбия, столь же ненасытного, сколько беспредельна была месть его. Со времени ревизии в 1719 году в подушном окладе обнаружилась значительная недоимка, которая, невзирая на строгие меры Петра, с каждым годом накапливалась. Для взыскания ее Екатерина учредила при Сенате Доимочный приказ; зло, однако, не уменьшалось и еще более увеличилось при Петре II, когда вообще мало думали о порядке управления. В начале царствования Анны казна считала в недоимке более 7 млн руб. тогдашних. Императрица видела необходимость усилить строгость мер и восстановила Доимочный приказ, остававшийся в бездействии при ее предшественнике. К несчастью, в России настал голод, продолжавшийся несколько лет; жители самых хлебородных областей впали в крайнюю бедность. Со справедливой строгостью соединяя милость, государыня неоднократно облегчала участь своих подданных, прощая им подушные оклады. Бирон внушил ей иные мысли: недоступный состраданию, чуждый милосердия, презирая все русское, употребляя самое слово "русский" единственно в смысле укоризны, он не хотел слышать о всеобщем бедствии; взял в свое ведение Доимочный приказ и прежде всего обратил всю злобу на губернаторов: посланные им офицеры заключали областных начальников в кандалы за мнимое нерадение о взыскании податей; вслед за тем воинские команды отправлены были в села и деревни для правежа недоимок. Возобновилось татарское время. Исполнители Бироновой воли забирали все: хлеб, скот, одежду; дома предавали огню, а крестьян выводили в поле и там, нередко в жестокую стужу, держали на правеже, т.е. секли беспощадно; целые деревни опустели; многие были сожжены; жители сосланы в Сибирь. Но так как беспрерывное отправление отдельных команд

оказалось неудобным и безуспешным, то самим полкам поручено было заботиться о своем содержании, и каждому из них назначены были деревни, где солдаты брали все, что могли.

Взысканные таким образом миллионы рублей не смешивались с общими доходами, а поступали в секретную казну; суммами ее распоряжался один Бирон безотчетно и употреблял их в свою пользу, на покупку поместьев в Польше и Германии, на конские заводы, на великолепные экипажи и прочее».

Дорого стоило России любостяжание Бирона; не дешевле обошлось и его управление внешними делами государства. По наблюдениям современников, все десять лет правления Анны Иоанновны Бирон самовластно распоряжался Российской империей. Немалую помощь в этом оказывал ему обергофкомиссар, финансист Леви Липман. Бирон, как утверждается в «Еврейской энциклопедии», «передал ему почти все управление финансами и различные торговые монополии».

Считается, что Бирон был истинным виновником безуспешного окончания войны, предпринятой при самых благоприятных обстоятельствах, ознаменованной блестящими успехами, но, как писал Н.Г. Устрялов, по прихоти Бирона кончившейся одним разорением государства. Вместе с Леви Липманом Бирон устроил настоящую распродажу России. На аукцион выставлялись и политические интересы России, и сами ее граждане. В мае 1733 года Липман и Бирон организовали продажу Фридриху-Вильгельму высокорослых русских рекрутов*...

Все эти деньги, как утверждал Миних, утекали из государственной казны «на покупку земель в Курляндии и на стройку там двух дворцов — не герцогских, а королевских, и на приобретение герцогу друзей, приспешников в Польше. Кроме того, потрачены были многие миллионы на драгоценности и жемчуга для семейства Бирона: ни у одной королевы в Европе не было бриллиантов в таком изобилии, как у герцогини курляндской...»

Разумеется, сопротивление Бирону было, но оно жестоко подавлялось жандармами в гвардейских мундирах.

В 1732 году беглый драгун Нарвского полка Ларион Стародубцев объявил себя сыном Петра I — Петром Петровичем. Стародубцева схватили и после пыток в Тайной канцелярии труп его сожгли...

В январе 1738 года на Десне появился человек, назвавшийся царем Алексеем Петровичем. Его поддержали солдаты. В церкви был устроен молебен, собравший толпы людей. В конце концов самозванца схватили и вместе со священником, служившим молебен, посадили на кол.

«Высочайшие манифесты превратились в афиши непристойного самовосхваления и в травлю русской знати перед народом, — писал В.О. Ключевский. — Казнями и крепостями изводили самых видных — русских вельмож — Голицыных и целое гнездо Долгоруких. Тайная розыскная канцелярия, возродившаяся из закрытого при Петре II Преображенского приказа, работала без устали, доносами и пытками поддерживая должное уважение к предержащей власти и охраняя ее безопасность; шпионство стало наиболее поощряемым государственным служением...

Ссылали массами, и ссылка получила утонченно-жестокую разработку... Зачастую ссылали без всякой записи в надлежащем месте и с переменою имен ссыльных, не сообщая о том даже Тайной канцелярии: человек пропадал без вести...»

---

* Отметим здесь, что в отношении к евреям при Анне Иоанновне тоже прослеживается определенная преемственность политики Петра I. Хотя и издавались строгие указы, воспрещающие сдачу земли в Малороссии в аренду евреям и ограничивающие еврейскую торговлю спиртным, но в силу они не вступали. Более того, жесточайшая эксплуатация еврейскими арендаторами крестьян была разрешена Бироном теперь еще и в Слободской Украине, и на Смоленщине, а торговля польской водкой — по всей Великороссии.

Глава третья

ЗАСОХШАЯ ВЕТВЬ

Последний год жизни Анны Иоанновны начался грандиозной потехой в Петербурге. Академик Г. Крафт выстроил на Неве между Зимним дворцом и Адмиралтейством Ледяной дом для свадьбы шутов — князя Голицына и вдовы Бужениновой.

«Всего удивительнее то, что фасад дома был украшен восьмью ледяными пушками на лафетах, и при стрельбе из них оне выдерживали заряд в три четверти фунта пороха», — сообщал в Париж маркиз де ла Шетарди. Особенно восхитило свидетелей, что железное ядро, выпущенное из ледяной пушки с расстояния шестидесяти шагов, насквозь пробило доску толщиной в два дюйма.

1.

Вскоре после этой свадьбы, на Светлой седмице 1740 года, арестовали главу кабинета министров Артемия Петровича Волынского. Не сберегла его мудрость, позволившая ему так верно предвидеть судьбу новой русской аристократии.

Предлогом для ареста кабинет-министра послужило избиение поэта Тредиаковского, но в Тайной канцелярии выяснилось, что Волынский неуважительно высказывался и об императрице. Говорил, дескать, наша государыня гневается, иногда сама не знает за что, резолюции от нее никакой не добьешься, герцог что захочет, то и делает.

По ходатайству Бирона Волынскому отрубили вначале руку, а потом голову. Язык Артемию Петровичу вырвали еще накануне. Вместе с ним казнили советника А.Ф. Хрущева и архитектора П.М. Еропкина. Вице-президенту адмиралтейств-коллегий Федору Ивановичу Соймонову вырвали ноздри и отправили в каторжную работу на Охотский солеваренный завод.

В этом же году у полунемки Анны Леопольдовны и чистокровного немца, принца Брауншвейг-Беверн-Люнебургского Антона Ульриха родился 12 августа сын — долгожданный наследник престола Иван Антонович.

Анна Леопольдовна (до миропомазания Елизавета Екатерина Христина) принадлежала, как и ее тетка, императрица Анна Иоанновна, к Милославской ветви династии Романовых. Она была дочерью герцога Мекленбург-Шверинского Карла Леопольда и царевны Екатерины Иоанновны. А Екатерина Иоанновна — та самая дочь царя Ивана и царицы Прасковьи, которую видели мы в подвале Тайной канцелярии, где истязала ее мать несчастного Василия Деревнина. Именно Екатерина подала Анне Иоанновне 25 февраля 1730 года чернильницу, когда Анна растерялась немного и чуть было не упустила из рук самодержавную власть.

Императрица Анна Леопольдовна (с портрета И.Вишнякова). 1740-е гг.

В 1722 году герцогиня Екатерина Иоанновна вернулась в Россию и привезла трехлетнюю дочь.

В России дочка и выросла.

Это важно...

Подыскивая оправдания перевороту, совершенному Елизаветой Петровной, историки романовской традиции каждый раз намекают, что русская «дщерь Петрова» забрала принадлежащую ей по праву власть у «немецкого» семейства.

Насчет русских и немцев надо разобраться.

Елизавета Петровна была такой же полунемкой, как ее племянница Анна Леопольдовна. И власть она передала императору Петру III, такому же на три четверти немцу, как и его племянник император Иван (Иоанн) Антонович, у которого и была отобрана Елизаветой Петровной власть...

Всесильный Бирон пытался пристроить в мужья юной Анне Леопольдовне своего сына Петра, но принцесса выбрала племянника австрийского императора, Брауншвейг-Беверн-Люнебургского принца Антона Ульриха.

Казалось, что с рождением прямого правнука царя Ивана Алексеевича русский престол окончательно закрепляется за милославской ветвью династии Романовых. Поэтому-то и был устроен в честь рождения Ивана Антоновича такой грандиозный фейерверк.

Огни тех салютов — увы! — самое яркое, что видел в своей жизни человек, еще в колыбели нареченный русским императором.

Много на свете несчастных детей. Но едва ли сыщется среди них дитя несчастнее императора Ивана Антоновича.

Ему было два месяца, когда умирающая Анна Иоанновна назначила младенца своим преемником на императорском престоле. Чуть больше года, когда провозглашенная новой императрицей, Елизавета Петровна (она тоже приходилась Ивану Антоновичу бабкой) взяла его на руки и, поцеловав, сказала:

Портрет императора Иоанна Антоновича ребенком с фрейлиной Юлианой фон Менгден (с картины неизвестного художника середины XVIII в.)

— Бедное дитя. Ты ни в чем не виновато, родители твои виноваты...

Заливаясь слезами, отправила Елизавета Петровна своего несчастного внучка в Ригу, чтобы спрятать в замке, прежде принадлежавшем Бирону. И начались странствия двухлетнего ребенка по тюрьмам.

Последние девять лет жизни Иван Антонович провел в каземате Шлиссельбургской крепости.

Было запрещено рассказывать ему, кто он такой, учить его грамоте.

Впрочем, в 1740 году ничего не предвещало печальной участи Ивана Антоновича... Разве только жутковатая симметрия финала нынешних торжеств с завершением празднования, устроенного тридцать лет назад по случаю бракосочетания Анны Иоанновны с курляндским герцогом Фридрихом Вильгельмом.

Тогда свадебные пиры закончились смертью опившегося водкой семнадцатилетнего герцога. Теперь пришел черед невесты. 5 октября, во время обеда, Анна Иоанновна упала в обморок с сильною рвотою...

2.

И неожиданная болезнь Анны Иоанновны, и кончина так же уродливы и мрачны, как и вся ее жизнь, как и ее дворец, наполненный учеными скворцами, белыми павами, обезьянами, карликами и великанами, шутами и шутихами; как и все ее царствование...

Бирон немедленно послал за кабинет-министром князем Черкасским, графом Бестужевым и фельдмаршалом Минихом.

— Колико я несчастен, лишаясь столь рано и нечаянно государыни, изъявлявшей мне неизреченную милость и доверенность! — заявил им «со многими слезами и воплем» всесильный временщик. — По смерти ее я не могу себе уже и вообразить никакого благополучия в этой стране, где я, как известно, имею более неприятелей, нежели друзей! За все услуги, оказываемые мною этому государству, не ожидаю я уже никакой иной награды, кроме неблагодарности и немилости...

Однако, как явствовало из речи Бирона, не собственное его положение беспокоило его. Более всего горевал он о состоянии, в каком, по кончине императрицы, находиться будет государство, о благосостоянии коего он до того столь ревностное имел попечение.

— Наследник младенец не имеет даже восьми недель! — рассуждал Бирон вслух. — Рассуждение назначения наследства престола от императрицы еще ничего не обнародовано, и потому неизвестно еще, как принято будет в настоящих обстоятельствах таковое назначение народом, при прежде бывших малолетствах мятежничавшим... Опять же и Швеция, продолжая вооружения свои, не может желать для себя удобнейшего случая к нападению на Россию, как когда начнутся в оной внутренние беспокойствия...

— Что же делать, ваше сиятельство? — обеспокоенно спросил у герцога князь Черкасский.

— При таковом состоянии дел весьма важно, чтоб правление государства вверено было такой особе, которая бы имела не токмо достаточное сведение о делах государственных, но и довольно твердости к укрощению легкомысленных подданных... — ответил Бирон и, погрузившись в глубокую задумчивость, добавил, что, хотя в нраве матери младенца-принца ничего хулы достойного он не находит, однако опасается, как бы она не призвала в Россию отца своего герцога мекленбургскаго Карла-Леопольда и не поручила бы ему управление государством...

— Сей государь, — сказал мудрый герцог, — как известно, по причине своевольного и упрямого нрава, и с собственными подданными согласиться не мог, как бы не побудил он дщерь свою к таким предприятиям, кои не токмо ей, но даже и сыну ее крайне опасны быть могут.

Когда мы говорим об уродстве правления Анны Иоанновны, не будем забывать и этой гримасы эпохи...

В своей речи, обращенной к сподвижникам, Бирон по сути повторил то, что говорили верховники после кончины императора Петра II. В словах Бирона — ощущение себя, как судьбы России, рока, от которого стране уже никогда не избавиться...

— Что ж касается до брауншвейгскаго принца, — сказал Бирон, завершая речь, — то ему правление государством поручено быть никак не может, ибо тогда оно венским послом управляемо будет, а следственно, и во все дела австрийского дома запутываемо.

Во время переговоров с министрами Бирон был отозван к императрице, которая велела заготовить все необходимое для объявления принца Иоанна наследником.

— Я хочу сделать свое, а впрочем, буди воля Господня, — сказала Анна Иоанновна герцогу. — Я наперед знаю, что оставляю отрока в плачевных обстоятельствах. Сам

он себе пособить не может, а отец и мать его не могут оного учинить; ибо отец не получил от Бога потребного к тому, а мать хотя и не имеет недостатка в разуме, но не любима в народе... Истинно должна я опасаться, что и по смерти моей на меня негодовать станут.

Здесь надо сделать примечание, что речи Бирона цитируются по свидетельству Миниха-сына, а слова Анны Иоанновны — по показаниям самого Бирона.

Кто именно предложил Бирону стать регентом, мнения расходятся...

Сам Бирон утверждал, что регентство предложил ему Миних: «Фельдмаршал Миних сказал мне, что собралось ***несколько патриотов*** (выделено нами. – *Н.К.*), которые, по совести и по лучшему их знанию... не нашли никого, кто бы, человечески судя, удобнее был для государства, чем я».

Миних-сын утверждал, что это князь Черкасский первый начал говорить, будто «к отправлению означенной столь важной должности не находит никого способнее и достойнее герцога курляндского, который во все время царствования императрицы с толикою же ревностью, как и славою управлял государственными делами, и коего личная польза, в рассуждении герцогства его, столь тесно сопряжена с благосостоянием России».

Но это не так уж и важно...

Совершенно ясно, что ни фельдмаршал Миних, ни князь Черкасский, ни тайный советник Бестужев, ни фельдмаршал Левенвольде и помыслить не могли воспрепятствовать властным амбициям герцога.

Бирон, однако, согласился не сразу.

— Меня удивляет это предложение! — куражась, сказал он. — Прошу уволить меня от такого бремени, я не в состоянии взяться за такое дело...

— Ваша светлость! — напыщенно произнес Миних. — Это не человек твою светлость о том просит, но великая империя. Прими весло правительства, лучше тебе при этом весле быть.

Утром 6 октября Миних, Остерман, Бестужев, Левенвольде, Ушаков, Головин, Куракин, Трубецкой, Салтыков и Шепелев, имея уже при себе изготовленный ночью манифест об объявлении Иоанна наследником, были допущены к императрице.

— Милостивая императрица! — заявил после подписания манифеста Миних. — Мы согласились, чтоб герцогу быть нашим регентом; мы просим о назначении герцога правителем.

Анна Иоанновна ничего не ответила на это, но когда депутация удалилась и к ней вошел сам Бирон, она спросила, как долго он у нее служит?

— Двадцать два года! — ответил Бирон.

Как явствует из рассказа Миниха-сына, Бирону не удалось тогда добиться своего. Безуспешным было и ходатайство Остермана. Приняв бумаги, императрица «с холодностью сунула их под возглавие, сказав только, что даст на то решение». После этого Бирон якобы пробовал действовать че-

Эрнст Иоганн Бирон. Гравюра 1750-х гг.

рез барона Менгдена, но и это не привело ни к чему.

Сам Бирон на допросе отрицал свои хлопоты. Более того, он утверждал, что императрица не подписывала бумаг по его настоянию.

«Когда главные чины государства проведали, — писал он в составленной им оправдательной записке, — что уже и несколько дней прошло без подписания, то единогласно и в таком случае условились, когда б Ея Императорское Величество не подписала и скончалась бы, не учинив распоряжения, определить меня своим правителем. Чтоб сие утвердить, созваны были все знатные особы, о чем сведал я не прежде как 24 часа спустя, а когда сказали мне о том, дивился, как можно было к сему предприятию приступить, не сказав мне ни слова. Но они остались непоколебимы в решении своем. Не довольствуясь сим, некоторые из первых особ, без моего ведома, положили сочинить прошение на имя Ея Императорского Величества».

Прошение это подписали: Миних, Трубецкой, Остерман, Черкасский, принц Гессен-Гамбургский, Черныш, Ушаков, Левенвольде, Головин, Головкин, Куракин, Трубецкой и Бестужев.

Тут можно снова напомнить о событиях, предшествовавших призванию на трон Анны Иоанновны. Как-то удивительно сходно поведение нынешних верховников и тогдашних. И то, что те верховники пытались предотвратить появление у руля государственной власти Бирона, а нынешние стремились закрепить эту власть за Бироном, ничего не меняет.

Сходится даже поведение отдельных лиц.

«Герцог курляндский, граф Остерман и князь Алексей Михайлович Черкасский составили духовное завещание от имени Императрицы. Остерман, в течение нескольких лет не выходивший из дому под тем предлогом, что подагра препятствует ему двигать ногами, велел принести себя в креслах во дворец к изголовью императрицы за несколько часов до ее кончины, — рассказывал фельдмаршал Миних, — и здесь, вынув из кармана бумагу, спросил Государыню, не угодно ли ей будет выслушать свое завещание?»

— Кто писал его? — спросила императрица.

— Ваш нижайший раб, — изгибаясь в кресле, сказал Остерман.

Затем он читал завещание, и когда дошел до статьи, что герцог курляндский будет регентом в продолжение шестнадцати лет отрочества молодого императора Иоанна Антоновича, Анна Иоанновна прервала чтение.

— Надобно ли это тебе? — спросила она у Бирона.

Бирон кивнул.

Так, 16 октября верный Яген был назначен регентом при младенце-императоре.

На следующий день, шепнув Бирону: «Не боись!», императрица померла.

Бирон и не собирался никого бояться.

Десять лет он правил Россией из-за спины Анны Иоанновны. Теперь Бирон собирался править страной открыто. Конечно, он догадывался, что не все довольны его назначением, но он знал и то, что никто из русских аристократов, трусливую психологию которых он изучил за десять лет, не осмелится оспорить это назначение.

3.

Как утверждают современники, в день кончины императрицы Бирон «стонал громко и притворился быть от грусти вне себя», но тем не менее это не мешало ему четко и хладнокровно прибирать к рукам власть.

Миних-сын вспоминает, что, приметив замешательство принца Антона-Ульриха, застывшего за стулом Анны Леопольдовны, герцог резко спросил его, не желает ли и он выслушать завещание императрицы.

Брауншвейгский принц, не сказав ни слова, покорно направился к генерал-прокурору, читавшему завещание, терпеливо выслушал, «как читан был его или, паче сказать, супруги его приговор».

Тут же герцог отдал распоряжение перенести младенца Ивана Антоновича в помещения дворца.

Законно Бирон властвовал в России всего три недели, и немногие распоряжения его обличают в нем человека по-курляндски справедливого... Родителям императора он, к примеру, назначил ежегодно 200 000 рублей содержания, принцессе Елизавете Петровне — 50 000, самому себе — 500 000.

Некогда в Митаве Бирон боролся с Бестужевым за обладание телом Анны Иоанновны, теперь, без всякой борьбы, они вдвоем мирно обладали всей оставшейся от Анны Иоанновны властью. Бестужев стал кабинет-министром, а Бирон — регентом.

Кабинет-министр Бестужев и следил добросовестно за всеми злоумышлениями. Между прочим, он первым доложил регенту, что арестован на Васильевском острове гвардейский капитан Бровицын, который вел с солдатами разговоры, отчего это Бирон регент, а родной отец императора без дела сидит? Бровицына доставили в Тайную канцелярию, и с дыбы он показал, что столь возмутительные речи вел с ведома принца Антона-Ульриха...

Спокойно выслушал Бирон верного кабинет-министра.

Семнадцать лет верховная власть в его, Бирона, руках по закону находиться будет. За семнадцать лет многое можно успеть.

Только надо ли ждать семнадцать лет?

Задумался герцог...

Судя по всему, рано или поздно, но он все равно бы пришел к выводу, что нет нужды ждать семнадцати лет, чтобы арестовать Анну Леопольдовну с мужем. Бирон ждал лишь похорон Анны Иоанновны, чтобы не омрачить их арестом племянницы покойной. Тем более что на саму Анну Леопольдовну у Бирона давно зуб имелся. Еще с той поры, когда отвергла она его сына Петра и предпочла принца Антона Ульриха. А Петр-то красавцем вырос, и умом богат зело был. Шестнадцать лет всего, а уже подполковник конной гвардии, кавалер орденов Александра Невского и Андрея Первозванного. Если его на великой княжне Елизавете Петровне женить, тогда и младенца-императора не надобно будет. Можно тогда и его придушить ночью...

Седьмого ноября обедал у Бирона фельдмаршал Миних с семейством. За обедом Бирон задумчив был. Рассеянно слушал Миниха, а сам думал...

— Скажите, фельдмаршал, — спросил Бирон, отложив вилку, — случалось вам во время ваших походов что-нибудь важное предпринимать ночью?

Удивлен был вопросом Миних.

— Ночью? — в чрезвычайном смущении переспросил он. — Я, ваша светлость, сразу и не припомню, но у меня такое правило: пользоваться всеми обстоятельствами, которые кажутся мне благоприятными.

И верно.

Так и поступил он, обеспокоившись неожиданным вопросом правителя. Покидая дворец, он выяснил, что нынешней ночью регента будет охранять караул преображенцев, у которых фельдмаршал был подполковником. Сию конъюнктуру нельзя было упускать...

В тот же вечер фельдмаршал Миних уговорил Анну Леопольдовну действовать. Когда принцесса согласилась, он привел к ней офицеров, чтобы те сами услышали, каким оскорблениям подвергается от регента мать малолетнего императора.

Захватив несколько гренадер и адъютанта Манштейна, фельдмаршал ночью отправился в летний дворец Бирона. *Верные* преображенцы без спора пропустили заговорщиков.

Когда Манштейн взломал дверь в спальню герцога, тот попытался спрятаться под кровать, но босая нога, которая высовывалась из-под кровати, выдала его.

Как только Бирон, понукаемый штыками, был извлечен из своего убежища, Манштейн первым делом заткнул ему ночным колпаком рот, а потом объявил, что его светлость арестована. Для вразумления гренадеры побили герцога прикладами* и,

* Бирону было нанесено при аресте около двадцати ран, от которых он излечился только спустя два года.

связав ему руки, голого, потащили мимо *верных присяге* преображенцев к карете Миниха.

В ту же ночь был арестован брат герцога — генерал Густав Бирон. Густава охраняли измайловцы, но и они по-гвардейски мудро уклонились от исполнения присяги и защищать генерала Бирона не стали.

Переворот, как и все гвардейские перевороты, был осуществлен бескровно, и уже утром Анна Леопольдовна осматривала имущество Биронов и одаривала отважных победителей.

Фрейлине Юлиане Менгден были подарены расшитые золотом кафтаны герцога и его сына. Фрейлина велела сорвать золотые позументы и наделать из них золотой посуды...

Миних получил должность первого министра, а супруг Анны Леопольдовны — звание генералиссимуса. Сама Анна Леопольдовна удовольствовалась званием регентши.

А Биронов собрали всех вместе и повезли в Шлиссельбургскую крепость. Улюлюкал народ, провожая еще вчера всесильного временщика. И это очень огорчило наблюдавшую за вывозом Биронов Анну Леопольдовну.

— Нет, не то я готовила ему... — с грустью сказала она. — Если бы Бирон сам предложил мне правление, я бы с миром отпустила его в Курляндию.

— Безумный человек... — кивал словам правительницы Андрей Иванович Остерман. — Не знал он предела в своей дерзостности...

По распоряжению Анны Леопольдовны Биронов увезли в Пелым, где велено было выстроить для них дом. План этого предназначенного для его друга дома фельдмаршал Миних начертил собственноручно.

Вот так и совершилось то, что со свойственным ему восторгом описал потом Н.Г. Устрялов в своей «Русской истории»: «Среди всеобщего оцепенения умов не робел один герой Очаковский, фельдмаршал Миних. Побуждаемый отчасти жалостью к царскому семейству, отчасти досадою на регента, не хотевшего ни с кем делить своей власти, еще более подстрекаемый надеждою самому овладеть кормилом правления, Миних открылся принцессе в намерении избавить и ее и Россию от мучителя; просил только дозволения действовать ее именем. Она согласилась с радостью. При явном озлоблении всех сословий на Бирона фельдмаршал мог бы арестовать его среди белого дня, когда он обыкновенно посещал принцессу, и заключить в крепость в полной уверенности, что никто за него не вступится. Но Миних любил каждому делу своему давать некоторый блеск и выбрал самую трудную дорогу: он решился схватить Бирона ночью, в собственном дворце его, сооруженном тремястами солдат, и благодаря расторопности адъютанта своего Манштейна совершил опасный подвиг благополучно, не пролив капли крови. Столица с величайшею радостью узнала о падении регента; радость ее откликнулась во всей России. Принцесса объявила себя правительницею и была признана беспрекословно. Бирона отвезли в Шлиссельбургскую крепость; там он впал в совершенное отчаяние и в малодушном страхе едва не лишился рассудка, когда услышал смертный приговор, произнесенный учрежденною для суда его комиссией. Правительница даровала ему жизнь, заменив казнь ссылкою в Пелым, где построили для него особенный дом по плану Миниха».

Как мы видим, все факты здесь изложены правильно, но вместе с тем повернуты так, словно речь идет о совершенно других событиях. Чего стоит тут один только Миних, который *любил каждому делу своему давать некоторый блеск и выбрал самую трудную дорогу*? Такое ощущение, как будто вся эта история списана из романов Вальтера Скотта, а не на родной почве петербургских болот произросла...

Но дело, разумеется, не только в неестественности в данной ситуации верноподданнического восторга Н.Г. Устрялова. Дело в том, что скрывает за собою этот неестестественно романтический восторг.

Можно восстановить все детали переворота, совершенного Минихом в ночь на 9 января 1740 года.

Труднее понять другое...

«Если б один только человек исполнил свой долг, — вспоминал в дальнейшем отважный Манштейн, — то предприятие фельдмаршала не удалось бы...»

Поразительно, но во время захвата дворца и ареста Бирона действительно не прозвучало ни одного выстрела. Никто не попытался защитить его.

Оказывается, ужасая всю страну немыслимыми жестокостями, десять лет ею правил человек, который не имел никакой силы за пределами постели императрицы. И это, наверное, самое ужасное, что и было в эпохе бироновщины.

И то, что такой человек десять лет продержался во главе гигантской империи, — тоже заслуга Петра I.

Так устроил он возведенную им империю...

4.

Анна Леопольдовна (до крещения Елизавета Екатерина Христина), хотя и была дочерью Карла Леопольда, герцога Мекленбургского, но выросла она в Измайлове, во дворце своей бабки царицы Прасковьи.

Ее мать царевна Екатерина Иоанновна в 1722 году, после шестилетнего замужества, вынуждена была оставить взбалмошного супруга и вернулась с трехлетней дочерью принцессой Елизаветой в Россию.

Здесь юная принцесса росла, как и ее матушка, рядом с прудами, наполненными стерлядями, рядом с дворцовым театром, рядом с конюшнями, где совершались наказания и пытки.

М.И. Семевский пишет, что царица Прасковья не препятствовала забавляться ее матери, и Катерина Ивановна являлась то развязной, бойкой дамой на вечерах, то наездницей на затеваемых ею катаньях со своими дамами; она смело и с большим искусством правила лошадьми...

На четвертый день рождения принцессы в Измайлове был устроен грандиозный праздник, который подробно описан в записках Берхгольца.

Ветхий, громадный дом царицы Прасковьи в Измайлове представлял тогда, по остроумному замечанию, как бы лазарет хворых женщин. В одной спальне сидела на постели больная ногой царевна Прасковья Иоанновна, в другой лежала царица Прасковья Федоровна.

Впрочем, герцогиня Екатерина Иоанновна была весела и в 12 часов усадила всех именитых гостей обедать. Она хлопотливо всех угощала, но все приготовлено было плохо, крайне неаппетитно, вина показались Берхгольцу весьма скверными...

За обедом последовали танцы, и в комнатах стало жарко. Четырехлетняя Елизавета Екатерина Христина, которую Берхгольц называет почему-то Анной Карловной, также принимала участие в танцах; малютка так растанцевалась, что герцогиня на другой день посылала просить к себе герцогского камер-юнкера приехать к ней еще потанцевать...

Из германских земель «дикая герцогиня» вывезла страсть к театру, и Измайлово при ней превратилось в театральную столицу Российской империи.

Актрисы набирались из придворных дам и фрейлин, актеры — из крепостных, доморощенных артистов, парики брали у голштинцев, костюмы мастерили подручными средствами.

В своих записках Берхгольц описал и измайловскую театральную премьеру.

К сожалению, во время самого спектакля кто-то сумел вытащить у наблюдательного немца из кармана табакерку, и поэтому и сам спектакль и вся подготовка к нему окрасились в его воспоминаниях в печально-иронический тон.

Оказывается, нескольких дней до спектакля «дикая герцогиня» провела в беспрестанных хлопотах. Она присутствовала на репетициях, устраивала сцену, прилаживала занавес, подгоняла костюмы актрисам, распекала и наказывала актеров, набранных из челяди царицы.

Такая же великая, как и дочь, театралка царица Прасковья из-за болезни ног в ре-

жиссуре спектакля участвовать не могла и поэтому коротала время перед спектаклем в душеспасительных беседах с архиепископом Новгородским, епископом Троицким и другими членами Святейшего синода. Тем не менее по принципиальным вопросам «художественного руководства» герцогиня всегда советовалась с нею.

Когда два артиста Измайловской труппы, чтобы добыть денег на свою нищенствующую братию, стали разносить по городу афишки и собирать для себя милостыню, огорченная герцогиня, по совету с матушкой-царицей, велела дать каждому из них около 200 батогов. Второстепенный актер затем был изгнан из театра, а главный актер уже на следующий день вышел на сцену в роли короля; роль супруги «батогированного» короля играла дочь маршала царицы Прасковьи.

Возле этого театра и выросла будущая правительница Российской империи.

Неожиданное решение верховников, перенесших русский престол в Милославскую ветвь дома Романовых, переменило и жизнь двенадцатилетней Елизаветы Екатерины Христины.

Она была взята ко двору.

Воспитательницею мекленбургской принцессы назначили вдову французского генерала госпожу Адеркас, а для наставления в истинах православной веры пригласили Феофана Прокоповича.

12 мая 1733 года принцесса Елизавета Екатерина Христина приняла святое крещение и была наречена Анной, а через месяц умерла ее мать, Екатерина Иоанновна, герцогиня Мекленбургская.

Замуж осиротевшая принцесса вышла за робкого, золотушного принца Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского, кажется, только для того, чтобы не выходить за Петра Бирона, потому что на самом деле она была влюблена в красивого саксонского посланника Линара.

Когда выяснилось, что этот роман семнадцатилетней принцессы — интрига прусского посланника барона Мардефельда, воспитательница, подкупленная им, была немедленно выслана за границу, а сам Линар по просьбе императрицы Анны Иоанновны отозван саксонским двором. Политические интересы, а они заключались в планах Остермана упрочить союз Российской и Австрийской империй, с помощью этого брака были соблюдены.

Удовлетворена была и императрица Анна Иоанновна. Ей нужен был наследник престола, и он появился...

Чувства самой семнадцатилетней принцессы, точно так же, как и чувства «батогированного» актера, изображавшего на ее четырехлетие в измайловском театре короля, никого не интересовали...

И вот эта женщина превратилась в правительницу Российской империи.

Ее робкому и покорному мужу поручили начальство над войском, присвоив для смелости звание генералиссимуса.

Верховное управление сосредоточили в кабинете министров, который был разделен теперь на три департамента: Миних, в звании первого министра, заведовал делами военными; Остерман, пожалованный в генерал-адмиралы, — дипломатическими сношениями и флотом; канцлер князь Черкасский и вице-канцлер граф Головкин — делами внутренними.

5.

Но не удалось Анне Леопольдовне пожить в свое удовольствие в отвоеванной у Бирона стране.

Ей и вообще немного оставалось жизни. 7 марта 1746 года, двадцати восьми лет от роду, Анна Леопольдовна умрет в затерявшихся посреди русских снегов Холмогорах...

Отважный Миних, освободивший Россию от Бирона, только после своего героического поступка понял, для *кого* он ее освободил.

«Характер принцессы раскрылся вполне после того, как она стала великой княгиней и правительницей, — писал герой Очакова в своих мемуарах. — По природе своей она была ленива и никогда не появлялась в Кабинете; когда я приходил к ней утром с бумагами, составленными в Каби-

нете, или теми, которые требовали какой-либо резолюции, она, чувствуя свою неспособность, часто мне говорила: “Я хотела бы, чтобы мой сын был в таком возрасте, когда мог бы царствовать сам”. Я ей всегда отвечал, что, будучи величайшей государыней в Европе, ей достаточно лишь сказать мне, если она чего-либо желает, и все исполнится, не доставив ей ни малейшего беспокойства.

Она была от природы неряшлива, повязывала голову белым платком, идучи к обедне, не носила фижм и в таком виде появлялась публично за столом и после полудня за игрой в карты с избранными ею партнерами».

Ордена, судя по мемуарам Миниха, Анна Леопольдовна раздавала в своей спальне. Именно там был награжден орденами Святого Андрея Первозванного и Святого Александра Невского посол польского короля Августа III Линар, сделавшийся теперь обер-камергером.

Отважному же Миниху, спасшему ее от Бирона, Анна Леопольдовна отплатила черной неблагодарностью.

А случилось это, когда осложнились отношения между Австрией и Пруссией и раскол прошел в стане победителей Бирона.

Миних за Пруссию стоял. Говорил, что туда надобно русских солдат послать, чтобы за Пруссию они воевали.

Остерман же Австрию, как всегда, поддерживал. И Линар тоже. Поэтому и Анна Леопольдовна Остермана поддержала...

Миниху пришлось в отставку подать.

Анна Леопольдовна пыталась задобрить фельдмаршала, снова и снова одаривая его бироновским имуществом. Назначила 15 000 рублей годового пенсиона, подарила бироновское имение Вартемберг в Силезии, однако фельдмаршал продолжал хмуриться. Редко теперь Анна Леопольдовна ложилась спать в том же покое, что и накануне.

Слишком хорошо было известно честолюбие Миниха, чтобы надеяться, будто он уедет в свой фатерлянд. Хорошо помнила Анна Леопольдовна сказанные про Миниха тетушкой Анной Иоанновной слова. Тогда, после заключения Белградского мира, Миних попросил титул князя Украинского.

— Очень скромен Миних! — сказала Анна Иоанновна. — Я всегда думала, что он будет просить у меня титул Великого князя Московского...

Целый год правила Анна Леопольдовна, и целый год боялась Миниха, пока 25 ноября 1741 года не вошла посреди ночи в ее спальню цесаревна Елизавета Петровна и не разбудила ее.

— Племяшечка! — ласково сказала она проснувшейся Анне Леопольдовне. — Пора вставать!

В ту ночь Брауншвейгская фамилия была арестована...

Младенца Иоанна Антоновича Елизавета Петровна увезла в свой дворец.

Никто не спал в ту ночь в Петербурге.

Народ толпами бежал за санями Елизаветы Петровны и кричал «ура!».

Проснувшийся от криков ребенок развеселился. Он подпрыгивал на коленях новой императрицы и махал ручонками.

— Бедняжка... — погладив его по головке, сказала дщерь Петрова. — Ты не знаешь, глупенький, отчего кричит народ. Народ радуется, что ты лишился короны.

И поцеловала ребенка в лобик.

Как покойника...

6.

Ему было шесть лет, когда умерла мать.

В шестнадцать лет его перевезли в Шлиссельбург, и окованные железом двери каземата захлопнулись за ним навсегда.

20 июля 1759 года Овцын докладывал Шувалову: «Доношу вашему высоко-графскому сиятельству, лекарь был и арестанта видел. Когда лекарь к нему вошел, он весьма оробел, и пока лекарь здесь был, он был смирен и с лекарем говорил весьма порядочно, а как лекарь отъехал, то опять беспокойствовать начал и был в великой амбиции, а особливо против меня. А сего числа по полудни в 6-м часу, когда ему воду на чай подали, он требовал, чтоб ему в чашку наливали, а когда в чашку воду наливать не

Бурхард Кристоф Миних. Гравюра 1764 г.

стали, то он закричал: "Пошлите мне скверного своего командира!"

Когда ж я к нему вошел и спросил, кого он спрашивал, то он стал меня бранить всякими сквернословиями; я закричал, чтоб он не беспокойствовал, на что он закричал: "Смеешь ли ты на меня кричать? Я здешней империи принц и государь ваш!" Я ему сказал, чтоб он такой пустой бредни не врал, а ежели спокоен не будет и станет врать, то будет крепче содержан и его бить станут».

Читая этот весьма недоброжелательный по отношению к узнику доклад, нетрудно заметить, что, называя себя императором, Иван Антонович отнюдь не бредил, как считает Овцын. И крики его, брань, попытки ударить тюремщиков тоже можно объяснить не только безумием. Странно было бы ждать, что законный русский император, осужденный на пожизненное заключение незаконными захватчиками престола, будет с радостью переносить свое заточение.

Тем не менее, хотя никаких прямых свидетельств безумности или недоразвитости Иоанна Антоновича нет, в нашей истории он априори записан в сумасшедшие.

И в общем-то это понятно.

Чтобы оправдать незаконный захват трона «дщерью Петровой» и возвращение трона в Петровскую (нарышкинскую) ветвь династии Романовых, и сам царь Иван Алексеевич, и все его потомство, вплоть до несчастного Иоанна Антоновича, объявлялись умственно неполноценными: «Царь Иоанн был от природы скорбен головой, косноязычен, страдал цингой, плохо видел и уже на восемнадцатом году от рождения, расслабленный, обремененный немощью духа и тела служил предметом сожаления и даже насмешек бояр, его окружавших... Из трех дочерей покойного каждая унаследовала многие черты слабого ума своего родителя... Природа, в соблюдении своих законов всегда неумолимая, не сделала исключения для дочери герцогини Мекленбургской при наделе или, вернее, при обделе Анны Леопольдовны умственными способностями...»

А с каким сладострастием описывали историки дома Романовых уродство детей, рожденных Анной Леопольдовной в холмогорских снегах?

«Принцесса Екатерина (1741 г.) — сложения больного, почти чахоточного, притом несколько глуха, говорит немо и невнятно; одержима всегда болезненными припадками... страдала цингой; в 38 лет была без зубов. Нрава робкого, уклонного, стыдливого. Принцесса Елизавета (1743 г.) на 10-м году возраста упала с каменной лестницы, расшибла голову; подвержена частым головным болям и припадкам. В 1777 г. страдала помешательством, но после оправилась. Принц Петр (1745 г.) имеет спереди и сзади горб; кривобок, косолап, прост, робок, застенчив, молчалив; приемы его приличны только малым детям. Нрава слишком веселого: смеется и хохочет, когда совсем нет ничего смешного. Страдает геморроидальными припадками; до обмороку боится вида крови. Принц Алексей

(1746 г.) — совершенное подобие брата в физическом и нравственном отношении...»

Говорилось, что достаточно взглянуть на силуэты этих несчастных, чтобы по профилям, по неправильной форме их голов догадаться о врожденном слабоумии.

Воистину чахлые, ядовитые плоды засохшей «милославской» ветви...

Насколько выгодно отличались плоды «нарышкинской» ветви, мы увидим, когда будем говорить об императоре Петре III, являвшемся прямым внуком Петра I, но традиционная история подобных сопоставлений, разумеется, избегает...

Чего же при таком подходе оставалось ждать от историков самому несчастному русскому императору Ивану Антоновичу?

В мраке заточения, терзаемый насмешками тюремщиков, влачил свое существование этот юноша, вся вина которого состояла только в том, что он был совершенно законным русским императором, пока во время безумной попытки поручика В.Я. Мировича освободить государя не вонзится — согласно инструкции, составленной немкой Екатериной Великой! — в сердце императора штык охранника.

Печальная судьба...

Не слишком завидно складывались жизни законных наследников российского престола в послепетровские десятилетия...

Полунемец император Петр Второй прожил всего четырнадцать лет.

Император Иван Антонович (на три четверти немец) — двадцать пять, но двадцать три из них — в тюрьме.

Следующего императора, Петра Третьего (тоже на три четверти немца), убил любовник жены-немки.

А императора Павла (почти чистый немец?) задушил посланный сыном (чистокровным немцем?) убийца*...

* Если верить мемуарам Екатерины II и считать Павла сыном Сергея Салтыкова, а не Петра III, то ситуация становится еще более драматичной. Получается, что полунемца Павла убивают с согласия Александра I, являющегося на три четверти немцем. Воистину это какая-то агрессия немецкой крови.

7.

Прискорбное зрелище являли тогда и Петербург, и вся Россия...

«Петербург расположен в 7—8 лигах вверх по Неве и построен на очень болотистой низменной местности... — писал англичанин Фрэнсис Дэшвуд. — Мне от нескольких человек достоверно известно, что при строительстве или скорее основании этого города и Кронштадта от голода и [скверного] воздуха, но главным образом от голода погибло 300 тысяч человек...

Теперешний обер-гофмейстер граф Бирон построил очень красивый манеж, который, я думаю, является самой прекрасной достопримечательностью Петербурга. Манеж выстроен весьма регулярным, хотя и из дерева. С внутренней стороны имеется круговая галерея, а арена для верховой езды очень большая и с точным соотношением [ширины и длины] два к трем. У графа семьдесят прекрасных лошадей, по нескольку из всех стран...»

Это описание, сделанное добросовестным человеком*, — приговор эпохе петровских реформ. Пожертвовать трехстами тысячами жизней** подданных ради возведения города, где самое красивое здание — конюшня временщика?

Нет, такого не знает история деспотий...

А смерть, как и во дни основания Петербурга, продолжала оставаться полноправной хозяйкой в городе. И при Анне Иоанновне она собирала здесь необыкновенно богатый урожай.

На равнодушие простых петербуржцев к смерти обратил внимание датский священник Педер фон Хавен: «Похороны и проводы умершего простого человека тоже обычно не производят большого впечатле-

* Фрэнсис Дэшвуд был весьма образованным человеком, в дальнейшем он стал в Англии бароном Ле Деспенсером и занял пост соминистра почт.

** Об огромных потерях среди строителей Петербурга упоминают лишь иностранцы. Отечественные источники говорят об этом вскользь.

ния... Я часто наблюдал, как лишь два парня приходили с телом, неся его на плечах на доске почти совершенно нагое, примерно так же, как носят муку к пекарю... Однажды два парня в обычной рабочей одежде так притащили тело. Но, словно путь показался им слишком долгим, положили в конце концов тело в пустынном месте на берегу реки, забросали его землей, а поскольку голова высовывалась из-под земли, они сломали шею и наконец с большим трудом зарыли ее в землю».

Отметим, что это свидетельства людей, сочувствующих Петру I и проводимым им реформам.

Это голоса из *его* лагеря.

Педера фон Хавена, например, чрезвычайно радует, что при Петре I было опубликовано постановление, согласно которому людям нельзя спорить о религиозных делах, под каким бы предлогом это ни делалось, стараясь внушить другим положения своей религии... Он с удовольствием отмечает, что принц Гессен-Гамбургский и граф Миних держат для себя и для немецких офицеров в армии пасторов, а кабинет-министр граф Остерман является виднейшим патроном евангелической общины.

И тем не менее и эти свидетели отмечают царящую вокруг нищету и разруху.

«Место, где живут ее величество и лучшая часть ее двора... именуется Адмиралтейским островом, — писал англичанин Фрэнсис Дэшвуд, побывавший в Петербурге в начале правления Анны Иоанновны. — Там построен Адмиралтейский дом, там же находятся канатный двор, пушечная литейня, верфь для строительства кораблей и камелей и т.д. Сейчас там на стапелях стоит 112-пушечный корабль, но он, пожалуй, может сгнить еще до спуска на воду».

Миних, занимавшийся укреплением Кронштадта, тоже докладывал императрице, что в кронштадтской гавани лежат ветхие военные суда, которые давно надобно разобрать и истребить, как ни к чему не годные, но для истребления потребуется множество рабочих рук.

И как тут не вспомнить, что ради флота Петр I и вел все свои войны.

«Скудость результатов, — отмечал П.Н. Милюков, — сравнительно с грандиозностью затраченных средств тут выступает особенно ярко. Уже не говорим об игрушечной флотилии, парадировавшей при взятии Азова. Но тотчас за этим неудачным выступлением Петр спешит одним росчерком пера создать настоящий большой торговый флот: землевладельцы построят ему 98 кораблей, и сам он построит 90. Вернувшись из Голландии, он забраковывает всю работу и начинает все сначала... Петр не тратил времени даром; каждый год ездил на свою воронежскую верфь; кроме личных усилий и забот, он положил там огромные суммы денег; сотни тысяч людей умерли от болезней и голода у гаванского строения (то есть у постройки новой Троицкой гавани возле Таганрога, так как по мелководному Дону спускать большие корабли оказалось невозможным).

Прутский поход сразу прикрывает все многолетнее дело: гавань срыта, суда отданы туркам или гниют на месте. Таким образом, ничего почти не приходится утилизировать для северного судостроения, куда Петр переносит теперь все свои заботы, стараясь как можно скорее нагнать упущенное время. В 1719 году у него уже 28 линейных кораблей, но сколько новых усилий для этого результата! Олонецкая верфь удовлетворяет только на первые годы после закладки Петербурга; перенесение ее в Петербург тоже оказывается недостаточным: по Неве нельзя выводить оснащенные корабли в море без углубления фарватера. Петербургскую верфь приходится дополнить кронштадтскою гаванью. Но после ряда новых усилий, после новых огромных жертв людьми и деньгами, и Кронштадт перестает удовлетворять: от пресной воды суда гниют вдвое скорее, по условиям места из бухты можно выйти только при восточном ветре, по условиям климата гавань только полгода свободна от льда. За несколько лет до смерти Петр находит новое место: Рогервик, недалеко от Ревеля. Прав-

да, шведы остановились перед страшными расходами и физическими препятствиями для укрепления этой бухты; но Петра такие пустяки не могут остановить. Снова люди десятками тысяч идут на новую работу; "все леса в Лифляндии и Эстляндии сведены" для деревянных ящиков, в которых погружают на морское дно камень, наломанный в соседних скалах. А неумолимые бури из года в год, при Петре и Екатерине, разносят всю людскую работу, так что наконец и этот проект, "стоивший невероятных сумм», приходится бросить".

И вот этот флот, построенный такой немыслимой ценой, догнивал...

Марина Цветаева писала про Петра I, который «остановил на абиссинском мальчике Ибрагиме черный, светлый, веселый и страшный взгляд. Этот взгляд был приказ Пушкину быть».

На овдовевшей племяннице Анне Иоанновне Петр I тоже остановил свой «черный, светлый, веселый и страшный взгляд». Правда, Анне Петр и на словах разъяснил, что надобно ехать в Митаву и жить там, окружив себя немцами. И этот взгляд, и это разъяснение и были приказ Бирону быть.

И было бы неверно противопоставлять Бирона Петру I только потому, что многое, построенное Петром I, при Бироне стремительно разрушалось или наполнялось содержанием, противным тому, которое хотел вложить Петр...

Нет...

На наш взгляд, все гораздо сложнее, и многое в царствовании Анны Иоанновны и Бирона было подчинено той логике перерождения, о которой и думал Петр I, когда: «На берегу пустынных волн/Стоял Он, дум великих полн,/И вдаль глядел...»

Читая эти пушкинские строки, мы, совершенно непроизвольно, раздвигаем границы пустоты. Нам представляется, что Петр I стоит на отвоеванной у противника территории, на которую не ступала никогда нога русского человека.

Это не совсем так...

Вернее, совсем не так...

Хорошо известно, что рядом с Санкт-Петербургом, в устье Ижоры, произошла в 1240 году знаменитая Невская битва. Святой князь Александр Невский разгромил тогда участников крестового, организованного римским папой, похода на Русь.

Мы твердо помним, что свет православия воссиял в этих краях задолго до крещения Руси, и это отсюда, из древнего уже и тогда Валаамского монастыря уходил крестить язычников Ростовской земли преподобный Авраамий. Всем известно, что и самая древняя столица Руси, Старая Ладога, находится всего в нескольких часах езды от Санкт-Петербурга...

Нет, не пустыня, а многие века населенная русскими людьми земля простиралась вокруг, когда Петр I встал на пустынном берегу Невы, выбирая место для новой столицы Российской империи.

И все же Пушкин гениально точно изобразил и внутреннее состояние Петра I, и сам выбор, сделанный первым русским императором. Место, где стоял Петр и где вскоре поднялся Санкт-Петербург, действительно было *пустым*. Из-за постоянных наводнений здесь не строилось ничего, кроме убогих чухонских изб. И такое *пустое* место и искал Петр I.

Санкт-Петербург закладывался им как город-символ. Символ разрыва Новой России с Древней Русью.

Однако, читая западных путешественников, побывавших в Петербурге во времена Анны Иоанновны, видишь, что они воспринимали эту символику как подлинное содержание русской истории и русской жизни.

Следом за Фридрихом Христианом Вебером, автором «Преображенной России», уже цитировавшийся нами Педер фон Хавен искренне думает, что так же, как Петр I, и все русские цари и князья любили католиков и протестантов.

«Прежде, — пишет фон Хавен об Александро-Невской лавре, — это был маленький монастырь, основанный русским героем по имени Александр или посвященный

ему; он в XIII веке защищал русскую веру и в битве одолел татар на том месте, где теперь на берегу Невы построен монастырь, почему его и назвали Невским».

Ошибка знаменательная. Простодушные протестанты не понимали, что благоверный князь Александр Невский сражался за православие не с татарами, а с предками самого фон Хавена и Фридриха Вебера.

И не потому они совершили эту ошибку, что не могли уточнить этот факт. Им и в голову не могло прийти, что Петр I поклоняется святому, всю земную деятельность которого он зачеркивает своими реформами.

Да и как могла прийти в голову путешественнику, попавшему в Петербург, мысль, что Россия когда-то боролась за свое православие, за сохранение национального порядка и обычаев, если Петр I все монастыри предлагал обратить «в рабочие дома или дома призрения для подкидышей или военных инвалидов, монахов превратить в лазаретную прислугу, а монахинь — в прядильщицы и кружевницы, выписав для того кружевниц из Брабанта»?

О каком особом русском христианстве могла идти речь, если согласно «Правилам», приложенным к «Духовному регламенту», православным монахам «под жестоким на теле наказанием» не разрешалось держать по кельям «писем, как выписок из книг, так и грамоток светских... чернил и бумаги»?

«Пожалуй, не найти другого такого города, где бы одни и те же люди говорили на столь многих языках, причем так плохо... — пишет о Петербурге фон Хавен. — Но сколь много языков понимают выросшие в Петербурге люди, столь же скверно они на них говорят. Нет ничего более обычного, чем когда в одном высказывании перемешиваются слова трех-четырех языков. Вот, например: Monsieur, Paschalusa, wil du nicht en Schalken Vodka trinken, Isvollet, Baduska. Это должно означать: "Мой дорогой господин, не хотите ли выпить стакан водки. Пожалуйста, батюшка!" Говорящий по-русски немец и говорящий по-немецки русский обычно совершают столь много ошибок, что строгими критиками их речь могла бы быть принята за новый иностранный язык. И юный Петербург в этом отношении можно было бы, пожалуй, сравнить с древним Вавилоном».

Сравнение Петербурга с Вавилоном отражает, как нам кажется, не только языковую ситуацию в юной столице...

Вдумаемся еще раз, что же происходило в этом северном Вавилоне на русском троне.

После Петра Первого, который стал последним русским по крови русским императором, на трон была возведена чистокровная немка Екатерина Первая. Ее сменил на троне полунемец Петр Второй. После его смерти верховники возвели на престол русскую императрицу Анну Иоанновну. Русская Анна Иоанновна передала престол полунемке Анне Леопольдовне и ее сыну, на три четверти немцу Иоанну Антоновичу, а правителем назначила чистокровного немца Бирона. Его свергнул такой же немец Миних, чтобы полунемку Анну Леопольдовну и на две трети немца Иоанна Антоновича свергла полунемка Елизавета Петровна и назначила наследником немца на три четверти — Петра Третьего, которого свергнет уже чистокровная немка Екатерина Вторая...

Император Павел имел не так уж много русской крови. Еще меньше русской крови было у его сыновей... Они были почти такими же чистыми немцами, как их бабка, но они были немцами, рожденными здесь, в Петербурге...

Что это?

Мистический ужас вызывает это перерождение династической крови.

Сравнение Петербурга с Вавилоном отражает, как нам кажется, и мистическую предназначенность города.

Эта новая вавилонская башня воздвигалась Романовыми на русских костях, но в результате под обломками оказалась погребена и династия, и сама построенная Романовыми русская империя.

Глава четвертая

БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ

Петр I и его преемники делали все, чтобы отлучить русский народ от православной веры.

«До Петра Великого, — писал М.А. Фонвизин, — русская церковь, сохраняя свои канонические права, была независима. Он и на церковь наложил свою железную руку. Упразднением патриаршества и учреждением Синода Петр, безусловно, подчинил и церковь своему произволу... Петр хотя формально и не провозгласил себя главою православной церкви грекороссийской, но по формуле установленной им присяги для членов Синода и архиереев при их возведении в сан он существенно сделался ее главою. Синод вошел в череду прочих административных учреждений и стал, безусловно, зависеть от произвола царя. Светский и часто военный чиновник под странным названием оберпрокурора Святейшего правительствующего Синода именем государя полновластно действует в этом церковном соборе и полновластно управляет духовенством. Этим Петр унизил и церковь, и ее пастырей...»

Слово «унизил» тут не совсем точное.

«Монахам никаких по кельям писем, как выписок из книг, так и грамоток светских, без собственного ведения настоятеля, под жестоким на теле наказанием, никому не писать и грамоток, кроме позволения настоятеля, не принимать, и по духовным и гражданским регулам чернил и бумаги не держать...»

Это цитата не из Емельяна Ярославского, а из «Правил», приложенных к «Духовному регламенту...»

«18-го августа, — сказал по данному поводу А.С. Пушкин, — Петр объявил еще один из тиранских указов: под смертною казнию запрещено писать запершись. Недоносителю объявлена равная казнь».

А отмена Петром I тайны исповеди, превращение им священства в официальных осведомителей Тайной канцелярии? Как-то не вмещается это надругательство над Русской православной церковью в слово «унизил...»При Петре Первом появился указ, по которому в монахи могли поступать только увечные и убогие люди. И это на Руси, где монастыри были главными центрами духовности и просвещения, в стране, где святые были лучшими людьми своего времени*...

Но Бог не бывает поругаем. И мы видим чудо...

Именно в Петербурге, в той самой столице неведомой доселе рабовладельческой империи, где воздвигают Романовы вавилонскую башню антирусского абсолютизма, является первая после петровских реформ святая, которую еще при жизни признал русский народ святой — блаженная Ксения Петербургская.

1.

Словно ангел, возникает она в душноватой и мутной атмосфере царствия Анны Иоанновны неведомо откуда и неведомо как...

Хотя и жила Ксения Григорьевна в городе, устроенном Петром Первым по западному образцу со всей положенной регулярностью и полицейской бюрократией, хотя и принадлежала по происхождению к привилегированному обществу, но не уловилась в бюрократическое сито ее, из молитв и чудотворений сотканная жизнь...

Не сохранилось ни точной даты рождения Ксении, ни сведений о ее родителях...

---

* Современный исследователь Я. Гордин считает, что монастыри пугали и раздражали царя не потому, разумеется, что туда могли сбежаться все поселяне, оставив государство без работников, — вместимость монастырей была вполне ограничена, а прежде всего как очаги грамотности, из коих могли выходить «подметные письма», враждебные ему сочинения, где могла создаваться «летопись его деяний».

О земной жизни святой Ксении достоверно известно только то, что про нее ничего достоверно не известно.

Исследователи полагают, что родилась блаженная Ксения в 1731 году — в самом начале правления Анны Иоанновны. Это можно было бы назвать случайным совпадением, только что случайно в Божием мире?

И разве можно назвать случайностью, что Господь послал русскому народу праведницу и утешительницу именно тогда, когда опустилась над нашей Родиной страшная ночь бироновщины?

1731 год памятен многими событиями...

В январе с рыбным обозом из Холмогор пришел в Москву 19-летний помор Михайло Ломоносов, «гоняющийся за видом учения везде, где казалось быть его хранилище». Его приняли в Славяно-греко-латинскую академию при Заиконоспасском монастыре.

Открыли Ладожский обводный канал. Все таможенные и кабацкие сборы на этом канале были отданы «в диспозицию» директору строительства Бурхарду Христофору Миниху.

Учредили кабинет министров. В него вошли граф А.И. Остерман, князь А.М. Черкасский, граф Г.И. Головкин. Сенат лишен верховной власти. Синод подчинен Сенату, в результате чего все православные архиереи попали в зависимость от лютеранина Остермана.

Восстановили Канцелярию Тайных розыскных дел.

В тот же год скончался 51-летний святой Иннокентий Иркутский, первый в Сибири прославленный чудотворец, и умерла 62-летняя царица Евдокия Федоровна, первая жена царя Петра I, дочь окольничего Иллариона Лопухина, мать царевича Алексея, бабушка императора Петра II.

Еще в том году сделано было очередное ограничение прав русских крестьян. Им запретили брать подряды, торговать в портах и заводить фабрики.

И еще... В начале 1731 года полковник Федор Степанович Вишневецкий, возвращаясь из Венгрии, куда ездил за вином для Анны Иоанновны, встретил в селе Чемер у дьячка церкви воспитанника Алексея Розума и привез его в Петербург. Обер-гофмаршал граф Рейнгольд Левенвольде поместил мальчика в хор при Большом дворце. Здесь черноглазого казачка увидела цесаревна Елизавета и уговорила Левенвольде уступить юного хориста. Через несколько лет, когда камер-пажа цесаревны, сержанта Алексея Никифоровича Шубина, сослали на Камчатку, Алексей Розум занял его место в постели Елизаветы. Он стал к тому времени высоким, чрезвычайно красивым брюнетом.

Есть, есть зловещая логика в совпадении дат начала правления Бирона, любовника императрицы Анны Иоанновны, с датой появления в Петербурге Алексея Григорьевича Разумовского, которому предстоит стать любовником будущей императрицы Елизаветы Петровны — двоюродной сестры Анны Иоанновны.

Обыкновенно историки не сопоставляют фигур этих фаворитов — настолько разнится угрюмо-воинственная курляндская ментальность с открытым, распевно-малороссийским характером...

Однако, если приглядеться внимательнее, обнаруживается, что сходство в фаворитах двух императриц все же имеется, причем настолько разительное, что заслоняет собою все различия.

И Бирон, и Разумовский получили практически неограниченную власть в России, будучи абсолютно неподготовленными к ней, как, впрочем, и их коронованные благодетельницы.

Одинаково стремительным было возвышение их.

Эрнста Иоганна Бирона сразу после уничтожения кондиций Анна Иоанновна возвела в обер-камергеры и даровала ему графский титул. Вскоре он стал графом Римской империи и был возведен на курляндский престол.

30 ноября 1741 года, сразу после переворота, Алексей Разумовский был пожалован в камергеры и поручики лейб-компании с чином генерал-поручика, а при коронации 25 апреля 1742 года был пожалован в обер-егермейстеры и награжден орденом апостола Андрея Первозванного.

Разумовский был простодушным человеком, любившим выпивку, Малороссию и свою украинскую родню. Бирон любил лошадей, Курляндию и свою немецкую родню.

Густав, младший брат Бирона, к тридцати двум годам стал генерал-майором, а к тридцати восьми — генерал-аншефом. Кирилла, младшего брата Разумовского, в восемнадцать лет назначили Президентом Императорской Академии наук, а в двадцать два года — гетманом Украины.

И Бироны, и Разумовские за годы постельной службы при сестрах-императрицах приобрели гигантские состояния.

При Бироне — знатоке и любителе лошадей — наступило засилье немцев. Особенно ярко это проявилось в конной гвардии. При Разумовском, любителе и знатоке церковного пения, немцев потеснили малороссияне*.

* О том, насколько уродливым было украинское засилье, например в церковной жизни, свидетельствует история, опубликованная в «Русском архиве» в 1866 году.

«...Одно время в Троице-Сергиевой лавре была половина монашествующих великороссы, другая — малороссияне. Они образовали две партии, не сочувствовавшие друг другу. Однажды эта неприязнь малороссиян обнаружилась и перед императрицей.

Архимандриту, который был малоросс, дали знать, что императрица будет в Лавре. Собрав своих земляков, он сказал: "Ее императорское величество изволит прибыть в нашу Лавру, а, как ей известно, что молитвами преподобного Сергия Господь взыскал Лавру богатством, и как ее императорское величество любит велелепие, то постарайтесь явиться пред лицом ее величества в лучших одеждах". А великороссам он присоветовал одеться как можно хуже, чтоб показать себя во всем монашеском смирении. И те, и другие исполнили распоряжение архимандрита. Императрица заметила это резкое различие в одеянии братии и спросила: "Лавра всем изобилует. Отчего же одни одеты хорошо, а другие бедно и худо?" На это архимандрит ответил: «Потому, ваше величество, что братия из малороссов трезвы и благоприличны, а великороссы невоздержанны и нерадивы"».

Мало чем отличались при ближайшем рассмотрении и сами сестры-императрицы. Даже внешне они только некрасивы были по-разному. Анна была рябоватой, а Елизавета имела толстый, приплюснутый нос... Но эту некрасивость, если верить заискивающе-льстивым заверениям современников, с успехом компенсировали прелестные глаза и величественная фигура у Анны, и великолепные глаза, красивые ноги, ослепительный от природы цвет лица у Елизаветы.

Впрочем, сохранившимся портретам тоже трудно верить, как и воспоминаниям современников, поскольку доподлинно известно, что Елизавета Петровна, к примеру, сама их редактировала и нигде не допускала правдивого изображения своего носа, и вообще никогда не позволяла изображать себя в профиль.

Хотя, конечно, зная, как изменяют женщину даже только косметика и одежда, удивляться преображению сестер-императриц в красавиц не приходится. Ведь их украшала еще и Российская империя, безраздельными повелительницами которой они были.

Но не только некрасивость объединяла двоюродных сестер...

Схожим было воспитание и главное — несчастливая семейная судьба.

Анне было всего три года, когда умер отец, и ее с матерью и сестрами взял под покровительство дядя — Петр I. Царице Прасковье Федоровне, набожной по воспитанию, пришлось тогда делить время между церковными службами и театральными зрелищами, паломничествами и ассамблеями.

Необходимость прилаживаться, угождать, обманывать влияла и на будущую императрицу. Детство ее, как мы уже говорили, прошло в условиях, при которых невозможно окрепнуть воле, нельзя выработаться характеру.

Обучалась она, кажется, только русской грамоте и немецкому языку. Учитель французского языка и танцев оказался негодным преподавателем, да к тому же и фран-

цузского языка, похоже, не знал. Ничего хорошего из его уроков не вышло.

Детство Елизаветы подпортила другая червоточина ...

Она была зачата среди тревог, связанных с наступлением Карла XII на Украине, ее вынашивали под победный грохот Лесного и Полтавы*...

Она и родилась 18 декабря 1709 года, как раз в тот день, на который был назначен торжественный въезд Петра I в Москву. Считается, что известие о рождении дочери заставило его отложить «парад» шведских пленных по улицам Москвы.

И все было хорошо и замечательно, кроме одного. Когда родилась Елизавета Петровна, Петр Первый еще не обвенчался с ее матерью Мартой Скавронской, и Елизавета Петровна оказалась незаконнорожденной**.

После того как Петр I узаконил свои отношения с Екатериной, узаконенной оказалась и Елизавета, но быт военно-полевой семьи не менялся, и говорят, что юная принцесса выучивала слова в такой последовательности: мама, тятя, сольдат, каша, водка...

Подростком, одетая по походной моде в бархатный лиф, красную коротенькую юбку, а особенно в мужском костюме, обрисовывавшем все ее формы, и потому особенно любимом ею, Елизавета была неотразима. Она возбуждала мужчин, очаровывая их своей молодостью и веселостью.

Всегда легкая на подъем, юная принцесса носила иногда на ассамблеях, по обычаю барышень из Немецкой слободы, ангельские крылья... В январе 1722 года, объявляя ее совершеннолетней в присутствии многолюдного собрания, Петр, согласно обычаю все той же Немецкой слободы, ножницами эти крылья ей обрезал. Ангел превратился в женщину.

Любопытно, что как раз в этот год совершеннолетия Елизаветы, 17 мая, по настоянию Петра I Синодом была отменена тайна исповеди. Священников обязали сообщать в Преображенский приказ о всех злоумышлениях «без всякого прикрывательства».

Впрочем, к самой Елизавете этот указ прямого отношения не имел.

С нею хватало других забот.

Хотя Екатерина и была теперь обвенчана с Петром и даже коронована как императрица, печать незаконнорожденности лежала на Елизавете, и пристроить ее замуж, согласно ее положению, не получалось. И Людовик XV, и герцог Орлеанский отклонили честь предложенного им Петром I брачного союза. Неудачной оказалась попытка Екатерины I выдать дочь за побочного сына Августа II, графа Морица, и после смерти супруга.

В придачу к руке невесты Мориц решил получить герцогство Курляндское, а там сидела безутешная вдова Фридриха Вильгельма — Анна Иоанновна. Судьба так распорядилась, что Анна Иоанновна еще и тут опередила двоюродную сестру...

Следующим претендентом на руку Елизаветы Петровны стал епископ Любский, Карл-Август Голштинский, младший брат правящего герцога Голштинского Карла-Фридриха. У Елизаветы Петровны появилась возможность еще раз породниться со своей родной сестрой Анной Петровной. Этому — увы! — сбыться не довелось... Любский епископ Карл-Август Голштинский помер почти одновременно со своей несостоявшейся тещей Екатериной I.

Елизавета, одновременно осиротевшая и овдовевшая, вознамерилась выйти замуж за своего племянника, императора Петра II, и

---

* Может быть, этим и объясняется такое пристрастие Елизаветы к Украине. При ее дворе и до Разумовского было немало малороссов. Это — священники отец Констанций и Федор Дубянский, камер-лакей Котляревский, секретарь Мирович, бандурист Григорий Михайлов.

** Между прочим, тайное венчание Петра с Мартой Скавронской, бывшей любовницей Шереметева и Меншикова, будущей русской императрицей Екатериной Алексеевной, произойдет только в 1711 году, том самом году, когда так несчастливо овдовеет юная герцогиня курляндская Анна Иоанновна.

даже сумела разорвать его отношения с Марией Александровной Меншиковой, но далее последовала неудача. Елизавету Петровну опередила гораздо более привлекательная и молоденькая Катенька Долгорукая. Вернее, опередили ее Катенькины родственники, но для самой «дщери Петровой» это ничего не меняло — опять она осталась без законного супруга.

Как и двоюродная сестра, искавшая утешения вначале в объятиях Бестужева, а потом Бирона, искала Елизавета утешения в объятиях сержанта Алексея Никифоровича Шубина, а потом и Алексея Григорьевича Разумовского...

Одинаково случайным было и восшествие на русский престол Анны и Елизаветы.

Ничем другим, кроме смутного желания верховников «себя полегчить», не объяснить избрания императрицей Анны Иоанновны.

Ничем, кроме поразительной настойчивости иностранцев (маркиза Шетарди и доктора Лестока), устраивавших переворот с целью изменения внешней политики России, не объяснить превращения в императрицу ленивой и нерешительной Елизаветы Петровны.

Конечно, не малый вклад в успех переворота внесла детская беспечность Анны Леопольдовны. Ее предупреждали об интригах сестры, но правительницу гораздо более занимали ленточки и бантики, пришитые к одежде сына императора, а не происки глупой, как она считала, сестрицы*.

Почти все историки говорят, что переворот, осуществленный Елизаветой, имел поддержку в народе, в армии, и был обусловлен реакцией на немецкое засилье. В принципе это верно, с той только оговоркой, что поддержка армии и ликование народа проявились уже после переворота, а сам переворот осуществлялся столь же тихо и бескровно, как и свержение фельдмаршалом Минихом регента Бирона.

Говорят, что роль пускача переворота сыграл Лесток. Родился этот Лесток в Ганновере, обучался хирургии в Париже, где успел посидеть и в Бастилии. В России тоже сперва оказался в Сибири, и только по возвращении сделался хирургом великой княгини.

Узнав, что заговор раскрыт и цесаревна уже вымолила у правительницы прощение себе, он, понимая, что его никто прощать не будет, примчался к Елизавете Петровне и, будучи недурным художником, вдохновенно излил страхи за свою судьбу и жизнь в аллегорической картине. В одной половине картины он изобразил Елизавету Петровну сидящей в короне на троне... В другой — ее же, но в монашеском одеянии, окруженной орудиями пыток. Надпись под картиной гласила: «Выбирайте!»*

Аллегория огорчила Елизавету, но окончательно решилась она приступить к делу, когда Лесток в присутствии сержанта Грюнштейна заявил о своем нехорошем предчувствии.

— Мучат меня опасения, — сказал он, — что я расскажу под кнутом обо всех участниках заговора.

Посовещавшись, надумали, что неплохо бы раздать в казармах денег. Мысль была неплохая, но где взять деньги?

Елизавета сказала, что у нее всего триста рублей и драгоценности. Послали попросить денег у маркиза Шетарди. Маркиз пообещал дать на заговор две тысячи рублей, но... потом, когда партнер по картам вернет ему долг**...

---

* Существует версия, что Анна Леопольдовна получила письмо от Линара, сообщавшего о заговоре, устроенном Шетарди и Лестоком в пользу цесаревны Елизаветы. Когда Анна Леопольдовна спросила об этом Елизавету, та пала на колени и стала умолять правительницу, чтобы та арестовала Лестока и запретила ездить к ней Шетарди, но ее, сироту, простила бы. Анна Леопольдовна тоже заплакала, и этим дело и закончилось.

* По другой версии, надпись под картиной гласила: «Сего же вечера одно, или завтра другое».

** Эта жадность дорого обошлась маркизу. Принц Конти весьма порицал его, что «революция произошла без нашего участия».

Елизавета заложила свои драгоценности, и на эти деньги Лестоку удалось подкупить тринадцать гренадер.

К ночи у Елизаветы собрались все ее приближенные.

Алексей Григорьевич Разумовский... Три брата — Александр Иванович, Иван Иванович, Петр Иванович Шуваловы... Михаил Воронцов... Принц Гессен-Гамбургский...

Пришли и родственники: Скавронские, Ефимовские, Гендриковы, Салтыковы...

На Елизавету надели орден святой Екатерины, вложили в руки крест и посадили в сани. На запятки вскочили братья Шуваловы. В другие сани уселись Разумовский, Салтыков, Грюнштейн...

Когда поезд заговорщиков прибыл к казармам, там был только один офицер, остальные разошлись отдыхать по своим квартирам. Караульный солдат ударил тревогу, но Лесток порвал кулаком барабан и прекратил опасный шум. Тринадцать гренадер тем временем разбежались по казармам.

Когда начали собираться солдаты, Елизавета вышла из саней.

— Знаете ли вы, чья я дочь? — спросила она.

— Знаем! — отвечали солдаты.

— Меня хотят заточить в монастырь... Готовы ли вы защитить меня?

— Готовы, готовы, матушка... — закричали солдаты. — Веди нас! Всех перебьем!

По разным подсчетам, в перевороте принимало участие от ста до трехсот солдат. Часть из них отправилась арестовывать Миниха, Левенвольде, Остермана и Головкина, а отряд, возглавляемый цесаревной, двинулся к Зимнему дворцу.

Зная пароль, заговорщики вплотную подошли к окоченевшим у главного входа часовым и разоружили их. В кордегардии заговорщиков попытался задержать офицер, но был повален на пол и связан.

Теперь оставалось только найти спальню Анны Леопольдовны.

— Сестрица, — разбудила ее Елизавета, — пора вставать!

Брауншвейгская фамилия была арестована, а младенец Иван VI Антонович увезен во дворец Елизаветы.

Анне Иоанновне было 37 лет, когда она стала русской императрицей. Елизавете Петровне — 32 года.

Пользуясь выражением В.О. Ключевского, отметим, что молодость обеих сестер прошла «не назидательно». Ни Анну Иоанновну, ни Елизавету Петровну не готовили к тем многотрудным обязанностям, которые им предстояло исполнять. Они оказались на вершине власти, не зная, что делать с этой властью.

Анна Иоанновна, даже и принимая доклады министров, думала, как бы поскорее улизнуть в конюшню к любимому герцогу, а Елизавета Петровна и в тронной зале вела себя, как в девичьей, из-за пустяков выходила из себя и публично бранилась с послами и царедворцами «самыми неудачными словами»*.

О результате правления Анны Иоанновны мы уже говорили.

О правлении Елизаветы Петровны довольно точно сказал Н.И. Панин: «Сей эпок заслуживает особливое примечание: в нем все было жертвовано настоящему времени, хотениям припадочных людей и всяким посторонним малым приключениям в делах».

Считается, что при Анне Иоанновне направление политики определял Бирон.

---

* Как остроумно заметила Екатерина II, при Елизавете Петровне «не следовало совсем говорить ни о прусском короле, ни о Вольтере, ни о болезнях, ни о покойниках, ни о красивых женщинах, ни о французских манерах, ни о науках; все эти разговоры ей не нравились. Кроме того, у нее было множество суеверий, которых не следовало оскорблять; она также бывала настроена против некоторых лиц, и тогда она всегда была склонна перетолковывать в дурную сторону все, что бы они ни говорили, а так как окружавшие охотно восстанавливали ее против очень многих, то никто не мог быть уверен в том, не имеет ли она чего-нибудь против него...»

Считается, что Разумовский при Елизавете Петровне в политику не лез...

Это не совсем так.

Не столь явным было вмешательство в политику Бирона, и не столь очевидной отстраненность от политики А.Г. Разумовского. Известно, например, что под горячую руку граф-певун бивал батогом и всесильного конференц-министра Петра Ивановича Шувалова, того самого, который, как выразился историк С.Ф. Платонов, был «человек без принципов, без морали и представлял собой темное лицо царствования Елизаветы...»

Почему-то считается, что правление полунемки Елизаветы Петровны освободило Россию от засилья немцев, возникшего при русской Анне Иоанновне.

«С воцарением Елизаветы, — восторженно писал Н.Г. Устрялов, — исчезло мнение, что только иноземцы могут поддерживать творение Петра Великого. Престол ее окружили одни русские вельможи; все отрасли государственного управления вверены были русским. Господство иноземцев кончилось: устрашенные падением Бирона, Миниха, Остермана, друзья и помощники их спешили удалиться».

Суждение это не вполне согласуется со свидетельствами современников и другими фактами.

Немка Екатерина II, например, никакого утеснения иностранцев при дворе Елизаветы Петровны не заметила. Напротив, она подчеркивала, что русский двор был разделен тогда на две больших партии:

«*Во главе первой,* начинавшей подниматься после своего упадка, *был вице-канцлер, граф Бестужев-Рюмин*; его несравненно больше страшились, чем любили; это был чрезвычайный пройдоха, подозрительный, твердый и неустрашимый, по своим убеждениям довольно-таки властный, враг непримиримый, но друг своих друзей, которых оставлял лишь тогда, когда они повертывались к нему спиной, впрочем, неуживчивый и часто мелочный. Он стоял во главе коллегии иностранных дел; в борьбе с приближенными императрицы он, перед поездкой в Москву, потерпел урон, но начинал оправляться; *он держался Венского двора, Саксонского и Англии...*

Враждебная Бестужеву *партия держалась Франции, Швеции, пользовавшейся покровительством ее, и короля Прусского;* маркиз де ла Шетарди был ее душою, а двор, прибывший из Голштинии, — матадорами; они привлекли графа Лестока, одного из главных деятелей переворота, который возвел покойную императрицу Елизавету на русский престол.

Этот последний пользовался большим ее доверием; он был ее хирургом с кончины Екатерины I, при которой находился, и оказывал матери и дочери существенные услуги, у него не было недостатка ни в уме, ни в уловках, ни в пронырстве, но он был зол и *сердцем черен и гадок* (выделено нами. — *Н.К.*).

Все эти иностранцы поддерживали друг друга и выдвигали вперед Михаила Воронцова, который тоже принимал участие в перевороте и сопровождал Елизавету в ту ночь, когда она вступила на престол. Она заставила его жениться на племяннице императрицы Екатерины I, графине Анне Карловне Скавронской, которая была воспитана с императрицей Елизаветой и была к ней очень привязана.

К этой партии примкнул еще граф Александр Румянцев, отец фельдмаршала, подписавшего в Або мир со шведами, о котором не очень-то совещались с Бестужевым. Они рассчитывали еще на генерал-прокурора князя Трубецкого, на всю семью Трубецких и, следовательно, на принца Гессен-Гомбургского, женатого на принцессе этого дома. Этот принц Гессен-Гомбургский, пользовавшийся тогда большим уважением, сам по себе был ничто и значение его зависело от многочисленной родни его жены, коей отец и мать были еще живы; эта последняя имела очень большой вес».

Свидетельство Екатерины II опровергает мнение о некоей кадровой революции, произошедшей при дворе после воцарения

Елизаветы Петровны. Как мы видим, иностранцы сохраняли свое влияние при дворе, а многие русские царедворцы благополучно правили и при Анне Иоанновне, и при Елизавете Петровне. Это касается и Бестужева, и князя Черкасского*.

Рассказывают, что этот царедворец отличался поразительной нерешительностью. Самую простую бумагу, требовавшую его подписи, перечитывал он по несколько раз, брал перо, откладывал его, снова перечитывал бумагу, и в результате бумага так и оказывалась неподписанной.

Впрочем, нелепо было и ждать перемен. И Анна Иоанновна, и Елизавета Петровна были двоюродными сестрами, но обеих воспитывали по указаниям Петра I, и поэтому обе они могут считаться родными дочерями того зла, которое нес в себе Петр и которое он насаждал в России...

И та странная легкость, с которой восходят на престол его воспитанницы, не случайность, а закономерность. В каком-то смысле это было предопределено самим характером петровских реформ, логикой строительства того государства, которое он задумал.

Раньше Россия была более ориентирована на защиту своих национальных интересов, теперь, когда наши цари стали чистокровными немцами, России приходилось влезать во все трения европейских государств между собою и, не жалея сил, без всякой пользы для себя, улаживать их.

Русское дворянство из сословия служивого превратилось при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне в сословие рабовладельцев взамен и в награду за поддержку онемечивания правящей династии.

Онемеченная русская Анна Иоанновна назначила своим наследником Ивана Антоновича, обладателя — он был сыном полунемки и чистокровного немца — четвертинки русской крови. Полунемка Елизавета Петровна назначила наследником такого же «четвертничка» — Петера Карла Ульриха.

И в выборе наследников сестры поступили одинаково...

Анне Иоанновне, когда она умерла, было сорок семь лет. Елизавете Петровне — пятьдесят два года. Обе умерли еще не старыми. Обе — от пресыщения своих страстей...

Справедливости ради отметим, что были и различия. Анна Иоанновна если и ощущала себя православной, то только во времена жизни у матушки в Измайлове, а в дальнейшем она явно склонялась к протестантизму. Ну а Елизавета Петровна, и превратившись в протестантку, искренне продолжала считать себя православной.

Елизавета Петровна соблюдала посты и при этом не пропускала ни одного спектакля. От вечерни она шла на бал, а прямо с бала, затянувшегося до утра, ехала в церковь и молилась там часами с графом Разумовским. Иногда императрица так долго оставалась в церкви, что придворные начинали опасаться, не померла ли она...

Любила Елизавета Петровна и богомолья.

«Императрица поехала на богомолье в Троицкий монастырь, — пишет в своих «Записках» Екатерина II. — Ея Императорское Величество хотела пройти эти пятьдесят верст пешком и для этого отправилась в свой дом, в Покровское; нам тоже велели направить путь к Троице, и мы поселились на этом пути, в одиннадцати верстах от Москвы, на очень маленькой даче, принадлежавшей Чоглоковой и называвшейся Раево... Императрица делала пешком три-четыре версты, потом отдыхала несколько дней. Это путешествие продолжалось почти все лето».

Почти после каждого перехода императрица садилась в карету и ехала на бал, чтобы на следующий день возобновить свое паломничество.

2.

В эти правления, которые могут быть названы правлениями дочерей романовского разврата, и возрастает блаженная Ксения Петербургская.

* Екатерина II называет его почему-то бароном Черкасовым.

Считается, что в 1755 году ее выдали замуж...

Это были неурожайные, голодные годы...

Крестьяне умирали от голода, но именно в эти годы, чтобы оградить дворян от произвола ростовщиков, учредили государственный дворянский банк. Капитал его был образован из денег, получаемых от продажи вина.

Именно в эти годы начинается по проекту архитектора В.В. Растрелли грандиозное строительство Зимнего дворца в Петербурге.

И еще два события произошли накануне вступления Ксении Григорьевны в самостоятельную жизнь.

20 сентября 1754 года у великой княгини Екатерины Алексеевны родился сын, нареченный Павлом, — будущий российский император. Считалось, что с рождением ребенка — наследника престола завершается миссия Екатерины II в России. Ребенка сразу отняли у матери, и теперь она «могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать о его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем императрица, и это могло быть принято очень дурно».

А 10 декабря 1754 скончался святитель Иоасаф Белгородский, 49 лет от роду. Про святителя говорили: «Умер он, умерла с ним и молитва».

Родился император Павел...

Скончался святитель, с которым умерла молитва...

Кажется, что события эти никоим образом не связаны с вступлением в самостоятельную жизнь Ксении Григорьевны, и тем не менее связь существует.

Как мы знаем из нашей истории, Павел мог и не стать русским императором. Слишком могущественные силы не желали этого. На пути к престолу стояла сама его мать — императрица Екатерина II.

Как предвестие этого беззакония, как свидетельство того, что любое беззаконие возможно в мире, где «умерла молитва», в 1756 году по приказу Елизаветы заключили в Шлиссельбургскую крепость императора Иоанна VI Антоновича.

Произошло это как раз накануне завершения короткой семейной жизни Ксении Григорьевны.

И вот тут мы подходим к совершенно загадочному и необъяснимому.

Считается, что мужем Ксении Григорьевны был Андрей Федорович Петров. Он пел в придворном хоре императрицы и носил чин полковника. Откуда взялись эти подробности, неведомо. В списках певчих дворцовой капеллы имя Андрея Федоровича Петрова не значится. Это весьма странно, учитывая его чин...

В принципе придворных певчих тогда награждали и награждали очень неплохо. Придворный певчий Яков Шубский получил в награду за пение потомственное дворянство. Певчий Алексей Розум стал графом Разумовским, а его брат президентом Академии наук и гетманом Украины.

Однако, минуя постель императрицы, до чина полковника дослужился, кажется,

Святая блаженная Ксения Петербургская

один только певчий — Марк Полторацкий. Но он был регентом.

Кем же был в дворцовой капелле Андрей Федорович Петров, если он имел чин полковника или соответствующий ему по табели о рангах? И главное, почему об этом не сохранилось никаких сведений?

Ответа на это нет, и резонно задаться вопросом, а был ли вообще в реальной жизни полковник Андрей Федорович Петров, певчий дворцовой капеллы? Ведь известно о нем только из рассказов самой Ксении Григорьевны, из преданий о ее жизни...

Так почему же не допустить, что и имя супруга, и звание его — лишь тот язык святого юродства, на котором выражала Ксения Григорьевна мысль, которую необходимо было постигнуть русским людям, жившим тогда? Ту мысль, которую боимся постигнуть мы и два с половиной столетия спустя...

— Бедный Андрей Федорович осиротел... — говорила Ксения Григорьевна в 1757 году, начиная исполнение своего подвига юродства. — Один остался на свете...

— Как же ты жить теперь будешь, матушка? — соболезнующе спрашивали у нее.

— Похоронил свою Ксеньюшку, теперь Андрею Федоровичу Петрову ничего не нужно... — отвечала Ксения Григорьевна. — Дом я подарю тебе, Прасковья, только ты бедных даром пускай жить. Вещи сегодня же раздам, а деньги в церковь снесу, пусть молятся об упокоении рабы Божией Ксении...

Многие тогда думали, что молодая вдова лишилась рассудка.

Детей у Ксении Григорьевны не было, и она, раздав все свое имущество, накинув на плечи полковничий мундир, ушла. Жила милостыней и уверяла всех, что Андрей Федорович — это она и есть Андрей Федорович Петров! — жив, а умерла его супруга, Ксения Григорьевна...

В самом сочетании имен, должности и звания Андрея Федоровича Петрова, певчего полковника, чудится нам некое искривленное отражение реальных событий и персонажей русской истории.

Такое ощущение, что соединились в этом клубке и имя несчастного императора Иоанна Антоновича, и не намного более счастливого императора Петра Федоровича, и «крестника» матери императрицы Анны Иоанновны — Андрея Ивановича Остермана, и всесильного фаворита Елизаветы Петровны — певчего графа Алексея Григорьевича Разумовского.

Но, разумеется, невозможно перевести в правильные логически завершенные формы этот язык святого юродства.

И не нужно.

Ведь для того и принимала блаженная Ксения Григорьевна подвиг юродства, чтобы износить на плечах своей святой молитвы этот страшный *петровский* мундир, в который пытались застегнуть Русь...

Попытаемся представить себе тот день, когда вышла Ксения Григорьевна на улицу, вглядимся в ее фигурку, вставшую на сыром петербургском ветру в таком нелепом на ее плечах — это ведь только женщинам, подобным полунемке императрице Елизавете Петровне, нравятся обрисовывающие все их формы военные одеяния — полковничьем мундире.

За спиною осталась счастливая, беззаботная жизнь, теплый дом... Впереди были холод, сырость, нищета...

Отметим тут, что произошло это в 1757 году, когда был издан Указ, запрещавший нищим и увечным бродить по петербургским улицам. Нищих ловили, причем молодых и здоровых сдавали в солдаты и матросы, а негодных отсылали на каторжные работы...

В принципе Ксения Григорьевна подпадала под Указ от 29 января 1757 года и, как негодную к службе солдатом или матросом, ее должны были отправить на каторжные работы. Хорошо хоть, что милостивым указом Елизаветы отныне запрещено было рвать ноздри женщинам...

Еще в этом году основали Российскую Академию художеств в Петербурге...

Завели публичный театр в Москве.

Разрешили продажу уральских заводов частным лицам.

А в мае месяце, после того как Англия заключила союзный договор с Пруссией, в Версале был заключен оборонительный договор между Россией, Францией и Австрией, и началась кровопролитная и редкая по бессмысленности (для России) Семилетняя война.

24 июня русские войска заняли Мемель — крепость в Восточной Пруссии на Куршском заливе, а 19 августа одержали победу над прусской армией Левальда при Гросс-Егерсдорфе.

Но уже 7 сентября С.Ф. Апраксин приказал отойти от занятых русскими войсками прусских крепостей. Измена была столь очевидной, что Апраксина предали суду. Он умер под следствием осенью 1758 года от апоплексического удара...

Целыми днями бродила блаженная Ксения Григорьевна по Петроградской стороне, кутаясь в полковничий мундир. Беспризорные мальчишки, завидев нищенку, бросали в нее камни.

Ночевать Ксения Григорьевна устраивалась где придется. Иногда — на паперти церкви святого Апостола Матфея, но чаще — уходила за городскую окраину и всю ночь молилась там посреди покрытых ночною тьмою полей.

Какая же великая молитва жила в измученном сердце блаженной Ксении, если сумела эта молитва переплавить личное горе в молитвенное заступничество за других?

Одни петербуржцы считали тогда Ксению Григорьевну сумасшедшей. Другие — пророчицей. И все они ошибались. Ксения была святой...

Но должны были пройти еще многие годы, прежде чем поняли петербуржцы, что послана Ксения в утешение православному люду в этом городе, построенном на чухонских болотах, замощенных русскими костями...

Только годы спустя стали замечать: если побывает Ксения в чьей-то семье, там надолго водворяется мир и счастье. Если заглянет Ксения в лавку, — то хозяину гарантирована отличная торговля. Если извозчик подвезет Ксению, то вернется в этот день с хорошей выручкой...

И теперь, где бы ни появлялась эта женщина, кутающаяся в изношенные лохмотья мундира, обутая в рваные башмаки, тотчас ее окружали люди. Торговцы упрашивали заглянуть в их лавки и взять хоть что-нибудь. Пока Ксения Григорьевна шла по улице, рядом следовали экипажи. Извозчики умоляли блаженную проехать в коляске хоть несколько шагов. Матери спешили к Ксении со своими детьми, пребывая в уверенности, коль одарит блаженная ребенка лаской или просто погладит по головке, здоров будет ребенок и счастлив.

3.

А жизнь в империи шла своей бессмысленной чередой, где увеселения знати сменялись преступлениями, а преступления новыми увеселениями...

Твердо и последовательно велись лишь две линии — дальнейшее онемечивание правящей династии (для этого привезли из Голштинии Карла Петера Ульриха) и строительство в России рабовладельческой империи...

В 1758 году Сенат постановил, что личные дворяне, приобретшие дворянство служебной выслугой, не имеют права, в отличие от потомственных дворян, покупать людей и земли.

Это же было подтверждено указом 1760 года. «Не дворяне, произведенные по статской службе в обер-офицеры, не могут считаться в дворянстве и не могут иметь за собой деревень».

Ликвидировался досадный промах Петровского законодательства. Дворянство все более утрачивало черты служивого класса, все более превращалось в класс рабовладельцев*.

---

* Результат этой метаморфозы отметил А.С. Пушкин в «Заметках к “Истории Пугачевского бунта”, которые он «не решился напечатать». «Показание некоторых истори-

Характерно, что уже при вступлении Елизаветы на престол правительство отстранило от присяги русских крестьян, взглянув на них как на людей, лишенных гражданской личности, как на рабов. Крестьяне лишались права входить в денежные обязательства без позволения своих владельцев. Правительство передало помещикам судейские и полицейские функции.

Сама императрица Елизавета Петровна, разорявшая казну империи своими дворцами и нарядами, искренне верила, что легче всего погубить душу, войдя в долги.

— Если оставишь долги после себя и никто их не заплатит, — рассказывала она будущей императрице Екатерине II (тогда еще только великой княгине), — тогда душа твоя пойдет в ад...

При этом собственные мотовство и распутство, столь разорительные для казны, смертным грехом Елизавета Петровна не считала. Похоже, что «дщерь Петрова» считала самодержавную монархию для того и существующею, чтобы удовлетворять любые свои желания и похоти.

К наиболее омерзительным, с нравственной точки зрения романам императрицы принадлежит ее связь с юным кадетом сухопутного корпуса Никитой Афанасьевичем Бекетовым.

В драматическом кружке, устроенном начальником сухопутного корпуса князем Юсуповым, Бекетов играл женские и мужские роли. Он был не только чрезвычайно красив, но и одарен актерскими способностями. Имеется отзыв о нем Ф.Г. Волкова, который говорил трагику Н.А. Дмитриевскому, что, увидев Бекетова в роли Синава, он пришел в такое восхищение, что не знал, где был — на земле или на небесах.

Императрица Елизавета Петровна тоже очень заинтересовалась кадетской труппой, состоявшей из юных мужчин. Увидев семнадцатилетнего Бекетова на сцене, она тотчас по окончании спектакля пожаловала его сержантом. Спустя две недели он был сделан подпоручиком.

Елизавете Петровне особенно полюбилось собственноручно одевать юного кадета перед спектаклями, где он должен был исполнять женские роли. Из училища Бекетов был выпущен премьер-майором с назначением генерал-адъютантом к графу Разумовскому. Елизавета осыпает его дорогими подарками и поместьями. Неизвестно, до каких чинов дослужился бы юный Бекетов, но встревожились другие претенденты на милости императрицы. Бекетову подсунули (предание говорит, что это были Мавра Шепелева и ее супруг Петр Иванович Шувалов) притирание для кожи, от которого на лице явились угри и сыпь. Тотчас Мавра Егоровна уведомила императрицу о «дурной болезни» Бекетова. Он был удален от двора, заболел от отчаяния нервной горячкой и по выздоровлении принужден был уехать из столицы*.

О связи императрицы с кадетом Бекетовым знал весь Петербург, но это нисколько не заботило Елизавету Петровну. Она вообще не считала нужным скрывать свои отношения с любовниками, и никто не удивлялся им...

Однажды другой любитель театра, великий князь Петр Федорович, избранный

ков, — писал Пушкин, — утверждавших, что ни один из дворян не был замешан в Пугачевском бунте, совершенно несправедливо. Множество офицеров (по чину своему сделавшихся дворянами) служили в рядах Пугачева, не считая тех, которые из робости пристали к нему. Замечательна разность, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым. Прапорщик Минеев и несколько других офицеров были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и проч. А Шванвич только ошельмован преломлением над головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство от телесного наказания. Шванвич был сын кронштадтского коменданта, разрубившего некогда палашом, в трактирной ссоре, щеку Алексея Орлова (Чесменского)».

* Петр Афанасьевич Бекетов участвовал в Семилетней войне. В 1762 году был произведен в генерал-майоры и на следующий год назначен Астраханским губернатором.

Елизаветой Петровной наследником престола, тоже устроил в своей комнате представление марионеток.

«В комнате, где находился театр, — пишет в своих воспоминаниях Екатерина II, — одна дверь была заколочена, потому что эта дверь выходила в комнату, составлявшую часть покоев императрицы, где был стол с подъемной машиной, который можно было поднимать и опускать, чтобы обедать без прислуги. Однажды великий князь, находясь в своей комнате за приготовлениями к своему так называемому спектаклю, услышал разговор в соседней комнате и, так как он обладал легкомысленной живостью, взял от своего театра плотничий инструмент, которым обыкновенно просверливают дыры в досках, и понаделал дыр в заколоченной двери, так что увидел все, что там происходило, а именно, как обедала императрица, как обедал с нею обер-егермейстер Разумовский в парчовом шлафроке, — он в этот день принимал лекарство, — и еще человек двенадцать из наиболее доверенных императрицы. Его Императорское Высочество, не довольствуясь тем, что сам наслаждается своим плодом искусных трудов, позвал всех, кто был вокруг него, чтобы и им дать насладиться удовольствием посмотреть в дырки, которые он так искусно проделал. Он сделал больше: когда он сам и все те, которые были возле него, насытили глаза этим нескромным удовольствием, он явился пригласить Крузе, меня и моих женщин зайти к нему, дабы посмотреть нечто, чего мы никогда не видели. Он не сказал нам, что это было такое, вероятно, чтобы сделать нам приятный сюрприз. Так как я не так спешила, как ему того хотелось, то он увел Крузе и других моих женщин; я пришла последней и увидела их расположившимися у этой двери, где он наставил скамеек, стульев, скамеечек для удобства зрителей, как он говорил...»

По-немецки благоразумная Екатерина наблюдать за этим театром не стала.

«Меня испугала и возмутила его дерзость, и я сказала ему, что я не хочу ни смотреть, ни участвовать в таком скандале, который, конечно, причинит ему большие неприятности, если его тетка узнает, и что трудно, чтобы она этого не узнала, потому что он посвятил по крайней мере двадцать человек в свой секрет; все, кто соблазнился посмотреть через дверь, видя, что я не хочу делать того же, стали друг за дружкой выходить из комнаты; великому князю самому стало немного неловко от того, что он наделал, и он снова принялся за работу для своего кукольного театра, а я пошла к себе».

Тем не менее эпизод этот остался в памяти и, будучи императрицей, Екатерина посылала канцлера М.И. Воронцова к А.Г. Разумовскому, чтобы изъять секретные документы, касающиеся его брака с Елизаветой Петровной.

М.И. Воронцов объявил Алексею Григорьевичу, что документы эти необходимы для составления указа о даровании ему, «как человеку, венчанному с Государыней, титула Императорского Высочества».

Однако Разумовский, хотя и не был образованным человеком, имел достаточно осторожности и благоразумия, чтобы не поверить женщине, только что свергнувшей с престола своего супруга. Когда канцлер сообщил ему Высочайшее повеление, он пробежал проект Указа глазами, а потом подошел к комоду, на котором стоял ларец черного дерева, окованный серебром и выложенный перламутром. Из потаенного ящика граф вынул атласный сверток. Развернув атлас, он внимательно просмотрел все бумаги, с благоговением поцеловал их, потом перекрестился на образа и бросил весь сверток в огонь камина.

— Я не был ничем более, как верным рабом Ее Величества, покойной Императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями превыше заслуг моих, — сказал он, опускаясь в кресло и утирая вставшие в глазах слезы. — Никогда не забывал я, Михаил Илларионович, из какой доли и на какую степень возведен я ее десницею... Стократ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу в будущем, его же не прейдем, в молитвах к Вседержителю... Если бы было некогда то, о чем вы говорите, со мною, то поверьте, граф, что я не

имел бы суетности признать случай, помрачающий незабвенную память моей благодетельницы. Теперь вы видите, у меня нет никаких документов. Доложите обо всем этом всемилостивейшей Государыни: да продлит она милости свои на меня, старца, не желающего никаких земных почестей.

Когда Воронцов доложил Екатерине II о разговоре, она сказала:

— Мы друг друга понимаем. Тайного брака не существовало, хотя бы и для усыпления боязливой совести. Шепот об этом всегда был для меня противен... Почтенный старец предупредил меня, но я ожидала этого от свойственного малороссиянину самоотвержения.

Екатерина II, как и Елизавета Петровна, верила, что если оставить долги после себя и никто их не заплатит, то тогда душа пойдет в ад. Она не стала рисковать душой и отблагодарила Разумовского. Когда в 1769 году граф просил взаймы из банка 80 000 рублей, она собственноручно надписала на прошении: «без процентов» и дала о том указ...

Деньги не малые, но «самоотвержение» Алексея Григорьевича того стоило...

4.

Были или нет дети от той жизни, которую, подобно своему отцу и матери, Елизавета Петровна вела с певчим графом Алексеем Григорьевичем Разумовским, точно неизвестно.

Предание полагает, что от этого тайного брака родилось двое детей. Об участи сына известно только, что он жил до начала XIX века в одном из монастырей Переславля Залесского. Дочь же стала известна под именем княжны Таракановой.

Следы нескольких княжон Таракановых обнаруживаются в различных женских монастырях, и по этому поводу остроумно было замечено, что в России нет женского монастыря, который не имел бы предания о какой-либо таинственной затворнице.

Тем не менее одна из предполагаемых княжон Таракановых, инокиня Московского Ивановского монастыря Досифея, абсолютно реальная историческая фигура, более того, имя ее фигурирует среди подвижников благочестия. «Жизнь инокини Досифеи, — пишет о ней Е. Поселянин, — представляет собою пример великого бедствия, ничем не заслуженного несчастия. Царской крови, родившись, казалось, для радостной жизни, для широкого пользования благами мира, она была в рассвете лет и сил заживо погребена, но вынесла безропотно тяжкую долю и просияла подвигами благочестия».

Считается, что княжна Августа Тараканова была направлена заграницу, и там она воспитывалась и жила, пока не явилась некая самозванка, вошедшая в историю под именем принцессы Володомирской, которая объявила себя дочерью Елизаветы Петровны...

Несчастная самозванка была заманена графом Орловым на корабль, привезена в Россию и посажена в Петропавловскую крепость, где и скончалась в 1775 году.

Эта интрига имела печальные последствия для настоящей княжны Таракановой. Встревоженная восстанием Пугачева, объявившего себя, как известно, Петром III, императрица распорядилась доставить в Россию и настоящую дочь Елизаветы Петровны.

В Петербурге с княжной беседовала сама императрица. Она долго рассказывала о смутах, обрушившихся на Российскую империю, и в заключение объявила, что, дабы не вызвать нечаянно государственного потрясения, княжне следует отказаться от мира и провести остаток дней в монастыре. Противиться государственному благу Тараканова не имела возможности и предпочла смириться со своей участью. Местом заточения княжны Екатерина II избрала Московский Ивановский монастырь, который покойная Елизавета Петровна и устраивала как монастырь для вдов и сирот знатных лиц. Здесь и содержали теперь ее дочь, ставшую инокиней Досифеей.

Келью Досифеи составляли две низкие, сводчатые комнаты с окнами во двор. Кроме игуменьи, духовника и келейницы, ник-

то не входил сюда. Окна были постоянно задернуты занавесками. Досифею не пускали ни в общую церковь, ни в трапезную. Иногда для нее совершалось особое богослужение в надвратной Казанской церкви, и тогда туда, кроме священника, причетника, игуменьи и келейницы, никого не пускали. Двери Казанской церкви, пока там находилась Досифея, наглухо запирались.

«Понятны, — пишет Е. Поселянин, — те глубокие внутренние муки, которые переживала она в своем невольном затворе. Конечно, она сравнивала его со своим прошлым: величием своих родителей, своей прежней вольною и роскошною жизнью, и какая тоска в эти минуты должна была грызть ее душу!..

И вот тут, среди страданий, вера во Христа была ей облегчением. Воспитанная в православии и кроткая от природы, она дошла до великого духовного дела: она смирилась.

Смирившись, перенеся все свои надежды в тот мир, где нет ни гонимых, ни лишних людей, где часто слава и почет сменяются невыразимою горестью: всю себя Досифея посвятила подвигам. Ее время наполнено было молитвою, рукоделием и чтением духовных книг. Деньги, которые она выручала за рукоделье свое, продаваемое чрез келейницу, она чрез ту же келейницу раздавала бедным».

С кончиной императрицы Екатерины II затвор стал менее строг. Досифею попрежнему не выпускали из монастыря, но теперь она получила разрешение принимать у себя посетителей, которых становилось все больше по мере распространения слухов о благочестивой старице.

«Жившая в Ивановском монастыре духовномудрая старица блаженныя памяти Досифея послужила мне указанием на избрание пути жизни монашеской», — вспоминал потом преподобный Моисей Оптинский (скончался в 1862 году).

Последние годы жизни Досифея старалась жить в полном уединении...

Ее хоронили торжественно. На похороны явилась вся московская знать, и во главе всех главнокомандующий Москвы граф Гудович, женатый на графине Прасковье Кирилловне Разумовской.

Тело затворницы положили у восточной ограды Новоспасского монастыря (здесь размещалась усыпальница рода Романовых), на левой стороне от колокольни. Мо-

Императрица Елизавета Петровна. Портрет работы К.Г. Преннера. 1754 г.

гилу ее покрыли диким камнем, с надписью: «Под сим камнем положено тело усопшей о Господе монахини Досифеи обители Ивановского монастыря, подвизавшейся о Христе Иисусе в монашестве 25 лет и скончавшейся февр. 4 д. 1810 года».

А в настоятельских кельях, как свидетельствовал Е. Поселянин, хранился портрет усопшей, напоминающий собою черты лица ее царственной матери. На обороте портрета была надпись: «Принцесса Августина Тараканова, в иноцех Досифея, постриженная в Московском Ивановском монастыре, где по многих летах праведной жизни своей и скончалась, погребена в Новоспасском монастыре».

По другим версиям, дочерью Елизаветы была другая таинственная старица княжна Тараканова, жившая отшельницею в Московском Никитском монастыре...

Записывали в дочери Елизаветы Петровны и инокиню Аркадию, жившую под именем Варвары Мироновой Назаровой в Костромской губернии, а также княжну Баратову, жившую в Казани.

Отметим здесь, что многие историки вообще отрицают существование детей у Елизаветы Петровны и Алексея Григорьевича Разумовского.

«Если бы таковые были, — рассуждает А.А. Васильчиков, автор исследования «Семейство Разумовских», — то они воспитывались бы во дворце и со временем получили богатство, чины, положение, а не топились бы по разным монастырям. Нельзя допустить, чтобы такой редкий семьянин, такой любящий брат, попечительный дядя, как граф Алексей Григорьевич Разумовский, оставил без всяких призрения и присмотра детей своих, никогда не занимался бы ими при жизни и ничего не отказал им по своей смерти».

При всей логичности этих рассуждений есть в них и некая червоточина.

Во-первых, ни о какой передаче власти своей дочери в обход ею же объявленного наследником Петра Третьего Елизавета Петровна не могла вести речи, точно так же, как ее мать Екатерина I не могла передать власть ей, Елизавете, в обход Петра II.

Ну а граф Алексей Григорьевич, в отличие от прежних временщиков, обладал более флегматичным характером, и на роль организатора заговора явно не годился. Но это не значит, что вопрос о будущем дочери, если она была, не обсуждался...

Как известно, вечером 24 декабря 1761 года Елизавета Петровна призвала к себе великого князя Петра и его супругу Екатерину и потребовала, чтобы в последние минуты ее жизни Петр поклялся не обижать ее приближенных, в особенности графа А.Г. Разумовского и камергера И.И. Шувалова. Будущий император торжественно поклялся исполнить ее волю.

Этим императрица, по сути, обеспечила бескровный переход власти к 33-летнему Петр III, «маленькому человеку, которому довелось исполнять должность великого человека».

Тогда, очевидно, и была увезена за границу княжна Тараканова. Как мы узнаем из жизнеописания старицы Досифеи, никаких материальных затруднений за границей она не испытывала, и поэтому сомнение Васильчикова, как мог «такой редкий семьянин, такой любящий брат, попечительный дядя, как граф Алексей Григорьевич Разумовский, оставить без всяких призрения и присмотра детей своих», не имеет никакого основания.

Княжне Августе Таракановой, если, конечно, она действительно была его дочерью, он обеспечил вполне достойную ее положения жизнь. И возможно, что как раз заботы о дочери и обусловили поведение Разумовского в дальнейших событиях. Как известно, он никак не противодействовал воцарению Петра III. Не принимал он участия и в подготовке переворота Екатерины II, хотя именно граф Разумовский и давал 27 июня 1763 года праздник в Гостилицах, на котором Петр III и Екатерина II виделись в последний раз. Но в ночь на 28 июня Петр III, узнав, что в Петербурге восстание, поплыл со свитою в Ораниенбаум, а оттуда послал в Гостилицы за графом Алексеем Григорьевичем Разумовским. Тот приехал и оставался при свергнутом императоре до его кончины.

Однако на положении его при дворе это никак не отразилось. Во время коронации Екатерины в Москве Разумовский нес корону, а после бросал в народ жетоны.

И мы уже рассказывали, как отреагировал Алексей Григорьевич на провокацию с проектом Указа, объявлявшим его Императорским Высочеством.

За это и дозволено было ему тихо жить в обширных дворцах, окруженному малороссийской прислугой. Он редко посещал двор, но всегда бывал доволен, когда лучшее петербургское общество собиралось у него в доме. Чуждый гордости и коварства, одаренный от природы умом, он был ласков, снисходителен и пользовался общею любовью.

6 июля 1771 года, когда после продолжительной болезни Разумовский скончался в Аничковом доме, имея от роду 62 года, княжне Августе Таракановой было всего двадцать пять лет, и очевидно, что именно болезнь и помешала отцу устроить ей приличное замужество.

Но насчет того, что он «ничего не отказал детям по своей смерти», тоже не совсем верно. Хотя все состояние умершего графа и перешло к его родному брату, гетману Кириллу Григорьевичу Разумовскому, но в состоянии этом были обнаружены, как явствует из исследования того же А.А. Васильчикова, такие прорехи, в которых могло уместиться любое наследство.

Еще менее убедительным выглядит рассуждение А.А. Васильчикова о том, что самое имя Таракановых, данное детям Елизаветы и Разумовскаго, доказывает нелепость басни об их существовании. Дескать, сам Алексей Григорьевич родился в Лемешах, и никакой деревни или слободы Таракановки нет во всей Черниговской губернии, и не было даже среди имений, пожалованных Разумовскому. К тому же нет слова «таракан» в малороссийском наречии...

Как известно, незаконнорожденный сын Екатерины II и графа Орлова получил фамилию от села Спасского, которое именовалось «Бобрики тож», специально приобретенного Екатериной для сына. Почему село Тараканово или Таракановка надобно искать среди пожалованных самому А.Г. Разумовскому имений, не очень понятно. К тому же, как справедливо полагают другие исследователи, вполне возможно, что фамилия Тараканова представляет собою измененную казачью фамилию Дараганов...

Разумеется, все рассуждения о детях Екатерины I, Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны и Екатерины II важны не только для того, чтобы охарактеризовать моральный облик строительниц рабовладельческой империи, но прежде всего для того, чтобы осознать зловещую и странную закономерность, в соответствии с которой происходит онемечивание царской династии, когда никакие вливания другой крови ничего не могли изменить в этом процессе.

Конечно, можно говорить о том, что все более русские по крови претенденты на престол были *незаконными.* И опять-таки, строго говоря, после известного Указа Петра I само определение *законности* престолонаследия было сделано прерогативой действующего императора. И, опять-таки, и Елизавета Петровна, и Екатерина II захватили власть не слишком-то законным путем... Так что все рассуждения, связанные с категорией законности и незаконности, следует оставить и искать другую разгадку.

Она, как нам кажется, в том, *что* строили наследники Петра I. Чтобы построить из Святой Руси рабовладельческую империю, где рабами сами русские и будут, и требовались нерусские императоры.

Безошибочным было подлое классовое чутье стремительно формирующегося класса дворян-рабовладельцев. Они согласны были принять любого государя, лишь бы этот император был как можно более чужим по крови порабощенному ими народу.

5.

И вот когда думаешь об этом, снова встает вопрос, а не для того ли, чтобы постигли мы это, и изнашивала полковничий мундир блаженная Ксения?

Мы уже говорили, что ее супруг, возникающий из предания, из легенд, из слухов, как-то странно распадается на куски, которые могут быть соотнесены с различными историческими персонажами (тем же А.Г. Разумовским), вернее, с какими-то реалиями этих персонажей, но никак не с реальным живым человеком. Даже в имени Андрей Федорович Петров, кажется, собираются имена, вокруг которых совершается ток русской истории...

Мы уже говорили, что «дщерь Петрова», взойдя на престол, начала свое правление с установления культа Петра Великого. Именно с ее правления имя Петра начало обрастать мифами, перекочевавшими в XIX веке в академические и университетские труды историков как бесспорные исторические факты.

Руководствовалась Елизавета Петровна при этом сугубо практическими мотивами: необходимо было обосновать свое воцарение, закрепить в общественном мнении право на русский престол за петровской линией семьи, но, как и во всем при Елизавете Петровне, практическая необходимость совместилась тут с логикой дальнейшего онемечивания династии Романовых.

Вообще правление Елизаветы Петровны, умевшей, как свидетельствуют очевидцы, лучше всех в стране исполнять и русские пляски, и французский менуэт, представляется достаточно успешной попыткой русификации антирусских петровских реформ, «уроднения» их.

Пожалуй, только во времена правления Елизаветы Петровны начинает ощущаться мощь новой рабовладельческой империи.

Никогда раньше так легко и блистательно не воевала русская армия. Была наконец-то сокрушена Швеция; русские войска вступили в войну с Пруссией и легко победили одну из самых сильных в Европе армий короля Фридриха. Пал Берлин, во взятом Кенигсберге, еще не забывшем бестолкового студента Эрнста Иоганна Бирона, вместе с другими жителями принес присягу русской императрице философ Иммануил Кант. Эта присяга Канта — в каком-то смысле символ царствования Елизаветы Петровны.

Другой символ той эпохи — наш великий М.В. Ломоносов, который и университет организовал, и сам был, как известно, первым нашим университетом.

Охваченный пафосом строительства невиданной империи, соединяющей навсегда Россию с немецкой династией, он писал:

> ...может собственных Платонов
> И быстрых разумом Невтонов
> Российская земля рождать.

Но деятельность Ломоносова на благо новой империи этим не ограничивалась.

Великий знаток русского языка В.И. Даль, печалясь, что мы перестали понимать смысл народных пословиц, потому что сильные и краткие обороты речи оказались вытесненными из письменного языка, чтобы сблизить его, для большей сподручности переводов, с языками западными, сказал: «*Со времен Ломоносова, с первой растяжки и натяжки языка нашего по римской и германской колодке*, продолжают труд этот с насилием и все более удаляются от истинного духа языка».

Мысль В.И. Даля, что русский язык стараниями классиков оказался более приспособлённым для переводов с западных языков, чем для выражения собственных национальных мыслей, была актуальна и в XIX, и в XX веках, актуальной она остается и в наши дни, когда объем невыраженных национальных мыслей достиг той критической массы, которая разрушает последние нравственные ориентиры и может похоронить под собою саму русскую нацию.

Поразительно, однако, другое...

М.В. Ломоносов с горьким юмором просил государыню в качестве награды назначить его немцем.

Замечательный знаток русского языка, подлинный русский патриот Владимир Иванович Даль, упрекавший М.В. Ломоносова за произведенную им «*растяжку и натяжку русского языка по римской и гер-*

манской колодке», сам происходил из немецкой семьи*.

Вот такие парадоксы.

Русский Михаил Васильевич Ломоносов насчет назначения его немцем, конечно, шутил, но, что уж греха таить, природное православие свое сумел подчинить идеологии протестантизма. А природный протестант Владимир Иванович Даль печалился о невыраженных русских национальных мыслях...

Хотя почему же невыраженных?

Блаженная Ксения как раз и была той национальной мыслью, тоской по которой мучилась послепетровская Россия...

Однажды Ксения зашла к знакомой вдовице, имевшей семнадцатилетнюю дочку-красавицу. Та как раз накрывала на стол.

— Ты чего?! — напустилась на нее Ксения. — Кофий будешь пить, когда твой муж на Охте жену хоронит?!

— Какой муж, Ксения Григорьевна? — смутилась девушка. — У меня и жениха нету!

Однако ее мать, знавшая, что блаженная никогда и ничего не говорит без причины, велела дочери одеваться. Когда они приехали на Охтинское кладбище, там, действительно, шли похороны. Хоронили скончавшуюся родами жену доктора. Мать с дочерью дождались конца похорон. Когда кладбище уже опустело, они увидели бегущего к могиле молодого человека. Это и был вдовец. При виде холмика земли на могиле скончавшейся супруги он лишился чувств и упал на землю. Кругом никого не было, и женщинам с трудом удалось привести молодого доктора в сознание. Так они и познакомились. Через год доктор женился на девушке...

А другой благочестивой женщине блаженная Ксения подала на улице медную монетку с изображением всадника с копьем.

— Иди домой! — сказала она. — Тут царь на коне... Он потушит.

Недоумевая, что бы могли значить слова блаженной, женщина немедленно отправилась домой и еще издалека увидела, что дом ее объят пламенем. Женщина побежала скорее, сжимая в руке подаренную Ксенией монетку, и когда добралась до ворот, пламя потухло...

Будущее так ясно было открыто пребывающей в непрестанной молитве блаженной Ксении, что она ясно прозревала и судьбы отдельных людей, и всей страны.

В 1761 году, перед Рождеством Христовым, она всполошила всю Петербургскую сторону. Весь день в Рождественский Сочельник, 24 декабря, она суетливо бегала из дома в дом с криками:

— Пеките блины! Скоро вся Россия будет печь блины!

Никто не понимал, что значат эти слова...

Недоумения рассеялись только на следующий день, когда в своем дворце на Мойке скончалась императрица Елизавета Петровна. Оказалось, что это о поминальных блинах говорила Ксения. Их действительно пекла в те дни вся Россия...

Закончилось правление дщери Петровой...

Символично, но через две недели умер и один из крупнейших деятелей елизаветинской эпохи граф Петр Иванович Шувалов.

Когда его хоронили, долго ждали к выносу тела императора Петра III, и поскольку, как пишет Екатерина II, день был весьма холодный, то «от той нетерпеливости произошли разные в народе разсуждения: иные, вспомня табашной того Шувалова откуп, говорили, что долго его не везут по причине той, что табаком осыпают; другие говорили, что солью осыпают, приводя на память, что по его проекту накладка на соль последовала; иные говорили, что его кладут в моржовое сало, понеже моржовое сало на откуп имел и ловлю трески. Тут вспомнили, что ту зиму треску ни за какия деньги получить нельзя, и начали Шувалова бранить и ругать всячески».

* Отец В.И. Даля — врач, датчанин, приехавший в Россию при Екатерине II; мать — обрусевшая немка. *(Прим. ред.)*

Вскоре после кончины Елизаветы Петровны император Петр III, осматривая Летний дворец, обнаружил там 15 тысяч платьев, принадлежавших покойной, а также несколько тысяч пар обуви и в придачу два сундука с чулками. Но едва ли эти бесчисленные платья, как и любовники, за которых народ платил своей нищетой, сделали жизнь Елизаветы счастливой. Императрица огромной державы, она всю жизнь не могла избавиться от гнетущего страха.

Говорят, что до самой смерти она не смела ложиться до рассвета, ибо заговор возвел ее саму на престол во время ночи. Елизавета Петровна так боялась ночного нападения, что, по уверениям секретаря французского посольства шевалье Рюльера, приказала отыскать человека, который бы имел тончайший сон, и этот человек, который, по счастью, был безобразен, проводил в комнате императрицы все время, в которое она спала.

И это не слух. Клод Карломан Рюльер имел в виду Василия Ивановича Чулкова, который из истопников был произведен императрицей в метр де гардеробы и обязан был спать на тюфячке в ее спальной комнате, когда Елизавета Петровна ночевала одна. Когда же «дщерь Петрова» принимала гостей, он должен был сидеть в кресле возле дверей спальни. Так, лежа на тюфячке в спальне императрицы или сидя в кресле возле дверей, Василий Иванович дослужился до звания генерал-аншефа. Кроме того, он был пожалован орденами Св. Анны и Св. Александра Невского...

Говоря о последних годах жизни императрицы Елизаветы Петровны, Екатерина II отмечала, что мелкие интересы, которые вносили льстецы и сплетники в частную жизнь государыни, превратили ее обычные занятия в сплошную цепь «капризов, ханжества и распущенности».

А так как Елизавета Петровна «не имела ни одного твердого принципа и не была занята ни одним серьезным и солидным делом, то при ее большом уме она впала в такую скуку, что в последние годы своей жизни она не могла найти лучшего средства, чтобы развлечься, как спать, сколько могла; остальное время женщина, специально для этого приставленная, рассказывала ей сказки».

Замечательно было устройство жизни, которую императрица Елизавета, по свидетельству Екатерины, вела в Царском Селе... Она привозила туда всех придворных кавалеров и множество дам, из числа тех, к кому всего благосклоннее относилась.

Эти дамы вместе со своими горничными помещались по четыре и больше в одной комнате; все то, что они привезли с собою, находилось тут же. Дамы часто были в сильной ссоре друг с другом, и это придавало их жизни в одной комнате особую пикантность.

Еще пикантнее было то, что, составляя свиту императрицы, придворные дамы не видели Ее Императорское Величество иногда в течение двух или трех недель, поскольку императрица не выходила из своих покоев, куда своих дам она не приглашала.

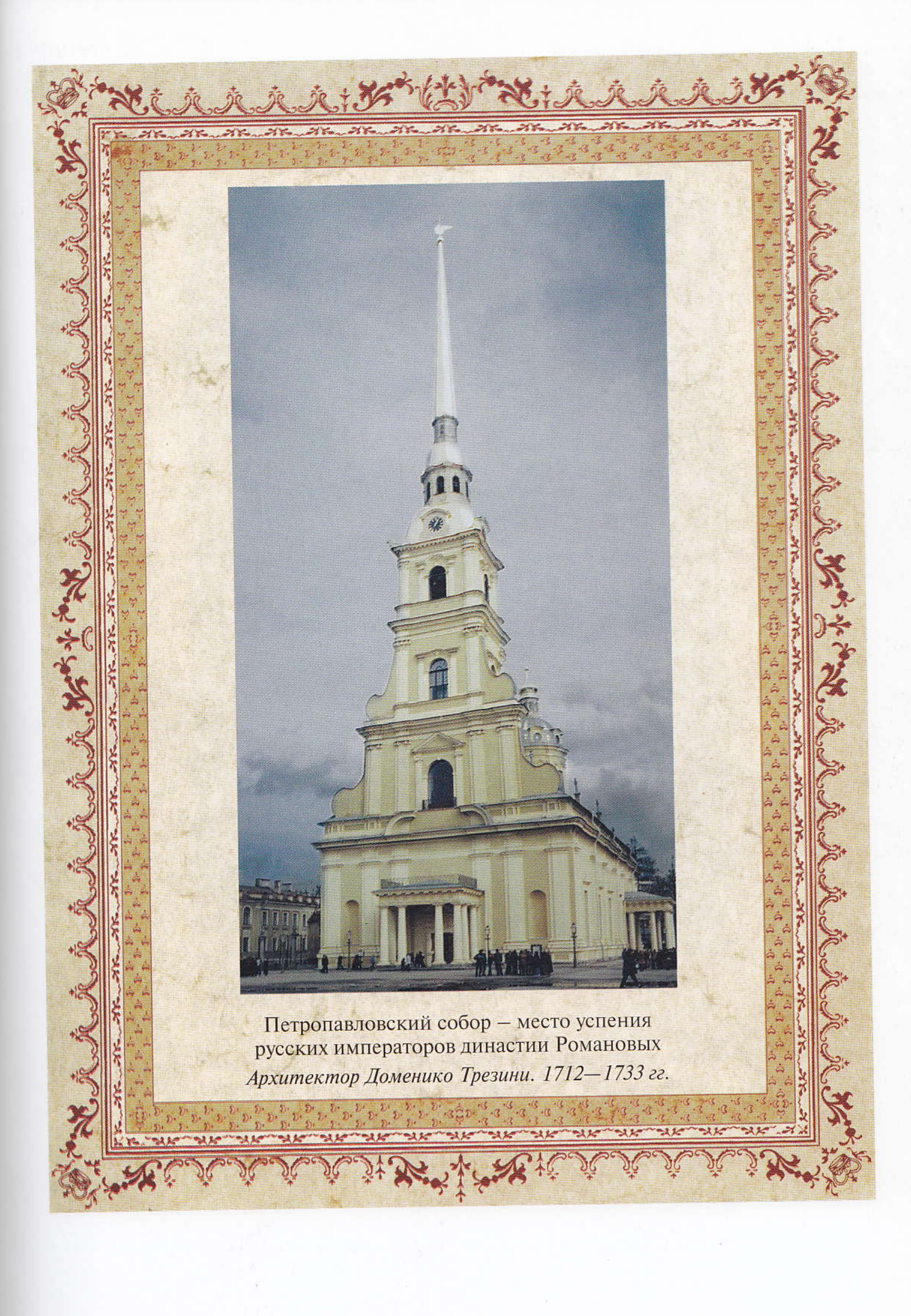
В довершение, никто не знал часа, когда Ее Величеству угодно будет обедать или ужинать, и часто случалось, что дамы, прождав до двух часов ночи, ложились спать, и только успевали заснуть, как их будили, чтобы присутствовать на ужине Ее Величества. Они являлись туда, и так как императрица сидела за столом очень долго, дамы от усталости уже не могли сказать ни слова. Молчаливость их особенно сильно раздражала императрицу.

— Они любят быть только в своей компании, — раздраженно говорила она. — Я их так редко зову, да и то они только и делают, что зевают и нисколько не хотят развлечь меня.

Императрица бросала с досадой салфетку на стол и покидала компанию...

6.

Блаженная Ксения не могла не прозревать будущее, потому что, в отличие от обычных людей, жила не столько на земле, сколько на небе, постоянно пребывала в молитвенном обращении к Богу.

Петропавловский собор – место успения русских императоров династии Романовых
Архитектор Доменико Трезини. 1712—1733 гг.

Петр II Алексеевич (1715—1730)

Сын царевича Алексея Петровича и принцессы Шарлотты Христины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, внук Петра I и его первой жены Евдокии Лопухиной. Вступил на престол после смерти императрицы Екатерины I. Император с 1727 г.

Анна Иоанновна (1693—1740)

Племянница Петра I, дочь царя Иоанна V Алексеевича и Прасковьи Салтыковой. Вступила на престол после смерти своего племянника императора Петра II

Анна Леопольдовна (1718—1746)

Немецкая принцесса Елизавета Екатерина Христина. Дочь герцога Мекленбургского Карла Леопольда и царевны Екатерины Иоанновны, внучка царя Иоанна V Алексеевича. Правительница России при грудном сыне Иоанне (Иване) VI Антоновиче в 1740—1741 гг. Стала правительницей после смерти своей тетки Анны Иоанновны

А у Бога нет ни прошлого, ни будущего времени, и, оглядываясь из незыблемой вечности на грешных людей, бормотала Ксения свои маловразумительные слова, которые по прошествии времени непременно оборачивались точным предсказанием будущего.

Рассказывают, что полиция однажды заинтересовалась, куда это в любую погоду, в любое время года исчезает Ксения? Сыщики проследили, как выходит она в поля и проводит там всю ночь до рассвета в коленопреклоненной молитве...

Поразительно, но спящею Ксению Григорьевну никто не видел...

И так сорок пять лет...

Одно время Ксения ходила по ночам к строящейся церкви на Смоленском кладбище. Таскала вверх, на леса, тяжелые кирпичи. Рабочие, которые приходили утром на стройку, не могли понять, как кирпичи сами поднимаются наверх...

Но ни изнурительная работа, ни многолетнее бдение, ни стужа, ни сырость, кажется, и не оказывали никакого воздействия на Ксению, словно и не задевали ее. Днем снова видели блаженную на улицах города, в бедных подвальных квартирках, где случилось горе и где ждали помощи...

В Акафисте Святой блаженной Ксении Петербургской есть слова о бесстрастии к тленному миру, которое стяжала Ксения. Это бесстрастие, это пребывание душою не в земном мире, а в горнем, и давало Ксении силы, которые нам, грешным людям, кажутся непостижимыми.

И так велико было «бесстрастие к тленному миру» блаженной Ксении, что так и не узнали петербуржцы, откуда явилась к ним блаженная Ксения, так и не заметили они, как слилась с небесной земная жизнь их помощницы и заступницы. Даже и приблизительно неизвестно время ее кончины... И виною этому не равнодушие петербуржцев.

Кончина блаженной Ксении ничего не изменила в отношении к ней народа... Как прежде на улице окружали ее толпы людей, прося о помощи, так и теперь струился к могилке блаженной на Смоленском кладбище нескончаемый поток скорбящих, немощных, печальных, нищих, болящих. И все получали на могилке святой утешение, защиту, исцеление...

Много раз заново насыпали бугорок на могиле блаженной...

Снова и снова, как великую святыню, разносили эту землю страждущие.

7.

Как ангел бесплотный явилась блаженная Ксения в город, который и строился Петром, чтобы уничтожить Русскую православную жизнь, чтобы превратить Русь в подобие протестантских, не знающих ни святых, ни чудес государств...

Но несокрушимо крепким было Русское православие.

Не удалось сокрушить его ни царю Алексею Михайловичу, ни его прозванному антихристом сыну, ни его преемникам...

Как посрамление недобрых мечтаний грозного Петра и возникает блаженная Ксения из сырого воздуха построенного Петром города. Посрамляя все попытки зарегулировать, зарегламентировать русскую жизнь, невредимо проходит она через все сита полицейской бюрократии...

Блаженная Ксения никуда и не ушла из этой чиновничье-бюрократической столицы новой России. И после кончины своей являлась она и продолжает являться людям, нуждающимся в ее помощи.

Более того, после кончины невероятным образом возрастает ее сила, и блаженная Ксения совершает то, что, казалось, никто не может совершить... Невозможно было противостоять притворяющемуся православием протестантизму онемечившихся Романовых.

Но что невозможно у людей, возможно у Бога.

Известно об исцелении по молитвам к блаженной Ксении цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра III, и предсказание о рождении у него дочки Ксении.

Датская принцесса Дагмара, в крещении Мария Федоровна, жена цесаревича Александра, выросла в протестантской среде. Став невестой, а затем женой цесаревича, она обязана была принять православную веру.

Марии Федоровне давали специальные уроки по истории православия. Мария Федоровна стала соблюдать православные обряды и постепенно привязалась к своему новому отечеству и полюбила Православную церковь...

Через восемь лет жизни в России Мария Федоровна узнала и о блаженной Ксении.

Цесаревич Александр Александрович заболел так сильно, что жизнь его была в серьезной опасности. Дни и ночи при больном находились врачи. Во дворце чувствовалось ожидание беды. Все помнили, что так же неожиданно умер и старший брат Александра Александровича, Николай.

В эти страшные дни к Марии Федоровне обратился истопник. Он рассказал цесаревне, что когда сам сильно заболел, ему принесли песок с могилки рабы Божией Ксении, и по молитвам блаженной наступило исцеление. Тут же истопник передал мешочек с песком, прося положить его под подушку цесаревича и молиться блаженной Ксении. Цесаревна Мария Федоровна исполнила просьбу истопника.

Ночью, сидя у постели больного мужа, она задремала и вдруг увидела перед собою пожилую женщину в красной кофте и зеленой юбке.

— Твой муж выздоровеет, — сказала женщина. — Тот ребенок, которого ты теперь носишь в себе, будет девочка. Назовите ее в мое имя Ксенией. И она будет хранить вашу семью от всяких бед.

Когда Мария Федоровна пришла в себя, женщины уже не было.

И это пророчество исполнилось с точностью. Цесаревич Александр Александрович действительно выздоровел, а Мария Федоровна 25 марта 1875 года, в Благовещение, родила дочь. Ее назвали Ксенией.

С этого времени благочестивая Мария Федоровна стала особенно почитать блаженную Ксению. Ежегодно она приезжала на могилу блаженной и совершала по ней панихиду...

И к простым петербуржцам являлась блаженная Ксения после своей кончины...

Вдова полковника привезла в Петербург для определения в Кадетский корпус сыновей. Дети успешно выдержали экзамен, но дальше начались проволочки. Матери, у которой не было связей в Петербурге, объясняли, что вакансий для ее сыновей нет. Измученная женщина решила ехать назад домой. И вот, когда она уже собиралась в путь, к ней подошла женщина, одетая в простую юбку и кофту, и спросила:

— Зачем ты плачешь? Поди отслужи панихиду на могиле Ксении и все устроится.

— А кто такая Ксения? — спросила полковница. — Где мне найти ее могилу?

— Язык до Киева доведет... — ответила незнакомка и исчезла.

Полковница тут же разузнала, где погребена Ксения, и отправилась на Смоленское кладбище. А когда, отслужив панихиду, вернулась домой, принесли письмо. Оба сына были зачислены в Кадетский корпус.

А вдову-генеральшу, принимавшую участие в возведении часовни над могилой блаженной, Ксения спасла от позора.

Тогда к дочери генеральши посватался молодой полковник. Был он красив, обходителен и богат. Происходил из хорошей семьи. Никаких причин для отказа не могло быть, и вдова-генеральша с легким сердцем дала согласие.

Был назначен день свадьбы. Все знакомые одобряли выбор...

— Должно быть, по молитвам Блаженной Ксении и устроилась так счастливо судьба девушки. Дай Бог ей и дальше счастья...

Перед свадьбой вдова поехала на Смоленское кладбище. Отслужила панихиду. И услышала Ксения горячую молитву. Пришла на помощь матери и дочери, над головами которых нависла страшная опасность.

Случилось так, что в те часы, когда вдова с дочерью молились на могиле блаженной, «жених» отправился в казначейство получать по имеющимся у него бумагам большие деньги. Документы у молодого человека были в порядке, но тут к казначею подошел караульный солдат и тихо сказал ему, что этот полковник на самом деле каторжанин.

— Да ты верно ли знаешь это? — удивленно спросил казначей.

— Никак я не могу ошибиться, ваше благородие! — ответил солдат. — Какой это полковник, если я его сам в Сибирь на каторгу возил! Позвольте-ка, я несколько слов ему скажу!

— Говори... — сказал забеспокоившийся казначей.

— Ты как сюда, братец, попал? — крикнул солдат на полковника, и самозванец вдруг побледнел и выронил из рук документы.

— Видите! — сказал солдат казначею. — Я же говорю, что это беглый каторжник...

На допросе самозванец покаялся во всем.

Он действительно убежал с каторги. По дороге повстречался со спешащим в Петербург по казенным делам полковником. Сжалившись над беглецом и видя в нем человека воспитанного, полковник пригласил каторжника в повозку. Дорога была безлюдной. Отогревшись, беглец зарезал полковника и кучера и, облачившись в полковничий мундир, забрал его документы и стал выдавать себя за убитого.

— Я и жениться хотел... — признался злодей на допросе. — И женился бы, кабы этот солдат не узнал меня...

— Да я бы и не узнал... — сказал солдат. — Старушка ко мне подошла и спросила, не помню ли я полковника этого...

— Какая старушка?

— Ну, ходила здесь, ваше благородие... В красной кофте и в зеленой юбке...

Вдова-генеральша до конца жизни вспоминала эту историю.

— Страшно и подумать, что могло бы случиться... — рассказывала она. — Всю жизнь дочери загубили бы мы, если бы блаженная Ксения не помогла...

Великие чудеса творились на могиле блаженной Ксении, по молитвам к ней исцелялись безнадежно больные, отыскивались пропавшие, отводились смертельные опасности.

И эти чудеса продолжают происходить и доныне.

Три столетия отделяют нас от того дня, когда «на берегу пустынных волн» встал Петр I, обдумывая, как «на зло надменному соседу» воздвигнуть город. Каторжным трудом всей России город был воздвигнут. Воздвигнут на «зло соседу», на зло всей истории православной Руси...

И прошли столетия. Ясно видим мы, как трудами бесчисленных мастеровых, гением Пушкина и Достоевского, Блока и Ахматовой, молитвами просиявших здесь святых мучительно трудно и вместе с тем ликующе-победно срасталась новая послепетровская история с прежней русской историей.

И первая в сонме святых, просиявших в Санкт-Петербурге, — блаженная Ксения. Услышав слова Спасителя, обращенные к юноше, которому жалко было оставить свое имение, вышла Ксения Григорьевна из оставленного ею собственного дома, и нищенкой, с распухшими от стужи и сырости ногами, пошла по петербургским улицам, своею молитвою очищая их от застоявшегося здесь зла.

Когда полковничий мундир износился и превратился в жалкие лохмотья, Ксения Григорьевна стала ходить в красной кофточке и зеленой юбке или зеленой кофточке и красной юбке...

Такой ее запомнили петербуржцы, встречавшиеся с блаженной Ксенией в дни ее земной жизни, такой видели ее столетия спустя, такой смотрит она с икон и на нас...

Глава пятая
БРАК МЕРТВЕЦОВ

1728 и 1729 годы...

Неприметные, не ознаменованные никакими великими событиями годы русской истории... И так же неприметно и ушли бы они, если бы не своеволие «дщери Петровой», вызвавшей из исторического небытия то, чего могло не быть, но что в результате перевернуло ход истории.

В 1728 году в Киле, за несколько дней до коронации в Москве тринадцатилетнего Петра II, родится Карл Петер Ульрих, внук двух непримиримых врагов — шведского короля Карла XII по отцу и русского императора Петра I по матери.

Карлу Петеру Ульриху суждено будет стать русским императором Петром III.

А в 1729 году в Померании, в семье коменданта прусской крепости, родится и его убийца — Софья Фредерика Августа, будущая русская императрица Екатерина II.

1.

Будущий император Петр III — Карл Петер Ульрих, родился в семье любимой дочери Петра I, цесаревны Анны Петровны, и герцога Голштейн-Готторпского Карла Фридриха, племянника шведского короля Карла XII. Весть о рождении принца, соединившего в себе кровь непримиримых врагов, достигла Москвы, когда там шумно праздновалась коронация Петра II.

По случаю рождения Карла Петера Ульриха в Первопрестольной были устроены празднества, а во дворце дан бал, который, по свидетельству современников, прошел весьма весело, хотя никто и не подозревал, что дается он в честь рождения будущего русского императора.

Император на Руси уже был. И был этот император красив, разумен, здоров и молод...

О каком же еще царе надобно было думать?

Но попраздновать можно и по поводу рождения двоюродного брата императора...

Отчего же не попраздновать? Это с удовольствием...

И, кажется, только архиепископ Феофан Прокопович своим угодливым сердцем сумел разглядеть нечто судьбоносное для России в этом рождении...

«Присланный вами вестник, принесший сюда уведомление о рождении у вас сына пресветлейшего Князя Петра, исполнил меня такою радостью, что я не нахожу слов для ее выражения. Что бы я ни сказал, все будет слабее моих чувств... — писал он герцогине Голштейн-Готторпской Анне Петровне. — Впрочем, скажу, что могу, если не в состоянии выразить, что хотелось бы. Родился Петру Первому внук, Второму брат; августейшим и державнейшим сродникам и ближним краса и приращение; российской державе опора, и, как заставляет ожидать его кровное происхождение — великих дел величайшая поддержка. А, смотря на вас, счастливейшие родители, я плачу от радости, как невольно плакал от печали, видя вас пренебрегаемых, оскорбляемых, отверженных, уничиженных и почти уничтоженных нечестивейшим тираном (архиепископ Феофан имеет в виду светлейшего князя Меншикова, уже свергнутого к тому времени. — *Н.К.*). Теперь для меня очевидно, что вы у всеблагого и великого Бога находитесь в числе возлюбленнейших чад, ибо Он посещает вас наказаниями, а после печалей возвеселяет, как и всегда делает с людьми благочестивыми...»

К счастью, Бог не судил Феофану дожить до тех пор, когда «российской державе опора» и «великих дел величайшая поддержка» взойдет на российский трон, а то еще неизвестно, чтобы осталось бы от России от их совместных «великих дел...»

Впрочем, как мы и говорили, никакие размышления о будущем не омрачили московского веселья в те месяцы...

Не омрачило веселья и известие о смерти Анны Петровны. Она умерла от чахот-

ки, когда сыну было всего два месяца, умерла, как сообщает в своих записках Екатерина II, с горя, что ей пришлось жить в ничтожном городке Киле, в Голштинии, да еще в таком неудачном замужестве.

Увы...

Раннее сиротство — этот горький удел первых русских императоров — не миновало и Карла Петера Ульриха. До семи лет (в России взошедшая на престол Анна Иоанновна успела за это время и «кондиции» уничтожить, и с «верховниками» расправиться, и новые льготы дворянству, поддержавшему ее, предоставить, и за польское наследство повоевать, а главное, всемерно усилить Бирона) Карл Петер Ульрих находился в руках женщин, которые только и научили его болтать по-французски...

На восьмом году воспитанием сына занялся отец. Все свое время герцог Голштинский проводил в казарме и сына тоже, кажется, принимал за маленького солдатика.

На девятом году Карла Петра Ульриха произвели из унтер-офицеров в секундант-лейтенанты.

Вот как это было...

Праздновался день рождения герцога-отца и во дворце давался парадный обед. Девятилетний Карл Петр Ульрих в мундире стоял на часах рядом с взрослым сержантом у входа в зал, где давался обед. Ребенок был голоден, а герцог-отец, показывая гостям на сына, весело посмеивался над ним. Истязание прекратилось, когда велели подавать второе блюдо. Герцог приказал сменить маленького часового и, когда тот подошел к столу, поздравил его лейтенантом. Только после этого Карлу Петеру Ульриху было позволено занять место за столом, согласно новому званию.

Эпизод этот дает представление об особенностях «голштинской педагогии», которая в том и заключалась, что ребенок как бы сразу становился взрослым и вместо игр оказывался включенным во взрослую жизнь. Ничего исключительного в таком обучении Карла Петра Ульриха не было, так муштровали тогда всех детей в Германии, и это не мешало вырастать им в полезных для общества людей. Карл Петер Ульрих тоже не воспринимал это как некое насилие над собой. В дальнейшем годы, проведенные в казарме отца, воспринимались им как самые светлые и радостные...

Но это потом, в воспоминаниях, а как было в самом детстве — неизвестно. Как неизвестно, было ли вообще детство у Карла Петера Ульриха. Во всяком случае, о его голштинских игрушках не сообщается ничего, словно маленький принц и не играл вообще... А отсутствие детских игр сказалось, конечно, на характере подросшего принца. Профессор П.И. Ковалевский утверждал, что Петр «природы не любил, к животным был безжалостен».

Однако самые тяжелые испытания ждали Карла Петера Ульриха впереди. После смерти отца к нему приставили воспитателя — кавалерийского офицера Брюммера. Придворные злословили, что он воспитывает принца точно так же, как лошадей на конюшне. На это Брюммер резонно отвечал, что за те ничтожные деньги, которые он получает, принц и не заслуживает лучшего воспитания.

Император Петр III
(с гравюры неизвестного художника XVIII в.)

Система воспитания по Брюммеру была жестокой, почти садистской. Учеба давалась Карлу Петеру Ульриху нелегко, и Брюммер, вместо того, чтобы подбодрить воспитанника, изощрялся в изобретении все новых и новых наказаний. То и дело ребенка оставляли без обеда, а чтобы усилить воздействие наказания, рисовали на его шее осла и, голодного, ставили в дверях столовой, чтобы он мог видеть, как весело обедают его воспитатели.

Карла Петера Ульриха заставляли стоять голыми коленями на горохе, колени распухали и сильно болели. Иногда мальчика привязывали к столу и секли хлыстом...

Удивительно, что эти бессмысленные жестокости совершались над будущим монархом — кроме голштинской короны, одиннадцатилетний мальчик был наследником корон России и Швеции.

Даже когда Карла Петера Ульриха официально объявили наследником шведского престола, обращение с ним не переменилось. Правда, теперь хлыстом вколачивали в него уроки шведского языка, но хлыст от этого не делался мягче.

Распорядок дня был еще более ужесточен. С утра до шести вечера принц должен был сидеть на уроках, с шести до восьми — заниматься танцами, «играть в кадриль» с дочерью госпожи Брокфорд, сумевшей подчинить своему влиянию наставника Брюммера. Для игр и прогулок в расписании времени не оставалось.

— Зачем вы хотите сделать из меня профессора кадрильи? — укладываясь спать, спрашивал Карл Петер Ульрих у своего наставника. — Разве императору обязательно танцевать кадриль?

— Как бы я был рад, если б вы поскорее издохли! — чистосердечно отвечал на это Брюммер.

С этим «приятным напутствием» и засыпал ребенок.

«Система» Брюммера сделала свое дело. И так-то не очень крепкий от рождения, подрастая, Карл Петер Ульрих превращался в маленького уродца; портился и характер.

Троюродная сестра одиннадцатилетнего герцога — принцесса Софья Фредерика Августа, будущая русская императрица Екатерина II, впервые встретившаяся тогда с Петром, оставила достаточно яркий его портрет.

«Я увидела Петра III в первый раз, когда ему было одиннадцать лет, в Эйтине у его опекуна, принца-епископа Любекского. Через несколько месяцев после кончины герцога Карла Фридриха, его отца, принц-епископ* собрал у себя в Эйтине в 1739 году всю семью, чтобы ввести в нее своего питомца.

Моя бабушка, мать принца-епископа и моя мать приехали туда из Гамбурга со мною. Мне было тогда десять лет. Тут были еще принц Август и принцесса Анна, брат и сестра принца-опекуна и правителя Голштинии.

Тогда-то я и слышала от этой собравшейся вместе семьи, что молодой герцог наклонен к пьянству и что его приближенные с трудом препятствовали ему напиваться за столом, что он был упрям и вспыльчив, что он не любил окружающих, и особенно Брюммера, что, впрочем, он выказывал живость, но *был слабого и хилого сложения*.

Действительно, цвет лица у него был бледен и он казался тощим и слабого телосложения. Приближенные хотели выставить этого ребенка взрослым и с этой целью стесняли и держали его в принуждении, которое должно было вселить в нем фальшь, начиная с манеры держаться и кончая характером».

Портрет весьма выразительный, хотя, вглядываясь в него, мы замечаем, что уже тогда принцесса Софья Фредерика Августа разглядывала в своем одиннадцатилетнем троюродном брате своего будущего супруга, которого предстоит ей свергнуть с престола и убить...

---

*Адольф Фридрих, епископ Любекский, герцог Голштинский, впоследствии избранный на основании предварительных статей мира в Або, по предложению императрицы Елизаветы, шведским королем. Он приходился двоюродным братом Карлу Петру Ульриху.

2.

После того как «дщерь Петрова» произвела дворцовый переворот, она разгромила шведов* и приказала перевезти в Россию своего четырнадцатилетнего племянника Карла Петера Ульриха.

Заботилась императрица прежде всего о себе. Удержаться на русском престоле было более сложным делом, нежели захватить его. А закрепляя престол за «петровской» ветвью семьи, Елизавета Петровна снимала с себя все обвинения в узурпации власти. Император Иоанн Антонович был правнуком царя Ивана, а Карл Петер Ульрих — внуком царя Петра. Получалось, что прав у него на наследование русского престола больше...

Поэтому, как пишет биограф Елизаветы Петровны, «императрица приняла сына любимой сестры и внука своего великого отца, как родная мать: поместила его в своем дворце, приставила к нему своих лучших учителей, заботилась о нем и ухаживала во время частых болезней. Вскоре Петр был присоединен к православию и объявлен великим князем Петром Федоровичем...»

В России подростку, не блещущему ни умом, ни развитием, практически всему предстояло учиться заново.

Надобно было учиться незнакомому языку матери и деда, которых он не знал... Вместо лютеранского катехизиса предстояло воспринять догматы православия... Резок был и переход из «системы Брюммера» к положению великого князя. Освоиться с подобной переменой затюканному «голштинской педагогией» Петру Федоровичу удалось не сразу.

Для уроков русского языка к Петру Федоровичу приставили Исаака Веселовского, а в православной догматике его наставлял вернувшийся из-за границы знаток древних языков иеромонах Симон Тодоровский...

Нужно сказать, что лютеранином Карл Петер Ульрих был неважным, и в Киле он терпеть не мог ходить в церковь.

Увы...

Ничего не предвещало, что, сделавшись Петром Федоровичем, он проявит большее усердие к православию. Уроки Симона Тодоровского превращались в бесконечные споры по поводу каждого пункта православного катехизиса.

Как не преминула отметить Екатерина II, «часто призывались приближенные, чтобы решительно прервать схватку и умерить пыл, какой в нее вносили; наконец, с большой горечью он покорялся тому, чего желала императрица, его тетка, хотя он и не раз давал почувствовать, по предубеждению ли, по привычке ли или из духа противоречия, что предпочел бы уехать в Швецию, чем оставаться в России».

Но опасность заключалась не только в гигантском объеме новых знаний, которые нужно было усвоить будущему императору.

Все развитие Петра Федоровича пошло сейчас как бы наоборот...

В детстве из Карла Петера Ульриха пытались сделать взрослого человека, зато теперь, став великим князем Петром Федоровичем, с каждым днем он все более превращался в ребенка. Импульс к этому «возвратному» развитию дали уроки профессора Якоба Штелина, который должен был обучать его математике и истории, а в сущности играл с ним...

Профессор Штелин был слишком образованным и осторожным человеком, чтобы, подобно Брюммеру, пользоваться хлыстом. Отчаявшись добиться должного прилежания от своего ученика, Штелин решил научить великого князя хоть чему-нибудь... При этом, как справедливо заметила Екатерина II, он превратился в своеобразного шута наследника престола.

Действительно...

Древнюю историю Штелин излагал, показывая старинные монеты, а по медалям Петра I читал курс новейшей истории. Штелин приносил из Кунсткамеры забав-

* Речь идет о русско-шведской войне 1741—1743 гг. Одной из официально объявленных шведских претензий к России перед началом этой войны как раз и было лишение потомства Петра I русского престола.

ные диковинки, чтобы сообщить великому князю хоть какие-то сведения из географии и механики. Фортификация изучалась по картинкам в книге «Сила империи», где были изображены все русские укрепления от Риги до Китайских границ.

В результате, незаметно для самого учителя, уроки начали превращаться в игру. Подводя итоги трехлетнего курса обучения, Штелин докладывал, что он старался «извлечь пользу из каждого случая. На охоте просматривали книги об охоте с картинками, при кукольных машинах (тогда начали входить в моду механические игрушки. — *Н.К.*) объяснен механизм и все уловки фокусников; при пожаре показаны все орудия и их композиция; на прогулках по городу показано устройство полиции...»

Подобные «уроки» хороши были бы для малыша пяти-шести лет, но великому князю тогда исполнилось уже шестнадцать...

Увы...

Будущий русский император, несмотря на хлопоты наставников, так и не научился толком говорить по-русски, так и не смог уразуметь разницу в догматах лютеранства и православия.

На всю жизнь суждено было оставаться ему без Бога, без Родины... В его голову, похоже, так и не вместилось осознание просторов России, и, став взрослым, он, предвосхищая нынешних «демократов», всегда считал титул русского императора менее важным, нежели чин генерала прусской службы.

В результате, как справедливо заметил психиатр П.И. Ковалевский, «в его лице маленькому человеку выпало исполнять должность великого человека...»

* * *

Мы помянули о «кукольных машинах», при которых профессор Штелин объяснял наследнику механизм и уловки фокусников. Среди заводных игрушек появились тогда в России настоящие «механические картины». В музее игрушки в Сергиевом Посаде хранятся их образцы. Одна из «картин» называется «Праздник в швейцарской деревне». Когда заводишь этот «праздник», начинает звучать музыка; на террасу хорошенького домика выходят гости и начинают танцевать; распахиваются окошки в соседних домах, из них выглядывают люди. С ветки на ветку перелетают птицы...

Точно неизвестно, какие «механические картины» были у Петра Федоровича, но, разглядывая «Праздник в швейцарской деревне», так легко представить, с каким болезненным восторгом вглядывался он в механически размеренную жизнь, совершавшуюся под стеклянным колпаком. Не эти ли игрушечно-выверенные перемещения, которые казались ему идеалом, и пытался он воссоздать в пространстве реальной жизни?

Если сравнить игры молодого Петра I с играми его внука, то обнаруживается, что развитие их шло как бы во встречных направлениях. Игры Петра I врастали в реальную жизнь, подчиняя ее себе, а у Петра III превращалась в игру реальная жизнь.

«В своих внутренних покоях, — пишет Екатерина II, — великий князь в ту пору только и занимался тем, что устраивал военные учения с кучкой людей, данных ему для комнатных услуг; он то раздавал им чины и отличия, то лишал их всего, смотря по тому, как вздумается. Это были настоящие детские игры и постоянное ребячество; вообще он был еще очень ребячлив, хотя ему минуло шестнадцать лет».

Не к этим ли механически-выверенным перемещениям и пытался он в дальнейшем привести неупорядоченную жизнь свалившейся на него империи?

3.

И все-таки это стремительное бегство в детство наследника русского престола одними только уроками Штелина не объяснить. Не объяснить это и своенравием характера великого князя. Ведь когда было нужно, он умел подчиняться.

И вместе с тем совершенно очевидно, что с будущим императором что-то происходило. С каждым месяцем Петр Федорович все более становился ребенком. Забывая о своем возрасте, о своем положении в

государственной иерархии, вскоре после свадьбы с Екатериной он вдруг увлекся игрой в куклы, которых выписывали для него из Европы, Китая и Индии. Целые представления устраивал он с этими куклами...

Шестнадцатилетняя Екатерина, став супругой великого князя, с ужасом поняла, что она не способна отвлечь его от игрушек, кукол и других детских забав. О самых пикантных подробностях своего медового месяца она подробно рассказала в «Собственноручных записках».

«Великий князь ложился первый после ужина, и как только мы были в постели, Крузе запирала дверь на ключ, и тогда великий князь играл до часу или двух ночи; волей-неволей я должна была принимать участие в этом прекрасном развлечении, так же, как и Крузе. Часто я над этим смеялась, но еще чаще это меня изводило и беспокоило, так как вся кровать была покрыта и полна куклами и игрушками, иногда очень тяжелыми.

Не знаю, проведала ли Чоглокова* об этих ночных забавах, но однажды, около полуночи, она постучалась к нам в дверь спальной; ей не сразу открыли, потому что великий князь, Крузе и я спешили спрятать и снять с постели игрушки, чему помогло одеяло, под которое мы игрушки сунули.

Когда это было сделано, открыли дверь, но Чоглокова стала нам ужасно выговаривать за то, что мы заставили ее ждать, и сказала нам, что императрица очень рассердится, когда узнает, что мы еще не спим в такой час, и ушла ворча, но не сделав другого открытия.

Когда она ушла, великий князь продолжал свое, пока не захотел спать».

Судя по подробностям, которыми изобилуют «Собственноручные записки», у нас нет никаких оснований для обвинения Екатерины II в откровенной лжи.

И вместе с тем совершенно ясно, что принять навязываемое в «Записках» объяснение этой «детскости» поведения в супружеской спальне отклонениями в психике великого князя, задержкой в его развитии тоже невозможно.

Невозможно хотя бы уже потому, что по отношению к остальным женщинам Петр Федорович вел себя вполне адекватно. Скорее уж можно было говорить тут не о холодности, а о чрезмерной пылкости в этом вопросе...

Чтобы понять, что же тогда на самом деле происходило, вспомним, кто такая была сама Екатерина II.

* * *

Принцесса Ангальт-Цербстская Софья Фредерика Августа родилась 21 апреля 1729 года.

Ее отец, князь Христиан Август, был комендантом Штеттина*. Мать, княгиня Иоганна Елизавета, происходила из Голштинского дома. Софья Фредерика Августа находилась, таким образом, в родстве со своим будущим супругом.

О детстве Екатерины II известно из ее писем барону Гримму, решившему посетить в 1776 году Штеттин. «Зачем вам Штеттин? Вы никого там не застанете в живых, одного разве Лорана, дряхлого старика, который в молодости был ничтожеством; но если вы не можете освободиться от этой охоты, так знайте, что я родилась в доме Грейфенгейма, в Мариинском приходе, что я жила и воспитывалась в угловой части замка и занимала наверху три комнаты со сводами, возле церкви, что в углу. Колокольня была возле моей спальни. Там учила меня мамзель Кардель и делал мне испытания г. Вагнер. Через весь этот флигель, по два или по три раза в день, я ходила, подпрыгивая, к матушке, жившей на другом конце. Впрочем, не вижу в том ни-

* Мария Симоновна Чоглокова — статс-дама, двоюродная (по матери) сестра императрицы Елизаветы Петровны.

* А. Брикнер в «Истории Екатерины Второй», должно быть, для пиетета называет его губернатором. Христиан Август не сидел на троне в своем крошечном Цербсте, а командовал прусским полком. Видимо, трудно было прокормить семью доходами с мелкого домена.

чего занимательного; разве, может быть, вы полагаете, что местность что-нибудь значит и имеет влияние на произведение сносных императриц».

Хотя, шутя, Екатерина и советовала барону Гримму предложить прусскому королю, чтобы он завел в Штеттине школу принцесс и тогда на их ловлю там будут собираться посланники, «как за Шпицбергеном китоловы», но саму ее воспитывали без затей.

Софью Фредерику Августу это не особенно-то огорчало, она и не «воображала», по словам баронессы фон Принцен, «сделаться впоследствии государыней великой державы», поскольку обладала умом «серьезным и холодным, столь же далеким от всего выдающегося, яркого, как и от всего, что считается заблуждением, причудливостью или легкомыслием».

Однако, сделавшись великой княжной Екатериной, штеттинская принцесса начала припоминать, что более прозорливые, нежели баронесса Принцен, люди уже тогда видели в ней нечто большее. Например, граф Гилленброк, который, приехав в Гамбург, обратил на нее внимание и сказал, что у нее «философское расположение ума».

Великая княгиня Елизавета Алексеевна
(с портрета неизвестного художника
середины XVIII в.)

Тем не менее судьба Софьи Фредерики Августы решалась без всякого учета ее «философского расположения ума». И если чей-то ум и играл тут какую-то роль, то нужно говорить об уме императрицы Елизаветы Петровны. Тем самым умом, который, по остроумному замечанию де Аллион, хотя и был женским, но зато его у императрицы было много.

Этот *женский ум*, которого *было много*, и употребила Елизавета Петровна на поиски невесты своему племяннику.

На рынке невест наблюдалось тогда явное перепроизводство.

Английский посланник говорил Елизавете Петровне о дочерях английского короля, французский — об одной из французских принцесс, Фридрих II откровенно предлагал в невесты великому князю свою сестру Ульрику, Алексей Петрович Бестужев-Рюмин — саксонскую принцессу Марианну.

Однако все это были только разговоры.

Елизавета Петровна больше всего любила заниматься организацией свадеб своих камеристок и служанок, и естественно, что выбор невесты для племянника она тоже оставляла за собою. Считается, что о переговорах с Ангальт-Цербстскою княгиней первым заговорил граф Лесток...

Велика, велика роль доктора Лестока в послепетровской истории России. Во многом благодаря ему взошла на трон Елизавета Петровна, отчасти благодаря его идее появилась у нас и императрица Екатерина II.

Однако главную роль в выборе Софьи Фредерики Августы в невесты великого князя сыграли не хлопоты Лестока, а, как нам кажется, то обстоятельство, что штеттинская принцесса приходилась племянницей епископу Любскому Карлу, сватавшемуся в свое время к самой Елизавете Петровне.

Свадьба эта из-за смерти жениха не состоялась, но предсвадебные мечтания продолжали жить в разметавшейся в жарких пуховиках «дщери Петровой...» Елизавета Петровна помнила себя невестой, готовящейся войти в семью своего жениха... И сейчас что-то перепуталось в голове, и тут, видимо, и приняла императрица Елизавета Петровна решение вместо своей свадьбы с Карлом сыграть свадьбу... его племянницы со своим племянником.

То, что молодожены находятся в близких родственных отношениях (они были троюродными братом и сестрой), никакой роли для «глубоко религиозной» Елизаветы Петровны не играло.

«Чтобы устранить эту помеху, не щадили денег: этим способом во всех странах опровергаются возражения», — писал в своих записках Фридрих II.

Добавим, что речь тут шла о русских деньгах.

Деньги, действительно, ушли не малые, но какое значение имели расходы, если таким чудным образом «дщери Петровой» как бы удалось завершить свою свадьбу со своим помершим женихом.

Разумеется, это только предположение.

Никаких свидетельств, что Елизавета Петровна думала так, а тем более говорила кому-то об этом, нет.

Но это с одной стороны.

А с другой стороны, кроме этого предположения, нет никакого иного объяснения тому, что среди великого множества принцесс в невесты великому князю Елизаветой Петровной была выбрана именно его сестра...

4.

Родившийся в жарких пуховиках Елизаветы Петровны сюжет свадьбы с мертвецом-женихом будет развит в истории Российской империи.

Внук Елизаветы Петровны, император Павел, вечером 6 ноября 1796 года узнавший о кончине матери, уже 8 ноября даст князю Юсупову, обер-церемониймейстеру Валуеву и действительному статскому советнику Карадыкину Указ:

«По случаю кончины нашей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, для пронесения из Свято-Троицкаго Александро-Невскаго монастыря в соборную Петропавловскую церковь тела любезнейшаго родителя Нашего, блаженный памяти Государя Императора Петра Федоровича, для погребения тела Ея Императорскаго Величества в той же соборной церкви и для наложения единовременнаго траура, учредили Мы печальную комиссию, в которую назначив вас к присутствию, все вышеписанное распорядить с подобающим уважением к особам государским и, составя образцы, тому сообразные, Нам представить». В Указе было разъяснено также, «каким порядком по Их Императорским Величествам блаженной и вечной славы достойной памяти Великом Государе Императоре Петре Федоровиче и Великой Государыне Императрице Елисавете Алексеевне траур во весь год на четыре квартала быть имеет, начиная от 25-го ноября».

Но важен, разумеется, был не порядок траурных мероприятий, а соединение на один и тот же день кончин Петра III и Екатерины II. Царствование Павла становилось как бы прямым продолжением правления Петра III.

Николай Шильдер называет дальнейшие мероприятия загробным апофеозом Петра III.

«1796 года ноября 19-го числа, повелением благочестивейшаго самодержавнейшаго, Великаго Государя нашего Императора Павла Петровича, — повествует летопись Александро-Невской лавры, — вынуто тело в Невском монастыре погребеннаго, покойнаго благочестивейшаго Государя Императора Петра Федоровича, и в новый сделанный великолепный гроб, обитый золотым глазетом, с гербами императорскими, в приличных местах с гасами серебряными, с старым гробом, тело его положено. В тот день, в семь часов пополудни, изволили прибыть в Невский монастырь Его Императорское Величество, Ея Величество и Их Высочества, в нижнюю Благовещенскую церковь, где стояло тело, и, по прибытии их, открыт был гроб; к телу по-

койнаго государя изволили прикладываться Его Императорское Величество, Ея Величество и Их Высочества, и потом закрыто было».

25 ноября, в десять часов утра, император Павел совершил коронацию праха Петра III. Он вошел в царские врата, взял с престола корону и возложил на себя, а потом, подойдя к останкам родителя своего, при возглашении вечной памяти положил ее на гроб императора. В тот же самый день, во втором часу пополудни, императрица Мария Федоровна возложила корону на главу покойной государыни, тело которой было перенесено в тронную комнату на парадную кровать, а в седьмом часу тело императрицы Екатерины положили в гроб.

1 декабря герольды возвестили всенародно о предстоявшем на другой день перенесении тела императора Петра III из Невского монастыря в Зимний дворец.

В морозный день 2 декабря все полки гвардии и бывшие в столице армейские полки выстроились от Зимнего дворца до Александро-Невской лавры, откуда в одиннадцать часов утра и двинулась печальная процессия с останками Петра III. За гробом шествовали пешком в глубоком трауре их величества и их высочества. В шествии участвовал также и убийца Петра, граф А.Г. Орлов-Чесменский, которому доверено было нести императорскую корону. По прибытии процессии к Зимнему дворцу гроб Петра был внесен в залу и поставлен на катафалк рядом с гробом императрицы Екатерины.

5 декабря оба гроба одновременно перевезены были в Петропавловский собор. В процессии колесница с гробом императрицы следовала впереди, а за нею двигалась колесница с гробом императора, за которым шествовали их величества и их высочества.

На лице у императора заметно было больше гнева, нежели печали; он на всех глядел свысока. Императрица Мария Федоровна плакала.

До 18 декабря народ всякого звания был допускаем в крепость беспрепятственно.

Два гроба и сердца, судьбою разлучены,
Соединяет сын, примерный из царей!
Пад к императорским стопам его священным,
Россия чтит пример любви сыновней сей;
И зря в чувствительном порфирородном сыне
Чувствительна царя, отечества отца,
Чего лишилася в Петре, Екатерине,
То в Павле возвратя, благодарит Творца.

«Санкт-Петербургские ведомости» писали об этом «загробном апофеозе» 9 декабря 1796 года.

Тогда же появился ряд аллегорических картин...

Одна из них называлась: «Эксгумация Петра III 8 ноября 1796 в присутствии Его Величества Павла I, императора всея России».

В храме, на возвышении, стоит гроб. Поднятую гробовую крышку поддерживает с одной стороны монах, с другой — женщина в царском венце, олицетворяющая Россию. В правой руке у нее скипетр, а в левой светильник, освещающий поднимающегося из гроба Петра III. Он протягивает руку императору Павлу. Подле монаха стоит женщина, изображающая правосудие, и держит в одной руке весы, склоняющиеся к Петру III, а в другой корону над его головой. Павел Петрович, сжимая своей правой рукой руку отца, оборотился и другою рукою указывает на Петра вельможам, которые выражают радость и одобрение, и только граф А.Г. Орлов-Чесменский, позади этой группы царедворцев, в ужасе отстраняется от видения. От гроба сползают змеи...

На другой гравюре на левой стороне изображен ад, там в пещере, за которой клубится пламя, сидят обнявшиеся Плутон и Прозерпина; внизу парки, цербер на цепи и три гиены. Харон отчаливает, чтобы ехать назад через Стикс. На берегу ада он оставил трех человек, в которых нетрудно узнать графа Орлова, князя Барятинского и Пассека. Один лежит распростертым, другой пал на колени, как бы умоляя о продлении жизни, а третий ломает себе

руки. Фурии секут их пуками змей. Правая сторона картины представляет за рекою Елисейские поля; там Павел ведет за руку Петра III, который в короне, порфире и со скипетром; позади них женщина в саване: это должна быть Екатерина II, а близ них — богиня правосудия с весами в одной руке и с опущенным мечом в другой; по правой стороне зрители этой сцены: императрица Мария Федоровна, ведущая за руку ребенка, великие князья Александр и Константин и великие княжны...

18 декабря останки Петра III и Екатерины II были преданы земле, после панихиды, в присутствии их величеств и всей императорской фамилии.

Такое развитие в русской истории получит загробный апофеоз, зародившийся в жарких пуховиках «дщери Петровой», но произойдет это в конце 1796 года, а за пятьдесят три года до этого, в последние дни 1743 года, когда Фридрих II приказал Ангальт-Цербстской княгине везти Софью Фредерику Августу в Россию, ликованию и восторгам в семье штеттинского коменданта не было границ.

За полгода до этого Елизавета Петровна сделала щедрый подарок брату своего покойного жениха голштинскому принцу Адольфу Фридриху. Тогда 7 августа 1743 года, при заключении Абского мира, по настоянию императрицы Елизаветы Петровны он был посажен на шведский престол.

И вот второй, не менее щедрый подарок...

Уже 12 января 1744 года счастливая мать с невестой-дочерью выехали из Цербста в Берлин, оттуда в Кенигсберг, а затем в Ригу...

Срочно, как бы расчищая путь будущей императрице, перевезли из крепости Дюнамюнде в Раненбург (под Рязанью) семейство Анны Леопольдовны и Антона Ульриха...

3 февраля 1744 года Софья Фредерика Августа, принцесса Ангальт-Цербстская, прибыла в Россию...

5.

Считается, что Екатерина писала «Собственноручные записки», чтобы объяснить или вернее обосновать, почему она не могла не свергнуть с престола своего мужа.

И это отчасти верно, но Екатерина обладала очевидным литературным талантом, и в ее «Записках» много живых сцен и реальных переживаний маленькой немецкой принцессы, заброшенной по странной прихоти императрицы Елизаветы Петровны в чужую, непонятную страну, которые работают не столько на главную идею книги, сколько против нее...

«Мне шел пятнадцатый год; в течение первых десяти дней он (великий князь. — *Н.К.*) был очень занят мною... — пишет Екатерина. — Я молчала и слушала, чем снискала его доверие, он мне сказал, между прочим, что *ему больше всего нравится во мне то, что я его троюродная сестра* (выделено нами. — *Н.К.*) и что в качестве родственника он может говорить со мной по душе, после чего сказал, что влюблен в одну из фрейлин императрицы, которая была удалена тогда от двора ввиду несчастья ее матери, некоей Лопухиной, сосланной в Сибирь; что ему хотелось бы на ней жениться, но он покоряется необходимости жениться на мне, потому что его тетка того желает.

Я слушала, краснея, эти родственные разговоры, благодаря его за скорое доверие, но в глубине души я взирала с изумлением на его неразумие и недостаток суждения о многих вещах...»

Прервем тут возмущенное повествование Екатерины о «неразумии и недостатке суждения о многих вещах», проявляемых в отношении нее великим князем...

Браки между родственниками потому и запрещаются, что они противоестественны и в этих браках зачастую возникают проблемы с непосредственным продолжением рода. Великий князь Петр Федорович не отличался большим умом, но относиться к Екатерине иначе, чем к сестре, он не хотел и, возможно, не мог. Осуждать его за это все равно, что осуждать здорового человека за то, что он не занимается половыми извращениями и не склонен к пороку.

Можно сказать, что великий князь был недостаточно умен, чтобы понимать тайные, во многом определяемые неудовлетворенностью в семейной жизни расчеты тетки, императрицы Елизаветы Петровны...

Можно говорить, что он был недостаточно тонок, чтобы понять, что его невестой движет не развращенность, а лишь стремление во что бы то ни стало, невзирая ни на какие условности, не упустить своего шанса...

Но можно говорить и иначе.

Можно говорить, что великий князь был слишком здоров, чтобы поддаться на эти женские уловки, пытающиеся склонить его к противоестественному соитию...

И в принципе Екатерине II тут не на что было жаловаться. Своего отношения к ней великий князь не скрывал.

Екатерина продолжает:

«В мае месяце императрица с великим князем переехала на жительство в Летний дворец...

Тут кончились частые посещения великого князя. *Он велел одному из слуг прямо сказать мне, что живет слишком далеко от меня, чтобы часто приходить ко мне*; *я отлично почувствовала, как мало он занят мною и как мало я любима* (выделено нами. — *Н.К.*); мое самолюбие и тщеславие страдали от этого втайне, но я была слишком горда, чтобы жаловаться; я считала себя униженной, если бы мне выразили участие, которое я могла бы принять за жалость. Однако, когда я была одна, я заливалась слезами, отирала их потихоньку и шла потом резвиться с моими женщинами.

Мать тоже обращалась со мной очень холодно и церемонно; но я не упускала случая ходить к ней несколько раз в день...»

Насчет холодности жениха мы все выяснили: великий князь испытывал омерзение от одной только мысли, что его заставят лечь в брачную постель с сестрой.

Но чем объяснить холодность матери? Почему вместо того, чтобы поддержать дочь, она отворачивается от нее в ту минуту, когда ее поддержка особенна нужна?

Объяснение тут, наверное, только в той неприличной торопливости, с которой перенимала она чужие обычаи и веру, при каждом удобном и не очень удобном случае стараясь продемонстрировать свою любовь к русскому языку, русским обычаям и православной вере.

Историки романовской школы с умилением рассказывают, как в марте 1744 года, когда Софья Фредерика Августа простудилась и схватила плеврит, мать ее захотела, чтобы к дочери пригласили лютеранского священника. Однако Софья Фредерика Августа, которая лежала без чувств, тут же немедленно открыла глаза и сказала: «Зачем же? Пошлите лучше за Симоном Тодоровским, я охотно с ним поговорю».

Возможно, княгиню Ангальт-Цербстскую возмутило столь явное притворство дочери... А может быть, она вспомнила вдруг, как успешно училась ее дочь вначале у католического пастора Перара, убежденного паписта, потом у кальвиниста Лорана, ненавидевшего папу, затем — у лютеранского священника Вагнера, ненавидевшего и католиков, и кальвинистов...

Мы не знаем, что именно возмутило княгиню Ангальт-Цербстскую, однако можно с уверенностью утверждать что, в отличие от романовских историков она не поверила дочери, будто уроки архимандрита Симона Тодоровского, пытавшегося внушить отвращение и к протестантизму, и к католицизму, сделали ее столь ревностной православной.

Не верим в это и мы.

Симон Тодоровский, на наш взгляд, не столько воцерковлял свою воспитанницу, сколько превращал ее в законченную вольтерьянку. И это столь театрально-циничное отношение к вере вообще, которое так ярко проявилось в Софье Фредерике Августе, и ужаснуло ее по-немецки простодушную мать...

28 июля 1744 года состоялась церемония принятия Екатериной православия. По словам Мардефельда, «она держала себя, как настоящая героиня...»

Слова эти, в свете всего вышесказанного, должны бы восприниматься как некая

риторическая фигура, но нам они кажутся наполненными, как и слова о внезапно возникшей холодности матери, вполне конкретным содержанием.

Чтобы столь решительно стремиться к противоестественному браку с собственным братом, который испытывает ужас и отвращение от одной только мысли о нем, действительно требуется необыкновенная решимость и сила воли. Та решимость, которая не могла не изумить Ангальт-Цербстскую княгиню, то неистовое желание сделаться из дочери прусского коменданта русской императрицей, которое действительно можно было принять за героизм.

Нельзя сказать, чтобы самой Екатерине это давалось легко...

«В душе я очень тосковала, но остерегалась говорить об этом, — пишет она. — Однако Жукова заметила как-то мои слезы и сказала мне об этом; я привела наилучшие основания, не высказывая ей истинных. *Я* больше чем когда-либо *старалась приобрести привязанность всех вообще, от мала до велика; я никем не пренебрегала* со своей стороны и поставила себе за правило считать, что мне все нужны, и поступать сообразно с этим, чтобы снискать себе всеобщее благорасположение, в чем и успела».

Как отмечает А. Брикнер, «и впоследствии Екатерина своим внешним благочестием производила обыкновенно глубокое впечатление на публику, представляя совершенную противоположность Петру III, относившемуся совершенно небрежно к религиозным обязанностям».

Признание, что Екатерина «никем не пренебрегала со своей стороны и поставила себе за правило считать, что мне все нужны, и поступать сообразно с этим», дорого стоит.

«По мере того как этот день (бракосочетания. — *Н.К.*) приближался, моя грусть становилась все более и более глубокой, сердце не предвещало мне большого счастья, одно честолюбие меня поддерживало; в глубине души у меня было *что-то*, что не позволяло мне сомневаться ни минуты в том, что рано или поздно мне самой по себе удастся стать самодержавной Русской императрицей».

Современники вспоминают, что «приятный и благородный стан, гордая поступь, прелестные черты лица и осанка, повелительный взгляд» — все возвещало в Екатерине великий характер. «Возвышенная шея, особенно со стороны, образует отличительную красоту, которую она движением головы тщательно обнаруживала. Большое открытое чело и римский нос, розовые губы, прелестный ряд зубов... Волосы каштанового цвета отличной красоты, черные брови и... прелестные глаза, в коих отражение света производило голубые оттенки, и кожа ослепительной белизны».

Гордость, по наблюдению современников, составляла отличительную черту характера Екатерины. Точно так же, как и лицемерие...

«Замечательные в ней приятность и доброта для проницательных глаз суть не иное что, как действие особенного желания нравиться, и очаровательная речь ее ясно открывает опасные ее намерения, — пишет французский атташе шевалье Клод Карломан Рюльер. — Живописец, желая изобразить сей характер, аллегорически представил ее в образе прелестной нимфы, представляющей одной рукою цветочные цепи, а в другой скрывающей позади себя зажженный факел».

6.

Свадьба Екатерины и Петра Федоровича была отпразднована 25 августа 1745 года с большой пышностью и великолепием. Образцами послужили свадьба французского дофина в Версале и бракосочетание сына короля Августа III в Дрездене. Празднества продолжались десять дней.

Теперь присматривать за великой княгиней назначили камер-фрау Краузе — сестру старшей камер-фрау императрицы. Первым делом Краузе запретила другим служанкам говорить вполголоса, дабы они не смогли сказать чего-то втайне от нее. Екатерину лишили возможности даже посплетничать со своими служанками... Это было тем более досадно, что «милый суп-

руг вовсе не занимался мною, но постоянно играл со своими слугами в солдаты, делая им в своей комнате ученья и меняя по двадцати раз на дню свой мундир».

«Я очень хорошо видела, — признается Екатерина, — что великий князь вовсе не любит меня; через две недели после свадьбы он опять признался мне в своей страсти к девице Карр, фрейлине императрицы. Графу Девиеру он сказал, что между этою девушкой и мною не может быть никакого сравнения. Девиер был противного мнения; он на него рассердился за это.

Сцена эта происходила почти в моем присутствии.

В самом деле, — рассуждала я сама с собою, — *не истребляя в себе нежных чувств к этому человеку, который так дурно платит за них, я непременно буду несчастлива и измучаюсь ревностью без всякого толку.* Вследствие этого я старалась восторжествовать над моим самолюбием и изгнать из сердца ревность относительно человека, который не любит меня; но для того, чтобы не ревновать, было одно средство — не любить его. *Если бы он желал быть любимым, то относительно меня это вовсе было нетрудно; я от природы была наклонна и привычна к исполнению моих обязанностей, но для этого мне был нужен муж с здравым смыслом, а мой его не имел*».

Тут, как нам кажется, Екатерина заговаривается...

Понятно, что ей хотелось бы иметь мужа со здравым смыслом...

Но что она называет здравым смыслом?

Готовность лечь в постель со своей сестрой ради того, чтобы угодить императрице Елизавете Петровне? Готовность изображать семейную гармонию, хотя и намека на нее нет? Но так легко регулировать свои чувства можно только тогда, когда речь идет об изображении любви, а не о самой любви, когда все чувства отсутствуют...

Впрочем, тут Екатерина всегда путалась и в дальнейшем. Изображение чувства веры, любви, преданности она всегда путала с самой верой, любовью, преданностью...

Такой уж характер был у Екатерины, которую назовут Великой, которая в жертву карьере принесла все.

«В конце мая, — продолжает Екатерина, — императрица приставила ко мне главной надзирательницей Чоглокову, одну из своих статс-дам и свою родственницу; это меня как громом поразило, эта дама была совершенно предана графу Бестужеву, очень грубая, злая, капризная и очень корыстная. Ее муж, камергер императрицы, уехал тогда, не знаю с каким-то поручением, в Вену; я много плакала, видя, как она переезжает, и также во весь остальной день; на следующий день мне должны были пустить кровь.

Утром, до кровопускания, императрица вошла в мою комнату, и, видя, что у меня красные глаза, она мне сказала, что молодые жены, которые не любят своих мужей, всегда плачут, что моя мать, однако, уверяла ее, что мне не был противен брак с великим князем, что, впрочем, она меня к тому бы не принуждала, а раз я замужем, то не надо больше плакать.

Я вспомнила наставление Крузе и сказала: “Виновата, матушка», и она успокоилась”.

Возможно, Екатерина понимала, что великий князь не обязан ради *ее карьеры* идти на противоестественное сожительство с нею, но ведь поскольку всеми изображалось, что ничего противоестественного в этом придуманном Елизаветой Петровной браке нет, то так считала теперь и Екатерина, и тем сильнее возмущал ее супруг, который не желал принимать изображаемое за действительное.

По воспоминаниям Екатерины видно, что ее совершенно искренне теперь раздражало в муже все. Невыносимой казалась его игра на скрипке, с раздражением слушала она его рассказы об увеселительном доме, на манер Капуцинского монастыря, который он вознамерился выстроить близ Ораниенбаума.

Но особенно раздражали Екатерину ухищрения, к которым прибегал он по но-

чам, чтобы охладить ее любовный пыл. Однажды Петр пригласил супругу полакомиться посреди ночи присланными устрицами. В другой раз заставил играть в карты.

И тут — это очень характерно для Екатерины! — непонятно было, что ее раздражало больше, то ли принуждение к картежной игре, то ли то, что за неимением денег великий князь поставил в заклад свой ночной колпак, который представлял собою, по его словам, сумму в 10 000 рублей.

«При всей моей решимости угождать ему и быть с ним терпеливою, очень часто — признаюсь откровенно — его посещения, прогулки и разговоры надоедали мне до чрезвычайности... — пишет Екатерина. — Когда он уходил, самая скучная книга казалась мне приятным развлечением».

Раздражаться и вооружаться этим раздражением против супруга Екатерине было тем легче, что, как мы и говорили, сам он более чем достаточно предоставлял для этого поводов.

«Утром, днем и очень поздно ночью великий князь с редкой настойчивостью дрессировал свору собак, которую сильными ударами бича и криком, как кричат охотники, заставлял гоняться из одного конца своих двух комнат (потому что у него больше не было) в другой; тех же собак, которые уставали или отставали, очень строго наказывал, это заставляло их визжать еще больше; когда наконец он уставал от этого упражнения, несносного для ушей и покоя соседей, он брал скрипку и пилил на ней очень скверно и с чрезвычайной силой, гуляя по своим комнатам, после чего снова принимался за воспитание своей своры и за наказывание собак, что мне поистине казалось жестоким.

Слыша раз, как страшно и очень долго визжала какая-то несчастная собака, я открыла дверь спальни, в которой сидела и которая была смежной с той комнатой, где происходила эта сцена, и увидела, что великий князь держит в воздухе за ошейник одну из своих собак, а бывший у него мальчишка, родом калмык, держит ту же собаку, приподняв за хвост.

Это был бедный маленький Шарло английской породы, и великий князь бил эту несчастную собачонку толстой ручкой своего кнута; я вступилась за бедное животное, но это только удвоило удары; не будучи в состоянии выносить это зрелище, которое показалось мне жестоким, я удалилась со слезами на глазах к себе в комнату».

Узнав о забавах своего наследника, императрица Елизавета Петровна категорически запретила ему держать собак во дворце, но наследник престола не послушался. Свору он поселил в чулане возле спальни жены.

«Сквозь дощатую перегородку алькова, — вспоминала потом Екатерина, — несло псиной, и мы оба спали в этой вони».

Когда же она попросила убрать собак, супруг ответил, что нет возможности иначе устроить, потому как, если узнает тетенька, она будет очень сердиться. Более того, как вспоминает Екатерина, он потребовал, чтобы жена хранила его секрет...

Однажды Екатерина увидела в комнате мужа болтающуюся в петле крысу.

— Что это значит, ваше высочество? — спросила она.

Великий князь без тени улыбки объяснил, что крыса совершила уголовное преступление, наказуемое по законам военного времени (Россия и Пруссия вели тогда войну) жесточайшей казнью. Преступница проникла ночью в картонную крепость, перелезла через стену и сгрызла двух слепленных из крахмала часовых, что несли вахту на бастионе. К счастью, верная собака поймала ее. Военно-полевой суд приговорил преступницу к повешению, и теперь три дня она будет висеть «на глазах публики для внушения примера».

Было тогда Петру Федоровичу уже двадцать пять лет...

Иногда целыми днями будущий император расставлял на столах солдатиков. Вдоль столов были прибиты медные решеточки с трещотками. Стоило дернуть за шнурок, — и раздавался звук, похожий на беглый ружейный огонь. Часами мог забавляться великий князь стрельбою игрушеч-

ных солдат. И каждый вечер он производил «развод патрулей», являясь к столам с игрушками в генеральском мундире, в ботфортах со шпорами. В мундирах должны были присутствовать на разводе патрулей и лакеи.

Екатерина описывает его забавы с плохо скрываемым раздражением, и это понятно. Великий князь мог забавляться солдатиками в ожидании, когда освободится трон.

Что произойдет тогда, Екатерина знала слишком твердо.

Ей предстояло тогда возвращение к матери или кое-что похуже этого...

Впрочем, об этом можно было пока не думать. Беда могла произойти намного раньше...

7.

Страницы, посвященные событиям 1750 года, едва ли не самые драматичные в «Собственноручных записях» Екатерины II.

Год этот начинался новым развлечением великого князя — его романом с дочерью герцога Эрнста Иоганна Бирона. Он был особенно мучителен для Екатерины, поскольку совершался на ее глазах, и особенно унизителен, потому что новая возлюбленная Петра Федоровича была горбуньей...

Екатерина Великая
(с гравюры Чемесова). 1762 г.

«Чоглоков вздумал в это время доставить нам развлечение, или, вернее, не зная, что делать самому и жене от скуки, он приглашал нас с великим князем ежедневно после обеда играть у него в покоях, которые он занимал при дворе и которые состояли из четырех-пяти довольно маленьких комнат. Он звал туда дежурных кавалеров и дам и принцессу Курляндскую, дочь герцога Эрнста Иоганна Бирона, прежнего фаворита императрицы Анны.

Императрица Елизавета вернула этого герцога из Сибири, куда во время регентства принцессы Анны он был сослан; местом жительства ему назначили Ярославль, на Волге; там он и жил, с женой, двумя сыновьями и дочерью.

Эта дочь не была ни красива, ни мила, ни стройна, ибо она была горбата и мала ростом, но у нее были красивые глаза, ум и необычайная способность к интриге; ее отец и мать не очень ее любили; она уверяла, что они постоянно дурно с ней обращались.

В один прекрасный день она бежала из родительского дома и укрылась у жены ярославского воеводы, Пушкиной. Эта женщина в восторге, что может придать себе значение при дворе, привезла ее в Москву, обратилась к Шуваловой и бегство принцессы Курляндской из родительского дома объяснила как следствие преследований, которые она терпела от родителей за то, что выразила желание перейти в православие. В самом деле, первое, что она сделала при дворе, было действительно ее исповедание веры; императрица была ее крестной матерью, после чего ей отвели помещение среди фрейлин.

Чоглоков особенно старался выказывать ей внимание, потому что старший брат принцессы положил основание его благополучию, взяв его из Кадетского корпуса, в кавалергарды, и держал его при себе для посылок.

Принцесса Курляндская, втершаяся таким образом к нам и игравшая каждый день в триссет в течение нескольких часов с великим князем, с Чоглоковым и со мной, вела себя вначале с большой сдержанностью: она была вкрадчива, и ум ее заставлял забывать, что у нее было неприятного в наружности, особенно когда она сидела; она каждому говорила то, что могло ему нравиться.

Все смотрели на нее, как на интересную сироту, к ней относились как к особе почти без всякого значения.

Она имела в глазах великого князя другое достоинство, которое было немаловажным: это была своего рода иностранная принцесса и тем более немка, следовательно, они говорили вместе только по-немецки.

Это придавало ей прелести в его глазах; он начал оказывать ей столько внимания, сколько был способен; когда она обедала у себя, он посылал ей вина и некоторые любимые блюда со своего стола, и когда ему попадалась новая какая-нибудь гренадерская шапка или перевязь, он их посылал к ней, чтобы она посмотрела».

Еще более раздражало Екатерину, что на этот унизительный для нее роман великого князя тратилось последнее время, отпущенное ей для упрочения ее положения в Российской империи.

Уже четыре с половиной года длился ее брак с Петром Федоровичем, и императрица Елизавета Петровна изволили гневаться. Тогда и была назначена *проверка.* Как она должна была протекать, точно неизвестно, но из «Собственноручных записей» видно, что *проверять* бездетных супругов собирались всерьез.

«К концу масленой императрица вернулась в город... На первой неделе поста мы начали говеть.

В среду вечером я должна была пойти в баню, в доме Чоглоковой, но накануне вечером Чоглокова вошла в мою комнату, где [находился] и великий князь, и передала ему от императрицы приказание тоже идти в баню.

А баня и все русские обычаи и местные привычки не только не были по сердцу великому князю, но он даже смертельно их ненавидел. Он наотрез сказал, что не сделает ничего подобного; Чоглокова, тоже очень упрямая и не знавшая в своем разговоре никакой осторожности, сказала ему, что это значит не повиноваться Ее Императорскому Величеству. Он стал утверждать, что не надо приказывать того, что противно его натуре, что он знает, что баня, где он никогда не был, ему вредна, что он не хочет умереть, что жизнь ему дороже всего и что императрица никогда его к такой вещи не принудит.

Чоглокова возразила, что императрица сумеет наказать его за сопротивление.

Тут он рассердился и сказал ей вспыльчиво: "Увидим, что она мне сделает, я не ребенок".

Тогда Чоглокова стала ему угрожать, что императрица посадит его в крепость. Ввиду этого он принялся горько плакать, и они наговорили друг другу всего, что бешенство могло им внушить самого оскорбительного, и у обоих буквально не было здравого смысла.

В конце концов она ушла и сказала, что передаст слово в слово этот разговор императрице.

Не знаю, что она сделала, но она вернулась, и разговор принял другой оборот, ибо она сказала, что императрица говорила и очень рассердилась, что у нас еще нет детей и что она хотела знать, кто из нас двоих в том виноват, что она пришлет мне акушерку, а ему доктора; она прибавила ко всему этому много других обидных и бессмысленных вещей и кончила словами, что *императрица освобождает нас от говения* на этой неделе, *потому что великий князь говорит, что баня повредит его здоровью*».

Тут мы сталкиваемся с настолько своеобразным отношением императрицы Елизаветы к *говению (на первой седмице!)*, что, право же, даже и не решаемся предположить, *что* она вкладывала в это слово.

«Надо знать, — говорит Екатерина, — что во время этих разговоров я не открывала рта, во-первых, потому, что оба говори-

ли с такой запальчивостью, что я не находила, куда бы вставить слово; во-вторых, потому, что я видела, что с той и другой стороны говорят безрассудные вещи. Я не знаю, как судила об этом императрица, но как бы то ни было, больше не поднимался вопрос ни о том, ни о другом предмете после того, что только что я рассказала».

Вторую половину поста императрица провела в Гостилицах у графа Разумовского, празднуя его именины, а молодой двор — в Царском Селе.

«Здесь великий князь стал выказывать решительное пристрастие к принцессе Курляндской, особенно выпивши вечером за ужином, что случалось с ним каждый день; он не отходил от нее больше ни на шаг, говорил только с ней, одним словом, дело это быстро шло вперед в моем присутствии и на глазах у всех, что оскорбляло мое тщеславие и самолюбие; мне обидно было, что этого маленького урода предпочитают мне.

Однажды вечером, когда я вставала из-за стола, Владиславова сказала мне, что все возмущены тем, что эту горбунью предпочитают мне; я ей ответила: "что делать!", у меня навернулись слезы, и я пошла спать.

Только что я улеглась, как великий князь пришел спать.

Так как он был пьян и не знал, что делает, то стал мне говорить о высоких качествах своей возлюбленной; я сделала вид, что крепко сплю, чтобы заставить его поскорее замолчать, он стал говорить еще громче, чтобы меня разбудить, и видя, что я не подаю признаков жизни, довольно сильно толкнул меня раза два-три кулаком в бок, ворча на мой крепкий сон, повернулся и заснул.

Я очень плакала в эту ночь и из-за всей этой истории и из-за ударов, которые он мне нанес, и из-за своего положения, столь же неприятного во всех отношениях, сколь и скучного. На следующий день ему было стыдно за то, что он сделал; он мне об этом не говорил, я сделала вид, что не почувствовала».

Глава шестая

ВЫБОР НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА

Вчитываясь в «Собственноручные записки», постепенно начинаешь понимать, как удается Екатерине II совместить подкупающую искренность повествования с созданием довольно тенденциозного портрета Петра III.

Секрет прост.

Жестокость отношения мужа к себе Екатерина распространяет на его отношения к другим. Нелепость положения, в которое он ее поставил, — на положение всех окружающих Петра Федоровича людей.

Она, чтобы как-то облегчить давящую ее тяжесть, сама того не осознавая, очень зорко подмечает все нелепые и жестокие поступки великого князя по отношению к другим.

Отсюда и обилие компромата на императора Петра III, и полнейшая искренность Екатерины II и как бы даже и беспристрастность ее.

1.

«Став супругою великого князя на 16-м году возраста, — пишет французский атташе в Петербурге Клод Карломан Рюльер, — она уже чувствовала, что будет управлять владениями своего мужа. Поверхность, которую она без труда приобрела над ним, служила к тому простым средством, как действие ее прелестей, и честолюбие ее долго сим ограничивалось. Ночи, которые проводили они всегда вместе, казалось, не удовлетворяли ее чувствам; всякий день скрывались они от глаз по несколько часов, и империя ожидала рождения второго наследника, не воображая в себе, что между молодыми супругами сие время было

употребляемо единственно на прусскую экзерцицию, или стоя на часах с ружьем на плече».

Долго спустя великая княгиня, рассказывая сии подробности брачной жизни, прибавляла: “Мне казалось, что я годилась для чего-нибудь другого”. Но, сохраняя в тайне странные удовольствия своего мужа и тем ему угождая, она им управляла, во всяком случае, она тщательно скрывала сии нелепости и, надеясь царствовать посредством его, боялась, чтобы его не признали недостойным престола.

Подобные забавы не обещали империи наследной линии, а императрица Елизавета непременно хотела ее иметь для собственной своей безопасности... Сего-то и недоставало; уже прошло 8 лет, и хотя природа не лишила великого князя всей чувствительности, но опытные люди неоспоримо доказывали, что нельзя было надеяться от него сей наследственной линии. Придворный молодой человек, граф Салтыков, прекрасной наружности и недальнего ума, избран был в любовники великой княгини...»

Разумеется, можно было бы относиться к этому рассказу французского атташе как к досужей сплетне, ведь и помещен он в сочинении, красноречиво озаглавленном: «Истории и анекдоты революции в России в 1762 году».

Но смущает, что «анекдоты» Клода Карломана Рюльера как-то удивительно точно соотносятся с другими свидетельствами, достоверность которых не вызывает никакого сомнения. А пикантная история о замене великого князя в постели Екатерины любовником, как ни странно, находит недвусмысленные подтверждения в воспоминаниях самой Екатерины II:

«Чоглокова, вечно занятая своими излюбленными заботами о престолонаследии, однажды отвела меня в сторону и сказала: “Послушайте, я должна поговорить с вами очень серьезно”.

Я, понятно, вся обратилась в слух; она с обычной своей манерой начала длинным разглагольствованием о привязанности своей к мужу, о своем благоразумии, о том, что нужно и чего не нужно для взаимной любви и для облегчения и отягощения уз супруга или супруги, и затем свернула на заявление, что бывают иногда положения высшего порядка, которые вынуждают делать исключения из правила.

Я дала ей высказать все, что она хотела, не прерывая, вовсе не ведая, куда она клонит, несколько изумленная, и не зная, была ли это ловушка, которую она мне ставит, или она говорит искренно. Пока я внутренне так размышляла, она мне сказала:

“Вы увидите, как я люблю свое отечество и насколько я искренна; я не сомневаюсь, чтобы вы кому-нибудь не отдали предпочтения: предоставляю вам выбрать между С[ергеем] Салтыковым] и Л[ьвом] Нарышкиным]. Если не ошибаюсь, то [избранник ваш] последний”.

На это я воскликнула: «Нет, нет, отнюдь нет».

Тогда она мне сказала: “Ну, если это не он, так другой, наверно”.

На это я не возразила ни слова, и она продолжала: “Вы увидите, что помехой вам буду не я»”.

Я притворилась наивной настолько, что она меня много раз бранила за это как в городе, так и в деревне, куда мы отправились после Пасхи...»

Не верить этому сообщению Екатерины II нет оснований.

Во-первых, зачем бы ей наговаривать на себя такое, а, во-вторых, в нем очень точно очерчена фигура Марии Симоновны Чоглоковой. Говорят, что когда Мария Симоновна со своим мужем камергером Николаем Наумовичем Чоглоковым поселилась в царском дворце, детей их пеленали андреевскими лентами с плеча государыни.

Красивая, молодая (она была на пять лет моложе Екатерины II) Мария Симоновна, когда ее назначили обер-гофмейстериной при великой княгине, получила специальные инструкции у императрицы...

Далее в «Собственноручных записках» идет описание празднования в Москве годовщины коронации Елизаветы Петровны, описание дуэли Захара Чернышева и

полковника Николая Леонтьева, и тут же Екатерина сообщает, что в течение мая месяца у нее появились новые признаки беременности.

«К Петрову дню мы вернулись в Москву, и на меня напал такой сон, что я спала по целым дням до двенадцати часов и с трудом меня будили к обеду. Петров день был отпразднован, как всегда; я оделась, была у обедни, на обеде, на балу и за ужином.

На следующий день я почувствовала боль в пояснице. Чоглокова призвала акушерку, и та предсказала выкидыш, который у меня и был в следующую ночь.

Я была беременна, вероятно, месяца два-три; в течение тринадцати дней я находилась в большой опасности, потому что предполагали, что часть "места" осталась; от меня скрыли это обстоятельство; наконец на тринадцатый день место вышло само без боли и усилий; меня продержали по этому случаю шесть недель в комнате, при невыносимой жаре».

Тем не менее Екатерина знала, чего от нее хотят, и была преисполнена решимости дать *это* империи и императрице, неторопливо ожидавшей, когда наконец будет восстановлена вся династическая линия.

2.

Разумеется, в «Собственноручных записках» Екатерина II не могла записать, что ее сын, наследник русского престола, будущий русский император Павел, является сыном не Петра III, а некоего другого избранника, но тем не менее в тексте фразе о беременности Екатерины Павлом предшествует довольно путаная история о романе Чоглоковой с князем Петром Репниным, в которой как-то не к месту появляется Сергей Салтыков.

Мысль Екатерины выстраивается так: некто открылся Сергею Салтыкову, «который постарался — мы уже вошли в цитату! — его успокоить; я отнюдь не говорила Сергею Салтыкову того, что об этом знала, боясь невольной иногда нескромности. Под конец и муж стал мне делать кое-какие намеки; я разыграла из себя дурочку и удивленную и промолчала...» И вот сразу после этого, не отделенные даже абзацем, идут слова: «В феврале месяце у меня появились признаки беременности...»

Некое иносказание содержится и в подробном рассказе об исповеди Чоглокова, которой тот удостоил беременную Екатерину, о скандале между Чоглоковыми, свидетельницей которого стала Екатерина, о неожиданном визите императрицы.

Повсюду в этом рассказе к месту и не к месту появляется Сергей Салтыков, который; по словам Екатерины, «был прекрасен, как день...» Любопытно, что порою Екатерина упоминает о нем чаще, чем о муже.

Если же сопоставить частоту упоминания их, то рассказ распадается на три примерно равных части. В первой части мы видим совершенно явный паритет Сергея Салтыкова и великого князя. На одно

Великий князь Павел Петрович
в младенчестве
(с портрета неизвестного художника
середины XVIII в.)

упоминание одного приходится ровно одно упоминание другого...

«В самую Пасху во время службы Чоглоков захворал сухой коликой; ему давали сильных лекарств, но болезнь его только усиливалась.

На святой неделе *великий князь* поехал кататься с кавалерами нашего двора верхом. *Сергей Салтыков* был в том числе; я оставалась дома, потому что меня боялись выпускать ввиду моего положения и ввиду того, что у меня было уже два выкидыша; я была одна в своей комнате, когда Чоглоков прислал просить меня пойти к нему; я пошла туда и застала его в постели; он стал сильно жаловаться мне на свою жену, сказал, что у нее свидания с князем Репниным, что он ходит к ней пешком, что на масленой, в один из дней придворного бала, он пришел к ней одетый арлекином, что Камынин его выследил; словом, Бог знает, каких подробностей он мне не рассказал.

В минуту наибольшего возбуждения его пришла его жена; тогда он стал в моем присутствии осыпать ее упреками, говоря, что она покидает его больного.

И он, и она были люди очень подозрительные и ограниченные; я смертельно боялась, чтобы жена не подумала, что это я выдала ее во множестве подробностей, которые он привел ей относительно ее свиданий.

Жена, в свою очередь, сказала ему, что не было бы странным, если бы она наказала его за его поведение по отношению к ней; что ни он и никто другой не может по крайней мере упрекнуть ее в том, что она пренебрегла им до сих пор в чем бы то ни было; и свою речь она закончила словами, что ему не пристало жаловаться; и тот и другой обращались все время ко мне и брали меня судьей и посредником в том, что говорили. Я молчала, боясь оскорбить того или другого, или обоих вместе, или же выдать себя.

У меня горело лицо от страха; я была одна с ними.

В самый разгар пререканий Владиславова пришла сказать мне, что императрица пожаловала в мои покои; я тотчас же туда побежала. Чоглокова вышла со мной, но вместо того, чтобы следовать за мной, она остановилась в одном коридоре, где была лестница, выходившая в сад; она там и уселась, как мне потом сказали.

Что касается меня, то я вошла в мою комнату вся запыхавшаяся и действительно застала там императрицу. Видя меня впопыхах и немного красной, она меня спросила, где я была.

Я ей сказала, что пришла от Чоглокова, который болен, и что я побежала, чтобы вернуться возможно скорее, когда узнала, что она изволила ко мне пожаловать. Она не обратилась ко мне с другими вопросами, но мне показалось, что она задумалась над тем, что я сказала, и что это ей казалось странным; однако она продолжала разговаривать со мной; она не спросила, где *великий князь*, потому что ей было известно, что он выехал.

Ни он, ни я во все царствование императрицы не смели выезжать в город, ни выходить из дому, не послав испросить у нее на это позволения.

Владиславова была в моей комнате; императрица несколько раз обращалась к ней, а потом ко мне, говорила о безразличных вещах и затем, пробыв без малого полчаса, ушла, объявив мне, что по случаю моей беременности она позволяет мне не являться 21 и 25 апреля.

Я была удивлена, что Чоглокова не последовала за мною; я спросила у Владиславовой, когда императрица ушла, что с той приключилось; она мне сказала, что та уселась на лестнице, где плакала.

Как только *великий князь* вернулся, я рассказала *Сергею Салтыкову* о том, что со мной случилось во время их прогулки, как Чоглоков меня позвал, что было сказано между мужем и женою, о моей боязни и визите, который императрица мне сделала.

Тогда он мне сказал: "Если это так, то я думаю, что императрица приходила посмотреть, что вы делаете в отсутствии вашего мужа, и, чтобы видели, что вы были

совершенно одни и у себя и у Чоглокова, я пойду и захвачу всех моих товарищей так, как есть, с ног до головы в грязи, к Ивану Шувалову".

Действительно, когда *великий князь* удалился, он ушел со всеми теми, кто ездил верхом с великим князем, к Ивану Шувалову, который имел помещение при дворе. Когда они туда пришли, то последний стал расспрашивать их подробно о прогулке, и *Сергей Салтыков* сказал мне потом, что, по его вопросам, ему показалось, что он не ошибся.

С этого дня болезнь Чоглокова стала все ухудшаться; 21 апреля, в день моего рождения, доктора нашли, что нет надежды на выздоровление. Об этом сообщили императрице, которая приказала, по своему обыкновению, перевезти больного в его собственный дом, чтоб он не умер при дворе, потому что она боялась покойников.

Я была очень огорчена, как только узнала о состоянии, в котором Чоглоков находился. Он умирал как раз в то время, когда после многих лет усилий и труда удалось сделать его не только менее злым и зловредным, но когда он стал сговорчивым и с ним даже можно было справляться, изучив его характер.

Что касается жены, то она искренно меня любила в то время и из черствого и недоброжелательного Аргуса стала другом надежным и преданным. Чоглоков прожил в своем доме еще до 25 апреля, до дня коронации императрицы, в который он и скончался после полудня. Меня тотчас об этом уведомили, я посылала туда почти каждый час. Я была поистине огорчена и очень плакала. Его жена тоже лежала в постели в последние дни болезни мужа; он был в одной стороне своего дома, она — в другой.

Сергей Салтыков и Лев Нарышкин находились в комнате жены в минуту смерти ее мужа; окна комнаты были открыты, птица влетела в нее и села на карниз потолка, против постели Чоглоковой; тогда она, видя это, сказала:

"Я убеждена, что мой муж только что отдал Богу душу; пошлите узнать, так ли это»".

Пришли сказать, что он действительно умер.

Она говорила, что эта птица была душа ее мужа; ей хотели доказать, что эта птица была обыкновенная птица, но не могли ее отыскать. Ей сказали, что она улетела, но так как никто ее не видел, она осталась убеждена, что это была душа ее мужа, которая прилетела повидаться с ней.

Как только похороны Чоглокова были кончены, Чоглокова хотела побывать у меня; императрица, видя, что она переправляется через длинный Яузский мост, послала ей навстречу сказать, что она увольняет ее от ее должности при мне и чтобы она возвращалась домой. Ее Императорское Величество нашла неприличным, что, как вдова, она выехала так рано.

В тот же день она назначила Александра Ивановича Шувалова исполнять при *великом князе* должность покойного Чоглокова. А этот Александр Шувалов, не сам по себе, а по должности, которую он занимал, был грозой всего двора, города и всей империи: он был начальником государственного инквизиционного суда, который звали тогда Тайной канцелярией. Его занятия, как говорили, вызвали у него род судорожного движения, которое делалось у него на всей правой стороне лица, от глаза до подбородка, каждый раз, как он был взволнован радостью, гневом, страхом или боязнью. Удивительно, как выбрали этого человека со столь отвратительной гримасой, чтобы держать его постоянно лицом к лицу с молодой беременной женщиной; если бы у меня родился ребенок с таким несчастным тиком, я думаю, что императрица была бы этим очень разгневана; между тем это могло бы случиться, так как я видела его постоянно, всегда неохотно и большей ча-

* После кончины мужа Мария Симоновна Чоглокова вышла замуж за коллежского асессора Александра Ивановича Глебова, который по такому случаю был назначен обер-прокурором Сената.

стью с чувством невольного отвращения, причиняемого его личными свойствами, его родными и его должностью, которая, понятно, не могла увеличить удовольствия от его общества. Но это было только слабым началом того блаженства, которое готовили нам и, главным образом, мне.

На следующий день пришли мне сказать, что императрица снова назначит ко мне графиню Румянцеву. Я знала, что это был заклятый враг *Сергея Салтыкова*, что она недолюбливала также княжну Гагарину и что она очень повредила моей матери в глазах императрицы.

На сей раз, узнав это, я потеряла всякое терпение; я принялась горько плакать...»

В этой части рассказа, как мы видим, Екатерина пять раз упоминает великого князя и пять раз Сергея Салтыкова. Паритет этот нарушается только тем, что законный муж фигурирует в воспоминаниях Екатерины практически безлично...

«...исполнять при *великом князе* должность покойного Чоглокова».

Порою Екатерина нарочито сводит в одной фразе мужа и любовника, и всегда муж исполняет в этой фразе роль, обстоятельство времени и места действия, а само действие отдается Сергею Салтыкову.

«Как только *великий князь* вернулся, я рассказала *Сергею Салтыкову* о том, что со мной случилось...»

«Когда *великий князь* удалился... к Ивану Шувалову... *Сергей Салтыков* сказал мне потом...»

Но вот приближается время родов...

Как известно, женщины, готовясь стать матерью, испытывают беспокойство, тревогу, становятся капризными и далеко не всегда контролируют свои мысли и свои поступки.

Екатерина не исключение.

В рассказе, посвященном последнему периоду своей беременности, она вспоминает мужа всего два раза, а Сергея Салтыкова четыре...

«В самом деле, я не слышала больше разговоров об этом, и все занялись только отъездом в Петербург.

Было установлено, что мы проведем 29 дней в дороге, то есть что мы будем проезжать ежедневно только по одной почтовой станции. Я умирала от страху, как бы *Сергея Салтыкова* и Льва Нарышкина не оставили в Москве; но не знаю, как это случилось, что соблаговолили записать их в нашу свиту.

Наконец мы отправились десятого или одиннадцатого мая из Московского дворца.

Я была в карете с женой графа Александра Шувалова, с самой скучной кривлякой, какую только можно себе представить, с Владиславовой и с акушеркой, без которой, как полагали, невозможно было обойтись, потому что я была беременна; мне было до тошноты скучно в карете, и я то и дело плакала.

Наконец княжна Гагарина, которая лично не любила графиню Шувалову из-за того, что ее дочь, бывшая замужем за Головкиным, двоюродным братом княжны, была довольно необходительна с родителями своего мужа, выбрала минуту, когда она могла подойти ко мне, чтобы сказать мне, что она старается расположить в мою пользу Владиславову, потому что и она сама, и все боятся, чтобы ипохондрия, бывшая у меня в моем положении, не повредила и мне, и ребенку, которого я носила.

Что касается *Сергея Салтыкова, то он не смел подойти ко мне ни близко*, ни даже издали, из-за стеснения и постоянного присутствия Шуваловых, мужа и жены. Действительно, ей удалось уговорить Владиславову, которая согласилась по крайней мере на некоторое снисхождение, чтобы облегчить состояние вечного стеснения и принужденности, которое само и порождало эту ипохондрию, с какой я уже не в силах была справляться.

Дело шло ведь о таких пустяках, всего о нескольких минутах разговора; наконец это удалось.

После двадцати девяти дней столь скучной езды мы приехали в Петербург, в Летний дворец. *Великий князь* возобновил там прежде всего свои концерты.

Это несколько облегчало мне возможность разговаривать, но ипохондрия моя

стала такова, что каждую минуту и по всякому поводу у меня постоянно навертывались слезы на глаза и тысячу опасений приходили мне в голову; одним словом, *я не могла избавиться от мысли, что все клонится к удалению Сергея Салтыкова*.

Мы поехали в Петергоф; я много там ходила, но, несмотря на это, мои огорчения меня там преследовали. В августе мы вернулись в город и снова заняли Летний дворец.

Для меня было почти смертельным ударом, когда я узнала, что к моим родам готовили покои, примыкавшие к апартаментам императрицы и составлявшие часть этих последних.

Александр Шувалов повел меня смотреть их; я увидела две комнаты, такие же, как и все в Летнем дворце, скучные, с единственным выходом, плохо отделанные малиновой камкой, почти без мебели и без всяких удобств.

Я увидела, что буду здесь в уединении, без какого бы то ни было общества, и глубоко несчастна. Я сказала об этом *Сергею Салтыкову* и княжне Гагариной, которые хоть и не любили друг друга, но сходились в своей дружбе ко мне. Они видели то же, что и я, но помочь этому было невозможно.

Я должна была в среду перейти в эти покои, очень отдаленные от покоев *великого князя*.

Во вторник вечером я легла и проснулась ночью с болями. Я разбудила Владиславову, которая послала за акушеркой, утверждавшей, что я скоро разрешусь».

И только, когда наступают роды, только когда Екатерина благополучно разрешается будущим наследником престола, упоминания мужа решительно вытеснят упоминания Сергея Салтыкова. Салтыкова Екатерина вспоминает один раз, а законного супруга — шесть:

«Послали разбудить *великого князя*, спавшего у себя в комнате, и графа Александра Шувалова. Этот послал к императрице, не замедлившей прийти около двух часов ночи.

Я очень страдала, наконец, около полудня следующего дня, 20 сентября, я разрешилась сыном.

Как только его спеленали, императрица ввела своего духовника, который дал ребенку имя Павла, после чего тотчас же императрица велела акушерке взять ребенка и следовать за ней.

Я оставалась на родильной постели, а постель эта помещалась против двери, сквозь которую я видела свет; сзади меня было два больших окна, которые плохо затворялись, а направо и налево от этой постели две двери, из которых одна выходила в мою уборную, а другая — в комнату Владиславовой.

Как только удалилась императрица, великий князь тоже пошел к себе, а также и Шуваловы, муж и жена, и я никого не видела ровно до трех часов.

Я много потела; я просила Владиславову сменить мне белье, уложить меня в кровать; она мне сказала, что не смеет. Она посылала несколько раз за акушеркой, но та не приходила; я просила пить, но получила тот же ответ.

Наконец после трех часов пришла графиня Шувалова, вся разодетая. Увидев, что я все еще лежу на том же месте, где она меня оставила, она вскрикнула и сказала, что так можно уморить меня.

Это было очень утешительно для меня, уже заливавшейся слезами с той минуты, как я разрешилась, и особенно оттого, что я всеми покинута и лежу плохо и неудобно, после тяжелых и мучительных усилий, между плохо затворявшимися дверьми и окнами, причем никто не смел перенести меня на мою постель, которая была в двух шагах, а я сама не в силах была на нее перетащиться.

Шувалова тотчас же ушла, и, вероятно, она послала за акушеркой, потому что последняя явилась полчаса спустя и сказала нам, что императрица была так занята ребенком, что не отпускала ее ни на минуту.

Обо мне и не думали.

Это забвение или пренебрежение по меньшей мере не были лестны для меня; я в это время умирала от усталости и жажды;

наконец меня положили в мою постель, и я ни души больше не видала во весь день, и даже не посылали осведомиться обо мне.

Его Императорское Высочество со своей стороны только и делал, что пил с теми, кого находил, а императрица занималась ребенком. В городе и в империи радость по случаю этого события была велика.

Со следующего дня я начала чувствовать невыносимую ревматическую боль, начиная с бедра, вдоль ляжки и по всей левой ноге; эта боль мешала мне спать, и притом я схватила сильную лихорадку.

Несмотря на это, на следующий день мне оказывали почти столько же внимания; я никого не видела, и никто не справлялся о моем здоровье; *великий князь*, однако, зашел в мою комнату на минуту и удалился, сказав, что не имеет времени оставаться.

Я то и дело плакала и стонала в своей постели, одна Владиславова была в моей комнате; в сущности, она меня жалела, но не могла этому помочь.

Кроме того, я не любила, чтобы меня жалели, и не любила жаловаться; у меня была слишком гордая душа, и одна мысль быть несчастной казалась мне невыносимой...

Наконец *великий князь*, скучая по вечерам без моих фрейлин, за которыми он ухаживал, пришел предложить мне провести вечер у меня в комнате.

Тогда он ухаживал как раз за самой некрасивой: это была графиня Елизавета Воронцова; на шестой день были крестины моего сына; он уже чуть не умер от молочницы.

Я могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать об его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем императрица, и это могло быть принято очень дурно.

Она и без того взяла его в свою комнату, и, как только он кричал, она сама к нему подбегала, и заботами его буквально душили. Его держали в чрезвычайно жаркой комнате, запеленавши во фланель и уложив в колыбель, обитую мехом черно-бурой лисицы; его покрывали стеганным на вате атласным одеялом и сверх этого клали еще другое, бархатное, розового цвета, подбитое мехом черно-бурой лисицы.

Я сама много раз после этого видела его уложенного таким образом, пот лил у него с лица и со всего тела, и это привело к тому, что, когда он подрос, то от малейшего ветерка, который его касался, он простужался и хворал. Кроме того, вокруг него было множество старых мамушек, которые бестолковым уходом, вовсе лишенным здравого смысла, приносили ему несравненно больше телесных и нравственных страданий, нежели пользы.

В самый день крестин императрица после обряда пришла в мою комнату и принесла мне на золотом блюде указ своему Кабинету выдать мне сто тысяч рублей; к этому она прибавила небольшой ларчик, который я открыла только тогда, когда она ушла.

Эти деньги пришлись мне очень кстати, потому что у меня не было ни гроша и я была вся в долгу; ларчик же, когда я его открыла, не произвел на меня большого впечатления: там было очень бедное маленькое ожерелье с серьгами и двумя жалкими перстнями, которые мне совестно было бы подарить моим камер-фрау.

Во всем этом ларчике не было ни одного камня, который стоил бы сто рублей; ни работой, ни вкусом эти вещи тоже не блистали.

Я промолчала и велела убрать императорский ларчик; вероятно, чувствуя явную ничтожность этого подарка, граф Александр Шувалов пришел мне сказать, что ему приказано узнать от меня, как мне понравился ларчик; я ему ответила, что все, что я получала из рук Ее Императорского Величества, я привыкла считать бесценным для себя.

Он ушел с этим комплиментом очень веселый.

Он впоследствии снова к этому вернулся, видя, что я никогда не надеваю это прекрасное ожерелье и особенно — жалкие серьги, и сказал, чтобы я их надевала; я ему ответила, что на празднества императрицы я привыкла надевать, что у меня есть

лучшего, а это ожерелье и серьги не такого сорта.

Четыре или пять дней спустя после того, как мне принесли деньги, которые императрица мне пожаловала, барон Черкасов, ее кабинет-секретарь, велел попросить меня, чтобы я Бога ради одолжила эти деньги Кабинету императрицы, потому что она требовала денег, а их не было ни гроша.

Я отослала ему его деньги, и он возвратил мне их в январе месяце. *Великий князь*, узнав о подарке, сделанном мне императрицей, пришел в страшную ярость оттого, что она ему ничего не дала. Он с запальчивостью сказал об этом графу Александру Шувалову.

Этот последний пошел доложить об этом императрице, которая тотчас же послала *великому князю* такую же сумму, какую дала и мне; для этого и взяли у меня в долг мои деньги.

Надо правду сказать, Шуваловы были вообще люди крайне трусливые, и этим-то путем можно было ими управлять; но эти прекрасные качества тогда были еще не совсем открыты.

После крестин моего сына были празднества, балы, иллюминация и фейерверк при дворе. Что касается меня, то я все еще была в постели, больная и страдающая от сильной скуки; наконец выбрали семнадцатый день после моих родов, чтобы объявить мне сразу две очень неприятные новости.

Первая, что *Сергей Салтыков* был назначен отвезти известие о рождении моего сына в Швецию. Вторая, что свадьба княжны Гагариной назначена на следующей неделе; это значило, попросту сказать, что *я буду немедленно разлучена с двумя лицами, которых я любила больше* всех из тех, кто меня окружал. Я зарылась больше чем когда-либо в свою постель, где я только и делала, что горевала; чтобы не вставать с постели, я отговорилась усилением боли в ноге, мешавшей мне вставать; но на самом деле я не могла и не хотела никого видеть, потому что была в горе».

Итак... Счет между великим князем и Сергеем Салтыковым, по таймам этой игры, распределяется так...

Пять—пять, два—четыре, шесть—один...

Тут и Фрейд, тут и большая политика.

Тут и неконтролируемое подсознание, тут и вполне контролируемое честолюбие...

Но если столь красноречивое колебание числа упоминаний еще можно объяснить фактором случайности, то характер упоминаний никакой случайностью не объяснить.

Любопытно сравнить и чувства, которые испытывает Екатерина к Сергею Салтыкову, с чувствами, которые она испытывает к мужу, когда после рождения сына вынуждена постоянно думать о нем...

Посмотрите...

«Я умирала от страху, как бы *Сергея Салтыкова*... не оставили в Москве...»

«Что касается *Сергея Салтыкова,* то он не смел подойти ко мне ни близко...»

«Я не могла избавиться от мысли, что все клонится к удалению *Сергея Салтыкова...»*

«Я сказала об этом *Сергею Салтыкову* и княжне Гагариной, которые... сходились в своей дружбе ко мне...»

Но о муже всегда иначе:

«*Его Императорское Высочество* со своей стороны только и делал, что пил...»

«*Великий князь*, однако, зашел в мою комнату на минуту и удалился, сказав, что не имеет времени оставаться».

«*Великий князь*, скучая по вечерам без моих фрейлин, за которыми он ухаживал, пришел предложить мне провести вечер у меня в комнате».

«*Великий князь*, узнав о подарке, сделанном мне императрицей, пришел в страшную ярость оттого, что она ему ничего не дала».

В принципе другого и быть не могло.

Великий князь Петр Федорович был отвратителен честолюбивой, отчаянно борющейся за свое право стать русской императрицей дочери коменданта прусской крепости еще и тем, что нисколько не сочувствовал ее устремлениям.

Он не собирался признавать ее своей супругой и демонстративно раскладывал на супружеском ложе кукол, заставляя *свою*

сестру играть с ним, отвлекая ее от того, чем бы ей хотелось заняться, невзирая на то, что *Петр был ее братом*...

И не помогали ни женские ухищрения Екатерины, ни строгая охрана, не выпускавшая великого князя из спальни супруги.

Отчаяние Екатерины не знало предела, ведь она прекрасно понимала, что, как только после смерти Елизаветы Петровны супруг взойдет на престол, она немедленно будет заключена в монастырь или тюрьму, а супруг женится на другой женщине...

И тут прямые и недвусмысленные предложения Чоглоковой, которые та — это совершенно очевидно! — делала по указанию или по крайней мере с соизволения императрицы Елизаветы Петровны.

И тут — «прекрасный, как день», Салтыков, который, по словам самой Екатерины, «обладал тою прелестью обращения, теми мягкими манерами, какие приобретаются жизнью в большом свете, особенно при дворе... И по рождению, и по многим другим качествам это была выдающаяся личность».

Как же было Екатерине не полюбить прекрасного Сергея Васильевича?

Чувство это возникло давно, но тогда, в 1752 году, Елизавета Петровна еще надеялась, что появится наследник у племянника покойной ее сестры и племянницы покойного ее жениха, и Сергей Салтыков был тогда удален от двора.

Он уехал в Москву, с горя женился на фрейлине императрицы Матрене Павловне Балк и через год был возвращен ко двору. Возможно, Елизавета Петровна вспомнила, что мать Сергея Салтыкова, урожденная княжна Мария Алексеевна Голицына, оказала ей немалые услуги во время восшествия на престол, и поэтому сочла, что ее сын имеет возможность принять участие в осуществлении мистического союза ее с умершим женихом.

С февраля 1753 года Сергей Васильевич Салтыков снова при дворе и не разлучается с великой княгиней до 7 октября 1754-го, когда отправляется в Швецию с известием о рождении Павла... Петровича.

И вот в «Собственноручных записках» как результат дуэли между чувствами, которые испытывает Екатерина к Сергею Салтыкову, и ненавистью, которую она испытывает к супругу, последний выстрел...

Итак, «выбрали семнадцатый день после моих родов, чтобы объявить мне сразу две очень неприятные новости.

Первая, что *Сергей Салтыков* был назначен отвезти известие о рождении моего сына в Швецию. Вторая, что свадьба княжны Гагариной назначена на следующей неделе; это значило, попросту сказать, что *я буду немедленно разлучена с двумя лицами, которых я любила больше всех из тех, кто меня окружал*. Я зарылась больше чем когда-либо в свою постель, где я только и делала, что горевала; чтобы не вставать с постели, я отговорилась усилением боли в ноге, мешавшей мне вставать; но на самом деле *я не могла и не хотела никого видеть, потому что была в горе*».

3.

Происхождение великого князя Павла... Петровича не от Петра III, а от Сергея Васильевича Салтыкова объясняет многие загадочные события дальнейшей истории.

Например, намерение Петра III, которое он ни от кого не скрывал, обвинить Екатерину II в прелюбодеянии, а сына Павла — незаконнорожденным...

Или уже описанное нами «сокоронование» императором Павлом 25 ноября 1796 года праха Петра III с телом Екатерины II...

Некоторые исследователи полагают, что стремлением Елизаветы Петровны пресечь контакты наследника престола с матерью, дабы она не рассказала ему, кто его отец, и было вызвано столь стремительное изъятие младенца Павла от Екатерины II. Нам, однако, это рассуждение представляется наивным. Во-первых, не в интересах Екатерины II было убеждать своего сына в незаконности его рождения, а во-вторых, объяснить этот факт грудному младенцу весьма не просто, даже если и хочешь сделать это. На наш взгляд, забирая Павла к себе, Ели-

завета завершала сюжет мистического союза со своим умершим женихом, и к прелюбодеянию, совершенному Екатериной, это не имело никакого отношения..

Елизавета Петровна ощущала Павла своим сыном...

Первый раз после родов Екатерина увидела Павла на сороковой день.

«Сына моего принесли в мою комнату: это было в первый раз, что я его увидела после его рождения. Я нашла его очень красивым, и его вид развеселил меня немного; но в ту самую минуту, как молитвы были кончены, императрица велела его унести и ушла».

Тем не менее положение Екатерины упрочилось, и она не преминула этим воспользоваться. Когда переехали в Зимний дворец, она демонстративно отдалилась от мужа.

Граф С.В. Салтыков (с портрета XVIII в.)

«Что касается моей спальной, то я почти вовсе туда не входила, потому что она была очень холодная от окон, выходивших с двух сторон на Неву, на восток и на север; вторая причина, прогонявшая меня оттуда, была близость покоев великого князя, где днем и отчасти ночью был всегда шум приблизительно такой же, как в кордегардии; кроме того, так как он и все его окружающие много курили, то неприятные испарения и запах табаку давал себя здесь знать».

Так начался 1755 год.

С Рождества Христова до поста были только празднества при дворе и в городе: это было все еще по случаю рождения Павла, но Екатерина под предлогом болезни отказывалась от присутствия на пиршествах, балах и маскарадах.

Наконец, уже в конце масленицы, вернулся из Швеции Сергей Салтыков.

«Во время его отсутствия великий канцлер граф Бестужев все известия, какие он получал от него, и депеши графа Панина, в то время русского посланника в Швеции, посылал мне через Владиславову, которой передавал их ее зять, старший чиновник при великом канцлере, а я их отсылала тем же путем.

Таким же образом я узнала еще, что как только Сергей Салтыков вернется, решено послать его жить в Гамбург в качестве русского посланника на место князя Александра Голицына, которого назначали в армию. *Это новое распоряжение не уменьшило моего горя»*.

Хотя и разделена разлука Екатерины и Сергея Салтыкова с его возвращением почти пятью месяцами и многими страницами «Собственноручных записок», но почти точно повторяется испытанное Екатериной состояние, когда она *«не могла и не хотела никого видеть, потому что была в горе»*.

Пренебрегая условностями и этикетом, пытается Екатерина организовать свидание с Сергеем Васильевичем.

«Я поговорила об этом с Владиславовой, которая согласилась на это свидание.

Он должен был пройти к ней, а оттуда ко мне; я ждала его до трех часов утра, но он совсем не пришел; я смертельно волновалась по поводу того, что могло помешать ему прийти. Я узнала на следующий день, что его увлек граф Роман Воронцов в ложу франкмасонов. Он уверял, что не мог выбраться оттуда, не возбудив подозрений».

Это весьма пикантная ситуация, когда любовник прячется от влюбленной в него женщины в заседании франкмасонской ложи. Кажется, до такого не додумывался никто...

По-видимому, Сергею Васильевичу очень доходчиво объяснили, что дальнейшая нежная дружба его с Екатериной может иметь весьма неприятные для него последствия.

Тем не менее повидаться с Екатериной ему пришлось. И непонятно, то ли по указанию франкмасонов он действовал, то ли отвертеться от претензий великой княгини оказалось совсем не так просто, как он думал...

«Правду сказать, я этим была очень оскорблена... — пишет Екатерина II в «Собственноручных записках». — Я написала ему письмо, в котором горько жаловалась на его поступок. Он мне ответил и пришел ко мне; ему нетрудно было меня успокоить, потому что я была к тому очень расположена. Он меня убедил показаться в обществе. Я последовала его совету...»

Когда Сергею Васильевичу столь блистательно удалось исполнить поручение, ни у кого уже не осталось сомнения, что ему суждена большая дипломатическая карьера.

Сразу после исцеления великой княгини Сергея Салтыкова направляют в Гамбург, теперь уже в качестве посланника. По дороге туда Сергей Васильевич с необыкновенной любезностью был принят в Цербсте... После Гамбурга Сергей Васильевич был послан полномочным министром в Париж.

Этой блистательной карьере Сергей Васильевич, конечно же, во многом обязан своим мудрым самоудалением от великой княгини. Впрочем, этой же осторожности обязан он и прекращением своей карьеры...

Еще во времена пребывания Сергея Васильевича в Гамбурге Екатерина узнала, что «поведение Сергея Салтыкова было очень нескромно и в Швеции, и в Дрездене; и в той, и в другой стране он, кроме того, ухаживал за всеми женщинами, которых встречал. Сначала я не хотела ничему верить, но под конец я слышала, как об этом со всех сторон говорили, так что даже друзьям его не удалось его оправдать».

Эту измену Екатерина своему любовнику не простила. Когда, уже в ее царствование, он наделал в Париже долгов, его перевели в Регенсбург. И напрасно теперь хлопотали за него влиятельные родственники. Екатерина была непреклонна. Когда Панин предложил перевести Салтыкова посланником в Дрезден, она собственноручно начертала на прошении: «Разве он еще не довольно шалости наделал?»

Это последнее известное историкам упоминание о Сергее Васильевиче Салтыкове.

И не очень-то понятно, о каких шалостях, провожая его с арены истории, говорила императрица Екатерина II...

То ли парижские долги Салтыкова имеет она в виду, то ли попытку его укрыться от нее в ложе франкмасонов, то ли романы Салтыкова в Швеции, когда сама Екатерина жила лишь любовью к нему.

Или, может быть, она называла шалостью участие Салтыкова в произведении Павла... Петровича?

Если это так, то шалость действительно получилась отменная.

Тогда Сергея Васильевича Салтыкова можно считать основателем новой, сменившей Романовых, династии русских императоров...

Заметим напоследок, что едва только воспитатель Павла Никита Иванович Панин начинает хлопотать за Салтыкова, так сразу Салтыков и исчезает.

Остается дом Сергея Васильевича Салтыкова в Москве на углу Большой Дмитровки и переулка, называемого Салтыковским, остается жена его, Матрена Павловна, которая делает богатые вклады в Успен-

ский собор, только самого хозяина дома, супруга нет нигде.

То ли не успел он на этот раз спрятаться у франкмасонов, то ли наоборот — так спрятался, что и никаких концов не осталось...

4.

Силы воли Екатерине было не занимать.

Как только удается разобраться со своими чувствами к Сергею Васильевичу Салтыкову, Салтыков перестает существовать для нее.

10 февраля 1755 года, в день рождения великого князя, она решила показаться свету.

«Я заказала себе для этого дня великолепное платье из голубого бархата, вышитое золотом. Так как в своем одиночестве я много и много размышляла, то я решила дать почувствовать тем, которые мне причинили столько различных огорчений, что от меня зависело, чтобы меня не оскорбляли безнаказанно, и что дурными поступками не приобретешь ни моей привязанности, ни моего одобрения».

Смущает тут и промедление с появлением на людях, и тщательная подготовка к нему, и необычная для счастливой матери готовность к военным действиям... Чтобы объяснить подобное поведение Екатерины, мы опять должны вернуться к проблеме Сергея Салтыкова.

Даже если и не он был отцом Павла, это ничего не меняло. Слухи о романе, как это подтверждают «Анекдоты» шевалье Рюльера, были распространены необыкновенно широко в Петербурге.

В любом случае Екатерине, учитывая отношение к ней великого князя и самой императрицы, предстояло играть роль анекдотического персонажа. В обычных условиях роль эта просто унизительная, но при дворе, в делах династических, еще и смертельно опасная.

Так что подумать Екатерине действительно было над чем.

Тут-то она и находит решение, свидетельствующее о необыкновенном уме и отваге... Она появляется в обществе как основательница новой династии.

Разумеется, эта мысль не озвучивалась и не могла быть озвучена. Она осуществлялась той уверенностью и величественностью, которая превращала усмешку, возникающую в предвкушении анекдота, в почтительный трепет перед мистикой совершившегося события истории.

Разумеется, осознать эту мысль были способны далеко не все, а те, кто мог, осознали ее не сразу. Сразу пришло другое понимание... Екатериной можно было восхищаться, можно было ее ненавидеть, но нельзя было смеяться над нею...

И эту победу свою и зафиксировала Екатерина в «Собственноручных записках», начертав: «Вследствие этого я не пренебрегала никаким случаем, когда могла бы выразить Шуваловым, насколько они расположили меня в свою пользу; я выказывала им глубокое презрение, я заставляла других замечать их злость, глупости, я высмеивала их всюду, где могла, всегда имела для них наготове какую-нибудь язвительную насмешку, которая затем облетала город, и тешила злобу на их счет; словом, я им мстила всякими способами, какие могла придумать; в их присутствии я не упускала случая отличать тех, кого они не любили.

Так как было немало людей, которые их ненавидели, то у меня не было недостатка в поддержке. Графов Разумовских, которых я всегда любила, я больше чем когда-либо ласкала. Я удвоила внимательность и вежливость по отношению ко всем, исключая Шуваловых.

Одним словом, я держалась очень прямо, высоко несла голову, скорее как глава очень большой партии, нежели как человек униженный и угнетенный».

Самое важное тут, что Екатерина если и не почувствовала себя *главой очень большой партии,* то сделала вид и сумела внушить другим, что она именно такой главой и является...

Чем-то положение Екатерины напоминало теперь положение канатоходца, сту-

пившего на натянутый канат. Одно неверное движение, потеряешь равновесие и разобьешься. Ну а самое главное, что ни назад, ни в сторону пути уже нет. Только вперед.

О том, как приходилось балансировать в сложной, постоянно меняющейся дворцовой обстановке, дает представление такой эпизод.

Однажды после обеда великий князь пришел в комнату Екатерины и сказал, что она начинает становиться невыносимо горда и что он сумеет ее образумить.

— В чем состоит эта гордость? — спросила Екатерина

— Вы держитесь очень прямо.

— Разве для того, чтобы понравиться вам, ваше императорское высочество, нужно гнуть спину, как рабы турецкого султана?

— Напрасно вы смеетесь! Я все равно сумею вас образумить.

— Каким же образом?

Теряя терпение, великий князь прислонился спиной к стене и вытащил наполовину свою шпагу.

— Что это значит, ваше императорское высочество? — насмешливо спросила Екатерина. — Не рассчитываете ли вы драться со мной? Но тогда и мне нужна шпага.

С трудом Петр Федорович овладел собою и вложил свою наполовину вынутую шпагу в ножны.

— Вы стали ужасно злы.

— В чем? — невинно осведомилась Екатерина.

— Да хотя бы по отношению к Шуваловым... — пробормотал великий князь.

— Вы хорошо сделаете, если не станете говорить о том, чего не знаете и в чем ничего не смыслите... — не выдержала Екатерина.

— Вот что значит не доверяться своим истинным друзьям, и выходит плохо... — торжествующе проговорил Петр Федорович. — Если бы вы мне доверялись, то это пошло бы вам на пользу.

— Да в чем доверяться?

«Тогда, — вспоминая этот эпизод, отметила Екатерина в «Собственноручных записках», — он стал говорить мне такие несуразные вещи, столь лишенные самого обыкновенного здравого смысла, что я, видя, что он просто-напросто заврался, дала ему говорить, не возражая ему, и воспользовалась перерывом, удобным, как мне показалось, чтобы посоветовать ему идти спать, ибо я видела ясно, что вино помутило ему разум и лишило его всякого признака здравого смысла. Он последовал моему совету и пошел спать.

От него уже тогда начало почти постоянно нести вином вместе с запахом курительного табаку, так что это бывало буквально невыносимо для тех, кто к нему приближался.

В тот же вечер, когда я играла в карты, граф Александр Шувалов пришел мне объявить от имени императрицы, будто она запретила дамам употреблять в их наряде многие материи, которые были перечислены в объявлении.

Чтобы показать ему, как Его Императорское Высочество меня усмирил, я засмеялась ему в лицо...»

Точно так же Екатерина поступала теперь и с мужем. Пользуясь его откровенностью и простодушием, она то и дело ставила его в такие положения, что он выглядел совсем глупым, смешным и нелепым.

В «Собственноручных записках» Екатерина рассказывает, что великий князь, чтобы придать себе цены в глазах молоденьких женщин или девиц, начинал иногда рассказывать им, будто бы, когда он еще находился у своего отца в Голштинии, его отец поставил его во главе небольшого отряда своей стражи и послал взять шайку цыган, бродившую в окрестностях Киля и совершавшую страшные разбои.

«Об этих последних он рассказывал в подробностях так же, как и о хитростях, которые он употребил, чтобы их преследовать, чтобы их окружить, чтобы дать им одно или несколько сражений, в которых, по его уверению, он проявил чудеса ловкости и мужества, после чего он их взял и привел в Киль. Вначале он имел осторожность рассказывать все это лишь людям, которые ничего о нем не знали; мало-по-

малу он набрался смелости воспроизводить свою выдумку перед теми, на скромность которых он достаточно рассчитывал, чтобы не быть изобличенным ими во лжи, но когда он вздумал приводить свой рассказ при мне, я у него спросила, за сколько лет до смерти его отца это происходило».

— Года за три или четыре... — не подозревая подвоха, сказал Петр.

— Удивительно, — сказала Екатерина. — Вы очень молодым начали совершать подвиги...

— Почему?

— Потому что за три или за четыре года до смерти герцога, отца вашего, вам было всего 6 или 7 лет, так как вы остались после него одиннадцати лет под опекой моего дяди... — сказала Екатерина. — Но меня все равно удивляет, как это ваш отец, имея только вас единственным сыном и при вашем постоянно слабом здоровье, какое, говорят, было у вас в детстве, послал вас сражаться с разбойниками, да еще в шести-семилетнем возрасте.

«Великий князь ужасно рассердился на меня за то, что я ему только что сказала, и стал говорить, что я хочу заставить его прослыть лгуном перед всеми и что я подрываю к нему доверие.

Я возразила ему, что это не я, а календарь подрывает доверие к тому, что он рассказывает».

Это и была игра Екатерины.

Очевидно, что Петр, хотя он и любил играть, но играть на уровне Екатерины был не в состоянии...

Он был обречен на проигрыш.

Может быть, порою Екатерине и хотелось снова превратиться в благоразумную немочку, старающуюся приобретать друзей, но дороги назад уже не было.

Любопытно, что в 1755—1756 годах, когда Екатерина стремится приобрести себе политических друзей и образовать свою партию, происходят события, которые, будучи никак не связанными с Екатериной, очень связаны с той династической политикой, которую предстоит ей проводить, будучи императрицей.

Это — рождение принцессы Гессен-Дармштадтской Вильгельмины Луизы, будущей великой княгини Натальи Алексеевны, первой жены великого князя Павла I Петровича (Сергеевича), и заключение в Шлиссельбургскую крепость Иоанна VI Антоновича.

И принцессу Гессен-Дармштадтскую Вильгельмину Луизу, и императора Иоанна VI Антоновича Екатерине предстоит убить...

5.

«Собственноручные записки императрицы Екатерины II» начинаются весьма характерным для литературного наследия императрицы пассажем, в котором желания выглядеть умной гораздо более, чем самого ума...

«Счастье не так слепо, как его себе представляют. Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения. Чтобы сделать это более осязательным, я построю следующий силлогизм:

Качества и характер будут большей посылкой;

Поведение — меньшей;

Счастье или несчастье — заключением.

Вот два разительных примера:

Екатерина II,

Петр III».

Перечислению всех приемов и ухищрений, которые употреблялись Екатериной II в борьбе за будущую власть и сегодняшнее выживание, можно посвятить отдельное исследование...

Для нас интереснее другое.

В истории, предшествующей правлению Екатерины, есть два сюжета, которые представляются весьма загадочными, хотя и трактуются историками романовской традиции, как правило, однозначно.

Первый — это вопрос самого захвата власти Екатериной. Второй — роль ее в антирусском заговоре во время Семилет-

ней войны между Россией и Пруссией.

Считается, что дворцовый переворот произошел спонтанно, и подготовка к нему, если и была, то лишь как реакция на откровенно антирусскую политику Петра III.

Это не совсем так.

Можно с абсолютной уверенностью утверждать, что подготовку к захвату верховной власти Екатерина II начала задолго до того, как Петр III стал императором.

Мы уже говорили о попытках Екатерины создать свою партию, на которую она могла бы опереться в борьбе за власть.

Активизировались эти попытки в связи с болезнью Елизаветы Петровны, когда можно стало ожидать скорой перемены на престоле.

Все понимали, что Петр, как только он взойдет на престол, немедленно разведется с Екатериной, и ей, чтобы не сгинуть в безвестности, надо бороться.

«Екатерина независимее держится, явно не в ладах со своим мужем, навлекает на себя недовольство Елизаветы, — пишет С.Ф. Платонов. — Но самые видные «припадочные» люди Елизаветы, Бестужев, Шувалов, Разумовский, теперь не обходят великой княгини вниманием, а стараются, напротив, установить с нею добрые, но осторожные отношения».

Сама Екатерина входит в сношения с дипломатами и русскими государственными людьми, следит за ходом дел и даже пытается на них влиять. Окруженная подозрительностью и враждой и побуждаемая честолюбием, Екатерина понимала опасность своего положения и возможность громадного политического успеха».

То, что это не преувеличение, подтверждается «Собственноручными записками». И честолюбия, и осознания опасности своего положения, и предчувствия громадного политического успеха там хватает.

И вот тут-то и начинает раскручиваться второй загадочный сюжет, о котором мы говорили и который оказывается непосредственно связанным с образованием партии для захвата власти.

Касается этот сюжет антирусского заговора, составленного в ходе Семилетней войны генерал-фельдмаршалом Степаном Федоровичем Апраксиным, командовавшим нашими войсками в Пруссии, и канцлером Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым.

В заговоре оказалась замешанной и сама Екатерина, и это едва не привело ее к гибели...

Перескажем вкратце этот сюжет, который мог изменить весь ход русской истории...

1 сентября 1756 года, после вторжения Пруссии в Силезию, Россия объявила войну Пруссии. Началась Семилетняя война.

Напомним еще раз, что императрица Елизавета Петровна была полунемкой.

Великий князь, будущий император Петр III — на три четверти немцем.

Великая княгиня, будущая императрица Екатерина II — чистокровной немкой.

Прусский король Фридрих, возглавлявший армию противной стороны, был родственником им всем троим.

Это, так сказать, вводные...

А вот как развивались основные события на театре боевых действий.

16 июня 1757 года армия генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина выступила из Ковно к прусской границе. Апраксину была поставлена задача взять Кенигсберг.

25 июня взяли Мемель, крепость в Восточной Пруссии на Куршском заливе, 14 июля — Вержболово, 31 июля — Инстербург. 19 августа состоялось сражение при Гросс-Егерсдорфе. Хотя потери русской армии оказались значительней прусских, но прусские войска вынуждены были отойти, открывая дорогу на Кенигсберг для русской армии.

И вот после этого, протянув несколько недель в топтании на месте, 7 сентября С.Ф. Апраксин по указанию, как считают некоторые исследователи, канцлера А.П.Бестужева, приказал отойти от занятых русскими войсками прусских крепостей. Бессмысленными оказались все потери русской армии. Елизавете Петровне и

солдатиков русских было жалко, и двум миллионам рублей, которые были затрачены на эту абсолютно бессмысленную прогулку генерал-фельдмаршала, императрица тоже нашла бы лучшее применение.

Забегая вперед, скажем, что Апраксин умер под следствием осенью следующего года от апоплексического удара, и вопрос о том, кто из Петербурга присоветовал ему совершить измену, остается открытым.

«Обыкновенно то обстоятельство, что Апраксин после битвы при Гросс-Егерсдорфе (в августе 1757 года) отступил вместо того, чтобы воспользоваться результатами своей победы, объяснялось полученным им известием об опасной болезни Елизаветы и неминуемо предстоящей перемене на престоле. На этот счет ходили разные слухи. Рассказывали, будто Шуваловы, нуждавшиеся в Апраксине для осуществления своих честолюбивых планов, были виновниками отступления Апраксина. По другим известиям, Бестужев и Екатерина должны считаться руководителями действий фельдмаршала...» — пишет А. Брикнер в «Истории Екатерины Второй».

А. Брикнер не договаривает, что слухи о виновности Шуваловых в отступлении Апраксина распускала сама Екатерина. Во всяком случае, именно так трактовала она загадочное отступление генерал-фельдмаршала в «Собственноручных записках»: «Спустя некоторое время мы узнали, что фельдмаршал Апраксин вместо того, чтобы воспользоваться своими успехами после взятия Мемеля и выигранного под Гросс-Егерсдорфом сражения и идти вперед, отступал с такой поспешностью, что это отступление походило на бегство, потому что он бросал и сжигал свой экипаж и заклепывал пушки.

Никто ничего не понимал в этих действиях; даже его друзья не знали, как его оправдывать, и через это самое стали искать скрытых намерений. Хотя я и сама точно не знаю, чему приписать поспешное и непонятное отступление фельдмаршала, так как никогда больше его не видела, однако *я думаю, что причина этого могла быть в том, что он получал от своей дочери, княгини Куракиной, все еще находившейся, из политики, а не по склонности, в связи с Петром Шуваловым,* от своего зятя, князя Куракина, от своих друзей и родственников довольно точные *известия о здоровье императрицы, которое становилось все хуже и хуже*; тогда почти у всех начало появляться убеждение, что у нее бывают очень сильные конвульсии, регулярно каждый месяц, что эти конвульсии заметно ослабляют ее организм, что после каждой конвульсии она находится в течение двух, трех и четырех дней в состоянии такой слабости и такого истощения всех способностей, какие походят на летаргию, что в это время нельзя ни говорить с ней, ни о чем бы то ни было беседовать.

Фельдмаршал Апраксин, считая, может быть, опасность более крайней, нежели она была на самом деле, находил несвоевременным углубляться дальше в пределы Пруссии, но счел долгом отступить, чтобы приблизиться к границам России, под предлогом недостатка съестных припасов, предвидя, что в случае, если последует кончина императрицы, эта война сейчас же окончится.

Трудно было оправдать поступок фельдмаршала Апраксина, но таковы могли быть его виды, тем более что он считал себя нужным в России, как я это говорила, упоминая об его отъезде...»

И сама Екатерина, и следом за нею и большинство историков романовской школы причастность ее к измене Апраксина отрицают, хотя никуда не уйти от того факта, что при обыске у Апраксина были изъяты письма Екатерины.

Скажем сразу, мы тоже не верим, что Екатерина из каких-то там немецко-патриотических соображений побуждала С.Ф. Апраксина к предательству. Нет... Екатерина была слишком большой эгоисткой, чтобы быть патриоткой. В пропрусскую коалицию ее загнала нужда... Это подтверждают документы, изъятые у арестованного канцлера А.П. Бестужева, герольдмейстера В.Е Ададурова и адъютанта А.Г. Разумовского И.П. Елагина.

Документы эти, среди которых также были найдены письма Екатерины, свидетельствовали, что заговорщики активно занимались подготовкой государственного переворота и разработкой планов государственного устройства после смерти императрицы Елизаветы...

Это и была та партия, которую создавала Екатерина.

Эта партия и затянула ее в дело об измене С.Ф. Апраксина.

Тем не менее, судя даже по «Собственноручным запискам», влияние Екатерины на заговорщиков, и в том числе и на генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина, было чрезвычайно велико.

«Граф Бестужев, — писала Екатерина, — прислал сказать мне через Штамбке, какой оборот принимает поведение фельдмаршала Апраксина, на которое императорский и французский послы громко жаловались; *он просил меня написать фельдмаршалу по дружбе и присоединить к его убеждениям свои, дабы заставить его повернуть с дороги и положить конец бегству, которому враги его придавали оборот гнусный и пагубный.*

Действительно, я написала фельдмаршалу Апраксину письмо, в котором предупреждала о дурных слухах в Петербурге и о том, что его друзья находятся в большом затруднении, как оправдать поспешность его отступления, прося его повернуть с дороги и исполнить приказания, которые он имел от правительства».

Вдумаемся в смысл этого признания...

Если Екатерина считала возможным для себя просить командующего русской армией изменить решение об отступлении, *поскольку враги придают этому оборот гнусный и пагубный* и в результате этого *друзья попали в большое затруднение, не зная как оправдать поспешность отступления*, значит, и само отступление, хотя бы отчасти, но производилось с ее ведома, а может быть, и по ее указанию.

Только тогда письмо ее приобретает смысл — Екатерина отменяет свое распоряжение...

Иначе получается бессмысленность... Зачем, спрашивается, Бестужеву нужно просить написать Апраксину именно Екатерину? Просто предупредить фельдмаршала о неблагоприятных слухах? Но он мог бы для этого воспользоваться другими каналами...

6.

Зима 1757—1758 года — самое страшное время для Екатерины.

Удары сыплются один за другим.

Вскоре после ареста Апраксина посадили под домашний арест и самого канцлера Бестужева...

О его аресте Екатерина узнала из записки Понятовского...

«Эти строки ошеломили меня... — пишет она. — Перечитавши их, я сообразила, что мне нет никакой возможности не быть замешанной в это дело... Тысячи ощущений, одно другого неприятнее, наполнили мне душу. *Словно с кинжалом в сердце* я оделась и пошла к обедне».

Словно с кинжалом в сердце и жила Екатерина в ту зиму.

Она не знала, успел ли Бестужев сжечь ее письма...

Голштинский чиновник Штамбке уверял ее, что бояться нечего. Бестужев перед арестом жег бумаги... И словно бы начали вытягивать *кинжал из сердца* великой княгини.

Но проходит день, и Штамбке сообщает, что хотя Бестужев и жег бумаги, но не все...

И снова *кинжал вонзается в сердце*... Но не до конца... Еще есть надежда... Надо только узнать поскорее, если Бестужев не успел сжечь бумаги, то какие именно он не успел сжечь?

Новости Штамбке получал из дома опального канцлера от его трубач-егеря...

Екатерина знала, что «они условились на будущее время сноситься между собою, кладя записки в назначенное место между кирпичами, недалеко от дома Бестужева». Чтобы сделать конспирацию еще строже, Екатерина получала сообщения от Штамбке не напрямую, а через Понятовского.

И вот новый удар...

Переписка Штамбке и Понятовского с Бестужевым была открыта.

Снова погрузилась Екатерина в мрак неизвестности. Это было особенно тягостно для ее деятельной натуры. Она не знала, что известно императрице, и поэтому не знала, как ей следует вести себя. Надо раскаяться? Или же надо просто сохранять вид, что ничего не было и эти расследования совершенно не касаются ее?

Положение усугублялось тем, что Екатерина не могла ничего выведать ни у императрицы, которая прекратила все контакты с нею, ни у мужа.

«Что касается до великого князя, то я видела, что его запугали и натолковали ему, будто Штамбке с моего ведома переписывался с государственным преступником. Я замечала, что его императорское высочество почти не смел говорить со мною и избегал случая приходить ко мне в комнату, где я оставалась в то время одна-одинешенька, не видя души человеческой. Я сама нарочно никого не приглашала к себе, боясь подвергнуть посетителей какой-нибудь неприятности или несчастию. То же самое при дворе, чтобы от меня не отворачивались, я нарочно не подходила к тем, на кого могло пасть подозрение».

И тут только восхититься можно Екатериной...

Когда, казалось, все было против нее, когда приближенный к Петру голштинец Брокдорф* открыто говорил о Екатерине, что пришла пора «раздавить змею», она не дрогнула и не растерялась. В этих ужасных обстоятельствах Екатерина проявила великое мужество и великую стойкость... Проанализировав и трезво оценив сложившуюся ситуацию, Екатерина пришла к выводу, что хотя о ее переписке с заговорщиками-изменниками и известно следствию, но, видимо, главные письма участники заговора успели уничтожить.

Действительно, если бы в руки следствия попали письма, в которых Екатерина убеждала Апраксина отказаться от марша на Кенигсберг, чтобы поспеть вернуться в Россию к кончине государыни, или письма, где она обсуждала с Бестужевым свои права и обязанности правительницы в новой постелизаветинской России, реакция императрицы была бы более жесткой и стремительной. Наверняка судьба Екатерины была бы решена тогда в самый короткий срок и весьма неблагоприятно для великой княгини.

Но таких писем не отыскалось. И Апраксин, и Бестужев уничтожили главные улики...

И следствие, располагая твердыми доказательствами причастности Екатерины к заговору, вместе с тем роль ее в этом заговоре определить не могло. Надо было искать дополнительные улики. Следствие затягивалось.

Воистину велик был ум Екатерины Великой, а главное — умение так точно примениться к ситуации, что обстоятельства, которые должны были работать против нее, начинали работать в ее пользу.

---

* Екатерина с «большой любовью» описала Брокдорфа в своих записках: «Он был высок, с длинной шеей и тупой плоской головой; притом он был рыжий и носил парик на проволоке; глаза у него были маленькие и впалые, почти без ресниц и без бровей; углы рта спускались к подбородку, что придавало ему всегда жалобный и недовольный вид. Относительно его внутренних качеств я сошлюсь на то, что уже сказала, но прибавлю еще, что он был так порочен, что он брал деньги со всех, кто хотел ему давать, и чтобы его августейший государь со временем ничего не нашел сказать по поводу его взяток, видя, что тот постоянно нуждается, он убедил его делать то же самое и доставлял ему таким образом столько денег, сколько мог, продавая голштинские ордена и титулы тем, кто хотел за них платить, или заставляя великого князя просить и хлопотать в разных присутственных местах империи и в Сенате о всевозможных делах, часто несправедливых, иногда даже тягостных для империи, как монополии, и другие привилегии, которые никогда не прошли бы иначе, потому что они противоречили законам Петра I».

Она решила перейти в наступление.

Как и после рождения Павла, когда она сумела повести себя так, что ее вынуждены были признать родоначальницей новой династии, так и теперь она решила оскорбиться и потребовать, раз ее не любят и не верят ей здесь, отпустить ее в Германию.

«Я села писать письмо к императрице и написала его по-русски, в самых трогательных выражениях, как умела. Я начала с того, что благодарила ее за все ея милости и благодеяния, оказанные мне с приезда моего в Россию. По несчастию — продолжала я в этом письме — оказалось, что я не заслуживала этих милостей, потому что навлекла на себя ненависть великого князя и явное неблагорасположение ея и[мператорского] величества; видя мое несчастие и оставаясь одна в комнате, где мне не дозволяют самых невинных развлечений, я настоятельно прошу положить конец моим несчастиям и отослать меня к моим родственникам, каким найдут приличнее способом... У моих родственников я проведу остаток моих дней, моля Бога за ея величество, великого князя, детей моих и вообще всех тех, которые оказывали мне добро или даже зло. Горе до такой степени растревожило мое здоровье, что я должна наконец позаботиться о нем и, по крайней мере, спасти жизнь свою...»

Высылки в Германию Екатерина опасалась более всего, но она правильно рассчитала, что если она сама попросит отпустить ее к родственникам, где она проведет *остаток моих дней, моля Бога за ея величество, великого князя, детей моих и вообще всех тех, которые оказывали мне добро или даже зло*, то Елизавета, которая *«обладала хотя и женским умом, но его было много»*, поступит как раз наоборот.

Однако решиться наступать и разработать план наступления — это только полдела. Надо было — императрица никак не отреагировала на послание великой княгини — найти возможность осуществить его.

И тут Екатерина нашла воистину великий ход, который можно было бы назвать гениальным, если бы он не был столь циничным...

Она притворилась, что умирает...

Посреди ночи она объявила, что чувствует себя чрезвычайно дурно и поэтому хочется исповедаться. Александр Шувалов хотел послать за докторами, но Екатерина остановила его.

— Мне уже не нужно ничего... — сказала она, с трудом выговаривая слова. — Мне надо теперь только духовника...

Духовник Ф.Я. Дубянский пришел и пробыл полтора часа...

Был отец Федор духовником императрицы. Родом из Малороссии, он отличался, как утверждают его биографы, редкой ученостью. Впрочем, ученость его никаких следов в истории не оставила, а вот деятельность в качестве стукача некоторое влияние на ход событий несомненно оказала. Императрица Елизавета Петровна частенько посылала его исповедовать своих приближенных... И надо сказать, что Елизавета Петровна ценила своего ловкого духовника. Отец Федор, кажется, был самым богатым попом в Российской империи. В собственности у него находилось 8 000 душ крепостных крестьян. Помимо стукаческой работы, отец Федор уделял большое внимание и воспитанию своих детей. Его сын, Яков Федорович, дослужился аж до звания великого мастера масонской ложи «Астерия...»

Вот этот духовник и исповедовал «умирающую» великую княгиню. Плача от горя, повествовала она отцу Федору, что совершила великое прегрешение перед императрицей Елизаветой Петровной.

Хотя ей и запрещено было вмешиваться в политические дела, но она писала Апраксину, не в силах сдержать своего огорчения, когда он начал отступать после победы, одержанной при Гросс-Егерсдорфе... Она — грешна, грешна, отец Федор! — побуждала фельдмаршала наступать на Кенигсберг, чтобы этот символ германского могущества оказался под властью матушки Елизаветы Петровны...

— Грешна, святой отец! — каялась «умирающая» Екатерина. — Муж поручил мне заниматься управлением голштинскими

делами, и я входила в переписку с голштинским чиновником Штамбке, и не знаю, простит ли мне это Бог, но я советовалась с канцлером Бестужевым, как правильнее поступить в том или другом случае... Нет мне прощения, святой отец, что я тем самым дерзко нарушила повеление моей благодетельницы императрицы Елизаветы Петровны, самонадеянно дерзнула переступить ее установления...

Каялась Екатерина и в том, что дерзала противоречить мужу, когда его слова казались ей неразумными... А что ж из того, что его распоряжения были нелепы? Как учит Господь, Екатерина должна была терпеливо сносить все эти безумства и самоуправства, а она противоречила мужу...

Исповедовав «умирающую» великую княгиню, Ф.Я. Дубянский, как ему и было приказано, отправился к императрице доложить о сведениях, полученных в ходе исповеди...

17 мая 1722 года Петр I издал позорный указ об отмене тайны исповеди.

Петра наша история назвала Великим. Екатерина II у нас тоже Великая.

И не с того ли и начало прибывать ее величие, что то великое зло, которое совершил Петр I, Екатерина II обратила на великую пользу себе.

Императрица Елизавета Петровна, хотя и сводила все смертные грехи к проблеме своевременного возврата долгов, пусть и по-протестантски, но вполне искренне верила в Бога. И она и предположить не могла, что исповедь перед священником, а значит, и перед Богом, можно использовать для лжи, даже если этот священник и стукач.

Усомниться в искренности исповеди Екатерины «дщери Петровой» мешала и вера в непревзойденную мудрость отца. Коли Петр придумал превратить исповедь в инструмент политического сыска, то значит, этот инструмент обязан был работать, к кому бы ни применять его.

Елизавета поверила в искренность исповеди.

13 апреля 1758 года состоялось ее свидание с великой княгиней. Проходило оно в присутствии прячущихся за ширмами великого князя и Шуваловых.

Тучи императорского неудовольствия над головой Екатерины не разошлись до конца, но молнии поразили других.

«Дело Бестужева и Апраксина (1757—1758 гг.) показало Елизавете, как велико было при дворе значение великой княгини Екатерины, — пишет С.Ф. Платонов. — Бестужева обвиняли в излишнем почтении перед Екатериной. Апраксин был постоянно под влиянием ее писем. Падение Бестужева было обусловлено его близостью к Екатерине, и самое Екатерину постигла в ту минуту опала императрицы. Она боялась, что ее вышлют из России, и с замечательной ловкостью достигла примирения с Елизаветой. Она стала просить у Елизаветы аудиенции, чтобы выяснить ей дело. И Екатерине была дана эта аудиенция ночью. Во время беседы Екатерины с Елизаветой за ширмами в той же комнате тайно были муж Екатерины Петр и Иван Ив. Шувалов, и Екатерина догадалась об этом. Беседа имела для нее решающее значение. При Елизавете Екатерина стала утверждать, что она ни в чем не виновата, и, чтобы доказать, что ничего не хочет, просила императрицу, чтобы ее отпустили в Германию. Она просила об этом, будучи уверена, что поступят как раз наоборот. Результатом аудиенции было то, что Екатерина осталась в России, хотя была окружена надзором. Теперь ей приходилось вести игру уже без союзников и помощников, но она продолжала ее вести еще с большей энергией».

Завершая сюжет об антирусском заговоре и участии в нем Екатерины, скажем, что Екатерина, став императрицей, косвенно сама признала участие в заговоре. Она вызвала из ссылки Бестужева и обнародовала манифест о возвращении ему всех прежних достоинств и «непорицании его за состояние под судом и наказанием». Бестужеву была назначена в награду за то, что он не

выдал на следствии Екатерину, ежегодная пенсия в 20 000 рублей*.

Вдове Апраксина тоже было назначено значительное денежное содержание...

И.П. Елагина Екатерина назначила кабинет-секретарем...

В.Е. Адодурова — председателем мануфактур-коллегии и куратором университета...

Впрочем, это случится потом, когда Екатерина станет императрицей...

7.

Некоторые ревностные защитники идеи монархии договариваются до того, что, дескать, тайна исповеди отменялась указом от 17 мая, только когда речь шла о злоумышлениях против монаршей особы, против государственного порядка, а в остальном священник не должен был сообщать в Тайную канцелярию...

Что тут ответить?

Разве только напомнить, что и ГПУ от сотрудничавших с ним священников-обновленцев тоже ждало сообщений не о супружеских изменах, а о злоумышлениях против государственного порядка, против колхозов, против вождей революции...

И тут не аргументы в пользу Петра I придумывать надо, а просто разобраться, *что* нам дороже? Православие или Петр I, который все делал, чтобы наше православие искоренить?

Очень трудно немножко верить в Бога, а немножко в идею, которая эту веру подрывает.

Даже если идея и называется монархической...

Шаг за шагом происходило отступление Романовых от православия.

Можно спорить, мог ли принять инок Филарет митрополичий сан из рук Лжедмитрия, зная, что этот царь — его бывший холоп Григорий Отрепьев... Можно спорить, имел ли право Филарет называть себя патриархом, когда его возвел в этот сан Тушинский вор — еврей Богданко...

Как бы то ни было, но совершенно ясно, что если бы Филарет проявил большую осторожность, его внук, царь Алексей Михайлович, не посмел бы позволить объявить обряды Русской православной церкви не вполне православными.

И опять-таки можно спорить о размерах национальной катастрофы, которую вызвал церковный раскол, но очевидно, что, если бы его не было, Петр не посмел бы в ответ на просьбу о восстановлении патриаршества потрясти кортиком перед собранием иерархов и крикнуть: «Вот вам булатный патриарх!», не посмел бы обязать священников под угрозой истязаний доносить на своих духовных детей...

Можно согласиться, что далеко не все священники Русской православной церкви, подобно Федору Яковлевичу Дубянскому, превратились тогда в стукачей, но совершенно очевидно, что нелепое положение, в которое были поставлена Указом Петра I Русская церковь, и определило презрение Екатерины ко всем ее таинствам.

Мы видели, чтобы выпутаться из неприятной истории, Екатерина использовала наложенные на священников Петром I обязательства. И стоит ли удивляться, что она сама же и презирала их за это?

Забегая вперед, скажем, что Екатерина сохранила свое презрение к обрядам Русской православной церкви и в дальнейшем, и это презрение позволило ей провести секуляризацию церковных земель, которую начинали и не смогли решиться довести до конца ее предшественники.

Вспомним, что после смерти Петра Екатерина I поручила наблюдать за употреблением собираемых с церковных земель доходов коллегии экономии.

Анна Иоанновна изъяла их из духовного ведомства и превратила коллегию экономии в прежний монастырский приказ.

Анна Леопольдовна вернула все доходы назад, в распоряжение церкви.

---

* Лучшая квартира в Петербурге стоила тогда около 20 рублей в месяц. Теленок — 2 рубля, курица — 5 копеек, пуд коровьего масла — 2 рубля, десяток лимонов — 3 копейки.

Елизавета Петровна уничтожила поначалу и саму коллегию экономии, но потом приказала назначить для управления монастырскими землями военных офицеров.

Петр III включил эти земли в состав государственных имуществ и восстановил коллегию экономии на правах монастырского приказа, чем вызвал сильное недовольство духовенства.

Совершив дворцовый переворот, Екатерина, чтобы заручиться поддержкой духовенства, эти указы Петра III отменила, но едва только укрепилась на престоле, как со свойственным ей презрением к Русской православной церкви приказала посадить монастыри на жалованье, а все церковные земли отобрать в казну.

Результатом введения штатов в России стало резкое сокращение монастырей. Вместо 954 монастырей их осталось ровно 200. 161 мужской монастырь и 39 — женских. Казна получила 3 миллиона рублей чистого дохода ежегодно...

«Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени, — писал А.С. Пушкин. — Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии (которые зависели от монастырей, а ныне от епископов) пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностию. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии, ибо напрасно почитают русских суеверными: может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек насчет всего церковного. Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер.

В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей историею, следственно и просвещением. *Екатерина знала все это и имела свои виды* (выделено нами. — *Н.К.*)».

Тут очень важно понять, какие же свои виды имела Екатерина II, решившись на то, на что не решались прежние цари, которые тоже давно уже зарились на монастырскую собственность?

Либеральные историки, как романовской, так и советской школы, с одинаковым упоением повествуют о немыслимой роскоши, в которой утопали монахи некоторых монастырей, эксплуатируя труд крестьян.

Спору нет...

Можно найти и примеры монастырского роскошества, но это были все-таки исключения, а не общее правило, и искоренять злоупотребления следовало в каждом отдельном случае. И, разумеется, проведенное Екатериной изъятие церковных земель никакого отношения к этому исправлению не имело.

Приводятся и другие аргументы в пользу секуляризации церковных земель...

Но, воспринимая или отвергая все эти доводы, мы должны отметить, что поставленный нами вопрос, почему Екатерина II сделала то, на что не могли решиться прежние цари, все эти аргументы старательно обходят.

Между тем вопрос этот вызывает затруднение только в атеистическом контексте прочтения истории. Стоит только вспомнить, что имения монастырей составлялись по духовным завещаниям, и монастырь, в который жертвовались земли, должен был вечно молиться о спасении душ жертвователей, сразу становится понятно, *чего* опасались прежние цари...

Обкрадывая монастыри, Екатерина обокрала не только живых, но и мертвых... А обокрасть мертвого считается особенно страшным преступлением в любом обществе, в любой вере, будь она православной, католической или протестантской...

Да, многие Романовы зарились на собственность Русской православной церкви. И грабили, конечно, грабили обители.

Но сделать последний шаг и обокрасть не только церковь, но и мертвецов, не решился даже Петр Великий.

Для этого необходима была Екатерина II, не верившая ни по-католически, ни по-протестантски, ни по-православному... Подобно своему духовному наставнику Вольтеру, она считала, что если и нужна религия, то только в качестве узды, с помощью которой можно сдерживать недовольство народа.

И она сделала *это*...

Обокрала мертвецов...

Мы будем иметь возможность вспомнить об этом, когда придет время рассказать, как император Павел поставит ее гроб рядом с прахом вырытого из земли убитого ею мужа и произведет *сокоронование мертвецов*...

Но это будет еще не скоро.

Это произойдет тогда, когда Екатерина растратит на своих ненасытных любовников все, что было *украдено ею у мертвецов*.

Сыну, внуку, правнукам и праправнукам дорого придется заплатить, искупая распутство своей матери, бабушки и прабабушки... Смерть, словно бы насылаемая *обокраденными Екатериной мертвецами,* будет преследовать их...

Но тут мы забегаем вперед...

Впереди еще и правление Петра III, и убийство его, впереди и само правление Екатерины II, которую еще только назовут Великой...

Глава седьмая

ПЕТР И ЕКАТЕРИНА
(вторая редакция)

После смерти императора Петра II, загубленного корыстными и тщеславными «птенцами гнезда Петрова», Россия вступила в эпоху бироновщины...

Рассчитывая ограничить установленное Петром I самодержавие, «верховники» перенесли тогда русский престол из нарышкинской (петровской) ветви семьи Романовых в милославскую (ивановскую) ветвь...

Жестка и неумолима логика истории...

Петр I, уничтоживший своего русского сына Алексея только для того, чтобы он не отнял престол у полунемца-«шишечки» (царевич Петр Петрович был сыном Петра I и Екатерины), руками своих сподвижников сумел-таки уничтожить и внука, и в результате — только через двенадцать лет дворцовый переворот 1741 года, устроенный его дочерью Елизаветой Петровной, вернул власть в руки потомков Петра I.

И, кажется, в 1761 году, когда на престол взошел второй внук Петра I — Петр III, и должны были исполниться мечтания великого преобразователя России, ведь этот его родной внук имел всего четверть русской крови... О таком наследнике и мечтал Петр I, такому наследнику и готов был передать после себя трон.

Но нет...

Правление Петра III оказалось злой насмешкой над замыслами первого русского императора.

1.

Мы уже говорили, что Екатерина II, создавая нужный ей образ Петра III, не стесняет себя на страницах «Собственноручных записок» ни справедливостью, ни стыдливостью.

И это странно...

Ведь Екатерине не нужно было преувеличивать неразвитость супруга — он действительно был не достаточно для наследника русского престола образован. И умом не блистал внук Петра I...

И все это Екатерина II не обходит своим вниманием.

Мелочно подмечает она все промахи супруга... Не пропускает ни одного случая, чтобы подчеркнуть свое превосходство над ним...

Но этого мало ей.

Она еще пытается доказать, что у Петра имеются серьезные отклонения в психике. «Записки» Екатерины изобилуют сценами, рисующими детское хвастовство великого князя, его игру в куклы в супружеской постели, его переходящую в садизм жестокость...

Однако Екатерина слишком умна и талантлива, чтобы превратить «Собственноручные записки» в сплошную ложь. Порою сквозь гротеск и карикатуру в них проступает подлинное лицо Петра III, пусть и небольшого и по уму, и по дарованиям, но тем не менее очень цельного и по-своему порядочного человека.

«Я воспользовалась однажды удобным случаем, — пишет Екатерина II, — чтобы сказать великому князю, что так как он находит ведение дел Голштинии таким скучным и считает это для себя бременем, а между тем должен был бы смотреть на это как на образец того, что ему придется со временем делать, когда Российская империя достанется ему в удел, я думаю, что он должен смотреть на этот момент, как на тяжесть, еще более ужасную; на это он мне снова повторил то, что говорил много раз, а именно, что *он чувствует, что не рожден для России; что ни он не подходит вовсе для русских, ни русские для него и что он убежден, что погибнет в России*».

Хотя это признание и работает на создаваемый Екатериною образ императора, которого надо свергнуть, чтобы спасти Отечество, но за ним стоит не придурь самодержца, а живая человеческая трагедия, и едва ли Екатерина могла придумать такое.

Человек болезненный, совсем не подготовленный для царского служения, Петр III никогда не скрывал, что мундир прусского генерала для него более ценен, нежели звание русского монарха.

Подобные заявления для русского уха звучат диковато, патриотическое сознание не вмещает в себя эту мысль, и поэтому наши историки, не желая упрекать «дщерь Петрову» *за женский ум, которого у нее было много* и которой недосуг оказалось уделить необходимое внимание подготовке наследника престола, объясняют столь вызывающий антипатриотизм Петра III отклонениями в его психическом развитии. И следуют они тут в русле рассуждений Екатерины II, считавшей, что коли ее муж не хочет спать с нею, то делает это не потому, что ему отвратительна сама мысль о половой жизни со своей сестрой, а потому что недоразвит и отмечен отклонениями в психике.

И ведь что странно...

Стоит только заговорить о ненависти Петра I к русским обычаям, русской культуре, русскому характеру, так сразу явится множество защитников великого реформатора... Когда же речь заходит о его внуке, не сыскать и простого понимания.

А ведь понять Петра III очень легко.

Он вырос в Киле, и какими бы тяжелыми ни были для него годы детства, он сохранил любовь и верность своей маленькой Голштинии.

Власть в Российской империи он не захватывал.

Власть ему навязала тетенька, и какая же любовь к России могла возникнуть в Петре, если здесь тетенька вместе с этой властью из-за своих некрофильско-сентиментальных фантазий навязала ему в жены его собственную сестру...

Петра III порицают за то, что он не почитал Русскую церковь.

Но откуда было взяться уважению, если Петр III знал Русскую церковь только по малороссу Федору Яковлевичу Дубянскому, столь успешно (и не безвозмездно) совмещавшему должность царского духовника с обязанностями секретного осведоми-

теля? Если его наставник — выпускник Киевской коллегии, проведший десять лет заграницей, Симон Тодоровский (или Теодорский), хотя и изучил еврейский, халдейский, сирийский, арабский, греческий, латинский и немецкий языки, но при этом всю свою ученость употребил на составление поучения о пользе брака между братом и сестрой, между Петром Федоровичем и Екатериной...

Если стукача-крепостника отца Федора Дубянского и иеромонаха Симона Тодоровского, готового в угоду императрице оправдать кровосмешение, предъявляли Петру III как *лучших представителей* Русской церкви, то странно было бы, если бы он не попытался реформировать такую Церковь.

Хотелось бы сразу оговориться...

Бессмысленно оправдывать императора Петра III, и еще более бессмысленно защищать русскому человеку его государственные свершения...

И мы и не оправдываем, и не защищаем.

Мы говорим только о том, что Петр III был негодным императором не из-за психических отклонений.

Скорее уж наоборот.

Именно потому и оказался Петр III столь ненавистным многим правителем, что не смог он преодолеть своей психической нормальности.

Не захотел стать мужем своей сестры...

Не захотел верить в возможность совмещения священнического и стукаческого служения...

И, может быть, та неестественная детскость, о которой мы рассказывали в предыдущей главе, — реакция здорового, нормального человека на процветающую вокруг ложь и разврат... В детских играх, в похожих на игру маневрах голштинских солдат пытался укрыться Петр от окружающей грязи.

Ничего не переменилось в его характере и в 1761 году, когда умерла Елизавета Петровна и он взошел на русский престол.

И вот что поразительно...

В любом распоряжении Петра III, даже таком нелепом, как Указ от 25 июня об уравнении религий, необязательности постов и неосуждении греха прелюбодейства, «ибо и Христос не осуждал», прослеживается некая логика.

Вся жизнь, которую он знал в России, заключалась в наполненном развратом дворце его тетки... Не желая мириться с развратом и лживостью, установленными «дщерью Петровой», и не умея исправить положение, по простоте душевной Петр III, сделавшись императором, попытался хотя бы уйти от лицемерия и узаконил этот разврат.

Глупо?

Да...

Но намного ли умнее показное благочестие Елизаветы Петровны, лицемерно уживающееся с ее развратом?

Это еще надо подумать...

И таковы многие поступки Петра III. Если приглядеться к ним внимательнее, то можно если и не оправдать, то по крайней мере обнаружить некую логику в них.

Вот, к примеру, возмутившая тогда весь великосветский Петербург история наказания Петром взяточника Льва Нарышкина, ставшего в дальнейшем, при Екатерине, членом так называемого «малого Эрмитажа».

Некто Хорват, еще в правление Елизаветы Петровны, сумел втереться в доверие к высшим должностным лицам и присвоил себе деньги, выделенные на переселение сербов на юг России. Когда несколько тысяч сербов переселились на земли, получившие название «Новой Сербии», то не только не получили обещанной переселенцам помощи, но были обращены Хорватом почти в крепостное состояние.

Сербы довели свои жалобы до Сената, но Хорват тоже не терял времени. Он явился в Петербург и подарил по две тысячи дукатов Льву Нарышкину, генералу Мельгунову и генерал-прокурору Глебову.

Мельгунов и Глебов сообщили о взятке Петру III.

Тот похвалил их, что они не скрыли полученного подарка, потребовал себе половину и на следующий день сам отправился в Сенат и разрешил дело в пользу Хорвата.

Нарышкин же промолчал о деньгах от Хорвата, и Петр III отнял их у него все и несколько дней подряд издевался над ним, спрашивая его, куда он дел полученные деньги...

Возмущение петербургских вельмож по поводу несчастных переселенцев, нечаянно попавших в рабство, в устах рабовладельцев, какими были эти вельможи, выглядело бы несколько странно, и поэтому надо полагать, что причина возмущения — в жестоком обращении с Львом Нарышкиным.

Разумеется, шутовство не украшает императора, но, с другой стороны, ведь таких взяточников, как Нарышкин, не Петр взрастил. Они достались ему в наследство. И Петр пытается исправить их. Другое дело, что ведет себя при этом, как ребенок...

Но он, как мы говорили, и был ребенком.

Не умея исправить положения дел, он продолжал укрываться в своем ребячестве от той лжи и подлости, что обрушились на него...

Смерть тетки Петр тоже воспринимал как новую игру, и, как к игрушкам, относился он к русской армии, которую немедленно приказал переодеть и перемуштровать, и к Русской церкви, из которой приказал вынести все иконы святых мучеников, и к самой Российской империи...

Всего полгода длилось правление Петра III, но за эти месяцы он сумел сделаться ненавистным всем, за исключением разве только продажного дворянства, которому Петр даровал вольность, то есть освободил дворян от обязательной государственной службы...

«Памятниками неудачного борения аристократии с деспотизмом остались только два указа Петра III о вольности дворян, — писал А.С. Пушкин, — указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться».

Родная сестра возлюбленной императора Елизаветы Романовны Воронцовой, Екатерина Романовна Дашкова, принимавшая самое активное участие в организации переворота, дала довольно точную характеристику Петру.

«Он не был зол, но ограниченность его ума, воспитание и естественные наклонности выработали из него хорошего прусского капрала, а не государя великой империи».

И еще...

«Поутру быть первым капралом на вахтпараде, затем плотно пообедать, выпить хорошего бургундского вина, провести вечер со своими шутами и несколькими женщинами и исполнять приказания прусского короля — вот что составляло счастье Петра III, и все его семимесячное царствование представляло из себя подобное бессодержательное существование изо дня в день, которое не могло внушать уважения. Его разбирало нетерпение отвоевать у датского короля клочок земли, на который он заявлял свои права, и он не захотел даже дождаться коронации, чтобы начать войну».

Тут Екатерина Романовна, разумеется, права.

Именно подготовка к войне и переломила окончательно настроение гвардии, толкнула ее на сторону заговорщиков.

2.

Сохранилась переписка Петра III с прусским королем Фридрихом II.

Когда Фридрих II узнал о намерении Петра III отправиться за границу для ведения войны с Данией за голштинские владения, он не на шутку встревожился. Пытаясь удержать своего поклонника от опрометчивого шага или хотя бы обезопасить себя при этом, он писал:

«Признаюсь, мне бы очень хотелось, чтоб ваше величество уже короновались, потому что эта церемония произведет сильное впечатление на народ, привыкший видеть коронование своих государей.

Я вам скажу откровенно, что не доверяю русским.

Всякий другой народ благословлял бы небо, имея государя с такими выдающимися и удивительными качествами, какие у вашего величества, но эти русские, — чувствуют ли они свое счастье (здесь и далее выделено нами. — *Н.К.*), и проклятая продажность какого-нибудь одного ничтожного человека разве не может побудить его к составлению заговора или к поднятию восстания в пользу этих принцев брауншвейгских?

Припомните, ваше императорское величество, что случилось в первое отсутствие императора Петра I, как его родная сестра составила против него заговор!

Предположите, что какой-нибудь негодяй с беспокойною головой начнет в ваше отсутствие интриговать для возведения на престол этого Ивана, составит заговор с помощью иностранных денег, чтобы вывести Ивана из темницы, подговорить войско и других негодяев, которые и присоединятся к нему: не должны ли вы будете тогда покинуть войну против датчан, хотя бы все шло с отличным успехом, и поспешно возвратиться, чтоб тушить пожар собственного дома.

Эта мысль привела меня в трепет, когда пришла мне в голову, и совесть мучила бы меня всю жизнь, если б я не сообщил эту мысль вашему императорскому величеству; я здесь в глубине Германии; я вовсе не знаю вашего двора: ни тех, к которым ваше величество может иметь полное доверие, ни тех, кого можете подозревать, поэтому вашему высокому разуму принадлежит различить, кто предан и кто нет; я думаю одно, что если вашему величеству угодно принять начальство над армиею, то *безопасность требует, чтобы вы прежде короновались и потом, чтоб вы вывезли в своей свите за границу всех подозрительных людей*. Таким образом, вы будете обеспечены...»

Именно тогда и состоялось знаменитое свидание Петра III с шлиссельбургским узником.

«Что касается Ивана, — писал он, успокаивая Фридриха II, — то я держу его под крепкою стражею, и если б русские хотели сделать зло, то могли бы уже давно его сделать, видя, что я не принимаю никаких предосторожностей. Могу вас уверить, что, когда умеешь обходиться с ними, то можно быть покойным на их счет...»

Любопытны тут и опасения Фридриха II насчет Иоанна Антоновича, и уверения Петра III, что *«если б русские хотели сделать зло, то могли бы уже давно его сделать...»*

Если Петр III действительно был по-детски наивным, то опытного политика Фридриха II в наивности не упрекнешь. Однако, как мы видим, и он совершил серьезную ошибку — указав Петру III вместо подлинной опасности (Екатерина) на мнимую...

Любопытен и другой совет Фридриха II — забрать с собой в поход всех опасных придворных, которые в отсутствие императора могли бы составить заговор.

Совет этот, по сути дела, послужил катализатором переворота.

Фридрих II Великий.
Гравюра середины XVIII в.

Фридриху хорошо было известно, что его «друг» умеет хранить свои тайны, по меткому замечанию Екатерины II, как пушка выстрел.

И точно...

Прочтя письмо Фридриха, он рассказал о совете прусского короля одному из заговорщиков, более того, приказал ему готовиться следовать за ним в армию в качестве волонтера... Какую реакцию вызвал этот совет и у будущего волонтера, и у других кандидатов в волонтеры, гадать не надо. Если и были у этих придворных сомнения в необходимости государственного переворота, то теперь таких сомнений не осталось.

И вот тут и задаешься вопросом: действительно ли Фридрих II так плохо ориентировался в реальном раскладе сил при русском дворе?

Поверить в такое трудно... Недостатка в прусских шпионах и соглядатаях при русском дворе никогда не было...

Но тогда получается, что Фридрих II действовал так, точно зная, какой будет реакция Петра III и какими будут последствия...

Само это предположение на первый взгляд кажется совершенно бессмысленным... Ведь еще 26 декабря 1761 года, когда, вступив на престол, Петр III немедленно разорвал союз с Австрией и заключил мир с Пруссией, Фридрих II писал ему: «Я никогда не в состоянии заплатить за все, чем вам обязан. Я отчаялся бы в своем положении, но в величайшем из государей Европы нахожу еще верного друга: расчетам политики он предпочел чувство чести». Зачем же, спрашивается, тогда подталкивать *верного друга* к гибели?

Да затем, что Фридрих II хорошо знал, кто унаследует русский престол...

Знал и то, что дочка бывшего коменданта его крепости, участница организованного Фридрихом заговора Апраксина и Бестужева, будет проводить ту политику, какая нужна Пруссии, и никакое чувство чести не превозможет у нее расчетов политики, с нею не нужно будет опасаться *верного друга, который расчетам политики может предпочесть чувство чести.*

И тут было бы нелепо упрекать Фридриха...

Исход Семилетней войны решили, как мы знаем, не сражения армий, а борьба крови...

Вспомним, что Елизавета Петровна, вступившая в войну с Пруссией, была немка только наполовину.

Петр III — немец уже на три четверти.

Но Екатерина — чистокровная немка. Конечно, после первого кровопускания, сделанного во время болезни, ей выпустили, как она изволила шутить, последнюю немецкую кровь, остававшуюся в ее жилах, но протестантство и политический прусский патриотизм, которые Фридрих положил в основание своей политической системы, выпустить вместе с кровью было невозможно...

И если у Фридриха появилась возможность иметь на русском престоле одноплеменницу, целиком обязанную ему (вспомним, что это Фридрих, который считался как бы главой протестантской Германии, в 1743 году рекомендовал Ангальт-Цербстскую принцессу Елизавете Петровне) своим счастьем, то зачем тогда нужен друг с четвертинкой русской крови.

Кто знает, куда его заведет эта четвертинка, усугубляемая неприлично для политика развитым чувством чести...

А Екатерина II, сделавшись самодержавной государыней, не обманула ожидания своего покровителя, она заключила союз с Пруссией и все свое царствование проводила выгодную Пруссии политику. Именно с помощью Екатерины и смог Фридрих разрешить все наиболее насущные для Пруссии задачи, а в 1772 году округлил свои владения после первого раздела Польши...

Более того...

Екатерина помогла Фридриху решить и проблему укрепления Пруссии на будущее.

Неразборчивому в средствах королю-философу Россия всегда представлялась грубой, стихийной силой, которой он должен пользоваться для выгод Пруссии. Ради

этого король не скупился на подкупы, запугивая ложными страхами, предавал на погибель собственных родственников. Как остроумно заметил Е. Шумигорский, не переносившего цепей «медведя» Фридрих задумал «перевязать» розовыми лентами и действительно добился того, что в течение всей своей жизни он был как бы постоянным сватом русского двора...

А Петра III Фридриху, наверное, было жаль.

Но что же делать?

Человек, *который расчетам политики может предпочесть чувство чести*, не подходил для престола не только в России, которую он не знал и не любил, но и у себя в Голштинии...

Окончив так удачно для Пруссии Семилетнюю войну, Петр III затевал войну с Данией. Но движение всех сил Русской империи на маленькую Данию для возвращения отнятого у Голштинии Шлезвига не очень-то устраивало Фридриха II. Таким образом, как только Петр III объявил о подготовке похода на Данию, он был обречен. Человеку с таким *чувством чести* нечего было делать в дружной семье германско-русских венценосцев...

3.

В последних числах июня император уехал в Ораниенбаум, а императрице приказал поселиться в Петергофе. При Екатерине было всего шесть камер-фрейлин, да два камер-юнкера; император же взял с собою своих фаворитов и самых красивых придворных дам...

25 июня был опубликован печально знаменитый Указ об уравнении религий и неосуждении грехов против седьмой заповеди.

Сам Петр III нарушать седьмую заповедь не собирался. По свидетельствам современников, он планировал еще до выступления в поход развестись с Екатериной и жениться на графине Елизавете Романовне Воронцовой. В тот день, когда был выпущен Указ, на возлюбленную императора возложили Екатерининскую ленту.

Как утверждала сама императрица, в тот же день был отдан приказ о ее аресте, но тогда за нее заступился дядя Петра III — принц Георгий Голштинский.

Ювелир Позье оставил воспоминания о домашнем спектакле, который на следующий день, как раз накануне переворота, вздумалось устроить Петру III.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели мою комедию, — сказал ювелиру император. — Вот вам билет. Я все билеты раздаю сам.

Позье присутствовал перед обедом при маневрах голштинских войск и сражении двух маленьких галер на большом пруду. И маневры, и сражение галер показались ему более похожими на представление марионеток, нежели на военные учения, но видно было, что самому императору учения доставляют наслаждение.

За обедом Позье сидел за столом рядом с женою великого канцлера Воронцова, племянница которого должна была превратиться в императрицу.

— Что вы об этом думаете? — тихо сказал по-французски Позье. — Я очень боюсь, как бы не случилось чего-нибудь ужасного... Должен вам признаться, что, видя все, я не совсем спокоен.

— Вы правы, — отвечала жена канцлера, — я имею повод быть еще менее спокойна, чем вы.

И она заплакала...

Позье вспоминает, что вечером на спектакле императрица прислала к нему своего пажа сказать, чтобы он, по выходе из театра, зашел в ее покои, так как она хочет кое-что заказать.

Оказалось, что она сломала свой Екатерининский орден и попросила поправить...

Это был тот самый день, в который графиня Елизавета Воронцова должна была явиться с орденом, врученным ей императором, и Позье сказал императрице, чтобы она подумала, не обидится ли император за то, что она в пику нарочно является к столу без ордена.

Екатерина уже не первый раз оказывалась на краю пропасти, и только звериное чувство опасности, умение мгновенно обнаружить противника и определить слабые его места спасали ее от гибели.

— Хорошо, — сказала императрица, — приезжайте за орденом завтра в Петергоф.

Чтобы не нарушать приличий, Петр III решил отложить арест супруги и 27 июня отправился вместе с нею в Гостилицы, где граф Алексей Разумовский дал в их честь грандиозный праздник. Здесь венценосные супруги встретились в последний раз. С праздника Петр III вернулся в Ораниенбаум, а Екатерина II — в Петергоф.

Предоставим слово непосредственному участнику переворота, княгине Екатерине Романовне Дашковой...

Ее родная сестра графиня Елизавета Романовна Воронцова была фавориткой императора, и император собирался жениться на ней. Восемнадцатилетняя Екатерина Романовна не могла допустить, чтобы *ее родная сестра вышла замуж за ее крестного* и, устроив так, чтобы мужа отправили послом в Константинополь, на досуге занялась устройством переворота.

В своих воспоминаниях Дашкова рассказывает, что в Петербурге все ждали переворота и считали часы в ожидании взрыва. Сразу после отъезда двора в Ораниенбаум гвардию охватила тревога за свое будущее. Все опасались, что будут внезапно отправлены в Данию и тем самым лишены возможности защитить себя. Почувствовавшие свою беззащитность гвардейцы толпами ходили по улицам столицы и ругали государя.

26 июня к Дашковой пришли 26-летний капитан Петр Богданович Пассек и капитан-поручик Сергей Александрович Бредихин.

— Может быть, стоило бы повести их в Ораниенбаум и разбить голштинцев, чтобы обеспечить успех переворота? — предложил Пассек. — Слухи об опасностях, которым подвергается императрица, волнуют солдат до такой степени, что скоро их невозможно будет сдержать, и это брожение среди них может разоблачить наш план и подвергнет нас страшной опасности.

«Я поняла, — пишет Дашкова, — что эти господа слегка трусят, и желая доказать, что не боюсь разделить с ними опасность, попросила их передать солдатам от моего имени, что я только что получила известие от императрицы, которая спокойно живет себе в Петергофе, и что советую и им держать себя смирно, так как минута действовать не будет упущена».

Разумеется, Екатерина II не посвящала восемнадцатилетнюю сестру своей соперницы во все детали заговора. И тем не менее именно подтрунивание Екатерины Романовны над поручиком Пассеком послужило запалом революционного взрыва...

Дело произошло так...

Когда поручик Пассек вернулся в полк, преображенский капрал встревоженно сообщил ему, что императрица погибла. Пассек успокоил его, уверив, что императрица все еще свободна, живет в Петергофе и спешить с восстанием нет нужды, надо ждать сигнала.

Капрал на радостях рассказал о новости другому офицеру. Но офицер этот не принадлежал к заговору и донес о разговоре по начальству. Майор Преображенского полка Воейков приказал арестовать Пассека.

Арест поднял на ноги всех заговорщиков.

«Когда я вернулась домой, взволнованная и тревожная, мне было не до сна, — вспоминает Е.Р. Дашкова. — Моя горничная объявила мне, что портной не принес еще мужского костюма, что меня очень раздосадовало...

Не прошло и часу времени, как я услышала стук в ворота.

Я соскочила с постели и, выйдя в другую комнату, приказала впустить посетителя. То был какой-то незнакомый мне видный молодой человек, оказавшийся четвертым братом Орловым.

Он пришел меня спросить, не слишком ли рано вызывать в Петербург императрицу, не испугаем ли мы ее понапрасну. Я была вне себя от гнева и тревоги, услышав эти слова, и выразилась очень резко насчет дерзости его братьев, медливших с исполнением моего приказания, данного Алексею Орлову.

— Теперь не время думать об испуге императрицы, — воскликнула я, — лучше, чтобы ее привезли сюда в обмороке и без чувств, чем, оставив ее в Петергофе, подвергать ее риску быть несчастной всю жизнь или взойти вместе с нами на эшафот. Скажите же вашему брату, чтобы он карьером скакал в Петергоф и немедленно привез императрицу, пока Петр III не прислал ее сюда, последовав разумным советам, или сам не приехал в Петербург и не разрушил навсегда того, что, кажется, само провидение устроило для спасения России и императрицы».

Алексей Орлов послушался совета восемнадцатилетней заговорщицы. Рано утром 28 июня он ворвался в спальню Екатерины и, растолкав ее, объявил, что Пассек арестован.

Кое-как одевшись, императрица села со своей фрейлиной в карету, а Орлов, примостившись на козлах, погнал лошадей прямо в Измайловский полк.

Ударили в барабан. Солдаты выбежали на площадь и бросились целовать руки, ноги и платье матушки-императрицы.

Явился и главный заговорщик — сам полковник граф Кирилл Разумовский. Полк был торжественно приведен к присяге*.

Затем, возглавляемые священником, шагавшим с крестом в руке, все двинулись в Семеновский полк. Семеновцы тоже не хотели идти воевать за воссоединение Голштинии и присягнули матушке-императрице.

Многие гвардейцы тут же сбрасывали новые мундиры и облачались в старые, сберегаемые, видимо, как раз на тот случай, когда они совершат ставшую уже привычной для русской гвардии измену присяге.

Во главе обоих полков, сопровождаемая толпой народа, Екатерина явилась в Казанский собор. Здесь, на молебне, ее провозгласили самодержавной императрицей. Отсюда она отправилась в Зимний дворец и застала там Сенат и Синод в сборе. Сенаторы и архиереи беспрекословно присягнули ей.

Тем временем присягнули конногвардейцы и преображенцы... Свыше 14 тысяч солдат окружили дворец, восторженно приветствуя обходившую полки Екатерину.

«В полдень первое российское духовенство, старцы почтенного вида (известно, сколь маловажные вещи, действуя на воображение, делаются в сии решительные минуты существенной важностью), украшенные сединами, с длинными белыми бородами, в приличном одеянии, приняв царские регалии, короны, скипетр и державу со священными книгами, покойным и величественным шествием проходили через всю армию, которая с благоговением хранила тогда молчание... — пишет шевалье К.К. Рюльер. — Они вошли во дворец, чтобы помазать на царство императрицу, и сей обряд производил в сердцах не знаю, какое-то впечатление, которое, казалось, давало законный вид насилию и хищению».

Неясно, что тут описывает шевалье...

Коронация императрицы Екатерины II состоялась три месяца спустя в Москве... Современники, более знакомые с обрядами Русской церкви, этот эпизод опускают, но, похоже, что шевалье все-таки не ошибается, и *впечатление, которое, казалось, давало законный вид насилию и хищению*, действительно производилось тогда иерархами нашей церкви.

В благодарность за эту поддержку 12 августа Екатерина II издала Указ о возвращении монастырям отобранных у них Петром III земель. Впрочем, это была не благодарность, а скорее взятка. Ведь официальной коронации Екатерины еще только предстояло состояться 22 сентября...

Но не так уж и важно, благодарностью или взяткой была отмена Указа... Недолго пользовалась Русская церковь милостями матушки Екатерины.

Уже 29 ноября, через два месяца после своей коронации, Екатерина учредила Особую комиссию по церковным имуществам. Комиссия разослала по всем монастырским вотчинам и архиерейским домам

* Удержать полк от измены пытался Л.А. Пушкин, дед поэта, за что и просидел два года в крепости.

приходно-расходные книги для записи денежного и хлебного сбора. Контролировать записи должны были разосланные комиссией обер-офицеры.

В 1763—1764 годах владения церкви и миллион населяющих эти земли крестьян из ведения Синода перешли в управление Коллегии экономии.

Многие древние обители, служившие центрами просвещения и благотворительности, оказались упраздненными...

Ну, а пожертвованные прежними владельцами на помин своих душ имения Екатерина II раздала вместе с крестьянами, превращенными отныне в крепостных рабов, своим любовникам. Считается, что именно бесконтрольная раздача этих имений и стимулировала расцвет безумной роскоши, в которой утопали екатерининские вельможи...

Но это произойдет потом, а пока Синод, узаконив захват власти женой живого императора, положил еще одно пятно на репутацию Русской православной церкви.

«Перо мое бессильно описать, как я до нее (Екатерины. — *Н.К.*) добралась, — пишет в своих записках Е.Р. Дашкова, — все войска, находившиеся в Петербурге, присоединившись к гвардии, окружали дворец, запрудив площадь и все прилегающие улицы. Я вышла из кареты и хотела пешком пройти через площадь; но я была узнана несколькими солдатами и офицерами, и народ меня понес через площадь высоко над головами. Меня называли самыми лестными именами, обращались ко мне с умиленными, трогательными словами и провожали меня благословениями и пожеланиями счастья вплоть до приемной императрицы, где и оставили меня, comme une manchette perdue*. Платье мое было помято, прическа растрепалась... я предстала в таком виде перед императрицей.

Мы бросились друг другу в объятья. “Слава богу! Слава богу!” — могли мы только проговорить. Затем императрица рассказала мне, как произошло ее бегство из Петергофа, а я, в свою очередь, сообщила ей все, что знала, и сказала, что, несмотря на свое сильное желание, я не могла выехать ей навстречу, так как мой мужской костюм не был еще готов.

Вскоре я заметила, что на ней была лента ордена св. Екатерины и что она еще не надела голубой андреевской ленты. Подбежав к графу Панину, я попросила его снять свою ленту и одела ее на плечо императрицы.

Мы должны были, наскоро пообедав, отправиться в Петергоф во главе войск. Императрица должна была одеть мундир одного из гвардейских полков; я сделала то же самое; ее величество взяла мундир у капитана Талызина, а я у поручика Пушкина, так как они были приблизительно одного с нами роста».

Вечером 28 июня Екатерина во главе нескольких полков, верхом, в гвардейском мундире и в шляпе, украшенной зеленой дубовой веткой, с распущенными длинными волосами, рядом с княгиней Дашковой, которая в гвардейском мундире была похожа на пятнадцатилетнего мальчика, двинулась в Петергоф.

Дело было сделано, и постепенно все предприятие превращалось в увеселительную прогулку.

В десяти верстах от города, в Красном Кабаке, был сделан привал.

«Я почти не спала последние две недели, и хотя не могла заснуть и в данную минуту, — пишет Е.Р. Дашкова, — но для меня было величайшим наслаждением просто протянуться на постели.

В этом скверном домике, представлявшем из себя плохонький кабак, была только одна широкая кровать. Ее величество решила, что мы отдохнем на ней вдвоем не раздеваясь. Постель не отличалась чистотой, так что, взяв большой плащ у капитана Карра, мы разостлали его на кровати и легли...

Ее величество начала читать мне целый ряд манифестов, которые подлежали опубликованию по нашем возвращении в город;

* Как потерянную манжету *(фр.)*.

мы сообщали друг другу и наши опасения, которые, однако, отныне уступили нашим надеждам...»

4.

В.О. Ключевский назвал дворцовый переворот, произведенный Екатериной II, *дамской революцией.*

Но потому и удалась эта *самая веселая и деликатная* революция, что заговорщикам противостоял человек, который действительно *расчетам политики мог предпочесть чувство чести.*

Пожалуй, никогда еще так ярко не проявлялась в Петре III готовность *предпочесть чувство чести расчетам политики*, как в эти роковые для него дни.

И вот что парадоксально... Чем порядочнее вел себя император, тем уродливее казалось окружающим его поведение.

Погрязшие в распутстве и казнокрадстве придворные оказались не способными даже воспринять поведение, выстраиваемое по законам чести.

Петр III полагал, что он ловко придумал, противопоставляя откровенному распутству жены, менявшей постельных партнеров, вполне благопристойную связь с женщиной, на которой он собирался жениться. Но нет... Все сочувствовали Екатерине и за глаза упрекали в разврате именно Петра.

Петр III отложил арест жены, чтобы не нарушать приличий, а когда наутро приехал в Петергоф, то узнал, что императрица рано утром сбежала в Петербург.

Посланы были вслед трое сановников, в том числе канцлер Воронцов, чтобы усовестить императрицу, но разведчики, приехав в Петербург, присягнули императрице и не воротились*.

А Петр III вернулся в Ораниенбаум и отправился было в Кронштадт, но там уже принял командование посланный императрицей адмирал Талызин. Он не позволил Петру высадиться.

Возвращению в Ораниенбаум предшествовало совещание императора с фельдмаршалом Минихом.

— Фельдмаршал! — обращаясь к очаковскому герою, сказал Петр. — Мне надлежало раньше последовать вашим советам... Но вы видели много опасностей, укажите, что мне делать теперь?

Старый заговорщик Миних хладнокровно отвечал, что дело еще не проиграно: надлежит, не медля ни одной минуты, направить путь к Ревелю, взять там военный корабль, пуститься в Пруссию, где стоит восьмидесятитысячная русская армия, и во главе этой армии возвратиться в свою империю.

— Уверяю Ваше Величество, — сказал победитель крымских татар и Бирона, — что менее чем за полтора месяца вы приведете государство в прежнее повиновение.

Однако тут, как утверждает шевалье К.К. Рюльер, запротестовали молодые дамы, которые вошли вместе с Минихом в каюту, чтобы принять участие в совещании, посвященном судьбе империи.

Дамы заявили, что выехали на загородные гуляния, и наряды их не предназначены для походной, армейской жизни.

— А кроме того, Ваше Величество, вы же понимаете, что путь до Ревеля далек, и у гребцов недостанет сил, чтобы везти нас в Ревель.

— Так что же! — возразил Миних. — Мы все будем им помогать.

Весь двор, как говорит шевалье Рюльер, содрогнулся от сего предложения очаковского героя.

«И потому ли, что лесть не оставляла сего несчастного государя, или потому, что он был окружен изменниками (ибо чему приписать такое несогласие их мнений?), ему представили, что он не в такой еще крайности; неприлично столь мощному государю выходить из своих владений на од-

* Е.Р. Дашкова, бывшая якобы свидетельницей сцены встречи ее дяди с императрицей, утверждает, что только он отказался присягать, однако и Воронцов уверил Екатерину, что ничего не предпримет против нее, но вместе с тем не изменит присяге, данной им Петру III. Он попросил императрицу приставить к нему офицера, чтобы тот был свидетелем всего, что происходит у него в доме, и вернулся в Воронцовский дворец, как пишет его племянница, «с спокойствием, неразлучным с величием души».

ном судне; невозможно верить, чтобы нация против него взбунтовалась, и, верно, целью сего возмущения имеют, чтобы примирить его с женою».

Петр поддался на эти уговоры, когда Елизавета Романовна Воронцова начала уговаривать его высадиться в Ораниенбауме и даровать прощение супруге.

Роль Елизаветы Романовны в производстве этой *дамской революции* тоже не прояснена. Неясно, глупость или что-то другое двигало ею.

Однако, когда стало ясно, что окруженная гвардейскими полками Екатерина не очень-то и нуждается в прощении супруга, все та же Елизавета Романовна начала уговаривать Петра послать к императрице просить ее, чтобы она позволила им ехать вместе в герцогство Голштинское. По словам Воронцовой, это значило исполнить все желания императрицы и заслужить ее прощение.

— Батюшка наш! — начали кричать тогда слуги. — Супруга твоя прикажет умертвить тебя!

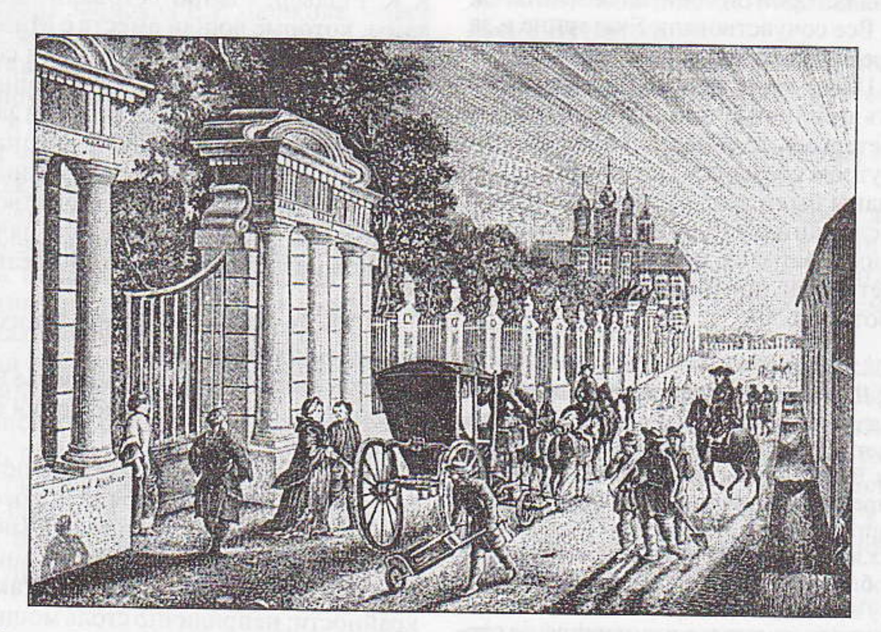
— Для чего пугаете вы своего государя?! — спросила Елизавета Романовна. — Ваше Величество, я уверена, что Ее Величеству ничто так не нужно, как примирение, столь благоприятное ее честолюбию...

«Это было последнее решение, — пишет шевалье Рюльер. — И тотчас после единогласного совета, в котором положено, что единственное средство избежать первого ожесточения солдат было то, чтобы не делать им никакого сопротивления, он отдал приказ разрушить все, что могло служить к малейшей обороне, свезти пушки, распустить солдат и положить оружие».

— Ужели вы не умеете умереть как император перед своим войском? — раздраженно сказал тогда Миних. — Если вы боитесь сабельного удара, то возьмите в руки распятие — они не осмелятся вам вредить, а я буду командовать в сражении!

Но советы опытного и сурового фельдмаршала явно не вписывались в шелковоальковную пастораль дамской революции.

Император держался своего решения и написал своей супруге, что он оставляет ей Российское государство и просит только позволения удалиться в свое герцогство Голштинское с фрейлиной Воронцовой и адъютантом Гудовичем.

Отъезд Екатерины II из Петергофа в день вошествия на престол. Гравюра XVIII в.

Петр послал к Екатерине генерал-майора Михаила Измайлова для переговоров, но Измайлов тут же перешел на сторону Екатерины и вернулся к Петру III уже как ее посланец.

Екатерина просила Петра III подписать отречение, чтобы предупредить неисчислимые бедствия, которые в противном случае нельзя будет предотвратить, поскольку вся гвардия уже присягнула ей.

Измайлов передал текст отречения, которое Петр должен был подписать:

«Во время кратковременного и самовластного моего царствования в Российской Империи я узнал на опыте, что не имею достаточных сил для такого бремени, и управление таковым государством не только самовластное, но какою бы ни было формою превышает мои понятия, и потому и приметил я колебание, за которым могло бы последовать и совершенное оного разрушение, к вечному моему бесславию. Итак, сообразив благовременно все сие, я добровольно и торжественно объявляю всей России и целому свету, что на всю жизнь свою отрекаюсь от правления помянутым государством, не желая так царствовать ни самовластно, ни же под другою какою-либо формою правления, даже не домогаться того никогда посредством какой-либо посторонней помощи. В удостоверение сего клянусь перед Богом и всею вселенною, написав и подписав сие отречение собственною своею рукою».

Приласканный Елизаветой Романовной Воронцовой, Петр III отречение подписал.

Скоро началось разоружение голштинских солдат, их заперли в амбары, а Петру приказали сесть в карету и повезли его в Петергоф.

Увы...

Петр III слишком мало дорожил властью в России, чтобы устраивать войну изза здешней короны, и напрасно его упрекали потом, что у него не хватало духа, чтобы последовать воинственным советам фельдмаршала Миниха...

Чтобы добраться до Петергофского дворца, надо было проехать сквозь гвардейские полки, приведенные сюда Екатериной.

Пьяные гвардейцы, завидев карету императора, принялись кричать «Да здравствует Екатерина!», и так неистово повторяли свои восклицания, что с Петром III сделался обморок...

Это тоже было истолковано как проявление трусости, хотя Петра III, как он говорил сам, просто потрясло открытие, что гвардейские полки в России изменяют своей присяге с такой же легкостью, как распутные жены своим мужьям...

Екатерина через Измайлова передавала Петру, что обязуется устроить ему «приятную жизнь в каком-нибудь выбранном им самим дворце, в отдалении от Петербурга, и исполнять по мере возможности все его желания...» Однако едва Петр III вышел из кареты, с него сорвали орденскую ленту, шпагу и платье. Несколько минут бывший император сидел на крыльце среди солдат босиком, в одной рубашке.

Н.И. Панин с удовольствием рассказывал потом, что, когда он вышел, чтобы увести бывшего императора во дворец, Петр бросился к нему, ловил его руки, прося его ходатайства, чтобы ему было позволено хотя бы удержать при себе четыре особенно дорогие ему вещи: скрипку, любимую собаку, арапа и Елизавету Воронцову.

Ему позволили удержать три первые вещи, а Воронцову отослали в Москву, где она была благополучно — вполне в духе этой дамской революции! — выдана замуж...

Ну а бывшего императора увезли в Ропшу.

Его сопровождали Алексей Орлов, Пассек, ставший за эти дни из поручиков капитаном, князь Федор Барятинский и поручик Преображенского полка Баскаков...

Победительница же, дав убийцам необходимые инструкции, вернулась в Петербург.

5.

«Въезд наш в Петербург невозможно описать, — пишет Е.Р. Дашкова. — Улицы были запружены ликующим народом, бла-

гословлявшим нас; кто не мог выйти — смотрел из окон. Звон колоколов, священники в облачении на паперти каждой церкви, полковая музыка производили неописуемое впечатление. Я была счастлива, что революция завершилась без пролития и капли крови».

Во время дамской революции крови действительно так и не было пролито.

Зато много было только выпито вина... 30 июня, в день въезда Екатерины в столицу, войскам открыли все питейные заведения...

«День был самый красный, жаркий, — писал, вспоминая этот день, Гаврила Державин. — Кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены: пошел пир на весь мир; солдаты и солдатки, в неистовом восторге и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, мед, шампанское и всякие другие дорогие вина, и лили все вместе, без всякого разбору, в кадки и бочонки, что у кого случилось. В полночь в другой день с пьянства Измайловский полк, обуяв от гордости и мечтательного своего превозношения, что императрица в него приехала и прежде других им препровождаема была в Зимний дворец, собравшись без сведения командующих, приступив к дворцу, требовал, чтоб императрица к нему вышла и уверила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошел до них слух, что она увезена хитростями прусским королем, которого имя всему российскому народу было ненавистно. Их уверяли дежурные придворные, Ив. Ив. Шувалов и подполковник их, граф Разумовский, также и господа Орловы, что государыня почивает и, слава Богу, в вожделенном здравии; но они не верили и непременно желали, чтоб она им показалась. Государыня принуждена была встать, одеться в гвардейский мундир и проводить их до полка».

Эта пьянка была устроена, конечно, не случайно...

С одной стороны, и победу отпраздновать не мешало, а с другой стороны, в пьяном угаре никто не задумывался над манифестами Екатерины, никто не выяснял, насколько законно то, что она делает...

Так что решение Екатерины напоить армию было вполне разумным, хотя и не дешево обошлось казне. И три года спустя в Сенате все еще производилось дело петербургских виноторговцев о вознаграждении их «за растащенные при благополучном Ее Величества на императорский престол восшествии виноградные напитки солдатством и другими людьми...»

6 июля был обнародован второй, «обстоятельный» манифест, в котором говорилось, что видя отечество гибнущее и вняв «присланным от народа избранным верноподданным» (это Алексея Орлова в ее спальню народ посылал?), императрица отдала себя или на жертву за любезное отечество, или на избавление его от угрожавших опасностей.

«Самовластие, — гласил манифест, — не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственно бывает причиною».

В этот же день в Ропше был убит император Петр III.

И еще раз подтвердилась необыкновенная мудрость Екатерины. Совсем не напрасно напоила она армию. Ведь вслед за торжественным манифестом 6 июля по церквам читали другой, от 7 июля, печальный, извещавший о смерти впавшего в прежестокую колику бывшего императора и приглашавший молиться «без злопамятствия» о спасении...

Из донесения, посланного из Ропши Алексеем Орловым, явствовало, что Петр за столом заспорил с одним из собеседников; Орлов и другие бросились их разнимать, но сделали это так неловко, что хилый узник оказался мертвым.

«Не успели мы разнять, а его уже и не стало... — писал пьяный Орлов в донесении, — сами не помним, что делали».

Шевалье Рюльер, в служебные обязанности которого как раз и входил сбор сведений о Екатерине и произведенном пере-

вороте, нарисовал более обстоятельную картину преступления.

«Один из графов Орловых (ибо с первого дня им дано было сие достоинство), тот самый солдат, известный по находящемуся на лице знаку, который утаил билет княгини Дашковой, и некто по имени Теплов, достигший из нижних чинов по особенному дару губить своих соперников, пришли вместе к несчастному государю и объявили при входе, что они намерены с ним обедать. По обыкновению русскому, перед обедом подали рюмки с водкою, и представленная императору была с ядом. Потому ли, что и спешили доставить свою новость, или ужас злодеяния понуждал их торопиться, через минуту они налили ему другую. Уже пламя распространялось по его жилам, злодейство, изображенное на их лицах, возбудило в нем подозрение — он отказался от другой; они употребили насилие, а он против них оборону. В сей ужасной борьбе, чтобы заглушить его крики, которые начинали раздаваться далеко, они бросились на него, схватили его за горло и повергли на землю; но как он защищался всеми силами, какие придает последнее отчаяние, а они избегали всячески, чтобы не нанести ему раны, опасаясь за сие наказания, то и призвали к себе на помощь двух офицеров, которым поручено было его караулить и которые в сие время стояли у дверей вне тюрьмы. Это был младший князь Барятинский и некто Потемкин, 17-ти лет от роду. Они показали такое рвение в заговоре, что, несмотря на их первую молодость, им вверили сию стражу. Они прибежали, и трое из сих убийц, обвязав и стянувши салфеткою шею сего несчастного императора (между тем как Орлов обеими коленями давил ему грудь и запер дыхание), таким образом его задушили, и он испустил дух в руках их.

Нельзя достоверно сказать, какое участие принимала императрица в сем приключении; но известно то, что в сей самый день, когда сие случилось, государыня садилась за стол с отменною веселостью.

Вдруг является тот самый Орлов — растрепанный, в поте и пыли, в изорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости. Войдя в комнату, сверкающие и быстрые глаза его искали императрицу. Не говоря ни слова, она встала, пошла в кабинет, куда и он последовал; через несколько минут она позвала к себе графа Панина, который был уже наименован ее министром. Она известила его, что государь умер, и советовалась с ним, каким образом публиковать о его смерти народу. Панин советовал пропустить одну ночь и на другое утро объявить сию новость, как будто сие случилось ночью. Приняв сей совет, императрица возвратилась с тем же лицом и продолжала обедать с тою же веселостью.

Наутро, когда узнали, что Петр III умер от геморроидальной колики, она показалась, орошенная слезами, и возвестила печаль своим указом.

Тело покойного было привезено в Петербург и выставлено напоказ. Лицо черное, и шея уязвленная.

Несмотря на сии ужасные знаки, чтобы усмирить возмущения, которые начинали обнаруживаться, и предупредить, чтобы самозванцы под его именем не потрясли бы некогда империю, его показывали три дня народу в простом наряде голштинского офицера.

Его солдаты, получив свободу, но без оружия, мешались в толпе народа и, смотря на своего государя, обнаруживали на лицах своих жалость, презрение, некоторый род стыда и позднего раскаяния.

Скоро их посадили на суда и отправили в свое отечество; но по роковому действию на них жестокой их судьбы буря потопила почти всех сих несчастных...»

Екатерина Романовна Дашкова, получив известие об убийстве Орловым ее крестного, была в таком огорчении и негодовании, что только на следующий день превозмогла себя и поехала во дворец.

Екатерину она нашла грустной и растерянной...

— Как меня взволновала, даже ошеломила эта смерть! — сказала императрица.

— Она случилась слишком рано для вашей славы и для моей, — ответила ей восемнадцатилетняя Дашкова.

«Вечером в апартаментах императрицы, — делает примечание Дашкова, — я имела неосторожность выразить надежду, что Алексей Орлов более чем когда-либо почувствует, что мы с ним не можем иметь ничего общего, и отныне не посмеет никогда мне даже кланяться. Все братья Орловы стали с тех пор моими непримиримыми врагами, но Алексей по возвращении из Ропши, несмотря на свое нахальство, в продолжение двадцати лет ни разу не осмелился со мной заговорить».

И только когда скончавшегося якобы от геморроидального припадка и прежестокой боли в кишках Петра III хоронили в Александро-Невской лавре, заметили, что его лицо черно...

Тогда и распространился слух, будто хоронят не императора, а дворцового арапа.

Е.Р. Дашкова. Портрет работы Д.Г. Левицкого. 1780-е гг.

Но Екатерине это уже не могло повредить.

Мало ли чего могло показаться народу с похмелья.

Орлов не знал, что, убивая императора Петра III, убивает последнего Романова из Петровской (Нарышкинской) ветви династии...

Ровно через два года, 5 июля, караульный офицер Чекин (тоже в соответствии с инструкцией Екатерины II) убьет в Шлиссельбургской крепости императора Ивана Антоновича, последнего Романова из Ивановской (Милославской) ветви династии...

Это случится, когда офицер Смоленского полка Василий Яковлевич Мирович, несший караульную службу в Шлиссельбурге, попытается освободить заточенного в крепость императора Ивана Антоновича.

Ночью он скомандовал своим солдатам «в ружье» и двинулся к казарме, где содержался Иван Антонович.

Согласно имевшейся у них инструкции поручик Чекин и капитан Власов, караульные офицеры Шлиссельбургской крепости, убили 24-летнего Ивана Антоновича. Солдаты хотели заколоть их штыками, но Мирович не допустил этого.

— Теперь помощи нам нет никакой! — сказал он. — Теперь они правы, а мы виноваты.

Ах, *как* плакала, как страдала блаженная Ксения Петербургская в те дни.

— Что ты плачешь, Андрей Федорович? — жалея Ксению, спрашивали тогда прохожие. — Не обидел ли тебя кто?

— Кровь, кровь, кровь... — отвечала Ксения. — Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь...

И еще три недели плакала Ксения, прежде чем стало известно в Петербурге, что в Шлиссельбурге убили Ивана VI Антоновича.

Считается, что его похоронили в Тихвинском Богородицком монастыре, но где именно, никто не знает. По приказу Екатерины погребение было совершено в строжайшей тайне...

Считается, что блаженная Ксения Григорьевна именно гибель Ивана VI Ан-

тоновича и оплакивала, но, кто знает, может быть, последнего императора из династии Романовых оплакивала она...

Этого — увы! — не знаем и мы...

6.

Мы уже говорили о зеркальном отражении правления Петра I и Екатерины I в царствованиях Петра III и Екатерины II.

Петр — Великий и Екатерина — Великая.

В Романовых, выходцах из Пруссии, тяготение к Европе, к Балтике было всегда, как всегда повернута к Северному полюсу стрелка компаса.

При Петре Великом династия Романовых начинает практическую реализацию мечты Романовых о Европе, а Екатерина Великая, в этом смысле, сама и есть реальное осуществление этой мечты... Она вся, на сто процентов, прусачка, и она взошла на русский престол под торжествующий грохот барабанов русской гвардии.

При общем одобрении знати, гвардии и духовенства Россия вступала в блистательную и такую трагичную Екатерининскую эпоху...

Гонения на православие, организованные первыми Романовыми, дали результат, вызвав в восемнадцатом веке необыкновенное падение нравственности. Символично, что этот процесс совпал с окончательным закабалением Екатериной II русского народа...

Еще в 1762 году был издан Указ, обязывающий крестьян предъявлять увольнительное разрешение от помещиков при записи в купцы, а через пять лет, 22 августа 1767 года, Екатерина издает Указ, окончательно отделяющий русское крестьянство от государства, которое называется Российской империей. Согласно этому указу русские крестьяне, осмеливающиеся подавать жалобы на своих владельцев, подлежали вечной ссылке на каторжные работы в Нерчинске.

Русский народ ответил на эти немыслимые притеснения крестьянской войной, и разве могли какие-то жестокости Пугачева сравниться с преступлением, совершенным по отношению к нему немкой Екатериной.

Точно так же и в семнадцатом году...

Никакая жестокость по отношению к дворянству и царскому дому не могла быть слишком большой, чтобы перекрыть бессмысленную жестокость екатерининского Указа от 22 августа 1767 года.

Беззаконно возведенная на престол гвардейскими полками, Екатерина II на дворянство и опиралась, и даруя ему все новые и новые привилегии, только еще сильнее увеличивала разрыв между высшими слоями общества и народными массами.

Тогда окончательно сформировались понятия — «высший свет» и «подлый народ...»

Отличались эти слои не культурой, даже не языком, а нравственностью.

И совсем не случайно, что именно Екатерина II и провела секуляризацию церковных земель, что именно при ее правлении сословие священников оказалось оттеснено на самое социальное дно, и обремененный семьей, полуголодный сельский батюшка стал такой же типичной картиной русской жизни, как и утопающий в роскоши екатеринский вельможа...

В екатерининскую эпоху разрыв между порабощенным русским народом и денационализированной аристократией вышел за границы материальных отношений и захватил и духовную сферу.

Православие оставалось с народом, а аристократия увлеклась масонством.

Екатерининская эпоха — это эпоха сознательного, поначалу поощряемого Екатериной насаждения масонства в России.

«В то время как рационалисты Екатерининского времени, — пишет Виктор Острецов в своей книге «Масонство, культура и русская история», — вместе с самой императрицей, под предлогом борьбы с суевериями, накладывают запрет на литературную деятельность православных людей, масонская литературная деятельность, начав свой забег со времен Елизаветинских, в последующие десятилетия процветает...»

Разврат Екатерины Великой и ее окружения нашел адекватное выражение в тогдашней (Иван Барков) поэзии, но он же и вызвал кризис русской литературы того времени. Никогда раньше наша литература не служила для развлечения, она должна была выражать и формировать национальную мысль, а теперь ей была вменена в обязанность развлекательность...

И русская литература начала развлекаться так, как развлекались вельможи екатерининской эпохи, словно бы выполняя тяжелую и неподъемную работу.

В этом смысле кризис русской литературы с ее восхитительным косноязычием и завораживающей неуклюжестью лишь отразил духовный кризис послепетровской эпохи*...

Именно в правление Екатерины разрыв народа с сохраненным им православием и высшего общества, ориентированного на масонские ценности, приобрел очертания пропасти, преодолеть в дальнейшем которую не смогли никакие реформы.

Крестьянская война Пугачева — первое следствие этого разрыва.

Правление Петра I зеркально отразилось в правлении Екатерины II. Эта зер-

---

* «У масонства, — пишет В. Острецов, — своя метафизика и своя аскеза. Эта метафизика — каббалистическая натурфилософия с магией и языческими обрядами, напоминающими кровавые таинства подземных богов, — послужила основанием как сентиментализма, через раскрытие масонской формулы — "познай себя", так и романтизма... Романтизм — это всегда разорванность и несводимость, это сплошные апории, и среди них главная — герой и толпа, просвещенные и профаны (цадики и невежи хасидизма из этого же ряда). И еще: с одной стороны, искусственная и, следовательно, неполноценная культура, которой противостоит стихийная, "органическая", бессознательная, народная. Эта натурфилософская концепция, идущая еще от стоиков и киников, легла в основу романтических построений славянофилов.

Именно в масонстве формируется русский интеллигент.

Здесь он впервые изучает всерьез западную философию, осваивает сам философский метод проблематики смысла жизни. Но здесь же он и заходит в капитальный тупик романтизма. Религия заменяется в его сердце на религиозность, которая сама есть не более как чувствительное настроение, мечтательность и томление неопределенностью.

В масонстве формируется и высокий престиж интеллекта, и деление человечества на профанов, темную толпу, способную удовлетворяться внешними обрядами Церкви, и на просвещенных, "братьев сияния", которые ведут человечество к свободе и счастью...

В масонстве много говорится о духовном, о борьбе с грехом, с себялюбием, с дьяволом. Этот психологизм, внимание к своим переживаниям, сердечному трепету, лег в основу беллетристики. Но еще в прошлом веке исследователь масонства заметил точно, что все оно есть утонченный материализм. Это духовная прелесть, обольщение своим "Я", которое нечувствительно заменяет Бога, как в мистических переживаниях, так и в искусственном мире художественной литературы.

Символический искус, проповедуемый масонством, становится тем пленом, в котором лукавый дух захватывает человека, и он начинает творить ряды символов и аналогий, заменяя ими реальность подлинного мира. Чувственность, сентиментальный морализм масонства лишь усиливают ощущение подлинности иллюзорного мира. В известной мере это — автаркия стоиков, но очень комфортная и расслабляющая.

Романтизм вышел из недр масонских доктрин вместе с мистицизмом, который придал ему увлекательность и мечтательность. В недрах сентиментального романтизма рождается "лишний человек" нашей литературы. Напрасно пытаются найти социальные предпосылки этого человека в самой ткани русской жизни. В той жизни люди служили, а "лишние" отсиживались. Но и то правда, что, разорвав с живыми истинами Церкви, человек чувствовал себя лишним везде и всегда. Безверие двигало человека по пути отрицания ценности того, во что он верил, что психологически понятно, и неизбежно он попадал в ложу, где строили храм Соломона на месте разрушенного храма Христа. Мир нарочитости, выдуманности, призрачности и сухого рационализма прикрывался себялюбивым мистицизмом и чувством власти, достигаемым в магии».

кальность отражения усиливается и соответствием (с зеркальной поправкой наоборот) длительности правлений Петра и Екатерины Первых и Петра III и Екатерины II.

Если правление Петра III, как и правление Екатерины I, самое короткое в истории династии Романовых, то правление Екатерины Великой, которая, кажется, менее всех других правителей и правительниц имела прав на русский престол, одно из самых долгих.

И это при том, что, пожалуй, никто из наших монархов не сталкивался со столь многочисленными попытками законных наследников и самозванцев оспорить ее право на царство.

Это парадокс, но в нем и скрыты все сильные и слабые стороны екатерининского правления.

Вынужденная зорко присматривать за своими возможными конкурентами, Екатерина II вела очень гибкую и осмотрительную, но всегда последовательную и твердую политику, никогда не позволяя личным симпатиям восторжествовать над интересами собственной безопасности и упрочения собственной власти.

Без видимого сожаления расставалась она с дорогими сердцу людьми и идеями, как только они входили в противоречие с ее самодержавным мировоззрением.

7.

Правление Екатерины завершает в русской истории эпоху, которую можно было бы назвать эпохой царствования детей и развратных женщин...

К концу жизни она совсем растолстела и превратилась — она была невысокого роста! — в кругленькую немецкую старушку.

Она всех перехитрила и всех одолела.

Перехитрила не любившую ее свекровь, императрицу Елизавету Петровну, когда та заподозрила ее в государственной измене...

Перехитрила своего брата Петра, который, хотя и был обвенчан с нею, но не желал исполнять супружеские обязанности. Любовник Екатерины — Алексей Орлов убил этого незадачливого отказчика.

Правда, мертвый муж явился снова, и, приняв обличие Емельяна Пугачева, потряс всю империю невиданной крестьянской войной, но Екатерина победила мужа и в этом обличии.

Восстание было утоплено в крови...

«Иных растыкали по кольям, других повесили ребром за крюки, некоторых четвертовали. Остальных, — отмечал П.И. Рычков, — простили, отрезав им носы и уши».

Самого же Пугачева судили отдельно.

«Пугачева, — пишет А.С. Пушкин, — привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом. — Кто ты таков? — спросил он у самозванца. — *Емельян Иванов, Пугачев,* — отвечал тот. — Как же смел ты, вор, назваться государем? — продолжал Панин. — *Я не ворон* (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), *я вороненок, а ворон-то еще летает...*»

Когда Пугачев сидел на Меновом дворе, продолжает А.С. Пушкин, симбирский дворянин, бежавший от него, приехал на него посмотреть и, видя его крепко привинченного на цепи, стал осыпать его укоризнами. Дворянин был очень дурен лицом, к тому же и без носу. Пугачев, на него посмотрев, сказал: «Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал...»

Екатерина приказала четвертовать *«маркиза»* Пугачева...

Екатерина не уступила престол и Павлу, который давно подрос и считал себя сыном убитого Екатериной императора Петра III...

Любопытно, что в 1773 году почти совпали два события, странная близость которых насторожила императрицу Екатерину II.

Тогда, 17 сентября, был обнародован первый манифест Емельяна Пугачева под именем «императора Петра III», а через двенадцать дней, 29 сентября, состоялось бракосочетание великого князя Павла и 19-летней принцессы Гессен-Дармштадтс-

кой Вильгельмины (в православном крещении Натальи Алексеевны).

И наверняка, обнаружив, что невестка настраивает Павла вступить в борьбу за власть, Екатерина вспомнила слова «маркиза Пугачева» о *вороне, который еще летает*...

Когда 10 апреля 1776 года великая княгиня почувствовала приближение родов, императрица села у ее постели и не отходила пять дней, пока роженица и ее новорожденная дочь не отдали Богу душу.

«Великий князь, — писала Екатерина московскому главнокомандующему, князю М.Н. Волконскому, — в Фоминое воскресенье по утру, в четвертом часу, пришел ко мне и объявил мне, что великая княгиня мучится с полуночи; но как муки были не сильныя, то мешкали меня будить. Я встала и пошла к ней и нашла ее в порядочном состоянии и пробыла у ней до десяти часов утра, и, видя, что она еще имеет не прямыя муки, пошла одеваться и паки к ней возвратилась в 12 часов... Я и великий князь все пятеры сутки и день и ночь безвыходно у нея были. По кончине, при открытии тела, оказалось, что великая княгиня с детства была повреждена, что спинная кость не токмо была такова S, но часть та, коя должна быть выгнута, была вогнута и лежала дитяте на затылке, что кости имели четыре дюйма в окружности и не могли раздвинуться, а дитя в плечах имел до девяти дюймов. К сему еще соединялись другие обстоятельствы, коих, чаю, примера нету. Одним словом, стечение таковое не позволяло ни матери, ни дитяте оставаться в живых. Скорбь моя была велика, но, предавшись в волю Божию, теперь надо помышлять о награде потери».

Вот эти-то подробности тазобедренного и позвоночного устройства великой княгини Наталии Алексеевны, которые зачем-то — зачем? — сообщает Екатерина московскому главнокомандующему, и наводят нас, помимо прямой заинтересованности императрицы в устранении невестки, на мысль, что императрица чем-то помогла Наталье Алексеевне умереть.

«Вы не можете себе представить, что она должна была выстрадать, и мы с нею, — писала императрица Гримму. — Душа моя растерзана; я не имела ни минуты покоя во все эти пять дней и ни днем, ни ночью не покидала принцессу, пока она не закрыла глаз. Она говорила мне: “Какая вы прекрасная сиделка!”. Представьте себе мое положение: утешать одного, укреплять другую и, изнемогая телом и душою, быть вынужденною ободрять, решать и соображать все, что не должно быть забыто. Признаюсь вам, в жизнь мою я не была в положении более трудном, более ужасном, более тягостном: я забывала пить, есть, спать: силы мои поддерживались сама не знаю как. Я начинаю думать, что если после этого события моя нервная система не расстроится, то она несокрушима... Мы едва живы. Были мгновения, когда мне казалось, что внутренности мои раздираются при виде стольких страданий, и что при каждом крике я сама чувствую боли. В пятницу я точно окаменела и даже до сих пор еще не сознаю себя. Часы слабости сменяются у меня часами силы: это происходит от перемежающейся лихорадки, которая, однако, более в духовном настроении, чем в физическом. Кто сам не испытал и не видал этого, не может составить себе понятия об этом. Вообразите, что я, будучи плаксива от природы, была свидетельницею кончины, не проронив ни слезинки. Я говорила себе: если ты заплачешь, другие будут рыдать, если ты разрыдаешься, другие дойдут до обморока, и все потеряют голову и рассудок, и все это будет непростительно».

«Два года тому назад покойная рассказывала нам, что, будучи ребенком, она подвергалась опасности сделаться кривою (ayant de la disposition devenir contrefaite), — пишет Екатерина госпоже Бьельке, — поэтому ландграфиня призвала какого-то шарлатана, который выпрямлял ее при помощи кулаков и колен. (La landgrafe avait fait venir un charlatan, qui l’avait redressè à coups de poing et de genoux). Этим-то и объясняется, что спинной хребет ея оказался изогнутым в виде буквы S, а нижняя часть позвоночника, которая должна быть

выгнутою, у нея была вогнутою. Вот еще доказательство тому, что не из гордости, но вследствие невозможности она не могла нагибаться вперед...»

Урок, преподанный Екатериной, оказался усвоенным следующей ее невесткой. Вторая жена Павла Мария Федоровна интригами не занималась, и Екатерина не нашла в ней никаких недостатков, препятствующих рождению детей...

Мария Федоровна родила императрице прекрасных внуков.

Александра...

Константина...

А 25 июня 1796 года и Николая...

«Сегодня в три часа утра, — писала Екатерина Гримму о своей новой семейной радости, — мамаша родила громаднаго мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, и кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков, а руки немного поменьше моих. В жизнь свою в первый раз вижу такого рыцаря... Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом».

Особенно радовало Екатерину, что всего через две недели после рождения внук начал есть кашу.

«Рыцарь Николай уже три дня кушает кашку, потому что беспрестанно просит есть. Я полагаю, что никогда еще осьмидневный ребенок не пользовался таким угощением; это неслыханное дело. У нянек просто руки опускаются от удивления; если так будет продолжаться, придется по прошествии шести недель отнять его от груди. Он смотрит на всех во все глаза (il toise tout le monde), голову держит прямо и поворачивает не хуже моего».

Внук-рыцарь сильно обрадовал старушку Екатерину... Дождавшись, когда великий князь после крещения сына уехал в Павловск, императрица передала великой княгине бумагу, в которой предлагала потребовать от мужа отречения от своих прав на престол.

Императрица велела Марии Федоровне скрепить своею подписью эту бумагу, как удостоверение согласия с ее стороны на ожидаемый акт отречения в пользу великого князя Александра Павловича.

Однако, к огорчению императрицы, великая княгиня нисколько не обрадовалась этому предложению и отказалась подписать требуемую бумагу.

Разгневавшись на непокорную невестку, императрица решила возвести на престол внука Александра, не спрашивая более ничьего согласия.

Этими заботами да еще любовником Платоном Александровичем Зубовым и развлекалась ожиревшая немецкая старушка свое последнее лето и последнюю осень...

6 ноября, вечером, был так называемый «Малый Эрмитаж». Императрица весело забавлялась шутками Льва Нарышкина, явившегося в костюме уличного торгаша и продававшего присутствовавшим разные безделушки.

На другое утро, встав по своему обыкновению рано, Екатерина оделась, попила кофе, поговорила с Зубовым, а затем пошла, как деликатно пишет А. Брикнер, «в гардероб, где обыкновенно никогда не оставалась более 10 минут».

Но на этот раз все было иначе.

Поскольку прошло уже более получаса, а императрица не выходила, камердинер обеспокоился и решился войти. Отворив дверь, он увидел упавшую с горшка императрицу. Ее разбил паралич; в бессознательном состоянии императрица лежала на полу.

Она так и не успела подписать подготовленного Указа о лишении Павла престола.

«36-ти часов, без всякой перемены, имея от рождения 67 лет 6 месяцев и 15 дней, наконец, 6-го (17-го) ноября в четверток, по полудни, в три четверти десятого часа, к сетованию всея России, в сей временной жизни скончалась».

Современники считали то обстоятельство, что императрица так и не пришла в сознание, и спасло Павла...

Какая злая ирония истории...

Во времена царствования Елизаветы была придумана легенда о Петре Великом,

который, спасая на судне тонущих во время наводнения матросов, простудился и помер...

Во времена Елизаветы привезена в Россию дочь мелкого Ангальт-Цербстского невладетельного князя, которой предстоит стать Екатериной Великой и которая — тут уже нет никакой легенды! — тоже уходит из жизни, сидя на судне...

Правда, на ночном...

* * *

В шутку Екатерина сочинила для себя надгробную надпись...

«Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля (2 мая) 1729 года. Она прибыла в Россию в 1744 г., чтобы выйти замуж за Петра III. Четырнадцати лет от роду она возымела тройное намерение — понравиться своему мужу, Елизавете и народу. Она ничего не забывала, чтобы успеть в этом. В течение 18 лет скуки и уединения она поневоле прочла много книг. Вступив на Российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастие, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. Пощадливая, обходительная, от природы веселонравная, с душою республиканскою и с добрым сердцем, она имела друзей. Работа ей легко давалась, она любила искусства и быть на людях».

Нам представляется более точной и справедливой эпитафия Екатерине, которую составил А.С. Пушкин...

«Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России, — писал он. — Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве... Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно. *Таким образом развратная государыня развратила и свое государство*».

Эти слова о *развратной государыне, развратившей и свое государство*, и есть, наверное, самая точная оценка противоречивой эпохи Екатерины II.

Часть четвертая

НОВЫЕ РОМАНОВЫ

Признаюсь, я нахожу весьма приятным, что мироздание имеет некоторую прочность, некоторую устойчивость, что если люди имеют возможность делать глупости в настоящем, могут в своих мечтах и планах вертеть посвоему будущим, то они, по крайней мере, не могут изменить прошедшего. Среди тревог настоящего, среди опасений за будущее, что было бы с нами, если бы и наше прошедшее было делом сомнительным и ненадежным?

Н.Н. Страхов

Глава первая

ПРОРОЧЕСТВА

Во времена Александра I в высшем свете необычайное распространение приобрело верчение столов и вызывание духов. Многим русским аристократам-рабовладельцам хотелось тогда заглянуть через замочную скважину в будущее...

Но зачем ходить на спиритические сеансы, если будущее открыто молитвенному сознанию...

1.

«Буди ты новый Адам и древний отец Дадамей, и напиши яже видел еси; и скажи яже слышал еси. Но не всем скажи и не всем напиши, а токмо избранным моим и токмо святым моим; тем напиши, которые могут вместить наши словеса и наша наказания. Тем и скажи, и напиши. И прочая таковая многая к нему глаголаша...»

Такие голоса услышал 1 ноября 1787 года тридцатилетний тульский крестьянин Василий Васильев, и продолжалось это видение более тридцати часов...

До этого жизнь Василия Васильева была достаточно обыкновенна. Хотя, как утверждает автор его биографии, «больше у него было внимания о Божестве и о Божественной судьбе», но родители, крестьяне деревни Окулово, Алексинского уезда Тульской губернии, не долго думая, быстро отыскали сыну лекарство от «задумчивости».

В семнадцать лет они женили его, и очень скоро Василий стал отцом троих сыновей. Теперь в своем Окулове Василий жил мало, освоив плотницкое ремесло, «шатался по разным городам...»

Неведомо, когда Василий принял монашеский постриг и превратился в инока Авеля.

Амвросий, митрополит Петербургский, уведомил 19 марта 1800 года генерал-прокурора Обольянинова о крестьянине Васильеве, постриженном в декабре 1796 года в Александро-Невской лавре с наречением ему имени Авеля и сосланном в 1798 году в Валаамский монастырь, где он засел за сочинение прорицательных тетрадей.

Из этого послания следует, что пострижение Авеля состоялось много лет спустя после того, как он стал называть себя Авелем.

Кроме того, существует предание, что еще осенью 1785 года Василий Васильев появился в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре и попросил настоятеля дозволить ему пожить здесь.

Игумен Назарий принял двадцативосьмилетнего странника, однако через год Авель отпросился у игумена в «пустынь», в «место уединенное», поселился отшельником неподалеку, в скиту, чтобы принять «попустительство искусов великих и превеликих».

Но и в этой версии не все сходится...

Едва ли пострижение в монахи в Валаамском монастыре могло произойти так быстро, а главное, игумен Назарий был чрезвычайно опытным старцем, чтобы отпускать новоначального брата на пустынное жительство.

Хотя, может быть, потому и отпустил Назарий Авеля в пустынь, что был прозорлив и духовными очами прозирал, что назначено совершить Авелю.

Как бы то ни было, но после тридцатичасового видения Авеля 1 ноября 1787 года велено ему было выйти из пустыни в монастырь.

«И пришел он в монастырь того же года, месяца февраля в первое число и вшел в церковь Успения Пресвятыя Богородицы. И стал посреди церкви, весь исполнен умиления и радости, взирая на красоту церковную и на образ Божией Матери... внидя во внутренняя его; и соединился с ним, якобы един... человек. И начал в нем и им делать и действовать, якобы природным своим естеством; и дотоле действоваша в нем, дондеже всему его изучи и всему его научи... и вселися в сосуд, который на то уготован еще издревле. И от того время отец Авель стал вся познать и вся разумевать: наставляя его и вразумляя всей мудрости и всей премудрости».

И «с того убо время начал писать и сказывать, что кому вместно».

Но уже не на Валааме писал и сказывал Авель, а в Костроме, в Николо-Бабаевском монастыре на Волге...

2.

Зимой 1796 года инок Николо-Бабаевского монастыря Авель показал монаху Аркадию книгу, в которой было написано о царской фамилии.

Аркадий донес о книге настоятелю, и тот, прочитав, что 6 ноября нынешнего года матушка-государыня императрица Екатерина Алексеевна непременно помрет, немедленно отправил книгу и ее сочинителя по инстанциям.

Неизвестно, писал ли Авель, что императрицу хватит удар, когда она будет сидеть на ночном горшке, но все равно предсказание чрезвычайно разгневало петербургских чиновников.

— Како ты, злая глава, смел писать такие титлы на земного бога?! — кричал на тульско-костромского пророка обер-прокурор Сената генерал А.Н. Самойлов. — Кто научил тебя писать о подобных секретах?!

— Меня научил писать сию книгу Тот, Кто сотворил небо и землю, и вся иже в них, — отвечал Авель. — Тот же повелел мне и все секреты оставлять...

Обер-прокурор направил Авеля в Тайную экспедицию.

Там пророка допрашивал «коллежский советник и кавалер» Александр Макаров.

Запись допроса сохранилась.

Любопытно, что начинается он вопросом самого Авеля.

— Есть ли Бог и есть ли диавол? — спросил он у своего следователя. — И признаешь ли ты их?

— Тебе хочется знать, есть ли Бог и есть ли диавол и признаются ли они от нас? — переспросил Макаров. — На сие тебе ответствуется, что в Бога мы веруем и по Священному Писанию не отвергаем бытия и диавола; таковые твои вопросы, которых бы тебе делать отнюдь сметь не должно, удовлетворяются из одного снисхождения, в чаянии, что ты, конечно, сею благосклонностью будешь убежден и дашь ясное и точное на требуемое от тебя сведение и не напишешь такой пустоши, каковую ты прислал. Если же и за сим будешь ты притворствовать и не отвечать на то, что тебя спрашивают, то должен ты уже на себя самого пенять, когда жребий твой нынешний переменится в несноснейший и ты доведешь себя до изнурения и самого истязания...

Доводить себя «до изнурения и самого истязания» Авель не стал и подробно рас-

сказал, что крещен в веру греческого исповедания, которую содержа, повинуется всем церковным преданиям и общественным положениям; женат, детей имеет троих сыновей; женат против воли и для того в своем селении жил мало, а всегда шатался по разным городам.

— Когда ты говоришь, что женат против воли и хаживал по разным местам, то где именно и в чем ты упражнялся? — спросил Макаров. — И какое имея пропитание, а домашним — пособие?

— Когда мне было еще десять лет от роду, то и начал мыслить об отсутствии из дому отца своего с тем, чтобы идти куда-либо в пустыню на службу Богу; а притом, слышав во Евангелии Христа Спасителя слово: «Аще кто оставит отца своего и матерь, жену и чада и вся имени Моего рода, то сторицею вся приимет и вселится в царствии небесном», внемля сему, вячше начал о том думать и искал случая о исполнении своего намерения. Будучи же семнадцати лет, тогда отец принудил жениться, а по прошествии несколько тому времени начал обучаться российской грамоте, а потом учился и плотничной работе.

— Откуда был глас и в чем он состоял?

— Когда был в пустыне Валаамской, был из воздуха глас, яко боговидцу Моисею пророку и якобы изречено тако: иди и скажи северной царице Екатерине Алексеевне, иди и рцы ей всю истину, еже аз тебе заповедую...

— Для чего внес в книгу свою такие слова, которые касаются Ея Величества и именно, якобы на нее сын восстанет и прочее, и как ты разумел их? — задал Макаров главный вопрос.

— На сие ответствую, — ответил Авель, — что восстание есть двоякое: иное делом, а иное словом и мыслию, и утверждаю под смертной казнью, что я восстание в книге своей разумел словом и мыслию; признаюся чистосердечно, что сам сии слова написал потому, что он, то есть сын, есть человек подобострастен, как и мы...

Когда императрице доложили об итогах допроса, Екатерина II спокойно выслушала пророчества Авеля, но когда услышала, что умрет 6 ноября нынешнего года, впала в истерику.

Скоро появился указ:

«Поелику в Тайной экспедиции по следствию оказалось, что крестьянин Василий Васильев неистовую книгу сочинял из самолюбия и мнимой похвалы от простых людей, что в непросвещенных могло бы произвести колеблемость и самое неустройство, а паче что осмелился он вместить тут дерзновеннейшие и самые оскорбительные слова, касающиеся до пресветлейшей особы Ее Императорского Величества и высочайшего Ея Величества дома, в чем и учинил собственноручное признание, а за сие дерзновение и буйственность, яко богохульник и оскорбитель высочайшей власти по государственным законам заслуживает смертную казнь; но Ее Императорское Величество, облегчая строгость законных предписаний, указать соизволила оного Василия Васильева, вместо заслуженного ему наказания, посадить в Шлиссельбургскую крепость, вследствие чего и отправить при ордере к тамошнему коменданту полковнику Колюбякину, за присмотром, с приказанием содержать его под крепчайшим караулом так, чтобы он ни с кем не сообщался, ни разговоров никаких не имел; на пищу же производить ему по десяти копеек в каждый день, а вышесказанные, писанные им бумаги запечатать печатью генерал-прокурору, хранить в Тайной экспедиции».

3.

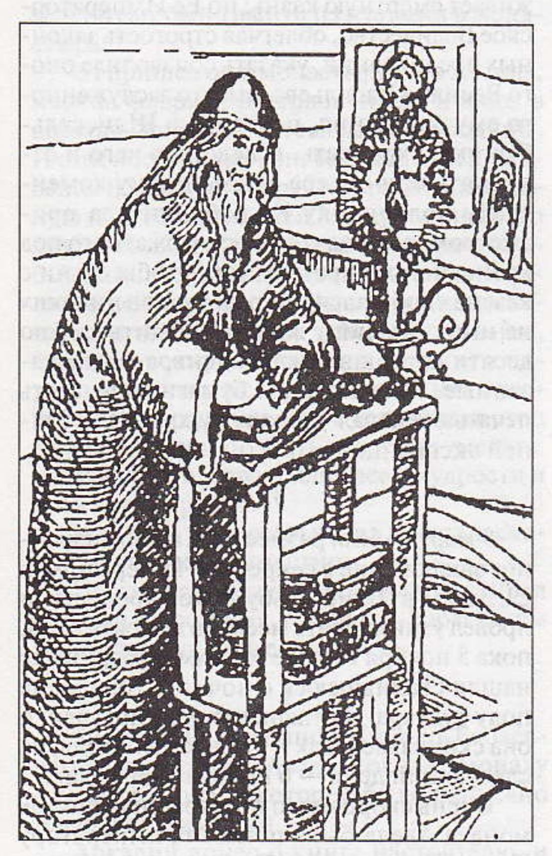
9 марта Авеля разместили на пожизненное заключение в секретной камере номер 22. Здесь, в Шлиссельбургской крепости, и провел узник десять месяцев и десять дней, пока 5 ноября того же года императрицу не нашли свалившеюся с ночного горшка на полу будуара. Государыню поразил удар, и она скончалась, как и предсказал Авель, на следующий день — 6 ноября 1796 года...

Очень скоро «зело престрашная книга» монаха Авеля была показана императору Павлу. Прочитав ее, Павел повелел отыскать «столь зрячего провидца».

Вначале Павел благоволил пророку. Известно, что в новый, 1797 год Василий (Авель) передал императору Павлу через князя Куракина письмо следующего содержания:

«Ваше Императорское Величество, всемилостивейший Государь! С сим, с новонаступившим годом усердно поздравляю: да даст Господь Бог вам оный, а по оном и многие богоугодно и душеспасительно препроводить.

Сердечно чувствую высокомонаршия ваши ко мне недостойному сказуемые, неописанные милости, коих по гроб мой забыть не могу. Осмеливаюсь священную особу вашу просить о следующем и о последнем: 1) Благоволите указом не в продолжительном времени посвятить меня в иеромонашеский чин, дабы я мог стояти во

Монах Авель. Гравюра начала XIX в.

церкви у престола Божия и приносити Всевышнему Существу жертву чистую и непорочную за вашу особу и за всю вашу царскую фамилию, да даст вам Бог дни благоприятны и времена спасительны и всегда победу и одоление на враги и супостаты; 2) Егда меня заключили на вечное житие в Шлиссельбургскую крепость, и дал я обещание Богу такое: егда отсюда освободят, и схожу в Иерусалим поклониться Гробу Господню и облобызать стопы, место ног Его; 3) Чтоб я был допущен лично к Вашему Императорскому Величеству воздать вам достодолжную благодарность и облобызать вашу дражайшую десницу и буду почитать себя счастливым; 4) Благоволите вы мне объяснить на бумаге, за что меня набольше посадил Самойлов в крепость, в чем остаюсь в ожидании благонадежным».

Тем не менее и при Павле Авель недолго гулял на свободе.

26 мая 1800 года он, как следует из донесения генерала Макарова, был «привезен исправно и посажен в каземат в равелине. Он, кажется, только колобродит, и враки его ничего более не значат; а между тем думает мнимыми пророчествами и сновидениями выманить что-нибудь; нрава неспокойного».

Через два дня Авель написал митрополиту Амвросию: «Я, нижайший монах Авель, обошел все страны и пустыни, был и в царских палатах, и в великолепных чертогах и видел в них дивная и предивная, а наипаче видел и обрел в пустынных местах великия и тайныя и всему роду полезная; того ради, ваше высокопреосвященство, желаю я с вами видеться и духовно с вами поговорить и оныя пустынныя тайны вам показать. Прошу ваших святых молитв».

Уже на следующий день, 29 мая, митрополит Петербургский принимает Авеля, беседует с ним и в тот же день сообщает письменно Обольянинову: «Монах Авель по записке своей, в монастыре им написанной, открыл мне. Оное его открытие, им самим написанное, на рассмотрение ваше при сем прилагаю. Из разговора же я ничего достойного внимания не нашел, кроме открывающегося в нем помешательства в

уме, ханжества и рассказов о своих тайновидениях, от которых пустынники даже в страх приходят. Впрочем, Бог весть».

4.

Как и предсказывал Авель, император Павел закончил свой земной путь 11 марта 1801 года, а на престол взошел его убийца — император Александр I.

Он приказал послать Авеля в Соловецкий монастырь.

Здесь была составлена третья «зело престрашная книга», в которой рассказывалось о взятии Москвы французами и сожжении Москвы.

Как только исполнилось и это предсказание, 1 июля 1813 года Авель был выпущен из Соловецкого монастыря и поселился в Троице-Сергиевой лавре. Жил он тихо, разговаривать не любил. К нему повадились было ездить московские барыни, донимавшие Авеля вопросами о дочерях да женихах, но Авель отвечал, что он не провидец.

События последних лет жизни монаха Авеля описаны на страницах журнала «Русская старина».

«Так, в 1817 году, после странствий, Авель по распоряжению императора Александра I был определен в Высоцкий монастырь под Серпуховом. Здесь он провел несколько лет под строгим присмотром монастырских властей, все высказывания его неукоснительно записывались. Авель, всегда смиренный, терпел долго и вдруг, однако, через несколько месяцев после кончины Александра I и воцарения Николая I потихоньку собрал свои вещи и скрылся из монастыря в неизвестном направлении, по некоторым данным — на свою родину в деревню Окулово Тульской губернии».

Что напугало Авеля, отчего он решил оставить стезю пророка, не ведомо...

Если бы арестантам, подобно генералам, выдавали эполеты с вензелями императоров, при которых довелось им сидеть, у Авеля не хватило бы и места на таких эполетах.

Он сидел при Екатерине II, при Павле I, при Александре I.

Вот и при Николае I ему не удалось никуда сбежать, его изловили и заточили по приказу нового императора в Спасо-Евфимьевском монастыре в Суздале.

При Николае I и скончался он в тесной арестантской камере 29 ноября 1841 года, унося в могилу самую свою «зело престрашную книгу» судеб русских императоров...

5.

Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский, живший примерно в одни годы с монахом Авелем, «зело престрашных книг» предсказаний не составлял, но будущее было открыто ему едва ли не яснее, чем Авелю.

Когда граф Николай Александрович Протасов, назначенный Николаем I в 1835 году обер-прокурором Святейшего синода, преобразовал его в министерство с подчиненными лично ему департаментами и тем самым освободил архиереев от бремени, как он издевательски выражался, руководства Русской православной церковью, митрополит Филарет написал Николаю I письмо...

«Государь! Св. Церковь не есть человеческое учреждение, это есть Царствие Божие на земле, Царство вечной Истины и Добродетели, основанное Сыном Божиим. Епископы совершают не свое дело. Они суть орудия, посредством которых Спаситель мира, Вечный Архиерей, продолжает Сам созидать в человечестве жилище Божества. Препятствовать им в делах церкви, которые сосредоточиваются в одной цели в приведении всех и всего к Отцу Небесному — значит препятствовать Самому Богу насаждать и развивать в людях Божественную жизнь. Сын Божий, изливающий чрез епископов на людей токи благодати, невидимо предстоит среди светильников (Апок. I, 12—13) и держит Звезды Церкви в деснице своей (Апок. I, 16).

Ставить в видимом средоточии Церкви человека, епископской хиротонией не уполномоченного к тому Божественной

Главой Церкви, — что это значит, как не заменять Божественный Дух и Жизнь греховным человеческим элементом, не могущим ничего сообщить, ни распространить вокруг себя, кроме гниения ума и омертвения сердца?

Государь, всмотритесь, против кого направлена введенная Протасовым администрация Церкви? Ни Вы, ни Ваш родитель, без сомнения, никогда не желали и не желаете такого страшного извращения Царства Божия в Вашем государстве. *Но оно совершается пред очами Вашими и нашими!*

Государь! И Вы, и мы принадлежим к этому Царству, и Вы, и мы должны слушать Господа нашего Иисуса Христа, Царя и Правителя сего Царства. Господь завещал сие Царство Апостолам и преемникам их (Лк. 22, 29). Зная это, никто, кроме одних отступников, никогда не дерзал возлагать своих рук *на Достояние Божие*. Россия также всегда твердо держалась порядка, утвержденного Иисусом Христом и существовавшего в Церкви с времен Апостольских. Митрополиты и епископы пасли в ней Церковь. В конце XVI столетия митрополит наименован был Патриархом. Имя переменилось, но благодать в управлении Церковью оставалась так же неразлучною, как и прежде, ибо это было *епископское лицо*, посредством Таинства хиротонии сделавшееся органом Духа Святого в действовании на Церковь...»

Как отмечает публикатор этого письма С. Шевченко, в черновых набросках вслед за этими словами шло пророческое предостережение о судьбе царского престола в России: «Что ж, Вам удалось поставить на колени Российскую Православную Церковь. Но помните, следующая очередь Вашего престола».

Страшное и грозное предсказание...

Вернее, не предсказание, а констатация гибельности того пути, на который столкнуло Россию своеволие Петра и его преемников, свернуть с которого не удавалось и сыновьям императора Павла.

Публикатор считает, что митрополит Филарет не решился вставить это предсказание в чистовик письма, считая, что оно заденет самолюбие монарха, однако нам представляется, что святитель считал своим долгом не предупредить императора о будущем, а побудить его предотвратить это будущее...

«Государь! — обращаясь к императору, заклинал Святитель. — Не против людей возвышаем мы свой голос. Нам равно любезны все люди, к какому бы классу они не принадлежали. Мы восстаем против начала мирского, вытесняющего собою начало Божественное в отечественной Церкви. В первые времена христианства невидимый враг Божественной Истины и Жизни действовал на Церковь отвне, посредством гонений. Когда земные власти покорились Истине, то он в пределах самой Церкви возбуждал лживые учения и силился потрясти и низвергнуть Божественную Истину. Ныне он втеснил мирское начало в самое средоточие высшей администрации Российской Церкви, чтобы растлить Истину Божию в отечестве нашем и отравить жизнь духа верующих...

Обер-прокурор и без этой власти составлял всегда оппозицию против высшей власти Церкви. Эта оппозиция уже сама по себе всегда вредна для Церкви...

Но в нынешнем положении Синода, дающем обер-прокурору высшую власть над ним и над Церковью, эта оппозиция повредит не только иерархии и Церкви, но и поглощает собою иерархию; она положительно убивает дух Церкви и делает из нее не более, как обыкновенное гражданское учреждение, имеющее одни внешние формы бытия, но не оживленное Божественным началом, обращает ее в издыхающий труп, мало-помалу теряющий дыхание и жизненную деятельность, и близкий к одному только судорожному трепетанию.

Государь! Подобное состояние Св. Церкви не может больше продолжаться. Если православные миряне внимательно всмотрятся в нынешнюю администрацию Церкви, то *отпадение от нее будет не десятками, а тысячами и миллионами* лиц. Раскол, естественно, должен увеличиться. Епископы, будучи законными блюстителями Бо-

жественных сокровищ, дарованных человечеству, подавляются *игом чужой власти* в отправлении своей деятельности, пока хотя безмолвствуют, но не могут не сознавать *незаконности этой власти*...

Государь! Протасов сделался помещиком над архиереями, все архиереи стали с того времени крепостными рабами оберпрокурора и его свиты. Окажите справедливость Св. Церкви, справедливость, в которой Вы не отказываете последнему подданному! И мы Ваши поданные! Мы не были ни преступниками, ни изменниками царской власти. Государь, чем более будет укореняться это постыдное иго, тяготеющее над духовенством, тем глубже будет входить расстройство в жизнь народа. Пощадите своих подданных! Устраните своею отеческою благостию печальные последствия существующего зла...»

Увы...

Ни императору Павлу, ни его сыновьям, ни потомкам Николая не удалось устранить своею отеческою благостию печальные последствия существующего зла.

И тогда и исполнились страшные пророчества...

6.

Любопытно, что пророческое предсказание Авеля «о судьбах державы Российской» и основанной Павлом династии было, еще при жизни основателя, вложено в конверт с наложением личной печати императора Павла I и с его собственноручной надписью: «Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины».

«В Гатчинском дворце, постоянном местопребывании императора Павла I, когда он был наследником, в анфиладе зал была одна небольшая зала, и в ней посередине на пьедестале стоял довольно большой узорчатый ларец с затейливыми украшениями, — рассказывала обер-камерфрау императрицы Александры Феодоровны М.Ф. Герингер. — Ларец был заперт на ключ и опечатан. Вокруг ларца на четырех столбиках, на кольцах, был протянут толстый красный шелковый шнур, преграждавший к нему доступ зрителю. Было известно, что в этом ларце хранится нечто, что было положено вдовой Павла I, императрицей Марией Феодоровной, и что ею было завещано открыть ларец и вынуть в нем хранящееся только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины императора Павла I, и притом только тому, кто в тот год будет занимать царский престол в России».

Согласно завещанию 100 лет спустя, 11 марта 1901 года, император Николай II с императрицей Александрой Федоровной, министром двора и лицами свиты прибыли в Гатчинский дворец и, после панихиды по императору Павлу, вскрыли пакет...

Еще утром, как свидетельствует М.Ф. Герингер, собираясь из Царскосельского Александровского дворца ехать в Гатчину, государь и государыня были веселы. К предстоящей поездке они относились как к праздничной прогулке, обещавшей доставить им незаурядное развлечение.

Веселыми вошли они в Гатчинский дворец, а вышли удрученными.

Точного содержания предсказания никто не знает, но после этой поездки Николай II стал поминать о 1918 годе как о роковом годе и для него лично, и для династии, когда стало ясно, что не удается и ему *устранить своею отеческою благостию печальные последствия посеянного первыми Романовыми зла*, когда ясно стало, что придется для этого принять мученический венец.

7.

Возможно, что запечатанное императором Павлом на сто лет предсказание Авеля как-то было связано с его пророчеством, помещенном в «Житии», которое было напечатано в журнале «Русская старина».

«Сей отец Авель родился в северных странах, в московских пределах, в Тульской губернии, деревня Окулово, приход церкви Ильи-пророка. Рождение сего монаха Авеля в лето от Адама семь тысяч и двести шестьдесят и в пять годов, а от Бога Слова — тысяча и семьсот пятьдесят и в семь годов. Зачатия ему было и основание месяца июня и месяца сентября в пятое

число; а изображение ему и рождение месяца декабря и марта в самое равноденствие; и дано имя ему, якоже и всем человекам, марта седьмого числа. Жизни отцу Авелю от Бога положено восемьдесят и три года и четыре месяца; а потом плоть и дух его обновятся, и душа его изобразится яко ангел и яко архангел... И воцарится... на тысячу годов... царство восстанет... в то убо время воцарятся... вси избранные его и вси святые его. И процарствуют с ним тысячу и пятьдесят годов, и будет в то время по всей земле стадо едино и пастырь в них един... И процарствует тако, как выше сказано, тысячу и пятьдесят годов; и будет в то время от Адама восемь тысяч и четыреста годов, потом же мертвые восстанут и живые обновятся; и будет всем решение и всем разделение: которые воскреснут в жизнь вечную и в жизнь бессмертную, а которые предадятся смерти и тлению и в вечную погибель; а прочая о сем в других книгах. А мы ныне не возвратимся на первое и окончаем жизнь и житие отца Авеля. Его жизнь достойна ужаса и удивления...»

Срок, когда «мертвые восстанут и живые обновятся, и будет всем решение и всем разделение: которые воскреснут в жизнь вечную и в жизнь бессмертную, а которые предадятся смерти и тлению и в вечную погибель...», еще не наступил...

По Авелю этот срок падает на 2892 год.

Еще почти целое тысячелетие до него...

Глава вторая

ОТЕЦ (ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ)

Его рождение воспел в своей оде Михаил Васильевич Ломоносов...

Ему исполнился год, когда была издана первая в стране грамматика русского языка...

Два — когда открылся первый русский государственный театр...

Три — когда основали Академию художеств...

Будущий император рос под грохот победных залпов Семилетней войны: взят Кенигсберг, пал Берлин, впервые прозвучало еще незнакомое имя — Суворов...

Павел был первым русским императором, которого готовили к этому титулу с первого дня жизни.

В душных, жарко натопленных покоях императрицы Елизаветы Петровны, где Павел провел свои первые годы, считалось, что с его рождением восстановится запутанный Петром I порядок престолонаследия, закончится чехарда дворцовых переворотов, навсегда будет ограждена страна от засилья всевластных временщиков...

Считалось, что с рождением Павла завершается миссия Екатерины в Русской империи...

«Только что спеленали его, — вспоминала потом она, — как явился по приказанию императрицы духовник ея и нарек ребенку имя Павла, после чего императрица тотчас велела повивальной бабушке взять его и нести за собою, а я осталась на родильной постели... В городе и империи была великая радость по случаю этого события. На другой день я начала чувствовать нестерпимую боль, начиная от бедра вдоль голени и в левой ноге. Боль эта не давала мне спать, и, сверх того, со мною сделалась сильная лихорадка; но, несмотря на то, и в тот день я не удостоилась большего внимания...»

Ребенка навсегда отняли от матери, и теперь Екатерина «могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать о его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем императрица, и это могло быть принято очень дурно... Его держали в чрезвычайно жаркой комнате, запеленавши во фланель и уложив в колыбель, обитую мехом черно-бурой лисицы...»

Во второй раз Екатерине показали сына спустя шесть недель, в третий раз — уже весной...

Ее ребенок принадлежал не ей, а Российской империи.

Павлу было четыре года, когда воспитателем ему назначили Федора Дмитриевича Бехтеева.

В первый же день вступления в должность Федор Дмитриевич посадил четырехлетнего великого князя учиться грамоте. Вместе с Павлом сели за парту и прислуживавший Павлу дворянин Иван Иванович Ахлебин, и мамушка Анна Даниловна. Они притворились, что не умеют грамоте и будут учиться вместе с великим князем...

С четырех лет Павла стали одевать в такое же, как у взрослых, платье и парик. Парик Павел носил с тех пор каждый день до конца жизни...

Конечно, никак не связано с ребенком, надевшим в четыре года парик и взрослое платье, открытие первого медицинского факультета в России или изобретение солдатским сыном Иваном Ползуновым первой в мире паровой машины, но вместе с тем и связано. Самим фактом своего рождения Павел создавал уверенность в завтрашнем дне для всей страны, ту уверенность, без которой не могло быть ни медицинского факультета, ни Ивана Ползунова со своей машиной.

Многое, что делалось для Павла, делалось для всей страны и в прямом, и в переносном смысле. Он был еще ребенком, но с его именем уже прочно связывалось само это понятие — первый.

Ему была сделана первая в стране детская прививка оспы, а первый русский учебник по физике назывался «Краткие понятия о физике для употребления Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Павла Петровича».

1.

Надеждам страны на спокойную уверенную жизнь не суждено было сбыться...

25 декабря 1761 года умерла дочь Петра Великого — императрица Елизавета Петровна.

В этот день и обрывается детство Павла.

На русский престол взошел Петр III, у которого было очень много чести и своеобразного благородства и очень мало политического опыта и ума.

Сводя на нет все жертвы, понесенные Россией в Семилетней войне, Петр III немедленно заключил мир с Пруссией, вернул без всяких условий взятые русскими войсками города.

«Я никогда не в состоянии заплатить за все, чем Вам обязан... — писал ему Фридрих Второй. — Я отчаялся бы в своем положении, но в величайшем из государей Европы нахожу еще верного друга: расчетам политики он предпочитал чувство чести».

Через двести тридцать лет подобные хвалебные послания, облеченные в Нобелевские премии и почетные звания, будут получать и другие руководители нашего государства, и сейчас мы уже на собственном опыте знаем цену этим похвалам, расточаемым за предательство своей страны.

Как и Михаилу Горбачеву два с лишним века спустя, похвалы кружили слабую голову Петра III. Продолжая предпочитать «расчетам политики чувство чести», новый император немедленно возвратил из ссылки Миниха и Бирона, приказал очистить от икон православные храмы...

И вот через шесть месяцев его жена, Екатерина Алексеевна, поддержанная гвардейскими полками, произвела дворцовый переворот.

В ту ночь на 27 июня 1762 года Павла Петровича внезапно разбудили и под охраной перевезли в Зимний дворец. Ребенку было восемь лет, и внезапный ночной переезд напугал его. Новый воспитатель его, генерал Никита Иванович Панин, провел с ним в постели всю ночь, чтобы успокоить его.

Наутро Павла повезли к Казанскому собору, где его мать Екатерина II была провозглашена самодержавной императрицей, а он объявлен наследником престола.

А через десять дней Павел узнал о смерти отца-императора...

Все ошибки и преступления перед страной, совершенные Петром III, не имели и

не могли иметь отношения к Павлу, если бы не его мать, которая к тому времени уже ненавидела своего сына...

Павлу было десять лет, когда она, собравшись замуж за Григория Орлова, начала распускать слухи, что, дескать, великий князь неизлечимо болен и потому не способен наследовать престол...

Воспитатель великого князя граф Никита Иванович Панин посадил тогда мальчика в седло и проскакал с ним двенадцать верст, чтобы доказать вздорность этих слухов. Пригнувшись к гриве скакуна, Павел мчался следом за Паниным по раскисшей от весенней грязи дороге, даже не догадываясь, какой приз поставлен на эту скачку. Ведь уже родился у Екатерины II сын, прозванный в дальнейшем графом Бобринским, и если бы не выдержал Павел испытания, устроенного Никитой Ивановичем, очевидно, Екатерина не успокоилась бы, сделала бы все, чтобы возвести графа Бобринского на престол.

Ту скачку Павел выиграл, но еще тридцать три долгих года отделяли его от ноябрьского вечера, когда примчится он из Гатчины в Зимний дворец, чтобы наконец-то занять узурпированный матерью собственный престол...

Жестокое убийство отца, интриги вокруг престола, в которые втягивали и малолетнего Павла, не могли не подействовать на его характер. Несчастливая звезда российских императоров, кажется, тогда и взошла над его судьбой...

Современники вспоминают, что уже в десять лет взгляд Павла сделался схожим с взглядом старика. Напряженная и непосильная для ребенка духовная работа изнуряла его тело и ум.

Быть может, если бы у Павла появились товарищи-сверстники, детские игры и игрушки, он сумел бы позабыть о разыгравшейся трагедии, но этого не было.

Императрица Екатерина, уже привыкшая видеть в сыне не ребенка, а соперника, как к взрослому и относилась к нему.

Нет-нет! Ничего похожего на «голштинскую педагогию» она не применяла. У Павла было все.

Еще восьми лет от роду Павла пожаловали полковником в лейб-кирасирский полк, а в десять — назначили генерал-адмиралом российского флота.

Хотя Екатерина II и опасалась Павла, она никогда не пользовалась своей властью, чтобы досадить ему или как-то стеснить. Просто она забывала, что ее соперник — ее сын, и главное, что это вообще еще ребенок.

Поэтому-то так мало напоминали богато обставленные покои великого князя детскую... Как, впрочем, и вся его жизнь в те годы очень мало напоминала детство.

В 1764 году Иван Иванович Бецкой составил «Общий Регламент для воспитания детей обоего пола». Опираясь на модные тогда идеи Жан Жака Руссо и набиравших силу масонов, в Регламенте рекомендовалось удалять детей из естественной среды, из общества, из семьи и до двадцати лет держать в узком кругу воспитателей.

Нельзя сказать, что все правила Регламента были осуществлены в воспитании Павла, но общий дух его пронизывал детство будущего императора.

И, перечитывая записки учителя Павла — полковника Семена Андреевича Порошина, ясно видишь это...

«1764 год. 20 сентября. День рождения Его Императорского Высочества: минуло десять лет...»

С утра Павел ходил с матерью-императрицей к обедне, после выслушал проповедь отца Платона и поплакал...

Возвратившись к себе, принимал поздравления от придворных, потом позавтракал...

Потом в одиночестве играл в бильярд...
В шесть часов отправился на бал...
В десятом часу лег опочивать...»

Вот такой день...

Еще один день одиночества и холода, еще один день взрослого человека десяти лет от роду...

Екатерина Вторая не жалела денег на Павла.

Не жалела она денег и на игрушки для него, но игрушки эти точно соответствова-

ли нешуточным званиям, возложенным на Павла.

2 октября 1764 года в приемной зале у Павла появился четырехметровый корабль, сделанный мастером Качаловым.

Все было настоящим на этом корабле. Все снасти, вся палубная обстановка. Это и был настоящий, только уменьшенный корабль. Его можно было разглядывать, можно было изучать по нему устройство парусного оснащения, но играть этим кораблем было нельзя.

Павел забрал с корабля шлюпку и поставил на стол. Установил парус, потом разложил весла... Шлюпка тоже была настоящей, только притворившейся игрушкой, и скоро Павел позабыл и про нее.

На следующий день, как пишет Семен Порошин, «Его Высочество изволил разбирать и укладывать сигнальные флаги у корабля своего».

Вот и все игры...

А другие «игрушки»?..

«7 октября. Незадолго перед обедом поднес Его Высочеству артиллерийский один офицер родом грузинец князь Чухлыманов две духовые гаубицы и две пушки. В зале делали им пробу. Стреляли деревянными ядрами».

Пушечки эти, изготовленные в 1756 году мастером Даниловым в масштабе один к двенадцати, и сейчас хранятся в Военно-морском музее Санкт-Петербурга.

Но о том, как играл этими пушечками Павел, как и тем кораблем, что несколько дней простоял в приемной зале, кроме короткой записи Порошина, не найти ни полслова. Это более чем странно, ведь Павел — первый русский (опять первый!) император, дни детства которого расписаны почти по минутам.

А, может быть, потому и нет записей, что не играл...

Может, потому и не играл, что ясно понимал: все это не игрушки...

И корабль, притворившийся игрушкой, и гаубицы, и звания, возложенные на него...

Перечитывая дневники Семена Порошина, ясно ощущаешь диссонанс, пронизывающий все детство Павла.

«Граф Иван Григорьевич читал Его Высочеству рапорт от капитана Плещеева из Средиземного моря».

И тут же, почти без всякого перехода:

«Великий князь изволил говорить, что в республике (так Павел называл свою птичню. — *Н.К.*) снегири представляют стариков, овсянки старух, чижики буянов, а зяблики кокеток...»

В одной из комнат у великого князя была сделана решетчатая птичня, а в другой стоял токарный станок.

Словно бы пытаясь позабыть о страшном взрослом мире, где любовник матери убил его отца, о том мире, из которого приносят ему рапорты боевых офицеров флота и притворяющиеся игрушками взрослые вещи, Павел сам придумывает себе игры.

...Ему казалось, что при нем находится особый конный отряд из дворян в 200 человек, и в этом отряде он состоит ефрейтором. Часто в виде игры он бегал, размахивал руками, давал приказы — производил упражнения с воображаемым отрядом.

...Рассматривая планы и виды Парижа, великий князь воображал себя полковником и производил распределение полка по местности.

Эти чуть жутковатые — они совершались в полном одиночестве — игры пугали воспитателей Павла, хотя, возможно, они и понимали, что Павел обращается к ним, чтобы хоть как-то освоиться в окружающем взрослом мире, «проходя по всем ступеням службы», а не начиная с чина генерал-адмирала Российского флота.

Кстати, по сообщению Семена Порошина, в своем воображаемом конном отряде дворян Павел «дослужился» только до чина вахмистра.

Эти одинокие игры одиннадцатилетнего мальчика, заполняя разрыв в самой методике воспитания, чрезвычайно развивали и обостряли болезненную фантазию и мечтательность.

Однажды Порошин застал Павла в задумчивости сидящим за столом, на котором стояла стеклянная пирамида.

— Чем вы заняты, Ваше Высочество? — спросил он.

— Ах! — вздыхая, ответил Павел. — Я так в свой корабль вгляделся, что и эта пирамида кораблем мне кажется, когда немного призадумаюсь...

Потом он отодвинул пирамидку и приказал «принести себе из столярной пилку» и долго пилил что-то... Потом лег опочивать...

Размышляя о характере своего воспитанника, Семен Порошин записывал:

«У Его Высочества ужасная привычка, чтобы спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться... Гораздо легче Его Высочеству понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую от него, дружбу и милость»*.

Великий князь, свидетельствовал архимандрит Платон, «наружностью всякого, в глаза бросающегося более прельщался, нежели углублялся во внутренность».

О нервности, непредугадываемости характера Павла пишет и преподаватель астрономии и физики Франц Иванович Эпиниус: «Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке; порвется эта ниточка, машинка завернется — и тут конец уму и рассудку...»

Странно читать эти записи, потому что беспрепятственно, на много лет вперед различают воспитатели Павла его будущую судьбу. И потому и различают, что уже тогда печать ее отчетливо лежала на лице воспитанника, на его характере...

Потому что и сам он, кажется, уже тогда очень ясно различал вперед свою собственную судьбу.

* Отметим попутно, что за ведение записей в дневнике полковник гвардии Семен Порошин был отставлен от обязанностей воспитателя великого князя Павла Петровича.

«...Выслушав историю Мальтийского ордена, Великий князь вообразил себя Мальтийским кавалером», — записывал Семен Порошин.

Так и рос Павел.

Современники утверждают, что народ всегда радостно встречал великого князя. В нем, а не в немке Екатерине, видели законного наследника престола...

Павлу было двенадцать лет, когда отношения с матерью-императрицей окончательно испортились.

Случилось это 9 июля 1766 года, когда Павел отказался принимать участие в праздновании годовщины восшествия Екатерины II на престол. Павел считал этот день годовщиной убийства отца. Он спрятался.

Ночью поднялся шум: братья Орловы обыскивали петергофский парк и дворец. Забившись в темную каморку, Павел прислушивался к грохоту сапог и думал, что его сейчас найдут и убьют, как убили отца.

И не об этой ли страшной детской ночи вспоминал русский император Павел в холодном, наполненном, как и прошедшее детство, одиночеством Михайловском замке, когда накинет Яков Скарятин на его шею удавку?..

2.

Впрочем, Павел и жил всю свою жизнь как будто с удавкой на шее...

20 августа 1772 года ему исполнилось восемнадцать лет...

Он достиг совершеннолетия, но мать не уступила престол, хотя клялась, совершая переворот, сделать это...

Вспомним и о судьбе великой княгини Натальи Алексеевне...

И ослушницу тогда Екатерина покарала, и сына на время отвлекла от мыслей о престоле.

— Мертвых не воскресить, — сказала ему императрица-мать, — надо думать о живых. Разве оттого, что воображали себя счастливым, но потеряли эту уверенность, следует отчаиваться в возможности снова возвратить ее? Итак... Я предлагаю вам,

Ваше Высочество, станем искать эту другую...

— Кто она? — спросил Павел, пораженный, что мать уже подыскала ему новую невесту. — Какова она?

— Кроткая, хорошенькая, прелестная... Одним словом, сокровище: сокровище приносит с собою радость...

Вюртембергская принцесса София Доротея, с которой Павел познакомился в Берлине, действительно понравилась ему. Принцесса показалась ему недурною собой, стройной. Была принцесса не застенчива, отвечала на вопросы умно и расторопно. Павел одобрил выбор матери.

15 апреля 1776 года скончалась великая княгиня Наталья Алексеевна, а уже 26 сентября 1776 года состоялось бракосочетание великого князя с Софией Доротеей, принявшей в православии имя Марии Федоровны...

Мария Федоровна, вторая супруга Павла I (с портрета Ж.Л.Вуаля). 1794 г.

Через год родился сын Александр, и Павел снова попытался расширить свое участие в управлении Российской империей, но в результате был вообще отстранен матерью от государственных дел.

Когда мать подарила ему в 1783 году Гатчину, Павел переехал туда, выстроил школу, больницу, четыре церкви для различных вероисповеданий, завел стеклянный и фарфоровый заводы, суконную фабрику и шляпную мастерскую...

Однако самым любимым делом Павла было устройство своей гатчинской армии.

«Великий князь, в качестве генерал-адмирала, потребовал себе батальон морских солдат с несколькими орудиями, а как шеф кирасиров — эскадрон этого полка, чтобы образовать гарнизон Гатчины, — пишет в своих «Записках» Н.А. Саблуков. — Оба желания великого князя были исполнены и таким образом положено начало пресловутой "гатчинской армии..."

Батальон и эскадрон были разделены на мелкие отряды, из которых каждый изображал полк императорской гвардии. Все они были одеты в темно-зеленые мундиры и во всех отношениях напоминали собою прусских солдат.

Во всех гатчинских войсках офицерские должности были заняты людьми низкого происхождения, так как ни один *порядочный человек* (выделено нами. — *Н.К.*) не хотел служить в этих полках, где господствовала грубая прусская дисциплина...

Что это были за офицеры! Что за странные лица! Какие манеры! И как странно они говорили! Это были по большей части малороссы. Легко представить себе впечатление, которое произвели эти грубые бурбоны на общество, состоявшее из ста тридцати двух офицеров, принадлежавших к лучшим семьям русского дворянства...»

Екатерина не вмешивалась в гатчинские затеи, поскольку она уже окончательно решила устранить сына от правления, передав трон своему внуку Александру Павловичу.

Мы рассказывали, что после рождения великого князя Николая Павловича Ека-

терина пыталась привлечь на свою сторону и великую княгиню Марию Федоровну. И хотя та отказалась участвовать в этом предприятии, Екатерина своих хлопот не оставила.

Поэтому-то, когда 5 ноября 1796 года за обедом на мельнице Павлу доложили, что из Петербурга прибыл гонец со срочным донесением, великий князь помрачнел.

Какие срочные дела могли быть к нему у матери? Императрица могла, конечно, известить, решилась ли судьба брака великой княжны Александры Павловны со шведским королем, но вероятнее было, что посланец прибыл, чтобы арестовать его и — об этом давно ходили слухи — отвезти в замок Лоде...

— Що там таке? — выходя из-за стола, спросил по-украински Павел у гусара-малоросса, принесшего ему это известие.

— Шталмейстер граф Николай Александрович Зубов приихав, ваше высочество... — ответил гусар.

— Зубов? Брат Платона?! — Павел нахмурился. Похоже, что сбывались самые пессимистические прогнозы. Зачем, спрашивается, присылать к нему курьером брата всесильного князя Платона Александровича Зубова, последнего любовника матери? — А богацько их? *

Гусар, вспомнив часто слышанную русскую пословицу, решил блеснуть знанием русского языка.

— Один, як пес, приихав, Ваше Высочество.

— Ну, с одним псом можно и справиться, — облегченно проговорил Павел и перекрестился.

Когда Павел узнал настоящую причину появления Николая Зубова в Гатчине, внезапный переход от ожидания превратиться в бесправного арестанта к ощущению себя самодержавным правителем вызвал такое сильное удушье, словно на горло накинули петлю. Лицо Павла побагровело, несколько мгновений новый император не мог произнести ни звука. Он только мотнул головой, глядя на высокого, атлетически сложенного красавца, привезшего ему долгожданную весть.

Николай Зубов вежливо опустил глаза... Еще не пришло время.

Еще больше четырех лет оставалось до той ночи на 12 марта 1801 года, когда зажатой в кулаке табакеркой проломит Николай Зубов голову своего императора...

Наконец Павел взял себя в руки и приказал закладывать карету...

Не прошло и получаса, как с супругой великой княгиней Марией Федоровной помчался он в Петербург навстречу судьбе...

«Проехав Чесменский дворец, наследник вышел из кареты, — пишет Ф.В. Ростопчин. — Я привлек его внимание на красоту ночи. Она была самая тихая и светлая; холода было не более 3 градусов, луна то показывалась из-за облаков, то опять скрывалась. Стихии, как бы в ожидании важной перемены, пребывали в молчании, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погоде, я увидел, что наследник устремил взгляд свой на луну, и, при полном ее сиянии, мог я заметить, что глаза его наполнялись слезами, и даже текли слезы по лицу».

О чем думал в эти минуты Павел?

Может быть, вспоминал, как везли его, восьмилетнего, ночью на 27 июня 1762 года из Петергофа в Зимний дворец?

Или вспоминал грохот орловских сапог 9 июля 1766 года, когда он, Павел, забился в темную каморку, чтобы не принимать участие в праздновании годовщины восшествия матери на престол, а Орловы начали обыскивать дворец и парк?

Или думал он о сне, который минувшей ночью приснился одновременно и ему, и великой княгине?.. Павел чувствовал в этом сне, что некая невидимая и сверхъестественная сила возносит его к небу. Он часто просыпался, засыпал и опять просыпался от повторения этого же сновидения... Приметив, что великая княгиня не спит, Павел рассказал ей о своем сновидении и

* Много ли их? *(укр.)*

узнал, что и она то же самое видела во сне и тем же самым была несколько раз разбужена.

Перебросившись несколькими французскими фразами с Федором Васильевичем Ростопчиным, Павел приказал ехать дальше. Дорогою беспрерывно встречались посланные из Петербурга курьеры, они разворачивались назад, и теперь за каретой следовала длинная свита саней.

Вечером около девяти часов прибыли в Зимний дворец. Великие князья Александр и Константин встретили Павла в мундирах своих гатчинских батальонов.

«Прием, ему сделанный, был уже в лице государя, а не наследника», — пишет Ф.В. Ростопчин.

Павел сразу же прошел к умиравшей матери, которая все еще лежала на полу. Расспросив медиков, есть ли надежда, и получив отрицательный ответ, Павел приказал поднять мать на кровать и прошел с супругою в угольный кабинет, прилегавший к спальне Екатерины, где она незадолго до этого пила кофе и обдумывала, как составить указ об отрешении Павла от наследования престола.

Всю ночь Павел безвыходно провел во внутренних покоях императрицы, призывая в угольный кабинет тех, с кем хотел разговаривать. Вызванные должны были проходить через спальню, где все еще шумно дышала императрица. Лицо ее были искажено то ли болью, то ли бессильной злобою. В кабинете тоже слышно было «воздыхание утробы» и хрипение умирающей Екатерины. По временам из гортани ее извергалась темная мокрота...

В угольном кабинете той ночью Павел принял А.А. Аракчеева, прискакавшего, по его приказанию, вслед за ним из Гатчины.

Воротник Алексея Андреевича забрызгало грязью от скорой езды, и великий князь Александр Павлович, узнав, что Аракчеев выехал из Гатчины в одном мундире, не имея с собой никаких вещей, повел его к себе и дал ему собственную рубашку.

Следом за Алексеем Андреевичем в приемных Зимнего дворца начали появляться гатчинцы в своих непривычных для екатерининских вельмож мундирах.

«Тотчас все приняло иной вид, зашумели шарфы, ботфорты, тесаки, — писал Г.Р. Державин, — и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом...»

Екатерина еще дышала, когда Павел приказал собрать и запечатать бумаги, находившиеся в кабинете, и, как отмечено в камер-фурьерском журнале, «сам начав собирать оныя прежде всех».

Существует предание, что граф Александр Андреевич Безбородко, помогавший Павлу собирать бумаги, указал на пакет, перевязанный черной лентой. Павел вопросительно взглянул на Безбородко, тот молча кивнул на топившийся камин. Павел бросил пакет в огонь. Считается, что в пакете было подписанное Екатериной завещание...

Кажется, только этот, перевязанный черной лентой пакет и связывал Екатерину Великую с земной жизнью.

Едва запылал он, объятый пламенем, как стихли хрипы императрицы. Искаженные то ли мукою, то ли бессильной злобой черты лица разгладились, и она превратилась в простую, правда, сильно ожиревшую немецкую старушку...

— Милостивые государи! — выйдя в дежурную комнату, объявил граф Самойлов. — Императрица Екатерина скончалась, а государь Павел Петрович изволил взойти на всероссийский престол.

«Никогда не забуду я этого дня и ночи, проведенных мною в карауле во дворце, — писал Н.А. Саблуков. — Что это была за суета, что за беготня вверх и вниз, взад и вперед! Какие странные костюмы! Какие противоречивые слухи! Императорское семейство то входило в комнату, в которой лежало тело покойной императрицы, то выходило из оной. Одни плакали и рыдали о понесенной потере, другие самонадеянно улыбались в ожидании получить хорошие места».

3.

Павел занимал трон всего четыре с половиной года.

Вот его портрет, сделанный графиней Ливен, которая имела все основания не любить его...

«Император Павел был мал ростом. Черты лица имел некрасивые за исключением глаз, которые у него были очень красивы; выражение этих глаз, когда Павел не подпадал под власть гнева, было бесконечно доброе и приятное. В минуты же гнева вид у Павла был положительно устрашающий. Хотя фигура его была обделена грацією, он далеко не был лишен достоинства, обладал прекрасными манерами и был очень вежлив с женщинами; все это запечатлевало его особу истинным изяществом и легко обличало в нем дворянина и великого князя.

Он обладал литературною начитанностью и умом бойким и открытым, склонен был к шутке и веселью, любил искусство; французский язык и литературу знал в совершенстве, любил Францию, а нравы и вкусы этой страны воспринял в свои привычки. Разговоры он вел скачками, но всегда с непрестанным оживлением. Он знал толк в изощренных и деликатных оборотах речи. Его шутки никогда не носили дурного вкуса, и трудно себе представить что-либо более изящное, чем краткие милостивые слова, с которыми он обращался к окружающим в минуты благодушия.

Я говорю это по опыту, потому что мне не раз до и после замужества приходилось соприкасаться с императором. Он нередко наезжал в Смольный монастырь, где я воспитывалась; его забавляли игры маленьких девочек, и он охотно сам даже принимал в них участие. Я прекрасно помню, как однажды вечером в 1798 г. я играла в жмурки с ним, последним королем Польским, принцем Конде и фельдмаршалом Суворовым; император тут проделал тысячу сумасбродств, но и в припадках веселости он ничем не нарушал приличий. В основе его характера лежало величие и благородство — великодушный враг, чудный друг, он умел прощать с величием, а свою вину или несправедливость исправлял с большой искренностью».

Павел I. Гравюра XVIII в.

Но такие портреты Павла в дворянской историографии редкость. Чаще Павла изображали в виде этакой копии его официального отца — императора Петра III.

Это ложь...

Павел совершенно не походил на Петра III.

И ничего похожего на «деяния» Петра III в правлении Павла тоже не происходило...

5 апреля 1797 года, когда в Москве состоялась коронация, император Павел достал составленный им девять лет назад совместно с Марией Феодоровной акт о наследовании престола старшим сыном и, начертав: «Верно. Павел.», положил в специальный ковчежек в алтаре Успенского собора.

Так был восстановлен отмененный Петром I закон о наследовании престола. Этот акт существенно ограничивал свобо-

ду монарха в выборе преемника. Престол теперь должен был наследовать старший сын, независимо от борьбы дворцовых партий и придворной конъюнктуры.

Благодетельность для страны этого акта мы покажем в посвященных царствованию последних русских императоров очерках, а пока скажем, что еще в день коронации Павла был обнародован манифест о трехдневной барщине и запрещено обезземеливание крестьян.

Велико было тогда возмущение рабовладельцев-крепостников, но оно стало еще сильнее, когда через неделю Павел отменил указ 1785 года, освобождающий дворян от телесных наказаний. Осужденные за уголовные преступления рабовладельцы теряли былую привилегию.

Павел значительно ограничил дворянское рабовладение, запретив продажу крестьян без земли*.

Еще большее возмущение екатерининских вельмож, забывших, как это можно жить без взяток и казнокрадства, вызвала попытка Павла «открыть все пути и способы, чтобы глас слабого, угнетенного был услышан». Для этого императором был устроен «ящик» или, как его называли иначе, «окно», в которое каждый желающий мог опустить прошение на имя императора.

«Оно помещалось, — пишет Н.А. Саблуков, — в нижнем этаже дворца, под одним из коридоров, и Павел сам хранил у себя ключ от комнаты, в которой находилось это окно**. Каждое утро, в седьмом часу, император отправлялся туда, собирал прошения, собственноручно их помечал и затем прочитывал их или заставлял одного из своих статс-секретарей прочитывать себе вслух. Резолюции или ответы на эти прошения всегда были написаны им лично или скреплены его подписью и затем публиковались в газетах для объявления просителю. Все это делалось быстро и без замедления. Бывали случаи, что просителю предлагалось обратиться в какое-нибудь судебное место или иное ведомство и затем известить Его Величество о результате этого обращения.

Этим путем обнаружились многие вопиющие несправедливости, и в таковых случаях Павел был непреклонен. Никакие личные или сословные соображения не могли спасти виновного от наказания, и остается только сожалеть, что Его Величество иногда действовал слишком стремительно и не предоставлял наказания самим законам, которые покарали бы виновного гораздо строже, чем это делал император, а между тем он не подвергался бы зачастую тем нареканиям, которые влечет за собою личная расправа.

Не припомню теперь в точности, какое преступление совершил некто князь Сибирский, человек высокопоставленный, сенатор, пользовавшийся благосклонностью императора. Если не ошибаюсь, это было лихоимство. Проступок его, каков бы он ни был, обнаружился через прошение, поданное государю вышеописанным способом, и князь Сибирский был предан уголовному суду, приговорен к разжалованию и к пожизненной ссылке в Сибирь. Император немедленно утвердил этот приговор, который и был приведен в исполнение, причем князь Сибирский, как преступник, публично был вывезен из Петербурга, через Москву, к великому ужасу тамошней знати, среди которой у него было много родственников».

Сожаление Саблукова о том, что Павел *не предоставлял наказания самим законам, которые покарали бы виновного гораздо строже, чем это делал император,* едва ли

* Здесь надо сказать о необычно милостивом отношении Павла к оставшимся в живых пугачевцам. Пушкин объясняет это тем, что «Пугачев был уже пятый самозванец, принявший на себя имя императора Петра III. Не только в простом народе, но и в высшем сословии существовало мнение, что будто государь жив и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил, или желал верить этому слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу Гудовичу был: жив ли мой отец?»

** В дальнейшем для жалоб и прошений был устроен знаменитый «Желтый ящик» у ворот Зимнего дворца.

можно считать заслуживающим внимания. Надо было знать, что самые отъявленные казнокрады, взяточники и лихоимцы и следили в екатерининской России за исполнением законов. Вот уж воистину, если бы Павел отдал исполнение жалоб в их ведение, они были бы чрезвычайно довольны...

Нелепы и другие упреки современников Павла. Они упрекают императора, что он ввел в армии муштру, уволил со службы без права ношения мундира А.В. Суворова, возвысил А.А. Аракчеева.

Но забывают, что тот же Павел присвоил Александру Васильевичу Суворову чин генералиссимуса, а верного Алексея Андреевича Аракчеева дважды увольнял со службы, на которую тот возвратился первый раз благодаря заступничеству наследника престола, великого князя Александра Павловича, а второй раз был возвращен ввиду готовящегося заговора. Однако тогда, при жизни Павла, не успел возвратиться... Вечером 11 марта 1801 года Аракчеев примчался в Петербург, но на заставе его не пропустили в город...

Муштра же выразилась прежде всего в том, что Павел запретил офицерам кутать подобно барышням свои изнеженные ручки в меховые муфты и ездить на военные учения в каретах, запряженных шестериком лошадей.

Гонения на гвардию достигли пика, когда Павел запретил крепостникам записывать своих младенцев-отпрысков в гвардию и тем самым лишил их «выслуги лет», которую они ранее, лежа в колыбелях, приобретали наравне с солдатами, совершающими боевые походы. Разумеется, гвардейцам, в совершенстве овладевшим искусством изменять своей присяге и почитающим это искусство важнейшим для офицера гвардии, требования Павла, касающиеся повышения боеспособности, не могли не казаться чрезмерными. Сама мысль, что аристократические гвардейские полки могут использоваться не только для совершения дворцовых переворотов, но и для проведения военных операций, казалась рабовладельцам нелепой и отчасти даже сумасшедшей.

«Убежденный, что нельзя более терять ни минуты, чтобы спасти государство и предупредить несчастные последствия общей революции, граф Пален опять явился к великому князю Александру, прося у него разрешения выполнить задуманный план, уже не терпящий отлагательства. Он прибавил, что последние выходки императора привели в высочайшее волнение все население Петербурга различных слоев, и что можно опасаться самого худшего», — пишет генерал Левин Август Теофил Беннигсен, возвращенный в Петербург по ходатайству фон Палена специально для участия в перевороте.

Поэтому и «принято было решение овладеть особой императора и увезти его в такое место, где он мог бы находиться под надлежащим надзором и где бы он был лишен возможности делать зло».

Наступление Павла на свободу, или, как выражались дворянские писатели, занятые «информационным обеспечением» цареубийства, «удушение им свободы», выразившееся в ограничении рабовладения и безнаказанности творимого знатью беззакония, не прибавляло симпатии к Павлу со стороны крепостников. Однако, если мы не разделяем усиленно внушаемой и нынешними «демократами» точки зрения, что какой-то определенный класс людей или какая-то определенная национальность имеют право жить за счет угнетения своих соотечественников, мы должны и о правлении Павла судить не по отношению к нему крепостников, а по конкретным делам, совершенным в те годы.

А дела эти такие...

Учреждена Российско-Американская компания; основаны Духовные академии в Петербурге и Казани; основан Клинический повивальный институт; учреждена Медико-хирургическая академия; основана первая хозяйственная школа в Павловске...

При Павле началось заселение южной части Восточной Сибири, прилегающей к границам Китая, и принято «единове-

рие» — компромисс между старообрядчеством и православием; при Павле впервые издано «Слово о полку Игореве...»

В 1781 году граф Безбородко составил по указанию Екатерины «инвентарь» ее деяний за девятнадцать лет царствования. Оказалось, что за это время было устроено по новому образцу 29 губерний, построено 144 города, заключено 30 конвенций и трактатов, одержано 78 побед, издано 88 замечательных указов и еще 123 указа для облегчения народа. Итого было совершено почти полтысячи дел...

В число 30 конвенций и трактатов Александр Андреевич Безбородко, разумеется, не преминул включить договор, заключенный 31 марта 1764 года между Россией и Пруссией. По этому договору Пруссия обязалась продвигать любовника Екатерины II — Станислава Понятовского на польский престол. Мудрый Фридрих II успокаивал тогда свою верную помощницу Екатерину II, что он «достаточно знает польскую нацию, чтобы быть уверенным — расточая в пору деньги и употребляя непосредственные угрозы... вы доведете их до того состояния, какого желаете».

В число одержанных побед включалась, должно быть, и вторая «выгонка» старообрядцев с Ветки в 1786 году, завершившая окончательный разгром старообрядческих поселений на острове, и победы, одержанные генералами и фельдмаршалами над крестьянским войском Емельяна Пугачева.

Очень интересно, фигурировал ли в числе указов, «изданных для облегчения народа», указ от 17 января 1765 года, предоставлявший помещикам право ссылать крепостных на каторгу на какой угодно срок?

А указ от 22 августа 1767 года о ссылке навечно на каторжные работы в Нерчинск крестьян, подающих жалобы на своих владельцев?

А распоряжение от 21 июля 1768 года о запрещении раскольникам строить церкви и часовни?

А впереди еще будет 3 мая 1783 года — законодательное закрепление закрепощения крестьян на Украине, «чтобы уровнять в правах малороссийских дворян с дворянами великорусскими...»

«Инвентарь» свершений императора Павла числом не так богат, но по важности для страны он, безусловно, превосходит все свершения Екатерины, про которую если уж и говорить, что она великая, то обязательно прибавляя «немка» или «прусачка», потому что почти все совершенное Екатериной для России было злом или оборачивалось злом, как, например, присоединение земель, полученных при разделе Польши*...

Говоря так, я не пытаюсь идеализировать образ Павла.

Екатерина II сделала все, чтобы воспитать сына вне православия, вне русской духовной культуры, в духе модных тогда полумасонских, полупросветительских теорий. Воспитатели настойчиво требовали от Павла, чтобы он «из славных французских авторов» выучивал наизусть места, «где заключаются хорошие сентенции». Заучивание «хороших сентенций» помогало скрывать отсутствие собственных мыслей, но овладевать национальными мыслями оно не помогало. С помощью заученных сентенций невозможно было не только полюбить Россию, но и узнать и понять ее.

И Павел так и не сумел до конца постигнуть страну, которой он правил. Чувствуя несправедливость, он пытался исправить ее и отчасти исправлял, но иногда тут же забывал, что нужно продолжать исправление далее.

Особенно ярко эта непоследовательность проявилась в отношении Павла к крепостному праву.

«Будучи весьма строг относительно всего, что касалось государственной экономии, и стремясь облегчить тягости, лежащие на народе, император Павел был, не-

* В 1772 году после первого раздела Польши Россия приобрела 100-тысячное еврейское население. С этого момента и надо датировать, как пишет А.И. Солженицын, «первое значительное историческое скрещение еврейской и русской судьбы».

смотря на это, весьма щедр при раздаче пенсий и наград за заслуги, причем в этих случаях отличался истинно царскою милостью, — пишет Н.А. Саблуков. — Во время коронации в Москве он раздал многие тысячи государственных крестьян важнейшим сановникам государства и всем лицам, служившим ему в Гатчине, так что многие из них сделались богачами. Павел не считал этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительным для общего блага, ибо он полагал, что крестьяне гораздо счастливее под управлением частных владельцев, чем тех лиц, которые обыкновенно назначаются для заведывания государственными имуществами».

Парадокс?

Несомненно...

Увы... Преобразовательная деятельность Павла лишена была последовательности и твердости...

И стоит ли удивляться, что так часто Павла преследовали неудачи?

Все совершенное им для облегчения народа он сделал, руководствуясь исключительно чувством высокой, рыцарской справедливости. Этого рыцарства, кстати сказать, у Павла не отнимали даже самые злые его карикатуристы. Но никаким самым высоким чувством справедливости невозможно компенсировать непонимание России.

Точно так же, как никакой мистицизм не способен заменить православия.

В этом и заключалась личная трагедия Павла, но если бы он был иным, кто знает, удалось бы ему главное дело его жизни — основание новой династии — или нет.

4.

Удивительное ощущение возникает у каждого, кто бесстрастно вглядывается в этот исторический персонаж.

Происходит немыслимое...

Человек эпохи Просвещения, окруженный множеством образованных людей, оставивших сотни дневниковых и мемуарных свидетельств, он не улавливается в сети памяти.

В многочисленных записках, посвященных его правлению, мы находим только вздорные карикатуры или фантастические слухи, напоминающие волнение, возникающее в помещении, когда через него быстро проходит большой человек, самого же императора мы видим в другом, эпически-легендарном измерении, где и положено находиться основателю новой императорской династии.

Можно подробно проследить все политические события и тенденции, приведшие к «мальтийской затее», когда Павел взял под свое покровительство Орден Мальтийских рыцарей, а 29 ноября 1798 года принял и звание «великого магистра державного ордена Святого Иоанна Иерусалимского»*.

Звучит, разумеется, диковато. Не зря некоторые исследователи сопоставляют это предприятие по своему безумию с затеей Петра I принять в русское подданство пиратов Мадагаскара.

Однако если мы вспомним, что звание «великого магистра» Павел принимает накануне заключения в Петербурге союзного договора с Англией, а в Константинополе — союзного и оборонительного договора с Турцией, то в контекст этих договоров «мальтийская затея» впишется совершенно естественно. Мальта была важна стратегически для борьбы с угрозой превращения Средиземного моря во «французское озеро».

Напомним, что именно тогда и состоялась знаменитая русско-турецкая экспедиция под командой Ф.Ф. Ушакова в Средиземном море. Эскадра Ушакова подошла к Ионическим островам. Острова были освобождены от французов. Крепость на острове Корфу взята в осаду.

Какое же тут безумие?

Напротив...

---

* Павел I был 72-м великим магистром, хотя официально его не признали римские папы — ни Пий VI, ни Пий VII. Поэтому сейчас в официальных орденских документах Павла I именуют великим магистром «де-факто».

Все в этой затее стратегически и политически обосновано. И если непостижимое и присутствует, то проявляется оно в другом...

Все политические резоны и стратегические расчеты, связанные с «мальтийской затеей», как и другие перипетии «рыцарской» войны Павла с Наполеоном, существуют как бы без соприкосновения с Россией, вне русской жизни. Они занимают в русской истории такое же место, как сказка или обрывок древнего эпоса, по ошибке вклеенные в серьезный учебник...

Павел в облачении великого магистра державного ордена Святого Иоанна Иерусалимского...

Знаменитый, вошедший во все учебники военного искусства переход Суворова через Альпы...

Легендарный штурм Ушаковым крепости Корфу...

В.О. Ключевский писал, что царствованию Павла «принадлежит самый блестящий выход России на европейской сцене». На наш взгляд, эти великие походы и сражения принадлежат истории XVIII века так же мало, как и египетские походы Наполеона...

Они разновременны с событиями, которые происходили тогда в России и в мире. Они из того древнего эпоса, в котором Божия воля осуществляется зримо и очевидно для всех, где вожди, герои и рыцари существуют не как образы, а как объективная реальность, формирующая новые великие династии и государства.

Но зарождение подлинных царских династий и должно происходить в подобной мистически-древней глубине, а не среди придворных интриг «шурья». Не криками подкупленных, полупьяных казаков утверждается династия, а в древнем эпосе, где живут герои и рыцари...

И что толковать, дескать, это время давно миновало...

Время тоже в Божией воле, и то Божие Чудо, которое было сотворено с историей в конце восемнадцатого века, лучшее доказательство этому.

После всех трудов энциклопедистов и просветителей, после революционного атеизма зарождается династия Наполеона...

В России мы видим рождение династии Павла...

И рождаются обе эти династии не придворными интригами, а подвигами героев и рыцарей...

Анализ внешней политики Павла без учета вневременной, эпосообразующей составляющей бессмыслен. Вся павловская политика обращается тогда в хаос, который только и улавливают мемуаристы, воспитанные в духе екатерининского «вольтерьянства и афеизма».

Действительно... Россия то воюет с Францией, защищая Средиземное море, то

Павел Первый с крестом Мальтийского ордена. Портрет В.Л. Боровиковского. 1800 г.

вступает в союз Францией, чтобы совершить индийский поход...

Это не вмещалось в сознание екатерининских вельмож, заменивших способность к размышлению заимствованием у французских просветителей общепризнанных истин и готовых шаблонов, облеченных в красивые фразы.

Военный переворот, совершенный Наполеоном Бонапартом 19 брюмера (11/22 ноября) 1799 года, поставил точку на Великой французской революции. Став Первым консулом, Наполеон стремительно выводит из войны Австрию, а в 1801 году начинает переговоры с Павлом об изъятии совместными усилиями «жемчужины английской короны» — Индии.

Эта русско-французская экспедиция достойна была, по словам Наполеона, «увековечить первый год XIX столетия и правителей, замысливших это полезное и славное предприятие». Целью похода должно было стать безвозвратное изгнание англичан из Индостана и освобождение богатой страны от британского ига...

Наполеон предполагал использовать общую армию в семьдесят тысяч человек, из коих с русской стороны двадцать пять тысяч регулярных войск всех родов оружия и десять тысяч казаков. Французские войска должны были спуститься по Дунаю в Черное море. Затем на транспортных судах переплыть Черное и Азовское моря и высадиться в районе Таганрога. Далее французский корпус должен был идти вдоль правого берега Дона до казачьего городка Пяти-избянки. Достигнув его, армия должна была переправиться через Дон и сухим путем идти к Царицыну, а оттуда спуститься к Астрахани. Там французские войска должны были сесть на суда и отправиться в Астрабад, приморский персидский город, который становился главной квартирой союзной армии, — сюда подходили русские войска и казачьи части, и здесь сосредотачивались военные и продовольственные магазины.

Выступив в поход, русско-французская армия должна была пройти через города Герат, Ферах и Кандагар и достигнуть правого берега Инда. По расчетам Наполеона, марш французской, а затем объединенной армии должен был занять от Дуная до берегов Инда 120 дней.

Перед высадкой русских войск в Астрабаде Наполеон планировал послать комиссаров обоих правительств ко всем ханам и малым деспотам тех стран, через которые должна будет проходить армия. Комиссары эти должны были разъяснить, что «армия двух могущественнейших в мире наций должна пройти через их владения, дабы достигнуть Индии; что единственная цель этой экспедиции состоит в изгнании из Индостана англичан, поработивших эти прекрасные страны, некогда столь знаменитые, могущественные и богатые произведениями и промышленностью, что они привлекали народы всей вселенной к участию в дарах, которыми Небу благоугодно было осыпать их; что ужасное положение угнетения, несчастий и рабства, под которым ныне стенают народы тех стран, внушило живейшее участие Франции и России; что вследствие этого эти два правительства положили соединить свои силы для освобождения Индии от тиранского ига англичан; что государям и народам тех государств, через которые должна проходить союзная армия, нечего опасаться; что, напротив, их приглашают содействовать всеми способами успеху этого полезного и славного предприятия; что эта экспедиция, по тем причинам, по каким предпринимается, так же справедлива, как была несправедлива экспедиция Александра <Македонского>, желавшего покорить всю вселенную; что союзная армия не будет требовать контрибуций; что она будет покупать только добровольно продаваемые ей жизненные припасы и расплачиваться чистыми деньгами; что самая строгая дисциплина будет удерживать армию в исполнении ее обязанностей; что вера, законы, обычаи, нравы, собственность и женщины будут всюду уважаемы...»

Индийский поход Наполеон решил повторить по плану уже проведенного им египетского и никаких сомнений в успехе не испытывал.

Тотчас по достижении союзной армией берегов Инда должны были начаться военные действия.

Индийский поход готовился в России в глубочайшей тайне, в него не был посвящен даже наследник престола, цесаревич Александр.

12 января 1801 года атаману Войска Донского Василию Петровичу Орлову был отправлен секретный приказ: немедленно поднять казачье войско и двинуться на Оренбург, а оттуда через Бухарию и Хиву выступить на реку Инд, «чтобы поразить неприятеля в его сердце».

На следующий день Павел I пишет атаману: «Василий Петрович, посылаю вам подробную и новую карту всей Индии. Помните, что вам дело до англичан только, мир со всеми, кто не будет им помогать... Мимоходом утвердите Бухарию, чтоб китайцам не досталась».

Около 30 тысяч казаков с артиллерией пересекли Волгу и в середине января 1801 года двинулись в Казахстан.

Бонапарт тем временем предложил несколько изменить план экспедиции, отправив французские войска не через Германию, а из Египта.

«Нельзя не признать, что по выбору операционного направления план этот был разработан как нельзя лучше, — анализируя разработанный Наполеоном план, писал историк С.Б. Окунь. — Этот путь являлся кратчайшим и наиболее удобным. Именно по этому пути в древности прошли фаланги Александра Македонского, а в 40-х годах XVIII века пронеслась конница Надир-Шаха. Учитывая небольшое количество английских войск в Индии, союз с Персией, к заключению которого были приняты меры, и, наконец, помощь и сочувствие индусов, на которые рассчитывали, следует также признать, что и численность экспедиционного корпуса была вполне достаточной».

Повторим, что весь Индийский поход готовился в России в глубочайшей тайне. Все приказы записывались под диктовку государя и отдавались прямо из его кабинета в запечатанных конвертах для отправки на Дон. Ливену, который непосредственно занимался этим, строго-настрого было запрещено сообщать кому-либо о сделанных распоряжениях.

Когда казачье войско вдруг двинулось в волжские степи, многие вначале думали, что император решил переселить их в другое место (здесь и надо искать источник слуха о сосланном в Сибирь полке), и только потом английской разведке во Франции удалось выяснить, куда «безумный» император надумал послать казаков...

Считается, что совместные действия Франции и России на индийском направлении привели к падению 2 февраля 1801 года правительства Питта...

Одновременно с этим они ускорили и действия заговорщиков в России.

5.

Когда мы читаем в мемуарах, что «безумие этого несчастного государя (нельзя сомневаться в том, что он был не в своем уме) дошло до таких пределов, что долее не было возможности выносить его», не нужно думать, будто авторы подобных сочинений неискренни.

Мы уже говорили, что политика Павла была не всегда последовательной, много проявлялось императором ненужной горячности, много было совершено ошибок от недостаточного знания и понимания русского характера и самой России. Медленно, как бы на ощупь, пытался сформировать Павел направление национально ориентированной политики. И этим он настолько напугал рабовладельцев своей империи, что, действительно, казался им безумным.

Ощущение безумия императора в глазах других людей пытались создать, искажая его приказы, преувеличивая наказания, которым он подвергал подчиненных за пустяковые нарушения, всячески шаржируя его поступки...

Поразительно, но, невзирая на смену общественного строя, в России и монархической, и коммунистической, и демократической существует единый стереотип пове-

дения, опираясь на который антирусские силы действуют против тех руководителей нашей страны, которые пытаются проводить национальную политику. Начинают эти силы свою борьбу с неугодной им властью попыткой окарикатурить все действия правительства. Причем делается это не только не вполне допустимыми в цивилизованной политической борьбе приемами: преувеличением совершенных ошибок, распусканием не совсем верных слухов, но и совершенно недопустимым преувеличением, так сказать, в действии.

Так было, например, во время сталинских чисток 1930-х годов, когда чекистские начальники, тайно симпатизируя представителям ленинско-троцкистской гвардии, сознательно доводили репрессии до немыслимых размеров, подвергая репрессиям не только большевиков-ленинцев, троцкистов и зиновьевцев, но и людей, никакого отношения к этим ненавистникам России не имеющих.

Точно так же действовали и враги императора Павла.

Граф Петр Алексеевич Пален рассказывал графу Ланжерону, что однажды, воспользовавшись хорошим настроением императора, «когда ему можно было говорить что угодно», разжалобил его насчет участи разжалованных офицеров.

Павел «был романического характера, он имел претензию на великодушие. Во всем он любил крайности: два часа спустя после нашего разговора двадцать курьеров уже скакали во все части империи, чтобы вернуть назад в Петербург всех сосланных и исключенных со службы. Приказ, дарующий им помилование, был продиктован мне самим императором. Тогда я обеспечил себе два важных пункта: 1) заполучил Беннигсена и Зубовых, необходимых мне (для организации заговора против Павла. — *Н.К.*), и 2) еще *усилил общее ожесточение против императора:* я изучил его нетерпеливый нрав, быстрые переходы его от одного чувства к другому, от одного намерения к другому, совершенно противоположному. Я был уверен, что первые из вернувшихся офицеров будут приняты хорошо, но что скоро они надоедят ему, а также и следующие за ними. Случилось то, что я предвидел, ежедневно сыпались в Петербург сотни этих несчастных: каждое утро подавали императору донесения с застав. Вскоре ему опротивела эта толпа прибывающих: *он* перестал принимать их, затем стал просто гнать и тем *нажил себе непримиримых врагов в лице этих несчастных, снова лишенных всякой надежды и осужденных умирать с голоду у ворот Петербурга* (выделено нами. — *Н.К.*)».

Сам Павел понимал это, но исправить ситуацию не мог.

«Меня выставляют за ужасного, невыносимого человека, — говорил Павел в апреле 1800 года шведскому послу, — а я не хочу никому внушать страха».

К этим словам императора можно было бы отнестись с некоторым скепсисом, но вот что любопытно. Самые спокойные месяцы правления Павла — сентябрь — октябрь 1800 года. Неслышно становится о жутких экзекуциях, меньше обрушивается опал...

А что случилось?

Да ничего...

Просто как раз в эти месяцы граф Пален отправлен командовать армией на прусской границе, а должность военного губернатора Петербурга исполняет генерал-лейтенант Александр Сергеевич Свечин*...

Любопытно, что граф Никита Петрович Панин пытался вовлечь Александра Сер-

---

* Александр Сергеевич Свечин как-то очень странно и неясно связан с событиями 11 марта. Во-первых, не очень понятно, как он исполнял обязанности петербургского военного губернатора в сентябре—октябре 1800 года, если вышел в отставку еще 30 мая 1800 года. Во-вторых, очень странно, что, зная о заговоре, он «не изменил доверию». Все-таки речь шла не о любовной интрижке, а о государственной измене. Ну а в-третьих, очень любопытно, что Александр Сергеевич Свечин всего на неделю пережил императора Павла и умер 42-х лет от роду 18 марта 1801 года.

геевича Свечина в заговор. Он объявил ему, что решено заставить Павла отречься от престола в пользу сына Александра.

Свечин был отважным генералом, героем русско-шведской войны 1789—1790 годов. Он с негодованием отверг предложение Панина, но объявил при этом, что «не изменит доверию» Никиты Петровича и не будет доносить на него.

На этом дело и закончилось, если не считать того, что через две недели Александру Сергеевичу Свечину пришлось освободить место военного губернатора для графа Палена.

Но тут уж такое дело... Не могли заговорщики оставить такой пост за человеком, который не поддерживает их.

Другое дело Пален...

Фон дер Палену было в 1801 году пятьдесят шесть лет. С главными заговорщиками он был знаком давно. В армии Петра Ивановича Панина воевал ротмистром еще в турецкой компании 1770 года, с Платоном Александровичем Зубовым познакомился в бытность свою правителем Рижского наместничества. Зубов проезжал тогда через Ригу в Митаву осматривать свои имения, и фон дер Пален расстарался. Встретил Платона Александровича так, что удостоился гнева императора Павла.

«С удивлением уведомился я обо всех подлостях, вами оказанных в проезд князя Зубова через Ригу, — написал тогда Павел. — Из сего я и делаю сродное о свойстве вашем заключение, по коему и поведение мое против вас соразмеренно будет».

Пален был выключен со службы, но через полгода принят снова и получил возможность лично представиться Павлу.

Человек умный, хитрый и совершенно аморальный, фон дер Пален славился умением быстро нащупывать слабости собеседника и самым бессовестным образом играть на них. Говорят, что в родной Лифляндии о Палене говорили: «Er hat die Pfiffologie studiert». По немецки «pfiffing» — хитрый, ловкий, пронырливый человек, который всегда запутывает других, а сам никогда не остается в дураках. Самое любопытное, что Пален и сам употреблял это выражение, желая похвалить кого-либо...

Стремительна его карьера в Петербурге. 31 марта 1798 года Пален пожалован чином генерала от кавалерии и 28 июля назначен санкт-петербургским военным губернатором. В этой должности он находился до 12 августа 1800 года, когда Павел ему поручил командование армией, выдвинутой на границу с Пруссией.

На примере интриги, посредством которой были возвращены в Петербург Беннигсен и Зубовы, мы видели, как ловко использовал Пален маску преданного императору человека. Будучи прекрасным психологом, он мастерски играл на лучших чувствах Павла, чтобы употребить достигнутое во вред ему.

Как плелись нити заговора, точно установить сейчас невозможно, но на основании многочисленных свидетельств можно сделать вывод, что вначале заговором руководили Никита Петрович Панин* и генерал де Рибас. В заговор был посвящен и наследник престола великий князь Александр Павлович.

---

* Никита Петрович Панин был сыном генерал-аншефа, сенатора Петра Ивановича Панина, а также — племянником графа Никиты Ивановича Панина, министра и воспитателя великого князя Павла Петровича. При Екатерине Никита Петрович Панин был посланником в Гааге и Берлине, при Павле — вице-канцлером и министром иностранных дел.

«Он (Панин. — *Н.К.*) сообщал графу Палену все, что мог узнать о мнениях и недовольстве столицы (Москвы. — *Н.К.*), на которую можно было смотреть, как на орган всей нации...

Убежденный, что нельзя терять ни минуты, чтобы спасти государство и предупредить несчастные последствия общей революции, граф Пален опять явился к великому князю Александру, прося у него разрешения выполнить задуманный план, уже не терпящий отлагательства. Он прибавил, что последние выходки императора привели в величайшее волнение все население Петербурга различных слоев, и что можно опасаться самого худшего».

«...Граф Панин, — пишет в своих записках Беннигсен, — обратился к великому князю. Он представил ему те несчастия, какие неминуемо должны явиться результатом этого царствования, если оно продлится; только на него одного нация может возлагать доверие, только он один способен предупредить роковые последствия, причем Панин обещал ему арестовать императора и предложить ему, великому князю, от имени нации бразды правления. Граф Панин и генерал де Рибас были первыми, составившими план этого переворота. Последний так и умер, не дождавшись осуществления этого замысла, но первый не терял надежды спасти государство. Он сообщил свои мысли военному губернатору, графу Палену. Они еще раз говорили об этом великому князю Александру и убеждали его согласиться на переворот, ибо революция, вызванная всеобщим недовольством, должна вспыхнуть не сегодня-завтра, и уже тогда трудно будет предвидеть ее последствия. Сперва Александр отверг эти предложения, противные чувствам его сердца. Наконец, поддавшись убеждениям, он обещал обратить на них свое внимание и обсудить это дело столь огромной важности, так близко затрагивающее его сыновние обязанности, но, вместе с тем, налагаемое на него долгом по отношению к его народу. Тем временем граф Панин, попав в опалу, лишился места вице-канцлера, и Павел сослал его в его подмосковное имение, где он, однако, не оставался праздным».

Тут можно передать слово и самому Петру Алексеевичу Палену.

«Сперва Александр был, видимо, возмущен моим замыслом... он сказал мне, что вполне сознает опасности, которым подвергается империя, а также опасности, угрожающие ему лично, но что он готов все выстрадать и решился ничего не предпринимать против отца.

Я не унывал, однако, и так часто повторял мои настояния, так старался дать ему почувствовать настоятельную необходимость переворота, возраставшую с каждым новым безумством, так льстил ему или пугал его насчет его собственной будущности, представляя ему на выбор — или престол, или же темницу, и даже смерть, что мне наконец удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность и даже убедить его установить вместе с Паниным и со мною средства для достижения развязки, настоятельность которой он сам не мог не сознавать».

6.

И военный губернатор Санкт-Петербурга Петр Алексеевич Пален, и граф Никита Петрович Панин, пытавшийся вовлечь Свечина в заговор, были сторонниками союза с Англией.

И не только они. Очень многим представителям петербургского высшего света безумием казалось вступать в конфликт с Англией. И не геополитические соображения причина тому, не англомания.

Все было гораздо проще...

«Англия снабжала нас произведениями и мануфактурными и колониальными за сырые произведения нашей почвы, — пишет в своих записках Фонвизин, — Эта торговля открывала единственные пути, которыми в Россию притекало *все для нас необходимое. Дворянство было обеспечено в верном получении доходов* (выделено нами. — *Н.К.*) со своих поместьев, отпуская за море хлеб, корабельные леса, мачты, сало, пеньку, лен и проч. Разрыв с Англией, нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу...»

Это свидетельство дорогого стоит.

Это бесценные штрихи в портрету российского дворянства! Какие там государственные интересы, какая там верность присяге!

Главное, что благосостояние нарушается!

Из-за этого и на убийство помазанника Божия можно пойти...

Тем более что не впервой ведь было русскому дворянству ходить на такое...

Штаб-квартирой заговорщиков стал салон Ольги Александровны Жеребцовой

на Исаакиевской площади. Ольга Александровна только в замужестве стала Жеребцовой, а по рождению была сестрой братьев Зубовых.

Семейство это весьма любопытное.

Платон Александрович Зубов был последним фаворитом Екатерины II.

22-летним секунд-ротмистром он прорвался в постель 60-летней ожиревшей императрицы, а вышел из нее светлейшим князем, генерал-фельдцейхмейстером, над фортификациями генеральным директором, главноначальствующим флотом Черноморским, Вознесенскою легкою конницей и Черноморским казачьим войском, шефом Кавалергардского корпуса...

Благодаря постельной отваге Платона Александровича выдвинулись и его братья — Валериан Александрович и Николай Александрович Зубовы.

Николай Александрович Зубов, высокий красавец-атлет, между прочим, женился на дочери Александра Васильевича Суворова*.

Неожиданную кончину своей «старушки» братья Зубовы встретили без паники.

Николай Александрович Зубов сразу полетел в Гатчину и первым привез Павлу радостное известие, за что и был пожалован орденом Андрея Первозванного.

А Платон Александрович Зубов, по слухам, указал Павлу место, где Екатерина хранила касающиеся самого Павла бумаги.

Как бы то ни было, но вопреки мнению, что Павел якобы преследовал всех фаворитов матери, братья Зубовы сохранили все свои должности и звания.

Кроме трех братьев имелась в дружной зубовской семье и сестра. 35-летняя Ольга Александровна Жеребцова отличалась — родовая черта Зубовых — необыкновенной красотой и — тоже родовая черта? — столь же необыкновенным корыстолюбием. Будучи в интрижке с английским послом сэром Чарльзом Уитвортом, она приняла его предложение организовать за два миллиона рублей государственный переворот в России...

Из салона Ольги Александровны Жеребцовой-Зубовой и начинают растекаться слухи, что Павел якобы страдает припадками буйного умопомешательства. Здесь переписываются все новые и новые экземпляры памфлета поручика Марина. Императора чернят за союз с Наполеоном, обвиняют в намерениях извести казачество.

Приказ атаману Орлову только еще послан, казаки еще только движутся к Волге, но в сплетнях, распускаемых из салона Жеребцовой-Зубовой, ходит слух, что Павел решил уничтожить все донское казачество, что казачьи эскадроны уже гибнут в безлюдных степях... Здесь же, в салоне, рождается легенда о полке, сосланном императором Павлом прямо с парада в Сибирь.

Ну а главное, в салоне вербуют молодых гвардейских офицеров — пехоту грядущего дворцового переворота. Чтобы придать отваги будущим цареубийцам, Ольга Александровна уверяет, что на всякий случай на Неве будет стоять английская яхта, она примет на борт заговорщиков в случае неудачи.

Английская яхта — чистый блеф. Неоткуда было взяться на Неве английской яхте, поскольку еще в начале года в ответ на захват англичанами Мальты было наложено *эмбарго* на все английские суда, нахо-

---

* Женитьба эта состоялась, похоже, не без хлопот императрицы Екатерины II, старавшейся получше устроить братьев своего любовника в высшем свете.

Наталья Александровна Суворова или, как ее называл в письмах отец, Суворочка, после окончания Смольного института была пожалована 3 марта 1791 года во фрейлины и жила при дворце. Здесь ее и познакомили, по-видимому, с красавцем Николаем Александровичем Зубовым.

Сам Суворов был огорчен выбором дочери, тем более что у него на примете был совершенно другой жених. Свое огорчение великий полководец излил в стихах, написанных из Варшавы, после подавления польского мятежа:

Уведомляю сим тебя, моя Наташа,
Костюшка злой в руках; взяла
вот так-то наша!
Я ж весел и здоров, но лишь
немного лих,
Тобою что презрен
мной избранный жених...

дившиеся в российских портах. Сама Ольга Александровна Жеребцова во всяком случае ни на какой яхте не собиралась спасаться. За день до цареубийства она выехала за границу. Об убийстве Павла она узнала уже в Берлине и со спокойной совестью поехала в Лондон, чтобы получить «честно заработанные» миллионы.

Многие участники заговора, как бы пытаясь оправдать преступление, совершенное ими, в своих воспоминаниях назойливо подчеркивают, что о заговоре знали многие, но никто не донес. Значит, делают они вывод, Павел был так ненавистен, что практически все желали его гибели, но не могли решиться на это сами.

Скажем сразу, что это не соответствует истине.

Доносы делались, и хотя многие из них перехватывались ближайшим окружением Павла, вовлеченным в заговор, Павлу все-таки стало известно о заговоре.

Об этом свидетельствует сам Петр Алексеевич Пален, рассказавший графу Ланжерону, что 7 марта, когда в семь часов утра он вошел в кабинет императора, чтобы отрапортовать о состоянии столицы, Павел остановил его.

— Господин фон Пален, — спросил он. — Вы были здесь в 1762 году?

— Да, Ваше Величество...

— Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола и жизни?

— Ваше Величество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом, я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в Конном полку. Я ехал на лошади со своим полком, ничего не подозревая, что происходит: но почему, Ваше Величество, задаете вы мне подобный вопрос?

— Почему? Вот почему: потому что хотят повторить 1762 год.

Пален, как он признавался потом сам, затрепетал от страха, что заговор раскрыт, но он был готов к этому, и готов был нужный ответ.

— Да, Ваше Величество, — ответил он. — Хотят! Я это знаю и участвую в заговоре.

— Как! Вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы мне такое говорите!

— Сущую правду, Ваше Величество! Я должен сделать вид, что участвую в заговоре, но участвую ввиду моей должности, ибо как иначе мог бы я узнать, что намерены они делать? Я вынужден притворяться, что хочу способствовать их замыслам... Но не беспокойтесь... Вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Он был иностранец, а вы русский; он ненавидел русских, презирал их и удалял от себя; а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; он не был коронован, а вы коронованы; он раздражил и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его время не было никакой полиции в Петербурге, а нынче она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова помимо моего ведома... Каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает ни гениальностью, ни умом вашей матери; у нее двадцатилетние дети, а в 1762 году вам было только семь лет.

— Все это верно... — сказал Павел. — Но, конечно, не надо дремать...

Поверил ли Павел Палену?

Если и поверил, то не до конца...

Через день он отправил опальному графу А.А. Аракчееву письмо: «С получением сего вы должны явиться немедленно. Павел».

Это послание и ускорило гибель императора. Граф Пален, которому стало известно о вызове Аракчеева, понял, что оттягивать задуманное более невозможно...

Аракчеев явился по зову императора.

Как рассказывает Н.А. Саблуков, он прибыл в Петербург вечером 11 марта, когда Павел был еще жив, но его — такое было отдано распоряжение военным губернатором фон дер Паленом! — не пропустили через заставу.

7.

«11-го (23-го) марта 1801 г., утром, я встретил князя Зубова в санях, едущим по Невскому проспекту, — вспоминая этот черный день, пишет Беннигсен. — Он остановил меня и сказал, что ему нужно переговорить со мной, для этого он желает поехать ко мне на дом. Но, подумав, он прибавил, что лучше, чтобы не видели вместе, и пригласил меня к себе ужинать. Я согласился, еще не подозревая, о чем может быть речь, тем более что я собирался на другой день выехать из Петербурга в свое имение в Литве. Вот почему я перед обедом отправился к графу Палену просить у него, как у военного губернатора, необходимого мне паспорта на выезд.

Он отвечал мне: "Да отложите свой отъезд, мы еще послужим вместе", и добавил: "Князь Зубов вам скажет остальное".

Я заметил, что все время он был очень смущен и взволнован. Так как мы были связаны дружбой издавна, то я впоследствии очень удивлялся, что он не сказал мне о том, что должно было случиться; хотя все со дня на день ожидали перемены царствования, но, признаюсь, я не думал, что время уже настало.

От Палена я отправился к генерал-прокурору Обольянинову, чтобы проститься, а оттуда часов в десять приехал к Зубову. Я застал у него только его брата, графа Николая, и трех лиц, посвященных в тайну, — одно было из Сената, и ему предназначалось доставить туда приказ собраться, лишь только арестуют императора. Граф Пален позаботился, велел заготовить необходимые приказы, начинавшиеся словами: "По высочайшему повелению" и предназначенные для арестования нескольких лиц в первый же момент.

Князь Зубов сообщил мне условленный план, сказав, что в полночь совершится переворот.

Моим первым вопросом было: кто стоит во главе заговора? Когда мне назвали это лицо, тогда я, не колеблясь, примкнул к заговору, правда, шагу опасному, однако необходимому, чтобы *спасти нацию от пропасти* (выделено нами. — *Н.К.*), которой она не могла миновать в царствование Павла.

До какой степени эту истину все сознавали, видно из того, что, несмотря на множество лиц, посвященных в тайну еще накануне, никто, однако, ее не выдал.

Немного позже полуночи я сел в сани с князем Зубовым, чтобы ехать к графу Палену. У дверей стоял полицейский офицер, который объявил нам, что граф у генерала Талызина и там ждет нас.

Мы застали комнату полной офицеров; они ужинали у генерала, причем большинство находились в подпитии, — все были посвящены в тайну. Говорили о мерах, которые следует принять, а между тем слуги беспрестанно входили и выходили из комнаты...»

Заговорщики условились, что генерал Талызин соберет свой гвардейский батальон, неподалеку от Летнего сада; а генерал Депрерадович свой, также гвардейский батальон на Невском проспекте, вблизи Гостиного двора. Во главе этой колонны будут находиться военный губернатор и генерал Уваров. Во главе первой — трое братьев Зубовых и Беннигсен. По пути к ним присоединится «пехота» — завербованные в салоне Ольги Александровны Жеребцовой исполнители цареубийства. Граф Пален со своей колонной должен был занять главную лестницу замка, а колонна Зубовых—Беннигсена — пройти по потайным лестницам, чтобы убить императора в его спальне...

Тут тоже нужно сделать пояснение...

Почти никто из участников заговора не употребляет слово «убийство». Его заменяют эвфемизмом «арест» или выражениями типа «лишить возможности делать зло...».

Делается это не столько из страха перед расплатой (чего опасаться, если подельником с тобою проходит новый император), сколько в соответствии с обычаями екатерининского времени ни о какой вещи не говорить прямо, а изъясняться пусть и непонятно, но прилично и велеречиво.

И только такие циники, как Петр Алексеевич Пален, позволяли себе гово-

рить об этом со свойственной прибалтийским немцам грубоватой прямотой.

«Но я обязан, в интересах правды, сказать, что великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительно клятвенного обещания, что не станут покушаться на жизнь его отца, — рассказывал он графу Ланжерону, — я дал ему слово: я не был настолько лишен смысла, чтобы внутренне взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить щепетильность моего будущего государя, и я обнадежил его намерения, хотя был убежден, что они не исполнятся. *Я прекрасно знал, что надо завершить революцию, или уже совсем не затевать ее, и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы скоро откроются,* произойдет страшнейшая реакция, и кровь невинных, как и кровь виновных, вскоре обагрит и столицу, и губернии».

Это к тому, что все знали, на что они идут. И «пехота» заговора, и сами великие князья.

Косвенно подтверждают это и воспоминания Н.А. Саблукова, который в заговоре не участвовал и которого по этой причине заговорщикам надобно было отстранить от участия в охране Михайловского замка.

Дело в том, что по расписанию 11 марта эскадрон конногвардейцев, которым командовал Н.А. Саблуков, должен был нести караул в Михайловском замке. Как и положено, в 10 часов утра Саблуков вывел свой караул на плац-парад. Там во время развода к нему подошел адъютант полка и сообщил, что, по именному приказанию великого князя Константина Павловича Саблуков назначен сегодня дежурным полковником по полку.

«Это было совершенно противно служебным правилам, — пишет Н.А. Саблуков в своих «Записках», — так как на полковника, эскадрон которого стоит в карауле и который обязан осматривать посты, никогда не возлагается никаких иных обязанностей. Я заметил это Ушакову несколько раздраженным тоном и уже собирался немедленно пожаловаться великому князю, но, к удивлению всех, оказалось, что ни его, ни великого князя Александра Павловича не было на разводе. Ушаков не объяснил мне причин всего этого, хотя, по-видимому, он их знал.

Так как я не имел права не исполнить приказание великого князя, то я повел караул во дворец и, напомнив офицеру о всех его обязанностях (ибо я не рассчитывал уже видеть его в течение дня), вернулся в казармы, чтобы исполнить мою должность дежурного по полку».

В 8 часов вечера, приняв рапорты от дежурных офицеров пяти эскадронов, Саблуков отправился в Михайловский замок, чтобы сдать рапорт шефу своего полка великому князю Константину.

Выходя из саней у большого подъезда, он встретил камер-лакея Собственных Его Величества апартаментов, который спросил Саблукова, куда тот идет? Саблуков отвечал, что идет к великому князю Константину.

— Пожалуйста, не ходите, — попросил камер-лакей. — Ибо я тотчас должен донести об этом государю.

— Не могу не пойти, — сказал Саблуков. — Я дежурный полковник и должен явиться с рапортом к Его Высочеству; так и скажите государю.

Когда Саблуков вошел в переднюю Константина Павловича, Рутковский, его доверенный камердинер, спросил с удивленным видом:

— Зачем вы пришли сюда?

— Вы, кажется, все здесь с ума сошли! — ответил Саблуков, бросая шубу на диван. — Я дежурный полковник.

Только тогда Рутковский отпер дверь в зал.

Пока Саблуков отдавал Константину рапорт, «прокрадываясь, как испуганный заяц», в зале появился великий князь Александр. Но тут же из задней двери вошел император Павел. Церемониальным шагом, в сапогах и шпорах, со шляпой в одной руке и тростью в другой, словно на параде, он направился к великим князьям.

Александр поспешно убежал в собственные апартаменты, а Константин зас-

тыл, хлопая себя по карманам, «словно безоружный человек, очутившийся перед медведем». Саблуков, повернувшись, по уставу, на каблуках, отрапортовал императору о состоянии полка.

— А, ты дежурный! — сказал император, учтиво кивнул головой и пошел назад к двери.

Когда он вышел, Александр, немного приоткрыв свою дверь, снова заглянул в комнату. Наконец громко захлопнулась дверь в соседнем зале, куда ушел император, и только тогда Александр вернулся в зал.

— Ну, братец, что скажете вы о моих конногвардейцах? — указывая на Саблукова, сказал ему Константин. — Я говорил вам, что он не испугается!

— Как? — удивился Александр. — Вы не боитесь императора?

— Нет, Ваше Высочество, — ответил Саблуков. — Чего же мне бояться? Я дежурный, да еще вне очереди; я исполняю мою обязанность и не боюсь никого, кроме великого князя, и то потому, что он мой прямой начальник, точно так же, как мои солдаты не боятся Его Высочества, а боятся одного меня.

— Так вы ничего не знаете? — спросил Александр.

— Ничего, Ваше Высочество, кроме того, что я дежурный не в очередь.

— Я так приказал, — сказал Константин.

— К тому же, — сказал Александр, — мы оба под арестом.

Еще Саблуков узнал от великих князей, что Обольянинов водил их сегодня в церковь присягать в верности императору Павлу...

Это существенная подробность.

Весьма показательно и поведение великого князя Александра Павловича за три часа до убийства отца. Если Александр Павлович знал, чем закончится «лишение императора возможности делать зло», то объяснимым становится тот панический страх, которым был объят будущий император...

Было чего бояться...

Нелегко, должно быть, смотреть в глаза своему отцу, зная, что через несколько часов его убьют по твоему приказу.

«В последующих моих беседах с императором Александром, — пишет князь Адам Чарторыйский, — последний неоднократно рассказывал мне совершенно искренно о своем ужасном душевном волнении в эти минуты, когда сердце его буквально разрывалось от горя и отчаяния. Да оно и не могло быть иначе, ибо в такие минуты он не мог не думать об опасности, угрожавшей ему, его матери и всему семейству в случае неудачи заговора...»

А убийцы уже собрались тогда у Зубовых, где отважный любовник прежней императрицы сказал горячую речь, в которой описал «плачевное положение России», указал на «бедствия, угрожающие государству и частным лицам, если безумные выходки Павла будут продолжаться. Он указал на безрассудность разрыва с Англией...»

Свою речь Зубов закончил заявлением, что великий князь Александр, удрученный бедственным положением родины, решился спасти ее и что, таким образом, все дело сводится теперь лишь к тому, чтобы низложить императора Павла, заставив его подписать отречение в пользу наследника престола. Провозглашение Александра, по словам оратора, спасет отечество и самого Павла от неминуемой гибели. В заключение граф Пален и Зубовы категорически заявили всему собранию, что настоящий проект вполне одобрен Александром.

«С этого момента, — пишет князь Адам Чарторыйский, — колебания заговорщиков прекратились: пили здоровье будущего императора, и вино полилось рекою. Пален, оставивший на время собрание, поехал во дворец и вскоре вернулся, принеся известие, что ужин в Михайловском замке прошел спокойно, что император, по-видимому, ничего не подозревает и расстался с императрицей и великими князьями, как обыкновенно».

Ужин у Зубовых между тем продолжался, и всеобщее возбуждение росло благодаря обильным возлияниям, большинство же

гостей были сильно навеселе, причем несколько человек уже едва держались на ногах. Наконец время, назначенное для исполнения заговора, наступило. В полночь все встали из-за стола и двинулись к Михайловскому замку.

Проводником колонны, в которой шли братья Зубовы и Беннигсен, был адъютант Преображенского полка Александр Васильевич Аргамаков, знавший все потайные ходы и комнаты, так как ему по несколько раз случалось ходить по ним, принося рапорты и принимая приказания императора. Аргамаков повел заговорщиков сперва в Летний сад, потом по мостику в дверь, сообщавшуюся с Летним садом, далее по лесенке, которая привела убийц в маленькую кухоньку, смежную с прихожей перед спальней Павла.

Здесь Аргамаков постучался в дверь, запертую на ключ.

— Кто там? — раздался голос камердинера Павла. — Что нужно...

— Я адъютант государя! — отвечал Аргамаков. — Можно ли спрашивать, что мне нужно? Я прихожу каждое утро подавать рапорт императору. Уже шесть часов. Отпирай скорее!

— Как шесть часов? — возразил камердинер. — Еще и двенадцати нет. Мы только что улеглись спать.

— Вы ошибаетесь! — сказал Аргамаков. — Ваши часы, вероятно, остановились. Теперь более шести часов. Открывайте, а то из-за ваших часов меня посадят под арест.

Обманутый камердинер открыл дверь.

Беннигсен переговоры Аргамакова с камердинером постарался не расслышать. В его воспоминаниях заговорщики сразу попадают в прихожую.

«Там мы застали камер-гусара, который спал крепчайшим сном, сидя и прислонившись головой к печке. Из всей толпы офицеров, сначала окружавших нас, оставалось теперь всего человека четыре, да и те вместо того, чтобы вести себя тихо, напали на лакея; один из офицеров ударил его тростью по голове, и тот поднял крик.

Пораженные, все остановились, предвидя момент, когда общая тревога разнесется по всем комнатам.

Я поспешил войти вместе с князем Зубовым в спальню, где мы действительно застали... императора уже разбуженным этим криком и стоящим возле кровати, перед ширмами. Держа шпаги наголо, мы сказали ему: “Вы арестованы, ваше величество!...”»

Прервем тут рассказ генерала Беннигсена.

Фонвизин рассказывает, что Павел, встревоженный шумом, вскочил с постели, схватил шпагу и спрятался за ширмами... Князь Платон Зубов, не видя Павла на постели, испугался, но Беннигсен, хладнокровно осмотрев помещение, нашел Павла, спрятавшегося за ширмами, со шпагою в руке и вывел его из засады.

Самое замечательное здесь — подчеркнутое хладнокровие генерала. Если Платон Александрович и позволил себе для храбрости хватануть за ужином лишку, то генерал Беннигсен был трезв и предельно собран.

Когда он произнес слова об аресте, Павел взглянул на него и сразу же, не произнеся ни слова, обернулся к князю Зубову.

— Что вы делаете, Платон Александрович? — спросил он.

«В эту минуту, — свидетельствует Беннигсен, — вошел в комнату офицер нашей свиты и шепнул Зубову на ухо, что его присутствие необходимо внизу, где опасались гвардии, что один поручик не был извещен о перемене, которая должна совершиться. Несомненно, что *император никогда не оказывал несправедливости солдату и привязал его к себе, приказывая при каждом случае щедро раздавать мясо и водку в петербургском гарнизоне.* (Выделено нами. — *Н.К.*)

Тем более должны были бояться *этой* (выделено нами. — *Н.К.*) гвардии, что граф Пален еще не прибыл со своей свитой и батальоном для занятия главной лестницы замка, отрезавшей всякое сообщение между гвардией и покоями императора.

Князь Зубов вышел, и я с минуту оставался с глазу на глаз с императором, кото-

Елизавета Петровна (1709—1761)

Дочь императора Петра I Великого и его жены императрицы Екатерины I. Вступила на престол, свергнув императора Иоанна VI Антоновича и его мать Анну Леопольдовну. Императрица с 1741 г.

Зимний дворец

Петр III Федорович (1728—1762)

Внук Петра I, сын герцога Голштейн-Готторпского Карла Фридриха и царевны Анны Петровны, дочери императора Петра I Великого. Вступил на престол после смерти императрицы Елизаветы Петровны. Император с 1761 г.

Екатерина II Великая Алексеевна (1729—1796)

Немецкая принцесса София Фредерика Августа Анхальт-Цербстская. Вступила на престол после своего мужа императора Петра III, совершив переворот. Императрица с 1762 г.

рый только глядел на меня, не говоря ни слова.

Мало-помалу стали входить офицеры из тех, что следовали за нами. Первыми были подполковник Яшвиль, брат артиллерийского генерала Яшвиля, майор Татаринов и еще несколько других.

Я должен здесь прибавить, что так как за последнее время было сослано и удалено со службы огромное количество офицеров всех чинов, то я уже не знал почти никого из тех, кого теперь видел перед собой, и они тоже знали меня только по фамилии.

Тогда я вышел, чтобы осмотреть двери, ведущие в другие покои; в одном из них, между прочим, были заперты шпаги арестованных офицеров. В эту минуту вошли еще много офицеров.

Я узнал потом те немногие слова, какие произнес император по-русски — сперва: “Арестован, что это значит — арестован?” Один из офицеров отвечал ему: «Еще четыре года тому назад с тобой следовало бы покончить!» На это он возразил: “Что я сделал?” Вот единственные произнесенные им слова.

Офицеры, число которых еще возросло, так что вся комната наполнилась ими, схватили его и повалили на ширмы, которые были опрокинуты на пол. Мне кажется, он хотел освободиться от них и бросился к двери, и я дважды повторил ему: “Оставайтесь спокойным, Ваше Величество, — дело идет о вашей жизни!”

В эту минуту я услыхал, что один офицер, по фамилии Бибиков, вместе с пикетом гвардии вошел в смежную комнату, по которой мы проходили. Я иду туда, чтобы объяснить ему, в чем будет состоять его обязанность, и, конечно, это заняло не более нескольких минут».

Фонвизин рассказывает, что несколько угроз, вырвавшихся «у несчастного Павла», вызвали ярость Николая Зубова, который был силы атлетической. Он держал в руке золотую табакерку и с размаха ударил ею Павла в висок, — это было сигналом, по которому князь Яшвиль, Татаринов, Горда-

Михайловский замок. Гравюра Б. Патерсона. 1801 г.

нов и Скарятин яростно бросились на него, вырвали из его рук шпагу: началась с ним отчаянная борьба. Павел был крепок и силен: его повалили на пол, топтали ногами, шпажным эфесом проломили ему голову и наконец задавили шарфом Скарятина...»

Но самое замечательное у Фонвизина, однако, идет далее...

«*В начале этой* гнусной, отвратительной *сцены Беннигсен вышел* в предспальную комнату, на стенах которой развешены были картины, и со свечкою в руке преспокойно рассматривал их.

Удивительное хладнокровие. Не скажу — зверское жестокосердие, потому что генерал Беннигсен во всю свою службу был известен как человек самый добродушный и кроткий. Когда он командовал армией, то всякий раз, когда ему подносили подписывать смертный приговор какому-нибудь мародеру, пойманному на грабеже, он исполнял это как тяжкий долг, с горем, с отвращением и делая себе насилие. Кто изъяснит такие несообразные странности и противоречия человеческого сердца!»

Барон Левин Август Теофил Беннигсен родился в родовом поместье близ Ганновера. Будучи обладателем богатого родового поместья, на русскую службу Беннигсен поступил в 1773 году, не принимая, однако, русского подданства.

Во время польской кампании барон познакомился с Валерианом Александровичем Зубовым, и с этого момента в карьере его происходит перелом. Награды и повышения в званиях так и сыплются на него.

Участие Беннигсена в убийстве императора Павла было предопределено его близостью к братьям Зубовым. Император прозорливо отметил, увольняя Беннигсена со службы: «Имею я повод думать, что Беннигсен у нас не весьма усерден, и особенно лично ко мне...»

Тем не менее по ходатайству Палена Беннигсен был возвращен и теперь хладнокровно разглядывал со свечкой в руках картины на стенах, ожидая, когда «пехота» завершит цареубийство.

В отличие от пьяных офицеров русской гвардии, вообразивших, что чем гнуснее будут они убивать императора, тем более будет заслуга, Беннигсен прекрасно понимал, что для продолжения стремительной карьеры надобно, по крайней мере, уклониться от прямого участия в цареубийстве*.

Он так и поступил.

Полюбовавшись картинами, он вернулся в спальню императора.

«Кто-то из офицеров сказал мне: «С ним покончили!»

Мне трудно было этому поверить, так как я не видел никаких следов крови. Но скоро я в том убедился собственными глазами. Итак, несчастный государь был лишен жизни непредвиденным образом и, несомненно, вопреки намерениям тех, кто составлял план этой революции, которая, как я уже сказал, являлась необходимой. Напротив, прежде было условлено увезти его в крепость, где ему хотели предложить подписать акт отречения от престола».

В своих мемуарах Беннигсен, не довольствуясь собственным алиби, тут же называет и имена подлинных убийц.

«Припомните, генерал, что было много выпито вина за ужином, предложенным... офицерам, бывшим виновниками этой сцены, которую, к несчастью, нельзя вычеркнуть из истории России».

---

* Это Беннигсену удалось как нельзя лучше, и за это он был щедро вознагражден императором Александром. Конечно, на какое-то время ему пришлось удалиться от двора — он был назначен виленским военным губернатором, но уже в 1805 году возвращен в Петербург и назначен командующим 70-тысячным корпусом, а после незначительной победы под Пултуском 14 декабря 1806 года над отрядом Ланна, которую Беннигсен в донесении государю выдал за победу над армией самого Наполеона, назначен главнокомандующим всей русской армией.

Несмотря на многочисленные неудачи, Александр продолжал осыпать наградами организатора убийства своего отца... Орден Андрея Первозванного — всего лишь одна из этих наград... Только когда началось вторжение Наполеона в Россию, Александр был вынужден отстранить плохо говорящего по-русски Беннигсена от главнокомандования.

Примечание это весьма существенное, поскольку у фон дер Палена тоже хватило ума не принимать непосредственного участия в убийстве императора Павла... Беннигсен, однако, исправляет эту несправедливость.

«Должен прибавить, — пишет он, — что граф Пален, обращаясь к этим офицерам, сказал им между прочим: "Господа, чтобы приготовить яичницу, необходимо разбить яйца". Не знаю, с каким намерением было употреблено это выражение, но эти слова могли подать повод к ложным толкованиям».

Правда, другие участники цареубийства подозревают, что, в отличие от Беннигсена Пален подстраховывался не только от неприятностей, связанных с раздражением будущего императора на убийц отца, но заодно и от гнева самого Павла в случае провала переворота.

«Пален тоже пришел на место действия, когда уже все было кончено, — пишет Фонвизин. — Или он гнушался преступлением и даже не хотел быть свидетелем его, или, как иные думали, он действовал двулично: *если бы заговор не увенчался успехом, он явился бы к императору на помощь, как верный его слуга и спаситель*».

«Думают, — замечает по этому поводу граф Ланжерон, — что *Пален*, адский гений которого все предвидел, а в особенности не забыл ничего, что могло касаться его лично, *уклонился от деятельного участия* не потому, как он уверял меня, что хотел исполнить обещание, данное великому князю Александру, а *для того, чтобы быть в состоянии, если не удастся предприятие, броситься на помощь к императору:* не желая сам совершать преступления, он, зная хладнокровие и невозмутимое мужество Бенигсена, призвал его, чтобы заменить себя, и правда, что без Бенигсена ничего не удалось бы».

«Весть о кончине Павла была тотчас же доведена до сведения графа Палена, который расположился на главной аллее у замка с несколькими батальонами гвардии, — вторит Фонвизину и Ланжерону княгиня Ливен. — *Войска были собраны по его приказу, чтобы, глядя по обстоятельствам, или явиться на подмогу императору, или послужить для провозглашения его преемника.* И в том, и в другом случае граф Пален питал уверенность, что ему на долю достанется первенствующая роль».

Если вспомнить, что, по рассказу самого фон дер Палена, он приказал великому князю одеться в мундир и ждать, поскольку *потом* дорога будет каждая минута и нового императора надобно будет показать войскам немедленно, «адский гений» его явит еще одно подтверждение. Ведь если бы Палену в случае провала цареубийства пришлось врываться во дворец, чтобы перебить заговорщиков, он смог бы предъявить одетого в мундир Александра как доказательство того, что именно Александр и организовал заговор.

Воистину адский гений...

Причем адский — без всякого преувеличения.

Палену — вспомним разговор, который недавно состоялся у него с императором Павлом, когда Пален признался, что стоит во главе заговора, чтобы разоблачить его! — удалось отладить заговор до такого виртуозного совершенства, что все в нем: и «пехота» цареубийства, и Беннигсен, и братья Зубовы, и великий князь Александр, и сам император Павел были только маленькими винтиками механизма, ключи от которого держал он, Пален.

Что он чувствовал, стоя с несколькими батальонами гвардии на главной аллее у замка?

Пытался представить, что происходит сейчас в покоях императора?

Нетерпеливо поглядывал на часы, выжидая, на чью сторону склонятся весы победы?

Или просто с холодной усмешкой смотрел, как приближается к нему из замка посланец?

И может быть, Пален уже готов был объявить батальонам, что в замке заговорщики покушаются на государя императора, и скомандовать идти на штурм... И уже все напряглось в нем... Еще минута, и он с обнаженной шпагой ворвется в замок во

главе батальонов и, сметая на своем пути жизни товарищей по заговору, предстанет перед императором Павлом, как спаситель Государя и Отечества... И таким и останется навеки...

И уже все дрожало, все пело в нем от восторга предстоящей схватки, но тут со страшным криком взлетела в воздух с крыши замка огромная стая ворон, захлопали в темном воздухе черные крылья...

Черный, как вороньи крылья, вышел из сумерек посланец.

— Тиран убит! — прошептал он, и Пален, словно он и не воображал себя минуту назад спасителем Отечества, поправил треуголку и деловито зашагал к замку.

Осталось только взглянуть на труп, и можно было идти докладывать о победе новому императору. Одетый, тот ожидал известия от заговорщиков...

Воистину адский гений...

Ну а разудалые братья Зубовы выйти из спальни не догадались.

Сам светлейший князь Платон Александрович Зубов, хотя и был пьян, в избиении императора участия не принимал, а, отвернувшись, барабанил пальцами по оконному стеклу.

— Боже мой, как этот человек кричит! — проговорил он наконец. — Это невыносимо!

Услышав слова брата, Николай Александрович Зубов, который стоял рядом и нюхал табак, захлопнул массивную золотую табакерку и подошел к императору.

— Что ты кричишь? — сказал он, хватая Павла за руку.

— Дайте мне помолиться перед смертью! — закричал Павел, в гневе отталкивая его руку.

— Что ты кричишь?! — пьяно повторил Зубов и ударил Павла табакеркой в левый висок.

Считается, что этот удар и был смертельным, поскольку удавку, сделанную из шарфа Скарятина, так и не удалось затянуть. Впрочем, в той суматохе, что царила тогда в спальне государя, трудно было что-либо разглядеть толком, невозможно было ничего понять...

«Беннигсен не захотел мне больше ничего говорить, — пишет граф Ланжерон, — однако оказывается, что он был очевидцем смерти императора, но не участвовал в убийстве. Убийцы бросились на Павла, и он защищался слабо: он просил пощады, умолял, чтобы ему дали время прочесть молитвы, и, увидев одного офицера конной гвардии приблизительно одного роста с великим князем Константином, он принял его за сына и сказал ему, как Цезарь Бруту: "Как! и Ваше Высочество здесь!" (Это слово "высочество" очень необычайно при подобных обстоятельствах.) Итак, несчастный государь умер, убежденный, что его сын был одним из его убийц, и это страшное сознание еще более отравило его последние минуты. Убийцы не имели ни веревки, ни полотенца, чтобы задушить его; говорят, Скарятин дал свой шарф, и через него погиб Павел. Не знают, кому приписать позорную честь быть виновником его жестокой кончины; все заговорщики участвовали в ней, но, по-видимому, князю Яшвилю и Татаринову принадлежит главная ответственность в этом страшном злодействе. Оказывается, что Николай Зубов, нечто вроде мясника, жестокий и разгоряченный вином, который упился, ударил его кулаком в лицо, а так как у него была в руке золотая табакерка, то один из острых углов этой четырехугольной табакерки ранил императора под левым глазом».

Павел был сыном Екатерины II, и убил его ее последний любовник, его брат и их подручные...

Другой любовник Екатерины II со своими подручными, как мы уже говорили, убил императора Петра III, который был официальным отцом Павла...

Так и был убит император Павел...

Во многих своих начинаниях Павел был первым.

Едва ли не самым первым был он в своей бескомпромиссной приверженности закону, перед которым он почитал равными и своего «друга» Аракчеева, и любого из дворян.

Август Коцебу пишет в своих записках, что на следующий день, когда пьяные гвардейские офицеры, ликуя, поздравляли солдат: «Радуйтесь, братцы! Тиран умер!», в ответ они слышали: «Для нас он был не тиран, а отец!...»

Глава третья

ОТЦЕУБИЙЦА

И все-таки самое страшное в ту ночь с 11 на 12 марта происходило не в спальне императора...

Нет...

Услышав подозрительный шум, гренадеры Преображенского полка, стоявшие во внутреннем карауле, поняли, что царю угрожает опасность, и заволновались.

«Одна минута, — пишет Фонвизин, — и Павел мог быть спасен ими. Но Марин не потерял присутствия духа, громко скомандовал: смирно! от ночи и все время, как заговорщики управлялись с Павлом, продержал своих гренадер под ружьем неподвижными, и ни один не смел пошевелиться. Таково было действие русской дисциплины на тогдашних солдат: во фронте они становились машинами».

Крики добиваемого императора, который пытался ограничить рабовладельческий беспредел, и русские гренадеры из императорского караула, что неподвижно застыли в строю, потому что им отдал такую команду нарушивший присягу рабовладелец — поручик Сергей Никифорович Марин...

Воистину более страшного символа рабовладельческой империи не придумать...

1.

А аристократический Петербург на утро 12 марта 1801 года торжествовал.

Нельзя и сейчас без омерзения перечитывать страницы воспоминаний, посвященных описанию того торжества победителей.

«Лишь только рассвело, как улицы наполнились народом. Знакомые и незнакомые обнимались между собою и поздравляли друг друга с счастием — и общим, и частным для каждого порознь...» — пишет в своих записках Беннигсен.

«Весть об этом событии была в целом государстве вестью искупления: в домах, на улицах, люди плакали, обнимали друг друга, как в день Светлого Воскресения», — свидетельствует Н.М. Карамзин.

Впрочем, как утверждает Фонвизин: «Этот восторг изъявляло, однако, одно дворянство, прочие сословия приняли эту весть довольно равнодушно».

Впрочем, и среди дворян, радующихся убийству своего государя, тоже были порядочные люди.

Если судить по «Запискам» Н.А. Саблукова, некоторые из офицеров гвардии испытывали достаточно неприязненные чувства к своим товарищам, изменившим присяге.

«Желая расположить общественное мнение в свою пользу, Пален, Зубов и другие вожаки заговора решили устроить большой обед, в котором должны были принять участие несколько сот человек. Полковник N, один из моих товарищей по полку, зашел ко мне однажды утром, чтобы спросить, знаю ли я что-нибудь о предполагаемом обеде. Я отвечал, что ничего не знаю. "В таком случае, — сказал он, — я должен сообщить вам, что вы внесены в список приглашенных. Пойдете ли вы туда?"»

Я отвечал, что, конечно, не пойду, ибо не намерен праздновать убийство. —"«В таком случае, — отвечал N., — никто из наших также не пойдет". С этими словами он вышел из комнаты».

Однако неприязненные чувства русский рабовладелец мог выказывать только по отношению к тем изменникам и цареубийцам, которые решались на это, так ска-

зать, в приватном порядке... Когда же помазанника Божия «мочили» с согласия столпов высшего света, ни о каком осуждении и речи уже не могло идти...

«В тот же день граф Пален пригласил меня к себе, и едва я вошел в комнату, он сказал мне:

— Почему вы отказываетесь принять участие в обеде?

— Parce que je n'ai rien de commun avec ces messieurs*, — отвечал я.

Тогда Пален с особенным одушевлением, но без всякого гнева сказал: "Вы не правы, Саблуков! Дело уже сделано, и долг всякого доброго патриота, забыв все партийные раздоры, думать лишь о благе родины и соединиться вместе для служения отечеству. Вы так же хорошо, как и я, знаете, какие раздоры посеяло это событие: неужели же позволить им усиливаться? Мысль об обеде принадлежит мне, и я надеюсь, что он успокоит многих и умиротворит умы. Но если вы теперь откажетесь прийти, остальные полковники вашего полка тоже не придут и обед этот произведет впечатление, прямо противоположное моим намерениям. Прошу вас поэтому принять приглашение и быть на обеде"».

Демагогия Палена не выдерживала никакой критики.

Как это можно осуждение цареубийства называть партийными раздорами? И можно ли соединяться для служения отечеству с только что нарушившими присягу цареубийцами?

Но вот что странно.

Н.А. Саблукова, человека умного, не замаравшего себя 11 марта и не изменившего присяге, хотя он и находился в самом центре событий, слова Палена убеждают.

Оказывается, что при всей его порядочности, общего у Н.А. Саблукова «с господами цареубийцами» все-таки больше, чем с простыми русскими солдатами. Как и братья Зубовы, как и хитрый Пален, Саблуков принадлежит к касте рабовладельцев и нарушать ее законы, какими бы гнусными они ни были, не смеет.

«Я обещал Палену исполнить его желание, — пишет Н.А. Саблуков. — Я явился на этот обед и другие полковники тоже, но мы сидели отдельно (вот и весь возможный протест. — *Н.К.*) от других, и, сказать правду, я заметил весьма мало единодушия, несмотря на то, что выпито было немало шампанского. Много сановных и высокопоставленных лиц, а также придворных особ посетили эту «оргию», ибо другого названия нельзя дать этому обеду. Перед тем чтобы встать со стола, главнейшие из заговорщиков взяли скатерть за четыре угла, все блюда, бутылки и стаканы были брошены в средину, и все это с большою торжественностью было выброшено через окно на улицу...»

Но выбрасывали цареубийцы в окно не только грязную посуду.

Свою честь — ведь все они изменили присяге! — тоже.

А заодно и честь всех тех, кто хотя и отдельно, но тоже сидел за столом цареубийц...

2.

Когда Пален убедился, что Павел мертв, он отправился к цесаревичу Александру известить, что дело закончено.

Платон Александрович Зубов отправился с той же целью к великому князю Константину Павловичу.

«Платон Зубов, — рассказывал потом тот, — пьяный вошел ко мне в комнату, подняв шум. (Это было уже через час после кончины моего отца.) Зубов грубо сдергивает с меня одеяло и дерзко говорит: "Ну, вставайте, идите к императору Александру; он вас ждет". Можете себе представить, как я был удивлен и даже испуган этими словами. Я смотрю на Зубова: я был еще в полусне и думал, что мне все это приснилось. Платон грубо тащит меня за руку и подымает с постели: я надеваю панталоны, сюртук, натягиваю сапоги и машинально следую за Зубовым....

Вхожу в прихожую моего брата, застаю там толпу офицеров, очень шумливых,

* Потому что у меня нет ничего общего с этими господами *(франц.)*.

сильно разгоряченных, и Уварова, пьяного, как и они, сидящего на мраморном столе, свесив ноги.

В гостиной моего брата я нахожу его лежащим на диване в слезах, как и императрица Елизавета. Тогда только я узнал об убийстве моего отца...»

«Великий князь Александр Павлович, — отмечает Фонвизин в своих «Записках», — в эту ночь не ложился спать и не раздевался; при нем находились генерал Уваров и адъютант его князь Волконский. Когда все кончилось и он узнал страшную истину, скорбь его была невыразима и доходила до отчаяния. Воспоминание об этой страшной ночи преследовало его всю жизнь и отравляло его тайной грустью. Он был добр и чувствителен, властолюбие не могло заглушить в его сердце жгучих упреков совести даже и в самое счастливое и славное время его царствования, после Отечественной войны. Александр всей ненавистью возненавидел графа Палена, который воспользовался его неопытностью и уверил его в возможности низвести отца его с трона, не отняв у него жизни».

Но ненависть придет позднее...

И жгучие упреки совести тоже...

Пока же слезы, льющиеся по щекам императора, не более чем театр. Поэтому, когда пьяный Платон Зубов привел великого князя Константина, фон Пален сказал:

— Полно ребячиться, Ваше Величество! Пошли! Надо успокоить караульных солдат!

Дальше, как всегда и бывает во время таких революций, все пошло бестолково и суматошно.

Вспомнили, что и граф Панин, и князь Зубов, и сам великий князь Александр, замышляя переворот, имели намерение не только угодить англичанам, но и ввести умеренную конституцию.

Платон Александрович даже брал у генерала Клингера для прочтения «Английскую конституцию» Делольма и на основе ее изготовил свой проект. Никитой Ивановичем Паниным тоже был изготовлен вариант английской конституции, переделанной на русские нравы и обычаи. Был также проект Гавриила Романовича Державина, по которому в России следовало образовать нечто наподобие кортесов — органов сословного представительства на Пиренейском полуострове...

Насколько эти проекты были созвучны русской действительности, наглядно демонстрирует ошибка, сделанная Я.К. Гротом при публикации конституционной заметки Державина. Вместо «его *кортесов*» он напечатал «его *картонов*...»

«Который же из проектов был глупее, — справедливо замечает по этому поводу князь А.Б. Лобанов-Ростовский, — трудно описать: все три были равно бестолковы».

— Где же бумаги? — был задан вопрос князю Зубову, когда вспомнили о своих конституционных амбициях.

Тот начал рыться в карманах, но текста конституции не нашел. То ли Платон Александрович обронил ее в суматохе, то ли позабыл дома, поскольку на убийство монарха отправился сильно навеселе.

— Полно ребячиться, Ваше Величество! — повторил граф Пален. — Идите царствовать. Покажитесь гвардии, пока нас не подняли на штыки.

Новый император взглянул на Платона Александровича, пьяно ощупывающего себя в поисках конституции, потом вздохнул.

— При мне все будет, как при бабушке! — дрожащим голосом произнес он.

Это всех присутствующих, и главного «конституционера» Платона Зубова тоже, устраивало больше, чем любая конституция.

Так и записали в манифесте о вступлении на престол императора Александра Первого...

«Судьбам Всевышнего угодно было прекратить жизнь Императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е марта. Мы, восприемля наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанность управ-

лять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великия, коея память Нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна, да по ея премудрым намерениям шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным Нашим».

По сути дела, Александр повторил то, что сделал, вступая на престол, Павел.

Сокороновав прах Петра III с прахом Екатерины II и захоронив их в один день, Павел как бы вычеркнул правление матери, установив свое прямое наследование Петру III. Но ведь то же самое делает и Александр. Подчеркивая, что его правление будет продолжением правления Екатерины, он как бы вычеркивает правление Павла...

Вот такой странной и зловещей игрой с *мертвецами* обернулась новая конституционная попытка в России.

Забегая вперед, скажем, что сами участники переворота вполне серьезно относились к установленной ими «конституции...» Заговорщики открыто хвастали своей заговорщицкой удалью, и в соответствии с закрепленным в «конституции» бабкиным обычаем награждать цареубийц, требовали, чтобы и император Александр достойно вознаградил их.

«Русские защитники самовластия... — остроумно заметил по этому поводу А.С. Пушкин, — принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: «En Russie le gouvernement est un despotisme mitige par la strangulation»*.

Ну а тогда ночью в Михайловском замке, решив вопрос с Конституцией, император Александр вышел к войскам гвардии...

Как и положено, в первую очередь Пален представил нового императора Преображенскому полку.

— Да здравствует император Александр! — воскликнул генерал Талызин.

В ответ было гробовое молчание.

Слух о том, что происходило в покоях императора, распространился среди солдат, и приветствовать, подобно офицерам, криками «ура!» свержение с трона помазанника Божия солдаты не могли.

Император перешел к Семеновскому полку, тут думали, что император умер своей смертью, и прокричали «ура!» Другие полки последовали примеру семеновцев, но преображенцы по-прежнему безмолвствовали.

Новый император сел в сани и умчался в Зимний дворец.

Войска выстроились в колонны и двинулись на Дворцовую площадь.

Преображенцы снялись от Михайловского замка, только когда солдатам показали труп императора Павла.

Лицо Павла, чтобы менее заметными стали следы удушения, было нарумянено и набелено. Чтобы прикрыть красную полосу вокруг шеи, повязали широкий галстук, на лицо, чтобы закрыть пролом на виске, надвинули шляпу...

Император лежал на парадной кровати в мундире, в галстуке и в шляпе, словно куда-то шел или уже стоял перед кем-то с докладом. Жутковато страшным было его лицо...

А Александр, прибыв в Зимний дворец, продолжал плакать о невосполнимой потере.

Впрочем, и в горе своем он не забывал о деле.

Когда граф Ливен вошел в его кабинет, император упал в его объятия с рыданиями: «Мой отец! Мой бедный отец!» И слезы обильно потекли по его щекам.

«Этот порыв, — рассказывал сам граф Ливен супруге, — продолжался несколько минут. Потом государь выпрямился и воскликнул: "Где же казаки?"»

Вот так-то...

Горе горем, конституция конституцией, а обязательства перед англичанами тоже надобно было отрабатывать.

* «Правление в России есть деспотизм, ограниченный удавкою» (*франц.*).

Ливен обстоятельно объяснил новому императору задачу, поставленную Павлом перед казаками, и получил приказ немедленно вернуть казаков назад.

Так была спасена Англия...

«Они промахнулись по мне 3 нивоза, но попали в меня в Петербурге», — воскликнул Бонапарт, получив печальное известие из России.

Задуманный поход в Индию не состоялся...

Заговорщикам-цареубийцам удалось пресечь его.

Но пресекали они не только задуманную императорами Наполеоном и Павлом операцию. Спасая свое право быть рабовладельцами, они пресекали новую мировую историю человечества, в которую Наполеон и Павел пытались прорубить ход...

3.

Всего два часа потребовалось заговорщикам, чтобы произвести революцию.

При всем критическом отношении к тогдашней петербургской аристократии нельзя не признать, что она довела до совершенства механику государственных переворотов и теперь не знала равных в мире в искусстве совершения измен.

Кроме караула преображенских гренадеров, поставленных поручиком Мариным по команде «Смирно!» под ружье, некоторое сопротивление действиям заговорщиков оказала только императрица Мария Федоровна.

Когда обер-гофмейстерина графиня Ливен разбудила императрицу, та спросонок долго не могла ничего понять.

— Боже мой! — заволновалась она. — Беда случилась? С Мишелем?

— Никак нет. Его Высочеству лучше, жара нет, он спокойно спит.

— Значит, кто-нибудь из других детей заболел?

— Нет... Все здоровы.

— Вы меня, верно, обманываете, Катерина?

Графиня Ливен не придумала ничего лучшего, как сказать императрице, что Павел внезапно заболел и состояние его очень опасное.

Чего она ожидала?

Что Мария Федоровна обрадуется этому известию и на радостях переедет в Зимний дворец?

Императрица не оправдала ее надежд. Она тотчас же встала и, накинув на себя халат, направилась к спальне мужа...

Тогда графиня Ливен принуждена была сказать государыне, что император Павел перестал жить.

Императрица посмотрела на обер-гофмейстерину блуждающими глазами, словно не понимая этих слов.

— Ваш супруг скончался, — твердо повторила графиня. — Просите Господа Бога принять усопшего милостиво в лоно свое и благодарите Господа за то, что он вам столь многое оставил.

Когда императрица осознала наконец, что случилось, она лишилась чувств. Позвали доктора, чтобы пустить кровь.

Когда сознание вернулось к императрице, «роковая истина предстала пред ее рассудком в сопровождении ужасающих подозрений. Она с криком требовала, чтобы ее допустили к усопшему. Ее убеждали, что это невозможно. Она на это восклицала: “Так пусть же и меня убьют, но я должна его видеть!”»

Мария Федоровна бросилась к спальне мужа, но двери, через которые она обычно ходила к мужу, были заперты. Тогда императрица направилась кружным путем через залы.

Но и там везде стояла стража...

Караульный офицер объяснил императрице, что получил приказание никого не пропускать в опочивальню к усопшему. Царица, не обращая внимания, хотела пройти в двери, за которыми лежало обезображенное тело государя, но офицер схватил ее за руку.

Императрица тогда упала на колени.

— Да ты, матушка, нас не бойся, — вскричали старые гренадеры. — Мы все тебя любим!

Разумеется, момент для заговорщиков был критическим. Императрица могла напрямую апеллировать к солдатам, и тогда судьба всего заговора стремительно изме-

нилась бы. Стоило императрице сказать одно только слово, и штыки солдат разорвали бы заговорщиков, и тогда при всеобщем ликовании народа Мария Федоровна, как некогда Екатерина II, была бы провозглашена правительницей при малолетнем сыне Николае...

Некоторые исследователи утверждают, что Мария Федоровна не пошла на этот шаг, вследствие нежелания заниматься делами правления. Утверждается также, что известную роль сыграла и ее ревность, повод для которой давало увлечение Павла Анной Петровной Лопухиной*...

Думается, что все эти аргументы малоосновательны. Императрица-мать активно влияла или, вернее, пыталась влиять на политику Александра I, а ревность ее по поводу Лопухиной сильно преувеличена. Лопухина была выдана замуж за князя Гагарина, и ее влияние на императора Павла ограничивалось ходатайствами за несправедливо обиженных.

Если уж у императрицы и были какие-то мысли об устройстве еще одного переворота**, то останавливала ее не лень и не ревность, а тот самый акт о престолонаследии, который был подписан ею при коронации Павла и положен в ковчег в алтаре Успенского собора.

Сейчас в предрассветные часы 12 марта 1801 года этот павловский закон и прошел первое испытание.

И выдержал его.

Опустив голову, императрица согласилась вернуться в свои покои...

И сколько раз еще силы зла и тьмы будут пытаться сокрушить династию Павла, но на таком крепком основании была воздвигнута она, что никакими дворцовыми интригами целое столетие нельзя было и пошатнуть ее...

Однако покинуть замок раньше, чем простится с прахом супруга, Мария Федоровна отказалась категорически.

«Когда... она отправилась к своим невесткам, супругам великих князей Александра и Константина.... — пишет в своих мемуарах генерал Беннигсен, — я велел запереть двери, ведшие в апартаменты великих княгинь. До сих пор императрица не была осведомлена, в чью пользу была произведена эта революция... Когда она узнала, что командование поручено мне, она приказала мне явиться к ней. Я уже осведомился о приказаниях императора, который велел мне передать, чтобы я отправился к ней и посоветовал, попросил ее от его имени покинуть Михайловский замок и ехать в Зимний дворец, где ей будет сообщено все, что она пожелает узнать. Вследствие этого я отправился в апартаменты великих княгинь, где находилась императрица. Увидав меня, ее величество спросила, мне ли поручено командовать здешними войсками. На мой утвердительный ответ она осведомилась с большой кротостью и спокойствием душевным: "Значит, я арестована?"»

— Значит, я арестована? — повторила вопрос императрица.

— Совсем нет, — отвечал Беннигсен, — возможно ли это?

— Но меня не выпускают, все двери на запоре...

— Ваше Величество, это объясняется лишь необходимостью принять некоторые меры предосторожности для безопасности императорской фамилии, здесь находящейся... Могут случиться беспорядки вокруг замка.

— Следовательно, мне угрожает опасность?

— Все спокойно, Ваше Величество, и мы все находимся здесь, чтобы охранять особу Вашего Величества.

Императрица молчала, обдумывая услышанное, и Беннигсен решил исполнить поручение императора.

---

*В последний год правления Павла Пален активно распускал при дворе слух, что император намерен выдать дочь Екатерину замуж за принца Евгения Вюртембергского и передать ему русский престол, а сына Александра устранить, точно так же, как устранить и императрицу Марию Федоровну, заточив ее в монастырь.

** Такие мысли, как утверждал вюртембергский племянник Марии Федоровны, императрица связывала со своим регентством при Николае.

— Император Александр, — сказал он, — поручил мне...

— Император Александр?! — прервала его Мария Федоровна. — Но кто провозгласил его императором?

— Голос народа! — по-генеральски мудро отвечал Беннигсен.

— Ах! Я не признаю его, — сказала императрица и, понизив голос, добавила: — Прежде пусть он мне даст отчет о своем поведении.

Потом взяла Беннигсена за руку и подвела к дверям.

— Велите отворить двери, — проговорила твердым голосом: — Я желаю видеть тело моего супруга!

Тщетно Беннигсен говорил, что после подобного события следует всячески избегать всякого шума и поэтому императрица обязана успокоиться...

«Я сказал ей, что до сих пор все спокойно, как в замке, так и во всем городе; что надеются на сохранение этого порядка, и что я убежден, что Ее Величество сама желает тому способствовать. Я боялся, что если императрица выйдет, то ее крики могут подействовать на дух солдат, как я уже говорил, весьма привязанных к покойному императору. На все эти представления она погрозила мне пальцем, со следующими словами, произнесенными довольно тихо: "О, я вас заставлю раскаяться". Смысл этих слов не ускользнул от меня. Минута молчания и, быть может, размышления вызвали несколько слез. Я надеялся воспользоваться этой минутой растроганности. Я заговорил опять, стал побуждать ее к умеренности и уговаривать покинуть Михайловский дворец и ехать в Зимний. Здесь молодая императрица поддержала мой совет с той кротостью и мягкостью, которые были так свойственны этой великой княгине, любимой всеми, кто имел счастье знать ее, и обожаемой всей нацией. Императрица-мать не одобрила этого шага и, обернувшись к невестке, отвечала ей довольно строгим тоном: "Что вы мне говорите? Не мне повиноваться! Идите, повинуйтесь сами, если хотите!..."»

Раздражение императрицы усиливалось с минуты на минуту. Она решительно объявила Бенигсену, что не выйдет из дворца, пока не увидит тела своего супруга.

Фон Пален тоже пытался вести переговоры с императрицей, но и у него ничего не вышло...

— Что здесь произошло? — спросила императрица.

— То, что давно можно было предвидеть! — ответил фон Пален с обычным хладнокровием.

— Кто же зачинщики этого дела?

— Много лиц из различных классов общества.

— Но как могло это совершиться помимо вас, занимающего пост военного губернатора?

— Я прекрасно знал обо всем, — отвечал фон Пален, — и поддался этому, как и другие, во избежание более великих несчастий, которые могли бы подвергнуть опасности всю императорскую фамилию.

Посчитав, что он все разъяснил, фон Пален удалился, и весь гнев императрицы опять устремился на Беннигсена.

— Приказываю вам пропустить меня! — потребовала она.

— Не в моей власти повиноваться вам, пока я вижу Ваше Императорское Величество такой взволнованной... — оттягивая время, отвечал Беннигсен. — Только под одним условием я мог бы исполнить ее волю.

— Какое же это условие? — спросила Мария Федоровна.

— Чтобы Ваше Величество соблаговолили успокоиться...

— Не вам предписывать мне условия! Ваше дело повиноваться мне! Прежде всего велите отпереть двери!

— Ваше Величество... — сказал Беннигсен. — Мой долг предписал мне еще раз напомнить вам о ваших обязанностях по отношению к народу и умолять избегать малейшего шума... Любое волнение сейчас может иметь самые пагубные и даже опасные последствия.

— Ну, хорошо, — после некоторого молчания проговорила императрица. — Обещаю вам ни с кем не говорить.

Все это время шли необходимые приготовления.

В спальне Павла навели порядок.

Вытерли с пола кровь.

Одели труп императора в мундир и положили на кровать. Лицо забелили и нарумянили.

В 7 часов утра приготовления были закончены, и императрице разрешили войти в спальню убитого супруга.

«Нам пришлось пройти лишь две комнаты, чтобы достигнуть той, где стояло тело покойного императора, — пишет Беннигсен. — Г. Родиерсон и я находились возле Ее Величества, которую сопровождали обе великие княжны, графиня Ливен, две камер-юнгферы и камердинер. В последней комнате Ее Величество села на минуту, потом поднялась, и мы вошли в спальню покойного императора».

Как мы уже говорили, тело Павла было облачено в мундир его гвардейского полка, на голову, по самые брови, была нахлобучена шляпа.

— Боже, поддержи меня! — произнесла по-немецки Мария Федоровна, шагнула к постели супруга и громко вскрикнула.

Потом встала на колени и поцеловала руку покойного.

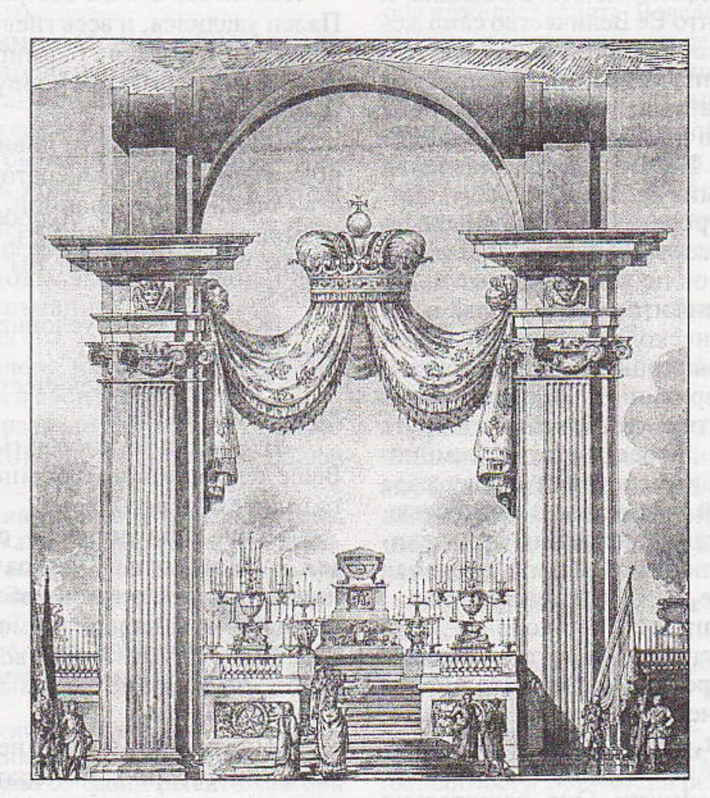
— Ах, друг мой! — проговорила она.

Все еще стоя на коленях, она потребовала ножницы. Камер-юнгфера подала ножницы, и Мария Федоровна отрезала прядь волос с головы императора, сдвинув при этом треуголку и обнажив страшную рану...

Только в 11 часов утра императрица-мать допустила к себе сына-императора.

Свидание в Зимнем дворце происходило без свидетелей.

Как пишет княгиня Ливен, государь вышел от императрицы-матери очень взволнованный, и с этого мгновения вплоть до кончины император проявлял к

Проект катафалка и балдахина для похорон императора Павла I

своей родительнице самое восторженное почтение, внимательность и нежность...

А Мария Федоровна сдержала слово и отомстила убийцам.

Первой жертвой ее стал граф Пален.

Любопытно, что *адский гений* этого человека, который не знал никаких препятствий и страхов, Марии Федоровне удалось сокрушить в союзе с раскольниками, которые чрезвычайно почитали императора Павла за то, что он прекратил старообрядческие гонения, в которых упражнялись все прежние Романовы.

Дело было так...

Чтобы выразить сочувствие вдовствующей императрице, многие раскольники присылали ей богато украшенные образа, снабженные надписями из Священного Писания...

Иконы эти императрица передала в церковь воспитательного дома...

«Однажды утром, — пишет в своих записках Н.А. Саблуков, — во время обычного доклада государю, Пален был чрезвычайно взволнован и с нескрываемым раздражением стал жаловаться Его Величеству, что императрица-мать возбуждает народ против него и других участников заговора, выставляя напоказ в воспитательном доме иконы с надписями вызывающего характера. Государь, желая узнать, в чем дело, велел послать за моим отцом. Злополучные иконы были привезены во дворец, и вызывающая надпись оказалась текстом из Священного Писания, взятым, насколько помню, из Книги Царств.

Императрица-мать была крайне возмущена этим поступком Палена, позволившего себе обвинять мать в глазах сына, и заявила свое неудовольствие Александру. Император, с своей стороны, высказал это графу Палену в таком твердом и решительном тоне, что последний не знал, что отвечать от удивления.

На следующем параде Пален имел чрезвычайно недовольный вид и говорил в крайне резком, несдержанном тоне. Впоследствии даже рассказывали, что он делал довольно неосторожные намеки на свою власть и на возможность "возводить и низводить монархов с престола". Трудно допустить, чтобы такой человек, как Пален, мог выказать такую бестактную неосторожность; тем не менее в этот же вечер об этом уже говорили в обществе.

Как бы то ни было, достоверно только то, что, когда на другой день, в обычный час, Пален приехал на парад в так называемом «vis-á-vis», запряженном шестеркой цугом, и собирался выходить из экипажа, к нему подошел флигель-адъютант государя и, по высочайшему повелению, предложил ему выехать из города и удалиться в свое курляндское имение».

Там фон дер Пален и умер.

Кончина его была ужасной.

Как пишет графиня Ливен, «Пален со времен ссылки совершенно не выносил одиночества в своих комнатах, а в годовщину 11 марта регулярно напивался к 10 часам вечера мертвецки пьяным, чтобы опамятоваться не раньше следующего дня».

И так до самой смерти, двадцать пять лет подряд... Умер фон дер Пален в ссылке, через несколько недель после кончины императора, которого он и возвел на трон...

Вот так молитвами раскольников и гневом царицы-матери был сражен *адский гений* *.

Беннигсена Марии Федоровне одолеть не удалось, но всю жизнь она не давала ему позабыть о совершенном преступлении.

«Генерал Беннигсен, — пишет граф Ланжерон, — был тоже предметом ярост-

---

* Существует и другое объяснение стремительного падения фон дер Палена. Говорили, что Александру было доложено о его двусмысленном поведении во время убийства Павла, о его готовности в случае малейшей неудачи прийти с войсками на помощь императору и представить его, Александра, как главного злоумышленника. Но если это и так, то все равно это нисколько не умаляет значения молитв раскольников и гнева императрицы в свержении адского гения.

ной ненависти со стороны императрицы-матери...»

И действительно...

Хотя после кончины М.И. Кутузова император Александр и возвратил Беннигсена к командованию русской армией, разгромившей Наполеона и вошедшей в Париж, маршальского звания он, по настоянию вдовствующей императрицы, так и не получил.

«Хотя никто не заслужил этой почести больше его», — замечает по этому поводу граф Ланжерон.

Отмщение подлым цареубийцам — дело, безусловно, праведное, и нравственная польза этого отмщения не ограничивается масштабами только самого этого дела.

Вот и тут получилось, что одновременно с местью убийцам осуществлялась и ликвидация «екатерининской конституции», дарованной Александром заговорщикам, а это было безусловным благом для всей страны...

«Спустя несколько дней после моего приезда в Петербург, граф Валериан Зубов высказал желание увидаться со мною, — пишет князь Адам Чарторыйский. — Во время разговора он много и подробно говорил о совершившемся перевороте и о современном настроении умов, жалуясь, что государь не высказался за своих истинных друзей, которые возвели его на престол, пренебрегая всеми опасностями ради его дела...

— Не так действовала императрица Екатерина, — говорил Валериан Александрович. — Матушка открыто поддерживала тех, кто ради ее спасения рисковали своими головами. Она не задумалась искать в них опору, и благодаря этой политике, столь же мудрой, сколь предусмотрительной, она всегда могла рассчитывать на их безграничную преданность... Вот почему царствование Екатерины было столь могущественным и славным...

В заключение Валериан Александрович Зубов сказал, что «императрица Екатерина категорически заявила ему и его брату, князю Платону, что на Александра им следует смотреть как на единственного законного их государя и служить ему, и никому другому, верой и правдой. Они это исполнили свято, а между тем, какая им за это награда?»

Эти рассуждения не удивили польского аристократа. Они показались ему вполне естественными в «традиционной стране дворцовых переворотов». И тут он — увы! — был прав. После Петра дворцовые перевороты действительно стали в России как бы частью обряда коронации.

Более интересным представляется замечание Адама Чарторыйского на слова графа Зубова, что «этот образ действий был естественным последствием тех обязательств, которые императрица на них возложила по отношению к своему внуку».

«Они, очевидно, не знали, — замечает Чарторыйский, — что Александр и даже великий князь Константин вовсе не были проникнуты по отношению к своей бабке тем чувством, которое они в них предполагали...»

Это суждение князя Адама Чарторыйского весьма существенно для понимания всего царствования Александра I...

Александр Павлович, хотя Екатерина II и готовила его к престолу и даже собиралась посадить на престол в обход отца, действительно не испытывал к бабке ни особой любви, ни особой благодарности...

Его отношение к ней представляло весьма сложную гамму чувств, разобраться в которой было нелегко не только бывшим любовникам Екатерины, но и самому императору Александру I.

4.

«Я буду очень заботиться, чтобы из него не сделали прехорошенькой куклы, потому что не люблю их...» — писала вскоре после рождения Александра императрица Екатерина II.

Как мы уже говорили, своего сына Павла императрица не любила.

Зато внука полюбила безмерно.

Или сделала вид, что полюбила...

Впрочем, для Екатерины II это было, как мы уже говорили, одно и то же. Она

слишком хорошо умела делать вид, будто чувствует то, что и должно, что положено чувствовать, и сама, наверное, не всегда различала, притворяется или нет...

Занимая сыновний престол, прилично было изображать любящую и заботливую бабушку будущего наследника.

С этой задачей Екатерина справлялась превосходно. Не было ни одной мелочи быта, в которую бы не вникала она. Посреди важных государственных дел императрица находила время собственноручно составить «Наставление касательно здравия и сохранения оного».

Не это ли «Наставление» и имел в виду Г.Р. Державин, когда в оде «На рождение в севере порфирородного отрока» писал:

Гении к нему слетали
В светлом облаке с небес;
Каждый Гений с колыбели
Дар рожденному принес...

Хотя, конечно, согласно «Наставлению касательно здравия и сохранения оного», колыбели у «порфирородного отрока» не было, и няня, англичанка Прасковья Ивановна Гесслер, должна была следить, чтобы температура в его покоях не поднималась выше 15 градусов.

Но наставления касательно сохранения здравия Екатерине показалось мало, и она тут же пишет второе — «касательно продолжения и подкрепления умонаклонения к добру», затем третье, четвертое... Всего Екатерина II написала семь таких наставлений. Все они сразу переводились и распространялись в Европе, чтобы всему свету было известно, какая замечательная и заботливая бабушка у будущего русского императора.

Сейчас уже трудно определить, *что* именно — искренняя забота о внуке или желание произвести благоприятное впечатление на европейские дворы — двигало Екатериной.

Сами «наставления» производят весьма странное впечатление... Это какая-то нелепая смесь очень верных и точных наблюдений дочери прусского коменданта и пустого, напыщенного резонерства: «Детские игры не суть игры, но прилежное упражнение детей...», «Дети не любят быть праздными...», «От младенчества надлежит хотение детей подчинять здравому рассудку и справедливости».

Однако Екатерина и не была бы Екатериной Великой, если бы писала «наставления» только ради хорошего впечатления и приличий.

Нет!

Стержневая идея, которой должна была подчиняться вся система воспитания, сформулирована предельно точно и без всяких околичностей:

«Да будет то, *что Бабушка приказала,* непрекословно исполнено; что запретила, того отнюдь не делать, и чтоб им казалось *столь же трудно то нарушить, как переменить погоду по их хотению...»*

В детстве Александра, в последней четверти XVIII века, словно провозвестники грядущей эпохи машин и механизмов, начали появляться самые разнообразные заводные игрушки.

Кукла-модница смотрелась в зеркало и сама расчесывала волосы... Куклы-солдаты маршировали по столу, производя все воинские артикулы... Заводной барабанщик отбивал ритм настоящего марша...

Появились тогда и «говорящие книги»: потянешь за веревочку — и заблеет коза, замычит корова, захрюкают свиньи... Появились стульчики с музыкой — садишься, и начинает играть музыка...

Игрушки эти были дорогими, и Екатерина — вот она, рачительность дочери небогатого прусского губернатора! — указывала в своем наставлении: «Полезно будет детям вдруг не давать более одной вещи, и когда захотят иметь другую, тогда отбирать первую».

Сие указание императрицы строго исполнялось генеральшей Софьей Ивановной Бенкендорф, присматривающей за наследником.

Екатерина была довольна.

«Он делает, что хочет, но у него отнимают куклу, если он с ней дурно обращается», — удовлетворенно отмечала она.

Правила обращения с игрушками, сформулированные Екатериной II, наверное, неплохи, поскольку приучают ребенка беречь вещи. Однако напомним, что Александру было всего два года, и он не мог понять, почему строгая госпожа Бенкендорф отбирает у него игрушки, когда ему хочется поставить их рядом; не понимал, отчего она навсегда уносит из детской заводного барабанщика — ведь так и не удалось проверить, сможет ли этот бравый солдат отстукивать марш, лежа на спине...

Но добиваться отмены распоряжения было *столь же трудно, как переменить погоду по своему хотению.* Еще бессмысленней было плакать. Госпожа Бенкендорф оказывалась тут совсем неумолимой, ибо эта неумолимость тоже была санкционирована мудрой Бабушкой:

— Буде чего будут просить со слезами или с упрямством, то запрещать им давать!

И вот уже к четырем годам Александр полностью разлюбил игрушки. Это заметила и сама Екатерина.

«Он не любит играть с теми, кто знает меньше его... — то ли хвастается, то ли жалуется она в письмах Гриму. — Игрушки уже не забавляют господина Александра, столярное искусство заменило игрушки».

И все же, как нам кажется, удивление ее было наигранным. Этого ведь и добивалась расчетливая и сама в детстве не любившая кукол Екатерина II.

Ведь это в ее «Наказах» было начертано:

«Детские игры не суть игры, но прилежное упражнение детей...»

«После семи лет, буде захотят новых игрушек, то пускай сами сделают или помогают делать...»

Так и случилось, как было задумано. Другое дело, что произошло это не естественным, а насильственным путем. Не Александр разлюбил игрушки, а его заставили разлюбить их...

Разумеется, нелепо было бы упрекать Екатерину II в какой-то жестокости к внуку... Ее борьба с его младенчеством преследовала другую, куда более важную цель.

Больше всего не хотела Екатерина, чтобы русский престол достался Павлу. Известно, что она даже предпринимала определенные шаги, чтобы в обход сына передать престол внуку... И, может быть, бессознательно, но она как бы торопила Александра поскорее взрослеть.

«Не оставлять Их Высочеств никогда в праздности. Буде не играют и не учатся, тогда начать с ними какой ни есть разговор, сходственный их летам и понятию, через который получили бы умножение знаний».

В пять лет у великого князя Александра начинают появляться игрушки, явно рассчитанные на более старший возраст.

«Прошу вас... — пишет Екатерина в Германию, — купите для господина Александра карманную книгопечатную машину; надо также, чтобы были буквы и несколько дюжин дощечек для печатания картинок. Это будет славное угощение для господина Александра, который и без того все рыскает по фабрикам, где только об оных прослышит».

Александр был родным внуком своей венценосной бабушки, и очень скоро ее принцип — «быть таким или делать вид, что ты такой, одно и то же», оказался усвоен им.

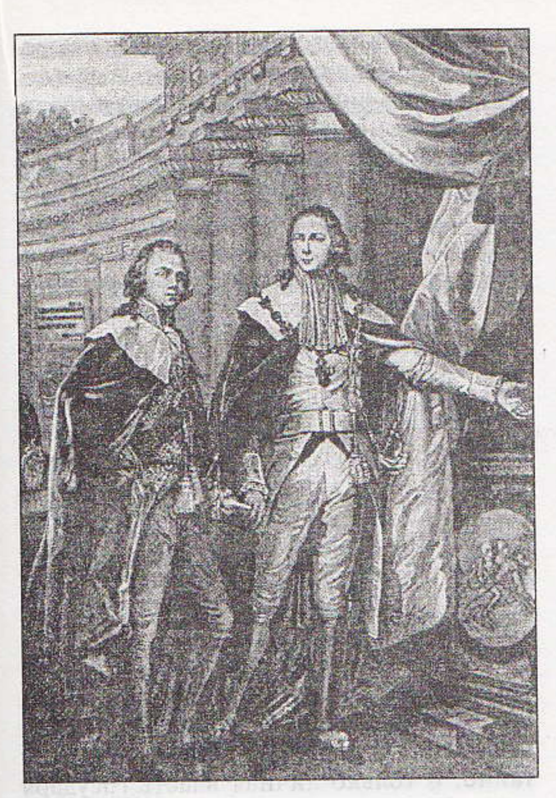
Бабушка хотела, чтобы он был взрослым... Повзрослеть Александр не мог, но мог сделать вид, что он взрослый... И непонятно, что больше умиляло Екатерину, — чудесное исполнение несбыточных мечтаний и торжество ее педагогики или понимание, что Александр притворяется взрослым, чтобы угодить ей...

«Если б вы видели... — захлебываясь от восторга, сообщала она в Германию, — как господин Александр копает землю, сеет горох, пашет сохою... боронит, потом весь в поту идет мыться в ручье, после чего берет свою сеть и с помощью сударя Константина принимается за ловлю рыбы!»

Екатерина не замечала (или не хотела замечать?), что Александр прекрасно уживается и с отцом в Гатчине.

Она не обращала внимания на удивительное свойство внука «быть изнеженным в Афинах» (так называла она свое Царское Село) и суровым спартанцем в гатчинской Спарте.

Великие князья Александр и Константин Павловичи. Гравюра конца XVIII в.

Приезжая в Гатчину, Александр попадал из «изящной грязи» «просвещенного века» с его скептицизмом и вольтерьянством в суровый мир средневековой рыцарской романтики, где распутству бабушкиного салона противопоставлялась верность традиционным заветам морали. Ученик республиканца Лагарпа* усваивал в Гатчине принципы дисциплины и долга монархического и военного абсолютизма.

Очень трудно соединить республиканскую энергетику с постоянством «монархиста», и, совершая это, Александр наполнял своим особым содержанием и царскосельскую «революционность», и гатчинскую «реакционность». Революционный демократизм преобразовывался в стремление слышать от своих ближайших советчиков и сотрудников то, что ему хотелось бы услышать, а рыцарские доверчивость и благородство мягко перетекали в убеждение, что «все люди (под людьми он разумел дворян и аристократию — *Н.К.*) мерзавцы».

И получалось в результате, что влияния Царского Села и Гатчины не только не мешали, сталкиваясь и противореча, но дополняли в его мировоззрении друг друга, вырабатывая в нем экзотический характер либерала-абсолютиста.

Но это с одной стороны...

А с другой стороны, как это ни парадоксально, но именно это, так сказать, духовное двуличие и позволило Александру, «вписав», «укоренив» основанную Павлом династию в мире Российской дворянской, рабовладельческой империи, отчасти подчинить закону вскормленный первыми Романовыми произвол...

Ведь что бы ни говорили критики Александра I, а между одой Державина и злой эпиграммой Пушкина:

> Властитель слабый и лукавый,
> Плешивый щеголь, враг труда,
> Нечаянно пригретый славой
> Над нами царствовал тогда., —

целая, названная александровской, эпоха, вся загадочная жизнь этого коронованного отцеубийцы...

5.

Взойдя на престол, Александр I возвратил на службу многих сановников, выгнанных отцом. Какой-то шутник написал тогда на воротах Петропавловской крепости: «Свободна от постоя...»

Милости и все новые и новые свободы так и посыпались на головы аристократии, которой Александр I в манифесте обещал «доставить ненарушимое блаженство».

---

* Фредерик Сезар Лагарп с 1798 по 1800 год стоял во главе Директории Швейцарской (Гельветической) республики. После неудавшейся попытки уничтожения Совета республики Лагарп вынужден был в 1802 году вернуться в Россию. Александр возвел Лагарпа в генерал-лейтенанты и наградил орденом Андрея Первозванного.

Однако с первых же дней своего царствования Александр I, который уже в 1796 году чувствовал себя усталым и мечтал поселиться с женой на берегу Рейна и вести жизнь частного человека, энергично взялся за государственное строительство, которое соответствовало, по его мнению, духу просвещенного абсолютизма.

5 июля 1801 года он потребовал, чтобы Сенат представил «доклад о своих правах и обязанностях». Полномочия Сената, как верховного органа правосудия и контроля за исполнением законов, были утверждены как государственный Закон, и сам Александр обязался «силой данной ему от Бога власти потщиться подкреплять, сохранять и соделать его навеки непоколебимым».

Одновременно вместо Государственного Совета учреждался Непременный Совет, восстановленные еще Павлом коллегии преобразовывались в восемь министерств.

Удивительна стремительность, с которой Александр I сбрасывает с себя зависимость от соучастников убийства отца. Сделано это было отчасти благодаря хлопотам вдовствующей императрицы Марии Федоровны, но велика была роль и самого императора.

Очень скоро уже не заговорщики определяют политику Государя, а друзья: граф Павел Александрович Строганов, граф Николай Николаевич Новосельцев, князь Адам Ежи Чарторыйский, составившие «интимный» комитет, в который не вошел ни один участник заговора...

И это было безусловной победой Александра I.

Другое дело, что влияние «интимного» комитета, призванного разработать конституцию, взамен утерянной по пьянке Платоном Александровичем Зубовым, оказалось для Александра I еще пагубней давления заговорщиков.

Ведь не без влияния «интимного» комитета одновременно с государственным переустройством шло тогда массовое строительство тайных обществ. Одна за другой возникают тогда в Петербурге новые масонские ложи, одной из которых императором было разрешено носить его имя — «Александра благотворительности к коронованному Пеликану».

Да и сам «интимный» комитет императора Александра I по закрытости своей и таинственности подозрительно напоминает масонскую ложу. Большинство участников его и были масонами, а объединял их прежде всего космополитизм*, пожалуй, впервые — бесхитростно-хуторское немецкое засилье не в счет! — так ярко проявившийся при русском дворе.

Рассказывая о первой конституционной инициативе в России, предпринятой «верховниками» при избрании Анны Иоанновны, мы говорили, что «кондиции» разрабатывались тогда тайком, а вводились обманом. Созванный по воле самого императора, «интимный» комитет пытался разработать и ввести конституцию точно так же, как пытались ее ввести столетие назад. Тоже тайно и обманом...

В кружке этом считали, что система законов, охраняющих от произвола установленные действующим законодательством отношения и порядки, должна вводиться тайно, и только личная власть государя может быть единственной активной силой нововведений. И это не было самодеятельностью «интимных» друзей. Они действовали так в полном соответствии с инструкциями республиканца Лагарпа.

«Ради народа вашего, — писал тот, — государь, сохраните неприкосновенной власть, которой вы облечены и которую хотите использовать только на большее его благо; *не дайте себя увлечь* тем *отвращени-*

---

* Характерна в этом отношении биография Павла Александровича Строганова. Отец его владел имением, в котором числилось 23 000 тысячи крепостных, но это не помешало ему воспитывать сына в республиканско-монтаньяровском духе. В пятнадцать лет, успев уже послужить год поручиком в Преображенском полку, Павел Александрович уехал за границу, где вначале учился в Женеве у пастора Вернета богословию, а затем перебрался в Париж, где стал непременным участником революционного клуба «Друзей закона», а затем и членом якобинского клуба...

ем, какое вам внушает абсолютная власть; сохраните ее в целости и нераздельно (выделено нами — *Н.К.*), раз государственный строй вашей страны законно ее вам предоставляет, до тех пор, когда, по завершении под вашим руководством преобразований, необходимых для определения ее пределов, вы сможете оставить за собой ту ее долю, какая будет удовлетворять потребности в энергичном правительстве».

Забегая вперед, скажем, что конституционные попытки, которые будут предприняты еще через столетие, перед падением и сразу после падения монархии, тоже будут строиться на тайне и обмане.

И вот это и давало (и дает) повод многочисленным недругам России рассуждать о ее рабской ментальности, сопротивляющейся духу свободы и закона. Это, разумеется, не соответствует истине... Дело в том, что те конституции, которые тайком пытались ввести (и вводили) у нас, вводились не для всего народа, а в интересах определенных групп людей, определенного сословия или определенной (не титульной) национальности...

Потому тайно и обманом и намеревались «верховники» ввести кондиции, что они закрепляли в виде закона их власть, которой они достигли, не считаясь ни с какой законностью...

Конституция, разрабатываемая «интимным» комитетом, оказалась более всеобъемлющей, а потому и более опасной. Если бы она оказалась принята, произошло бы окончательное законодательное оформление рабовладельческой империи.

Это, конечно, парадокс...

Казалось бы, «рыцари свободы», каким представляли себя члены «интимного» комитета, должны были, получив возможность проведения реформ, хоть что-то сделать для уничтожения рабства в собственной стране... Ведь руководил ими женевский народный депутат, ведь все они воспитывались в республиканском духе, ведь почти все прошли обучение в якобинских клубах Парижа.

Но не тут-то было...

Хотя граф Павел Александрович Строганов и называл поместное русское дворянство «самым невежественным, самым ничтожным, а в отношении к своему духу наиболее тупым», и считал крайне несправедливым оставлять за ним право владеть личностями и трудом русских крестьян, но единственное, что было сделано «интимным» комитетом для ограничения крепостного права, это запрещение печатать объявления о продаже крестьян без земли... То есть не запретили продавать русских крестьян без земли, а запретили только публично объявлять об этом заранее...

Едва ли можно найти пример большего лицемерия.

Едва ли можно найти более поразительный пример нравственной глухоты русских крепостников-вольтерьянцев, которые получили возможность не только тешить свою плоть, но таким вот подлым образом соответствовать духу просвещения, утолять свою потребность в приличном, цивилизованном облике...

И трудно не согласиться тут с Виктором Острецовым, который писал, что «ушедший из Церкви русский дворянин погружался в житейские утехи... Разуму отводилась роль адвоката телесных услад. Теперь в нем, вольтерьянце, проснулась "порода" — он не просто так, а "передовой", он бросил предрассудки, как старую ветошь. Теперь он — сверхчеловек. Ему все можно. Он, этот вольтерьянец, ищет себе же подобных...»

Самим своим существом крепостники-рабовладельцы были ориентированы на национальное предательство...

О том, что гвардейские офицеры изменяли присяге и своим государям, подобно тому, как распутные жены изменяют своим мужьям, мы уже говорили.

Но еще страшнее другое...

В принципе такую же измену монарху, вернее, самой идее монархии, совершали, не осознавая того, и самые убежденные, самые мыслящие монархисты, когда внушали императору, будто рабовладельческий строй является в современной России основой единства империи.

«У нас не Англия; мы столько веков видели Судию в Монархе и добрую волю его признавали вышним Уставом... — писал незадолго до Отечественной войны Н.М. Карамзин в записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». — Сирены могут петь вокруг трона: "Александр, воцари закон в России и" проч. Я возьмусь быть толкователем сего хора: "Александр! дай нам, именем закона, господствовать над Россиею, а сам покойся на троне, изливай единственно милости, давай нам чины, ленты, деньги!"»*

Когда же читаешь сочиненные русскими крепостниками трактаты, доказывающие, что от освобождения крестьян пострадает и государство, и сами освобожденные крестьяне, остается только руками развести... Действительно, П.А. Строганов прав: более тупого «в отношении к своему духу» сословия не знала история.

Впрочем, мы ведь сами видели, как, меняя по своему произволу государей, не брезгуя при этом и цареубийствами, весь восемнадцатый век русское поместное дворянство самоотверженно билось за право на паразитический образ жизни за счет остальной страны... Странно было бы ожидать, что оно расстанется с вырванными у монархов привилегиями...

«Надлежало бы не Дворянству быть по чинам, но чинам по Дворянству, т.е. для приобретения некоторых чинов надлежало бы необходимо требовать благородства... — писал в записке «О древней и новой России» Н.М. Карамзин. — *Дворянин,* облагодетельствованный судьбою, *навыкает* от самой колыбели уважать себя, *любить Отечество и Государя за выгоды своего рождения* (выделено нами. — *Н.К.*)...»

* А.Е. Пресняков верно заметил, что «идеал Карамзина — дворянская монархия... она для него национальная святыня. Самодержавная власть — сила охранительная для дворянского государства. Государь должен быть главою дворянства, в нем и только в нем видеть опору своего престола».

И можно только удивляться: насколько глубок и точен Н.М. Карамзин в анализе событий минувшей истории и насколько сентиментален он в оценках и прогнозах, касающихся современной ему жизни: «Ничем Александр не возвысил бы онаго столь ощутительно, как законом принимать всякого Дворянина в воинскую службу Офицером, требуя единственно, чтобы он знал начала Математики и Русский язык с правильностью: давайте жалованье только комплектным; все благородные, согласно с пользою Монархии, основанной на завоеваниях, возьмут тогда шпагу в руку вместо пера, коим ныне, без сомнения, ко вреду Государственному, и богатые, и не богатые Дворяне вооружают детей своих в Канцеляриях, в Архивах, в Судах, имея отвращение от солдатских казарм, где сии юноши, деля с рядовыми воинами и низкие труды, и низкие забавы, могли бы потерпеть и в здоровье и в нравственности. В самом деле, чего нужного для службы нельзя узнать Офицером? Учиться же для Дворянина гораздо приятнее в сем чине, нежели в Унтер-Офицерском. Армии наши обогатились бы молодыми, хорошо воспитанными Дворянами, тоскующими ныне в повытьях...»

Напомним еще раз, что «Записка» написана накануне Отечественной войны, когда многие *тоскующие ныне в повытьях* молодые дворяне будут разбегаться подальше от фронта, а иные пойдут служить Наполеону, в то время как их не воспитанные, не благородные рабы, которым не положено было знать ничего, кроме сохи, возьмутся за оружие, чтобы изгнать «антихриста» со Святой Руси...

А мысль Н.М. Карамзина о том, что дворянам приятнее учиться в офицерском чине? Такое ощущение, что великий русский историк позаимствовал ее у персонажей фонвизинского «Недоросля...»

Отстаивая свое право владеть рабами, русские дворяне боролись за саму основу своего бытия. Отмена рабовладения обозначала начало гибели всего сословия поместного дворянства. Забегая вперед, ска-

жем, что так и произошло, когда крепостное право все-таки пало...

Уже после войны 1812 года Александр I приказал нескольким сановникам разработать проекты возможного освобождения крестьян.

«Любопытно, — пишет В.О. Ключевский, — как распределились государственные дельцы на стороны, на партии в этом вопросе. Из всех проектов особенный интерес представляют два: один из них принадлежит либеральному и талантливому дельцу — адмиралу Мордвинову, другой — нелиберальному и неталантливому дельцу графу Аракчееву, имя которого тогда уже стало одним, из ненавистных имен в России. Как бы вы думали, предполагали освобождение крестьян эти дельцы? Трудно наперед угадать придуманные ими способы решения, по качеству своему они обратно пропорциональны умам и талантам обоих дельцов. Адмирал Мордвинов находил справедливым и возможным выкуп личной свободы, об освобождении с земельным наделом не было и речи, земля должна была вся остаться во владении помещиков; но крестьяне получали право выкупить личную свободу, для этого автор проекта составил таксу — сумма выкупа соответствует возрасту выкупающегося, т.е. его рабочей способности. Например, дети от 9—10 лет платят по 100 руб.; чем старше возраст, тем выше плата; работник 30—40 лет — 2 тыс. (на тогдашнем рынке это равняется нашим 6—7 тыс. руб.); работник 40—50 лет платит меньше и т.п. по мере рабочей силы. Понятно, какие крестьяне по этому проекту вышли бы на волю, — это сельские кулаки, которые получили бы возможность накопить необходимый для выкупа капитал. Словом, трудно было придумать проект, менее практический и более несправедливый, чем тот, какой развивается в записке Мордвинова.

Неизвестно, кто составил проект для Аракчеева, которому это было поручено императором, едва ли подписавшийся под ним был его автором. Этот проект отличался некоторыми достоинствами: Аракчеев предполагал освобождение крестьян провести под руководством правительства — оно покупает постепенно крестьян с землею у помещиков по соглашению с ними по ценам данной местности. Для этого оно назначает капитал ежегодно; капитал этот образуется или посредством отчисления известной суммы из питейного дохода, или посредством выпуска соответственного количества 5-процентных облигаций государственного казначейства. Крестьяне выпускаются с землею в размере двух десятин на душу. В проекте Аракчеева изложены были выгоды такой операции для землевладельцев, о выгоде операции для крестьян автор благоразумно умалчивал».

И вот тогда-то и пригодилось Александру «двойное» воспитание...

Он был глуховат, но монархический слух у него оказался отменным. Мечтая ввести конституционный строй как систему гарантий от каких-либо потрясений существующего порядка, Александр не собирался ограничиваться лишь гарантиями незыблемости рабовладельческой империи, где монарх неизбежно должен попасть в зависимость от аристократии.

Как справедливо отмечал А.Е. Пресняков, Александр перестает верить своим приближенным, «все больше стремится он иметь свои личные способы осведомления и воздействия на ход дел, противопоставляет официальным органам своей власти доверенных людей, которые должны наблюдать за ними, доставлять ему сведения по личному поручению, как бы приватно, наблюдать друг за другом и действовать по личным его указаниям, вне установленного порядка. Мысль о едином министерстве, о назначении во главу всех ведомств людей одинакового направления, придерживающихся единой общей программы, ему глубоко антипатична. При первом же назначении высших должностных лиц в министерства он противопоставляет министрам из старшего поколения опытных дельцов, их товарищей из среды своего личного окружения; так действует и дальше, стремясь иметь своих личных агентов в разных ведомствах — негласных и полугласных, —

как в делах внутренних, особенно в министерстве полиции, так и в делах иностранных, которые ведет — в важнейших вопросах — лично сам через особо командируемых с секретными инструкциями лиц помимо своих министерств, помимо своих послов при иностранных дворах».

Об этом говорили и сами «интимные» друзья императора.

«Император, — писал П.А. Строганов, — взошел на престол с наилучшими намерениями — "утверждать порядок на возможно наилучших основаниях", но его связывают личная неопытность и вялая, ленивая натура. Казалось, что им легко будет управлять. У него большое недоверие к самому себе; надо его подкрепить, подсказывая ему, с чего следует начать, и, помогая ему, сразу обнять мыслью целое содержание каждого вопроса. *Он особенно дорожит теми, кто умеет уловить, чего ищет его мысль, и найти ей подходящее изложение и воплощение, избавляя его от труда самому ее разрабатывать.* Надо только при этом с тем считаться, что он весьма дорожит "чистотою принципов"; поэтому надо все сводить к таким «принципам», в правильности которых он не мог бы сомневаться».

Как мы знаем, такого сотрудника Александр нашел в Михаиле Михайловиче Сперанском. Сперанский хорошо умел уловить, чего ищет мысль императора, умел и найти ей подходящее изложение и воплощение, избавляя императора от труда самому ее разрабатывать.

Кроме того, у Сперанского было и еще одно достоинство.

Он происходил из духовного сословия и блестящую карьеру сделал не с помощью влиятельных родственников, а благодаря личным дарованиям и огромной трудоспособности.

Пока Сперанский не вступил в масонскую ложу, он оставался чуждым бюрократической среде, которая, по словам А.Е. Преснякова, была насыщена своими интересами, в значительной мере дворянскими — классовыми, а в текущем быту — личными и кружковыми, которые опутывали императора сетью интриг, самого его в них вовлекали и часто налагали на него сложные и напряженные стеснения.

6.

Александр I и Александровская эпоха.

Что тут поставить на первое место по степени влияния друг на друга? Пожалуй, впервые, начиная с правления Петра I, затрудняешься ответить на этот вопрос.

Понятно, что Петр I сам и определял свое время, бесцеремонно разрушив все обычаи и установления Святой Руси и решительно приступив к строительству рабовладельческой империи взамен прежней страны.

Сменившая петровское время эпоха дворцовых переворотов как раз и была утверждением принципов рабовладельческой империи, в которой рабовладельцы неизбежно подчиняли своему влиянию и Государя, и где монархия неизбежно превращалась в «деспотизм, ограниченный удавкой».

Идеального состояния рабовладельческая империя достигла при Екатерине, ибо Екатерина, только исполняя все требования крепостников-вольтерьянцев, и могла незаконно оставаться на троне. Когда А.С. Пушкин говорил про нее, что «развратная государыня развратила и свое государство», он, вероятно, это и имел в виду...

Интересы дворян, превратившихся в замкнутую касту рабовладельцев, определяли теперь не только внутреннюю, но и внешнюю политику.

Павла, пошедшего наперекор рабовладельцам-вольтерьянцам, убили. Его сына, Александра, принудили участвовать в заговоре-убийстве, прежде всего для того, чтобы у него, когда он взойдет на трон, не появилось искушения, подобно отцу, изменить характер рабовладельческой империи.

И Александр подчинился...

Объявив, что при нем «все будет, как при бабушке», он принял на себя обязательства, от которых ему трудно было освободиться.

Мы уже говорили, что заговорщиков подтолкнул к убийству императора Павла его разрыв с Англией, нанесший серьезный экономический ущерб русским рабовладельцам. Иных причин у России для вражды с Наполеоном не было... И все-таки потребовалось поражение под Аустерлицем, прежде чем Александр попытался развернуть эту губительную для русских национальных интересов политику и, как его убитый отец, «съесть европейский пирог» вместе с Наполеоном.

Сближение это Александру давалось трудно, практически весь «интимный» комитет активно противодействовал, не гнушаясь при этом и прямым предательством. Известно, например, что идеолог комитета Лагарп, будучи послан к Наполеону с посланием Александра I, письмо так и не передал, «найдя, что Наполеон действует уже не в том направлении, какое видел он (Лагарп. — *Н.К.*) в его делах ранее». Письмо, которое многое могло переменить в истории, благородный республиканец возвратил через тридцать лет уже императору Николаю I.

И не только в интимном кружке зрело предательство.

«Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром, — писал М.М. Сперанский. — Самый мир заключал в себе почти все элементы войны».

Тильзитский мир был чрезвычайно непопулярен среди дворян-крепостников. Все выгоды, которые получала от этого мира Россия, не способны были вознаградить потерю коммерческих интересов дворян-рабовладельцев, вызванных континентальной блокадой. Какое значение мог иметь выход России к Средиземному морю или решение других насущных национальных задач, если рабовладельцы теряли при этом, как сказал поэт:

> Все, чем для прихоти обильной
> Торгует Лондон щепетильный,
> И по балтическим волнам
> За лес и сало возит нам...

Определение *щепетильный* тут характеризует не лондонскую нравственность, а лондонскую специальность — торговца различными мелочами: иголками, булавочками, наперстками, шнурочками, тесемочками, крючочками, пуговичками, шпиль-

Встреча императора Александра I и Наполеона на Немане около Тильзита 23 июня 1807 г.

ками, колечками, сережками, бисером, духами, помадой...

Ради того, чтобы не нарушилось снабжение России этими и подобными им товарами, крайне необходимыми развратным русским рабовладельцам, и вынуждено было русское правительство пойти на нарушение главного условия Тильзитского мира и Эрфуртской конвенции — континентальной блокады Англии.

Французский посол сообщал тогда, что в высшем свете Петербурга «развязно и смело» толкуют о возможности, даже неизбежности нового дворцового переворота, все чаще вспоминают о примере 11 марта 1801 года. И «если, — пишет Коленкур, нечего опасаться за жизнь Наполеонова союзника (Александра I. — *Н.К.*), то только потому, что его охраняет страх перед воцарением Константина, в котором видят нового Павла».

Александр I на фоне сражения. 1810-е гг. (с оригинала Г.В.Бозио)

Вот так из-за шпилек и булавок рабовладельческая аристократия шаг за шагом вовлекала Россию в войну...

И добилась своего.

12 июня 1812 года, ночью, 600-тысячная армия Наполеона переправилась через Неман. Началось нашествие «двунадесяти языков...»

Дворянами-рабовладельцами начало войны было встречено с необыкновенным воодушевлением. Московское дворянство, например, еще до 16 июля, когда был подписан манифест о созыве народного ополчения, не ожидая воззвания государя, постановило составить ополчение, в которое сдавало каждого десятого от своих крепостных.

Наверное, если бы крепостнический патриотизм и далее развивался бы в том же русле, слова Александра I: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем», так бы и остались только словами...

Тут нужно сказать то, о чем не любят говорить у нас...

Кампанию 1812 года Наполеон не планировал как завоевательную и не собирался присоединять Россию к своей империи. Ему важно было разгромить русскую армию и принудить Александра I заключить мир на условиях, невыгодных для русских рабовладельцев, а главное, совершенно неприемлемых для Англии...

И, наверное, это и удалось бы ему, и после стремительного наступления французской армии, после Смоленска или Бородина Александр и согласился бы подписать мир, однако события развивались иначе, и такого развития их не мог предугадать и гениальный Наполеон...

Стало общим местом говорить о неумении Александра руководить государством и командовать армией.

«Для Александра 1812 г. был связан с весьма ему тягостным личным испытанием, — пишет А.Е. Пресняков. — Он всю борьбу с Наполеоном воспринимал как свое личное дело, не русское только, а общеевропейское. Тем труднее ему было

примириться с роковой необходимостью снова пережить сознание "бесполезности" императора, который не годится в полководцы».

В принципе тут все верно, кроме одного...

Тут нет ответа, кто же все-таки сумел сделать войну 1812 года Отечественной...

Неужто московские рабовладельцы, порешившие в патриотическом возбуждении отдать в ополчение каждого десятого своего раба?

Или, может быть, российские генералы Барклай де Толи и Багратион, в результате всех своих блистательных маневров только у Смоленска и сумевшие соединить русские армии?

Или наш гений Михаил Илларионович Кутузов, все-таки сдавший Москву неприятелю?

Спору нет...

Если и не полководческими талантами, то пониманием характера войны наши генералы, вероятно, превосходили маршалов Наполеона...

И некоторые русские дворяне не только жертвовали войне крепостных рабов, но и сами выходили на поле боя, сами проявляли чудеса храбрости... Можно вспомнить тут легендарный бой корпуса Н.Н. Раевского с маршалом Даву возле деревни Салтановка. Прикрывая переправу через Днепр армии Багратиона, генерал Раевский сумел сдержать натиск противника. В самый острый момент боя он, взяв за руки своих сыновей, лично повел в атаку на французские батареи Смоленский полк. «Вперед, ребята! — кричал он. — За Царя и за Отечество! Я и дети мои укажем вам дорогу!» Рядом с генералом шли его сыновья — 16-летний Александр и 11-летний Николай*.

И все-таки исход войны решили не таланты генералов и не личное мужество офицеров-дворян.

*Правда, сам генерал Раевский всячески отпирался потом от этой истории, но, возможно, что он делал это из скромности, из-за того, что надоели ему тыловые патриоты, радующиеся, что его несовершеннолетние дети оказались в самом пекле войны.

И талантов, и мужества хватало и в армии Наполеона...

Исход войны решил простой русский солдат, решил русский народ, тот самый мужик, который всего поколение назад сжигал во время восстания Пугачева дворянские усадьбы и города...

И вот тут самое время задаться вопросом, а отчего же, с какой стати поднялся русский народ? Зачем ему нужно было защищать страну, в которой он находился в рабстве? Ведь защищая ее, он защищал своих рабовладельцев! Ведь Наполеон — об этом у нас никто не говорит! — принес бы ему свободу уже в 1812 году, и не нужно было бы дожидаться ее от своих царей еще полвека...

Но в том-то и дело, что воевали русские мужики не за свою свободу и, разумеется, не за своих рабовладельцев...

Еще в 1806 году, когда после поражения под Аустерлицем Александр I собирался продолжать борьбу с Наполеоном, он издал повеление Синоду возбудить население против «неистового врага мира и благословенной тишины», порожденного «богопротивной революцией», из-за которой «за ужасами безначалия последовали ужасы угнетения» сперва для Франции, потом и для всех стран, поддавшихся этой заразе, «сущего антихриста», который в Египте «проповедовал алкоран магометов», а в Париже собрал еврейский синедрион с мыслью устремить евреев против христиан и разыграть роль «лжемессии», а теперь «угрожает нашей свободе».

По ряду свидетельств можно судить, что русское духовенство, чрезвычайно раздраженное вольтерьянством рабовладельцев, выполнило повеление императора с особой охотой. В результате русский мужик привык относиться к Наполеону как антихристу, и, когда Наполеон пришел на Русскую землю, это было воспринято как покушение на самое главное, что есть у русского человека, — на его православную веру...

И тут, нужно сразу оговориться, что неверно было бы воспринимать манифесты Александра только как удачные приемы в информационной войне. Никакими про-

пагандистскими приемами невозможно было бы укоренить в народном сознании такой образ, если бы не вступала в действие ненависть, которая аккумулировалась в сердцах простых русских людей по отношению к их вольтерьянцам-рабовладельцам. Эта ненависть и переносилась на Наполеона и его армию*.

И теперь, что бы ни обещал Наполеон в России, как бы гуманно не обращались с мирным населением его солдаты, это ничего не могло переменить в отношении к нему русского народа. Никакие блага из его рук не собирался принимать простой русский человек, он старался избежать самой возможности встречи с ним.

«Проезжали мы деревни совершенно пустые, в которых не только людей, даже никаких животных не видели...» — писал в те дни А.С. Шишков, возвращавшийся вместе с императором из Смоленска в Петербург.

Тут, кстати, надо сказать, что в отличие от крепостных крестьян владельцы их, помещики-рабовладельцы, вели себя более трусливо.

Когда император Александр попросил флигель-адъютанта С.Г. Волконского рассказать ему о настроении армии, тот ответил, что все, от главнокомандующего до рядового солдата, готовы положить свою жизнь за Отечество.

— А дух народный? — спросил государь.

— Государь! — ответил Сергей Григорьевич. — Вы должны гордиться им: каждый крестьянин — герой, преданный Отечеству и вам.

— А дворянство?

— Стыжусь, что принадлежу к нему! — отвечал Волконский.

Стыдиться было чего.

Множество дворян, оставшихся в захваченных Наполеоном городах, перешли на службу к французам, в созданные ими органы муниципалитетов.

Ну а для русских крепостных крестьян, для русских солдат, для самого императора кампания 1812 года превращалась в Отечественную войну, становилась войной за самое главное для русского народа — за свою православную веру.

Происходило некое неподдающееся рационалистическому объяснению действо. Как бы исчезала прослойка рабовладельцев, отделявшая монарха от его народа. Возникало то мистическое единство, которое и делает непобедимым и народ, и его Государя...

Через сто тридцать лет подобная история повторится на другой войне, которую тоже назовут Отечественной. Тогда Сталин в минуту наивысшей опасности сумеет через голову своего интернационалистского окружения обратиться напрямую к русскому народу, вспомнив о его православии, которое пытались растоптать интернационалисты...

И тогда и произойдет перелом в ходе безнадежно проигрываемой войны ...

Как и на первой Отечественной войне.

Очень скоро выяснилось, что оставленные врагу местности для французов не безопасны...

«Крестьян никто не организовывал, — писал адъютант генерала П.П. Коновницына полковник Д. Ахшарумов, — и не заставлял это делать, так как дворяне спешили уехать, а отходившая армия была занята своим делом... При первом знаке все собирались и с неизобразимою яростью устремлялись на неприятеля».

Очень скоро выяснилось и то, что помощь Божия — это не предание старины далекой, а реальная и действенная сила. Интересно, что утром на Преображение Господне, когда начался отход русских армий от Смоленска, генерал Д.С. Дохтуров, прикрывавший отход, продержался весь день. Его полки ушли из города ночью, унося с собою, как во времена Святой Руси, Чудотворный образ Смоленской Божией Матери. Отныне этот Образ сопровождал

* Любопытен случай, о котором рассказывает в своих записках А.С. Шишков. Чиновный человек, войдя в церковь, посматривал то на тот, то на другой образ в лорнет. Простой народ, подумав, что это какой-нибудь француз, схватил его и потащил на съезжую.

русскую армию во всех походах 1812—1814 годов.

И когда думаешь о духовном переломе, который произошел в конце лета 1812 года, понимаешь, что заслуга тут прежде всего самого Александра I, и заслуга эта, пожалуй, перевешивает и таланты российских генералов, и все подвиги дворян-офицеров...

Очень точно передано ощущение чудотворящей силы, которую порождает единство монарха и народа в записках знаменитого А.С. Шишкова, автора практически всех манифестов военной поры, призванного, кстати сказать, из отставки на службу как раз накануне вторжения в Россию Наполеона.

«Между тем пришла весть о взятии Москвы. Сперва тихие шепоты смутно о сем распространились, а потом государь, призвав меня к себе, объявил мне это и приказал написать бумагу во всенародное о том известие. Услышав сие, пошел я домой с сокрушенным сердцем.

Чувства мои, сначала пораженные жестокою горестью, вдруг воспламенились гневом, родившим во мне, вместо уныния и отчаяния, гордость и надежду.

Я сел и написал следующую бумагу:

«Во всенародное известие, по высочайшему повелению. С крайнею и сокрушающею сердце каждого сына Отечества печалью, сим возвещается, что неприятель, сентября 3 число, вступил в Москву.

Но да не унывает от сего великий народ Российский! Напротив, да поклянется всяк и каждый воскипеть новым духом мужества, твердости и несомненной надежды, что всякое наносимое нам врагами зло и вред обратятся напоследок на главу их!

Неприятель занял Москву не оттого, чтоб преодолел силы наши или бы ослабил их. Главнокомандующий, по совету с присутствующими генералами, нашел за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы с надежнейшими и лучшими потом способами превратить кратковременное торжество неприятеля в неизбежную ему погибель.

Сколь ни болезненно всякому Русскому слышать, что первопрестольный град Москва вмещает в себе врагов Отечества своего, но она вмещает их в себе пустая, обнаженная от всех сокровищ и жителей. Гордый завоеватель надеялся, вошед в нее, сделаться повелителем всего Российского царства и предписать ему такой мир, какой заблагорассудит; но он обманется в надежде своей и не найдет в столице сей не только способов господствовать, ни же способов существовать, *он затворился в гроб, из которого не выйдет жив...*

Не в ту страну зашел он, где один смелый шаг поражает всех ужасом и преклоняет к стопам его и войски, и народ! Россия не привыкла покорствовать, не потерпит порабощения, не предаст законов своих, веры, свободы, имущества. Она, с последнею в груди каплею крови, станет защищать их...

Итак, да не унывает никто!

И в такое ли время унывать можно, когда все состояния государственные дышат мужеством и твердостью? Когда неприятель с остатком отчасу более исчезающих войск своих, удаленный от земли своей, находится посреди многочисленного народа, окружен армиями нашими, из которых одна стоит против него, а другие три стараются пресекать ему возвратный путь и не допускать к нему никаких новых сил?..

Боже всемогущий! Обрати милосердые очи свои на молящуюся тебе с коленопреклонением Российскую церковь! Даруй поборающему по правде верному народу твоему бодрость духа и терпение! С ими да восторжествует он над врагом своим, да преодолеет его и, спасая себя, спасет свободу и независимость царей и царств!»

Поразительно, как верно и точно сумел предугадать Александр Семенович Шишков всю стратегию борьбы с Наполеоном, которая в те дни начала сентября неясна была до конца и самому Михаилу Илларионовичу Кутузову.

И дело тут, разумеется, не в стратегических или пророческих дарованиях Александра Семеновича, а в необыкновенной чудотворящей силе, которую производило единение монарха с народом, токи которого и ощущал на себе А.С. Шишков.

«Написав сию бумагу, — вспоминал он, — я прочитал ее несколько раз, сам сомневаясь в предвещаниях моих, столь мало тогдашнему положению нашему соответствовавших. Однако ж ободрился, не переменил ни слова и понес ее к государю: он выслушал и приказал прочитать в комитете господ министров, дав повеление заседать мне в оном.

В комитете выслушали меня с молчанием, выключая, что некоторые члены находили сказанное в ней о Наполеоне выражение: "*он затворился в гроб, из которого не выйдет жив*", — слишком ненадежным и гадательно предвещаемым. Я донес государю о сем их замечании. Он отдал мне на волю — выпустить или не выпустить сии слова. Я, хотя и не охотно, однако ж, чтоб не показать себя упрямым, исключил их.

Известие о взятии Москвы подало повод к разным толкам, обвинявшим фельдмаршала Кутузова. Приметя, что и сам государь поставляет ему в вину, для чего не дал он вторичного под Москвою сражения, я осмелился спросить у него: не думает ли он сменить Кутузова? и очень обрадовался ответу его:"«Нет, я отнюдь сего не думаю..."»

Читаешь эти записки и понимаешь, что цари, как говорил Александр Семенович Шишков, больше имеют надобности в добрых людях, нежели добрые люди в них...

Отечественная война 1812 года — година тяжких испытаний и величайшего подъема народного духа, увенчавшаяся блистательной победой, — высочайшая вершина Александровской эпохи...

Война эта подтвердила имперское могущество России и принесла Александру I блистательную, немеркнущую в веках славу победителя Наполеона...

7.

По уверениям самой Екатерины II, ее внук уже в четыре года делал необыкновенные успехи в учебе:

«Намедни господин Александр начал с ковра моей комнаты и довел мысль свою... до формы земли... Я принуждена была послать в Эрмитажную библиотеку за глобусом. Но когда он его получил, то принялся усердно путешествовать по земному шару и через полчаса, если не ошибаюсь, он знал почти столько же, сколько покойный г. Вагнер пережевывал со мной в продолжение нескольких лет».

Мнения преподавателей Александра о его успехах в учебе заметно разнятся с мнением императрицы.

«Замечается в Александре Павловиче... — писал о своем воспитаннике А.Я. Протасов, — много остроумия и способностей, но совершенная лень и нерадение узнавать о вещах, и не только чтоб желать ведать о внутреннем положении дел... но даже удаление читать публичные ведомости и знать происходящее в Европе».

Еще более категоричны в оценке собственноручные записи Александра.

В двенадцать лет он послушно записывал в своем дневнике под диктовку республиканца Лагарпа: «После того, как меня учили читать шесть лет сряду, пришлось снова учить меня складам подобно шестилетнему ребенку. И так, в продолжение всего этого времени, я не научился ничему не по недостатку в способностях, а потому что я беспечен, ленив и не забочусь быть лучшим...»

Диктовки эти — тоже в духе педагогики, поощряемой Екатериной. Цель их, как и остальных педагогических новаций, не исправление недостатков характера, а изображение такого исправления.

Покорно и бездумно записывал двенадцатилетний Александр под диктовку Лагарпа унылые фразы: «... так в шесть лет я не успел ничего и меня придется снова учить азбуке. Если проживу 60 лет, то, *может быть, научусь тому, что другие знают в 10*».

Когда Александр записывал эту диктовку, он и не подозревал, насколько пророческими окажутся эти роковые слова, насколько точно очерчивают они не только всю его жизнь, но даже и посмертную судьбу...

Записывая диктовку Лагарпа, Александр не мог знать, что в двадцать три года

ему придется встать во главе организованного на английские деньги заговора рабовладельцев, и это с его молчаливого согласия будет убит отец — император Павел...

Не знал...

Как не знал он и того, что подкупленные англичанами рабовладельцы в тот роковой вечер 11 марта 1801 года накинули удавку и на его, Александра, шею...

И даже блистательная победа над Наполеоном не поможет ему высвободиться из этой страшной петли.

Или просто не хватит сил для этого...

Или желания...

Как бы то ни было, но после завершения Отечественной войны Александр I совершит, быть может, еще большее предательство, нежели в ночь на 12 марта 1801 года...

Он снова отдаст в руки трусоватых дворян-рабовладельцев свой народ, который и одержал победу в Отечественной войне, который и спас и Отечество, и Царя...

Еще во время наступления Наполеона на Москву Александр I сказал, что лучше он отрастит бороду и будет питаться картофелем с последним из своих крестьян, нежели подпишет постыдный мир...

И вот он победил... Победил вместе с народом...

И в награду снова вернул русский народ в рабство...

Думал он об этом император?

Наверняка думал... С каждым годом все мучительнее, все больнее терзали его угрызения совести... В последние годы жизни он полюбил монастыри, полюбил церковные службы...

И все нестерпимей становилась возникшая еще в детстве раздвоенность, и наконец, когда она стала совсем непереносимой, в ночь на первое сентября 1825 года, император уехал в далекий Таганрог, чтобы внезапно умереть там или — роковая загадка! — превратиться в загадочного Федора Кузьмича*, и под этим именем начать новую жизнь, чтобы научиться думать и чувствовать так, *как должен думать и чувствовать человек в десять лет*...

Но еще до прихода смерти, 15 ноября 1825 года, окружающим императора людям был явлен зловещий, жутковатый образ...

Когда император Александр исповедался и причастился в последний раз перед смертью, смотреть на него стало страшно. Плешивая голова императора сделалась вдруг будто вылепленной из воска, а за ушами зашевелились черные волосы пиявок...

Генерал-адъютант П.М. Волконский, прозванный за педантизм и твердость характера «каменным князем», утверждал, что поставить пиявок после исповеди и причастия Александра уговорил священник. С крестом в руках он встал тогда на колени перед постелью императора. Делал это священник, выполняя просьбу докторов и императрицы, но сам факт от этого не меняется — это по его молитвам, словно из преисподней, выглянул лик императора с шевелящимися вокруг головы пиявками-змеями...

В жизни ничего не происходит случайно, и ничто не проходит бесследно...

Незадолго до своей загадочной кончины император Александр говорил, что солдат служит в армии 25 лет и выходит в отставку, а он на императорской службе тоже 25 лет.

Пора и ему на покой...

Скорее всего превращение императора Александра I в старца Федора Кузьмича — только легенда...

Но легенда эта рождается не в досужих сплетнях, а в том мистическом единении монарха и народа, которое так реально, так величественно, так победительно проявилось в 1812 году и которое было предано Александром после войны...

Таким же мистически-непостижимым образом легенда о бегстве императора от одинаково враждебных и ему, и его народу рабовладельцев в народную глубь облеклась в реальную плоть и начала свое, не зависимое ни от каких доводов историков бытие...

---

* Святой праведный Феодор Томский, Сибирский. Преставился 20 января 1864 года. Канонизирован Русской православной церковью.

В 1789 году будущий директор Швейцарской республики Фредерик Сезар Лагарп, насмешливо кривя губы, диктовал будущему русскому императору, что если тот проживет до 60 лет, то, *может быть, научится тому, что другие знают в 10.*

В 1825 году, когда фельдъегерские тройки мчали в Петербург безвестное тело, названное телом русского императора Александра I, самому Александру, а теперь Федору Кузьмичу, оставалось до шестидесяти как раз *одно десятилетие*...

Глава четвертая

ЦАРСКАЯ КАША

Мы говорили, что бабушкой Екатерина II была гораздо более заботливой, нежели матерью. Во всяком случае, восторгалась она успехами внуков воистину на весь белый свет...

Вот и про третьего своего внука, «рыцаря Николая», она засвидетельствовала в письме Гримму, что внук уже на восьмой день от роду начал есть кашу...

Факт этот интересен еще и тем, что через пятьдесят девять лет, 18 февраля 1855 года, распространился слух, будто, отравившись кашей, скоропостижно скончался русский император Николай I.

Другие утверждали, что император отравился сам, переживая за очередные неудачи в Крымской войне.

Обе версии, как мы покажем далее, не соответствуют действительности, однако некое образное истолкование этот слух имеет...

Увы...

Императору Николаю I, взошедшему на престол после событий 14 декабря 1825 года, все свое правление приходилось «расхлебывать кашу», заваренную старшими венценосными братьями — Александром и Константином, и не этой ли кашей и отравился он?

Впрочем, конечно же каша была заварена раньше, еще при первых Романовых — царе Алексее Михайловиче и его сыне императоре Петре Алексеевиче... Все восемнадцатое столетие настаивалась, доходила она на огне дворцовых переворотов, и такой и была подана на стол сыновьям императора Павла...

1.

Каша была заварена на славу.

Мы говорили, что все предвоенное правление Александра I проникнуто смутным предощущением реформ, симпатией к масонству, мистикой...

В послевоенные годы, когда великий князь Николай Павлович уже достиг совершеннолетия, император Александр I обратился к более традиционным для России духовным ценностям, чем вызвал еще более ожесточенную критику в свой адрес со стороны аристократии.

Но словно в зеркальном отражении, с той и с другой стороны — одни и те же люди. Мягкий Александр I проявляет необыкновенную твердость и не сдает никого из своего окружения. При этом никому из приближенных, не исключая Аракчеева и Сперанского, он не доверяет до конца...

Причину этого постоянства некоторые исследователи видят в зависимости императора от его окружения, в его нерешительности и лукавости...

Нерешительность, разумеется, присутствовала, но как объяснить, почему многие масонские ложи, как только император — нет! нет! — не запретил, а только утратил интерес к ним, стремительно преобразуются в тайные общества заговорщиков?

Как объяснить, почему при дворе Александра I мирно уживались суровые монархисты и убежденные республиканцы, восторженные либералы и откровенные реакционеры? А главное, почему все эти монархисты и республиканцы, либера-

лы и реакционеры, вместо того чтобы враждовать между собою, дружно и единым строем противостояли любым попыткам императора освободить крестьян...

Да... Александр I бывал ленивым и нерешительным, двоедушным и лукавым, но в принципе это не так уж и важно... Все свое правление он оставался императором рабовладельческой страны и высвободиться из этого ненавистного ярма не мог.

Насколько «неадекватно» повели себя дворяне-крепостники, оставив в рабстве у себя русский народ, который и спас в этой войне и Россию, и Государя, мы уже говорили. Поразительно, но идеологов рабовладельческого строя нисколько не смущало, что рабство становилось анахронизмом даже в Российской империи и приобретало исключительно славянскую окраску...

Ведь в 1814—1816 годах провело освобождение всех своих крестьян эстляндское дворянство. В 1817 году были освобождены крестьяне Курляндии, в 1819 году — Лифляндии.

Зато русские крепостники, хотя разрешение освобождать крестьян им было предоставлено еще Указом 1803 года о вольных хлебопашцах, освободили за 22 года всего 47 153 крестьянина*.

Примерно по две тысячи крестьян в год...

И это по всей огромной России...

Чтобы освободить такими темпами из рабства всех русских людей, потребовалось бы несколько тысячелетий.

«Самое невежественное и самое ничтожное», как говорил граф П.А. Строганов, сословие русского поместного дворянства стояло в вопросе рабовладения стеной. И стена эта была нерушимой независимо от того, либералом или реакционером был рабовладелец.

Что мог этому противопоставить Александр I?

Н.Н. Новосильцев разработал проект отмены крепостного права, но и его не удалось осуществить.

Когда Александра спросили, почему он медлит с этими реформами, он ответил: «Некем взять!»

Не следует забывать, что Александру требовались помощники даже для того, чтобы угадать и выразить приличным образом его мысль... Александр I ожидал, что его мысль сумеет выразить либеральный Мордвинов, но тот не сумел. Не смог сделать этого и верный Аракчеев.

О каком противостоянии монолитной армии рабовладельцев можно говорить? Кто еще оставался, на кого еще можно было надеяться?

Александр I на фоне Невы. 1820 г.
(рисунок А.Орловского)

* Разумеется, речь тут идет не о добровольном освобождении помещиками крестьян — такие случаи были единичными! — а о выкупе крестьянами самих себя. Выкупали себя сумевшие как-то разбогатеть крестьяне. Известна чрезвычайно трогательная история, когда унтер-офицер Иванов из гвардейского кирасирского полка за время своей службы выкупил из крепостной неволи двенадцать своих родственников.

И не об этом ли и размышлял Александр I, когда ему доложили о существовании мощного оппозиционного заговора, выразившегося в создании Северного, Южного и Славянского тайных обществ? Такое впечатление, что первым делом тогда император подумал, а *не те ли это, которых он ждет, чтобы выразить мысль, которая так мучит и его и всю страну...*

— Вы знаете, что я сам разделял и поддерживал эти иллюзии... — сказал он, выслушав доклад. — Не мне их карать.

Другого докладчика Александр I не стал и слушать...

Тем не менее в последний год жизни он распорядился провести широкое дознание. Во время следствия он и скончался в Таганроге 19 ноября 1825 года...

Смерть была внезапной и таинственной, как и все последние месяцы его правления.

2.

Все чаще и чаще Александр I обращался в последние месяцы к церкви, к Богу... Давно уже, может быть, со времен царя Алексея Михайловича не случалось такого с русскими государями....

Мысли оставить престол, которые в последние годы царствования все чаще посещают Александра I, тоже необычны для русских царей. Кажется, последним подобные намерения высказывал Иван Васильевич Грозный, а среди Романовых и не было еще ни одного царя, который бы беспокоился о покое. Все Романовы ощущали себя на русском троне вполне комфортно и насмерть готовы были биться с любыми родственниками за место, позволяющее удовлетворять все причуды, своеволия и похоти.

Но, может быть, потому и возникали подобные мысли у Ивана Грозного и Александра I, что они понимали свое царствование не как возможность неограниченного произвола, а как очень и очень нелегкое служение?

В любом случае, совершенно точно известно, что о возможности оставить престол Александр I говорил, и говорил не раз.

«Это было в Красном Селе, летом 1819 г., — вспоминала императрица Александра Федоровна, супруга Николая I... — Однажды император Александр, пообедав у нас, сел между нами двумя и, беседуя интимно, внезапно изменил тон, стал очень серьезным и начал... высказывать нам, что он остался очень доволен, как утром его брат справился с порученным ему командованием; что он вдвойне рад тому, что Николай хорошо исполняет свои обязанности, так как на нем когда-нибудь будет лежать большая ответственность, что он видит в нем своего преемника и что это случится гораздо раньше, чем можно предполагать, т.к. то случится еще при его жизни...»

Факт этого разговора подтверждается и воспоминаниями Николая I. Причем акценты того разговора расставлены в них еще жестче и яснее.

«Государь начал говорить, что он с радостью видит наше семейное блаженство (тогда был у нас один старший сын Александр, и жена моя была беременна старшей дочерью Марией); что он счастия сего никогда не знал, виня себя в связи, которую имел в молодости; что *ни он, ни брат Константин Павлович* не были воспитаны так, чтобы уметь ценить с молодости сие счастие; что последствия для обоих были, что ни один, ни другой *не имели детей, которых бы признать могли* (здесь и далее выделено нами. — *Н.К.*), и что сие чувство самое для него тяжелое. Что он чувствует, что силы его ослабевают; что в нашем веке государям, кроме других качеств, нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтоб по совести исполнять свой долг, как он его разумеет; и что потому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время. Что он неоднократно о том говорил брату Константину Павловичу, который, быв одних с ним почти лет, в тех же семейных обстоятельствах, притом имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более *что*

они оба видят в нас знак благодати Божьей, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство».

Запомним эти слова императора Александра I...

Хотя он косвенно и участвовал в убийстве отца, но участвовать в убийстве основанной Павлом династии не хотел. Главнейшей обязанностью почитал он не допустить, чтобы основанная отцом династия сорвалась в вакханалию новых дворцовых переворотов.

— Я должен сказать тебе, брат, что я хочу абдикировать, — сказал Александр I осенью того же года своему брату, Константину Павловичу, наместнику Царства Польского. — Я устал и не в силах сносить тягость правительства; я предупреждаю тебя для того, чтоб ты подумал, что тебе надобно будет делать в сем случае.

— Тогда я буду просить у вас место второго камердинера вашего, — ответил Константин Павлович, — я буду служить вам и, ежели нужно, чистить вам сапоги. Когда бы я это теперь сделал, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на престоле, я докажу преданность мою к вам, как благодетелю моему.

«При сих словах, — говорил великий князь Константин Павлович, — государь поцеловал меня так крепко, как еще никогда в 45 лет нашей жизни он меня не целовал».

— Когда придет время, — сказал Александр, — я дам тебе знать, и ты мысли свои напиши к матушке.

Через два с половиной года время пришло, и Константин Павлович, в бытность свою в Петербурге, составил письмо с отречением от престола:

«Не чувствую в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право, осмеливаюсь просить Вашего Императорского Величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение нашего государства... 14 января 1822 года».

«Любезнейший брат... — ответил Константину 2 февраля 1822 года император. — С должным вниманием читал я письмо Ваше. Умев всегда ценить возвышенные чувства Вашей доброй души, сие письмо меня не удивило. Оно мне дало новое доказательство искренней любви Вашей к государству и попечения о непоколебимом спокойствии оного. По Вашему желанию предъявил я письмо сие любезнейшей родительнице нашей. Она его читала с тем же как и я, чувством признательности к почтенным побуждениям, Вас руководившим. Нам обоим остается, уважив причины Вами изъявленные, дать полную свободу Вам следовать непоколебимому решению вашему, прося всемогущего Бога, дабы он благословил последствия столь чистейших намерений».

Летом 1823 года Александр I, «томимый предчувствием близкой кончины», поручает митрополиту Филарету составить манифест о назначении престолонаследником великого князя Николая Павловича.

Он запечатал этот манифест в конверт, на котором собственноручно делает надпись: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору в Успенском соборе *прежде всякого другого действия*».

Некоторые историки и тут обнаруживают некий недобрый умысел в Александре...

«Отречение Константина было оформлено только келейно, между членами императорской семьи, а заготовленным актам о престолонаследии придан небывалый характер посмертных распоряжений, которые будут опубликованы, только когда их автор ляжет в могилу и, стало быть, перестанет быть носителем власти... — пишет А.Е. Пресняков. — Этот государственно-правовой парадокс, который можно назвать политической бестактностью, не смущал Александра. В состоянии моральной

депрессии, в каком он доживал последние годы, он готов был откладывать крупные и требовавшие решимости действия до времени, когда не ему придется их совершать. Так в деле будущих декабристов, так в деле о престолонаследии».

Однако упреки Александра I в *политической бестактности* нам кажутся преувеличенными...

Что бы ни объявил Александр, исполнять это должны были бы те же люди, которые не захотели исполнить ясно и четко выраженную волю императора — *не предпринимать всякого другого действия прежде вскрытия оставленного им пакета.* Возможно, если бы об отречении Константина от прав на наследие престола было объявлено заранее, смена императоров прошла бы спокойнее, но, может быть, и наоборот... Те темные силы, что препятствовали Николаю I занять престол, могли бы подготовить к наступающему междуцарствию еще более страшные подарки...

Некоторые историки утверждают, что из-за того, что Александр I не объявил Николая I своим наследником, тот не был как следует подготовлен к должности императора...

На это можно возразить, что в самой императорской семье все, и сам Николай I тоже, знали о запечатанном в конверт манифесте, и никто не мешал готовить Николая I в императоры, никто не мешал ему самому готовиться к предстоящему правлению.

Но есть еще и другое соображение, позволяющее предположить, что, может быть, потому и не был Николай I публично объявлен наследником престола, что Александр I хотел подготовить его к предстоящему служению наилучшим образом.

Тот же А.Е. Пресняков совершенно справедливо отмечает, что «вращаясь в военно-служебной (он командовал гвардейской дивизией и управлял военно-инженерной частью. — *Н.К.*) и придворно-служилой среде, в так называемом "высшем" обществе, Николай хорошо его знал со всей его пустотой и распущенностью, дрязгами и интригами. Он находил потом, что время, затраченное на толкотню в дворцовых передних и секретарских дежурных комнатах, не было потеряно: оно послужило "драгоценной практикой для познания людей и лиц", и он тут "многое видел, многое понял, многих узнал — и в редком ошибся". В салонах этой среды творилось то, что тогда в Петербурге считалось общественным мнением; это было мнение высшего дворянства и бюрократии, — и Николай знал ему цену».

И вот тут резонно задать себе вопрос, не является ли это знание людей, которое получил Николай I, гораздо более необходимым для будущего императора, нежели знания, как докладываются и как подписываются государственные бумаги? И другой вопрос напрашивается здесь... Сумел ли бы Николай I получить эти знания, если бы был объявлен наследником престола?

Едва ли...

Сам Александр I такого знания не получил и все двадцать пять лет царствования страдал от этого, практически все ошибки его царствования, так или иначе, но были связаны с этим недостатком в его подготовке.

О какой же тогда *политической бестактности* или *трусости* может идти речь, если Александр I проявил величайшую мудрость, когда воспользовался случаем и дал будущему императору возможность пожить почти наравне со своими подданными, чтобы лучше узнать их.

Скажем сразу, что этот «педагогический» эксперимент удался на славу. Николай I узнал то высшее общество рабовладельцев, которое уже давно разделяло народ с его монархом, монарха с его народом.

«К этому обществу, — пишет А.Е. Пресняков, — у него было не больше симпатии и уважения, чем у Павла или Александра. Дворянство и для него прежде всего — служилая среда, которую он стремится дисциплинировать и удержать в положении покорного орудия власти... Слишком остры противоречия русской жизни в эпоху разложения крепостного хозяйства и роста торгово-промышленных интересов

страны, чтобы Николай мог твердо стоять в положении "дворянского царя".

Но все это впереди, а когда в конце лета 1825 года император Александр I объявил, что отправляется в Таганрог на всю зиму, князь Голицын, которому император поручил привести в порядок бумаги, хранившиеся в его кабинете, спросил, как быть с актом о престолонаследии.

— Положимся на Бога, — сказал Александр I. — Он устроит все лучше нас, слабых смертных.

3.

По официальной версии поездка в Таганрог была вызвана назначением врачей. Они нашли, что для здоровья императрицы Елизаветы Алексеевны полезно провести зиму на юге.

Сама по себе эта версия выглядела неубедительно.

Не очень-то веской была причина, чтобы императору покинуть свою столицу на столь длительный срок... Не очень удачно было выбрано и место для лечения. Все-таки побережье Азовского моря, даже и в России, далеко не самый лучший зимний курорт.

Тем не менее 1 сентября император покинул Петербург.

Только он сам, кажется, и знал, что покидает свою столицу навсегда.

Странным и зловещим был этот отъезд...

Из Каменноостровского дворца император выехал ночью, выехал без всякой свиты...

В 4 часа с четвертью пополуночи коляска императора, запряженная тройкой, остановилась у ворот Александро-Невской лавры.

Здесь его уже ждали. Александр принял благословение от митрополита Серафима и направился в соборную церковь.

«Спаси, Господи, люди Твоя», — запели монахи.

Войдя в собор, государь остановился перед ракой святого Александра Невского, и началось молебствие. Когда наступило время чтения Евангелия, император сказал митрополиту: «Положите мне Евангелие на голову!», и опустился на колени.

По окончании молебна государь посетил схимника отца Алексея. Когда дверь кельи отворилась, мрачная картина представилась глазам государя: пол и все стены до половины были обиты черным сукном; с левой стороны у стены виднелось большое Распятие с предстоящими Богоматерью и евангелистом Иоанном; у другой стены кельи находилась черная, длинная деревянная скамейка; лампада, горевшая перед иконами, тускло освещала печальное жилище схимника.

Когда император вошел в келью, схимник пал на колени перед Распятием.

— Государь, — обращаясь к Александру, сказал он. — Молись.

Александр положил три земных поклона, а схимник, взявши крест, прочел отпуст и осенил государя.

По окончании молитвы государь вполголоса спросил у митрополита:

— Где спит схимник? Я не вижу постели...

— Спит он, — отвечал митрополит, — на том же полу, перед сим самым распятием, пред которым молится.

— Нет, Государь, и у меня есть постель, — сказал схимник. — Пойдем, я покажу ее.

С этими словами он повел императора за перегородку в своей келье, где стоял черный гроб, в котором лежала схима, свечи и все относящееся к погребению.

— Смотри, — сказал схимник. — Вот постель моя, и не моя только, а постель всех нас: в ней все мы, государь, будем спать.

Государь, — продолжал схимник. — Я человек старый и многое видел на свете; благоволи выслушать слова мои. До великой чумы в Москве нравы были чище, народ набожнее, но после чумы нравы испортились; в 1812 году наступило время исправления и набожности: но по окончании войны сей нравы еще более испортились. Ты — государь наш и должен бдеть над нравами. Ты — сын Православной церкви и должен любить и охранять ее. Так хочет Господь Бог.

Когда император садился в коляску, глаза его были наполнены слезами.

Перед выездом из Петербурга государь остановился у заставы и, обратившись назад, несколько минут, в задумчивости, глядел на город, как бы прощаясь с ним.

Существует предание, что, остановившись в Нижнем Новгороде, Александр заезжал в Саров к великому молитвеннику и чудотворцу Серафиму Саровскому.

«В 1825 году... — пишет Е.Н. Поселянин, — старец Серафим однажды обнаружил будто бы какое-то беспокойство, замеченное монахом. Он точно ожидал какого-то гостя, прибрал свою келью, собственноручно подмел ее веником. Действительно, под вечер в Саровскую Пустынь прискакал на тройке военный и прошел в келью отца Серафима. Кто был этот военный, никому не было известно; никаких предварительных предупреждений о приезде незнакомца сделано не было.

Между тем великий старец поспешил навстречу гостю на крыльцо, поклонился ему в ноги и приветствовал его словами: "Здравствуй, Великий Государь!" Затем, взяв приезжего за руку, отец Серафим повел его в свою келью, где заперся с ним. Они пробыли там вдвоем в уединенной беседе часа два-три. Когда они вместе вышли из кельи и посетитель отошел уже от крыльца, старец сказал ему вслед: "Сделай же, Государь, так, как я тебе говорил".

Это и был император Александр I.

Во время этой встречи преподобный Серафим предрек: «Будет некогда Царь, который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что восстанут против этого Царя и самодержавия, но Бог Царя возвеличит...»

В Таганрог император приехал 13 сентября.

Через десять дней приехала императрица, которая буквально сразу же начала быстро поправляться — «окрепла и физически и морально».

20 октября Александр I отправился в Крым...

Накануне произошел знаменательный разговор.

В четвертом часу пополудни небо затянуло тучами и стало очень темно. Государь приказал камердинеру Анисимову подать свечи.

Когда небо прояснилось и сделалось светло и солнечно, Анисимов осмелился побеспокоить государя.

— Не прикажете ли, Ваше Величество, свечи принять? — спросил он.

— Для чего? — спросил государь.

— Для того, государь, что по-русски со свечами днем писать не хорошо, с улицы могут подумать, что здесь покойник.

— Ну, когда так, — сказал государь, — то возьми свечи...

В Таганрог император вернулся уже больным....

Это отмечено в журнале, который вел генерал-адъютант П.М. Волконский.

«5-го ноября.

Государь император изволил возвратиться из Крыма в 6 часов вечера... На вопрос мой о здоровье его изволил ответить по-французски:

"Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватил в Крыму, несмотря на прекрасный климат, который нам так восхваляли. Я более чем когда-либо думаю, что мы прекрасно сделали, избрав Таганрог местопребыванием моей жены".

Когда я спросил Его Величество, с каких пор он испытывает лихорадку, император ответил мне, что с Бахчисарая, где "прибыв вечером и почувствовав жажду, я спросил пить, и мой камердинер Федоров подал мне барбарисового сиропа. Так как во время путешествия в Крыму погода была очень жаркая, я подумал, что сироп мог испортиться, но мой камердинер сказал мне, что сироп не пострадал. Я проглотил целый стакан и лег спать. Ночью я почувствовал страшные припадки, но, благодаря моему организму и прекрасному желудку, меня сильно прослабило и все обошлось этим. По приезде в Перекоп я посетил госпиталь, где почувствовал снова небольшую лихорадку".

По этому поводу я осмелился заметить Его Величеству, что было неблагоразумно с его стороны отправиться в госпиталь, где он мог лишь усилить свою лихорадку, вследствие нахождения в нем большого числа лиц, пораженных этой болезнью, и что император постоянно забывает, что, приближаясь к пятому десятку, не пользуешься уже теми силами, как в 20 лет.

Он отвечал мне: "О, дорогой друг, я слишком чувствую это и уверяю вас, что я очень часто вспоминаю об этом и надеюсь, что все обойдется благополучно". Спросив меня затем о здоровье императрицы, он отправился к ней, где Их Величества и провели вместе остальную часть вечера.

6-го ноября.

По утру в 8 часов позван я был, как по обыкновению, к Его Императорскому Величеству во время умывания: спросил о его здоровье, Его Величество изволил отозваться, что ночь провел изрядно и лихорадки не чувствовал. Взгляд у государя был слабый, и глаза мне показались мутны. Сверх того глухота была приметнее, и до того, что, докладывая по некоторым бумагам, Его Величество изволил сказать мне, чтобы я остановился чтением до совершенного окончания его туалета. Одевшись, Его Величество, вышедши в кабинет, стал у камина греться, приказав мне продолжать доклад...

8-го ноября.

Ночь проводил неспокойно и имел лихорадку. По утру в 8 часов изволил делать свой туалет по обыкновению, приняв от меня поздравление с праздником, сожалел, что не может идти к обедне, дабы не возобновить лихорадки. Отпустив меня к обедне, сам изволил в кабинете, сев на канапе, заняться чтением Библии. После обедни, пришедши к Его Величеству, нашел его сидящим на канапе в маленьком жару. Государь изволил спрашивать, по обыкновению, хорошо ли отправлялась служба, как пели певчие, и хорошо ли служил вновь вывезенный Его Величеством из Новочеркасска диакон?..

Вечером сделался пот, который продолжался всю ночь».

Здесь нужно сделать примечание...

8 ноября Православная церковь празднует Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных — Архангелов Гавриила, Рафаила, Уриила, Селафиила, Иегудиила, Варахиила и Иеремиила.

И легко сообразить, что, расспрашивая, как пели в церкви, император Александр думал о других голосах, которые ему, отцеубийце, вскоре предстоит услышать...

«9-го ноября.

Ночь была изрядная. По утру, хотя пот и продолжался, но государь чувствовал себя лучше, что продолжалось во весь день. Так как в тот день должна была отправиться экстра-почта в С.-Петербург, то и просил я у Его Величества, чтобы изволил писать Ея Величеству о болезни. Государь император приказал государыне писать к Ея Императорскому Величеству государыне императрице Марии Федоровне... что, возвратясь из Крыму с лихорадкою, принужден не выходить из дома, дабы не увеличивать лихорадки».

Как явствует из «Журнала» Волконского, первый обморок с императором случился 10 ноября, второй — на следующий день.

Любопытно замечание лейб-медика государя баронета Я.В. Виллие, сделанное в эти дни: «Начиная с 8-го числа я замечаю, что что-то такое другое его занимает больше, чем его выздоровление, и беспокоит его мысли...»

14 ноября, как отметил Волконский, «около обеда сделался опять сильный жар, и за ушами шея к голове заметно покраснела, почему г. Виллие и Стоффреген предложили Его Величеству поставить за уши пиявки, но государь и слышать о сем не хотел...»

Пиявки за уши, тридцать пять штук, поставили на следующий день, когда император исповедался и причастился. Смотреть на императора стало страшно: плешивая голова, только за ушами шевелятся черные волосы пиявок.

«16-го ноября.

Ночь проводил худо и все почти в забытьи; в 2 часа ночи попросил лимонного

мороженого, которого откушал одну ложечку, потом во весь день ему было худо; к вечеру положили еще к ляжкам синапизмы, но жар не уменьшился. Государь был все хуже, в забытьи и ничего не говорил.

17-го ноября.

Ночью было государю худо, по утру в шесть с половиной часов положили на спину шпанскую муху. В 10 часов утра стал всех узнавать и немного говорить, то есть только просил пить. К вечеру сделалось хуже, однако позвал меня и сказал "«сделай мне", и остановился; я спросил у Его Величества, что прикажете сделать? Посмотрев на меня, отвечал: "полосканье"; отошед от него, заметил, что уже нельзя ему полоскать рта, потому что сил не имел, чтобы подняться, а между тем забылся опять и был всю ночь в опасности».

И вот наступило 19 ноября...

«Утро было пасмурное и мрачное, площадь перед дворцом вся была покрыта народом, который из церквей, после моления о здоровье государя, приходил толпами ко дворцу, чтобы получить вести о положении императора. Государь постоянно слабел, часто открывал глаза и прямо устремлял их на императрицу и святое распятие... В выражении лица его не заметно было ничего земного, а райское наслаждение и ни единой черты страдания. Дыхание становилось все реже и тише...

В 10 часов и 50 минут испустил последний дух. Императрица закрыла ему глаза и, подержав челюсть, подвязала платком, потом изволила пойти к себе».

Внезапность и необъяснимость (от простуды? от лихорадки?) смерти императора, в глуши, вдалеке от столицы, сразу вызвала разговоры и недоумения...

Беспокоили всех и противоречия в свидетельствах очевидцев кончины императора.

На следующий день вечером было сделано вскрытие тела. Вскрывались грудная полость, брюшина и череп, чтобы установить причину смерти императора. Был составлен следующий акт вскрытия.

«1. На поверхности тела.

Вид тела вообще не показывал истощения и мало отступал от натурального своего состояния как во всем теле вообще, так и в особенности в брюхе и ни в одной из наружных частей не приметно ни малейшей припухлости.

На передней поверхности тела, именно на бедрах, находятся пятна темноватого, а некоторая темно-красного цвета, от прикладывания к сим местам горчишников происшедшие; на обеих ногах ниже икр, до самых мыщелков приметен темно-коричневый и различные рубцы (cicatrices), особенно на правой ноге, оставшиеся по заживлению ран, которыми государь император одержим был прежде. На задней поверхности тела, на спине между крыльцами, до самой шеи простирающееся довольно обширное приметно пятно темно-красного цвета от приложенного к сему месту пластыря шпанских мух происшедшее. Задняя часть плеч, вся спина, задница и все мягкие части, где наиболее находится жирной клетчатой плевы, имеют темно-оливковый цвет, происшедший от излияния под кожу венозной крови. При повороте тела спиною вверх из ноздрей и рта истекло немного кровянистой влаги.

2. В полости черепа.

При разрезе общих покровов головы, начиная от одного уха до другого, кожа найдена очень толстою и изобилующею жиром. По осторожном и аккуратнейшем отделении пилою верхней части черепа, из затылочной стороны вытекло два унца венозной крови. Череп имел натуральную толстоту. По снятии твердой оболочки мозга, которая в некоторых местах, особенно под затылочной костью, весьма твердо была приросши к черепу, кровеносные сосуды на всей поверхности мозга чрезмерно были наполнены и растянуты темною, а местами красноватой кровью от предшествовавшего сильного прилития оной к сему органу. На передних долях мозга под лобными возвышениями (protuberantia frontales) приметны два небольшие пятна темно-оливкового цвета от той же причины. При извлечении мозга из своей полос-

ти, на основании черепа, равно как и в желудочках самого мозга, найдено прозрачной сукровицы (serositas) до двух унцов. Хоровидное сплетение левого мозгового желудочка найдено твердо приросшим ко дну оного.

3. В грудной полости.

По сделании одного прямого разреза, начиная от гортани чрез средину грудной кости до самого соединения лобковых костей, и двух косвенных, от пупка до верхнего края подвздошных костей, клетчатая плева найдена была повсюду наполненной большим количеством жира. При соединении ребер с грудиною, хрящи оных найдены совершенно окостеневшими. Оба легкие имели темноватый цвет и нигде не имели сращения с подреберной плевой. Грудная полость ни мало не содержала в себе водянистой влаги. Сердце имело надлежащую величину и во всех своих частях, так и существом своим не мало ни отступало от натурального состояния, равно и все главные сосуды от оного происходящие. В околосердечной сумке (pericordium) найдено сукровицы около одного унца.

4. В полости брюшной.

Желудок, в котором содержалось немного слизистой смеси, найден в совершенно здоровом положении; печень имела большую величину и цвета темнее натурального; желчный пузырь растянут был большим количеством испорченной желчи темного цвета; ободошная кишка была очень растянута содержащимися в ней ветрами. Все же прочие внутренности, как-то поджелудочная железа, селезенка, почки и мочевой пузырь, нимало не отступали от натурального своего состояния.

Сие анатомическое исследование очевидно доказывает, что августейший наш монарх был одержим острою болезнью, коею первоначально была поражена печень и прочие, к отделению желчи служащие, органы. Болезнь сия в продолжении своем постепенно перешла в жестокую горячку с приливом крови в мозговые сосуды и последующими затем отделением и накоплением сукровичной влаги в полостях мозга, и была, наконец, причиною самой смерти его императорского величества.

Дмитриевского вотчинного госпиталя младший лекарь Яковлев.

Лейб-гвардии Казачьего полка штаб-лекарь Васильев.

Таганрогского карантина главный медицинский чиновник доктор Лакиер.

Придворный врач, колежский асессор Доберт.

Медико-хирург, надворный советник Тарасов.

Штаб-лекарь, надворный советник Александрович.

Доктор медицины и хирургии, статский советник Рейнгольд.

Действительный статский советник, лейб-медик Стоффреген.

Баронет Яков Виллие, тайный советник и лейб-медик».

Мы привели целиком этот акт потому, что, хотя среди людей, подписавших его, и было немало высокопрофессиональных специалистов, диагноз, поставленный ими, чрезвычайно смутен и условен.

В свое время князь В.В. Барятинский, занимаясь разбором смерти императора Александра I, разослал акт вскрытия видным петербургским медикам и получил заключение от них, «что при всей трудности определить по протоколу вскрытия причину смерти — смерть эта отнюдь не могла произойти ни от брюшного тифа, ни от малярии» (т.е. крымской лихорадки), как пишется в большинстве биографий Александра I.

Все корреспонденты В.В. Барятинского указали на сифилис как на одну из возможных причин смерти. Но, как справедливо заметил тот же Барятинский, подобный диагноз совершенно не согласуется с образом жизни императора Александра I и с ходом его болезни, описанном в многочисленных дневниках.

4.

Разбирая бумаги, оставшиеся в кабинете Александра в Таганроге, Волконский и Дибич нашли церемониал погребения Екатерины II...

Зачем император взял его с собою в Таганрог?

Еще больше недоумений вызывают события, последовавшие следом за кончиной Александра... Поражает медлительность и небрежность в организации похорон, словно не императора хоронили, а частного человека...

Только через два дня было произведено вскрытие тела и началось бальзамирование.

«21-го числа, поутру в 9 часов, по приказанию Дибича, отправился я, как старший в чине из числа моих товарищей, для присутствия при бальзамировании тела покойного государя, — вспоминает Н.И. Шениг. — Вошел в кабинет, я нашел его уже раздетым на столе, и четыре гарнизонные фельдшера, вырезывая мясистые части, набивали их какими-то разваренными в спирте травами и забинтовывали широкими тесьмами. Доберт и Рейнгольд, с сигарами в зубах, варили в кастрюльке в камине эти травы. Они провели в этом занятии всю ночь, с той поры, как Виллие вскрыл тело и составил протокол. Череп на голове был уже приложен, а при мне натягивали кожу с волосами, чем немного изменилось выражение черт лица. Мозг, сердце и внутренности были вложены в серебряный сосуд, вроде сахарной большой жестянки с крышкою, и заперты замком. Кроме вышесказанных лиц и караульного казацкого офицера, никого не только в комнате, но и во всем дворце не было видно. Государыня накануне переехала на несколько дней в дом Шихматова. Доктора жаловались, что ночью все разбежались и что они не могут даже добиться чистых простынь и полотенец. Это меня ужасно раздосадовало. Давно ли все эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страх, и благодеяния. Я тотчас же пошел к Волконскому, который принял меня в постели, рассказал, в каком положении находится тело государя, и тот, вскочив, послал фельдъегеря за камердинерами. Через четверть часа они явились и принесли белье. Между тем фельдшера перевертывали тело, как кусок дерева, и я с трепетом и любопытством имел время рассмотреть его. Я не встречал еще так хорошо сотворенного человека. Руки, ноги, все части тела могли бы служить образцом для ваятеля; нежность кожи необыкновенная; одно только место, которое неосторожно хватил Тарасов, было черного цвета.

По окончании бальзамирования одели государя в парадный общий генеральский мундир, с звездою и орденами в петлице, на руках перчатки и положили на железную кровать, на которой он скончался, накрыв все тело кисеею. В ногах поставили аналой с Евангелием, которое по очереди читали священники, сменяясь каждые два часа...»

Однако прошло почти три недели после кончины государя, прежде чем тело императора было перевезено из дворца в собор Александровского монастыря.

Здесь гроб стоял и 14 декабря, когда в Петербурге вышли на Сенатскую площадь те, чьи *иллюзии разделял и поддерживал* мертвый император.

29 декабря, когда, выдержав экзамен на императорское звание, Николай подавил мятеж и арестовал основных заговорщиков, печальный кортеж двинулся в Петербург.

Императрица Елизавета Алексеевна не сопровождала тело мужа. Она, хотя и чувствовала себя хорошо, осталась в Таганроге до весны.

Гроб повезли через Харьков, Курск, Орел, Тулу...

3 февраля, когда поезд прибыл в Москву, слух, что император скрылся, а в гробу везут тело умершего солдата, принял угрожающие размеры.

Гроб поставили в Архангельском соборе Кремля, но уже в девять часов вечера кремлевские ворота заперли и выкатили к ним заряженные орудия. В Кремле расположилась пехота, а кавалерийская бригада с оседланными лошадьми — в экзерциргаузе.

Гроб в Москве не открывали.

Как свидетельствуют лица, сопровождавшие его, первый раз гроб открыли 7 февраля в семь часов вечера в селе Чашошкове. Второй осмотр был произведен лично графом Аракчеевым за Новгородом, а вот в третий раз осматривали тело всего лишь через несколько десятков километров — в деревне Бабине... Где-то здесь, вблизи Тосно, встретила гроб сына императрица Мария Федоровна.

Сцена знаменательная.

Четверть века назад мартовской ночью 1801 года императрица пыталась прорваться в кабинет своего мужа императора Павла, и ее не пускали туда...

Теперь ей не желали показать тело сына, организовавшего в ту мартовскую ночь убийство отца.

В.В. Барятинский полагает, что это по требованию императрицы, а не по личному приказу императора Николая I и было произведено лейб-медиком Яковом Виллие вскрытие гроба...

«Сего 26-го февраля в 7 часов пополудни, в Бабине, я производил осмотр тела блаженной памяти императора Александра... — писал баронет лейб-медик. — Раскрыв его до мундира, я не нашел ни малейшего признака химического разложения, обнаруживающегося обыкновенно выделениями сернисто-водородного газа, обладающего весьма едким запахом; мускулы крепки и тверды и сохраняют свою первоначальную форму и объем...»

Таким и увидела тело сына императрица...

В таком состоянии находилось тело и 28 февраля, когда прибыли в Царское Село. Здесь гроб был поставлен в дворцовой церкви на катафалке под балдахином...

1 марта в 11 часов вечера священник и все дежурные были удалены из церкви, а при дверях поставлены часовые.

В присутствии министра духовных дел князя А.Н. Голицына, графа Орлова-Денисова был открыт гроб.

Надворный советник Тарасов снял атласный матрац из ароматных трав, покрывавший все тело, вычистил мундир, на который пробилось несколько ароматных специй, переменил на руках императора пожелтевшие белые перчатки, возложил на голову корону и обтер лицо, так что тело представлялось совершенно целым, и не было ни малейшего признака порчи.

Спустя несколько минут вся императорская фамилия с детьми, кроме царствующей императрицы, вошли в церковь при благоговейной тишине, и все целовали покойного в лицо и руку.

Когда августейшие особы покинули церковь, сняли корону и, покрыв тело ароматным матрацем, закрыли гроб. Все дежурные и караул снова введены были в церковь, и началось чтение Евангелия.

6 марта тело было перевезено в Казанский собор.

Оно семь дней стояло здесь в закрытом гробу, а 13 марта 1826 года в одиннадцать часов, во время сильной метели, погребальное шествие направилось в Петропавловскую крепость...

Почему ни в Москве, ни в Петербурге не открывали гроб?

«Кажется, единственно по той причине, — пишет Тарасов, — что цвет лица покойного государя был немного изменен в светло-каштановый, что произошло от покрытия оного в Таганроге уксусно-древесною кислотою, которая, впрочем, нимало не изменила черт лица».

Однако утверждение это, как мы видим, противоречит свидетельствам о хорошей сохранности тела. Загадок и неувязок, связанных со смертью императора Александра, так много, что смутные слухи об его уходе вскоре переросли в твердую убежденность общества, будто именно так и обстояло дело.

Скоро нашелся и человек, в которого якобы воплотился император Александр в новой жизни... Это был старец Федор Кузмич, человек святой жизни, великий подвижник и молитвенник...

Как мы говорили, можно спорить, насколько справедлива эта версия, и, по-видимому, мы никогда не узнаем этого наверняка, но важно не только то, что было на самом деле, а то, во что поверила народная душа...

Сын, с молчаливого согласия которого был убит злодеями-крепостниками его отец император Павел...

Реформатор-либерал, увлекающийся масонством...

Первый русский император, сумевший осознать мистическую силу единения монарха с подданными, поднявший свой народ на Отечественную войну и одержавший величайшую победу...

Одинокий, слабый правитель, который не сумел противиться злобному и агрессивному натиску рабовладельческой аристократии и так и не освободил народ из жестокой неволи...

В этот ряд естественно и логично для народной совести вписывается превращение императора Александра в старца, замаливающего свои грехи...

Оно из той русской жизни, сила которой и помогла стране одолеть и новоявленного завоевателя Вселенной, и ту иноземную мистику, что липучим туманом стремилась окутать сознание России.

5.

Известие о кончине императора пришло в Варшаву к цесаревичу Константину Павловичу 25 ноября вечером, а в Санкт-Петербурге еще и на следующий день молились о выздоровлении Александра I...

Тем не менее в царском дворце прошло тогда совещание, на котором обсуждалось, кто должен занять в случае смерти государя престол. Верховодил на этом совещании военный генерал-губернатор Петербурга граф Михаил Андреевич Милорадович.

В принципе все было ясно: по указу Павла, выпущенному в 1797 году, права на престол принадлежали Константину. Однако Константин был женат вторым браком на польской дворянке, и поэтому в силу указа Александра I от 1820 года, по которому наследник престола должен быть женат на особе из владетельного дома, Константин прав на престол лишался, а наследником становился Николай.

Однако граф М.А. Милорадович заявил, что поскольку всенародного отречения Константина от престола не было, гвардия присягу Николаю не принесет.

М.А. Милорадовичу предложили познакомиться с распоряжениями императора (там было и отречение Константина), но он ответил, что корона для него священна, и прежде чем читать бумаги, надобно исполнить свой долг. Еще он заявил, что великий князь Николай никак не может надеяться наследовать брату своему Александру I, ибо законы империи не дозволяют располагать престолом по завещанию... К тому же завещание Александра I известно только некоторым лицам, но неизвестно в народе, как и отречение Константина, если оно имеется, тоже не явное и осталось не обнародованным... Если бы Александр I хотел, чтобы Николай наследовал после него престол, он должен был обнародовать при жизни волю свою и согласие на то Константина... А теперь поздно... Теперь ни народ, ни войско не поймут отречения и припишут все измене, тем более что ни государя самого, ни наследника нет в столице. Гвардия откажется в таких обстоятельствах принести присягу Николаю...

М.А. Милорадович вел себя во время совещания весьма развязно.

И действительно... И командующий гвардией А.Л. Воинов, и командующий гвардейской пехотой генерал К.И. Бистром поддержали его.

— У кого 60 000 штыков в кармане, тот может смело говорить! — заявил потом Милорадович.

И вот на следующий день, 27 ноября, когда во время молебствия за здравие Александра I в Зимний дворец пришло сообщение о кончине императора, Николай под давлением М.А. Милорадовича, через полчаса после получения печального известия, подписал присяжный лист.

«Великий князь поднял руку; задыхаясь от рыданий, дрожащим голосом повторял он за священником слова присяги; но когда надобно было произнести слова: государю императору Константину Павловичу, дрожащий голос сделался твердым и громким; все величие этой чудной минуты выразилось в его мужественном, решитель-

ном звуке», — вспоминал об этой присяге в дворцовой церкви В.А. Жуковский.

То ли Василий Андреевич не знал, что Николай Павлович приносит присягу брату Константину под прямым давлением Милорадовича, угрожавшего поднять всю гвардию, то ли слишком хорошо знал это...

С необыкновенной силой и точностью запечатлел он один из самых драматичных моментов русской истории, когда законный наследник престола, подчиняясь обстоятельствам, ради того, чтобы не допустить кровавой драмы, жертвует своим правом на престол. Точно так же поступил в свое время сын равноапостольного князя Владимира святой князь мученик Борис, который тоже пожертвовал великокняжеским столом, чтобы предотвратить гражданскую войну... Забегая вперед, скажем, что, как и тогда, князю Борису, Николаю не удалось предотвратить пролития крови, но это была не его вина...

Следом за Николаем, в обход существующего порядка, Константину присягнула гвардия.

М.А. Милорадович не напрасно торопил с присягой и Николая, и гвардию. В Государственном Совете перед присягой вскрыли завещание Александра I и заколебались. Членов Совета, желая избежать опасного для страны волнения гвардии, убедил присягнуть Константину сам Николай. К трем часам дня присяга Константину в Петербурге была завершена.

Однако недолгим было торжество устроившего это беззаконие генерал-губернатора Милорадовича.

Уже 3 декабря великий князь Михаил Павлович привез из Варшавы в Петербург письма Константина Павловича, который подтверждал свой отказ от прав на престол.

Такого еще не бывало в истории дома Романовых.

Рассказывают, что Николай, когда пришло неожиданное известие, почти на целый час покинул сановников. Но когда снова вышел к ним, даже в походке, в движениях произошли перемены. Это был уже не юноша, а император, принявший на себя ответственность за державу.

9 декабря Николай сам набросал текст, объясняющий запутанную ситуацию престолонаследия, и поручил Н.М. Карамзину написать на этой основе манифест о восшествии на престол.

«Когда получено было 27-го числа минувшего Ноября горестное известие о кончине блаженной и вечной славы достойной памяти Государя Императора Александра I, первое стремление сердца моего было принесть присягу в верности старшему брату моему, Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, как законному по первородству Наследнику Престола Государства Российского, буде другого покойным Императором не назначено, и объявлено не было. Исполнив первый таким образом священный долг верноподданного, известился я от Государственного Совета, что находится в архиве оного пакет, на имя Председателя от покойного Императора присланный, с собственноручною над оным надписью: хранить до собственного Его Императорского Величества востребования, или в случае кончины Его Императорского Величества прежде всякого действия в чрезвычайном собрании Совета вскрыть, и что сие последнее повеление Государственным Советом исполнено, и найдено, что пакет сей включал: 1) Письмо Государя Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича к покойному Императору, в коем торжественно просит Его Императорское Величество согласия на свободное уступление в пользу мою и потомства моего права наследия Престола Всероссийского, Его Высочеству Цесаревичу принадлежащего по праву первородства; 2) и в последствие сего Манифест покойного же Императора Александра I от 16 Августа 1823 года, по желанию Его Высочества Цесаревича, торжественно меня назначающий Наследником Всероссийского Престола и проч.

По объявлении мне о том я остался однако ж верен присяге старшему моему брату, непоколебим в решении своем и настоял, чтоб все Государство последовало при-

меру моему, не в ослушание священной для верноподданных воле покойного Государя, общего нашего отца и благодетеля, но дабы нелицемерным исполнением долга своего пред законным Наследником Престола, по Манифесту блаженной памяти Родителя нашего Императора Павла I, утвержденному 15 Сентября 1801 года, и потому по коренному закону наследия Всероссийского Престола, утвердить навсегда законный порядок наследия, что лично Государынею Императрицею, любезнейшею Родительницею нашею, удостоено благословения.

Но Его Императорское Высочество Цесаревич и Великий Князь Константин Павлович, свято сохранивший слово свое, торжественно им данное и утвержденное покойным Императором Александром в 16 день Августа 1823 года, тотчас по получении им 25 Ноября горестного известия о кончине покойного Государя Императора, тогда же в письме, привезенном любезнейшим братом нашим Великим Князем Михаилом Павловичем к любезнейшей Родительнице нашей Государыне Императрице Марии Федоровне, со включением копии с грамоты Его Императорского Величества Александра I к Его Высочеству Цесаревичу в ответ на Его письмо, подтвердил вторично торжественное отречение, в нашу и потомства нашего пользу, от наследия Престола Всероссийского и проч., а в грамоте на наше имя признает нас Императором и Самодержцем Всероссийским и проч., и себе предоставляет прежний титул Цесаревича и называет себя нам верноподданнейшим...

Великий князь Николай Павлович.
Портрет Дж. Доу. 1823 г.

Но и тогда остановились мы объявить о сей непоколебимой воле Его Императорского Высочества, доколе не получим ответа на принесенную присягу нами и всем Государством.

Ныне дошла до нас и на сие торжественная неколебимая воля Его Императорского Высочества Цесаревича, которой, повинуясь с покорностию и объявляя о том всенародно, прилагаем при сем: 1) Грамоту Его Императорского Высочества Цесаревича к Его Императорскому Величеству, покойному Императору Александру I; 2) ответ на оную Его Императорского Величества и 3) Манифест Его же Императорского Величества, Наследником нас назначающий, а равно письмо Его Императорского Высочества Цесаревича к любезнейшей Родительнице нашей, Государыне Императрице Марии Федоровне, и грамоту на наше имя, которою Мы от Его Высочества Цесаревича, удостоены были, и, наконец, объявляем, что мы по законному нашему ныне праву на наследие, по воле Божией, любезнейшего брата нашего Цесаревича, Великого Князя Константина Павловича, и по силе Манифеста блаженной памяти Государя Императора Александра I вступили на Престол Всероссийский 19 Ноября 1825 года, и повелеваем в подданстве нам и законному, по праву наследия Наследнику нашему Его Императорскому Высочеству, Государю Великому Князю Александру Николаевичу, любезнейшему нашему сыну, учинить присягу.

Да будет царствование наше царствованием законов и правосудия; да наставит

нас Всемогущий Творец следовать по священным стопам Предместника Нашего, вечной славы и благодарности достойного Государя Императора Александра I, и да даст нам силы сносить бремя правления с твердостию и упованием на Его благодать. Клянемся сохранить все коренные законы Государства нашего и ненарушимость границ Государства, и да будет залогом благих намерений наших ныне оказанное нами почтение к первому отечественному коренному закону, обеспечивающему и на будущие времена ненарушимость законного наследия Престола Государства Росийского: в чем да поможет нам Всемогущий и Всемилосердый Бог!»

Между прочим, в тот же день члены тайного общества выбрали будущего «диктатора» — князя Сергея Петровича Трубецкого.

А через день (в Таганроге в тот день наконец перевезли тело императора Александра I из дворца в собор Александровского монастыря) А.А. Аракчеев сообщил Николаю, что в гвардии готовится заговор с целью осуществления государственного переворота.

— Я еще не государь ваш, но должен поступать уже как государь... — сказал тогда Николай.

12 декабря он вручил М.А. Милорадовичу список заговорщиков и поручил арестовать их, но Михаил Андреевич выкинул список в корзину.

Роль М.А. Милорадовича в декабрьских событиях 1825 года смутна и непонятна. Считается, что он отстаивал интересы Константина Павловича и потому и противодействовал Николаю. Но если это так, то почему он продолжал загонять ситуацию в тупик и тогда, когда определенно стало известно об отречении Константина?

Еще более странным становится поведение военного генерал-губернатора, когда выясняется, что Михаил Андреевич был связан с декабристом Александром Якубовичем, а генерал Карл Иванович Бистром, активно поддерживавший Милорадовича, — с декабристом Евгением Оболенским.

Интересно, что вечером 12 декабря Николай получил письмо подпоручика Якова Ростовцева. Подпоручик предупреждал Николая о заговоре и о том, что смертельно опасно и для самого Николая и для всего государства принимать в этой ситуации престол.

Считается, что Яков Ростовцев сделал донос.

Однако донос этот был странным. Ни одной фамилии подпоручик не назвал, только предупреждал Николая.

Поскольку потом, в ходе следствия, выяснилось, что подпоручик действовал с санкции К.Ф. Рылеева, письмо это следует считать не доносом, а попыткой запугать человека, которому завтра предстоит стать императором...

Подтверждает эту мысль и то, что письмо подпоручика было подано в пакете, который принес адъютант генерала Карла Ивановича Бистрома.

Угроза, исходящая то ли от декабристов, то ли от Милорадовича—Бистрома, Николая не запугала.

«Воля Божия и *приговор братний надо мной совершается*! (выделено нами. — *Н.К.*) 14-го числа я буду государь или мертв... — написал он в тот вечер в письме генерал-адъютанту П.М. Волконскому. — Да будет воля Божия!..»

Весь день 13 декабря прошел в приготовлениях к предстоящей переприсяге...

— Неизвестно, что ожидает нас, — сказал Николай своей супруге перед сном. — Обещай мне проявить мужество и, если придется умереть, — умереть с честью».

О чем он думал, что вспоминал в ту ночь?

Может быть, о детстве?

6.

Рассказывают, что в 1797 году Николай уже танцевал на придворном балу. Было ему тогда от роду один год и четыре месяца...

В три года Николай надел малиновый мундир лейб-гвардии конного полка...

Но из первых лет жизни запомнилось немногое и совсем не главное...

Смутно и неясно остался в памяти шведский король Густав Адольф, который «подарил фарфоровую тарелку с фруктами из бисквита»; желтые сапоги гусар венгерской дворянской гвардии; лагерь Финляндской дивизии, пришедшей в Гатчину на осенние маневры.

Лучше запомнилась встреча с Суворовым...

Однако Суворова Николай запомнил не великим полководцем, а просто спасителем няни, которую будущий император очень любил и которая научила его и русской азбуке, и молитве «Отче наш...» Суворов спас няню из плена в Варшаве.

Но лучше других запомнился отец...

Ясно запечатлелось в памяти: калитка малого сада в Павловске... Голые ветки деревьев... Он, Николай, бежит по аллее навстречу отцу, и тот обнимает его.

— Поздравляю, Николаша, с новым полком, — говорит он. — Я тебя перевел из Конной гвардии в Измайловский полк в обмен с братом*...

Было тогда будущему императору три с небольшим года, и с тех пор зеленый с золотыми петлицами мундир с нашитыми на него звездами Андрея Первозванного и святого Иоанна Иерусалимского и стал навсегда его мундиром...

Запомнилась и первая игрушка — деревянное ружьецо, купленное за полтора рубля. Потом появились в детской литавры, деревянные шпаги, алебарды, гренадерские шапки, трубы, пушечки, зарядные ящики...

Николай I сам записал свои детские воспоминания, изданные потом тиражом в пятьдесят экземпляров. Несколько страниц в них отведено событиям трагической ночи на 11 марта 1801 года, ночи, которую наверняка вспоминал Николай ночью 14 декабря 1825 года...

* В 1799 году вернувшийся из Итальянского похода великий князь Константин был переведен в Конную гвардию.

Может быть, он вспоминал свежеиспеченный хлеб, который, чтобы спастись от сырости, клали на подоконнике в Михайловском замке... Может быть, вспоминал ковер в кабинете отца, на котором они с братом Михаилом играли по утрам...

Впрочем, раскроем лучше сами «Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно».

«Однажды вечером был концерт в большой столовой; мы находились у матушки; мой отец уже ушел... потом поднялись к себе и принялись за обычные игры. Михаил (младший сын императора Павла. — *Н.К.*), которому было тогда три года, играл в углу один, в стороне от нас; англичанки, удивленные тем, что он не принимает участия в наших играх, обратили на это внимание и задали ему вопрос: что он делает? Он, не колеблясь, отвечал: "Я хороню своего отца!" Как ни малозначащи должны были казаться такие слова в устах ребенка, они тем не менее испугали нянек. Ему, само собою разумеется, запретили эту игру, но он... продолжал ее, заменяя слово "отец" "семеновским гренадером". На следующее утро моего отца не стало. То, что я здесь говорю, есть действительный факт.

События этого печального дня сохранились в моей памяти, как смутный сон; я был разбужен и увидел перед собою графиню Ливен.

Когда меня одели, мы заметили в окно, на подъемном мосту перед церковью, караулы, которых не было накануне; тут был весь Семеновский полк в крайне небрежном виде. Никто из нас и не подозревал, что мы лишились отца; нас повели вниз к моей матушке и вскоре оттуда мы отправились с нею, сестрами, Михаилом и графиней Ливен в Зимний дворец...

Матушка моя лежала в глубине комнаты, когда вошел император Александр в сопровождении Константина и князя Николая Ивановича Салтыкова; он бросился перед матушкой на колени; и я до сих пор еще слышу его рыдания. Ему принесли воды, а нас увели. Для нас было счастье

опять увидеть наши комнаты и, должен сказать по правде, наших деревянных лошадок, которых мы там позабыли».

Отца убили, когда Николаю Павловичу было четыре с половиной года...

Ему не исполнилось еще пяти, когда ему подарили уже не деревянную, а настоящую лошадь и он начал ездить верхом.

Когда Николаю исполнилось шесть, появились у него воспитатели-мужчины. Главный надзор за воспитанием великого князя осуществлял начальник Первого кадетского корпуса генерал Ламсдорф.

Его выбрал еще сам император Павел.

Говорят, что Ламсдорф отказывался, но Павел пресек его возражения.

— Если вы не желаете исполнить моего желания для меня... — сказал он, — то должны это сделать во имя России. Но предупреждаю вас, чтобы вы из моих сыновей не сделали таких повес, каковы, по большей части, немецкие принцы.

Ламсдорф добросовестно исполнил наказ покойного императора. Он установил для великих князей такой же жесткий, как и в кадетском корпусе, порядок. За нарушение его и Николай, и Михаил наказывались — до ударов шомполом включительно.

На ужин будущему императору полагался кусок хлеба с солью. Каждый день поднимали в семь утра. В десять вечера, перед сном, Николай должен был заполнить дневной журнал.

Самое удивительное, что вся эта строгость, еще определенная покойным отцом, не вызывала протеста со стороны самого мальчика. Более того, военная строгость проникала и в его детские игры.

Почти настоящей была игра великих князей в часовых.

Часами могли они, играя, неподвижно стоять в карауле.

Однако любимыми игрушками Николая Павловича стали в то время оловянные солдатики...

Русские мастера уже в совершенстве овладели техникой «нюрнбергской» школы, и оловянные фигурки*, в точности копирующие и форму, и вооружение русских полков, начали поступать в продажу.

Много было у Николая и фигурок солдат, изготовленных за границей.

Интересно, что среди книг его детской библиотеки (а там были сочинения Гомера, Лафонтена, Плутарха, Ломоносова) находим мы и книгу-игрушку «Естественная история с оловянными фигурками». В книге описывались события, а извлекаемые из коробки, приложенной к книге, фигурки помогали ребенку включить исторические персонажи в свои детские игры**.

Образование Николая тем не менее шло своим чередом, и в восемь лет он уже читал и писал под диктовку по-французски, читал по-русски Псалтырь, знал четыре правила арифметики.

Многие участники детских игр Николая I обращали внимание на его пристрастие к крепостям. Он любил срисовывать их модели, а на прогулках возводил из земли редуты. Даже в детской, занимаясь строительством из стульев «дачи» для няни, он всегда укреплял постройку пушками «для защиты». Несомненно, что в этом пристрастии подсознательно проявлялся гнетущий детский страх перед преступлением, совершенным в Михайловском замке...

Должно быть, заметив любовь Николая к крепостям, император Александр и возложил на него ответственность за все саперные службы гвардии.

Первая настоящая служба Николая — участие в походе на Париж в 1814 году.

---

* Стандартные размеры фигурок: пехотинцы имели высоту 32 мм, а конники — 44 мм.

** Кстати сказать, интерес к оловянным солдатикам сохранился у императора Николая I на всю жизнь, и собранная им коллекция нюрнбергских фигурок считалась наиболее крупной и значительной. Поставщики императора, зная его дотошность в вопросах униформы, особое внимание уделяли точности всех деталей формы, и сейчас по этим оловянным фигуркам можно смело изучать историю военного костюма.

Было тогда Николаю Павловичу восемнадцать лет.

Потом он командовал гвардейской дивизией...

Рано приохотился великий князь и к рисованию.

Рисунки свои он подписывал монограммой, которая объединяла буквы «Р», «Н» и римскую цифру III. Она обозначала: «Николай, третий, Романов».

Первыми Романовыми в династии императора Павла считались тогда Александр и Константин.

Но эти первые сыновья Павла почти безраздельно воспитывались бабушкой — императрицей Екатериной II, а Николай оказался первым сыном, которого Павел начал воспитывать сам...

И — случайно ли? — судьбе угодно было распорядиться, чтобы он стал не «Романовым третьим», а императором Николаем I — первым русским царем, сумевшим обуздать собственное своеволие, сумевшим поставить интересы страны выше своих личных пристрастий и интересов...

7.

Мы не знаем, какие картины детства вспоминал Николай, какие сны видел в ту ночь.

14 декабря 1825 года император встал около шести часов.

«Молитесь Богу за меня, дорогая и добрая Мария! — написал он в то раннее утро своей сестре, герцогине Саксен-Веймарской. — Пожалейте несчастного брата — жертву воли Божией и двух своих братьев! Я удалял от себя эту чашу, пока мог, я молил о том провидение, и я исполнил то, что мое сердце и мой долг мне повелевали. Константин, мой государь, отверг присягу, которую я и вся Россия ему принесли... Наш ангел должен быть доволен — воля его исполнена, как ни тяжела, как ни ужасна она для меня...»

Николай запечатывал письмо, когда вошел Бенкендорф.

— Сегодня вечером, быть может, нас обоих не будет более на свете... — сказал ему Николай. — Но, по крайней мере, мы умрем, исполнив наш долг.

Около семи часов явился командующий Гвардейским корпусом генерал А.Л. Воинов. Николай вышел в залу, где собрались гвардейские генералы и полковые командиры. Он зачитал завещание Александра I и отречение Константина. Затем А.Л. Воинов вручил господам командирам циркуляр:

«Его Императорское Величество высочайше повелеть изволил гг. генералам и полковым командирам по учинении присяги на верность и подданство Его Величеству отправиться первым в старейшие полки своих дивизий и бригад, вторым — к своим полкам.

По принесении знамен и штандартов и по отдании им чести сделать вторично на караул, и старейшему притом или кто из старших внятно читает, прочесть вслух письмо Его Императорского Высочества государя цесаревича великого князя Константина Павловича к Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу и манифест Его Императорского Величества (которые присланы будут); после чего взять на плечо, сделать на молитву и привести полки к присяге; тогда, сделав вторично на караул, опустить знамена и штандарты, а полки распустить.

Генерал от кавалерии Воинов.
14 декабря 1825 С.-Петербург».

После принесения присяги генералам и полковникам приказано было ехать по своим командам и приводить к присяге полки.

К восьми часам закончилось принесение присяги в Сенате и Синоде.

В восемь часов тридцать минут присягнула конная гвардия.

К девяти часам присягнул 1-й Преображенский батальон, размещенный рядом с дворцом.

Первый сбой произошел в казармах Московского полка.

Там Михаилу Бестужеву и князю Дмитрию Щепину-Ростовскому удалось одурачить солдат.

— Ребята, все обман! — говорили они солдатам. — Нас заставляют присягать

насильно! Государь Константин Павлович не отказался от престола, а в цепях находится!

Так же, как Бестужев и Щепин-Ростовский, действовали и другие декабристы.

Отметим это...

Поднимая на восстание солдат, они бессовестно обманывали их. Увы... Декабристы принадлежали к сословию рабовладельцев и, хотя и возлюбили свободу, другого языка кроме кнута и лжи для разговора с народом не знали.

Бестужеву и Щепину-Ростовскому удалось поднять Московский полк. Избив генералов, московцы с заряженными ружьями двинулись к Сенату. Здесь они выстроились в каре возле памятника Петру I.

И если до сих пор такие генералы, как М.А. Милорадович и К.И. Бистром, действовали заодно с бунтовщиками, то после избиения генералов в Московском полку они испугались. По свойственной им авантюристической жилке генералы собирались поиграть в любимую гвардейскую игру под названием «дворцовый переворот», а вместо этого начиналась революция...

В одиннадцать часов уцелевший при избиении генералов в Московском полку начальник штаба Гвардейского корпуса генерал-майор Нейдгард доложил Николаю, что «Московский полк в полном восстании».

Николай немедленно приказал генералу Апраксину выводить на Сенатскую площадь кавалергардов, а сам повел навстречу мятежникам батальон верных присяге преображенцев.

Некоторые историки называют этот поступок государя безумной отвагой. Отваги в нем действительно было много, а безумия — никакого.

Николай спасал династию и империю.

И только так он и мог спасти ее, потому что никаких других военных команд в ту минуту у него не было. Не было и командиров, которым бы он мог доверить этот единственно верный присяге батальон...

А вот поведение инициатора этих событий, генерала М.А. Милорадовича, действительно можно назвать безумным. Увидев, во что вылилась его игра в дворцовый переворот, Михаил Андреевич азартно попытался отыграть ситуацию назад и тем самым спасти свою карьеру.

Он бросился было к конногвардейцам, но те не спешили умирать за царя, хотя и присягнули ему. Милорадович, вскочив на коня, поскакал на Сенатскую площадь в сопровождении лишь своего адъютанта.

В двенадцать часов он прорвался сквозь толпу к выстроившимся в каре мятежникам и начал уговаривать солдат прекратить мятеж, поскольку они обмануты. Опасаясь, что уговоры Милорадовича подействуют на солдат, декабрист П.Г. Каховский выстрелил в генерал-губернатора.

Так оборвалась жизнь генерала.

Впрочем, существует версия, что уговаривал Михаил Андреевич не солдат, а офицеров, неправильно исполнявших его приказы, но это только версия. Следствие по делу декабристов, как мы увидим далее, было в этом направлении прекращено самим Николаем...

Через полчаса после выстрела Каховского на Сенатскую площадь подошли эскадроны конной гвардии. Николай приказал выстроить их у Адмиралтейства.

Какое-то время войска стояли друг против друга, не предпринимая никаких действий. Подходили верные части к Николаю. Подходило пополнение и к бунтовщикам. Без пятнадцати час примкнула к ним рота лейб-гренадер Александра Сутгофа. Еще через час под предводительством Петра и Николая Бестужевых вышел на площадь Гвардейский экипаж — 1100 матросов.

Однако верных частей было больше. Подошел на Сенатскую площадь Измайловский полк, и мятежники были окружены.

Через полчаса к восставшим, взяв крест, направился митрополит Петербургский Серафим.

— Воины, успокойтесь! — сказал владыка. — Вы против Бога и церкви выступили...

Появление владыки произвело большое впечатление на солдат, но офицеры-заговорщики помешали ему завершить дело миром.

— Какой ты митрополит? — с «вольтерианским бесстрашием» закричали они. — Константин в оковах! А ты изменник! Не верим тебе!

Как вспоминал А.Е. Розен, люди, шедшие с площади, просили продержаться еще часок...

Еще часок — это до наступления темноты.

Темноту ждали все. Бунтовщики — с надеждой. В темноте, обманывая солдат, они поднимали их на восстание. Темнота помогла бы и теперь разрастись их делу.

Темноты и опасался император. После депутации великого князя Михаила Павловича к восставшим, он приказал рассеять мятежников картечью.

Было пять часов вечера. Уже сгущались петербургские сумерки. Наступал вечер первого дня тридцатилетнего царствования императора Николая I.

Первую ложку заваренной первыми Романовыми каши ему удалось проглотить...

Глава пятая

ИМПЕРСКАЯ ДОРОГА

Император, который ведет навстречу мятежникам единственный верный присяге преображенский батальон, — трагический символ русского XIX века...

События 14 декабря во многом определялись рецидивом сословной памяти дворянства о лихих гвардейских переворотах восемнадцатого столетия, превративших поместное дворянство в класс свободных от каких-либо обязанностей рабовладельцев...

Дворянство можно было понять. Уже два царствования русские императоры только на словах декларировали уважение к их сословию, но никаких новых льгот дворянству не даровали.

Более того...

Хотя Александр и пообещал, что при нем все будет, как при бабушке, но и он не воротил дворянству екатерининского раздолья.

Междуцарствие, образовавшееся после кончины Александра, давало дворянам последний шанс на защиту построенной Петром и его преемниками рабовладельческой империи...

Сами события на Сенатской площади, имевшие место 14 декабря, были только верхушкой айсберга, которому можно уподобить дворянское противостояние Николаю I. Ну а сами декабристы и последующие за ними революционеры представляли собою в этом айсберге то борение за народную свободу, в которое сублимировалась борьба поместного дворянства за свободу рабовладения.

Рабовладельцы попытались поймать Александра I и поймали его в капкан отцеубийства. Из этого капкана он выбирался всю жизнь.

Николая I крепостникам не удалось ни поймать, ни запугать.

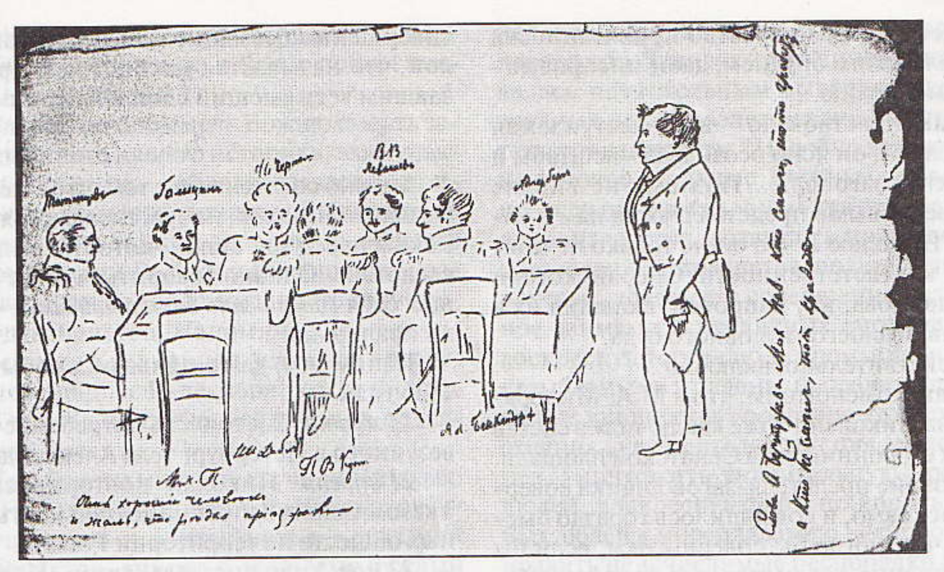
Вопреки предательству гвардейского генералитета (военный генерал-губернатор М.А. Милорадович и другие высшие командиры гвардии), вопреки запугиванию, вопреки прямому бунту он выиграл первое сражение. Провалилась еще одна попытка конституционного закрепления рабовладельческих отношений.

1.

Уже на первых допросах декабристов выяснилось, что в подготовку восстания были вовлечены высшие чины империи.

15 декабря на допросах прозвучало имя члена Государственного Совета М.М. Сперанского, следом — имена генералов

Заседание следственной комиссии по делу декабристов. Рисунок В. Адлерберга. 1826 г.

А.П. Ермолова и М.Ф. Орлова, адмирала Н.С. Мордвинова...

Стало ясно, что М.М. Сперанский, как отмечал историк М. Семевский, был не только вовлечен в заговор, но может считаться и подстрекателем к вооруженному мятежу этих «маленьких умом гвардейских офицериков». Вслед за Сперанским все они — и эти, и те, и другие были членами масонских лож, и сама организация заговора строилась по масонским образцам.

Размах заговора способен был испугать любого...

Многие историки отмечали, что следователи по делу декабристов исключали из анкет допросов вопросы, опасные для лиц, которых решено было освободить не только от суда, но и от обвинения*. Ну а поскольку — делают вывод эти исследователи — Николай I держал все следствие под личным контролем, то значит, это он и отдавал соответствующие команды.

Думается, что это не вполне верно...

Тогда можно сказать, что и неразбериха с присягами, устроенная М.А. Милорадовичем, тоже произошла с согласия Николая I. И так и было, и так и можно говорить, но обязательно добавляя про 60 000 штыков «в кармане» М.А. Милорадовича, которыми он угрожал императорскому дому. Думается, что злых языков и лживых перьев в карманах *у лиц, которых было решено освободить не только от суда, но и от обвинения*, было не меньше...

Весь правительственный аппарат предыдущего царствования, почти все сановники Александра I перешли в царствование Николая I, сохранив родственные связи, уже сложившиеся масонские семейные линии в двух-трех поколениях. И императору приходилось соглашаться с тем, что следствие ведется так, а не как положено. Еще не пришел решающий миг, когда надо будет самому повести на злоумышленников верный преображенский батальон...

1 января 1826 года Николай I собрал в Зимнем дворце дипломатический корпус и объявил о своем восшествии на престол.

С печалью рассказал император о событиях 14 декабря, когда «банда злоумышленников и заговорщиков», эксплуатируя чувства привязанности русского народа к Императорскому Дому, ввела его в заб-

* Был освобожден из-под следствия и даже получил «очистительный аттестат» и великий русский драматург А.С. Грибоедов.

луждение и само чувство привязанности сделала своим орудием, дабы ниспровергнуть монархию...

Как явствовало из выступления Николая I, он ясно осознавал масштабы и характер заговора... Поэтому не вполне справедливыми представляются нам и упреки Николаю I, что он не только не привлек к ответственности Сперанского и Мордвинова, но, напротив, включил их в состав Высшего уголовного суда.

Действительно, включил...

Однако вспомним, что и М.А. Милорадовича Николай I тоже «включил» в состав своих сторонников на Сенатской площади. Наказание предателя-заговорщика совершилось само, и совершилось гораздо быстрее, чем могло бы совершиться, если бы исполнение его император взял на себя. Правда, некоторые исследователи полагают, что для того и застрелили М.А. Милорадовича, чтобы не рассказал он, кто отдавал приказы ему, но для самого Милорадовича это ничего не меняет...

Хотя, конечно, как и в случае с Милорадовичем, в ситуации со Сперанским и Мордвиновым действия государя во многом были вынужденными.

«Можно не сомневаться, — справедливо отмечает Виктор Острецов, — увидев подлинные размеры заговора, государь почувствовал себя в большей опасности, чем тогда, когда выехал верхом на Сенатскую площадь утром 14 декабря, чтобы лично командовать подавлением мятежа.

Несомненно также, что ни Рылеев, ни Пестель, ни князь С.П. Трубецкой, ни прочие видимые главари восстания не были подлинными руководителями заговора. Главная часть его простиралась не столько в сторону армейских полков и гвардейских казарм, сколько в сторону создания общественного мнения и дискредитации правительственных решений, подрыва авторитета православного духовенства и самодержавия.

И, увидев размеры заговора, император, человек с железной волей, но вместе с тем и реалист, почувствовал себя одиноким и совершенно беззащитным перед той силой, что называется масонством, пронизавшим весь высший слой Империи».

2.

Можно согласиться с тем, что с первых же шагов Николай почувствовал себя одиноким перед той силой, которую выявило следствие. Однако говорить, что он ощущал себя *совершенно беззащитным,* — едва ли правильно.

Напомним, как развивались события в 1826 году.

13 марта. Состоялось погребение привезенного в Петербург тела Александра I.

21 апреля. Николай повторил своим Указом Сенату запрет на деятельность тайных обществ на территории России.

22 мая. Умер писатель, автор «Истории Государства Российского» Николай Михайлович Карамзин.

30 мая. Следственная комиссия по делу декабристов завершила работу. По следствию проходил 121 злоумышленник. О тайных обществах составлено «Донесение».

10 июня. Введен новый цензурный устав адмирала А.С. Шишкова.

3 июля. Учреждено третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Главноуправляющим поставлен А.Х. Бенкендорф.

9 июля. Николаю I представлен доклад Верховного уголовного суда по делу декабристов. Для главных виновников М.М. Сперанский требовал четвертования. Император смягчил наказание.

13 июля. Состоялась казнь пятерых декабристов. На кронверке Петропавловской крепости повесили Павла Ивановича Пестеля, Кондратия Федоровича Рылеева, Петра Григорьевича Каховского, Михаила Павловича Бестужева-Рюмина, Сергея Ивановича Муравьева-Апостола.

На следующий день после совершения очистительного молебна царский двор выехал в Москву, где состоялась коронация императора.

В последовательности этих событий очень много мудрости монаршей воли и

никакой растерянности. Напротив, монаршая воля очень точно и зримо подкрепляется волей Божией.

Словно по промыслу Божию смерть замечательного нашего историка, выступавшего апологетом рабовладельческих привилегий, разместилась между запретом на деятельность тайных дворянских обществ на территории России и завершением работы следственной комиссии по делу дворян-декабристов. Напомним, что причиной смерти Карамзина послужила простуда, полученная 14 декабря, когда он весь день провел на улице, наблюдая за подавлением мятежа...

Декабристы многому научили Николая. «Николай, — пишет А.Е. Пресняков, — вслушивался и вчитывался в показания декабристов, вникал в столь ему чуждый строй мысли и чувства и всматривался в раскрытую тут картину русской жизни, ее противоречий и недостатков. Правителю дел следственной комиссии поручено было составить сводку суждениям о различных сторонах положения дел в государстве, какие декабристы высказывали в своих показаниях и которыми они поясняли общее

Казненные декабристы — Пестель, Рылеев, Бестужев, Муравьев, Каховский (с обложки журнала «Полярная звезда», 1861 г.)

недовольство, вызвавшее их на попытку переворота. Записка этого чиновника кончалась поучительным выводом, сколько трудных задач предстоит новому правительству разрешить: "Надобно даровать ясные положительные законы, водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства, возвысить нравственное образование духовенства, подкрепить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию, улучшить положение земледельцев, уничтожить унизительную продажу людей, воскресить флот, поощрить частных людей к мореплаванию — словом, исправить неисчислимые беспорядки и злоупотребления»". Перо, излагавшее вины "преступников", составило, по повелению той же власти и словами декабристов, характеристику положения государства, до такой степени расшатанного "неисчислимыми беспорядками и злоупотреблениями", что не остается иного выхода, кроме коренного изменения всей правительственной системы, а стало быть, и основ государственного строя.

Сами декабристы в своих письмах-завещаниях Николаю как бы передавали ему в руки свое недоделанное дело. По свидетельству Кочубея (председателя Государственного Совета), сводка их замечаний и суждений была постоянно под рукой у Николая, и он часто ее просматривал, а копии с нее дал Кочубею и цесаревичу Константину».

Николай I видел, что большинство из бунтовщиков по молодости своей не обладали ни достаточным опытом, ни развитым умом и поэтому не понимали, что стали послушными исполнителями чужой, неведомой им воли, одинаково враждебной и им самим, и русскому народу, и Российской империи.

По словам императора, восстание вскрыло «тайну зла долголетнего», его подавление «очистило Отечество от следствий заразы, столько лет среди его таив-

шейся». Эта «зараза» пришла с Запада как нечто чужое, наносное: «Не в свойствах, не в нравах русских был сей умысел», но тщетны будут все усилия к прочному искоренению зла без единодушной поддержки всего общества.

Николай I призвал в своем манифесте все сословия соединиться в доверии к правительству. И снова, как отец и брат, напомнил Николай I дворянству его значение, подчеркнул его обязанность насаждать «отечественное, природное, не чужеземное воспитание».

Потребность в преобразованиях, считал Николай, получит удовлетворение «не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных», а путем постепенных усовершенствований существующего порядка мерами правительства. Общество может этому помочь, выражая перед властью, путем законным, «всякое скромное желание к лучшему, всякую мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности», что будет принимаемо «с благоволением».

Так была сформулирована национально-консервативная программа Николая I. Он открыто поднял национальное знамя во внешней и внутренней политике.

Вскоре после коронации Николай I встретился в Чудовом монастыре с возвращенным по его приказу из ссылки А.С. Пушкиным...

Отношения Николая I и А.С. Пушкина в нашем рассказе обойти невозможно. Тем более что Николай I, как государственный деятель, пытался исполнить в управлении страной ту же роль, что удалось исполнить Пушкину в литературе. Не всегда осознанно, но достаточно последовательно Николай I пытался соединить Российскую империю с допетровской Россией, выправить разлом, образовавшийся в общественном устройстве в результате Петровских реформ.

Первым из Романовых Николай I предпринял шаги (не всегда безошибочные) к возрождению православия в его прежнем для России значении. Первым начал ограничивать своеволие и себя как монарха, и своих подданных.

А.С. Пушкин был посвящен в эти замыслы монарха и, как это видно из многочисленных воспоминаний, вполне сочувствовал им. Вообще, сама первая встреча царя с поэтом, та долгая беседа в Чудовом монастыре, что состоялась после возвращения Пушкина из ссылки, произвела глубокое впечатление на императора («...Нынче говорил с умнейшим человеком в России...»).

И на Пушкина тоже... Встреча эта знаменовала для него начало нового этапа жизни. Мы видим, что из Чудова монастыря выходит зрелый, полностью освободившийся от заблуждений и пустых мечтаний юности поэт.

Естественно, что приобретенное расположение государя породило немало завистников и врагов, число их увеличилось, когда стало понятно, что Пушкин окончательно порвал с вольтерьянскими и масонскими идеями. Клевета, сплетни, доносы обрушиваются тогда на поэта. И это не странно, а закономерно, что люди, преследующие Пушкина, пытающиеся очернить его в глазах государя, противятся и осуществлению замыслов самого Николая I.

Нет... Идеального совпадения позиций царя и поэта не было и не могло быть.

«Строй политических идей даже зрелого Пушкина, — отметил Петр Струве, — был во многом не похож на политическое мировоззрение Николая, но тем значительнее выступает непререкаемая взаимная личная связь между ними, основанная одинаково и на их человеческих чувствах, и на их государственном смысле. Они оба любили Россию и ценили ее исторический образ».

Возникновению недомолвок, недоумений немало способствовали преследователи Пушкина, «жадною толпой стоящие у трона» и одинаково враждебные — подчеркнем это еще раз! — и поэту, и самому Николаю I.

И все же духовная связь никогда не прерывалась.

«Я перестал сердиться (на государя. — *Н.К.*), — пишет 16 июня 1834 года жене

Пушкин, — потому что он не виноват в свинстве его окружающих...»

«Знаю лично Пушкина, — говорит Николай I, — я его слову верю».

Такими же — пролетающими высоко над объятой бесовским возбуждением толпой офранцузившихся, англизировавшихся рабовладельцев — оказываются и слова последнего, заочного диалога Царя и Поэта:

«Прошу тебя исполнить последний долг христианина...»

«Мне жаль умереть... Был бы весь его (Николая. — *Н.К.*)...»

Трудно отделаться от ощущения, что Александр Сергеевич Пушкин и был тем идеальным россиянином, которого имел в виду Николай I в своем манифесте. Только опираясь на таких людей, как Пушкин, и мог Николай осуществить то, что он задумал. Эти люди и были верным ему батальоном *преображенцев*, который император мог повести в решительную атаку на силы зла.

Вглядимся еще раз в события первого года царствования императора Николая I.

Издан первый учебник по астрономии на русском языке «Руководство к астрономии» Д.М. Перевощикова...

Из Кронштадта ушли корабли экспедиции М.Н. Станюковича и Ф.П. Литке для изучения берегов Америки и Камчатки...

И.Ф. Паскевич победил персов при Елисаветполе...

А.Х. Бенкендорф сообщил А.С. Пушкину, что «нет никакой цензуры» на его сочинения. «Государь император сам будет первым ценителем произведений Ваших и цензором...»

Освящена в Зимнем дворце галерея героев 1812 года...

Вышло полное собрание сочинений святителя Тихона Задонского в 16-ти томах...

Н.И. Лобачевский создал свою неевклидову геометрию...

Большие и малые победы русского духа наполняют этот год. Одни из них определены предыдущими годами, другие принадлежат целиком царствованию Николая I, но все они нацелены в великое будущее Российской империи, дорогу которой прокладывал на чертеже истории новый император.

«Еще Александр, — отмечает А.Е. Пресняков, — порвал в последние два-три года своей жизни и царствования с проектами реформы политического строя империи, круто изменил свое отношение к Польше, отверг зависимость русской политики на Ближнем Востоке от тенденций Священного союза, вернулся к охранительному таможенному тарифу, отступился от вневероисповедной точки зрения в вопросах церковного управления и народного просвещения в пользу православно-церковной реакции. Программой николаевского царствования стали заветы последних лет Александра».

3.

Николая I часто упрекают за то, что он ничего не сделал для преодоления противоречий русской жизни, когда старый строй государственных и общественных отношений рабовладельческой империи продолжал всецело господствовать в стране, в то время как экономическая, гражданская и духовная жизнь страны уже не вмещалась в эти рамки.

Упрек не очень справедливый. Вернее — совсем несправедливый.

Переустройством империи Николай занялся, учитывая опыт отца и брата. Как остроумно заметил А.Е. Пресняков, Николай I приступил к преобразованию империи, «получив недурную подготовку в показаниях декабристов». Сразу после завершения процесса он поручил так называемому «Комитету 6 декабря 1826 г.», созданному для разбора бумаг императора Александра, рассмотреть все проекты реформ, намечавшихся при Александре I, и разработать предположения о неотложных преобразованиях, особенно в устройстве государственных учреждений и в положении сословий.

Используя прежний антикрепостнический опыт отца и брата, Николай I поста-

рался перевести на практический лад все прекраснодушные рассуждения Александра I, все хитровато-отвлеченные проекты многочисленных его советников, все пламенные разговоры еще более многочисленных революционизирующих юношей, воспитанных в предшествовавшее царствование*.

Сделать это было невероятно трудно.

Русское поместное дворянство, переродившееся в результате дворцовых переворотов в класс паразитирующих рабовладельцев, давно уже перестало быть реальной опорой государства и императорской власти, но оно по-прежнему изображало из себя такую опору. И получалось, что царская власть не только не могла опереться на дворянство, но и освободиться от этой лжеопоры тоже была не в силах — при демонтаже рабовладельческого сословия неизбежно оказалась бы сокрушенной и власть императора, и сама российская государственность.

«Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем его положении, есть зло, для всех ощутительное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным... — говорил Николай I. — Нынешнее положение таково, что оно не может продолжаться, но вместе с тем и решительные к прекращению его способы также невозможны без общего потрясения».

Отметим попутно, что, понимая необходимость перестройки всего здания русской народно-государственной жизни, ни декабристы, ни последующие революционные либералы и демократы никаких практических путей вывода страны из рабовладельческого состояния предложить не могли.

Даже такие деятели, как В.Г. Белинский, все свои упования в этом деле возлагали на государя. «Патриархально-сонный быт весь изжит и надо взять иную дорогу», — призывал наш великий демократ, но первого шага на этой «иной дороге» он ожидал от «воли государя-императора», которая только и может разрешить великую задачу освобождения крестьян, если не помешают окружающие престол «друзья своих интересов и враги общего блага».

«Друзья своих интересов» — олигархи-рабовладельцы, разумеется, помешать старались. Мысль соловья крепостничества Н.М. Карамзина о том, что «дворяне, рассеянные по всему государству, содействуют монарху в хранении тишины и благоустройства», а если государь, «отняв у них сию власть блюстительную, как Атлас, возьмет себе Россию на рамена», то не удержать ему такой тяготы, перепевалась ими на все лады...

Министр народного просвещения граф С.С. Уваров утверждал, например, что «вопрос о крепостном праве тесно связан с вопросом о самодержавии и даже единодержавии: это две параллельные силы, которые развивались вместе, у того и другого одно историческое начало и законность их одинакова»; он говорил о крепостном праве: «Это дерево пустило далеко корни, оно осеняет и церковь, и престол, вырвать его с корнем невозможно».

Спорить с творцом триады «православие — самодержавие — народность» трудно, поскольку С.С. Уваров, говоря абсолютно бесспорные вещи, ради весьма прозаичных и корыстных интересов русских рабовладельцев чуть-чуть смещает акценты... Ничего не меняется, но прокрадывается некая фальшь, которая и разрушает его высокие и очень правильные рассуждения. Наличие этой, весьма трудно выделяемой фальши и обусловило, на наш взгляд, то печальное обстоятельство, что триада «православие — самодержавие — народность» так и осталась только официальной доктриной, а не стала нормой народной русской жизни...

И вот в этих условиях и пытался Николай I найти реальный план вывода страны из тупика, в который завело ее развращенное эпохой дворцовых переворотов поместное дворянство.

---

* Те заговорщики, которые вышли на Сенатскую площадь, тоже планировали «уничтожение права собственности, распространяющейся на людей».

Выглядело это на первый взгляд так просто и обыденно, что, разумеется, было подвергнуто осмеянию.

«Николай I, — писал В.О. Ключевский, — предпринимал против рабства подпольную минную войну медленным потаенным подкопом: с начала царствования он учреждал один за другим шесть секретных и весьма секретных комитетов по крестьянскому вопросу. Словно хотели украсть крепостное право у дворян и подкинуть свободу крестьянам. Сановники, которых не в шутку считали государственными людьми, вроде министра внутренних дел Перовского, надеялись постепенным ограничением крепостного права довести дело до того, чтобы крестьянин стал свободным, прежде чем услышал бы слово *свобода*.

Эти государственные мужи так понимали психологию русского народа, что надеялись утолить его вековую жажду свободы, вливая ее ежегодно, посредством ограничительного указа, в воспаленные уста по микроскопической капле. Таким гомеопатическим лечением зла, по всему вероятию, довели бы пациента до движения, перед которым пугачевщина показалась бы мелкой ссорой крестьянских ребят с барчуками. Эта политика постепенности и скрытности строилась не на народной, а на правительственной и дворянской психологии, вытекала из инстинктивного страха властвующих слоев перед народом, а страх внушал им смутное чувство своей виновности перед этим народом, у которого они все брали и которому за это ровно ничего не давали...»

Приверженность к гомеопатии у Николая действительно была, но в его руках и гомеопатия давала ощутимые результаты.

Первым делом был отредактирован изданный четверть века назад Александром I закон о свободных хлебопашцах. Его заменило новое положение об «обязанных» крестьянах, по которому помещики, сохраняя право вотчинной собственности, предоставляли бы крестьянам личную свободу и определенную часть земли за повинности и оброки. Николая I всячески ругали потом, что он попал под влияние остзейских порядков, разрешив личное освобождение крестьян и объявив помещичью поземельную собственность «навсегда неприкосновенной в руках дворянства» как гарантию «будущего спокойствия», но на деле он попытался лишь заменить сентиментальные надежды разработчиков прежнего закона (с какой это стати рабовладельцы будут добровольно расставаться и со своими рабами, и со своей землей?) реальным содержанием.

Следующим шагом перевода русского крестьянина из рабства в «переходное состояние» стала реформа 1837 года, когда уезды были разделены на станы с назначением становых приставов, как и уездных заседателей, губернским правлением. Всевластие дворян-рабовладельцев над своими крепостными было, таким образом, значительно сокращено.

Однако планы Николая I были шире, он стремился изменить статус не только крестьян-рабов, но и дворян-рабовладельцев. Он стремился наполнить новым содержанием «малополезную», по выражению В.О. Ключевского, для государства жизнь русского дворянства.

Неоднократно Николай I высказывал взгляд на дворянство как на сословие, основой привилегированного положения которого должно быть землевладение, а не владение крепостными.

«Николаевское правительство, — пишет А.Е. Пресняков, — ставит себе двойную задачу: восстановить социальную силу дворянства и выработать из него орудие правительственной администрации... Дворянские избранники — лишь разновидность правительственного чиновничества, их служба приравнена к службе государственной. Предводители дворянства — по делам целого ряда "комитетов" дорожного, по земским повинностям, по рекрутским наборам, народному продовольствию, борьбе с эпидемиями и т.п. — становились помощниками губернских властей в местном управлении».

С этим согласен и В.О. Ключевский, который говорит, что «со времени издания

законов 1831 и 1837 гг. дворянство стало вспомогательным средством коренной администрации, полицейским орудием правительства».

Все эти меры хотя и не привели к отмене крепостного права (удельный вес крепостных в общем составе населения России при Николае I уменьшился всего лишь с 45 до 37 %), но, на наш взгляд, подготовили реформу, которую провел Александр II. Николай I не освободил крестьян от неволи, однако он освободил дворян от права оправдывать рабовладение служением государству. И это действительно можно назвать и гомеопатией, но без этих малозаметных изменений невозможно было бы совершить то, что совершил его сын — царь-освободитель.

Могли ли Николай I вести реформы иначе? Наверное, нет...

Прежде чем ограничивать рабовладельческий беспредел, необходимо было изменить и характер самой царской власти. При Николае I, как в далекие допетровские времена, монархическая власть снова становится служением долгу, а не средством удовлетворения своего своеволия и своих прихотей...

В исполнении своей императорской должности Николай I проявлял и решительность, и самоотверженность человека, принявшего на себя ответственность за державу.

И если беспристрастно взглянуть на его правление, то обнаружится, что «деспот» Николай I сумел-таки уничтожить деспотизм монархического правления... Все последующие государи — его сын Александр II, внук Александр III, правнук Николай II — правили страной, как и он, ставя интересы державы превыше собственных...

Многое было сделано Николаем I для укрепления правопорядка в стране, развития промышленности, науки, просвещения и культуры...

Случайно ли, что именно на годы его правления приходится расцвет творчества классиков русской литературы? Случайно ли, что при Николае I российская наука и техника достигают таких высот, когда открытия, сделанные русскими учеными, начинают определять движение всей мировой науки?..

Народное хозяйство при нем вышло на новые пути торгово-промышленного развития. Вывоз из России возрос с 75 до 230, ввоз — с 52 до 200 млн рублей...

Говоря о времени Николая I, нельзя не коснуться и одного из главных дел его царствования — строительства первой русской железной дороги.

Рассказывая в книге «Первые Романовы. Загадки и мифы династии» о строительстве Бабиновской дороги в Сибирь, мы говорили, что эта дорога вела в будущее Руси. Первая железная дорога, построенная при Николае I, тоже была дорогой в будущее Российской империи...

Расскажем о строительстве ее подробнее, потому что в этом конкретном деле сошлись многие проблемы эпохи, которую называют Николаевской, зримо и явно проявилось благотворное влияние, которое оказывал Николай I и на другие дела империи...

4.

Напомним, что в 1825 году англичанин Джордж Стефенсон построил первую железную дорогу Дарлингтон — Стоктон.

Через девять лет, в 1834 году, в Россию приехал австрийский инженер, чех по национальности Франц фон Герстнер. В виде опыта Николай I разрешил ему строительство железной дороги Санкт-Петербург — Царское Село — Павловск длиною 25 верст.

Даже если не вспоминать о паровозе Черепановых, который уже бегал в 1834 году на Нижне-Тагильских заводах, все равно Россия, как мы видим, совсем не так уж безнадежно отставала со строительством железных дорог, как это утверждается в иных учебниках истории. Тут Россия шла в ногу с прогрессом, и главная заслуга в этом, несомненно, принадлежала императору Николаю I, поскольку противодействие олигархов-рабовладельцев строи-

тельству железных дорог действительно было необыкновенно сильным...

О железной дороге из Санкт-Петербурга в Москву еще только начинали говорить, но реакция «общественности» последовала немедленно.

В 1835 году в газетах были опубликованы «Мысли русского крестьянина-извозчика о чугунных дорогах и пароходных экипажах между Санкт-Петербургом и Москвой».

«Дошли до нас слухи, что некоторые наши богатые господа, прельстясь заморскими затеями, хотят завести у нас между Питером, Москвою и Нижним чугунные колеи, по которым будут ходить экипажи, двигаемые невидимою силою, с помощью пару.

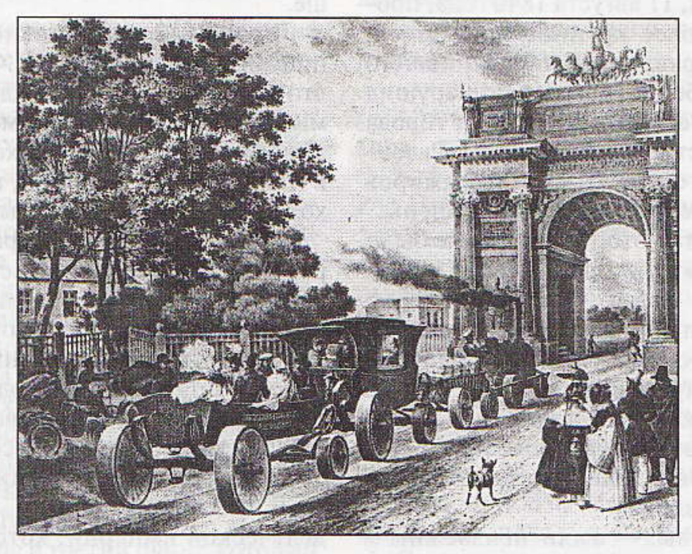
Мы люди простые, неученые; но проживши полвека, Бог привел измерить всю родную землю, быть не раз в Неметчине, на ярмарке в Липовце, и довольно наглядеться иноземного и наслушаться чужих толков. Затеваемое на Руси неслыханное дело за сердце взяло: хочу с проста-ума молвить, авось люди умные послушают моих мужицких речей».

Далее автор рассказывает об удобстве езды по шоссе на извозчиках и заключает свою заметку так: «Сдается, однакож, что этому не бывать. Русские вьюги не потерпят иноземных хитростей, занесут, матушки, снегом колеи, в шутку, пожалуй, заморозят пары. Да и где взять такую тьму топлива, чтобы вечно не угасал огонь под художниками-самоварами? Али тратить еще деньги на покупку заморского угля для того, чтобы отнять насущный хлеб у православных. Стыдно и грешно! А тут-то, может быть, и штука!

Господа богатые, да умные! поразмыслите, коли вам наскучили деньги, употребите их на такое дело, чтобы вам было прибыльно и народу любо. Такое предприятие Бог благословит и милостивый наш Государь дозволит».

Простонародный «штиль» мыслей крестьянина-извозчика едва ли ввел кого в заблуждение. Публикация фельетона была организована предпринимателями, занимавшимися перевозкой пассажиров между двумя столицами.

В 1820 году было завершено строительство шоссейной дороги, и никаких препятствий для бурного роста перевозок не предвиделось. Налаживалось дилижансное сообщение. Весь путь занимал от трех до четырех суток, в экипаж вмещалось до шести человек.

Сухопутный пароход (паровоз) от Ораниенбаума до Санкт-Петербурга.
Петербург. Нарвские ворота (с ориг. акад. Иванова). 1830 г.

И вот — пронеслись слухи о грядущем строительстве железной дороги. Как же тут «с проста-ума» не попытаться придушить такого конкурента, пока он находится еще в колыбели.

Насколько умно и расчетливо была задумана «античугуночная» кампания, показали ближайшие события. А пока скажем, что пророчества анонимного «крестьянина-извозчика», как ни странно, очень скоро подтвердились...

Железная дорога на Царское Село была открыта 30 октября 1837 года, а 21 мая 1839 года произошло первое в России крушение на перегоне Павловск — Царское Село. От поезда оторвались хвостовые вагоны и, двигаясь под уклон, нагнали тормозящий состав. Поезд сошел с рельс. В результате схода погибли два человека и пятьдесят пассажиров получили ранения.

После этого случая были введены дополнительные соединительные цепи, а вдоль состава протянули сигнальную веревку. Кондукторы оказались, в буквальном смысле, связанными с паровозной бригадой. В случае непредвиденной ситуации они дергали за веревку, и на паровозе начинал звонить колокол.

Но через год, 11 августа 1840 года, произошло еще более крупное крушение... Поезд, под управлением подвыпившего машиниста Роберта Максвелла, нарушил расписание и на девятой версте от города столкнулся с встречным составом. Разбилось шесть вагонов. Шесть пассажиров погибли, семьдесят восемь были ранены.

По результатам этой аварии тоже были приняты соответствующие меры. Главноуправляющий путей сообщения граф К.Ф. Толь издал приказ, предусматривающий замену склонных к пьянству машинистов-англичан трезвыми немцами.

Этим, однако, дело не ограничилось. Паровозные бригады доукомплектовали вторыми машинистами, запрещено было и скрещение поездов.

Аварии — увы! — были неизбежны в новом деле, но, право же, русские железнодорожники успешно учились на них, практически мгновенно вводя усовершенствования, позволяющие повысить безопасность перевозок.

Для этого и заводилась в России столь дорогая игрушка, как железная дорога между Петербургом и Царским Селом.

«Царскосельской дороге предстояло... — писал потом наш первый министр путей сообщения П.П. Мельников, — разъяснить непосредственным опытом, в какой мере действительны те опасения, которые, как мы видели, выражались в печатных заявлениях относительно затруднений, каких надобно ожидать в сооружении, и относительно выгодности в эксплуатации по причине глубоких снегов и сурового климата».

Николая I аварии не запугали.

Не запугал его и пессимизм членов специальной комиссии, созданной для изучения вопроса строительства железнодорожной магистрали.

Лишь трое членов комиссии — генерал К.В. Чевкин, граф А.А. Бобринский и герцог Максимилиан Лейхтенбергский (зять императора) отважились объявить себя сторонниками строительства...

Противников оказалось гораздо больше.

Герой 1812 года, главноуправляющий путями сообщения граф К.Ф. Толь, заявил, что местные трудности будут непреодолимы для постройки дороги между двумя столицами вследствие непроходимости болот в Новгородской губернии, трудности перехода через Валдайские горы и разливов рек.

Министра финансов графа Е.Ф. Канкрина трудности строительства не волновали, но он беспокоился о расходах.

— Строить железную дорогу между столицами будут на счет казны, — рассуждал Егор Францевич, — а доходность ее весьма сомнительна. Ведь перевозки грузов по шоссе гужем обходятся сейчас всего по 30 копеек с пуда ассигнациями.

Е.Ф. Канкрин считал, что в рабовладельческой империи, которой была Россия, надо развивать земледелие и покровительствовать преимущественно добываю-

щей промышленности, и то осторожно, «гомеопатическими дозами».

В качестве возражений указывалось даже и на то, что железная дорога «поведет к равенству сословий, т.к. и сановник, и простяк, барин и мужик поедут, сидя рядом в вагоне, в одном поезде».

Это «излияние мнений» продолжалось до 13 января 1842 года, пока в комиссию, в ее последнее заседание, не пожаловал сам Николай I.

Император оказался смелее своего министра финансов, он серьезно увлекался вопросами предпринимательства и техники. Напомним, что еще будучи великим князем он возглавлял все саперные службы гвардии.

Выслушав министров, он объявил свою Высочайшую волю:

1. Сооружение железной дороги между столицами признать возможным и полезным делом.

2. Насколько он убежден в необходимости этой дороги, настолько считает ненужным пролагать теперь дороги в других местностях России.

Как мы уже говорили, Николая I принято изображать тупым и ограниченным солдафоном.

Но на самом деле он был совершенно другим...

Вот и тут, мы видим, какое воистину мудрое решение принимает император, когда его министры начинают путаться.

Во-первых, вопреки всем советчикам, он проявил недюжинную прозорливость и смелость, и дорогу приказал строить.

Во-вторых, запретил строить одновременно и другие дороги. Этой «государевой» мудрости не грех было бы поучиться и позднейшим правителям России... Вообразим, что Николай I не проявил бы осмотрительности, и началось бы, как это у нас было принято, на счет казны строительство сразу нескольких дорог... Тогда страна скорее всего получила бы множество, говоря современным языком, «незавершенок», и когда появились бы в России железные дороги, одному Богу ведомо.

А был, был еще и третий пункт, который изволил огласить Государь...

Видя несогласие министров, он не оставил это весьма нужное для страны дело в их руках.

— Так как все господа-министры против устройства железной дороги, — объявил император, — то мы учреждаем для этого важного предприятия особый комитет, назначая председателем его Наследника Престола, Цесаревича Александра Николаевича. При комитете образуется особая строительная комиссия.

29 января 1842 года состоялось первое заседание Комитета.

В состав его были включены графы Толь, Канкрин, Бенкендорф, Орлов, Левашев, Киселев, Клейнмихель, Л. Перовский; генералы Дестрем, К.Чевкин, герцог Лейхтенбергский и граф Бобринский. На заседании Комитета образовали Строительную комиссию Санкт-Петербургско-Московской железной дороги. В ее состав вошли граф Бенкендорф, граф Клейнмихель, герцог Лейхтенбергский, генерал-лейтенант Дестрем, генерал-майор Чевкин, полковники Крафт и Мельников.

Вот так четко, разумно и вместе с тем не оскорбительно ни для кого все руководство гигантским проектом передается в руки лиц, для которых этот проект — главное дело жизни.

Такому у царя-«деспота» тоже бы не мешало поучиться...

А вот еще один урок русского императора...

Кто не слышал известного анекдота, как Николай I «проектировал» железную дорогу из Петербурга в Москву? В свое время учителям истории даже рекомендовали рассказывать этот анекдот при проведении уроков.

Анекдот же такой. Слушая соображения ученых мужей об изыскательских работах, Николай I этой непонятной ученостью утомился и решил дело по-солдатски просто. Положил на карту линейку и провел прямую линию от Москвы до Петербурга. Вот вам, господа ученые, и изыскания все...

Соль же анекдота состояла в том, что ноготь указательного пальца императора

выступил за линейку, и в этом месте, посреди Новгородской губернии, очертился знаменитый Веребьенский обход.

Анекдот мне — школьнику — очень понравился, и, вернувшись домой, я первым делом вытащил карту и приложил к ней линейку.

Увы...

Не получалось...

Дорога была почти прямой, но все же рыскала по сторонам и «спрямлялась» только на таком малом масштабе, где ноготь должен был бы занять не Веребьенский обход, а добрую половину Новгородской области. Разумеется, я не знал тогда, что и вобравший в себя всю соль анекдота обход появился не на проекте трассы, а гораздо позднее, когда железная дорога была уже построена и когда выяснилось, что экономнее и безопаснее пускать в том месте поезда в обход.

Но это что касается анекдота...

Что же касается истории, то споры велись нешуточные. И касались они направления дороги. Многие склонялись к мысли, что дорога должна пройти через Новгород.

Николай I, утомившись от бесконечных споров, вызвал к себе полковника-профессора Павла Петровича Мельникова и попросил его высказаться по этому поводу.

— Ваше Величество! — ответил Мельников. — Дорога должна соединять две весьма населенные столицы; все движение, как грузовое, так и пассажирское, будет сквозное. В непродолжительном времени должны примкнуть к Москве другие дороги со всех концов России; таким образом, сквозное движение между Петербургом и Москвою разовьется в несколько десятков раз против настоящего. Было бы большою ошибкою и неисчислимою потерею в общей государственной экономии, если обречь дальнейшие поколения на уплату 80 с лишком верст, в продолжение целого века или больше, пока прямой расчет не вынудил бы строить другую, кратчайшую дорогу от Петербурга до Москвы.

— Молодец! — сказал государь. — Я рад, что ты одного со мною мнения. Веди дорогу прямо!

На докладе государь положил такую резолюцию:

«Дорогу устроить по прямому направлению, ибо не нахожу ни одной уважительной причины вести ее на Новгород, который не лишится всех выгод, которыми ныне пользуется».

Вот, кажется, и все, что касается этой истории.

Но все же смотришь на прочерченную словно по линейке благодаря мудрости Николая I и таланту Павла Петровича Мельникова железную дорогу, останавливаешься на возникшем уже после ее строительства Веребьенском обходе и снова думаешь, что действительно по линейке и прочерчена она.

Только держала эту линейку в руках сама История Государства Российского, сама его Судьба, разместившая на одной линии с древними русскими городами Москвою и Тверью и новую его столицу — Санкт-Петербург...

А Веребьенский обход — что ж...

Государь — не просто верховный правитель, а еще и Помазанник Божий, и когда он сохраняет верность этому высокому предназначению, мистической глубиною наполняются его деяния.

Когда по линейке истории Российской прочерчивается дорога, то и ноготь ложится именно там, где ему и положено быть...

Знаменитую поэму Н.А. Некрасова «Железная дорога» предваряет, как известно, разговор умного Вани, одетого в кучерский армячок, с «папашей» в пальто на генеральской красной подкладке.

— Папаша! — спрашивает Ваня. — Кто строил эту дорогу?

— Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

В прижизненных изданиях поэм эпиграф был другим. Папаша отвечал, что дорогу построили «инженеры». Считается, что исправление Николай Алексеевич Некрасов сделал по настоянию цензуры, поскольку сам он от своей сестры, которая была замужем за инженером-железнодорожником, конечно же знал, кого считал

герой его поэмы подлинным строителем дороги, но это объяснение не совсем верное.

И инженеры строили дорогу, и граф Петр Андреевич Клейнмихель...

11 апреля 1842 года скончался герой войны 1812 года, яростный противник железнодорожного строительства граф К.Ф. Толь. Главноуправляющим путей сообщения назначили графа П.А. Клейнмихеля. Ранее П.А. Клейнмихель заведовал строительной частью в ведомстве графа А.А. Аракчеева и был фигурой воистину запоминающейся.

В его послужном списке: управление военными поселенцами и организация составления тридцатитомного «Исторического описания одежды и вооружений Российских войск с древних времен»; устройство телеграфного сообщения между Санкт-Петербургом и Варшавой и восстановление сгоревшего в 1837 году Зимнего дворца; постройка зданий Чесменской богадельни и строительство Благовещенского моста (потом он был переименован в Николаевский, затем — в мост Лейтенанта Шмидта) через Большую Неву.

Но, разумеется, главным делом его стало строительство железной дороги... Как пишет его биограф В.И. Панаев, Петр Андреевич «вступил в управление ведомством путей сообщения с сильным против него (ведомства. — *Н.К.*) предубеждением, и по своему горячему характеру тотчас же начал громить направо и налево». Однако, добавляет Панаев, он «в самом непродолжительном времени полюбил ведомство путей сообщения, значительно распространил сферу его деятельности... Его называли "писарем", но он был враг бюрократического порядка».

П.А. Клейнмихель объезжал работы по строительству дорог только два раза в год, весной и осенью, большей частью в самую распутицу, когда тарантас его приходилось то ставить на полозья, то снова водружать на колеса. К приезду графа подготавливались все проекты, которые Петр Андреевич тут же на месте и утверждал. Необходимых специальных, технических знаний ему, разумеется, недоставало, но зато был огромный опыт разнообразного строительства, зато было знание человеческой природы, и, как это ни странно, технические «экспертизы» графа Клейнмихеля оказывались безошибочными.

Если пользоваться современной терминологией, то Петра Андреевича можно смело отнести к руководителям волюнтаристского типа.

Строительство было невиданное по размаху работ, по выделяемым средствам, и от желающих погреть руки вокруг стройки отбоя не было. Существенно облегчало возможность для махинаций отсутствие опыта строительства подобных сооружений.

Вот, например, департамент железных дорог заключил контракт на поставку шпал с лесопромышленниками Громовым и Скрябиным. Все вроде было правильно, но уже в ходе работ выяснилось, что если шпалы принимать только в трех, предусмотренных контрактом, пунктах (на реках Волге, Клязьме и Мсте), то доставка их на нужное место будет стоить в пятнадцать раз больше, чем стоят сами шпалы (5 рублей при действительной стоимости шпалы в тридцать копеек). П.П. Мельников доложил об этом П.А. Клейнмихелю, и тот вызвал подрядчиков к себе.

Со свойственной ему прямотой он сказал, что из создавшегося положения видит только три выхода. Первый — добровольно изменить условия контракта и поставлять шпалы по всей линии. Второй — отказаться от контракта. И, наконец, есть третий вариант: прямо из его кабинета отправиться на прогулку по Владимирке в Сибирь. Подумав, подрядчики согласились на первый вариант, выговорив себе, правда, несколько процентов надбавки.

Говорить о законности действий Клейнмихеля тут не приходится, но спасти для казны несколько миллионов рублей ему удалось.

И тут, конечно, можно поспорить с историками, утверждающими, будто Петр Андреевич только потому и удерживался на своем посту так долго, что во всем подда-

кивал царю. Объяснение это ложное уже хотя бы потому, что императору Николаю I не нужны были министры, которые умели только поддакивать. Скажем, к слову, что и графское достоинство Петр Андреевич Клейнмихель получил не за расшаркивания на дворцовых паркетах, а за восстановление сгоревшего Зимнего дворца.

Спору нет... Петр Андреевич Клейнмихель дворцовую службу, конечно, знал, но и строить тоже умел.

Тем более что все вопросы, связанные с практическими работами, он смело передоверил опытным инженерам. Н.О. Крафт возглавил Южную дирекцию (участок Бологое — Москва), а П.П. Мельников — Северную (Бологое — Санкт-Петербург).

Кстати сказать, на примере отношений с Павлом Петровичем Мельниковым видно, что и пересиливать себя П.А. Клейнмихель, несмотря на свою взрывчатость и гневливость, тоже умел. Как пишет В.И. Панаев, Петр Андреевич «не жаловал Мельникова по причине сильной разнородности характеров... Мельников был холодного и спокойного характера и не отличался энергией... но Клейнмихель уважал в нем познания, его рыцарскую честность».

Результаты совмещения энергии и волюнтаризма Клейнмихеля со знаниями и спокойствием инженеров были налицо. Изыскательские работы были завершены в 1843 году, а в следующем уже приступили к земляным работам и строительству мостов... Уже в июне 1846 года началось движение на участке Петербург — Александровский завод — Колпино, а в 1849 году на участке Колпино — Чудово (86 верст) и Тверь — Вышний Волочек (111 верст).

Строили дорогу даже по западным меркам того времени очень быстро, но — для России-то это строительство было делом невиданным! — всем казалось, что строится она слишком медленно, и для того и строится так, чтобы можно было разворовывать государственные деньги.

Этим, очевидно, вызвано и то, что никто из тогдашних сановников не заслужил такой, как остроумно заметила А.Ф. Тютчева, «популярной ненависти», как Петр Андреевич Клейнмихель.

В петербургских кофейнях тогда записывались в очередь, чтобы почитать его очередные приказы и поупражняться в остроумии, комментируя их.

Николай I, разумеется, легкомысленности остроумцев из кофеен не разделял, но и он не выдержал.

22 августа 1850 года в Москве за обедом он спросил:

— Петр Андреевич! Когда же ты все-таки повезешь меня в Москву железной дорогой?

— На будущий год, на юбилей коронации, Ваше Величество! — мгновенно ответил Клейнмихель.

За столом тогда присутствовал и П.П. Мельников.

— Вы слышали мой ответ государю? — спросил у него Клейнмихель после обеда.

— Слышал! — ответил Мельников. — Но это немыслимо.

— Вы слышали, — сказал Клейнмихель, — и это должно быть исполнено.

И ведь действительно было исполнено.

К лету 1851 года строительство завершили.

Полтора века назад, 18 августа 1851 года, из Петербурга отправился первый поезд. Император и вся августейшая семья ехали на празднование двадцатипятилетия коронации государя.

А 1 ноября 1851 года Санкт-Петербургско-Московская железная дорога была открыта и для общественного пользования.

Вот что писала тогда газета «Северная Пчела»:

«Сегодня, в четверг 1 ноября, двинулся первый всенародный поезд по новой железной дороге в Москву. С утра большое число публики столпилось перед станцией и наполнило обширные ее сени. В одном отделении записывали виды проезжающих, в другом — продавали билеты на поезд, в третьем — принимался багаж пассажиров. Принятый багаж кладется в багажный вагон, стоящий под навесом, так что вещи не могут испортиться от дождя и снега. Получив билеты, пассажир входит в

просторные сени, где ожидает время отправления.

В вагонах первого класса устроены для пассажиров покойные кресла, в которых можно и растянуться, и уснуть...

В 11 ч. утра раздался первый звонок колокольчика, через 5 минут другой, а в 11 ч. 15 мин. подан был знак свистком, и поезд, ведомый паровозом № 154, двинулся. В поезде было 17 пассажиров первого класса, 63 — второго и 112 — третьего...»

К этому репортажу можно добавить, что первым пассажирам поезда Петербург — Москва выдавались сувениры — скатерти с подробным маршрутом-картой движения поезда. Эти сувениры, которых не углядел сотрудник «Северной пчелы», сейчас можно увидеть в музее Октябрьской железной дороги...

И тут хотелось бы снова вернуться к «Железной дороге» Н.А. Некрасова...

Некрасов, разумеется, великий поэт...

Про тень, набежавшую на стекла морозные, про мертвецов очень хорошо написано в поэме... И нужно ли упрекать поэта, что в эти, исполненные истинного таланта строки не вместились экскаваторы, выписанные П.П. Мельниковым для Северной дирекции из Америки и работавшие в районе Валдайской возвышенности, не вместился сам Петр Петрович, который «хотя и не был единственным начальником всей дороги, но... положительно был душою всего дела и учителем всего и всех...»

Не вместились в замечательную поэму Некрасова и мраморные доски в церкви в Любани, где высечены были фамилии всех строителей дороги. (Церковь сейчас восстановлена, но досок этих нет.)

Многое не вместилось в поэму Некрасова.

И что уж поделаешь тут, если и сама его «Железная дорога» везла в одну сторону, а настоящая, имперская — в другую...

В первый же год было перевезено по этой железной дороге около восьмисот тысяч пассажиров. Первые пять лет дорога практически не приносила казне никакой выгоды, и только с 1856 года чистый доход взлетает сразу аж до двух миллионов рублей, и неуклонно год от года растет, достигнув к 1868 году почти десяти миллионов.

5.

Завершая рассказ о строительстве первой российской железной дороги, надо сказать и о создании Министерства путей сообщения, о первых его руководителях, потому что эти люди, несомненно, входили в тот Преображенский батальон, который вел император Николай I на ополчившиеся против России силы зла и тьмы...

Как мы уже говорили, Петр Андреевич Клейнмихель, когда получил назначение на должность Главноуправляющего путей сообщения, имел сильное предубеждение против этого ведомства, считая его царством взяточников и разгильдяев. За тринадцать проведенных в должности лет его представления претерпели существенную эволюцию, но в обществе — увы! — мнение о ведомстве не изменилось. Причем главным взяточником все считали уже самого П.А. Клейнмихеля.

«Клейнмихель... пал и уничтожен... — вспоминает современник. — Все поздравляют друг друга с победой, которая за недостатком настоящих побед составляет истинное общественное торжество...»

Напомним, что в 1855 году, когда были произнесены эти слова, умер император Николай I, пал Севастополь... Поводов для торжеств действительно было немного.

Генерал-адъютант К.В. Чевкин, занимая место низвергнутого Клейнмихеля, подобно самому Петру Андреевичу тринадцать лет назад, считал ведомство путей сообщений безнадежно зараженным «болезнью казнообирательства».

Константин Владимирович принадлежал к тому типу талантливых и энергичных русских людей, деяния которых настолько велики, что уже и не ощущаются как деятельность отдельного человека... В 1823 году он получил первый офицерский чин, а через восемь лет был уже генерал-майором. В 1834 году его назначили начальником штаба корпуса горных инженеров. Сделано Чевкиным в самых различных

областях так много, что и гигантская работа в должности Главноуправляющего путей сообщения воспринимается только как эпизод...

А ведь Константин Владимирович имел непосредственное касательство еще к строительству Царскосельской дороги, во многом благодаря именно ему был положительно решен вопрос о строительстве дороги Петербург — Москва. Он и возглавил ведомство, когда началась лихорадка железнодорожного строительства... За время управления генерала Чевкина было построено 2 123 версты железных дорог.

Еще в 1854 году в спешном порядке военного времени развернулись изыскательские работы по постройке новой железной дороги Москва — Харьков — Феодосия с веткой на Севастополь и линиями на Донбасс и Ростов-на-Дону.

Начальником экспедиции был Павел Петрович Мельников. Пронивелировав за два с половиной года четыре тысячи километров трассы, в 1857 году Мельников подготовил техническое обоснование по строительству железной дороги к югу от Москвы.

Павлу Петровичу Мельникову, избранному к тому времени уже Почетным членом Петербургской академии наук, и предстояло в 1862 году сменить К.В. Чевкина.

Человек удивительно разносторонний, Мельников успешно совмещал свои профессорские обязанности с инженерной работой еще до того, как он начал вплотную заниматься железнодорожным строительством.

Когда в ночь на 3 февраля 1834 года вихрем сорвало купол с Троицкого собора лейб-гвардии Измайловского полка в Петербурге, Павел Петрович взялся за восстановление его. Ему удалось найти остроумное инженерное решение, позволившее без наружных лесов воздвигнуть двадцатипятиметровый купол на высоте в семьдесят пять метров. Разработанный для этого метод оценивается как крупный вклад в теорию и практику строительного искусства*.

Не стояли на месте и научные исследования П.П. Мельникова. В 1836 году он публикует труд «Основания практической гидравлики, или О движении воды в различных случаях и действии ее ударом и сопротивлением», получивший высокую оценку академика М.В. Остроградского.

О широте интересов Павла Петровича Мельникова говорит и тот факт, что, будучи уже главой самой крупной в России стройки, он находит время и силы и становится редактором «Вестника путей сообщения». Удивительно, но и на новой издательской стезе П.П. Мельников проявил себя наилучшим образом. Во-первых, журнал превращается под его руководством в регулярное, ежемесячное издание, и, во-вторых, подобно тому как изнутри Измайловского собора поднимал Павел Петрович купол, «Вестник путей сообщения» постепенно превращается в первый в России железнодорожный журнал. Среди публикаций журнала нельзя не упомянуть и статей самого Мельникова (общий объем 450 журнальных страниц), обобщивших материалы, собранные Мельниковым во время знакомства с железнодорожной Америкой. От номера к номеру журнал становится своеобразной школой русских инженеров, которым и предстояло в ближайшие годы заняться практическим строительством железных дорог. Отметим, что П.П. Мельников еще в 1835 году выпустил книгу о железных дорогах...

Вот при этом удивительном человеке, Павле Петровиче Мельникове, и было преобразовано ведомство в министерство, и так уж получилось, что человек, который сам строил первые железные дороги, стал и первым железнодорожным министром. За семь лет, пока он возглавлял министерство, в России было построено около пяти тысяч километров железных дорог...

---

* Правление Николая I тоже в чем-то напоминало этот инженерный шедевр. Точно так же и Николай I воздвигает без наружных лесов революций купол новой России.

Но — вот уж ирония судьбы! — именно при Мельникове-министре и было продано его детище — Николаевская железная дорога. Павел Петрович, как мог, сопротивлялся продаже, но времена «крестьян-извозчиков» ушли в прошлое, возле железных дорог сколачивались миллионные состояния, и к дороге тянулись такие сильные руки, что противостоять этому напору у Мельникова просто не хватило сил.

— Да, ничего не поделаешь, — говорил он. — Надо уступать, но я утешаюсь тем, что неурядица должна скоро исчезнуть, ошибки можно впоследствии исправить, и потери со временем даже вознаградятся, но дороги нужны обширной России, она покроется сетью, это главное, и каждая верста построенной железной дороги есть благо.

С этими словами, буквально выжитый из превратившегося в Клондайк министерства, и ушел Мельников в отставку. Заботы академика, генерала, отставного министра целиком переключились в эти годы на семью. Очень хорошо устроил Павел Петрович свою племянницу. Она вышла замуж за наследника А.С. Пушкина и сделалась хозяйкой Михайловского. Это она с мужем

П.П.Мельников. Скульптура работы М.М. Герасимова. 1955 г.

и стояла, можно сказать, у истоков Михайловского музея-заповедника.

Так что и это семейное дело сделал Павел Петрович так же хорошо и очень задушевно, как делал все в своей насыщенной трудами на благо России жизни...

Удивительно достойно доживал академик, генерал-лейтенант Мельников свои последние годы в Любани, возле построенной им Николаевской железнодорожной магистрали...

6.

«Знакомясь с правительственной деятельностью изучаемой эпохи, — отметил С.Ф. Платонов, — мы приходим к заключению, что первое время царствования Николая I было временем бодрой работы, поступательный характер которой, по сравнению с концом предшествующего царствования, очевиден. Однако позднейший наблюдатель с удивлением убеждается, что эта бодрая деятельность не привлекала к себе ни участия, ни сочувствия лучших интеллигентных сил тогдашнего общества и не создала императору Николаю I той популярности, которой пользовался в свои лучшие годы его предшественник Александр. Одну из причин этого явления можно видеть в том, что само правительство императора Николая I желало действовать независимо от общества и стремилось ограничить круг своих советников и сотрудников сферой бюрократии... Другая же причина сложнее. Она коренится в обстоятельствах, создавших попытку декабристов и репрессию 1825—1826 гг. ... Разгром декабристов болезненно отразился не на одном их круге, а на всей той среде, которая образовала свои взгляды и симпатии под влиянием западноевропейских идей. Единство культурного корня живо чувствовалось не только всеми ветвями данного умственного направления, но даже и самим правительством, подозрение которого направлялось далее пределов уличенной среды; а страх перед этим подозрением и отчуждение от карающей силы охватывали не только причастных к 14 декабря, но и не причастных к нему сторонников западной

культуры и последователей европейской философии. Поэтому как бы хорошо ни зарекомендовала себя новая власть, как бы ни была она далека от уничтоженной ею "аракчеевщины", она все-таки оставалась для людей данного направления карающей силой. А между тем именно эти люди и стояли во главе умственного движения той эпохи».

Все это так, но определяющим моментом неприязни к императору была, разумеется, не «карающая сила», а национально ориентированная политика Николая I. Этого и не могли простить русскому императору рабовладельцы-космополиты. Некоторые исследователи, возражая на это утверждение, говорят, что упреки Николаю адресовали не только западники, но и славянофилы...

Это действительно так... Расхождения были у правительства Николая и с идеологами славянофильства. Официальная, сформулированная С.С. Уваровым доктрина под «православием» и «самодержавием» понимала тот порядок, который существует в реальной действительности, под понятием «народность» — совокупность черт титульного народа. Славянофилы же видели идеал «православия» в московской, допетровской и даже «доромановской» эпохе, когда церковь была независимой от государства носительницей соборного духа, когда в государстве «правительству принадлежала сила власти, земщине — сила мнения...» Черты народного духа славянофилы были расположены искать во всем славянстве, а не только в русских.

Но вот что любопытно... Фальшивую ноту в сформулированную С.С. Уваровым триаду привносило, как мы говорили, смещение акцентов, подсознательное стремление распространить рабовладельческую узурпацию XVIII века на всю историю Русской государственности. Опять же, и в мечтательности, и расплывчатости некоторых тезисов наших славянофилов тоже обнаруживается подсознательное стремление рабовладельцев увести разговор с насущных проблем в приятственную пустоту.

Нет, не умозрительное славянолюбие, а конкретное и последовательное отстаивание шаг за шагом русских интересов и интересов православия ставил задачей своей политики Николай. И именно этой политикой, а не только суровым отношением его к политическому и общественному легкомыслию была обусловила нелюбовь к Николаю I «просвещенного» общества.

«Странная моя судьба, — писал Николай I, — мне говорят, что я — один из самых могущественных государей в мире, и надо бы сказать, что все, т.е. все, что позволительно, должно бы быть для меня возможным, что я, стало быть, мог бы по усмотрению быть там, где хочется, и делать то, что мне хочется. На деле, однако, именно для меня справедливо обратное. А если меня спросят о причине этой аномалии, есть только один ответ: долг! Да, это не пустое слово для того, кто с юности приучен понимать его так, как я. Это слово имеет священный смысл, перед которым отступает всякое личное побуждение, все должно умолкнуть перед этим одним чувством и уступать ему, пока не исчезнешь в могиле. Таков мой лозунг...»

Но если и *бодрая деятельность* императора не привлекала ни участия, ни сочувствия лучших интеллигентных сил тогдашнего общества, то каким же стало отношение тогдашнего общества к Николаю I, когда государство действительно столкнулось с серьезными трудностями. Мы видим это по отношению «прогрессивных рабовладельцев» к Крымской войне...

Когда русские солдаты и матросы творили чудеса героизма, обороняя Севастополь*, когда лучшие русские люди — вспомните П.П. Мельникова, который в спешном порядке военного времени развернул изыскательские работы по постройке новой железной дороги Москва — Харьков — Феодосия с веткой на Севастополь и линиями на Донбасс и Ростов-на-Дону, пронивелировав четыре тысячи километ-

* Между прочим, император Николай I направил в оборонявшийся Севастополь и своих младших сыновей: Николая и Михаила.

ров трассы — отдавали все свои силы и способности, чтобы выстоять в войне практически против всей Европы и Турции в придачу, дворянская общественность ликовала по поводу неудач русской армии.

«Российская империя — это колосс на глиняных ногах!» — задыхаясь от радости, вопили тогда в петербургских, лондонских и парижских кафе «передовые» деятели. Все неудачи в Крымской войне были объявлены следствием гнилости и бессилия николаевского режима....

Такая оценка событий 1853—1854 годов, практически без редактуры, вошла в учебники нашей истории, и мало у кого вызывает сомнения, хотя реальным фактам она, мягко говоря, не вполне соответствует...

Напомним, как развивалась Крымская кампания...

Осенью 1853 года в Молдавию и Валахию («в залог доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России» и не прекратит преследование своих подданных, исповедующих православие) были введены русские войска.

Франция, Англия, Австрия и Пруссия поддержали Турцию в ее нападках на православие, и осенью 1853 года Турция объявила войну России.

Отметим, что война эта началась первым в истории сражением военных пароходов. 5 ноября турецкий «пароходо-фрегат» был захвачен русским «Владимиром». 18 ноября эскадра вице-адмирала П.С. Нахимова уничтожила на Синопском рейде турецкий флот, а 25 декабря турецкая армия потерпела поражение в Закавказье.

Шла победоносная война, но 23 декабря англо-французский флот вошел в Черное море. Положение России усугублялось политикой Австрии и Пруссии, которые, хотя и не вступили в войну, но вели себя угрожающе. Российские войска вынуждены были покинуть дунайские княжества и везде, за исключением Закавказья, перейти к обороне.

Тут можно говорить о просчетах во внешней политике, однако коалицию враждебных России государств создали не дипломатические ошибки, а последовательное отстаивание национальных интересов Российской империи, вошедших в резкое противоречие с интересами Англии, Франции, Австрии и Пруссии.

15 и 16 марта 1854 года Англия и Франция объявили войну России, но непосредственные боевые действия начались только во второй половине августа. Небольшой отряд морской команды и казаков под командой контр-адмирала Завойко отразил тогда в Петропавловском порту (ныне Петропавловск-Камчатский) нападение англо-французской эскадры. Счет потерь был невелик. 45 русских и 88 французов и англичан пали в том бою.

Одновременно англичане произвели бомбардировку Соловецкого монастыря на Белом море, а на Балтике англо-французская эскадра появилась под Кронштадтом.

Почти одновременно с этой, более психологической, нежели боевой операцией, 2 сентября английские, французские и турецкие войска высадились в Евпатории. 60-тысячную сухопутную группировку поддерживал мощный флот. По количеству паровых кораблей англичане и французы значительно превосходили русский, преимущественно парусный флот, и 11 сентября, чтобы преградить путь противнику на Севастопольском рейде, были затоплены корабли «Три святителя», «Уриил», «Варна», «Силистрия», «Селафаил», «Сизополь», «Флора». Началась 349-дневная Севастопольская оборона.

Положение России усугублялось из-за недоброжелательного поведения Австрии и Пруссии. Невозможно было высвободить развернутые на западной границе войска и перебросить в Крым, а сил русской армии Меншикова, что стояла возле Севастополя, недоставало для противодействия союзникам...

Севастополь тем не менее союзникам взять не удалось, и только в конце августа 1855 года, когда был захвачен Малахов курган, русские войска оставили город. Однако почти одновременно с потерей Севастополя генерал Н.Н. Муравьев сумел взять турецкую крепость Карс.

Таковы были основные события этой войны.

Еще никогда России не приходилось воевать против коалиции могущественнейших стран того времени — Франции и Англии, прикрываясь одновременно от возможного удара со стороны Пруссии и Австрии.

И каковы же были успехи союзников?

После годовой осады ценой многотысячных потерь взяли Севастополь, который вынуждены были потом обменять на Карс! Очевидно, что этот успех союзников (если его и можно назвать успехом) весьма скромен и временен. Его обуславливало только удаление Крыма от Центральной России. Такое положение могло существовать некоторое время, но как только Россия подтянула бы туда армейские базы, союзникам неизбежно пришлось бы покинуть российские территории.

Но в этом и заключается принципиальное отличие Крымской кампании от других войн... Союзники вели эту кампанию не столько для захвата русских территорий, не столько для разгрома ее армии, а в чисто пропагандистских целях, чтобы показать самим себе, что, объединившись, можно противостоять Российской империи. Поэтому и выбирались не центральные направления, по которым в случае настоящей войны следовало бы наносить удары, а самые удаленные окраины (Петропавловский порт на Камчатке, Крым, Соловки), куда России перебросить свои силы было не просто и где можно было некоторое время изображать победу. И в этой пропагандистской войне Россия действительно потерпела серьезнейшее поражение.

В самом деле, почему так остро и болезненно была воспринята в России временная потеря Севастополя? Вообще-то России доводилось, еще на памяти живущих в 1854 году, терять и Смоленск, и Москву, а эти потери были пострашнее.

Да, Крымская война обнажила многочисленные слабые места в военном устройстве, и особенно в вооружении армии и флота. Но так было всегда в любую войну и в любой стране.

Да, были неудачи. Но ведь были и Синопское сражение, и поражение турок в Закавказье, и Петропавловская оборона, и Карс. Ну а главное — впервые Россия сражалась против объединившейся с Турцией Западной Европы и сражалась на равных...

Уже одно это должно было служить доказательством мощи Российской империи, уже одно это способно было внушить любому россиянину гордость за свою страну. События 1853—1854 годов правильнее было бы называть победой России, но — увы! — победу эту с самого начала было решено представить поражением.

И одни только западные пропагандисты никогда не сумели бы добиться столь ошеломительного эффекта, если бы им не пришли на помощь русские рабовладельцы-космополиты. Они не могли помочь союзникам выиграть войну у России, но они делали все, чтобы представить эту войну позорным поражением нашей страны...

Сколько соловьев крепостничества заливались трелями: дескать, поместное дворянство, несмотря на свой космополитизм, является верной и единственной опорой государству и престолу! Николай I всегда различал фальшь в этих гимнах рабовладению, но все же такой подлости и такого предательства, какое проявилось во время Крымской кампании, он от дворянства не ожидал. И, наверное, это и было самым страшным ударом для императора Николая I...

7.

Первые симптомы болезни проявились 4 февраля 1855 года. Резко повысилась температура, появились насморк и кашель.

Надо сказать, что Николай I был физически очень крепким человеком, привыкшим вести солдатский образ жизни. Он регулярно вставал на заре и проводил за работой 18 часов в сутки. Болеть он не умел. Поэтому 9 февраля, решив, что он уже вполне отлежался, Николай отправился на смотр маршевых батальонов. На 23-градусном морозе поехал в Манеж в открытых санях.

— Ваше Величество! — сказал ему лейб-медик Ф.Я. Карель. — В вашей армии нет ни одного врача, который позволил бы солдату выписаться из госпиталя в таком положении, в каком вы находитесь, и при морозе 23 градуса!

Николай, однако, не придал его словам значения и на следующий день повторил поездку.

Вечером 10 февраля появилась резкая слабость, лихорадка и озноб. Император слег. Появилась раздражительность...

«Эти признаки, — пишет в своей книге «Читая смерти письмена» доктор медицинских наук Юрий Молев, — указывают еще на один характерный симптом вирусного респираторного заболевания — общую интоксикацию».

Утром 12 февраля, узнав о ничтожном проступке коменданта Инженерного училища генерала А.И. Фельдмана, Николай встал с постели и лично отправился расследовать инцидент. По возвращении в Зимний дворец больного императора поджидало известие о неудаче проведенной 5 февраля 1855 года рекогносцировки под Евпаторией...

Ночью Николая мучила бессонница...

Лейб-медики М. Мандт и Ф. Карель продолжали лечить государя от простуды. Как записано в Камер-фурьерском журнале, состояние императора к 16 февраля стабилизировалось и не внушало опасений, но 17 февраля наступило ухудшение.

В соответствии с записями в Камер-фурьерском журнале, ночью 18 февраля царь исповедался и причастился. По его желанию вся императорская семья собралась у его постели. Николай благословил детей и внуков, говорил отдельно с каждым из них. Страдания государя усиливались, но сознание оставалось ясным.

«Мне хотелось... оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое, — сказал он, прощаясь с сыном. — Провидение судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас...»

К утру наступил паралич легких, дыхание становилось все более стесненным и хриплым.

— Долго ли еще продлится эта отвратительная музыка? — спросил Мандта император.

В 10 часов утра Николай утратил сознание.

Незадолго перед кончиной к нему вернулась речь.

— Держи все-все! — тихо сказал умирающий император сыну Александру.

Это были его последние слова...

«Император лежал поперек комнаты на простой железной кровати, — свидетельствует фрейлина А.Ф. Тютчева, которая побывала в покоях императора сразу после его кончины. — Голова покоилась на зеленой кожаной подушке, а вместо одеяла на нем лежала солдатская шинель. Казалось, смерть настигла его среди лишений военного лагеря, а не в роскоши пышного двора. Все, что окружало его, дышало самой строгой простотой...»

В своем завещании Николай написал: «Прошу всех, кого мог умышленно огорчить, меня простить. Я был человеком со всеми слабостями, коим люди подвержены, старался исправиться в том, что за собой худого знал... прошу искренне меня простить... Прошу всех меня любивших молиться об успокоении души моей, которую отдаю милосердному Богу, с твердой надеждой на его благость и придаваясь с покорностью его воле. Аминь!»

Николай I умер.

Умер, как и положено православному человеку, простив своих врагов, испросив прощения у своих подданных, умер, исполнив последний долг христианина — исповедовавшись и приобщившись Святых Тайн.

Враги, которые трепетали перед ним живым, теперь поспешили отомстить ему мертвому. Смерть Николая I была неожиданной, и это позволило сразу же распустить слух, будто император отравился.

Враги попытались отнять у русского царя православную кончину.

«Разнеслись слухи о том, что царь отравлен, — записал в своем дневнике Н.А. Добролюбов, — что оттого и не хоте-

ли бальзамировать по прежнему способу, при котором, взрезавши труп, нашли бы яд во внутренностях...»

О как радовался, как ликовал тогда аристократический Петербург!

«Тридцать лет это страшилище в огромных ботфортах, с оловянными пулями вместо глаз безумствовало на троне, сдерживая рвущуюся из-под кандалов жизнь, тормозя всякое движение, безжалостно расправляясь с любым проблеском свободной мысли, подавляя инициативу, срубая каждую голову, осмеливающую подняться выше уровня, начертанного рукой венценосного деспота. Окруженный лжецами, льстецами, не слыша правдивого слова, он очнулся только под гром орудий Севастополя и Евпатории. *Гибель его армии* — опоры трона — раскрыла царю глаза, обнаружив всю пагубность, ошибочность его политики».

Эти слова принадлежат Ивану Федоровичу Савицкому.

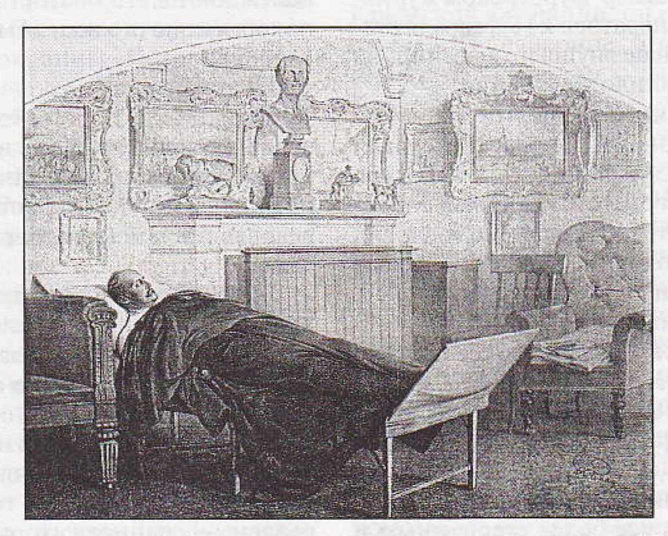
Хотя Иван Федорович и числился в свите цесаревича Александра Николаевича и придворную службу явно предпочитал военной, но он был все-таки еще и полковником Генерального штаба...

Ему следовало бы знать, что и в сражении на реке Альма под Евпаторией 8 сентября 1854 года армии союзников (55 тысяч человек, 122 орудия) противостояла армия адмирала А.С. Меншикова (34 тысячи человек, 96 орудий). Потеряв 5 700 человек убитыми, ранеными и пленными, Меншиков отступил к Бахчисараю. Потери союзников составили 4 000 человек. Сражение под Евпаторией действительно было проиграно, но говорить о том, что *погибла его* (не Меншикова даже, а Николая I) *армия,* было крайне неосмотрительно. А при попытке наступления на Евпаторию, предпринятого 5 февраля 1855 года, потери были настолько незначительными, что позволили главнокомандующему Меншикову перекрестить неудавшееся наступление в рекогносцировку.

И это Савицкий тоже должен был знать, однако злоба и ненависть *к страшилищу в огромных ботфортах, с оловянными пулями вместо глаз,* как он называет человека, которому присягал и которому служил, помутили разум полковника Генерального штаба.

Между прочим, именно Иван Федорович Савицкий и был одним из тех, кто распускал слух, что Николай I отравился.

В своих мемуарах, написанных за границей, он рассказал, что якобы гомеопат М. Мандт, любимый лейб-медик царя, по-

Император Николай I на смертном одре. Рисунок В.Тимма. 1855 г.

ведал ему, будто император попросил у него (Мандта) яда и он дал ему этот яд. Название ядовитого вещества, данного государю, Мандт почему-то ему не назвал...

Замечательно, что уже в 1859 году этот гипотетический рассказ М. Мандта был изложен в герценовском «Колоколе». Никаких прямых свидетельств самого М. Мандта не сохранилось, и рассказ полковника Савицкого нужно, по-видимому, считать болезненным преувеличением, как и *гибель* русской *армии* у Евпатории. В вымышленных Иваном Федоровичем откровениях гомеопата Мандта многое не сходится.

Нельзя серьезно относиться и к показаниям анатома Венцеля Грубера, который участвовал во вскрытии тела императора и якобы увидел *некие признаки*, указывавшие на возможность отравления.

Не будем останавливаться на бесчисленных нестыковках по времени, по ситуации, но о том, что слова и ничтожные мысли, приписываемые Николаю I, не сходятся с великим характером русского императора, сказать надо.

Человек, призывавший умирающего Пушкина исполнить «последний долг христианина», не мог пойти на самоубийство.

Не мог этот благородный рыцарь закона и порядка воспринять «неудачу генерала Хрулева под Евпаторией*, как предвестницу полного краха своего величия» и поэтому и отравиться. Подобная истерика более подходит уездному гимназисту или барышне, а не императору Николаю I, который бесстрашно выводил против бунтовщиков на площадь свой единственный верный батальон, который и чумные бунты успокаивал единым своим словом...

Впрочем, для таких людей, как Савицкий, подобные соображения не играли никакой роли. Злоба к мертвецу переполняет его...

*Войсками, участвовавшими в рекогносцировке, проведенной 5 февраля 1855 года, командовал герой обороны Севастополя генерал-лейтенант Степан Александрович Хрулев...

«Утром, когда Николай еще лежал в своем кабинете, я пошел взглянуть на него. *Страшилище всех европейских народов* покоилось на ложе своем, прикрытое одеялом и старым военным плащом, вместо халата долго служившим хозяину. Над кроватью висел портрет рано умершей дочери Александры Николаевны, которую усопший очень любил, облаченной в гусарский мундир. Николай даже женскую прелесть без мундира не воспринимал.

В глубине кабинета стоял стол, заваленный бумагами, рапортами, схемами. В углу стояло несколько карабинов, которыми в свободное время тешился император. На столах, этажерках, консолях стояли статуэтки из папье-маше, изображающие солдат разных полков, на стенах висели рисунки мундиров, введенных царем в армию. У кровати сидел генерал Сухозанет и вытирал платком свои сухие глаза. Заявил мне, что дни и часы неотступно находится у тела императора без еды и воды, хотя при жизни и не любил покойного.

На суровом лице усопшего выступили желтые, синие, фиолетовые пятна. Уста были приоткрыты, видны были редкие зубы. Черты лица, сведенного судорогой, свидетельствовали, что император умирал в сильных мучениях».

Император Николай I умер на солдатском тюфяке, брошенном на железную кровать, прикрывшись старым военным плащом, который заменял ему халат. Умер так же решительно и самоотверженно, как и жил. Смерть его, как казалось тогда многим, была самым удачным выходом для России.

Насчет России стоит подумать, но для кого-то смерть Николая I действительно была удачей....

А.И. Солженицын отмечает в своем исследовании «Двести лет вместе» странное совпадение смерти Николая с началом задуманной им реформы по уравнению евреев в правах с русскими.

Еще в 1840 году Николай I утвердил разработанный графом Павлом Дмитриевичем Киселевым проект, согласно которому

помимо всего прочего евреев разбирали на два разряда: тех, кто имеет прочную оседлость и имущество, и тех, кто оседлости пока не имел. Им предоставлялся пятилетний срок, чтобы они стали ремесленниками или земледельцами. Тех, кто не укладывался в этот срок, велено было считать «бесполезными» и применить к ним особую военно-трудовую повинность: брать из них в рекруты по разнарядке втрое больше обычной.

Против этого «разбора» активно протестовал «полу-милорд, полу-купец, полу-подлец» — генерал-губернатор Новороссии граф Михаил Семенович Воронцов. В результате оглашение Постановления произошло только в 1846 году, так что сам «разбор» должен был начаться лишь с января 1852 года, а карательно-принудительные меры вступили в действие именно в период Крымской войны.

Горе евреев было тогда велико. Назначенные к набору рекруты скрывались из своих обществ. Пытаясь избежать рекрутчины, многие евреи бежали за границу или уходили в другие губернии...

Однако Николай I, по-видимому, всерьез решил уравнять евреев в правах с русскими, и его суровую бюрократию такой пустяк не смутил: за каждого недоставленного к сроку рекрута стали брать трех новых.

В результате в еврейских обществах появились наемные «ловчики» или «хапуны», которые, как пишет А.И. Солженицын, и захватывали «пойманников» (и тех, кто действительно уклонился от призыва, и тех, кто имел просроченный паспорт, даже жителей другой губернии и бессемейных подростков) и за них получали зачетные квитанции в пользу нанявшего их общества.

Но все это не восполняло недостачи рекрутов. И в 1852 году добавилось распоряжение о пресечении укрывательства евреев от воинской повинности. Вместо недостающих рекрутов стали брать на службу их родственников или руководителей общин, ответственных за своевременную поставку рекрутов.

Неизвестно, удалось ли бы таким образом наполнить евреями русскую армию, но в феврале 1855 года Николай I внезапно умер, и «разбор» навсегда прекратился.

«И вот, — меланхолически замечает А.И. Солженицын, — внезапная смерть императора также вызволила евреев в тяжелую пору, как через столетие — смерть Сталина».

Если развивать мысль Александра Исаевича, то можно и «дело врачей-отравителей» сопоставить с делом об отравлении М. Мандтом Николая I. Но и эта версия, хотя она психологически гораздо более обоснована, чем версия о самоубийстве государя, никакими фактами тоже не подкреплена...

Доктор исторических наук А.Ф. Смирнов попытался по воспоминаниям очевидцев восстановить картину похорон Николая I.

«Из Зимнего дворца после двухдневного обозрения тело покойного надлежало перевезти в Петропавловскую крепость в царскую усыпальницу. Войска шпалерами встали от Зимнего до Петропавловки, и между стройными рядами застывших гвардейских полков двинулась в путь траурная процессия.

Во главе процессии шел царский двор, за ним старший генералитет с ассистентами, неся на подушках короны и ордена, полученные едва ли не от всех европейских монархов, затем целая армия священников и катафалк, за которым сзади шествовал молодой император с братьями своими, герольды, солдаты, одетые в древние мундиры, и т.д.

Идущая во главе процессии раззолоченная толпа держалась в высшей степени неприлично, мало того, что всю дорогу в ней не прекращался говор и смешки, но многие не могли даже и двух часов обойтись без вина и закуски, доставали припасенные заранее бутылки и яства, ели, пили, курили сигары и папироски, вызывая тем возмущение у сгрудившихся по обочинам улиц простолюдинов.

Процессия была столь же длинна, сколь и титул и усопшего, и еще здравствующего властелина:

— Мы, самодержец и император Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский, Великия, Малая и Белая Руси, и прочая, и прочая. А в этом "прочая" содержался перечень всех земель, рублем, мечом, сговором иль "волеизъявлением мужей знатных" присоединенных к империи, коих и числились повелителем и обладателем все Романовы (а точнее сказать, Гольштин-Готторпы), с Петра III поочередно занимавшие трон, обагренный кровью пращуров. И каждому титулу: великий князь Киевский, Владимирский, Новгородский, Рязанский, Тверской, Смоленский, Ярославский и т.д.; ханств: Казанского, Астраханского, Ногайского, Крымского, Сибирского, всех Кавказских, Закавказских и Закаспийских земель — соответствовала в процессии и корона иль иные символы как вещественное олицетворение царств, ханств, земель. Эта символика в золоте, алмазах, бриллиантах возлежала на атласных пурпурных подушечках, покоилась в немощных старческих руках, окольцованных золотом, усыпанным алмазом и прочей мишурой, а руки несущие соединялись с мундиром, золотом вытканным, осыпанным алмазами, бриллиантами и прочей бижутерией. Медленно ползла, извиваясь змеею и вновь вытягиваясь, золотосверкающая, алмазоносная процессия от дворца к крепости, от последнего жилища царя до его вечной обители.

Но вот среди золототканых мундиров возникло какое-то движение, как от камня, брошенного в затянутую ряской воду, раздался всплеск, пошли и замерли круги; то старый генерал князь Шаховской, шествовавший в центре с короною Казанской в руках, задремав, начал поклевывать носом, сбиваясь с мерного шага; видя это, ассистент подвинулся ближе и протянул руку, чтоб предотвратить падение сокровища со старцем, но тут из среды гвардейцев, обрамлявших процессию, бросился бравый молодец, схватил ассистента за руку с громким криком "давно я за тобою, шельмец ты эдакий, слежу, ты не уйдешь, вор, от меня". К счастию, очнулся Шаховской, поспешил на выручку ошеломленному от опасности внезапного нападения своему ассистенту...»

Злые воспоминания... Автору казалось, что он обличает великого русского императора, а он обличал лишь самого себя...

Говорят, что незадолго до смерти Николай I попросил пригласить старшего внука — Николая Александровича. Этот мальчик должен был стать Николаем II, но не стал, вместо него, после его скоропостижной смерти, наследником стал его брат, будущий император Александр III, а Николаем II стал сын Александра III...

Этот, единственный из царей Романовых, святой царь мученик мог бы быть Николаем III. Точно так же, как Николай I мог бы тоже остаться Николаем III*...

— Учись умирать... — сказал император Николай I странные слова, прощаясь со своим тезкой внуком...

Глава шестая

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Как любили писать в старину, «в среду на святой неделе, внезапно, со своей недосягаемой высоты грянул Иван Великий, загудел над всем городом непрерывным радостным звоном... У Великого князя Николая Павловича и супруги его Александры Федоровны родился сын первенец, нареченный Александром...»

Случилось это 18 апреля 1818 года... Восемнадцатый год позапрошлого века не ознаменован в истории России громки-

*Напомним, что он так и подписывал в детстве свои рисунки монограммой, которая объединяла буквы «Р», «Н» и римскую цифру III. Она обозначала: «Николай, третий, Романов».

ми событиями — не было ни войн, ни мятежей, ни переворотов. И вместе с тем в этот год случилось несколько событий, которым, хотя они и совершались не громко, а отчасти и потаенно, суждено было на многие годы вперед определить весь ход русской истории.

В 1818 году было создано декабристское общество «Союз благоденствия», в том же году был подготовлен для Александра I секретный проект конституции — «Государственная уставная грамота Российской империи», а Н.М. Карамзин преподнес императору первый экземпляр «Истории государства Российского...»

Таким был этот год — год рождения человека, которого назовут в народе царем-освободителем. Впрочем, никто тогда не думал, что Александр Николаевич взойдет когда-нибудь на русский престол...

Удивительно, но о семейной жизни русских царей в допавловские времена мы знаем гораздо больше, нежели о жизни последних русских императоров.

В восемнадцатом веке, вероятно с легкой — на самом деле тяжелой! — руки Петра I, публично казнившего Виллима Монса, камергера и любовника своей жены Екатерины Алексеевны, а потом публично возившего ее полюбоваться на отрубленную голову, скрывать любовные похождения и увлечения царствующей особы не считали нужным.

Личная жизнь императоров и императриц была открытой, почти публичной. Отчасти этой открытости способствовали и дворцовые перевороты, когда гвардейские полки стали непременными участниками семейных разборок.

Но после правления Павла все сразу переменилось.

И хотя о похождениях и Александра I, и Николая I сложено немало легенд, и судачили об этом тогда тоже достаточно много, но ни одно любовное увлечение уже не способно было повлиять на ход истории. Времена служанки Марты и певчего Кирилла Разумовского ушли в прошлое. Да и сама семейная жизнь, сам быт царской семьи уходит на второй план, становится незаметным.

На виду у всех — облаченная в застегнутый мундир фигура императора, носителя верховной власти, человека, гораздо менее свободного в своих поступках, чем любой из его подданных...

1.

Известно, что детские годы Александра II проходили вполне спокойно и счастливо. Никаких раздоров не было в семье, отец, тогда еще и не думавший об императорском титуле, по вечерам часто появлялся в детской, обучая сына игре в оловянных солдатиков.

— Бросайте жребий... — объявлял он детям. — У кого мне сегодня быть начальником штаба?

И далее начиналась игра.

Из ящиков доставались солдатики, пушки, палатки и прочие принадлежности лагерной и боевой жизни. Все это раскладывалось на столе, и здесь, на столе, по всем правилам полководческого искусства, проводились маневры, разыгрывались сражения.

Понятно, что для Александра II польза от этих совместных с отцом игр была не столько даже практическая, сколько нравственная. Впервые в истории русской императорской семьи отец уделял так много времени воспитанию сына.

Еще в 1818 году в стихах на рождение Александра В.А. Жуковский пророчески воскликнул:

Да встретит он обильный честью век,
Да славного участник славный будет,
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий человек!

Великий князь Николай Павлович помнил эти стихи и делал все, чтобы из благого пожелания они стали реальностью.

Семейная теплота окружала будущего императора, и проявлялась она не экзальтированно, не судорожно, а ровно и естественно.

«Проезжая мимо Аничкова дворца, — вспоминала его мать императрица Александра Федоровна, — я увидела в окне на руках у няни маленького Сашу, и глаза мои наполнились слезами...»

Любопытно упомянуть здесь, что это в Аничковом дворце была устроена Александрой Федоровной для Александра первая в России рождественская елка...

Нелегко было уходить из этого спокойного, наполненного любовью мира во взрослый мир, где должен жить наследник престола. Рассказывают, что 12 декабря 1825 года, когда Александру Николаевичу объявили, что он стал наследником престола, он испугался и долго плакал. Было ему тогда семь с половиной лет.

Летние месяцы детства и отрочества Александра II прошли в Царском Селе. Связь с Лицеем, в котором учился А.С. Пушкин, не столько географическая, сколько духовная.

Словно бы развивая традиции лицейских педагогов, В.А. Жуковский в своей программе воспитания наследника подчеркивал, что «человек во всяком сане есть главное».

Саму же учебу он сравнивал с путешествием. Годы с восьми до тринадцати лет отводились для «приготовления к путешествию» — в этом возрасте необходимо было развить ум и нравственное чувство... Следующие шесть лет занимало само «путешествие» — усвоение общеобразовательного курса, и еще два года — «завершение путешествия — учение применительное...»

Применительное уже к будущему сану...

Обучали Александра вместе с двумя товарищами-сверстниками — графом Иосифом Вильегорским и Александром Паткулем.

Распорядок дня был строгим. Подъем в шесть часов утра. Утренняя молитва, завтрак. В семь часов начинались классы, кончались они в полдень. После двухчасовой прогулки, в два часа дня садились за обед. Затем до пяти часов дети гуляли, играли или отдыхали. С пяти до семи снова проводились занятия в классах. С семи до вось-

Императрица Александра Федоровна, супруга Николая I

ми занимались гимнастикой. Александр II очень любил прыгать на батуте, натянутом в гимнастическом зале. С восьми часов время отводилось для писания дневника. В десять дети ложились спать.

Для оценки знаний употреблялись шары. За хороший ответ ученик получал белый шар, за плохой — черный. Все шары опускались в специальные — у каждого ученика свой! — ящики и в конце недели подсчитывались. Тот, у кого набиралось белых шаров больше, получал право истратить определенную сумму денег на благотворительность...

Изучение наук и спортивные занятия следовало совмещать с прохождением воинской службы. Александру было десять лет, когда государь привез его в кадетский лагерь и, поставив в строй Первого корпуса, сказал:

— Вот вам новый товарищ!

Сохранился портрет Александра II в кадетском мундире... Высокий кивер, простые погоны, ранец за плечами, на груди —

скрещивающиеся широкие белые ремни.

Службу Александр Николаевич нес наравне со всеми и, если объявляли тревогу, должен был спешить из дворца в лагерь, чтобы успеть занять при построении свое место.

Часто устраивали маневры и учебные сражения — кадеты атаковали друг друга, защищались, обучались штурмовать укрепления. Кроме того, проводились и своеобразные игры-состязания. Каждое лето, например, устраивали «штурм» каскадов петергофских фонтанов. Вместе со всеми, под струями воды, вверх по уступам карабкался к статуе Самсона и наследник престола.

Рассказывая о детских годах Александра, о его кадетской службе, невольно вспоминаешь о детстве Петра Первого. Параллель не столь очевидная, сколько внушаемая самой системой воспитания. Ну а коли так, то составители программы обучения не могли позабыть и о море.

«Царскосельский пруд, — писал В.А. Жуковский, — легко можно обратить в океан всемирный, на котором две яхты могут в один день совершить путешествие вокруг света».

Действительно, в Верхнем пруду на Детском острове был выстроен небольшой красный домик. Там были гостиная и четыре комнаты, обставленные миниатюрной мебелью. Домик был окружен цветником. За цветами здесь ухаживали сестры Александра, а сам наследник престола ведал флотом — лодками и небольшими парусными судами, на которых и совершал «кругосветные» плавания, подражая В.М. Головину, Ф.Ф. Беллинсгаузену, М.П. Лазареву.

Тем не менее, как мы уже говорили, параллель воспитания Александра с воспитанием Петра всего лишь внушаемая, скорее даже надуманная, нежели истинная. Отсутствовало самое главное сходство — детские увлечения Петра были искренними, своевольными, а для Александра они становились обязанностью. И не случайно, хотя и сохранились гравюры, изображающие Детский остров, позабыты названия кораблей, на которых совершал свои плавания Александр, нигде не найти описаний тех плаваний*.

Детские игры Петра I формировали его личность, определяли всю будущую жизнь. У Александра II они служили только для приобретения определенных навыков, укрепления мускулов, т.е. решали куда более частные задачи...

Вот список подарков, полученных Александром на Рождество 1831 года.

Ящик с пистолетами... Ружье... Сабля... Бюст Петра Великого... Турецкая сабля... Вице-мундир Кавалергардского полка... 27 тарелок и 5 чашек с рисунками из жизни русского войска...

Подарки для тринадцатилетнего мальчика замечательные, дорогие, но ничего чрезмерного в них нет.

Таким было и все воспитание.

И результаты тоже достигались хотя и замечательные, но не чрезмерные.

Уже в двенадцать лет Александр прекрасно ездил верхом. Со своими друзьями графом И. Вильегорским и В. Паткулем совершал он далекие прогулки верхом в Ораниенбаум и Павловск...

В четырнадцать лет Александр без ошибок мог командовать взводом за офицера...

Успехи очевидные, но настолько скромные, что даже сопоставлять их с грандиозностью детских предприятий Петра неловко.

Но ведь Александру и не нужно было быть похожим на Петра Великого, совсем другого ждал от него отец, другого ждала и страна, которую он должен был возглавить.

* Исключение представляют, кажется, только воспоминания воспитателя К.К. Мердера, описывающие праздник, устроенный по случаю возвращения Александра Николаевича из-за границы 25 июня 1829 года. «В 6 часов, вместе с созванными гостями, Александр приглашен был к чаю на Детский остров. Нежная заботливость сестриц доставить ему удовольствие растрогала его до глубины сердца, он не находил слов к изъяснению чувств своих и, растроганный до слез, рассматривал в молчании гирлянды, коими были увешаны стол, деревья, дом и пристань...»

И принцип воспитания В.А. Жуковского — «в царских детях следует воспитывать детей людей, а уж затем перейти к воспитанию принцев и князей» — тоже предполагал своим результатом совсем другое...

В рукописном журнале «Муравейник», издаваемом царскими детьми под руководством В.А. Жуковского, было помещено сочинение наследника престола о своем небесном покровителе Святом князе Александре Невском*. Особых литературных достоинств в этой работе Александра Николаевича нет, но сам строй мысли замечателен...

«Александр... понял... таинственное знаменование, сложил руки, пал на колени и, решившись в глубине души быть для народа своего тем, что солнце сие для всего мира, смиренно произнес: «Да будет воля Твоя...»

Поражает, насколько не сходятся эти мысли наследника Русского престола накануне принесения присяги на верность Отечеству с нетерпеливым, деспотичным стремлением молодого Петра I побыстрее получить верховную власть...

2.

В 1837 году достигший совершеннолетия и принявший присягу Александр Николаевич завершил курс задуманного Василием Андреевичем Жуковским «путешествия» уже самым настоящим путешествием по России...

«Я не жду от нашего путешествия большой жатвы практических сведений о состоянии России, — писал императрице Александре Федоровне В.А. Жуковский, — для этого мы слишком скоро едем, имеем слишком много предметов для обозрения, и путь нам слишком определен; не будет ни свободы, ни досуга, а от этого часто — и желания заняться, как следует, тем, что представится нашему любопытству. Мы соберем, конечно, много фактов отдельных, и это будет иметь свою пользу; но главная польза — вся нравственная, та именно, которую теперь только можно приобрести великому князю; польза глубокого, неизгладимого впечатления. В его лета, в первой свежей молодости, без всяких житейских забот, во всем первом счастии непорочной жизни, не испытав еще в ней ничего иного, кроме любви в недре своего семейства, он начинает деятельную жизнь свою путешествием по России, — и каким путешествием? На каждом шагу встречает его искреннее радушное доброжелательство, тем более для него трогательное, что никакое своекорыстие с ним не смешано; все смотрят на него, как на будущее, прекрасно выражающееся в его наружности; *никто не думает о себе, все думают об отечестве*, и в то же время все благословляют отсутствующего заботливого государя. Как могут такого рода впечатления не подействовать благотворно на свежую молодую душу, которую и сама природа образовала для добра и всего высокого?.. В продолжение предстоящих четырех месяцев великий князь будет счастлив самым чистым счастьем, и это счастье будет плодотворно для его будущего и для будущего России».

За семь месяцев наследник престола объехал тридцать губерний.

В.А. Жуковский романтически назвал эти поездки наследника в Сибирь и по Волге «венчанием его с Россией».

А через два года состоялось путешествие будущего императора за границу, тоже завершившееся его венчанием, только теперь уже с принцессой Марией Гессенской.

«В начале марта 1839 года, — вспоминал тайный советник И. Маркелов, состоявший тогда секретарем русского посольства во Франкфурте, — мы получили известие о прибытии наследника цесаревича в Штутгарт. Посол наш господин Убри был болен и не мог выехать навстречу Его Высочеству. По этой причине он поручил мне немедленно выехать как для получения приказаний от графа Орлова относительно маршрута Его Высочества, так и для сообщения ему, что при гессен-дармштадтском дворе

---

* Александр Невский был небесным покровителем Александра II. В честь его рождения Николай I соорудил в церкви Нового Иерусалима придел во имя святого благоверного князя.

все приготовлено к встрече августейшего путешественника.

Первое, что сообщил мне граф Орлов, это то, что Его Высочество уже сильно утомился благодаря многочисленным визитам к различным германским дворам и что он очень спешит, направляясь в Голландию и Англию. Затем граф просил меня указать, нет ли прямого пути из Штутгарта на Бибрих, мимо Дармштадта? Я взял на себя смелость заметить графу, что можно было бы от Мангейма проехать левым берегом Рейна, но тем самым была бы нанесена обида великогерцогскому гессенскому двору, и притом, что при этом дворе находится молодая принцесса, во всех отношениях достойная привлечь внимание августейшего путешественника. Тогда граф задал мне несколько вопросов, на которые я тотчас же ответил, так как прожил многие годы в этих местах и часто бывал в Дармштадте у моей свояченицы княгини Витгенштейн. Граф удалился в кабинет Его Высочества и, выйдя вскоре, обратился ко мне со словами:

— Хорошо, Его Высочество решил посетить Дармштадт, но только на самое короткое время; он поручает вам отклонить остановку во дворце и нанять для него частное помещение.

Император Александр II

Я немедленно выехал в Дармштадт и занял отель "Траубе".

Его Высочество изволил приехать в Дармштадт в 6 часов вечера. Великий герцог Гессенский, наследный принц и принцы Карл и Эмиль тотчас же приехали приветствовать Его Высочество и пригласить его на оперный спектакль. На сцене шла "Весталка". Здесь же, в зале, предшествующей большой ложе, Его Высочество был встречен всей великогерцогской семьей. Здесь же впервые ему пришлось увидеть принцессу Марию Гессенскую, которой не было в то время еще и пятнадцати лет.

По окончании оперного представления в зале был сервирован роскошный ужин с музыкой. Великий князь, видимо, был всем доволен. Много разговаривали, много смеялись, и после ужина все отправились осматривать некоторые внутренние апартаменты замка, в которых, как говорили, появлялось порой привидение в образе белой дамы. Все разъехались очень поздно, и великий князь вместо отъезда ранним утром, согласно своему первоначальному намерению, принял приглашение присутствовать на параде и на завтраке у наследного принца.

В момент отъезда из Дармштадта граф Орлов сообщил мне свое намерение отправить меня курьером в Петербург и назначил мне в тот же вечер быть в Бибрихе и ожидать там его распоряжений. В Бибрихском замке в час ночи Его Высочество изволили призвать меня к себе.

— Вот письмо к государю, — сказал он, — которое поручаю вам вручить в собственные руки. Немедленно берите дилижанс и постарайтесь прибыть в Светлое Христово Воскресение или накануне, в субботу. Это придется двадцать пятого числа в Благовещенье и в тот самый день, когда мой отец предполагает переехать из Аничковского дворца в Зимний, только что отделанный (после пожара). Он будет весьма рад в тот же день получить от меня известие. Если Его Величество пожелает по-

лучить от вас какие-нибудь сведения и подробности относительно принцессы Марии, — передайте ему все то, что вам лично известно.

В то время в Германии еще не было железных дорог. Пути сообщения были отвратительны, а в России — в особенности, по случаю наступающей весны. Мне оставалось всего девять дней. Но, несмотря на все это, я имел счастье приехать в субботу 25 марта, в 7 часов утра, в Аничковский дворец и быть принятым государем.

— Вы мне приносите добрую весть, — сказал мне император Николай, — а так как сегодня Благовещенье, то я вижу в этом хорошее предзнаменование.

Далее государь удостоил меня нескольких вопросов касательно принцессы Марии. Он спросил, который ей год? Каков ее рост, ее сложение? Кто вел наблюдение за ее воспитанием после кончины августейшей ее матери? Каковы вообще ее нравственные достоинства?

Милостиво отпуская меня, государь удостоил сказать, что он напишет великому князю, что не имеет ничего возразить против того, чтобы Его Высочество, по возвращении из Англии, снова проехал в Дармштадт и пробыл бы там более продолжительное время.

В следующем году (в 1840 г.) в то же время года, на Пасху, приехал в Петербург адъютант великого князя наследника — князь Барятинский и привез известие о помолвке Его Высочества с принцессой Марией Гессенской...»

3.

Венчанием с Россией и венчанием с принцессой Марией Гессенской и завершается юность будущего императора. Но, упоминая об этом, нельзя не упомянуть еще об одной встрече, о которой биографы Александра II не вспоминают, но которая тоже имела чрезвычайно важное значение в его духовном возрастании...

1 декабря 1840 года император Николай I пригласил в Зимний дворец архимандрита Иннокентия (Вениаминова), прибывшего с Алеутских островов.

Императрица Мария Александровна, супруга Александра II

Прием планировался протокольный. Решено было образовать новую Камчатскую епархию и епископом туда поставить Иннокентия...

Но предоставим слово самому святителю...

«В начале 12 часа прибыли в церковь Государь Император и вся Высочайшая фамилия. И тотчас началась литургия, которую совершал протопресвитер Василий Борисович Бажанов. По пропетии «Отче наш» мы отправились наверх, в собственную половину Его Величества, где я надел мантию и ожидал призыву. Ровно в 12 часов объявляют мне, что Государь просит меня. Я, взяв с собой образ Спасителя, пошел в кабинет Его Величества. Государь Император, перекрестившись, поцеловал икону, принял ее и положил на стол. В это время я кое-как изъявил благодарность Его Величеству за все его Высочайшие милости. При первом взгляде моем на Государя и свидании я не мог не сробеть. И кто не сро-

беет при Нем! Но после того, ободренный его благосклонностью, я оправился и говорил свободно...»

Но это потом, а вначале разговор шел, как и положено, соответствующий протоколу.

— Очень благодарю вас за то, что вы решаетесь отправиться в такую отдаленную страну, и за то, что вы там служили с такою пользою, — сказал государь, начиная разговор. — Много ли вы там прожили лет?

— Пятнадцать, Ваше Императорское Величество.

— Где вы получили образование?

— В Иркутске, оттуда отправился и в Америку.

— Как принимают веру нашу тамошние жители?

— Те жители, у которых я был в первое время, очень хорошие христиане... — ответил святитель Иннокентий. — Признаюсь откровенно Вашему Императорскому Величеству, что я только там и узнал, что есть духовные утешения; другие, у которых мне удалось положить начало...»

Разговор, который мы здесь привели, был записан самим святителем Иннокентием, и именно на этой незаконченной фразе он и обрывается. И не понятно, то ли отвлекли святителя, когда он записывал памятный разговор, то ли не удавалось сформулировать на бумаге то, что было сказано тогда императору...

Однако сохранилась замечательная работа святителя Иннокентия «Записки об Ситхинских алеутах и колошах», опубликованная, кстати сказать, в том же 1840 году, читая которую можно понять, что ответил архимандрит Иннокентий, или, по крайней мере, о чем он думал, отвечая на вопрос государя...

«Каждый народ не только в отдельных чертах характера, но даже и в главном имеет свои исключения, и часто очень заметные. Так надлежало бы заключить и об алеутах. Но в них почти совсем нет исключений и особенно в главных чертах (это есть особенно их черта), они совершенно все как будто отлиты в одну и ту же форму... — писал в своих записках святитель Иннокентий. — Самая резкая и сильная черта характера алеутов есть их терпеливость — и терпеливость почти до бесчувствия. Кажется, невозможно придумать такой трудности и такого невыносимого обстоятельства, которые бы поколебали алеута и заставили его роптать. В случае голода для него ничего не значит пробыть три-четыре дня совершенно без всякой пищи, и он никакими знаками не даст вам знать, что уже несколько дней не ел ничего, если вы не догадаетесь сами о том по бледности лица его... В болезненном состоянии не услышите от него ни стона, ни крика даже при самой жестокой боли... Алеуты почти во всех отношениях очень переимчивы. Это они доказывают тем, что очень скоро переняли от русских все рукоделия, какие только имели случай видеть. В числе всего, перенятого алеутами от русских, к ним перешла и шахматная игра, в которой многие из алеутов очень искусны, особенно из живших или живущих на островах Прибылова, где решительно все и каждый из мужчин знают эту игру... Алеуты в зрелом возрасте имеют большую охоту учиться грамоте, которую особенно они показали в последнее время, когда начали иметь книги на своем языке, так что там, где они имеют более свободного времени, например на острове св. Павла, почти все до одного умеют читать и, как заметно, скоро выучиваются... Почему алеуты так скоро и, так сказать, вдруг оставили свою веру, очень нестрогую, и приняли чуждую, строжайшую? И почему они к ней усерднее, чем их соседи? Общая причина того и другого, я думаю, находится в самом их характере: уналашкинцы имеют более добрых качеств, нежели худых (как это сказано выше), и, следовательно, семя Слова Божия удобнее и глубже может пасть на такое основание и скорее может принести плод. Других ближайших сильных причин, заставивших алеутов принять новую веру, я не вижу...»

Об этом или примерно об этом, наверное, и говорил святитель Иннокентий, отвечая на вопрос государя.

А о чем думал государь, слушая Иннокентия?

Наверняка вспоминал он восторженные отзывы об этом человеке и митрополита Филарета (Дроздова), и адмирала Е.В. Путятина, и знаменитого географа и мореплавателя Ф.П. Литке...

Поразителен был этот человек, выросший в далеком сибирском селении Анга на Лене. Закончив иркутскую семинарию, он отправился на Алеутские острова и проповедовал там православную веру. Создав алеутскую письменность — петербургские ученые восхищались его научными работами! — он продолжил дело святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, святителя Стефана Пермского...

Николай видел, что этот человек принадлежит к тому Преображенскому батальону, который сохранит верность присяге в любые времена.

— Я утвердил проект Камчатской епархии... — сказал Николай, когда архимандрит Иннокентий завершил свой рассказ. — Но кого назначить архиереем?

— Дух Святый вложит в сердце Вашего Величества святую мысль избрания, — отвечал архимандрит.

— Я хочу сделать вас Камчатским архиереем, — подумав, сказал государь.

— Я весь в повелениях Вашего Величества, — отвечал архимандрит. — Как вам угодно, то и свято для меня...

Вопрос с назначением Иннокентия на Камчатскую епархию был решен, но аудиенция на этом не закончилась. Император попросил архимандрита навестить его детей и рассказать им о своем служении на Алеутских островах.

Теперь Иннокентий до самого отъезда своего в Америку регулярно ходил во дворец к малолетним великим князьям Михаилу Николаевичу и Николаю Николаевичу и рассказывал об уналашкинских алеутах, об островах, растянувшихся в Тихом океане, о китовом промысле, о путешествиях на байдарках по океану, о том, как преподавал он в Ситхе Закон Божий, как составил грамматику для алеутов и научил их читать и писать...

— Люди не для того сотворены, чтобы жить только здесь, на земле, подобно животным, которые по смерти своей исчезают, — звучал в царских палатах голос святителя. — Но для того единственно, чтобы жить с Богом и в Боге, и жить не сто или тысячу лет, но жить вечно...

И как в нищем алеутском жилище внимали голосу святителя обитатели его, так и во дворце — царские дети. По сути дела здесь, в царском дворце, святитель Иннокентий проповедовал православную веру так же, как и на далеких Уналашкинских островах...

Вместе с младшими братьями приходил послушать святителя Иннокентия и наследник престола Александр Николаевич...

О том, как крепко рассказы апостола Сибири и Америки врезались в его память, свидетельствует тот факт, что в 1868 году, когда освободилась Московская кафедра, считавшаяся главенствующей в Русской православной церкви, император Александр II настоял, чтобы на эту кафедру был назначен именно святитель Иннокентий.

Еще один урок, преподанный святителем в царском дворце великим князьям и самому наследнику престола, — это урок смирения, кротости и величайшей скромности...

«Могу ли же после этого я, говоря по всей справедливости, вменить себе в заслугу или считать за какой-нибудь подвиг то, что я поехал в Америку? — спрашивал святитель Иннокентий, будучи уже митрополитом Московским. — Равным образом могу ли я присвоить собственно себе что-либо из того, что при мне или чрез меня сделалось доброго и полезного в тех местах, где я служил? Конечно нет, по крайней мере, не должен. Бог видит, как тяжело мне читать или слышать, когда меня за что-либо хвалят, и особенно, когда сделанное другими или, по крайней мере, не мною одним приписывают мне одному. Признаюсь, я желал бы, если б это было только возможно, чтобы и нигде не упоминалось мое имя, кроме обыкновенных перечней и поминаньев или диптихов. Но как это желание мое неудобоисполнимо (как, например, при исчислении архиерейских кафедр, и самая краткая история Российской

Церкви не может не упомянуть обо мне), то я искренно желал бы, чтобы в подобных случаях сказано было обо мне так же, как, например, в предисловии к Евангелию, переведенному на якутский язык, то есть что это сделано при таком-то Преосвященном: лучше, проще и справедливее этого, по-моему, быть не может. "А как же, — спросит меня автор статьи, по случаю которой я пишу это, — как же говорить или писать о ваших путешествиях? Тут никак не приходится "при". Как? Очень просто! Возили или перевезли — ну, много — переехал оттуда туда-то, и только; потому что, и в самом деле, все мои путевые подвиги состоят именно только в том, чтобы двинуться с места, то есть решиться сесть в повозку или на судно, а там — если бы и захотелось воротиться, да уж нельзя; а кто ж не захочет решиться и в ком недостанет на то силы, когда того требует дело или долг?»

Эти слова святителя о *подвигах, которые состоят именно только в том, чтобы двинуться с места, то есть решиться сесть в повозку или на судно, а там — если бы и захотелось воротиться, да уж нельзя* — можно считать благословением всему правлению Александра II.

Разумеется, и Александру II страшно было решиться на преобразование рабовладельческой империи в государство свободных людей, но, как говорил святитель, *кто ж не захочет решиться и в ком недостанет на то силы, когда того требует дело или долг?*

4.

Александр II взошел на престол в год, когда задыхался в осаде Севастополь, а Россия терпела жесточайшее унижение.

Двадцать лет царствования Александра II преобразили страну. Бурный рост промышленности, строительство железных дорог, блистательные военные и дипломатические победы, территориальные приобретения, уступающие разве что приобретениям, сделанным в эпоху землепроходчества при Алексее Михайловиче, но главное — крестьянская реформа, уничтожившая установленное Петром I крепостное право.

19 февраля 1861 года государь подписал составленный святителем митрополитом Филаретом (Дроздовым) манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта». Ввиду приближающейся масленицы событие это держалось в тайне и обнародован был манифест только 5 марта на Прощеное Воскресенье.

Хотя у крестьян и отрезали часть их прежних владений и вообще реформа была связана с выкупом, но трудно переоценить сделанное. Российская империя наконец-то переставала быть рабовладельческой страной...

Обе столицы, как утверждали газеты, ликовали.

Ликовали даже в Лондоне.

«Ты победил, галилеянин! — писал Герцен. — Мы имеем дело уже не с случайным преемником Николая, а с мощным деятелем, открывшим новую эру для России, он столь же наследник 14 декабря, как Николая. Он работает с нами, для великого будущего».

Но вот что странно...

Понятно, что отмена крепостного права с негодованием была встречена рабовладельцами. Однако они как бы молчали. Оппозиция государю выступила теперь под псевдонимами *русской, красной, социальной республики.*

Сразу же после обнародования Манифеста об отмене крепостного права в Петербурге стали распространять прокламации, в которых население призывалось к бунту и насилию по отношению к императору. Любопытно, что экземпляры этих воззваний были обнаружены и в Зимнем дворце.

«В городе разбрасывают новые произведения прессы «Молодая Россия», — записал в своем дневнике в мае 1862 года министр внутренних дел П.А. Валуев. — В ней прямое воззвание к цареубийству, к убиению всех членов царского дома и всех их приверженцев, провозглашение самых крайних социалистических начал и предвещание «русской, красной, социальной республики».

Вот так и завершилась сублимация свободы рабовладения в борьбу за свободу уже освобожденного народа...

Угрозы, однако, не остановили царя-освободителя.

Говорят, что больше всего в редкие минуты *свободного* отдыха будущий император любил выстраивать карточные домики. Этаж за этажом возводил гигантские сооружения, разваливающиеся от малейшего неверного движения... У Александра эти домики не разваливались. Изобретательность и осторожность, проявляемые им, кажется, не знали границ...

Точно так же было и в его государственной деятельности.

Этаж за этажом возводит император Александр II здание своих реформ, и постройка эта тоже, кажется, могла развалиться при малейшей ошибке, как карточный домик, пока не обрела плоть, не материализовалась на гигантских пространствах России.

17 апреля 1863 года. Отменены жестокие телесные наказания (плети, кошки, шпицрутены, клейма).

1 января 1864 года. Земская реформа. Вводятся земские учреждения самоуправления в уездах и выборные в губерниях.

20 ноября 1864 года. Судебная реформа. Вводится независимый суд. Мировые судьи выбирались уездными земскими собраниями и городскими судами, но утверждались Сенатом: судьбы же высших судебных инстанций решал министр юстиции. Оплата судей была чрезвычайно высокой — от 2,2 до 9 тысяч рублей в год. Больше судьи получали тогда только в Англии. Следствие было отделено от полиции.

В том же духе проводилась и университетская реформа. Возросла автономия, административная и хозяйственная самостоятельность университетов. Студенты и преподаватели получили право самостоятельно решать научные проблемы, объединяться в кружки и ассоциации; были отменены вступительные экзамены, но несколько повышена плата за обучение, стали обязательными занятия по богословию; были увеличены права министров и попечителей вмешиваться в университетскую жизнь.

6 апреля 1865 года. Реформа печати. Старая цензура, проверявшая все тексты до напечатания, облегчена. Цензоры читают перед выходом только массовые издания; значительная же часть книг и периодических изданий подвергается цензуре лишь после выхода.

А в ответ?

В ответ на эти реформы происходит нечто невероятное, до сих пор небывалое: 4 апреля 1866 года у Летнего сада, во время прогулки Александра II прогремел выстрел Д.В. Каракозова. Однако стоявший неподалеку костромской крестьянин Осип Комиссаров успел ударить террориста по руке, и пуля пролетела мимо царя. Чрезвычайно символичен тут уже сам расклад... Неудавшийся цареубийца Дмитрий Васи-

Дмитрий Каракозов. Фото 1866 г.

льевич Каракозов был дворянином, а спаситель царя, Осип Комиссаров — крестьянином.

Как известно, Д.В. Каракозов входил в знаменитый кружок Н.А. Ишутина, который активно помогал польским сепаратистам, а также организовывал школы и кружки, в которые набирали детей из беднейших слоев населения, чтобы вырастить из них пехоту предстоящей революции.

25 мая 1867 года в Париже на императора было совершено второе покушение. Это был террорист А.И. Березовский...

— Я не знаю, что со мною произошло, но таким, как теперь, я не был никогда и чувствую, что изменился... — сказал тогда Александр II. — Ничто меня не радует.

Тем не менее в 1874 году была проведена военная реформа. Многолетнюю рекрутчину заменили всеобщей воинской повинностью с краткими сроками службы...

И снова в ответ началось нечто непостижимое...

24 января 1878 года обедневшая дворянка Вера Засулич, чтобы отомстить за выпоротого заговорщика А.А. Емельянова (Боголюбова), явилась в приемную петербургского градоначальника генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова и выстрелила в него из револьвера. Но страшнее было другое... 31 марта Петербургский окружной суд вердиктом присяжных заседателей оправдал террористку. Приговор был встречен публикой с ликованием.

Это уже не вмещалось в нормальное сознание, и об этом не мог не думать Александр II 17 апреля 1878 года, в день своего шестидесятилетия.

Вместо праздника он вынужден был провести совещание с министрами «О принятии решительных мер против проявлений революционных замыслов, все более и более принимающих дерзкий характер».

— Вот как приходится мне проводить день моего рождения... — сказал император, открывая собрание.

Поощряемые передовой общественностью, состоящей из вчерашних крепостников, террористы объявили сезон большой охоты на Александра II.

Императора, «заслужившего благодарность всех русских людей, любящих свое Отечество, — писали тогда, — травили как дикого зверя...»

Но ведь потому и травили, что император Александр II действительно делал то, что было необходимо для России.

«Жизнь его была подвигом, угодным Богу!» — говорили потом про Александра II. Но проходила она теперь под треск выстрелов, под грохот разрывов бомб...

И, наверное, снова, уже в который раз вспоминал царь-освободитель слова святителя Иннокентия о том, что *подвиги состоят именно только в том, чтобы двинуться с места, то есть решиться сесть в повозку или на судно, а там — если бы и захотелось воротиться, да уж нельзя...*

Кто ж не захочет воротиться и в ком недостанет на то силы, когда того требует дело или долг? — говорил святитель Иннокентий. Он так и жил, как говорил... Долгое время он проповедовал на Алеутских островах, на Камчатке. Написал книгу «Указание пути к Царству Небесному». Перевел на алеутский и якутский языки Евангелие, также составил «Грамматику алеутско-лисьевского языка», «Российско-колошский словарь», многочисленные книги по этнографии.

31 марта 1879 года он преставился, завершив свои земные дела.

И вот что удивительно...

Буквально через день, 2 апреля, участник «хождения в народ», неудавшийся сельский учитель Александр Соловьев выстрелил близ Зимнего дворца в гулявшего без охраны по Дворцовой площади Александра II... Он был почти рядом, но промахнулся.

Прошло полгода, и в ноябре члены организации «Народная воля» взорвали железнодорожное полотно под Москвой, по которому должен был проследовать поезд с императором. И снова чудо спасло государя. Царский поезд прошел на полчаса раньше графика и избежал крушения.

Еще три месяца спустя народоволец С.Н. Халтурин организовал 5 февраля 1880 года взрыв в Зимнем дворце. Бомба была заложена в помещении гауптвахты под парадной столовой второго этажа в то время, когда там должны были находиться Александр II и его семья. Но опять произошла счастливая для императора и для всей России случайность. Принц Александр Гессенский, в честь которого давался праздничный обед, задержался, и когда прогремел взрыв, в столовой никого не было.

Во дворце погас свет, комнаты заполнились густым едким дымом. В помещении главного караула стонали раненые солдаты. Всего пострадали 67 человек, 11 из них погибли.

На следующий день государь сказал, что Господь его спас еще раз, что необходимо искоренить зло и он надеется, что народ ему поможет сокрушить крамолу... Затем, отменив все государственные мероприятия, Александр II отправился в лазарет лейб-гвардии Финляндского полка, а затем присутствовал на панихиде по погибшим...

5.

Ф.М. Достоевский сказал тогда, что у нас гораздо легче бросить бомбу в государя, чем пойти в церковь и заказать молебен о его здравии. Для последнего поступка действительно требовалось мужество. Каждого, кто осмеливался, подобно Лескову, встать на пути набирающего силу нигилизма, в который сублимировалась свобода дворянского рабовладения, немедленно предавали общественному порицанию... Страх вчерашних рабовладельцев перед будущим и выплеснул подпольную волну терроризма.

Чтобы убедиться в том, что терроризм в России возник как реакция западнического сознания бывших крепостников на Александровские реформы, лишавшие западничество привилегированного положения, ставящие его в равные условия с национальным самосознанием, достаточно просто внимательно проанализировать события тех лет...

Последние годы правления Александра II особые в нашей истории, хотя мало кто и знает об этом. Странным, мистическим образом сходятся в них дела живущих, дела уходящих из земной жизни и приходящих в нее.

В 1879 году обнародовали указ о заключении мира с Оттоманской Портой, подытоживший важный этап борьбы России за освобождение славянских народов.

Другое событие обнародовано не было. Речь идет о решении немедленно убить Александра II. Оно было принято на заседании исполкома партии «Земля и воля». Но взаимосвязь этих событий еще можно понять, можно объяснить.

Это произошло в мире живущих.

Другое совпадение объяснить, пользуясь лишь рациональной логикой, невозможно...

В 1879 году умер выдающийся русский историк Сергей Михайлович Соловьев. Он оставил после себя «Историю России с древнейших времен...» А через полмесяца родился Лев Давидович Бронштейн, тот самый, что станет товарищем Троцким; а еще чуть позднее — Иосиф Виссарионович Джугашвили, товарищ Сталин. Оба они — ключевые персонажи нашей истории, и оба они — совсем из другой истории, не той, которую так замечательно описал С.М. Соловьев в своих 29 томах...

Увы... Слишком далеко разведены эти истории, и только мы, живущие в начале третьего тысячелетия, знаем, как страшно сойдутся они и какой ценою придется заплатить за это стране.

8 июня 1880 года Ф.М. Достоевский произнес знаменитую «Пушкинскую речь».

«Пушкин первый своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем своим отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом, — говорил он. — Он отметил и выпукло поставил перед нами отрица-

тельный тип наш, человека, беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего... Он первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшийся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отысканные».

Завершая свою речь, Ф.М. Достоевский сказал удивительные слова: «Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, меньше недоразумений и споров, чем видим теперь».

Эти слова чрезвычайно важны и для понимания роли А.С. Пушкина в русской истории, и для понимания того, что происходило тогда в России, в 1880 году.

«Люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и *клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть вперед друг друга, а любить...»* — писал в тот день Ф.М. Достоевский своей жене.

Скажем сразу, что бомбы и пули, которыми ответили дворяне-террористы на русские реформы Александра, недоразумением не назовешь. Это вполне осознанный ответ сословия, потерявшего возможности для дальнейшего паразитирования за счет народа.

Но была, была возможность, вопреки этой злобе и ненависти, *быть лучшими, не ненавидеть вперед друг друга, а любить...*

И лучший пример этому показывал император Александр II.

Вопреки сатанинской охоте, устроенной на него превратившимися в народовольцев крепостниками, вопреки сопротивлению сторонников крепостничества в своей бюрократии государь одобрил проект реформы государственного управления и назначил на 4 марта 1881 года заседание Совета министров для окончательного его утверждения.

Это была конституция, но такая конституция, предназначенная для всего народа, вчерашним рабовладельцам была не нужна...

6.

Говорят, что накануне цареубийства по окну царского кабинета в Зимнем дворце полилась кровь... Когда стали разбираться, выяснилось, что коршун убил голубя...

Еще говорили, что в ночь на 1 марта над столицей в небе на короткое время появилась необыкновенно яркая комета в виде двухвостой змеи.

Если это так, то, по-видимому, комета появилась, когда дочка и внучка помещиков-крепостников Вера Николаевна Фигнер* отливала грузы с Николаем Ивановичем Кибальчичем, а потом с лейтенантом флота дворянином Николаем Евгеньевичем Сухановым обрезывала купленные жестянки из-под керосина, служившие оболочками снарядов, и помогала Михаилу Федоровичу Грачевскому и Кибальчичу наполнить их гремучим студнем, как называли тогда нитроглицерин...

Утром 1 марта 1881 года, когда император стоял в дворцовой церкви у обедни, Кибальчич передал жестяные коробки с гремучим студнем четырем бомбометателям — Игнатию Иоахимовичу Гриневицкому, Тимофею Михайловичу Михайлову, Николаю Ивановичу Рысакову и Емельянову...

После обеда был назначен смотр войск в Манеже, но графу М.Т. Лорис-Меликову и княгине Юрьевской** удалось отговорить императора от этой поездки. Полиция располагала сведениями о предстоящем покушении на жизнь Александра II.

Однако тут во дворце появилась Александра Иосифовна — жена великого князя Константина Николаевича. Она рассказала, что на запланированном смотре ее младший сын Дмитрий должен быть представлен дяде-императору в качестве ординарца.

---

* В своей автобиографии, написанной в 1926 году, В.Н. Фигнер с негодованием опровергает предположение о родстве ее отца помещика Николая Александровича Фигнера с известным партизаном войны 1812 года Александром Самойловичем Фигнером.

** После смерти императрицы Александр II оформил морганатический брак с Екатериной Михайловной Долгорукой, получившей титул княгини Юрьевской.

Воспользовавшись просьбой великой княгини, император распорядился готовить развод войск.

В 12 часов 45 минут экипаж был подан к подъезду. В час дня государь въехал в Манеж. Многие запомнили, что он был несколько бледен.

Произведя смотр и приняв рапорт ординарцев, император поехал в Михайловский дворец (ныне здание Русского музея) к кузине, великой княгине Екатерине. За чаем говорили о предстоящем утверждении Советом министров проекта реформ.

В четверть третьего государь снова был в карете.

Ему предстоял последний путь... Можно было проехать по Малой Садовой улице, а потом свернуть на Невский проспект и выехать к Зимнему дворцу. Можно было, проехав Инженерную улицу, повернуть на Екатерининский канал...

На углу Невского проспекта и Малой Садовой императора ожидала мина, составленная из черного динамита и бутыли с запалом из капсюля с гремучей ртутью и шашки пироксилина, пропитанных нитроглицерином. Запал был соединен с проводами, которые в нужный момент должны были быть соединены с гальванической батареей. На первом этаже было арендовано помещение, откуда вели подкоп под проезжую часть.

— Тою же дорогою — домой! — сказал государь лейб-кучеру Ф. Сергееву, садясь в коляску.

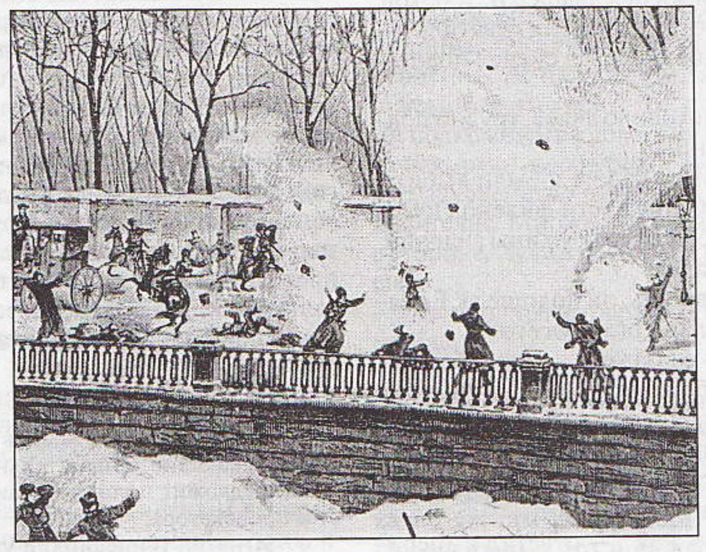
Коляска, укрепленная изнутри стальными листами для защиты от пуль, окруженная шестью конными казаками лейб-гвардии Терского казачьего эскадрона, покатила по Инженерной улице.

Государь не поехал на мину, заложенную на Малой Садовой, но и на выбранном пути бомбометатели поджидали его...

Следом за царем ехал в санях полицмейстер полковник А.И. Дворжицкий, за ним — начальник стражи...

На углу Инженерной улицы император поздоровался с караулом от 8-го флотского экипажа, возвращавшегося с развода. Это видела стоявшая на другой стороне канала Софья Львовна Перовская. Она взмахнула белым платочком, подавая сигнал бомбистам, вставшим вдоль набережной со смертоносными снарядами.

От угла Инженерной до Театрального моста всего пятьсот метров набережной —

Покушение на императора Александра II. Рисунок А. Бальдингера. 1881 г.

узкого, затрудняющего маневры кареты пространства...

Случайный прохожий, военфельдшер В. Горохов, показал на следствии, что неизвестный мужчина, маленького роста, в осеннем драповом пальто и шапке из меха выдры (это был Николай Иванович Рысаков), который, не оборачиваясь по сторонам, медленно шел по набережной, едва только карета царя поравнялась с ним, швырнул вдогонку ей свой сверток.

Раздался взрыв, карету приподняло над землей, и все заволокло густым облаком белого дыма. Потом, когда осматривали место этого взрыва, оказалось, что на набережной образовалась воронка около метра в диаметре и двадцати сантиметров глубиной. В яме нашли золотой браслет с женским медальоном.

В момент взрыва погиб мальчик-разносчик Николай Захаров. Осколком мины ему пробило висок. Сильно пострадал и казак конвоя А. Малеичев, он получил шесть ран и скончался, как только его доставили в госпиталь.

Сам Рысаков попытался убежать, но рабочий, скалывавший лед на набережной, бросил ему свой лом под ноги, Рысаков споткнулся, и тут его настигли городовой В. Несговоров и военфельдшер В. Горохов.

— Скажите отцу, что меня схватили! — крикнул Рысаков, подавая сигнал подельникам.

То, что происходило далее, трудно поддается объяснению.

Государь, хотя в карете и были выбиты все стекла, а нижние части филенок кузова отделились, обнажив пружины сидений, почти не пострадал.

Перекрестившись, он подошел к Рысакову и внимательно оглянул его.

— Хорош! — сказал он. — Что тебе нужно от меня, безбожник?

Рысаков молчал.

— Ваше Величество, вы не ранены? — обеспокоенно спросил начальник конвоя П.Т. Кулебякин.

— Слава Богу, нет... — ответил император.

— Слава Богу?! — зло улыбаясь, сказал Рысаков. — Смотрите, не ошиблись ли*...

Царь, не слушая его, наклонился над умиравшим Николаем Захаровым, лежавшим в огромной луже крови. Перекрестив мальчика, он медленно пошел вдоль ограды набережной в сторону Театрального мостика...

За ним двинулся обер-полицмейстер А.И. Дворжицкий.

В этот момент Игнатий Гриневицкий, что стоял, прислонясь к решетке, ограждавшей канал, бросил под ноги императора вторую бомбу. Вновь прогремел взрыв, на высоте человеческого роста образовался клубящийся шар дыма, вверх взметнулся столб из снега.

Когда дым рассеялся, по свидетельству очевидцев, «место происшествия напоминало собой поле боя: более двадцати человек, истекая кровью, лежали на мостовой. Некоторые пытались ползти, другие выкарабкивались из-под лежавших на них тел. На снегу краснели пятна крови, валялись куски человеческих тел. Слышались крики и стоны...»

Государь полулежал, руками опираясь о землю, спиной — о решетку набережной. Ноги его были обнажены. Левая стопа была практически полностью отделена. Из многочисленных ран, заливая снег, струилась кровь. Напротив монарха лежал его убийца**.

«Вдруг, среди дыма и снежного тумана, — вспоминал Дворжицкий, — я услышал слабый голос Его Величества: Помоги!». Его Величество полусидел-полулежал, облокотившись на правую руку. Предполагая, что государь только тяжко ранен, я приподнял его с земли и тут с ужасом увидел, что обе ноги Его Величества совершенно раздроблены и кровь из них сильно струилась».

---

* В дальнейшем Рысаков не только даст исчерпывающие признательные показания, но и предложит полиции свои услуги в качестве провокатора.

** Игнатий Гриневицкий умер в госпитале в десять с половиной часов вечера 1 марта.

В этот момент к государю пробился брат Михаил и опустился возле него на колени.

Александра II положили в сани А.И. Дворжицкого... Считается, что укладывать раненого императора в сани помогал Емельянов. Он зажимал под мышкой портфель, в котором находилась третья бомба.

— Жив ли наследник? — спросил император, когда пришел в сознание.

Получив утвердительный ответ, он хотел перекреститься, но не смог донести руку до лба.

— Холодно, холодно... — тихо проговорил он.

— Саша, узнаешь ли меня? — наклонившись над братом, спросил великий князь Михаил.

— Да... пожалуйста, скорее домой... отвезите во дворец... я хочу... там умереть... Прикройте меня платком.

Сани, окруженные конными казаками, помчались в Зимний.

Пока везли государя до дворца по Миллионной улице, в санях скопилось столько вылившейся из ран крови, что ее пришлось потом выливать из саней.

Когда к раненому подоспел дежурный врач Зимнего дворца Ф.Ф. Маркус, император был совсем плох. На бледном лице, обрызганном кровью, выделялось несколько повреждений, зрачки слабо реагировали на свет, челюсти были судорожно сжаты.

Страшно были обезображены ноги...

Вскоре прибыли лейб-медики С.П. Боткин, взявший на себя руководство реанимацией, и Ф.С. Цыцурин, а также хирург профессор Е.И. Богдановский. Однако все было тщетно... Княгиня Е.М. Юрьевская растирала виски мужа эфиром, давала вдыхать кислород и нашатырный спирт...

Была предпринята попытка ампутации левой голени.

С.П. Боткин констатировал отсутствие пульса и сказал наследнику, что надежды нет и смерть наступит через несколько минут.

Воспользовавшись минутным возвращением сознания, протоиереи Бажанов и Рождественский причастили умиравшего. Зазвучали слова молитвы на исход души.

Вскоре дыхание стало прерывистым, зрачки перестали реагировать на свет. Боткин, державший руку царя, медленно опустил ее.

— Государь император скончался... — сказал он.

Дворцовые часы показывали половину четвертого.

За происходившим тихо наблюдал мальчик в матросской курточке. Это был сын цесаревича Николай, которому предстояло стать последним императором России...

Государственный штандарт медленно опустился с флагштока Зимнего дворца в 15 часов 35 минут.

Над городом загудели колокола.

7.

«Я вошла в комнату, где он лежал на низенькой железной кровати, — вспоминала А. Яковлева. — Она стояла посреди комнаты по диагонали изголовьем к окнам. Под головой у него были две подушки: верхняя была та, на которой он постоянно спал, — красного сафьяна, набитая сеном и покрытая белой наволочкой. Ноги были покрыты шинелью, руки сложены так, что левая лежала на правой. Такой же образок-складень, который был у покойной императрицы, лежал на его груди. Лицо, лоб, в особенности над глазом, кончик носа и щеки были изранены, т.е. покрыты мелкими подкожными кровяными пятнышками, а также руки, особенно правая. В ногах стояло духовенство в светлых ризах, читали Евангелие. Множество военных толпилось в стороне. Художник писал портрет с усопшего...»

На мундире императора в гробу не было наград.

Он сам просил об этом.

— Когда я появлюсь перед Всевышним, — говорил он, — я не хочу иметь вида цирковой обезьяны...

Говорят, что в юности рассказала цыганка по картам императору, *как* он умрет. Предсказание это и сбылось в точности 1 марта 1881 года.

Александр II на смертном одре

Словно из XVIII века был списан роман императора с юной княжной Екатериной Михайловной Долгорукой (княгиней Юрьевской)...

Легенда утверждает, что еще в середине XVII века была предсказана преждевременная смерть тем Романовым, которые женятся на представительницах княжеского рода Долгоруких.

Петр II и Александр II попытались проверить это предсказание.

Петр II собирался жениться на Екатерине Алексеевне Долгорукой.

Александр II женился на Екатерине Михайловне Долгорукой.

Петр II простудился на водосвятии и умер в ночь на 19 января 1730 года, в тот самый день, на который и была назначена свадьба.

Александр II женился на Екатерине Михайловне Долгорукой. После того как был оформлен морганатический брак, он прожил примерно столько, сколько прожил Петр II после обручения с княжной.

И еще одно совпадение...

Александр II был убит у Михайловского замка ровно через 180 лет после гибели в Михайловском замке своего деда Павла I...

1 марта 1881 года солдат принес палец, который он нашел на месте взрыва... Доктора признали его сходство с мизинцем императора. Палец положили в уксус и отнесли княгине Юрьевской. Увидев мизинец, княгиня упала без чувств...

Глава седьмая

ПОСЛЕДНИЕ ИМПЕРАТОРЫ

Александр III — в этом история его жизни почти точно повторяет историю жизни Петра Великого — не должен был наследовать престол.

Он был вторым сыном Александра II.

Но старший брат (Николай Александрович, или, как его звали родные, Никс, Никса) умер 12 апреля 1865 года в Ницце, и 15 августа Александр был представлен народу как наследник.

Говорят, что, умирая, брат сказал Александру: «Оставляю тебе тяжелые обязанности, славный трон, отца, мать и *невесту* (выделено нами. — *Н.К.*), которая облегчит тебе это бремя».

И действительно, после смерти старшего брата Александр женился на девятнадцатилетней принцессе Дагмаре, дочери короля Христиана IX, ставшей в замужестве с ним императрицей Марией Федоровной*. 28 октября 1866 года в Петербурге состоялась брачная церемония...

Я привожу эту пикантную подробность из жизни русского императорского дома, чтобы показать, насколько вынужден был теперь самоограничиваться наследник престола.

Вспомним, как поступил в подобной ситуации Петр Великий.

Утвердившись на троне, он немедленно бросил жену, сосватанную ему матерью, уехал за границу, где продолжал играть, изображая из себя теперь уже плотника.

Из заграницы в тот раз Петр привез, кроме сифилиса и толпы жаждущих чинов и богатств иностранцев, еще и новую, невиданную в России пытку — колесование. Эту пытку он сразу же с успехом применил для расправы над стрельцами и прочими ревнителями российской самобытности...

Как же не сходятся с этим своеволием Петра мысли Александра III, сделавшегося наследником престола!

— Нет... — говорил он своему наставнику Я.К. Гроту. — Я уже вижу, что на излечение брата нет надежды... Все придворные странно переменили свое обращение со мною и начали за мной ухаживать...

В этих словах при всем желании не услышать ни радости, ни восторга перед открывающимися возможностями абсолютного, не ограниченного ничем властителя гигантской страны.

Только печаль и скорбь.

Еще отчетливее эта печаль выражена в письме Александра к К.П. Победоносцеву:

* Брак этот оказался очень удачным. Александр прожил в счастливом супружестве с Марией Федоровной 28 лет. В семье родились шестеро детей: Николай (1868—1918), Александр (1869—1871), Георгий (1871—1899), Ксения (1875—1960), Михаил (1878—1918), Ольга (1882—1960).

«Как завидуешь людям, которые могут жить в глуши и приносить истинную пользу и быть далеко от всех мерзостей городской жизни и в особенности петербургской.

Я уверен, что на Руси немало подобных людей, но об них не слышим, а работают они в глуши тихо, без фраз и хвастовства».

С этими идеями начинал свое царствование Александр III, этими принципами и руководствовался он до конца жизни. Можно многое говорить о его правлении, но важнее всего другое — это единственное царствование в истории России, целиком прошедшее в мире...

«Александр имел стальную волю и характер, — вспоминал С.Ю. Витте, — он был человек своего слова, царски благородный и с царски возвышенными помыслами. У него не было ни личного самолюбия, ни личного тщеславия, его "я" было неразрывно связано с благами России так, как он их понимал. Он — обыкновенного ума и образования, он был мужественен и не на словах и театрально, а попросту.

Император Александр III

Александра III могли не любить, критиковать, находить его меры вредными, но никто не мог его не уважать. И его уважал весь мир и вся Россия....

Александр III встал на престол не только окровавленный мученической смертью своего отца, но и во время смуты, когда практика убийств слева приняла серьезные размеры.

После тринадцатилетнего царствования он оставил Россию сильной, спокойной, верующей в себя. Он внушал к себе всеобщее уважение, ибо он был царь миролюбивый и высокочестный. Главная заслуга Александра III заключается в том, что своими прямыми и честными действиями он поставил политический престиж России так высоко, как до него он никогда не стоял. Россия была главною фигурой на шахматной доске мировой политики».

И когда, разложив на столе фотографии Александра III, видишь, как превращается мечтательный двенадцатилетний мальчик в бесшабашного, похожего на немецкого студента пятнадцатилетнего юнца, а потом, сразу, этот франтоватый юноша — в длиннобородого, одетого в русский кафтан и широкие шаровары русского царя, трудно не согласиться со словами его биографа В.В. Газаревского, что «Государь сразу дал понять и другим народам, и русским инородцам, и космополитам, что его заботой будет не весь земной шар, даже не Европа, а Россия, паче всего...», что «русские реальные жизненные интересы — вот начало и конец иностранной политики нашего Государя».

— Как спасти Россию? — спросил у С. Ю. Витте в 1907 году, накануне роспуска II Государственной думы, министр двора барон В.Б. Фредерикс*.

В ответ Витте обернулся к портрету Александра III.

— Воскресите его! — сказал он.

* С 1913 года — граф.

1.

Романтический принцип В.А. Жуковского — в царских детях надобно воспитывать прежде детей людей, а затем уже принцев — мог завести династию императора Павла в такие дебри своеволия, из которых уже невозможно было бы выбраться.

Но этого не случилось... Будучи образованными и чрезвычайно дисциплинированными, потомки императора Павла, восходя на престол, лично для себя не получали никаких дополнительных прав, а наоборот, как бы даже и теряли их, принимая обязательство осуществлять монархическую власть, равно безличную и к окружающим, и к себе самому.

Последние русские императоры Александр III и Николай II были непохожими и друг на друга, и на всех предшествующих правителей России. Однако их индивидуальные особенности уже не имели такого определяющего значения, как в предшествовавшие правления. Принимая присягу на верность Отечеству, они становились теми, кто нужен был Державе на Престоле. Они умели подчинять и подчиняли свои личные желания тому высокому званию, которое несли на себе.

И воспитание, которое давалось им, как раз и делало их способными не только исполнять будущие обязанности, но и готовыми к самопожертвованию.

Среди учителей Александра III мы находим имена самых выдающихся ученых и мыслителей того времени. Например, русскую историю преподавал Александру III С.М. Соловьев, а законоведение — К.П. Победоносцев.

Профессор Московского университета А.И. Чивилев, занимавшийся воспитанием великого князя, любил повторять:

— Наука научает нас, как служить верой и правдой Отечеству и его отцу — царю.

Говоря о самоограничении, воспитываемом в процессе образования Александра III или Николая II, надо подчеркнуть, что здесь и речи не шло ни о каком стирании личности, нивелировке неповторимого, индивидуального облика...

Итогом этой предварительной подготовки должна была стать их готовность в момент принесения присяги на верность Отечеству принять ту единую, высшую силу, что осеняла будущих монархов.

И тогда-то — это уже не мистика, а объективная реальность! — личностные интересы и заботы, их собственные симпатии и увлечения становились несущественными по сравнению с теми заботами страны, что брали они на свои плечи.

Этот процесс был напрямую связан с переменой отношения к православию в семье потомков Павла.

Некоторые исследователи считают, что искренняя и неформальная вера императора Александра III определялась лишь его стремлением обрести в церкви опору самодержавной власти... Поэтому, считают они, провиденциализм в идеологии самодержавия при Александре III получил преобладание. Божественное происхождение власти, Божественный Промысел противопоставлялись всем либеральным покушениям на неограниченную монархию...

Думается, что если это и верно, то лишь отчасти. Общие принципы монархической идеологии не отвергал и Петр I. В отличие от Романовых XVIII века у потомков императора Павла протестантское, зачастую чисто утилитарное отношение к церкви, как необходимому компоненту монархической власти, сменяется глубокой личной религиозностью. Исполнение церковных обрядов перестало быть одной только формой, сделалось потребностью для царской семьи.

И снова, как в московские, допетровские времена, размывается граница между личным религиозным опытом монарха и событиями истории...

Еще при жизни старшего брата, будучи в Москве, Александр должен был заехать за благословением в монастырь.

Так получилось, что в монастырь он приехал раньше своего брата, и настоятель монастыря благословил его иконой, которой должен был благословить наследника престола.

Скоро приехал и старший брат Александра, монахи быстро отыскали другой образ, но икона наследника престола досталась Александру, как через несколько лет и сам престол...

Таких мистических совпадений в жизни «сáмого русского императора» немало...

Рассказывая о блаженной Ксении, мы вспоминали истории, как молитвами к ней исцелился цесаревич Александр в 1874 году. Она являлась к супруге Александра — великой княгине Марии Федоровне, предрекла, что Александр выздоровеет, а сама Мария Федоровна родит девочку.

— Назовите ее, — сказала блаженная, — Ксенией... И она будет хранить вашу семью от всяких бед...

Предсказание сбылось...

Продолжаются волнения студентов, то тут, то там вспыхивают разжигаемые народовольцами погромы, гремят выстрелы, но царская семья остается неуязвимой для любых преступников.

Тут можно вспомнить и о покушении на наследника престола цесаревича Николая Александровича в японском городе Отсу и о железнодорожном крушении 17 октября 1888 года на перегоне между железнодорожными станциями Тарановка и Борки, в которое попал государь со всей семьей, когда возвращался из Севастополя. Царская семья находилась в вагоне-ресторане. Когда крыша вагона начала падать, Александр Александрович в течение нескольких секунд удерживал ее на своих мощных плечах. Этого времени оказалось достаточно, чтобы спасти жизнь детей...

Если рассуждать формально, Александр III по составу своей крови был менее русским, нежели все остальные русские императоры. И вместе с тем едва ли мы найдем среди его предшественников более русского царя...

Всю жизнь он вставал в семь часов утра, обливался ледяной водой и надевал крестьянскую рубаху. Он мог согнуть пальцами серебряный рубль, и однажды, во время обеда с австрийским послом, когда разговор зашел о положении на Балканах и по-

сол угрожающе намекнул, что Австрия может мобилизовать два или три армейских корпуса, Александр III спокойно взял серебряную вилку, скрутил ее петлей и положил перед австрийским послом.

— Вот, — сказал он, — что я сделаю с вашими двумя или тремя мобилизованными корпусами.

Если свидетельство это отчасти и легендарное, все равно оно показывает, что воспринимался многими Александр III как некий былинный персонаж. Между прочим, считается, что это император Александр запечатлен в центральной фигуре знаменитой картины В.М. Васнецова «Богатыри».

«Он любил забавлять нас, маленьких друзей своего сына Никки, тем, что разрывал руками колоду карт или же завязывал узлом железный прут», — вспоминал великий князь Александр Михайлович.

Богатырскими были и свершения Александра III.

К концу его царствования бурно развивалась промышленность. Расходы, по сравнению с 1880 годом, возросли на 36%, а доходы госбюджета одновременно увеличились на 60%, фактическое превышение их над затратами выразилось гигантской по тем временам суммой в 98,8 миллиона рублей.

2.

Первые симптомы болезни появились в 1894 году.

Император похудел и стал жаловаться на усталость. Лейб-медики связывали его недомогание с переутомлением и предписали отдых и свежий воздух.

Богатырское сложение императора виной или недобросовестность докторов, но врачи просмотрели тяжелую болезнь почек — нефрит, и вместо соответствующего лечения предписали то, чем больному категорически нельзя было заниматься — физический труд.

Только в сентябре, когда в охотничьем домике в Спале (в Польше) император снова почувствовал себя нездоровым, из Вены был вызван знаменитый терапевт профессор Лейден... Он и поставил правильный диагноз — нефрит.

По настоянию профессора Лейдена император уехал в Крым, но было уже поздно...

20 октября 1894 года в Ливадии жизнь императора оборвалась.

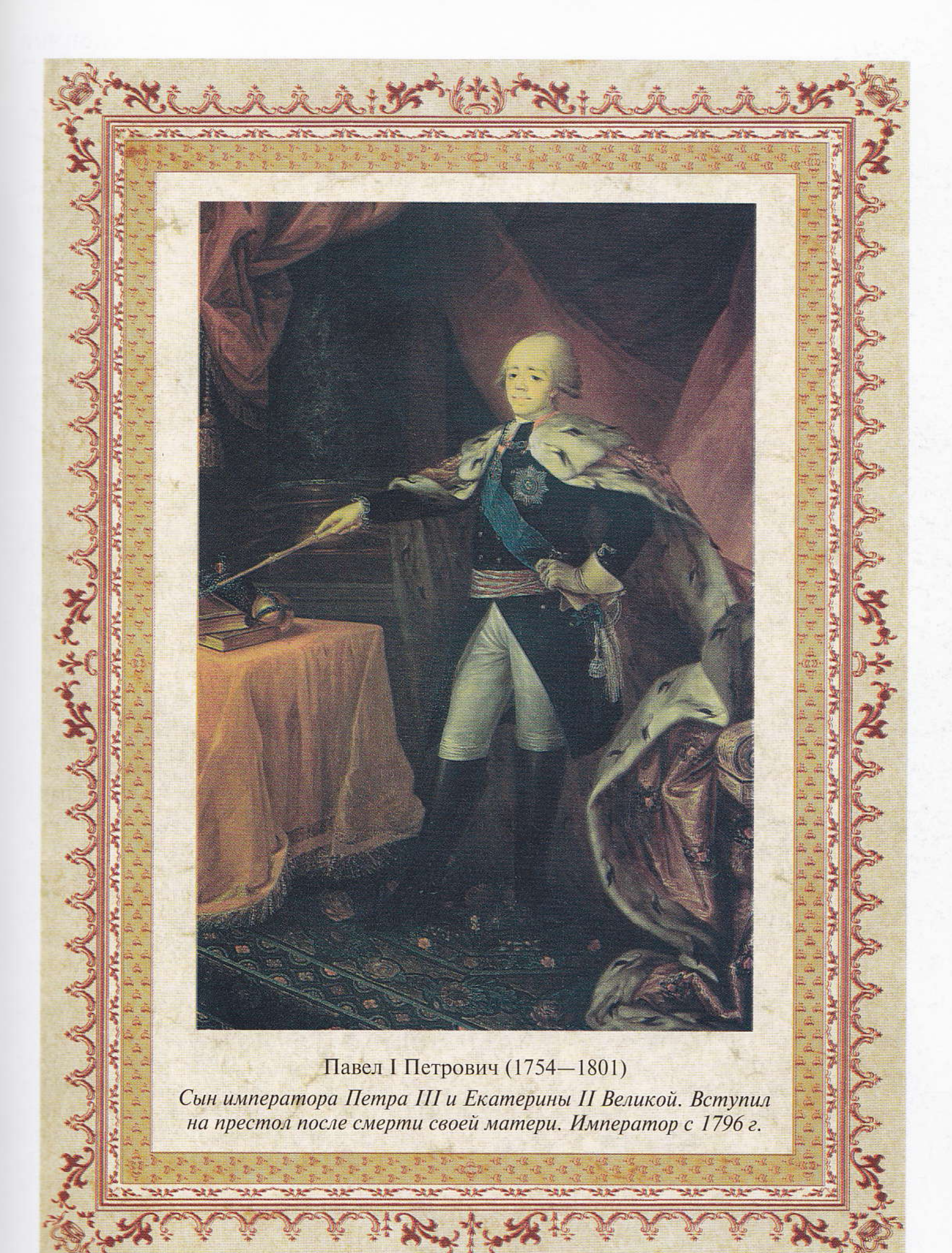
«20 октября 1894 г. Ники и я стояли на веранде чудесного Ливадийского дворца с мешками кислорода в руках: мы присутствовали при последних минутах Александра III... — вспоминал великий князь Александр Михайлович. — Даже соленое дыхание южного моря не могло вернуть к жизни человека, поставившего себе целью жизни предотвратить беспощадный ход революции. Кончина Александра III была подобна его жизни. Являясь убежденным врагом звучных фраз и мелодраматических эффектов, Царь при приближении последней минуты лишь пробормотал короткую молитву и простился с Императрицей.

Люди умирают ежеминутно, и мы не должны были бы придавать особого значения смерти тех, кого мы любим. Но тем не менее смерть императора Александра III окончательно решила судьбу России. Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице Государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть.

Никто не понимал этого лучше самого Ники.

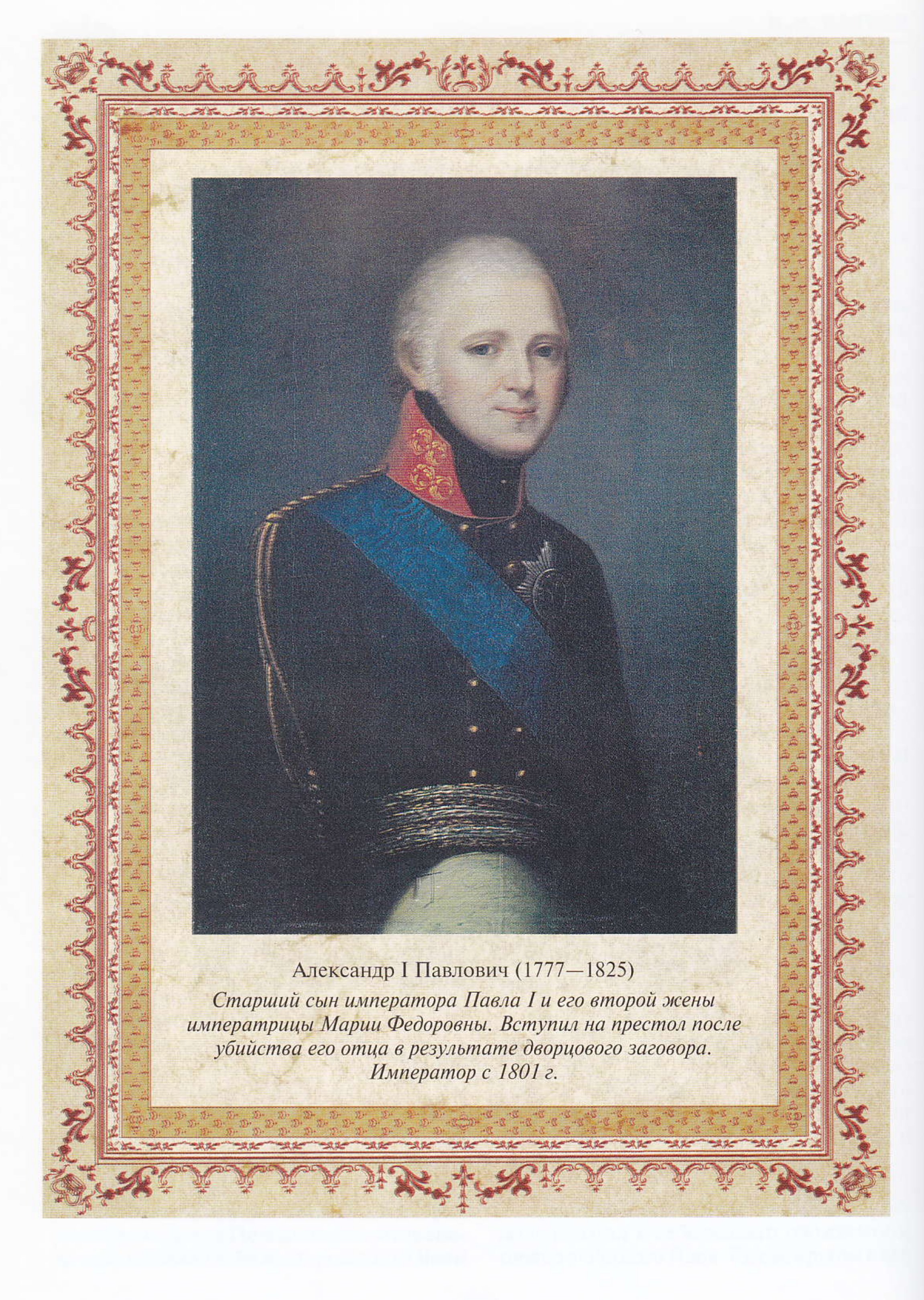
В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что он сделался императором, и это страшное бремя власти давило его».

«Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, горячо любимого Папá. Голова кругом идет,

Павел I Петрович (1754—1801)

Сын императора Петра III и Екатерины II Великой. Вступил на престол после смерти своей матери. Император с 1796 г.

Александр I Павлович (1777—1825)

Старший сын императора Павла I и его второй жены императрицы Марии Федоровны. Вступил на престол после убийства его отца в результате дворцового заговора. Император с 1801 г.

Александровская колонна

Архитектор О. Монферран. 1829—1834 гг.

Николай I Павлович (1796—1855)

Третий сын императора Павла I и его второй жены императрицы Марии Федоровны. Вступил на престол после внезапной смерти своего брата Александра I и отречения от престола брата Константина. Император с 1825 г.

Александр III на смертном одре. Ливадия. Октябрь 1894 г.

верить не хочется — кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! — записал в этот день в своем дневнике Николай II. — Дыхание было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины третьего он причастился Святых Тайн. Вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал его голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!»

Святой праведный Иоанн Кронштадтский тоже оставил в своем дневнике запись об этом дне: «Он тихо скончался. Вся Семья Царская безмолвно, с покорностью воле Всевышнего преклонила колени. Душа же Помазанника Божия тихо отошла ко Господу, и я снял руки свои с главы Его, на которой выступил холодный пот.

Не плачь и не сетуй, Россия! Хотя ты не вымолила у Бога исцеления своему Царю, но вымолила зато тихую, христианскую кончину, и добрый конец увенчал славную Его жизнь, а это дороже всего!»

«Он умер, как Он жил: просто и благочестиво; так умирают мои матросики, простой русский народ... — писала двоюродная сестра Александра III греческая королева Ольга. — В 10 часов утра, когда Он причащался, он повторял каждое слово молитв: «Верую Господи и исповедую» и «Вечери Твоей тайныя» и крестился. Всем нам он протягивал руку, и мы ее целовали... Никогда не забуду минут, когда Ники позвал меня под вечер посмотреть на выражение Его лица... Мы долго с Ники стояли на коленях и не могли оторваться, все смотрели на это чудное лицо».

Вглядимся еще раз в картину происходившего 20 октября 1894 года в спальне Малого дворца в Ливадии...

Объятый волнением наследник престола, будущий царь-мученик Николай II...

На постели — умирающий император Александр III...

У изголовья — святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Его руки сжимают голову умирающего императора...

И это оттуда звучат обращенные к нам слова святого:

— Не плачь и не сетуй, Россия...

Молитвой праведного отца Иоанна Кронштадтского совершается то, что *дороже всего*...

«Обладая чрезвычайной простотой и искренностью, отец Иоанн имел величайший дар молитвы, — говорил священномученик Серафим Чичагов. — Это его отличительная особенность. Он глубоко верил,

от всего сердца, в благодать, данную ему как священнику от Бога, молиться за людей Божиих и что Господь настолько близок к верующему христианину, как собственное его тело и сердце, ибо тело наше есть храм живущего в нас Святого Духа, Которого мы имеем от Бога... Он веровал на молитве, что за словом, как тень за телом, следует и дело, так как у Господа слово и дело не разделены, и, не допуская ни малейшего сомнения в исполнении Богом его прошений, просил совершенно просто, искренне, как дитя, с живою верою в Господа, представляя Его не только стоящим пред собою, но и как бы находящимся в Нем, в такой близости... Дорогой батюшка отец Иоанн поражал и иногда потрясал всех глубиною своей молитвы...»

Величественная, исполненная высокого значения картина...

3.

В конце дня загремели пушки военных кораблей в Ялтинском заливе, возвещая о кончине императора Александра III, в это время перед дворцом был установлен алтарь, у которого Николай II принес присягу.

«Невеста нового Императора, принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская, прибыла из Германии накануне кончины болезнью Государя, что забыл отдать распоряжение о высылке на границу императорского поезда, и будущая Императрица Всероссийская путешествовала по России, как простая смертная... — пишет великий князь Александр Михайлович. — В церкви Ливадийского дворца состоялось ее крещение по православному обряду. Бракосочетание молодого Царя состоялось менее чем через неделю после похорон Александра III.

Их медовый месяц протекал в атмосфере панихид и траурных визитов. Самая нарочитая драматизация не могла бы изобрести более подходящего пролога для исторической трагедии последнего русского Царя».

Драпированный пурпуром гроб императора перевезли из Ливадии в Севастополь, где ожидал траурный поезд. В Харькове, Курске, Орле и Туле поезд останавливался, и местное духовенство служило панихиды. В Москве гроб установили на катафалк и отвезли в Кремль, оставив там на всю ночь.

1 ноября гроб с телом императора привезли в Санкт-Петербург. Четыре часа кортеж под погребальный звон колоколов и приглушенную дробь барабанов медленно продвигался от вокзала к собору Петропавловской крепости.

Со 2 ноября 1894 года нескончаемые вереницы людей тянулись в Петропавловский собор, и только в ночь на 8 ноября останки Александра были опущены в могилу и накрыты саркофагом.

Александр III обладал огромной физической и духовной силой и вел себя, как и должен вести глава великой страны.

Как рассказывает великий князь Александр Михайлович, когда однажды чрезмерно честолюбивый министр вздумал пригрозить отставкой, царь взял его за шиворот и, приподняв как щенка, посоветовал:

— Придержите-ка ваш язык! Когда я захочу вас выбросить, вы услышите от меня об этом в очень определенных выражениях.

— Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать, — ответил в Гатчине Александр III другому своему министру, который настаивал, чтобы государь принял немедленно европейского посла.

Когда Вильгельм II предложил Александру III «поделить мир между Россией и Германией», царь ответил:

— Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш. Полюбуйся на себя в зеркало.

Воистину это трагедия России, что такому государю было суждено умереть в возрасте сорока девяти лет...

Александр III даже в манерах, даже в привычках своих был более русским, чем все остальные русские императоры.

Исключение составляет только его сын — император Николай II.

Но он — явление совсем уже необычное.

Это первый и единственный русский император, ставший Святым...

4.

Последний русский император Николай II родился 6 (19) мая 1868 года, в день памяти праведного Иова Многострадального...

В этот год русская армия нанесла поражение эмиру Бухары, и Бухара отныне вошла в состав империи...

Инженер А.Р. Власенко сконструировал первый в мире зерноуборочный комбайн...

В журнале «Русский вестник» напечатали роман Ф.М. Достоевского «Идиот...»

Еще?

Еще в этом году в Риге зашел по мелководью в море литератор Писарев, и больше уже не видели его живым... Однако нигилистические идеи не утонули вместе с Писаревым. Уже на следующий год всю страну потрясет убийство Сергеем Нечаевым студента Иванова.

Будущему императору было восемь лет, когда на демонстрации рабочих и студентов у Казанского собора впервые подняли красное знамя с вышитыми на нем словами «Земля и воля...»

И еще не исполнилось Николаю II тринадцати лет, когда 1 марта 1881 года народовольцами, устроившими настоящую охоту на государя, был убит его дед — император Александр II.

Десятилетиями вдалбливали нам в головы, какими высокими и светлыми идеалами руководствовались цареубийцы.

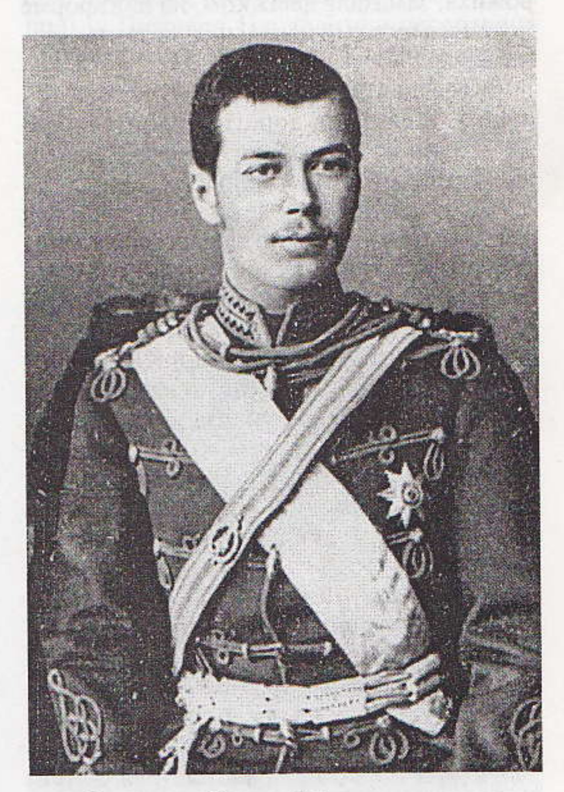
Смущали, правда, некоторые подробности их биографий, смущало то сочувствие, которое проявляла к народовольцам элита вчерашних крепостников, но только сейчас, когда снова власть в России оказалась в руках кучки привилегированного класса, стремящегося жить за счет остального населения, а *свои* «права человека» осуществляющего за счет подавления самых элементарных прав остального населения, по-настоящему становится ясно, *кого* представляли и народовольцы, и последующие революционеры, *чьи* права они защищали под видом борьбы с самодержавием...

Монархия устояла тогда, устояла еще на два правления...

И устояла не потому, что уже окрепло гражданское общество, способное поддерживать ее вопреки изощреннейшей, безжалостной подрывной работе, проводимой вчерашними крепостниками...

Нет...

Сочувствуя монархической идее, уже угадывая в ней гарантию своих прав и свобод, русское общество еще не успело развиться и окрепнуть настолько, чтобы противостоять обрядившемуся в нигилизм крепостничеству. Слова классика русской литературы: у нас проще пойти и бросить бомбу в Государя, нежели заказать молебен об Его здравии — точное свидетельство от-

Цесаревич Николай Александрович.
1884 г.

равления страны и всего русского общества впрыснутым в него еще неведомым ядом...

Последний русский император рос под грохот выстрелов и разрывов бомб, но готовили его для другой, созидательной на благо России деятельности...

«Огляделся: комната волшебная. Ничего подобного сроду не видывал. Во-первых, идет по полу железная дорога, маленькая, но настоящая, с рельсами, с сторожевыми будками, с тремя классами вагонов, стоят полки солдат с киверами, с касками, казаки в шапках, а вот лошади с гривами, верблюды с горбами, а вот барабан, ружья в козлах, труба с кисточкой, гора песку...»

Так описывали детскую, принадлежавшую будущему русскому императору.

Хозяин всех этих игрушечных сокровищ заводил ключиком свою дорогу, и вот уже «паровоз побежал, из будки вышла сторожиха, замахала флажком, на платформе появился пузатый начальник, зазвенел звонок...»

Железная дорога — не случайная игрушка. Железные дороги, строительство их — одно из важнейших занятий последнего русского императора.

Двадцати четырех лет от роду Николай Александрович стал председателем Комитета самой большой в мире Сибирской железной дороги, с его именем связано и строительство Китайской восточной железной дороги — легендарной КВЖД...

А начинались эти гигантские транспортные артерии, как мы видим, в уютной детской, в учебных комнатах, куда приходили на уроки к наследнику престола историк Василий Ключевский, композитор Цезарь Кюи, другие выдающиеся деятели русской культуры...

Нравственный путь, пройденный Николаем Александровичем от его юношеского романа с Матильдой Кшесинской до заточения в Ипатьевском доме, кажется, и не мог бы вместиться в обычную жизнь.

Это подвиг, доступный только Святому.

Но вместе с тем нравственная основа будущего пути была заложена в Николае II с детства вместе с трогательной любовью отца, который, презрев придворный этикет, тайком пробирался в детскую, чтобы приласкать мальчика, вместе с уроками Ключевского и Цезаря Кюи, вместе с музыкой Глинки, Чайковского и Мусоргского.

Ни родители, ни наставники не могли знать о том, что назначено ему, и все же — вот он, Промысел Божий! — именно в детстве получил Николай глубокое религиозное воспитание.

Многие удивлялись, как прекрасно знает ребенок чин церковных служб и, обладая музыкальностью, умеет тактично и корректно подтягивать хору дворцовой церкви...

С ранних лет будущий император отличался самообладанием, терпимостью и чувством долга.

Да... Его успешно готовили к созидательной, на благо России деятельности монарха, но — увы! — другой Путь предназначено было пройти ему.

Ходынка...

Кровавое воскресенье...

Поражение в войне с Японией...

Тяжелые неудачи Первой мировой войны...

Наконец, отречение, обернувшееся для страны немыслимой кровью...

Николай II не раз слышал рассказы отца, Александра III, как шести лет от роду, 1 августа в 1851 года, стоял тот в форме рядового лейб-гвардии Павловского полка на часах у памятника Павлу I в Гатчине при его открытии...

Став императором, Александр III полюбил Гатчинской дворец, где в неприкосновенности сохранялся кабинет Павла. Часто Александр III приходил в кабинет, где хранился портрет Павла в облачении гроссмейстера Мальтийского Ордена и на отдельном столике лежало принадлежавшее ему Священное Писание.

Дворцовые слуги рассказывали, что император приходил сюда молиться. Павел I оставил письмо, которое надобно было прочесть через сто лет. Александр часто думал об этом послании, но прочесть то

письмо суждено было его сыну, ибо это ему и суждено было завершить династию...

Династия подходила к концу...

Откуда-то из Сибири пришел ко дворцу человек, назвавшийся старцем Григорием.

Это уже второй Григорий в династии Романовых...

Первый — Григорий Отрепьев — возник в самом начале династии... Дворовый человек бояр Романовых, он опрокинул державу в кровь и пожарища смуты...

На том Григории кровь царских детей, сына и дочери Годуновых.

Этот Григорий не пускать кровь явился, а останавливать... Сколько раз он останавливал кровотечения у наследника, когда у врачей опускались руки...

Но убивали Григория Распутина так же, как Отрепьева... Страшно и долго...

5.

Близкие к императору люди замечали, что под влиянием гнева или каких-то сильных переживаний задумчивые серо-голубые глаза его выцветают, тускнеют, расширяются, становятся неподвижными. В такие минуты казалось, что, заглядывая в них, заглядываешь в леденящий, бесконечный холод вечности...

Еще невольному свидетелю казалось в эти мгновения, что сам император ничего не чувствует, ничего не замечает.

Именно таким увидел Государя 2 марта 1917 года вошедший без доклада в его вагон дворцовый комендант В.И. Воейков.

— Неужели верно то, что Ваше Величество подписали отречение? — спросил он.

Вместо ответа император протянул пачку телеграмм.

«ОТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА

Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения Династии, вызывает принятие сверхмеры.

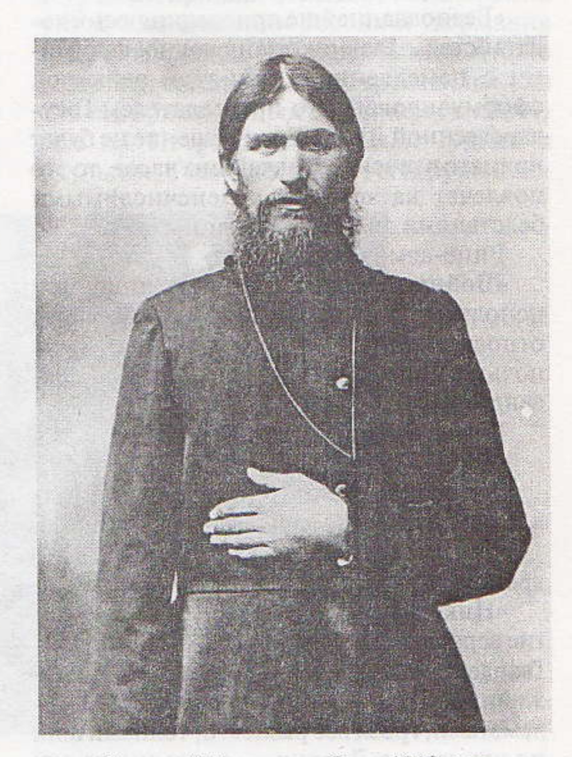
Я, как верноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему.

Осеня Себя крестным знамением, передайте Ему Ваше наследие. Другого выхода нет.

Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой, молю Бога подкрепить и направить Вас.

Генерал-адъютант Николай».

«Прошу вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, отказаться от Престола в пользу Государя Наследника цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила

Григорий Распутин. Фото 1910-х гг.

Александровича. Другого исхода нет...»

Не дочитав телеграмму генерал-адъютанта Брусилова, Воейков перевернул ее. Следующая телеграмма была от генерал-адъютанта Эверта.

«Средств прекратить революцию в столицах нет никаких.

Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и сохранению армии для борьбы против врага.

При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество во имя спасения Родины и Династии принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии».

Телеграммы прислали командующие фронтами и флотами...

«Всеподданнейше присоединяюсь к ходатайствам Главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, сформулированного председателем Государственной Думы. Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей Родины.

Вице-адмирал Непенин».

«Войну можно продолжать лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича...

Генерал-адъютант Алексеев».

Это происходило утром 2 марта 1917 года в Царском поезде, остановленном в Пскове...

А в Царском Селе, где находилась в это время семья Государя?

«Никогда не забуду ночи, когда немногие верные полки (Конвой Его Величества, Гвардейский Экипаж и Артиллерия) окружили дворец, т.к. бунтующие солдаты с пулеметами, грозя все разнести, толпами шли по улицам ко Дворцу, — вспоминала эти дни фрейлина Анна Вырубова. — Императрица вечером сидела у моей постели. Тихонько завернувшись в белый платок, она вышла с Марией Николаевной к полкам, которые уже готовились покинуть дворец, и, может быть, и они ушли бы в эту ночь, если бы не Государыня и ее храбрая дочка, которые со спокойствием до 12 часов обходили солдат, ободряя их словами и лаской».

Первого марта великий князь Кирилл Владимирович увел эти полки.

«Караулы ушли... — свидетельствует Вырубова. — По дворцу бродили кучки революционных солдат, которые с интересом все рассматривали, спрашивая у оставшихся слуг объяснения. Особенно их интересовал Алексей Николаевич. Они ворвались к нему в игральную, прося, чтобы им его показали».

* * *

Отпустив Воейкова, император пригласил к себе лейб-хирурга Федорова, с которым долго совещался о здоровье цесаревича Алексея Николаевича.

Больше ничего в этот день не происходило.

Ждали делегацию Думы — Гучкова и Шульгина, — но они прибыли только в десятом часу вечера.

На Воейкова делегаты-думцы произвели впечатление людей немытых и небритых. Крахмальное белье их было словно бы специально, чтобы понравиться сопровождавшим их рабочим и солдатам, испачкано.

Находящаяся на станции публика начала кричать делегатам «ура!»

— Какая неуместная выходка! — возмущенно сказал Воейков, но комендант Пскова генерал-лейтенант Ушаков произнес с самодовольной улыбкой:

— Нужно-с привыкать... Теперь другие времена настали-с.

Николай II принял делегатов в салоне.

Внимательно выслушав доклад Гучкова о положении в столице, он спросил, *что* Дума считает сейчас желательным.

— Отречение Вашего Императорского Величества от Престола в пользу Наслед-

ника цесаревича Алексея Николаевича! — ответил Гучков.

— Александр Иванович! — встрял тут в разговор Рузский. — Это уже сделано.

Николай II сделал вид, что не слышит его.

— Считаете ли вы, что своим отречением я внесу успокоение? — спросил он у делегатов.

Получив утвердительный ответ Гучкова и Шульгина, государь сказал:

— В три часа дня я принял решение отречься от Престола в пользу моего сына, Алексея Николаевича, но теперь, подумав, пришел к заключению, что я с ним расстаться не могу, и передаю Престол брату моему — Михаилу Александровичу.

— Но мы к этому вопросу не подготовлены! — воскликнул Гучков. — Разрешите нам подумать.

— Думайте! — сказал Николай и вышел из салона...

Через полчаса он подписал Манифест об отречении.

«Не желая расставаться с любимым Сыном Нашим, Мы даем Наследие Наше брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу, благословляя его на вступление на Престол Государства Российского.

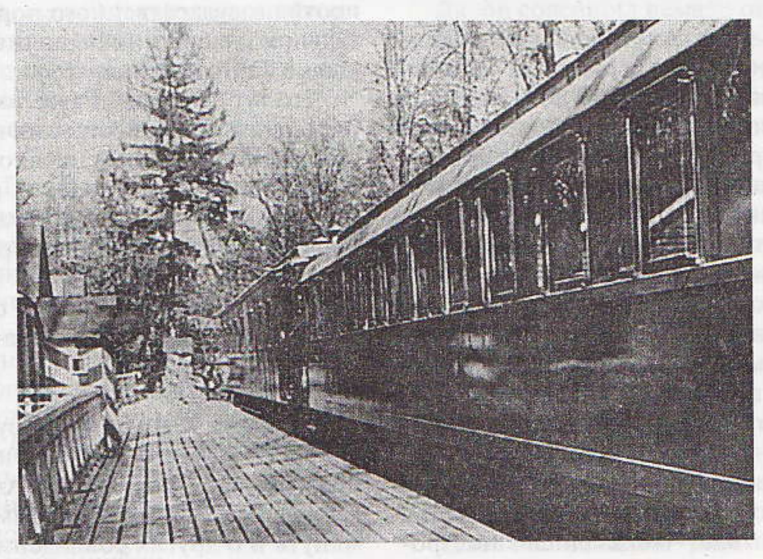
Заповедаем брату Нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том нерушимую присягу горячо любимой Родине».

Так запомнил события второго марта дворцовый комендант Государя императора В.И. Воейков.

Сам Николай II в своем дневнике тоже описал этот день.

«2-го марта. Четверг.

Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянкой. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т.к. с ним борется соц-дем партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К $2^1/_2$ часам пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте и в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и пе-

Поезд, где Николай II подписал отречение. Фото 1917 г.

редал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого... Кругом измена, и трусость, и обман!»

Рухнула простоявшая три столетия и четыре года династия Романовых... Но Путь, сделавший Николая II — первым и единственным из русских императоров — Святым страстотерпцем, не заканчивался, а только еще начинался.

6.

Ничего не происходит в мире вопреки воле Божией, и гибель Романовской династии тоже должна иметь духовное объяснение.

В трехсотлетней темноте корней этой династии и самозванец Гришка Отрепьев, *человек дома Романовых,* и патриарх Филарет, не постеснявшийся принять в 1605 году из рук *своего* дворового человека митрополичий сан. Напомним, что после гибели Отрепьева митрополит Филарет сам участвовал в прославлении мощей подлинного царевича Дмитрия, но это не помешало ему через три года принять патриаршее достоинство из рук второго самозванца, еврея Богданко.

Клятвопреступления Филарета — особая тема.

При его внуке Алексее Михайловиче Романове произошел церковный раскол.

Инициированные якобы политической целесообразностью — шло объединение России с Украиной — церковные соборы второй половины XVII века унифицировали церковный обряд. Древний Студийский Устав, по которому жила все предыдущие века Русская православная церковь, был признан порождением невежества и объявлен не вполне православным. И косвенным, и самым прямым образом обвинения в неполной православности коснулись и всего Собора русских святых, живших якобы «не вполне православно».

Последствия тех церковных соборов — а решения их отменены постановлением Собора 1971 года! — оказались катастрофическими для Святой Руси.

Как полагают некоторые исследователи, в раскол ушло три четверти великорусского населения. Даже если цифра эта и завышена, масштаб национальной катастрофы невозможно преувеличить. Подобного вреда России не могло нанести никакое открытое чужеземное вторжение.

После расправы с соловецкими иноками Алексей Михайлович прожил шесть дней. Гонения на раскольников продолжил его сын Федор, который умер через две недели — он был вдвое моложе отца! — после сожжения пустозерских узников. Начатую реформу пришлось завершать другому сыну Алексея Михайловича — Петру I.

Он вообще отменил патриаршество, открыв путь к управлению Русской православной церковью воспитанникам иезуитов, и наконец, издал указ от 17 мая 1722 года об отмене тайны исповеди.

Если о замене патриарха Синодом, составленным из вчерашних иезуитов, можно дискутировать, то разрушительные для православного самосознания последствия указа от 17 мая 1722 года очевидны.

Некоторые ревностные защитники идеи монархии договариваются до того, дескать, что тайна исповеди отменялась указом от 17 мая, только когда речь шла о злоумышлениях против монаршей особы, против государственного порядка, а в остальном священник не должен был сообщать в Тайную канцелярию...

Что тут ответить? Разве только напомнить, что и ГПУ от сотрудничавших с ним священников-обновленцев тоже ждало сообщений не о супружеских изменах, а о злоумышлениях против государственного порядка, против колхозов, против вождей революции...

Как не крути, а без указа от семнадцатого мая не было бы никогда и семнадцатого года...

Совпадение цифр тут, разумеется, случайное, но уж если мы говорим о реформе православия, проведенной Алексеем Михайловичем и Петром Первым, то надо помянуть и о других совпадениях, которые случайными назвать никак нельзя.

Царь Алексей Михайлович умер 29 января 1676 года.

Его сын, Иоанн V, царствовавший одновременно с Петром I, — 29 января 1696 года.

Что-то зловещее есть в совпадении чисел смерти отца и сына...

Но если мы вспомним, что и Петр I умер 28 января 1725 года, то вверх тормашками улетит теория вероятностей.

Ведь переведя эти даты на новый стиль, инициатором введения которого в России был все тот же Петр I, мы обнаружим, что смерти отца и двух его сыновей попадают на одно число — 8 февраля.

Увы...

Ангажированные Романовыми историки и писатели старательно не замечали злого рока, тяготевшего над этой династией.

После Алексея Михайловича царствовали шестнадцать Романовых. Двое из них — царь Федор и император Петр II — умерли в юношеском возрасте. Пятеро были убиты. Смерти Александра I, Николая I и отчасти Александра III окружены загадками. Еще четыре правления — правления женщин, две из которых (обе Екатерины) не имели ни капли романовской крови и занимали престол, мягко говоря, не вполне законно.

Трудно назвать случайностью совпадение смертей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича с казнями соловецких и пустозерских староверов, произведенных этими царями...

Но череда совпадений тут не заканчивается.

Введение Единоверия, снявшего запрет на употребление старых обрядов (этого и добивались соловецкие иноки), совпадает по времени (правление императора Павла) с прекращением вакханалии дворцовых переворотов...

Понимали ли сами Романовы мистическую, роковую зависимость династии от преступлений, совершенных против православия, Алексеем Михайловичем, Петром I и их преемниками?

Несомненно... Весь XIX век — это попытка Романовых исправить совершенные отцами династии ошибки.

Подвиг последнего царя-мученика Николая II — вершина этих попыток и нравственное осуществление их. Кажется, единственному из Романовых, Николаю II удалось подчинить свою личную жизнь нормам православной морали, и — вот оно, чудо! — единственный восходит он в сонм благоверных князей.

У истока династии, прошедшей путь от Ипатьевского монастыря до подвала дома Ипатьева в Екатеринбурге, стоял патриарх Филарет — отец царя Михаила Федоровича.

Внук патриарха Филарета изгнал патриарха Никона.

Правнук отменил патриаршество вообще.

Николай II думал о восстановлении патриаршества, но — такова, видимо, была Господня воля — совершиться это должно было уже после окончательного уничтожения династии, глава которой принял патриарший чин из рук самозванца.

Так и случилось... Святителя Тихона избрали уже после отречения Романовых от престола...

Николай II не мог знать этого 2 марта 1917 года, подписывая отречение, но такое ощущение, что он знал все, что должно было случиться...

Да, он совершил немало ошибок.

Можно упрекать его и за нерешительность.

Но он был Государем, и он отвечал и за свои ошибки, и за свою нерешительность.

И не только за себя...

Еще и за ошибки всей династии.

Бессмысленно рассматривать отречение Николая II в отрыве от истории всей династии. Отречение — результат этой истории, определенный, быть может, еще клятвопреступлением Филарета, признавшего и первого, и второго самозванцев.

Говорят, что в истории нет сослагательного наклонения...

Это верно, разумеется, но верно только в узком смысле.

Если же историю рассматривать не только как цепь поступков и деяний, по-

рождаемых своеволием и гордыней отдельных личностей, но и попытаться прозреть ее духовный смысл, то окажется, что вся история — это история вразумления народов, не желающих слышать и видеть то, что открывает им Господь; это история возвращения народов к тем ситуациям и проблемам, от решения которых эти народы малодушно уклонились.

И неважно, сколько прошло лет или столетий.

Избрание на царский трон династии, непосредственно участвовавшей в раздувании Смуты, династии, основатель которой получил святительство из рук самозванцев, не могло стать выходом из тех проблем, которые были поставлены перед Русью.

Ставка

Начальнику Штаба.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли МЫ долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ.
2 Марта 15 час. мин. 1917 г.

Министръ Императорскаго Двора
Генералъ-адъютантъ Графъ Фредерикс

Николай

Текст отречения Николая II от престола. 1917 г.

Династия Романовых могла лишь привести Русь к новой смуте.

И привела. И бессмысленно винить в этом лишь Николая II.

Он пошел по пути страстотерпца Бориса, который, командуя дружиной своего отца великого князя Владимира (он ходил в поход на половцев), несмотря на очевидное превосходство в силе, отказался от войны за великокняжеский престол с братом Святополком. Борис пожертвовал собою ради предотвращения разорительной для страны междоусобной войны.

У Николая II и армии не было.

Как это видно по процитированным нами телеграммам, против него были все командующие фронтами. Император мог противопоставить им только народ, призвав его защитить своего самодержца. Но даже если бы и услышан был его призыв, чем, кроме крови, могла обернуться эта война?

Конечно, война все равно началась...

Как справедливо отмечал русский философ Иван Ильин, Николай II, стремясь избежать гражданской войны, согласился на отречение, и в результате народ вел гражданскую войну без государя и не за государя...

Понимал ли это Николай II?

Как свидетельствуют записи в его дневнике и свидетельства близких, понимал...

Но ведь понимал он и то, что хотя жертва страстотерпцев Бориса и Глеба не предотвратила междоусобной войны на Руси, но не была эта жертва и бесцельной, ибо она предотвратила нечто большее, чем война, — Божий Гнев...

Отрекшийся император понимал это. Понимал он и то, что его ждет. И от этой страшной участи он не пытался скрыться.

Он только молился.

И за себя, и за свою семью, и за Россию.

Хладнокровие Николая II, проявленное им в дни отречения, так резко контрастирует с беснованием не только уличных митингов, но и думских совещаний, что кажется, будто речь идет о событиях не просто разных, но и разделенных целыми эпохами.

Это так и было...

Император жил как бы в другом измерении, проникнуть куда не помогали ни знатность, ни богатство, ни интриги.

Исследователи давно обратили внимание на странный парадокс. Среди множества отзывов о нем самые отрицательные, самые карикатурные принадлежат не врагам, а его ближайшему окружению.

Министрам...

Генералам, на погонах которых — вензеля императора...

Ближайшим родственникам...

А противники с удивлением восхищались им.

— Царь горячо любит Россию, — уверял всех марксист Петр Струве, приехавший повидаться с Николаем II.

Керенский, навещавший уже отрекшегося от престола царя, долго размышлял, как ему нужно обращаться к нему. Застал Керенский Николая II за работой — Государь пилил дрова. Отложив пилу, отставной император поздоровался с Керенским. «Я хотел сказать “полковник”, но в это время он на меня так взглянул своими дивными глазами, что я невольно сказал: “Ваше Величество”. Сейчас же, заметив мое смущение, Государь по своей чуткости, которую я тоже понял, стал говорить со мной еще более благожелательно. Это, в свою очередь, еще больше заставило меня почувствовать всю ту пропасть, которая нас отделяла».

— Я полюбил государя, — вторил им эмиссар Временного правительства Панкратов, приставленный стеречь царя.

«Свои» же, оценивая Николая II, не жалели уничижительных эпитетов...

«Что это за человек? — писал в дневнике великий князь Николай Михайлович. — Он мне противен, а я его все-таки люблю, так как он души недурной, сын своего отца и матери, может быть, люблю по рикошету, но что за... душонка?...»

«Ничтожный, а потому бесчувственный император, — говорил С.Ю. Витте. — Громкие фразы, честность и благородство существуют только напоказ, так сказать, для царских выходов, а внутри души мелкое коварство, ребяческая хитрость, пугливая лживость...»

«Убожество мысли и болезненность души» только и заметил в царе П.Н. Дурново.

Конечно, тут можно сказать, что как раз эти люди из ближайшего окружения Государя, в отличие от Струве или Панкратова, лучше знали Николая II, за его внешним обаянием прозревали подлинную суть, но против этого — сами их раздраженные отзывы об императоре. Если сопоставить их, то нетрудно будет заметить, что более всего раздражает приближенных в Государе как раз то, что и должно было бы вызывать восхищение.

«Царь ни точно очерченных пороков, ни ясно определенных качеств не имел. Он был безразличен. Он ничего и никого не любил, ничем не дорожил» (Врангель).

«Никакой реальности не было в его благоволении, оно испарялось как дым, и даже тем легче, чем при начале казалось горячей» (Куропатнин).

Куропаткина по-человечески можно понять.

Конечно же, и после совершенных ошибок ему хотелось бы сохранить благоволение Государя, хотелось бы, чтобы и после проигранных кампаний Государь продолжал доверять ему управление войсками и Россией, ведь он же когда-то любил его. И столь же бесспорно, что, случись подобное в прежние царствия, именно так бы и было. Сколько примеров можно привести, когда русские монархи жертвовали интересами страны во имя своих, личных привязанностей!

Но начиная с правления Николая I в России постепенно формируется действительно самодержавная, а не самовластная монархия, и с каждым последующим правлением личность самого государя как бы отступает на второй план.

Его личные привязанности, склонности, симпатии становятся несущественными в его государевом обличии.

Мы уже рассказывали про Александра III, который после смерти старшего брата, наследника короны, принимая на себя обязанности цесаревича, вынужден был взять и невесту покойного брата.

В правление же Николая II этот принцип подчиненности всего себя тому предназначению, которое надлежит исполнять, достигает своего абсолютного воплощения.

Полковник Романов и император Николай II — это не просто две ипостаси одного человека.

Исполняя свое государево служение, император Николай II как бы отрекался от всего человеческого, и был ли и в его правлении хотя бы еще один, более, чем полковник Романов, притесняемый человек — неизвестно.

И это-то и вызывало буквально приступы бешенства у многих высокопоставленных придворных, не умеющих или не желающих в силу своих личных интересов различать полковника и монарха.

Далеко не все, а вернее, большинство из них по уровню своих способностей и ответственности не соответствовали занимаемым должностям. И нужно было бы как-то умерить амбиции, но, как это всегда бывает, они предпочитали винить в собственных ошибках и просчетах Государя.

Он «разочаровывал» их, казался «бесчувственным», «безличным», «слабохарактерным».

Им хотелось служить полковнику Романову, а приходилось служить русскому императору.

Возможно, многие из них понимали, что именно такой Государь и нужен России, но переступить через собственные интересы не могли.

Травля Николая II, инициированная петербургским светом, велась с первого дня правления Государя. «Прогрессисты», передовое общество преследовали в своей пропаганде, конечно, собственные цели,

но в ненависти к императору они сходились с великими князьями.

Этот экскурс в историю необходим, чтобы правильнее понять логику поступков императора в мартовские дни 1917 года.

Петроград торжествовал, празднуя победу...

Торжествовали великие князья и думские витии, солдаты-дезертиры и обманутые безответственными интриганами-политиками рабочие, командующие фронтами и петербургский свет. Торжествовали, не понимая, в какую пучину ввергли они сегодня самих себя и всю страну.

Николай II понимал это.

Его заставляли уйти. Даже те люди, которые понимали, что это может иметь для страны роковые последствия, призывали его смириться и принести себя в жертву общественным настроениям. Страх за собственное благополучие парализовал волю даже самых решительных и честных.

Император Николай II в Царском Селе после отречения. Фото 1917 г.

Решение было тяжелым и мучительным для императора. Для полковника Романова это было облегчением. Теперь он был свободен от тяжкого груза, что лежал на его плечах...

В остальном нужно было положиться на Волю Божию... Беспорядки прекратились, дай Бог, чтобы так продолжалось дальше...

7.

Мы уже сказали, что было два отречения Николая от престола. Вначале он отрекся в пользу сына, но потом изменил решение и отрекся в пользу брата — Михаила.

Этот момент в отречении Николая II принципиально важен.

2 марта после обеда император вызвал профессора С.П. Федорова и попросил его откровенно рассказать о состоянии здоровья наследника.

— Боюсь, что он проживет лет до шестнадцати, не больше... — помявшись, ответил Федоров.

— До шестнадцати... — повторил Николай и смущенно потрогал усы, свыкаясь с горькой истиной.

Потом заговорил, что хотел бы теперь пожить в России простым обывателем. Воспитывать сына...

— Едва ли малолетнему царю, Ваше Величество, разрешат остаться с отцом... — возразил Федоров.

— Да... — кивнул Николай II, соглашаясь. — Да...

После этого разговора и был забран у Рузского первый вариант текста отречения. Государь изменил формулировку отречения...

Престол передавался Михаилу, который венчаться на царствие боялся...

И этот страх брата только сильнее укрепил Николая II в правильности принятого им решения.

Прикрываться своим сыном, которому все равно оставалось жить меньше трех лет, он не мог позволить никому. Николай прозревал другой путь, назначенный его сыну...

8 марта Николай II подписал прощальный приказ по армиям и, простившись со штабистами, уехал из Могилева...

На следующий день он был уже в Царском Селе со своей семьей. Дети еще болели корью, и завтракали и обедали все в игральной комнате у Алексея, но самочувствие детей было хорошее, дела шли на поправку.

«Несмотря на условия, в которых мы теперь находимся, мысль, что мы все *вместе,* радует и утешает...» — записал 10 марта в дневнике полковник Романов.

Николай II взошел на престол 20 октября 1894 года...

Рядом с ним, когда он всходил на ставший его Голгофой трон, был великий русский святой Иоанн Кронштадтский.

Он как бы ввел императора Николая II на его мученический подвиг...

Еще при жизни, еще при царствовании оболганный своими современниками, этот святой русский император был объявлен и деспотом, и пьяницей, но и осыпаемый угрозами и оскорблениями, мужественно прошел он крестный путь, черпая поддержку только в поучениях Святых Отцов.

И — нам еще предстоит осознать это — лестница, по которой с сыном на руках сходил он в подвал Ипатьевского дома, привела его в горнюю высь, в сонм праведников, молящихся о спасении России.

Глава восьмая

ИГРУШКИ РУССКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Интересная деталь...

Если игрушки Петра I, Павла I, Николая I имеют четкое обозначение их владельца, то, говоря об атрибутации игрушек последних русских императоров, музейные хранители предпочитают обтекаемую формулировку: «Эти игрушки принадлежали царской семье».

Я говорю об этом не в упрек музейщикам, это, собственно говоря, не от них и зависит.

Петр I, каким бы Великим ни провозглашали его, всю жизнь правил точно так же, как играл. Вспомним хотя бы торжества, устроенные в Санкт-Петербурге в честь игрушки русского императора — его ботика, «дедушки русского флота...»

Или правление Петра III, которое все походило на сцену, разыгрываемую в «механической картине...»

Но так было.

А уже при Николае I игрушки начинают занимать свое, положенное игрушкам место, и играть, сидя на престоле, никому больше не приходит в голову...

И все-таки, и среди игрушек последних русских императоров есть такие, владельца которых определяешь сразу...

Это игрушки, которыми никто не играл...

Это игрушки царевича Алексея Николаевича...

1.

Такого не может быть, все наше материалистическое воспитание восстает против этого, но, когда задумываешься над короткой жизнью последнего наследника Русского престола, кажется, что сама мистика обретает реальную плоть...

Царевич Алексей родился в 1904 году, после посещения царской семьей Саровской пустыни.

П. Жильяр пишет в своих воспоминаниях, что впервые он увидел цесаревича, когда тому было полтора года...

«Цесаревич был в то время самым дивным ребенком, о каком только можно мечтать, с своими чудными белокурыми кудрями и большими серо-голубыми глазами, оттененными длинными загнутыми ресницами. У него был свежий и розовый цвет лица здорового ребенка и, когда он улыбался, на его круглых щечках вырисовывались две ямочки. Когда я подошел к нему, он по-

Император Николай II. 1890-е гг.

смотрел на меня серьезно и застенчиво и с большим трудом решился протянуть мне свою маленькую ручку.

Во время этой первой встречи я несколько раз видел, как Императрица прижимала Цесаревича к себе нежным жестом матери, которая как будто всегда дрожит за жизнь своего ребенка, но у нее эта ласка и сопровождающий ее взгляд обнаруживали так ясно и так сильно скрытое беспокойство, что я был уже тогда поражен этим. Лишь много времени спустя мне пришлось понять его значение».

Долгожданный наследник престола — увы! — оказался больным гемофилией...

Можно понять многое...

И те же молитвы, которые возносили императрица и император о даровании им наследника, и само Чудо, произошедшее после посещения царской семьей Саровской пустыни...

Но вот в одном из номеров журнала «Новый мир» за 1890 год я наткнулся на очерк С. Пелевиной «День Царских Дочерей» и, прочитав его, задумался...

«Императрица Александра Федоровна — враг всякой лишней роскоши — старается возбудить в детях вкус к простоте... — написано за несколько лет до рождения наследника. — Вот одна из причин, почему, например, роскошные куклы, подаренные Великим княжнам Их престарелой бабушкой, королевой Викторией, даются Детям только в торжественные дни; в остальное время Княжны играют цветами, мячиками...»

Задуматься над этой цитатой меня заставили слова: *вот одна из причин...*

Если стремление привить вкус к простоте — *одна из причин*, то должны быть и другие причины.

Что же все-таки заставляло императрицу задолго до рождения наследника приучать детей к хранению игрушек в закрытом шкафу?

Гемофилия — наследственная болезнь, передающаяся из поколения в поколение через женщин детям мужского пола. Ма-

Императрица Александра Федоровна. 1890-е гг.

лейшая царапина для больного гемофилией может оказаться смертельной. Кроме того, при ушибах или резких движениях у больных зачастую происходят внутренние кровоизлияния.

О характере болезни императрица знала.

Знала и о том, что гемофилия — болезнь ее семьи.

Через мать Алису Гессенскую гемофилия была передана брату императрицы Александры Федоровны — Фредерику Вильяму, а значит, и сама императрица могла быть носительницей этой страшной болезни, и была опасность передать ее своему сыну...

И не здесь ли следует искать ту главную причину, по которой императрица приучала своих здоровых дочерей играть только безопасными игрушками?

Когда великие княжны Ольга — ей шел пятый год — и Татьяна — три года — изъявили желание кататься верхом, «как взрослые», в одно прекрасное утро они увидели под своими окнами дрессированного ослика с очень удобным седлом-сиденьем для двоих...

Еще у любимых княжон были маленькие саночки, запряженные двумя деревянными лошадками, симфонион, собачка из папье-маше...

Императрица словно бы прозревала вперед будущую опасность. Начала бороться с болезнью сына задолго до самого рождения его...

Это и называется Роком...

Алексей Николаевич еще не родился, а его страшная болезнь уже незримо витала во дворце.

2.

И разве объяснишь простым совпадением, что в тот год, когда родился наследник престола, его будущий убийца, пятнадцатилетний ученик аптекаря Яков Свердлов, первый раз угодил в тюрьму?

Рок... Судьба...

Наследник престола рос красивым и умным, хотя страшный Рок каждодневно, ежеминутно напоминал о себе.

«Он вполне наслаждался жизнью, когда мог, как резвый и жизнерадостный мальчик. Вкусы его были очень скромны. Он совсем не кичился тем, что был Наследником Престола... — пишет в своих воспоминаниях Пьер Жильяр. — Он об этом всего меньше помышлял. Его самым большим счастьем было играть с двумя сыновьями матроса Деревенько... У него была большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе...

Наследник, будучи горячим патриотом, считал хорошим только все русское... Он был умен, благороден, добр, отзывчив, постоянен в своих симпатиях и чувствах. При полном отсутствии гордости его существо наполняла мысль о том, что он — будущий царь, вследствие этого он держал себя с громадным достоинством. По мнению всех близко знавших цесаревича, он представлял по уму и характеру идеал Русского царя...»

Однажды, задумавшись, цесаревич сказал своему наставнику:

— Нет... Когда я буду царем, в России не будет бедных и несчастных...

3.

Словно в сказке о спящей принцессе, родители заботливо изымали из спальни все острые и колющие предметы. В детской Алексея не было корабельной мачты — этого непременного атрибута детской наследника престола... Родители окружали Алексея вещами, которые не могли поранить его...

Но никакие предосторожности не помогали.

Однажды Алексей влез на скамейку в классной комнате, поскользнулся и упал, стукнувшись коленкой об угол.

«На следующий день он уже не мог ходить. Еще через день подкожное кровоизлияние усилилось, опухоль, образовавшаяся под коленом, быстро охватила нижнюю часть ноги. Кожа натянулась до последней возможности, стала жесткой под давлением кровоизлияния, которое стало давить на

нервы и причиняло страшную боль, увеличивающуюся с часу на час».

Странное ощущение охватывает сейчас, когда смотришь на сохранившиеся игрушки Алексея.

Вот заводной аист, вокруг которого хороводом бегают зайцы...

Вот огромное пасхальное яйцо. Яйцо открывается, в одной половинке-футляре — деревянная статуэтка гусара; в другой — лейб-гвардейца... Фигурки солдат можно вынуть, потом аккуратно уложить назад в яйцо-футляр, накинуть защелку и убрать яйцо в шкаф, где уже стоит грустный аист с неподвижно застывшими вокруг него зайцами.

На эти игрушки, действительно, можно было только смотреть...

4.

Царевича Алексея берегли от игрушек, но невозможно было уберечь наследника престола от войны, от революции...

Впрочем, и невозможно было оградить от войны ребенка, все существо которого при «полном отсутствии гордости... наполняла мысль о том, что он — будущий царь...»

1 октября 1915 года император выехал с наследником престола в Ставку.

«Отправились с Алексеем в действующую армию. Много сидел с ним и играл в его отделении, — записывал Николай II в своем дневнике. — Ужасно уютно спать друг против друга; я молюсь с ним каждый вечер, с той поры как мы находимся в поезде, он слишком быстро читает молитвы и его трудно остановить, ему страшно понравился смотр, он следовал за мною и стоял все время, пока войска проходили маршем, что было великолепным...»

Об этом же вспоминает и В.И. Воейков...

«2-ого октября 1915 года. Его Величество сделал в Режице первый смотр войскам после вступления Своего в Верховное водительство армией. Следуя с весьма серьезным выражением за Государем шаг за шагом, Алексей Николаевич сиял от восторга. По прибытии в Могилев Его Величество, к большому удовольствию наследника, приказал поставить его кровать в своей спальне. Алексей Николаевич вставал на полчаса раньше Государя и аккуратно приходил каждый день меня будить в мою комнату.

Выпив утром в столовой кофе немного раньше государя, Наследник Цесаревич начинал свои занятия. Преподавателями его были П.В. Петров, А.А. Жильяр и мистер Гипс...»

По различным свидетельствам, Алексей держался в Ставке мужественно и никогда не жаловался на усталость.

«Его присутствие дает свет и жизнь всем нам, включая и иностранцев... — записывает Николай II 6 октября 1915 года. — Перед вечером мы выезжаем (по утрам он играет в саду) либо в лес, либо на берег реки, где мы разводим костер, а я прогуливаюсь около. Я поражаюсь, как много он может ходить, а дома не жалуется на усталость.

Цесаревич Алексей. Фото 1914 г.

Спит он спокойно, я тоже, несмотря на яркий свет его лампадки...»

Два месяца провел царевич Алексей в Ставке, пока не простудился и не начал чихать... У него пошла носом кровь, которую только 6 декабря (уже в Царском Селе) смог остановить Григорий Распутин.

5.

Сохранилась фотография детской царевича Алексея...

Возле чума две корякские лодки, дальше на небольшом подиуме, как в хорошем музее, модель железной дороги и броненосца, пирамида с игрушечными винтовками, модели орудий... Под потолком — аэропланы с широкими крыльями.

Вот такая странная, больше похожая на музей, чем на комнату, в которой играет ребенок, детская...

Но, впрочем, странность рождалась и от другого.

Разглядывая невиданное пасхальное яйцо, я думал, что ведь не игрушки убили царевича Алексея...

Ведь как раз в те дни, когда «боли были еще нестерпимее, чем накануне», в те дни, когда «Цесаревич, лежа в кроватке, жалобно стонал, прижимаясь головой к руке матери», его будущий убийца Яков Свердлов, развлекаясь в тюремной камере, топил в параше пойманную крысу...

Ловко орудуя палкой, он не давал ей выкарабкаться, сбрасывал назад в ведро. Крыса отчаянно верещала, и товарищи Якова с отвращением отворачивались, чтобы не видеть этой садистской забавы.

Но ученику аптекаря наплевать было на эмоции и переживания соседей по камере...

6.

В детской, глядя на корякские лодки возле чума, писал царевич Алексей письмо вдогонку уехавшему в Действующую армию отцу...

«Дорогой мой, милый папа! Приезжай скорей. Спи хорошо. Не скучай. Пишу тебе самостоятельно, надеюсь, что кори у нас не будет и я скоро встану. Целую 10 000 000 раз. Будь Богом храним! А. Романов».

Было это 22 февраля 1917 года...

Перечитывая дневники Николая II того времени, поражаешься мужеству и самого императора, и больного царевича Алексея, с которым держались они, оказавшись под арестом...

«5 апреля. Утром погулял. Днем работал с Алексеем... Смотрело на нас немного народу. Воды было много, она переливалась через каменные плиты. До обеда читал свою книгу, а вечером Татьяне вслух.

3 мая. У Алексея болела рука и он пролежал целый день. С утра до вечера лил дождь, очень полезный для появляющейся растительности...»

Обид на притеснения охраны Николай II как бы не замечает. Не позволяет себе замечать.

Только 8 июня, когда солдаты отберут детскую винтовку Алексея, которой тот играл на острове, Николай II возмущенно запишет: «Хороши офицеры, которые не осмелились отказать нижним чинам».

И снова дневник заполняют прогулки, тихие летние вечера, катание на лодке, работа в парке.

В мае, когда потеплело, начал работать в огороде, занимался с Алексеем географией, историей, катался на лодке и велосипеде, по вечерам читал детям вслух книги на английском и французском языках.

25 мая начал читать вслух «Графа Монте-Кристо». Чтение романа затянулось на целый месяц.

Счастливые семейные вечера в гостиной царскосельского дворца...

И никто из внимавших рассказу о приключениях заточенного на острове графа не знал, что уже скоро им всем предстоит отправиться в долгий и страшный путь. Никто не знал, что всем им остается жить ровно один год...

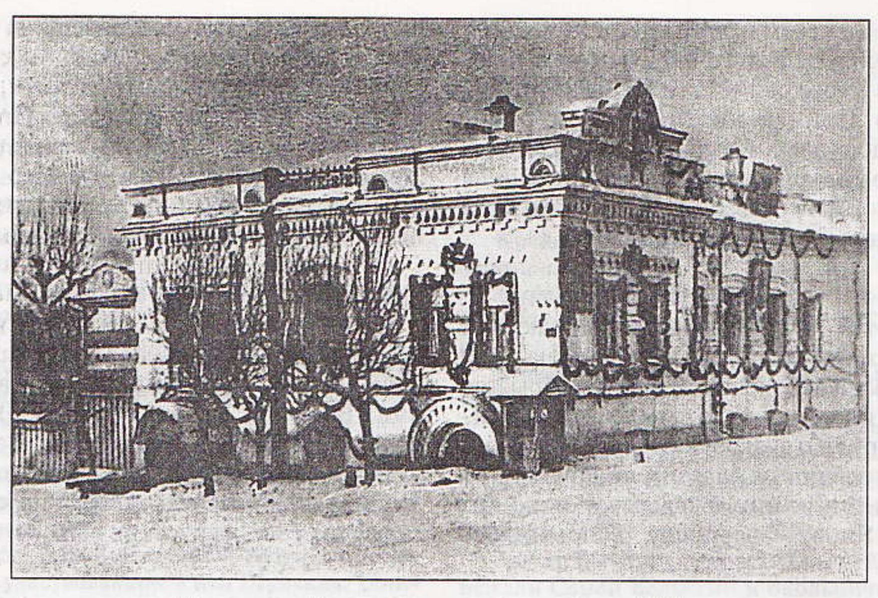
Уезжали из дворца в Сибирь спокойно, точно ехали на отдых в Крым...

И вот прощание.

31 июля, когда уезжали в Тобольск, «красив был восход солнца, при котором мы тронулись в путь».

Железная самодисциплина, предельная строгость к себе, мужество и бесстрашие

Ипатьевский дом в Екатеринбурге. Фото 1917 г.

производили удивительные вещи. В дневниках нет ни рефлексии, ни каких-либо сожалений. Николай II живет каждый день, как и положено жить христианину, готовым, что этот день будет последним для него. Разумеется, он не думал об этом, вернее, не позволял себе думать. Каждый день встречал он с радостью, и жил этот день с тем предельным наслаждением, которое не омрачается никакими пустыми и несущественными хлопотами о суетных проблемах...

А вот запись, сделанная 31 марта настоятелем Феодоровского собора Афанасием Беляевым. Царевич Алексей болел, на службе сидел в креслах одетый в голубой халатик, обшитый по краям узорчатой тесьмой...

«Как шла исповедь, говорить не буду... Впечатление получилось такое: дай, Господь, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная Воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи — страстной и греховной, меня привело в изумление и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне, как духовнику о грехах может быть, им неведомым, и как расположить к раскаянию в неизвестных для них грехах...»

Поражает, как быстро в подготовке к мученическим венцам сближались в своем духовном совершенстве отец и сын...

«2 (15) марта. Вспоминаются эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде!

Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать?

А все-таки никто как Бог!

Да будет воля его святая!..

27 марта. Вчера начал читать вслух книгу Нилуса об Антихристе, куда прибавлены "протоколы" евреев и масонов — весьма современное чтение...

30 марта. У Алексея от кашля заболело в паху, и он пролежал день...

31 марта. Он ночь совсем не спал и днем сильно страдал, бедный...

8 апреля. В 11.30 была обедница. После нее Кобылинский показал мне телеграмму из Москвы, в которой подтверждается постановление отрядного комитета о снятии

мною и Алексеем погон! Поэтому решили на прогулки их не надевать, а носить только дома. Этого свинства я им не забуду!..

2 мая. Применение “тюремного режима” продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр закрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман, который смотрится в окна...»

7.

В этот день, когда туманом, стекающим из малярного ведра, затягивало окна дома Ипатьева, в Московском Кремле, брызгая слюной и посверкивая стеклышками пенсне, спорили о судьбе последнего русского императора новые властители России...

И одному из них, бывшему ученику аптекаря Якову Свердлову, вспомнилось вдруг, как там, в камере, завершив истязание крысы, он отвернулся лицом к стене и долго лежал с открытыми глазами, словно видел в каменном мраке подвал Ипатьевского дома, куда следом за императрицей и дочерьми спустится и сам Государь, держа в руках мальчика, мечтавшего, чтобы не было в России бедных и несчастных.

А следом за ним спустились в подвал чекисты с нерусскими лицами...

Вот имена одиннадцати людей, которые в ту ночь в доме Ипатьева расстреляли Царскую Семью: Юровский, Медведев, Никулин, Ваганов, Хорват, Фишер, Эдельштейн, Фекете, Надь, Гринфельд, Вергази.

И уже никто не увидел, как, ярко вспыхнув вблизи Марса, скатилась с небосклона последняя звезда русских императоров.

РУССКИЙ ХРОНОГРАФ*
(1534—1917)

ПРАВЛЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО
(1534—1584)

Неожиданная смерть Василия III Ивановича, оставившего престол малолетнему сыну, в прежние времена неминуемо бы привела Русь к междоусобице, но благодаря предыдущим правлениям великокняжеская власть была уже так крепка, что никто и не помышлял о мятеже. Андрея Старицкого, брата покойного Великого князя, правда, умертвили, но это на всякий случай, скорее по привычке, в целях предосторожности.

Борьба, и очень жесткая, разумеется, велась. Но участвовавшие в ней Шуйские, Глинские и Бельские боролись за места у трона, а не за сам трон.

Впрочем, могло ли быть иначе? Иван IV Васильевич принял от своего отца не великое княжество, а царство...

Правление и личность самого Ивана Грозного оцениваются историками неоднозначно.

С одной стороны, в эти десятилетия необыкновенно увеличилась Русь: присоединены Казанское, Астраханское и Сибирское царства; а с другой — вся страна оказалась поставленной в столь неустойчивое положение, что без особых, кажется, на то причин опрокинулась в страшные времена Смуты, когда армии чуждых государств свободно бродили по ее территории.

С одной стороны шла жесточайшая централизация власти в руках царя, а с другой — Иван Грозный сам (пусть и формально) отказался от этой власти, уйдя в опричнину, а затем объявив себя «удельным князем Ивашкой...»

С одной стороны, эти десятилетия — времена самого грязного палачества, немыслимой жестокости, а с другой — расцвет высочайшей духовности...

Деяния Церковного Собора, завершившего первую канонизацию русских святых, и Стоглава, сформулировавшего принципы церковного управления и религиозно-нравственной жизни народа, упрочили самостоятельность Русской православной церкви.

---

* Хронология составлена в соавторстве с Мариной Коняевой.

1534 год

Крещение «дикой лопи» новгородским иеромонахом Ильей.

Возвышение любимца Елены Глинской — боярина Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского.

6 июня. Скончался преподобный Иона Клименецкий.

Лето. Закончилось пятилетнее перемирие с Литвой. Гетман Юрий Радзивилл вместе с татарами опустошил окрестности Чернигова, Новгорода-Северского, Радогоща, Стародуба, Брянска.

Август. Бегство московских князей в Литву. Бежали Семен Бельский и окольничий Иван Ляцкой. Схвачен при побеге дядя царицы — Михаил Глинский. Аресты в Москве.

Конец октября. Поход русских войск в Литву.

1535 год

Литовское войско под началом гетмана Юрия Радзивилла, Андрея Немировича и бежавшего из Москвы князя Семена Федоровича Бельского вторглось в Северскую область и взяло Радогощ и Стародуб.

Строительство на литовском рубеже русского города Себежа.

Март. Денежная реформа в Москве. Запрещены в обращении поддельные и резанные деньги. Появление «копейных» денег, на которых великий князь изображался не с мечом, а с копьем в руке.

16 мая. Закладка в Москве каменной стены Китай-города.

Первое упоминание дьяков разрядного приказа.

Осень. Убит в Казани московский ставленник хан Еналей. Казанским царем провозглашен Сафа-Гирей Крымский.

Появление в Москве «ереси Матвея Башкина», отвергавшей культ почитания икон и основные догматы православия.

1536 год

27 февраля. Крупное поражение литовцев под Себежем.

Походы русских войск на Любеч и Витебск.

Возвращение в состав Московского государства Стародуба и Почепа.

9 июля. Выгорел весь Ярославль.

1537 год

Заключен мирный договор со Швецией. Густав Ваза обязался не помогать ни Литве, ни Ливонскому ордену в войне с Московским государством.

Заключено на пять лет перемирие с Литвой.

«Отъезд» князя Андрея Ивановича Старицкого в Торжок, а затем в Новгород. Поднять восстание в Новгороде не удалось. Андрей Старицкий пытался бежать в Литву, но был перехвачен отрядом И.Ф. Овчины-Телепнева-Оболенского и привезен в Москву. Там его заключили в тюрьму и затем казнили. Казнены и многие новгородские бояре — участники заговора. Вдоль дороги на Новгород повешено 30 человек.

1538 год

3 апреля. Умерла правительница Елена Глинская. По слухам, ее отравили.

10 апреля. Арестован боярин Овчина-Телепнев-Оболенский — фаворит покойной Елены Глинской.

19 мая. Скончался преподобный Корнилий Комельский.

Ожесточенная борьба в окружении восьмилетнего Ивана Васильевича. За власть борются группировки из Литвы Бельских и «природных Рюриковичей» Шуйских.

Казнен ближний дьяк Федор Мишурин.

1539 год

Выданы царем губные грамоты белозерцам и каргопольцам: право проводить судебные действия, устав уголовного судопроизводства.

Заморен голодом в тюрьме боярин Иван Овчина-Телепнев-Оболенский.

2 февраля. В Сретение Господне низложен и заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь митрополит Даниил.

6 февраля. Митрополитом всея Руси стал игумен троицкий Иоасаф (Скрипицын).

«Встала вражда между великого князя боярами...» Победа группировки И.В. Шуйского. Князь И.Ф. Бельский снова посажен «за сторожи».

«Князь Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея... нас же с единородным братом моим, святопочившим в Боге Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков, — писал потом, вспоминая о тех временах, Иван Грозный. — Тогда натерпелись мы лишений и в одежде, и в пище. Ни в чем воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет — ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую кичливость? Как исчислить бесчетные страдания, перенесенные мною в юности?»

Казанские татары подходили к Мурому и Костроме, но были отбиты.

11 июля. Явление и прославление Оковецкой-Ржевской иконы Пресвятой Богородицы.

Бежал фортификатор Петр Фрязин, посланный укреплять Себеж.

1540 год

10 февраля. Скончался преподобный Лонгин Коряжемский.

7 апреля. Скончался преподобный Даниил Переславский.

Июль. Митрополит Иоасаф добился освобождения князя Ивана Федоровича Бельского. Правление страной фактически перешло в руки Бельского и митрополита Иоасафа.

Грамота удмуртам о выборе своих целовальников.

27 октября. Обретение мощей святого князя Андрея Смоленского.

Учреждение папой Римским ордена иезуитов.

1541 год

23 июня. Скончался святой благоверный князь угличский Димитрий Прилуцкий.

28 сентября. Скончался преподобный Иродион Илоезерский.

1542 год

3 января. В день Смоленской иконы Божией Матери «Умиление» переворот под предводительством Ивана Шуйского. Иван Бельский увезен в Белоозеро и там задушен. Низложен митрополит Иоасаф. Его заточили в Кирилло-Белозерском монастыре. Впоследствии причислен к лику святых.

19 марта. В митрополиты возведен новгородский архиепископ Макарий.

Начало правления Шуйских.

Набег Саип-Гирея и Федора Бельского на Русь.

Май. Умер самый активный участник дворцовых интриг князь Иван Васильевич Шуйский.

12 июня. Скончался преподобный Стефан Озерский Комельский.

16 декабря. Скончалась преподобная София Суздальская (в миру великая княгиня московская Соломония).

1543 год

29 декабря. По приказу 13-летнего царя Ивана IV Васильевича схвачен и убит псарями Андрей Шуйский. Князь Федор Шуйский отправлен в ссылку. Власть вернулась в руки родичей царя Глинских.

1545 год

3 июня. Скончались преподобные Иоанн и Лонгин Яренгские.

Поход на Казань князей С.И. Пункова-Микулинского и Серебряного-Оболенского.

23 июня. От удара молнии скончался святой праведный Артемий отрок Веркольский.

Король Сигизмунд передал власть в Литве своему сыну Сигизмунду Августу.

Тридентский Собор Римско-католической церкви. Он длился восемнадцать лет — до 1563 года.

1546 год

Во время охоты Ивана IV Васильевича новгородские пищальники пытались передать ему челобитие. Охрана Ивана Васильевича задержала их, но началась драка, в которой погибло более десяти человек.

Глинские объявили это заговором с целью покушения на жизнь Ивана Васильевича и обвинили в нем влиятельных вельмож: князей Ивана Кубенского, Федора и Василия Воронцовых. По приказу Ивана IV Васильевича они были казнены.

Волнения в Казани. Изгнание Сафа-Гирея. Правление московского ставленника Шиг-Алея. Возвращение Сафа-Гирея.

13 декабря. Иван IV Васильевич объявил митрополиту Макарию о своем решении жениться.

Решение Боярской думы о венчании Ивана IV Васильевича на царство.

1547 год

16 января. Митрополит Макарий в Успенском соборе венчал на царство шапкою, бармами и цепью Мономаха Ивана IV Васильевича. Он был провозглашен «царем всея Руси».

3 февраля. Венчание Ивана IV Васильевича с Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой, дочерью старомосковского нетитулованного боярина.

Февраль. Церковный собор, начавший канонизацию местночтимых святых.

20 февраля. Прославление уцелевшей в пожаре Страстной иконы Пресвятой Богородицы, перенесенной в московскую церковь в честь зачатия святой Анны. Празднование 13 августа.

12 апреля. Начало московских пожаров. Погорел Китай-город и Торг. В охваченной огнем Кремлевской башне взорвался порох, «разорва стрельницу и размета кирпичие по берегу реки Москвы и в реку».

20 апреля. Пожар за Яузой.

Москва провозглашена царствующим градом, страна — царством.

3 июня. Семьдесят псковских людей пожаловались Ивану Грозному на своего наместника Турунтая-Пронского. Иван Васильевич велел раздеть псковичей и, положив на земле, поливать их горячим вином и палить им свечами волосы и бороды. Во время экзекуции пришла весть, что с колокольни Благовещенского собора упал большой колокол.

Преставление митрополита Даниила в Иосифо-Волоцком монастыре.

Появление в Москве «сердечников» — чародеев, «вынимавших из людей сердца».

20 июня. Пророчество Христа ради юродивого Василия Блаженного о предстоящем великом пожаре. Долго и безутешно плакал святой у алтаря.

21 июня. Страшный, «какого никогда не бывало», пожар в Москве. Он начался в церкви Воздвижения на Арбате. Дул сильный ветер, и огонь распространился, «как молния». Через час горела уже вся Неглинка. Затем ветер подул в сторону Кремля, и загорелись кровли кремлевских соборов. В пожаре погибла казна, оружейная палата, царская конюшня. Сгорел расписанный фресками Андрея Рублева Благовещенский собор.

«Разбился» на пожаре митрополит Макарий, которого спускали на веревках из Тайницкой башни. Его увезли в Новоспасский монастырь.

Сгорели 25 тысяч дворов. В огне погибли около 2 тысяч жителей.

В Москве возникли слухи, что виновниками пожаров являются Глинские — их усадьбы не пострадали в огне. Говорили, что бабка царя Анна Глинская «з своими детми и людми волх-

вала: вынимала сердца человеческие да клала в воду, да той водой, разъезжая по Москве, кропила, и оттого Москва выгорела».

22 июня. Царь Иван IV Васильевич навестил в Новоспасском монастыре больного митрополита Макария. Там Федор Иванович Скопин-Шуйский, Григорий Юрьевич Захарьин, Иван Петрович Челядин, духовник царя протопоп Федор Бармин начали говорить, что Москва сгорела волшебством: чародеи вынимали сердца человеческие, мочили их в воде, а водою кропили по улицам... Царь назначил розыск.

26 июня. Боярский розыск в Москве. На площади у Успенского храма в Кремле толпе был задан вопрос: кто зажигал Москву?

— Княгиня Анна Глинская со своими детьми волховала! — отвечали из толпы подученные Шуйскими и Захарьиными крикуны.

Началось волнение. Прямо в Успенском соборе убили дядю царя — князя Юрия Глинского.

29 июня. Толпа москвичей явилась к царскому дворцу в селе Воробьеве и потребовала, чтобы государь выдал свою бабку, княгиню Анну Глинскую, и своего дядю — Михаила Глинского. Иоанн Грозный велел казнить крикунов. Толпа в страхе разбежалась.

5 ноября. Бегство в Литву Михаила Глинского.

Первое упоминание приказа Большого Дворца.

В Германии начался набор ученых и ремесленников на русскую службу. На Русь, однако, никто из них не попал. Все были задержаны в Ливонии, а некоторые и убиты.

1548 год

16 мая. Скончался преподобный Лаврентий Комельский.

«Перемена» в царе Иване IV Васильевиче. «Господь наказывал меня за грехи то потопом, то мором, и все я не каялся, наконец Бог наслал великие пожары, и вошел страх в душу мою и трепет в кости мои, смирился дух мой...»

Сближение молодого царя со священником Кремлевского Благовещенского собора Сильвестром и окольничим Алексеем Адашевым.

Неудавшийся поход Ивана IV Васильевича на Казань. В Москву царь вернулся «в больших слезах, что не сподобил его Бог совершить похода».

1549 год

Второй Церковный собор, завершивший первую канонизацию местночтимых святых. К 22 прежним прибавилось еще 39 русских святых.

Март. В Москве получено известие о смерти правителя Казани — Сафа-Гирея.

Созыв первого Земского собора.

Приговор Боярской думы об ограничении суда наместников. Уголовное судопроизводство передано старостам, избиравшимся из местных детей боярских. Губные уставные грамоты. Реформа местного управления, отменена система «кормлений».

Осень. Убит возвращающийся с царских крестин усмиритель ладожских пиратов святой преподобномученик Адриан Ондрусовский. Память 26 августа, 17 мая.

Ухудшение положения крестьян. Увеличена плата за право уходить к другому владельцу в Юрьев день (26 ноября).

1550 год

Февраль. Второй поход Ивана IV Васильевича на Казань. Возле Казани на Круглой горе заложен город Свияжск.

Приведены к присяге черемисы, чуваши, мордва.

5 марта. Мученическая кончина преподобного Адриана Пошехонского, Ярославского.

Первый Земский собор. Утвержден судебник Ивана IV Васильевича.

24 августа. Преставление преподобного Арсения Комельского.

Уложение о воинской службе дворян и «детей боярских». Учреждение постоянного (стрелецкого) войска. Ограничение местничества во время полковой службы.

Протопопом Сильвестром составлен окончательный текст «Домостроя».

1551 год

23 февраля. Открытие Церковного собора — «Стоглава». Название этот Собор получил по числу глав сборника, в котором были сведены его деяния. Собор сформулировал принципы церковного управления и религиозно-нравственной жизни народа.

Скончался преподобный Герасим Комельский. Память 24 августа.

Перепись земель и изменение податного обложения.

Приговор об образовании особого разряда «помещиков детей боярских лучших слуг».

1552 год

Митрополит Макарий завершил составление великих Миней Четьих.

«И эти святые великие книги... отдал я в дом Пречистой Богородице и великих чудотворцев Петра, Алексия и Ионы, в святую соборную церковь русской митрополии Успения Пресвятой Богородицы в одиннадцатый год своего святительства и смирения духовной пастве».

Набег крымских татар на Тулу. Нападение было отбито жителями города. Татары разгромлены.

2 марта. Важская уставная грамота. Наместники заменены выборными «излюбленными» судьями (земскими старостами), которые и вершили в крае суд. Жители обязались за это самостоятельно собирать налоги и исправлять другие государственные повинности.

24 марта. Мученическая кончина святых Стефана и Петра Казанских. Память 2 октября.

16 июня. Начало третьего похода Ивана IV Васильевича на Казань. В походе участвовало 150 тысяч человек.

22 июня. Еще когда войска стояли в Коломне, получено было известие, что идет набегом на Русь крымский хан. Крымцы подступили к Туле и целый день били по городу из пушек, но Тула выстояла, а к вечеру подошли полки, посланные царем из Коломны. Татары побежали, но на речке Шивороне были настигнуты и разбиты.

23 августа. Начало осады Иваном IV Васильевичем Казани.

4 сентября. Князь Василий Серебряный взорвал подземный ход, по которому ходили казанцы за водой.

6 сентября. Взят острог на Арском поле.

2 октября. С помощью подкопа подорвана городская стена. Штурм и взятие Казани.

4 октября. Иван IV Васильевич заложил в Казани церковь во имя Благовещения Богородицы.

11 октября. У Иоанна Грозного родился наследник — царевич Дмитрий.

Возвращение царского войска в Москву. Казанского победителя встречало такое множество народа, что «поля не вмещаху их: от реки от Яузы и до посаду и по самой град по обе страны пути бесчислено народа... велиими гласы вопиющий, ничтоже ино слышати токмо: "Многа лета царю благочестивому, победителю варварьскому избавителю христьянскому"».

Обращение Кабарды к московскому царю с просьбой защитить от врагов.

Вспышка эпидемии смертоносной язвы, называемой «железа», в Пскове. За год умерло 25 000 человек.

Вскоре язва перекинулась в Новгород.

1553 год

Восстание «луговых людей» под Казанью.

Разгром рати Бориса Салтыкова, выступившей из Свияжска против бунтовщиков. Погиб и сам воевода.

Карательный поход Данилы Адашева на Каму, Вятку и Волгу.

От огорчения с Иваном IV Васильевичем приключилась горячка. Подученный братьями царицы, Захарьины-Юрьевы, дьяк Михайлов предложили царю написать духовную и потребовать, чтобы двоюродный брат Владимир Старицкий присягнул его сыну — малолетнему Дмитрию.

Владимир Андреевич Старицкий присягнуть отказался.

Боярский мятеж.

Сильвестр и Адашев пытались защитить Владимира Старицкого. Охлаждение царя к Сильвестру и Адашеву. «Вы души свои забыли, и нам и нашим детям служить не хотите».

Устройство первой анонимной типографии в Москве, выпустившей анонимные издания.

Англичане отправили экспедицию для поиска северного морского пути в Индию, но один корабль погиб, а другой буря занесла в Белое море. Корабль пристал к берегу у Никольского Карельского монастыря. Командир корабля Ричард Ченслер был доставлен в Москву.

Церковный собор осудил ересь Матвея Башкина и Феодосия Косого и сомнений дьяка И.М. Висковатого, которые отрицали таинство причастия и покаяния, хулили Иисуса Христа, говорили о ненужности церквей и икон. Собор определил сослать Башкина и Косого на Соловки, но Феодосий Косой сумел убежать в Литву, где и продолжал проповедовать свою ересь.

1554 год

Исполняя обет, данный во время болезни, Иван IV Васильевич отправился на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. Во время поездки умер (июнь 1553 г.) его сын Дмитрий. Новые «перемены» в характере царя.

1 мая. Скончался преподобный Герасим Болдинский.

29 июня. Принесение преподобным Феодосием в тотемский монастырь Вознесения Господня Тотемской-Суморинской иконы Пресвятой Богородицы.

30-тысячное войско под командованием князя Ю.И. Пронского-Шемякина спустилось по Волге и заняло Астрахань, жители которой

разбежались. Астраханцы были выловлены и возвращены в город. Царем поставлен Дербыш-Алей.

Арест князя Семена Ростовского, пытавшегося бежать в Литву.

В Москву явились ливонские послы с просьбой о продолжении перемирия, заключенного в 1503 году. Алексей Адашев, ведший переговоры, потребовал выплаты дани с юрьевской волости за 50 лет. В ходе переговоров было решено, чтобы дань выплачивалась в течение трех лет.

7 декабря. Скончался преподобный Нил Столобенский.

Уничтожение отшельнических скитов на Севере, сделавшихся местами убежища еретиков.

1555 год

3 февраля. Рукоположен во епископа святитель Гурий (Руготин) Казанский.

Февраль. Резня в Ногайской орде. Братья Измаил и Юсуф резались несколько дней. Ногайцев с обеих сторон пало множество. Победивший Измаил просил у Ивана IV Васильевича помощи. Орда Больших Ногаев признала вассальную зависимость от Руси.

Второй приезд англичанина Ричарда Ченслера в Москву.

Явились послы от сибирского хана Едигера и били челом, чтобы государь и их, и всю землю Сибирскую взял на свое имя.

Поход И.В. Шереметева в Крым. По дороге Шереметев узнал, что крымцы идут набегом на Тулу, и, повернув, начал преследовать их. Столкновение с татарами. Поражение Шереметева. Отражение татарского набега.

27 июля. Скончался Иоасаф, митрополит Московский и всея Руси, подвижник благочестия.

Измена астраханского царя Дербыш-Алея.

Учреждена Казанская епархия. Начало миссионерской деятельности святителя Гурия, первого архиепископа Казанского. Гурий устроил в Казани два училищных монастыря для обучения детей христиан и язычников. Память 4 декабря.

В честь покорения Казанского царства начато строительство собора Василия Блаженного в Москве.

Начало войны со шведским королем Густавом I Вазой.

1556 год

21 января. В Троице-Сергиевой обители скончался преподобный Максим Грек, переводчик, автор «Исповедания православной веры». Погребен в Свято-Духовском храме.

Продлено на шесть лет перемирие с Литвой.

Поход дьяка Ржевского в Крым, вызвавший воодушевление украинских казаков.

Сентябрь. Князь Дмитрий Вишневецкий, начальник всей Украины, подал челобитье Ивану IV Васильевичу о зачислении его на царскую службу.

Отмена кормлений. Завершение губной и земской реформ.

7 декабря. Скончался преподобный Антоний Сийский.

Окончательное покорение Астраханского царства.

1557 год

9 февраля. Скончался преподобный Никифор Важеозерский.

«Сидение» князя Вишневецкого с казаками на Хортицком острове, закрывавшем крымским татарам дорогу для набегов.

2 июля. Присоединение Астрахани.

2 августа. 88 лет от роду преставился Христа ради юродивый Василий Блаженный Московский.

Истекли три года, отведенные на выплату дани, и московские войска двинулись в Ливонию.

Восстановление Сербского патриархата в Пече.

1558 год

Январь. Начало Ливонской войны. Разведывательный рейд. С большой добычей московское войско вернулось назад, на Псковщину.

Поход князя Дмитрия Вишневецкого на крымских татар. Девлет-Гирей сел в осаде за Перекопом.

Март. Поход на Ливонию М.В. Глинского и бывшего казанского царя Шиг-Алея.

11 мая. Русские войска после осады взяли Нарву. Чудо иконы Божией Матери. Икона сохранилась в пожаре.

Июль. А.М. Курбский и П.И. Шуйский начали наступление на Ливонию со стороны Пскова. Завоевали Новгородок Ливонский (Нейшлос), Юрьев (Тарту) и ряд других городов.

Хан Едигер, признав вассальную зависимость Сибирского ханства от Москвы, начал выплачивать дань.

В конце года состоялся неудавшийся набег крымских татар на Москву. Девлет-Гирей только «людей своих переморил да лошадей».

1559 год

Март. По настоянию Алексея Адашева заключено перемирие в Ливонской войне до ноября. Оно оказалось крайне невыгодным для Московской Руси. За это время Ливонский орден перешел под патронат польского короля Сигизмунда II Августа, остров Эзель захватили датчане, а Эстония отошла к Швеции.

Войну, по сути дела, пришлось продолжать уже против коалиции государств.

Лето. Удачный поход Данилы Адашева в Крым.

13 июля. В день Собора Архангела Гавриила пожары в Москве. Сгорело много жилищ и церквей.

5 августа. Умерла жена Ивана IV Васильевича Анастасия.

8 сентября. Прославление Почаевской иконы Пресвятой Богородицы, подаренной греческим митрополитом Неофитом Анне Гойской.

16 сентября. Ливонский орден и Сигизмунд-Август заключили договор, по которому Сигизмунд-Август обязался защищать ливонские земли. За это ему было отдано девять волостей.

Октябрь. Польский военачальник Александр Полубенский обманом захватил русскую крепость Изборск.

Войска ливонского магистра Кетлера, нарушив перемирие, напали на русских близ Юрьева.

Успехи русских в Ливонской войне. Окончательный распад Ливонии.

1560 год

В смерти супруги царя обвинены не только врачи, лечившие ее, но и Сильвестр и Адашев, воздействовавшие на царицу своими чарами. Адашев заключен в тюрьму, Сильвестр — в монастырь.

В Москву прибыло первое посольство из Бухары и Самарканда.

1561 год

Переговоры Ивана IV Васильевича о сватовстве к сестре Сигизмунда-Августа. Однако поляки поставили условием этого брака предварительное заключение мира, и сватовство не состоялось.

Скончались преподобные Вассиан и Иона Пертоминские.

21 августа. Свадьба Ивана IV Васильевича с дочерью кабардинского князя Темрюка (Темгрюка), получившей в крещении имя Мария.

Сентябрь. Наступление гетмана Радзивилла в Ливонии. Взятие Тарваста.

Победа русских воевод под Пернау.

Падение Ливонского ордена.

Составление Степенной книги.

1562 год

Поражение русских под Невелем. Курбский отстранен от войска и назначен наместником в Юрьев.

Духовная грамота Ивана IV Васильевича.

При семилетнем царевиче Иване образован регентский совет, в который вошли И.Ф. Мстиславский, В.М. Захарьин-Юрьев, А.П. Телятевский, И.П. Яковлев, Ф.И. Колычев-Умный, П.И. Горенский, Д.Р. Захарьин-Юрьев и дьяк Андрей Васильев.

24 ноября. Скончался преподобный Симон Сойгинский.

1563 год

15 февраля. Иван IV Васильевич взял Полоцк. «Бог несказанную свою милость излиял на нас, недостойных, вотчину нашу, город Полоцк, нам в руки дал». Жалобы освобожденных половчан на притеснение евреями.

Заключено перемирие до 6 декабря с Литвой.

Заключено перемирие на семь лет со шведским королем Эриком XIV.

Бухарский хан Кучум свергнул Едигера в Сибири.

Явление юродивому Тимофею Псковскому чудотворной иконы Божией Матери «Умиление» в Вороniче. Через шесть лет на этом месте основали Святогорский монастырь.

5 декабря. Скончался святитель Гурий (Руготин), архиепископ Казанский и Свияжский.

31 декабря. Скончался святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси. Память 30 декабря.

1564 год

24 февраля. Митрополитом всея Руси избран духовник царя протопоп Благовещенского собора, принявший постриг в Чудовом монастыре, Афанасий.

1 марта. В Москве выпущена первая печатная книга «Апостол» Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем.

12 марта. Рукоположен во епископа Казанского святитель Герман (Садырев-Полев).

Дьяконы Кремлевской церкви Николы Гостунского Иван Федоров и Петр Мстиславец напечатали первую книгу Апостол.

30 апреля. Ночью бежал из Юрьева в Литву князь А.М. Курбский.

Пострижен в монахи Иван Васильевич Большой Шереметев, подозреваемый в измене.

Осень. Литовские отряды появились под стенами Чернигова и Полоцка. Нападение на Рязань крымского хана Девлет-Гирея. Отдыхавшему в своем поместье Басманову удалось наспех собрать свою свиту и напасть на татарские разъезды. Захватив языков, он засел в Рязани и возглавил ее оборону. Город удалось отстоять, крымцы отступили в степь.

Тем не менее нападение это свидетельствовало о крупном поражении русской дипломатии. Теперь Руси предстояла война на два фронта.

Осознание царем и его окружением необходимости ввести в стране чрезвычайное положение.

3 декабря. Иван IV Васильевич Грозный уехал в Александровскую слободу, забрав с собою семью, казну и ближайшее окружение.

1565 год

3 января. Иван IV Васильевич Грозный отправил из Александровской слободы митрополиту Афанасию список измен боярских, совершенных еще до его совершеннолетия. Одновременно послана грамота ко всем православным христианам Москвы, что гнева на них и никакой опалы нет. Еще Иоанн Грозный объявлял, что он отрекается от престола.

23 января. Скончался преподобный Геннадий Костромской, Любимоградский.

Духовенство и бояре, явившись в Александровскую слободу, объявили о своем общем решении: пусть царь правит, как ему угодно, только бы снова взял в руки правление. Иван IV Васильевич принял челобитие и вернулся в Москву.

Начало опричнины. Термином «опричнина» древнерусская юриспруденция обозначала уделы овдовевших княгинь. Иван IV Васильевич выделил для себя изо всего государства «обширный» удел, который, начиная от Москвы, «чрезполосно» прорезывал всю государственную территорию в ее главнейших направлениях. Для управления «опришными» землями царь избрал сначала 1000, а потом целых 6000 служилых людей и раздал им в поместья главным образом те земли, которые составляли подлинную отчину и дедину титулованного боярства, унаследованную от удельных князей. Сажая своих худородных опричников на родовых княжеских землях, Иван IV Васильевич «испомещал» бояр-княжат в новых землях и чуждых областях, отрывая их тем самым от родных насиженных мест, питавших в них честолюбивые политические притязания. «Таким путем, — как отмечают историки, — опричнина произвела в государстве громадную перетасовку земельных владений, хитроумно и в своем роде целесообразно устроенную...»

Официально управляла опричниной особая Боярская дума, возглавляемая братом царицы Михаилом Черкасским, но фактически ее руководителями стали Алексей Басманов, кравчий Федор Басманов, оружничий Афанасий Вяземский, думный дворянин Петр Зайцев, Малюта Скуратов, Василий Грязной.

Казни бояр. Обвинены в измене и казнены князья И.И. Кашин, А.Б. Горбатый-Суздальский. Посажен на кол Д.Ф. Шевырев.

Массовое переселение опальных в Казань, Свияжск, Чебоксары.

Укрепление в Польше иезуитов.

1566 год

По повелению Ивана Грозного в Вологде начато каменное строительство.

Эпидемия. «Лихое поветрие».

Победа над крымскими татарами А.И. Хворостина.

16 мая. По болезни оставил митрополию и удалился в Чудов монастырь митрополит Афанасий.

25 июня. Митрополитом Московским и всея Руси поставлен игумен Соловецкого монастыря Филипп II (Колычев). Он дал запись не вмешиваться в дела опричнины.

Казнен князь В.Ф. Пронский-Рыбин, выступавший на Соборе против политики Ивана IV Васильевича. Умер под пытками постригшийся в монахи князь П.М. Щенятов.

28 июня — 2 июля. Земский собор. Духовенство, бояре, помещики с литовских границ обсуждали условия мира с Литвой. Собор постановил не уступать полякам Ливонии.

1567 год

14 января. Скончался в Москве святитель Акакий, епископ Тверской.

Попытки короля Сигизмунда-Августа склонить к измене видных московских бояр.

Прославление Мирожской иконы Пресвятой Богородицы во время моровой язвы в Пскове (излияние слез, исцеления). Празднование 24 сентября.

Поновление митрополитом Афанасием Владимирской иконы Пресвятой Богородицы.

6 ноября. Скончался в Москве святитель Герман (Садырев-Полев), архиепископ Казанский и Свияжский.

1568 год

28 января. Скончался преподобный Феодосий (Суморин) Тотемский.

26 февраля. Скончался Феодосий, архиепископ Новгородский, Волоколамский.

Июль. Прибыл английский посол Томас Рандольф.

Сентябрь. Волна опричного террора прокатилась по Москве. В царском дворце убит боярин И.П. Федоров-Челяднин. Труп выволокли на улицу и бросили в навозную кучу. Казнены бояре М.И. Колычев, М.М. Лыков, А.И. Катырев-Ростовский и другие. Людей казнили без суда, убивали в домах и на улице.

4 ноября. Опричники вывели митрополита Филиппа из Успенского собора и отправили его в Тверской Отрочь монастырь. Низложение митрополита было вызвано его отказом прекратить «печалования» по убиенным и замученным.

«Я пришелец на земле, — говорил о себе святитель Филипп, — и за истину благочестия готов потерпеть и лишение сана и всякие муки».

11 ноября. Предстоятельство Кирилла III, митрополита Московского и всея Руси.

Основание Троицкого монастыря в Астрахани.

1569 год

Иван Грозный принял в Вологде английского посла Томаса Рандольфа. Переговоры о военном союзе не имели успеха.

26 июня. Обретение мощей преподобного Тихона Луховского, Костромского, скончавшегося 16 июня 1503 года.

Смерть Марии Темрюковны — второй жены Ивана Грозного. С горя Иван Васильевич угостил ядом своего двоюродного брата Владимира Старицкого, а потом приказал убить его дочь и жену. Заодно задушили в монастыре и мать Владимира, черницу Евдокию. Старицкий удел был ликвидирован.

Неудавшийся поход турок на Астрахань.

Окончательное соединение Литовской Руси с Польшей в Речь Посполитую. Заключена Люблинская уния.

Начало голода. «Был тот голод шесть лет».

Явление и прославление в Ворониче Святогорской иконы Пресвятой Богородицы «Одигитрия».

Митрополитом поставлен троицкий архимандрит Кирилл.

На Соборе, где поставили нового митрополита, рассматривалось и прошение царя о разрешении ему третьего брака. Разрешение было дано, но на царя Собор наложил трехлетнюю епитимию.

К Ивану Грозному явился Петр Волынец и донес, что новгородцы хотят предаться польскому королю, и об этом у них уже написана грамота. Посланный в Новгород доверенный человек царя действительно обнаружил такую грамоту за образом Богоматери в Софийском соборе. В конце года Иван Грозный выступил в поход на Новгород.

Казнен князь И.И. Пронский-Турунтай.

23 декабря. В Предпразднество Рождества Христова, будучи в Твери на подходе к Новгороду, Иван Грозный послал Малюту Скуратова в Тверской Отроч монастырь взять благословение у бывшего митрополита Филиппа. Филипп отказался дать благословение, и Малюта задушил его.

Скончался святой блаженный Тимофей, Христа ради юродивый, Опочский, Псковский.

1570 год

Казнь Новгорода.

2 января. Передовые отряды царской дружины устроили вокруг Новгорода заставы, не позволяя никому выезжать из города, опечатали монастырские казны.

6 января. В день Богоявления и крещения Господня Иван Грозный с полуторатысячным отрядом стрельцов прибыл в Новгород.

7 января. Отдан приказ: бить палками арестованных игуменов и монахов, а трупы развозить по монастырям для погребения.

8 января. Днем опричники разорили подворье новгородского архиепископа Пимена, а вечером начали пытать простых новгородцев «составною мудростию огненной». Затем обвиненных привязывали к саням и сбрасывали в Волхов. Тех, кому удавалось выплыть, опричники с лодок протыкали рогатинами.

13 февраля. Насытившись казнью Новгорода, Иван Грозный выехал в Псков.

20 февраля. Казнен настоятель Псково-Печерского монастыря Корнилий, просивший Грозного не разорять Псков, и ученик его Вассиан-муромец.

Встреча Ивана Грозного в Пскове.

Царь не принял хлеба-соли, и тогда к нему обратился блаженный юродивый Никола: «Иванушка, Иванушка, покушай хлеба-соли, а

не человеческой крови». Заступничеству блаженного Николы и приписывается спасение Пскова. Убоявшись Божьего гнева, Грозный уехал из Пскова. Память блаженного Николы Христа ради юродивого Псковского — 28 февраля.

Голод. Эпидемия. «Мор был силен по Русской земле».

Перемирие с Литвой на три года.

Май. Не сумев добиться от поляков уступки Ливонии, Иван Грозный объявил прибывшего в Москву датского принца Магнуса Ливонским королем. В жены ему была отдана племянница Грозного Евфимия — и взята присяга на верность.

Продолжение следствия о «новгородской измене» в Москве.

12 июля. Скончался преподобный Арсений Новгородский.

25 июля. Массовая казнь у Поганой лужи (Чистые пруды). Первым, сварив его живьем в котле, казнили казначея Никиту Фуникова. Главного канцлера Ивана Висковатого привязали к доске и изрезали, начиная с ног, на куски. Князей Петра Оболенского-Серебряного, Захара Очина-Плещеева, Ивана Воронцова и других привязали к барьеру и проткнули пиками. Князь Афанасий Вяземский умер под пытками. Алексей Басманов по приказу Грозного убит своим сыном Федором.

3 августа. Мученическая кончина игумена Геласия и с ним двадцати братий новгородского Антониева монастыря в честь Рождества Богородицы.

Датский принц Магнус осадил Ревель, отдавшийся под власть шведов.

1571 год

Сибирский хан Кучум прекратил выплату дани Москве.

Май. Воспользовавшись несогласованностью действий русских военачальников, крымские татары Девлет-Гирея беспрепятственно подошли к Москве и 24 мая подожгли посады. Выгорела вся Москва, кроме Кремля. По татарским источникам, погибло около двухсот тысяч человек.

25 мая. В день третьего обретения честной главы Предтечи и Крестителя Иоанна в церкви святой Параскевы в Новгороде после службы на всех напал таинственный ужас. Давя друг друга, народ побежал неведомо куда, купцы раздавали бесплатно товары из своих лавок и тоже бежали.

Обретение и прославление Игрицкой-Песочицкой иконы Пресвятой Богородицы близ Костромы.

17 августа. Скончался преподобный Феодорит, просветитель Кольский.

2 сентября. Явление чудотворной иконы Божией Матери «Знамение» в церкви Иоанна Предтечи близ Вологды. Благодаря этому явлению прекратилось моровое поветрие.

Казни виновников «крымской беды» в Москве. Казнен командующий опричным войском, не сумевший остановить татар у Серпухова, Михаил Черкасский. Утоплен боярин В.И. Темкин-Ростовский. По приказу Ивана Грозного лекарем Бомелеем отравлен дворецкий И.Ф. Гвоздев-Ростовский, опальник Г.Б. Грязной и еще около сотни опричников.

Грандиозный — в нем участвовало 2 тысячи девушек — смотр невест в Александровской слободе.

25 сентября. Скончался святитель Пимен, архиепископ Новгородский.

28 октября. Иван Грозный женился на дочери новгородского купца Марфе Собакиной, но царицей она была все две недели и 13 ноября умерла.

Эпидемия в Новгороде (умерло 10 тысяч человек) и Великом Устюге (умерло 12 тысяч).

Голодный год.

Признание донскими казаками власти русского царя.

1572 год

Эпидемия моровой язвы.

Составлено духовное завещание Ивана IV Васильевича Грозного. «Тело изнемогло, болезнует дух, струпы душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы меня исцелил... Воздали мне злом за добро, ненавистью за любовь». Своим преемником Иван Грозный назначил старшего сына Ивана.

8 февраля. Скончался Кирилл III, митрополит Московский и всея Руси.

Май. Началось предстоятельство Антония, митрополита Московского и всея Руси.

Собор о четвертом браке царя Иоанна IV Васильевича Грозного.

Нарушая церковный устав, Иван Грозный женился в четвертый раз. Теперь — на Анне Колтовской.

11 июня. Обретение мощей преподобного Ефрема Новоторжского. Он был конюшим святых князей Бориса и Глеба. Принял иночество. Скончался 28 января 1053 года.

Написана Ржавецкая икона Пресвятой Богородицы.

Июль. Умер последний Ягеллон — Сигизмунд-Август. Переговоры литовцев с Иваном Грозным об избрании его королем.

Набег крымских татар. Девлет-Гирею удалось собрать 50-тысячную армию.

28 июля. В день Смоленской иконы Божией Матери русские войска под командованием князя М.И. Воротынского разгромили татар у села Молоди на реке Лопасне. В сражении с татарами М.И. Воротынский впервые использовал для борьбы с татарской конницей «гуляйполе» — подвижную крепость на возах, за стенами которой укрывались пушкари.

24 августа. Варфоломеевская ночь в Париже, когда было убито не менее 3 тысяч гугенотов.

Иван Грозный с 80-тысячным войском вступил в Эстонию. Приступом взят Виттенштейн. При штурме погиб Малюта Скуратов.

Упразднена опричнина. Специальным указом запрещено даже упоминать слово «опричнина».

1573 год

Ливонский поход.

Заступничество Пресвятой Богородицы чрез Коневскую икону за Коневский монастырь при нападении шведов.

Казнен московский воевода Михаил Иванович Воротынский, одержавший в предыдущем году победу над татарами и спасший Москву. Казнены воеводы Н.Р. Одоевский и М.Я. Морозов.

1574 год

Основание крепости Уфа и принятие башкир в русское подданство.

Жалованная грамота Строгановым: селиться и заводить промыслы по сибирским рекам.

Польским королем избран Генрих Анжуйский. Бегство его из Польши. Обсуждались в польском сейме кандидатуры Ивана Грозного и его сына Федора.

1575 год

Заключено перемирие на два года со Швецией.

14 февраля. По воле царя Иоанна Грозного перенесены в Москву мощи святых мучеников Михаила, князя Черниговского и боярина его Феодора, замученных в Орде 20 сентября 1246 года. Положены в соборной церкви Черниговских чудотворцев над Кремлевскими Тайницкими воротами.

Посажен на кол Б.Д. Тулупов. После жестоких пыток казнен пытавшийся бежать лекарь Бомелей.

Новая затея Ивана Грозного. Он передал престол, объявив царем, татарину Булату Бекбулатовичу Саину, а себя начал звать удельным князем Ивашкой. За год «царствования» Булата Бекбулатовича Иван Васильевич еще раз «перебрал людишек», создав личное войско.

1576 год

28 февраля. Скончался святой блаженный Николай, Христа ради юродивый, Саллос, Псковский.

11 апреля. Скончался святитель Варсонофий, епископ Тверской.

1 мая. В Кракове состоялась коронация Стефана Батория. При избрании Стефан Баторий поклялся польскому дворянству вернуть все земли, завоеванные Московским государством в Литве и Ливонии.

1577 год

Самый большой и самый удачный поход Ивана Грозного в Ливонию. Русские заняли почти все прибрежные крепости. К сентябрю за исключением Ревеля и Риги вся Ливония была в руках Ивана Грозного.

18 января. Скончался преподобный Афанасий Сянжемский.

1578 год

Родился князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Неудачи в Ливонии. Предательство Магнуса, он переметнулся к полякам.

Нападение шведов на Нарву.

1579 год

23 июня. В день Владимирской иконы Божией Матери пожар в Казани. Только «малая часть посаду осталась».

Июнь. Стефан Баторий объявил войну Ивану Грозному.

8 июля. Явление чудотворной Казанской иконы Божией Матери, одной из главных русских святынь, спасавших страну в годины страшных испытаний. Икона, объятая грозным пламенем, явилась девятилетней девочке Матрене во сне. Архиепископ Казанский, придя на указанное девочкой место, вырыл икону из земли и совершил крестный ход.

Август. Весь месяц 15-тысячная армия Стефана Батория осаждает Полоцк. 31 августа го-

род был сдан с условием свободного выхода всех ратных людей.

25 сентября. Крупное поражение русских войск под Соколом. Сокол был зажжен и взят.

1580 год

Закон о заповедных годах.

15 января. Церковный собор постановил: архиереям и монастырям вотчин у служилых людей не покупать, в заклад на помин души не брать.

Иван Грозный женился в седьмой и последний раз на Марии Нагой — матери царевича Дмитрия.

14 июля. Заключено перемирие на пять недель со Стефаном Баторием в день памяти преподобного Стефана Махрищского.

27 августа. Польско-литовская армия подошла к Великим Лукам. Прибывшие в лагерь Батория послы Ивана Грозного предложили отдать Баторию города в Ливонии, уже занятые им, но требовали назад Полоцк. Баторий отказался, требуя в придачу к Полоцку Псков и Новгород.

3 сентября. Скончался святой блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Милостивый, Власатый, Ростовский.

Стефан Баторий взял Великие Луки.

Первопечатник Иван Федоров издал в Остроге Псалтырь и Новый Завет.

Ноябрь. Шведские войска под командованием Понтуса Делагарди вошли в Карелию и взяли Кексгольм.

1581 год

Начало года. Скончался митрополит Антоний. Началось предстоятельство Дионисия, митрополита Московского и всея Руси. Собор, обсуждавший вопрос о церковных имуществах.

16 апреля. Рукоположен во епископа Коломенского святитель Иов.

17 июня. Скончался преподобный Анания иконописец, Новгородский.

1 сентября. Начало организованного «сиротками» промышленниками Строгановыми похода Ермака в Сибирь. Казаки поднялись на стругах по Чусовой, потом по Серебрянке и, оставив здесь суда, перетащили кладь к Медведь-горе на Тагиле. Здесь были сделаны новые струги, и на них казаки спустились во владения Кучума. Первый бой с татарами у них состоялся на омутистой Туре.

Первые польские отряды появились вблизи Пскова. Стефаном Баторием взят Остров. Начало осады Пскова.

8 сентября. Рождество Богородицы. После длившегося два дня обстрела Пскова поляки пошли на приступ. Взяты Покровская и Свиная башни, но псковичам удалось отбить приступ. Свиную башню псковичи взорвали вместе с врагами. При штурме поляки потеряли более пяти тысяч воинов.

24 сентября. Скончался преподобный Никандр Псковский.

Ноябрь. В припадке гнева Иван Грозный ударил посохом своего старшего сына Ивана, требовавшего помочь осажденному Пскову. Кончина старшего сына Ивана Грозного.

13 декабря. В деревне Киверова Гора возле Яма Запольского начались мирные переговоры русских и поляков. Ценой уступки всей Ливонии заключено перемирие на десять лет.

Успехи шведов в Ливонии. Делагарди взял Лоде, Фиккель, Леаль, Габзель, Нарву.

Начала работу первая в России аптека. Прибыли фельдшеры из Англии.

Введение заповедных лет.

Первое издание печатной Библии на славянском языке.

1582 год

Введение Григорианского календаря. Самый короткий в истории Европы год. 5 октября 1582 года декретом папы Григория XIII предписано считать 15 октября.

1 августа. Медовый Спас. Разбив татар у Бабасанских юрт, казаки Ермака взяли Карачинский городок, прикрывающий подступы к столице Кучума Искеру.

19 октября. Родился у Иоанна Грозного и Марии Нагой сын — царевич Димитрий. Прямое его имя было — Уар.

28 октября. Битва у Чувашского мыса. Взятие Ермаком столицы Кучума — Искера.

«Царь же Кучум, видя свою погибель и царства своего и богатства лишение, рече ко всем с горьким плачем: о мурзы и уланове! Побежим, не помедлим». Он откочевал в ишимские степи, а Ермак — на день памяти святого Дмитрия Солунского — вошел в Искер под хоругвью, на которой и был изображен этот святой.

Посольство Ермака к царю Ивану Васильевичу. Возглавлявший его атаман Иван Кольцо привез в Москву ясак и грамоту от Ермака.

«...Царство сибирское взяша, а царя Кучума победиша и под твою царскую высокую руку покориша многих живущих иноземцев, татар и остяков и вогуличей и к шерти их, по их вере, привели многих, чтобы быть им под твоею го-

сударскою высокою рукою до века, покамест Бог изволит вселенной стояти...»

В честь этого события в Москве звонили в колокола и в храмах служили благодарственные молебны.

1583 год

Принесение преподобным Трифоном Печенегским в русскую Лапландию (Кольский полуостров) Трифоновской иконы Пресвятой Богородицы.

Заключение мира со шведами, по которому Иван Грозный уступал Ивангород, Ям, Копорье.

20 ноября. Собор в Константинополе подверг анафеме сторонников Григорианского календаря.

15 декабря. Скончался преподобный Трифон Печенегский, просветитель Кольский.

1584 год

18 марта. Собравшись поиграть в шашки, умер 53-летний Иван IV Васильевич Грозный, первый русский царь.

21 мая. Мученическая кончина священномученика Агапита Маркушевского и послушников Феодора и Андрея.

ПРАВЛЕНИЕ ФЕДОРА ИОАННОВИЧА (1584—1598)

Во время царствования Федора Ивановича окончательно утвердилась самостоятельность Русской православной церкви. В 1589 году в Москве было учреждено патриаршество и поставлен первый русский патриарх Иов.

1598 год, завершивший правление Федора Ивановича, — особый год в истории нашей страны. В этом году завершилось семисотлетнее правление на Руси династии Рюриковичей...

Можно рассуждать, что было бы, если бы Иван Грозный не убил своего старшего сына, если бы, «играя в ножички», не погиб царевич Дмитрий. Но в истории нет сослагательного наклонения.

Высший промысел чудится в завершении правления этой династии.

Она ушла, завершив свои дела в истории.

Случайно ли, что Русь, уже обретшая сравнимые с современными границы, в последние годы правления Федора замиряется со своими соседями — Польшей и Швецией?

Конечно, это промыслительно...

В мире — принято, в мире — и оставлено...

1584 год

31 мая. На царство венчался Федор Иванович, женатый на Ирине Годуновой, сестре Бориса. По завещанию Ивана Васильевича Грозного, при царе Федоре образован регентский совет. Во время коронации произошел потрясший присутствующих эпизод. Федор, не дожидаясь конца церемонии, отдал шапку Мономаха боярину Мстиславскому, а Державу — Борису Годунову.

Июль. Собор, принявший решение отставить тарханы (налоговые льготы) для воинского чина, «пока земля поустроится».

Собор, запретивший монастырям и архиереям приобретать вотчины.

Волнения народов Поволжья.

Основаны города: Уржум, Цивильск, Архангельск, Тобольск, Тюмень, Самара, Воронеж и др.

6 августа. Преображение Господне. Гибель Ермака. Получив известие, что Кучум перехватил бухарский караван, Ермак поплыл выручать его. Известие оказалось ложным. На обратном пути казаки заночевали на одном из островков Иртыша. Здесь и напали на них, спящих. Ермак попытался доплыть до лодки, но кольчуга увлекла его на дно.

13 августа. Якиш, внук Бегиша, увидел у берега «шатающиеся человеческие ноги» — это и был Ермак.

4 ноября. Скончался святой блаженный Симон, Христа ради юродивый, Юрьевецкий.

1585 год

Заговор бояр, стремившихся развести Федора Ивановича с Ириной Годуновой. Заговор раскрыт. Митрополит Дионисий отстранен от дел.

11 ноября. Рукоположен во епископа Вологодского святитель Антоний.

16 ноября. Скончался преподобный Сергей Малопинежский.

1586 год

3 января. Переведен из Коломны на Ростовскую кафедру святитель Иов, будущий патриарх.

Федор Конь начал строительство в Москве Белого (Царева) города — кольца укреплений.

Прибытие в Москву Иоакима, патриарха Антиохийского. Начало переговоров об учреждении патриаршества в России.

В Сибирь снаряжены воеводы В.С. Сукин, И.Н. Мясной. Заложен город Тюмень.

13 октября. Удален в новгородский Хутынский монастырь митрополит Дионисий.

2 декабря. Умер занятый сборами в поход на Русь Стефан Баторий.

11 декабря. Святитель Иов, архиепископ Ростовский поставлен в митрополиты всея Руси.

Предложение персидского шаха о союзе против турок.

Мастером А. Чеховым отлита знаменитая 40-тонная царь-пушка.

Построена пограничная крепость в Ливнах.

1587 год

Основан Тобольск.

Расправа Годунова со своими соперниками — князьями Шуйскими. Многих из них, по приказу Годунова, удавили.

И.П. Шуйский погиб, «угорев» в своей келье в Белоозере.

Переговоры с поляками и литовцами об избрании царя Федора польским королем. Королем избран Сигизмунд VII.

19 ноября. Скончался святитель Варлаам, епископ Суздальский.

1588 год

Основание духовного училища в Киеве.

21 июля. Прием в Кремле патриарха Константинопольского Иеремии. Продолжение переговоров о введении на Руси патриаршества.

Пленен в Сибири Сеид-Ахмет, последний правитель Сибирского ханства.

Явление Владимирской Заоникиевской иконы Пресвятой Богородицы и основание на месте явления обители преподобным Иосифом Заоникиевским.

Явление в Ярославле Казанской иконы Пресвятой Богородицы.

Царевич Димитрий объявлен незаконнорожденным сыном Ивана Грозного: он родился в седьмом браке Ивана Васильевича, а церковь разрешала только три. Имя Димитрия запрещено поминать в церкви.

26 октября. Скончался святитель Антоний, епископ Вологодский.

1589 год

23 января. В Москве учреждено патриаршество.

26 января. В Успенском соборе Кремля в приделе Похвалы Пресвятой Богородицы константинопольским патриархом Иеремией посвящен первый русский патриарх Иов. Царица Ирина сказала тогда: «Отныне возвеличением митрополита Руси в сан Патриарший умножилась слава Российского царства во всей вселенной. Этого давно желали князья русские и этого, наконец, достигли».

После неурожаев и голода минувшего года в Москве введено осадное положение.

3 июля. Скончался святой блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Большой колпак, Московский.

Учреждение Псковской и Корельской епархий.

Прославление Новгородской иконы в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

В Астрахани построена крепость.

1590 год

Константинопольский собор с участием Восточных патриархов (кроме Александрийского).

Утверждение Московского патриаршества уложенной грамотой.

Начало русско-шведской войны. Русские войска заняли Ям, блокировали Копорье и осадили Нарву.

19 февраля. Штурм Нарвы. Шведы запросили перемирия, по условиям которого русским возвращался Иван-город, Ям, Копорье и все побережье между Невой и Наровой.

Начало закрепощения крестьян. Запрещен свободный переход их.

3 мая. Появление первых крестьян в Сибири. По царскому наказу отправлено в Сибирь тридцать семей хлебопашцев. «Чтоб у каждого хозяина было по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи...да на год хлеба...»

Тобольск, бывший в ведении Тюмени, «стал быть собою» — сделался главным городом Сибири.

1591 год

Голодный год.

15 мая. В полдень в Угличе убит царевич Димитрий. Мария Нагая приказала ударить в набат, и когда собрался народ, натравила его на дьяка Михаила Битяговского и его сына Данилу, Осипа Волохова и Никиту Качалова. Все они были убиты.

16 мая. Ночь. Афанасий Нагой прискакал в Ярославль и, рассказав, что в Угличе убит царевич Димитрий, попытался поднять ярославцев на восстание.

19 мая. Начало следствия об убийстве царевича. Василий Шуйский, митрополит Гелвасий,

окольничий Клешнин, думный дьяк Вылузгин пришли к выводу, что никакого убийства не было, и царевич Дмитрий напоролся на нож сам, когда во время игры «в ножички» с ним случился эпилептический припадок.

Конец мая. Сильные пожары в Москве. Главным виновником оказался московский банщик Левка с товарищами. На допросе он показал, что прислал к нему «Офонасей Нагой людей своих — Иванка Михайлова с товарищи, велел им накупать многих зажигальников, а зажигати московский посад во многих местах...»

Мать царевича Димитрия Мария Нагая пострижена в монахини и отослана в Белоозеро.

Братья Нагие заключены в тюрьму.

Удельное княжество в Угличе ликвидировано.

В Пелым сослали жителей Углича, принимавших участие в волнениях.

Угличский медный колокол, в который били в набат, сослали в Тобольск.

Шведский король Юхан III заключил с Крымом наступательный союз против русских.

4 июля. Крымская конница (100 000 всадников) по серпуховской дороге подошла к Москве, но путь ей заслонили русские полки. Татары были разбиты наголову. Однако есть сведения, что открытого боя и не было, а просто ночью татар обуяла паника, и они бежали, бросая обозы. Великое множество крымцев потонуло в Оке, многие из них были захвачены в плен.

В память об избавлении Москвы от набега Казы-Гирея царем Федором Ивановичем на том месте, где стояла в стане русских воинов церковь-палатка с Донской иконой Божией Матери, основан Донской монастырь.

Основан город Саратов.

1592 год

Удачный поход русских полков в Карелию.

Строительство пограничной крепости Елецк.

1593 год

Февраль. Константинопольский собор. Акт Собора, подтверждавший учреждение патриаршества в России.

Заключено на два года перемирие с Польшей и Литвой, с условием, чтобы «каждый владел, чем владеет».

Основаны города Сургут, Березов, Пелым.

Начало ссылки в Сибирь. В Пелым сосланы жители Углича за свидетельствование по делу об убиении царевича Димитрия. В Тобольск сослан угличский медный колокол, в который били в набат, когда был зарезан царевич.

1594 год

Основан город Тара.

1595 год

Эпидемия в Пскове и Ивангороде, «уцелели немногие люди».

18 мая. Тавзинский — «вечный» — мир со Швецией. Ям, Копорье, Иван-город, Корела остались за Россией.

Основан город Обдорск на реке Полуй у впадения ее в Обь.

Голландская экспедиция капитана Баренца для поиска пути в Азию. Баренц побывал на Новой земле, дошел до Карских ворот и из-за льда повернул назад. Баренц предпринял еще две экспедиции в северные моря. Здесь, на Новой Земле, он и умер в 1597 году.

1596 год

Строительство крепости в Смоленске.

Сургутским казачьим атаманом Тугарником Федоровым основан город Нарым. Нарым в переводе с остяцкого означает «болото».

12 июля. Родился боярин Михаил Федорович Романов — родоначальник династии русских царей Романовых.

9 октября. На Соборе западнорусских епископов в Брест-Литовске провозглашена Уния и разделение западной русской церкви на православную и униатскую.

Найдена «способнейшая» и ближайшая дорога от Соликамской до Верхотурья и дальше в Сибирь. Строил дорогу крестьянин Артемий Бабинов.

Строительство мукомольных мельниц в Тобольске.

1597 год

24 ноября. Указ, регулировавший судопроизводство о беглых крестьянах.

1598 год

7 января. Умер царь Федор Иванович. Перед смертью он отказался от предсмертного пострига, который, как считалось, облегчал «вход в царство Небесное» и который традиционно принимали все государи в роду Калиты, начиная с Василия III.

17 февраля. В пятницу перед масленицей открылся Земский собор, на котором присут-

ствовало 512 посланцев земель и знати, для избрания царем Бориса Годунова.

20 февраля. После молебна патриарх Иов с духовенством, боярами и народом отправился в Новодевичий монастырь, где с сестрой — царицей Ириной находился и Борис Годунов. Однако Борис отверг просьбы патриарха и отказался от трона.

21 февраля. Новый поход патриарха в Новодевичий монастырь. После долгих уговоров Борис согласился принять царский венец. «Буди святая твоя воля, Господи», — сказал он.

1 апреля. Слух о сборах крымского хана Казы-Гирея в поход на Москву. Начало сборов русских ратей.

30 апреля. В неделю жен мироносиц Борис Годунов переехал из монастыря в Кремлевский дворец.

2 мая. Борис Годунов выехал из Москвы к войскам.

29 июня. Слухи о походе Казы-Гирея оказались ложными. Вместо татарской рати явились татарские послы. Завершив переговоры с ними, Борис Годунов угостил войско и отправился в Москву.

СМУТА
(1598—1613)

Правление династии Годуновых было омрачено трехлетним голодом. Восстание Хлопко, которое незаметно соединилось с выступлением Лжедмитрия I, под власть которого один за другим отдаются города. И опять-таки никакой реальной опасности не представило это движение, регулярные войска легко рассеяли «рати» самозванца... Но сошлись воедино события. Внезапная смерть Бориса Годунова и измена Федора Басманова возвели Григория Отрепьева на русский престол.

Можно анализировать мотивы, которыми руководствовались те или иные персонажи нашей истории в своем поведении, можно рассуждать, хорошим или плохим царем был Борис Годунов; можно гадать, каким государем оказался бы его сын... Но ясно одно, что страна не приняла новую династию, что возведение на престол Григория Отрепьева — это ностальгия по прежней, правившей Россией 700 лет.

Безусловно, в народных массах верили, что Отрепьев и есть сын Ивана Грозного. Да и как не верить, когда сама мать «признала» его, когда признание это было освящено церковью в лице нового патриарха Игнатия. Совсем другое — сановники. Они-то не могли не знать, кто такой Отрепьев...

Тем не менее не сановники разоблачили Лжедмитрия, а он сам себя, когда состоялась свадьба с Мариной Мнишек. Медовый месяц для Отрепьева залился его собственной кровью.

Русским царем стал Василий Шуйский, но и эту династию не приняла страна. Крестьянская война Ивана Болотникова, новый Лжедмитрий, польская интервенция смели ее.

Число три — мистическое.

Только третьей, подлинной, династии Романовых и удалось укрепиться на русском престоле. Волею обстоятельств родоначальником ее стал патриарх Филарет. И именно с его патриаршего правления и началось правление первого Романова — сына патриарха царя Михаила.

Обозревая пятнадцатилетний период русской Смуты, надо обратить внимание и на то, насколько все-таки крепкой оказалась собранная воедино предыдущими государями страна.

В те страшные годы, когда записал соликамский летописец недобрую, дошедшую сюда весть: «Москва и прочие города взяты, Святейший патриарх Гермоген преставился», поднялись в Сибири Пелым и Березов, Сургут и Тара, Обдорск и Нарым. Именно в Смутное время, немало не сомневаясь в крепости фактически, казалось бы, поверженного государства, раздвинули замечательнейшие русские люди границы державы, продвигаясь все дальше на восток, к ее естественным рубежам.

1598 год

1 сентября. В праздник Нового года Борис Годунов венчался на царство.

— Отче великий патриарх Иов! — принимая благословение от патриарха, сказал он. — Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека. И последнюю рубашку разделю со всеми...

Завершено строительство Бабиновской дороги в Сибирь.

Основан город Верхотурье.

Последнее сражение с Кучумом. Тарские воеводы князь И. Масальский и И. Воейков разгромили его. «Кучум беже в ногаи и тамо убиен бысть от ногаи».

Восстание казацкого гетмана Северина Наливайко против поляков.

1599 год

Россия купила в Любеке два корабля. Матросами на них были наняты немцы.

1600 год

Начало трехлетнего голода.

3 декабря. Начало переговоров с прибывшим в Москву польским посольством.

Попытка Бориса Годунова расправиться с боярской оппозицией. Уличенного в крамольных речах Богдана Бельского наказали — выщипали по волоску всю бороду — и сослали в Нижний Новгород.

Основан город Мангазея.

1601 год

15 августа. На Успение мороз побил хлеб, рожь, овес. Только в Москве погибло от голода около полумиллиона жителей. Вспышки холеры. Голодные бунты по всей стране.

Ульяна Устиновна Осорьина продала все свои имения под Муромом, чтобы накормить голодных. Под именем праведной Иулиании Лазаревской она причислена к лику святых. Память 2 января.

Завершен московский раунд переговоров с Сапегой. Заключено перемирие на двадцать лет.

26 октября. Расправа Бориса Годунова с боярами Романовыми. Ночью стрельцы подожгли их дом. Федора Никитича Романова (будущего патриарха Филарета) насильно постригли в монахи, его жену сослали в заонежский скит. Александр Никитич Романов сослан в Усолье-Луду на Белом море, Михаил Никитич — в Пермскую землю, Иван Никитич — в Пелым, Василий Никитич — в Яренск. Ближние слуги Романовых казнены. Один из них — Отрепьев — принял постриг и стал чернецом Григорием в Чудовом монастыре.

28 ноября. Указом Бориса Годунова сроком на один год восстановлено право крестьян на свободный выход. Крупным землевладельцам, дворцовым селам и «черным» волостям запрещено вывозить крестьян друг у друга.

Посольская палата преобразована в Посольский приказ.

Учрежден Стрелецкий приказ.

Завершено строительство колокольни Ивана Великого в Московском Кремле.

1602 год

Весной и летом дожди. Ранние заморозки. Голод и мор по всей русской земле.

Учреждена Астраханская епархия.

Повторный указ Бориса Годунова об ограничении своза крестьян.

1603 год

Восстание Хлопко Косолапа. «Богатых домы грабили и разбивали и зажигали; тех людей имаху и козняху: овых сжигали, а иных в воду метали».

Август. Сватовство принца датского Иоанна к Ксении Годуновой.

9 сентября. Разгром повстанцев. Казнь Хлопко. В сражении с повстанцами погиб окольничий Иван Федорович Басманов. Чернец Григорий Отрепьев ушел на богомолье в Киев и там, в имении князя Острожского, выдал себя за царевича Димитрия.

28 октября. Возвращаясь в Данию, умер принц Иоанн. Царь Борис сильно горевал, Ксения была в отчаянии, Романовы распускали слухи, что Годунов приказал умертвить принца, чтобы его не посадили на трон в обход царевича Федора Годунова.

12 декабря. В Польше издан Королевский универсал, запрещающий торговлю с казаками оружием и порохом. Волнение казаков в Запорожской Сечи.

Великий голод. Эпидемия. В Москве погребено 127 000 человек. Борис Годунов хоронит их за свой счет.

Впервые молодые русские люди отправлены за границу на учебу.

1604 год

13 августа. Явление на Черной горе близ реки Пинеги Чудотворной иконы Божией Матери Черногорской.

16 августа. Приказ холопьего суда начал выдавать «отпускные» холопам, которых сгоняли владельцы со своих дворов во время голода.

Григорий Отрепьев привезен в Краков, где его приняли как царевича Димитрия.

Договор Лжедмитрия с поляками. Он обещал в случае «возвращения» на престол помощь Польше в войне со Швецией, вернуть Северскую землю. Тайный переход его в католичество.

13 октября. Лжедмитрий (Григорий Отрепьев) переправился через Днепр и начал поход на Москву. К самозванцу примкнули разгромленные повстанцы Хлопко.

Восстание в Монастырском остроге.

21 октября. Лжедмитрий принял из рук повстанцев Монастырский острог.

Конец октября. Под власть Лжедмитрия отдался Чернигов.

11 ноября. Начало осады войсками самозванца Новгород-Северского. Оборону города возглавил Петр Федорович Басманов.

21 ноября. Лжедмитрию сдался Путивль. В

конце ноября «лжецаря» признали Рыльски, Курск.

21 декабря. Войска Лжедмитрия разгромили пятидесятитысячную рать Федора Мстиславского.

Князь татарских племен на реке Томи в Сибири отдался в русское подданство. Присланные по его просьбе из Москвы казацкий голова Гаврило Иванов Писемский и боярский сын Василий Фомин Тырков построили на реке Томи город Томск.

1605 год

Январь. В Москве объявлено народу, что Лжедмитрий — галицкий боярский сын Григорий Отрепьев.

21 января. Полки Василия Шуйского разгромили самозванца при Добрыничах. Лжедмитрий бежал к Путивлю, где собрал новое ополчение.

4 марта. Начало штурма царскими войсками города Кромы.

7 марта. На сторону самозванца перешел Елец и Ливны.

13 апреля. От апоплексического удара умер Борис Годунов.

16 апреля. Москвичи присягнули новому царю — Федору Годунову. Присягу принесли Новгород, Псков, Казань, Астрахань, города Замосковья, Поморья, Сибири.

7 мая. Измена П.Ф. Басманова, командовавшего войсками, осаждавшими Кромы. Басманов объявил войску, что самозванец есть истинный царь. Полки приняли присягу Лжедмитрию.

1 июня. В Москву въехали гонцы Лжедмитрия — Г. Пушкин и Н. Плещеев. Восстание в Москве. Иов, не признавший Лжедмитрия, сведен с патриаршества, проклят и на убогой телеге увезен в Успенский монастырь в Старицу.

7 июня. Свержение династии Годуновых.

10 июня. В.В. Голицын со стрельцами удавил на подворье Годуновых царя Федора и его мать — Марию.

20 июня. Лжедмитрий въехал в Москву. Возвратившийся из ссылки Богдан Бельский (опекун сыновей Ивана Грозного) торжественно поклялся, что царевич Дмитрий был спасен и это сам Бельский укрывал «на своей груди» царевича.

23 июня. Арест Василия Шуйского. Самозванец сам оспаривал его и уличал в клевете, причем говорил с таким искусством и умом, что за распространение свидетельств о смерти царевича Шуйского приговорили к смерти.

24 июня. Возвели в патриархи рязанского архиепископа Игнатия. Родом грек, он был прежде архиепископом на Кипре и прибыл в Россию в царствование Феодора Иоанновича. Когда Лжедмитрий был в Туле, Игнатий, к епархии которого принадлежала Тула, встретил его здесь как царя.

25 июня. Это было число, назначенное для исполнения приговора. Шуйский был уже выведен к плахе, ему объявили вину, Шуйский простился с народом, объявив, что умирает за правду, за веру и народ христианский. В это время прискакал гонец с объявлением помилования.

30 июня. Новый патриарх разослал грамоты с известием о восшествии Димитрия на престол и возведении его, Игнатия, в патриаршеское достоинство по царскому изволению.

18 июля. По приказу Лжедмитрия привезена в Москву Марфа Нагая. Самозванец встретил ее в селе Тайнинском и долго беседовал с ней наедине в шатре, раскинутом близ большой дороги; а после, как почтительный сын, шел пешком подле материнской кареты до Вознесенского монастыря, где поместили царицу.

21 июля. Лжедмитрий венчался на царство в Успенском соборе Кремля.

Амнистия Шуйским, Годуновым, Сабуровым, Вильяминовым.

Сентябрь. Казнь монахов Чудова монастыря, обвиненных в покушении на Лжедмитрия.

10 ноября. Обручение в Кракове Лжедмитрия с Мариной Мнишек, дочерью сандомирского воеводы. Лжедмитрия заменял на обручении его посланец Афанасий Власьев.

1606 год

7 января. Законы Лжедмитрия, ограничивающие распространение холопства. Боярский приговор о запрещении писать кабалы сразу на несколько человек.

1 февраля. Помещики лишены права «искать» беглых крестьян, ушедших в голодные годы.

Покушение на Лжедмитрия.

Казак Илейка объявил себя сыном царя Федора Ивановича и Ирины Годуновой — Петром.

Начало марта. «Шатость» среди кремлевских стрельцов.

Конец апреля. Лжедмитрий признал Илейку своим племянником и пригласил в Москву, обещая владения.

2 мая. В сопровождении 2000 вооруженных поляков в Москву въехала Марина Мнишек.

8 мая. Свадьба Лжедмитрия и Марины Мнишек.

11 мая. Поляки убили дьяка Тимофея Осипова.

14 мая. Первые крупные волнения в Москве. Заговор Шуйского.

17 мая. На рассвете в Кремлевском дворце восставшие москвичи убили Лжедмитрия. Марфа Нагая назвала убитого «вором». Тело самозванца выволокли из Кремля и бросили в грязи посреди рынка. На Красном крыльце Татищев убил Петра Басманова. Тело Басманова бросили рядом с трупом Лжедмитрия.

18 мая. Заточен в Чудов монастырь патриарх Игнатий.

19 мая. На царство избран Василий Шуйский.

В этот же день по приказу Шуйского труп Лжедмитрия привязали к лошади, выволокли в поле и закопали у обочины.

1 июня. Василий Шуйский венчался на царство.

3 июня. Митрополитом Ростовским и Ярославским Филаретом (Романовым) перевезены из Углича в Москву нетленные мощи царевича Димитрия. Василий Шуйский и Марфа Нагая встречали их. Канонизация царевича Димитрия. Память — 15 мая и 3 июня.

3 июля. Патриархом поставлен Гермоген.

Написана «Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову пролитие неповинные крови нового своего страстотерпца благоверного царевича Димитрия Углечскаго».

Июль. Слухи о спасении Лжедмитрия. На первых порах за нового «Лжедмитрия» выдавал себя сподвижник Отрепьева, убийца Федора Годунова, Михаил Молчанов.

Из Путивля на Москву двинулись войска Ивана Исаевича Болотникова. Под Кромами Иван Болотников нанес поражение князю Ю.Н. Трубецкому, а сотник Истома Пашков разгромил под Ельцом армию князя И.М. Воротынского.

23 сентября. Войска Дмитрия Ивановича Шуйского (брата царя) нанесли поражение Болотникову, а Истоме Пашкову вместе с отрядами Прокопия Ляпунова удалось разбить правительственные войска князя В.В. Кольцова-Мосальского на Лопасне.

Октябрь. Войска Болотникова окружили Москву.

2 декабря. Сражение возле Коломенского. Измена Истомы Пашкова. Разгром повстанцев. Отступление Болотникова к Калуге.

Бунт в Астрахани. Нижний Новгород осажден мордвой.

18 декабря. Скончался по дороге в Астрахань святитель Феодосий, архиепископ Астраханский.

Киргизский князь Немча, желая вступить в русское подданство, отправил к воеводам в Томск свою жену. Однако те, прельстясь дорогой собольей шубой, ограбили княгиню, что вызвало бунт киргизов. «Сие приключение... было причиною, что в последующие времена киргизов о том старания с Российской стороны не прилагали, совершенно покорить не могли».

1607 год

Голод.

14 февраля. Возвращение в Москву из ссылки патриарха Иова.

16 февраля. Патриархи Гермоген и Иов обратились к народу. «А что вы целовали крест царь Борису и потом царевичу Федору и крестное целование преступили, в тех в всех и нынешних клятвах я, Гермоген, и я, смиренный Иов, по данной нам благодати вас прощаем и разрешаем, а вы нас Бога ради также простите в нашем заклинании к вам и если кому какую-нибудь грубость показали».

Начало марта. Указы царя Василия Шуйского «о добровольных холопах», «служилых кабалах», об установлении пятнадцатилетнего срока для розыска беглых крестьян.

К Ивану Болотникову двинулось из степи войско Лжепетра. Поражение царских войск на Пчельне. Отступление Мстиславского от осажденной Калуги. Соединение в Туле войск Болотникова и Лжепетра.

19 июня. Скончался святитель Иов, первый святейший патриарх Московский и всея Руси.

Июль. В Стародубе объявился Лжедмитрий II — «тушинский вор». Некоторые исследователи полагают, что им стал крещеный еврей из Шклова — Богданко. В конце сентября он двинулся к Туле выручать своего «большого воеводу» Болотникова.

10 октября. Войска Шуйского взяли Тулу. Болотникова сослали в Каргополь, ослепили и утопили в проруби. Лжепетра (Илейку Муромца) повесили.

В Сибирь выслали 52 немцев, попавших в плен при взятии Тулы. Среди них был и лекарь Фидлер, не сумевший отравить Болотникова.

Партия казаков из Мангазеи спустилась по реке Турухан и в устье ее, на берегу Енисея поставлен Туруханский острог.

1608 год

Голодный год.

17 января. Свадьба царя Василия Шуйского и княжны Марии Петровны Буйносовой-Ростовской.

9 марта. Указ царя Василия Шуйского, запрещавший давать записи на пожизненную службу вольных людей.

Весна. Наступление отрядов Лжедмитрия II.

10—11 мая. Сражение при Волхове. Поражение царских войск. Взятие Лжедмитрием II Волхова.

Лето. Прибытие к Лжедмитрию II польских отрядов. Появление под Москвой войск Яна Сапеги и Александра Лисовского.

Сентябрь. Тушинскому вору удалось захватить возвращающихся в Польшу из Ярославля Марину Мнишек и «своего тестя». Марина Мнишек, сговорившись о вознаграждении (300 000 рублей и Северское княжество с четырнадцатью городами ее папаше — Юрию Мнишку), признала шкловского еврея Богданко своим мужем.

5 сентября. Тайное венчание Марины Мнишек с царьком.

23 сентября. Начало обороны Троице-Сергиева монастыря. Полтора года войска Яна Сапеги и Александра Лисовского осаждали святую обитель, но так и не смогли взять ее.

Под стены монастыря был подведен ими подкоп, но «благодатью Божиею нашли тогда устье подкопа. Вскочили тогда вглубь подкопа ради совершаемого дела клементьевские крестьяне Никон, называемый Шилов, да Слота; и, зажегши в подкопе порох с кизяком и смолою, заткнули они устье подкопа и взорвали подкоп. Слота и Никон тут же в подкопе сгорели».

11 октября. Войска Яна Сапеги взяли Ростов, митрополит Филарет (Романов) перевезен в Тушино.

Царек, шкловский еврей Богданко, объявил митрополита Филарета патриархом.

В Тушино образовалась Боярская дума, в которую вошли недовольные Шуйским сановники: князья Д.Т. Трубецкой, Д.М. Черкасский, А.Ю. Сицкий, М.М. Бутурлин, Г.П. Шаховский. Реальная власть, однако, принадлежала «децемвирам» — десяти шляхтичам.

Основание Полтавы казаком Маслом.

1609 год

25 февраля. В Москве вспыхнул мятеж.

— Царь Василий — незаконный государь! — кричали подосланные из Тушино заводилы. — Его избирала одна Москва! Иные города не ведают царя Василия! Не люб он нам! Хотим другого царя выбирать!

Успокоили народ увещевания святителя Гермогена.

Тушинские заводилы, видя, что народное возмущение может повернуться против них, поспешили вернуться к царьку.

28 февраля. В Выборге подписан договор между царем Василием Шуйским и шведским королем Карлом IX о союзе против поляков и о взаимной военной помощи.

14 апреля. В Новгород прибыл 12-тысячный шведский отряд под командованием Якова Делагарди — помощь, обещанная России по договору.

Убит поляками священномученик Феоктист, архиепископ Тверской и Кашинский, плененный ими в 1608 году.

17 июня. Сражение под Торжком. Тушинцы отступили к Твери.

11—13 июля. Сражение под Тверью. Русско-шведским войскам под командованием М.В. Скопина-Шуйского удалось разгромить тушинцев.

24 августа. Не в силах больше смотреть на творящуюся вокруг измену, умер «от горести» псковский епископ Геннадий.

12 сентября. Восстановлен указ 1597 года о кабальном холопстве.

16 сентября. Начало открытой польско-литовской интервенции. Осада войсками Сигизмунда III Смоленска.

9 октября. Войска М.В. Скопина-Шуйского освободили Александровскую слободу.

1610 год

12 января. Войска М.В. Скопина-Шуйского разгромили поляков и сняли осаду с Троице-Сергиевой лавры.

4 февраля. Тушинцы заключили под Смоленском договор с поляками, по которому королевич Владислав становился русским царем. В договоре оговаривалась неприкосновенность православия и свобода подданных от произвола властей.

Отказ М.Б. Шеина сдать полякам Смоленск. «Кого Бог даст Государя, того и будет Смоленск», — сказал он.

Войска М.В. Скопина-Шуйского сняли осаду Москвы.

Волнения в лагере тушинцев. Отъезд Лжедмитрия II. Бегство Марины Мнишек.

Первые числа марта. Михаил Ружинский поджег стан в Тушино и двинулся к Иосифо-Волоколамскому монастырю. Русские тушинцы тоже разделились. Одни поехали с повинной в Москву, другие — в Калугу, к Лжедмитрию.

12 марта. Торжественный въезд М.В. Скопина-Шуйского в Москву.

23 апреля. На крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского занемог «кровотечением из носа» освободитель Москвы — князь М.В. Скопин-Шуйский и через две недели умер. Распространился слух, что 24-летний любимец народа был отравлен. Раздувая новую смуту, Ляпунов поднял восстание против Шуйских в Рязани.

Июнь. Из-под Смоленска по приказу Сигизмунда III двинулись на Москву войска гетмана Станислава Жолкевского.

24 июня. Битва при Клушино. Поражение войск Василия Шуйского. Жолкевский подошел к Москве.

5 июля. Ян Сапега взял Боровской монастырь в Пафнутьеве. Убит архимандрит Иоасаф, возглавлявший героическую оборону Троице-Сергиева монастыря.

Наступление войск Лжедмитрия II на Москву.

17 июля. Мятеж, поднятый Захаром Ляпуновым в Москве. Свергнут с престола и пострижен в монахи царь Василий Иванович Шуйский. Власть перешла в руки правительства из семи бояр — семибоярщины (Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, А.В. Трубецкой, А.В. Голицын, Б.М. Лыков, И.Н. Романов (брат Филарета), Ф.И. Шереметев).

Борьба партии Захара Ляпунова, ратовавшего за Лжедмитрия, который стоял в Коломенском, и партии Федора Мстиславского, стоявшего за королевича Владислава (войска гетмана Жолкевского стояли в Можайске).

Боярское правительство заключило договор с гетманом Жолкевским о приглашении на русский трон сына Сигизмунда III королевича Владислава, который должен был принять православие.

19 августа. Сигизмунд III потребовал, чтобы Москва присягнула ему.

27 августа. Москва присягнула Владиславу. Удаление из Москвы вероятных претендентов на московский престол: князя Василия Васильевича Голицына и Филарета, отстаивавшего интересы 14-летнего сына Михаила Федоровича Романова. Всего в посольстве было 1246 человек.

Осложнения в отношениях со шведами. Шведы взяли Ладогу, разбили войска Лисовского.

21 сентября. Ночью по сговору с «Семибоярщиной» поляки заняли Кремль, Китай-город, Новодевичий монастырь.

Октябрь — ноябрь. Переговоры московских послов с Сигизмундом III под Смоленском. Требование Сигизмундом присяги. Смоленск должен был отойти к Польше.

21 ноября. Поляки возобновили штурм Смоленска.

30 ноября. Бояре М.Г. Салтыков и Ф.И. Мстиславский пришли к патриарху Гермогену просить, чтобы он благословил народ на присягу не Владиславу, а Сигизмунду. Патриарх отверг это предложение. «Я таких грамот не благословляю вам писать и проклинаю того, кто писать их будет».

10 декабря. Петр Урусов (начальник татарской стражи Лжедмитрия — Богданко) убил на охоте своего хозяина — самозванца.

В Успенском соборе Кремля патриарх Гермоген призвал паству «королю креста не целовать».

1611 год

Прокопий Ляпунов начал собирать в Рязани ополчение.

3 марта. Первое ополчение двинулось из Коломны на Москву.

17 марта. Вербное воскресенье. Поляки собирались во время шествия патриарха перебить всех москвичей. Однако заблаговременно предупрежденные жители не вышли на улицы.

18 марта. Столкновение москвичей с поляками. В Китай-городе поляки истребили около 7000 мирных жителей, но в Белом городе успели ударить в набат, и нападение поляков сорвалось. Москвичам под командованием Дмитрия Пожарского удалось остановить поляков на Сретенке, а затем загнать их назад в Китай-город.

19 марта. Поляки подожгли Замоскворечье. «Излился фиал горя — разгромлен был царствующий город Москва. Рухнули тогда высоко вознесенные дома, блиставшие красотой, — огнем истреблены, и все прекраснокупольные церкви, прежде славой божественной сиявшие, скверными руками начисто разграблены были. И множество народа христианского мечами литовцев изрублено было, а другие из домов своих и из города бежали поспешно, ища спасения».

23 марта. Канун Пасхи. Появление в Ивангороде самозванца Матюшки (Исидорки?), объявившем себя Дмитрием. Набрав войско, он двинулся к Пскову.

1 апреля. Ополчение Ляпунова подошло к стенам Белого города в Москве.

1 мая. Патриарха Гермогена арестовали и заточили в Чудовом монастыре. Патриархом вновь объявлен Игнатий *(Грек).*

3 июня. На 22 месяце героической обороны пал Смоленск. Из 80 тысяч защитников изза цинги в живых осталось меньше 8 тысяч. М.Б. Шеина, командовавшего обороной города, долго пытали, потом, в оковах, отправили в Польшу.

30 июня. Земский собор выбрал Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, Ивана Мартыновича Заруцкого и Прокофия Петровича Ляпунова «земским и всяким ратным делом промышлять, расправу всякую между всякими людьми чинить вправду».

16 июля. Шведами взят Новгород. Неизвестный изменник открыл им городские ворота.

Ивангородский самозванец вошел в Псков и привел псковичей к присяге себе.

22 июля. Казаки Ивана Заруцкого убили Прокофия Ляпунова. Первое ополчение распалось.

25 июля. Новгородский воевода И.Н. Одоевский и митрополит Исидор подписали соглашение, по которому Новгород и его области становились особым государством и переходили под покровительство Швеции.

5 августа. Святитель Гермоген написал в подземелье Чудова монастыря свою последнюю грамоту в Нижний Новгород с призывом к освободительной войне «за Пречистыя дом, и за чудотворцев, и за веру».

Сентябрь. Земский староста Козьма Захарович Минин начал собирать в Нижнем Новгороде второе ополчение.

Октябрь. Подмосковные казаки отбили отряд Ходкевича, посланный на помощь польскому гарнизону Москвы.

29 октября. Торжества в Варшаве. Коронный гетман Жолкевский, сидя в богатой коляске, в которую впряжена была шестерка белых лошадей, окруженный пышной свитой, въехал в город. За ним везли пленного русского царя Василия Шуйского и его брата — Димитрия. Поставив пленников перед троном Сигизмунда, Жолкевский сказал: «Вот он, великий царь московский, наследник московских царей, которые столько времени своим могуществом были страшны и грозны польской короне... Вот брат его Димитрий... Ныне стоят они жалкими пленниками, всего лишенные, обнищалые, поверженные к стопам вашего величества, и, падая на землю, молят о пощаде и милосердии!».

1612 год

15 февраля. Ополчение под предводительством князя Дмитрия Пожарского выступило из Нижнего Новгорода в Ярославль.

17 февраля. Мученическая смерть патриарха Гермогена, заморенного голодом. «Да будут благословенны, которые идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные, московские изменники, будьте прокляты», — писал он.

Весна. Местоблюстителем патриаршего престола избран Ефрем, митрополит Казанский и Свияжский.

20 мая. Псковичи решили избавиться от Лжедмитрия-Матюшки. Псковский воевода Иван Плещеев привез его в Москву и посадил на цепь для всеобщего обозрения.

14 августа. Дмитрий Пожарский со своим ополчением подошел к Троице-Сергиеву монастырю.

18 августа. Отпевши молебен у Чудотворца Сергия, ополчение двинулось на Москву.

21—23 августа. Бои ополченцев с отрядами гетмана Ходкевича, пытавшегося пробиться к осажденным в Кремле полякам.

5 сентября. В Гостынском замке под Варшавой умер бывший русский царь Василий Иванович Шуйский. Два года просидел он в тесной каменной камере над воротами замка. Через несколько дней скончался в этом замке и брат царя князь Дмитрий Шуйский.

22 октября. Штурмом ополченцы взяли Китай-город. Этот день — второй праздник иконы Казанской Божией Матери, способствовавшей победе ополчения.

22 ноября. Осажденные в Кремле поляки сдались.

1613 год

Январь. В Успенском соборе Кремля начался Земский собор.

21 февраля. В неделю Православия на Земском соборе русским царем «наречен» Михаил Федорович Романов. «Заповедено, чтобы избранник Божий Царь Михаил Федорович Романов был родоначальником правителей на Руси из рода в род с ответственностью в своих делах перед Единым Небесным Царем. А кто же

пойдет против сего соборного постановления — царь ли, патриарх ли и всяк человек, да проклянется такое в сем веке и в будущем отлучен бо будет он от Святая Троицы».

14 марта. В Ипатьевском монастыре (Кострома) Михаил Феодорович Романов был благословлен на царство иконою Феодоровской Божией Матери.

20 марта. Подвиг крестьянина Ивана Сусанина. Поляки требовали, чтобы он показал им дорогу к монастырю, где находился тогда «нареченный» на царство Михаил. Сусанин завел поляков в глухие, болотистые дебри и за это был зарублен врагами.

11 июня. Венчание на царство Михаила Федоровича.

Льгота в податях и пособии хлебом крестьянам, переселяющимся в Сибирь. Переселенцы снабжались семенами, домашним скотом, земледельческими орудиями.

Жалованная грамота торговым людям.

Умер Юрий Мнишек — тесть двух Лжедмитриев.

26 декабря. Скончался местоблюститель патриаршего престола святитель Ефрем, митрополит Казанский и Свияжский.

ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА (1613—1645)

Робкими и нерешительными кажутся первые шаги новой династии. Заключен Столбовский мир со Швецией на крайне невыгодных для России условиях. Земский собор обсуждает, защищать или нет Москву от наступающих поляков, наконец, Деулинский мир — Польше отдан Смоленск.

Но это — кажущаяся нерешительность. Стране необходима передышка после страшных лет Смуты, и страна получила эту передышку. И тут нужно отметить, что родоначальник новой династии Михаил Федорович находился в каком-то смысле в более выигрышном положении, чем Борис Годунов, принявший Русь гораздо более крепкой и могущественной, нежели она была сейчас. Преимущество его как раз состояло в слабости государства. Царю Михаилу не нужно было ломать установившееся, чтобы ввести что-то новое. Восстанавливалась система управления, армия, но возрождались по-новому.

То, что принято называть петровскими реформами, началось не при Петре Великом, а еще при Михаиле. И более активные контакты с западными странами, и переустройство войска на более подходящий для современной войны иноземный строй.

Совершались эти реформы последовательно, не только волею царя, но и по решению земских соборов, которые сопровождали все правление первого Романова.

1633 год — год неудачной, стоившей жизни воеводе М.Б. Шеину, войны с Польшей и осады Смоленска, можно было бы назвать концом Смуты. Владислав официально отказался от притязаний на Московский престол. От этой очень страшной, грозящей стране новыми смутами опасности Россия избавилась.

И, собирая силы, устраиваясь, Россия как бы отворачивалась от Запада и, словно бы позабыв нерешенные здесь проблемы, все силы свои обратила на Восток. В правления царей Михаила Федоровича и его сына Алексея Михайловича страна вышла на берег Тихого океана, уже окончательно обретя современные пределы свои.

Западные соседи не осознавали перемен, произошедших в России. Они видели только ее обращенную к ним границу и всеми силами сдерживали выход страны к Балтийскому и Черному морям. Уже в правление царя Михаила обозначились основные противники России на ближайшие полтора века. Турция — на юге, Швеция — на северо-западе, Польша — на западе.

1614 год

Начало русско-шведской войны.

Поражение русской армии при Старой Руссе. Оборона Пскова от войск Густава Адольфа.

Назначен Местоблюстителем патриаршего престола Иона (Архангельский), митрополит Сарский и Подонский.

22 февраля. Скончался преподобный Герман Столобенский, подвижник благочестия.

Жалованная грамота царя Михаила Федоровича английским купцам. Однако в просьбе Джона Мерика основать вольную торговлю по реке Оби с Индией и Китаем было отказано.

— Сибирь далеко, — стращали Джона Мерика в Москве. — До первых городов полгоду пути. И то — зимой только... А откуда Обь-река вышла и куда вошла, того и сами туземцы не ведают. Сторона сибирская очень студеная. Больше двух месяцев тепло не живет в Сибири. А на Оби круглый год лед ходит — никакими судами пройти нельзя и пробовать нечего... Да и Китайское государство невелико и небогато... Добиваться вам к нему нечего...

Лето. Польский отряд Лисовского совершил глубокий рейд по русским землям. Рейд начался из района Брянска. Подойдя к Орлу, Лисовский сразился с войском князя Пожарского, после чего отошел к Кромам. Затем поляки двинулись к Вязьме и Можайску. Когда Пожарский занемог и отправился на лечение в Калугу, его отряд распался, и Лисовский беспрепятственно продолжил рейд через Костромскую, Ярославскую, Муромскую и Калужскую области. Близ Алексина он столкнулся с войском князя Куракина и покинул российские пределы.

25 июня. Яицкие казаки выдали правительственным войскам атамана Ивана Заруцкого, Марину Мнишек и ее сына. Князь Одоевский привез их в Москву.

Захватив Юрьев монастырь, шведы разрыли могилу, в которой был погребен князь Феодор Ярославич, старший брат Александра Невского. Они «обрели человека цела и не разрушена в княжеском одеянии и, яко жива, поставили у церковной стены». Мощи, почивавшие открыто у стены, источали чудеса. В этом же году их перенесли в Софийский собор.

8 июля. Осада Томска татарами. Жители города разогнали татар.

14 июля. Под селом Бронницы шведское войско генерала Делагарди наносит поражение армии князя Трубецкого, посланной для освобождения Новгорода.

Ивана Заруцкого посадили на кол, четырехлетнего Ваню повесили, а Марина Мнишек — вдова двух Лжедмитриев и атамана Заруцкого, умерла в монастыре от горя.

Обретены мощи святой праведной Иулиании Лазаревской, скончавшейся 2 января 1604 года.

1615 год

Февраль. Польский сейм отказался субсидировать войну с Россией.

10 марта. Царская грамота Троице-Сергиеву монастырю, разрешающая розыск беглых крестьян до 1616 года.

14 июля. Скончался преподобный Стефан Костромской.

Основаны в Киеве православное братство и школа.

Курская икона Пресвятой Богородицы «Знамение», увезенная Лжедмитрием I, возвращена из Москвы в Курск.

Жалованная грамота Донскому казачьему войску на беспошлинную торговлю по украинским городам.

9 октября. Неудачный штурм Пскова шведскими войсками Густава-Адольфа. Неудача под Псковом вынудила Швецию начать мирные переговоры с Россией.

Воевода Вельяминов разгромил отряды сына Кучума Ишима, провозгласившего себя сибирским ханом. Ишим бежал.

Подготовка к свадьбе царя Михаила Федоровича и Марии Хлоповой. Однако из-за интриг Салтыковых свадьба не состоялась.

Невеста царя — Мария Ивановна Хлопова, с теткою, бабками и двумя дядями, была сослана в Сибирь.

24 октября. Скончался преподобный Иоанн затворник, Псковский.

В Москве восстановлен Печатный двор.

1616 год

Земский собор.

13 января. Преставился преподобный Иринарх, затворник Борисо-Глебского монастыря в Ростове, который благословил на освобождение Москвы Минина и Пожарского и который дал им на помощь свой крест.

«...суша бысть великая». Голодный год.

Образование Казачьего приказа.

Срыв переговоров о мире с Польшей.

3 июня. Явление Югской иконы Пресвятой Богородицы и устроение обители.

15 августа. Троекратное чудо Пресвятой Богородицы от Ее Печерской иконы в Киево-Печерском монастыре о грабителе и святотатце, пытавшемся похитить драгоценное убранство с образа.

Умер Козьма Захарьевич Минин.

1617 год

17 февраля. При посредничестве англичан заключен в тихвинской деревне Столбове мирный договор со Швецией. По Столбовскому договору России возвращен Новгород, а Ижорская земля с берегами Невы и Финского залива (города Ям, Ивангород, Копорье) отошла к Швеции. Россия вновь оказалась отрезанной от моря.

Поход польских войск на Москву.

13 апреля. Скончался преподобный Никифор, новгородец, пустынник, Соловецкий.

28 июля. Прославление (сохранение в пожаре) Гребневской иконы Пресвятой Богородицы в московской Успенской церкви на Лубянке.

Чудо Пресвятой Богородицы о церковном тате (воре), пытавшемся ограбить церковь в Купятицах — у злодея отнялись руки.

1618 год

Июль. Осуждение на Соборе справщиков архимандрита Дионисия, Арсения Глухого и Ивана Наседки.

Полоцкий униатский архиепископ Иосафат Кунцевич развернул репрессии против православных. Закрываются православные храмы в городах Восточной Белоруссии.

2 июля. Заступничество Пресвятой Богородицы через Ее Феодотьевскую икону за Рязань от нападения запорожских казаков.

Чудо Пресвятой Богородицы через Ее чудотворный образ в Киево-Печерском монастыре. Когда в настоятельство архимандрита Елисея Плетенецкого монахи из-за суровой зимы совершали службу лишь в трапезной церкви св. ап. Петра и Павла, каждый раз в соборном храме Успения чудесным образом зажигались свечи и было слышно пение. Увидев это, братия возобновила службу в соборе, невзирая на холода.

27 августа. Скончался преподобный Пимен, затворник и верижник, Ростовский.

Чудотворения от Елецкой Черниговской иконы Пресвятой Богородицы. Заступничеством Ее поляки не смогли увезти главный монастырский колокол в Любеч.

1 сентября. В Пекин прибыла первая русская миссия во главе с томским казаком Петлиным. Подарков у них не было, и император не принял их. Однако китайское правительство дало грамоту, разрешающую русским купцам вести торговлю в Китае.

Осень. Поход польского королевича Владислава на Москву.

9 сентября. Решение Земского собора оборонять Москву от поляков.

1 октября. Штурм поляками Москвы. Штурм был отбит с большими для поляков потерями. Защитниками Москвы командовал Д.М. Пожарский.

1 декабря. В деревне под Троице-Сергиевым монастырем заключено Деулинское перемирие с Польшей на 14 с половиной лет. По условиям перемирия Россия уступала Польше Смоленск и Северскую землю.

Тарским головою Осином Кокаревым построен на берегу Томи при устье Кондомы Кузнецкий острог. Название, как полагают, было связано с тем, что местные племена обинцев умели плавить руду.

Боярский сын Петр Албычев и сотник Черкас Рукин, посланные для проведения дороги из Тобольска к Енисею и Тунгуске, заложили Енисейский острог.

Экспедиция англичанина Джона Ватера в Пермь для поисков руды. Она длилась три года, но успеха не имела.

1619 год

Третий Земский собор. Постановление о возвращении на прежние места бежавших посадских людей. Образован Сыскной приказ.

Финансовая реформа. Чтобы навести порядок в распределении финансов, заведены «Писцовые книги».

16 марта. Михаил Федорович принял в Кремле английское посольство.

10 апреля. Скончался митрополит Новгородский Исидор.

Апрель. Приезд в Москву патриарха Иерусалимского Феофана.

Вызов иностранцев для обучения войск.

Появление в России иностранных промышленников (Виниус, Марселиус).

1 июня. Вечером на большой Дорогобужской дороге, в семнадцати верстах от Вязьмы, на мосту через речушку Поляновка состоялся обмен митрополита Филарета, Михаила Шеина, Томилы Луговского и других русских пленных на пленных поляков.

23 июля Филарет поставлен в патриарха Всероссийского.

Июль. Оправдание на Соборе справщиков архимандрита Дионисия, Арсения Глухого и Ивана Наседки.

Первая переписка с Китаем об установлении торговых отношений. Тобольский воевода князь И.С. Куракин отправил в Китай двух казаков Ивашку Петлина и Петунку Киселева. Они привезли в Тобольск письмо от китайского императора русскому царю. «На этом свете ты — великий государь, и я царь не мал, чтобы между нами дорога чиста была, с верху и с низу ездите, и что доброе самое привезете и я против того камками добрыми пожалую вас».

Сентябрь. Поражение польской армии под Цецорой в ходе польско-турецкой войны.

1 октября. Начался Земский собор, заседавший два года.

Октябрь. Собор, рассматривавший вопрос о чине приема в православие.

В Бухару из Москвы отправлен посол Хохлов.

Родился Аввакум Петров — «огненный протопоп» — великий русский писатель.

1620 год

Учреждение Аптекарского приказа.

Учреждение особой Сибирской епархии с кафедрой в Тобольске. Первым архиепископом

Сибирским и Тобольским поставлен Киприан (Старорусенников), архимандрит Спасо-Хутынского Новгородского монастыря.

12 июня. Явление Чудотворной Игрицко-Смоленской иконы Божией Матери.

Осень. Православный собор «Советования о благочестии» на Украине.

Октябрь. Победа польско-казацкого войска над турками под Хотином, заключение мира с Турцией.

1621 год

Февраль — март. Универсалы Сигизмунда III об аресте православных епископов, как турецких шпионов. Преследование православных мещан Вильно, признавших новую православную иерархию. «Протестация» митрополита Иова и иерархов Киевской митрополии.

Издание «Воинского устава».

Июнь. Съезд украинского казачества и православного духовенства в Сухой Дубраве.

28 июня. От атаманов с Нижней Тунгуски казаки узнали о реке Лене. Первая экспедиция Ивана Коковки из Мангазеи на Лену.

Подготовка к войне с Польшей. Неудачи с антипольской коалицией.

Головою Молчаном Лавровым заложен город Ачинск.

1622 год

16 февраля. Скончался преподобный Дорофей Югский.

Апрель. Кончина гетмана Сагайдачного.

Май — июнь. Набег крымских татар на южные районы страны.

22 июля. Скончался святой блаженный Киприан, Христа ради юродивый, Суздальский.

Скончался святой блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Власатый, Каргопольский.

Попытка датчан захватить русские земли на Кольском полуострове и установить свое владычество на Мурманском море.

Вторая экспедиция на Лену пятидесятника Григория Семенова из Тобольска.

Октябрь. Восстание в Витебске, убийство униатского Полоцкого епископа Иосафата Кунцевича.

Первые московские распоряжения, касательно евреев. Царь и патриарх писали воеводам, «чтобы они с теми селитреники (евреями) задоров до нашего указу не чинили».

1623 год

22 января. В возрасте 84-х лет скончался преподобный Макарий Жабынский, Белевский.

16 июня. Заключен договор о «вечном союзе» с Англией.

Датский военный флот в районе Кильдина напал на корабли русских промышленников.

Создание сеймом комиссии для организации примирительного Собора православных и униатов.

Основан первый железный завод в Сибири (Туринск).

Федор Еремеев открыл железную руду вблизи Томска.

Построен Жиганский острог.

1624 год

Начало года. Попытка униатов начать переговоры о примирении с православными.

Указ о составлении новых «писцовых книг» землям и дворам.

Поездка архиепископа Мелетия Смотрицкого на Восток.

Обретение иконы Игрицкой «Одигитрия» в заброшенной церкви святителя Николая на речке Игрице в Костромском уезде и прославление ее исцелениями.

9 сентября. Царь Михаил Федорович женится на княгине Марии Владимировне Долгорукой.

12 сентября. Скончался, после тридцати лет уединенного подвижничества, преподобный Вассиан Тиксненский. На месте его подвигов создалась обитель Спаса Нерукотворного.

1625 год

Начало года. Антиуниатские выступления казаков в Киеве.

6 января. Скончалась царица Мария Тимофеевна.

Осень. Казацкое восстание под предводительством Жмайлы.

На Спасской башне Кремля установлены часы-куранты «с механизмом» и 13 колоколами.

Чудо Пресвятой Богородицы через Ее икону в Киеве-Печерском монастыре о жолнере, утонувшем в Роси и ожившем заступничеством Пресвятой Богородицы, молитвами к Ней его друзей.

Куруковские соглашения казаков с Речью Посполитой.

Усмирение восстания запорожских казаков польским правительством.

Грамота о подчинении суду патриарха всех монастырей, церквей, церковных людей и крестьян патриарших волостей.

Матвей Парфентьев и Игнатий Ханептек поднялись вверх по Нижней Тунгуске.

1626 год

29 января. Царь Михаил Федорович вступил во второй брак с Евдокией Лукьяновной Стрешневой — дочерью незнатного можайского дворянина. Евдокия Лукьянова приехала на царские смотрины не в качестве невесты, а в качестве служанки невесты, но была избрана царем.

Существует предание, что отец будущей царицы Лукьян Стрешнев сам вспахивал сохою свою землю, чтобы пропитать семью.

5 февраля. Полярное сияние в Москве. «Был столп огненной и... стоял четверть часа».

Февраль. Посольство казаков на вальный сейм. Включение вопроса о правах Православной церкви в повестку дня сейма.

Пожар в Москве. «И не бывал такой пожар над Московским государством николи».

Экспедиция англичан Фрича и Геральда в Пермь для отыскания руды. Руду найти не удалось.

Мангазейский казак Баженка Кокоулин отыскал дорогу на Лену через Вилюйский хребет.

Сентябрь. Православный собор в Киеве по вопросу о догматических различиях между православием и католицизмом.

Князем Д.М. Пожарским построена в Москве церковь Казанской иконы Божией Матери.

Переговоры со шведским королем Густавом-Адольфом о союзе против Польши.

1627 год

Февраль. Прения Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу составленного Лаврентием Катехизиса.

Неурожай.

Издание первого «Славяно-русского лексикона» Памвой Барындой.

Челобитная торговых людей всех городов о защите и от конкуренции иностранных купцов.

Указ, запрещающий передачу дворцовых сел и деревень боярам, окольничим и дворянам.

Образована Царская мастерская палата. Ей придан статус особого приказа.

«Книга большому чертежу» — указатель к древнейшей карте Московского государства.

Декабрь. Сожжение «Учительного Евангелия» Кирилла Транквиллиона.

21 декабря. Скончался блаженный Прокопий, Вятский. В 12 лет его оглушила молния. Очнувшись, он неистовствовал, но был исцелен преподобным Трифоном Вятским. Тридцать лет подвизался в подвиге юродства, имел дар прозорливости и чудотворений.

1628 год

Образованы приказы: Каменный, Иноземный, Большой казны.

Весна. Православный собор в Гродке по вопросу о догматических различиях между православием и католицизмом.

Экспедиция Василия Бугра для разведки реки Лены.

Андреем Дубенским выстроен на берегу Енисея острог, названный Красным яром (Красноярск).

Атаманом Ермаком Евстафьевым, поднявшимся вверх по реке Кане, выстроен Канский острог.

Лето. Публикация «Апологии» архиепископа Мелетия Смотрицкого во Львове.

17 июля. Скончался преподобный Иринарх Соловецкий.

5 августа. Мученическая кончина святого преподобного Иова Ущельского.

Иван Шульгин нашел залежи руды на реке Нице на Урале. Основан Ницынский железоделательный завод.

Победа казацкого гетмана Тараса Трясилы над поляками.

1629 год

Начало года. Требование православных украинских послов выработать условия «успокоения греческой религии».

10 марта. Родился будущий царь Алексей Михайлович.

Датский пират Енс Мунк начал перехватывать голландские суда, блокируя Белое море.

Июль. Православный собор в Киеве в связи с попыткой организовать совместный примирительный Собор униатов и православных.

22 августа. Принесение в Красногорский Двинской монастырь Грузинской иконы Пресвятой Богородицы и прославление ее чудотворениями.

Сибирь разделена на две области. Помимо Тобольского воеводства образовано еще и Томское. «Велено Томску сидеть своим столом».

15 сентября. Польша уступила Швеции Лифляндию.

1630 год

Челобитье дворян и детей боярских об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян. Царским указом срок продлен до 10 лет.

Атаман Иван Галкин поставил на реке Илиме зимовье, на месте которого вырос Илимский острог.

Основан Киренский острог.

1631 год

Среди «гулящих» людей в Вологде, Устюге Великом, Тотьме набрано 150 девок «служилым людям Тобольска на женитьбу».

Мангазейские казаки под предводительством Василия Мартынова обложили якутов ясаком.

Явление Пресвятой Богородицы поляку Даниилу Снятинскому, получившему исцеление душевной болезни от чудотворной Печерской иконы после обращения в православие.

Атаманом Иваном Галкиным в устье Куны на Лене возведен Усть-Кутский острог.

Против Падунского порога на реке Ангаре Максим Перфильев заложил Братский острог.

Июнь. Земский собор решил начать войну с Польшей за Смоленск.

1632 год

Умер польский король Сигизмунд III, убежденный враг Руси и православия, «отец» унии.

На Сейме, собравшемся для избрания королем сына Сигизмунда III — Владислава IV, Виленское православное братство представило «Синопсис», книгу о нарушении прав православных в Речи Посполитой. После тридцатишестилетнего перерыва православие было легализовано, хотя этому и противились католические и униатские священники.

Избрание съездом дворян двух кандидатов на митрополичий престол — Петра Могилы и Михаила Ласка.

10 сентября. Из Можайска выступила к Смоленску русская армия под командованием М.Б. Шеина и А.В. Измайлова.

Начало осады Смоленска.

Открытие Киевской (Киево-Могилянской) духовной академии, сыгравшей большую роль в развитии русской богословской науки.

Набег крымских татар. Прорвавшись у города Ливны, они пограбили Мценский, Новосильский, Орловский и Елецкий уезды. Угнано в полон 3000 жителей.

Образование первых полков иноземного строя.

Грамота царя Михаила Федоровича на устройство тульских заводов А.Д. Виниусу.

Переселение калмыков из Джунгарии на Волгу.

Строительство енисейским сотником Петром Бекетовым Ленского (Якутского) острога.

Основан Дерптский университет.

1633 год

Из Можайска выступила к Смоленску русская армия под командованием М.Б. Шеина и А.В. Измайлова.

Начало осады Смоленска.

1 сентября. Польская армия Владислава IV сняла осаду со Смоленска и окружила армию М.Б. Шеина.

1 октября. Капитуляция окруженной под Смоленском армии Шеина.

7 октября. Умер патриарх Филарет, отец царя Михаила Федоровича.

27 ноября. Скончался преподобный Диодор Юрьегорский, Соловецкий. Ушел на гору при Юрьеве озере, близ Олонца. Семь лет пробыл один, затем стали приходить другие. Явившийся ему чудесно преподобный Александр Ошевенский велел создать обитель и далее наставлял его. Преставился в Каргополе, куда поехал по делам. Мощи перенесены были в созданный им Троицкий Юрьегорский монастырь. Чудеса у гроба.

Сведен с кафедры Исаия (Копинский), митрополит Киевский и Галицкий.

Учрежден приказ «ратных и даточных людей». Московские войска вышли к старой русской границе, освободив земли, отошедшие к полякам по Деулинскому перемирию.

На Каме стольник Василий Иванович Стрешнев открыл месторождение медной руды. Здесь создан первый в России медноплавильный Пыскарский завод.

Ерофей Хабаров поставил на реке Куге солеварню.

Поход Ивана Реброва от устья Лены по морю на восток.

Открыты реки Яна и Индигирка.

1634 год

6 февраля. Начало предстоятельства Иоасафа, патриарха Московского.

Чудо Пресвятой Богородицы через Ее чудотворную Печерскую икону, поразившую огненным дождем польское войско Бутлера и Жолкевского, приступивших к Киево-Печерскому монастырю в поисках восставших казаков.

Земский собор вынес смертный приговор М.Б. Шеину.

28 апреля. Подписан Поляновский мир с Польшей. Владислав IV отказался от притязаний на русский трон, но Смоленск и все города остались за Польшей. России удалось возвратить только Серпейск.

Основан Первый стекольный завод под Москвой.

Енисейскими казаками основан Олекминский острог.

Напечатан букварь В. Бурцева. Стоил он одну копейку. Всего в XVII веке было напечатано 300 000 букварей.

Скончался преподобный Иоаким Шартомский.

1635 год

2 мая. Явление Путивльской иконы Пресвятой Богородицы в г. Путивле.

23 сентября. Явление Словенской иконы Пресвятой Богородицы в Макарьевском уезде Костромской губернии.

Осень. Заступничество Пресвятой Богородицы чрез Владимирскую икону за Оранскую обитель от нападения мордвинов.

Начало промышленной добычи медной руды на Каме.

1636 год

Для обороны от крымских татар начато строительство оборонительной линии.

Основаны города Тамбов, Козлов, Ефремов, Чугуев.

По заказу тобольского архиепископа Киприана написана Есиповская летопись.

11 июня. Перенесение в Москву из Варшавы тела царя Шуйского, заморенного в польской тюрьме.

Казачий десятник Елисей Буза, отправленный с наказом «посмотреть реки», текущие в океан, прошел по морю от устья Лены на восток и открыл реку Оленек.

9 августа. Скончался преподобный Савва подвижник, пустынник, Соловецкий.

27 ноября. Прославление Новгородской иконы Пресвятой Богородицы «Знамение».

1637 год

Учрежден Сибирский приказ, в котором сосредоточилось управление Сибирью.

Первое русское посольство в Китай.

По явлению и повелению Пресвятой Богородицы протидиаконом тобольского Софийского собора Матфием написана Ее Абалацкая икона «Знамсние».

Основан город Острогожск.

5 июня. Взятие донскими казаками Азова. Начало «азовского осадного сидения».

Восстание украинского казачества против поляков.

Декабрь. Земский собор принял решение о строительстве Белгородской «черты» — линии обороны от крымцев.

Установлены повсеместные сборы на тюремное строение, губные расходы и укрепления против татар.

1638 год

Первый привоз чая в Россию через восточную границу.

Учреждение Якутского воеводства. Из Москвы на Лену приехали стольник Петр Петрович Головин и 345 казаков.

1 марта. Скончалась блаженная Марфа Московская.

Основан Верхоянск.

Экспедиция в Даурию (Забайкалье) сибирских казаков под началом Максима Перфильева.

1639 год

Основан город Ялуторовск на месте татарского городища Явлатура.

17 сентября. Прославление Макарьевской иконы Пресвятой Богородицы.

1640 год

Первая экспедиция сибирских казаков под началом воеводы Петра Головина на Амур.

25 января. Явление в городе Шклове Чудотворной иконы Божией Матери «Утоли моя печали». Икона перенесена в Москву казаками. Начало общецерковного почитания иконы.

3 июля. Скончался преподобный Никодим Кожеозерский. Он подвизался в безмолвии вблизи Кожеозерского монастыря на реке Хозьюге.

22 августа. Скончался преподобный Макарий Холмогорский, Красногорский.

Сентябрь. Собор православного духовенства в Киеве одобрил большой Катехизис.

28 ноября. Кончина патриарха Московского Иоасафа.

Скончался в виленском Троицком монастыре бежавший в Польшу бывший патриарх Московский Игнатий.

Основаны Иркутск, Гурьев.

1641 год

17 апреля. В Александро-Свирском монастыре обретены мощи святого Александра Свирского.

Июнь. Начало осады Ибрагимом I Азова. Двухсоттысячная турецкая армия 24 раза ходила на приступ, но так и не смогла одолеть казаков.

12 июля. Мученическая кончина преподобного Симона Воломского, настоятеля основанной им обители в честь Креста Господня на реке Кичменге в Воломском лесу, близ Устюга.

Явление Страстной иконы Пресвятой Богородицы в с. Палец Нижегородского уезда, перенесенной в московский Страстной монастырь.

Челобитье дворян об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян. Срок розыска беглых крестьян был увеличен до 10 лет.

В поисках легендарной реки Ламы, текущей якобы параллельно Лене из самого Китая, Иван Юрьевич Москвитин прошел по Алдану и Мае и первым вышел на берег Тихого океана. И тут в устье реки Ульи поставил острожек. «А жили де они на тех реках и с походом два годы».

Казацким пятидесятником Мартыном Васильевым основан Верхоленск.

Написана «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков».

Скончался преподобный Евфросин Куржеский, Каргопольский. Память 20 марта.

26 сентября. Потеряв более 20 000 человек, турки сняли осаду с Азова.

1642 год

27 марта. Начало предстоятельства Иосифа, патриарха Московского (до 15 апреля 1652 г.).

Земский собор обсудил вопрос о судьбе взятого казаками Азова. Было решено, что средств для удержания Азова недостаточно. Азов решили вернуть Турции. Казаки разрушили город и ушли.

20 апреля. Приняв схиму, умер князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Скончался святой праведный Симеон Верхотурский, Сибирский чудотворец. Родом он был дворянин. Избегая мирской суеты, поселился в селе Меркушине, летом удалялся для молитвы на берега Туры. Жил среди диких вогулов, ухаживал за покинутыми больными. Просвещал язычников верой Христовой. В 1692 году были обретены его нетленные мощи. Память 12 сентября, 18 декабря.

12 октября. Прославление (видение архимандриту Троице-Сергиевой лавры Адриану, исцеление) Смоленской иконы Пресвятой Богородицы; основание в Ее честь монастыря на Бору, под Ярославлем.

Указ о запрещении служилым людям поступать в холопство и в солдатскую службу.

Дмитрий Зырянин и Михаил Стадухин открыли реку Алзея.

1643 год

Поход якутского письменного головы Василия Пояркова по Амуру. Поярков прошел по Амуру до устья и через Сахалинский залив вышел в Охотское море.

Построен первый каменный мост через Москву-реку.

Указ царя Михаила Федоровича об основании Ирбитской ярмарки.

Явление на источнике в Нижнем Ломове в Пензенской губернии Чудотворной иконы Божией Матери Казанской. По повелению царя Михаила Федоровича здесь была устроена церковь и приказано быть монастырю. Икона считается «многоцелебною».

1644 год

Михаил Стадухин основал город Нижнеколымск.

15 февраля. Явление в Долматовском Успенском монастыре (Пермь) Чудотворной иконы Успения Божией Матери.

Сватовство датского принца Вольдемара к царевне Ирине.

Издание в Москве «Кирилловой книги».

Прения о вере Ивана Наседки с пастором королевича Вальдемара Матвеем Фильгобером, длившиеся почти год.

Проекты заключения новой унии православных с униатами митрополита Петра Могилы и Адама Киселя.

Издание «Лифоса» в Киеве.

1645 год

11 апреля. Явление в Волынской губернии Бежевской иконы Пресвятой Богородицы и исцеление Захарии.

15 апреля. Скончался преподобный Дионисий Переяславский.

Обретение мощей святого вел. князя Георгия Всеволодовича Владимирского, скончавшегося 4 марта 1238 года.

2 июня. Умер царь Михаил Федорович.

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА (1645—1676)

Время правления Алексея Михайловича — это время испытаний новой династии, нового установленного государственного порядка на прочность. Такого обилия бунтов Россия еще не знала. Не знала она (ни в какое сравнение не шла крестьянская война Болотникова) и такого размаха, как война Степана Разина.

Но то, что во времена Бориса Годунова сокрушало саму русскую государственность, при Алексее Михайловиче не замедлило даже начатых им дел.

Важнейшее из них и с политической и с исторической точки зрения — воссоединение России и Украины. Воссоединялась прежняя и новая, Киевская и Московская Русь.

Неразрывно связано с этим событием и церковное переустройство. Необходимость воссоединения диктовалась единообразием уклада и службы православной церкви на Украине и в самой России. На это и была направлена деятельность патриарха Никона, приведшая в результате к расколу.

Но было бы грубой ошибкой полагать, что исправление Священных текстов и Богослужебных книг делалось лишь в угоду политической конъюнктуре. Политическая ситуация лишь поторопила с разрешением этой давно назревшей проблемы.

Пять веков переписывались в монастырях церковные книги, и пять веков копились и умножались в них ошибки. Таким образом, план патриарха Никона исправить эти книги в соответствии с текстом первоисточников был по существу планом реставрации первоначальных текстов. И как это ни парадоксально, но староверы, державшиеся за «старые» книги, оказались в этом смысле большими «новаторами».

1645 год

Июль. Земский собор избрал царем Алексея Михайловича. Фактическим правителем при пятнадцатилетнем царе стал боярин Борис Иванович Морозов, воспитатель и свояк царевича.

Купцы среднеазиатских ханств получили льготы для торговли в Сибири. Бухарцы распространяли кожевенное производство возле Тюмени.

Появление секты хлыстов. По преданию, в Стародубской волости (Ковровский уезд) Господь Саваоф вселился в пречистую плоть беглого солдата Данилы Филипповича. Хлысты утверждали, что никаких книг, ни новых, ни старых, не надо, так как Христос — сын Бога — воплощается постоянно.

Издан в Киеве на разговорном южнорусском языке «Малый катехизис» («Собрание короткой науки об артикулах веры»), составленный киевским митрополитом Петром Могилой.

1646 год

Начало первой войны Богдана Хмельницкого с Польшей.

Указ о составлении переписных книг. Новая перепись.

В четыре раза увеличена соляная пошлина.

Издание «Евхологиона» («Требника») митрополита Петра Могилы.

Явление Пресвятой Богородицы тюлянскому татарину Илигею с приказанием выделить землю для устроения обители.

Челобитная царю торговых людей об ограничении торговых прав «иноземного» купечества.

31 декабря. Скончался 50-летний Петр (Могила), митрополит Киевский и Галицкий.

1647 год

Боярский сын Иван Похабов перебрался по льду Байкала на южный берег и проник в Угру — столицу правителя Монголии, Сецен-хана. Ответное посольство Сецен-хана было отправлено в Москву в следующем году.

Яков Семенов открыл реку Анабар.

Казачьим атаманом Василием Колесниковым основан Ангарск.

Первая ярмарка в Нижнеколымске.

Переговоры о подготовке общего Собора православных и униатов.

К лику святых причислен митрополит Филипп, задушенный Малютой Скуратовым.

25 февраля. Избрание Сильвестра Коссова митрополитом Киевским и Галицким.

Женитьба царя Алексея Михайловича на Марии Ильиничне Милославской.

Апрель. Православный собор в Вильно по поводу вопроса об унии православной и униатской церквей.

1 мая. Явление Царевокшайской Мироносицкой иконы Пресвятой Богородицы в местечке Дальние Кузнецы близ города Царевокшайска Казанской губернии.

Устав царя Алексея Михайловича — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей».

Жалованная грамота Марселисам на тульские, каширские заводы и Соломенскую волость.

Посольство грузинского царя Теймураза с просьбой о заступничестве от Персии.

Вторая половина сентября. Семен Дежнев совместно с Поповым (Федотом Алексеевым) прошел на кочах от устья Колымы, обогнув Чукотский полуостров, до устья Анадыря. Открытие пролива между Азией и Америкой, который будет потом назван Беринговым.

Поход Ярофея Хабарова в Приамурье.

Сентябрь. Поражение польских войск под Пилявцами. Образовано Украинское гетманство.

5 сентября. Застрелен гайдуком, святой священномученик Афанасий Брестский, игумен Симоновского монастыря в Бресте. Твердо отстаивал православие, лично доставил в Варшаву грозное писание королю об уничтожении унии. Не будучи поддержан даже православными членами сейма, оказался в темнице. Выбравшись оттуда, юродствовал, бегая по Варшаве и восклицая «горе проклятым и неверам». И позднее выступал он мужественно, укрепляемый не раз голосом, исходившим от Купятицкой иконы Богоматери. В начале восстания Хмельницкого был обвинен в измене и заключен в Брестскую тюрьму, где и был застрелен. Память 5 сентября, 20 июля — обретение мощей.

13 октября. Перенесение с Афона в Москву списка Иверской иконы Пресвятой Богородицы; начало общецерковного почитания иконы.

Ноябрь. Избрание на польский престол Яна-Казимира Вазы.

Прекращение деятельности католической и униатской церквей на территории Украинского гетманства.

Исцеление сестры патриарха Иоакима Евфимии в московском храме Преображения Господня на Ордынке от иконы «Всех скорбящих Радость».

Боярским сыном Иваном Галкиным построен Баргузинский острог.

Основаны города Охотск, Нижнеудинск, Симбирск.

В Голландию отправлен для найма мастеров железных дел И.Д. Милославский.

1648 год

В Москве издана славянская грамматика Мелетия Смотрицкого. «Вратами учености» назовет эту книгу М.В. Ломоносов.

Весна. Начало восстания под предводительством Богдана Хмельницкого.

16 мая. В урочище Горохова Дуброва близ Корсуня войска Богдана Хмельницкого разгромили польско-шляхетскую армию коронного гетмана Н. Потоцкого и Н. Калиновского. Универсалы Богдана Хмельницкого с призывом к восстанию.

Май. Смерть Владислава IV.

25 мая. Соляной бунт. Убиты в Москве судья Земского приказа Леонтий Плещеев, дьяк Назарий Чистый, окольничий Петр Траханиотов. Спасаясь, боярин Б.И. Морозов бежал в Кирилло-Белозерский монастырь. Восстания в Воронеже, Козлове, Курске, Сольвычегодске, Устюге Великом и других городах.

20 июня. Начало знаменитого плавания Семена Дежнева. Из Нижне-Колымска выступило шесть кочей, на каждом по 30 человек.

16 июля. Приговор царя и Боярской думы о разработке нового свода законов — Уложения.

Издание в Москве «Книги о вере».

Ноябрь. Зборовский договор Богдана Хмельницкого с поляками. Число реестровых казаков доведено до 40 000, на все должности должны назначаться только православные; удаление иезуитов и евреев.

Чигирин становится резиденцией украинских гетманов.

1649 год

Январь. Земский собор принял Соборное Уложение. Окончательное закрепощение крестьян. Разграничение прав и обязанностей среди сословий.

7 января. Удалился на покой в Хутынский монастырь святитель Аффоний, митрополит Новгородский. Память — 6 апреля, 10 февраля, 4 октября.

17 января. В Москву приехал патриарх Иерусалимский Паисий. Он указал на различия в церковных обрядах греков и русских.

Февраль. Собор, на котором был поставлен вопрос о введении единогласия в церковном пении и чтении.

11 марта. Рукоположен в митрополита Новгородского Никон, будущий патриарх Московский и всея Руси.

Издание в Москве малого Катехизиса митрополита Петра (Могилы).

Первая поездка на Восток Арсения Суханова. Его прения с греками о русском православии.

За тайный ввоз в страну табака англичане лишены права на беспошлинную торговлю.

17 июня. Сражение казаков с поляками под Зборовым.

Первое посольство в Москву Богдана Хмельницкого. Начало переговоров о воссоединении Украины и России.

Учрежден Монастырский приказ, ведавший церковными вотчинами и судивший духовенство по светским законам.

Тульский железный промысел отдан Петру Марселису и Филимону Аксли «на 20 лет безоброчно и безпошлинно».

Выход на немецком языке книги Олеария о его путешествии в Московию.

7 ноября. Обретены мощи преподобного Кирилла Новоезерского.

Основан Верхнеудинск.

1650 год

16 января. Скончался святой блаженный Максим иерей, Христа ради юродивый, Тотемский. Юродствовал 45 лет.

Явление иконы Пресвятой Богородицы «Млекопитательница» в урочище Крестогорске близ Минска. Празднуется 15 августа, 12 января.

5 февраля. Прославление иконы Пресвятой Богородицы «Одигитрия» в Пскове, в церкви преподобного Сергия с Залужья.

Засуха. Саранча. Голод.

Устроены соляные варницы в Старой Руссе.

Народные восстания в Пскове и Новгороде Великом, вызванные вздорожанием хлеба. Купец Федор Емельянов по поручению правительства производил закупку хлеба для Швеции — компенсация за уход населения с отошедших к Швеции русских земель — это и привело к росту цен.

24 июля. Польский сейм, не утвердивший Зборовский договор, объявил войну с казаками. Начало строительства Закамской крепостной линии.

Началась экспедиция «оптовщика» Ерофея Хабарова в Приамурье, окончательно закрепившая эти земли за Россией.

Возвращение Холмской епархии православным по Зборовскому договору.

Появление в Москве киевских ученых монахов Епифания Славинецкого, Дамаскина Птицкого, занявшихся переводческой деятельностью.

1651 год

Вторая война Богдана Хмельницкого с поляками.

В этот год «на кладбище казненных преступников в Варшаве у мертвеца из уха полилась кровь, а другой мертвец высунул из могилы руку, пророча большие беды для Польши».

Февраль. Собор, принявший решение о введении единогласия в церковном пении и чтении.

19 февраля. Открытие Земского собора, созванного для решения вопроса об отношении к Польше после восстания Богдана Хмельницкого.

Неудача казаков Богдана Хмельницкого под Берестечком. Мир при Белой Церкви. Количество реестровых казаков сокращено до 20 тысяч.

Боярин Б.И. Морозов основал железоделательный завод в селе Павловском.

Близ Киева родился святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

Ерофеем Хабаровым построен Албазин.

8 октября. Написание и прославление иконы «Знамение» в предместье Владимира на Клязьме.

28 октября. В столетнем возрасте скончался преподобный Иов Почаевский. Родом он был из дворянской семьи. Десяти лет ушел в Угорницкий монастырь и через два года принял постриг. Приглашен князем К.К. Острожским в Дубенский Крестный монастырь, которым управлял более двадцати лет. Известен большой просветительской деятельностью. Скончался, будучи уже давно в схиме с именем Иоанна.

Декабрь. Явление на медвежьей охоте царю Алексею Михайловичу преподобного Саввы Сторожевского, почившего 250 лет назад. Преподобный спас государя от подраненного зверя.

1652 год

Год «апофеоза православия».

Из Чудова монастыря в Успенский собор перенесены мощи патриарха Гермогена, погибшего мученической смертью в захваченной польскими интервентами Москве.

24 марта. Битва казаков Ерофея Хабарова с маньчжурскими войсками под Ачинским городком. Маньчжур удалось отбить.

5 апреля. Перенесение в Москву из Старицы мощей священномученика Иова, патриарха Московского.

Весна. Новгородский владыка Никон отправился на Соловки за мощами митрополита

всея Руси Филиппа (Колычева), задушенного по приказу Ивана Грозного.

15 апреля. Скончался патриарх Иосиф, возглавлявший церковь с 27 марта 1642 года.

9 июля. Крестным ходом и колокольным звоном столица встретила Никона с мощами святителя Филиппа.

25 июля. Никон возведен в патриарха Всероссийского.

Казачьим старшиною, боярским сыном Иваном Похабовым на Дьячем острове в верховьях Ангары основан Иркутск.

4 сентября. Прославлен в лике святых преподобный Кирилл Новоезерский, чудотворец, скончавшийся 4 февраля 1532 года.

Экспедиция Ивана Реброва для отыскания Северного материка. Все казаки погибли, выйдя в море из реки Лена.

22 декабря. Явление Пресвятой Богородицы будущему игумену иеромонаху Филарету в Скитском монастыре Галицкой епархии, заступничество Ее за монастырь от моровой язвы.

Разбросанные по Москве немцы выселены на реку Яузу. Возобновление Немецкой слободы.

1653 год

14 марта. По церквам разослана «Память» патриарха Никона. Указано заменить земные поклоны при богослужении поясными, а двухперстное крестное знамение — трехперстным. Начало церковной реформы.

1 октября. Земский собор принял решение о воссоединении Левобережной Украины с Россией.

20 октября. Указ о замене смертной казни для разбойников и воров наказанием кнутом, отсечением на левой руке перста и ссылкой в Сибирь.

Имеретинский царь Александр принял русское подданство.

Боярским сыном Дмитрием Фирсовым основан Балаганский острог на пригодных для земледелия и богатых железной рудой земле бурят.

Построены Каширские заводы.

23 октября. Обнародовано решение начать войну с Польшей. Формальный повод для начала войны — пропуски поляками в титулах царя Алексея Михайловича.

Торговый устав. Введена единая рублевая таможенная пошлина.

1654 год

8 января. Переяславская рада, на которой присутствовали представители казачьих полков и городов, приняла решение о воссоединении Левобережной Украины и Киева с Россией. Присяга украинского народа на подданство русскому царю.

17 февраля. Скончался преподобный Иона Каргопольский.

Возвращение России Черниговской епископии.

24 февраля. Перенесение мощей святого праведного Иакова Боровицкого в Иверский монастырь.

27 февраля — 2 мая. Церковный Собор. Постановление об исправлении церковных книг. Отмена обрядов, несоответствующих практике современной греческой церкви.

17 марта. Сослан в Тобольск «за ево многое бесчинство» протопоп Аввакум.

21 марта. Принятие Мартовских статей о политическом и правовом положении Украины в составе Русского государства. На переговорах в Москве оговорены особые права Украины: избирать гетмана и старшину, иметь свой суд и войско, сохранить самоуправление городов, крестьянам можно свободно менять местожительство и распоряжаться своей землей.

5 апреля. В Лубенском монастыре Полтавской губернии скончался святитель Афанасий, патриарх Цареградский, Лубенский чудотворец. Родом с острова Крит. Трижды занимал Цареградский престол. В 1653 году прибыл в Москву, где был одарен царем Алексеем Михайловичем. Возвращаясь оттуда, скончался. Погребен по обычаю восточных патриархов, сидящим. Память 2 мая.

Прославление Теребинской иконы Пресвятой Богородицы.

15 мая. Алексей Михайлович уехал из Москвы на войну с Польшей за Украину.

Июнь. Прекращение эпидемии чумы в Казани после сретения Смоленской Седмиезерской иконы Пресвятой Богородицы. Празднование 13 октября, 26 июня, 28 июля.

3 июня. Прекращение моровой язвы в Рыбинской слободе после принесения туда Югской иконы Пресвятой Богородицы.

11 июня. Русским войском взят Невель.

14 июня. Взята крепость Белая.

29 июня. Взят Полоцк.

7 июля. Перенесение с Афона в московский Успенский собор в Кремле Влахернской иконы Пресвятой Богородицы.

8 июля. Патриарх Никон благословил Казанской Витебской иконой Пресвятой Богородицы первого Полоцкого епископа Каллиста в знак присоединения Белоруссии к России.

17 июля. Скончался преподобный Леонид Устнедумский. Он основал обитель на реке Лузе в Устюжском уезде. Осушая болота, прорыл канал, названный им Недумою рекою.

Прославление Угличской Боголюбской иконы Пресвятой Богородицы (избавление жителей города от моровой язвы после совершения молебна пред иконой).

20 июля. Русскими войсками взят Мстиславль.

24 июля. Русские войска взяли Дисну и Друю.

Чудо Гребневской иконы Пресвятой Богородицы, опалившей огнем святотатцев — грабителей московской Успенской церкви на Лубянке.

2 августа. Русские войска взяли Оршу.

Установление празднования преподобному Даниилу Переяславскому (7 апреля, 30 декабря).

Прославление (исцеления, избавление от моровой язвы) списка Грузинской иконы Пресвятой Богородицы в московской Троицкой церкви у Варварских ворот и московском Алексеевском монастыре.

9 августа. Русскими войсками взято Глубокое.

20 августа. Взяты Озерище и Гомель.

24 августа. Взят Могилев.

25 августа. Волнения в Москве. Патриарх Никон с царской семьей бежит в Вязьму.

29 августа. Взяты Чечерск, Новый Быхов и Пропойск.

1 сентября. Взяты Усвяты.

4 сентября. Взят Шклов.

8 сентября. Скончался преподобный Лукиан Александровский. Он основал в Александрове Владимирском обитель. Много страдал от недоброжелателей. Имел редкий дар прозрения.

13 (23) сентября. Взят окруженный царским войском Смоленск.

Осада поляками местечка Буша под Могилевом. После штурма поляки ворвались в крепость. Жена убитого сотника Завистного уселась на бочку с порохом и, сказав, «не хочу после милого мужа доставаться игрушкой солдатам», подожгла порох и взлетела на воздух.

13 октября. Московская Иверская икона Пресвятой Богородицы отправлена в войска, бывшие в походе против поляков.

Отмена откупов.

Основан Харьков.

По распоряжению Енисейского воеводы Афанасия Пашкова сотником Бекетовым основан Нерчинский острог.

Явление преподобному Елеазару Анзерскому Смоленской иконы Пресвятой Богородицы.

«На Москве и по многим городам моровое поветрие». Солнечное затмение во время эпидемии чумы.

Пребывание на Украине Антиохийского патриарха Макария.

1655 год

23 января. «Не люто есть спотыкаться, люто споткнувся, не подняться... — пишет в Вязьме царь Алексей Михайлович. — Не чист от греха, потому что множество его имею в себе!»

2 февраля. Приезд в Москву Антиохийского патриарха Макария.

10 февраля. Возвращение царя Алексея Михайловича в Москву после морового поветрия. Через месяц он снова уехал в Смоленск к войскам.

25—31 марта. Собор, созванный патриархом Никоном для сличения богослужебных книг и рукописей, привезенных из Греции Арсением Сухановым, с древними славянскими рукописями и печатными книгами.

9 апреля. Мученическая кончина святителя Мисаила, архиепископа Рязанского.

24 мая. Русские войска выступили из Смоленска.

Июнь. Федор Иванович Хворостин взял Минск.

29 июля. Русские войска Якова Куденетовича Черкасского, разбив Михаила Радзивилла и Винцента Гонсевского, подступили к Вильно и взяли город.

9 августа. Взят Ковно.

29 августа. Взят Гродно.

Шведский король Карл X начал войну с Польшей.

8 сентября. Шведами взята Варшава, затем Краков. Король Ян Казимир бежал из страны.

Калмыки приняли русское подданство.

Поражение маньчжурского войска под Комарским острожком. Обороной города руководил преемник Хабарова — Онуфрий Степанов.

Попытка введения денежных знаков с принудительным курсом. Выпуск медной монеты. Голод.

Замена питейных откупов продажей вина «на вере».

Образован Литовский приказ.

10 декабря. Возвращение царя Алексея Михайловича в Москву.

16 декабря. Заседание Собора, принявшего решение об освящении воды только в сочельник праздника Богоявления.

Основан железоделательный завод на притоке Протвы.

1656 год

Патриархом Никоном основан Воскресенский монастырь, «Новый Иерусалим» в Истре под Москвой.

13 января. Скончался преподобный Елеазар Анзенский. Сын богатого Козельского купца Севрюкова, он основал скит на Анзерском острове близ Соловецкого монастыря. Его постриженником в Анзерском скиту был будущий патриарх Никон.

Финансовый кризис. «Медный бунт».

24 февраля. Изречение проклятия на двоеперстие Антиохийским патриархом Макарием, Сербским патриархом Гавриилом и Никейским митрополитом Григорием. Церковный собор, приравнявший двуперстников к еретикам — несторианам.

1 марта. Принесение в Валдайский Свято-Озерский Иверский монастырь с Афона списка Иверской иконы Пресвятой Богородицы. Празднование 31 марта.

23 апреля — 2 июня. Рассмотрение и одобрение Собором перевода с греческого и издание патриархом Никоном книги «Скрижаль». Подтверждение проклятия на не повинующихся церкви последователей двоеперстия. Заочно осужден и проклят Григорий Неронов и его единомышленники-староверы. Указ о запрещении повторного крещения католиков.

15 мая. Царь Алексей Михайлович уехал на войну.

17 мая. Россия объявила войну Швеции.

18 мая. Отлучен от церкви протопоп Казанской церкви Иван Неронов.

25 июня. Прекращение эпидемии чумы в Казани после принесения в город Смоленской Седмиезерной иконы Пресвятой Богородицы.

5 июля. Алексей Михайлович торжественно въехал в Полоцк.

15 июля. Алексей Михайлович вступил в Ливонию.

31 июля. Взят Динабург (Борисоглебск).

9 августа. Скончался преподобный Кирик (Кириак), больничный старец, пустынник Соловецкий.

23 августа. Началась осада Риги.

Октябрь. Заключено перемирие с Польшей.

Голод.

По приказу патриарха Никона сожжен в срубе раскольничий епископ Павел Коломенский, последний из епископов, кто придерживался богослужебной традиции Стоглава.

1657 год

Безуспешная осада шведами вначале Псково-Печерского монастыря, затем Гдова.

Воевода И.А. Хованский нанес шведам поражение.

Магнус Делагарди, командовавший шведскими отрядами, вынужден был утопить свои пушки в Чудском озере.

22 марта. Прославление Изборской иконы Пресвятой Богородицы (истечение слез, избавление города от нашествия немцев).

13 апреля. Кончина митрополита Сильвестра (Коссова).

27 июня. Умер Богдан Михайлович Хмельницкий.

8 июля. Решение черного Собора Соловецкого монастыря о непринятии новопечатных книг.

26 июля. Гетманом Украины избран опекун Юрия Хмельницкого Иван Выговский.

17 сентября. У Алексея Михайловича родилась дочь Софья — будущая правительница страны.

Экспедиция Афанасия Пашкова в Даурию, в которой участвовал и протопоп Аввакум.

Октябрь. Собор об открытии новых епархий и исправлении Требника.

18 октября. Освящение церкви в Воскресенском (Ново-Иерусалимском) монастыре, на котором присутствовал и царь. Это последняя его дружеская встреча с патриархом Никоном.

Декабрь. Митрополитом Киевским избран Дионисий (Балабан).

1658 год

Неурожай. Голод во многих частях Московского государства.

Учрежден приказ Тайных дел.

Учреждение Вятской и Великопермской епископий.

Преподобным Геннадием Дубенским написана Ильинско-Черниговская икона Пресвятой Богородицы.

Восстание запорожцев и полтавских казаков под началом Мартына Пушкаря против казацкой старшины.

2 мая. Прославление (сохранение во время пожара в церкви) Сийской иконы Пресвятой Богородицы «Одигитрии».

Май. Отряды гетмана Выговского разбили казаков Мартына Пушкаря под Полтавой. Пушкарь был убит.

10 июля. Разрыв царя Алексея Михайловича с патриархом Никоном. Гнев царя вызвало присвоение патриархом титула «великого госу-

даря». Никон самовольно покинул патриарший престол, «отложил посох» и уехал в Воскресенский монастырь.

10 июля. Местоблюстителем патриаршего престола выбран митрополит Сарский и Подонский (Крутицкий) Питирим.

1 сентября. Закладка Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря.

Учреждение Киевской Духовной Академии.

6 сентября. Подписание в Гадяче договора между гетманом Иваном Выговским и польским правительством о вхождении Украины в состав Польши в качестве самостоятельного государства. Одной из статей договора была ликвидация церковной унии на Украине.

Начало второй войны Московского государства с Польшей за Украину.

Октябрь. Войска Ю.А. Долгорукого разбили поляков под командованием воеводы Гонсезского.

Декабрь. В деревне Валиесари на Нарве заключен мир со Швецией на три года. Занятые в ходе войны территории отошли к России.

Основан Нерчинск.

На Соловках отражено нападение шведов.

1659 год

Поражение московских войск под Конотопом.

«Расчеты» раскольника Спиридона Потемкина об антихристе Никоне. «Никон припустил к себе иноземца, иже преврати все благочествия пути его, и той солга при ним...»

2 мая. Скончался святитель Серапион, митрополит Сарский и Подонский.

29 июня. Явление Старчицкой иконы Пресвятой Богородицы в местечке Старчицы Минской губернии Слуцкого уезда.

Июль. Казаки Ивана Выговского разбиты московским войском под Белой Церковью.

8 июля. Царь Алексей Михайлович в благословение новопоселенцам Пензы дарит Казанскую Пензенскую икону Пресвятой Богородицы. Начало церковного почитания иконы.

11 июля. Прославление Борколабовской иконы Пресвятой Богородицы.

Сентябрь — октябрь. Поражение русского войска поляками и переход Правобережной Украины под юрисдикцию Польши.

17 октября. Гетманом Украины избран Юрий Хмельницкий.

Принятие русским правительством Переяславских статей Юрия Хмельницкого о правовом и политическом положении Украины в составе Русского государства.

1660 год

16 февраля — 14 августа. Церковный собор, созванный царем Алексеем Михайловичем для суда над патриархом Никоном.

Принятие русским правительством Переяславских статей Ю.Б. Хмельницкого о правовом и политическом положении Украины в составе Русского государства.

Князь И.Н. Хованский взял Брест и выжег его.

Апрель. Московские войска выбили поляков из Вильно.

Прославление Вольнянской иконы Пресвятой Богородицы в Минской губернии.

Польша заключила со Швецией Оливский мир.

Образован приказ Лифляндских дел.

8 мая. Прием царем Алексеем Михайловичем грузинского царевича Николая.

Сентябрь. Войска В.Б. Шереметева окружены поляками у Чуднова и вынуждены сдаться.

Сильные землетрясения в Астрахани.

Благочестивым старцем Тихоном основан на реке Тунгуске Троицкий монастырь.

1661 год

Поляками взят Полоцк.

20 марта. Родился сын Алексея Михайловича — Федор, будущий русский царь.

Голодный год.

21 июня. Заключен Кардисский мир со Швецией. Вновь уступлены все приобретения в Прибалтике, в обмен на обязательство не поддерживать Польшу.

Явление и прославление Казанской Тобольской иконы Пресвятой Богородицы в Тобольске.

Принятие калмыками русского подданства.

Издание Киево-Печерского Патерика.

Архимандрит Феофан принес в Ново-Иерусалимский монастырь с Афона список иконы Пресвятой Богородицы «Троеручица». Иеромонахом Симеоном икона была перенесена в орловскую Белобережскую пустынь. Начало общецерковного почитания иконы. Празднование 28 июня, 12 июля.

Началась разработка проекта Волго-Беломорского канала.

22 августа. Прославление Грузинской иконы Пресвятой Богородицы в казанской Раифской пустыни.

Отмена воеводского управления.

Иркутский острог перенесен на правый берег Ангары.

Указом от 4 ноября предписывалось «изо всех мест... везти хлеб в Москву и продавать мерною ценою».

30 ноября. Мученическая кончина благоверного князя Даниила Мышецкого, Виленского.

Указ о наказании за прием беглых.

1662 год

2 марта. Обретение Мглинской Смоленской иконы Пресвятой Богородицы в Черниговской губернии.

9 апреля. Прием государем прибывшего в Россию митрополита Паисия Лигарида. Святитель Филарет (Дроздов) называл его приезд в Россию — несчастьем Русской церкви.

16 апреля. Заплакала в черниговском Ильинском монастыре икона Пресвятой Богородицы, когда татаре разгромили обитель.

23 апреля. Рада объявила Юрия Хмельницкого изменником, низложила его и выбрала гетманом Сомко.

Указ о возвращении из ссылки протопопа Аввакума.

Московское войско Ромадановского нанесло поражение Юрию Хмельницкому.

Избавление от святотатцев Киево-Братской иконы Пресвятой Богородицы в водах Днепра, остановившейся напротив Киево-Братского монастыря. Празднование 10 мая, 2 июня, 6 сентября.

25 июля. «Медный бунт» в Москве. Поводом к нему послужило введение в обращение медных денег, приравненных по цене к серебряным. По Москве расклеены «воровские письма», обвинявшие в сговоре с поляками князей И.Д. и И.М. Милославских, боярина Ф.М. Ртищева, купца Василия Шорина.

При подавлении мятежа было убито и схвачено 7 тысяч мятежников.

15 августа. Ответы Паисия Лигарида на вопросы, касающиеся оценки деяний Собора, разбиравшего дело Никона. «Кто деяние складывал — враг государю, царю и правде и всему собору».

17 августа. Скончался преподобный Филипп Сухонский, который подвизался на Яиковой горе близ Устюга.

21 декабря. После всенощной в Успенском соборе заскорбел царь Алексей Михайлович о вдовствующей Русской церкви и указал собирать Вселенский собор по «Делу патриарха Никона».

22 декабря. Создана предсоборная комиссия. Послана грамота восточным патриархам. Назначена ревизия никоновских хозяйственных и книжных дел.

1663 год

16 февраля. Приговор старцев Соловецкого монастыря о непринятии новых книг и обрядов.

22 марта. Скончался святитель Маркелл, архиепископ Вологодский и Белозерский, Соловецкий, возглавлявший кафедру с 16 января 1645 года. Память 22 марта, 9 августа

10 мая. Скончался митрополит Киевский Дионисий (Балабан).

Казнь гетмана Сомко.

Гетманом Украины выбран Иван Мартынович Брюховецкий.

Образован Малороссийский приказ, ведавший делами Левобережной Украины в составе Русского государства.

24 июня. Мученическая кончина праведного младенца Иоанна, Угличского.

Основана слобода Царево Городище, переименованное в 1782 году в город Курган.

Между Тарусой и Алексиным построен доменный завод.

12 августа. Указ о ссылке в Сибирь на вечное житье, с женами и детьми, фальшивомонетчиков.

1664 год

Эпидемия на Украине.

4 апреля. Митрополитом Киевским стал Иосиф (Нелюбович-Тукальский) (по 26 июля 1676 г.).

Наступление казаков гетмана Брюховецкого и московских полков на Украине.

Июнь. Заточен в Мариенбурге Киевский митрополит Иосиф (по 1667 г.).

Написание списка с Хилендарской иконы Пресвятой Богородицы «Троеручицы», находившегося в с. Ельне Нижегородской губернии. Начало общецерковного почитания. Празднование 28 июня.

Появление в Москве Симеона Полоцкого. Он начал обучать латинскому языку подьячих Приказа Тайных дел.

Прославление преподобного Геннадия Любимоградского, Костромского, скончавшегося 23 января 1565 года.

2 сентября. Местоблюстителем патриаршего престола избран Иона (Сысоевич), митрополит Ростовский и Ярославский.

Победа коронного хорунжего Яна Собесского. Захваченные в плен казацкие предводители были приговорены к повешению, но, по

преданию, казак Нужный сам упросил поляков, чтобы его посадили на кол: «Такой смертью мой батько помер!»

18 декабря. Приезд патриарха Никона в Москву. На Петра-чудотворца Никон неожиданно появился в Успенским соборе и занял патриаршее место. Изгнание Никона из Москвы.

Начало следствия по делу опального патриарха Никона.

1665 год

10 февраля. Собор, осудивший местоблюстителя патриаршего престола Ростовского митрополита Иону за его действия при появлении патриарха Никона в Успенском соборе 18 декабря.

11 октября. Принятие Московских статей об ограничении административно-территориальной автономии Украины.

Избавление Тобольска от проливных дождей, грозивших уничтожить урожай, после совершения молебна пред Абалацкой иконой Пресвятой Богородицы «Знамение». Празднование 7 июля, 20 июля, 27 ноября.

18 октября. Начало строительства Спасообыденного храма в Вологде, послужившее прекращению моровой язвы.

Открыта школа при Заиконоспасском монастыре в Москве, где изучались латинский и греческий языки. Руководил работой школы Симеон Полоцкий.

1666 год

Голодный год. Ожидание конца света.

Февраль — 2 июля. Одиннадцать заседаний Собора по делу исправления церковных книг и осуждению раскола.

9 марта. Принесение из Киренского острога в город Албазин иеромонахом Ермогеном иконы Пресвятой Богородицы «Слово плоть бысть».

10 мая. Расстрижен и проклят поп Никита Добрынин.

13 мая. Расстрижены и прокляты протопоп Аввакум и дьякон Федор. Они посажены на цепь в Никольском монастыре на Угреше.

Основана кожевенная мануфактура на реке Клязьме.

24 мая. Явление Христа и Богородицы проклятому и сидящему на цепи Аввакуму.

— Не бояся, протопоп! — раздался в темнице голос. — Аз есмь с тобою!

Голландец Иоганн фон Сведен взял на оброк у правительства бумажную мельницу на реке Пахре.

1 июля. Иван Неронов (инок Григорий) принес покаяние Собору.

28 июля. Поновление Смоленской иконы Пресвятой Богородицы, привезенной в Москву Смоленским архиепископом Варсонофием.

Донские казаки самовольно пошли на службу к гетману И. Брюховецкому. Под предлогом окончания войны с Польшей им было отказано в приеме.

Возглавляемые Василием Усом казаки пошли на Москву. Восстание в южном Подмосковье.

Перепись населения Левобережной Украины.

Бежавшим из Москвы дьяком Григорием Котошихиным написан труд «О России в царствование Алексея Михайловича».

Гетман Петр Дорофеевич Дорошенко поддался с Правобережной Украины турецкому султану.

Начало тридцатилетней войны Турции с Речью Посполитой.

7 ноября — 12 декабря. Церковный собор с участием патриархов антиохийского Макария и александрийского Паисия разбирал «дело Никона».

12 декабря. Восьмое заседание Собора. Никону в Чудовом монастыре прочитан приговор. Никон был обвинен в своевольном оставлении патриаршества и других преступлениях. Никон был низложен и отвезен в Ферапонтов монастырь. Патриархом был избран Иоасаф, архимандрит Троице-Сергиева монастыря. Вместе с тем Собор признал введенные Никоном реформы.

Учреждение почт.

Основан Селенгинск.

1667 год

15 января. Скончался на покое в Ниловом Столобенском монастыре святитель Нектарий (Теляшин), архиепископ Тобольский и всея Сибири, возглавлявший кафедру с 7 февраля 1636 года по 7 января 1640 год.

30 января. А.Л. Ордин-Нащокин заключил Андрусовское перемирие с Польшей на 13 с половиной лет. Правобережье Днепра осталось под властью Польши. Левобережье перешло к России. Россия удержала Смоленск и Киев.

10 февраля. Рукоположен в патриарха Иоасаф II, архимандрит Троице-Сергиева монастыря.

Апрель. Принят новый торговый устав. Введена единая таможенная пошлина, таможен-

ные тарифы. Автором устава был Афанасий Ордин-Нащокин.

Основана Пенза.

19 июня. Распоряжение о строении кораблей для Каспийского моря.

17 июня. Суд вселенских патриархов над «расколоучителями». Еретики должны были подвергнуться «царским сиреч казнениям по градским законам». Гражданская казнь вождей старообрядческого движения. Ссылка Аввакума в Пустозерск.

Июль. Начало соловецкого возмущения. Монахи монастыря заявили о своей приверженности старой вере. Во главе восстания встал архимандрит Никанор.

1 августа. Скончался святой праведный Боголеп, отрок-схимонах, Черноярский.

Начало второй крестьянской войны. Первый поход Степана Разина на Волгу. Зимовка в Яицком городке.

Михаил и Дмитрий Тумашевы нашли на Урале близ Мурзинской слободы медную руду, железо и цветные камни — аметисты и топазы.

30 августа. Аввакум, Никифор, Лазарь, Епифаний отправлены на «ямских подводах» в Пустозерский острог.

14 декабря. Договор с Польшей о совместных действиях против турок.

Прихожане московской церкви Иоанна Богослова подали царю челобитную об устройстве при своем храме училища.

Напечатан «Жезл правления» Симеона Полоцкого.

1668 год

Февраль. Вызов старообрядцем попом Лазарем своих оппонентов на «божий суд». Лазарь предложил взойти на костер — кто уцелеет в огне, тот и прав.

25 февраля. В Москве на «болоте» урезан язык дьякону Федору. Безъязыкий Федор отправлен в Пустозерск.

Утверждение Киевского митрополита Иосифа (Нелюбовича-Тукальского) экзархом Константинопольского патриарха в Польше.

Пожары в Москве.

Восстание гетмана Брюховецкого.

22 июня. Начало осады Соловецкого монастыря. Монастырь выдержал восьмилетнюю осаду царских войск и был взят лишь благодаря перебежчику, указавшему подземный ход.

Поход Степана Разина в Персию. Разграблены многие прибрежные города. Зиму разинцы провели на острове Свином (южнее Баку).

Тульские и каширские заводы из Пушкарского переданы в Посольский приказ.

Петр Марселиус построил завод в Алексинском уезде.

Учреждена Сибирская митрополия.

1669 год

Новое ожидание конца света. Крестьяне бросали дома и уходили в пустыни.

28 января. Скончался святой блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Сольвычегодский. Память 3 июля.

Март. Принятие русским правительством Глуховских статей об ограничении автономии Украины.

4 марта. Нарожав чертову дюжину детей, умерла первая жена Алексея Михайловича — Мария Ильинична Милославская.

Возвращение Степана Разина в Астрахань. Ослепив астраханцев своими богатствами, разинцы ушли на Дон.

В селе Дединове на Оке голландскими мастерами построен первый русский корабль «Орел» для Каспийского моря.

1670 год

Конец марта. На Мезени повешены раскольники Федор Юродивый и Лука Лаврентьев. Сыновья протопопа Аввакума — Иван и Петр — принесли покаяние. С них взяли расписки, что они «соборной и апостольской церкви ни в чем не противны», и закопали вместе с матерью Анастасией Марковной в земляную тюрьму.

Апрель. Посольство боярского сына Милованова из Нерчинска в Пекин с предложением китайскому богдыхану вступить в русское подданство. В наказной памяти Милованову было сказано: «Под высокою Российскою царского величества рукою находятся цари и короли со своими государствами... И он бы, Богдыхан, также поискал бы его, царского величества, милости и жалования и учинился бы под высокою его царского величества рукою... и дань бы ему великому государю давал».

В Пекине Милованов был принят богдыханом. Потом было спрошено, кому из послов сколько лет. После этого отпустили. Через пять недель одарили подарками и отправили назад в Россию.

14 апреля. В Пустозерске Лазарю, Федору и Епифанию отсечены пальцы на руках.

Крестьянская война на Дону, в Поволжье и Слободской Украине.

Май. Начало второго похода Степана Разина на Волгу. Взятие Царицына. Воевода Тургенев убит, изрублены и стрельцы.

22 июня. Взята Астрахань. Разинцы сожгли там и корабль «Орел», и казнили около полутысячи дворян и приказных.

Устройство первой доменной печи братьями Тумашевыми на Урале.

18 августа. Скончался подвижник Сергий Клобуковский, Кашинский.

Основана деревня Коркина, вокруг которой вырос город Ишим.

Победоносное плавание Степана Разина по Волге. Ему предались города Саратов и Самара. Разин обещал народу освободить его от притеснений бояр, дворян и приказных людей, и армия его стремительно росла.

Осада Симбирска.

1—4 октября. Сражение между войсками Юрия Барятинского и Степана Разина под Симбирском. Поражение разинцев. Самого Разина ранили и увезли на Дон.

Октябрь. Прославление Цивильской Тихвинской иконы.

Московское посольство Бориса Пазухина в Хиве и Бухаре.

1671 год

22 января. Венчание царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной.

14 апреля. Московские воеводы заняли Кагалинский городок и взяли в плен Степана Разина.

27 мая (6 июня). На Лобном месте в Москве четвертован Степан Разин и его брат Фрол. Разин держался мужественно, а Фрол не выдержал и закричал.

— Молчи, собака! — сказал Разин. — Убью.

Это были последние слова Разина.

Октябрь. В селе Преображенском Иоганн Готфрид Грегори «учинил комедию об Эсфири» — первое театральное представление при царском дворе.

16 ноября. Возложив «чепь на выю», увезли в заточение неотрекшуюся от старой веры боярыню Федосью Прокопьевну Морозову, духовную дочь протопопа Аввакума, самую богатую женщину в России того времени.

16 ноября. Подавление разинского бунта.

27 ноября. Правительственными войсками взята Астрахань, где укрылись последние отряды разинцев. Тысячи повстанцев были повешены.

1672 год

17 февраля. Кончина патриарха Московского Иоасафа II.

1 марта. Уничтожение монастырских тарханных грамот.

Март. Собор об учреждении Нижегородской епархии.

30 марта. Подписан договор с Польшей, подтверждающий Андрусовское перемирие.

31 марта. Написана Симоном Ушаковым Иверская Нижегородская икона Пресвятой Богородицы.

Симеон Полоцкий стал воспитателем царевичей Алексея и Феодора.

11 мая. Мученическая кончина святителя Иосифа, митрополита Астраханского. Его убили казаки Василия Уса, оставленного в Астрахани Стенькой Разиным.

30 мая. Торжественные молебны по всем московским церквам — у царя Алексея Михайловича родился сын, будущий император Петр Первый.

Начало самосожжений у старообрядцев.

12 июня. Обретение мощей святого блаженного Иоанна, Московского, Большой колпак, скончавшегося 3 июля 1589 года.

7 июля. Патриархом Московским и всея Руси избран Питирим, бывший митрополит Новгородский.

Московским монахом Иовом основана пустынь на реке Чире, ставшая центром раскола на Дону. «Светлая Россия потемнела, а мрачный Дон воссиял и преподобными отцами наполнился».

В Пустозерской земляной тюрьме Аввакум приступил к работе над своим «Житием».

Изготовлена первая сводная карта Сибири.

6 октября. Объявлена война Турции.

Сослан в Сибирь Малороссийский гетман Демьян Игнатьевич Многогрешный. Начало гетманства Ивана Самойловича.

Схимонахом Герасимом основан Вознесенский мужской монастырь под Иркутском.

1673 год

19 апреля. Умер патриарх Московский и всея Руси Питирим.

10 октября. Скончался блаженный Андрей, Тотемский чудотворец. Родился он в июне 1638 года в крестьянской семье Усть-Толшемского прихода. Десяти лет ушел из дома. Позднее принял подвиг юродства. Потом ушел в Тотьму и подвизался на берегу Сухоны.

На 68-м году жизни умер в Москве землепроходец Семен Дежнев.

1674 год

Март. Провозглашение на казацкой раде Ивана Самойловича гетманом всей Украины.

17 июля. Прославление Почаевской иконы Пресвятой Богородицы (многочисленные чудеса и исцеления). Празднование 8 сентября.

26 июля. Патриархом Московским поставлен Иоаким (Савелов), бывший митрополит Новгородский и Великолуцкий.

1 сентября. Царевич Федор объявлен наследником престола.

Ян Собесский избран королем Польши.

Издан «Синопсис» Иннокентия Гизеля — первый учебник русской истории.

15 октября. Собор о границах епархий, церковном суде и архиерейском священнослужении. Постановление об отмене Монастырского приказа.

Посольство к индийскому шаху Евреин-Зепу Мамет. «Государю-царю желательно обсылаться послами "с вельможнейшим братом своим, великом государем, высокопрестольным шахом"».

2 ноября. Заморили голодом в Боровской тюрьме боярыню Ф.П. Морозову.

1675 год

9 июня. Большой пожар в Москве.

7 июля. В Ижме отрублена голова юродивому Киприану Нагому.

23 июля. Заступничество Пресвятой Богородицы через Ее Почаевскую икону за Почаевский монастырь при нападении татар.

Указ царя Алексея Михайловича против иноземных новшеств.

Миссия Спафария в Китае. Переводчик Посольского приказа Николай Гаврилович Спафарий вел в Пекине переговоры о заключении договора, но успеха переговоры не имели. Спафарий составил описание Китая и дороги от Тобольска до Китайской границы.

1676 год

19 января. Взятие царскими войсками Соловецкого монастыря. Ход под землей в монастырь им указал монах Феоктист.

28 января. Смерть царя Алексея Михайловича.

Кончина Епифания Славенецкого, видного помощника Никона в исправлении церковных книг.

24 мая. Указ о наследовании дворянами поместий по закону.

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА (1676—1682)

Правление царя Федора Алексеевича завершает этот очень важный период новой истории России, предшествовавший реформам Петра Первого. При Федоре Алексеевиче было уничтожено местничество: совершена, быть может, самая крупная и сложная реформа на пути устройства новой России.

1676 год

18 июня. Венчание на царство 15-летнего Федора Алексеевича. Правителем назначен стольник А.С. Матвеев.

Заключение мира Турции с Польшей.

Война России с Турцией и Крымским ханством.

26 июля. Скончался митрополит Киевский Иосиф (Нелюбович-Тукальский).

Курская икона Пресвятой Богородицы «Знамение» перенесена на Дон для благословения донских казацких войск. Празднование 8 сентября, 27 ноября.

Найдены рудные месторождения в Нерчинске.

1677 год

Избавление Киева от опасности захвата турками после обнесения города Киево-Печерской иконой Пресвятой Богородицы «Успение». Празднование 3 мая, 15 августа.

Армия Ибрагима-паши и крымского хана Селим-Гирея двинулась на Чигирин.

3 марта. Явление Чудотворной иконы Божией Матери Волоколамской в Иосифовом монастыре, принадлежавшей преподобному Иосифу Волоцкому.

Август. Войска Г.Г. Ромадановского и гетмана И. Самойловича нанесли поражение туркам и сняли осаду с Чигирина.

14 августа. Прославление (исцеления) Новодворской Суражской иконы Пресвятой Богородицы. Празднование 20 декабря.

Бунт яицких казаков под предводительством атамана Василия Касимова.

20 октября. Чудесное сохранение предстоятельством Пресвятой Богородицы царских дверей и икон при обвале каменной церкви во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских свенского Успенского монастыря. Празднование 3 мая.

Самосожжение с чернецом Данилой 1700 раскольников.

19 декабря. Упразднение Монастырского приказа.

1678 год

Перепись населения и налоговая реформа. Вместо посошного введено подворное обложение.

Бунт крестьян Толвуйской волости, не желавших быть за Вяжицким монастырем.

3 августа. Соглашение между Россией и Польшей о продлении Андрусовского перемирия.

Собор о чине шествия на осляти.

7 сентября. Замучен турками, захватившими Канев, архимандрит Макарий. Прославился чудесами и прозрением.

200-тысячная турецкая армия взяла Чигирин, но не смогла удержать город.

13 ноября. Перенесение из Стокгольма в Тихвин Стокгольмской иконы Пресвятой Богородицы.

1679 год

6 января. Самосожжение в верховьях Тобола 1700 старообрядцев.

Отмена губных учреждений и восстановление воеводского управления.

Переговоры с Австрией и Францией о союзе против турок.

1680 год

Объединение Рейтарского и Иноземного приказов. Формирование войска под началом главнокомандующего А.М. Черкасского.

Начало керженских старообрядческих скитов.

18 июля. Царь Федор обвенчался с Агафьей Семеновной Грушецкой.

Иконописец Симон Ушаков написал для деревянной церкви владимирской Флорищевой пустыни икону в честь Успения Пресвятой Богородицы, прославившуюся чудотворениями. Празднование 15 августа.

25 августа. Умер Симеон Полоцкий, учитель царских детей, бывший иезуит, астролог, видный деятель церковной реформы.

1681 год

3 января. Бахчисарайский договор России с Турцией и Крымом. По условиям трактата устанавливалось перемирие на 20 лет, Турция и Крым признавали переход Левобережной Украины и Киева к России. Южная Украина — Брацлавщина и Подолия оставались под властью султана и гетмана Юрия Хмельницкого.

Родился Феофан Прокопович, будущий идеолог церковной реформы, осуществленной им в правление Петра Первого.

Указ об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, населенных христианами.

В Даурию отправлены православные миссионеры: игумен Феодосий, иеромонах Макарий и несколько монахов.

Указ об обязательном ношении польского платья при явке к царю Федору.

В Москве начато производство шелковых и бархатных тканей.

Начало объединения всех прямых податей в единую «стрелецкую» подать.

При московской типографии на Никольской открыто училище, где учили греческому языку.

23 июня. Скончался преподобный Корнилий Александровский.

14 июля. Умерла родами царица Агафья. Через несколько дней умер и ее сын — царевич Илья Федорович.

17 августа. Умер в Ярославле возвращающийся из ссылки патриарх Никон.

«Озираясь, будто кто пришел к нему, сам он оправил себе волосы, бороду и одежды, как бы готовясь в дальний путь», и умер. Тело патриарха отвезли в Вознесенский монастырь под Москвой — «Новый Иерусалим».

Противодействие патриарха Иоакима боярским попыткам добиться назначения «вечных» несменяемых наместников в провинции.

24 ноября. Боярину, князю Василию Васильевичу Голицыну поручено заведовать военными делами и созвать Земский собор о лучшем устройстве войска, так как «неприятели показали в ратном деле новые вымыслы и хитрости, а наше военное устроение оказалось в боях неприбыльным, а посему и должно переменить оное на лучшее».

Ноябрь. Постановление Собора о передаче раскольников гражданскому суду и об уничтожении старообрядческих пустынь.

Издан сборник проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный».

1682 год

12 января. Подана царю Федору челобитная. Земский собор просил царя во всех делах разрядом не считаться и, назначая на все должности, «быть без мест».

19 января. Уничтожение местничества. В сенях Государственной палаты сожжены разрядные книги. Отныне назначения стали зависеть не только от древности и заслуг рода, но и от личных достоинств претендента.

Февраль. Собор о мерах по укреплению православия.

14 февраля. Бракосочетание царя Федора с 14-летней Марфой Матвеевной Апраксиной — крестницей Артамона Матвеева.

Начало военной реформы.

Учреждение Вятской, Воронежской, Великоустюжской и Тамбовской епископий.

14 апреля. В Пустозерске «за великие на царский дом хулы» сожжен гениальный русский писатель протопоп Аввакум. Казнь вождей старообрядчества — Епифания, Лазаря и Федора.

27 апреля. Умер бездетный царь Федор Алексеевич. Царем провозглашен Петр Алексеевич.

Основание Славяно-греко-латинской академии в Москве.

ПРАВЛЕНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (1682—1725)

Правление это началось с отчаянной борьбы сторонников Милославских (родственники первой жены Алексея Михайловича) и Нарышкиных (родственники второй жены царя, матери Петра I), с большого стрелецкого возмущения. Никогда еще московский гарнизон не принимал такого активного участия в борьбе за трон.

Стрелецкие мятежи не только окрасили в кровавый цвет начало правления Петра Великого, но во многом сформировали характер царя, определили его яростную антипатию к старинным порядкам и обычаям Руси.

Поворот России к Европе, к активному участию в европейских делах и заимствованию европейских новшеств был определен естественным ходом истории и уже начал совершаться в предшествовавшие Петру правления. В это естественное движение Петр внес присущее ему нетерпение, он самовольно «торопил» многие события, не считаясь ни с какими издержками. И от этого — все трагические противоречия, которые разрешались Петром со свойственной ему азиатской жестокостью.

Но ни казнями, ни жестоким насилием не мог исправить Петр последствий той антироссийской по сути политики, которую проводил сам. Эти неразрешимые противоречия он оставил в наследие созданной им империи. Отметим самые главные из них. Нерасчетливое, неосторожное насаждение в России западной культуры привело в результате к полной изоляции правящих кругов и привилегированного дворянского сословия от народа. Уничтожение патриаршества и полное подчинение Православной церкви монарху нанесло непоправимый удар духовному здоровью нации. Отмена «недоброго обычая», когда престол автоматически наследовался старшим наследником по мужской линии, ввергло страну в череду государственных переворотов, в долгие десятилетия правления временщиков.

40 лет правления Петра — это непрерывная череда указов, реформ, восстаний, войн. И все эти 40 лет существовало словно бы два Петра. Один — рачительный, дальновидный, способный к смелым, очень часто гениальным решениям человек; и другой — ослепленный ненавистью к прежним порядкам, не умеющий подняться над своим капризным своеволием.

Но как бы ни было, именно эти 40 лет и определили во многом дальнейший путь России вплоть до наших дней.

1682 год

29 апреля. Похороны царя Федора. Столкновение 25-летней царевны Софьи с вдовствующими царицами Прасковьей Матвеевной и Натальей Кирилловной.

— Извели нашего любезного братца злые люди, остались мы круглыми сиротами... — голосила Софья.

Наталья Кирилловна вынуждена была уйти из собора, не дожидаясь обедни и отпевания.

30 апреля. Неделя жен-мироносиц. Стрельцы подали челобитные на полковников, особо притеснявших их.

1 мая. Велено полковников от Приказов отставить и рассадить по тюрьмам, вотчины у них отобрать и взыскать стрелецкие убытки.

2 мая. Биты кнутом полковник Семен Грибоедов и Александр Карандеев. Остальные полковники биты батогами.

4 мая. Новая челобитная стрельцов на полковников.

5 мая. Новый правеж.

12 мая. Наконец-то вернулся в Москву из ссылки Артамон Сергеевич Матвеев. Иван Михайлович Милославский, который, как считают историки, и раздувал стрелецкий мятеж, оказался единственным из московской знати, кто не приехал к Матвееву засвидетельствовать

почтение. В этот день Милославский, обложенный кирпичами, лежал в горячих отрубях и «лечился...»

15 мая — 17 сентября. Стрелецкий мятеж. Александр Милославский и Петр Толстой распространили слухи: дескать, Ивана-царевича Нарышкины задавили: ударили в набат, стрелецкие полки потекли к Кремлю.

Пытаясь успокоить бунтарей, Наталья Кирилловна вышла на Красное крыльцо с Петром и Иваном, но мятежники, кажется, и не заметили этого. Вначале был убит Долгорукий. Затем с Красного крыльца сбросили Матвеева, а «товарищи внизу приняли его на копья». Афанасий Нарышкин пытался спрятаться в алтаре, но его вытащили оттуда и убили. Порешили и Петра Фомича Нарышкина, а притомившись, разошлись по домам.

16 мая. Стрельцы снова собрались в Кремле и потребовали брата царицы Ивана Нарышкина, думного дьяка Аверкия Кириллова, «дохтуров Степана жида да Яна».

На расправу были выданы все, кроме брата царицы.

Неведомо кем произведены новые назначения. В Стрелецкий приказ назначили князя Ивана Андреевича Хованского, в Судный — его отца Андрея Ивановича. Иноземный, Рейтарский и Пушкарский приказы возглавил отлежавшийся в пареных отрубях боярин Иван Михайлович Милославский.

17 мая. Выдан на расправу стрельцам брат царицы Иван Нарышкин.

18 мая. Постригли в монахи деда царевича Петра — Кирилла Полуэктовича Нарышкина и под стражей увезли в Кирилло-Белозерский монастырь.

23 мая. Царями провозглашены оба брата — Петр и Иван V.

25 мая. Вознесение Господне.

26 мая. Стрельцы потребовали, чтобы царевну Софью провозгласили правительницей... «Первым» царем объявлен Иван.

29 мая. 25-летняя Софья провозглашена правительницей.

25 июня. В Успенском соборе короновали и Петра, и Ивана. Начало 14-летнего совместного царствования Петра и Иоанна Алексеевичей, при регентстве царевны Софьи.

5 июля. Волнения стрельцов-раскольников. Неся перед собою аналои, образа, зажженные свечи, а за пазухой камни, стрельцы начали собираться у Архангельского собора в Кремле. С трудом уговорили их переместиться в Грановитую палату. Здесь и начались «прения о вере» Никиты Пустосвята с патриархом Иоакимом. Раскольники решили, что они переспорили Иоакима, и возвращались из Кремля с криком: «Победили! Веруйте по-нашему, мы переспорили!»

11 июля. Казнь Никиты Пустосвята. На Лобном месте ему отрубили голову.

Умер Симеон Полоцкий.

Хованщина. Усиление И.А. Хованского. Бесчинства стрельцов. В Москве распространились слухи, что князь Андрей Хованский замыслил жениться на сестре Софьи — Екатерине и ее объявить правительницей.

24 июля. Скончался подвижник преподобный Тихон, Христа ради юродивый, Туруханский, Енисейский. Память 10 июля.

20 августа. Бегство правительницы Софьи с царевичами Иваном и Петром из Москвы в Воздвиженское. Сбор дворянского ополчения.

Указ, предписывающий жечь раскольников в срубах за хулу на церковь и за возвращение в раскол после покаяния.

17 сентября. Софья вызвала в Воздвиженское начальника Стрелецкого приказа князя Ивана Хованского и его сына Андрея. Казнь Хованских. Начальником над стрельцами назначен Федор Леонтьевич Шакловитый.

30 ноября. Появление первого русского солдата. Одиннадцатилетний Петр начал формировать в Преображенском «потешное» войско. Первым в полк записался 24-летний Сергей Бухвостов. Он станет офицером, ему будет поставлен Петром памятник в Петербурге.

1683 год

3 января. Указ о взыскании с помещиков за держание беглых людей по 20 рублей на год.

Китайские войска открывают военные действия против русских поселенцев в районе рек Зеи и Сунгари. Начало русско-китайского пограничного конфликта (1683—1689).

Попытка московских раскольников после поражения Хованского поднять донское казачество на Москву. «Воровство идет у нас на Дону от воров-раскольников, которые у нас живут по Хопру и по Медведице».

19 января. Скончался преподобный Макарий Высокоезерский.

6 апреля. Накануне Пасхи за твердость в вере и обличение магометанства замучен и обезглавлен в Константинополе святой мученик Павел Русский. В молодости он попал в плен к татарам и был продан в Турцию.

Грамота об объявлении Бабиновской дороги — единственной дорогой в Сибирь. «Из

Сибири в Сибирь многим дорогам быть непристойно».

Начало сношений Москвы с гетманом Самойловичем.

Донской атаман Максим Скалозуб вызвался идти с охотниками промышлять над непокоренными царям калмыками, но вместо этого нечаянно напал на Царицын и с трудом был отбит правительственными войсками.

Издан сборник проповедей Симеона Полоцкого «Вечеря душевная». Полоцкий противопоставлял польско-латинское направление образования еллино-славянскому, принятому в Москве, резко отзывался о невежестве москвитян. На это ему говорили, дескать, в последнее время в Киеве читают одни латинские книги и от этого иногда истины не знают. Тем не менее сборники проповедей Симеона Полоцкого имели большой успех.

19 октября. Возвышение В.В. Голицына, получившего титул «царственные большие печати и государственных великих посольских дел сберегатель».

6 ноября. Разбойный приказ переименован в Сыскной.

1684 год

9 января. Свадьба царя Ивана и Прасковьи Федоровны Салтыковой.

19 января. Скончался преподобный Макарий Менюжский.

18 февраля. Возобновление губных учреждений наряду с сохранением воеводского управления.

Государи и великие князья Иоанн и Петр Алексеевичи прислали в Коренной монастырь список с чудотворной иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» с повелением воинам брать его в походы. Празднование 8 сентября, 27 ноября.

5 апреля. Родилась Марта Скавронская, будущая супруга Петра I, императрица Екатерина I.

Иркутским письменным головой Леонтием Кислянским найдено вблизи Иркутского острога месторождение нефти. Нефть тогда использовалась как лекарственное сырье и привозилась из Ирана.

Захваченные в плен жители Албазина устроили в Пекине церковь во имя Святой Софии. Первое поселение русских в Пекине.

Родился святой мученик Гавриил Белостокский в селе Зверках Гродненской губернии. Замучен евреями 20 апреля 1690 года.

14 сентября. Явление и прославление Леснянской иконы Пресвятой Богородицы в Гродненской губернии. Празднование 8 сентября, в Пятидесятницу.

Скончался архимандрит Киево-Печерский Иннокентий (Гизель), известный проповедник и южнорусский писатель, автор первого учебного руководства по русской истории.

1685 год

7 апреля. Меры правительства против самосожжения раскольников. «Которые прелестию своею простолюдинов и их жен и детей приводили к тому, чтоб они сами себя жгли, таких воров по розыску жечь самих».

15 мая. Взбунтовавшиеся стрельцы заняли Кремль, за три дня расправились со всеми, кого считали виновными в злоупотреблениях.

10 июня. Скончался преподобный Гермоген Албазинский. Память 1 сентября.

8 июля. Киевским митрополитом избран Гедеон князь Святополк-Четвертинский.

12 июля. Нападение маньчжур на городок Албазин на Амуре. Воевода Алексей Талбузин ушел из городка с казаками, но поскольку китайцы ушли, не сняв с полей хлеб, вернулся, отстроил новый острог и сел там.

Второй стрелецкий бунт в Москве.

Иезуитами открыта школа в Москве.

Полемика о времени пресуществления Святых Даров.

Иоаникий и Софроний Лихуды открывают преподавание в Заиконоспасском училище.

1686 год

6 апреля. Сразу после Пасхи царица Софья присвоила себе титул самодержицы.

19 апреля. Обретены мощи святителя Моисея, архиепископа Новгородского, скончавшегося 25 января 1362 года. В этот же день родился историк Василий Николаевич Татищев, автор «Истории Российской с древнейших времен».

6 мая. В.В. Голицын заключил «вечный мир» с Польшей, по которому Киев закреплялся за Россией. Вступление России в антитурецкую коалицию.

20 мая. Мощи святителя Алексия, митрополита Киевского и всея Руси, скончавшегося 12 февраля 1378 года, перенесены из Чудова монастыря храма святителя Алексия в новоустроенный храм Благовещения в Чудовом монастыре.

Июль. Вторая осада маньчжурами Албазина. Талбузин был ранен ядром и умер, но каза-

ки продолжали держаться. Осада была снята весной следующего года, когда стало известно, что идет окольничий Федор Головин с войском.

Начало регулярного войска в России. Помимо Преображенского полка царь Петр Алексеевич создал еще один «потешный» полк в селе Семеновском.

8 ноября. Киевская митрополия выходит из-под юрисдикции Константинопольской патриархии и присоединяется к Московской на условиях, что Киевская митрополия считается первою между русскими митрополиями, чтобы Московский патриарх поставлял и благословлял митрополита Киевского, но в суды его не вступался.

Переселение стародубских раскольников на остров Ветку на Соже.

1687 год

Второй стрелецкий бунт в Москве. Попытки Шакловитого поднять стрельцов против Петра.

Школа в Заиконоспасском монастыре в Москве преобразована в Славяно-греко-латинскую академию. Деятельность Сильвестра Медведева.

Константинопольским патриархом санкционирована зависимость Киевской митрополии от Московского патриаршества.

Май. Первый Крымский поход.

Июнь. Путь стотысячной армии В.В. Голицына преградили степные пожары. По слухам, степь подожгли по приказу гетмана Ивана Самойловича. «Люди слабели от зною и страшной копоти». С огромными потерями Голицын вернулся назад.

29 июня. Обретение мощей преподобного Никандра Пустынножителя Псковского, скончавшегося 24 сентября 1581 года.

17 июля. Отрешение от гетманства Ивана Самойловича.

23 июля. В Париж прибыло первое русское посольство. Начались переговоры о торговле.

25 июля. Гетманом Левобережной Украины выбран И.С. Мазепа.

12 октября. Явление Руденской иконы Пресвятой Богородицы в Рудне Могилевской губернии.

1688 год

Разгром царскими войсками поселений старообрядцев на Медведице.

Бранденбургским подданным разрешена свободная торговля у Архангельска.

13 мая. Перенесение мощей преподобномученика Макария, архимандрита Коневского, игумена Пинского, Переяславского чудотворца.

14 июня. Начались чудотворения от гроба преподобного Елисея Сумского, скончавшегося в XV—XVI веках, почивающего под спудом в Никольском храме города Сумы.

25 июня. Царевич Петр Алексеевич спустил на воду Плещеева озера разысканный им в сарае ботик, который вошел в историю как «дедушка русского флота».

Сослан в Тобольск малороссийский гетман Иван Самойлович.

9 октября. Скончался преподобный Феодосий Сийский.

24 октября. Чудеса Чудотворной иконы «Всех скорбящих Радость».

1689 год

Началось издание типографией Киево-Печерского монастыря Четьих Миней святителя Димитрия Ростовского.

20 января. Договор с Пруссией о свободной торговле между подданными обоих государств.

27 января. Венчание 17-летнего царя Петра Алексеевича с Евдокией Лопухиной, дочерью окольничего.

2 февраля. Принесение князем Григорием Осолинским из Смоленска в Старчицкий монастырь Старчицкой иконы Пресвятой Богородицы. Празднование 29 июня, 15 августа, 8 сентября.

Февраль — май. Второй неудачный поход В.В. Голицына в Крым.

Приглашение в Россию гугенотов при Софье.

27 апреля. Появление в Москве религиозного мечтателя, мистика Кульмана Квирина, проповедовавшего в Немецкой слободе, что «царей, королей, князей и вельмож не будет и никто ничего своим называть не будет».

20 мая. 150-тысячная армия подошла к Перекопу, но штурмовать его Голицын не решился и ушел назад.

Прославление (сохранение в пожаре) Казанской иконы Пресвятой Богородицы в московском Вознесенском девичьем монастыре. Празднование 8 июля.

26 июня. Петр высказывается против награждения Василия Голицына за второй Крымский поход. Начало конфликта между Петром и Софьей.

8 августа. Ночью с 7-го на 8-е августа сторонники Софьи провели аресты среди близких

Петру Алексеевичу людей. Петр бежал в Троицкий монастырь. Третий стрелецкий бунт в Москве.

Август. Сбор в Троице-Сергиевом монастыре верных Петру полков.

27 августа. Федор Головин заключил Нерчинский договор с Китаем, закрепивший за Россией берега Амура.

7 сентября. Заговор начальника Стрелецкого приказа Ф. Шакловитого. Стрельцы заставили Софью выдать Шакловитого Петру.

12 сентября. Подавление мятежа. В.В. Голицын сослан в Яренск. Правительница Софья заключена в Новодевичий монастырь.

2 октября. По настоянию патриарха Иоакима подписан указ об удалении из Москвы иезуитов. На сборы им дали всего два дня.

4 октября. Сожжены «на обширном костре» Кульман Квирин и его последователь Кондратий Нордерман.

2 ноября. Бывший начальник Стрелецкого приказа Ф.Л. Шакловитый казнен.

1690 год

Январь. Собор осудил католическое учение о времени пресуществления Святых Даров и запретил ряд сочинений украинских богословов.

8 февраля. У царя Петра I и его супруги Евдокии Лопухиной родился сын Алексей.

17 марта. Кончина патриарха Иоакима. Перед смертью патриарх составил завещание, в котором умолял государей не допускать православных христиан дружиться с еретиками-иноверцами. «...Всякое государство свои нравы и обычаи имеет в одеждах и поступках, свое держат, чужого не принимают, чужих вер людям никаких достоинств не дают».

17 марта. Скончался патриарх Московский и всея Руси Иоаким (Савелов).

Март — апрель. Петр строит небольшие корабли на Плещеевом озере, близ Переяславля-Залесского.

3 апреля. Скончался митрополит Киевский Гедеон (князь Святополк Четвертинский).

11 апреля. Еврей Шутко — арендатор деревни Зверки (позднее это Гродненская губерния), похитив шестилетнего ребенка Гавриила, увел его в местечко Белый Сток. Здесь евреи-фанатики распяли Гавриила и кололи его, пока не выпустили из него всю кровь. Тело младенца вскоре нашли брошенным в поле. Через 30 лет мощи Гавриила были обретены нетленными и находятся теперь в Слуцком Троицком монастыре. Память мученика Гавриила — 20 апреля.

20 апреля. Пасха. Мученическая кончина святого Гавриила младенца, Белостокского. Память 22 июля, 9 мая.

Обретение мощей преподобного Корнилия, игумена Псковского, умерщвленного Иоанном Грозным 20 февраля 1570 года.

Июль. Церковный собор для выборов Патриарха. Борьба развернулась между Псковским митрополитом Маркелом, которого поддерживал и Петр I, и между Казанским митрополитом Адрианом. Пересилили противники Маркела, обвинявшие его в ереси.

24 августа. Патриархом Московским и всея Руси избран Адриан, бывший митрополит Казанский и Свияжский.

Чудо сохранения в пожаре Макарьевской иконы Пресвятой Богородицы «Одигитрия» в костромском Унженском Троицком монастыре. Празднование 17 сентября.

1691 год

11 февраля. Подвергнув пытке «огнем и железом», казнили подьячего Сильвестра Медведева — ученого, дипломата, основателя школы в Заиконоспасском монастыре. Казнен он был за близость к царевне Софье. Обвинен в ереси и стремлении стать патриархом. Его произведение «Манна» всенародно сожжено по решению церковного собора.

Прославление Мохнатинской иконы Пресвятой Богородицы близ Чернигова. Празднование 12 октября.

Установление в городах самоуправления.

1692 год

Моровое поветрие в Астрахани. Погибло более 10 тысяч человек.

28 января. У Ивана V и его супруги Прасковьи Федоровны Салтыковой родилась дочь Анна, будущая императрица Анна Иоанновна — племянница Петра I.

Прославление Говезнянской иконы Пресвятой Богородицы в Минской губернии.

16 апреля. Явление и прославление (исцеление) Тамбовской Уткинской иконы Божией Матери.

1 мая. Спущен на Переяславском озере первый в России военный корабль. Построил его Петр I с 16-ю солдатами Преображенского полка.

28 июля. Начало восстания украинских казаков под предводительством Петрика. Канцелярист Петрик, женатый на племяннице генерального писаря Василия Кочубея, приехал в Запорожье и начал рассказывать, что гетман

Мазепа согласился с Москвой «всю Сечь разорить и казаков порубить». Восстание было подавлено Мазепой.

Начало сооружения в Москве Сухаревской башни.

Осень. Явление в церкви архистратига Михаила из земли святого мощей праведного Симеона Меркушенского и Верхотурского.

1693 год

22 июля. Скончался преподобный Корнилий Переяславский. Сын рязанского купца, он в юности тайно ушел в Лукианову пустынь. Затем удалился в Борисоглебскую Переяславскую обитель, что на песках, где подвизался 30 лет. Его считали глухим и немым, и только перед кончиной он рассказал о себе духовнику Никольского монастыря.

Поездка Петра I в Архангельск.

18 августа. В Архангельске на созданной Петром Соломбальской верфи заложено первое русское морское судно «Святой Павел».

1694 год

25 января. Умерла мать Петра I — Наталья Кирилловна.

Монах Карин Истомин представил ко двору первый в России иллюстрированный букварь. Каждая буква алфавита сопровождалась рисунком.

Апрель. Первое испытание летательного устройства в Москве. Мужику, сказавшему, что он сделает себе слюдяные крылья и станет летать, как журавль, было выдано 18 рублей из государственной казны. Крылья мужик сделал, но взлететь не смог.

20 мая. Спуск в Архангельске на воду первого корабля.

Появление нового русского флага — с красной, синей и белой полосами.

18 декабря. Прославление праведного Симеона Верхотурского.

1695 год

Начало марта. Начало первого Азовского похода во главе с царем Петром I.

3 апреля. Кончина Корнилия Выгопустынского — одного из крупнейших деятелей раскола. Преставился в возрасте 125 лет. Почитается раскольниками как святой.

Лето. Первый азовский поход Петра.

Образование зарубежного старообрядческого центра в Ветке. Основание Выговской общины старообрядческого общежития в Поморье.

27 сентября. Русская армия отступила от Азова. В результате всего похода были заняты только две каланчи, переименованные Петром в Новосергиевск, да несколько турецких городков в низовьях Днепра.

Начало похода В. Атласова на Камчатку. Его послали из Якутска в Анадырь для сбора ясака с каряков и юкагиров.

Основание Выговской общины старообрядцев в Поморье.

6 декабря. Первое прославление Тамбовской иконы Богородицы. В этот день от иконы истекли слезы, обильно омочившие пелену и аналой. Икона находится в кафедральном Тамбовском соборе.

1696 год

Январь. Начало строительства флота в Воронеже.

29 января. В возрасте 30 лет умер Иван V Алексеевич. Начало единодержавного 29-летнего правления Петра.

30 января. Учреждена Бурмистерская палата. Начало реформы местного самоуправления.

5 февраля. Скончался святитель Феодосий (Углицкий), архиепископ Черниговский, возглавлявший кафедру с 1692 года. Принадлежал к малороссийской семье Углицких. Сын священника. Учился в Киево-Братской школе. Постриженник Печерский. Настоятель монастырей: Выдубицкого в Киеве, Елецкого в Чернигове и других. Мощи обретены в 1772 году. Прославлен 9 сентября 1896 года.

Переводчик Посольского приказа А. Кревет основал на берегу Яузы в Преображенском казенный хамовный двор — мануфактуру по производству парусины.

Из Голландии привезена галера, и в Преображенском по ее образцу начали строить суда на лесопильной мельнице.

Апрель. Спуск флота в Воронеже. Было изготовлено два корабля, 23 галеры, четыре брандера.

23 апреля. Начало Второго азовского похода.

3 мая. Царь Петр I во главе построенной флотилии выступил из Воронежа во Второй азовский поход. Первый боевой поход русского флота.

Начало лета. Русский флот загородил в устье Дона дорогу турецкому флоту, и Азов остался без помощи. Нападения татар с суши были отбиты.

16 июня. Началась бомбардировка Азова.

18 июля. Взятие Азова. «Господь Бог двалетние труды и крови наши милостию своею наградил, вчерашнего дня азовцы, видя конечную свою беду, сдались». Победа открыла доступ России к Азовскому морю

28 июля. Главнокомандующему русскими войсками во Втором азовском походе боярину Алексею Семеновичу Шеину присвоен первый в России чин генералиссимуса.

8 сентября. Явление Домницкой иконы Пресвятой Богородицы в Черниговской губернии.

30 сентября. Празднества в Москве победы под Азовом. Строительство Триумфальных ворот. Под этими воротами и прошли вернувшиеся полки. На раззолоченных санях ехали адмирал Лефорт и генералиссимус Шеин. За санями пешком шел капитан Петр Алексеев — царь. В санях везли и изменника Янсена, благодаря которому турки в прошлом году совершили удачное нападение на русский лагерь. На Янсене была чалма. В чалме его и повесили.

Тульский кузнец Никита Демидов основал близ Тулы крупный металлургический завод.

20 октября. Боярская дума по настоянию Петра I приняла решение: «Морским судам быть».

1 ноября. Указ о посылке для обучения за границу дворянской молодежи.

27 ноября. Обретение в Азове Павловской иконы Пресвятой Богородицы «Знамение», перенесенной в 1711 году по повелению Петра Великого в Павловск.

Г.В. Лудольф издал на латинском языке «Русскую грамматику» — первое научное описание русского языка.

1697 год

Март. Заговор стрелецкого полковника И.Е. Циклера. Заговор был раскрыт, заговорщики арестованы и после пыток, которые проводил сам царь, казнены. И.Е. Циклера, окольничего А.Ф. Сорокина и Ф.М. Пушкина казнили над вырытым из земли гробом Ивана Михайловича Милославского. Этот гроб был привезен на свиньях в Преображенское и поставлен возле плах так, чтобы кровь осужденных стекала в него.

Деятельность пятидесятника Владимира Атласова на Камчатке. Основано Верхнекамчатское ясачное зимовье.

Учреждена таможня в Нерчинске.

Заложен Невьянский завод на Урале.

Зверские пытки старца Авраамия, обличавшего «потехи непотребные» царя Петра. Авраамий сослан в Голутвин монастырь.

10 марта. Начало двухлетнего великого посольства в Европу. Великими полномочными послами были назначены: генерал и адмирал, наместник новгородский Франц Яковлевич Лефорт, генерал и воинский комиссарий, наместник сибирский Федор Алексеевич Головин, думный дьяк, наместник белевский Прокопий Богданович Возницын. Ехал в Посольстве и сам царь — Преображенского полка урядник Петр Михайлов. Посещение Петром I Голландии, Англии, Саксонии, Австрии... Управление страной в это время было возложено на боярина Т.Н. Стрешнева и князя Ф.Ю. Ромодановского, но со всеми делами относились на царское имя, будто Петр и не выезжал из Москвы.

3 августа. Скончался преподобный Далмат Пермский.

Лето. Попытка нового стрелецкого мятежа. После нескольких залпов мятежные полки были рассеяны, 56 стрельцов казнены.

Прославление иконы Пресвятой Богородицы «Тучная гора». Празднование 24 марта.

9 сентября. Петр I, находящийся инкогнито в Голландии, приступил к работе на Амстердамской верфи под именем Петра Михайлова.

1698 год

Голод на Украине. Часть населения ушла в русские земли.

Июнь. Безуспешные переговоры Петра I в Вене. Развал антитурецкой коалиции. В связи с начинающейся войной за испанское наследство австрийский император заключил мир с Турцией.

Июнь. Третий стрелецкий бунт. Стрельцы обнищали до того, что вынуждены были просить милостыню по деревням.

«Теперь вам худо, а впредь будет еще хуже! — писала стрельцам из Новодевичьего монастыря царевна Софья. — Ступайте к Москве, чего вы стали? Про государя ничего не слышно».

18 июня. Войска генералиссимуса А.С. Шеина и генерала Петрика Гордона разгромили стрелецкие полки под Воскресенским монастырем. 130 стрельцов были повешены, около 2000 — разосланы по разным городам и монастырям.

28 июля. Скончался святитель Питирим, епископ Тамбовский. Прославление в 1914 году.

Основание Таганрога.

6 августа. Русская эскадра из десяти кораблей вышла из Азова и отправилась в Константинополь для заключения мирного договора.

Это был первый выход русского флота в Черное море.

10—14 августа. Во время встреч Петра I с саксонским курфюрстом и польским королем Августом II в Равве-Русской достигнута договоренность о совместных действиях против Швеции.

11 августа. Восстание в осажденном Черкасске.

27 августа. Возвращение царя Петра в Москву. Петр I режет ножницами бороды московским боярам, которые явились к нему на прием в село Преображенское. Начало внешней европеизации России. Из Европы Петр привез новшество — колесование, которое сразу же и было применено на Родине.

17 сентября. В день именин своей сестры Софьи Петр I начал стрелецкий розыск, поразивший современников беспредельной жестокостью.

Патриарх Адриан безуспешно пытался умилостивить царя.

23 сентября. Увезена в Суздальский Покровский девичий монастырь жена Петра — царица Евдокия. Позже ее насильно постригли в монахини под именем Елены.

30 сентября. Первая массовая казнь стрельцов. Стрельцов привезли из Преображенского к Покровским воротам на телегах с зажженными свечами в руках, здесь им был зачитан петровский указ. Пятерым стрельцам Петр Первый лично отрубил головы в Преображенском.

«А у пущих воров и заводчиков ломаны руки и ноги колесами: и те колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и те стрельцы, за их воровство, ломаны живые, положены были на те колеса и живы были на тех колесах не много не сутки, и на тех колесах стонали и охали...»

11 октября. Казнены 144 стрельца.
12 октября. Казнены 205 стрельцов.
13 октября. Казнен 141 стрелец.
17 октября. Казнены 109 стрельцов.
18 октября. Казнены 63 стрельца.
19 октября. Казнены 106 стрельцов.

21 октября. 195 стрельцов повешены возле Новодевичьего монастыря перед кельей царевны Софьи. Трое из них — возле самых окон царевны. В руки им всунули их челобитные. Трупы провисели в петлях пять месяцев.

Начало преобразовательной деятельности Петра. Указ о бритье бород. С отказчиков «имать» по 60 рублей штрафа.

Стрелецкое разорение: раскассировано 16 московских стрелецких полков. Стрельцов разослали по разным городам и там записали в посадские люди. Их запрещено было принимать в солдаты.

30 ноября. Учрежден Петром I орден святого Андрея Первозванного. Девиз «За веру и верность». Орден стал высшей наградой в иерархии русских орденов.

Конец 1698 года. Пострижены в монахини сестры Петра I — Софья и Марфа.

1699 год

14 января. Заключен мирный договор с Турцией.

23 января. Введен гербовый сбор. Изобрел его «первый прибыльщик» Алексей Александрович Курбатов, пожалованный за это в дьяки.

Обретение мощей святителя Иоакима Корсунянина, первого епископа Новгородского, скончавшегося в 1030 году. Память 10 февраля, 4 октября.

5 июля. Заключен союз с Данией и Саксонией против Швеции.

Учреждение ратуши в Москве и земских изб в других городах.

Старый, 1700 год

Введение каторги.

В доме Лефорта в Немецкой слободе устроен «комедийный театрум и хоры».

27 октября. Указ об образовании торговых компаний. «Купецким людям торговать так же, как торгуют иных государств торговые люди».

8 ноября. Указ о формировании 27 пехотных и двух драгунских полков.

11 ноября. В селе Преображенском заключен тайный договор России с Польшей о наступательном союзе против Швеции.

17 ноября. Объявлен первый набор «даточных людей» по рекрутской системе.

Сурки «отыскали» в Нерчинске золотую и серебряную руду. Ее нашли в земле, нарытой сурками из нор.

Семен Ремизов составил «чертеж Сибирской земли».

10 декабря. Учрежден Андреевский стяг (кормовой флаг) в качестве символа военно-морского флота России.

15 декабря. Указ Петра I о переходе на новое летосчисление.

«Поелику в России считают Новый год поразному, с сего числа перестать дурить головы людям и считать Новый год повсеместно с первого января. В честь Нового года учинять украшения из елей, детей забавлять, на санях катать с гор. А взрослым людям пьянства и мордобоя не учинять — на то и других дней хватает».

1 января 7208 года от Сотворения мира приказано считать 1 января 1700 года (19 декабря 1699 г. — день после 31 декабря 7208 г. от Сотворения мира было предписано считать 1 января 1700 г. от Рождества Христова (разница в 5508 лет).

В канун 1 января состоялось острижение бород и переодевание дворянства в европейское платье.

Новый, 1700 год

4 января. Указ Петра об одежде. Приказано носить платье венгерского, саксонского и французского образца, а сапоги и шапки — немецкие. «Всем ходить в венгерских кафтанах или шубах, летом — в немецком платье».

Учреждение Азовской, Перемышльской и Борисоглебской митрополий.

Открытие в Чернигове Славяно-латинской школы для духовенства святителем Иоанном (Максимовичем).

12 февраля. Начало боевых действий Северного союза.

Февраль. Привилегия Ивану Тессингу на заведение русской типографии.

11 марта. Указ о монетной реформе. Стали чеканить наряду с серебряными медные монеты разной стоимости: полкопейки — «денежка», $^1/_4$ копейки — «полушка», $^1/_8$ копейки — «полуполушка».

Введен в Славяно-греко-латинской академии устав Киевской духовной академии.

3 июля. Спешное заключение Константинопольского перемирия с Турцией на 30 лет. Переход Азова к России. Ежегодная дань крымскому хану отменена.

8 августа. Петр получил от Украинцева сообщение о заключении мира с Турцией на тридцать лет.

9 августа. Сразу после получения известия о заключении с Турцией мира русские войска двинулись к Нарве. Началась Северная война.

24 августа. Учрежден Приказ рудных дел.

Сентябрь. Начало войны со Швецией.

15 сентября. Август II снял осаду с Риги.

23 сентября. Русские войска осадили Нарву.

16 октября. Умер патриарх Адриан, осуждавший петровские нововведения. Он писал, что московские люди, «и знатные, и простые, от злаглагольств лютарских, кальвинских и прочих еретиков и от пипок табацких объюродели».

18 октября. Началась бомбардировка русскими войсками Нарвы.

Начало ноября. Карл XII высадился в Пярну и форсированным маршем двинулся к Нарве.

Указы о невозвращении господам записавшихся в солдаты холопов и о записи вольноотпущенников («гуляющих людей») в солдаты.

Владимир Атласов в Москве пожалован казачьим головою и снова отправлен на Камчатку.

Учрежден оружейный завод в Тобольске.

18 ноября. Узнав о походе армии Карла XII, Петр I в сопровождении Александра Меншикова и фельдмаршала Ф.А. Головина — главнокомандующего армией — бежал в Новгород.

19 ноября. Нарвская битва. 8-тысячная шведская армия 18-летнего Карла XII разгромила 40-тысячное войско Петра. Вся русская артиллерия досталась шведам. В плен взяты 10 русских генералов.

После Нарвской победы в Швеции была выбита медаль. На ней был изображен Петр I, бегущий от Нарвы, — шпага брошена, царская шапка свалилась с головы. Надпись гласила: «Изшед вон, плакася горько».

16 декабря. Указ об упразднении Патриаршего приказа. Место блюстителем патриаршего престола стал 42-летний Стефан (Яворский), митрополит Рязанский. Стефан закончил Киевскую академию, затем, приняв ради «кражи науки» униатство, усовершенствовался в латинской богословской науке в иезуитских коллегиях Львова, Люблина, Познани. Петр Первый отметил Стефана Яворского, когда тот произнес речь на похоронах генералиссимуса А.С. Шеина.

Типографщик Григорий Талицкий начал печатать письма, извещавшие, что Петр I — антихрист. Пятеро «воров» казнены, а еще семь биты кнутом, клеймены и сосланы в Сибирь.

Открыта в Чернигове Славяно-латинская школа для духовенства святителем Иоанном (Максимовичем).

Учреждение Азовской, Перемышльской и Борисоглебской митрополий.

1701 год

10 января. Учреждена первая артиллерийская школа.

14 января. Указ о создании первой в России Школы навигационных наук.

22 января. Указ о постройке на р. Сяси (район Ладожского озера) шести 18-пушечных кораблей. Начало создания Балтийского флота.

24 января. Восстановлен Монастырский приказ, где сосредоточилось все управление

церкви. В церквах и монастырях снимают, по приказу царя, колокола, чтобы лить новые пушки.

14 апреля. Учреждена московская Школа математических и навигационных наук.

16 апреля. Скончался блаженный Иоанн Верхотурский.

21 июня. Попытка шведов, на следующий день после Пасхи, высадить десант под Архангельском. Подвиг рыбаков Ивана Рябова и Дмитрия Борисова, направивших на мель шведские фрегаты. Десант был отбит, а корабли взяты в плен.

23 июня. Стрелецкий приказ преобразован в приказ Земских дел.

25 июня. В устье Северной Двины отряд лодок под командой офицера Животовского нанес поражение шведской эскадре, пытавшейся осуществить диверсию против Архангельска. Первый успех русских в Северной войне (1700—1721).

7 июля. Указ о заведении в московской академии «учения латинские».

Первый денежный сбор с населения на войну со Швецией.

Донесение крестьянина Посошкова «о ратном поведении»: «людей на службу нагонят множество, а если посмотреть на них внимательным оком, то кроме зазору ничего не узришь».

Учреждена Ближняя канцелярия Петра.

Близ Архангельска строится Новодвинская крепость.

22 ноября. Указ об открытии в Москве восьми частных аптек. Первая аптека Я.Г. Грегори открыта в Немецкой слободе.

15 декабря. Получен первый чугун из первой домны Невьянского завода на Урале. Железо, изготовленное из этого чугуна, было лучшим как в России, так и в Европе.

29 декабря. Войска Б.П. Шереметева разбили при Эрестфере в Лифляндии восьмитысячный шведский отряд Шлиппенбаха.

Первый публичный театр в Москве.

1702 год

Петр I пригласил в Москву немецкую театральную труппу во главе с драматургом Кунштом. Она давала общедоступные спектакли на Красной площади в специально построенном театре.

4 марта. Невьянский завод передан Никите Демидову.

10 марта. Отмена губных учреждений. Введено воеводское управление.

16 апреля. Манифест о вызове иностранцев в Россию.

15 мая. Успехи шведов в Польше. Войска Карла XII взяли Варшаву.

Строительство «осударевой дороги» от западного побережья Белого моря до Повенецкого погоста на Онежском озере.

8 июля. Шведы заняли Краков.

18 июля. Войска фельдмаршала Б.П. Шереметева нанесли поражение шведам у Гумуловой мызы. Шлиппенбах бежал в Пярну.

13 августа. Поражение шведов на реке Ижоре.

16 августа. Марш Петра I по 200-километровой «осударевой дороге». Из Нюхчи в Повенец перетащены через леса и болота два фрегата.

Появление первых демидовских пушек, отлитых из уральского железа.

25 августа. Войсками Б.П. Шереметева взят Мариенбург (Алуконе). Среди пленных оказалась и служанка пастора Глюка — Марта Скавронская, будущая императрица Екатерина I.

11 октября. Взят Нотебург (Орешек). Петр переименовал его в Шлиссельбург — городключ.

Явление Казанской иконы Божией Матери в Шлиссельбурге, в алтарной стене, где она была замурована около сто лет назад, когда в 1611 году город был взят шведами. Однажды ночью стоявший в карауле солдат увидел необыкновенный свет, исходящий из стены. Скоро образовалась трещина и в ней показалась Икона. Ее вынули, и она прославилась чудесами.

В Сухаревской башне Навигацкой школы в Москве оборудована первая в России обсерватория.

30 ноября. Обретены мощи святого князя владимирского Глеба (в крещении Георгия), скончавшегося 20 июня 1174 года.

Открытие святых мощей великого князя Андрея Боголюбского, убитого в ночь с 29 на 30 июня 1174 года в Боголюбове. Якутский казак Михаил Зиновьев построил Нижнекамчатский острог.

Основаны училища духовные высших наук в Ростове — святителем Димитрием Ростовским и в Чернигове — архиепископом Иоанном (Максимовичем).

Манифест о свободе вероисповеданий.

Начало миссионерской деятельности митрополита Филофея (Лещинского) в Сибири.

1703 год

2 января. Вышел первый номер первой русской газеты «Ведомости».

Февраль. Начала работать Олонецкая верфь в Лодейном Поле.

22 февраля. Родился поэт В.К. Тредиаковский, будущий академик и профессор «элоквенции и хитростей пиитических».

24 марта. Великая Среда. На реке Свири на Олонецкой верфи в Лодейном Поле заложен первый парусный фрегат Балтийского флота «Штандарт».

21 апреля. В Москве лютеранский пастор Глюк основал первую в России гимназию.

1 мая. Взята крепость Ниеншанц в устье Невы.

7 мая. На Неве с лодок захвачены два шведских корабля. В честь этого события выбита медаль «Небываемое бывает».

Освобождение от шведов городов Ям и Копорье.

16 мая. На Заячьем острове началось строительство Петропавловской крепости, положившей начало Санкт-Петербургу. За 15 лет на строительстве города погибли 80 000 человек.

Заложена Кронштадтская гавань.

Издана «Арифметика, сиречь наука числительная» Л. Магницкого.

Ноябрь. В «Санкт-Петербурх» прибыл первый голландский корабль, доставивший соль и вино.

23 ноября. Скончался святитель Митрофан, епископ Воронежский, возглавлявший кафедру с 4 апреля 1682 года.

Смотр Петром Первым 8000 дворянских недорослей. Всех распределили по полкам и школам. 500 молодых князей зачислены солдатами в гвардейские полки.

Я.В. Брюс начал издавать ежегодник «Календарь, или Месяцеслов».

1704 год

Начат выпуск русских серебряных рублей и медных копеек.

Основан Нерчинский сереброплавильный завод.

13 июля. Русскими войсками взят Дерпт.

9 августа. Ночью русские солдаты-штрафники штурмовали и взяли Нарву.

14 августа. По требованию Карла XII сейм низложил курфюрста саксонского Августа II с польского трона. Королем избран Станислав Лещинский.

16 августа. Без боя взят Иван-город.

Начало строительства Вышневолоцкого канала, соединившего Неву с Волгой.

31 октября. Поражение русских войск в Польше.

Начало ежегодных рекрутских наборов.

За счет духовенства укомплектован драгунский полк, которым командовал начальник Монастырского приказа А.С. Мусин-Пушкин. В дальнейшем на монастырских крестьян была разверстана подать «на жалованье драгунам».

В Москве издан «Лексикон треязычный» — первый русско-иностранный словарь.

19 декабря. Триумфальное шествие в Москве.

Обложены ясаком камчадалы.

Взятие англичанами Гибралтара.

1705 год

1 января. Отданы на откупа рыбные промыслы.

Установлена государственная соляная монополия. «На Москве и в городах у всяких чинов людей, соль описав, продавать из казны».

13 января. Разрешено вывозить за границу лен.

Начало печатания гражданским шрифтом.

Святитель Дмитрий, митрополит Ростовский, завершил 20-летний труд по составлению новых «Четьих Миней» — многотомного сборника житий святых.

20 февраля. Первый общий рекрутский набор, распространенный на все тяглое (обложенное податью) население. Брали одного рекрута в возрасте от 15 до 20 лет с каждых 20 дворов. С этих же 20 дворов собирали деньги на «корм, и одежду, и обувь, кафтаны серые, и шубы, и шапки, и кушаки, и чулки, и черики». Начало ежегодных наборов среди лиц духовного сословия. Чтобы воспрепятствовать побегам, рекрутов заковывали в колодки, так и везли в армию.

Спущен на воду в Воронеже 80-пушечный фрегат.

24 июня. Отражено нападение 10-тысячного шведского войска на Санкт-Петербург.

30 июня. В Астрахани вспыхнуло восстание измученных поборами стрельцов. Оно охватило Черный Яр, Красный Яр, Гурьев, Теркский городок.

15 июля. В Курляндии у Мур-мызы генералом А.А. Левенгауптом разгромлены войска Б.П. Шереметева.

На левом берегу реки Алтачи закончено строительство Нерчинского сереброплавильного завода. В первый год было выплавлено

чуть больше одного фунта серебра, но через полвека ежегодная добыча составляла 200 пудов.

26 августа. В праздник Сретения Владимирской иконы Божией Матери родился Иоаким Горленко — будущий святитель Иоасаф Белгородский. Мать его была дочерью гетмана Апостола.

5 сентября. Русскими войсками взята Митава.

Установлена государственная монополия на дубовые гробы и табак.

5 ноября. Указ о формировании первого в России полка морской пехоты.

1706 год

Январь. Войска Карла XII блокировали армию А.Д. Меншикова в Гродно.

2 февраля. Шведы разбили саксонскую армию при Фрауштадте.

12 марта. Царскими войсками под командованием Б.П. Шереметева взята Астрахань. Восстание астраханских стрельцов подавлено. Стрельцы сосланы в Сибирь.

22 марта. Воспользовавшись ледоходом, помешавшим шведам форсировать Неман, А.Д. Меншиков сумел вывести армию из Гродно.

29 апреля. Спущен первый корабль с Адмиралтейской верфи — 18-пушечный «Прам».

10 июня. Указ, обязывающий помещиков снабжать рекрутов деньгами и продовольствием.

Основан военный госпиталь и при нем — медицинская школа.

22 августа. Армия Карла XII вошла в Саксонию.

24 сентября. Заключен тайный Альтранштадтский мир курфюрста Августа II с Карлом XII. Август отказался от притязаний на Польский престол и признал Станислава Лещинского. Россия осталась в войне один на один со Швецией.

Начало октября. Неудачный поход Петра I на Выборг.

18 октября. Победа при Калише. Разгром А.Д. Меншиковым войск генерала Мардефельда. В плен попал и сам генерал, и 2500 шведских солдат и офицеров.

Восстание камчадалов. Сожжен Большерецкий острог на Камчатке.

Завершено строительство Вышневолоцкого канала.

Появление первого паспорта в России, который Петр I выдал сам себе.

Скончался святитель Сильвестр II, митрополит Смоленский. Память 2 января.

1707 год

17 марта. Указ, ограничивающий льготы духовенства.

5 апреля. Указ о сыске беглых людей и взятии с «лучших крестьян» подписки о недержании беглых.

Апрель. Паника в ожидании нашествия Карла XII на Россию.

25 апреля. Наказ Петра I о подготовке Москвы к возможной осаде. Ремонт и сооружение новых укреплений в Китай-городе и Кремле.

2 августа. В Москве открыт первый в России военный госпиталь.

9 октября. На Дону вспыхнуло восстание Кондратия Афанасьевича Булавина. Восставшие вырезали в Шульгинском городке карательный отряд «сыщика» Ю.В. Долгорукого, которому было предписано вывезти беглых крестьян. Отряды Ю.В. Долгорукого «многие станицы огнем выжгли и многих старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали и младенцев по деревьям вешали, также женска пола и девичья брали к себе для блудного помышления на постели».

18 октября. Сражение атамана войска Донского Лукьяна Максимова с повстанцами Кондратия Булавина.

Декабрь. Поражение булавинцев на Айдаре.

Иезуиты снова открыли школу в Москве.

Начало просветительной деятельности школы для инородцев в Казани.

14 декабря. Скончался святитель Иларион, митрополит Суздальский и Юрьевский.

1708 год

6 января. В Москве получено известие о движении армии Карла XII на восток. В тот же день Петр выехал к армии.

14 января. Выпущена первая в России книга, напечатанная гражданским шрифтом, — Геометрия.

26 января. Мюленфельс без боя сдал небольшому отряду шведов крепость Гродно.

Февраль. Шведами взята Сморгонь.

Март. Рассылка «прелестных грамот» Кондратия Булавина из Пристанского городка на Хопре. Начало похода Булавина на Черкасск.

18 марта. Шведы заняли Родошковичи.

12 апреля. Указ В.В. Долгорукому — брату убитого Ю.В. Долгорукого о подавлении казачьего восстания: «городки... жечь без остатку, а людей рубить, и заводчиков на колесы и ко-

льи... ибо сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть».

1 мая. Кондратий Булавин взял Черкасск.

9 мая. На войсковом кругу Булавин избран атаманом «всевеликого войска Донского».

12 мая. Армия В.В. Долгорукого, сформированная из свободных от службы дворян, выступила из Воронежа.

13 мая. Из Черкасска отправлены походные войска на Изюм, Хопер и Волгу. Попытки Булавина завязать дипломатические отношения с турецким султаном.

1 июля. Разгром повстанческих отрядов Семена Драного в районе Изюма.

3 июля. Армия Карла XII догнала под местечком Головчино дивизию Репнина и разгромила ее.

5 июля. Поражение булавинцев под Азовом. Большой урон повстанцам нанесла корабельная артиллерия.

7 июля. В Черкасске застрелился Кондратий Булавин.

14 июля. В Борщаговке близ Белой Церкви казнены генеральный судья Василий Кочубей и полковник Иван Искра, обвинявшие Мазепу в измене и выданные Петром гетману.

17 июля. Единственный крупный успех булавинцев. После сорокадневной осады атаману Ивану Павлову удалось овладеть Царицыным. Через три дня подошедшие из Астрахани правительственные войска вынудили повстанцев покинуть город.

27 июля. Войска В.В. Долгорукого вошли в Черкасск. За участие в восстании были казнено около 23 000 человек. По Дону вереницами плыли плоты с виселицами.

30 августа. Сражение под селом Добрым, в котором русские войска разгромили шведский авангард — пять полков генерала К.Г. Росса. Лишь подход основных сил вынудил М. Голицына отступить.

10 сентября. Стычка между русскими и шведами у деревни Раевки. Она знаменательна тем, что после нее Карл XII прекратил наступление к Смоленску и неожиданно повернул свое войско на Украину.

28 сентября. Возле деревни Лесной разгромлен шведский корпус Левенгаупта, сопровождавший огромный обоз. Потери шведов — 8000 убитых и весь обоз, включавший 7 тысяч повозок.

1 ноября. Войска А.Д. Меншикова взяли Батурин — резиденцию Мазепы. Город и замок — сожжены. В результате шведской армии не достались хранившиеся в Батурине огромные запасы продовольствия и вооружений.

5 ноября. На площади в Глухове повешена кукла, изображающая гетмана Мазепу.

6 ноября. Гетманом Украины выбран стародубский полковник И.И. Скоропадский.

7 и 10 ноября. Указы об амнистии вернувшимся в течение месяца мазеповцам.

4 ноября. У станицы Решетовской потерпел поражение последний отряд булавинцев.

18 декабря. Учреждено «для всенародной пользы» восемь губерний: Московская, Петербургская, Киевская, Смоленская, Архангельская, Казанская, Азовская, Сибирская. Позже появились еще Нижегородская, Астраханская и Рижская губернии. Некоторая децентрализация управления страны.

Декабрь. Героическая оборона крепости Веприк на Украине.

29 декабря. В России издан первый гражданский календарь.

1709 год

11 февраля. Бой у Красного Кута между шведами во главе с Карлом XII и русскими под командованием генералов Шаумбурга и Рена. В этом сражении Карл XII чуть не попал в плен. Этой битвой завершился поход шведского короля в Слободскую Украину.

17 апреля. Карл XII отправил свои войска на осаду Полтавы.

Весна. Шведская армия сосредоточилась в районе Полтавы. Взятие города обеспечивало шведам сильный опорный пункт в Левобережной Украине. Начало осады Полтавы.

14 мая. Отряд полковника Яковлева разрушил Запорожскую Сечь за переход части запорожцев на сторону Мазепы.

После двухмесячной осады комендант Полтавы А.С. Келин сообщил Петру I, что сил удерживать город больше нет, но Петр приказал ему держаться.

8 июня. Письмо Петра I Г.Ф. Долгорукому с планом предстоящей компании.

«Объявляем вам, что мы здесь намерены неприятеля всеми силами атаковать с Божиею помощью и в то время надлежит вам також со всеми конными войсками регулярными и нерегулярными в другую сторону напасть и потщиться добрую диверсию и ущерб, по возможности, неприятелю учинить».

20 июня. Русская армия форсировала реку Ворсклу и встала вблизи Полтавы, возводя укрепления.

27 июня. Ночью шведские войска вышли из лагеря и четырьмя колоннами двинулись к русским укреплениям.

27 июня. Полтавская битва. «В 9 часу пред полуднем генеральная баталия началась прежде между нашего левого, а неприятельского правого крыл, а потом и во весь фрунт обеих войск, в которой хоть и зело жестоко во огне оба войска бились, однакож то все далее двух часов не продолжалось, ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали...» Шведы потеряли свыше 9 тысяч убитыми и 18 тысяч пленных. Потери русских — 1345 убитых и 3290 раненых.

30 июня. Капитуляция брошенной Карлом XII шведской армии. Карлу XII и Мазепе удается переправиться через Днепр и скрыться в турецких владениях.

Бунт казаков на Камчатке. Данила Анциферов и Иван Козыревский подняли казаков и зарезали в постели «камчатского Ермака» Владимира Атласова, убили из засады приказчика Миронова, а Чирикова потопили в море. Восставшие, однако, решили потом искупить свою вину «подвигами». Объясачивая местное население, они открыли Курильские острова.

Основана Бийская крепость.

Заложен Тунгинский острог.

22 сентября. Смерть Мазепы. «Сего злодея съела вошь... такая вошь напала, что не мог он, переменяючи рубашку на каждый день поутру и ввечеру, освободиться от нее и тем, или тою болезнью, исчез».

9 октября. В Торуни вновь заключен союз с Саксонией в войне против шведов.

11 октября. Заключен договор России с Данией.

28 октября. Скончался во время молитвы перед иконой святитель Димитрий Ростовский, знаменитый двадцатилетним трудом по составлению Житий святых.

18 декабря. Родилась Елизавета Петровна — будущая императрица. В этот день Петр I въезжал в Москву, за ним везли шведских пленных. Известие о рождении дочери заставило его отложить победное торжество. «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с восшествием в мир дочь мою, яко со счастливым предзнаменованием вожделенного мира».

20 декабря. «Парад» всех шведских пленных по улицам Москвы.

1710 год

28 января. Русскими войсками взята крепость Эльбинг.

29 января. Введен гражданский шрифт. «Сими литеры печатать исторические и мануфактурные книги».

11 марта. Указ Петра I, запрещающий великороссам попрекать малороссов изменою гетмана Мазепы.

12 апреля. На светлой седмице началась бомбардировка Выборга.

14 июня. Капитуляция Выборга.

4 июля. Русскими войсками взята Рига.

7 июля. Указ о рекрутах. «Вместо беглых рекрут имать в рекруты ж из свойственников их, которые за них ручались».

14 августа. Взят Пернов (Пярну).

16 августа. Петр I подписал манифест, обосновывающий присоединение Эстляндии к России.

6 сентября. Взята крепость Корела.

29 сентября. Взят Ревель (Таллинн).

Закрылся «шляпный двор» в Москве, в связи с тем, что в армии начали носить треуголки.

Голодный год.

Основан Бийск.

Началась перепись населения.

Казак Яков Пермяков, плывя по Ледовитому морю из устья Лены в Колыму, высадился на Медвежьих островах.

Пересылки Москвы с молдавским господарем Дмитрием Кантемиром и сербами. «Когда воздвигнет Господь Бог крестоносную десницу твою на басурман, — писали они Петру, — не забудь и нас, малейших, приглашением царским и милованием своим, да и мы потщимся службою своею за своего православного царя».

20 ноября. Турция объявила войну России.

Упразднен Сибирский приказ, и в Сибири введено губернское управление. Первым сибирским губернатором назначен боярин князь Матвей Петрович Гагарин.

Активизация законотворческой деятельности. На протяжении последующего десятилетия законодательные акты издаются в среднем раз в три дня.

1711 год

22 февраля. Учрежден Сенат вместо Боярской думы. «Определили быть для отлучек наших Правительствующий сенат».

25 февраля. В Успенском соборе Кремля объявлено народу о войне с турками.

2 марта. Указ о послушании Сенату: «Так, как нам самому, под жестким наказанием или и смертию, по вине смотря».

5 марта. Указ, определивший порядок обсуждения дел в Сенате: «голосы иметь равные...»

6 марта. Тайное венчание Петра с Мартой Скавронской, бывшей любовницей Шереметева и Меншикова, будущей русской императрицей Екатериной Алексеевной.

Присоединение Лифляндии. Петр I стал главой лифляндской протестантской церкви.

Указы о фискалах. Им обещана половина имущества, конфискованного у виновных. Указ о праве заниматься торговлей «людям всякого звания».

13 марта. «Для сбережения денег» запрещено покупать в казну сукно и другие товары.

2 апреля. Петр I и молдавский господарь Дмитрий Кантемир заключили военно-политический союз о совместных действиях против Турции.

23 апреля. Учреждена купецкая палата для покупки в казну золота, серебра и меди.

Май. Начался Прутский поход Петра I.

8 июня. Упразднен Приказ рудных дел.

20 июня. Селитру разрешено продавать только пороховым подрядчикам.

24 июня. Русская армия во главе с царем Петром I вышла к Пруту.

30 июня. Явление Чудотворной иконы Богоматери в Балыкине, Черниговской епархии.

8—10 июля. Прутская трагедия. 40-тысячная армия Петра I окружена 270-тысячной армией турок.

11 июля. Вице-канцлеру П.П. Шафирову, которому Петр разрешил отдавать за мир все, кроме Петербурга, удалось заключить с визирем Махмет-пашой мир на сравнительно мягких условиях. Россия отдавала османам Азов, срывала Таганрог и Каменный Затон. Условия договора чрезвычайно рассердили Карла XII, требовавшего уничтожить русскую армию.

— Буде хочешь, то атакуй их своими людьми! — ответил турецкий визирь королю, у которого не было сейчас и сотни своих солдат.

Оставив заложниками Шафирова и сына фельдмаршала Шереметева, Петр вывел из окружения измученную армию.

14 октября. В Торгу (Саксония) заключен брак царевича Алексея Петровича с принцессой Шарлоттой Вольфенбюттельской.

8 ноября (19 ноября). У крестьянина из деревни близ Холмогор Василия Дорофеевича Ломоносова и его жены Елены Ивановны (в девичестве — Сивковой) родился сын Михайло.

Убийца Владимира Атласова Иван Козыревский построил за свой счет судно и отправился на открытые им Курильские острова. Он вернулся оттуда с ясаком и награбленной добычей. За ограбление курильцев начальник Камчатки Петриковский посадил его в тюрьму. В 1717 году Иван Козыревский принял монашество и основал на Камчатке Успенский монастырь. Однако не успокоился. Через семь лет его снова посадили в тюрьму, теперь уже за ограбление Покровского якутского монастыря. Бежал. Работал секретарем у якутского воеводы Полуэктова. Снова бежал. Был схвачен. Сказал «слово и дело» на Якутского архимандрита и его вынуждены были увезти в Тобольск. Здесь он объявил об островах, будто бы открытых им в устье Лены. Его освободили и послали открывать эти острова.

Указ о принудительном переселении в Петербург купцов и ремесленников.

В Петербурге начала работать первая городская типография.

1712 год

Санкт-Петербург становится официальной столицей страны.

2 января. Передан туркам Азов. Часть кораблей Азовского флота продана туркам, часть уничтожена.

16 января. Учреждена московская инженерная школа.

19 февраля. Публичная свадьба Петра I с Екатериной Скавронской.

5 апреля. Мирный трактат между Россией и Турцией.

Перепись «размножившихся выше меры» канцеляристов. Годных в службу приказано отдавать в солдаты.

Учреждение пушечного двора и пороховых заводов в Петербурге.

31 октября. Турция снова объявила войну России.

Петр I отдал Я.Ф. Долгорукому приказ о клеймлении рекрутов. «На левой руке накалывать иглою кресты и натирать порохом».

10 декабря. Разгром шведами датско-саксонских войск.

Скончался святитель Сильвестр III, митрополит Смоленский. Память 2 января.

1713 год

19 января. Русская армия во главе с Петром I нанесла поражение шведскому генералу Штейнбоку в битве у Фридрихштадта (север Германии). Царь не только разработал диспозицию боя, но и лично повел в бой солдат. Штейнбок укрылся в крепости Тонинген и через несколько месяцев капитулировал.

Взятие русскими войсками Фридрихштадта в Померании.

1 марта. Конвенция с Пруссией. Русские войска выводились из Германии, шведские — не пропускались в Польшу.

25 марта. Благовещение. Освещена первая церковь Благовещения в Невском монастыре. Этим положено начало монашескому общежитию в Санкт-Петербурге.

24 апреля. Указ о наказаниях крестьян, отложившихся от своих владельцев.

26 апреля. Начало русского десанта в Финляндию.

8 мая. Взят после бомбардировки с кораблей Гельсингфорс (Хельсинки).

16 мая. Взят Берг.

13 июня. Адрианопольский трактат с Турцией. Перемирие на 25 лет. Русские войска выводились из Польши, правобережье Днепра оставалось за Россией. Потеря Россией Азова и Запорожья.

28 августа. Взята финская столица — город Або.

21 сентября. Взят Штеттин в устье Одера. После этой победы русская армия покидает северную Германию и переносит военные действия на территорию Финляндии.

31 октября. Указ, запрещающий торговлю через Архангельск. Все товары должны были привозиться в Петербург. Указ этот разорял купечество, и вскоре Петр исправил его: в Петербург должна была привозиться только половина товаров.

Возведен Чаусский острог, вокруг которого вырос город Колывань.

1714 год

20 января. Указ об обязательном обучении дворянских детей. Запрещено жениться до завершения курса обучения.

Февраль. Открыты первые Цифирные школы.

19 февраля. Генерал М.М. Голицын разбил шведов в сражении при Лаппола. Эта победа обеспечила русским контроль над Финляндией.

26 февраля. Запрещено производить в офицеры дворян, которые не служили солдатами в гвардии и «с фундамента солдатского дела не знают».

28 февраля. Указ, обязывающий дворянских недорослей служить.

23 марта. Закон о единонаследии. Уничтожено различие между вотчинами и поместьями, пожалованными за службу. Введен майорат — наследственные земли запрещено дробить.

3 апреля. Скончался святитель Сампсон, митрополит Астраханский и Терский.

6 апреля. Вывозить товары разрешено только через «русские пристани».

26—27 июля. Гангутское сражение.

29 июля. Память апостолов Петра и Павла. Русскими войсками взят Нейшлот.

Десант И.М. Головина возле Улеаборга.

Сибирская экспедиция полковника И.Д. Бухгольца для завладения городом Яркентом и поисков россыпей эркетского золота. Бухгольц имел под командой 3000 человек. Он основал на Ямышевском озере крепость, но был осажден джунгарами, вследствие чего с большим уроном для себя отступил к устью Оми.

Осень. Все дворяне от 10 до 30 лет под страхом конфискации имущества обязаны записаться при Сенате.

25 ноября. Петром I учрежден орден святой Великомученицы Екатерины (орден Освобождения) в память освобождения его в сражении при Пруте. Первым орденом Петр I наградил свою супругу.

29 декабря. Приказано ссылать на каторгу продавцов длиннополого платья и сапог.

Собор в Москве против еретиков, осуждение ереси Д. Тверитинова.

1715 год

28 февраля. Первый день Великого поста. Указ о сыске беглых солдат русской армии в украинских городках.

31 марта. Военнопленным шведам приказано обучать крестьян кузнечному мастерству.

20 апреля. На Светлой седмице прибыла в Пекин духовная миссия: архимандрит Иларион Лежайский, иеромонах Лаврентий, иеродиакон Филимон. Был в миссии и дьячок Осип Дьяконов. «Выучась по-маньчжурски, употребляем был в богдыхановом трибунале для перевода грамот из сената получаемых и в сенат трибуналом посылаемых».

17 мая. Восстановлен Рудный приказ.

10 июня. Скончался святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский и всея Сибири.

12 сентября. Установлена норма рекрутской повинности: один рекрут с 75 дворов.

1 октября. Учреждена Морская академия.

12 октября. Родился великий князь Петр, сын царевича Алексея Петровича и его супруги принцессы Шарлотты Вольфенбиттельской, будущий русский император Петр II.

22 октября. Не оправившись после родов, умерла жена царевича Алексея.

27 октября. В Санкт-Петербурге основана «Адмиралтейская гошпиталь».

28 октября. На поминках по супруге царевичу Алексею вручено послание императора Петра I с требованием «нелицемерно исправиться».

29 октября. Рождение Петра Петровича — сына Петра I и Екатерины Алексеевны.

31 октября. Отказ царевича Алексея от притязаний на престол. Алексей просит отца отпустить его в монастырь.

Восстание крестьян, приписанных к Олонецким заводам.

Архимандритами в монастыри велено назначать только монахов из столичного Александро-Невского монастыря.

1716 год

14 февраля. В два раза увеличена подать для старообрядцев.

И.Д. Бухгольц основал Омскую крепость — будущий Омск.

30 марта. «Устав воинский», закрепивший новшества, примененные в войне со шведами. По этому уставу жила русская армия 150 лет.

Введение института армейских священников во главе с обер-священником.

Экспедиция капитана гвардии князя А.Б. Бековича-Черкасского на Каспий. Первая карта Каспийского моря. Поиски торгового пути в Индию.

Голодный год. Реквизиции хлеба.

Установлено морское сообщение с Камчаткой. Открыт Охотский порт. Казак Кузьма Соколов, построив здесь судно, совершил первое плавание на Камчатку.

26 сентября. Бегство царевича Алексея за границу. Добравшись до нейтральной Австрии, он попросил политического убежища (10 ноября).

1717 год

4 февраля. Издана книга «Юности честное зерцало» — своеобразный свод этических норм петровского времени и правил поведения.

26 апреля. Царь Петр I прибыл с посольством в Париж во время своей второй поездки в Европу. Во французской столице царь посещает академию, Сорбонну, встречается с королем Людовиком XV.

Июль — август. Гибель экспедиции А.Б. Бековича-Черкасского в Хиве. Его отряд уничтожен ханскими войсками.

Афера вице-канцлера П.П. Шафирова, получившего монополию на производство парчи и материи.

Послание Петра I царевичу Алексею. Император требует, чтобы сын немедленно выехал к нему за границу или же отправлялся в монастырь.

11 августа. Подписан русско-французский торговый договор.

Октябрь. Проведя полтора года за границей, Петр I вернулся в Россию.

«По всей России ведутся "выборы" купцов и ремесленников для переселения в Петербург. Указ предписывал "старых, скудных и одиноких" переселенцев заменять "первостатейными, добрыми"».

11 ноября. Указ о запрете появления на улицах нищих.

14 ноября. Родился писатель, драматург Александр Петрович Сумароков.

11 декабря. Реформа государственного аппарата. Учреждено девять коллегий, заменивших традиционные приказы: Военная, Адмиралтейская, Иностранных дел, Камер-коллегия, ведавшая всем поступлением денег; Штат-контор-коллегия, осуществлявшая расходные статьи казны; Ревизион-коллегия, наблюдавшая и контролировавшая финансы: Юстиц-коллегия, Коммерц-коллегия, Берг-Мануфактур-коллегия.

17 декабря. Разрешен наем рекрутов. При побеге рекрутов приказано заменять их другими.

1718 год

31 января. Привезен в Москву царевич Алексей, которого П.А. Толстому удалось уговорить вернуться с повинной. Толстой привез царевичу письмо отца: «Обещаю Богом и Судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе...»

3 февраля. Манифест об отрешении Алексея от престола.

6 февраля. Аресты приближенных царевича Алексея.

13 февраля. Указ Петра I об основании Кунсткамеры — первого русского музея. «Понеже известно есть, что как в человеческой породе, так и зверской и птичьей случается, что родятся монстра, то есть уроды, которые во всех государствах собираются для диковины, чего... уже указ сказан...»

25 февраля. Указ Петра I, запрещающий раздавать на улицах милостыню.

26 февраля. Запрещено ввозить иностранное полотно.

20 марта. Для следствия по делу царевича Алексея создана Тайная канцелярия, ведавшая в дальнейшем делами, связанными с защитой престола.

Организация полиции.

Май. Начало сепаратных переговоров со Швецией на Аландских островах.

19 июня. Начало зверских пыток царевича Алексея, в которых принимал участие и сам Петр.

24 июня. На Рождество Иоанна Предтечи объявлен смертный приговор царевичу.

26 июня. В Трубецком раскате Петропавловской крепости умер под пытками царевич Алексей.

27 июня. Петр устроил бал в Петербурге по случаю годовщины Полтавской битвы.

Полковником Ступиным основана на правом берегу Иртыша Семипалатинская крепость, вокруг которой вырос город Семипалатинск.

11 сентября. Перенесение мощей преподобных Сергия и Германа Валаамских из Ладоги в Валаамский монастырь после его возобновления в 1718 году.

26 ноября. Указ о подушной переписи населения. Сведения о числящихся за ними крестьянах обязаны были подавать помещики. В этот же день был подписан указ о проведении ассамблей — обязательных коллективных увеселений.

28 ноября. Указ о проведении первой ревизии. Начало ревизских переписей в России.

30 ноября. При осаде крепости в Норвегии погиб Карл XII. Шведский престол заняла его сестра Ульрика-Элеонора. Срыв переговоров на Аландских островах.

Указом Монастырского приказа домовые церкви оставлены лишь у членов императорской семьи, «ибо сие лишнее есть и от единой спеси деется».

В память Гангутской победы воздвигнута церковь Святого Пантелеймона в Санкт-Петербурге.

1719 год

Январь. Лечение Петра на первом русском курорте близ Петровских заводов.

15 февраля. Открылась для свободного посещения Кунсткамера. Для привлечения туда посетителей велено подносить им при входе рюмку водки с закуской.

17 февраля. Скончался Б.П. Шереметев.

26 февраля. Начало борьбы с проституцией. «Винных баб и девок» велено определять на мануфактуры.

24 марта. Начало строительства Ладожского канала.

Донос обер-фискала Алексея Нестерова на сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина. Петр I назначил следствие по этому доносу. Отправленному в Сибирь гвардии майору Лихареву было велено объявлять, что «Гагарин плут и недобрый человек, и в Сибири ему уже губернатором не быть, а будет прислан на его место иной...»

25 апреля. Умер Петр Петрович — второй сын Петра I. При вскрытии выяснилось, что Петр напрасно освобождал ему путь к престолу — наследник был неизлечимо болен от рождения.

28 апреля. Указ Петра I об изгнании из России представителей Ордена иезуитов.

24 мая. В сражении у острова Эзель (Балтийское море) русская эскадра под командованием капитана 2-го ранга Н.А. Сенявина захватила в плен три шведских корабля. Эзельский бой стал первой победой русского флота в открытом море.

29 мая. Реорганизация областного управления. Вместо 11 губерний образовано 50 провинций. Все губернии делились на провинции, а те — на уезды (дистрикты).

Губернатором Сибири назначен князь Алексей Михайлович Черкасский.

В Петербурге открыта первая общедоступная библиотека.

Июль. Возобновление Аландских переговоров. Швеция отклонила требование Россией Эстляндии, Лифляндии и Выборга.

Август. Десанты генерал-майора П.П. Ласси и Ф.М. Апраксина с севера и юга от Стокгольма.

10 декабря. Учреждена самостоятельная Берг-коллегия.

Сформирован драгунский «лейб-регимент» — в будущем конногвардейский полк.

Начало семилетней экспедиции Даниила Готлиба Мессершмидта. Это первая научная экспедиция в Сибирь. Мессершмидт занимался изучением географии Сибири, натуральной историей, описывал сибирские народы и их язык, искал различные «древности». За девять лет Мессершмидтом была проделана гигантская научная работа, совершено без помощников, на жаловании всего 500 рублей в год.

1720 год

5 января. Приказано вписывать в ревизские сказки дворовых людей и церковных причетчиков.

12 января. Русским флотом захвачены у Данцига два шведских корабля. Особенно об-

радовало Петра, что пушки, установленные на этих кораблях, были русскими. Шведы взяли их под Нарвой.

13 января. Принят Морской устав. «И понеже сие дело необходимо нужное есть государству (по оной присловице, что всякий потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет), того ради сей Воинской Морской устаф учинили...»

1 февраля. Учреждение зеркальных заводов в Киеве.

28 февраля. Прощеное воскресенье. Утвержден Генеральный регламент коллегий.

3 марта. Учреждение надворных судов.

27 июля. Победа русского флота под командованием М.М. Голицына над шведами у острова Гренгам.

4 октября. За заслуги в развитии горного дела возведен в дворянское достоинство вместе с сыновьями и их потомством Никита Демидович Антуфьев. Основание рода Демидовых.

Ноябрь. Начало новых переговоров о мире со Швецией.

16 ноября. Указ о розыске по делам утайки душ в ревизских сказках.

Первый указ о сборе рукописей в церквях и монастырях для Синодальной библиотеки.

Основан Усть-Каменогорск. На правом берегу Иртыша, у устья реки Ульбы, поставлена крепость.

16 декабря. Учреждение магистратов.

Геодезисты Иван Евреинов и Федор Лужин начали составление карты Камчатки. В инструкции, данной им, было велено сделать разыскание: «сошлась ли Америка с Азией».

Введение института флотских иеромонахов во главе с обер-иеромонахом.

Обретение нетленных мощей умученного тридцать лет назад евреями младенца Гавриила. Мощи были помещены в Слуцком Троицком монастыре.

1721 год

16 января. Учрежденному в Санкт-Петербурге Главному магистрату поручено ведать городское население повсеместно. Регламент главного магистрата, призванный защитить купцов и ремесленников. Ибо они «ото всяких обид, нападков и отягощений несносных едва не все разорены...»

Указ о присвоении потомственного дворянства всем, дослужившимся до обер-офицерского чина.

18 января. «Купецким людям» разрешено покупать к своим заводам деревни с крестьянами.

25 января. Духовный регламент, устанавливающий новый порядок управления церковью, был составлен Феофаном Прокоповичем. Вся церковная власть, по образцу протестантских государств, сосредоточивалась в Духовном коллегиуме.

Запрещено возвращать с мануфактур беглых крестьян.

Попытка введения цехового устройства.

14 февраля. В день своего открытия Духовная коллегия преобразована в Святейший Правительственный Синод.

Основан Екатеринбург.

Введена предварительная цензура на богословские книги.

Замена провинциальных судов воеводскими.

5 марта. Посвящен во епископа Переславского для проповеди слова Божия в Китае святитель Иннокентий Иркутский. Память 26 ноября, 9 февраля.

16 марта. Перед зданием Юстиц-коллегии повешен сибирский губернатор князь М.П. Гагарин. В ходе следствия выяснилось, что Гагарин пытался присвоить себе алмазные перстни, купленные в Китае для Екатерины Алексеевны. Наказание ему было усилено по распоряжению Петра I. Бывший губернатор Сибири должен был сгнить в петле на виселице.

20 апреля. Запрещен ввоз в Россию сахара.

Первый выпуск Морской академии. Выпущены унтер-лейтенантами А. Чириков и С. Малыгин, мичманом Д. Лаптев, гардемаринами Х. Лаптев и В. Прончищев — будущие участники Великой Северной экспедиции.

30 августа. В Ништадте подписан мирный договор со Швецией. Эстляндия, Лифляндия, Ингрия, часть Финляндии с Выборгом отходили к России.

Открытие первых архиерейских школ, будущих семинарий.

Лезгинский князь Хаджи Давуд захватил Шемаху и разгромил торговые ряды с русскими купцами. Посол А.П. Волынский предложил Петру I воспользоваться этим поводом для нападения на Персию.

22 октября. Празднества по случаю заключения Ништадтского мира. Петру I преподнесен титул Императора, отца Отечества. Россия стала империей.

Недороды... «Крестьяне голодают, пухнут и умирают».

Прекращение монастырского летописания.

1722 год

1 января. Указ об учреждении Прокуратуры.

11 января. Указ о введении подушной подати: 80 копеек с человека в год; 70 копеек — с крепостных; 1 рубль 20 копеек — с посадских людей.

11 января. Указ о шельмовании не явившихся на смотр дворян. Имена «ослушников» были прибиты к виселице. Каждый мог ограбить или даже убить любого «ослушника».

12 января. Введена должность генерал-прокурора, который «повинен сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы Сенат свою должность хранил, и во всех делах, которые к сенацкому разсмотрению и решению подлежат, истинно и ревностно, бес потеряния времени, по регламентам и указам отправлял». Первым генерал-прокурором был назначен П.И. Ягужинский.

24 января. Утвержден «Табель о. рангах», определивший порядок прохождения службы. Все чины присваивались за служебные успехи независимо от «породы». Устанавливалось соответствие между чинами разных категорий.

5 февраля. Новый закон о престолонаследии, отменивший «недобрый обычай», когда старший сын обязательно наследовал престол. Теперь государь мог назначать преемника по своему усмотрению.

21 февраля. Родился преподобный Паисий Величковский, основоположник русского старчества.

6 апреля. Установлено особое платье для раскольников. Подтвержден указ о взимании с них 50 рублей за бороды.

12 апреля. Указ Петра I о выравнивании надгробий на кладбищах. «Те камни неуборно и неприлично положенные наносят святым церквам безобразие, и в случающимся около тех церквей хождении чинят препятие».

17 апреля. Петровский указ Сенату: «Понеже... тщатся всякие мины чинить под фортецию правды, того ради сим указом, яко печатью, все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить...»

Утверждены штаты церковнослужителей (один священник на 150 дворов).

27 апреля. Учреждена Малороссийская коллегия.

27 апреля. Указ о цехах. Начало создания цеховых организаций для ремесленников.

28 апреля. Недоносительство объявлено тягчайшим, караемым смертной казнью преступлением.

Манифест о войне с Персией, начатой якобы для возмещения убытков русских купцов в Шемахе.

Андреем и Семеном Денисовыми и Трифоном Петровым составлены «Поморские ответы» — одна из основных книг старообрядчества.

10 мая. Петровский указ о часовнях. «Обычай устраивать часовни начался и утвердился от невежд».

13 мая. Пятидесятница. Синодский указ о мерах против раскола.

13 мая. Петр Великий отправился из Москвы в поход против Персии. Начало Персидского похода (1722—1723).

17 мая. По настоянию Петра I Синодом отменена тайна исповеди. Священник обязан был сообщать в Преображенский приказ о всех злоумышлениях «без всякого прикрывательства».

Указ об установлении должности обер-прокурора Синода, возглавившего аппарат слежки за духовенством на местах. Подчинение Синода Сенату.

18 июля. Выступление русских войск из Астрахани для возмещения убытков русских купцов в Шемахе. Начало русско-персидской войны.

23 августа. Русские войска без боя вступили в Дербент.

Основана крепость Святой Крест (нынешний Буденновск).

4 ноября. Экспедиция в Решт, закрепившая за Россией все западное побережье Каспийского моря, за исключением Баку. Торжества в Петербурге. Сенаторы «за здравие Петра Великого, вступившего на стези Александра Великого (Македонского), всерадостно пили».

Основан на берегу Оми город Каинск.

Выслан из Китая русский агент Ланг. Русская торговля в Китае запрещена якобы из-за пьянства и буйства русских купцов в Пекине.

22 ноября. Родился Григорий Сковорода. Философ, писатель, педагог. «Харьковский Диоген», «тайный отец славянофильства».

6 декабря. Указ о дураках и дурах, запрещающий им вступать в брак.

12 декабря. Учрежден при Синоде Приказ инквизиторских дел.

В России появилась Геральдмейстерская контора.

Начало ревизии первой переписи населения для более успешного подушного обложения — 14 миллионов человек.

Михаил Иванович Сердюков завершил работу по реконструкции Вышневолоцкой системы, соединявшей Волгу с бассейном Балтики. На реке Цна М.И. Сердюковым было создано водохранилище, снабжавшее водою обе части системы. Начало эксплуатации Вышневолоцкого канала.

1723 год

Зарубежные патриархи официально признали Синод как равного себе «собрата».

11 января. Указ о борьбе с некачественной продукцией на Тульском оружейном заводе.

19 января. Указ о подушном обложении холопов наравне с крепостными.

28 января. Запрещено постригаться в монахи и монахини.

Введены «уставные» гробы. Покойников, принесенных в дубовом или из сосновой колоды гробу, перекладывали в дощатые.

15 февраля. Выведен на казнь в Кремле вице-канцлер П.П. Шафиров за злоупотребления должностным положением. Помилован императором с заменой казни ссылкой в Сибирь.

29 мая. Петр Первый, будучи в Александро-Невской лавре, указал обретающиеся во Владимирском Рождественском монастыре мощи Святого Благоверного князя Александра Невского перенести в Александро-Невский монастырь.

17 июля. Десант генерал-майора М.А. Матюшкина в Бакинском заливе.

26 июля. Взятие Баку.

4 августа. Открылся Петергоф — летняя резиденция царя Петра I.

10 августа. На Кронштадтском рейде состоялся морской парад для чествования «дедушки русского флота» — ботика Петра Великого. 20 линейных кораблей Балтийского флота салютовали плывущему мимо них ботику.

11 августа. После литургии и водосвятного молебна мощи святого благоверного князя Александра Невского вынесли из собора Владимирского Рождественского монастыря и поставили в ковчег. Поскольку через ворота монастыря пронести ковчег не удалось, пришлось ломать стену. Когда несли ковчег через торговую площадь — ломали прилавки.

12 сентября. Мирный договор с шахом Ирана Тахмаспу II. Россия получала западное и южное побережья Каспийского моря с городами Дербент, Баку, с провинциями Ширван, Ленкорань, Азербайджан, Гилян, Мазендоран.

19 сентября. Мощи святого благоверного князя Александра Невского прибыли в Шлиссельбург. Их препроводили на Пушечную пристань на Неве, но вскоре был получен указ: поставить мощи в каменной церкви и хранить их здесь всю зиму.

8 ноября. Указ о заведении компании китовой ловли. Иностранцы принимались в эту компанию наравне с русскими.

3 декабря. Утвержден регламент Мануфактур-коллегии.

21 декабря. Попытка Петра I принять в русское подданство пиратов Мадагаскара. Однако намеченное посольство не состоялось. Корабли под командой вице-адмирала Даниила Вильстера попали в шторм и вынуждены были встать в Ревеле на ремонт.

Манифест о правах Екатерины на титул императрицы.

На Колыванском озере на Алтае найдена медная руда.

1724 год

Первый единый таможенный тариф. Он облегчал вывоз за границу товаров отечественных мануфактур и затруднял ввоз идентичных иностранных товаров в Россию.

5 января. Указ о запрещении браков по принуждению, в том числе и со стороны помещиков.

Обложение однодворцев подушной податью.

Введение паспортов. Крестьянам запрещено отлучаться без «письменного вида» от помещика.

13 января. Правительственный указ, определивший плату приписанным к казенным заводам крестьянам.

17 января. Основан архив Адмиралтейств-коллегий — нынешний Центральный государственный архив Военно-Морского флота.

22 января. На заседании Синода утвержден проект положения об Академии наук. Академии отведен дворец опального П.П. Шафирова.

24 января. В Петербурге колесован обер-фискал Алексей Нестеров, заподозренный Петром I в злоупотреблениях, за взятки и казнокрадство, оцененные в 300 тысяч рублей. С ним казнили еще 9 взяточников, остальных наказали кнутом и сослали на галерные работы.

31 января. Морской Торговый регламент и устав с высокими пошлинами на иностранные товары, ввозимые в Россию.

В семье дьячка родился будущий святой Тихон Задонский, в селе Коротце Новгородской губернии.

Февраль. Петр Первый и Екатерина проходят курс лечения марциальными водами. «Воды, слава Богу, действуют изрядно, урину гонят не меньше олонецких...»

Начало февраля. «В первых числах февраля 1724 г. в течение нескольких дней по улицам Петербурга прогуливались и разъезжали голландские матросы, индийские брамины, павианы, арлекины, французские поселяне и поселянки и т.п. лица: то были замаскированные государь, государыня, весь сенат, знатнейшие дамы и девицы, генерал-адъютанты, денщики и разные придворные чины. Члены разных коллегий и сената в эти дни официального шутовства нигде, ни даже на похоронах не смели скидывать масок и шутовских нарядов; в них они являлись на службу, в сенат и в коллегии».

11 февраля. Заключен оборонительный союз России со Швецией.

18 апреля. Увеличен отпуск железа «за море».

7 мая. Коронация императрицы Екатерины I, супруги Петра I.

12 июня. Договор с Турцией о разделе сфер влияния на Кавказе. Турция гарантировала России ее завоевания, Россия признавала завоевания Турции — Восточное Закавказье, Азербайджан и часть Западного Ирана.

И.Т. Посошков представил Петру I сочинение «О скудости и богатстве» — первое русское сочинение по экономике.

30 августа. В Санкт-Петербург перенесены мощи святого князя Александра Невского.

Учрежден орден святого Александра Невского.

Начало обращения якутов в христианство.

Завершена ревизия переписи населения. Учтено 5 600 000 податных душ мужского пола. Общая численность населения составила 15 500 000 человек.

8 октября. Арестован камергер и любовник Екатерины Алексеевны тридцатилетний Вилим Монс — брат первой фаворитки Петра I Анны. Он обвинялся во взятках. Следствие вел сам император.

16 ноября. На Троицкой площади казнен Вилим Монс. Петр возил супругу смотреть на отрубленную голову Монса.

10 ноября. Петр I принял делегацию армян и подписал указ о поселении армян на побережье Каспия. «Отдавали им в городах и селах те дворы и пожитки, которые пусты, также и тех магометан, которые явились в какой противности, или на которых какое подозрение есть, тех выводить вон, а их места занимать оными христианами».

23 декабря. Петром подписана инструкция, касающаяся задач Камчатской экспедиции.

1725 год

4 января. Родился граф Петр Алексеевич Румянцев, в будущем Румянцев-Задунайский, талантливый русский полководец, генерал-фельдмаршал.

Вторая половина января. Болезнь Петра I обострилась. Диагноз тщательно скрывался, и существует несколько различных мнений по этому поводу. Итальянский врач, лечивший Петра, полагал, что «...источником болезни послужил застарелый и плохо вылеченный сифилис», Феофан Прокопович сообщал, что царь умер «от водяного запора», камер-юнкер Берхгольц записал в дневнике, что император скончался от «каменной болезни и других припадков», доктор Паульсон сообщил, что при вскрытии тела Петра «увидели совершенной антонов огонь в частях около пузыря; некоторые же части так отвердели, что весьма трудно было прорезать их анатомическим ножом».

24 января. Капитану 1-го ранга российского флота Витусу Берингу, назначенному командующим экспедицией, надлежало немедля отправляться на Камчатку, строить там корабли и идти к берегам Америки.

26 января. Обезумевший от боли Петр I начал так громко кричать, что предсмертный вой был слышен, по свидетельству современников, в городе.

28 января. Написав два слова: «Отдайте все...», император Петр Великий выронил перо и в 6 часов утра скончался, так и не назначив наследника.

В ИМПЕРИИ БЕЗ ИМПЕРАТОРА (1725—1741)

Петр Великий умер, не оставив наследника. После его смерти гвардейские полки возвели на престол Екатерину I. Два с небольшим года длилось ее правление. Столь же недолгим было и правление императора Петра II. Впрочем, смена правлений мало что изменяла... Не полуграмотная крестьянка и не двенадцатилетний ребенок правили тогда страной. Власть находилась в руках «верховников», ими вершились дела, между ними шла борьба. Долгоруким удалось свалить могущественнейшего Меншико-

ва, но и они недолго праздновали победу. Расправа над Долгорукими оказалась еще более жестокой.

При Анне Ивановне характер правления мало в чем изменился. Верховная власть сосредоточилась в руках ее любовника Э.И. Бирона. Подобно Меншикову и Долгоруким, он достиг высшего положения, сделавшись регентом при малолетнем наследнике Антоне Ивановиче. И точно так же, подобно своим предшественникам, пал в результате переворота, устроенного Б.К. Минихом.

Вся эта чехарда была порождена Петром Первым, отменившим законный порядок престолонаследия, сделавшим русский престол игрушкой в руках своих «птенцов» и прочих ловких авантюристов.

Правления Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны — завершение петровской эпохи. Сходят с исторической сцены его могущественнейшие сподвижники, с грехом пополам завершаются начатые им дела... Своеобразным символом этих 16 лет стала Великая Северная экспедиция, которая вобрала в себя всю мощь и все недуги новой, петровской России. Затянувшаяся на долгие годы, она тем не менее выполнила свою задачу, очертила границы современной нам страны... Нашей страны, которая без Петра Великого была бы, конечно, другой.

ПРАВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ (1725—1727)

1725 год

В ночь на 28 января, когда Петр I еще заходился криком в предсмертной агонии, во дворце собрались сенаторы, чтобы определить преемника императора. Высказывались различные мнения, но где-то посреди обсуждения в зале появились офицеры гвардии, громко обменивающиеся между собой суждениями, что, дескать, разобьют голову любому, кто пойдет против матушки Екатерины. Подкрепляя их слова, с площади раздался барабанный бой. Это гвардейские полки окружили дворец. Наследницей русского престола была провозглашена ливонская крестьянка Марта, любовница Шереметева и Меншикова, жена Петра I — 40-летняя императрица Екатерина Алексеевна.

8 февраля. Начало 1-й экспедиции Беринга.

31 марта. Императрица Екатерина I предлагает французскому посланнику Кампедону заключить союз России и Франции, который был бы скреплен браком ее дочери Елизаветы Петровны с французским королем Людовиком XV.

Приглашение иностранцев в Русскую Академию наук.

21 мая. Официальное учреждение ордена Александра Невского. Девиз «За Труды и Отечество».

7 июня. Указ, по которому иностранные послы в неограниченных количествах и беспошлинно могли ввозить различные товары.

26 августа. Арест сподвижника Петра, бывшего крестьянина, а ныне первого русского экономиста и владельца фабрики игральных карт, И.Т. Посошкова.

Появление на Дону хлыстовского «Христа» Агафона с 12 «апостолами» и «Богоматерью».

Начало систематических метеорологических наблюдений в Петербурге.

Начало второй войны с Персией.

27 декабря. В присутствии Екатерины I состоялось торжественное заседание Императорской Академии наук в Петербурге.

1726 год

8 февраля. Указ об учреждении Верховного Тайного совета — органа старого великорусского боярства. В состав его вошли А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин, Г.И. Головкин, П.А. Толстой, Д.М. Голицын, А.И. Остерман. Верховный Тайный совет просуществовал до 1730 года.

8 февраля. Разделение Синода на 2 департамента: духовный и светский. Лишение Синода и Сената титула «Правительствующий».

23 февраля. Открыта Академия наук.

28 февраля. Родился Василий Яковлевич Чичагов, русский мореплаватель, адмирал.

20 апреля. Англичанам разрешено свободно торговать в Петербурге.

21 апреля. Издана «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича.

Указом Екатерины I Синод освобожден «от бремени хозяйственных забот».

Функции Тайной канцелярии переданы Преображенскому приказу.

26 июля. Заключен русско-австрийский союз, направленный против Османской империи.

4 августа. Верховный Тайный совет получил право самостоятельно выпускать и утверждать законы без согласия императрицы Екатерины I.

Действительным статским советником Акинфием Никитичем Демидовым на Алтае

основан Колыванский медноплавильный завод.

И.К. Кириллов за свой счет начал издание атласа и обзорной карты Российской империи.

По ходатайству стольника Андрея Шепелева возобновлена упраздненная при Петре I Введенская Оптина Пустынь — монастырь, где просияли старцы: Лев (1768—1841), Макарий (1788—1860), Амвросий (1812—1891), Иосиф (1837—1911), Никон (1888—1931), Нектарий (1853—1928), Варсонофий (1845—1913).

Славянская школа при Александро-Невском монастыре в С.-Петербурге переименована в Славяно-греко-латинскую семинарию.

Основание на Украине Почеповской и Шептаковской парусных полотняных мануфактур.

1727 год

15 января. Учреждена самостоятельная Иркутская епархия. Первым епископом Иркутским и Нерчинским назначен Иннокентий (Кульчицкий). Это первый прославленный Русской церковью сибирский святой. Память 26 ноября, 9 февраля.

24 февраля. Сбор подушной подати с крестьян возложен на самих помещиков.

Март. Корь в Якутске.

26 апреля. Борьба вокруг престола завершилась победой партии А.Д. Меншикова. Начало следствия над П.А. Толстым, А.М. Девиером, Г.Г. Скорняковым-Писаревым, обвиненным в попытке отстранить от наследования Петра II.

6 мая. В девять часов вечера умерла от чахотки императрица Екатерина I.

ПРАВЛЕНИЕ ПЕТРА ВТОРОГО (1727—1730)

1727 год

7 мая. На престол вступил сын царевича Алексея — одиннадцатилетний Петр II. Меншиков увез юного императора в свой дворец на Васильевском острове.

Светлейший князь А.Д. Меншиков получил звание генералиссимуса.

25 мая. Обручение Петра II с княжной Марией Александровной Меншиковой.

27 мая. Опубликован манифест о заговоре П.А. Толстого, А.М. Девиера, Г.Г. Скорнякова-Писарева. Заговорщики были биты кнутом и сосланы в Сибирь.

Лето. Болезнь А.Д. Меншикова. Сближение Петра II с молодым князем И.А. Долгоруким.

26 июля. Указ Верховного Тайного совета об отобрании и уничтожении манифестов по делу царевича Алексея и петровского указа о престолонаследии 1722 года.

20 августа. Буринский договор с Китаем об установлении границ и о торговле. Чрезвычайный посланник и полномочный министр граф Иллирийский Савва Владиславич-Рагузинский семь месяцев вел переговоры и предложил 20 трактатов договора. Ему пришлось уступить требованиям китайцев, настаивавшим, чтобы торговля производилась на границе.

7 сентября. Выздоровевший князь Алексей Данилович Меншиков приехал в Петергоф к своему будущему зятю, но император уехал на охоту, а царевна Наталья убежала от светлейшего князя, выпрыгнув в окно.

8 сентября. Генерал-лейтенант Салтыков привез А.Д. Меншикову приказ императора оставаться дома под арестом.

11 сентября. Указ о лишении Меншикова орденов и дворянства и ссылке его в Раненбург. Когда Меншиков отъехал несколько верст от Петербурга, его догнал курьер и приказал сдать иностранные ордена (русские были отобраны еще в Петербурге). В Твери Меншикова ждало следующее унижение — он был пересажен из кареты на простую телегу.

В государственную казну у А.Д. Меншикова было отобрано 90 тысяч душ крестьян, 30 миллионов рублей (государственный доход составлял тогда 8—10 миллионов в год) и 200 пудов золотой и серебряной посуды.

16 сентября. Дозволено свободное «рудокопание» в Сибири. Начало старательских промыслов.

18 сентября. В Петербурге учреждено воеводство. Подготовка к переезду двора в Москву.

20 сентября. Дворовым людям запрещено поступать на военную службу без согласия владельцев.

Отмена магистратов и восстановление единоличной власти воевод на местах.

Восстановлено гетманство в Малороссии. Гетманом назначен Даниил Апостол.

Строительство бумажной фабрики в Переяславском уезде.

21 октября. Россия и Китай подписали Кяхтинский договор. Он устанавливал российско-китайскую границу от Забайкалья до Западных Саян.

Учтено 5 миллионов 400 тысяч плательщиков.

При Петре II «верховники» пытались восстановить патриаршество. В патриархи прочи-

ли архиепископа Ростовского Георгия (Дашкова).

Создана Доимочная канцелярия.

1728 год

Начал выходить первый русский журнал — «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях».

8 января. Петр II вместе с двором переезжает в Москву.

12 января. Проезжая через Новгород из Петербурга в Москву, Петр II сказал: «Два сильных покровителя у меня: Бог в небесах и меч на бедре моем».

9 февраля. В Костроме родился основатель русского театра Федор Григорьевич Волков.

10 февраля. У дочери Петра I — Анны Петровны и ее супруга Карла-Фридриха (герцога Гольштинского) родился сын Карл-Петер-Ульрих, принц Голштинский, внук Карла XII по отцу, внук Петра I по матери, будущий русский император Петр III.

24 февраля. Коронация императора Петра II.

16 апреля. На Страстной неделе отправлен в ссылку в Березов князь А.Д. Меншиков.

14 июня. Трактат России с Китаем о вечном мире между империями. Ратифицирован Генеральный трактат между Россией и Китаем, по которому русские приобрели право отправлять через каждые три года караваны в Пекин.

Июль. Нападение крымских татар на Украину.

15 августа. Мореплаватель Витус Беринг во время 1-й Камчатской экспедиции открыл пролив между Азией и Америкой (ныне Берингов пролив).

12 сентября. Вся власть в губерниях сосредоточилась в руках губернатора и губернской канцелярии.

16 октября. Умерла в Березово отставная невеста императора княжна Мария Александровна Меншикова.

Родился Иван Иванович Ползунов, изобретатель первого в мире двухцилиндрового парового двигателя универсального применения.

21 ноября. Умер Федор Апраксин, первый в России генерал-адмирал, один из создателей русского военного флота.

Издание сочинения митрополита Стефана (Яворского) «Камень веры».

Решительные пункты о Малороссии (о правах и вольностях гетманщины).

1729 год

28 марта и 16 июля. Указы о прекращении кабального холопства.

21 апреля (2 мая). В Померании, в семье коменданта прусской крепости, родилась Софья-Августа-Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская, в будущем жена Петра III — императрица Екатерина II.

22 апреля. В Москве пожаром уничтожена Немецкая слобода.

7 сентября — 16 октября. Знаменитая охота императора Петра II.

12 ноября. В Березове «приливом крови» умер 57-летний опальный князь А.Д. Меншиков. Живя здесь, он выстроил на свои деньги церковь, в которую ежедневно ходил молиться, и исправлял там должность дьячка. Последние годы он провел в посте и молитве, беседуя с местными стариками о тщете мира сего и о подвигах святых мучеников. В 1821 году, когда вскрывали могилу князя, нашли его останки нетленными, что и дало повод березовским жителям, как утверждает С. Максимов, почитать опального князя как праведника. Это, однако, скорее всего не соответствует истине, поскольку к 1821 году могилы Меншикова уже не существовало — ее размыла и унесла река Сосьва.

13 ноября. В Москве родился Александр Васильевич Суворов.

19 ноября. Объявлено об обручении Петра II с княжной Екатериной Алексеевной Долгорукой.

30 ноября. Помолвка Петра II с княжной Е.А. Долгорукой. Свадьбу назначили на 19 января 1730 года.

Появление первой сатиры Антиоха Кантемира «На хулящих учение».

ПРАВЛЕНИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ (1730—1740)

1730 год

6 января. Петр II простудился на водосвятии в Москве и заболел оспой.

7 января. В Лефортовском дворце на заседании Верховного тайного совета кандидатом в государи названа вдовствующая герцогиня Курляндская Анна Иоанновна — дочь царя Иоанна, правившего вместе с Петром I. Анна Иоанновна должна была подписать кондиции, ограничивавшие ее власть.

18 января. В ночь на 19 января, крикнув: «Запрягайте сани, хочу ехать к сестре!», умер от оспы 14-летний император Петр II.

19 января. В.Л. Долгорукий повез «кондиции» в Митаву к Анне Иоанновне. «Государыня обещает сохранить Верховный тайный совет в числе восьми членов и обязуется без согласия с ним не начинать войны и не заключать мира, не отягощать подданных новыми налогами, не определять никого к важным делам, не жаловать вотчин, не отнимать без суда живота, имущества и чести у шляхетства и не употреблять в расходы государственных доходов».

1 февраля. В Москву вернулся генерал Леонтьев, он привез из Митавы подписанные Анной Иоанновной кондиции и закованного в цепи гонца оппозиционеров полковника П.С. Сумарокова.

2 февраля. Верховники собрали Сенат, Синод и генералитет, чтобы утвердить кондиции. Но все разошлись, не подписав предложенного Верховным советом протокола.

Вечером в доме сенатора Василия Яковлевича Новосильцева прошло собрание, на котором оформилась «шляхецкая» оппозиция верховникам. В.Н. Татищев предложил проект, по которому Верховный совет должен был быть распущен, ибо он действовал, скрывая свои планы от Синода, Сената и генералитета.

5 февраля. Полярное сияние на Украине.

10 февраля. Анна Иоанновна остановилась во Всехсвятском под Москвой.

12 февраля. Анна Иоанновна объявила себя полковником Преображенского полка и капитаном роты кавалергардов.

14 февраля. Министры, сенаторы, представители генералитета и дворянства прибыли во Всехсвятское, чтобы представиться императрице. Отвечая на речь М.Д. Голицына, Анна Иоанновна подчеркнула, что она восходит на трон как дочь старшего брата Петра и ее избрание единственно возможный по закону акт.

15 февраля. Охраняемая кавалергардами, капитаном которых она объявила себя, Анна Иоановна въехала в Москву.

18 февраля. Верховный тайный совет обсудил и утвердил форму присяги новой государыне.

20 февраля. Присяга императрице. Гвардейские полки к присяге Анне Иоанновне приводили сами реформаторы, командиры этих полков, фельдмаршалы Долгорукий и Голицын.

25 февраля. Анна Иоанновна получила челобитную от дворянства с просьбой «подписанные Вашего Величества рукою пункты уничтожить». Анна Иоанновна исполнила просьбу дворян. Попытка верховников ограничить самодержавие оказалась сорванной.

4 марта. Распущен Верховный тайный совет. Восстановление Правительствующего Сената.

24 марта. Во вторник на Страстной седмице объявлена опала на Долгоруких. Они сосланы в село Никольское Пензенской губернии.

4 апреля. Обед, данный Анной Иоанновной офицерам гвардии.

28 апреля. Коронация Анны Иоанновны в Москве.

8 мая. Установлены жестокие наказания за «совращение» в раскол.

27 мая. Скончался святой праведный Иоанн Русский. Он попал в плен в 1711 году во время неудачного Прутского похода Петра I, был продан в рабство начальнику оттоманской конницы. На уговоры отступить от православной веры Иоанн отвечал: «Ничтоже мя отлучит от любви Христовой... Я — русский, верный слуга земного царя моего, хотя и пленен тобою, но небесному Царю истинного служения и правыя веры никогда не отрекусь: в христианстве родился, христианином и умру». Исполняя свои обязанности раба, ночью Иоанн ходил тайком в церковь Св. Георгия, там он читал всенощное бдение и каждую субботу причащался Святых Таин. В 1951 году нетленные мощи перевезены на остров Эвбей в село Неон Прокопион. Канонизирован в 1962 году.

9 июня. Учреждены ярмарки в Смоленске и Торопце, определены торговые дороги через польскую границу.

12 июня. Сосланы в Березов Алексей Григорьевич Долгорукий, супруга его Прасковья Юрьевна, дети их: Иван со своей женой Натальей, Николай, Александр, Алексей, дочери Елена, Анна (невеста Петра II), Екатерина. Они заключены в тот же острог, где содержались Меншиковы. Василий Лукич Долгорукий заключен в Соловецкий монастырь.

22 сентября. По инициативе Бирона сформирован новый гвардейский полк — Измайловский, исключительно из украинских ландмилицких команд. Офицерами в него были назначены остзейские немцы, а командование полком вверено графу Карлу Густаву Левенвольде.

30 сентября. Перенесение в Успенскую церковь Киево-Печерской лавры мощей первого митрополита Киевского и всея Руси святого Михаила, скончавшегося 15 июня 992 года.

В Петербурге появился Алексей Григорьевич Разумовский. Полковник Вишневецкий привез его из села Чемеры для придворного хора певчих.

Учреждена артиллерийская школа в Петербурге.

30 ноября. В Москве введено постоянное уличное освещение.

9 декабря. Анна Иоанновна отменила петровский указ о единонаследии, принуждавший младших дворянских детей искать себе гражданскую службу, а родителей их, стремящихся не обидеть младших детей, обременять свои поместья долгами.

Преобразование архиерейских школ в семинарии.

1731 год

1 января. Конный полк получил почетное наименование — «лейб-гвардии».

3 января. Анна Иоанновна приняла первых китайских послов, отправленных богдыханом Юнженем и прибывших в Москву на 181 подводе. Указ о караванном торге с Китаем.

Добровольное вхождение казахского Младшего Жуза в состав России.

Январь. С рыбным обозом из Холмогор пришел в Москву 19-летний помор Михайло Ломоносов, «гоняющийся за видом учения везде, где казалось быть его хранилище». Ломоносов был принят учеником в Славяно-греко-латинскую академию при Заиконоспасском монастыре.

13 марта. Уничтожение различия между вотчинами и поместьями.

17 марта. Указ, отдавший архангелогородские промыслы в компанию Евреиновых.

19 марта. Открытие первого в России Ладожского обводного канала. Все таможенные и кабацкие сборы на этом канале были отданы «в диспозицию» директору строительства Бурхарду-Христофу Миниху.

10 мая. Указ об образовании Охотской военной флотилии. Начало строительства верфи в Охотске. Основание ее поручено находящемуся в Жиганске в ссылке бывшему директору Морской академии и обер-прокурору сената Г.Г. Скорнякову-Писареву.

16 июня. Иностранцам разрешено свободно торговать в России.

27 июля. Указ об укреплении «закамской линии». Учреждение ландмилицких полков.

29 июля. В Петербурге учрежден по проекту фельдмаршала Б.Х. Миниха Кадетский корпус, избавивший дворянских детей от солдатской службы. Выпускники корпуса поступали офицерами на военную службу. В то же время для солдатских детей открываются гарнизонные школы, в которых обучали грамоте, арифметике, военным дисциплинам и ремеслам.

27 августа. Умерла 62-летняя царица Евдокия Федоровна, первая жена царя Петра I, мать царевича Алексея, бабушка императора Петра II. Евдокия Федоровна — урожденная Авдотья Илларионовна Лопухина, дочь стрелецкого головы Иллариона Аврамовича Лопухина (позже — стольник и окольничий Алексея Михайловича). Имя и отчество царской невесте поменяли перед свадьбой, что должно было отвести от нее порчу.

В 1698 году сослана в Суздальский Покровский монастырь и насильно пострижена в монахини под именем Елена. В 1727 году возвращена в Москву; проживала в Кремле, затем в Новодевичьем монастыре.

18 октября. Учрежден кабинет министров. В него вошли граф А.И. Остерман, князь А. Черкасский, граф Г.И. Головкин. Сенат лишен верховной власти. Синод подчинен Сенату, в результате чего все православные архиереи попали в зависимость от лютеранина Остермана.

Восстановлена Канцелярия Тайных розыскных дел.

27 ноября. Скончался 51-летний Святой Иннокентий (Кульчицкий) Иркутский, первый в Сибири прославленный чудотворец.

Крестьянам запрещено брать подряды, торговать в портах, заводить фабрики.

Подьячий Г.Г. Крякутный в Рязани изготовил воздушный шар, «надул дымом поганым и вонючим, от него зделал петлю, сел в нее и нечистая сила подняла его выше березы, и после ударила о колокольню, но он уцепился за веревку, чем звонят, и остался тако жив». Его выгнали из города.

Выпущена на немецком языке русская грамматика Василия Евдокимовича Адодурова, первого русского академика.

Принята в русское подданство малая киргиз-кайсацкая орда.

Возвращены из ссылки Меншиковы. Сын Меншикова пожалован поручиком Преображенского полка, а дочь — фрейлиной. Анна Иоанновна выдала ее замуж за брата Бирона — Густава.

Основана Иркутская суконная фабрика.

Создание Комиссии новокрещенских дел.

1732 год

Для изучения Сибири от Академии наук командирован историк Г.Ф. Миллер.

16 января. Переезд двора Анны Иоанновны в Петербург.

21 января. Подписан Рештский договор. Стараясь настроить Персию против Турции, Россия возвратила Персии Дербент и Баку.

18 марта. Указ об укреплении «царицынской линии».

21 марта. Указ о вывозе рабочих и мастеровых людей в Петербург.

17 апреля. Витус Беринг назначен руководителем 2-й Камчатской экспедиции.

Устройство «украинской линии». Начало землевладельческой экспансии на юг.

12 июня. Сестрорецкие заводы отданы в артиллерийское ведомство.

Объявлено, что русский престол после Анны Иоанновны должен перейти в мужское потомство Екатерины, дочери царя Ивана. Петр I выдал свою племянницу замуж за мекленбургского герцога, но она не ужилась с мужем и в 1719 году вернулась в Россию с дочерью Елисаветой Екатериной Христиной.

Беглый драгун Нарвского полка Ларион Стародубцев объявил себя сыном Петра I — Петром Петровичем. Стародубцева схватили и после пыток в Тайной канцелярии труп его сожгли.

Открыта навигационная школа в Охотске.

Учреждение миссионерства для обращения раскольников.

Начало миссионерской деятельности Иркутского епископа Иннокентия (Неруновича), просветителя Восточной Сибири.

28 декабря. Решение Сената об организации Великой Северной экспедиции.

1733 год

Умер польский король Август. Россия и Австрия поддерживали кандидатуру на польский престол курфюрста саксонского — сына умершего короля, Франция — Станислава Лещинского. Начало войны за польское наследство.

12 мая. Племянница императрицы Анны Иоанновны Елисавета Екатерина Христина перешла в православие и наречена Анной Леопольдовной.

22 июля. Родился историк князь Михаил Михайлович Щербатов.

Август. Россия поддерживает кандидатуру Августа III на польский престол и выступает против кандидата Франции — Станислава Лещинского.

26—29 сентября. Переправа корпуса П.П. Ласси на левый берег Вислы и взятие Варшавы.

22—24 октября. Установлена граница между Россией и Джунгарским ханством (часть территории современного Северо-Западного Китая).

Сильная засуха. Голодный год.

Начало второй экспедиции Витуса Беринга, которая получит название «Великой Северной». В экспедиции участвовали А.И. Чириков, М.П. Шпанберг, С.И. Челюскин, Ф.А. Минин, Д.Л. Овцын, Д.Я. и Х.П. Лаптевы, В.В. Прончищев, имена которых можно сейчас найти на географических картах.

Основан Архангельский порт.

15 ноября. Агафья Карповна, слывшая богородицей у скопцов, приговорена к смертной казни.

2 декабря. Прибытие Беринга в Тобольск.

1734 год

16 февраля. Выступление экспедиции Беринга из Тобольска.

Издана первая печатная Генеральная карта Российской империи. Ее создателем был географ и картограф Иван Кириллов.

12 марта. Крестьянам запрещено заводить суконные фабрики.

9 апреля. Окончательное вступление в русское подданство киргиз-кайсаков. Киргиз-кайсацкому Абулхаил-хану отправлена похвальная грамота за приведение в русское подданство Большой Кайсацкой орды и Аральского хана.

15 мая. Ушел из Тобольска на дубель-шлюпке «Тобол» лейтенант Овцын. Спустившись по Оби, он первым из мореплавателей прошел по восточному рукаву Обской губы и спустился в Карское море.

Только вдовым попам и дьяконам разрешено постригаться в монахи.

30 июня. Русские войска овладели крепостью Данциг (Гданьск), где засели сторонники Станислава Лещинского. Победа России в войне за польское наследство.

Переход Запорожской Сечи под власть русского правительства.

7 августа. Судебный процесс о хлыстовском «корабле» в московском Ивановском монастыре. Трое обвиняемых были казнены, 116 человек биты кнутом и сосланы в Сибирь.

Страшный неурожай. Велено отбирать у купцов зерно в казну, чтобы владельцам хлеба доставалось не более 10 % барыша.

Сентябрь — октябрь. В ответ на нападение крымских татар совершен поход на Крым отряда генерала Леонтьева. Не дойдя до полуострова, войска возвращаются назад из-за наступивших в степи холодов. Начало Русско-турецкой войны (1735—1739).

23 октября. Прибытие отрядов экспедиции Беринга в Якутск.

27 декабря. Мастера Моторины закончили отливку знаменитого кремлевского Царь-колокола.

Междугетманство.

1735 год

Основана Кизлярская крепость.

10 марта. Ганджийский договор с Персией. Подтверждение договора от 21 января 1732 года о сносе ряда армянских церквей.

Участие русских войск на стороне Австрии в войне с Францией.

10 апреля. В Нижнем Новгороде родился Иван Кулибин — русский механик-изобретатель.

Карательная экспедиция в старообрядческий центр — на остров Ветку. С острова выселено 14 000 человек.

Неурожай. Голодный год.

Создана Азовская флотилия.

Пожар в Москве.

Крымский поход Б. Миниха.

21 мая. Взята Перекопская крепость, закрывавшая путь в Крым.

27 июня. Б. Миних взял и сжег ханскую столицу Бахчисарай.

3 июля. Сожжена ханская ставка в Акмечети (Симферополь).

28 июля. Взорвав перекопские укрепления, армия Миниха вернулась на Украину.

Отряды В. Прончищева и П. Ласиниуса на дубель-шлюпках «Якутск» и «Иркутск» начали исследование северных берегов Сибири к западу и востоку от устья Лены.

В.К. Тредиаковский издает «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний».

15 августа. Бывший обер-секретарь Сената Иван Кириллович Кириллов основал Оренбургскую крепость.

Начало башкирского бунта, продолжавшегося до 1740 года.

25 ноября. Иван и Михаил Моторины отлили 196-тонный Царь-колокол, самый тяжелый в мире. Диаметр его 5,9 м, высота 5,87 м.

1736 год

7 января. Указ о прикреплении «мастеровых людей» к мануфактурам. Все работные люди (в том числе вольнонаемные) становились крепостными владельцев заводов.

31 мая. Д.Я. Лаптев, сменивший погибшего от цинги П. Ласиниуса, начал исследовать побережье Ледовитого океана к востоку от устья Лены.

19 июня. Фельдмаршал Ласси взял Азов.

24 июня. Рождество Иоанна Предтечи. Сильный пожар в Петербурге уничтожил здания на Дворцовой набережной, на Миллионной улице и набережной реки Мойки. Обличенные поджигатели сжигались на месте преступления.

Август. Лейтенанты С.Г. Малыгин и А.Н. Скуратов прошли по морю из Архангельска через Югорский Шар в Карское море.

8 сентября. Рождество Пресвятой Богородицы. Умер Феофан Прокопович, крупнейший идеолог и поборник проведения протестантской реформы в Православной церкви. Умирая, он приставил ко лбу палец и сказал: «О, главо, главо! Разуму упившись, куда ея приклонить?!»

31 декабря. Указ, по которому дворяне должны были приводить своих семилетних сыновей для определения к учебе в столицах — к герольдмейстеру, а в губерниях — к губернатору. В 16 лет положено было сдавать экзамен по арифметике и геометрии, после которого определять их в кадетский корпус или Морскую академию, а менее способных — на гражданскую службу. Срок обязательной для дворян службы ограничен 25 годами.

Герцог шлезвиг-голштинский Карл Фредерик учредил орден Св. Анны в честь супруги — цесаревны Анны Петровны. К русским орденам его причислил император Петр III.

Основан Шостенский пороховой завод.

Указ о наборе солдат из духовенства.

Начало «разборов» духовенства (рекрутские наборы).

1737 год

9 января. Конвенция России и Австрии о союзе против Турции.

Март. Первые забастовки «мастеровых» людей на суконных фабриках.

14 апреля. В Шлиссельбурге погребен узник этой крепости — князь Дмитрий Михайлович Голицын, бывший фельдмаршал, бывший член Верховного тайного совета, автор первой российской конституции — кондиций, которые должны были ограничить самодержавную власть.

12 июля. Армия Миниха взяла Очаков. Во время бомбардировки взорвался пороховой погреб, и турецкий гарнизон вынужден был капитулировать. Когда убирали трупы, насчитали 17 000 погибших защитников крепости.

Войска под командованием фельдмаршала П.П. Ласси, перейдя вброд через Сиваш, опустошили Крым. Разорен город Карасубазар, сожжено около 1000 татарских деревень.

Лейтенант Д.Л. Овцын прошел из Оби в Енисей, нанеся на карту берега Северного Ледовитого океана.

25 сентября. Родился Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский.

29 октября. Начало осады турками Очакова. Отбить город они не смогли и 10 ноября отошли, бросив под Очаковым огнестрельный запас.

Возникновение секты «филипповцев».

Основан крупный кожевенный завод в Нежине.

Декабрь. Овцын пишет рапорт Берингу о проходе из Оби в Енисей.

1738 год

Основан Барнаул. Он вырос вокруг плавильного завода, основанного Демидовым.

Артемий Волынский назначен кабинет-министром.

Появление масонов в России.

В Подесенье появился «царевич Алексей Петрович» — работный человек Иван Миницкий. Его тут же схватили и посадили на кол.

18 июня. Начало экспедиции М.П. Шпанберга. Корабли «Архангел Михаил», «Надежда», «Архангел Гавриил» ушли из Охотска в Японию.

Июнь — июль. Неудачный поход Миниха к Днестру. Из-за жары и эпидемии армия вынуждена отступить. Осталась половина армии. Неудачей закончился и поход армии Ласси в Крым. Из-за эпидемии чумы русские вынуждены оставить Очаков.

31 июля. Беринг получил в Охотске рапорт Овцына.

7 октября. Родился Андрей Тимофеевич Болотов — ученый-агроном, писатель, издатель, мемуарист.

1739 год

Введение института губернских прокуроров.

Военная экспедиция на Выг. Арест крупного деятеля старообрядчества Семена Денисова.

3 марта. Издание Берг-регламента, определившего правила разработки недр.

21 мая. После зимовки в Большерецке суда Шпанберга ушли к Японии.

3 июля. Свадьба племянницы императрицы принцессы Анны Леопольдовны (внучки царя Ивана) с принцем Антоном Ульрихом Брауншвейг-Бевернским.

17 августа. Победа русской армии над турками при Ставучанах. Турки окружили армию Миниха, но, загатив считавшееся непроходимым болото, русским войскам удалось прорваться в турецкий лагерь. Началось беспорядочное отступление турецких войск.

19 августа. Взятие Минихом крепости Хотин.

29 августа. Возвращение в Охотск кораблей Мартына Шпанберга из второго плавания в Японию. Никакого договора с японцами заключить не удалось.

10 сентября. Войска Миниха вошли в Яссы. Депутаты от молдавских бояр обратились с просьбой принять Молдавию в русское подданство.

18 сентября. Белградский мир Австрии с Турцией, сведший к нулю все победы России в войне (1735—1739). Россия также вынуждена была заключить мир. Она приобретала Азов без укреплений и не имела права заводить на Черном море военные и торговые корабли.

Осень. М.В. Ломоносов написал «Оду на взятие Хотина»,

8 ноября. В Новгороде колесован князь Иван Алексеевич Долгоруков. Его братьям Николаю и Александру вырвали языки. Алексея отправили матросом на Камчатку.

В Петербурге в Петропавловской крепости начала стрелять пушка, извещающая о наступлении полудня.

Моровая язва на юге России.

26 ноября. Указ Анны Иоанновны об усилении борьбы с юродством.

1740 год

17 февраля. Грандиозная потеха в Петербурге. Свадьба шутов князя Голицына и вдовы Бужениновой в Ледяном доме, выстроенном академиком Г. Крафтом на Неве между Зимним дворцом и Адмиралтейством. «Всего удивительнее то, что фасад дома был украшен восьмью ледяными пушками на лафетах, и при стрельбе из них оне выдерживали заряд в три четверти фунта пороха», — сообщал в Париж маркиз де ла Шетарди. Особенно восхитило свидетелей, что железное ядро, выпущенное из ледяной пушки с расстояния шестидесяти шагов, насквозь пробило доску толщиной в два дюйма.

12 апреля. На Светлой седмице по обвинению в заговоре против Бирона арестован Артемий Петрович Волынский. Предлогом для ареста кабинет-министра послужило избиение

им поэта Тредиаковского, но на допросах в Тайной канцелярии выяснилось, что Волынский неуважительно высказывался об императрице («дескать, наша государыня гневается, иногда сам не знаю за что, резолюции от нее никакой не добьешься, герцог что захочет, то и делает»).

Учреждение миссии под начальством архимандрита Димитрия Сеченова для обращения мордвы, чувашей, черемисов и вотяков.

17 мая. Родился скульптор Федот Иванович Шубин.

27 июня. Казнь кабинет-министра А.П. Волынского. Ему отрубили вначале руку, а потом и голову. Язык у Волынского вырвали еще накануне. Вместе с Волынским казнены советник А.Ф. Хрущев и архитектор П.М. Еропкин. Вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Федору Ивановичу Соймонову вырваны ноздри, он бит кнутом и отправлен в каторжную работу на Охотский солеваренный завод.

Голодный год.

12 августа. Родился принц Иван (Иоанн) VI Антонович — сын Анны Леопольдовны и Антона Ульриха, правнук Ивана V. В честь рождения его были устроены в Санкт-Петербурге салют и иллюминация. Это самое яркое, что успел увидеть несчастный царевич, почти всю жизнь ему было суждено провести в заключении.

5 октября. За обедом потеряла сознание и слегла императрица Анна Иоанновна. Она объявила наследником русского престола своего внучатого племянника, сына принца Антона Ульриха и Анны Леопольдовны Мекленбургской — Ивана VI Антоновича.

6 октября. Основан Петропавловский острог на берегу залива Авача. Название ему дали корабли Беринга «Святой Петр» и «Святой Павел», зазимовавшие здесь.

16 октября. Бирон назначен регентом при младенце-наследнике.

17 октября. В девять часов вечера, сказав Бирону: «Не бойсь!», 48-летняя Анна Иоанновна умерла. Императором провозглашен Иван VI Антонович, регентом — Бирон, которому Сенат назначил жалование в 500 тысяч рублей в год, в то время как родителям императора было определено содержание в размере 200 тысяч рублей.

ПРАВЛЕНИЕ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ (1740—1741)

1740 год

7 ноября. Миних совершил дворцовый переворот. Герцог Курляндский Эрнст Иоганн Бирон арестован и сослан в Пелым.

9 ноября. Регентом при младенце Иване VI Антоновиче назначена его мать — Анна Леопольдовна. Власть в стране оказалась в руках Брауншвейгской фамилии.

16 декабря. Заключен оборонительный союз с Пруссией.

Каракалпаки заявили о своем желании вступить в русское подданство.

Плавание Харитона и Дмитрия Лаптевых в Северном Ледовитом океане.

Устроена первая мануфактура в Астрахани.

1741 год

4 июня. Начало плавания В. Беринга и А. Чирикова.

15 июля. На пакетботе «Святой Павел» Алексей Ильич Чириков достиг побережья Северо-Западной Америки. Открытие Аляски.

24 июля. Швеция объявила войну России в надежде вернуть земли, утерянные по Ништадтскому миру. Однако одной из причин войны была объявлена необходимость вернуть русский престол потомству Петра Первого.

23 августа. Русскими войсками под командованием фельдмаршала Ласси взята шведская крепость Вильманстранд.

Погиб Иван Матвеевич Краснощеков, казачий атаман, любимый герой казачьих песен.

2 сентября. Принят Суконный регламент.

3 октября. Обер-прокурором Святейшего синода назначен (без принятия дел) Н.С. Кречетников.

10 октября. Корабль Алексея Чирикова «Святой Павел» вернулся в Авачинскую бухту.

22-летняя Анна Леопольдовна объявила о своем решении принять титул императрицы. Торжество было назначено на 9 декабря — день ее именин.

5 ноября. Открыт остров Беринга, который Беринг принял вначале за берег Камчатки. Штормом разбило судно; выбраться с острова удалось немногим.

ПРАВЛЕНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ (1741—1761)

1741 год

25 ноября. Ночью 32-летняя Елизавета Петровна, вставшая во главе роты гренадеров Преображенского полка, арестовала Миниха, Левенвольде, Остермана. Войдя в спальню Анны Леопольдовны, Елизавета разбудила ее словами: «Сестрица, пора вставать!» Брауншвейгская фамилия была арестована, а младенец Иван VI Антонович увезен во дворец Елизаветы.

1 декабря. Указ о возвращении из ссылки Антона Мануиловича Девиера и Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева.

2 декабря. Иван Антонович отправлен со своими родителями в ссылку. Вначале его увезли в Ригу.

8 декабря. На острове Беринга «в пятом часу утра преставился 60-летний капитан-командор Витус Беринг, команду принял лейтенант Ваксель».

12 декабря. Упразднен Кабинет министров и восстановлено прежнее значение Сената.

18 декабря. Проповедь архимандрита Заиконоспасского монастыря Кирилла Флоринского: «Се аз семя отца твоего Петра Великого седох на престоле твоем». Начало установления в России петровского культа.

Освобождение духовных лиц, пострадавших при императрице Анне Иоанновне.

31 декабря. Обер-прокурором Святейшего синода назначен князь Я.П. Шаховской.

1742 год

22 января. Манифест об отмене смертной казни Остерману, Миниху и другим членам «немецкой партии». О помиловании им было объявлено уже на эшафоте. Управление внешней политикой поручено А.П. Бестужеву-Рюмину.

5 февраля. Петр III прибыл в Петербург.

Учреждение в Казанской губернии школ для обучения «новокрещенных иноверческих детей».

18 апреля. Пасха. Волнения в гвардейских полках. Избиение в Семеновском полку офицеров-иностранцев.

25 апреля. Антипасха. В Москве торжества по случаю коронации императрицы Елизаветы Петровны.

9 мая. Экспедиция С.И. Челюскина достигла северной оконечности Евразии — мыса, названного впоследствии в честь его первооткрывателя.

Июнь. Камер-лакей Турчанинов, прапорщик Ивашкин, сержант Сновидов составили заговор умертвить Елизавету и возвести на престол Ивана Антоновича. Заговорщикам вырваны ноздри и все сосланы в Сибирь.

28 июня. Возобновление боевых действий на театре русско-шведской войны. 36-тысячная армия П.П. Ласси взяла шведскую крепость Фридрихсгам.

7 августа. Русскими взята крепость Нейшлот.

24 августа. Капитуляция шведских войск в районе Гельсингфорса (ныне Хельсинки) перед русской армией фельдмаршала П.П. Ласси.

15 октября. Перенесен вниз по Уралу город Оренбург.

6 ноября. В придворной церкви московского Яузского дворца крещен внук Петра Первого, сын Анны Петровны и герцога Готторпского Карла-Фридриха — герцог Карл Петр Ульрих. Он становится Петром Федоровичем.

7 ноября. Петр Федорович провозглашен престолонаследником. Голодный год.

Экономические записки В.Н. Татищева.

Миссионерская деятельность архимандрита Иоасафа Хутунцевича на Камчатке, принесшего сюда свет православия. Иоасаф основал школы, в которых крещеные камчадалы обучались грамоте.

13 декабря. Елизавета Петровна перевела из Риги в крепость Динамюнде семейство Анны Леопольдовны и Антона Ульриха, где у Анны Леопольдовны родилась дочь Елизавета.

Возвращение Синоду титула «Правительствующий».

Учреждение Троицкой семинарии.

Обращение архиепископа Амвросия (Юшкевича) и митрополита Арсения (Мацеевича) к императрице с просьбой о восстановлении патриаршества.

Учреждение Санкт-Петербургской и Московской епархий.

1743 год

Вторая ревизия «податного населения», насчитавшая 6 643 335 человек мужского пола податных классов.

Указ, ограничивающий роскошь. «Шелковой парчи платье в четыре рубля аршин» могли носить только особы первых пяти классов. Лицам следующих трех классов дозволялось носить парчу по три рубля аршин. Не имеющим рангов запрещалось носить и бархатную одежду, и шелковые подкладки. Ткани и сукна дороже семи рублей за аршин вообще запрещалось ввозить в Россию. У купцов такие товары конфисковались, а с покупателей брались штрафы на госпитали.

Сечены кнутом и сосланы в Сибирь с урезанными языками Лопухины, графиня А. Бестужева, И. Мошков, князь И. Путягин, А. Зыбин, С. Лилиенфельд, злоумышлявшие избрать императором Ивана Антоновича. Софья Лилиенфельд, когда вынесли приговор, была беременна. Поэтому ее было указано сечь плетьми и сослать в Сибирь уже после разрешения от бремени.

20 мая. В сражении при Корпо флотилия во главе с капитаном 1-го ранга Кайсаровым нанесла поражение шведской эскадре адмирала Фалькенгрена.

3 июля. В Казани родился будущий сенатор, член Верховного совета, государственный казначей, министр юстиции, действительный тайный советник поэт Гаврила Романович Державин. От рождения он был очень слаб, и «по тогдашнему в том краю непросвещению» его запекали в хлеб, «дабы получил он сколько-нибудь живности». «Бог» было первое слово, которое он выговорил.

Учреждена инженерная школа в Москве.

Установлена цензура Синода на ввозимую из-за границы духовную литературу.

7 августа. Заключен мир со Швецией в Або. К России отошла территория Финляндии до реки Кимене (крепости Фридрихсгам, Вильманстранд, Нейшлот, провинция Кименегердская, приход Пильтен и т.д.). По настоянию императрицы Елизаветы Петровны на шведский престол был посажен голштинский принц Адольф Фридрих, Любский епископ, брат умершего жениха Елизаветы Петровны.

Во всех школах вводится обязательное преподавание Закона Божьего.

Указ об уничтожении мусульманских мечетей в Мордовии.

1744 год

25 января. Указ императрицы Елизаветы Петровны с предписанием не ездить по улицам «слишком шибко» и держаться правой стороны.

Январь. Семейство Анны Леопольдовны и Антона Ульриха переведено в Ранненбург (под Рязанью).

3 февраля. В Россию приехала Софья Августа Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская, будущая императрица Екатерина II.

11 мая. Запрещено ввозить в Россию медную монету и вывозить золото и серебро.

17 мая. Манифест об отмене смертной казни.

25 мая. В Петербурге основан первый в России фарфоровый завод.

15 июня. Перепись рабочих фабрик и мануфактур.

28 июня. В Успенском соборе Московского Кремля состоялась церемония перехода в православие Софьи Августы Фредерики.

В святом крещении она стала Екатериной Алексеевной.

29 июня. Петр Федорович обручен с Екатериной Алексеевной.

9 июля. Организация консисторий по всем епархиям.

Издан первый русский учебник по механике — «Книга, содержащая в себе учение о равновесии и движении тел» С.К. Котельникова.

27 июля. Указ Елизаветы, подтвердивший петровское разрешение покупать к фабрикам деревни.

Конец августа. Решено перевести семейство Анны Леопольдовны и Антона Ульриха из Ранненбурга в Архангельск. Путешествие продолжалось два с половиной месяца. Из-за невозможности в это время года достичь Архангельска, барон Корф, сопровождавший узников, поместил их в архиепископском доме в Холмогорах.

Голодный год. Запрещен вывоз хлеба за границу.

Возведение Троице-Сергиева монастыря в статус Лавры.

Упразднена коллегия экономии, все монастырские вотчины возвращены в управление Синода.

Издание Устава духовных консисторий.

Родилась княжна Августа (Тимофеевна) Тараканова. Некоторые исследователи полагают, что она была плодом морганатического брака Елизаветы Петровны с А.Г. Разумовским.

Смерть 36-летнего Антиоха Дмитриевича Кантемира — поэта, дипломата.

1745 год

1 января. В восьмой роте лейб-гвардии Семеновского полка начал действительную службу Александр Васильевич Суворов.

25 января. М.В. Ломоносов завершил диссертацию «О причине тепла и холода».

13 февраля. В деревне Бурнаково Ярославской губернии родился будущий флотоводец, адмирал Федор Федорович Ушаков.

Академия наук издала первый полный географический атлас России.

В ожидании войны китайцев с джунгарами присланы в Сибирь Ширванский и Нотебургский пехотные, Вологодский, Олонецкий и Луцкий драгунские полки под началом генерал-майора Киндермана. Этот генерал-майор знаменит тем, что «во избежание казне Ее Императорского Величества ущерба» предложил кормить солдат вместо хлеба березовой истолченной корой.

19 марта. В Холмогорах у Анны Леопольдовны родился сын Петр. Он умер в 1798 году.

Александр II Николаевич (1818—1881)

Старший сын императора Николая I и его жены императрицы Александры Федоровны. Вступил на престол после смерти своего отца. Император с 1855 г.

Александр III Александрович (1845—1894)

Второй сын императора Александра II и его жены императрицы Марии Александровны. Вступил на престол после убийства его отца народовольцами. Император с 1881 г.

Николай II Александрович (1868—1918)

Старший сын императора Александра III и императрицы Марии Федоровны. Вступил на престол после смерти своего отца. Император с 1894 г. В 1917 г. подписал акт об отречении от престола, расстрелян в 1918 г. Последний российский император

Икона Царственных мучеников. 2000 г.

3 апреля. Родился Денис Иванович Фонвизин, русский драматург.

Засушливое лето. Голодный год.

25 августа. Бракосочетание великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны. Образцами для церемониала служили свадьба французского дофина в Версале и бракосочетание сына короля Августа III в Дрездене. Празднества продолжались 10 дней. После свадьбы мать будущей русской императрицы Иоганна Елизавета была навсегда удалена из России. Она умерла в 1760 году в Париже.

Дело о хлыстах, возникшее по доносу сыщика Ваньки Каина, вскрыло десятки хлыстовских общин по всей стране.

5 сентября. Родился будущий полководец, генерал-фельдмаршал, светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.

1746 год

Крестьянам запрещено жаловаться на своих господ.

17 февраля. Указ, запрещающий кому-либо кроме дворян покупать «людей и крестьян».

27 февраля. В Холмогорах Анна Леопольдовна родила сына Алексея. Он умер в 1787 году.

7 марта. Скончалась в ссылке в Холмогорах 27-летняя Анна Леопольдовна, бывшая правительница России. Несмотря на все испытания, Анна Леопольдовна родила еще трех детей (двух сыновей и дочь, ранее она родила еще одну дочь). Муж, Антон Ульрих, пережил ее на тринадцать лет и умер 4 мая 1774 года. Дети росли, но были болезненными и слабыми. Погребена в Петербурге в Александро-Невской лавре рядом с матерью.

10 мая. Завершено составление «Карты генеральной Российской империи северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам, с частью вновь найденных через морское плавание западных американских и острова Япона» — результат трудов Великой северной экспедиции Витуса Беринга.

22 мая. Подписан австро-русский оборонительный союз. Стороны обязывались предоставлять друг другу военную помощь и поддержку.

10 июня. Конвенция с Данией о «взаимной друг другу помощи» во время войны.

Президентом Академии наук назначен 19-летний Кирилл Разумовский — брат фаворита императрицы А.Г. Разумовского.

30 августа. Императрица Елизавета Петровна издала Указ, запрещающий публично браниться непристойными словами.

1747 год

Заключен оборонительный договор с Австрией и Англией.

Запрещено вырабатывать промышленные товары всем, кроме «настоящих фабрикантов».

Начало разработки соли на озере Эльтон.

24 июня. Регламент Академии наук и художеств в Петербурге.

Издание «Телемака» Франца Фенслона в русском переводе.

7 октября. Скончался знаменитый 46-летний инок-подвижник Василий Григорьевич Барский. 24 года он странствовал по святым местам и описал святыни Италии, Афона, Святой Земли и словенских земель.

10 ноября. Указ о приписке помещичьих дворовых людей к деревням. Разрешено продавать крепостных в рекруты.

1747 г. + 3253 г. до Р.Х. = 5000 лет исполнилось со времени Всемирного потопа...

1748 год

Указ Академии наук о печатании переводных книг.

М.В. Ломоносов открыл закон сохранения материи и движения.

Апрель. Поход корпуса В.А. Репнина на Рейн для защиты Голландии от французов. Разрыв дипломатических отношений с Францией. Поход Репнина содействовал скорейшему заключению Ахенского мира, прекратившего войну за австрийское наследство.

Засуха. Нашествие саранчи. Повсеместный неурожай. Голодный год.

Октябрь. М.В. Ломоносов создал первую в России химическую лабораторию.

24 декабря. А.П. Бестужеву-Рюмину удалось провести придворную интригу, в результате которой был арестован личный врач Елизаветы Петровны — Иоган Герман Лесток, получивший пансион от французского и прусского посланников. Следствие над Лестоком длилось больше года. Его поднимали на дыбу, но он так и не сознался ни в чем. Тем не менее его сослали в Устюг, имущество конфисковали и к тому же присудили оплатить судебные издержки. Только за израсходованные в ходе следствия письменные материалы надо было уплатить 800 рублей.

Вышло в свет «Краткое руководство к риторике» М.В. Ломоносова.

1749 год

20 августа. Родился Александр Николаевич Радищев. Императрица Екатерина II назовет его «бунтовщиком хуже Пугачева».

Для пресечения тайного провоза из Лифляндии, Эстляндии и от портов Риги, Ревеля, Аренсбурга и Дерпта иностранных, а из России туда российских товаров, учреждена в Пскове Главная таможня.

1750 год

8 января. Поставлена первая русская пьеса — трагедия А.П. Сумарокова «Хорев».

27 января. Умер последний русский боярин (звание это было отменено Петром I) — фельдмаршал, князь Иван Юрьевич Трубецкой.

Вышел первый том русского перевода книги Г.Ф. Миллера «Описание Сибирского царства».

Начала действовать секта «духоборцев».

Начало гетманства Кирилла Григорьевича Разумовского на Украине.

29 июня. В Ярославле состоялся первый спектакль старейшего из ныне существующих русских театров. Его создателем был актер и режиссер Ф.Г. Волков.

15 июля. Умер 64-летний выдающийся русский историк и государственный деятель Василий Николаевич Татищев.

Начало развития стекольного производства в Сибири.

21 декабря. Указ, узаконивающий частные театры. Начало деятельности в Ярославле Федора Волкова.

Купец Ляхов нашел запасы мамонтовой кости между устьями рек Хатанги и Анабары.

1751 год

Издание в Москве исправленного перевода Библии на славянском языке. Славянский перевод Библии доселе, со времени Острожского издания, оставался почти без перемен.

Издано «Собрание сочинений в стихах и в прозе Михаила Ломоносова».

Основаны железоделательные заводы в Олонецком крае.

Купцом Медведевым на реке Рогалихе, впадающей в Тобол, основана писчебумажная фабрика.

Родился композитор, мастер духовной музыки Дмитрий Степанович Бортнянский.

1752 год

6 февраля. В помещении Немецкого театра ярославской труппой Федора Волкова поставлена трагедия Александра Сумарокова «Хорев». Меньше чем через месяц волковская труппа сыграла в дворцовых покоях пьесу святителя Димитрия Ростовского «О покаянии грешного человека».

Архангельск получил торговые привилегии.

12 марта. Разрешено купцам покупать крестьян на мануфактуры.

Д.И. Виноградов начал выпускать из отечественного сырья первый русский фарфор.

15 декабря. Санкт-Петербургская Академия Морской гвардии преобразована в Морской кадетский корпус.

Основана Петропавловская крепость (Петропавловск в Омской губернии).

Строительство Горькой линии крепостей, соединивших Иртышскую и Оренбургскую линии.

1753 год

29 апреля. Указ Сената об отмене смертной казни в России и замене ее казнью политической. Преступников били кнутом и рвали им ноздри и ссылали на каторгу.

Повторный приказ о приписке к фабрикам всех негодных к службе разночинцев.

7 мая. Императрица повелела Сенату учредить первый в России Государственный банк для дворянства.

26 июля. Убит молнией профессор Георг Рихман, проводивший вместе с М.В. Ломоносовым опыты по изучению атмосферного электричества.

Во время московского пожара во дворце императрицы сгорели четыре тысячи платьев.

18 декабря. Обер-прокурором Святейшего синода выбран А.И. Львов.

Подготовленный Петром Ивановичем Шуваловым Указ об отмене внутренних таможенных сборов: с найма извозчиков, с сплавных судов, с клеймения хомутов, с пригонной скотины, привальные, отвальные, с яицкой рыбы, десятый сбор с мостов и перевозов, с водопоя, с продажи дегтя, с жерунового камня, с горшечной глины, с проезжих грамот и т.д.; и об увеличении привозных и ввозных пошлин до 13 копеек с рубля. Указ этот обозначил перелом в борьбе Шуваловых с канцлером Бестужевым. Отныне его влияние начинает стремительно падать.

Назначение на Иркутскую кафедру святителя Софрония (Кристалевского), ревнителя просвещения в Восточной Сибири.

1754 год

23 января. Представители русского купечества преподнесли императрице Елизавете Петровне бриллиант весом 56 карат в знак благодарности за уничтожение внутренних таможен в России.

13 мая. Чтобы ограничить произвол ростовщиков, учреждены государственные банки, дворянский и купеческий. Капитал Дворянского банка был образован из денег, получаемых от продажи вина.

Заложена крепость Св. Елизаветы (с 1782 г. — Елизаветград).

По инициативе П.И. Шувалова организована комиссия по разработке нового законодательства.

Отмена пошлины на импортный шелк.

Неурожай по всей России. Голодный год.

Началось строительство (1754—1762) Зимнего дворца в Петербурге по проекту архитектора В.В. Растрелли.

Сибирские ссыльные разделены на два разряда: ссыльно-поселенцев и ссыльно-каторжных.

20 сентября. У великой княгини Екатерины Алексеевны родился сын, нареченный Павлом, — будущий российский император. Считалось, что с рождением ребенка — наследника престола, завершается миссия Екатерины II в России. Ребенка сразу отняли у матери, и теперь она «могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать о его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем императрица, и это могло быть принято очень дурно».

10 декабря. Кончина святителя Иоасафа Белгородского, 49 лет от роду. В час его смерти Исаия, игумен Хотмыжского монастыря (Курской губернии), видел во сне, что он со святителем Иоасафом стоит в Белгороде у окна, и святитель, указывая ему на восходящее, ярко сияющее солнце, говорит: «Как солнце сие ясно, так светло предстал я в час сей престолу Божию». Про святителя Иоасафа Белгородского говорили: «Умер он, умерла с ним и молитва».

1755 год

12 января. В день именин своей матушки П.И. Шувалов основал Московский университет. «В Москве у помещиков находится на дорогом содержании великое число учителей, большая часть которых не только наукам обучать не могут, но и сами к тому никаких начал не имеют... которые лакеями, парикмахерами и иными подобными ремеслами всю свою жизнь препровождали».

Указ об учреждении университета говорил о необходимости замены этих «педагогов» сведущими в науках русскими людьми.

М.В. Ломоносов составил грамматику русского языка.

Строительство Кузнецкой и Колывано-Воскресенской казачьих линий в Сибири.

Дворянству дарованы новые привилегии, только им разрешено заниматься винокурением.

Принят Таможенный устав. Отменены внутренние таможенные пошлины.

26 июля. Открыт Московский университет.

19 сентября. «Субсидный» договор России с Англией.

Г.Ф. Миллер начал издавать при Академии наук «Ежемесячные сочинения».

Родилась принцесса Гессен-Дармштадтская Вильгельмина Луиза, будущая великая княгиня Наталья Алексеевна, первая жена великого князя Павла Петровича.

1756 год

Январь. Иван VI Антонович взят по приказу Елизаветы под стражу и заключен в Шлиссельбургскую крепость.

При Московском университете открыта типография.

Открыта университетская библиотека.

Шуваловские реформы. Повышены цены на соль. Введены «непрямые» налоги.

18 августа. Армия прусского короля Фридриха II вторглась на территорию Силезии.

30 августа. Императрица подписала указ об учреждении первого русского «для представления трагедии и комедии» театра в Петербурге. Директором был назначен бригадир А.П. Сумароков. Под театр был отдан конфискованный у графа Г.И. Головкина каменный дом на Васильевском острове.

1 сентября. Россия объявила войну Пруссии. Вступление России в Семилетнюю войну.

8 октября. Указ о «заведении и размножении» стальных и железных фабрик.

31 декабря. В Московской синодальной типографии начато печатание Миней-Четьих. (В 1759 году вышло в свет их синодальное издание, которое без изменений повторяется до сего времени.)

31 декабря. Подписана австро-русская союзная конвенция, определившая вступление России в Семилетнюю войну (1756—1763).

1757 год

Снижен вес медной монеты.

Запрещено рвать ноздри женщинам и клеймить их.

Основана Российская Академия художеств в Петербурге.

Введен покровительственный таможенный тариф.

1 мая. После того как Англия заключила союзный договор с Пруссией, в Версале был заключен оборонительный договор между Россией, Францией и Австрией.

16 мая. Указ Сената о начале похода русской армии на Кенигсберг.

16 июня. Армия С.Ф. Апраксина выступила из Ковно к прусской границе.

25 июня. Русские войска силами корпуса генерала Фермора взяли Мемель — крепость Восточной Пруссии на Куршском заливе.

14 июля. С.Ф. Апраксин занял Вержболово.

23 июля. Генеральное учреждение о ежегодном наборе рекрутов.

Разрешена продажа уральских заводов частным лицам.

31 июля. Русскими частями занят Инстербург.

19 (30) августа. Победа русских войск генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина над прусской армией Левальда при Гросс-Егерсдорфе. Левальд вынужден был отойти, путь на Кенигсберг для русской армии был открыт.

7 сентября. С.Ф. Апраксин по указанию, как считают некоторые исследователи, канцлера А.П. Бестужева приказал отойти от занятых русскими войсками прусских крепостей.

12 (23) сентября. Отступающей армией С.Ф. Апраксина занят Тильзит.

18 (29) сентября. Русская армия оставила Тильзит без боя.

7 октября. Конференция в Петербурге потребовала расследования деятельности С.Ф. Апраксина и предания его суду.

22 сентября. К оборонительному договору между Россией, Австрией и Францией присоединилась Швеция.

Начало публичного театра в Москве.

Отстранен от должности и отдан под следствие канцлер А.П. Бестужев.

М.В. Ломоносов создал теорию «трех штилей».

6 ноября. В Петербурге учреждена Академия художеств.

Прославлен святитель Димитрий Ростовский, скончавшийся 28 октября 1709 г.

1758 год

2 января. Русские войска заняли Тильзит.

11 января. Русские войска без боя заняли Кенигсберг. Жители города принесли присягу императрице Елизавете Петровне. Восточная Пруссия была объявлена русской губернией, управление которой поручили В.И. Суворову.

25 февраля. Арестованы заподозренные в измене канцлер А.П. Бестужев, герольдмейстер В.Е. Ададуров, адъютант А.Г. Разумовского И.П. Елагин. Открылись планы возвести на русский престол после кончины Елизаветы Петровны Павла, сына великой княгини Екатерины Алексеевны.

27 февраля. Лишен чинов и знаков отличия канцлер А.П. Бестужев. Главой Коллегии иностранных дел вскоре становится М.И. Воронцов.

17 апреля. Страстная Пятница. Обер-прокурором Святейшего Синода назначен князь А.С. Козловский.

По проекту П.И. Шувалова создан «медный банк» в Петербурге и Москве. Капитал его, образованный из прибыли от перечеканки медной монеты, служил для кредита на льготных условиях дворянам.

Открыт медицинский факультет при Московском университете.

21 июля. Указ об основании в Казани гимназий для дворян и разночинцев, как при Московском университете.

Для раненых в Казани устроен инвалидный дом. Через два года богадельни устроены также в Воронежской, Нижегородской, Белгородской губерниях. До этого раненых рассылали по монастырям.

14 августа. Поражение русских войск под командованием В.В. Фермера при Цорндорфе. Обе армии потеряли в ней до трети состава.

Осень. С.Ф. Апраксин был предан суду и умер под следствием от апоплексического удара.

У 26-летней будущей блаженной Ксении Петербургской умер муж и она приняла подвиг юродства, взяв имя супруга.

1759 год

Вышел первый русский литературный журнал — «Трудолюбивая пчела», издаваемый А.П. Сумароковым.

Апрель. Закончилось следствие над бывшим канцлером А.П. Бестужевым. Он признан виновным в неудачах военной кампании 1757 года, а также в том, что «будучи под арестом, открыл письменно такие тайны, о которых

и говорить под смертною казнию запрещалось». Бестужева приговорили к смертной казни, но Елизавета Петровна заменила казнь ссылкой.

Сенат учредил особую комиссию для разбора дел о крестьянских волнениях в церковных вотчинах.

30 июня. Командование действующей армией принял генерал-аншеф П.С. Салтыков.

12 июля. Сражение при Пальциге. Впервые за всю войну потери русской армии оказались меньше, чем у пруссаков.

19 июля. Родился преподобный Серафим Саровский, великий чудотворец.

21 июля. Армия П.С. Салтыкова заняла Франкфурт-на-Одере.

1 августа. Медовый Спас. Разгром армией П.С. Салтыкова прусской армии короля Фридриха II при Кунерсдорфе. «Я несчастлив, что еще жив», — писал Фридрих II.

Определено селить на Сибирскую линию годных для замужества ссыльных женщин.

17 октября. Родился архитектор Андрей Никифорович Воронихин.

Родилась будущая императрица Мария Федоровна, вторая жена императора Павла I Петровича. До перехода в православие носила имя София Доротея Августа Луиза. Ее отец, принц Фридрих Евгений, состоял на прусской службе и лишь под старость сделался владетельным герцогом Вюртембергским.

В Холмогорах умер муж императрицы Анны Леопольдовны Антон Ульрих.

1760 год

Основаны Ижевский оружейный и Мальцевские стеклянные заводы.

21 марта. Оборонительный союз России с Австрией.

21 июня. Указ о наказании плетьми крестьян, уклоняющихся от рекрутской повинности.

28 сентября. Взятие Берлина корпусом графа З.Г. Чернышева. С города была взята большая контрибуция, а все военные предприятия разрушены.

13 декабря. Указ, разрешающий помещикам ссылать крестьян в Сибирь на поселение, получая за это рекрутские квитанции.

Выпущен первый русский учебник по физике «Краткое понятие о физике для употребления Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Павла Петровича».

Проект И.И. Шувалова об открытии гимназий во всех «знатных» городах Российской империи. В «меньших» городах положено было учредить школы.

1761 год

14 февраля. Крестьянам запрещено выдавать векселя и вступать в поручительство без разрешения помещиков.

26 мая. Первые академические экспедиции в Селенгинск, Колу и другие места для астрономических наблюдений.

24 июня. М.В. Ломоносов открыл атмосферу на Венере.

16 октября. Указ о «сочинении» родословной книги дворян.

1 ноября. М.В. Ломоносов направил И.И. Шувалову записку «О сохранении и размножении российского народа».

5 декабря. Армия П.А. Румянцева после длительной осады взяла Кольберг в Померании.

Прапорщик Зеленый, пробираясь с поисковой горной партией на Бухтарму, нашел на реке Тургусуне легендарное Беловодье, поселения бежавших сюда русских людей, называвших себя каменщиками. В 1791 году им было объявлено от императрицы Екатерины II помилование.

24 декабря. Вечером Елизавета Петровна призвала к себе великого князя Петра и его супругу Екатерину и потребовала, чтобы в последние минуты ее жизни великий князь поклялся не обижать ее приближенных, в особенности графа А.Г. Разумовского и камергера И.И. Шувалова. Будущий император торжественно поклялся исполнить ее волю.

25 декабря. Во дворце на Мойке скончалась 52-летняя императрица Елизавета Петровна, 20 лет правившая страной.

26 декабря. На престол вступил 33-летний Петр III, «маленький человек, которому довелось исполнять должность великого человека». Петр III немедленно разорвал союз с Австрией и заключил мир с Пруссией. «Я никогда не в состоянии заплатить за все, чем вам обязан... — писал ему Фридрих II. — Я отчаялся бы в своем положении, но в величайшем из государей Европы нахожу еще верного друга: расчетам политики он предпочел чувство чести».

ПРАВЛЕНИЕ ПЕТРА III
(декабрь 1761—июнь1762)

1762 год

11 января. Бежавшим за границу раскольникам разрешено вернуться и поселиться в Сибири. «Внутре Всероссийской империи и

иноверные, яко магометане и идолопоклонники состоят, а те раскольники-христиане, точию в едином застарелом суеверии и упрямстве состоят, что обращать должно не принуждением или огорчением их...»

17 января. Указы о возвращении из ссылки Бирона и Миниха.

29 января. Помещикам разрешено переводить крестьян из одного уезда в другой.

7 февраля. Петр III запрещает пытки при допросах.

18 февраля. Первый день поста. Оглашен манифест «О даровании вольности и свободы российскому дворянству». Дворянство освобождено от обязательной службы. В результате уже через пятнадцать лет из 500 тысяч российских дворян (обоего пола) на государственной службе состояло, по данным правительства, около 10 тысяч. Остальные жили в основном на средства от поместий.

21 февраля. Упразднение Тайной канцелярии — органа политического сыска России. Образована Тайная экспедиция при Сенате.

21 марта. Секуляризация церковного имущества.

29 марта. Запрещено покупать деревни к заводам и фабрикам.

11 апреля. Родился граф Бобринский Алексей Григорьевич, незаконный сын Екатерины II и графа Г.Г. Орлова.

24 апреля. Заключен «вечный» мир с Пруссией, завершивший Семилетнюю войну. Все русские завоевания отданы Пруссии без всяких выгод для России. «Вся кровавая работа армии погибла».

5 мая. Император Петр III обнаружил в Летнем дворце 15 тысяч платьев, принадлежавших его покойной тетке Елизавете Петровне, а также несколько тысяч пар обуви и в придачу два сундука с чулками.

12 мая. Учреждена Коллегия экономии, независимая от Синода и подчиненная Сенату.

25 мая. Учрежден Государственный банк.

1 июня. Указ о свободном отпуске хлеба за границу.

8 июня. Заключен оборонительный союз России с Пруссией.

19 июня. Манифест, разъясняющий крепостным крестьянам, что их освобождения не будет.

Приказ Петра III остричь духовенству волосы, очистить церкви от всех икон, кроме образов Спасителя и Пресвятой Богородицы.

25 июня. Указ Петра III об уравнении религий, необязательности постов, неосуждении грехов против седьмой заповеди «Не прелюбы сотвори».

Указ об изъятии в казну церковных земель.

27 июня. По столице распространились слухи об аресте Екатерины. Гвардейские полки начали волноваться.

28 июня. 5.00. Алексей Орлов увез Екатерину из Петергофа в Петербург.

Петр III был в эту ночь в Ораниенбауме.

8.00. Екатерине присягнули гвардейские полки.

9.00. Возле Казанского сбора, куда был привезен и наследник престола Павел, в присутствии графа А.Г. Разумовского, А.Я. Брюса, А.С. Строганова, князя М.Н. Волконского Екатерину торжественно провозгласили самодержицей, а Павла — наследником. Собор окружило несколько тысяч солдат.

Прямо от Казанского собора Екатерина II поехала в Зимний дворец, где заседали Сенат и Синод. Скоро с дворцового балкона был зачитан манифест о восшествии на престол Екатерины II.

29 июня. Память апостолов Петра и Павла. Петр III подписал отречение от престола.

ПРАВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ (1762—1796)

1762 год

30 июня. Екатерина II в Преображенском мундире во главе гвардейских полков двинулась на Петергоф.

Узнав о перевороте, Петр III попытался укрыться в Кронштадте, но начальствовавший там адмирал И.А. Талызин уже присягнул Екатерине, и Петра III в крепость не пустили.

4 июля. Великий князь Павел пожалован полковником в Лейб-Кирасирский полк.

5 июля. Манифест Екатерины II о мотивах дворцового переворота.

6 июля. Отрекшийся от престола 34-летний Петр III убит в Ропше Алексеем Орловым и князем Барятинским. «Свет не мил. Прогневали мы матушку!» — горевал вернувшийся из Ропши в Петербург Алексей Орлов. Впрочем, «матушка» Екатерина на радостях простила и его, и князя Барятинского.

7 июля. Манифест о кончине императора Петра III, в котором было объявлено, что Петр III скончался от геморроидального припадка и прежестокой боли в кишках.

Когда Петра III хоронили в Александро-Невской лавре, его лицо было так черно, что

распространили слух, будто хоронят не императора, а дворцового арапа.

12 августа. Указ Екатерины II о возвращении монастырям отобранных у них земель.

21 сентября. Раскрыт заговор Хрущева—Гурьева. Заговорщики предполагали свергнуть Екатерину II и возвести на престол бывшего императора Ивана Антоновича, заключенного в Шлиссельбургской крепости.

22 сентября. Коронация императрицы Екатерины II в Москве.

Проект Н.И. Панина об учреждении «имперского совета», наделенного законодательными функциями. Совет, по замыслу Панина, должен был оградить самодержавную власть от временщиков.

Временно запрещен вывоз хлеба за границу, что сразу привело к снижению цен.

29 ноября. Учреждение Особой комиссии по церковным имуществам. Комиссия разослала по всем монастырским вотчинам и архиерейским домам приходно-расходные книги для записи денежного и хлебного сбора. Контролировать записи должны были разосланные комиссией обер-офицеры.

4 декабря. Манифест, разрешающий иностранцам (за исключением евреев) селиться в России.

Указ, обязывающий крестьян предъявлять увольнительное разрешение от помещика при записи в купцы.

Возвращение из ссылки А.П. Бестужева, И.П. Елагина, В.Е. Адодурова.

После амнистии, проведенной Екатериной II, в городах появилось очень много людей с вырванными в предыдущие правления языками.

Третья ревизия, насчитавшая 7 363 348 душ мужского пола податного сословия. Всего в России насчитано 19—20 миллионов душ обоего пола, всех состояний.

Волнения на Уральских заводах.

Начало следствия по делу помещицы Д.Н. Салтыковой (Салтычихи), обвиненной в зверском обращении с крепостными крестьянами. Следствие шло шесть лет.

1763 год

15 января. Запрещены пытки подследственных.

Январь. Екатерина II приступает к церковной секуляризации. В 1763—1764 годах владения церкви и ее крестьяне (около 1 млн душ) из ведения Синода переходят в управление Коллегии экономии. В результате многие древние обители, служившие центрами благотворительности и просвещения, были упразднены, а пожертвованные им прежними владельцами на помин души имения розданы преимущественно любовникам и любимчикам Екатерины II. Считается, что именно бесконтрольная раздача этих имений и стимулировала расцвет безумной роскоши, в которой утопали екатерининские вельможи.

30 января — 2 февраля. Постановка труппой Ф.Г. Волкова в Москве уличного маскарадного шествия «Торжествующая Минерва» по случаю пребывания в Москве императрицы Екатерины II.

3 февраля. Указ Екатерины II: «Святейший Синод обязан подчиняться также устным повелениям императрицы, передаваемым через обер-прокурора».

16 марта. Арестован Арсений (Мацеевич), митрополит Ростовский и Ярославский, выступавший за независимость церкви от государства и против секуляризации церковных земель. Заключен в тюрьму при московском Симоновом монастыре.

4 апреля. Умер 34-летний основоположник русского театра Ф.Г. Волков.

Восстановлен в своих владениях герцог Курляндский Эрнст Иоган Бирон.

14 апреля. Синодальный суд над митрополитом Арсением. Он был лишен архиерейского сана и сослан в Ферапонтов, а затем в Николо-Карельский монастырь.

4 июня. Внезапно упала церковь Трех Святителей Московских, смежная с Крестовой палатой в Московском Кремле, где происходило расстрижение митрополита Арсения.

10 июня. Обер-прокурором Святейшего синода назначен бывший директор Московского университета Иван Иванович Мелиссино.

Июнь. Начало переписки между Екатериной II и Вольтером.

Сын польского короля Августа III, принц Карл, ставший курляндским герцогом при Елизавете, вынужден покинуть Митаву.

Поездка Екатерины II в Ростов и Ярославль.

1 сентября. В Москве учрежден Воспитательный дом для сирот. Инициатором создания дома был И.И. Бецкóй.

5 октября. Умер 67-летний польский король Август III.

17 ноября. Экспедиция для «осмотра» описания восточного берега Каспийского моря.

Вышла в свет книга М.В. Ломоносова «Первые основания металлургии или рудных дел»,

закончена работа над «Кратким описанием разных путешествий по Северным морям и показанием возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Это сочинение М.В. Ломоносов поднес великому князю Павлу Петровичу. Опубликовано оно было только в 1847 году.

Учреждена Медицинская коллегия.

Крестьянин-механик Иван Иванович Ползунов (1728—1766) изобрел первую в мире паровую машину мощностью 1,8 л.с. (1,3 квт). 18 января следующего года он получил заключение Берг-Коллегии на свою заявку: «Сей вымысл за новое изобретение почесть должно».

На притоке Иртыша реке Бухтарма основана Бухтарминская крепость, чтобы воспрепятствовать входу из озера Зайсена китайских судов.

Учреждена Канцелярия Опекунств иностранных.

15 декабря. Указ о разделении Сената на департаменты.

На Колывано-Воскресенских заводах начали чеканить особую Сибирскую монету из местной золотистой и серебристой меди. На монетах был изображен герб Сибирского царства, эту монету разрешено было использовать при расчетах внутри Сибири. До 1782 года выпустили десяти-, пяти- и однокопеечных монет на 5 миллионов рублей.

Вышел в свет первый оригинальный русский роман «Непостоянная фортуна» Ф.Л. Эмина.

1764 год

24 января. М.В. Ломоносов завершил работу над мозаичной картиной «Полтавская битва».

Обретение и прославление мощей святителя Иннокентия Иркутского в пещере под деревянной церковью вблизи Иркутска. Погребен в пещере под деревянной Тихвинской церковью в Иркутске. Во время пожара 1783 года, уничтожившего весь Воскресенский монастырь, церковь эта и мощи святителя нисколько не пострадали.

В Зимний дворец поступило 225 картин из коллекции прусского купца Госковского. Начало собирания коллекции Эрмитажа.

Екатерина II, по слухам, якобы объявила в Сенате о намерении выйти замуж за Григория Орлова. Все сенаторы молчали, и лишь воспитатель наследника Павла сказал: «Императрица вольна в своих решениях, но госпожа Орлова никогда не была нашей императрицей».

9 февраля. Возвращение Екатерины II к идее секуляризации церковных имуществ вызвало ропот в среде духовенства. Арсений (Мацеевич) в своей молитве просил Господа «отвратить хищников от исполнения своих намерений», а если они не откажутся от своего замысла, чтобы «память их погибла с шумом и имя их было истреблено в книге живых». Письма Арсения в Сенат с обвинениями Екатерины II.

26 февраля. Четверг первой седмицы поста. Указ о секуляризации церковных *недвижимых* имуществ. Объявлено, что указ 12 августа 1762 года был лишь временной мерой. Манифест о передаче в ведомство Коллегии экономии всех архиерейских и монастырских крестьян. Епископы и члены Синода начали получать жалование. На оклад были посажены и 312 монастырей.

26 февраля. Первая седмица поста. Начало уничтожения монастырских вотчин и закрытие монастырей при Екатерине II.

31 марта. Россия и Пруссия заключают новый договор, в котором поддерживают кандидатуру ставленника Екатерины II — Станислава Понятовского на польский престол.

11 апреля. Пасха.

5 мая. В Петербурге основано Воспитательное общество благородных девиц при Воскресенском Смольном женском монастыре (Смольный институт). Начало женского образования в России.

14 мая. Указ о тайной экспедиции для прохода морским путем на Камчатку.

5 июля. Офицер Смоленского полка Василий Яковлевич Мирович, несший караульную службу в Шлиссельбурге, попытался освободить заточенного в крепость бывшего императора Ивана Антоновича и произвести государственный переворот. Ночью он скомандовал своим солдатам «в ружье» и двинулся к казарме, где содержался Иван Антонович.

Согласно имевшейся у них инструкции, поручик Чекин и капитан Власьев, караульные офицеры Шлиссельбургской крепости, убили 24-летнего Ивана Антоновича. Солдаты хотели заколоть их штыками, но Мирович не допустил этого.

— Теперь помощи нам нет никакой! — сказал он. — Теперь они правы, а мы виноваты.

Иван Антонович был похоронен в Шлиссельбурге (по другим сведениям — тайно погребен в Тихвинском Богородицком монастыре), а Мирович арестован.

Находившийся в ссылке Арсений (Мацеевич) одобрил попытку Мировича освободить Ивана Антоновича.

Учрежден Верховный уголовный суд в связи с делом Мировича.

Июль. Поездка Екатерины II в Курляндию.

7 сентября. Выборы короля в Польше. Им стал любовник Екатерины II Станислав Понятовский, менее прочих кандидатов имевший прав на польский престол. Выборы его состоялись благодаря давлению России. Фридрих II еще 15 февраля писал Екатерине II: «Я достаточно знаю польскую нацию, чтобы быть уверенным: расточая в пору деньги и употребляя непосредственные угрозы... вы доведете их до того состояния, какого желаете».

Понятовский только номинально властвовал в Польше. «Трудная и печальная комиссия, — жаловался Станислав Понятовский, — быть королем польским».

Все время, пока в Польше стояли русские войска князя Н.В. Репнина, Россия активно отстаивала права польских православных диссидентов.

11 сентября. Появились верстовые столбы.

15 сентября. Казнь 24-летнего В.Я. Мировича. Капралы и солдаты, участвовавшие в деле, были отправлены на каторгу.

27 сентября. В Моздоке учреждена русская миссионерская школа.

11 октября. Указ о делении на уезды пропорционально количеству населения.

19 октября. Указ об учреждении Иркутской губернии.

Вторая «выгонка» старообрядцев с Ветки. Окончательный разгром старообрядческих поселений на острове.

10 ноября. Учреждена вторая Малороссийская коллегия. Уничтожение гетманства в Малороссии. Екатерина II ликвидировала гетманство на Украине.

«Генеральное учреждение о воспитании юношества» — общий регламент, составленный И.И. Бецким. Развивая идеи Жан Жака Руссо о создании новой породы людей, Бецкий рекомендовал удалять ребенка из естественной среды, из семьи и до 20 лет содержать в искусственных питомниках — специальных закрытых учебных заведениях.

Вышел в свет сборник сказок М.М. Хераскова.

Изгнание иезуитов из Франции.

1765 год

17 января. Указ, предоставлявший помещикам право ссылать крепостных на каторгу на какой угодно срок.

Екатерина II покупает библиотеку французского просветителя Дидро.

4 апреля. На следующий день после Пасхи в возрасте 53 лет умер Михаил Васильевич Ломоносов.

10 июня. Обер-прокурор Синода Иван Иванович Мелиссино внес для рассмотрения в Святейший синод знаменитые «пункты», в которых предлагал предоставить совершенную свободу всем вероисповеданиям, ослабить и сократить посты, очистить Православную церковь от суеверий и «притворных» чудес и суеверий касательно мощей и икон, сократить богослужения, отменить обычай поминовения усопших, разрешить епископам вступать в браки, запретить причащение младенцев до десятилетнего возраста.

1 июля. Указ о введении откупов на продажу спиртного.

Поездка Екатерины II по Волге.

Учреждение Вольно-экономического общества.

19 сентября. Манифест о «Генеральном межевании».

Появление секты молокан в Тамбовском уезде.

Появление «лжепетров». Беглый ландмилицкий солдат Гавриил Кремнев в Воронежской губернии объявил себя Петром III. Он обещал запретить винокурение и отменить на 12 лет рекрутчину и подушную подать. Кремнев был схвачен и по приказу Екатерины II сечен кнутом во всех тех селах, где вел агитацию. Тогда же объявил себя покойным императором и беглый солдат Петр Чернышев. Он сечен кнутом и выслан в Нерчинск. В Нерчинск сослан и армянин Асламбеков, схваченный с фальшивым паспортом и тоже объявивший себя Петром III.

В Кизляре родился князь Петр Иванович Багратион.

По инициативе Екатерины II создано «Вольное экономическое общество» — первая в России общественная организация. Первые президенты — А.В. Олсуфьев, Г.Г. Орлов.

Изобретение паровой машины Уаттом.

1766 год

16 мая. Умер 38-летний изобретатель первого в мире двухцилиндрового парового двигателя универсального применения Иван Иванович Ползунов.

25 мая. «Межевая инструкция».

23 мая. Ровно через неделю после смерти изобретателя И.И. Ползунова на Барнаульском

заводе начались испытания паровой машины.

7 августа. Паровая машина Ползунова запущена в промышленную эксплуатацию.

Вышел первый том «Древней русской истории» М.В. Ломоносова.

1 декабря. В селе Михайловка Казанской губернии родился историк Николай Михайлович Карамзин.

14 декабря. Манифест о выборах в «Комиссию для сочинения проекта нового Уложения».

Выход первых томов «Пересмешника» М.Д. Чулкова.

Учреждена Дирекция Императорских театров. На содержание Императорским театрам ежегодно выделялось 138 410 руб.

1767 год

15 февраля. Началась публикация «Наказа» Екатерины II, который она называла «фундаментом законодательного здания империи».

26 июня. Вышел в свет «Наказ» Екатерины II.

30 июля. Начало заседания в Москве «Большой комиссии» для сочинения проекта нового Уложения. Состав депутатов: 39 % — от городов, 30 % — от дворян, 14 % — от государственных крестьян, 12 % — от национальных меньшинств, 5 % — от государственных учреждений.

22 августа. Указ о ссылке навечно на каторжные работы в Нерчинск крестьян, подающих жалобы на своих владельцев.

25 сентября. Русский посланник Обрезков в Константинополе приглашен на аудиенцию к новому визирю и арестован.

Академия наук приступила к изданию «Никоновской летописи». Завершено издание в 1782 году.

14 декабря. Умер от апоплексии 58-летний митрополит Димитрий (Сеченов), председательствующим Синода был избран Гавриил (Петров).

1768 год

После длительного следствия расстрижен в Архангельске и приговорен к вечному заточению в каземате Ревельской крепости под именем Андрея Враля Арсений (Мацеевич).

13 февраля. Трактат с Польшей. Гарантии неприкосновенности польской конституции.

24 февраля. Варшавский договор между Россией и Польшей об уравнивании прав православных диссидентов с католиками на территории Речи Посполитой.

Екатерина II покупает за 180 тыс. рублей коллекцию графа Брюля.

25 июня. Учреждены ярмарки в Иркутске, Якутске, Удинске.

21 июля. Раскольникам запрещено строить церкви и часовни.

Разрешен беспошлинный вывоз пшеницы.

Гайдамацкое восстание Железняка и Гонты в Заднепровской Украине. Уманьская резня.

Умер 36-летний Иван Барков — переводчик при Академии наук, автор озорных стихов.

25 сентября. Османская империя объявила войну России.

17 октября. В Москве на Красной площади состоялась гражданская казнь Салтычихи (Д.Н. Салтыковой); затем ее отвезли в тюрьму московского Ивановского девичьего монастыря. (Умерла она в 1801 году.)

21 октября. Начало вакцинации россиян против оспы. Делал прививки приглашенный в Россию барон Димедаль, а первой пациенткой была сама императрица, вторую прививку сделали великому князю Павлу. Вскоре от желающих сделать себе прививку не было отбоя.

24 октября. Обер-прокурором Святейшего синода назначен П.П. Чебышев.

18 ноября. Манифест о начале войны с Турцией. Война продлилась шесть лет.

Эпидемия оспы на Камчатке унесла жизни 20 000 человек.

18 декабря. Распущена Комиссия, собранная для сочинения проекта нового Уложения. За полтора года было проведено более двухсот заседаний. Предлогом к прекращению ее работы послужило начало войны с Турцией.

29 декабря. Манифест об основании двух ассигнационных банков и выпуске ассигнаций.

Начало войны с польскими конфедератами.

Начало учреждения банковских контор в разных городах.

Сумасшедших из Сибири приказано отсылать в монастыри, где не хватает положенных по штату монахов.

1769 год

Январь. Последнее татарское нашествие на Россию. Уведено в полон несколько тысяч человек.

Введение бумажных ассигнаций.

2 (13) февраля. В Москве, в семье армейского офицера, родился баснописец Иван Андреевич Крылов.

2 апреля. Выпуск первого русского займа на 7 500 000 голландских гульденов через амстердамских банкиров.

20 апреля. В Петербурге начал выходить еженедельный сатирический журнал «Трутень» Н.И. Новикова, вступивший в полемику с журналом «Всякая всячина», выходившим при непосредственном участии Екатерины II и пытавшимся переключить общественное недовольство с правительственной политики и «порочных лиц» на общие людские пороки.

Июль. Из Кронштадта ушла в Средиземное море эскадра Г.А. Спиридова. Началась затеянная А.Г. Орловым «архипелажская» экспедиция, целью которой было поднять и поддержать восстания православных инсургентов против Турции.

Евреям разрешен въезд в Россию. Селиться им предписано пока лишь в Новороссии.

Повышение оплаты рабочего дня для крестьян, приписанных к уральским заводам.

Иван Кулибин сделал часы с курантами, «достойные удивления и великой похвалы, а особливо потому, что он без науки, но сам собою дошел до сего совершенства».

Расформирована ландмилиция.

Вспышка чумы в Брянске.

29 августа. Установлен День памяти православных воинов, за Веру, Царя и Отечество на поле брани убиенных.

10 сентября. Русские войска овладели крупнейшей турецкой крепостью Хотин.

23 сентября. Родился в семье небогатого тверского помещика Алексей Андреевич Аракчеев.

26 ноября. Учрежден высший офицерский орден русской армии — орден Георгия Победоносца. Девиз ордена — «За службу и храбрость». Первым кавалером ордена стала Екатерина II.

Н.Г. Курганов издал первый сборник русских песен и пословиц.

Вместо смертной казни велено ссылать в каторгу на Нерчинские заводы.

1770 год

4 января. Русские войска победили турок при Фокшанах.

Назначение духовником императрицы отца Иоанна Памфилова.

10 апреля. На Светлой седмице десантом эскадры адмирала Г.А. Спиридова взята крепость Наварин.

24 июня. Блестящая победа русского флота у острова Хиос.

26 июня. Сожжение турецкого флота в Чесменской бухте Эгейского моря. В лунную ночь русские брандеры незаметно подошли к турецким кораблям. Лейтенант Ильин поджег первый корабль и едва успел отплыть на шлюпке, как раздался взрыв. Вскоре запылали все 70 турецких кораблей. Уцелел только один линейный корабль и пять галер. Турки потеряли свыше 10 тысяч убитыми, русские — 11 человек. Граф Алексей Орлов в честь этой битвы был назван Чесменским. Именем лейтенанта Дмитрия Ильина назвали крейсер русского флота.

7 июля. Победа П.А. Румянцева на реке Ларге (в Молдавии) над войском крымского хана Каплан-Гирея.

Купец Иван Ляхов открыл Ляховские острова — Ближний, Малый и Котельный. Последний получил свое название из-за котла, который на радостях, что они нашли здесь много мамонтовых костей, позабыли промышленники.

21 июля. Войска под командованием П.А. Румянцева разгромили турок на реке Кагул. Великий визирь с трудом спасся, отступив за Дунай.

26 июля. Взятие Измаила корпусом генерала Н.В. Репнина.

23 августа. Генуэзский внешний заем России на один миллион пиастров.

25 августа. Перенесены мощи замученных в орде святых мучеников Михаила, князя Черниговского, и боярина его Феодора из собора над Кремлевскими Тайницкими воротами в Сретенский собор в Кремле.

16 сентября. Петр Панин взял турецкую крепость Бендеры.

Австрия самовольно заняла Ципское графство, как бы подавая пример другим странам, желавшим поживиться за счет Польши.

Распространение эпидемии чумы.

На Нерчинских заводах объявил себя Петром III крестьянин Чернышев. Сослан в Мангазею.

А.А. Барсов издал «Собрание 4 291 русских пословиц».

Возникновение секты скопцов. Крестьянин Селиванов на одном из «кораблей» Орловской губернии, где кормщицей была Андрияна Петрова, был объявлен «сыном божиим». Здесь он начал проповедь об оскоплении, как наилучшем средстве уничтожения плотских влечений. Проповедь Петрова имела успех, и уже через четыре года в секте было около 60 оскопленных. В селе Сосновка Тамбовской губернии был основан первый скопческий корабль.

Первые сведения о секте субботников.

Началось издание «Истории Российской» М.М. Щербатова.

Поставлена комедия «Бригадир» Д.И. Фонвизина.

Открытие Австралии.

1771 год

Эпидемия чумы в Москве. Впервые были приняты строгие карантинные меры.

Начало января. Переговоры в Петербурге с принцем Генрихом, братом прусского короля Фридриха II. Екатерина II как бы шутя спросила у него, почему бы другим державам не последовать в отношении Польши примеру Австрии.

5 января. Уход калмыков с левого берега Волги в Джунгарию.

Изданы «Краткие правила российской грамматики» А.А. Барсова.

В Москве возникла община «Рогожское кладбище», ставшая центром всего русского старообрядчества.

Волнения на Олонецких заводах.

Весна. Сосланный на Камчатку польский конфедерат Мориц Август Беневский поднял бунт в Большерецком остроге. Освобождены участники заговора против Екатерины II — поручик Гурьев, Петр Хрущев, подпоручик Батурин. Жители острова приведены к присяге императору Павлу.

30 марта. На Светлой седмице скончался 67-летний святитель Софроний Иркутский, в миру Стефан Кристаллевский.

30 апреля. Камчатские мятежники захватили в Чековинской гавани казенный галиот «Св. Петр» и, отправив в Сенат письмо, в котором говорилось, что Павел незаконно отстранен от престола, что разорительная польская война ведется лишь для того, чтобы посадить на польский престол Понятовского, уплыли в Японию. Оттуда, через Китай, они перебрались во Францию. В дальнейшем Беневский основал колонию на Мадагаскаре, был правителем ее и погиб в схватке с французами в 1772 году.

Основано «Вольное Российское собрание» при Московском университете.

Основана Первая Вольная типография для печатания немецких книг.

14 июня. Вторжение армии В.М. Долгорукого в Крым. Завоевание Крыма. Заняты Перекоп, Евпатория, Керчь. (Василий Долгорукий в 1736 году уже брал Перекоп, будучи рядовым. Миних тогда тут же произвел его в офицеры, хотя это и было против закона.)

14 сентября. В Москве вспыхнул Чумной бунт.

16 сентября. Восставшие убили московского архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), разгромили дома московской знати. Восстание было подавлено войсками под командованием П.Д. Еропкина и Г.Г. Орлова.

Явление чудотворной иконы Божией Матери в Москве.

Поход в Мингрелию, взятие Кутаиси.

Учреждение миссии для обращения осетин.

1772 год

4 января. В Эрмитаж доставлены 158 картин, приобретенных Екатериной II в Париже у финансиста Кроза.

15 апреля. Пасха.

Май. Заключено перемирие с Турцией в Джурджеве.

14 июля. Русско-австрийская конференция о разделе Польши.

Конец июля. Начало переговоров с Турцией в Фокшанах о мире. Переговоры шли трудно, и достигнуть соглашения не удалось. Турция не соглашалась с приобретениями России в Крыму.

«Я скоро начну с Мустафою новую переписку пушечными выстрелами, — писала Екатерина II Вольтеру, — так как ему угодно было расторгнуть фокшанский конгресс, а перемирие кончается сегодня».

25 июля (5 августа). Секретная конвенция с Пруссией о первом разделе Польши. Первый раздел Польши. Приобретение Россией Витебской и Могилевской губерний с 1 800 000 жителей. 100 000 из них были евреями. «Опера, сочиненная вашим величеством, — писал Фридрих II Екатерине II, — будет выполнена без малейшей остановки». В результате соглашения между Пруссией, Австрией и Россией от Польши отторгалась территория площадью в 4 000 квадратных миль (оставшаяся территория составляла 6 000 квадратных миль). Считается, что после первого раздела Речи Посполитой под власть России перешли около 20 иезуитских организаций: 4 коллегии (коллегиума) — в Динабурге (Витебская губ.), Витебске, Полоцке и Орше; 2 резиденции — в Могилеве и Мстиславле и 14 миссий. Имущество иезуитов оценивалось в 20 миллионов злотых. Иезуиты присягнули императрице.

Возникла секта бегунов, основанная беглым солдатом Евфимием. Евфимий учил, что в Российском государстве наступило царство антихриста, церковь поклонилась диаволу, все петровские указы законопреступны, и потому человеку, который желает спастись, надо «таиться и бегати».

Дело о скопцах в орловском духовном правлении, раскрывшее новую ересь, возникшую среди хлыстов. Проповедник и «мастер» оскоп-

ления Андрей Иванов Блохин бит кнутом и сослан на каторгу в Нерчинск.

26 декабря. Умер 76-летний граф генерал-фельдмаршал Петр Семенович Салтыков.

1773 год

Указ о веротерпимости.

7—11 июня. Переправа армии П.А. Румянцева через Дунай. Для того чтобы отвлечь внимание турок от основных сил, были предприняты отвлекающие удары. Здесь особенно отличился отряд А.В. Суворова, взявший 11 мая город Туртукай.

Осада войсками П.А. Румянцева Силистрии. Взять город Румянцеву не удалось.

17 сентября. Начало Пугачевского бунта. На хуторе Толкачевых зачитан «царский» манифест. Войско выступило походом на Яицкий городок.

18 сентября. Пугачевцы заняли Бударинский форпост.

29 сентября. В Петербург приехал французский философ Дени Дидро. «Ваш Дидро, — писала тогда Екатерина II, — человек необыкновенный, после каждой беседы с ним у меня бока помяты и в синяках. Я была вынуждена поставить между ним и собою стол, чтобы защитить себя от его жестикуляции».

15 сентября. Манифест об отправке на Яик войск генерал-майора Кара для усмирения пугачевцев.

17 сентября. Обнародован первый манифест Емельяна Пугачева под именем «императора Петра III».

29 сентября. Бракосочетание великого князя Павла и 19-летней принцессы Вильгельмины (в крещении Натальи Алексеевны).

Основано Горное училище, преобразованное в 1863 году в институт.

Заключен договор с Данией, по которому Дания обязывалась в случае войны России со Швецией начать военные действия против шведов.

Началось издание «Древней российской вивлиофики» Н.И. Новикова.

2 октября. Повстанческая армия Пугачева осадила Оренбург. Начало Оренбургской осады.

1 декабря. При Воспитательном доме в Москве основаны классы «театрального танцевания» (будущее Московское академическое хореографическое училище).

Конец декабря. Пугачев занял Самару. Все башкирское население восстало под предводительством Салавата Юлаева.

Иезуитский орден уничтожен папой Климентом XIV. Императрица Екатерина II отказалась признать буллу папы и разрешила иезуитам сохранить свою организацию и владения на территории России. Россия была теперь единственным государством, где иезуиты еще не были запрещены.

1774 год

1 января. Емельян Пугачев взял Ижевск.

25 марта. Пугачевцы потерпели поражение под Татищевой крепостью от князя А.М. Голицына. Осада Оренбурга прекратилась. Пугачев отступил на Урал.

16 апреля. Правительственные войска заняли Яицкую крепость.

4 мая. Умер, потеряв зрение, принц Антон Ульрих, муж Анны Леопольдовны. Место погребения его неизвестно. Екатерина II дала разрешение принцу уехать на родину, так как он не был членом дома Романовых и не представлял опасности для потомков Петра I. Но принц предпочел свободу заключению вместе с детьми.

12 мая. Обер-прокурором Святейшего синода назначен С.В. Акчурин.

9 июня. Дивизия А.В. Суворова разгромила турок у Козлуджи. Поражение при Козлудже, как считают историки, было тем самым ударом, что сломил волю турецкого командования к продолжению войны.

10 июля. Кючук-Кайнарджийский мир с турками. По условиям мира крымские татары сделались независимыми от Турции, Россия приобрела Керчь, Еникале, Кинбурн и все пространство между Бугом и Днепром, получила право свободного плавания по Черному морю. Азов, обе Кабарды, долины Кубани и Терека тоже отходили к России. Турция обязана была выплатить России четыре с половиной миллиона рублей за расходы в войне. Особенно важным было условие, по которому Россия приобретала право заступаться за права христиан в Молдавии и Валахии, то есть вмешиваться во внутренние дела Турецкой империи.

12 июля. Пугачев взял Казань.

21 июля. На заседании Государственного Совета Екатерина II объявила, что поедет в Москву, чтобы самолично руководить подавлением пугачевщины. Государственный Совет счел, что это придаст чрезмерное значение бунту, и руководство подавлением мятежа в результате было возложено на героя турецкой войны графа П.И. Панина. Ему были предоставлены для этого диктаторские полномочия.

28 июля. Начало формирования в Москве дворянских дружин для борьбы с Пугачевым.

31 июля. Манифест Пугачева об истреблении дворян.

6 августа. Войска Пугачева взяли Саратов.

23 августа. Манифест Пугачева городу Царицыну, казачьим старшинам и всему Донскому войску.

26 августа. Войска И.И. Михельсона нанесли поражение Пугачеву между Царицыным и Черным яром. 2 000 пугачевцев пали в битве, 8 000 были взяты в плен. Пугачев бежал за Волгу.

15 сентября. Выданный властям Пугачев привезен в Яицкий городок.

Появление в Италии княжны Таракановой, выдававшей себя за дочь Елизаветы Петровны. «Есть ли этакая в свете или нет, я не знаю, а буде есть и хочет не принадлежащего себе, то б я навязал камень ей на шею да в воду», — сообщил о Таракановой в Россию Алексей Орлов.

Неурожайный год.

Г.Р. Державин написал поэму «Вельможа».

21 ноября. Перенесение мощей святых мучеников Михаила, князя Черниговского, и боярина его Феодора из Сретенского собора в Кремле в Архангельский собор.

М. Чулков завершил издание «Собрания разных песен».

1775 год

10 января. Казнь Пугачева. Вместе с ним на Болотной площади в Москве казнили Перфильева, Шигаева, Подурова, Торнова.

«Прости, народ православный!» — сказал Пугачев перед казнью.

15 января. Река Яик переименована в Урал. Яицкие казаки — в уральских, Яицкий городок — в Уральск.

9 мая. Перенесение мощей умученного евреями младенца Гавриила Белостокского в Слуцкий Свято-Троицкий монастырь.

Май. Арестована в Ливорно княжна Тараканова. Алексею Орлову удалось заманить «сумасбродную бродягу» на свой корабль и доставить в Россию. В Петербурге самозванка была заключена в Петропавловскую крепость и погибла, по слухам, во время наводнения 1777 года, когда поднимающаяся вода затопила ее камеру.

25 мая. Указ о разделении купечества на три гильдии.

8 августа. Уничтожение Запорожской Сечи.

7 ноября. «Учреждение для управления губерний». Реорганизация губернского управления. Разделение России на 50 губерний.

Отмена подушной подати для купцов.

Объявлена полная свобода для организации промышленных предприятий.

Организация «приказов общественного призрения».

Сечен кнутом и сослан в Сибирь руководитель секты скопцов Кондратий Селиванов. Длительное время он жил в Иркутске, пока не объявил себя императором. Тогда он был арестован и увезен в Петербург для личного допроса Павлом.

Началась реформа местного управления.

«Чудачества» В.В. Нарышкина, назначенного начальником Нерчинских заводов. Прибыв в Нерчинск, он 11 месяцев просидел в своем доме за закрытыми ставнями, потом собрал армию и с пушками двинулся в поход против иркутского губернатора Немцова, намереваясь отобрать у него город. Нарышкина арестовали и увезли в Петербург.

1776 год

14 января. Открытие казенных работ во время «неурожайных лет».

15 апреля. При родах умерла 20-летняя великая княгиня Наталья Алексеевна, первая жена великого князя Павла Петровича (будущий Павел I).

19 марта. Родился живописец-портретист Василий Андреевич Тропинин.

28 марта. Антрепренер М.Г. Медокс создал в Москве театральную труппу (ставшую впоследствии основой Большого театра).

Рыльский купец Григорий Иванович Шелехов отправил в Америку свое первое торговое судно.

4 июля (н. ст.). Соединенные Штаты в Северной Америке объявлены независимыми.

31 августа. В Царское Село приехала вюртембергская принцесса София Доротея. Приняв православие, она получила имя Марии Федоровны.

26 сентября. Бракосочетание овдовевшего великого князя Павла Петровича с Марией Федоровной.

1777 год

Основаны города Петрозаводск и Луга.

Сентябрь. Небывалое наводнение в Петербурге.

1 октября. Умер 59-летний писатель, драматург Александр Петрович Сумароков.

12 декабря. Родился первый сын великого князя Павла Петровича — Александр, будущий русский император.

1778 год

Деятельность Потемкина в Новороссии. Заселение ее. Основаны города Херсон, Екатеринослав.

В Херсоне построена верфь, на которой сразу началось строительство военных кораблей Черноморского флота.

Лето. Екатерина II приобрела за баснословную по тем временам сумму в 135 000 ливров библиотеку Вольтера у его племянницы. Французский посол в Петербурге попытался помешать сделке, объясняя, что библиотека Вольтера — достояние Европы, но Екатерина II заметила по этому поводу: «Нет никакой необходимости сохранять книги Вольтера в стране, в которой не нашлось места его могиле».

Напечатана поэма И.Ф. Богдановича «Душенька».

Смерть Вольтера, Жан Жака Руссо и Карла Линнея.

1779 год

19 февраля. Сообщение в «Санкт-Петербургских ведомостях» об изобретении И.П. Кулибиным прожектора — «кулибинского фонаря».

31 марта. Пасха.

27 апреля (8 мая). Родился великий князь Константин Павлович, второй сын Павла Петровича. В манифесте по случаю его рождения говорилось, что от новорожденного можно ожидать увеличения и славы России. Кормилицей Константина была взята гречанка. На медали, выбитой по случаю рождения Константина, был изображен Софийский храм в Константинополе.

Родилась Луиза Мария Августа, дочь маркграфа Баден-Баденского Карла-Людвига (будущая императрица Елизавета Алексеевна, жена императора Александра I). Мать ее, Амалия, принцесса Гессен-Дармштадтская, в молодости приезжала в Россию с сестрами, из которых одна была первой супругой великого князя Павла Петровича (будущего Павла I).

22 ноября. Упразднены мануфактур-коллегии.

Образована Азовско-Моздокская укрепленная линия. В городки и крепости переселены волжские и хоперские казаки.

Издание «Россияды» М.М. Хераскова.

Основаны города Льгов и Дмитриев.

Съезд старообрядцев в Москве на Рогожском кладбище. Раскол в движении. Появление поповщины и беспоповщины. По правилам Православной церкви совершать требы может только священник, рукоположенный в сан епископом. В связи с тем, что единственный раскольничий епископ Павел Коломенский еще в 1656 году был сожжен в срубе, старообрядцы оказались в трудном положении. Они вынуждены были переманивать в раскол священников. Беспоповцы решили порвать с этим обычаем. Они порвали всякую связь с Русской православной церковью, утверждая, что она с 1666 года отпала от Христа, и все Таинства ее суть скверны.

В Полоцке, несмотря на протесты папы Римского, открыт иезуитский новициат (учебное заведение). На следующий год императрица Екатерина II посетила это заведение.

1780 год

10 января. Показом балета-пантомимы «Волшебная лавка» открылся Петровский театр — первый постоянный театр в Москве (ныне Большой театр оперы и балета).

11 января. Учреждено Саратовское наместничество.

4 февраля. Учреждены Курское, Воронежское и Нижегородское наместничества.

7 февраля. Родился живописец Алексей Гаврилович Венецианов.

28 февраля. Екатерина II издала Декларацию о вооруженном нейтралитете. Эта декларация привела к образованию союза европейских стран для защиты торговых судов от захватов английскими военными кораблями, которые пытались осуществить блокаду своих восставших североамериканских колоний.

27 мая. Визит австрийского императора Иосифа II в Россию. Екатерина II встретила его в Могилеве и уговорила посетить Москву и Петербург. Начало сближения Австрии и России. «Такой посетитель, как Ваше Императорское Величество, — писала Екатерина II Иосифу II, — заставил нас быть разборчивыми в отношениях с другими посетителями».

28 июня. Конвенция с Данией о торговом мореплавании.

11 сентября. Учреждено Вятское наместничество.

Образование игризских старообрядческих монастырей.

Начало распространения христианства между жителями Чукотской земли.

1781 год

12 марта. Для обучения судоводителей в Холмогорах основана первая в России «Мореходная школа».

15 марта. Конвенция с Голландией о мореплавании и торговле.

4 апреля. Пасха.

Сентябрь. Учреждены губернаторские управления на Украине.

9 ноября. Открылись банки в Новгороде, Пскове, Твери, Нежине, Киеве, Курске, Харькове, Тамбове, Орле, Туле.

Устав о соли.

Основан город Пермь. Бугульминская, Бугурусланская, Бузулукская слободы переименованы в города.

Началась четвертая ревизия, насчитавшая 12,8 миллиона душ.

Издание «Истории российской коммерции» М.Д. Чулкова.

1782 год

8 апреля. Учреждение «Управ благочиния». Начало полицейской реформы.

25 июня. Издано положение о Тульском оружейном заводе.

28 июня. Право на месторождения полезных ископаемых признано за собственниками земли.

7 августа. На следующий день после Преображения Господня дождливым днем в Петербурге состоялось открытие памятника Петру I работы Э.М. Фальконе — «Медного всадника». Вечером состоялась иллюминация, была объявлена амнистия.

23 августа. Запрещен самовольный переход крестьян из губернии в губернию.

23 сентября. Учрежден орден святого равноапостольного князя Владимира по случаю 20-летия царствования Екатерины II. Первый кавалер ордена — А.В. Суворов.

6 ноября. Основано «Дружеское общество» Н.И. Новикова.

В Петербурге поставлен «Недоросль» Д.И. Фонвизина.

Написана «Фелица» Г.Р. Державина.

Отменена двойная подать для старообрядцев.

Основан город Ольвиополь.

Россия заключила союз с Австрией против Турции. По плану из Молдавии, Валахии и Бессарабии должно было быть образовано Дакийское государство. Предполагалось также восстановление Византийской империи. Босния и Сербия отходили по этому плану к Австрии.

1783 год

15 января. Указ, разрешающий заводить вольные типографии.

29 января. Родился поэт Василий Андреевич Жуковский.

Переговоры Потемкина с крымским ханом Шангин-Гиреем и с начальниками татарских племен на Кубани о переходе их в русское подданство.

8 апреля. Указ Екатерины II о присоединении Крыма к России. Инициатором документа стал Г.А. Потемкин, получивший за присоединение Крыма титул светлейшего князя Таврического.

13 апреля. Умер 48-летний граф Григорий Григорьевич Орлов.

2 мая. В Ахтиарскую (Севастопольскую) бухту прибыла эскадра вице-адмирала Ф.А. Клокачева (или Клочкарева), назначенного командующим флотом «заводимым на Черном и Азовском морях». Этот день считается днем рождения Черноморского флота.

3 мая. Законодательное закрепощение крестьян на Украине.

3 июня. Основан Севастополь.

Освобождение купцов от натуральной рекрутской повинности.

Учреждение народных училищ.

10 июня. Трактат о торговле с Турцией.

20 июня. В Петербурге открыт Мариинский театр.

24 июля. В крепости Георгиевск на Северном Кавказе заключен договор между Россией и Грузией о дружбе и взаимопомощи. Вступление Грузии под покровительство России.

29 июля. Родилась великая княгиня Александра Павловна.

6 августа. Великому князю Павлу Петровичу пожалована Гатчина. Начало формирования гатчинских войск.

13 августа. Скончался святитель Тихон Задонский, епископ Воронежский и Елецкий. Имел он от Господа дар прозорливости, чудотворений и исцелений больных. При этом он отличался редкостным смирением. «Когда человек, — говорил он, — посмотрит внутрь своего сердца и рассмотрит свое внутреннее состояние, то увидит душевную нищету, горшую паче телесной. Ничего бо в себе кроме бедности, окаянства, греха и тьмы, ничего не имеет... Так нищ и убог человек». Огромное литературное наследие Тихона Задонского — жемчужина святоотеческой литературы.

16 августа. К берегам Аляски отправилась русская экспедиция под руководством Г.И. Шелихова.

11 сентября. Указ о переселении ногайцев в уральские степи.

14 сентября. В Херсоне торжественно спущен на воду первый линейный корабль Черноморского флота «Слава Екатерины».

29 сентября. Карталинский и кахетинский царь Ираклий II признал верховную власть российских императоров. Посылка в Тифлис русского полка.

21 октября. В Петербурге торжественно открылась Российская императорская академия. Ее первым президентом стала княгиня Е.Р. Дашкова

26 декабря. Собор Пресвятой Богородицы. Родился в Коломне святитель Филарет Московский, в миру Василий Михайлович Дроздов.

28 декабря. Определена граница между Россией и Турцией.

Повышение подушного обложения.

Версальский мир.

1784 год

Купец Г.И. Шелихов основал первое русское поселение на острове Кадьяк на Аляске.

10 февраля. Порт Ахтиар (Белый Утес) в Крыму переименован в Севастополь. Он становится базой Черноморского флота России.

17 февраля. Умер Шварц Иоганн Георг, уроженец Трансильвании, видный московский просветитель, основатель Педагогической семинарии, Собрания университетских питомцев, Дружеского ученого общества. Считается, что полностью его титул звучал так: канцлер VIII провинции масонского всемирного государства, член директории VIII провинции, главный надзиратель по теоретическому градусу шотландских мастеров, верховный предстоятель Ордена Креста и Розы, рыцарь Орла и Пеликана.

Николай Иванович Новиков основал в Москве «Типографскую компанию». Его трудами издана примерно треть всех книг, выпущенных в царствование Екатерины II.

Утверждены правила уличного движения для извозчиков в Санкт-Петербурге.

13 декабря. Родилась великая княгиня Елена Павловна.

Начало строительства дома Пашкова в Москве по проекту архитектора В.И. Баженова.

Н.М. Карамзин после смерти отца вышел в отставку и уехал в Симбирск, где вступил в масонскую ложу «Золотого венца». Один из основателей ложи, И.П. Тургенев, вскоре уговорил Карамзина уехать в Москву и ввел в «Дружеское ученое общество» (организация московских масонов).

1785 год

21 апреля. На следующий день после Пасхи «Жалованная грамота дворянству» о даровании новых личных, имущественных и сословных привилегий, подтверждающая свободы дворян от государственной службы, податей, исключительное право владеть крепостными людьми. «Телесное наказание да не коснется до благородного».

«Грамота на права и выгоды городов Российской империи».

Разделение городского населения на шесть сословий: именитых граждан, купцов трех гильдий, церковных ремесленников, иногородних гостей и посадских людей. Введение общей и шестигласной городских дум.

Отмена телесных наказаний для купцов.

Петрозаводский губернатор Г.Р. Державин создал либретто оперы «Рудокопы». «Театр представляет, — писал Державин, — Рифейский хребет или Уральские горы во всем природном их ужасном великолепии».

Князь М.М. Щербатов составил «Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам».

А.А. Петров начал издавать первый детский журнал в России «Детское чтение для сердца и разума».

23 декабря. Распоряжение Екатерины II по поводу Новикова: «В рассуждении, что из типографии Новикова выходят многие странные книги... сделать освидетельствование книг, выходящих из Новикова и других вольных типографий, где что-либо касается до веры или дел духовных, и для наблюдения, чтоб таковые печатаны не были, в коих какие-либо колобродства, нелепые умствования и раскол скрывается». На следствии выяснилось, что Н.И. Новиков принадлежал к франкмасонам.

Учреждение Кавказского наместничества.

1786 год

4 февраля. Родилась великая княгиня Мария Павловна.

28 июня. Манифест об учреждении Государственного заемного и Государственного ассигнационного банков и лимите для ассигнаций в сто миллионов рублей.

28 июля. Обер-прокурором Святейшего синода назначен А.И. Наумов.

5 августа. Издан «Устав народных училищ».

С.Я. Разумовский издал «Каталог астрономических пунктов», в котором были определены точные координаты 62 географических пунктов России.

25 августа. Родился будущий президент Российской Академии, граф Сергей Семенович Уваров, выдвинувший триаду «православие, самодержавие и народность».

В Ярославле начал издаваться первый в России провинциальный журнал «Уединенный Пошехонец».

Издан первый русский учебник по естествознанию — «Начертание естественной истории» Василия Федоровича Зуева.

Секуляризация монастырских вотчин в Малороссии и Слободской Украине.

1787 год

Царствование Екатерины II стало временем расцвета масонских лож в России. Их число к 1787 году достигло 145.

Февраль — июль. Поездка Екатерины II в Крым. Из Петербурга выехала на санях. Экипаж императрицы был сделан в виде небольшого домика, который везла шестерка лошадей. Поездка была замаскирована под увеселительный пикник, но преследовала важные политические цели. Помимо ревизии деятельности в Крыму Потемкина, Екатерина II провела здесь переговоры с прибывшим в Херсон австрийским императором Иосифом II.

15 июля. Рейс-Эфенди передал послу в Константинополе Я.И. Булгакову ультиматум Турции, в котором требовал удаления русских войск из Тифлиса и Грузии, признания царя Ираклия вассалом Порты, прав на осмотр всех русских кораблей, выходящих из Черного моря.

4 августа. Родился композитор Александр Александрович Алябьев.

5 августа. Русский посланник Булгаков арестован и заключен в Семибашенном замке.

13 августа. Порта объявляла войну России.

7 сентября. Манифест Екатерины II о второй войне с Турцией (1787—1791). Союзником России в этой войне стала Австрия.

Голодный год.

23 сентября. Указ, подтверждающий право на свободную торговлю хлебом.

1 октября. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Турецкие войска попытались взять Кинбурн, но были отбиты дивизией А.В. Суворова с большими потерями. В сражении под Кинбурном Суворов был дважды ранен, но не покинул поля боя.

22 ноября. Внешний заем России в Голландии на сумму 6 миллионов гульденов.

9 декабря. Торговый договор с Португалией.

Завершено строительство по проекту Ю.М. Фельтена ограды Летнего сада в Петербурге.

1788 год

3 апреля. Генуэзский заем на сумму 3 миллиона пиастров.

8 мая. Указ о подготовке к боевым действиям крепостей в Финляндии, Эстляндии и Лифляндии.

10 мая. Родилась великая княгиня Екатерина Павловна.

7 июня. Шведский король Густав III потребовал от России уступки Финляндии и Карелии, возвращения Турции Крыма.

Еще в 1739 году между Швецией и Турцией был заключен оборонительный союз на случай разрыва одной из стран с Россией. Сейчас Густав III вспомнил об полувековой давности договоре, поскольку момент для нападения был весьма удачным — на северной границе у России почти не было войск. Планы Густава III простирались весьма далеко. Отправляясь в поход, он говорил, что опрокинет статую Петра I на Исаакиевской площади, а свою победу отпразднует в Петергофе.

21 июня. Шведский король Густав III объявил войну России. Начало русско-шведской войны (1788—1790).

Начало осады шведами крепости Нишлот. Взять крепость им не удалось.

3 июля. Морское сражение у острова Фидониси. Флот контр-адмирала М.И. Войновича отразил атаку превосходящих турецких сил.

6 июля. Морское сражение при Гогланде. Шведский флот вынужден был отойти в Свеаборгскую гавань и был там блокирован кораблями адмирала С.К. Грейга.

Открыты Прибыловские острова в Беринговом проливе. Названы по фамилии штурмана Прибылова, который нашел их на судне Г.И. Шелехова. За открытие этих островов сам Шелехов и его компаньон купец Голиков пожалованы золотыми медалями и серебряными шпагами.

17 июня. Поражение турецкого флота в Очаковском лимане.

6 декабря. После четырехмесячной осады войсками Г.А. Потемкина штурмом взят Очаков. Екатерина II, сильно хворавшая в это время, получив известие о взятии Очакова, мгновенно почувствовала себя здоровой.

Неурожай.

1789 год

Весна. Русские войска взяли город Христина на юге Финляндии.

15 июля. Близ острова Эланд в Балтийском море произошло сражение между русским фло-

том под командованием адмирала В.Я. Чичагова и шведской эскадрой. После ожесточенной артиллерийской перестрелки шведы вынуждены отступить.

21 июля. Победа А.В. Суворова при Фокшанах. Его войска действовали в этом бою совместно с австрийскими.

27 июля. Специальный курьер привез Екатерине II из Парижа донесение русского посла Ивана Матвеевича Смолина: «Революция во Франции совершилась, и королевская власть уничтожена... Все поражены при виде того, как в течение тридцати шести часов французская монархия была уничтожена и ее глава вынужден соглашаться на все, чего разнузданный, жестокий и варварский народ требует от него...»

13 августа. Русская галерная флотилия под командованием адмирала Нассау-Зигена разбила при Роченсальме шведский гребной флот адмирала Эренсверда.

30 августа. Екатерина II направляет австрийскому императору Иосифу II меморандум о разделе Османской империи. В нем императрица предлагает освободить от турок Юго-Восточную Европу и создать там Греческую империю. На ее трон Екатерина II прочит своего второго внука — Константина.

11 сентября. Разгром А.В. Суворовым турецкой армии Юсуф-паши при Мартинештах на Рымнике. За эту победу Суворов получил орден Святого Георгия 1-й степени и титул графа Рымникского.

Австрийские войска взяли Белград.

20 сентября. Первый «Аптекарский устав».

3 ноября. Войска Потемкина взяли крепость Бендеры.

У Н.И. Новикова отобрана арендовавшаяся им Университетская типография.

Гонения на православных в Польше.

1790 год

9 февраля. Умер австрийский император Иосиф II.

12 марта. Контр-адмирал Ф.Ф. Ушаков назначен командующим Черноморским флотом.

3 мая. Победа адмирала В.Я. Чичагова над шведами у Ревеля. Чичагову удалось сорвать поход на Кронштадт и затем блокировать шведский флот в Выборгской бухте.

Начало лета. В Петербурге в книжной лавке Зотова появилась в продаже книга А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Екатерина II нашла, что автор книги «рассеивает французскую заразу» и отвращает народ от начальства.

9 июня. Сражение гребных флотов при Роченсальме. Русская эскадра адмирала Нассау-Зигена потерпела поражение от флота герцога Зюдерманландского.

23 июня. Шведы с трудом вырвались из Выборгской бухты, потеряв семь линейных кораблей, два фрегата и множество мелких судов.

30 июня. Арестован А.Н. Радищев. Его приговорили к казни, но Екатерина II изменила приговор и сослала писателя в Сибирь.

8 июля. Победа Ф.Ф. Ушакова в Керченском сражении.

9 июля. Русский галерный флот адмирала Нассау-Зигена терпит поражение от шведской эскадры герцога Зюдерманландского на Роченсальмском рейде. Это было крупнейшее в истории сражение галерных флотов России и Швеции. С обеих сторон в нем участвовало 346 судов.

3 августа. Верельский мирный договор со Швецией. Граница ее с Россией оставалась неизменной, но Россия уже не могла вмешиваться во внутренние дела Швеции.

28 августа. Победа контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова над турецким флотом у острова (мыса) Тендра в Черном море. Победа у Тендры обеспечила господство русского флота на Черном море.

7 ноября. Русская гребная флотилия подошла по Дунаю к турецкой крепости Измаил и 9 ноября уничтожила базировавшуюся здесь дунайскую флотилию турок.

10 ноября. Измаил взят в осаду с суши русскими восками.

14 ноября. Командование войсками, окружившими Измаил, передано А.В. Суворову.

21 ноября. Александр Васильевич Суворов прибыл под Измаил. Турецкий гарнизон в Измаиле насчитывал 35 тысяч человек. Под командой Суворова была 31 тысяча солдат.

29 ноября. На рассвете началась бомбардировка Измаила, которая шла весь день и ночь до начала штурма. С этого момента начали стрелять холостыми зарядами.

30 ноября. В 3 часа 50 минут колонны Суворова пошли на приступ. Когда наступил рассвет, вал был взят, а крепостные ворота открыты. До 16 часов шли бои внутри крепости. Неприступная турецкая крепость пала.

11 декабря. Русские войска штурмом взяли турецкую крепость Измаил. Штурм длился около 11 часов. Потери русских составили 10 тыс. убитыми и ранеными. Турки потеряли

26 тыс. убитых, остальные 9 тыс. турок попали в плен.

12 декабря. Умер 57-летний историк князь Михаил Михайлович Щербатов, автор «Истории Российской от древнейших времен».

1791 год

27 апреля. Неделя святых жен-мироносиц. Первое исполнение гимна «Гром победы, раздавайся!» композитора Осипа Антоновича Козловского.

3 мая. В Польше торжественно объявлена новая конституция, вызвавшая сильнейшее неудовольствие Екатерины II.

28 июня. Генерал Репнин нанес поражение турецкой армии Юсуф-паши при Мачине (Румыния).

Н.М. Карамзин начинает выпускать «Московский журнал».

26 июля. Обер-прокурором Святейшего синода назначен граф А.И. Мусин-Пушкин.

31 июля. Блестящая победа возглавляемого контр-адмиралом Ф.Ф. Ушаковым русского флота над турками у мыса Калиакрия.

20 сентября. Родился Сергей Тимофеевич Аксаков, отец братьев-славянофилов.

5 октября. Умер по дороге в основанный им Николаев 52-летний генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потемкин, светлейший князь Таврический.

8 октября. Русско-шведский союзный договор.

17 декабря. Указ Екатерины II о введении для евреев черты оседлости. Она ограничивала расселение лиц иудейского вероисповедания в основном областями Литвы, Украины и Белоруссии.

29 декабря. В Яссах подписан мирный договор с Турцией, завершивший русско-турецкую войну 1789—1791 годов. Подтвержден Кючук-Кайнарджийский мир, Крым закреплен за Россией, а также Очаков со степью между Бугом и Днестром.

Выход повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза».

1792 год

1 марта. Скоропостижно умер австрийский император Леопольд II, две недели спустя убит заговорщиками Густав III. Распространился слух, что убийства совершены якобинцами.

22 апреля. Восстановлены торговые отношения России с Китаем.

24 апреля. В своем имении Авдотьино арестован и затем заключен в Шлиссельбургскую крепость издатель и масон Н.И. Новиков.

7 мая. В ответ на обращение представителей Тарговицкой конфедерации русские войска вступают в Польшу.

30 июня. Указ Екатерины II о переселении запорожских казаков на Кубань. Начало формирования Кубанского казачьего войска.

3 июля. В Петербурге подписан союзный и оборонительный договор с Австрией.

11 июля. Родилась великая княгиня Ольга Павловна.

12 июля. Родился поэт Петр Андреевич Вяземский.

27 июля. В Петербурге подписан союзный договор с Пруссией.

25 августа. Начало переселения запорожских казаков на Кубань. За два года переселились 25 тысяч казаков во главе с войсковым атаманом Захарием Чепегой.

Основан город Дубоссары.

7 октября. Восстановлено право безземельной продажи крестьян за помещичьи долги.

1 декабря. Умер 47-летний писатель Денис Иванович Фонвизин.

Учреждение в Малороссии крепостного права для уравнения прав дворян с дворянами Великороссии.

1793 год

Санкт-Петербургский митрополит Гавриил издал переведенное на русский язык Паисием Величковским «Добротолюбие» — свод святоотеческих творений.

12 января. Русско-прусская конвенция и второй раздел Польши, присоединение Волыни, Подолии и Центральной Белоруссии с Минском к России.

8 февраля. Екатерина II разорвала дипломатические отношения с Францией в ответ на казнь французского короля Людовика XVI якобинцами.

10 февраля. В Петербурге получено известие о казни в Париже Людовика XVI.

13 февраля. Манифест Екатерины II о французской революции. Находящиеся в России французы должны были подписать присягу, что они ничего общего не имеют с «правилами безбожными» и признают «злодеяние, учиненное сими извергами над королевскою особою во всем том омерзении, каковое оно возбуждает во всяком добром гражданине». В случае отказа от присяги французы выселялись из России. Русским подданным запрещалось ездить во Францию. Сжигались французские книги.

Сильные волнения в Польше. Начало восстания Тадеуша Костюшко.

14 марта. В Лондоне подписана конвенция о совместных с Англией действиях против Франции.

13 июля. Гродненский сейм утвердил русско-польский договор о мире и границах.

Установлен таможенный тариф для защиты рубля.

Новгород-Волынский переименован в Звягель.

Начало гонений на духоборцев.

29 сентября. Бракосочетание великого князя Александра Павловича (будущего Александра I) с принцессой Луизой Баденской (Елизаветой Алексеевной).

Начало распространения христианства между жителями американских островов.

С 1793 года рекрутская повинность стала определять срок службы не пожизненным, как было ранее, а в 25 лет (с 1834 года — 20 лет).

Учреждение Минской епархии.

1794 год

Война с Польшей.

24 марта. Поражение русских войск под Рацлавицей.

5—6 апреля. Восстание инсургентов в Варшаве.

17 апреля. Российский гарнизон покидает Варшаву.

23 июля. В Петербурге подписана русско-австрийская декларация о положении в Польше.

На развалинах турецкого форта Гаджи-бей адмирал Рибас основал Одессу.

29 сентября. Разгром армии Тадеуша Костюшко при Мацеевицах. Костюшко захвачен в плен. «Конец Польше!» — воскликнул он.

24 октября. Штурм войсками Суворова предместий Варшавы.

25 октября. Капитуляция Варшавы.

26 октября. Русская армия вступила в польскую столицу. Рассказывали, что накануне вступления в Варшаву А.В. Суворов отдал такой приказ: «У генерала Н. взять позлащенную карету, в которой въедет Суворов в город. Хозяину кареты сидеть насупротив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении».

15 ноября. Скончался 72-летний старец Паисий Величковский — идеолог русского старчества.

20 ноября. Удалился в дальнюю пустыньку на берегу Саровки преподобный Серафим Саровский.

Повышена подушная подать.

Установлен курс бумажного рубля — 68,5 копейки серебром.

Екатерина II объявила Совету о намерении «устранить сына своего Павла от престола, ссылаясь на его нрав и неспособность». Совет не одобрил намерения императрицы.

Начало пятой ревизии, насчитавшей 17,8 миллиона душ. Численность всего населения России составила 36 миллионов человек. За годы правления Екатерины население России увеличилось на 14 миллионов.

На северо-американские острова (о. Кадьяк) отправлена духовная миссия. В нее входили девять валаамских иноков, и возглавлял их иеромонах Иоасаф Болотов.

1795 год

4 января. Родился поэт, дипломат Александр Сергеевич Грибоедов.

Заключено соглашение с Австрией о третьем разделе Польши и прекращении ее независимости. Более миллиона униатов воссоединяются с православием.

7 января. Родилась великая княгиня Анна Павловна.

7 февраля. В Петербурге подписан союзный договор с Англией.

27 марта. Присоединение Курляндии и Семигалии.

15 апреля. Указ Сенату о присоединении Курляндии.

16 мая. Основана Императорская публичная библиотека — первая общедоступная библиотека в России.

20 июля. Умер в Иркутске 48-летний Григорий Иванович Шелихов. На его надгробье выбиты слова: «Здесь во ожидании пришествия Христова погребено тело по прозванию Шелехова, по деяниям бесценного, по промыслу Гражданина, по замыслам мужа почтенного, разума обширного и твердого...», и стихи Г.Р. Державина: «Колумб здесь русский погребен, проплыл моря, открыл страны безвестны, и зря, что все на свете тлен, направил парус свой во океан небесный искать сокровищ горних, не земных, сокровищ благих, его ты, Боже, думу упокой».

31 августа. Умер И.И. Бецкий.

17 сентября. Австрия присоединилась к русско-английскому союзному трактату.

13 октября. В Петербурге подписана конвенция с Пруссией о третьем разделе Польши. Присоединение к России Курляндии, Литвы и других территорий.

Воссоединение с Русской православной церковью около двух миллионов униатов.

Учреждение Омской и Подольской епархий.

Введена рекрутская повинность для украинских казаков.

А.В. Суворов завершил работу над книгой «Наука побеждать».

7 ноября. Явление чудотворной иконы Божией Матери в Николо-Угрешском монастыре.

14 декабря. Присоединение Литвы.

1796 год

Апрель — декабрь. Поход В.А. Зубова против напавшей на Грузию Персии. Благодаря Персидскому походу 1796 года Грузия спасена от разрушительного нашествия персидских войск.

10 мая. Взят Дербент.

Присоединение к России Дербента, Кубы, Баку и ханств по Куре и Араксу.

25 июня. Родился Николай Павлович, третий сын Павла Петровича и Марии Федоровны (будущий император Николай I).

Захват французами Северной Италии. А.В. Суворов написал тогда Екатерине II: «Карманьольцы по знатным их успехам могут простирать свой шаг на Вислу... Я готов с победоносными войсками Вашего Императорского Величества их предварить».

16 сентября. Екатерина II сообщает своему внуку Александру, что она собирается сделать его наследником престола вместо его отца — великого князя Павла Петровича.

Указ, ограничивающий свободу книгопечатания. Книги должен был освидетельствовать митрополит Платон. Ограничен ввоз иностранных книг, закрыты частные типографии.

Учреждение духовной и светской цензуры в России.

6 ноября. Попив утром кофе, 67-летняя Екатерина II прошла в свою гардеробную, где с ней сделался паралич. Скоро, не приходя в сознание, она умерла.

В шутку Екатерина II сама сочинила себе такую эпитафию:

«Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля 1729 года. Она прибыла в Россию в 1744 г., чтобы выйти замуж за Петра III. Четырнадцати лет от роду она возымела тройное намерение — понравиться своему мужу, Елизавете и народу. Она ничего не забывала, чтобы успеть в этом. В течение 18 лет скуки и уединения она поневоле прочла много книг. Вступив на Российский престол, она желала добра и старалась доставить подданным счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. Пощадливая, обходительная, от природы веселонравная, с душою республиканскою и с добрым сердцем, она имела друзей. Работа ей легко давалась, она любила искусства и быть на людях».

ПРАВЛЕНИЕ ПАВЛА I (1796—1801)

1796 год

6 ноября. Вечером, узнав о смерти матери, приехал из Гатчины Павел.

«Тотчас все приняло иной вид, зашумели шарфы, ботфорды, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом», — писал Г.Р. Державин.

7 ноября. Великий князь Александр Павлович назначен полковником в Семеновский полк, а полковник Аракчеев — в Преображенский.

19 ноября. Повелением императора Павла Петровича отрыто из земли тело императора Петра III, похороненного в Александро-Невской лавре 34 года назад.

25 ноября. «Сокоронование» праха Петра III с телом Екатерины II.

2 декабря. В 11 часов утра из ворот Нижней Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря вынесли гроб императора Петра III. Впереди гроба шел герой Чесмы граф Алексей Орлов, он нес на бархатной подушке императорскую корону, позади шла вся царская семья. Гроб Петра III внесли в Зимний дворец и установили рядом с гробом Екатерины II. Затем оба гроба отвезли в Петропавловский собор. Объявлено было, что хоронят не Екатерину II, а императора Петра III и его жену Екатерину Алексеевну.

Освобожден из Шлиссельбургской крепости Н.И. Новиков. Из ишимской ссылки возвращен А.Н. Радищев. Дарована свобода польским пленным, томившимся под арестом с 1794 года.

8 декабря. Умер полководец, генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский.

10 декабря. Отменена хлебная подать с крестьян.

12 декабря. Указ Павла I, запрещавший подавать коллективные жалобы.

Декабрь. Прикрепление к земле Войска Донского крестьян Екатеринославской губернии.

18 декабря. Погребение Екатерины II вместе с Петром III.

Начало крестьянских волнений на Урале, в Калужской, Костромской и Псковской губерниях.

1797 год

4 января. В Москве восстановлена Берг-контора.

29 января. Манифест, опровергавший слухи об освобождении крестьян.

6 февраля. Уволен со службы без права носить мундир А.В. Суворов.

10 февраля. Торговый договор с Англией.

16 февраля. Запрещена продажа крестьян без земли.

20 февраля. На месте снесенного Летнего дворца заложен Михайловский замок. Первый камень в фундамент дворца, в котором его убьют, кладет сам император.

5 апреля. Коронация императора Павла I.

В день коронации издан акт, объявляющий, что император является одновременно и главой Церкви. Объявлено установление о российских орденах, а также обнародован манифест о трехдневной барщине и запрещено обезземеливание крестьян.

Восстановлен отмененный Петром I закон о наследовании престола. Этот акт существенно ограничивал свободу монарха в выборе преемника. Престол теперь должен был наследовать старший сын, независимо от борьбы дворцовых партий и придворной конъюнктуры.

13 апреля. Отменен указ 1785 года, освобождавший дворян от телесных наказаний.

3 мая — 2 июня. Поездка императора Павла по России. Царского посещения были удостоены города Смоленск, Орша, Могилев, Минск, Вильно, Гродно, Ковно, Митава, Рига и Нарва. По повелению императора строжайше было запрещено поправлять дороги, чинить мосты специально к царскому проезду. Дело помещика Храповицкого, нарушившего указ.

4 июля. Установлена цензура.

8 сентября. Учреждена Российско-Американская компания в Иркутске. Американская Северная, Северо-Восточная и Курильская компании Шелихова и Голикова объединились с компанией иркутских купцов во главе с Н.П. Мыльниковым, «чтобы общими силами российскую коммерцию в Северном, Северо-Восточном и Тихом морях умножить, распространить, усовершенствовать и учинить навсегда прочною».

14 октября. Введен общий таможенный тариф.

6 ноября. Смерть прусского короля Фридриха Вильгельма II.

15 ноября. Указ, запрещавший дворянам, выключенным с военной службы, баллотироваться на выборах и подавать свои голоса.

Учреждены духовные академии в Петербурге и Казани.

Основан Клинический повивальный институт.

Основана первая хозяйственная школа в Павловске.

1798 год

14 января. Запрещено принимать на гражданскую службу дворян, выключенных со службы военной.

28 января. У императорской четы Павла Петровича и Марии Федоровны родился четвертый сын — Михаил.

1 февраля. Опала на А.А. Аракчеева.

17 февраля. Учрежден государственный вспомогательный банк для дворянства.

В Митавском замке по приглашению императора Павла поселился изгнанный из Франции Людовик XVIII. Содержания ему было назначено 200 000 рублей.

16 марта. Восстановлено право заводчиков из купеческого звания покупать крестьян с землей и без земли к своим фабрикам и заводам.

18 марта. Граф А.А. Аракчеев отставляется от службы.

9 апреля. Основан университет в Дерпте.

Апрель. Французам запрещен въезд в Россию.

5 мая. Указ, запрещавший изготавливать трехцветные ленты и торговать ими. В тот же день началось второе путешествие императора Павла по России. Он посетил Новгород, Тверь, Москву, Владимир, Нижний Новгород, Казань, Ярославль, Тихвин, Новую Ладогу.

25 мая. Родился Алексей Федорович Львов, будущий генерал и композитор, автор российского гимна «Боже, царя храни!»

1 июня. В Петербурге учрежден институт Святой Екатерины для благородных девиц.

25 июля. Петербургским военным губернатором назначен П.А. фон дер Пален.

11 августа. Возвращение А.А. Аракчеева на службу по заступничеству великого князя Александра Павловича.

Август. Г.Р. Державин по указанию императора обследовал положение белорусов и причины их голодания. Державин «самолично дознал великий недостаток у поселян в хлебе, или, лучше, самый сильный голод, что питались почти все пареною травою». По силе данного ему именного повеления Державиным были взяты в опеку деревни графа Огинского, где положение крестьян было особенно ужасающим. Откупщик Ноткин предлагал Державину взятку, но подкупить ревизора ему не удалось. Павел назначил неподкупного чиновника президентом Коммерц-коллегии.

16 октября. Павел запретил разрешенную Сенатом продажу без земли крестьян в Малороссии.

19 ноября. Запрещено телесное наказание лиц всех сословий старше 70 лет.

29 ноября. Император Павел принял звание «великого магистра державного ордена Святого Иоанна Иерусалимского».

18 декабря. В связи с угрозой превращения Средиземного моря во «французское озеро» в Петербурге заключен союзный договор с Англией.

23 декабря. В Константинополе заключен союзный и оборонительный договор с Турцией. Русский флот получил право прохода через Босфор.

Началась война с Францией.

Русско-турецкая экспедиция под командой Ф.Ф. Ушакова — в Средиземном море. Эскадра Ф.Ф. Ушакова подошла к Ионическим островам. Острова были освобождены от французов. Крепость на острове Корфу взята в осаду.

1799 год

20 февраля. Капитуляция осажденной русско-турецким флотом, которым командовал вице-адмирал Ф.Ф. Ушаков, крепости Корфу.

Февраль. Снята опала с А.В. Суворова.

1 марта. Назначение А.В. Суворова главнокомандующим союзной русско-австрийской армией в Италии. Перед отъездом в Вену его напутствовал император Павел I.

«Боже, спаси царя!» — сказал Суворов.

«Да спасет Бог тебя для спасения царей!» — отвечал император.

23 марта. А.В. Суворов выехал из Вены в действующую армию.

16 апреля. Сражение на реке Адде. Отступление французов. Форсировав реку, армия Суворова окружила и пленила дивизию Серюрье. Генералу Моро удалось отступить за реку Тичино.

17 апреля. Войска А.В. Суворова вступили в Милан. В Милане Суворов составил план, включавший вторжение союзных войск на территорию Франции.

2 мая. Рескрипт австрийского императора, отвергавший план Суворова.

15 мая. Войска Суворова взяли Турин.

26 мая. Родился Александр Сергеевич Пушкин.

1 июня. Войска французского генерала Макдональда разгромили у Модены австрийские войска Гогенцоллерна, не выполнившие приказа Суворова и не присоединившиеся к союзной армии у Алессандрии.

6 июня. На шоссе Алессандрия — Модена, западнее Пьяченцы, Суворову удалось перехватить идущие на соединение с генералом Моро войска Макдональда. Сражение (и союзные части, и французские войска были растянуты на марше) длилось три дня. Французы были разбиты и отступили, потеряв только пленными 12 000 человек. Эта победа на Требии переломила весь ход итальянской кампании.

11 июля. Капитулировала цитадель Алессандрии.

17 июля. Пала Мантуя.

4 августа. Разгром Суворовым французских войск Жубера при Нови. Жубер погиб. Принявший командование генерал Моро отвел остатки армии в Генуэзскую Ривьеру.

Начало августа. Рескрипт Павла I и Франца I с новым планом войны. Суворов с русскими полками должен был оставить Италию и идти в Швейцарию. Подобное решение было принято Павлом под давлением Австрии и Англии, опасавшихся участия России в итальянских делах.

31 августа. Капитуляция Тортонской цитадели. В тот же день войска Суворова двинулись в Швейцарию.

10 сентября. Начало швейцарского похода А.В. Суворова.

13 сентября. Войска Суворова подошли к южным склонам Сен-Готарда. Обороняла перевал бригада Гюдена.

14 сентября. Суворов атаковал французов и завладел позицией у Чертова моста.

15 сентября. Массена нанес поражение корпусу А.М. Римского-Корсакова при Цюрихе. Группа войск А.В. Суворова, сосредоточенная в Мутенской долине, фактически оказалась в окружении.

20 сентября. Бои в Кленской долине. Войска Суворова нанесли поражение частям Молитора. Русские войска соединились у Гларуса.

28 сентября. Преодолев засыпанный глубоким снегом перевал Панике, войска Суворова спустились в долину Переднего Рейна, где их ждали продовольственные магазины.

В целом действия союзников в Швейцарии были неудачными, но действия группы самого Суворова вошли в мировую военную историю как «самый выдающийся альпийский переход».

1 октября. Граф А.А. Аракчеев за ложное донесение о беспорядках отставлен от службы.

12 октября. Перенесение из Мальты в Гатчину части древа Животворящего Креста Господня, Филермской иконы Божией Матери и руки Святого Иоанна Крестителя.

В тот же день состоялось бракосочетание дочери Павла Елены Павловны с наследным принцем Мекленбург-Шверинским.

17 октября. Указ о заселении южной части Восточной Сибири, прилегающей к границам Китая.

Разрыв с Австрией.

19 октября. Бракосочетание дочери Павла Александры Павловны с эрцгерцогом Иосифом.

28 октября. Суворов получил звание генералиссимуса российских войск. Возвращение русской армии в Россию.

Киргизский хан Букей начал переговоры о вступлении в русское подданство. Он просил предоставить ему для кочевий степь между Волгой и Уралом.

Устав о цехах.

9 ноября. Вернувшись из Египта, Наполеон разогнал Директорию и объявил себя первым консулом Франции.

29 ноября. Торжества в Зимнем дворце по случаю принятия императором Павлом достоинства великого магистра державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского.

1800 год

18 апреля. Указ о запрещении ввоза книг из-за границы.

16 мая. Умер генералиссимус Александр Васильевич Суворов. Похоронен в Троицком соборе Александро-Невской лавры в Петербурге. На могильной плите начертана надпись: «Здесь лежит Суворов».

16 июля. В Петергофе заключен союз с Пруссией.

Узнав, что Австрия отказала Павлу в просьбе освободить французских военнопленных, доставшихся ей благодаря победам Суворова, чтобы обменять их на русских пленных во Франции, Наполеон приказал освободить пять тысяч русских солдат и офицеров, экипировать их и с оружием и знаменами отправить на родину.

2 октября. Павел рассмотрел подготовленный Ф.В. Ростопчиным план будущего устройства европейских дел. Предполагалось заключить союз с Францией, Оттоманская империя должна быть поделена. Цель плана — «соединить воедино престолы Петра и Константина, двух великих государей, основателей знатнейших империй мира».

«Дай Бог, чтобы по сему было!» — начертал Павел на плане Ростопчина.

Октябрь. Священный синод утвердил составленные митрополитом Платоном правила «Единоверия» — компромисса между старообрядчеством и православием.

23 октября. В ответ на захват англичанами Мальты наложено амбарго на все английские суда, находившиеся в российских портах.

27 октября. Старообрядцам разрешено строить церкви.

21 ноября. К Наполеону в Париж отправлен Спренгпортен — специальный посланник Павла.

27 ноября. Умерла в монастырской тюрьме Дарья Салтыкова — печально знаменитая «Салтычиха», со сладострастием истязавшая своих крепостных.

Учреждена Медико-хирургическая академия.

4 декабря. Россия и Швеция заключили союз против Англии, которым ограждалась свобода морской торговли. К союзу примкнули затем Пруссия и Дания.

13 декабря. Павел послал римскому папе Пию VII приглашение поселиться в Петербурге, если французская политика сделает его пребывание в Италии невозможным.

15 декабря. Запрещен экспорт в Англию.

18 декабря. Первое письмо императора Павла Наполеону. Переговоры о союзе. Разрыв с эмигрантским французским двором. Будущий король Людовик XVIII лишен ежегодной пенсии (200 000 рублей).

19 декабря. Устав о банкротах.

Крепостной мастеровой Артамонов в Нижнем Тагиле изобрел первый в мире двухколесный велосипед. (В следующем году Артамонов приехал на этом велосипеде с Урала в Москву на коронацию императора Александра I.)

Граф А.И. Мусин-Пушкин (совместно с архивистами А.Ф. Малиновским и Н.Н. Бантыш-Каменским) впервые опубликовал «Слово о полку Игореве». Рукопись «Слова» погибла в московском пожаре 1812 года.

Начало покорения Кавказа. Смерть Георгия XII — преемника царя Ираклия. Император Павел признал Георгия XII царем Грузии, и умирая, Георгий завещал Грузию русскому императору. Завещание было принято, и в Тифлис вернулись русские полки. Они оказались в затруднительном положении, поскольку были отрезаны от России горными хребтами, населенными магометанскими ханствами, находившимися под покровительством Персии, и маленькими княжествами, бывшими под протекторатом Турции.

31 декабря. Распоряжение об укреплении Соловецких островов на случай войны с Англией.

1801 год

12 января. Рескрипт Павла I атаману Войска Донского Василию Орлову о походе в Индию. 30 тысяч казаков должны были через месяц сосредоточиться в Оренбурге и оттуда через «Бухарию и Хиву идти на реку Индус». Кроме Войска Донского в походе предполагалось задействовать французский корпус генерала Массена вместе с 35-тысячной армией, десантировав эти войска из Астрахани через Каспийское море в иранском порту Астрабад.

18 января. Присоединение к Российской империи Грузии (в соответствии с просьбой грузинского царя Георгия XII).

22 января. Будущий король Людовик XVIII выехал из Митавы в Пруссию.

1 февраля. Покинув Зимний дворец, император Павел перебрался в Михайловский замок.

8 февраля. Русским подданным разрешено торговать с Францией.

27 февраля. Войско Донское двумя эшелонами выступило в индийский поход.

12 марта. Ночью убит в Михайловском замке император Павел I. Взломав дверь в спальню императора, заговорщики граф П.А. Пален и генерал П.А. Зубов потребовали от императора отречения. Павел отказался. Тогда в спальню были впущены офицеры Яшвиль, Татаринов, Горданов, Скарятин.

«Многие заговорщики, сзади толкая друг друга, навалились на эту отвратительную группу, и таким образом император был удушен и задавлен, а многие из стоящих сзади очевидцев не знали в точности, что происходит».

Поздно ночью вдохновитель заговора граф П.А. Пален доложил цесаревичу о «скоропостижной смерти» императора.

После недолгой слабости Александр вышел к гвардейским офицерам и сказал: «Батюшка скончался апоплексическим ударом, все при мне будет, как при бабушке».

Офицеры в ответ закричали «Ура!».

В Петербурге рассказывают анекдот, что якобы Павел просил своих убийц повременить с исполнением их намерений, так как он не успел разработать церемониал собственных похорон.

ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА I (1801—1825)

1801 год

12 марта. Манифест: «...Мы, восприемля наследственно императорский Всероссийский престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом врученный нам народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великой, коея память Нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна, да по ея премудрым намерениям шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным Нашим».

Присяга новому императору, Александру Павловичу.

13—15 марта. Повелено возвратить на службу и восстановить в прежних правах всех, незаконно, без суда «отрешенных».

15 марта. Прощено почти полтысячи человек, проходивших по делам в Тайной канцелярии. На дверях каземата Петропавловской крепости какой-то шутник сделал надпись: «Свободна от постоя».

Амнистия бежавшим за границу — «если они не человекоубийцы».

18 марта. Прекращен поход казаков в Индию, устроенный императором Павлом.

22 марта. Указ о свободном пропуске едущих в Россию и отъезжающих из нее.

30 марта. Учрежден Непременный совет, совещательный орган при императоре, состоявший из 12 высших сановников.

31 марта. Разрешено ввозить из-за границы книги и ноты, открывать частные типографии.

8 апреля. Указ об уничтожении виселиц, установленных в городах при публичных местах.

23 апреля. Священники и диаконы освобождены от телесных наказаний.

28 мая. Запрещено «припечатание в ведомостях» объявлений о продаже людей без земли. Запрещена раздача населенных имений в частную собственность.

5 июня. Графу П.В. Завадскому поручено управлять комиссией составления законов.

12 сентября. Манифест об учреждении внутреннего управления в Грузии: оставляет «подати с земли в пользу края» и сохраняет народу «его права, преимущества и веру», а цесаревичам — их уделы.

15 сентября. Манифест о короновании. Коронование Александра I в Москве.

27 сентября. Повелено уничтожить пытки так, чтобы «самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной».

Н.М. Карамзин начал издавать литературно-политический журнал «Вестник Европы».

12 декабря. Указ, разрешающий лицам всех свободных состояний приобретать в собственность недвижимые имущества без крестьян. Впервые нарушена землевладельческая монополия дворянства.

1802 год

В Петербурге действительным камергером А.А. Жеребцовым основана масонская ложа «Объединенные друзья».

Родился Юрий Иванович Венелин, первый русский славист.

8 сентября. Учреждено восемь министерств: иностранных дел, военно-сухопутных сил, морских сил, внутренних дел, финансов, юстиции, коммерции, народного просвещения. Прежние коллегии подчинены министерствам или вошли в их состав.

12 сентября. Окончательно реабилитированный и возвращенный на службу А.Н. Радищев, придя домой, выпил яд. Умирая, он будто бы произнес: «Потомство за меня отомстит».

15 сентября. В Киеве, в годовщину коронования Александра I, открыт памятник равноапостольному князю Владимиру.

По реке Молочная в Мариупольском уезде, в соответствии с указом Александра I, поселяются духоборцы.

Ассигновано 2 843 434 рубля на строительство Казанского собора в Петербурге.

Верховную власть России признала Имеретия (Кутаис).

Доктор Буттац, объезжая губернии, делает детям прививки от оспы.

Профессор физики Петербургской Медико-хирургической академии Василий Владимирович Петров, занимавшийся исследованиями в области электротехники, открыл электрическую (Вольтову) дугу.

1803 год

24 января. Одобрен план управления учебными заведениями. Создано шесть округов, в которых все учебные заведения разделены на четыре разряда: приходские, уездные, губернские (т.е. гимназии) и университеты.

26 января. Постановление об учреждении церковно-приходских уездных училищ, гимназий и университетов в России, введение бессословного и бесплатного обучения.

20 февраля. Первая попытка освобождения крестьян — Указ о «вольных хлебопашцах». Помещики могли вступить в соглашение со своими крестьянами, освобождая их непременно с землей, целыми селениями или отдельными семьями. Указ был принят по проекту графа Сергея Румянцева, задумавшего отпустить на волю 199 душ своих крепостных крестьян.

4 марта. Родился поэт Николай Михайлович Языков.

Середина мая. В Петербурге торжественно отмечалось 100-летие города. Императору преподнесли памятную медаль, которую он возложил на гробницу Петра Великого в Петропавловском соборе.

Дабы не препятствовать «изобильному ходу рыбы по притокам из Каспийского моря в Волгу», запрещено пользоваться наиболее опасными снастями.

26 июля. И.Ф. Крузенштерн и Ю.Ф. Лисянский отправились в первое русское кругосветное путешествие. На одном из кораблей было отправлено и посольство в Японию, возглавляемое Николаем Петровичем Резановым. Посольство успеха не имело. В 1806 году Резанов прибыл в Охотск и поехал в Петербург, но добраться до столицы не сумел, умер по дороге «от сибирского хлебосольства».

31 октября. Указом государя Н.М. Карамзину пожалован титул историографа и 2 000 рублей ежегодной пенсии.

Основан Виленский университет — третий в Российской империи после Московского (1775) и Дерптского (1802).

23 ноября. В день памяти Святого Александра Невского родился Федор Иванович Тютчев.

Московские розенкрейцеры открыли тайную ложу «Нептуна».

Кондрат Селиванов, основатель секты скопцов, открыто живет и проповедует в Петербурге.

1804 год

«Начертание о восстановлении нового, славяно-сербского государства», прислано в Пе-

тербург митрополитом австрийских сербов Стратимировичем. «Нельзя ли и не стоит ли труда добрых славяно-русских родичей в политическое бытие привести?»

4 января. Русскими войсками взята крепость Ганджа. (Переименована в Елисаветполь.)

21 февраля. Умер 44-летний архитектор Андрей Никифорович Воронихин.

Апрель. Прерваны дипломатические отношения с Францией.

20 мая. В селе Новоспасское Смоленской губернии родился великий русский композитор Михаил Иванович Глинка.

9 июля. Цензурный устав. Вводится предварительная цензура.

Октябрь. Сербская депутация просила Александра I защитить сербов от турок.

25 октября. В Петербурге подписана декларация о союзе России с Австрией против Франции.

Разработан университетский устав.

Основан Казанский университет.

К Российской империи присоединена Мингрелия.

1805 год

16 февраля. Перенесение мощей святителя Иннокентия Иркутского в соборную церковь Вознесенского монастыря.

4 апреля. Учреждена Главная морская библиотека в Санкт-Петербурге.

28 апреля. На пожертвование промышленника Павла Григорьевича Демидова открыто Ярославское училище высших наук (Демидовский лицей).

13 августа. Участие России в коалиции с Австрией против Франции. 50-тысячная Подольская армия вышла из Радзивиллова в Австрию.

5 сентября. Учрежден «Комитет по делам высшей полиции».

9 сентября. Подольскую армию возглавил М.И. Кутузов.

7 октября. Без боя сдалась французам 46-тысячная австрийская армия Макка, на соединение с которой шел Кутузов.

Отступление русской армии от Браунау до Кремса. «Мы идем по ночам, мы почернели... офицеры и солдаты босиком, без хлеба. Какое несчастье быть в союзе с такими негодяями, но что делать!» — писал об этом походе генерал Д.С. Дохтуров.

11 октября. Государь счел возможным разрешить одной из лож быть названной его именем: «Александра благотворительности к коронованному Пеликану».

30 октября. «Этот день был днем резни», — сказал Наполеон. Русские одержали победу под Кремсом. Дивизиям генерала Дохтурова удалось нанести поражение корпусу Мортье.

4 ноября. Сражение у Шенграбена. Багратион спас армию, задержав противника.

19 ноября. Глубокой ночью в Кржижановице состоялся военный совет, на котором австрийский полковник Вейротер ознакомил военачальников с диспозицией боя, составленной по плану русского и австрийского императоров.

20 ноября. Сражение под Аустерлицем. 21 тысяча русских и 6 тысяч австрийцев — таковы потери союзников. Наполеон потерял только 12 тысяч. Александр I «поражен сильнее, чем его армия».

Русские войска покинули Австрию.

Открыт университет в Харькове.

Адмирал А.С. Шишков перевел с древнерусского «Слово о полку Игореве».

Основан Новочеркасск.

Мещанин Яков Санников открыл Столбовой и Фаддеевский острова в Северном Ледовитом океане.

1806 год

22 марта. Родился Иван Васильевич Киреевский — один из основоположников славянофильства.

Начал выходить журнал масонов «Сионский вестник».

2 июня. Русские войска взяли Баку.

29 июня. Издано новое положение для поселений в Сибири — развернутый план колонизации Зауралья. Переселенцам предоставлялись «ссуда, льгота и выгода».

Купеческий сын Сыроваткин открыл остров Новая Сибирь в Северном Ледовитом океане.

8 июля. Мирный трактат между Россией и Францией. Наполеон ратифицировал его в день подписания. Александр I ратифицировать трактат отказался.

16 июля. Родился художник Александр Андреевич Иванов. 20 лет он писал картину «Явление Христа народу», сделав 10 эскизов и 600 этюдов.

2 августа. Капитан-лейтенант И.Ф. Крузенштерн возвратился из первого кругосветного плавания.

16 ноября. Александр I объявил о начале новой войны с Наполеоном в союзе с Пруссией. Главнокомандующим назначен престарелый екатерининский фельдмаршал М.Ф. Ка-

менский. Русская армия двинулась в Пруссию, но не успела. Наполеон разгромил прусские войска под Иеной и Ауэрштедтом и занял Берлин. Начало разгрома четвертой антинаполеоновской коалиции.

21 ноября. Декрет Наполеона о континентальной блокаде Англии. Подвластным Франции странам запрещалась торговля с Англией, все английские подданные должны арестовываться. Суда нейтральных государств, если они заходили в английские порты, не могли заходить в континентальные гавани.

14 декабря. Бой под селом Голымин в Польше. Дивизии Дохтурова и Голицына под натиском корпусов Ожеро, Даву, Сульта вынуждены были отойти.

Русская армия под командованием И.И. Михельсона заняла Бессарабию, Молдавию и Валахию.

18 декабря. Турция, которой Наполеон сулил вернуть Крым, объявила войну России.

Отношение императора Александра I к масонам определено как «терпимое».

Начало возвышения управляющего департаментом Министерства внутренних дел Михаила Михайловича Сперанского.

1807 год

«Комитет по делам высшей полиции» заменен «Комитетом общественной безопасности».

27 января. Кровопролитное сражение в Пруссии при Прейсиш-Эйлау. Цена победы русской армии — 26 тысяч убитыми и ранеными. Французы потеряли 30 тысяч человек.

13 февраля. Учрежден орден Святого Георгия Первозванного для низших военных чинов.

11 мая. Флот адмирала Д.Н. Сенявина одержал победу над турками при Дарданеллах.

2 июня. Битва под Фридландом. Крупная победа Наполеона. Русская армия потеряла 15 тысяч человек. Практически это обозначало конец войне.

Александр I вступил в переговоры с Наполеоном. «Союз России с Францией всегда был предметом моих желаний», — заявил он.

13 июня. Наполеон и Александр I встретились в Тильзите, небольшом городке на Немане. «Соперники подали друг другу руки, обнялись и молча вошли в павильон», — писал биограф российского императора. На неподвижном плоту посреди вод Немана состоялось подписание Тильзитского мира, закрепившего успех Бонапарта.

Россия присоединилась к континентальной блокаде. Разрыв с Англией.

19—20 июня. Афонское сражение. Эскадра вице-адмирала Д.Н. Сенявина разбила при Афонской горе турецкий флот.

Запорожцы и некрасовцы, переселившиеся в Россию, образуют Усть-Дунайское войско.

Экспедиция горного чиновника Луддова на Новую Землю, снаряженная на средства канцлера графа Н.П. Румянцева. Луддов нашел на Новой Земле месторождение серы и медного колчедана.

1808 год

Война со Швецией.

В ночь с 8 на 9 февраля. Русские войска перессекли границу с Финляндией.

20 марта. Манифест «о покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России».

26 апреля. Капитулировал Свеаборг.

23 мая. Российским подданным свободных состояний дозволено покупать и выменивать киргизских детей, которые, когда им исполнялось 25 лет, становились свободными.

17 сентября. Заключено перемирие между Россией и Швецией.

Конец сентября. Александр I, приглашенный Наполеоном, поехал в Эрфурт. Императоры подписали русско-французскую конвенцию.

М.М. Сперанский начал составление общего плана государственных реформ.

30 сентября. Сгорел храм Воскресения в Новом Иерусалиме.

Ноябрь. В соответствии с договором с Россией шведы отошли за реку Кемь.

Начало заселения русскими Сахалина. Американской компании разрешено учредить там поселения.

Мещанин Бельков открыл Бельковский остров (к Западу от Котельного острова).

Образовано Сибирское линейное войско из казаков, оборонявших Ишимскую, Иртышскую и Колывано-Кузнецкую линии: десять конных полков и две артиллерийские роты.

В.А. Жуковский написал балладу «Людмила».

1809 год

17 февраля. Учреждена Духовная академия в Петербурге.

Возобновление войны со Швецией.

Начало марта. П.И. Багратион занял Аландские острова.

Русский конный отряд появился в окрестностях Стокгольма.

9 марта. День памяти 40 мучеников Севастийских. В Петербурге возникла ложа «К мертвой голове».

12 марта. Пройдя по льду Ботнического залива, дивизия М.Б. Барклая-де-Толли без боя взяла шведский город Умео. Переход этот сравнивали с переходом Суворова через Альпы. За два дня по ледяным торосам дивизия прошла около 100 верст.

16 марта. Александр I присутствовал на торжественном открытии сейма в Финляндии.

Утверждена конституция Финляндии.

20 марта. В местечке Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии родился Николай Васильевич Гоголь.

3 апреля. Указ о придворных званиях. Звания камергера и камер-юнкера обращены в простое отличие, не связанное ни с какими служебными правами.

Усиление масонства в России. Открыты ложа Палестины и ложа «Елисаветы и Добродетели».

Июнь. Русские войска перешли Дунай. После кончины 80-летнего А.А. Прозоровского главнокомандующим назначен П.И. Багратион.

3 августа. Начало переговоров со шведской стороной.

6 августа. Указ об образовательном цензе для чинов.

5 сентября. Со Швецией подписан Фридрихсгамский мир. России переданы Финляндия и Аландские острова.

14 сентября. Сдался Измаил.

Октябрь. М.М. Сперанский подготовил проект государственных преобразований.

На дому барона Розенкампфа собирается ложа «Полярная звезда».

5 ноября. Установлены дипломатические отношения с Америкой. Верительные грамоты в Петербурге представил Джон Куинси Адамс.

Вышел в свет первый сборник басен И.А. Крылова.

1810 год

1 января. Торжественное открытие нового Государственного Совета, в котором «все части управления в их главном отношении к законодательству сообразуются и чрез него восходят к верховной власти».

2 февраля. Смета доходов обещала сумму в 127 миллионов рублей. Смета расходов требовала 193 миллиона. М.М. Сперанский предложил провести финансовую реформу. Первое повышение налогов.

Граф А.А. Аракчеев уволен с поста военного министра. На это место назначен генерал от инфантерии, генерал-губернатор Финляндии М.Б. Барклай-де-Толли.

Март. Австрия уступила России часть Галиции.

22 мая. Открылась ложа «Петра к Правде».

30 мая. Турки сдали Силистрию.

Июнь. М.М. Сперанский посвящен в ложу доктора Фесслера.

Первый опыт военных поселений проведен в Могилевской губернии. Крестьяне переселены в Малороссию, а дома их и земли отданы запасному батальону Елецкого мушкетерского полка.

На Камчатку прибыла морская экспедиция В.М. Головина. Во время осмотра Курильских островов Головин был захвачен японцами и освободился только в 1813 году.

Страшный голод в Туруханском крае.

15 сентября. Турки сдали Рущук.

Начало собраний в доме Г.Р. Державина у Измайловского моста литературного общества «Беседа любителей русского слова», вдохновляемого адмиралом А.С. Шишковым.

Учрежден Институт инженеров путей сообщения.

Казаки заселяют зауральскую степь.

1811 год

В Москве братья Муравьевы организовали тайное «Юношеское братство» с целью образования республики на Сахалине. «Были учреждены настоящие собрания и введены условные знаки для узнавания друг друга при встрече. Положено было взяться правой рукою за шею и топнуть ногой; потом, пожав товарищу руку, подавить ему ладонь средним пальцем и взаимно произнести друг другу на ухо слово «Чока». Слово «Чока» означало «Сахалин».

31 января. Разбит 15-тысячный отряд турок под Ловче.

Март. Александр I посетил Тверь.

Великая княгиня Екатерина Павловна познакомила императора с трактатами Н.М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Государь удручен беспощадной критикой реформ правительства.

7 апреля. Русскую армию, воюющую с турками, возглавил новый главнокомандующий — Михаил Илларионович Кутузов.

30 мая. Родился Виссарион Григорьевич Белинский.

Июнь. Русская армия отведена на левый берег Дуная. Кутузов рассчитывает на успех в оборонительных сражениях.

25 июня. Продолжение реформ М.М. Сперанского. Опубликовано «Общее учреждение министерств». Количество их увеличено до 11. Упразднено министерство коммерции; его дела переданы в министерства финансов и внутренних дел, а из последнего выделено министерство полиции. Созданы особые ведомства с правами отдельных министерств: главное управление ревизии государственных счетов (госконтроль), главное управление духовных дел иностранных исповеданий, главное управление путей сообщения.

28 августа. Переправу через Дунай предпринимает великий визирь. На левом берегу сосредоточивается 35-тысячная турецкая армия.

15 сентября. Освящен в Петербурге Казанский собор. Главная святыня его — чудотворная икона Казанской Божией Матери, покровительница дома Романовых и русского воинства.

2 октября. 8-тысячный отряд генерала Маркова, незаметно переправившийся на правый берег Дуная, обратил в бегство 30 тысяч турок. Главные силы великого визиря, переправившиеся на правый берег, таким образом оказались в окружении.

19 октября. В присутствии Александра I открыт Александровский (Царскосельский) лицей. А.С. Пушкин, А.М. Горчаков, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Извольский, С.Д. Сазонов — эти выпускники лицея навсегда вошли в нашу историю.

25 ноября. Завершилась Рущукская операция. Капитулировали остатки турецкой армии, брошенной великим визирем Ахмед-беем.

11 декабря. Выборгская губерния присоединена к Финляндии, вошедшей в состав Российской империи.

Крестьяне, приписанные к станицам на Дону, обращены в казаков.

Неурожай в большинстве губерний.

В Нерчинском округе найдена оловянная руда.

1812 год

1 января. М.М. Сперанский награжден орденом Св. Александра Невского.

11 февраля. По проекту М.М. Сперанского в несколько раз увеличены все налоги. Подушная подать поднята с одного до трех рублей. Введен подоходный прогрессивный налог. На имения, дававшие свыше 18 тысяч рублей дохода, он составлял 10%.

12 февраля. Наполеон заключил тайный наступательный союз с Пруссией. Пруссия была обязана поставить 20 тысяч солдат и снабжать французов продовольствием во время похода их через Пруссию.

23 февраля. Учреждена Императорская Публичная библиотека.

17 марта. Отставка М.М. Сперанского. Со слезами на глазах Александр I простился с Михаилом Михайловичем. По возвращении домой из Зимнего дворца Сперанский встречен дожидавшимся его министром полиции. Сперанскому предписано отбыть в Нижний Новгород.

24 марта. В Петербурге и Або подписан союзный договор между Россией и Швецией. Стороны намеревались создать объединенный корпус для высадки в захваченной Францией Шведской Померании.

16 мая. Подписан Бухарестский мир с Турцией. К России присоединена Бессарабия. Турция лишилась права держать войска в Молдавии и Валахии.

6 июня. Родился писатель Иван Александрович Гончаров.

12 июня. Ночью 600-тысячная армия Наполеона переправилась через Неман. Началась Отечественная война.

13 июня. Рескрипт Александра I председателю Госсовета и председателю Комитета министров фельдмаршалу Н.И. Салтыкову: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем».

Приказ Александра I по армии кончался словами: «На начинающего — Бог».

1-я армия (Барклай-де-Толли) получила приказ отойти к Свенцянам, 2-я армия (П.И. Багратион) — к Вилейке.

Начало июля. Александр I, оставив армию, уехал в Петербург. «Поручаю вам мою армию, — сказал он Барклаю-де-Толли. — Не забывайте, что у меня нет другой, и пусть эта мысль никогда вас не покидает».

11 июля. Легендарный бой корпуса Н.Н. Раевского с маршалом Даву возле деревни Салтановка. Прикрывая переправу через Днепр армии Багратиона, генерал Раевский сумел сдержать натиск противника. В самый острый момент боя Н.Н. Раевский лично повел в атаку Смоленский полк. Рядом с генералом шли и его сыновья — 16-летний Александр и 11-летний Николай.

13 июля. Арьергардные бои с французами. Соединиться 1-й и 2-й армиям не удалось, и

Барклай-де-Толли, оставив Витебск, приказал отходить к Смоленску.

16 июля. Подписан манифест о созыве народного ополчения.

22 июля. Русские армии соединились в Смоленске.

2 августа. 180-тысячная французская армия переправилась через Днепр. Бой у города Красного. Дивизии генерала Д.П. Неверовского отразили атаки Мюрата и Нея.

4 августа. Армии Барклая-де-Толли и Багратиона подошли к Смоленску. К этому времени корпус Раевского отбил атаки французского авангарда.

5 августа. В восемь утра начался штурм Смоленска. Наполеон бросил на штурм города сразу три корпуса: Нея, Даву и Понятовского. Путь им преградили полки Д.С. Дохтурова, П.П. Коновницына и принца Евгения Вюртембергского. Потери французов достигли 20 тысяч, но никакого успеха они не имели. Тем не менее Барклай приказал оставить город.

6 августа. Преображение Господне. Утром начался отход русских армий от Смоленска. Д.С. Дохтуров, прикрывавший отход, продержался весь день. Его полки ушли из города ночью, унося с собою Чудотворный образ Смоленской Божьей Матери. Отныне этот Образ сопровождал русскую армию во всех походах 1812—1814 годов.

8 августа. Главнокомандующим русскими армиями назначен Михаил Илларионович Кутузов.

17 августа. У деревни Царево-Займище объединенная русская армия встретила нового главнокомандующего — князя М.И. Кутузова.

23 августа. Главные силы 1-й и 2-й армий вышли на поле между Старой и Новой Смоленской дорогами. В центре поля находилось село Бородино.

26 августа. Ранним утром французской армии зачитали приказ Наполеона: «Воины! Вот сражение, которого вы так ждали! Победа в руках ваших, она нужна вам!» Сражение началось с нападения на село Бородино, на правое крыло 1-й армии Барклая. Битва была очень ожесточенной. Багратионовы флеши переходили из рук в руки. Смять левый фланг русской армии не удалось, и после перегруппировки сил Наполеон нанес удар в центр русской позиции. Багратиону удалось выстоять, и к вечеру в руках французов оказались лишь деревня Семеновская да Утицкий курган, которые к темноте они вынуждены были оставить. Потери французов в этот день исчислялись в 50 тысяч человек. Почти столько же потеряла и русская армия.

27 августа. Кутузов отдал приказ отвести войска на шесть верст назад, к Можайску.

1 сентября. Военный совет в Филях. Обсуждался вопрос о целесообразности генерального сражения для обороны Москвы. Мнения на нем разделились. Беннигсен, Ермолов, Уваров, Дохтуров требовали сражения. Барклай-де-Толли высказался за отступление. Подводя итоги, Кутузов сказал: «Вижу, что мне придется платить за разбитые горшки, но жертвую собой для блага Отечества. Приказываю отступить».

2 сентября. Русские войска оставили Москву Наполеону. На рассвете начался отвод войск из Москвы по Рязанской дороге.

3—6 сентября. Пожары в Москве. Огнем было уничтожено две трети городских зданий.

3—20 сентября. Тарутинский марш-маневр.

12 сентября. Умер от ран, полученных в Бородинском сражении, князь Петр Иванович Багратион.

21 сентября. Русская армия заняла Тарутинскую позицию.

Начало октября. В.А. Жуковский написал поэму «Певец во стане русских воинов»:

> Отчизне кубок сей, друзья!
> Страна, где мы впервые
> Вкусили сладость бытия,
> Поля, холмы родные...

6 октября. Внезапно атакованный авангард Мюрата разбит под Тарутиным.

7 октября. 110-тысячная армия Наполеона покинула Москву.

12 октября. Сражение под Малоярославцем. Войска под командованием Д.С. Дохтурова выбили французов из города. Дивизии А. Дельзона снова заняли город и снова были выбиты. К 11 часам утра французы снова взяли город. Шесть раз обращенный в руины Малоярославец переходил из рук в руки. За это время подошедший с основными силами М.И. Кутузов обошел город с юга и, перекрыв Калужскую дорогу, занял настолько выгодную позицию, что Наполеон не решился атаковать его.

14 октября. Проведя военный совет, Наполеон повернул свою армию на разоренную Смоленскую дорогу.

22 октября. Войска графа атамана Матвея Ивановича Платова нанесли поражение корпусу Даву под Вязьмой.

26 октября. Умер архитектор Матвей Федорович Казаков. Он построил Сенат в Кремле,

университет, Голицынскую больницу, Петровский дворец и другие здания Первопрестольной.

5 ноября. Поражение Наполеона под Красным. В сражении захвачено 115 пушек, взято в плен 15 генералов.

7—8 ноября. Березинская операция. Изнуренной армии Наполеона удалось переправиться через Березину с огромными потерями.

21 ноября. Родился Александр Михайлович Гренков — будущий оптинский старец, иеросхимонах Амвросий. Причислен к лику святых.

23 ноября. Передав командование Мюрату, Наполеон уехал в Париж.

6 декабря. Высочайше утвержден доклад князя А.Н. Голицына об учреждении в Петербурге Библейского общества.

14 декабря. Оставшиеся в живых французы перешли Неман.

25 декабря. В день Рождества Христова манифест Александра I об изгнании неприятеля из пределов Отечества. Этот день празднуется церковью как избавление России от нашествия в 1812 году галлов и с ними двунадесяти языков.

31 декабря. Кутузов издал приказ по русской армии: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы — на границах империи!»

Началось заселение дороги по берегу Енисея до Туруханска.

1813 год

26 января. Корпуса генералов Д.С. Дохтурова и М.А. Милорадовича, переправившись через замерзший Неман, вступили в Варшаву. Здесь Александр I поручил Дохтурову формирование Польской армии.

Началось издание газеты «Русский инвалид» с целью сбора денежных средств для пострадавших в войне с французами.

1 февраля. Родился композитор Александр Сергеевич Даргомыжский. Родители считали, что он будет немым: говорить мальчик начал только с пяти лет.

20 февраля. Русские войска заняли Берлин.

Подписан Калишский союзный договор России с Пруссией, положивший начало шестой антинаполеоновской коалиции.

Март. Заняты Гамбург, Любек и Дрезден.

16 апреля. В городе Бунцлау умер князь М.И. Голенищев-Кутузов. Забальзамированное тело фельдмаршала положено в свинцовый гроб.

23 апреля. 3-я армия Барклая-де-Толли вошла во Франкфурт-на-Майне.

8—9 апреля. Битва при Бауцене, проигранная союзной русско-прусской армией. Витгенштейна, сменившего Кутузова на посту главнокомандующего, сменил Барклай-де-Толли.

11 июня. Тело Кутузова доставлено в Петербург. На границе города лошадей распрягли. «...И было много добрых и благочестивых граждан, которые пожелали нести останки к месту их грустного назначения...»

13 июня. Тело Кутузова погребено в Казанском соборе.

14—15 августа. Союзные армии (Богемская, которой командовал Шварценберг; Силезская, возглавлявшаяся прусским фельдмаршалом Блюхером; Северная, с командующим шведским наследным принцем Бернадоттом) потерпели поражение от французов и отошли к Богемии.

17—18 августа. Армия Барклая-де-Толли у деревни Кульм нанесла поражение французам, и они вынуждены были отойти к Лейпцигу.

4—5 октября. «Битва народов» — сражение под Лейпцигом, одно из крупнейших в мировой истории. С обеих сторон в нем участвовало более полумиллиона человек. Наполеон потерял половину своей армии — 65 тысяч солдат.

12 октября. Гюлистанским миром завершилась война с Персией. Присоединение к России Бакинского, Гянджинского, Дербентского и других ханств.

21 октября. Восстановлена ложа «Нептун к Правде».

Промышленник-меценат Николай Никитич Демидов подарил Московскому университету коллекцию редкостей. На основе ее создан музей естественной истории.

В.А. Плавильщиков открыл в Петербурге книжную лавку, где устроил публичную библиотеку для чтения.

На Верх-Исетских заводах корнета Яковлева на Урале открыты россыпи шлихового золота.

Размещение в Сибири французских пленных.

1814 год

Январь. Союзники перешли Рейн, война перенесена на территорию Франции.

18 марта. Союзные войска вступили в Париж.

Маршал Мармон подписал текст капитуляции, в его же присутствии составленный полковником Михаилом Федоровичем Орловым.

Капитан Александр Муравьев основал в Петербурге «Священную артель», тайное обще-

ство из офицеров Главного штаба и бывших лицеистов.

В июльском номере «Вестника Европы» напечатано первое стихотворение А.С. Пушкина «К другу-стихотворцу».

М.Ф. Орлов, теперь уже генерал-майор, основал тайный «Орден русских рыцарей».

3 октября. Родился Михаил Юрьевич Лермонтов.

22 декабря. Англия, Австрия, Франция и Бавария заключили секретный договор против России.

Преобразование Московской Духовной академии и перевод ее в Троице-Сергиеву лавру.

1815 год

10 января. Родился Георгий Васильевич Говоров — будущий святитель Феофан Затворник.

Прапорщик И.Д. Якушкин основал в Петербурге общество офицеров Семеновского полка — «Семеновскую артель».

Начало февраля. Наполеон покинул Эльбу.

13 марта. Союзники объявили Наполеона «вне гражданских и общественных отношений».

28 мая. Подписан «Заключительный акт» Венского конгресса. Русскому императору вновь уступлена Польша.

Напечатано стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», первое за полной подписью автора — Александр Пушкин.

6 июня. Наполеон дал свое последнее сражение — при Ватерлоо, и потерпел поражение.

6 июля. Русские войска под командованием Барклая-де-Толли снова вошли в Париж.

14 сентября. Три императора — русский, прусский, австрийский — образовали Священный союз, связав себя «узами действительного и неразрывного братства».

26—30 августа. Главный смотр и заключительный парад русской армии в Вертю. В заключительном параде участвовали 150 тысяч человек. За блестящее состояние вверенной ему армии Барклаю-де-Толли пожалован титул князя.

14 октября. Первое заседание литературного общества «Арзамас».

Якут Максим Ляхов открыл Васильевский и Семеновский острова в Северном Ледовитом океане.

15 ноября. Польше дарована конституция.

Директор таможни в Оренбурге П.Е. Величко основал тайное «Оренбургское общество».

Ноябрь. Совершил первый рейс по маршруту Санкт-Петербург — Кронштадт первый русский пароход «Елизавета».

20 декабря. Указ императора Александра I об изгнании иезуитов из Санкт-Петербурга.

1816 год

Февраль. Образовался «Союз спасения», поставивший целью установить конституцию и отменить крепостное право в России.

15 марта. Александр I принял Н.М. Карамзина, привезшего в Петербург рукопись первых восьми томов «Истории Государства Российского».

Апрель—май. Лейтенант О.Е. Коцебу открыл в Тихом океане острова, названные им островами Суворова и Румянцева (ныне в архипелаге Туамоту и в группе Маршалловых островов).

28 мая. Отменено крепостное право в Эстляндской губернии.

15 июня. В Петербурге торжественно открыта биржа. Вскоре биржи были открыты и в других городах.

6 июля. Умер Г.Р. Державин.

Июль — август. О.Е. Коцебу открыл бухту Шишмарева, остров Сарычева и залив (ныне залив Коцебу) на западе Аляски.

30 августа. С высочайшего соизволения в Москве официально открыта масонская ложа.

М.М. Сперанский, еще недавно находившийся под строгим полицейским надзором, назначен, к удивлению многих, гражданским губернатором Пензы.

Бунт в военных поселениях Новгородской губернии.

Строжайше запрещено подмешивать в китайский чай капорскую траву, а капорский чай подделывать под китайский.

Тайный кружок В.Ф. Раевского начал действовать в Каменец-Подольском.

По инициативе А.А. Аракчеева введены пенсии ратным и увечным воинам.

В киргизских степях найдены железная, медная и серебро-свинцовая руды.

1817 год

14 января. Скончался Оптинский старец, игумен Авраамий.

16 апреля. Одесса объявлена вольным портом.

4 мая. Родился историк Николай Иванович Костомаров.

7 мая. Учрежден Государственный коммерческий банк.

10 мая. Объявлен государственный 6%-й внутренний заем.

30 мая. Издан таможенный устав по азиатской торговле.

24 августа. Родился Алексей Константинович Толстой, будущий царский флигель-адъютант, поэт, драматург, один из соавторов «Козьмы Пруткова».

Сентябрь. Москва готовилась к пятой годовщине освобождения города. На торжества ждали государя. Офицеры переведенных в Москву сводных гвардейских полков, состоявшие в «Союзе спасения», обсуждали план цареубийства. И.Д. Якушкин предложил застрелить императора прямо в Успенском соборе.

17 сентября. Родился Александр Васильевич Сухово-Кобылин, автор знаменитой драматической трилогии, тесно переплетшейся своим сюжетом с жизнью самого автора.

12 октября. В Москве на Воробьевых горах в присутствии императорской семьи состоялась торжественная закладка храма Христа Спасителя (проект остался неосуществленным).

24 октября. Два министерства слились в одно: учреждено Министерство духовных дел и народного просвещения, дабы «истинно христианское благочестие всегда служило основанием просвещению умов». Новое министерство вверено князю А.Н. Голицыну.

27 октября. Последовал указ о невоздании похвал в речах духовенства. «Поручаю Святейшему Синоду предписать всем епархиальным архиереям, чтобы они... воздержались от похвал, толико слуху моему противных, а воздали бы Единому токмо Господу...»

В Нижний Новгород перенесена Макарьевская ярмарка.

Утверждено положение об Астраханском казачьем войске.

Вышли в свет «Опыты в стихах и прозе» Константина Батюшкова.

На Златоустовском металлургическом заводе начал работать выпускник Института корпуса горных инженеров Павел Петрович Аносов. Выдающийся ученый металлург, он сумел создать технологию выплавки лучшей в мире стали, разгадал тайну булата и сумел наладить его промышленное производство.

27 декабря. Пожар в Зимнем дворце.

1818 год

Начат выпуск «Сибирского вестника».

Создан «Союз благоденствия» — главное тайное общество с 14 управами в восьми округах.

28 января. Н.М. Карамзин преподнес императору первый экземпляр «Истории Государства Российского».

15 марта. Открылся конституционный Варшавский сейм. Александр I произнес речь на французском языке с обещанием «распространить то, что уже мною для вас совершено».

18 апреля. «В среду на Святой неделе, внезапно с своей недосягаемой высоты грянул Иван Великий, загудел над всем городом непрерывным радостным звоном: у великого князя Николая Павловича и супруги его, Александры Федоровны, родился сын первенец, нареченный Александром» — будущий «царь-освободитель», император Александр II.

Да встретит он обильный честью век,
Да славного участник славный будет,
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий человек! —

писал в стихах на его рождение В.А. Жуковский, будущий воспитатель Александра II.

13 мая. На мызе Штилитцен в Восточной Пруссии умер герой 1812 года фельдмаршал, князь Барклай-де-Толли.

«Как часто мимо нас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и умиленье! —

писал о нем А.С. Пушкин в стихотворении «Полководец».

Май. В местечке Решетиловка под Москвой создано юнкерское «Общество согласия» (позднее «Друзья природы») с целью основания республики по образцу Платона.

16 июня. Объявлен второй государственный 6%-й заем.

Лето. Создано «Вольное общество распространения ланкастерского обучения» с целями просветительскими.

Н.Н. Новосильцев, при участии князя П.А. Вяземского, подготовил для Александра I новый секретный проект конституции — Государственную уставную грамоту Российской империи.

Оренбургским казакам выделено по 30 десятин на душу.

Строительство первой железной дороги для перевозки руды на Алтае.

25 октября. Родился писатель П.И. Мельников (Печерский).

28 октября. Родился Иван Сергеевич Тургенев.

Завершено освобождение от крепостной зависимости остзейских крестьян. Однако личная свобода крестьян была стеснена запрещением им переселяться в другие губернии и приписываться к городским обществам. По существу, землевладельцы удержали над крестьянами всю прежнюю власть, но освободились от всяких обязанностей по отношению к ним.

Переведено с церковно-славянского на русский язык Евангелие.

1819 год

1 января. Указ о казенной продаже питей.

8 февраля. Главный педагогический институт преобразован в Санкт-Петербургский университет.

22 марта. Симбирским генерал-губернатором назначен Михаил Михайлович Сперанский. В первые же дни его губернаторства было подано столько жалоб на злоупотребления чиновников, что скоро в Сибири закончились все запасы гербовой бумаги.

21 апреля. Родился Юрий Федорович Самарин, один из крупнейших славянофилов.

Май. Образовалось общество «Национальное масонство», ставившее своей целью восстановление Польши в максимально широких границах.

100 тысяч рублей внес Н.Н. Демидов в комитет оказания помощи инвалидам.

2 июня. Обретение мощей праведной Иулиании, княгини Вяземской, Новоторжской.

Умер Александр Андреевич Баранов, правитель русских владений в Америке. Баранов основал первые русские поселения в Северной Америке, учредил русскую колонию в Калифорнии.

1820 год

Январь. В Петербурге на квартире Федора Николаевича Глинки, недалеко от Поцелуева моста, состоялось конспиративное совещание Коренной управы «Союза благоденствия». Решено бороться за установление в России республиканского правления.

16 января. Открытие Антарктиды Ф.Ф. Беллинсгаузеном и М.П. Лазаревым. Шлюпы «Восток» и «Мирный» вплотную подошли к южному материку.

Экспедиция лейтенантов барона Ф.П. Врангеля и Анжу для описи северных берегов Сибири. За три года самым точным образом были нанесены берега на протяжении 3 тысяч верст.

Образован «Союз вольных поляков».

13 марта. Государь повелел выслать всех иезуитов за пределы России и закрыть в Полоцке иезуитскую академию.

Указ императора, лишающий Константина, вступившего во второй брак с польской дворянкой, а не с особой из владетельного дома, прав на российский престол.

22 марта. Указ Правительствующего Сената о высылке из России иезуитов с конфискацией имущества.

9 мая. Учреждено Морское артиллерийское училище в Петербурге.

28 июля. В Санкт-Петербурге учрежден Сибирский комитет для рассмотрения представленного М.М. Сперанским отчета. В комитет вошли Кочубей, Гурьев, Аракчеев, Голицын.

16 августа. Банкиры Лондона и Амстердама предоставили России кредит в 40 миллионов рублей серебром.

1 сентября. Между Петербургом и Москвой открыто регулярное сообщение. Стоимость места в «поспешном» дилижансе — 120 рублей.

Иностранцам запрещено селиться в Охотске и на Камчатке, дабы «отклонить их влияние на этот далекий полуостров».

А.С. Пушкин сослан на юг.

Кондратий Селиванов, глава секты скопцов, заключен в Суздальский монастырь.

Войска А.И. Чернышева подавили восстание на Дону.

20 декабря. Лейтенант флота О.Е. Коцебу открыл в Южном океане остров. Назвал его островом Нового Года.

Литературный дебют Е.А. Баратынского — поэма «Пиры».

Обращено в христианство 10 тысяч осетин.

1821 год

Смерть Наполеона на острове Святой Елены.

Восстание греков. Убиение турками константинопольского патриарха Григория V.

Январь. Съезд «Союза благоденствия» в Москве на квартире Фонвизиных. Собравшиеся отвергают предложение Михаила Орлова осуществить немедленное военное выступление.

10 января. Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев открыли в Южном океане остров Петра I.

16 января. Экспедиция приблизилась к берегу Антарктиды, названному землей Александра I.

Март. Действуют два тайных общества, «Северное» и «Южное», вместо одного самораспустившегося «Союза благоденствия».

23 мая. Родился поэт Аполлон Николаевич Майков.

1 июня. Умер П.Г. Демидов, известный меценат, ревнитель просвещения. Он оказывал помощь Ярославскому лицею, Московскому и Киевскому университетам.

Никита Муравьев разрабатывает Конституцию. Государственный строй в России видится ему конституционной монархией. Россия, по его мнению, поделится на пятнадцать «держав», в каждой «державе» будет своя столица.

30 октября. В Москве в Мариинской больнице для бедных родился Федор Михайлович Достоевский.

Экспедиция лейтенанта Ф.П. Литке на Новую Землю.

В Москве на сцене Малого театра дебютировал актер М.С. Щепкин, бывший крепостной.

28 ноября. В украинском местечке Немирове родился Николай Алексеевич Некрасов.

Производство торговли, китовой и рыбной ловли по всему северо-западному берегу Америки, восточному берегу Сибири, по Алеутским и Курильским островам разрешено только российским подданным. «Воспрещается всякому иностранному судну не только приставать к берегам и островам, подвластным России, но и приближаться к ним на расстояние менее ста итальянских миль».

Вскрытие могилы князя Александра Даниловича Меншикова. Его останки оказались нетленными, что и дало повод березовским жителям почитать опального князя как праведника.

1822 год

26 января. Именным указом Сибирь разделена на две части — Восточную (административный центр в Иркутске) и Западную (административный центр в Тобольске, затем в Омске). Каждой правит особый генерал-губернатор.

23 июня. Натан Ротшильд предоставил кредит правительству России на 43 миллиона рублей.

5 июля. Архимандрит Фотий, борец с мистицизмом и либерализмом, представлен в Зимнем дворце государю.

22 июля. Введены для управления сибирскими губерниями: устав об управлении инородцев, устав о сибирских киргизах, устав о ссыльных, устав об этапах в сибирских губерниях, устав о содержании сухопутных сообщений в Сибири, устав о сибирских городовых казаках, положение о земских повинностях в сибирских губерниях, положение о казенных хлебных запасных магазинах, положение о разборе исков по обязательствам, заключенным в сибирских губерниях обывателями разных сословий.

1 августа. Медовый Спас. Последовало высочайшее повеление закрыть масонские ложи и всякие тайные общества. Военные и гражданские чины обязаны дать подписку, что не принадлежат и не будут принадлежать к этим организациям.

1823 год

17 марта. Заложен первый русский военный пароход «Метеор».

31 марта. В Москве родился великий русский драматург Александр Николаевич Островский.

«Общество соединенных славян» создано в Киеве.

В Киеве проходил съезд «Южного общества».

Настоятель Тобольского кафедрального собора протоиерей Петр Фелицын перевел на вогульский язык (язык народа манси) Евангелия от Матфея и Марка.

15 августа. В Нижнем Новгороде открыт памятник гражданину Минину и князю Пожарскому.

А.А. Аракчеев стал единственным докладчиком при государе.

16 августа. Тайный манифест Александра I о назначении великого князя Николая Павловича наследником престола. Манифест запечатан в конверт и на нем рукою императора сделана надпись: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору в Успенском соборе прежде всякого другого действия».

Учреждена Енисейская губерния.

Крестьяне графини Паниной братья Василий, Герасим и Макар Дубинины построили первый нефтеперегонный завод вблизи Грозного. Уже в первый год продукция Дубининского завода исчислялась тысячами пудов фотогена, что сразу вызвало падение его стоимости на рынке.

26 августа. Родился писатель-славянофил Иван Сергеевич Аксаков.

1824 год

19 февраля. Родился педагог Константин Дмитриевич Ушинский, автор «Родного слова» и «Детского мира».

«Горе от ума» А.С. Грибоедова распространяется в списках.

5 апреля. В Петербурге заключена конвенция с Северо-Американскими Соединенными Штатами. Российским и американским кораблям предоставлено на 10 лет право заходить во все внутренние моря и бухты в пределах обоих государств для торговли с туземцами и рыбной ловли.

Из Тобольска в Омск перенесено главное управление Западной Сибири.

15 мая. Отставка министра духовных дел и просвещения князя А.Н. Голицына.

7 ноября. Катастрофическое наводнение в Петербурге.

Слепая девушка Анна Измайлова изготовила Библию для слепых.

1825 год

16 февраля. Заключена конвенция о разграничении владений России и Англии в Северной Америке.

Население тревожится по поводу приближения кометы.

6 апреля. Умер живописец-портретист Владимир Лукич Боровиковский.

1 сентября. Александр I уехал для лечения в Таганрог. Государь выехал из Петербурга ночью. В пятом часу он остановился в Александро-Невской лавре, где митрополит Серафим отслужил для него молебен.

После молебна, по преданию, Александр I осмотрел келью схимника Алексия.

«Где же он спит?» — удивился император.

«На полу, перед сим самым распятием!» — ответил митрополит.

«Нет, государь! — возразил схимник. — И у меня есть постель».

И провел императора за перегородку. Там на столе стоял черный гроб.

Сентябрь. «Общество соединенных славян» слилось с «Южным обществом».

13 сентября. Император Александр I прибыл в Таганрог.

28 сентября. Умер Д.С. Бортнянский, сочинитель церковной голосовой музыки.

7 ноября. А.С. Пушкин завершил драму «Борис Годунов».

В этот же день задержана первая часть Библии, переведенной на русский язык. Часть тиража уничтожена на кирпичных заводах.

19 ноября. В Таганроге после внезапной болезни умер император Александр I.

20 ноября. Вскрытие и бальзамирование тела Александра I в Таганроге. Девять докторов подписали протокол о вскрытии, а генерал-адъютант А.И. Чернышев засвидетельствовал его. По прошествии лет возникла легенда о старце Федоре Кузьмиче, под чьим именем будто бы скрылся оставивший престол император.

25 ноября. Старец-пустынножитель Серафим Саровский прекратил свой пятилетний затвор. Как гласит легенда, Царица Небесная в сопровождении двух апостолов, Петра и Иоанна, предстала пред ним и повелела создать в Дивееве девичью обитель. Сама своими пречистыми стопами обошла участок земли, отведенный для будущего монастыря — знаменитую дивеевскую канавку.

ПРАВЛЕНИЕ НИКОЛАЯ I (1825—1855)

1825 год

25 ноября. Явление Пресвятой Богородицы со святыми Климентом, папой Римским, и Петром, архиепископом Александрийским, преподобному Серафиму Саровскому с повелением выйти ему из затвора и указанием места для основания Мельничной общины.

26 ноября. Скончался Петербургский, Валаамский, Христа ради юродивый Патермуфий молчальник.

26 ноября. В Петербурге получено известие, что император Александр I очень плох.

Совещание в царском дворце о том, кто должен занять в случае смерти государя престол. Военный генерал-губернатор Петербурга, граф М.А. Милорадович заявил, что поскольку всенародного отречения Константина от престола не было, гвардия присягу Николаю не принесет. М.А. Милорадовичу предложили познакомиться с распоряжениями императора. Он ответил, что прочесть бумаги всегда успеет, а присяга и верность прежде всего. Еще он напомнил о 60 тысячах штыков гвардии.

27 ноября. Во время молебствия за здравие Александра I в Зимний дворец пришло сообщение о его кончине. Поспешная присяга Константину. По настоянию М.А. Милорадовича, через полчаса после получения известия Николай подписал присяжный лист. «Великий князь поднял руку; задыхаясь от рыданий, дрожащим голосом повторял он за священником слова присяги; но когда надобно было произнести слова: государю императору Константину Павловичу, дрожащий голос сделался твердым

и громким; все величие этой чудной минуты выразилось в его мужественном, решительном звуке», — вспоминал об этой присяге в дворцовой церкви В.А. Жуковский. Следом за Николаем Константину присягнула гвардия.

Однако в Государственном Совете перед присягой вскрыли завещание Александра I и заколебались. Членов Совета, желая избежать опасного для страны волнения гвардии, убедил присягнуть Константину сам Николай. К трем часам дня присяга Константину в Петербурге была завершена.

3 декабря. Великий князь Михаил Павлович привез из Варшавы в Петербург письма Константина Павловича, который подтвердил свой отказ от прав на престол. Пересылки между Петербургом и Варшавой. Деятельность М.А. Милорадовича, препятствовавшего проведению переприсяги Николаю.

9 декабря. Члены тайного общества выбрали будущего «диктатора» — князя Сергея Петровича Трубецкого.

Николай поручил Н.М. Карамзину написать текст манифеста о восшествии на престол.

10 декабря. А.А. Аракчеев сообщил Николаю, что в гвардии готовится заговор с целью осуществления государственного переворота. «Я еще не государь ваш, но должен поступать уже как государь», — сказал тогда Николай.

11 декабря. Николай поручил М.М. Сперанскому подключиться к работе над текстом манифеста.

12 декабря. Николай вручил М.А. Милорадовичу список заговорщиков и поручил арестовать их. Поручение это Милорадович не выполнил.

Николай соединил проекты манифеста, подготовленные Н.М. Карамзиным и М.М. Сперанским.

Встреча Николая с подпоручиком Яковом Ростовцевым, предупредившим великого князя о готовящемся мятеже. Свое письмо Яков Ростовцев предварительно показал К.Ф. Рылееву.

«Воля Божия и приговор братний надо мной совершается! 14-го числа я буду государь или мертв...» — поздно вечером записал Николай.

13 декабря. Вечером на квартире К.Ф. Рылеева заговорщики собрались в последний раз. «Диктатор» С.П. Трубецкой спросил, удастся ли офицерам вывести солдат. Офицеры-заговорщики утвердительно на это ответить не смогли.

Трубецкой сказал, что все это делает проблематичной саму идею восстания.

— Теперь нам так оставить нельзя! — вскричал К. Рылеев. — Мы слишком далеко зашли!

— Так других, что ли, губить для спасения себя? — спросил «диктатор».

— Да! — ответил Бестужев. — Для истории!

Ложась спать в эту ночь, великий князь Николай сказал своей супруге Марии Федоровне: «Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество и, если придется умереть, — умереть с честью».

14 декабря. Утро. Николай Павлович зачитал собравшимся во дворце генералам и полковникам завещание Александра I и отречение Константина.

Затем собравшимся приказано было ехать по своим командам и привести их к присяге.

7—00. Принесение присяги в Сенате и Синоде.

8—00. Присягнув во дворце, генералы и полковники разъехались по войскам.

8—30. Присягнула конная гвардия.

9—00. Присягнул 1-й Преображенский батальон, размещенный рядом с дворцом.

10—00. Граф И.П. Коновницын, собравший группу офицеров в частях конной артиллерии, попытался выразить недоверие командованию и взбудоражить солдат. Старшие офицеры арестовали смутьянов и закрыли в казармах.

10—00. Михаил Бестужев и князь Дмитрий Щепкин-Ростовский развернули агитацию в казармах Московского полка.

«Ребята, все обман! — говорили они солдатам. — Нас заставляют присягать насильно! Государь Константин Павлович не отказался от престола, а в цепях находится!» Им удалось поднять полк. 700 московцев с заряженными ружьями двинулись к Сенату. Они выстроились здесь в каре, возле памятника Петру I.

11—00. Уцелевший при избиении генералов в Московском полку начальник штаба Гвардейского корпуса генерал-майор Нейдгард доложил Николаю, что «Московский полк в полном восстании». Николай немедленно приказал генералу Апраксину выводить на Сенатскую площадь кавалергардов, а сам повел навстречу мятежникам верных присяге преображенцев.

12—00. Стараясь сразу исправить свои промахи, генерал-губернатор Милорадович, сопровождаемый только своим адъютантом, прорвался сквозь толпу к выстроившимся в каре мятежникам и начал уговаривать солдат прекратить мятеж, поскольку они обмануты. Опасаясь, что уговоры Милорадовича подействуют на солдат, П.Г. Каховский выстрелил в генерал-губернатора.

12—30. На Сенатскую площадь подошли эскадроны конной гвардии. Николай приказал выстроить их у Адмиралтейства.

12—45. На Сенатской площади появилась рота лейб-гренадер Александра Сутгофа, она примкнула к восставшим.

12—50. Петру и Николаю Бестужевым удалось взбунтовать Гвардейский экипаж, и предводительствуемые ими 1100 матросов побежали на Сенатскую площадь, когда там начали стрелять.

13—30. Николай Павлович приказал конногвардейцам произвести атаку мятежников, но она не удалась.

14—00. Подошел верный императору Измайловский полк. Окружение мятежников было завершено.

14—30. К восставшим, взяв в руки крест, направился митрополит Петербургский Серафим.

«Воины, успокойтесь! — сказал владыка. — Вы против Бога и церкви выступили...»

Появление Владыки произвело большое впечатление на солдат, но офицеры-заговорщики помешали ему завершить дело миром.

«Какой ты митрополит? — начали кричать они. — Константин в оковах! А ты изменник! Не верим тебе!»

После депутации великого князя Михаила Павловича к восставшим Николай приказал рассеять мятежников картечью. Было это в пять часов вечера.

15 декабря. Первые аресты.

Начало следствия по делу декабристов.

29 декабря. Выступлением 5-й мушкетерской роты началось восстание Черниговского полка на юге России.

Начало церковного почитания Иерусалимской иконы Пресвятой Богородицы, написанной иеромонахом Нило-Сорской пустыни Никоном, которую он направил в русский Пантелеймонов монастырь на Афоне. Празднуется 12 октября.

В городе Мезени в этот год начала действовать православная миссия, открытая архимандритом Вениамином. Разъезжая с соратниками по тундре, архимандрит просвещает ненцев.

Н.А. Полевой начал издавать журнал «Московский телеграф».

Арестантам, препровождаемым в Сибирь через этапы, приказано выбривать половину головы.

Православные церкви в Царстве Польском переданы в ведение Священного синода.

1826 год

3 января. Восстание черниговцев подавлено. Арестованы 869 солдат и пять офицеров, двое других застрелились.

15 января. В селе Спас-Угол Тверской губернии родился Михаил Евграфович Салтыков (Н. Щедрин).

13 марта. Состоялось погребение привезенного в Петербург тела Александра I.

Закрыто Библейское общество.

21 апреля. Николай повторил своим Указом Сенату запрет на деятельность тайных обществ на территории России.

22 мая. Умер писатель, автор «Истории Государства Российского» Николай Михайлович Карамзин. Считается, что причиной смерти послужила простуда, полученная им 14 декабря, когда Карамзин весь день провел на улице, наблюдая за подавлением декабристского мятежа.

30 мая. Следственная комиссия по делу декабристов завершила работу. По следствию проходил 121 злоумышленник. О тайных обществах составлено «Донесение».

10 июня. Введен новый цензурный устав адмирала А.С. Шишкова.

1 июля. На Елагином острове состоялись первые публичные гуляния.

3 июля. Учреждено III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Главноуправляющим поставлен А.Х. Бенкендорф.

9 июля. Николаю I представлен доклад Верховного уголовного суда по делу декабристов. Для главных виновников М.М. Сперанский требовал четвертования. Император смягчил наказание.

13 июля. Состоялась казнь пятерых декабристов. На кронверке Петропавловской крепости были повешены Павел Иванович Пестель, Кондратий Федорович Рылеев, Петр Григорьевич Каховский, Михаил Павлович Бестужев-Рюмин, один из деятельнейших распорядителей на Сенатской площади, а также арестованный на юге Сергей Иванович Муравьев-Апостол. «Экзекуция кончилась с должной тишиной и порядком, — сообщал генерал-губернатор царю, — как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было немного».

«Бог и Государь решили участь мою; я должен умереть и умереть смертию позорною, — писал в предсмертном письме К.Ф. Рылеев. — Да будет Его святая воля!.. Благодарю моего Создателя, что Он меня просветил и что я умираю во Христе».

14 июля. После совершения очистительного молебна царский двор выехал в Москву, где должна была состояться коронация императора.

Персидские войска вторглись в пределы России. Заняты Ленкорань и Карабах.

Издан первый учебник по астрономии на русском языке «Руководство к астрономии» Д.М. Перевощикова.

22 августа. Коронация Николая I в Москве.

Из Кронштадта ушли корабли экспедиции М.Н. Станюковича и Ф.П. Литке. Экспедиция изучала берега Америки и Камчатки.

8 сентября. Возвращенный из ссылки в Михайловское А.С. Пушкин представлен монарху.

13 сентября. И.Ф. Паскевич победил персов при Елисаветполе.

23 сентября. В Москве состоялся грандиозный фейерверк в честь нового императора: финальный запуск 140 тысяч ракет сопровождался залпом из 100 орудий. «Успокоителю Отечества Николаю Первому» читали москвичи на триумфальных воротах.

30 сентября. А.Х. Бенкендорф сообщил А.С. Пушкину, что «нет никакой цензуры» на его сочинения. «Государь император сам будет первым ценителем произведений ваших и цензором».

25 декабря. Освящена в Зимнем дворце галерея героев 1812 года.

Н.И. Лобачевский создал свою неевклидову геометрию.

В.А. Жуковский приглашен в наставники наследника-цесаревича (будущего императора Александра II).

Вышло полное собрание сочинений святителя Тихона Задонского в 16 томах. Жизнеописание святителя заняло весь первый том.

Заключен Аккерманский договор с Турцией, по которому области Молдавии и Валахии управляются господарями, избираемыми местными боярами на семь лет. Утверждение избранных господарей должно было происходить в России.

1827 год

14 января. Родился Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский, русский ученый, путешественник.

Весна. Орест Кипренский написал портрет Александра Пушкина.

21 мая. Родился будущий государственный деятель Константин Петрович Победоносцев.

8 июня. Явление чудотворной иконы Божией Матери в станице Урюпинской (войска Донского) на реке Хопре. Празднование 8 июня.

6 июля. Лондонская конвенция. Россия, Англия и Франция предполагают побудить Турцию предоставить Греции автономию.

1 сентября. Отменена винная монополия. Возвращение к системе откупов.

8 октября. Турецкий султан призвал к «священной войне» с Россией.

Атаманом всех казачьих войск назначен наследный цесаревич Александр Николаевич.

Прославление иконы Пресвятой Богородицы «Прежде Рождества и по Рождестве Дева» из Николо-Пешношского монастыря. Празднование 17 октября.

18 октября. В Наваринской бухте англо-русско-французский флот, посланный для защиты восставших греков, разгромил турецко-египетский флот.

20-летний поручик Дмитрий Брянчанинов начал путь инока в Александро-Свирском монастыре, приняв имя Игнатий.

Недалеко от Иркутска, на берегу Ангары, обнаружены признаки золота.

Отступление в раскол объявлено уголовным преступлением.

Первый указ, ограничивающий дворянское право душевладения. Имения, в которых меньше четырех с половиной десятин земли на душу, берутся в опеку.

Взятие Эривани.

1828 год

10 февраля. Заключен Туркманчайский мир с Персией: к России присоединены Эриванское и Нахичеванское ханства.

14 апреля. Обнародован манифест «Об открытии войны с Оттоманской Портою».

22 апреля. Введен новый цензурный устав, слегка облегчающий старый.

25 апреля. Русская армия заняла Молдавию и Валахию.

27 мая. Под личным наблюдением императора Николая I осуществлена переправа через Дунай.

23 июня. И.Ф. Паскевич взял крепость Карс.

12 июля. В Саратове родился Николай Гаврилович Чернышевский.

28 августа. В Ясной Поляне родился Лев Николаевич Толстой.

19 сентября. Открыт Александровский университет в Гельсингфорсе.

29 сентября. Взята турецкая крепость Варна. Четыре тысячи пленных отпущены под обещание не участвовать в этой войне. Конец кампании 1828 года.

Начало церковного почитания Корсунской иконы Пресвятой Богородицы, написанной по видению, бывшему во сне Д.Л. Нарышкину, и перенесенной в санкт-петербургский Исаакиевский собор. Празднование 9 октября.

Начало октября. Николай I отправился из Варны в Одессу. Корабль «Императрица Мария», на котором он плыл, попал в бурю и едва не погиб.

24 октября. Кончина императрицы Марии Федоровны (вдовы Павла I).

Образовано IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — Ведомство учреждений императрицы Марии (женских, учебных).

14 декабря. Манифест «Об учреждении для лиц женского пола знака отличия беспорочной службы».

Учрежден Технологический институт в Петербурге.

Запорожцы покинули Турцию. Образовано Отдельное Запорожское войско, ему поручена охрана восточных берегов Азовского моря. В 1831 году это войско будет переименовано в Азовское казачье.

Образовано Дунайское казачье войско — два конных полка.

После трехлетних поисков коммерции советнику Попову удалось найти золотую россыпь по реке Бирикуль на Алтае. Правда, скоро выяснилось, что тайно эта россыпь уже разрабатывается беглым раскольником. Река Бирикуль навсегда отдана в собственность Попову.

1829 год

13 января. Учрежден Мариинский знак. Жаловался женщинам за их деятельность на благотворительном и воспитательном поприще.

30 января. Разгром русского посольства в Тегеране, убит 34-летний дипломат, поэт А.С. Грибоедов. Уничтожена вся русская миссия.

12 мая. В королевском замке в Варшаве в зале сейма совершен обряд коронования Николая I.

14 мая. Подвиг брига «Меркурий», отразившего атаку двух турецких линейных кораблей.

28 мая. Русская гребная флотилия в Магинском рукаве на Дунае разгромила турецкую.

30 мая. Граф И.И. Дибич нанес тяжелое поражение турецким войскам при Кулевче.

Вышли в свет две части «Стихотворений Александра Пушкина».

И.И. Дибич с малочисленной армией, в которой свирепствовала эпидемия, перешел Балканы.

7 августа. Комендант Галиль-паша сдал без боя Адрианополь с 14-тысячным турецким гарнизоном.

17 августа. В Москве за Тверской заставой заложены Триумфальные ворота в память побед 1812—1814 годов.

2 сентября. Мир с Турцией в Адрианополе. Россия обрела часть Черноморского побережья, Греция — независимость, забалканские княжества — автономию. Образовано Сербское княжество. Босфор и Дарданеллы открыты для торговли. Турция обязалась выплатить контрибуцию в 11,5 миллиона голландских дукатов.

31 октября. На Урале нашли первые алмазы. Начало золотопромышленности в Сибири: в глубине Томских отрогов компанией Я.М. Рязанова, Г.Ф. Казанцева, С.И. Баландина открыт Кундустуюльский ключ.

Экспедиция Александра Гумбольда в Сибирь.

В Петербурге открылся Лесной институт.

Первая мануфактурная выставка в Петербурге.

Вышла в свет «Илиада» Гомера, переведенная Н.И. Гнедичем.

Издан роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» М.Н. Загоскина.

1830 год

Первая эпидемия холеры в России.

4 января. Скончался купец 2-й гильдии Матвей Петрович Глазунов — создатель старейшей в России книжной фирмы.

28 апреля. Государь позволил напечатать трагедию «Борис Годунов», но под ответственность автора.

12 мая. Родился художник Алексей Кондратьевич Саврасов.

16 мая. Открытие сейма в Варшаве. Николай I произнес конституционную речь. «Пусть спокойствие и единение сопутствуют вашим занятиям».

Июнь. Бунт в Севастополе.

Прекращение холеры в Вологде после молебнов перед «Семистрельной» и «Семиградской» иконами Пресвятой Богородицы.

Сентябрь. Эпидемия холеры дошла до Москвы.

29 сентября. В холерной Москве перед Успенским собором митрополит Филарет встретил прибывшего сюда императора Николая I. Император поехал к Иверской Божией Матери, где долго молился.

«Болдинская осень» А.С. Пушкина. Новые главы «Евгения Онегина», написаны поэмы «Домик в Коломне», «Маленькие трагедии», «Повести Белкина», 30 стихотворений...

Ноябрь. Эпидемия холеры свирепствует в Москве. В день умирает до 200 человек.

17 ноября. Группа польских радикалов напала на Бельведер, резиденцию великого князя Константина Павловича. Начало восстания в Польше.

18 ноября. Восставшие овладели Варшавой. Великий князь Константин Павлович вывел русские войска из мятежной Варшавы.

5 декабря. Николай I призвал поляков к «примирению».

12 декабря. Манифест «О возмущении, происшедшем в Варшаве».

Окончательно перешла в русское управление Военно-Грузинская дорога. Осетины приведены к присяге.

При Петербургской Академии наук открыта магнитная обсерватория.

Завершена миссия архимандрита Вениамина в Мезени. Вениамин окрестил архангельских ненцев, дал им грамматику и составил словарь, перевел на ненецкий язык Новый Завет.

Опубликованы первые стихи А.В. Кольцова.

Началась подписка на сооружение памятника Ермаку.

Легендарное дело откупщиков. Один только экстракт дела, приготовленный для доклада, занимал 15 тысяч листов. Однако по дороге в Петербург все 28 груженных делом подвод пропали бесследно.

1831 год

2 января. Сейм объявил о лишении Николая I польского престола.

Явление Пресвятой Богородицы преподобному Серафиму Саровскому с обетованием помощи в устроении Дивеевской обители и предречением скорого преставления преподобному Серафиму.

14 января. Умер поэт А.А. Дельвиг.

24 января. И.И. Дибич-Забалканский вступил в Польшу.

25 января. Манифест «О вступлении Действующей Армии в пределы Царства Польского для усмирения мятежников».

Заступничеством Пресвятой Богородицы через Сицилийскую (Дивногорскую) икону избавлена Воронежская губерния от холеры.

Февраль. А.С. Пушкин завершил роман «Евгений Онегин».

4 февраля. Родился великий русский писатель Николай Семенович Лесков.

13 февраля. Польская армия потеряла 12 тысяч человек в бою при Грохове. И.И. Дибич позволил ей отступить в Варшаву.

14 мая. Новая победа И.И. Дибича над польской армией и новое беспрепятственное отступление поляков.

29 мая. Смерть от холеры фельдмаршала графа И.И. Дибича.

1 июня. Государь, озабоченный затянувшейся войной, писал уже мертвому фельдмаршалу: «Поступите же наконец таким образом, чтобы я мог понять вас».

14 июня. Начало холеры в Петербурге.

15 июня. Ночью в Витебске умер от холеры великий князь Константин Павлович.

22 июня. Волнения на Сенной площади в Петербурге. Разгромлена холерная больница, перебиты врачи. Город полон слухов о преднамеренных отравлениях.

23 июня. Император отбыл на пироскафе из Петергофа на Елагин остров. Вскоре он был на Сенной площади. Николай I обратился к народу со словами укора. Пятитысячная толпа, упав на колени, молилась вместе с государем на церковь Спаса.

3 июля. В Новгородской Спасо-Преображенской церкви, на арке, отвалился толстый слой штукатурки, и обнаружилась древняя фреска XIV века — Смоленская икона Божией Матери. Вскоре после появления фрески холера прекратилась. С тех пор эта икона стала называться «Холерной».

Июль. Восстание военных поселян в Старой Руссе. Для подавления «холерного бунта» Николай I лично прибыл в Новгород. Осуждены более трех тысяч человек.

27 июля. Родился великий князь Николай Николаевич (Старший).

6 августа. Манифест «О смятении... по случаю разнесшихся нелепых слухов о мнимых причинах смертности при появлении эпидемической болезни холеры».

27 августа. Взятие Варшавы генералом И.Ф. Паскевичем.

Сентябрь. Опубликовано стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России». «Стихотворение к врагам России в особенности изумительно; это я говорю вам, — писал П.Я. Ча-

адаев к А.С. Пушкину. — В нем больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране».

6 октября. Манифест о прекращении военных действий в Царстве Польском.

Опубликована первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя.

29 ноября. Скончался прорицатель Авель, предсказавший даты кончин Екатерины, Павла и других важнейших событий русской истории, за что и провел большую часть жизни в заточении.

Премьера в Малом театре «Горя от ума» с участием актеров М.С. Щепкина и П.С. Мочалова.

6 декабря. Открыт в Москве Александрийский сиротский институт.

Открыт Румянцевский музей в Петербурге.

Почаевская лавра возвращена от униатов православным.

1832 год

14 февраля. Указ о присоединении Царства Польского к Российской империи. Наместником Польши назначен И.Ф. Паскевич.

15 февраля. Запрещен журнал «Европеец». Арестован его редактор И.В. Киреевский.

25 июня. В Архангельске открыт памятник М.В. Ломоносову.

7 августа. Прославлены мощи святителя Митрофана Воронежского.

31 селение государственных крестьян перешло в казачье сословие — образовано Кавказское линейное войско.

31 августа. Архитектором К.И. Росси завершено строительство здания Александрийского театра.

6 декабря. Торговый договор с Северо-Американскими Штатами.

Учреждена Военная академия.

Вышла книга В.И. Даля «Русские сказки. Пяток первый». Автор арестован.

1833 год

2 января. В шестом часу утра братия Дивеевского монастыря, зайдя в келью схимника Серафима Саровского, увидела его стоящим, как всегда, на коленях перед малым аналоем, перед образом Божией Матери «Умиление». Полагая, что он уснул, стали будить его, но ответа не было — старец Серафим почил навеки. Преподобный был зрителем дивных откровений и при земной жизни созерцал небесные обители, двенадцать раз являлась к нему Божия Матерь; он был прозорливец, великий чудотворец и молитвенник. Причислен к лику святых.

Волнения крестьян в Московской и Черниговской губерниях.

Издание М.М. Сперанским 15-томного Свода Законов — итог работы русской монархической мысли за последние века.

31 января. Царским Манифестом введен в действие 15-томный Свод Законов Российской Империи.

8 февраля. Эскадра вице-адмирала М.П. Лазарева прибыла для помощи турецкому султану из Севастополя в Константинополь. Начало Босфорской операции.

24 марта. Закон об устройстве дорог в России.

5 апреля. Русский десант на Босфоре в помощь туркам против Египта.

2 мая. Запрещено продавать крестьян на публичных торгах, а также «семьи вразброд».

26 июня. Ункяр-Искелессийский договор с Турцией. В случае особых обстоятельств Турция должна по требованию России закрыть Дарданелльский пролив для иностранных судов.

Директор Придворной капеллы А.Ф. Львов написал на слова В.А. Жуковского гимн «Боже, царя храни».

31 октября. Родился композитор и ученый-химик Александр Порфирьевич Бородин.

Разрешен ввоз к сибирским инородцам «горячих напитков», они и сами получили право ввозить эти напитки в свои стойбища, как для собственного употребления, так и для продажи.

31 декабря. Высочайшим указом гимн «Боже, царя храни» объявлен официальным Государственным гимном. Первоначально он назывался «Молитва русского народа».

1834 год

27 января. В Тобольске в семье директора местной гимназии родился семнадцатый ребенок. Это был Дмитрий Иванович Менделеев — великий русский химик и мыслитель.

Февраль. Первые пробные пуски на Нижне-Тагильском заводе первого паровоза, построенного отцом и сыном Черепановыми — Ефимом Алексеевичем и Мироном Ефимовичем. В промышленную эксплуатацию он вступил в августе того же года.

4 мая. Умер граф А.А. Аракчеев. Он прошел путь от солдата до военного министра. В историю России вошел как организатор военных поселений.

27 июня. В Киеве основан Университет Св. Владимира.

17 августа. В Петербурге открыты Нарвские триумфальные ворота — памятник победы русских войск в Отечественной войне 1812—1814 годов.

30 августа. В Петербурге открыта Александровская колонна.

24 декабря. Для издания материалов по российской истории учреждена Археографическая комиссия.

В «Библиотеке для чтения» опубликован «Конек-Горбунок». Автору сказки П.П. Ершову было 19 лет.

П. Горянинов сформулировал клеточную теорию строения организмов.

1835 год

Январь. Вышли в свет «Арабески» Н.В. Гоголя.

25 февраля. Умер 33-летний Юрий Иванович Венелин, первый русский славист.

Волнения казаков Оренбургского войска, недовольных введением общественной запашки.

10 июня. В Петербурге учреждено училище правоведения.

В Сибири разрешена частная золотопромышленность. Начало сибирской золотой лихорадки. В ответ на просьбы сибирских чиновников и их жен о дозволении искать золотосодержащий песок, предписано: «вовсе запретить служащим в Сибири и их женам заниматься там рудным промыслом».

И.И. Лажечников написал роман «Ледяной дом».

Заложена Пулковская обсерватория.

9 декабря. Вследствие недостатка учителей в Сибири повелено воспитывать на казенном коште при местных гимназиях и Казанском университете молодых людей, избирая их из сибирских уроженцев.

«Для пользы, ожидаемой правительством от Сибирских училищ, — говорилось в постановлении Министерства народного просвещения, — и для отвращения существующего ныне затруднения в замещении в них учительских мест, необходимо замещать там эти места чиновниками не только хорошей нравственности и с достаточными сведениями, но людьми, родившимися в Сибири, привыкшими к местному климату, не ожидающими с нетерпением окончания положенного срока, чтобы оставить столь отдаленный край, но любящими Сибирь, как свою родину...»

1836 год

2 января. В Нижнем Новгороде родился композитор Милий Алексеевич Балакирев.

31 марта. Утвержден Устав постройки первой железной дороги в России: Петербург—Павловск.

Создано V отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — государственных крестьян.

19 апреля. Состоялось первое представление «Ревизора» в Петербурге.

25 мая. В Москве, в журнале «Телескоп», опубликовано философическое письмо П.Я. Чаадаева, вызвавшее необыкновенное волнение в обществе.

22 октября. Резолюция Николая I по поводу труда П.Я. Чаадаева: «Нахожу, что содержание оной смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного...»

27 ноября. На сцене Петербургского Большого театра дано первое представление оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя».

В Иркутске учрежден банк Сиропитательного дома Елизаветы Михайловны Медведниковой.

Академик Б.С. Якоби открыл гальванопластику. Открытие это было отмечено Демидовской премией Петербургской Академии наук и Большой золотой медалью Академии наук Франции.

По повелению Николая I царь-колокол поставлен на гранитном пьедестале возле Ивановской колокольни в Кремле.

Завершена восьмая ревизия. Без Финляндии и Царства Польского в России насчитано 52 миллиона человек.

1837 год

22 января. Премьера «Гамлета» в Малом театре. Роль Гамлета блестяще исполнил П.С. Мочалов.

27 января. На дуэли с Дантесом на Черной речке смертельно ранен А.С. Пушкин.

29 января. Умер Александр Сергеевич Пушкин. «Было лицо его мне так знакомо... — писал об умершем поэте В.А. Жуковский. — Мыслью, высокою мыслью было объято оно...»

1 февраля. Отпевание А.С. Пушкина в церкви Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади в Петербурге.

6 февраля. Похороны А.С. Пушкина в Святогорском монастыре. Состоялись они на девятый день после кончины.

27 июня. Открыта Чесменская богадельня.

2 сентября. Родился Петр Францевич Лесгафт — основоположник отечественной спортивной медицины.

30 октября. Открылось железнодорожное движение между Петербургом и Царским Селом. Первая пассажирская железная дорога в России.

Наследник цесаревич Александр Николаевич первым из особ царствующего дома совершил путешествие в Сибирь.

13 декабря. Преподобный Герман Аляскинский попросил зажечь перед иконами свечи и во время чтения Деяний святых Апостолов мирно отошел ко Господу. Святитель Герман проповедовал христианство на Аляске и Алеутских островах. Подобно древним пустынникам, 40 лет вел он подвижническую жизнь на острове Еловом, переименованном им в Новый Валаам. Память святого совершается 27 июля — в день обретения его мощей.

17 декабря. Загорелся Зимний дворец. Пожар длился три дня. Спасти удалось лишь Эрмитаж.

29 декабря. Отмечалось 25-летие Отечественной войны. На площади перед Казанским собором открыты памятники М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю-де-Толли (скульптор Б.И. Орловский, архитектор В.П. Стаков).

По инициативе Н.И. Лобачевского построена обсерватория Казанского университета.

Евреям запрещено переселяться в Сибирь.

Академическая экспедиция на Новую Землю, возглавляемая Карлом Бэром.

1838 год

1 января. Учреждено министерство государственных имуществ, вверенное графу П.Д. Киселеву, человеку, подготовившему в дальнейшем крестьянскую реформу.

26 апреля. «Изнурив себя тяжелыми аскетическими подвигами», скончался на руках княгини Орловой архимандрит Фотий, настоятель Юрьева монастыря.

28 апреля. Заключен торговый договор с Норвегией и Швецией.

21 июля. Учреждена Николаевская Пулковская обсерватория при Академии наук.

29 октября. Умер «отец малороссийской литературы» Иван Петрович Котляревский, автор пьесы «Наталка-Полтавка».

Малороссийский казачий полк расселен на Военно-Грузинской дороге. Образован Владикавказский полк.

На железной дороге начали применять оптический телеграф.

1839 год

11 февраля. Умер Михаил Михайлович Сперанский. «Соавтор» важнейших александровских реформ, он попал в опалу, но, послужив пензенским губернатором, а затем генерал-губернатором Сибири, вернулся в столицу и при Николае I фактически возглавил деятельность по упорядочению российского законодательства.

12 февраля. В Полоцке проходил Собор униатских архиепископов и высшего духовенства. Составлен акт о присоединении униатской Церкви к православной. Воссоединение униатов с православной церковью. «Народ униатский за весьма малым исключением таков почти ныне, каков был до обращения его в унию, и будет православным, как скоро его пастыри будут православны».

9 марта. Родился композитор Модест Петрович Мусоргский.

25 марта. Освящен вновь отстроенный Зимний дворец, уничтоженный пожаром в декабре 1837 года.

21 мая. Первое в России железнодорожное крушение на перегоне Павловск — Царское Село.

Множатся в списках статья А.С. Хомякова «О старом и новом» и ответ на нее И.В. Киреевского. Появлением этих статей ознаменовалось начало движения славянофилов.

22 августа. Штурм крепости-скалы Новое Ахульго, предельно источивший силы Шамиля. Погибли сын, жена и сестра имама, но он не намеревался капитулировать. Спустившись ночью вниз по веревке, Шамиль спрятался в глубоком ущелье с раненым сыном, уцелевшей родней и приближенными.

23 августа. В Тобольске открыт памятник Ермаку.

26 августа. Открыт памятник на Бородинском поле. Большой парад войск. Около 120 тысяч зрителей и участников торжества собрались на Бородинском поле.

29 августа. Была воспроизведена Бородинская битва. Небывалое театрализованное представление завершилось красивым (такого еще не было в истории) маневром — обходом «французской» армии с левого фланга драгунами.

10 сентября. Заложен в Москве храм Христа Спасителя. (Прежний проект храма на Воробьевых горах остался неосуществленным.) В честь закладки памятника выбито 34 золотых, 100 серебряных, 100 бронзовых медалей.

19 ноября. Русские войска под командованием генерала В.А. Перовского выступили

против хивинцев. Цель похода — пресечь торговлю в Хиве русскими невольниками. Хивинский хан возвратил всех русских пленников.

Указ о выселении духоборцев в Закавказье из Крыма.

Почти повсеместно неурожай.

1840 год

11 февраля. В имении своей бабушки, в селе Малая Березайка Таращанского уезда Киевской губернии, родился писатель Всеволод Владимирович Крестовский.

Учреждена епископская кафедра Российско-американских церквей, объединившая Камчатскую и Охотскую церкви. Возглавил ее епископ Иннокентий (Вениаминов), «апостол Сибири и Америки». Неутомимый просветитель, он составил грамматику алеутов и алеутский букварь, перевел на алеутский язык Евангелие от Матфея.

25 апреля. Родился Петр Ильич Чайковский.

11 августа. По вине подвыпившего машиниста Роберта Максвелла произошло железнодорожное крушение на перегоне Санкт-Петербург — Московское шоссе. Главноуправляющий путями сообщений граф Толь приказал заменить на железной дороге пьяниц-англичан трезвыми немцами. Введены паровозные бригады.

Напечатаны «Стихотворения» М.Ю. Лермонтова. В единственный сборник, им самим подготовленный, поэт включил только 26 стихотворений и две поэмы.

М.А. Богданов открыл в Иркутске публичную библиотеку.

Сильное землетрясение в Сибири.

1841 год

9 апреля. Умер президент Российской Академии адмирал Александр Семенович Шишков, автор книги «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», автор переложения псалмов и «Слова о полку Игореве». На его похоронах присутствовал император Николай I.

1 июля. Заключена Лондонская конвенция о проливах, весьма невыгодная для России.

15 июля. Близ Пятигорска на дуэли убит Михаил Юрьевич Лермонтов. Великому русскому поэту, прозаику, драматургу не исполнилось и 27 лет.

11 ноября. Скончался Оптинский старец, иеромонах Лев (Леонид), в миру Лев Данилович Наголкин.

Декабрь. Заключен договор России с Австрией, Францией и Турцией о прекращении торговли неграми.

Казаки Астраханского войска получили наделы — по 30 десятин на каждого.

Издан Устав Духовных Консисторий.

1842 год

13 января. Объявлена высочайшая воля: «Сооружение железной дороги между столицами признать возможным и полезным делом».

2 апреля. Указ об «обязанных крестьянах».

Конец мая. Вышли в свет «Похождения Чичикова, или Мертвые души» Н.В. Гоголя.

24 октября. В возрасте 33 лет в Воронеже умер поэт А.В. Кольцов.

27 ноября. В Большом театре в Петербурге поставлена опера М.И. Глинки «Руслан и Людмила».

Мирный договор с Хивой.

Торговый договор с Англией.

Вышел в свет итоговый сборник Е.А. Баратынского «Сумерки».

1843 год

15 апреля. Скончался преподобный Даниил Ачинский, Сибирский. Память — 15 апреля.

22 мая. Родился Климент Аркадьевич Тимирязев, крупный ученый, известный трудами в области физиологии растений.

7 сентября. Покушение на жизнь Николая I в Познани.

Учреждено VI отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии — по закавказским делам.

Т.Н. Грановский читает свой первый публичный курс в Московском университете.

Первая сельскохозяйственная выставка в России.

Движение «за русское платье». Константин Аксаков демонстративно отказался от одежды западноевропейских фасонов. В среде молодых дворян возникла мода на бороду.

Запрещено безземельным дворянам приобретать крестьян.

В Томске почетный гражданин Попов учредил общественный банк, проценты которого употреблялись на образование женщин.

1844 год

12 июня. Помещикам предоставлено право отпускать дворовых на волю без земли по обоюдному соглашению.

29 июня. В Неаполе на 45-м году жизни умер поэт Евгений Абрамович Баратынский.

9 ноября. В возрасте 74 лет умер баснописец Иван Андреевич Крылов.

При Кондинском Троицком монастыре открыта школа для мальчиков хантов и манси.

Начало пароходства по рекам Западной Сибири. Коммерции советник Н.Ф. Мясников приобрел пароход «Основа», совершавший рейсы от Тюмени до Томска.

Неурожай во многих губерниях.

1845 год

26 февраля. Родился будущий император Александр III.

Конец мая. Д.В. Григорович и Н.А. Некрасов прочли рукопись молодого Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Передавая ее В.Г. Белинскому, Некрасов, по преданию, произнес: «Новый Гоголь явился!».

5 июля. В Самаре в день памяти преподобных Афанасия Афонского и Сергия Радонежского родился Павел Иванович Плеханков, будущий Оптинский старец Варсонофий,

19 сентября. В Петербурге на квартире В.И. Даля состоялось первое собрание Русского географического общества.

В Иркутске открыт девичий институт — первое женское среднее учебное заведение в Сибири.

В Оренбургских степях основаны укрепления — Оренбургское на Тургае и Уральское на Иргизе, чтобы предотвратить набеги мятежных киргизов из южных степей в северные.

1846 год

«Пятницы» у М.В. Буташевича-Петрашевского в его доме на Покровской площади в Петербурге.

Впервые в России предпринято почтовое пароходство.

17 февраля. Родился Василий Васильевич Докучаев, выдающийся ученый-почвовед, автор трудов о русских черноземах.

Июнь. Началось железнодорожное движение на участке Петербург — Александровский завод — Колпино.

На царскосельской железной дороге установлен электромагнитный телеграф Морзе.

12 августа. На 76 году умер Иван Федорович Крузенштерн, адмирал, начальник первой русской кругосветной экспедиции. К концу его жизни русские моряки совершили более 30 кругосветных плаваний.

Н.А. Некрасов и И.И. Панаев взяли в аренду журнал «Современник».

Учреждено Императорское русское археологическое общество.

Основана старообрядческая Белокриницкая епархия.

Омское казачье училище преобразовано в Сибирский кадетский корпус.

Н.Ф. Мясников учредил Байкальское пароходство.

26 декабря. Умер поэт Николай Михайлович Языков.

1847 год

5 января. Родился создатель гидроаэродинамики Николай Егорович Жуковский.

Январь. Увидели свет «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя.

18 мая. Скончался преподобный Макарий, миссионер Алтайский, архимандрит Болховский. Память — 18 мая.

Середина июля. В.Г. Белинский отправил Н.В. Гоголю свое знаменитое «Зальцбруннское письмо».

Добыто 1760 пудов золота в год — наибольший предел, достигнутый золотодобытчиками России на все ближайшее двадцатилетие.

Конкордат между Россией и Святым престолом — договор, определивший взаимоотношения католиков Российской империи с российским правительством.

Отъезд А.И. Герцена за границу. Здесь он благополучно уладил дела, связанные со своим имением, и после февральских событий в Париже принял решение остаться в эмиграции навсегда.

Основан город Копал (Копальское укрепление) при реке Копалке (Семиречье).

Начало истребления китов американскими промышленниками в Охотском море.

Большая Киргизская Орда принята в российское подданство.

Учреждена духовная миссия в Палестине для паломников из России.

4 декабря. Умер 67-летний живописец Алексей Гаврилович Венецианов.

1848 год

12 января. Родился великий русский художник Василий Иванович Суриков.

Февраль. В Лондоне опубликован «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

3 марта. Крепостным крестьянам разрешено приобретать недвижимую собственность.

5 марта. Вышел в свет первый номер журнала «Морской сборник»

14 марта. Опубликован манифест Николая I «О событиях в Западной Европе». «Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии, и, разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшею по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных нам империй Австрийской и королевства Прусского». Россия, говорилось в манифесте, будет противостоять этому разрушительному потоку.

19 марта. Часть гвардейских полков выступила на случай войны к западным границам Российской империи.

2 апреля. Учрежден особый комитет за безгласным надзором над действиями цензуры (просуществовал до 1856 года). Помимо предварительной цензуры введена цензура карательная.

Уволен с поста министра народного просвещения разбитый параличом граф С.С. Уваров.

26 мая. Умер В.Г. Белинский.

Генерал-губернатором Восточной Сибири назначен генерал-майор Николай Николаевич Муравьев, впоследствии граф Амурский.

Второй раз в России свирепствовала холера. Во многих городах проходили крестные ходы. Чудотворными образами Божией Матери обносили городские улицы. Зафиксированы случаи, когда эпидемия после этого прекращалась.

Архимандрит Вениамин Смирнов обратил в христианство три тысячи самоедов (ненцев) и перевел на их язык Новый Завет.

27 декабря. Родился Степан Осипович Макаров, русский флотоводец и ученый, герой Русско-японской войны.

1849 год

5 марта. За распространение в списках работы «Письма из Риги» на 12 дней заключен в Петропавловскую крепость славянофил Ю.Ф. Самарин. В распространяемой статье критиковалось правительство, не желающее замечать притеснения русских в Прибалтике.

18 марта. В III отделение доставлен И.С. Аксаков, перлюстрация почты которого дала повод правительству подозревать существование славянофильской «тайной организации».

Начало апреля. Венгерский парламент провозгласил полную независимость от Австрии.

Дворянам запрещено носить бороды. Константину и Сергею Аксаковым персонально запрещено появляться в общественных местах «в русской одежде».

6 апреля. Умер архитектор Карл Росси. Он построил Главный штаб, Александринский театр, Императорскую Публичную библиотеку, Елагин дворец. Эти здания и сейчас украшают Петербург.

23 апреля. Утром начались аресты петрашевцев.

26 апреля. Манифест «О движении армий наших для содействия императору Австрийскому на потушение мятежа в Венгрии и Трансильвании».

27 июня. Транспортное судно «Байкал» под начальством капитан-лейтенанта Невельского бросило якорь в северной части Амурского лимана. Через несколько дней лейтенант Казакевич, проплыв на шлюпке, обнаружил устье Амура.

Проложена подземная телеграфная линия Санкт-Петербург—Колпино.

21 июля. Капитан-лейтенант Г.И. Невельской, проплыв на юг от Амура, доказал, что Сахалин — остров. Нанесен на карту Татарский пролив.

2 августа. Фельдмаршал князь И.Ф. Паскевич одержал победу над венграми при Дебрецене. Капитуляция венгерской армии.

17 декабря. Генерал-аудиторат приговорил к «смертной казни расстрелянием» 21 петрашевца.

22 декабря. Петрашевцев вывели на Семеновский плац. Подоспевший гонец с царской милостью «предупредил» казнь. Наказания смягчены. Петрашевцы сосланы в Сибирь.

В Иркутске открыт театр.

1850 год

12 июня. Введен новый таможенный тариф — мера для поощрения экспорта.

К северу от Амурского лимана заложено Петровское зимовье.

6 августа. В низовьях Амура при впадении его в лиман основан первый пост — Николаевский.

8 сентября. Открыт памятник Дмитрию Донскому на Куликовом поле.

Между Царством Польским и Россией отменена таможенная граница.

Митрополит Иннокентий (Вениаминов) архиерействовал на Аляске. За годы миссионерства он обратил в православие более 15 тысяч алеутов, построил девять церквей.

В Петербурге создано концертное общество.

1851 год

22 февраля. Умер композитор Александр Александрович Алябьев, участник Отечественной войны 1812 года.

14 марта. Открыт памятник Ивану Сусанину в Костроме. Снесен в 1918 году.

25 июля. Полковник Ковалевский подписал торговый трактат с Китаем. Кульджа и Чугучак открыты для русской торговли.

19 августа. Государь с первым поездом прибыл в Москву по железной дороге. Император и вся семья приехали сюда на празднование 25-летия коронации государя.

1 ноября. Николаевская железная дорога открыта для публики. Восьмилетнее строительство, возглавляемое инженерами П.П. Мельниковым и Н.О. Крафтом, было завершено.

Построен Николаевский мост на Амуре.

В Сибири основано первое научное общество — Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества.

Вышел первый том «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева.

Образовано Забайкальское войско. Крестьяне Нерчинских горных заводов записаны в казачье сословие.

Начало восстановления архиепископом Иннокентием (Борисовым) древних святых мест в Крыму.

1852 год

19 января. Родился русский мыслитель Лев Александрович Тихомиров.

12 февраля. Ночью Н.В. Гоголь сжег чистовую рукопись второго тома «Мертвых душ».

21 февраля. Умер 47-летний Николай Васильевич Гоголь. «Для нас, — писал тогда И.С. Тургенев, — он был больше, чем просто писатель — он открыл нам самих себя».

12 апреля. Умер 69-летний Василий Андреевич Жуковский. «Цель жизни, — писал он незадолго до смерти, — состоит не в чем ином, как в том, чтобы научиться повиноваться воле Господней».

9 мая. В Новочеркасске открыт памятник войсковому атаману графу М.И. Платову.

Отпечатана первая книга И.С. Тургенева «Записки охотника». Цензор Львов, допустивший издание, уволен без права на пенсию.

11 июля. Умер живописец К.П. Брюллов.

Вышла повесть Л.Н. Толстого «Детство».

И.С. Аксаков выпустил первый «Московский сборник».

В Петербурге открыт завод Лесснера.

1853 год

14 января. В бенефис артистки Никулиной-Косицкой поставлена первая комедия А.Н. Островского «Не в свои сани не садись».

Февраль. Князь Меншиков, посланный в Константинополь чрезвычайным послом, потребовал от султана признания всех православных христиан в Турции находящимися под особым покровительством российского императора.

Май. Турция отвергает ультиматум. Разрыв дипломатических отношений.

4 июня. Успех Амурской экспедиции Г.И. Невельского. Лейтенант Н.К. Бошняк открыл Императорскую гавань, одну из лучших в мире.

21 июня. Русские войска вступили в Молдавию и Валахию.

Конец июня. А.И. Герцен написал прокламацию «Юрьев день! Юрьев день!». Выпуск ее ознаменовал начало работы Вольной русской типографии в Лондоне.

28 июля. В.А. Перовский взял на реке Сыр-Дарья укрепление Ак-Мечеть (Перовск, ныне Кзыл-Орда).

20 октября. Манифест «О войне с Оттоманскою Портою».

5 ноября. Впервые в истории сражения военных пароходов турецкий пароходо-фрегат захвачен русским «Владимиром».

18 ноября. Эскадра вице-адмирала П.С. Нахимова уничтожила на Синопском рейде турецкий флот. Это было последнее в истории парусного флота крупное сражение.

23 декабря. Англо-французский флот вошел в Черное море.

25 декабря. Турецкая армия потерпела поражение в Закавказье.

В Академию наук представлен В.И. Далем составленный им сборник «Пословицы русского народа». По цензурным соображениям издание сборника оказалось невозможным.

1854 год

9 февраля. Манифест «О прекращении политических сношений с Англией и Францией».

28 февраля. Англия и Франция заключили военный союз с Турцией.

11 марта. Русские войска форсировали Дунай.

15—16 марта. Англия и Франция объявили войну России.

11 апреля. Манифест «О войне с Англией и Францией».

Строительство первой телеграфной линии с воздушной подвеской проводов.

18—24 августа. Петропавловская оборона. Небольшой отряд морской команды и казаков под командой контр-адмирала Завойко отразил в Петропавловском Порту (ныне Петропавловск-Камчатский) нападение англо-французской эскадры. На кладбище, названном Братской могилой, погребено 45 русских и 88 французов и англичан, павших в том бою.

2 сентября. Англо-французско-турецкие войска высадились в Евпатории.

8 сентября. Приказ по флоту о затоплении кораблей.

11 сентября. Чтобы преградить путь противнику на Севастопольском рейде, затоплены корабли «Три святителя», «Уриил», «Варна», «Силистрия», «Селафаил», «Сизополь», «Флора».

28 сентября. Начало 349-дневной Севастопольской обороны.

Введен первый график движения поездов.

5 октября. Первая бомбардировка Севастополя: на рассвете — с суши, в полдень — с моря. Англо-французско-турецкий флот, выпустив 50 тысяч снарядов, был вынужден отойти.

На Малаховом кургане убит вице-адмирал В.А. Корнилов.

24 октября. Инкерманское сражение. Русская армия, чтобы предотвратить штурм Севастополя, нанесла удар по армии союзников и в результате потеряла (обычные потери наступательного боя) 11 000 убитыми, ранеными и пленными против 5000 у союзников.

14 декабря. Манифест «О воззвании к России по случаю настоящей войны».

За стихотворение «К России» А.С. Хомякову запрещено печатать свои произведения.

У подножья Заилийского Алатау на реке Алматы русскими казаками основан город Верный (ныне Алма-Ата).

Военная экспедиция генерал-губернатора Н.Н. Муравьева на Амур. Появление первого парохода на Шилке и на Амуре.

1855 год

26 января. В городе Симода вице-адмирал Евфимий Путятин подписал русско-японский договор о торговле и границах. Установлены дипломатические отношения. Граница определена между островами Курильской гряды Итуруп и Уруп. Остров Уруп и остальные острова к северу отошли к России.

5 февраля. Русские войска пытались взять Евпаторию штурмом.

18 февраля. «Отравившись кашей», скоропостижно скончался император Николай I. На престол вступил Александр II.

ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА II (1855—1881)

1855 год

7 марта. В Севастополе разрывом снаряда убит контр-адмирал Владимир Иванович Истомин.

28 июня. Смертельно ранен адмирал Павел Степанович Нахимов. Он скончался, не приходя в сознание. Когда адмирала хоронили, противник прекратил обстрел Севастополя.

4 августа. Русская армия потерпела поражение на реке Черной. Л.Н. Толстой, участвовавший в этом сражении, описал его в известной песне:

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы отбирать.
...Гладко вписано в бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить...
На Федюхины высоты
Нас пришло всего три роты,
А пошли полки!..

Конец августа. Произведена шестая и последняя, сильнейшая бомбардировка Севастополя. Союзники взяли Малахов курган.

28 августа. Ночью русские войска оставили Севастополь. На рассвете были взорваны пороховые погреба на Южной стороне города. Двое суток длился пожар.

15 октября. Родился Иван Владимирович Мичурин — выдающийся русский селекционер, продвинувший на север многие южные культуры.

16 ноября. Русские взяли турецкую крепость Карс.

1856 год

М.Н. Катков приступил к изданию журнала «Русский вестник».

12 февраля. Скончался великий русский математик Николай Иванович Лобачевский.

18 марта. Подписан Парижский мирный договор. России отказано в праве иметь военно-морской флот в Черном море и крепости на побережье. Юг Бессарабии отдан Турции.

19 марта. Манифест об окончании войны.

30 марта. Александр II, выступая в Москве перед предводителями дворянства, допустил возможность отмены крепостного права.

14 апреля. Умер русский философ Петр Яковлевич Чаадаев.

4 мая. На сцене Мариинского театра поставлена «Русалка» А.С. Даргомыжского.

22 мая. Павел Михайлович Третьяков приобрел картину ученика Московского училища живописи и ваяния Николая Шильдера «Искушение». Этот день считается датой основания Третьяковской галереи.

12 июня. Умер 50-летний русский философ, публицист Иван Васильевич Киреевский.

3 августа. Основано Русское общество пароходства и торговли.

20 августа. Родился поэт Иннокентий Федорович Анненский.

26 августа. Коронование Александра II в кремлевском Успенском соборе. Амнистированы оставшиеся в живых декабристы.

30 августа. Торжественно отмечено столетие Императорских театров.

31 октября. Образована Приморская область с центром в Николаевске.

18 декабря. Все свободные сословия допущены к приему в кадетские корпуса.

29 декабря. Солдатские дети по высочайшему повелению исключены из военного ведомства. Упразднены военные поселения.

Срок службы в Донском, Черноморском и Кавказском линейных войсках сокращен на пять лет.

Поставлен Усть-Зейский пост у слияния реки Зеи с Амуром — будущий Благовещенск.

Вышли в свет «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Начало издания К.С. Аксаковым журнала «Русская беседа».

Отправлена экспедиция П.П. Семенова (Тян-Шанского) для исследования верховий Сыр-Дарьи.

1857 год

3 января. Особый секретный комитет под личным председательством императора приступил к рассмотрению «постановлений о крепостном состоянии».

26 января. Указ о сооружении первой сети железных дорог в России.

Инженер Павел Матвеевич Обухов изобрел способ массового производства высококачественной «обуховской» стали. На Всемирной выставке в 1862 году в Лондоне пушка, отлитая из «обуховской» стали, без повреждения выдержала 4 тысячи выстрелов.

3 февраля. В Берлине умер 52-летний композитор Михаил Иванович Глинка.

1 июля. В Лондоне вышел первый номер герценовской газеты «Колокол».

16 июля. Указ о порядке работы городских общественных банков.

5 сентября. Родился Константин Эдуардович Циолковский — основоположник теории космонавтики.

20 ноября. Первый рескрипт об улучшении быта помещичьих крестьян.

15 декабря. Упразднен департамент военных поселений.

17 декабря. Нижегородское дворянство первым откликнулось на призыв Александра II рассмотреть крестьянский вопрос.

24 декабря. Государь благодарит нижегородское дворянство особым рескриптом.

1858 год

16 февраля. «Секретный» комитет преобразован в «Главный комитет по крестьянскому вопросу».

2 марта. Запрещено переводить крестьян в дворовые.

1 апреля. Взятие штурмом Веденя (Ведено) — главной крепости Шамиля.

19 апреля. В Петербурге открыто Мариинское женское училище — первая женская средняя школа в столице.

16 мая. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев заключил в Айхуне договор с Китаем. К России отошел левый берег Амура. «А правый берег, считая вниз по течению до реки Уссури, да будет владением Дейцингского государства». Уссурийский край признан пока общим владением.

Казаки переселяются на Амур. Формирование Амурского войска.

Основаны Хабаровка (Хабаровск), Софийск.

20 июля. Указ об удельных крестьянах.

7 августа. Русско-японский договор о торговле и мореплавании. Шесть портов открыты для русского судоходства.

Образование губернских комитетов по крестьянскому вопросу.

1859 год

4 марта. Родился изобретатель радио Александр Степанович Попов.

В первых четырех номерах «Отечественных записок» опубликован роман И.А. Гончарова «Обломов».

16 марта. Евреям — купцам 1-й гильдии дозволено приписываться к любым городам.

25 августа. Взят аул Гуниб. Шамиль окружен.

27 августа. Имам сдался на милость российского императора. Завоеванием Дагестана завершилось покорение Восточного Кавказа. На Западном Кавказе эта борьба продолжалась до 1864 года.

8 сентября. Сокращен срок военной службы для нижних чинов с 25 лет до 15 лет в сухопутных войсках и до 14 лет во флоте.

8 ноября. Основано общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

16 ноября. В Малом театре состоялась премьера «Грозы» А.Н. Островского.

22 ноября. В Петербургском университете студенты устроили овацию историку Николаю Ивановичу Костомарову, который прочитал вступительную лекцию курса.

Трудами митрополита Иннокентия издано Евангелие на якутском языке. Митрополит перевел Новый Завет на язык эвенков. Иннокентий окрестил эскимосов острова Кадьяк и дал им Евангелие на их родном языке, перевел священные тексты на кошский язык — язык одного из племен индейцев Аляски.

В Туруханском крае произведен первый опыт засолки местной рыбы и икры. Опыт оказался неудачным, хотя для этого и был выписан мастер из Астрахани.

Впервые напечатан «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого, написанный в 1503 году для обличения так называемой ереси жидовствующих.

В Новоархангельске на острове Ситха учреждено «Общее училище Российско-Американских колоний».

Евреям, не состоявшим в гильдии, запрещено приезжать из России в Сибирь.

Экспедиция полковника Будогосского и А.Ф. Усольцева сделала картографическую съемку в Уссурийском крае по предлагаемому Н.Н. Муравьевым рубежу русско-китайской границы.

1860 год

17 января. В Таганроге родился Антон Павлович Чехов.

28 января. Образовано Общество восстановления православия на Кавказе.

31 мая. Утвержден устав Государственного банка.

8 июня. Учреждение института судебных следователей (судебное следствие изъято у полиции).

18 августа. Родился художник Исаак Ильич Левитан.

7 октября. Скончался Оптинский старец, иеросхимонах Макарий, в миру Михаил Николаевич Иванов, из дворян Орловской губернии.

2 ноября. Генерал-майор Н.П. Игнатьев заключил в Пекине договор с Китаем. К России присоединен Уссурийский край.

Из казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного образованы два новых — Кубанское и Терское.

В Иркутске начала издаваться газета «Амур».

Открытие воскресных школ.

1861 год

19 февраля. Государь подписал составленный митрополитом Филаретом манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта». Ввиду приближающейся масленицы событие это держалось в тайне.

5 марта. Прощеное Воскресенье. Ликование в обеих столицах, вызванное обнародованием Манифеста об освобождении крестьян.

Март. Волнения крестьян.

11 апреля. Умер командующий Кавказским корпусом, военачальник А.П. Ермолов.

12 апреля. Бездненское дело. В селе Бездна Казанской губернии выдававший себя за пророка Антон Петров начал волновать крестьян, разъясняя им по-своему манифест о воле. В Бездну начал стекаться народ из соседних сел. Десятитысячная толпа отказалась повиноваться властям. Вызванные войска стреляли в людей.

16 апреля. Казань. Панихида по убитым в Бездне крестьянам.

1 июля. Утверждено положение «О наказании лиц, виновных в подстрекательстве крестьян к неповиновению и беспорядкам».

4 июля. Уничтожение откупной системы.

13 августа. Торжественное прославление мощей Тихона Задонского. На праздник пришло более 200 тысяч богомольцев всех сословий.

17 ноября. В возрасте 25 лет скончался Николай Александрович Добролюбов.

Учреждена Петровская земледельческая академия в Москве.

Из Сибири бежал М.А. Бакунин, одержимый идеей общеславянской революции.

Студенческие беспорядки в Петербурге, Москве, Казани.

Переименована в город Павлодар Каряковская станица.

На средства, пожертвованные почетным гражданином Михаилом Михеевым, в Иркутске открыта «Михеевская лечебница для приходящих».

1862 год

1—4 января. Тверское дворянство заявило об отказе от сословных привилегий.

Февраль. Напечатан роман И.С. Тургенева «Отцы и дети».

Март. Упразднено Главное управление цензуры.

23 марта. В Петербурге открыта первая ремесленная школа.

Создано тайное общество «Земля и воля».

2 апреля. Родился Петр Аркадьевич Столыпин.

Середина мая. В Петербурге распространена прокламация «Молодая Россия», призывающая к цареубийству. «Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим... знамя красное и... двинемся на Зимний дворец истребить живущих там».

В Петербурге пожары. Огонь пожирает квартал за кварталом, Большую и Малую Охту, Ямскую, Толкучий рынок.

28 мая. Сильнейший пожар охватил Апраксин двор. Все говорят в городе о поджигателях.

16 июня. Скончался Оптинский старец, схиархимандрит Моисей.

2 июля. Арестован Дмитрий Иванович Писарев, написавший недавно о Доме Романовых: «...нам останется только дать им последний толчок и забросать их грязью смердящие трупы».

7 июля. Арестован и заключен в Петропавловскую крепость Николай Гаврилович Чернышевский.

25 августа. В Москве, на Патриарших прудах, в семье крупных землевладельцев родился духовный писатель Сергей Александрович Нилус.

26 августа (8 сентября). В Новгороде торжественно отмечалось 1000-летие России. «Пушечная пальба на берегу Волхова торжественно возвестила начало второго тысячелетия в России!» — писали в газетах. Торжественно открыли памятник «Тысячелетие России», сооруженный по проекту художника М.О. Микешина.

11 октября. За составление прокламаций к солдатам осужден подполковник А.А. Красовский (смертная казнь заменена каторгой).

Открыта Петербургская консерватория.

Опубликован составленный Владимиром Ивановичем Далем сборник «Пословицы русского народа» (включал более 30 тысяч пословиц и поговорок).

Проведена телеграфная линия от Екатеринбурга до Омска. (Она была продолжена в 1863 году до Томска, а затем — до Сахалина.)

Епископ Ревельский Николай основал Японскую миссию. В дальнейшем из этой миссии возникла Японская православная церковь.

1863 год

5 января. Родился великий русский режиссер Константин Сергеевич Станиславский, создатель Московского Художественного театра.

11 января. Восстание в Польше.

31 марта. Манифест «О Всемилостивейшем даровании полного совершенного прощения тем из вовлеченных в мятеж в Царстве Польском, которые не подлежат ответственности за иные уголовные или по службе в рядах войск преступления, сложат оружие и возвратятся к долгу повиновения до 1 (13) мая 1863 года».

17 февраля. Родился в Петербурге писатель Федор Кузьмич Сологуб (настоящая фамилия — Тетерников).

17 апреля. Отменены телесные наказания и наложения клейм по судебным приговорам.

18 июня. Принят новый университетский устав.

17 сентября. Открыто Московское общество любителей духовного просвещения.

9 ноября. Скандал в Академии художеств. Иван Николаевич Крамской и его товарищи не пожелали участвовать в конкурсе на большую золотую медаль, так как их не устраивали предложенные им темы.

Общество любителей российской словесности выпустило в свет первый том «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля. Расходы на издание остальных томов взял на себя император.

Открытие Енисейского пароходства.

В Туруханске при Троицком монастыре заботами митрополита Иннокентия открыта первая в России школа для детей народов Севера.

1864 год

1 января. Начало земской реформы. В ведение земств переданы дорожное строительство, медицина и образование.

19 февраля. Опубликован указ об устройстве быта крестьян в Царстве Польском. Земли, находившиеся в пользовании польских крестьян, перешли в их полную собственность.

Май. Подавлены последние очаги польского восстания.

Западный Кавказ окончательно покорился российскому императору.

19 мая. На Мытнинской площади в Петербурге прочитан приговор Н.Г. Чернышевскому и совершен над ним обряд гражданской казни.

21 мая. В Москве открылся первый в России зоологический сад.

14 июля. Утверждено Положение о начальных народных училищах.

22 сентября. Генерал М.Г. Черняев взял Чимкент.

25 сентября. Умер от апоплексического удара поэт и критик Аполлон Александрович Григорьев.

20 ноября. Новые судебные уставы. Введен суд присяжных и институт мировых судей.

Шумный успех романа Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы», первая часть которого была опубликована в «Отечественных записках».

Положение о церковных братствах.

Учреждение приходских попечительств при православных церквях.

Спущен на воду первый русский ледокол — пароход «Пайлот» с двигателем мощностью 44,2 кВт.

20 декабря. Высочайшим указом в 33 губерниях Европейской России введено в действие «Положения о губернских и уездных земских учреждениях». В выборах своих представителей в уездные земские собрания должны были принять участие уездные земледельцы, городские обыватели и сельские крестьянские общины.

1865 год

14 января. Первый в России купеческий съезд в Москве.

Февраль. Образована Туркестанская область.

6 февраля. В Петербурге в Петропавловской крепости начала стрелять пушка, возвещая наступление полудня.

Конец марта. Под псевдонимом Стебницкий отдельным изданием вышел «антинигилистический» роман Н.С. Лескова «Некуда».

6 апреля. Новое законодательство о печати («временные правила»). Газеты стали выходить без предварительной цензуры, под ответственность самих редакторов.

12 апреля. Скончался наследник цесаревич Николай Александрович, старший сын Александра II. Наследником престола стал Александр Александрович (будущий Александр III). Умирая, брат сказал ему: «Оставляю тебе тяжкие обязанности, славный трон, отца, мать и невесту». И, действительно, Александр женился на невесте Николая — принцессе Дагмаре, ставшей в замужестве императрицей Марией Федоровной.

1 мая. Открылся в Одессе Новороссийский университет.

15 июня. Ночью генерал М.Г. Черняев взял Ташкент. Хан кокандский покорился русскому царю.

1 июля. Запрещен журнал «Современник».

Николай Николаевич Бекетов нашел способ промышленного производства алюминия.

7 августа. Скончался Оптинский старец, схиигумен Антоний, в миру Александр Иванович Путилов.

15 августа. Великий князь Александр Александрович объявлен наследником престола.

Создано Миссионерское общество для содействия распространению христианства среди язычников.

Образовано Министерство путей сообщения. Первым министром стал инженер, строитель железной дороги Петербург—Москва П.П. Мельников.

Азовское казачье войско упразднено за малочисленностью. Оставшиеся казаки переселяются на Кубань в состав Кубанского войска.

Присоединение к Православной церкви раскольнических лжеиерархов и учреждение в Москве мужского единоверческого монастыря.

1866 год

Январь. Журнал «Русский вестник» начинает печатать «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского.

21 марта. Умерла Надежда Андреевна Дурова, первая в русской армии женщина-офицер, прозаик. Участвовала в Прусской кампании 1806—1807 годов, Отечественной войне 1812 года, в заграничных походах 1813—1814 годов.

4 апреля. Дворянин Д.В. Каракозов стрелял в Александра II во время прогулки императора с собакой по Летнему саду. Спас государя крестьянин, 25-летний Осип Иванович Комиссаров. Ему было присвоено потомственное дворянское достоинство.

24 мая. Взят Ходжент.

Открыта Московская консерватория.

Учреждено Русское техническое общество.

Учреждено Российское общество Красного Креста.

Создано Русское историческое общество. Почетным председателем его избран наследник престола, великий князь Александр.

Осыпанный милостями Александра II, «которые можно оказать только любимому сыну», житель Калуги Шамиль присягнул на верноподданность России.

Вышел в свет последний том словаря В.И. Даля.

Генерал Романовский при урочище Ирджар разбил армию бухарского эмира. Взяты Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак.

Срок службы во всех казачьих войсках сокращен до 20 лет.

1867 год

18 марта. За 7 200 000 долларов были уступлены Североамериканским союзным штатам российские североамериканские колонии (Аляска) общей площадью 23 тысяч кв. миль.

30 апреля. В Неделю святых жен-мироносиц скончался святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Ставропольский — один из крупнейших церковных писателей XIX века.

Но страшно пробужденье
В последний час,
у Вечности в вратах, —

писал он.

3 мая. Официально зарегистрировано «Российское Общество попечения о раненых и больных воинах». Ему покровительствовала императрица Мария Александровна.

Конец мая. Польский революционер Березовский покушался в Париже на жизнь Александра II.

17 августа. Учреждено Туркестанское генерал-губернаторство на Сыр-Дарье. В него вошли завоеванные Кокандское и Бухарское ханства.

18 октября. Официальная передача Аляски. В США этот день считается Днем Аляски.

19 ноября. Скончался митрополит Московский Филарет, «московский Златоуст».

Создано Общество содействия торговле и промышленности.

Из полков Сибирского войска образовано Семиреченское казачье войско.

Создано миссионерское «Казанское братство святителя Гурия» при кафедральном соборе в Казани. Общий тираж изданной им Библии на языках народов России достиг 900 тысяч.

11 декабря. Русский консул Е. Бюцов заключил в Эдо торговую конвенцию с японским правительством.

1868 год

В Православной церкви появились псаломщики. Так стали называться бывшие дьячки.

2 мая. Войска генерал-губернатора К.П. Кауфмана взяли Самарканд. Образован Зеравшанский округ.

6 мая. В день святого Иова Многострадального родился будущий император Николай II.

Июнь. Поражение эмирской армии. Взята Бухара.

23 июня. Мирный договор с Бухарой, вошедшей в состав Российской империи.

4 июля. Утонул литератор Д.И. Писарев. Верстах в 20 от Риги он вошел в море, по мелководью ушел подальше от берега и нырнул. Больше живым его никто не видел.

«Русский вестник» начал печатать роман Ф.М. Достоевского «Идиот».

В городе Сан-Франциско открыта русская архиерейская кафедра.

А.Р. Власенко сконструировал первый в мире зерноуборочный комбайн.

Сделан первый синодальный перевод ветхозаветных книг (Пятикнижие Моисеево) на русский язык.

На средства предпринимателей С.С. Полякова, П.Г. фон Дервиза и др. открыт Лицей цесаревича Николая (Катковский лицей).

1869 год

Год выставок: Конской — в Москве, Международного садоводства — в Петербурге, там же — рогатого скота и мелких животных; в Иркутске — произведений декоративного искусства и бытовой утвари народов Восточной Сибири.

6 марта. На заседании Русского химического общества Дмитрий Иванович Менделеев сообщил об открытии им периодического закона.

Разрешен выход из казачьего сословия.

24 мая. В Санкт-Петербурге заложен броненосец «Петр Великий» — мощнейший корабль своего времени.

21 ноября. В Петровском парке в Москве С.Г. Нечаев убил студента Земледельческой академии И.И. Иванова, чтобы «сцементировать кровью» участников своей группы. В своем «Катехизисе революционера» он писал: «Мы имеем только один отрицательный, неизмен-

ный план — общего разрушения». И само убийство, а главное откровения Нечаева потрясли Россию.

В России появились баптисты.

Учрежден Варшавский университет.

Передача в казну церковных имений Грузии.

1870 год

Всероссийский торгово-промышленный съезд.

9 (21) января. В Париже умер Александр Иванович Герцен.

10 (22) апреля. Родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

6 июня. Новое Городовое положение (городская реформа).

30 августа. Открыт Демидовский юридический лицей.

10 октября. Родился русский писатель Иван Алексеевич Бунин.

Конец октября. Ушел в плавание военный корабль «Витязь». На его борту находился ученый Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Он высадился на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, который носит теперь название Берега Маклая, и поселился среди папуасов.

5 ноября. Указ о призыве к отбытию воинской повинности всех сословий.

Телеграфная линия проведена до устья Амура.

Основано Политехническое общество.

В Нью-Йорке устроена православная церковь.

22 декабря. Умер 46 лет от роду педагог Константин Дмитриевич Ушинский, автор «Родного слова» и «Детского мира».

1871 год

2 марта. Отменены статьи Парижского трактата, ограничивавшие военно-морские силы России на Черном море.

10 июня. Русские войска вступили в Кульджу.

16 июня. Родился Сергей Николаевич Булгаков, будущий философ, которому предстояло пройти путь от страстного увлечения марксизмом до православной философии и умереть в эмиграции.

В Ташкенте учреждена школа шелководства.

Ноябрь. Отдельным изданием вышел «антинигилистический» роман Н.С. Лескова «На ножах».

Учреждена опытная самаркандская плантация хлопчатника.

Учреждение православной кафедры для Туркестанского края.

1872 год

1 января. Начала существование отечественная Служба погоды. Главная физическая обсерватория выпустила первый «Ежедневный метеорологический бюллетень» с полученными по телеграфу сообщениями о погоде 26 русских и двух зарубежных станций.

4 февраля. В Мариинском театре в Петербурге дано первое представление оперы А.С. Даргомыжского «Русалка».

27 марта. В Иркутске открылась учительская семинария, а следом за ней и в Омске.

22 сентября. Умер Владимир Иванович Даль.

8 апреля. На Невском проспекте в магазине Черкесова началась продажа первого тома «Капитала», вышедшего на русском языке.

Александр Николаевич Лодыгин изобрел первую в мире электрическую лампочку накаливания.

Политехническая выставка в Москве.

Выпущена первая в России почтовая карточка.

1873 год

Январь. В Московском окружном суде объявлен приговор по делу С.Г. Нечаева. Нечаев заключен в Алексеевский равелин, где и умер в 1882 году, спустя ровно 10 лет после своего преступления.

1 февраля. Родился Федор Иванович Шаляпин.

20 марта. Родился композитор Сергей Васильевич Рахманинов.

Конец мая. Русские войска, преодолев слабое сопротивление, покорили Хивинское ханство.

10 июля. Триумф М.Н. Ермоловой. Она сыграла Катерину в «Грозе» А.Н. Островского.

15 июля. В Царском Селе умер на 70-м году жизни Федор Иванович Тютчев. «Угас тихо, — писал И.С. Аксаков, — без страданий, без жалоб, без слов».

12 августа. Договор с Хивинским ханством. Отказавшись от восточных земель, оно перешло в протекторат России. Русским купцам разрешено торговать без пошлины. Постепенно уничтожается рабство.

18 сентября. Скончался Оптинский старец, духовник обители и начальник Скита, иеросхи-

монах Иларион, в миру Родион Никитич Пономарев, родившийся в Пасхальную ночь с 8 на 9 апреля 1805 года.

4 ноября. В селе Александровском Петербургской губернии родился Александр Васильевич Колчак, будущий адмирал.

А.Н. Лодыгин проводил в Петербурге на Песках первые опыты электрического освещения лампами накаливания. Создано товарищество электрического освещения «Лодыгин и К°». Открытие А.Н. Лодыгина отмечено Ломоносовской премией Российской Академии наук (10 декабря).

1874 год

1 января. Манифест «О введении всеобщей воинской повинности» (военная реформа).

27 января. На сцене Мариинского театра состоялось представление оперы М.П. Мусоргского «Борис Годунов».

11 мая. С Православной церковью торжественно воссоединилась Холмская епархия — последние униаты в России.

В семье священника родился Василий Павлович Казанский, будущий святой Вениамин, митрополит Петроградский.

1875 год

19 марта. Умер 56-летний Юрий Федорович Самарин — один из крупнейших славянофилов.

Русские добровольцы отправляются в Сербию. Пожертвования в помощь восставшим против турок сербам и болгарам. Доброволец генерал М.Г. Черняев возглавил сербское войско.

23 марта. Появление «русского света» в Европе. Переехавший в Париж Павел Николаевич Яблочков получил здесь привилегию на «электрическую свечу» — «свеча Яблочкова». (После демонстрации свечи на выставке в Лондоне и Всемирной выставке в Париже в 1878 году началось ее массовое распространение в Европе.)

По трактату Япония уступила России весь Сахалин (в обмен на Курильские острова).

5 июня. Первый съезд русских юристов в Москве.

Кокандское восстание. Худояр-хан обратился к русским за военной помощью.

20 августа. Закладка здания Исторического музея в Москве.

31 августа. Русские войска под командованием М.Д. Скобелева заняли Кокандское ханство.

14 сентября. Открыт Историко-филологический институт в Нежине.

Опубликована работа Константина Николаевича Леонтьева «Византизм и славянство» с изложением его теории «триединого процесса развития» общества.

1876 год

Октябрь. Александр II потребовал от султана незамедлительно прекратить военные действия против сербов. Турция вынуждена заключить с Сербией перемирие.

6 декабря. Политическая демонстрация рабочих и студентов у Казанского собора в Петербурге. «Да здравствует социальная революция!» — провозгласил Георгий Валентинович Плеханов. На демонстрации было поднято красное знамя с вышитыми на нем словами «Земля и воля». Так впервые заявила о себе организация, уже вскоре заставившая содрогнуться от ужаса всю Россию.

Начало издаваться «Новое время» А.С. Суворина.

Вышел первый полный перевод Библии на современный русский язык.

7 декабря. Иван Сытин начал вести свое дело. Через 40 лет его книгоиздательская фирма выпускала почти четверть всех издаваемых в стране книг.

23 декабря. Русские войска освободили Софию от Османского владычества.

28 декабря. Победа русских и болгар под Шипкой над 30-тысячной турецкой армией Вессель-паши.

1877 год

21 февраля — 14 марта. «Процесс 50-ти». В Особом присутствии Правительствующего Сената слушалось дело о пропаганде среди крестьян и рабочих.

2 апреля. Цензурное разрешение книги Н.А. Некрасова «Последние песни».

7 апреля. Турецкий султан отверг план предоставления автономии Боснии, Герцеговине и Болгарии. «Жребий войны был брошен».

12 апреля. Встречаемый колокольным звоном, Александр II прибыл в Кишинев. «Вожди и воины христолюбивые!» — обратился он к войскам.

Манифест «О вступлении Российских войск в пределы Турции». «Эта неслыханная война, за слабых и угнетенных, для того, чтобы дать жизнь, свободу, а не отнять их, — это давно уже теперь неслыханная в мире цель войны...» — писал Ф.М. Достоевский. Глава в его «Дневни-

ке писателя», посвященная этим событиям, так и называлась: «О безошибочном знании необразованным и безграмотным русским народом главнейшего восточного вопроса».

24 апреля. Капитан Райчо Николов обратился к болгарам с воззванием: «Братья болгары! Время освобождения нашего, давно порабощенного, милого отечества уже настало. Русская армия стала лагерем на Дунае; из пушек стреляют за наше освобождение!»

15 июня. Ночью русская армия переправилась через Дунай.

Начало июля. Генерал Ф.Ф. Радецкий занял Шипкинский перевал.

8 июля. Первый штурм Плевны русскими войсками.

13 июля. В Петербурге градоначальник Ф.Ф. Трепов велел высечь политического заключенного Боголюбова (Емельянова) — событие, взбудоражившее весь революционный мир. По существу, Трепов подписал себе приговор: революционеры, как в России, так и за границей, начали настоящую охоту на него.

18 июля. Второй неудачный штурм Плевны.

21 июля. Учрежден Археологический институт в Петербурге.

27 июля. В связи с военными действиями началось строительство Бендеро-Галицкой железной дороги. 4 ноября 285 верст пути были готовы.

7 августа. 40 таборов Сулеймана-паши появились около деревни Шипка. На подходе еще 60 и многочисленная конница.

9 августа. 10 турецких атак. В тяжелых боях русские солдаты отстояли Шипку.

30—31 августа. Третий неудачный штурм русскими войсками Плевны. Потери русских до 10 тысяч ранеными и убитыми.

1—3 октября. Кавказ. Аладжинское сражение. Провал наступления 35-тысячной турецкой армии.

5 октября. Началось «Шипкинское сидение».

Середина октября. Осада Плевны.

В Особом присутствии Правительствующего Сената начались слушания дела о революционной пропаганде в Империи («процесс 193-х»).

6 ноября. Кавказская армия взяла Карс.

29 ноября. Войско Осман-паши покинуло Плевну и пыталось прорваться через укрепления русских. Капитуляция турок под Плевной. Русские солдаты братались с болгарами.

13—19 декабря. В невероятно сложных условиях отряд генерала Гурко — 71 тысяча человек — перешел через Балканы.

25 декабря. Рождество Христово. Отряд генерала Карцева встретил праздник на считавшемся непроходимым Трояновом перевале.

27 декабря. В Петербурге на 57-м году жизни умер Николай Алексеевич Некрасов.

28 декабря. Бой при Шипке-Шейново. Войска, возглавляемые Скобелевым и Святополком-Мирским, окружили и пленили 30-тысячную армию Вессель-паши.

30 декабря. Многолюдные и торжественные похороны Н.А. Некрасова на Новодевичьем кладбище.

Священник Михаил Суслов, благочинный всех церквей Туруханского края, просвещает на Таймыре селькупов, нганасан и кетов.

Зоолог Н.А. Северцев, путешествуя по Средней Азии, первым из европейцев проник в центральную часть Памира.

Трудами Н.М. Мартьянова в Минусинске открылся первый в Сибири «публичный местный музей».

1878 год

Январь. Волнения рабочих Путиловского завода.

14 января. Первое в истории успешное применение торпедного оружия. Минные катера «Чесма» и «Синоп» потопили турецкий пароход «Интибах».

15—17 января. Сражение под Филиппополем. И.В. Гурко разгромил армию Сулеймана-паши.

21 января. Авангард М.Д. Скобелева вступил в Адрианополь.

23 января. Завершился «процесс 193-х». Объявлен приговор по делу о революционной пропаганде. 90 человек оправданы, 28 приговорены к каторжным работам.

24 января. Мстя за секуцию Боголюбова, Вера Засулич явилась в приемную петербургского градоначальника генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова и выстрелом из револьвера нанесла ему тяжелую рану. Частная инициатива Засулич предупредила давно готовившееся покушение других революционеров.

19 февраля. Подписан Сан-Стефанский мирный договор. Потерпевшая поражение Турция приняла условия, предложенные ей Россией. Черногория, Сербия и Румыния объявлялись независимыми государствами, Болгария становилась автономным княжеством. Россия приобретала Карсскую область и возвращала себе юг Бессарабии.

23 февраля. Покушение на жизнь товарища прокурора Котляревского.

31 марта. В Петербургском окружном суде вердиктом присяжных заседателей оправдана Вера Засулич. Приговор встречен публикой с ликованием.

16 мая. Повелено учредить Императорский Сибирский университет в Томске с историко-филологическим, физико-математическим, юридическим и медицинским факультетами.

21 июня. В России введен институт урядников, нижних чинов уездной полиции.

13 июля. На Берлинском конгрессе европейских держав подписан трактат, сильно урезывающий для России выгоды Сан-Стефанского мира.

22 июля. И.С. Аксаков произнес знаменитую речь на собрании Московского славянского комитета. Выступая против решений Берлинского конгресса, он резко критиковал русскую дипломатию. «Русь-победительница», по словам Аксакова, разжалована в «побежденную».

Речь вызвала резонанс во всем мире. Сам Аксаков был выслан из Москвы. Славянские благотворительные комитеты распущены.

4 августа. На Михайловской площади в Петербурге революционер С.М. Кравчинский зарезал шефа жандармов Н.В. Мезенцева. Позднее убийца под псевдонимом Степняк издаст немало книг о революционном движении, а непосредственно после данного акта написал брошюру «Смерть за смерть».

9 августа. Политические убийства и насильственные действия против должностных лиц подчинены ведению военного суда, установленного по законам военного времени.

20 августа. Правительство обратилось к обществу с призывом помочь ему в борьбе с крамолой.

5 сентября. В Москве заложен храм в память покорения Кавказа.

20 сентября. В Москве открыты высшие женские курсы (Бестужевские).

9 октября. Торжественно провозглашено о вхождении Бессарабии в состав Российской Империи.

21 октября. Александр II повелел приступить к устроению сети железных дорог в области Малой Азии.

24 октября. Родился художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин.

Ноябрь. В Московском Малом театре и Александринском в Петербурге показана «Бесприданница» — 40-я пьеса А.Н. Островского.

5 декабря. Постановление петербургского градоначальника, запрещающее носить оружие.

1879 год

14 января. Скончался Николай Александрович Мотовилов, «служка Божией Матери и Серафимов».

2 февраля. Манифест «О заключении мирного договора с Оттоманскою Портою».

9 февраля. Революционер Григорий Гольденберг убил харьковского губернатора Д.Н. Кропоткина.

11 марта. Александр II повелел не допускать в Россию румынских евреев.

13 марта. Террорист Л. Мирский стрелял близ Летнего сада в шефа жандармов генерал-адъютанта Дрентельна.

31 марта. Завершился земной путь святителя Иннокентия, митрополита Московского. Долгое время он проповедовал на Алеутских островах, на Камчатке. Написал книгу «Указание пути к Царству Небесному». Перевел на алеутский и якутский языки Евангелие, также составил «Грамматику алеутско-лисьевского языка», «Российско-колошский словарь», многочисленные книги по этнографии. Преставился святитель на 90-м году жизни.

2 апреля. Террорист Александр Соловьев (неудавшийся сельский учитель) выстрелил близ Зимнего дворца в Александра II, но промахнулся. Участник «хождения в народ» был повешен в Петербурге.

8 апреля. Петербургский генерал-губернатор постановил запретить продажу оружия без особых свидетельств. На улицах Петербурга введено постоянное дежурство дворников.

13 апреля. Нападение текинцев на экспедиционный отряд генерала Ломакина. Оно было отбито.

16 апреля. Грандиозный пожар уничтожил почти весь Оренбург.

29 апреля. Сгорел город Уральск.

16 июня. Страшный пожар в Иркутске.

26 августа. Решение о немедленном цареубийстве принято на заседании исполнительного комитета партии «Земля и воля».

28 августа. Первая Ахал-Текинская экспедиция. Неудачный штурм Геок-Теке.

11 октября. Скончался историк Сергей Михайлович Соловьев, автор «Истории России с древнейших времен» в 29-ти томах.

26 октября. Родился Лев Давидович Бронштейн (Троцкий).

18 ноября. А.И. Желябов с товарищами покушался на жизнь Александра II на Лохово-Севастопольской железной дороге.

20 ноября. Александр II, выступая в Москве перед собранием сословий, призвал помочь в борьбе с крамолой.

9 декабря. Родился Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин).

1880 год

2 января. Родился В.А. Дягтярев — генерал-майор, создатель знаменитых пулеметов ДШК и РПД.

5 февраля. Степан Халтурин взорвал бомбу в Зимнем дворце. Убито 11 солдат, 56 человек ранено.

11 февраля. На 94-м году жизни умер участник войны 1812 года поэт Федор Николаевич Глинка, автор «Писем русского офицера».

12 февраля. Учреждена верховная распорядительная комиссия под руководством М.Т. Лорис-Меликова, получившего права главноначальствующего в Петербурге и окрестностях.

19 февраля. В обеих столицах отмечалось 25-летие царствования Александра II — Освободителя.

20 февраля. Покушение И.О. Млодецкого на жизнь М.Т. Лорис-Меликова.

22 февраля. Казнь И.О. Млодецкого.

11 апреля. Доклад М.Т. Лорис-Меликова Александру II о проведении ряда реформ.

22 мая. Кончина вдовствующей императрицы Марии Александровны.

31 мая. Вышел первый номер «Листка “Народной воли”».

5 июня. Начало Пушкинских торжеств.

6 июня. Торжественно открыт памятник А.С. Пушкину на Тверском бульваре в Москве.

7 июня. Открытие заседаний Общества любителей российской словесности. Речь И.С. Тургенева.

8 июня. Ф.М. Достоевский произнес знаменитую «Пушкинскую речь», ошеломившую участников торжества. «Люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и *клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть вперед друг друга, а любить...*» (Из письма к жене, курсив Достоевского).

6 августа. Упразднено III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Учрежден Департамент полиции.

М.Т. Лорис-Меликов назначен министром внутренних дел.

16 ноября. Родился Александр Александрович Блок.

Декабрь. В экстренном собрании Московского отделения Императорского Русского музыкального общества впервые исполнена написанная П.И. Чайковским литургия Св. Иоанна Златоуста.

31 декабря. Начало второй Ахал-Текинской экспедиции генерала М.Д. Скобелева.

Во Владивостоке учреждено особое военное губернаторство.

Издается «Исторический вестник», основанный А.С. Сувориным и историком С.Н. Шубинским.

1881 год

1 января. Народовольцы начали подкоп на Малой Садовой на пути следования Александра II к Манежу.

12 января. Взятие генералом М.Д. Скобелевым Геок-Тепе. Окончание Ахал-Текинской экспедиции.

18 января. Генерал М.Д. Скобелев взял Асхабат (без боя). К России присоединена Хива. «Таким образом, — писал В.О. Ключевский, — юго-восточные границы России сами собою дошли либо до могущественных естественных преград, либо до преград политических. Такими преградами являются: хребты Гиндукуш, Тянь-Шань, Афганистан, Английская Индия и Китай».

28 января. В 8 часов 38 минут вечера умер Федор Михайлович Достоевский.

29 января. В Орле, в дворянской семье, родился писатель Борис Константинович Зайцев.

31 января. Ф.М. Достоевский похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. За гробом шли около 80 тысяч человек, и потом весь месяц шли петербуржцы на его могилу. Поток этот иссяк только 1 марта.

1 марта. Цареубийство. В третьем часу пополудни император Александр II ехал в карете по набережной Екатерининского канала. Когда Софья Перовская, подавая сигнал, взмахнула платком, первым бомбу в карету бросил Николай Русаков, смертельно ранив казака, конвойного и 14-летнего мальчика, проходившего мимо. Когда император вышел из поврежденной кареты, взорвал снаряд Игнатий Гриневицкий. Террорист умер на месте. Александру II жить оставалось чуть более часа.

В тот же день был составлен манифест «О восшествии Его императорского Величества Государя Императора Александра Александровича на Прародительский Престол Всероссийския Империи и на нераздельные престолы: Царства Польского и Великого Княжества Финляндского».

ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА III (1881—1894)

1881 год

8 марта. В присутствии Александра III Государственный Совет обсуждал и отверг одобренную покойным императором конституцию М.Т. Лорис-Меликова. «Государь сразу дал понять, что его заботой будет не весь земной шар, даже не Европа, а Россия паче всего...», что «русские реальные жизненные интересы — вот начало и конец иностранной политики нашего государя».

10 марта. Ультиматум «Народной воли» Александру III.

12 марта. В типографии «Народной воли» отпечатано письмо Исполнительного Комитета к Александру III с требованием полной свободы печати, слова, сходок и избирательных программ.

14 марта. Послание оптинского старца, русского святого Амвросия: «Нигилисты и цареубийцы суть предтечи антихриста».

16 марта. В нищете после тяжелой болезни на солдатской койке в больнице умер в возрасте 42 лет гениальный русский композитор Модест Петрович Мусоргский.

17 марта. Погребение тела Александра II.

18 марта. Похороны М.П. Мусоргского в Александро-Невской лавре.

19 марта. Обнародовано Высочайшее повеление о принятии чрезвычайных мер.

26—29 марта. Процесс над первомартовцами.

3 апреля. На Семеновском плацу повешены А.И. Желябов, С.Л. Перовская, Н.И. Кибальчич, Т.М. Михайлов, Н.И. Рысаков.

15 апреля. Начались еврейские погромы на юге России. В течение месяца погромами были охвачены 150 местечек в шести губерниях.

15—17 апреля. Антиеврейские выступления в Елисаветграде.

22 апреля. В Симбирске родился Александр Федорович Керенский.

26 апреля. Еврейский погром в Киеве.

29 апреля. Манифест Александра III «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России». Манифест был составлен К.П. Победоносцевым.

3 мая. Погром в Одессе.

11 мая. Государь принял еврейскую депутацию, возглавляемую бароном Горацием Гинзбургом. «В преступных беспорядках на юге России, — сказал Александр III, — евреи служат только предлогом, это дело рук анархистов».

4 июня. Крестьянам разрешено арендовать казенные земли.

Продолжение антиеврейских волнений на юге России. В погромах активно участвовали отдельные члены партии «Народной воли». Как сказано в «Еврейской энциклопедии», члены партии считали погромы соответствующим видом революционного движения; предполагалось, что погромы приучают народ к революционным выступлениям.

12 июля. Погром в Борисполе, где казаки, усмиряя погромщиков, застрелили пятерых человек.

20 июля. Погром в Нежине.

Появление секты бессмертников. Они учили: «Грех прародителей состоит в том, что они поверили смерти своей и потому умерли. Но Христос не убоялся своей смерти и воскрес. И мы, если поверим в свое бессмертие, не умрем». Основателем секты считается книгоноша «Общества распространения Св. Писания в России» М.И. Иванов.

Александр Федорович Можайский получил привилегию на сконструированный им первый в мире самолет.

14 августа. Высочайше утверждено Положение об усиленной и чрезвычайной охране.

3 ноября. Покушение акцизного чиновника Николая Санковского на жизнь товарища министра внутренних дел генерал-адъютанта Петра Александровича Черевина.

1882 год

9 января. Родился русский философ Павел Александрович Флоренский.

5 февраля. «Скобелевский инцидент» в Париже. Принимая сербских студентов, пришедших выразить М.Д. Скобелеву слова благодарности, самый популярный русский генерал произнес небольшую, но откровенную речь. Говорилось, что «мы не хозяева в собственном доме», что «наш враг — немец», что в «кровопролитной страшной борьбе» с ним «в конце концов победят славяне». Речь Скобелева вызвала панику на мировых биржах.

5—9 февраля. «Процесс 20-ти». В Особом присутствии Правительствующего Сената рассмотрено дело обвиняемых в восьми покушениях на царя. Расстрелян только Н. Суханов — морской офицер, присягавший императору.

28 марта. Объявлено об отставке министра иностранных дел, канцлера Александра Михайловича Горчакова. На его место назначен Николай Карлович Гирс.

18 мая. Александр III подписал закон о создании Крестьянского поземельного банка.

5 июня. Родился в Ораниенбауме русский композитор Игорь Федорович Стравинский. Приехав осенью 1962 года в СССР, Стравинский говорил: «У человека одно место рождения, одна Родина, и место рождения является главным фактором его жизни».

1 июля. «Международное общество телефонов Белла» установило в Москве первые 26 телефонных аппаратов.

24 июля. В московской гостинице «Лондон» при странных обстоятельствах скончался генерал М.Д. Скобелев, герой Плевны и Шипки, покоритель Средней Азии, «русский военный гений с русским сердцем...»

27 августа. Введены Временные правила о печати.

20 октября. Открытие Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве.

Разрешены частные театры.

Основано Императорское Православное Палестинское общество, взявшее на себя труд организации паломничества в святые места Палестины. Общество занято также благотворительной деятельностью и научными исследованиями.

Николай Николаевич Бенардос изобрел «электрогефест» — дуговую электросварку. Изобретение в 1885 году было запатентовано, а в 1888 году началось его промышленное использование в мастерских Орловско-Витебской железной дороги.

29 декабря. В городе Николаевск Самарской губернии родился писатель Алексей Николаевич Толстой.

1883 год

1 февраля. Умер 64-летний писатель П.И. Мельников (Печерский).

Вышел в свет первый сборник стихов «Вечерние огни» А.А. Фета.

27 февраля. Умер дипломат князь А.М. Горчаков.

28 марта. Родился философ Иван Александрович Ильин.

3 мая. Некоторые гражданские права получили старообрядцы. Им представлена возможность отправлять церковные требы.

15 мая. Коронование Александра III в Успенском соборе Кремля. На парадном обеде в Грановитой палате впервые прозвучала кантата П.И. Чайковского «Москва».

23 мая. Торжества в Сокольниках по случаю 200-летия Семеновского и Преображенского полков. 12 тысяч солдат за обеденными столами, 600 военных музыкантов на огромной эстраде. Исполнены марш П.И. Чайковского и гимн. Государь выпил чарку водки за здоровье Русской Армии и с императрицей обошел столы.

26 мая. Освящение храма Христа Спасителя в Москве. П.И. Чайковский написал к этому событию увертюру «1812 год».

22 августа. В Буживале, вблизи Парижа, на 65-м году жизни умер писатель Иван Сергеевич Тургенев.

6 октября. На месте убийства Александра II заложен храм Воскресения Христова (Спас-на-крови).

Восстановление в России римско-католического епископата.

Новый Устав Духовных Консисторий.

16 декабря. В Петербурге народовольцами Н. Стародворским и В. Конашевичем убит жандармский полковник Г.П. Судейкин.

1884 год

Антиеврейские беспорядки на юге России.

27 января. Мирное присоединение Мерва. Текинцы, населявшие Мервский оазис, просили принять их в российское подданство.

Конец апреля. Закрыт журнал «Отечественные записки», издававшийся под редакцией М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Май. Завершено строительство участка Кривой рог — Донецк Екатерининской железной дороги.

25 июня. Трактат с Кореей.

Сентябрь. Собрание в Киеве Преосвященных Архиереев юго-западных епархий под председательством митрополита Киевского Платона. Обсуждались проблемы охранения православных жителей от вредного влияния инородцев и в особенности штундистов.

Новый университетский устав. Студенческие беспорядки.

Учреждены церковно-приходские школы.

В Тюмени основан первый в Сибири переселенческий комитет.

В Кишиневе основана секта «Христиане израильские, или Новозаветный Израиль» неким Иосифом Рабиновичем, желавшим примирить иудаизм с христианством. Несмотря на рекламу в прессе, секта успеха не имела.

1885 год

7 января. Начало стачки орехово-зуевских ткачей на фабрике Тимофея Морозова. Под руководством П.А. Моисеенко забастовщикам удалось остановить мануфактуру. Стачечники разгромили фабричную контору, квартиру директора, лавки. В Орехово-Зуево введены войска. 17 января стачка была прекращена. 600 зачинщиков беспорядков арестованы.

7—14 февраля. Морозовская стачка.

Февраль — март. Стачка четырех тысяч ткачей и прядильщиков Тверской мануфактуры.

18 марта. Поддерживаемые англичанами отряды афганского эмира Абдурахман-хана захватили туркменские земли на реке Кушке. Русский отряд под командованием генерала Комарова в коротком бою разгромил эмирские войска. Пограничная с Афганистаном область Пенде присоединена к России.

6 апреля. Всероссийские торжества. Празднуется тысячелетие памяти святых Кирилла и Мефодия.

7 апреля. Умер историк Николай Иванович Костомаров.

15 мая. Открыт Морской канал в Петербурге.

Июль. Собрание Преосвященных Архиереев поволжских и северо-восточных епархий в Казани под председательством архиепископа Казанского и Свияжского Палладия. Говорилось о состоянии приходов с инородческим населением, о мерах борьбы с расколом, о миссионерской деятельности.

Июль — август. Собрание Преосвященных Архиереев сибирских епархий в Иркутске под председательством Вениамина, архиепископа Сибирского. Определены обязанности миссионеров, решено продолжить работу над книжно-монгольскими переводами богослужебных книг. Обсуждены меры против раскольников.

28 октября. Родился в селе Тундутово Астраханской губернии писатель Велимир (Виктор Владимирович) Хлебников.

1886 год

Суд присяжных оправдал морозовских ткачей. «Московские ведомости» назвали этот приговор салютом «в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса».

27 января. Умер русский публицист и общественный деятель Иван Сергеевич Аксаков.

9 февраля. На частной петербургской сцене поставлена опера М.П. Мусоргского «Хованщина».

3 апреля. Родился поэт Николай Степанович Гумилев.

6 мая. Спуском броненосца «Чесма» в присутствии государя ознаменовано восстановление Черноморского флота.

24 мая. Начало кругосветной экспедиции на парусно-винтовом корвете «Витязь» под командованием капитана 1-го ранга С.О. Макарова.

2 июня. Умер русский драматург Александр Николаевич Островский.

5 августа. Умер Александр Михайлович Бутлеров, знаменитый русский химик, основатель «бутлеровской школы» в науке.

1 декабря. В Чарджоу открыта Закаспийская железная дорога.

Закон об удлинении сроков службы для вольноопределяющихся.

1887 год

19 января. В возрасте 24 лет умер поэт Семен Яковлевич Надсон.

15 февраля. Умер 53-летний композитор и ученый-химик Александр Порфирьевич Бородин.

1—2 марта. Арест террористов организации «Народная воля», готовивших покушение на жизнь Александра III, в том числе Александра Ульянова. Обнаружены подпольные типография и динамитная мастерская.

Расширены служебные права военного духовенства и увеличено его содержание.

Всероссийская сельскохозяйственная выставка в Харькове.

8 (25) июня. Российский посол в Берлине генерал-адъютант П.А. Шувалов и канцлер Бисмарк подписали договор «о нейтралитете России и Германии».

18 июля. Открыт Очаковский канал.

Циркуляр: о том, что дети из низших сословий (кучеров, лакеев, поваров, мелких лавочников) должны обучаться в школах грамотности, но не в гимназиях.

12 декабря. Государь повелел образовать Аму-Дарьинскую флотилию.

На Новой Земле открыта первая церковь.

Разрушение землетрясением города Верного.

1888 год

5 января. По железнодорожному мосту через Аму-Дарью прошел первый поезд.

20 марта. Триумфальный концерт кружка любителей игры на балалайке Василия Васильевича Андреева.

24 марта. Смерть писателя Всеволода Михайловича Гаршина.

2 апреля. Умер в Петербурге русский путешественник и ученый Николай Николаевич Миклухо-Маклай.

15 июня. Торжества в Киеве и по всей России по случаю 900-летия крещения Руси.

22 июня. В Томске открыт первый в Сибири университет.

23 июля. Сильная гроза в Петербурге. Молнией, ударившей в часовню у Стеклянного завода, выжгло изнутри стены, но образ Богоматери «Всех скорбящих Радость» просветлел и обновился. Из-за того, что к нему чудесным образом прикрепились вылетевшие из разбитой кружки для подаяний монетки, образ этот стали называть «Всех скорбящих Радость (с грошиками)». Это была одна из самых почитаемых святынь Петербурга.

8 августа. Торговое соглашение с Китаем.

17 октября. Близ станции Борки на Курско-Харьково-Азовской железной дороге потерпел крушение императорский поезд. Александр III во время крушения смог удержать на плечах крышу вагона-ресторана и «таким образом спас жену и детей, не проявив при этом даже особого волнения».

Манифест «О чудесном сохранении жизни Государю Императору, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу и всем Детям Их Императорских величеств».

10 ноября. Родился Андрей Николаевич Туполев, будущий авиаконструктор.

Освящение русской церкви Св. Марии Магдалины в Иерусалиме.

Начали издаваться «Церковные ведомости».

1889 год

Конец февраля. Стачка в Москве на бумажной фабрике.

Весна. Стачки во Владимирской губернии.

28 апреля. На 63-м году жизни скончался Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

3 мая. Великий князь Константин Константинович назначен президентом Академии наук.

11 июня. Родилась Анна Андреевна Ахматова.

30 июля. Родился Владимир Кузьмич Зворыкин — изобретатель телевидения. В 1917 году он покинул Россию и через пять лет в США завершил свою работу над изобретением.

8 ноября. Отмечалось 500-летие русской артиллерии.

1890 год

3 января. В Мариинском театре Петербурга поставлена «Спящая красавица» П.И. Чайковского.

10 февраля. Родился поэт Борис Леонидович Пастернак.

21 октября. На сцене Московской частной оперы (Товарищества Солодовниковского театра) поставлена опера Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане».

23 октября. Премьера в Мариинском театре — поставлена опера Александра Порфирьевича Бородина «Князь Игорь».

Октябрь. Началось путешествие наследника цесаревича Николая Александровича на Дальний Восток на фрегатах «Память Азова» и «Владимир Мономах».

7 декабря. В Мариинском театре прошла премьера оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама».

8 декабря. Принц Александр Петрович Ольденбургский открыл в Петербурге Императорский институт экспериментальной медицины.

Основано Русское общество астрономов.

1891 год

3 января. Родился поэт Осип Эмильевич Мандельштам.

12 марта. Узаконены внебрачные дети. Новое законоположение о детях, узаконенных и усыновленных.

29 марта. Высочайший указ Александра III о закладке Великого Сибирского пути (Транссиба).

30 марта. Запрещены высочайшим повелением «приношения начальствующим лицам и произвольное празднование юбилеев».

13 апреля. Приняла православие дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы (дочери английской королевы Виктории) Елизавета Федоровна — будущая супруга великого князя Сергея Александровича, будущая русская святая.

29 апреля. Покушение на жизнь наследника цесаревича Николая Александровича в японском городе Отсу.

3 мая. Родился писатель Михаил Афанасьевич Булгаков.

19 мая. Торжественная закладка во Владивостоке Великой Сибирской дороги. Наследник цесаревич отвез на полотно первую тачку земли.

Июль. Кронштадт посетила французская эскадра. Начало сближения Франции и России.

Неурожай.

15 августа. Прекращен вывоз за границу ржи в зернах, ржаной муки и отрубей.

27 августа. Закладка Казанской железной дороги.

14 сентября. Родился Иван Матвеевич Виноградов — выдающийся математик, который «стал классиком при жизни, в расцвете своего дарования».

15 сентября. На 79-м году жизни скончался писатель Иван Александрович Гончаров. «Я посетил его за день до его смерти, — писал А.Ф. Кони, — и при выражении мною надежды, что он еще поправится, он посмотрел на меня уцелевшим глазом, в котором еще мерцала и вспыхивала жизнь, и сказал твердым голосом: «Нет, я умру! Сегодня ночью я видел Христа, и он меня простил...»

10 октября. На 79-м году жизни скончался преподобный Амвросий Оптинский, старец. Преподобный Амвросий имел дар прозорливости, он исцелял больных, помогал нуждающимся. Для оказания помощи старец сам являлся к людям наяву или во сне. Преподобный Амвросий был великим молитвенником за всю Россию.

Начало ноября. Запрещен высочайшим повелением отпуск за границу всех сортов хлеба.

12 ноября. Умер Константин Николаевич Леонтьев, русский писатель, дипломат. Незадолго до смерти в Скиту Оптиной Пустыни постригся в монахи с именем Климент.

Голодом охвачено 30 миллионов человек.

1892 год

Учрежден Особый Комитет для рассмотрения представлений к Высочайшим наградам.

21 марта. Начало строительства Уральской железной дороги.

Возвращение в Углич из Тобольска ссыльного колокола. 295 лет находился в ссылке колокол, возвестивший об убиении царевича Дмитрия.

4 июня. Разрешен вывоз за границу хлеба и хлебных продуктов.

15 июля. Кончился голод — пришла холера. Она обнаружена в европейской части России.

Лето. Волнения в Юзовке. Рабочие громят питейные дома, хозяйские дома и лавки. В волнениях участвуют 15 тысяч человек.

Представители французского Генштаба совместно с русскими коллегами в Петербурге составили проект военного союза Франции и России.

21 ноября. В полдень, не дожив двух дней до 72 лет, скончался поэт Афанасий Афанасьевич Фет. Отпевали его в Москве, в Университетской церкви, а похоронили в селе Клейменово Мценского уезда Орловской губернии.

6 декабря. В Мариинском театре поставлены опера «Иоланта» и балет «Щелкунчик» П.И. Чайковского.

На Алтае построена первая в России ГЭС — четырехтурбинная, для водоотлива из шахты Зыряновского рудника.

В дар Москве передана художественная галерея П.М. и С.М. Третьяковых. «Желая способствовать устройству в дорогом для меня городе полезных учреждений, содействовать процветанию искусства в России и, вместе с тем, сохранить на вечное время собранную мною коллекцию, ныне же приношу в дар Московской Городской думе всю мою картинную галерею со всеми художественными произведениями».

1893 год

17 января. Городу Дерпту возвращено древнее имя — Юрьев.

27 апреля. Постановка в Мариинском театре оперы «Алеко», экзаменационной работы 19-летнего студента С.В. Рахманинова.

24 мая. Высочайшее повеление о преследовании ростовщических операций.

7 июля. Родился поэт Владимир Владимирович Маяковский.

Июль. Началась таможенная война с Германией.

7 сентября. Гибель на Балтийском море броненосца «Русалка».

Начало октября. Русская эскадра посетила Францию.

Отменены телесные наказания для ссыльных женщин.

В Санкт-Петербурге открыто Благотворительное Православное Общество ревнителей веры и милосердия.

Утверждено положение Государственного Совета о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских наделов.

25 октября. Умер Петр Ильич Чайковский.

27 декабря. Министр иностранных дел России Гирс сообщил в Париж, что император Александр III одобрил проект секретной военной конвенции:

«Если Франция подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию...

Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все свои наличные силы для нападения на Германию».

1894 год

6 января. В праздник Крещения Господня скончался святитель Феофан, Затворник Вышенский, на 79-м году. Долгие годы он занимал важные и ответственные посты в Православной церкви, но последние десятилетия провел в затворе, целиком посвятив себя молитве, сочинению и переводу книг. Его учение о старчестве и умной молитве оказало глубокое влияние на духовное возрождение общества. Память празднуется 10 января, в день рождения святителя в 1815 году. Канонизирован в 1988 году.

25 января. Скончался Оптинский старец, скитоначальник, иеросхимонах Анатолий (Зерцалов).

5 марта. Конец таможенной войны с Германией.

17 апреля. Родился будущий Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев.

25 июля. Учрежден в Петербурге Ксениевский институт для дочерей бедных дворян.

24 августа. Миролюбивые инициативы России. Россия пригласила все правительства на конференцию по вопросу сокращения вооружений. Призыв услышан не был. Две созванные в Гааге конференции реальных результатов не дали.

1 октября. Открылось движение по Уссурийской железной дороге.

Министерство государственных имуществ переименовано в Министерство земледелия и государственных имуществ.

20 октября. Скончался в Ливадии император Александр III. Пастырь-молитвенник, праведный Иоанн Кронштадтский, свидетель и очевидец блаженной кончины Царя-Миротворца, так изобразил ее: «Он тихо скончался. Вся Семья Царская безмолвно, с покорностью воле Всевышнего, преклонила колени. Душа же Помазанника Божия тихо отошла ко Господу, и я снял руки свои с главы Его, на которой выступил холодный пот. Не плачь и не сетуй, Россия! Хотя ты не вымолила у Бога исцеления своему Царю, но вымолила зато тихую, христианскую кончину, и добрый конец увенчал славную Его жизнь, а это дороже всего!»

ПРАВЛЕНИЕ НИКОЛАЯ II (1894—1917)

1894 год

Манифест о восшествии Николая II на престол.

21 октября. Успенский собор. «Священное миропомазание Высоконареченной невесты Государя Императора Николая Александровича — принцессы Алисы Гессенской с наречением имени Александра».

24 октября. Открыт первый (Томск — Челябинск) участок Великой Сибирской железной дороги.

Торжественное освящение храма, воздвигнутого на станции Борки Курско-Харьково-Азовской железной дороги в память чудесного спасения императора Александра III и его семьи при крушении поезда.

14 ноября. Бракосочетание императора Николая II и великой княгини Александры Федоровны.

26 декабря. Утвержден Устав попечительства о народной трезвости.

Учреждены Владикавказская и Забайкальская епархии.

Учрежден в Константинополе Русский археологический институт.

1895 год

13 января. Указ о создании при Академии наук Комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам, публицистам, или же их вдовам и сиротам.

15 января. В Мариинском театре поставлен балет П.И. Чайковского «Лебединое озеро».

17 января. Выступая перед представителями дворянства, земства и городов, Николай II обещал «охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял... покойный Родитель».

21 февраля. Умер великий русский писатель Николай Семенович Лесков.

Учреждена Омская епархия.

24 июня. Россия предоставила займ Китаю в 400 миллионов франков.

21 сентября. В селе Константиново Рязанской губернии родился Сергей Александрович Есенин.

23 ноября. В Мариинском театре поставлена «Ночь перед Рождеством» Н.А. Римского-Корсакова.

10 декабря. Учрежден Русско-Китайский банк.

В Петербурге прошли стачки.

1896 год

9 марта. На площади у Александринского театра испытаны особой комиссией «экипажи с керосиновыми двигателями».

12 марта. На заседании Русского физико-химического общества Александр Степанович

Попов продемонстрировал передачу слов по беспроволочному телеграфу.

18 апреля. Около Томска откопан профессором Н.Ф. Кащенко скелет мамонта «с явным доказательством одновременного существования человека».

30 апреля. В присутствии Николая II спущен на воду в Новом Адмиралтействе броненосец «Адмирал Апраксин»; на Балтийском заводе спущен самый крупный в российском флоте крейсер 1-го ранга «Россия».

4 мая. Первый киносеанс в России. В Петербурге в саду «Аквариум» показан «Синематограф братьев Люмьер».

14 мая. Священное коронование Николая II в Успенском соборе Кремля.

18 мая. Ходынская катастрофа. Давка на Ходынском поле в Москве во время раздачи подарков по случаю коронации.

24 мая. Начало крупной стачки ткачей в Петербурге.

В Киеве освящен Владимирский кафедральный собор. Расписывали его В.М. Васнецов, М.В. Нестеров, М.А. Врубель, В.Д. Замирайго, С.П. Костенко, Н.К. Пимоненко, П.А. Сведомский, В.А. Котабринский под общим руководством профессора А.В. Прахова.

26 мая. Манифест «О несчастии, постигшем многих участников празднества, бывшего по случаю Священного Коронования» (на Ходынке).

Лето. Всероссийская выставка в Нижнем Новгороде.

1 июля. Демонстрация на выставке в Нижнем Новгороде первого русского автомобиля, созданного отставным флотским лейтенантом Евгением Яковлевым и владельцем каретных мастерских Петром Фрезе.

27 августа. Договор китайского правительства и Русско-Китайского банка о создании и эксплуатации Китайско-восточной железной дороги.

9 сентября. Открытие в Чернигове мощей и прославление Святого Феодосия Углицкого, архиепископа Черниговского. Пролежавшие два столетия мощи были обнаружены нетленными.

24—27 сентября. Визит Николая II во Францию. «Русская неделя» в Париже.

17 октября. Провал чеховской «Чайки» в Александринском театре.

2 декабря. В деревне Стрелковка Калужской губернии родился Георгий Константинович Жуков, будущий маршал Советского Союза, герой Великой Отечественной войны.

1897 год

3 января. Денежная реформа С.Ю. Витте. Закон о введении золотого денежного обращения.

Утвержден устав Союза взаимопомощи русских писателей.

28 января. Первая всероссийская перепись населения. Число жителей России составило 126,4 миллиона человек. Бюджет России за минувшие 60 лет увеличился в 9 раз.

28 марта. Государю угодно прекратить подношения ему по разным поводам; он просит заменить их «пожертвованиями на общеполезные учреждения».

22 июня. 18-часовой (без перерыва) разговор Константина Станиславского и Владимира Немировича-Данченко в отдельном кабинете ресторана «Славянский базар», завершившийся созданием Художественного театра.

12 июля. Погиб в Финском заливе броненосец «Гангут».

11 августа. Президент Франции Феликс Фор прибыл в Россию с французской эскадрой.

12 августа. Закладка Троицкого моста в Петербурге. Президент Франции положил первый камень.

Публично провозглашен русско-французский союз.

29 августа. В Базеле открылся первый конгресс мировой сионистской федерации. На съезде присутствовали 204 делегата из 18 стран. Около половины делегатов приехали из России.

6 октября. Образована еврейская социал-демократическая партия «Бунд».

26 декабря. Премьера оперы Н.А. Римского-Корсакова «Садко» на сцене московской частной оперы С.И. Мамонтова.

В Петербурге открыт Женский медицинский институт.

1898 год

1 марта. В Минске состоялся I (Учредительный) съезд РСДРП.

7 марта. В Петербурге открыт Русский музей Императора Александра III.

8 марта. Террористы заложили разрывной снаряд с часовым механизмом в Знаменском монастыре Курской губернии к Чудотворной иконе «Знамение» Богоматери. От взрыва вылетели стекла в храме, стена пошла трещинами, но сама икона осталась невредимою.

15 марта. Соглашение в Пекине. Китай уступил России на 25 лет (при возможности продления договора) два порта — Артур и Талян-

вань (переименован в Дальний). Россия вправе построить железнодорожный путь, соединяющий два порта с Великой Сибирской дорогой.

17 мая. Иностранцам запрещено приобретать на Кавказе недвижимую собственность.

12 августа. Представителям государств, аккредитованным при Высочайшем Дворе, объявлено желание Николая II созвать Конференцию по разоружению.

15 августа. Явление Пресвятой Богородицы праведному Иоанну Кронштадтскому.

16 августа. В Москве открыт памятник Александру II.

14 октября. В Москве постановкой «Царь Федор Иоаннович» открыт новый Художественный театр К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Первоначально будущий МХАТ «квартировал» в здании театра «Эрмитаж» в Каретном ряду.

Прославление Курской иконы Пресвятой Богородицы «Знамение», сохранившейся во время взрыва от подложенной бомбы. Память 8 сентября, 27 ноября.

5 ноября. Возник Московский союз потребительских обществ, трансформировавшийся при советской власти в Центросоюз СССР.

6 ноября. В частной опере С.И. Мамонтова премьера «Моцарта и Сальери» Н.А. Римского-Корсакова. В роли Сальери — Ф.И. Шаляпин.

18 ноября. В присутствии Николая II в Севастополе открыт памятник адмиралу П.С. Нахимову.

17 декабря. «Реабилитация» «Чайки» А.П. Чехова. Успех новой пьесы на сцене Художественного театра.

31 декабря. Открыта первая в России междугородная телефонная линия Санкт-Петербург — Москва.

Виктор Михайлович Васнецов завершил работу над картиной «Три богатыря».

1899 год

8 февраля. День основания Петербургского университета. Ректору университета не позволили произнести на торжественном акте речь, он был согнан студентами с кафедры. Конная полиция разогнала студенческую демонстрацию около Румянцевского сквера.

Студенческие волнения по всей стране.

21 февраля. В атмосфере всеобщего сочувствия бастующей молодежи газета «Новое время» напечатала первое из «Маленьких писем» А.С. Суворина. Причина беспорядков, считал автор, в «нежелании подчиниться порядкам учебных заведений». По свидетельству В.Г. Короленко, «в обществе буря негодования». Союз взаимопомощи писателей готов судить Суворина судом чести.

29 марта. Родился Лаврентий Павлович Берия — кровавый нарком сталинской эпохи.

30 марта. Арестованы и высланы из Петербурга студенты, мешавшие принимать экзамены (толпа собралась перед университетом). С наступлением каникул забастовка автоматически прекратилась.

15 мая. Учреждено Русское Восточно-азиатское пароходство.

16 мая. Суд чести писателей над А.С. Сувориным.

26 мая. Россия отмечает столетие со дня рождения А.С. Пушкина. Высочайший указ об учреждении при Академии наук фонда имени А.С. Пушкина.

28 мая. Смерть наследника цесаревича Георгия Александровича. Наследником престола высочайшим манифестом назначен великий князь Михаил Александрович.

Гаагская мирная конференция, созванная по инициативе Николая II. Предложенные им идеи разоружения и замораживания военных расходов не нашли отклика.

24 июля. Торжество в Архангельской губернии: открыты Екатерининская гавань и новый город Александровск.

29 июля. Утверждены «Временные правила» о сдаче студентов в солдаты за «учинение скопом беспорядков».

20 августа (1 сентября). В Ямской слободке на окраине Воронежа в семье железнодорожника Платона Климентова родился сын Андрей — будущий русский писатель Андрей Платонов.

22 октября. Премьера «Царской невесты» Н.А. Римского-Корсакова на сцене частной оперы С.И. Мамонтова в Москве.

1 ноября. В России ждали конца света. В типографии И.Д. Сытина вышла книга под названием «Никакого конца света не будет ни 1-го, ни 13 ноября 1899 года».

Ноябрь. Благодаря своевременной передаче сообщения по радиотелеграфу А.С. Попова спасен наскочивший на камни у острова Гогланд броненосец береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин».

Легальные марксисты начали издавать журналы «Начало» и «Жизнь».

В журнале «Нива» печатается роман «Воскресение» Л.Н. Толстого (в пользу переселяющихся в Канаду духоборцев).

Во Владивостоке открыт Институт восточных языков.

1900 год

Март. «Боксерское» восстание в Китае, поддержанное правительством и направленное против иностранцев. Восемь держав, включая Россию, послали в Китай свои вооруженные силы. Поход союзных войск к Пекину и взятие его.

28 мая. Высочайший указ Правительствующему Сенату об условиях приобретения прав потомственного дворянства.

4 июня. Начало военных действий в Маньчжурии. Китайцы отдали крепость Таку.

13 июня. Русские войска взяли город Тяньцзинь, освободив отряд союзников.

В Петербурге открыт Народный дом императора Николая II.

На Всемирной выставке высшей награды «Гран-при» за качество продукции и заботу о быте рабочих удостоена Прохоровская трехгорная мануфактура.

5 августа. Чудовищный пожар в Ростове-на-Дону: горят нефтяные хранилища и суда.

13 августа. В Новгороде освящен древний Софийский собор после завершения академиком В.В. Сусловым ремонтно-реставрационных работ.

7 декабря. Открыт Технологический институт императора Николая II в Томске.

Англо-бурская война.

1901 год

11 января. На основании «Временных правил» (от 29 июля 1899 года) за «учинение скопом беспорядков» из Киевского университета исключены 183 студента и отданы в солдаты.

31 января. Премьера пьесы А.П. Чехова «Три сестры» на сцене Художественного театра.

14 февраля. Бывший студент П.В. Карпович, испросив аудиенции, выстрелом из револьвера смертельно ранил министра народного просвещения Н.П. Боголепова, настоявшего на призыве в армию замешанных в беспорядках студентов. Карповича приговорили к 20 годам каторги, а решение о призыве в армию студентов было отменено.

22 февраля. Опубликовано Определение Синода. Лев Толстой отлучен от общения с православной церковью.

4 марта. В Петербурге на Казанской площади состоялась студенческая демонстрация, разогнанная казаками. Аресты.

«Временные правила» об отдаче студентов в солдаты отменены.

8 марта. Покушение М. Лаговского на жизнь обер-прокурора Священного синода К.П. Победоносцева.

Учреждение Комитета попечительства о русской иконописи.

Вышел в свет стихотворный сборник И.А. Бунина «Листопад», получивший Пушкинскую премию Академии наук 1903 года.

11 мая. Установление торжественного празднования в духовно-учебных заведениях и церковных школах дня памяти «первоучителей словенских» Кирилла и Мефодия.

19 мая. Умер московский миллионер Козьма Терентьевич Солдатенков. На его средства построена крупнейшая в Москве клиническая больница. Картинную галерею и библиотеку он завещал Румянцевскому музею. Большие средства он оставил, по завещанию, на благотворительность.

Начались религиозно-философские собрания в Санкт-Петербурге под председательством епископа Сергия (Старогородского)

В Нью-Йорке воздвигается Свято-Николаевский собор, основание которого освятил епископ Тихон, будущий Российский патриарх.

1902 год

Январь. После неудачных переговоров С.Ю. Витте с Хиробуми Ито японский посланец отправился в Лондон, где вскоре и был заключен англо-японский союз.

3 февраля. Явление Пресвятой Богородицы с младенцем Иисусом в святом сне праведному Иоанну Кронштадтскому.

9 февраля. Беспорядки в Московском университете.

2 апреля. Убит министр внутренних дел Д.С. Сипягин в здании Государственного Совета. Исполнитель постановления Боевой организации партии эсеров С.В. Балмашов повешен. Министром назначен Вячеслав Константинович Плеве.

26 июля. Покушение на жизнь харьковского губернатора Д.Оболенского, совершенное эсером Фомой Качурой.

В Петербурге на Смоленском кладбище над могилой блаженной Ксении Петербургской сооружена часовня. Ее стены тотчас же оказались расписанными просьбами к блаженной Ксении. Это одна из самых почитаемых петербургских святых. Память — 24 января.

1903 год

12 января. Родился Игорь Васильевич Курчатов — создатель советского ядерного оружия.

23 февраля. Манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».

13 марта. Златоустовская бойня. Расстрел войсками стачечников казенного оружейного завода в Златоусте. Убито 69 человек, 250 ранено.

6—7 апреля. Погром в Кишиневе, который, как выразился С.Ю. Витте, «свел евреев с ума и толкнул их окончательно в революцию».

30 апреля. Резкое осуждение погромов Иоанном Кронштадтским.

6 мая. По приговору Боевой организации партии эсеров убит уфимский губернатор Н.М. Богданович.

В Петербурге спущен на воду теплоход «Вандал», первый в мире приводившийся в движение тремя дизелями.

В.К. Плеве заменил С.Ю. Витте.

19 июля. Обретение мощей преподобного Серафима Саровского. Император, члены царской семьи несли на руках гроб.

Конец июля — август. Забастовки на юге России.

После увольнения из-за забастовок С.В. Зубатова, стремившегося выкорчевать из рабочих кружков влияние социалистических партий, кружки эти остались без присмотра. В петербургских кружках начал появляться священник Георгий Аполлонович Гапон.

В журнале «Научное обозрение» опубликована работа Константина Эдуардовича Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», в которой впервые была научно доказана возможность полета в межпланетном пространстве.

Установлены Правила охранения памятников церковной древности в монастырях и церквях империи.

Утвержден устав Общества хоругвеносцев.

Высочайший манифест о мерах к улучшению народного благосостояния и о незамедлительном удовлетворении назревших государственных нужд.

23 августа. Закончился в Лондоне II съезд РСДРП. Наиболее острые дискуссии на съезде развернулись во время голосования по Уставу партии. Вначале верх брали сторонники Л. Мартова (Ю.О. Цедербаума), но когда бундовцы и экономисты покинули съезд, большинство перешло к сторонникам В.И. Ленина (Ульянова). Так появились большевики.

1904 год

17 января. В Московском Художественном театре состоялась премьера «Вишневого сада» по пьесе А.П. Чехова.

24 января. Япония прервала дипломатические отношения с Россией.

27 января. Ночью десять японских эсминцев атаковали у Порт-Артура стоявшую на рейде русскую эскадру. Крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» (капитаны В.Ф. Руднев и Г.П. Беляев) в бухте Чемульпо вступили в бой с шестью японскими крейсерами и восьмью миноносцами. Тяжело поврежденный «Варяг» затоплен командой, «Кореец» взорван.

Объявлена война с Японией.

31 марта. Подорвался на мине броненосец «Петропавловск». Вместе с командой погибли командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал С.О. Макаров и художник В.В. Верещагин.

Прославление Порт-Артурской иконы Пресвятой Богородицы.

16 июня. Гибель на Неве первой боевой подводной лодки «Дельфин», построенной на Балтийском судостроительном заводе.

29 июня. Из Казанского женского монастыря похищена заветная святыня русского народа — чудотворная Казанская икона Божией Матери.

2 (15) июля. В немецком городе Баденвейлер умер Антон Павлович Чехов.

15 июля. В Петербурге около Варшавского вокзала взрывом бомбы, брошенной эсером Е.С. Созоновым, убит спешивший на прием к императору министр внутренних дел В.К. Плеве. «Ситуация, создавшаяся в результате смерти Плеве, породила огромный энтузиазм и небывалое возбуждение», — писал А.Ф. Керенский. В его кругу считалось, что Плеве поощряет еврейские погромы.

30 июля. У Николая II родился сын Алексей. «У него была большая живость ума и суждения и много вдумчивости, — писал учитель цесаревича П. Жильяр. — Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе». Однажды цесаревич сказал своему наставнику: «Когда я буду царем, в России не будет бедных и несчастных...»

12—21 августа. Ляоянская битва.

14 августа. Государь повелел считать службу всех чинов, защищающих Порт-Артур, начиная с 1 мая 1904 года, месяц за год.

14 сентября. На пост министра внутренних дел вступил князь П.Д. Святополк-Мирский, «просвещенный бюрократ» и либерал. Наступила недолгая «эпоха доверия». «Доверчиво раскрыв уста печати, — писал современник событий, — министр с ужасом увидел, что она превратилась в одну сплошную антиправительственную прокламацию».

22 сентября. Сражение русских с японцами на реке Шахэ.

11 ноября. На тайном заседании запрещенного Земского съезда принята резолюция, требовавшая от государя установить конституционное правление.

23 ноября. Японцам удалось захватить Высокую Гору — господствующую над Порт-Артуром высоту. Прицельный огонь по русским судам, стоявшим на рейде.

2 декабря. Погиб генерал-лейтенант Р.И. - Кондратенко, начальник обороны Порт-Артура.

12 декабря. Высочайший указ о реформах — к усовершенствованию государственного порядка. Положения указа касались свободы слова, религиозной терпимости, пересмотра трудового законодательства.

15 декабря. Нарушив устав и игнорируя мнение Военного Совета, генерал-лейтенант А.М. Стессель, подписав капитуляцию, сдал Порт-Артур с 25-тысячным боеспособным гарнизоном.

Первая Всероссийская выставка в Петербурге монастырских работ и церковной утвари.

Закон о производстве работ в праздничные дни.

1905 год

1 января. Высочайший приказ по армии и флоту: «...Доблестные войска Мои и моряки! Да не смущает вас постигшее горе. Враг наш смел и силен, беспримерно трудна борьба с ним вдали, за десятки тысяч верст от источников нашей силы. Но Россия могуча. В тысячелетней ея жизни были годины еще более тяжелых испытаний, более грозных опасностей, и каждый раз она выходила из борьбы с новою силою, с новою мощью».

2 января. Убит в Пензе генерал-лейтенант Лисовский. Учащийся торговой школы стрелял в бывшего московского обер-полицмейстера Д.Ф. Трепова.

3 января. Началась забастовка на Путиловском заводе в Петербурге, которую возглавил священник Георгий Гапон, председатель «С.-Петербургского Общества фабрично-заводских рабочих».

7—8 января. Бастует весь рабочий Петербург. В полицейских подразделениях и в гвардейских частях объявлено состояние тревоги.

9 января. «Кровавое воскресенье». Демонстрация рабочих, собранная Георгием Гапоном, встречена выстрелами войск, преградивших путь к Зимнему дворцу.

10 января. Коллегия адвокатов создала специальный Комитет для «уточнения последствий трагических событий».

11 января. Бастуют рабочие Москвы и Ярославля.

Забастовки в Ковне, Вильне, Риге, Ревеле, Минске, Киеве, Либаве, Саратове, Тифлисе, Варшаве.

18 января. Министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский ушел в отставку.

Бастуют Самара и Томск.

21 января. 2-я Маньчжурская армия отступила после десятидневного боя, оставив 10 тысяч убитыми.

4 февраля. Бомбой И.П. Каляева разорван на части великий князь Сергей Александрович, генерал-губернатор Москвы.

«Дело 4-го февраля, — писал Каляев, — я исполнил с истинно-религиозной преданностью... религия моя — социализм и свобода». И.П. Каляев был повешен в Шлиссельбургской крепости.

6—25 февраля. Мукденское сражение — крупнейшее в Русско-японской войне. Ширина фронта доходила до 150 километров. Потери русских огромны. Столь же велики были потери японцев.

18 февраля. Манифест «О призыве властей и населения к содействию Самодержавной Власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней».

Рескрипт новому министру внутренних дел А.Г. Булыгину о необходимости разработать «совещательный» статус Думы. Созыв «булыгинской думы» был сорван революционными событиями октября — декабря 1905 года.

Указ, предписывающий Сенату принимать к рассмотрению прошения от представителей различных слоев населения.

Введение «Временных правил» в университетах.

7 марта. Выборгский губернатор Мясоедов ранен тремя пулями.

30 марта. Образовано «Особое совещание по вопросам о мерах к укреплению крестьянских землевладений». «Следует приложить заботы, — сказано в высочайшем рескрипте, — к завершению отграничения крестьянских наделов от земель прочих владельцев, дабы тем самым вящщим образом утвердить в народном сознании убеждение в неприкосновенности всякой частной собственности».

17 апреля. Высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости», разрешивший бо-

гослужение старообрядцам и отменивший наказание за отпадение от православия.

23 апреля. Еврейский погром в Житомире.

12 мая. Начало стачки в Иваново-Вознесенске.

13 мая. Покончил жизнь самоубийством Савва Морозов, 43-летний миллионер, владелец Никольской мануфактуры. Он помогал Художественному театру и большевикам. Некоторые исследователи полагают, что он отнюдь не добровольно ушел из жизни. Он собирался отменить свое завещание, по которому передавал большие денежные суммы большевикам, но сделать это не успел.

14 мая. Цусима. Русская эскадра под командой вице-адмирала З.П. Рождественского, совершая переход вокруг Африки (18 тысяч миль), вошла в Корейский пролив, чтобы прорваться к Владивостоку, но здесь была встречена японским флотом. К утру 15 мая русская эскадра перестала существовать.

24 мая. Родился великий русский писатель Михаил Александрович Шолохов.

27 мая. Явление Пресвятой Богородицы с предвечным младенцем праведному Иоанну Кронштадтскому.

29 мая. Патриарх Константинопольский Иоаким послал в дар казанскому Богородичному женскому монастырю специально написанную икону Пресвятой Богородицы «Всеблаженная», в утешение за святотатственное похищение чудотворной Казанской иконы Пресвятой Богородицы в ночь с 28 на 29 июня 1904 года.

6 июня. Николай II принял представителей земств и городов.

13 июня. Полиция произвела залп в толпу забастовщиков у завода Гены на Пересыпи, один из забастовщиков был убит. Началось восстание. Спровоцировано оно было, как полагают некоторые исследователи, Комитетом по созданию в Одессе и Севастополе Южно-Русской Еврейской Республики.

14 июня. Бастует уже вся Одесса. Магазины, которые не прекращали торговли, подвергались разгрому толпами черни, предводительствуемыми фуриями из Комитета по созданию в Одессе и Севастополе Южно-Русской Еврейской Республики.

14—24 июня (27 июня — 7 июля). Восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический», вставшем на одесском рейде. Взрыв недовольства был вызван якобы плохим качеством мяса, предназначенного для питания матросов.

15 июня. Комитету не удалось удержать под своим влиянием одесское отребье. Толпы его устремились в порт. Пожар и разграбление одесского порта.

Ночь на 16 июня. «Эта ночь дышала огнем и ужасом... — вспоминал очевидец. — В порту, где клокотало пламя, хищничали хулиганы и всякий сброд». (Речь идет про одесский порт.)

16 июня. Учрежден Алексеевский Главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией.

24 июня. Японцы заняли юг Сахалина.

25 июня. Броненосец «Потемкин» прибыл в румынскую Констанцу, команда попросила считать их политическими эмигрантами.

28 июня. Убит эсерами московский генерал-губернатор граф П. Шувалов.

9—12 июля. Волнения на Сормовских заводах в Нижнем Новгороде.

6 августа. Опубликован манифест «Об учреждении Государственной Думы».

23 августа. Подписан в Портсмуте мирный договор, закрепивший победу Японии в войне с Россией. Россия уступала Японии половину Сахалина. Крайне негативную для России позицию на этих переговорах занимал посредник — президент США Теодор Рузвельт. Как отмечали наблюдатели, «на переговорах в Портсмуте он порой был более японцем, чем сами японцы». В самой России этот мир окрестили «полусахалинским».

7 октября. Началась всеобщая забастовка железных дорог. К железнодорожникам присоединилась интеллигенция — бастовали работники почты, судов, школ, университетов.

12—18 октября. Учредительный съезд партии конституционных демократов (кадетов).

16 октября. Всероссийская забастовка.

17 октября. Манифест «Об усовершенствовании Государственного порядка». Населению дарованы «основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, собраний и союзов». Установлено, что «никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думой». К выборам в Думу должны быть привлечены и классы населения, лишенные до сих пор избирательного права.

19 октября. Увольнение от должности обер-прокурора К.П. Победоносцева. Сергей Юльевич Витте назначен первым председателем Совета Министров, до этого Совет Министров возглавлял государь. Сам Витте считал, что назначение его связано с боязнью других, «более

симпатичных монаршему сердцу лиц» занять этот пост. Сергей Юльевич в отличие от них не боялся покушения. Его взгляды и симпатии во многом совпадали с взглядами и симпатиями «бомбометателей». Первые действия Сергея Юльевича на высоком посту были направлены на расформирование дружин «Союза Русского народа», созданных в противовес террористам. «России нет, — писал С.Ю. Витте, — а есть Российская Империя...»

Манифест от 17 октября был с воодушевлением встречен патриотически настроенным населением. На следующий день улицы Санкт-Петербурга заполнились людьми, несшими портреты Николая II. Зато П.Н. Милюков, выступая на съезде «Союза освобождения», сказал: «Ничего не изменилось. Борьба продолжается».

3 ноября. Манифест «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения».

Глава «Союза Русского народа» А.И. Дубровин преподнес императору Николаю II знак почетного члена «Союза». «Именно это, — вспоминал А.Ф. Керенский, — привело меня к окончательному и неотвратимому выводу о том, что во имя спасения России, во имя ее будущего правящая монархия должна быть устранена».

11 ноября. Комитет по созданию Южно-Русской республики, потерпев поражение в Одессе, поднял восстание в Севастополе.

14 ноября. Восстание на крейсере «Очаков», стоявшем в Севастопольской бухте. Восставшие матросы приняли на борт крейсера члена Комитета, 38-летнего лейтенанта Петра Петровича Шмидта. Лейтенант-перестарок поднял на «Очакове» сигнал: «Командую Черноморским флотом».

15 ноября. Командующий Черноморским флотом адмирал Чухнин приказал расстрелять мятежный крейсер. «Посреди бухты огромный костер, от которого слепнут глаза и вода кажется черной, как чернила, — писал очевидец расстрела «Очакова» писатель Александр Куприн. — Три четверти гигантского крейсера — сплошное пламя».

22 ноября. Убит генерал-адъютант В.В. Сахаров по приговору Боевой организации партии эсеров.

Послание Священного синода по поводу происходивших в России смут и настроений.

6 декабря. Начало забастовки в Москве. На митинге на Казанском вокзале раздавали оружие.

16 декабря. Отряд Семеновского полка выступил против восставших.

17 декабря. Обстреляна орудиями Прохоровская мануфактура на Пресне.

18 декабря. Конец восстания в Москве.

31 декабря. От кровоизлияния в мозг на 47-м году жизни скончался первый выбранный директор Электротехнического института в Петербурге, изобретатель радио Александр Степанович Попов.

Учреждение Холмской епархии.

«Отзывы» епархиальных архиереев о состоянии церковных дел.

1906 год

1 января. Взрывом бомбы террористов тяжело ранен черниговский губернатор. В тот же день ранен вице-губернатор в Иркутске, убит полицмейстер.

Высочайшее повеление об учреждении Предсоборного Присутствия, которое должно было подготовить вопросы для рассмотрения на Поместном соборе Русской православной церкви.

Введение «Временных правил» в духовных академиях.

11 января. Тяжело ранен комендант Владивостока генерал Селиванов.

16 января. Утверждение императором Николаем II состава Предсоборного Присутствия для подготовки созыва Поместного собора.

18 января. Взрывом бомбы в Тифлисе убит генерал Грязнов.

26 января. Убит тремя выстрелами пензенский полицмейстер.

27 января. Тяжело ранен в Севастополе адмирал Чухнин. В тот же день в Петербурге взорвана «Тверь» — чайная «Союза Русского народа». Убиты два человека, 15 ранены.

17 февраля. Скончался преподобный Варнава Гефсиманский, Радонежский.

20 февраля. Опубликован манифест «О изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре Учреждения Государственной Думы».

3 марта. Нападение на Купеческое общество взаимного кредита. «Экспроприировано» 775 тысяч рублей.

6 марта. На острове Березань расстреляны участники восстания на крейсере «Очаков» — лейтенант П.П. Шмидт, матросы С. Честник, И. Антоненко, А. Гладков.

8 марта — 15 декабря. Заседание Предсоборного Присутствия.

20 марта. На выборах в Государственную Думу победили кадеты. Они получили 179 мест.

25 марта. В Твери убит губернатор Слепцов.

23 апреля. Брошена бомба в московского генерал-губернатора вице-адмирала Федора Васильевича Дубасова.

26 апреля. Открытие первой Государственной Думы.

Найден труп Георгия Аполлоновича Гапона, убитого эсером Рутенбергом в Озерках в конце марта.

14 мая. Эсеры бросили бомбу на Севастопольской набережной. Неудачное покушение на генерала Неплюева, коменданта Севастополя. Убито и покалечено более 100 человек.

1 июня. Погром в Белостоке.

19 июня. Государственная Дума приняла законопроект об отмене смертной казни.

28 июня. Застрелен у себя на даче главный адмирал Черноморского флота Чухнин.

2 июля. В Петербурге убит эсерами генерал Козлов, ошибочно принятый за Трепова.

Дума приняла законопроект о принудительном отчуждении частновладельческих земель, внесенный кадетами. Предусматривалось, что компенсацию землевладельцам будет выплачивать казна. Николай II отверг этот законопроект как полностью неприемлемый.

8 июля. Высочайший указ о назначении П.А. Столыпина премьер-министром России с сохранением за ним поста министра внутренних дел.

9 июля. Опубликован манифест «О роспуске Государственной Думы и о времени созыва таковой в новом составе».

12 августа. Петербург. Взрыв бомбы на даче П.А. Столыпина. Убито и погибло от ран 32 человека (среди них был младенец). Ранено более 30. Сам Столыпин не пострадал. Когда он выбрался из-под обломков, то сказал: «А все-таки им не сорвать реформы!»

13 августа. Эсеры убили генерала Мина.

19 августа. Высочайше утверждено положение Совета Министров об учреждении военно-полевых судов.

5 сентября. На Вологодской железной дороге под Петербургом террористы устроили крушение почтового поезда.

17 октября. Даны свободы старообрядцам и некоторым сектантам.

1 ноября. Встреча Николая II «с Божьим человеком Григорием (Распутиным) родом из Тобольской губернии».

9 ноября. Указ о выделении крестьян из общины на хутора. Начало земельной реформы П.А. Столыпина.

26 ноября. Отец Иоанн Кронштадтский освятил знамя «Союза Русского народа».

Учреждение землеустроительных комиссий.

2 декабря. Генерал-адъютант Дубасов едва не убит брошенной в него бомбой.

9 декабря. В губернском земском собрании застрелен тверской генерал-губернатор граф А.Игнатьев.

19 декабря. Родился Леонид Ильич Брежнев — будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС.

21 декабря. Убит генерал-майор В.Ф. фон дер Лауниц, петербургский градоначальник. Тут же застрелен убийца.

27 декабря. Убит в Петербурге во время прогулки военный прокурор генерал-адъютант В.П. Павлов. Опасаясь покушений, он никогда не покидал здания Главного Военного суда, где у него была квартира. Убили его в саду, окруженном высоким забором.

Опубликована работа Николая Егоровича Жуковского «О присоединенных вихрях», открывшая новую эпоху в развитии авиационной науки. Открыта причина возникновения подъемной силы у крыла и найдена точная формула для вычисления этой силы.

1907 год

20 января. Умер в возрасте 72-х лет Дмитрий Иванович Менделеев. Он был великим ученым и великим патриотом своей Родины. «Могу сказать, — с горечью писал он, — что знал на своем веку и знаю теперь очень многих государственных русских людей и с уверенностью утверждаю, что добрая половина их в Россию не верит, Россию не любит и народ мало понимает».

21 февраля. Севастополь. Взрывом бомбы контужен комендант крепости генерал Неплюев.

Каждый день политическое убийство, почти через день — взрывы бомб. Бомбы взрывались: 24 февраля — в Кутаиси (сразу три), 26 февраля — в Ялте, 1 марта — в Харькове.

10 марта. На 80-м году жизни умер Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Синода, воспитатель Александра III, выдающийся патриот и государственный деятель.

13 марта. На заседании Государственной Думы обсуждался вопрос об отмене временного закона о военно-полевых судах. Столыпин выступил с речью. Он задал вопрос депутатам: «Вправе ли правительство перед лицом своих верных слуг, ежеминутно подвергающихся

опасности, сделать гласную уступку революции?»

10 апреля. Декларация правительства по аграрному вопросу. Знаменитая речь Столыпина, завершенная словами: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

20 апреля. Прекращено действие военно-полевых судов.

25 апреля. Отказ императора Николая II созвать Поместный собор.

17 мая. Требование Столыпина лишить депутатской неприкосновенности всю социал-демократическую группу (55 человек) не находит поддержки в Думе.

3 июня. Подписан манифест «О роспуске Государственной Думы, о времени созыва новой Думы и об изменении выборов в Государственную Думу». Резко уменьшено представительство в ней от нерусских народов. По словам публициста М. Меньшикова, «державная власть отказалась давать средства революции».

12 июня. В Тифлисе в центре города взорваны восемь бомб, много раненых и семь человек убиты. Результат операции: «экспроприирована» 341 тысяча рублей. Исполнитель — «легендарный» Камо.

19 августа. В Петербурге на месте убийства Александра II освящен храм Воскресения Христова (Спас-на-крови).

8 сентября. Первая автогонка в России по маршруту Николаев — Одесса.

14 сентября. Отмечается память 1500-летия со дня кончины Иоанна Златоуста.

17 октября. Бунт на контрминоносце «Скорый».

1 ноября. Открыта Государственная Дума третьего созыва. Ее состав: 153 депутата — октябристы, 89 — «националисты», 54 — кадеты, 50 — «Союз Русского народа», 20 — социал-демократы, 13 — трудовики.

Заключение конвенции между Россией и Англией для урегулирования вопросов, касающихся Персии, Афганистана и Тибета.

1908 год

10 февраля. Первый съезд «Союза Русского народа» в Петербурге.

5 марта. В Царском Селе дан высочайший приказ армии и флоту — благодарность доблестным защитникам Порт-Артура.

13 марта. Старообрядцам из иностранных подданных разрешено по принятии русского подданства переселяться на казенные земли в Сибири.

2 апреля. Открыт в Кремле памятник в виде креста на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

11 апреля. В Москве наводнение.

23 апреля. Покушение на жизнь воронежского губернатора.

8 июня. Умер композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков.

30 июня. Падение тунгусского метеорита.

Правила об устройстве внутренней миссии Русской православной церкви.

16 сентября. Высочайшее утверждение положения Совета Министров о 3%-ной норме приема лиц иудейского исповедания в столичных учебных заведениях, вызвавшее ярость среди либеральной интеллигенции.

2 октября. В Москве на средства золотопромышленника А.Л. Шанявского открыт народный университет, получивший его имя.

7 октября. Установлена квота для приема евреев в высшие учебные заведения: 3% — для столичных высших учебных заведений, 10% — в районе черты оседлости, в остальных местах — 5%.

8 декабря. Открыт учительский институт в Ярославле.

Евно Фитшлевич Азеф, один из руководителей Боевой организации партии эсеров, организатор «важнейших» политических убийств, разоблачен соратником В.Л. Бурцевым как тайный агент департамента полиции (на службе департамента состоял с 1892 года).

20 декабря. Скончался в возрасте 79 лет Иоанн Кронштадтский. Долго и постепенно разгорался этот светильник, пока не засиял на всю Россию и далеко за ее пределами. Отец Иоанн еще при земной жизни творил чудеса, исцелял немощных, обладал даром прозорливости. Не раз говорил он, что Господь отнимет у России царя и попустит ей столь жестоких правителей, что они зальют ее кровью. Причислен к лику святых. Память — 20 декабря.

Злодейское убийство архиепископа Никона, экзарха Грузии.

Всероссийский миссионерский съезд в Киеве.

Всероссийская выставка пчеловодства.

Возвращение из Иерусалима великого молитвенника за Россию Феодосия Кавказского. Было ему уже 108 лет.

Аннексия Боснии и Герцеговины Австрией.

1909 год

Год съездов. Много съездов прошло в январе. В Москве — съезды электротехников (03.01) и русской группы международного съезда кри-

миналистов (05.01), в Петербурге — непременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий (10. 01) и съезд метеорологов (11.01), в Новочеркасске — агрономов Донского, Кубанского, Тверского, Астраханского и Уральского войск (22.01), в Екатеринбурге — съезд уральских золотопромышленников (25.01).

Введение в духовных семинариях отдельного предмета — критики социализма.

30 января. Николай II разрешил всероссийский сбор на создание воздушного флота.

26 апреля. «Всероссийский» памятник Н.В. Гоголю открыт в Москве.

1 мая. Бывший директор департамента полиции А.А. Лопухин осужден на 5 лет каторги (содействовал эсерам в разоблачении Е.Ф. Азефа).

2 мая. В Москве открыт собор старообрядцев-беспоповцев.

31 мая. Погибла со всем экипажем подводная лодка «Камбала» (столкнулась в Черном море с крейсером «Ростислав»).

12 июня. Второе прославление мощей святой княгини Анны Кашинской.

27 июня. Петербург и Полтава празднуют 200-летие Полтавской битвы.

5 июля. Монашеский съезд в Троице-Сергиевой лавре.

25 августа. В Москве съезд старообрядцев Белокриницкой епархии.

Съезд единоверцев в Москве.

Открыт Саратовский университет.

28 декабря. В Петербурге открылся Всероссийский съезд по борьбе с пьянством.

В Москве, во дворе Александровской больницы, открыт памятник Федору Петровичу Гаазу, доктору, все свои средства истратившему на помощь больным и похороненному на казенный счет в 1853 году. «Торопитесь делать добро», — писал Ф.П. Гааз.

Число пожаров от поджогов за минувшее пятилетие почти вдвое больше, чем за предыдущее, — 65 тысяч.

Открыты «Полярная звезда» и другие масонские ложи.

Открыт памятник Александру III в Петербурге.

В Москве открыт памятник первопечатнику диакону Ивану Федорову.

1910 год

12 января. Отряд русских войск послан в Бухару, где происходили кровопролитные столкновения между мусульманами разных толков.

21 февраля. В Петербурге открыт национальный клуб.

Съезд деятелей по кустарной промышленности.

8 марта. Председателем Думы избран А.И. Гучков.

В этот день авиатор М.Н. Ефимов восхитил Одессу полетом на биплане.

9 марта. В Санкт-Петербурге директор департамента духовных дел Харузин открыл Всероссийский съезд еврейских раввинов.

15 марта. Программная речь Столыпина.

16 апреля. Отправился в первое плавание из Астрахани пароход — плавучая церковь «Святитель Николай Чудотворец», предназначенный для населения, проживающего в дельте Волги и в северо-восточной части Каспийского моря.

20 апреля. Торжества в Киеве: в Полоцк переносятся мощи преподобной княгини Евфросинии Полоцкой.

21 апреля. Открыт Первый всероссийский съезд по борьбе с проституцией.

21 июня. Родился поэт Александр Трифонович Твардовский.

29 июня. Автомобильная гонка Москва — Ярославль.

Июнь. Первый полет самолета русской конструкции. Его достроил по собственному проекту Я.М. Гаккель.

Июль. На Новой Земле основано первое постоянное поселение русских промышленников.

16 сентября. Авиатор Васильев сумел покорить высоту 620 метров.

22 сентября. П.А. Столыпин, председатель Совета Министров, взлетел на биплане. Управлял самолетом капитан Л.М. Мациевич, эсер, член партии, давно приговорившей Столыпина к смерти.

28 октября. Уход Льва Толстого из Ясной Поляны.

31 октября. На станции Астапово, в доме начальника станции, больной Толстой слег.

7 (20) ноября. Сказав: «Оставьте меня в покое!» — умер Лев Николаевич Толстой.

11 декабря. Волжские судостроители на нижегородском съезде выступили за достройку Мариинской системы: Волжско-Камский бассейн, по их убеждению, должен соединиться с водными путями Сибири.

1911 год

24 февраля. П.А. Столыпин подал прошение об отставке.

Мартовский кризис.

2 марта. Первое выступление русского народного хора, созданного Митрофаном Ефимовичем Пятницким.

9 марта. «Вашего ухода я допустить не желаю», — написал государь П.А. Столыпину.

14 марта. Во время думских каникул подписан именной указ императора о создании земств в Западном крае, чего и добивался Столыпин. Кризис был преодолен. П.А. Столыпин приступил к разработке проекта национализации капитала — системы покровительственных мероприятий в отношении русских предприятий.

22 марта. Председателем Думы стал М.В. Родзянко.

20 апреля. «День белого цветка». По призыву Лиги борьбы с туберкулезом собирались пожертвования.

9 мая. Скончался Оптинский старец, иеросхимонах Иосиф (Литовкин).

14 мая. Первый певческий русский праздник открылся в Пскове.

29 мая. Кронштадт посетила американская эскадра.

10 июля. Начался перелет Петербург — Москва. Долетел авиатор Васильев. Упали С.И. Уточкин и Слюсаренко.

28 июля. Высочайший смотр потешных войск в Петербурге.

1 сентября. В киевском городском оперном театре выстрелом из револьвера смертельно ранен Петр Аркадьевич Столыпин. Задержан стрелявший — Дмитрий Григорьевич (Мордко Гершкович) Богров, агент Киевского охранного отделения и одновременно революционер.

4 сентября. Обретение мощей святителя Иоасафа, епископа Белгородского, скончавшегося 10 декабря 1754 года.

5 сентября. Петр Аркадьевич Столыпин скончался.

6 сентября. Среди еврейского населения в Киеве началась паника. Тысячи человек, столпившихся на вокзале, пытались покинуть город. «Союз Михаила Архангела» призвал своих членов сохранять порядок на улицах и «восстанавливать таковой в случае малейшего нарушения».

9 сентября. Похороны П.А. Столыпина в Киево-Печерской лавре.

12 сентября. Повешен Мордко Богров, убийца П.А. Столыпина.

22 сентября. На памятник П.А. Столыпину в Москве (стоимостью в 100 тысяч рублей) объявлен всероссийский конкурс.

Глеб Евгеньевич Котельников создал первый ранцевый парашют, которым теперь пользуются во всем мире.

Время всевозможных пожертвований. В декабре частные лица пожертвовали: городской голова Томска Некрасов — 50 тысяч рублей капитала и два дома в 300 тысяч рублей на сельскохозяйственный институт его имени; граф Тышкевич — 300 тысяч рублей землей и деньгами на аграрную школу для детей всех вероисповеданий; граф Воронин в Москве завещал участок земли стоимостью в 300 тысяч рублей на богадельню; на содержание богадельни имени Солодникова 315 тысяч рублей передали Москве его наследники.

1912 год

17 января. Государь пожаловал Софье Андреевне Толстой пенсию в 10 тысяч рублей.

3 февраля. Скончался равноапостольный Николай, архиепископ Японский (Касаткин).

18 февраля. Американский банкир Яков Шифф призвал к сбору денег на подготовку революции в России.

22 марта. Неизвестное лицо пожертвовало 200 тысяч рублей на создание клиники им. Н.И. Пирогова при психоневрологическом институте в Петербурге.

4 апреля. Ленский расстрел. Рабочие ленских приисков объявили забастовку. Повод — низкое качество завозимого мяса. Управление компании вести переговоры отказалось и, опасаясь беспорядков, запросило помощи у правительства. Были присланы войска под командой жандармского капитана Трещенкова. Эти войска и открыли огонь, когда рабочие окружили административный корпус, пытаясь принудить администрацию к выполнению их требований. Убито 270, ранено 250 человек. Этот расстрел послужил толчком к усилению революционного подъема в России. В стачках протеста и митингах участвовало около 300 тысяч человек.

9 апреля. В Государственную Думу внесен запрос о ленских событиях.

1 мая. Бастуют рабочие Петербурга.

22 апреля (5 мая). Вышел первый номер основанной В.И. Лениным газеты «Правда». Впоследствии 5 мая отмечали как день советской печати.

22 июня. В Москве торжественно открыт памятник легендарному генералу М.Д. Скобелеву.

29 июля. В присутствии императора заложен порт им. Петра Великого на острове Карлос близ Ревеля.

Раскопки Десятинной церкви в Киеве.

11 августа. Скончался издатель Алексей Сергеевич Суворин.

14 августа. Судно «Святой Фока» покинуло Архангельский порт. Георгий Яковлевич Седов намерен добраться на собачьих упряжках до Северного полюса.

26 августа. Россия торжественно отметила 100-летнюю годовщину Бородинского сражения.

29 августа. Официальное открытие панорамы Франца Рубо «Бородинская битва» на Чистых прудах в Москве.

31 мая. В Москве на Волхонке в присутствии царской семьи открыт Музей изящных искусств имени Александра III (ныне Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина).

Экспорт масла в Англию достиг 68 миллионов рублей.

А.Ф. Керенский вступил в масонский орден. Как он пишет в своих мемуарах, ордену «удалось достичь замечательных результатов, наиболее важный из которых — создание программы будущей демократии в России, которая в значительной степени была воплощена в жизнь Временным правительством».

1913 год

16 января. Абрам Балашов изрезал в Третьяковской галерее картину И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван».

21 февраля. Торжества по случаю 300-летия Дома Романовых. В Петербург прибыл антиохийский патриарх Григорий IV.

1 апреля. Скончался Оптинский старец, схиархимандрит Варсонофий (Плиханков).

12 мая. Канонизирован патриарх Гермоген.

16 июля. Началась разработка нефти на Сахалине.

25 июля. Перелет воздушной флотилии из пяти самолетов Севастополь — Евпатория — Симферополь и обратно.

29 июля. Петербуржец А.А. Алехин выиграл первый приз международного шахматного турнира.

С Афона в Одессу двумя пароходами вывезены монахи — более 800 человек, приверженцы осужденного Синодом имяславия. Секта имяславцев утверждала, вопреки официальному православию, что человек может славить только имя Господа, а не его самого.

20 августа. Первая российская олимпиада открыта в Киеве.

27 августа. Поручик Петр Николаевич Нестеров на самолете «Ньюпор» впервые совершил мертвую петлю, названную «петлей Нестерова».

Август. Судно «Святой Фока» подошло к земле Франца-Иосифа. Отсутствие угля заставит Г.Я.Седова остаться на вторую зимовку.

6 сентября. Открыт памятник П.А. Столыпину в Киеве.

22 сентября. В Саратове открыт музей памяти П.А. Столыпина.

17 октября. Бастуют рабочие в Петербурге и Риге.

28 октября. Завершение в Киеве суда, рассматривавшего дело Менахема Менделя Бейлиса, обвиняемого в убийстве мальчика-христианина Андрея Ющинского. Под давлением общественного мнения голоса суда присяжных разделились поровну, и Бейлис не был осужден. После революции все присяжные были расстреляны в киевской ЧК по приказу Льва Давидовича Троцкого.

18 декабря. В Севастополе освящен Александро-Михайловский авиационный лагерь.

В Москве открыта первая национальная выставка икон. «Мы испытываем, — сказал по поводу этой выставки князь С.Н. Трубецкой, — то смешанное чувство, в котором великая радость сочетается с глубокой душевной болью».

В 1913 году валовой сбор зерна в России составил 765 миллионов центнеров. Было вывезено за границу 96,5 миллиона центнеров.

Потребление мяса на душу населения: в Москве — 87 килограммов в год, Петербурге — 94, Воронеже — 148. В среднем по стране в городах России — 88 килограммов в год.

1914 год

Грандиозной победой русских войск под Ардаганом и Сары-камышем (потери турок — 70 тысяч) завершилась Сарыкамышская операция русской Кавказской армии.

Началось строительство железнодорожной магистрали Туркестан — Сибирь (Турксиб), завершенное уже после революции.

Отдельным изданием вышел в свет труд Павла Александровича Флоренского «Столп и утверждение Истины».

2 февраля. Больной цингой Г.Я. Седов и два матроса с его корабля на трех собачьих упряжках отправились на Северный полюс.

12 февраля. Авиатор Игорь Иванович Сикорский установил мировой рекорд: на самолете «Илья Муромец» с 16 пассажирами поднялся на высоту более чем в полторы версты. Насколько был популярен авиатор, свидетель-

ствует факт, что была даже создана опера «Летчик Сикорский».

25 апреля. Всеобщая забастовка в Петербурге.

1 мая. Забастовки по всей России.

11 мая. В Москве открыты мощи святителя Гермогена.

Штабс-капитан П.Н. Нестеров перелетел на военном самолете из Киева в Петербург.

15 июня. Террорист Гаврила Принцип убил в Сараеве эрцгерцога Франца Фердинанда.

22 июня. Секретная встреча высокопоставленных лиц австрийского и германского правительства. Обсуждались действия в связи с убийством в Сараеве.

2 июля. Австрийский барон фон Визнер, направленный в Сараево для расследования обстоятельств убийства (Босния была тогда славянской провинцией Австрии), доложил, что не обнаружил никаких свидетельств о причастности Сербии к убийству эрцгерцога.

7 июля. Президент Французской республики Раймон Пуанкаре, премьер-министр и министр иностранных дел Рене Вивиани на борту французского линкора прибыли в Кронштадт. Здесь они перешли на царскую яхту, которая доставила их в Петергоф.

10 июля. Завершился официальный визит французской делегации в Россию. Французский президент и премьер-министр вернулись на линкор и направились в Скандинавию.

В этот же день, 10 июля, правительство Австрии вручило Сербии ультиматум. В течение 48 часов сербское правительство должно было сменить некоторых своих официальных представителей и принести извинения за убийство эрцгерцога в Сараеве.

10 июля. Ответная нота правительства Сербии. Сербия не могла согласиться на вмешательство Австрии в свои административные и юридические функции, и тем более не могла принести извинений, ибо это значило бы признание участия Сербии в убийстве эрцгерцога.

Ответная нота не удовлетворила Австрию.

15 июля. Австрийцы подвергли Белград артиллерийскому обстрелу.

16 июля. Указ, подписанный Николаем II, о всеобщей мобилизации. Военная разведка докладывала о концентрации германских вооруженных сил на границе с Россией.

17 июля. Телеграфные переговоры Николая II и кайзера Вильгельма.

Приказ о всеобщей мобилизации отменен. Отдан приказ о частичной мобилизации.

18 июля. После новых, угрожающих России действий Германии и Австрии снова отдан приказ о всеобщей мобилизации.

11.30. Командующий Балтийским флотом адмирал А.М. Эссен сообщил по радиотелеграфу о постановке минных заграждений.

Вечером. Германский посланник граф Пурталес «со слезами на глазах» поставил министра иностранных дел С.Д. Сазонова в известность, что с полуночи Германия находится в состоянии войны с Россией.

20 июля. Обнародован манифест об объявлении войны Германии. Перед Зимним дворцом большая патриотическая демонстрация.

24 июля. Австрия объявила войну России.

1(14) августа — 2(15) сентября. Восточно-прусская операция.

5(18) августа. Начало Галицийской битвы. Войска Юго-Западного фронта отразили наступление четырех австро-венгерских армий в Галиции и Польше и отбросили их за реки Сан и Дунаец, создав угрозу вторжения в Венгрию и Силезию.

7 августа. Гумбиннен-Гольдонское сражение (близ современного города Гусева в Калининградской области).

17 августа. Немецкие войска неудержимо наступали на Париж. Ими уже была занята Бельгия. Скорость их продвижения составляла около 30 километров в день.

18 августа. Санкт-Петербург переименован в Петроград.

21 августа. В 11 часов утра разъезды 12-й кавалерийской дивизии вошли в город Львов.

22 августа. Армия генерала А.А. Брусилова взяла Галич.

24 августа. Ночью, почти без потерь, войска генерала А.А. Брусилова взяли Миколаев.

26 августа. В воздушном бою в районе г. Жолква под Львовом, впервые применив таран, погиб Петр Николаевич Нестеров — летчик, заложивший основы высшего пилотажа.

4 сентября. Новая постановка оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») в Большом театре. Из «политических» соображений сцену убийства Сусанина поляками изъяли.

12 (25) сентября. Начало Варшавско-Ивангородской операции русских армий. Войска Юго-Западного и Северо-Западного фронтов остановили наступление 9-й германской и 1-й австро-венгерской армий на Варшаву, а затем к 26 октября (8 ноября) отбросили их на исходные позиции.

14 сентября. Образован «Татьянинский комитет». Организация, которую возглавила

16-летняя дочь Николая II, взяла на себя заботу о беженцах.

16 октября. Обстреляв Феодосию, Турция вступила в войну с Россией.

За 150 тысяч рублей «Эрмитаж» приобрел полотно Леонардо да Винчи «Мадонна с младенцем». За 250 тысяч рублей приобретено 700 полотен голландских и фламандских художников из коллекции П.П. Семенова-Тян-Шанского.

1915 год

Изменение немецкой стратегии. Обеспокоенная поражениями на русском фронте Германия перешла на Западе к оборонительной войне и перебросила свои армии для наступления на Восток, чтобы вывести Россию из войны.

6 марта. Встреча доктора Александра Гельфанда (Парвуса) в Берлине с германским канцлером. Парвус просил оказать финансовую помощь Российской социал-демократической партии. Он познакомил канцлера с набросками плана революции в России и, получив 2 миллиона германских марок, уехал в Цюрих к В.И. Ленину.

19 апреля. Горлицкий прорыв австро-германских сил.

22 апреля. Немцы впервые применили на Западном фронте удушающие газы.

27 апреля. Начало отступления русского Юго-Западного фронта.

31 мая. Первая газовая атака, примененная немцами на русско-германском фронте. Произошла на речке Равка у Воли Шидловской.

В России сразу же началась разработка защитных средств от нового оружия. Уже через месяц Николай Дмитриевич Зелинский на заседании противогазовой комиссии при Русском техническом обществе в Петрограде доложил о создании угольного противогаза.

8 июля. Торжественные молебствия по всей России о даровании победы. Крестные ходы.

Август. Начало наступления немцев на Виленском направлении.

Против России сосредоточено 107 австро-германских дивизий — более половины всех сил противника (тогда как в начале войны было лишь 49 дивизий).

22 августа. Николай II принял Верховное командование над армией.

23—24 августа. Циммервальдская конференция социалистов-интернационалистов. Призыв Ленина к рабочим воюющих стран начать гражданскую войну за завоевание политической власти.

25 августа. В Государственной Думе образован «прогрессивный блок», руководимый П.Н. Милюковым, С.И. Шидловским и В.В. Шульгиным.

Октябрь. Фронт стабилизирован. Русские войска закрепились на линии Рига — Двинск — Барановичи—Дубно.

В 1915 году в России работало 122 тысячи школ, в которых обучалось 8 миллионов учащихся.

1916 год

«Министерская чехарда» (выражение В.М. Пуришкевича).

19 января. Место отправленного в отставку И.А. Горемыкина на посту Председателя Совета Министров занял ставленник Г.Е. Распутина — Б.В. Штюрмер, считавший, что Россия должна заключить мир с Германией и выйти из войны.

Забастовка на Путиловском заводе.

18 февраля. «В империи имеется до 900 миллионов пудов избытка главнейших хлебов», — сказал министр земледелия А.Н. Наумов, выступая перед депутатами Государственной Думы. Это была третья часть годовой потребности. Россия — единственная из стран, участвовавших в Первой мировой войне, так и не ввела продуктовых карточек. Продуктов было достаточно.

Издана первая книга С.А. Есенина «Радуница».

21 апреля. Арестован по обвинению в государственной измене бывший военный министр В.А. Сухомлинов.

22 мая. На рассвете начался артиллерийский обстрел австрийских позиций на Юго-Западном фронте.

23 мая. К исходу дня атакующие корпуса 8-й армии прорвали оборону австрийцев. Начался Брусиловский прорыв.

25 мая. Взяты города Луцк, Язловец. Захвачено около 40 тысяч пленных.

28 июля. Взят город Станислав и освобождена вся Буковина.

31 июля (13 августа). Завершился прорыв войск Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А. Брусилова. За два с половиной месяца боев противник потерял более одного миллиона ранеными и убитыми, около полумиллиона австрийских солдат было взято в плен. Русские войска потеряли около полумиллиона ранеными, убитыми и пропавшими без вести.

9 августа. Уволен со своего поста министр иностранных дел С.Д. Сазонов, ориентировавшийся на продолжение войны в союзе с Англией и Францией. Его портфель отдан Б.В. Штюрмеру.

Начало работы «думской» комиссии по борьбе с немецким засильем.

14 августа. Румыния объявила войну Австро-Венгрии.

Осень. Успешное наступление французских войск генерала Нивеля под Верденом.

21 октября (3 ноября). Совещание военных руководителей Антанты в Шантильи. Третий год войны должен стать годом решающей победы.

1 ноября. Открытие зимней (последней) сессии Думы. Стараясь не допустить заключения мира России с Германией, П.Н. Милюков произнес речь, послужившую, по его собственному признанию, «штурмовым сигналом к революции». Прогрессивный блок устами своего лидера обвинил императрицу в измене.

10 ноября. В.В. Штюрмер освобожден от занимаемого поста. Председателем Совета Министров назначен А.Ф. Трепов.

19 ноября. В.М. Пуришкевич, выступая в Думе, обвинил Г.Е. Распутина в измене России.

8—9 декабря. Полиция разогнала съезд Союзов земств и городов. Запрещен съезд кооператоров, занимавшихся продовольственным снабжением.

В Петрограде раскрыто «паспортное бюро» большевиков, изготовлявших фальшивые документы для революционеров.

17 декабря. Ночью Григорий Распутин убит В.М. Пуришкевичем, Ф.Ф. Юсуповым и великим князем Дмитрием Павловичем.

18 декабря. Ночью вооруженные печатники захватили типографию Альтшуллера и набрали номер газеты «Пролетарский голос».

25 декабря. «Император... отрекся внутренне», — записал французский посол М. Палеолог после встречи с Николаем II.

27 декабря. А.Ф. Трепов смещен. Совет Министров возглавил князь Н.Д. Голицын.

1917 год

Год великой русской смуты.

15 января. Разработан план размещения в Петрограде войск для совместных действий с полицией на случай беспорядков.

31 января. Арестована вся Рабочая группа — «преступная организация, стремящаяся к... установлению социалистической республики».

Февраль. Демонстрации и забастовки в Петрограде. Перебои с поставками хлеба. За январь — февраль в России состоялось 1140 политических забастовок.

23 февраля. Всеобщая стачка. После митингов на заводах 128 тысяч рабочих вышли на улицы.

25 февраля. Многотысячный митинг возле памятника Александру III на площади у Николаевского вокзала. Убит полицейский офицер. Полиция тоже открыла огонь и разогнала толпу.

Две телеграммы Николаю II. От генерала Хабалова, командующего войсками Петроградского военного округа: «...Движение носит неорганизованный, стихийный характер, наряду с эксцессами противоправительственного свойства буйствующие местами приветствуют войска...» От императрицы: «Совсем нехорошо в городе».

26 февраля. Волнения в промышленных районах. На Выборгской стороне и на Васильевском острове громят булочные.

Петроградские власти запросили у Николая II помощи, чтобы подавить бунт.

27 февраля. Революция. Утром начался мятеж в резервных батальонах гвардейских частей.

Отозванные с фронта части под командованием генерала Н.И. Иванова прибыть в столицу из-за саботажа на железной дороге не смогли. Правительство князя Н.Д. Голицына перестало существовать.

Образование Временного комитета членов Государственной Думы во главе с М.В. Родзянко и Петроградского совета рабочих депутатов. Двоевластие. «Твердыни русского царизма пали... Столица в руках восставшего народа», — говорилось в манифесте РСДРП.

28 февраля. Николай II выехал из Могилева, где располагалась ставка, в Царское Село.

1 марта. Приказ № 1 Петроградского совета. Предельная политизация армии, введение в ней двоевластия. Начало стремительного развала воюющей армии.

2 марта. Образовано Временное правительство под председательством князя Г.Е. Львова. В царский поезд, задержанный возле Пскова, поступили телеграммы от всех командующих фронтами и флотами: «...войну можно продолжать лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича», — писал генерал-адъютант М.В. Алексеев, подытоживая мнения всех командующих.

Николай II подписал требуемое отречение, но уже вечером изменил его. Он отрекался от престола в пользу своего брата Михаила, а не сына, цесаревича Алексея. «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом трусость и обман».

Явление иконы Божией Матери «Державная» в селе Коломенском под Москвой. Царица Небесная была изображена на этой иконе как Царица земная. Икону эту увидела во сне крестьянка деревни Починок Евдокия Андрианова. Она разыскала церковь, в которой никогда не бывала раньше, и рассказала о своем сне настоятелю церкви отцу Николаю. Так и была обретена эта икона в подвале церкви. Она была совершенно черной, но когда икону внесли в церковь и промыли от многолетней пыли, все увидели Царицу Небесную в Царской короне. Богоматерь держала в руках скипетр и державу, а Богомладенец благословлял народ.

ЛИТЕРАТУРА К I—II ЧАСТЯМ

Аксаков К.С. Сочинения исторические. Т. 1. — М., 1889.

Александров А.В. Жуковский — воспитатель. — СПб., 1912.

Анисимов Е.В. Время петровских реформ. — Л.: Лениздат, 1989.

Барсов Т.В. О собрании духовных законов. — СПб., 1898.

Барсов Т.В. Святейший синод в его прошлом. — СПб., 1896.

Барятинский В.В. «Царственный мистик» (Император Александр I — Федор Кузьмич) / Репринт 1912 г. — Л.: «СКАЗ», 1990.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1—2. — М., 1952—1954.

Беляев И.С. О штрафе за русское платье при императоре Петре Великом. — ЧОИДР, 1894. Кн. 1. Отд. 5. С. 1—6.

Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742 гг. — М., 1946.

Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги русского купечества. — СПб., 1823.

Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. — СПб.: БЛИЦ, 1997.

Бецкой И.И. Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества. — СПб., 1879.

Богданович А.В. Три последних самодержца. — М., 1924.

Богословский А.М. Сборник законов о расколе. — М., 1881.

Богословский М.М. Петр I. Материалы к биографии. Т. 1. — М.,1940.

Бондарь С.Д. Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль, субботников и иудействующих. — Пг., 1916.

Бороздин А.К. Очерки русского религиозного разномыслия. — СПб., 1905.

Бороздин А.К. Протопоп Аввакум. — СПб., 1900.

Буганов В. Петр Великий и его время. — М., 1989.

Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. — Л., 1984.

Буранов Ю., Хрусталев В. Гибель императорского дома. — М.: Прогресс, 1992.

Бурышкин А.П. (Бурымкин П.А.) Москва купеческая. — New York, 1954.

Валаамский монастырь и его подвижники. — СПб., 1903.

Валлоттон А. Александр I. — М., 1991. С. 156—227.

Варадинов Н. История распоряжений по расколу. — СПб., 1863. (История Министерства внутренних дел. Т. 8.)

Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. — М., 1962.

Верный Х. Подпись сатаны. — «Голос России», № 73, 1958.

Вильтон Р. Последние дни Романовых. — Берлин, 1923.

Виноградов В. О задачах стилистики. Наблюдение над стилем «Жития протопопа Аввакума». «Русская речь». Сборник статей под ред. Л.В. Щербы. (Труды фонетического института практического изучения языков, в. 1.) — Пг., 1923.

Виноградов В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления. — ТОДРЛ, т. 14, 1958.

Воспоминания о высочайших происшествиях великого государя Петра I, коими осчастливили край, составляющий ныне Олонецкую губернию. — Петрозаводск, 1841.

Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно. — СПб., 1906.

Ганусовский Б. Судьба останков Царской Семьи. — «Знамя России», № 147.

Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. — М.: Изд-во МГУ, 1988.

Герцен А. Полн. собр. соч. — М., 1957. Т. 12. С. 367, 368.

Глинский Б.Б. Царские дети. / Репринт 1912 г. — Курск, 1990.

Годы учения Александра Николаевича. Т.1—2. — СПб., 1880.

Голиков И.И. Деяния Петра Великого. — М., 1788—1789. 12 т.; М., 1790—1787. 18 т.; М., 1837—1843. 15 т.

Гордин Я.А. Меж рабством и свободой: 19 января — 25 февраля 1730 года. — СПб.: Лениздат, 1994.

«Государь Император Николай II Александрович». Сборник памяти 100-летия со дня

рождения». — Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1968.

Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. II. —М., 1954.

Греч Н. Записки о моей жизни. —М.: Книга, 1990.

Гурвич Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. — Ученые записки Юрьевского университета. 1915. Т. 23. № 11.

Гусев В.Е. Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. 13, 1957.

Гусев В.Е. «Житие» протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII в. (Постановка вопроса). — ТОДРЛ, т. 14, 1958.

Дашкова Е.Р. Литературные сочинения / Сост. Г.Н. Моисеевой. — М.: Правда, 1990.

Два монарха и таинственный старец Феодор Козьмич. — М.: «Скит», 1992.

Дело Феофана Прокоповича. — ЧОИДР, 1862. Кн. 1. С. 1—92.

Демкова Н.С. Житие протопопа Аввакума, Творческая история произведения. — Л., 1974.

Демкова Н.С. Творческая история Жития протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т.25. 1970.

День за днем. Дневник православного священника./ Репринт с 1915 г. — М.: АО «Форма-Пресс», 1997.

Детство, воспитание и лета юности русских императоров. Сост. И.Н. Божерьянов. — ИПБ, 1915.

Дитерикс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Части I—II. — М.: Скифы, 1991.

Екатерина II. Сочинения / Сост. В.К. Былинина и М.П. Одесского — М.: Современник, 1990.

Есипов Г.В. Освобождение царицы Евдокии Федоровны. — Русский вестник, т. 28.

Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия. — СПб., 1861—1863. 2 т.

Есипов Г.В. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. — М., 1861.

Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. — Мюнхен, 1923. 2 т. (то же. М., 1993. 2 т.).

Жильяр П. Царская Семья. — «Русск. Лет.» — 1, 1921.

Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха. — СПб., 1863; 2-е изд. 1884; 4-е изд. 1893.

Жмакин В. Начало единоверия (1780—1796). — ХЧт. 1900. Ч. 2. С. 979—1004.

Журнал министерства народного просвещения. Сентябрь, 1881.

Забелин И.Е. Государев двор, или дворец. — М.: Книга, 1990.

Записки Екатерины II. — М., 1989. С. 562—567.

«Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея». — СПб., 1909.

Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. — М., 1960.

Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. — М., 1964.

Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. В 3-х ч./ Репринт с изд. 1931, 1934, 1938 гг. — М.: Ладомир, 1995.

Ивановский Н. О численности раскольников. — ПС., 1867. Ч. 2. 8. С. 257—302.

Из дневника Николая II. На крутом переломе. — М., 1984. С. 440.

Иконников В.С. Опыт русской историографии. — К., 1891—1908. 2 т.

Имп. Петр Великий и деятельность Его в Олонце. 1873.

Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. — Новосибирск, 1984.

История царствования императора Александра I и Россия в его время. Том 1. — СПб., 1869.

Казанская история. — М.—Л., 1954.

Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1—2. 1909, 1912. — М., 1996.

Каптерев Н.Ф. Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским православием 1669—1707 гг. — М., 1895.

Карташов А.В. К вопросу о православии Феофана Прокоповича. Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко. — СПб., 1913. С. 212—228.

Кириллов И.А. Третий Рим: Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. — М., 1914.

Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. — М., 1909.

Кобеко Дм. Цесаревич Павел Петрович. 1754—1796 гг. Историческое исследование. — СПб., 1882.

Кожинов В.В. Художественный смысл «Жития» Аввакума. — В кн.: «Происхождение романа». — М., 1963.

Комарович В.Л. и Лихачев Д.С. Протопоп Аввакум. — В кн.: «История русской литературы», т. II, ч. 2. — М.—Л., 1948.

Корсаков Д.А. Воцарение Анны Иоанновны. — Казань, 1880.

Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. — М.: Книга, 1989.

Костомаров Н.И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. — В кн.: Костомаров Н.И. Собрание сочинений, кн. V, т. 13. — СПб., 1905.

Костомаров Н.И. Царевич Алексей Петрович. Древняя и новая Россия. 1875.

Коялович М.О. Лекции по истории Западной России. — М., 1864.

Кристенсен С.О. История России XVII в. Обзор исслед. и источников: Пер. с дат./ Вступ. ст. и общ. ред. В.И. Буганова. — М.: Прогресс, 1989.

Кузьма Минин — Дмитрий Пожарский: Сборник. Авт., сост. В.А. Шамшурин. — М.: Новатор, 1997.

Курлов П. Гибель Императорской России. — Берлин, 1923.

Кюстин А. Николаевская Россия: Пер. с фр. — М.: Политиздат, 1990.

Лавровский Л. «Несколько сведений для биографии Паисия Лигарида, митрополита газского». — Христианские чтения, 1889, №11—12.

Лихачев Д.С. Перспектива времени в «Житии» Аввакума. — В кн.: «Поэтика древнерусской литературы». — Л., 1971.

Лопухин А.П. История христианской Церкви в XIX в. / Ред. А.П. Лопухин. — СПб., 1900—1901. 2 т.

Любош С. Последние Романовы. — Л.—М., 1924. С. 483, 484.

Мавродин В.В. Рождение новой России. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.

Максимов С. Бродячая Русь Христа ради. — СПб., 1877; 2-е изд. 1907.

Малышев В.И. Заметка о рукописных списках «Жития протопопа Аввакума» (материалы для библиографии). — ТОДРЛ, т. 8, 1951.

Малышев В.И. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРЛ, т. 9, 1953.

Малышев В.И. Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов. — ТОДРЛ, т. 10, 1954.

Малышев В.И. Две заметки о протопопе Аввакуме. — В кн.: «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв.». — М.-Л., 1959.

Материалы для истории раскола за первое время его существования. Изд-во Н.И. Субботина. Т. 1—9. — М., 1874—1895 гг.

Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствия. — СПб., 1896.

Мейер И. Как погибла Царская Семья. — «Согласие».

Мельгунов С.П. Религиозно-общественные движения XVII—XVIII вв. — М., 1922.

Мельгунов С. Судьба Имп. Николая II после отречения. — Париж, 1957.

Миллер Л. Царская семья — жертва темной силы. — Мельбурн, 1998.

Моран П. Павел I до восшествия на престол. 1754—1796. — М., 1912.

Мякотин В.А. Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. Биогр. очерк. — СПб., 1893.

Надеждин Ф. Император Николай I и его воспитание. — 1896.

Нартов А.К. Рассказы о Петре Великом. (Под ред. Л.Н. Майкова.) — Записки Академии наук. 1897. Т. 67.

Наука побеждать. — М., 1984.

Непотребный сын. Дело царевича Алексея Петровича. Сост. Р.И. Беккин. — СПб.: Лениздат, 1996.

Николаев К. Голгофа Имп. Николая II, Его Семьи и России. — «За Право и Правду», № 5.

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования. — СПб., 1912. 2 т.; 2-е изд. 1914. 2 т.

Никольский В.К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума. Ученые записки Института истории, т. 2. — М., 1927.

Никоновская летопись. — Полное собрание русских летописей, т. 9—13. — СПб., 1862—1910. — М., 1965.

Носков Н. Императрица Елизавета Петровна. Император Петр III. — СПб., 1913.

О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григория Котошихина. — СПб., 1906, Издание четвертое.

Павленко Н.И., Артамонов В.А. 27 июня 1709. — М.: Мол. гвардия, 1989.

Павленко Н. Полудержавный властелин. — М., 1990.

Палли X. Между двумя боями за Нарву. — Таллин, 1966.

Панкратов В.С. С царем в Тобольске: Из воспоминаний. / Репринт 1925. — М.: СП «Слово», 1990.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — Л., 1979.

Переписка Николая и Александры Романовых. — М.; Л., 1923—1927. Т. 3—5.

Петр Великий в его изречениях. — М.: Худож. лит., 1991.

Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. — СПб.,1887.

Письма и бумаги Петра Великого. — СПб.—Пг.; М., 1887—1977. 12 т.

Письма русских государей. Вып. 3.

Письма русских государей и других особ царского семейства (переписка Евдокии Федоровны). Ч. 2. — М.,1862.

Платонов С.Ф. Иван Грозный (1530—1584). — Пг., 1923.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории./ Репринт с 1917 г. — СПб.: «Кристалл», 1997.

Платонов С.Ф. Петр Великий: Личность и деятельность. — Л., 1926; 2-е изд. Париж, 1927.

Победоносцев К.П. Письма Александру III. — М., 1925—1926. 2 т.

Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни Петра Великого (1672—1689). — М., 1875.

Погодин М.П. Семнадцать первых лет жизни имп. Петра Великого. — М., 1879.

Погодин М.П. Суд над царевичем Алексеем. — М., 1860.

Поливектов М. Николай I. — М.,1918.

Поселянин Е. Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVII в. — СПб., 1902.

Поселянин Е. Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. — СПб., 1905.

Посошков и его сочинения. — М., 1883.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). — М.: Изд-во МГУ, 1983.

Поступки и забавы императора Петра Великого. Сообщение Майкова В.В. — 1895.

Пресняков А.Е. Московское царство. — Пг., 1918.

Пресняков А.Е. Российские самодержцы./ Сост. д.и.н. А.Ф. Смирнов. — М.: Книга, 1990.

Прошин Семен. Записки, служащие к истории его императорского высочества, благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. — СПб., 1881.

Псковская III летопись. — В кн.: «Псковские летописи», вып. 2. — М., 1955.

Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича 1890—1891. / Сост. гл. ред. С.М. Каменев. — М.: «Берегиня», 1993.

Пушкарев С. Обзор русской истории. — М., 1991. С. 247, 248.

Пыляев М. Старый Петербург. — М., 1990. С. 1—13.

Распутин Г.Е. Житие опытного странника. (Май 1907 г.)

Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. — М., 1963.

Робинсон А.Н. Аввакум и Епифаний. (К истории общения двух писателей.) — ТОДРЛ, т. XIV, 1958.

Робинсон А.Н. Творчество Аввакума и общественные движения в конце XVII в. — ТОДРЛ, т. XVIII, 1962.

Робинсон А.Н. Идеология и внешность. (Взгляды Аввакума на изобразительное искусство.) — ТОДРЛ, т. XXII, 1966.

Робинсон А.Н. Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературах конца XVI—XVII века (Иван Вишенский, Аввакум, Симеон Полоцкий). — В сб.: «Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.)». — М., 1971.

Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / Сост. Ю.А. Лимонов. — Л.: Лениздат, 1991.

Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев / Сост. Ю.А. Лимонов. — Л.: Лениздат, 1986.

Россия XVIII в. глазами иностранцев / Сост. Ю.А. Лимонов. — Л.: Лениздат, 1989.

Россия — это сама жизнь. / Сост. Р.А. Балакшин. — М.: Скан Рус, 1999.

Русский архив. №11—26, 1883.

Русский календарь на 1912 год / Ред. А. Суворин. — СПб., 1912.

Самарин Ю.Ф. Окраины России. Прага, 1869; то же: Самарин Ю.Ф. Сочинения. — М., 1890. Т. 8. С. 177—300, 419—622.

Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю.Ф. Сочинения. — М., 1880. Т. 5.

Седельников Н.М. Роковые минуты. — М., 1881.

Семевский М.И. Евдокия Федоровна Лопухина. — Русский вестник, 1850, № 9.

Семевский М. Екатерина Алексеевна. — Л., 1990.

Семевский М.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. — СПб., 1881—1901. 2 т.; 2-е изд. СПб., 1903. Т. 1.

Семевский М.И. Покровский девичий монастырь в городе Суздале — место заточения царицы Е.Ф. Лопухиной. — Русский вестник, 1860. № 12.

Семевский М.И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс, 1692—1724. Изд-во ж. «Русская старина». — СПб., 1884.

Семевский М. Царица Прасковья. 1664—1723. — М.: Книга, 1989.

Семеновский М. Царица Екатерина Алексеевна. — Л., 1990.

Симеон Полоцкий. Жезл правления. Утверждения, наказания, казнения. — М., 1666; 2-е изд. 1753.

Скрынников Р.Г. Начало опричнины. — Л., 1966.

Следственное дело Арсения Грека. — Чтения в обществе любителей духовного просвещения. — Июль, 1881.

Смирнов И.И. Иван Грозный. — Л., 1944.

Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Урядника сокольничего пути. Изд. П. Бартенев. — М., 1856.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. / Репринт 1925. — М.: Советский писатель, «Сирин», 1990.

Сочинения князя Курбского, т. 1. — Русская историческая библиотека, т. 31. — СПб., 1914.

Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров: Очерк внутренней политики имп. Анны. — М.; СПб., 1909—1910. 2 ч.

Тайна власти. — Харьков: «Фортуна-Пресс», РИП «Оригинал»; 1997.

Татищев С.С. Император Александр II, т. 1—2. — СПб., 1903.

Теффи. Распутин. — М.: Викма, 1990.

Тихомиров М.Н. Русское летописание. — М., 1979.

Трехсотлетие Дома Романовых. 1613—1913./ Репринт 1913 г. — М.: Современник, 1991.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. — СПб., 1858—1859. Т. 1—4, 6.

Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года, в двух частях. — Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997.

Феофан (Прокопович), еп. История императора Петра Великого. 2-е изд. — М., 1788 (до 1709 г.).

Филарет. Слово в день рождения великого князя Александра Николаевича. — СПб., 1835.

Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. — М.: Советский писатель, 1991.

Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. 4-е изд. — М., 1900—1901. 5 т.

Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников/ Репринт 1907 г. — М.: СП «Вся Москва», изд. объедин. «Культура», 1990.

Царские дети и их наставники. Исторические очерки Б.Б. Глинского. — СПб., 1912.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. — М.: Сретенский монастырь; «Новая книга»; «Ковчег», 1999.

Черняк Л. Словосочетания в «Житии» протопопа Аввакума. — Харьков, 1966.

Чирской Л. Детские годы царя-освободителя. — М., 1904.

Чистович И. Феофан Прокопович и его время. — СПб., 1868.

Шильдер Н.К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. — СПб., 1897—1898. 4 т.; 2-е изд. СПб., 1904—1905. 4 т.

Шульгин В. Воспоминания // На крутом переломе. — М., 1984. С. 428, 436, 437.

Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII. — Казань, 1859. Сочинения, т. 1. — СПб, 1906.

ЛИТЕРАТУРА К III—IV ЧАСТЯМ

Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге. — Красная новь. 1928. № 5.

Алданов М.А. Истоки. — М., 1991.

Андреев А.Р. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI — начало XIX века. — М.: SPSL — Русская панорама, 1998.

Андреев А.Р., Захаров В.А., Настенко И.А. История Мальтийского ордена. — М.: SPSL — Русская панорама, 1999.

Балязин В.Н. Семейная хроника. Сокровенные истории дома Романовых. — М., 1995.

Барсуков И. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. — М., 1883.

Барятинский В.В. кн. // Царственный мистик». Император Александр I — Федор Кузьмич. Л.: СКАЗ, 1990.

Бахтияров А. Бальзамирование в древности и в наше время // Популярн. литерат. медицинский журнал доктора Окса. 1910.

Берберова Н. Люди и ложи. — Нью-Йорк, 1986.

Берг Э. Краткая история Мальтийского ордена // Карнович Е.П. Мальтийские рыцари в России. СПб., 1880.

Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1997.

Бобринский А.А. Воспоминания // Каторга и ссылка. — 1931. № 3. Т.I.

Боголюбов В.А. Н.И. Новиков и его время. — М., 1916.

Болотов А.Т. Записки. — СПб., 1870—1873. Т. 1—4.

Болотов А.Т. Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла I. — М., 1875.

Брикнер А. История Екатерины Второй. В 2-х т. Репринт 1885. — М.: Современник; Товарищество Русских Художников, 1991.

Брикнер А. Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина. — СПб., 1891.

Брикнер А. Смерть Павла I. — СПб., 1907.

Буранов Ю., Хрусталев В. Гибель императорского дома. — М.: Прогресс, 1992.

Буцинский П.Н. Отзывы о Павле I его современников. — Харьков, 1901.

Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел I. — СПб., Репринт. 1914. — М., 1990.

Валишевский К. Дочь Петра Великого. — М.: ВААП-ИНФОРМ, 1989.

Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / Предисл. А. Виноградова. — М.: Современник, 1991.

Вербицкий Э.Д. Вторая попытка примирения дворянской России и буржуазной Франции. Переговоры о мире и союзе (сентябрь 1800 — март 1801) // Ежегодник научных работ. Вып. 1961 г. — Херсон: Херсонский сельскохозяйственный ин-т, 1961.

Вербицкий Э.Д. К вопросу о ближневосточной политике России на рубеже XVIII—XIX вв. (О Проекте русско-французского союза и раздела Оттоманской империи Ф.В. Ростопчина) // Колониальная политика и национально-освободительное движение: Из новой и новейшей истории Балкан, Ближнего и Среднего Востока. — Кишинев, 1965.

Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1916.

Военский К. Бонапарт и русские пленные во Франции (1799—1801). Эпизод из истории франко-русских отношений в конце XVIII и начале XIX в. — СПб., 1906.

Волков А.А. Около Царской семьи. — Париж, 1928.

Восстание декабристов. Материалы. Т. 1—18. — М., 1925—1986.

Вяземский П.А. Записные книжки 1813—1848. — М., 1963.

Гейкинг К.Г. Дни императора Павла. Записки курляндского дворянина. — СПб., 1907.

Герингер М.Ф. Мемуары обер-камерфрау императрицы Александры. — М.,1900.

Гессен Ю.И. Евреи в масонстве, — СПб., 1903.

Гессен Ю.И. История еврейского народа в России. Москва—Иерусалим, 1993.

Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи. (Август 1918 — февраль 1920). Сост. Н.Г. Росс. — Посев, 1987.

Глаголев В.С. Характер и подвиг святителя. // Тальцы, № 1(5). 1999. Специальный выпуск, посвященный памяти святителя Иннокентия (Вениаминова).

Глинский Б.Б. Царские дети и их наставники. — СПб.; — М., Т-во М.О. Вольф, 1912.

Головкин Ф. Двор и царствование Павла I. СПб., 1912.

Гордин Я.А. Меж рабством и свободой: 19 января — 25 февраля 1730 года. — СПб.: Лениздат, 1994.

Гордин Я.А. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. — Л.: Лениздат, 1989.

Горский С. Смерть Павла I. — М., 1912.

Греч Н.И. Записки о моей жизни. — СПб., 1886.

Громыко М.М. Мир русской деревни. — М., 1991.

Грот Я.К. Екатерина II в переписке с Гриммом. — СПб., 1879.

Дашкова Е. Записки. Л.: Наука, 1985.

Дашкова Е.Р. Литературные сочинения / Сост. Г.Н. Моисеева. — М.: Правда, 1990.

Два доноса в 1831 г. Всеподданнейшие письма кн. А.Б. Голицына и М. Магницкого имп. Николаю I об иллюминатах // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1—3.

Дворжицкий А.И. Воспоминания // Исторический вестник. 1913. Т.1.

Декабристы. Биографический справочник. — М.: Наука, 1988.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. — Париж, 1922.

Державин Г.Р. Записки Державина. — М., 1860.

Династия Романовых в письмах митрополита Филарета // Архивные находки. — М., 1999.

Дитерикс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале: Ч. 1 и 2. — М.: Скифы, 1991.

Дневник Николая Романова // Красный архив. 1927. №№ 1—3.

Дневник православного священника. День за днем. Репринт 1909 г. — М.: АО «Форма-Пресс», 1997.

Дневник событий с 1 марта по 1 сентября 1881 года. — СПб., 1882.

Екатерина II. Сочинения. / Сост. К. Былинин и М.П. Одесский. М.: Современник, 1990.

Жевахов Н.Д., князь. Воспоминания. М., 1993. Кн. 1—2.

Жизнь Павла Первого, императора и самодержца всероссийского. — М.,1805.

Жизнь, свойства, военные и политические деяния российского императора Павла I. — СПб., 1805.

Жильяр П. Император Николай II и его семья. — Вена, 1921.

Житие Авеля прорицателя. — Коломна, 1995.

Жихарев С.П. Записки современника. — М.—Л., 1955.

Захарова А.Г. Александр II // Романовы. Исторические портреты. — М., 1997.

Змиев Л.Ф. Русские врачи-писатели. — СПб. Т.I. 1886.

Из донесения английского посла лорда Стрэнгфорда. «Россия и Англия в начале царствования Императора Николая I, // Русская старина. 1907. № 9.

Избранные труды святителя Иннокентия, Митрополита Московского, апостола Сибири и Америки. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 1997.

Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. Сб. статей. — СПб.: «Культинформпресс», 1995.

Император Павел I по Шильдеру и воспоминаниям современников. — — М., 1907.

Исаков В.Д., Бабаханян Р.В., Матышев А.А, Катков И.Д., Гальцев Ю.В., Апполонов А.Ю. Судебно-медицинская экспертиза взрывной травмы. — СПб., 1997.

Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. — Пг., 1916.

Ковалевский П.И. Император Петр III, император Павел I. (Историко-психиатрический очерк) // Вестник душевных болезней. 1904, март; Он же. Император Петр III, император Павел I. — СПб., 1906.

Кончина российского императора Павла I, характер нового императора Александра I, внутренние перемены, новое положение во всей Европе. — М., 1802.

Кропоткин П.А. Записки революционера. — М.: Мысль, 1990.

Кюстин А. Николаевская Россия: Россия в 1839 году. Пер. с фр. — М.: Политиздат, 1990.

Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762—1914. — М., 1995.

Лосский Н.О. Характер русского народа. — Франкфурт-на-Майне, 1957.

Малькомес К. Правда о кончине Александра II. Из записок очевидца. — Штутгарт, 1912 (репринтное издание. Л., 1990).

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. — М.: Мысль, 1988.

Маркус Д. Ф. Последние минуты жизни императора Александра II. Александр Второй. Воспоминания. Дневники. — СПб., 1995.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. — М.—Л., 1926.

Мезенцева Е.В. «Индийский проект» Наполеона и Россия // Проблемы отечественной истории. Материалы научной конференции. Сентябрь 1993 г. — Волгоград, 1994.

Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения. — Париж, 1951.

Мемуары князя Адама Чарторыжского. — М., 1912.

Меньшиков М.О. О нем. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии // Российский архив. — М., 1993. Т. 4.

Миллер Л. Царская семья — жертва темной силы. — Мельбурн, 1998.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. — СПб., 1896—1903. Ч. 1—3.

Милюков П.Н. Россия на переломе. —Париж, 1926.

Милютин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией. Т. 1—3. — СПб, 1857.

Мордвинов А.А. Из воспоминаний. — Париж, 1925.

Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. // Мемуары декабристов. — М.: Изд-во МГУ, 1981.

Наполеон. Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный Императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте / Пер. с франц. — М., 1847.

Недописанный дневник обучения будущего императора Павла I, который вел его учитель С.А. Порошин. — М.: Фонд им. И.Д. Сытина, 1996.

Непотребный сын: Дело царевича Алексея Петровича / Сост. Р.И. Беккин. — СПб.: Лениздат, 1996.

Не прикасайтесь помазанным Моим. Летопись мироточивой иконы Царя Мученика Николая II Александровича. (Автор-сост. А.В. Дьякова). — М., — СПб., 2001.

Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1—2. — М., 1955.

Нечкина М.В. Следственное дело А.С. Грибоедова. — М., 1982.

Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. — М., 1993.

Николай II и великие князья. — М.–Л., 1925.

Нилус С.А. Великое в малом. Записки православного. Издание Троице-Сергиевой лавры, 1992.

Нилус С.А. На берегу Божьей реки. — СПб., 1996.

Окунь С.Б. История СССР. 1796—1825. — Л., 1948.

Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки — М.: Издательское общество ООО «Штрихтон», 1998.

Осьмнадцатый век. Исторический сборник. В 4-х т. Издание П.И. Бартенева. — М., 1868—1869.

Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев и документы. — Л., 1927.

Павел I. Приказы 1800 г. — СПб., 1800.

Павел Петрович, вел. кн. Словесные упражнения великого князя Павла Петровича. Собственноручная его тетрадь, сохранившаяся в бумагах С.А. Порошина. // Порошин С.А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. — СПб., 1881.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1—7. — М.–Л., 1924—1927.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции.: Пер. с фр. Репринт 1923 г. — М., 1991.

Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. Репринт 1862 г. — М.: В/О Союзтеатр, 1990.

Панкратов В.С. С царем в Тобольске: Из воспоминаний. Репринт Л., 1925. — М.: Слово, 1990.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. Тт. I—V. — М.–Л., 1923—1927.

Песков А.М. Павел I. — М.: Молодая гвардия, 1999.

Письма святых царственных мучеников. — СПб. 1998.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — СПб., 1830—1916.

Порошин С.А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича / Текст подготовил В.И. Семевский. — СПб., 1881.

Пресняков А.Е. Российские самодержцы. / Сост. А.Ф. Смирнов. — М.: Книга, 1990.

Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. — М.–Л., 1926.

Путешествие на Восток Его императорского высочества государя наследника цесаревича 1890—1891. Репринт 1893 г. — М.: Берегиня, 1993.

Пыпин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. Пг.: Огни, 1916—1918.

1 марта 1881 года: казнь императора Александра II. Сост. Кернер В.Е. — Л., 1991.

Рассказы Бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные ее внуком Д. Благово. — Л.: Наука, 1989.

Ростопчин Ф. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла. — М., 1864.

Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Л.А. Тихомиров / Под ред. Е.Н. Мощелкова. / Сост. Д.В. Ермашов, А.В. Пролубников, А.А. Ширинянц. — М.: Книжный дом «Университет», 1999.

Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Н.М. Карамзин / Под ред. А.А. Ширинянца / Сост. Д.В. Ермашов, А.В. Пролубников, А.А. Ширинянц. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001.

Саблуков Н.А. Записки генерала Н.А. Саблукова о временах императора Павла I и о кончине этого государя. — Лейпциг, 1902.

Семевский М.И. Пожалования населенных имений при императоре Павле I // Русская мысль. 1882, № 12.

Семевский М.И. Царица Прасковья. — М.: Книга, 1989.

Семевский М.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 2.

Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. — М., 1982.

Синдаловский Н.А. История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. — М.: Наука, 1997.

Скрынников Р.Г. Иван Грозный. — М.: Молодая гвардия, 1983.

Соколов Н.А. Убийство царской семьи. — М.: Советский писатель; Сирин, 1990.

Солженицын А.И. Двести лет вместе. — М.: Русский путь, 2001.

Старый Кирибей. Павловский гобелен. 200-летию со дня смерти Павла I посвящается / Сост. В.А. Захарова. — М.: Русская панорама, 2001.

Страхов Н.Н. О вечных истинах. — СПб., 1887.

Страхов Н.Н. Христианское учение о браке и противниках этого учения. — Харьков, 1895.

Татищев С.С. Император Александр II: Его жизнь и царствование: Т. 1,2. — СПб., 1911; М., 1996.

Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. — М., 1990.

Тыртов Е. Анекдоты об императоре Павле Первом, самодержце всероссийском. — М., 1807.

Федоров Н. Император Павел I. — СПб., 1913.

Фирсов Н. Император Александр I и его душевная драма. — СПб., 1910.

Фрейлина Ее Величества. Дневник и воспоминания Анны Вырубовой. Репринт 1928 г. — М.: Советский писатель, 1991.

Ходасевич В.Ф. Павел I // Ходасевич В. Державин. — М., 1988.

Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. Репринт 1907 г. — М.: СП. «Вся Москва», Изд. объединение «Культура», 1990.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. — М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999.

Шилов Д.Н. «Каменный князь». Светлейший князь П.М. Волконский при дворе двух императоров // На рубеже двух эпох. 1801—1825. 1825—1855. Тезисы докладов Второй Царскосельской научной конференции. — СПб., 1996.

Шильдер Н.К. Император Павел Первый. — М.: Чарли, 1996.

Шиман Т. Император Павел I. — СПб., 1907.

Щеголев П.Е. Алексеевский равелин. Книга о падении и величии человека / Сост. Е.В. Федотова. — М.: Книга, 1989.

Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. — М., 1908.

Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVII — начало XIX столетия. — М.: Мысль, 1982.

Эйдельман Н.Я. Дворцовый заговор 1797—1799 гг. // ВИ. 1981. № 1.

Эйдельман Н.Я. Твой восемнадцатый век. Прекрасен наш союз... — М.: Мысль, 1991.

Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина. Воспоминания. — Париж, 1927.

Содержание

ЗАВЕЩАНИЕ ПУШКИНА (вместо предисловия) ... 6

Часть первая. ЗАХАРЬИНЫ СТАНОВЯТСЯ РОМАНОВЫМИ (ПУТЬ К ВЛАСТИ) ... 10

Глава первая. «ШУРЬЁ» ... 10
Глава вторая. УБИЕНИЕ СВЯТОГО ЦАРЕВИЧА ... 21
Глава третья. «ШУРЬЁ» ПРОТИВ «ШУРЬЯ» ... 36
Глава четвертая. ПЕРВЫЙ ЦАРЬ СО ДВОРА РОМАНОВЫХ ... 46
Глава пятая. ПАТРИАРХ ТУШИНСКОГО ВОРА ... 65
Глава шестая. ПЕРВЫЙ ЦАРЬ ДОМА РОМАНОВЫХ ... 82
Глава седьмая. ОТЕЦ И СЫН ... 97

Часть вторая. ТИШАЙШАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА (ВЛАСТЬ) ... 107

Глава первая. РУССКАЯ ДОРОГА ... 107
Глава вторая. «УРЯДНИК СОКОЛЬНИЧЬЕГО ПУТИ» ... 119
Глава третья. РАСКОЛ ... 129
Глава четвертая. ПАДЕНИЕ ПАТРИАРХА ... 145
Глава пятая. РУССКИЕ СМЕРТИ ... 168
Глава шестая. ИГРУШКИ ПЕТРА ПЕРВОГО ... 181
Глава седьмая. ТРАГЕДИЯ СЕМЬИ И ИМПЕРИИ ... 195
Глава восьмая. ИМПЕРИЯ БЕЗ ИМПЕРАТОРА ... 217

Часть третья. ПЕРЕЛОМ ... 230

Глава первая. МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ ИСТОРИИ ... 230
Глава вторая. КОНСТИТУЦИОННАЯ ПОПЫТКА ... 236
Глава третья. ЗАСОХШАЯ ВЕТВЬ ... 254
Глава четвертая. БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ ... 269
Глава пятая. БРАК МЕРТВЕЦОВ ... 292
Глава шестая. ВЫБОР НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА ... 308
Глава седьмая. ПЕТР И ЕКАТЕРИНА (вторая редакция) ... 331

Часть четвертая. НОВЫЕ РОМАНОВЫ ... 353

Глава первая. ПРОРОЧЕСТВА ... 353
Глава вторая. ОТЕЦ (ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ) ... 360
Глава третья. ОТЦЕУБИЙЦА ... 389
Глава четвертая. ЦАРСКАЯ КАША ... 414
Глава пятая. ИМПЕРСКАЯ ДОРОГА ... 434
Глава шестая. ОСВОБОЖДЕНИЕ ... 459
Глава седьмая. ПОСЛЕДНИЕ ИМПЕРАТОРЫ ... 476
Глава восьмая. ИГРУШКИ РУССКИХ ИМПЕРАТОРОВ ... 494

РУССКИЙ ХРОНОГРАФ (1534—1917) 501
ПРАВЛЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО (1534—1584) 501
ПРАВЛЕНИЕ ФЕДОРА ИОАННОВИЧА (1584—1598 годы) 513
СМУТА (1598—1613 годы) 516
ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА (1614—1645 год) 523
ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА (1645—1676 годы) 531
ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА (1676—1682 годы) 542
ПРАВЛЕНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (1682—1725) 544
В ИМПЕРИИ БЕЗ ИМПЕРАТОРА (1725—1741) 565
ПРАВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ (1725—1727) 566
ПРАВЛЕНИЕ ПЕТРА ВТОРОГО (1727—1730) 567
ПРАВЛЕНИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ (1730—1740) 568
ПРАВЛЕНИЕ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ (1740—1741) 574
ПРАВЛЕНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ (1741—1761) 574
ПРАВЛЕНИЕ ПЕТРА III (декабрь 1761—1762) 581
ПРАВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ (1762—1796) 582
ПРАВЛЕНИЕ ПАВЛА I (1796—1801) 598
ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА I (1801—1825) 602
ПРАВЛЕНИЕ НИКОЛАЯ I (1825—1855) 614
ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА II (1855—1881) 627
ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА III (1881—1894) 638
ПРАВЛЕНИЕ НИКОЛАЯ II (1894—1917) 643

ЛИТЕРАТУРА К I—II ЧАСТЯМ 660
ЛИТЕРАТУРА К III—IV ЧАСТЯМ 664

Научно-популярное издание

Коняев Николай Михайлович

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Художник *А.В. Акимов*
Редактор *П.И. Руднев*
Корректор *В.А. Ластовкина*
Верстка *И.В. Резникова*
Подготовка к печати
художественного оформления *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат
№77.99.02.953.П.001857.12.03. от 08.12.2003 г.
E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 11.05.2005. Формат 70x100 1/16.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 42. Тираж 8000 экз. Заказ № 1350.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Первый тип государственного герба России первой пол. XIX в.

Второй тип государственного герба России первой пол. XIX в.

Государственный герб Руси конца XVII в.

Государственный герб Руси XVI в.

Государственный герб Руси конца XV — начала XVI в.

Орел из Кси
монастыр
451—

Государственный герб
Российской империи
1895 г.

Государственный герб
России 1799 г.

Государственный герб
Росии середины
XVIII в.

Государственный герб Руси
второй пол. XVII в.

Ксиропотамского
ыря на Афоне.
1—453 г.г.

Государственный герб Руси
первой четверти
XVII в.

Сквозь магический кристалл русской истории петербургский писатель и исследователь Николай Коняев увидел тайну расцвета династии Романовых. Лжесвидетельства, предательства, святотатства — деяния, столь характерные для первых Романовых, отражаясь в последних царствованиях, меняют свой знак, приобретают противоположные качества. Начиная с Павла I, а особенно с Николая I, происходит нравственное преображение Романовых. Последним Романовым удается преодолеть все своеволия, заменив их необходимостью исполнения своего долга.

Александр III по крови был менее русским, нежели все остальные русские императоры. И вместе с тем едва ли мы найдем среди его предшественников более русского царя. Исключение составляет только его сын — император Николай II. Это первый и единственный русский император, ставший святым...

ISBN 5-9533-0216-9

